

И. Е. Забелин

ДОМАШНИЙ БЫТ
РУССКИХ ЦАРИЦ
в XVI и XVII столетиях

Иван Егорович Забелин

Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях

Книга "домашний быт русских цариц" является вторым томом труда Забелина "Домашний быт русского народа в 16 и 17 веках" (том первый — "Домашний быт русских царей в 16 и 17 вв.)

Книга известного историка Ивана Егоровича Забелина (1820 — 1908) уникальна по объему материала и занимательности изложения. Она посвящена анализу женской личности и положению женщин, в том числе цариц, в допетровское время. Рассматривается история государевых невест и браков. Описываются нравы царского двора, образ жизни русских цариц, наряды, приёмы, забавы.

Содержание

ГЛАВА I ЖЕНСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В ДОПЕТРОВСКОМ ОБЩЕСТВЕ	0005
ГЛАВА II ГЛАВНЫЕ ЧЕРТЫ ЖЕНСКОЙ ЛИЧНОСТИ В ДОПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ	0161
ГЛАВА III ЖЕНСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПОЛОЖЕНИИ ЦАРИЦЫ	0392
ГЛАВА IV ОБРЯД ЦАРИЦЫНОЙ ЖИЗНИ, КОМНАТНОЙ И ВЫХОДНОЙ	0589
ГЛАВА V ДВОРЦОВЫЕ ЗАБАВЫ, УВЕСЕЛЕНИЯ И ЗРЕЛИЩА	0795
ГЛАВА VI ЦАРИЦЫН ДВОРОВЫЙ ЧИН	1012
#1	1012
Приворотный корень обратим	1085
Колдовство да царицын след	1092
Посмешное слово постельниц	1113
Похвальба царицыным жалованным челобитьем	1119
Обман в свадьбе царицыным жалованным словом	1125
Челобитье на поругательницу жену	1133
Дело комнатной бабки, укравшей горсть соли	1135
Царицыны дети боярские в провожатых за боярынею	1140
Царевнина карлица в гостях	1142

ГЛАВА VII ЦАРИЦЫНЫ НАРЯДЫ, УБОРЫ И	
ОДЕЖДА	1150
МАТЕРИАЛЫ	1372
#1	1372
1. КРЕСТОПРИВОДНЫЕ ЗАПИСИ	1372
2. СВАДЕБНЫЕ ПРИЕЗДЫ К ЦАРЮ БОЯР . . .	1379
3. ЦАРИЦЫНЫ ПОХОДНЫЕ РАСХОДЫ	1386
СОДЕРЖАНИЕ	1772

ГЛАВА I

ЖЕНСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В ДОПЕТРОВСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Общие черты положения женской личности в допетровском обществе. Суждение Котошихина и суждения исследователей-идилликов. Коренное начало древнерусского общества. Родовой быт. Идиллия семейно-общинного быта. Смысл рода и смысл общины. Родовая идея есть идея родительской воли — опеки. Достоинством личности было «отечество». Местничество и вече суть выражения древнерусской общественности. Существенный ее характер. — Родовая идея — воспитательница русской личности. Домострой — школа личного развития. В чем полагалась самостоятельность личности. — Основные черты характера русской личности. Господарство воли и детство воли. Общая характеристика допетровского общества.

КОТОШИХИН в известном своем сочинении «о России в царствование Алексея Михай-

ловича», рассказывает, что когда были московские послы на свадьбе у польского короля, то правили посольство и подносили свадебные дары от царя и от царицы особо королю и особо королеве. Править посольство значило исполнять его самолично пред лицом потентата. Желая в той же мере отблагодарить московского царя, и польский король посылал к царю своих послов и велел посольство править и дары подносить от себя и от королевы, дарю и царице, тоже каждому особо, так как делали наши послы в Польше. Этого, конечно требовало обычное вежество, обыкновенный этикет во взаимных сношениях двух государей. Но, справив посольство и поднеся дары царю, польские послы, *по московскому обычаю*, не были допущены к царице. «А к царице посольства править и ее видеть не допустили, говорит Котошихин; а отговорилися тем: назвали царицу больною; а она в то время была здорова. И слушал у послов посольства, т. е. обычные речи, и дары за царицу принимал царь сам». Точно тоже случилось с английским послом, приезжавшим к царю с дарами по такому же поводу в 1663 году.

Для чего так творят? вопрошает Котошихин, желая открыть иноземцам, для которых он писал свое сочинение, истинные причины этого обычая, и делая с этою целью сей достопамятный ответ.

«Для того, отвечает он, что московского государства *женский пол грамоте неученые, и не обычай тому есть, а иным разумом простоваты и на отговоры несмышлены и стыдливы: понеже от младенческих лет до замужства своего у отцов своих живут в тайных покоях, и oprичь самых ближних родственных, чужие люди, никто их, и они людей видети не могут.* И потому можно дознаться, от чего б им быти гораздо разумными и смелыми. Также как ни замуж выдут, и их потому ж люди видають мало. И только б царь в то время учинил так, что польским послом велел быть у царицы своей на посольстве; а она бы выслушав посольства собою ответа не учинила б никакого, и от того пришло б самому царю в стыд [1].

Настоящий случай, почему царица не вышла принять посольство, Котошихин объясняет не совсем верно, ибо править посольство

иноземным послам прямо пред лицом царицы строго воспрещал стародавний обычай. Послы не могли видеть царицу не потому, что царь боялся стыда от ее несмышленных, и стыдливых отговоров, а потому хоромы царицы были совсем недоступны не только иноземных послов, но и для своего народа, даже для боярства и всего двора, за исключением самых близких ей людей, обыкновенно близких ее родственников или самых доверенных слуг Двора. Но, неверно объясняя частный случай, Котошихин очень верно и вполне обстоятельно изображает вообще положение женской личности в нашем старом обществе, рисует действительность, над постепенным созданием которой усердно работали целые века и целый ряд поколений. Короткими словами, но очень живо, он рисует вместе с тем и характеристику самого общества, ибо характеристика женской личности всегда служит вполне верным изображением самого общества. Напрасно мы будем отвергать суровую, быть может слишком жесткую правду этого отзыва, приводя в доказательство некоторые имена, заявившей своею жизнью и ум-

ственную и нравственную самостоятельность женской личности; напрасно мы будем смягчать простую и может быть оттого слишком грубую и резкую силу этих неподкупных слов, указывая на некоторые идиллии, в которых выражались, иногда даже очень благодушно, семейные и общественные отношения женской личности и которые, сказать по правде, в той красоте, какая им приписывается, существуют только в воображении добрых защитников всего доброго и нравственного по форме. Ни одиночное какое-либо имя, т. е. личность, которая всегда может, при известных обстоятельствах жизни, выдвинуть себя из общего течения, даже с особенною славою; ни благодушная какая либо идиллия, которая точно также *бывает*, как и все и всегда бывает и случается в человеческой жизни, словом сказать: ни какие частные и потому случайные явления не в состоянии заслонить от нас в этих словах настоящий свет жизненной правды, настоящий свет действительной, а не воображаемой жизни. Отзыв Котошихина, оправдывается не какими либо исключительными одиночными явлениями, а всем строем

допетровского русского быта, общим положением и умоначертанием тогдашней жизни, всею нравственною стихиею общества. Некоторые исторические явления, некоторые юридические определения, придававшие женщине самостоятельный смысл, не могут колебать самой основы старых воззрений. Такие личности, как напр. Софья Витовтовна — литовка, Софья Фоминишна — гречанка, Елена Васильевна Глинская, — тоже иноземка, которые, как известно, пользовались некоторою долею женской свободы, по крайней мере иногда принимали лично иноземных послов и не прятались в своих хоромах, когда обстоятельства требовали их участия в подобных церемониях; такие личности, как иноземки, ничего не могут объяснять в отношении общей характеристики. Некоторая доля самостоятельности принадлежала им отчасти потому, что они были *чужие*, что личность их, по их иноземству и по высокому значению их рода, сама собою уже приобретала в глазах русского общества особенное, независимое положение, которое ни в каком случае не могло равнять их со *своими*, а потому и осво-

бождало некоторые их поступки от привычных ограничений женского быта. Но, воспитанные в обычаях, дававших большой простор женской личности, они, однако ж, в московском дворце, должны были жить так, как повелось исстари, т. е. должны были подчиниться тем понятиям и порядкам жизни, какие повсеместно господствовали в русской земле. А эти понятия почитали весьма зазорным всякое обстоятельство, где женская личность приобретала какой либо общественный смысл. Эти понятия признавали ее свободу и то в известной мере, в одних лишь семейных отношениях и в положениях исключительно семейного общежития. Как скоро общежитие принимало какую либо форму общественности и из домашней, семейной сферы переходило в сферу жизни публичной, тогда и обнаруживалось, что женская личность не имеет здесь своего места, что без особенного зазора в публичном общежитии она не может становиться рядом с личностью мужчины. Известная выработка идей и представлений в этом направлении привела вообще к тому, что женская личность своим появлением в обще-

стве нарушала как бы целомудрие публично-го общежития, не говоря уже о том, что собственное ее целомудрие при таком подвиге, в глазах века, погибало окончательно. Одному мужчине исключительно принадлежали интересы общественности. Он один обладал нравом жить в обществе, жить общественно. Женщине оставалась обязанность жить дома, жить семейно, быть человеком исключительно домашним, и в существенном смысле быть вместе с домом и домочадцами только орудием, средством для жизни общественного человека — мужчины.

В одном только случае самостоятельность женщины являлась законною и неоспоримою, в том случае, когда она становилась главою дома; а это могло произойти лишь при том обстоятельстве, когда, по смерти мужа, она оставалась *матерю* вдовою, т. е. вдовою — матерью сыновей. И мы видим, что *матеря* вдова в древнем русском обществе играет в некоторых отношениях мужскую роль; мы видим, что тип этой личности приобретает сильные самостоятельные черты и в общественной жизни и в исторических собы-

тиях, а след. и в народной поэзии, в былинах и песнях. Она пользуется и значительными юридическими правами.

Но матерая вдова все-таки была явлением случайным, в некотором смысле исключительным. Личность ее ни как не может служить мерою самостоятельности женской личности вообще. Матерая вдова являлась случайным представителем дома, семьи, которая стояла уже так сказать на материке, т. е. на корню, ибо сыновья всегда придавали семье именно это значение корня. Вдова бездетная, у которой не оставалось под ногами материка или корня, у которой со смертью мужа разрушалась и семья, такая вдова по убеждению века равнялась в своем значении с сиротою, и в древнейший период нашей истории вместе с сиротами, убогими, калеками и пр. и всеми беззащитными личностями поступала под покровительство церкви, причислялась к людям церковным, *богадельным*, т. е. к людям, забота об участии которых была *делом божьим*, потому что не была делом общественным. Вот почему вдова без сына почитает себя тоже сиротою. Одно это может

уже свидетельствовать, что личность женщины не имела ни малейшей *общественной* самостоятельности и как скоро выделялась из семьи, где только и сохраняла известную долю самостоятельности, то теряла и эту малую долю самостоятельного значения и приравнивалась ко всем сиротствующим, совершенно незащитным в общественном смысле, так что по необходимости переходила под опеку церкви, подававшей ей руку вместо общества, которое отрицало в женском достоинстве всякий смысл личности, имевшей какие либо общественные, а не семейные, только домашние права.

Идиллики истории очень серьезно и с подобающею ученостью, с ссылками на летописи и другие источники, с выписками подлинных текстов, доказывают, что напр. «красота жены ценилась»: Святослав женит сына Ярополка на пленнице гречанке «красоты ради лица ее»; Ольга удивляет красотой лица греческого императора; что «жена имела право на часть мужнина имения; что все заботы о детях возлагались на мать; что попечения и заботы, которые употребляла мать при воспи-

тании детей своих, давали ей в народном воззрении неоспоримое право на уважение последних; что тесная связь матери с детьми не могла не оказывать влияния на последних: характер матери явственно отражался и в детях; что девушку не стесняли в ее действиях (следуют доказательства и подтверждения о том, как девицы постригались в монахини); что дочь девица имела участие во всех событиях своей семьи; что покидая семью родительскую, при выходе замуж, девушка однако не прерывала связи с нею; что воспитанная в общем кругу родной семьи, одинаково согретая любовью отца и матери, русская женщина этого времени (до монголов), являясь женою, стоит нравственно на одном уровне с мужем. В этом лежит объяснение тех отношений, которые возникают между ними. Подружье — название жены в книжном языке, ладой зовет жена мужа в языке народном. Равна жена мужу в законе: кто убьет жену — тот же суд, как за мужа. (Здесь однако ж закон, Русская Правда, говорит вообще об убийстве женщины, а не о жене мужа). Любите жену свою, учит детей хороший отец (Владимир

Мономах, который тотчас же и прибавляет другое поученье, пропускаемое автором: *но не дайте им над собою власти*, что собственно значит: властвуйте над ними). Жена стоит рядом с мужем, живет с ним одною жизнью, разделяя радость и горе, сопутствуя ему всюду, участвуя в самых сокровенных его думах. Муж видит в ней лучшего друга, спутника жизни, поверяет ей все; что где бы ни был муж, мысль о жене не покидает его; что жена была не стеснена в своей жизни, могла действовать свободно (доказательства: Верхуслава ведет переписку с епископом Симоном, принимает большое участие в монахе Поликарпе, желая устроить его где либо епископом, вот и все); что жена могла иметь свою собственную землю, села; жена независимо от мужа могла иметь свою казну и т. д. [2]

Подобные идиллические заключения носят в сознании многих изыскателей нашей старины; но в сущности они обнаруживают только какое-то странное сомнение во всем том, что составляет существо человека, будет ли он мужчина или женщина, и что никогда не подвергалось спору, в чем ни один рассу-

дительный человек никогда и ни где не мог сомневаться. Все выводы, с таким усердием добытые из летописей, житий, грамот и т. д. сводятся к одному, что жена любила мужа, а муж любил жену; что мать любила детей, а дети любили мать; что женщина, как член семьи, пользовалась семейными правами, пользовалась известными правами как человек вообще и как член семьи в особенности. Кто же мог когда либо в этом сомневаться. История застаёт древнюю Русь именно на той степени исторического развития, когда семья составляет единственный и непосредственный узел народной жизни, когда семья составляет существо, основу народного быта; когда, следовательно, семейные добродетели являются неизбежным последствием, естественным продуктом жизни. Доказывать ученым образом, что муж любил жену, а мать любила детей, все равно, что доказывать, что и в старину жили также люди. Не в том дело имела ли женщина человек человеческие чувства, находилась ли в человеческих отношениях к отцу, к мужу, к детям; вообще, не в том дело, что именем женщины обозначался

человек женского пола; дело в том пользовался ли женский пол общественными правами наравне с мужским долом, т. е. в равной половине; была ли женская личность самостоятельна в обществе именно этою своею женскою половиною; почиталась ли женская половина необходимою и самостоятельную половиною не семьи, а самого общества; или же эта половина в сущности была только придатком к тому целому, которое выражалось лишь одною личностью мужчины; вообще: была ли женская личность самостоятельна в обществе сама по себе, как личность женщины, или же ее самостоятельность определялась только ее принадлежностью к личности мужской, как напр. значением жены мужа, матери сына и т. п.

Вот вопросы, которые возникают сами собою, когда намереваемся узнать, каково было положение женской личности в допетровской Руси. Мы, одним словом, не должны смешивать понятий и свидетельств о правах женщины, как члена семьи, какие бы ни были эти права, нравственные или юридические, с понятиями и свидетельствами о ее

правах, как члена общества. Смешение, безразличие этих понятий и производит путаницу в наших представлениях о характере и общественном положении древнерусской женщины.

Само собою разумеется, что в этом случае необходимо прежде всего узнать важнейшее обстоятельство, именно: признавало ли и могло ли признавать женщину своим членом древнерусское общество; а еще ближе, что такое было, каково было это самое общество, признавало ли оно вообще общественные права личности, почитало ли оно личность общественною единицею, самостоятельным целым, которым держится само общество; ибо самостоятельность женской личности является лишь там, где является самостоятельность человеческой личности вообще, где общество носит в своем сознании, а след. и в своем развитии самую идею личности, идеал человеческого достоинства, независимо ни от каких частных, случайных бытовых его определений.

Очень понятно, что русское допетровское общество в своем взгляде на достоинство

женской личности не могло стоять выше тех убеждений, которые господствовали вообще в средневековом европейском обществе, которые господствуют во всяком обществе младенчествующем. Точно также, как и везде, на равной степени общественного развития, русское общество определяло нравственные и общественные права женской личности ветхим и по преимуществу восточным сознанием, что лицо женщины, каково бы ни было ее положение, не есть половина, а есть все-таки, в отношении мужчины, — величина меньшая; что женщина, сравнительно с мужчиною, есть малолеток, недоросль, член общества несовершеннолетний. Сама женская природа способствовала развитию такого убеждения.

В первую эпоху человеческой жизни в понятиях и представлениях человека господствовал и управлял всею его деятельностью идеал богатыря, т. е. идеал собственной физической силы человека. В то время физическая сила была первою необходимостью для человека, а след. первым, самым высшим, почти исключительным его достоинством. В то вре-

мя, по естественным причинам, человек везде в своей деятельности должен был богатырствовать, богатырски завоевывать себе положение и побеждать природу больше силою плеча, чем силою ума. Богатырство было исходным началом его жизни, оно же стало и высшим его идеалом. Под влиянием этого-то идеала и созидались постепенно все первобытные воззрения человека: в его меру он мерил и все свои первоначальные отношения, все положения своей жизни.

Очень понятно, что, по физиологическим особенностям своей природы, женская личность не могла приравняться к этому идеалу, к этой первозданной и тогда единственной мере человеческого достоинства. Правда, что в богатырский век и она должна была носить в себе некоторые богатырские черты; но вполне сделаться богатырем ей было невозможно. Призванная природою к рождению детей и ко всем тяжким последствиям этого действия природы, каково воспитание или собственно вскармливание ребенка и т. д., женщина одним этим действием природы обрекалась уже на страдательную, вполне зависи-

мую роль пред личностью богатыря — мужчины, не говоря уже о том, что самый ее организм, сравнительно слабый и нежный, никогда не мог равнять ее физические силы с силами мужчины. Вот естественная причина, по которой богатырские воззрения первобытного человека очень легко могли воспитать в его сознании мысль о великом различии женского существа от мужского. Различие в физических силах обоих полов было слишком очевидно, а между тем богатырские силы, как мы сказали, были единою мерою человеческого достоинства, единою оценкою достоинства каждой личности. Таким образом сама природа женщины, вовсе не способная отвечать своею деятельностью первоначальным идеалам человека, указывала женской личности место, которое в отношении ее самостоятельности всегда колебалось, да и до сих пор колеблется между мужчиною и его детьми.

С богатырской точки зрения женщина — существо слабое, не только физически, но и нравственно и умственно. Она отличается детскими чертами. Она даже и создана от кости самого богатыря; она в сущности его ребен-

нок; поэтому зависимость, повиновение — вот ее идеалы, которыми она и воспитывается в течении тысячелетий, т. е. во все то время, когда в быту человеческом должен был господствовать идеал богатырский. Вообще достоинство женской личности на основании этих первоначальных идей было возведено в идеал милой жертвы, милой *хоти*, как выразилось Слово о полку Игоревом. Соответственно этому идеалу ценились и все качества женской личности, вся так называемая женственность, как исключительная сила ее природы, понятая лишь так, как требовал именно этот идеал. В этом идеале и выразился весь жизненный смысл женской доли, весь смысл ее роли общественной, а стало быть и исторической.

Мы не должны также забывать, что эпоха богатырского идеала была вместе с тем и эпохой идеала родительского, т. е. идеала родительской опеки, по которому всякая почему либо зависимая личность иначе не представлялась, как в образе малолетства.

Естественно, что навсегда слабая и зависимая женская личность должна была навсегда

же сохранить в своем лице образ нескончаемого малолетства, нескончаемого детства, ибо такова была сила первоначальных богатырских и патриархальных убеждений человека.

Само собою разумеется, что те же первоначальные убеждения и идеалы управляли и нашим бытовым развитием. У нас по причине нашей молодости они сохранились даже с большею свежестью, чем у других европейских народов. Богатырские идеи, как и идеи родительской опеки, у нас живут еще до сих пор, а в допетровскую эпоху они были в полном цвету.

Идеал родительской опеки был основателем и устройтелем всего нашего быта. По этому идеалу создано наше общество и государство. По этому идеалу наше общество представлялось совокупностью семьи или родни, так что его разряды или ступени, особенно низменные, иначе и не представлялись, как малолетними и постоянно обозначались именами родства, каковы были, *отроки, пасынки, детские, молодь*. Самые низменные в общественном смысле именовались *си-*

ротами, т. е. людьми несчастными в смысле родства, а стало быть и в общественном смысле, каково было вообще неслужилое земледельческое и промышленное сословие, не обладавшее властным положением в обществе.

По идеалу родительской опеки, не только личность женщины, но и личность мужчины не имела никакого самостоятельного, независимого значения, но той причине, что этот идеал вообще не признавал, да и не мог понять самой идеи личности. Он знал только идею рода, идею отчества, т. е. идею принадлежности лица известному отцу или роду, идею полной зависимости лица от своего родства, вообще идею его детства, а не идею его свободы и самостоятельности. Для него независимая личность получала смысл личности *гулящей*, как и назывались вольные люди, которые так сказать выпадали из родового круга, т. е. из круга известной зависимости или принадлежности к тому или другому общественному разряду жизни.

Идея родовой зависимости построила по своему образцу и все эти общественные разряды, всякую другую зависимость, все обще-

ственные отношения лица, весь общественный наш быт, так что древнерусское общество в существенном и непосредственном смысле есть собственно не *общество*, а *родство*, ибо его общее, его идея заключалась в идее рода, а не в идее независимой личности. Вот почему и древний наш быт очень основательно называется родовым бытом.

Но, говорят, у нас не было родового быта, а был общинный быт, след. и общественные отношения устраивались по другому, т. е. общинному началу; след. не только мужчина, но и женщина пользовалась правами личности самостоятельной и независимой; ибо что ж такое община, как не совокупность более или менее обособленных, самостоятельных, равноправных и независимых личностей. Действительно, понятие об общине не допускает иных представлений в отношении устройства общежития, в отношении характера общественности; общее, значит равное для всех; община, значит равенство. В общине, если она служит основой быта, невозможно представить себе какой либо иной порядок жизненных отношений, как не порядок ра-

венства, равноправности всех частей этого *общего* целого. Все это так. Но одно необходимо помнить, именно: какую силу представляет каждая часть этого общего целого, в чем заключается существенный смысл каждой части; какого свойства эта единица, которая служит основой, корнем всего целого; носит ли в себе эта часть, эта единица, смысл отдельной обособленной личности, независимой личности человека, самого по себе; или она изображает совсем иное свойство, носит в себе совсем иной смысл, именно, смысл человека не самого по себе, а как представителя или выразителя чего либо такого, в чем его личность почитается за ничто, не имеет ни малейшего смысла и значения. Община, как равенство вообще, может вмещать в себе такие составные части, такие единицы, которые хотя, по естественной необходимости, и будут лицами, но вовсе не будут представителями личности. В этом весь вопрос. Наша древняя община была в собственном смысле общиною *родов*, или еще ближе общиною хозяйств, домов, дворов, а не общиною независимых личностей. Чтобы уяснить себе спра-

ведливость такого заключения, мы должны по необходимости остановиться на спорном вопросе о характере и свойствах нашего древнейшего быта. В настоящем случае для нас это необходимо по той причине, что от уяснения этого вопроса вполне зависит уяснение вопроса: что такое было древнерусское общество и каково было положение в нем женской личности?

Люди самых противоположных взглядов на существенный характер нашей допетровской истории будут, вероятно, согласны в том, что в древней русской жизни, домашней и общественной, с особенною силою господствовало и управляло жизнью отдельных лиц патриархальное родительское начало, что оно в значительной степени господствует даже и теперь. Иначе, конечно, и быть не могло, если непреложна та истина, что русская земля расплодилась по преимуществу первобытною силою нарождения, если *род* был непосредственным деятелем в образовании народной массы, если на самом деле он был растительною органическою клеточкою, основою строения каждого племени и всего народа, ес-

ли наконец сама *община*, являлась только совокупностью этих родовых клеточек, совокупностью не отдельных лиц, а отдельных хозяйств или дворов, в которых замкнулись отдельные роды или семьи. Мы пользуемся таким уподоблением, предполагая яснее и нагляднее представить отношение так называемого родового быта, к быту, так называемому, общинному.

Такой естественный, почти физический ход народной жизни существовал везде. В других странах он еще в незапамятные времена подвергся различным колебаниям и сторонним влияниям и потому очень рано утратил свой первобытный облик, не оставив по себе слишком заметных следов. У нас, в нашей истории, в нашей жизни, сравнительно очень молодой, наоборот, такие следы можно наблюдать даже в настоящую минуту.

Родовой быт, как жизненное историческое начало, для многих является предметом ошибочной, даже нелепой, и к тому еще нелепой теории; а потому, не редко предметом голословных отрицаний и даже остроумных шуток. Нам кажется что отрицатели и порицатели

ли родового быта ведут спор собственно о словах. Они упрекают противников в неопределенности будто бы понятий, заключающихся в словах *родовой*, *патриархальный* и стараются определить эти слова, как говорится, научно, т. е. исключительно книжным путем, более в духе грамматическом, чем историческом, более грамматическим именно смыслом отрывочных текстов, а не смыслом самой жизни, разлитой в общем составе древних памятников. Оттого они усердно ищут в родовом быте *учреждения*, с одной стороны — политического, каково напр. государственное устройство, с другой — юридического, в законах и правах, и конечно ничего *учрежденного* в этом смысле не находят, вовсе забывая, что *родовой быт* не есть факт, а есть начало, стихия жизни, которая, как стихия, входит вовсе факты, пронизывает их, дает им свою окраску, формирует их, но сама ни где в особое учреждение не воплощается. Самое прилагательное: *родовой* — обозначает только стихийное качество быта и вовсе не указывает какую либо учрежденную, т. е. законченную его форму. Точно также и существительное, *род*, вовсе не

обозначает какого либо учреждения, т. е. искусственной какой либо формы, выработанной развитием общества. Это, напротив, непосредственная, естественная форма человеческой жизни, произведенная стихийною силою рождения. Если же эта форма становится нормою, стихиею не только для домашних, но и для общественных отношений народа, то, замечая повсюду ее присутствие, исследователь с полною основательностью может и весь народный быт обозначить именем этой стихии, именем начала, которое движет всем этим бытом.

Однако ж отрицатели этого начала утверждают, что «слово *род* значит собственно: *семья* и что поэтому у славян родового быта не было, а была *семья и община*, что Русская земля есть изначала *наименее патриархальная, наиболее семейная и наиболее общественная* (именно общинная) земля» [3]. По смыслу некоторых летописных и других свидетельств слово *род* действительно обозначает также и семью и даже семью в тесном смысле, на чем особенно, настаивают защитники *семейной* и общинной теории. Но иначе не

могло и быть, потому что семья служит составною частью или же зерном рода; понятие о роде неизбежно включает в себе и понятие о семье. Семья служит с одной стороны, под видом старшей семьи, его корнем, его основой, а с другой, выражает, под видом младших семей, его размножение, его разветвление; семья, одним словом, относится к роду, как частное понятие к общему. Не мудрено, что в текстах эти понятия очень часто переходят одно в другое, мешаются, и доставляют легкую возможность подыскать свидетельства, указывающие на тожество семьи и рода. Но что же из этого выходит? Что именно хотим мы определить называя народный быт *семейным*? Не слишком ли широко, пространно, не слишком ли обще такое определение? Люди всегда жили, теперь живут и всегда будут жить семейно. Это неизменное условие человеческого быта, которое в отношении характеристики быта у известного народа, на известной степени его развития, ничего доказывать не может. Словом «*семейный*» обозначается именно тот тесный, или, вернее, частный смысл жизни, который на-

всегда останется в быту человечества, какие бы формы и порядки ни принимало его развитие; останется, как естественный, физиологический закон жизни. Нам кажется, что, говоря фразу: «русская земля была наиболее семейная», мы в историческом смысле ровно ничего не обозначаем. Другое дело, если мы, не взирая на обыкновенный жизненный смысл этого слова, создадим собственное понятие о семье, придадим ей свойства и качества, каких она никогда не имела, именно свойства и качества кроткой и мирной славянской домашней общины и назовем эту общину славянскою семьею, в отличие от обыкновенной семьи, от семьи вообще, тогда, конечно, мы откроем действительно характеристические черты в нашем древнем народном быту и по необходимости назовем его *семейным*. Оно отчасти так и случилось с защитниками семейно-общинного быта славян.

«Рода у древних славян не было, говорят они, а была *семья*. Семья эта была семья в тесном смысле. В устройстве ее *нет и признака родоначальнического, патриархального характера*. Напротив мы видим, что *все члены в*

ней имеют голос в вопросе собственности. Это назвать родовым устройством невозможно. Если бы общество было построено на основе родового, патриархального быта, так, чтобы в его устройстве находилось отражение этого быта, мы могли бы признать родовой быт основным элементом, существующим в народе (например в Китае). Но когда пред нами явление совершенно противоположное, когда не только общество, а даже семья построена под влиянием общинного начала, как можем мы тут найти родовой быт?... Что же вообще была славянская семья? Она была семья; но как скоро вопрос становится общественным, как напр. вопрос о владении на землю право имела вся община), то она, стороною к этому вопросу, становилась сама *общиною*. Как скоро встречается другой общественный вопрос народного совещания, веча, она опять становилась *общиною* и от нее шел представитель: или старший, или избираемый ею (как в «Суде Любуши»). Кто из детей отделялся от *семьи* и жил отдельно, тот уже отрешался от *семьи* и не следовал ей, — семья сжималась в числе. С

другой стороны она могла расширяться по произволу, могла принимать в свой состав роднившихся с нею и даже посторонних, но в этом случае соединение делалось относительно *хозяйства*; собственность не принадлежала всем принятым (вспомним выморочное наследство), но общим было *пользование имуществом*, во время которого, в распоряжениях по имуществу, естественно имели голос не только члены самой семьи, но и все и те, кого она приняла в состав свой. Раздел же был всегда возможен, ибо постоянно действовала живая, свободная воля. Во всех тех случаях, где семья являлась, как община, имели голос не только дети, не только семья собственно, но и другие лица, принятые в семью. Но здесь является вопрос: при таком общинном значении семьи в известных важных случаях, где даже дети имели голос, не подрывается ли ее значение семейное, кровное? Нисколько, продолжает семейная теория. «*Семейное чувство и семейный быт* крепки были, крепки теперь и крепки будут у славянских народов, пока они не утратят своей народности. На это доказательств так много, и прошедших и совре-

менных, что мы не считаем нужным на них указывать.... *Семейное начало*, конечно было твердо и в те отдаленные времена, о которых говорим, — и было твердо оно, как *начало чисто нравственное*; оно жило в нравственной свободе, в любви, в духе человека: оно было вполне чисто у славян, ибо с ним не связывалась выгода, ибо оно не нуждалось в житейских подпорках. Да и кто мешал *семейной общине* свободно и любовно исполнять волю отца? Из этого *объяснения* видим мы, как свято и нравственно понята была славянская семья, как всякий расчет был удален от святого семейного чувства (!) Чисто нравственная, чисто духовная сила *семейного начала* (каково оно у славян) всего более ручается за существование, глубину и вековечную прочность оного. А *чувство семейное и семейное начало*, повторяем, глубоко и неразрывно соединено с существом славянина» [4].

Вот основания тех представлений о древнем нашем быте, по которым этот быт именуется *семейно-общинным*, и в которых сосредотачиваются все доказательства и доводы его защитников или отрицателей родового быта.

Мы полагаем, что читатель заметит здесь несравненно более теплой любви к идеалу семейной общины у древнего славянина, чем основательного разъяснения существовавшей некогда живой действительности, несравненно более фантазии и стало быть поэзии, чем, рассудительной, хотя бы и суровой, прозы, разъясняющей существо дела. А дело это в том, что все, что ни сказано здесь о семье-общине, именно об общинном ее значении и характере, должно относиться прямым и непосредственным образом к понятию не о семье собственно, а о *хозяйстве*, именно о *дворе*; так что если вместо слова *семья*, мы поставим слово *двор*, хозяйство, по древнему *господарство*, то получим совершенно правильное, вполне соответствующее действительности представление о том, что именно намеревалась выяснить общинная теория. Ей необходимо было доказать, что *семья* славянская была не семьею в обыкновенном смысле, а была в сущности необыкновенным явлением, она была *семья-община*. Такому значению семьи вполне соответствует *двор*. Но почему семья, живущая во дворе, приобретает это

значение? Потому, что существо двора, его корень есть имущество, хозяйство-господарство; а хозяйство-господарство по естественной необходимости ведется, строится, наживается общими, совокупными усилиями, работами и заботами всех, живущих на этом хозяйстве; все, стало быть, вносят свою долю труда в общий оборот хозяйства; все, стало быть имеют полное право и на свою долю пользования общим хозяйским имуществом. Из того же источника вытекает и относительное равенство голосов в общих делах хозяйства-двора; непререкаемое право думы, непререкаемое право *представительства* в общих совещаниях. Однако ж все эти права в сущности есть простые естественные права семьи, по которым обыкновенно выходит, что отец обязан вскормить свое рождение, своих детей, а взрослые дети обязаны помогать отцу-кормителю, чтобы точно также и самим кормиться от семейного хозяйства; что отец необходимо всегда советуется с возрастными детьми и родичами, а возрастные дети и родичи всегда убеждены, что без их думы и согласия он никогда ничего не предпримет по

общему для всех деду. Все это были и есть непосредственные права рождения. Самая собственность, двор-хозяйство, носила в своем смысле ту же идею кровного союза в ее вещественном проявлении, т. е. общем хозяйстве семьи. Дети, приобретая своим рождением право быть детьми своего отца, вместе с тем приобретали право пользоваться отцовскою, а по крови, стадо быть, и своею собственностью; они и делили ее, когда они, как кровь семьи, считали необходимым разойтись в разные стороны и зажить особою самостоятельною жизнью. Разделялась кровь семьи, разделялась и собственность семьи, как вещественное ее выражение.

Мы не думаем, чтобы к идеалу таких отношений могло удобно прилагаться понятие об общине, а тем менее самое слово: община. Собственность, именно двор-хозяйство, придавала семье лишь вид общины. Эта община была только количеством родных лиц, живших на одном хозяйстве. Внутри же, в качестве союза этих лиц, в духе этой общины, жила создавшая ее идея кровного союза. По этой идее и была построена внутренняя домашняя

жизнь этой общины. Она в полной силе господствовала внутри каждого двора и ни под каким видом не допускала равенства лиц, там живших, не допускала даже малейшей возможности такого равенства, самой мысли о нем, что с особенною силою и образностью выражалось всегда, напр. в отношениях женатых братьев, замужних сестер, в отношениях свекрови к невестке, в отношениях золовок к той же невестке и т. п. Во дворе жила семья, следовательно там жило естественное разделение людей на отцов и детей, на старших и младших по крови. Какая же тут может существовать община, т. е. равенство лиц, прав. Родитель по естественным причинам становился главою и властителем своей семьи; в его руках сосредоточивалась патриархальная опека не только над детьми, над своим рождением, но даже и над матерью этого рождения, значение которой, как мы упоминали, всегда колебалось между значением главы семейства и значением его рождения, т. е. его детей. Пред его лицом все члены семьи были по самому существу дела малолетними. Не говорим о том, что сила его опеки и

власти увеличивалась и развивалась пропорционально бессилию или даже совершенному отсутствию опеки гражданской, в собственном смысле общественной, которую напрасно мы будем воображать в обществе младенчествующем. В таком обществе, каким было и древнерусское, родительская опека заменяет все то, чем обеспечивается свобода и нравственное и имущественное положение личности в современном быту, все эти государственные, правительственные, общественные учреждения и многочисленные гражданские охраны. Очень естественно, что по той же самой причине в древнерусском обществе родительское начало опеки выросло до размеров, теперь нам мало даже и понятных.

Мы совершенно согласны с утверждением семейно-общинной теории, что древнерусская «семья была семья в тесном смысле», но никак не можем согласиться с другим ее утверждением, что в устройстве этой семьи «нет и признака родоначальнического патриархального характера», что вообще у «древних славян не было рода». Мы, напротив, и

там именно, где эта теория видит семью-общину, видим только один род, не видим даже и семьи в ее прямом и тесном смысле. Понятие о семейной общине возникло у этой теории из представления о собственности, о дворе-хозяйстве, на котором всегда и жила семья-община. Положим что хозяйство заводилось и двор строился первоначально одною семьею, в тесном смысле семьею. Но такая семья никогда не оставалась замкнутою в этом тесном смысле; она тотчас разветвлялась и обыкновенно к основному хозяйству сами собою прирастали другие новые семьи: являлась община, пожалуй; но община родных семей, община-родня, а в простом смысле являлся род. Семья, попросту, разрасталась в род, т. е. в кровную совокупность старших и младших сежей, выраставших на одном корню. Отец становился, уже дедом, прадедом, дети являлись уже внуками, правнуками. Этот новый тип быта, не злоупотребляя словами, мы не можем называть семьею, а тем менее общиною. Нельзя называть так целую совокупность семей, совокупность род-ичей, детей рода, а не отца только, между которыми

ми возникают счеты и отношения уже не семейные, а именно *родовые*. Самое имущество, двор, как корень материального существования семьи, приобретает смысл имущества уже не семейного, а родового. Конечно, оно становится *общим* имуществом, но для кого? Лишь для одного кровного родства. Центр тяготения уходит уже к роду, а не остается только в семье. Во дворе, на общем хозяйстве живет уже род, а не семья. В действительности так и было в древней Руси. Двор именно был средою родового быта, выразителем родового устройства жизни, был экономическим, хозяйственным типом рода [5]. В северной, собственно в Великой Руси и «теперь часто встречается, что во дворе живет целый род, а в древнее время этому способствовало множество причин, напр. самый побор дани с двора, с дыма, от плуга, от рала, след. с хозяйства или тоже с двора, что, практически, должно было единить родство на одном месте, принуждало жить к одному двору целым племенем: «живяху каждо с своим родом». Нельзя же полагать, чтобы наши далекие предки не могли, как говорится, двух пере-

считать, т. е., понять, как легче платить дань, с семьи только или с целого рода, когда основою дани была не душа, а хозяйство. Таким образом выражение летописца: «живяху каждо с своим родом», мы почитаем типическим, как для целого племени, так и для каждой его первоначальной единицы, т. е. для двора, для единичного хозяйства. В отношении пользования общим, т. е. родовым имуществом, на чем собственно и построена семейно-общинная теория, мы скажем, что самым выразительным типом этого пользования был наш княжеский рюриковский род, для которого русская земля была таким же двором-хозяйством, каким был в собственном смысле двор-хозяйство для тогдашнего крестьянина. Период княжеских междоусобий был собственно борьбою за это пользование общим имуществом, в которой именно никак не могли помириться между собою стихии или, пожалуй, взгляды, родовые и семейные; в том состояла и самая борьба. Впоследствии семейные взгляды побороли, а на семейном начале выросла и личность, к чему конечно стремилась вся наша история. — Как бы ни было, но на-

звать княжеский *род* общиною по случаю общего владения и пользования им русскою землею мы никак не сможем. Переходя к частным типам такого владения и пользования, мы еще меньше имеем возможности обзывать их общинами, ибо в них еще теснее сжималась стихия рода, чему сильно способствовал типический вид собственности, дворхозяство. Это хозяйство было общим, родовым; но кто собственно властвовал над этим хозяйством, управлял им? В семье управлял и властвовал родитель и тот же родитель властвовал и над родом. Община — родня, как совокупность живых лиц, само собою разумеется, имела в общих делах хозяйства и голос и права; но это был голос и права детей, членов кровного союза, а не свободных лиц, членов союза общинного. Полагаем, что здесь существует великая разница. Семья, как мы сказали, разрасталась в целый род; она становилась пожалуй общиною семей, (хотя это общее представляло все один и тот же тип). Существенное же положение ее власти от этого нисколько не изменялось. Напротив, от размножения семьи лицо родителя приобретало

еще большее освящение; он уже был не только отец, но и отец отцов, *родо* — начальник; затем все его *рождение* оставалось в тех же естественных отношениях детства, малолетства к *родо* — начальнику и в отношениях старшинства и меньшинства между собою, смотря по восходящему или нисходящему порядку рождения. Никакого равенства членов здесь быть не могло. Равенство или *общее* для всех было то, что все были родня между собою, все имели и голос и права родни, известные права. О самостоятельной личности здесь нельзя и думать. Здесь лицо не само себя представляло, а являлось представителем известного старшинства или меньшинства по степеням рождения. Самый *родо* — начальник вовсе не был представителем собственного лица, собственной своей личности, а представлял он лишь старшинство рождения. В сущности это был олицетворенный род. Личное начало совсем исчезало в идее рода. Смутное представление об этом именно отношении личности к роду, о господстве чего-то *общего*, вместо *личного*, и понудило семейно-общинную теорию вообразить здесь,

вместо рода, общину. Теперь очень трудно войти в жизненный смысл понятий рода, в эту родовую идею, трудно представить себе насколько в самом деле были крепки, совсем неразрывны эти узы рода и родства, вязавшие и путавшие личность на каждом шагу, во всех ее даже малейших нравственных движениях. Требовалось действительное, эпическое богатырство, чтобы вырваться из этих нравственных узилиц. Если б эти узы были только семейные, как должно называть их по уверению отрицателей родового быта, тогда не об чем было бы и толковать. В характеристике быта, как мы заметили, семейные узы ничего не определяют: они в такой же силе существуют и теперь, как существовали за несколько веков и даже тысячелетий. Для личной жизни семейные узы — необходимая нравственная сфера. Личность в них не пропадает, хотя и остается некоторое время пассивною в лице детей. Другое дело именно узы рода и родства, т. е. распространение смысла и духа непосредственных семейных связей и отношений на множество лиц, составляющих уже не семью, а целый род и в иных случаях

совсем посторонних старшей семье, напр. в лице зятьев и невесток. Здесь личность совершенно теряется в сплетениях родового старшинства и меньшинства и, подчиненная счетам этих сплетений, никогда не пользуется самостоятельным независимым положением. Такую связь людских отношений мы не можем называть только семейною, а тем еще меньше общинною. — Это связь в прямом и точном смысле родовая.

Таким образом, нам кажется, что отрица-тели и порицатели родового быта ведут спор только о словах. Они говорят, что рода не было, а была *семья*, что было *семейное чувство*, *семейное начало* (жизни), как начало чисто нравственное, что *семейная община* любовно исполняла волю отца и т. д. Со всеми такими утверждениями мы согласны вполне. Семейное чувство, семейное начало жизни мы почитаем нравственною стихиею древнерусского быта, основою всех его жизненных движений. Мы только, желая вернее и точнее обозначить свойства этого быта, именуем его не семейным, а родовым, и в той семье, какую изобразила нам общинная теория, видим род,

в семейном чувстве — именно родовое чувство; в семейной общине — родовую общину или общину родню. Семьею мы именуем семью в тесном, т. е. в ее собственном, прямом смысле, не почитая уместным переносить этот смысл на новый своеобразный порядок жизни, для обозначения которого существует свое, ему именно принадлежащее слово. Род есть семья семей, что, конечно, не одно и то же с семьею в обыкновенном смысле. Оттого род есть в то же время и община с правами известного равенства и представительства, какие всегда неизменно принадлежали родне. Родовое чувство, родовое начало управлявшее нашим старым бытом, есть в сущности родовая идея, которая была творцом нашего единства, нашей народной силы, творцом всех наших народных добродетелей и всех наших народных напастей, государственных и общественных.

Но была же, однако, община в древней Руси? Действительно была и двор, этот неизбежный сосуд родового быта, своею внешнею стороною, тою стороною, что он есть собственность или часть общей земской соб-

ственности, является единицею общинного быта. Двор был жилищем для семьи-рода, он же был земским имуществом, частью земли, на которой сидело племя; в этом последнем своем значении он и является единицею новых отношений того же племени, он тянет к общим делам земли.

Сиденье племени на одной земле, владенье угодьями этой земли, общее *тягло* на защиту или в дань, какое неизбежно являлось от сиденья-владенья на той земле, — всё это само собою становилось общим делом земли и создавало общинную жизнь.

В общих земских делах кто же должен был принимать участие в общем *тягле*, как не хозяин «земской же единичной собственности, единичного хозяйства, частного, особого сиденья на земле, особого пользования ее угодьями? Двор был выразителем этой особенности. А кто был выразителем двора? Конечно его хозяин, большой. Большим же был отец или *родо* — начальник и никто другой, т. е. в собственном смысле старший, большой по крови. Так было и иначе быть не могло. Идея отца или родоначальника не умирала; в од-

них только ее руках соблюдалась власть во дворе хозяйстве. Умирало лицо — т. е. отец, но идея была бессмертна: в отца место вступал старший, большой из остававшихся в живых. Этот старший всегда и был выразителем жившего во дворе *рождения*; естественно, что он же всегда был и выразителем двора, как особого земского имущества. Но что же собственно выражал он в глазах земщины? Для нее выражал он только особое имущество, только двор, в котором жило его рождение своим особым хозяйством. Земская община, это общее сиденье на земле, корнем своих отношений ничего другого не могла признавать, как ту же землю, т. е. недвижимое имущество, иначе пользование землею. Из этого корня выросло известное равенство всех членов земщины. То есть каких же членов? Именно частных, особых владельцев земли, какими были не лица собственно, а дворы-хозяйства. Лицо здесь исчезало в понятии земской собственности, так как внутри двора оно исчезало в сплетениях кровной связи. Для земской общины нужен был лишь хозяин, представитель своего особого имущества, но

не представитель собственного лица. На особом хозяйстве могла жить одна семья, могли жить несколько семей, целый род, со многими домочадцами; но для земской общины все лица, жившие при хозяине, т. е. жившие на особом земском хозяйстве, не имели значения и никакого смысла. Для нее смысл заключался в одном лишь хозяине этого хозяйства или в тесном и непосредственном смысле в самом хозяйстве с его представителем. Таким образом земская община, было ли то в деревне, в городе, в целой области, являлась в существенном своем смысле общиною хозяйств, а не людей, именно общностью дворов, совокупностью хозяев домовладык, как представителей частных отдельных хозяйств. В ней лицо рассматривалось лишь с имущественной земской точки зрения, с точки зрения владенья землею, сиденья на общей земле. Ясно, что здесь не было места для нравственных определений личности, для личности самой по себе, для свободной личности в нравственном ее значении и смысле, а след. не было и нравственного равенства лиц. Здесь существовало одно только имуществен-

ное равенство лиц; здесь людей — хозяев, равняло лишь имущество, а не нравственное достоинство человека. Здесь не виделось даже пути для выработки *личной* нравственной, а вместе с нею юридической и политической свободы, по той причине, что не личная свобода, а земское имущество составляло здесь почву для действий каждого члена. Здесь наиболее независимое положение, собственно не свободное, а своевольное, личность могла приобрести лишь посредством богатства, посредством большого имущества, сравнительно с другими, т. е. в существенном смысле здесь получало наибольшую свободу действий и относительную независимость одно лишь богатое имущество. Земская община в своем дальнейшем развитии всегда и вырабатывала только аристократию богатства, всегда выделяла несколько богатых, а потому как бы аристократических родов (опять таки не лиц), которые обыкновенно и заправляли всеми движениями общины, определяли и выражали ход ее истории. Не личность своею нравственною и политическою свободою, своими нравственными и политическими права-

ми давала смысл такой общине, а богач своими имущественными средствами. Имущество было основой и главной целью нашей древней общины, имущество же должно было преобладать в ней и поработать себе все другие интересы. Оно должно было представлять и всегда представляло *душу* общины. Пластическое доказательство такого именно значения нашей древней общины представляет знаменитая Новгородская община. Никто не станет сомневаться, что развитие Новгорода, как общины, началось с той же первородной клеточки, какая создавала общину по всей земле, именно с двора-хозяйства, с общины деревенской. Уже в незапамятные для истории времена эта община является политической силой. Она же и начинает нашу историю призыванием варягов. Мы видим, что варяги понадобились именно для того, чтобы побороть зло, которое по неизбежным общинным же причинам народилось в общине. История открывается тем, что жизнью общины владеют и управляют *роды*: «и вста род на род»; что варяги призываются против этого владенья и управленья. Какие же это *роды*?

Да те же, которые владеют и управляют Новгородской жизнью во всю последующую историю: *передние*, богатые и потому *знатные* роды. История через *шестьсот* лет оканчивается тем, что такие же роды и по таким же причинам призывают нового Рюрика — Московского государя. Что же выработано в 600 лет? Все то же, что и в остальной Русской земле. Выработано вотчинное право, которого различие заключалось лишь в форме его политического представительства. В южной Руси это представительство выражалось в целом княжеском роде; в северо-восточной стадо выражаться в одном лице, государе-вотчиннике; в Новгороде оно выражалось в общине-городе; вотчинником был город, который в этом именно смысле и стал потом называть себя также *государем*. В сущности же вотчинником были родовитые, знатные и богатые его дворы. Это повсюду было сверху; а внутри, в глубине жизненных отношений, все оставалось одинаковым. Смерд везде оставался смердом; и везде шла подземная борьба меньших людей с большими. Род, как нравственная сила, всюду господствовал и пригнетал

личность. Свобода личности не была вовсе мыслима, ни в вотчине государственной, ни в общине народной, хотя бы и новгородской. Вершиною новгородской свободы было своеволие меньшинства (богатых родов) или своеволие большинства, бедных, меньших родов, вообще своеволие силы. Между этими двумя видами общинной свободы и колебалась вся новгородская история, до своего конца. *Уравнителем* таких свободных движений жизни и в народной общине и у себя в отчине является все тот же рюрик, государь вотчинник, представитель личного начала, а следовательно и будущий освободитель личности.

В самой Москве, когда она устроилась окончательно в государственную вотчину, мало помалу стало обнаруживаться тоже самовластие больших родов над всею землею; но здесь оно встретило кровавый отпор в лице Грозного, без всякой пощады истреблявшего этот ветхий дух родового своеволия.

Таким образом наша древняя община ничего не выработала, да и не могла ничего выработать для нравственного и социального освобождения личности. Она ничего не выра-

ботала даже и для материального ее освобождения, ибо новгородская община, как община имущественная, вовсе не мыслила однако же о равенстве, напр. о равном распределении земской собственности между всеми членами общины. У ней, как и в господарской вотчине, земская собственность была разделена слишком неравномерно; у ней, как и в господарской вотчине, существовало только равенство прав на землю, т. е. на пользование землею для каждого плательщика даней, а это составляло первоизданную стихию русской народной жизни по всей русской земле. Эта-то стихия и сохранила русский народ от всех исторических и всяких вражеских напастей; она же создала и государство, именно как охрану и защиту от тех напастей.

Как бы ни было, но земская община, даже в своем роскошном цвете, в политической своей форме, какою были Новгород, Псков, Вятка, не в силах была высвободить личность и создать для нее равенство прав нравственных и социальных, в чем заключается все существо дела.

Быт народа мы называем *общинным*, же-

лая совсем устранить другое его определение: *родовой*, как противоречащее нашему представлению о существовании общинной идеи. Но чего же мы ищем в этом определении и что именно хотим в нем обозначить. Народный быт выражает себя и реально, в известных формах; и не реально, одними идеями, которые незаметно им движут, действуют в нем, и которые всегда где-то скрываются от наших глаз; стало быть и характер народного быта можно определять реальными обозначениями вернее сказать *деловыми*, и идеальными, иначе нравственными. Быт земледельческий, военный, торговый, промышленный, казацкий, охотничий и т. д., все это будут обозначения реальные, деловые, обозначения *дела*, каким занимается народ. Мы думаем, что ж быт общинный есть не более, как только общее, как бы материковое обозначение, одних лишь реальных, деловых отношений народа. Община вообще значит связь людей на общем деле; община земская означала связь людей по земле, собственно связь земли, — связь народа, как земли, т. е. как реальной сущности народных отношений, другого смысла об-

щина не могла иметь, ибо зачатком ее было всегда представление о человеке в его имущественном положении. Община выражала лишь связь имущественных, след. материальных отношений, не более.

Ошибочное представление об общине заключается, по нашему мнению, в том, что ее почитают связью отношений нравственных, о чем она сама, как мы говорили, никогда не думала, да и до сих пор не думает. Между тем при определении бытового начала важны лишь одни отношения нравственные, которые всегда и составляют основной узел народной жизни и управляют ходом ее развития. Народ выражает свой быт многими формами и одна из таких форм есть община, как есть другая, существующая рядом с нею, вотчина; как есть третья — семья, и т. п.; все это только формы. Но где же идея, общая всему быту, где нравственная сила управляющая всеми формами, где этот дух, проникающий всякую форму и весь быт вообще? Общий характер народных нравственных связей и отношений должен, по нашему мнению, раскрываться ближе всего в отношениях со-жития или об-

ше- жития, в той сфере, которую мы теперь обозначаем словом *общество*, общественность, т. е. в сфере людских отношений, независимо ни от каких частных, случайных определений и форм быта, обозначающих то или другое положение личности, и вовсе не обозначающих основной силы или стихии личных отношений.

Как и на чем построены были отношения общежития — вот существенный вопрос и вот где настоящее место нашим рассуждениям об общем характере народного быта. Потемнение и путаница наших понятий о характере нашего древнего быта происходит главным образом от того, что мы смешиваем идею общины с идеей общества, вообще смешиваем понятия о формах быта с понятиями о его началах.

Фундаментом общины, основным ее камнем было не лицо, не нравственная личность, а известная материальная доля того материального общего, которое, как общая выгода, связывала людей. Лицо в этом случае было только юридическим представителем своей материальной доли, — и в существенном

смысле всегда рассматриваюсь с точки зрения чисто материальной, с точки зрения годности или негодности для выражения того материального целого, которого долю оно изображало. Во владении землею — хороший плательщик или пособник общим земским делам, напр. защите от врагов и т. п.; в торговле — капитал, в промышленности или в ремесле уменье; словом сказать в общине, не исключая ни какую дружину, никакую артель, — личность ценилась лишь со стороны прямого пособничества тому делу, которое соединяло людей. Нравственная сфера, как и нравственный смысл лица здесь были в стороне, не были главною руководящею силою. Лицо здесь имело земский, торговый, промышленный смысл, но не нравственный. Общество на оборот всю силу полагает в нравственном смысле человеческой личности. Здесь фундаментом, основным камнем лежит нравственное значение личности. И само собою разумеется, что нравственная постройка общества вполне зависит от того, как понимается это нравственное значение личности, т. е. в чем оно заключается. Известно, что нра-

вы общества с течением времени изменяются, а вместе с ними изменяется и воззрение на нравственный смысл личности. Можно сказать, что каждый век, что либо делает в этом отношении, каждый век вырабатывает какую либо долю общего сознания о существовании нравственной личности человека, т. е. о существовании человеческого достоинства. Как же понимал и как сознавал это достоинство наш русский древний век? Каково было наше древнее общество, какова была наша древняя общественность, эта действующая нравственная сила народного развития, эта нравственная система или нравственный склад житейских отношений? Какая нравственная сила служила основанием нашему древнему обществу; из какой органической клеточки образовалось русское общество?

Мы уже говорили что органическою клеточкою нашего допетровского общественно-го быта был род, что родительское, патриархальное начало управляло всем ходом нашей допетровской жизни.

Но что же такое было это родительское, патриархальное или родовое начало жизни?

Это было начало или стихия родительской опеки, стихия старшей воли, идеалом которой было родовое старшинство. Это старшинство одно почиталось выше всяких других достоинств человека, оно одно и было главным, начальным достоинством человеческой личности. Родительская опека с идеалом родового старшинства существовали и существуют везде, но не везде они становились стихией жизни. У нас не только семья и род, что очень естественно и обыкновенно, держались крепко и твердо стихией родительской опеки; но ею же держалось все общество, ею же строилось наше государство, ею выработалась и эта необычайная государственная плотность и стойкость народа.

Родительская опека была исключительною силою нашего развития. Она проникала всюду и все подчиняла своим воззрениям. Это был наш нравственный и политический бытовой воздух, которым мы жили, дышали, в течении всей нашей истории. Это было начало начал нашего развития, такое крепкое начало, по которому русский народ даже и до сих пор понимается и ведется, как малолеток,

недоросль, требующий на всяком шагу, во всех его жизненных стремлениях и движениях, неусыпных забот и попечений родительских.

Самую лучшею и наиболее верною характеристикю основных начал народного быта всегда служит *власть*. Мы не говорим о власти в ее тесном смысле, о власти только политической, государственной, верховной; мы говорим о власти, как о стихии народного и именно общественного развития; о власти, которою живет и держится не государственное устройство, а устройство и связь самого общества, о власти, господствующей именно в народном быту.

Власть, как известно вырабатывается с большим трудом и с великими жертвами. Сама история каждого народа есть ничто иное как выработка более или менее правильной власти. Свойство и характер власти, действующей в быту народа, обрисовывает свойства и характер самого быта. Для уяснения характера и свойства не политической только, а вообще бытовой власти, необходимо выразить: как сознает себя в обществе властный

человек, не только тогда, когда он становится деятелем власти, но и в том случае, когда он является только членом общества; и потом, как понимает себя в том обществе человек безвластный, зависимый от власти.

Если общество сложилось путем завоевания, след. вообще путем наиболее сильного обособления личности, то понятно, что и характер его власти будет совершенно иной, чем в обществе, которое сложилось путем нарождения. Властные, общественные и личные, отношения первого будут стремиться определить себя юридически, разгородят себя, т. е. свои отношения отчетливо и ясно, необходимыми правами и обязанностями, отчего и характер власти выразится определеннее и резче, а потому, быть может, суровее и беспощаднее.

В таком обществе власть развивается и утверждает себя идеею права, идеею закона или вернее, идеею строгой определенности и разграниченности жизненных отношений. В этом заключается все ее существо. Само собою разумеется, что такое начало власти прямым путем ведет к выработке более точных и

более определительных понятий о независимой личности человека, выдвигает *личность* на первый план, и в истории, и в повседневных частных делах жизни. По этому то пути прошло развитие западных обществ, с самой ранней эпохи поставивших личность выше всяких других определений.

Наше древнее общество, как мы упомянули, сложилось путем непосредственного распространения рода, путем непосредственного нарождения, без участия каких либо пришлых, чуждых ему элементов. Варяжское завоевание распустилось в нашем быту, как капля в море, почти не оставив следа. Своеобразная сила нашего быта была так велика, что самая реформа и можно сказать революция Петра оказалась во многом совершенно бессильною. Естественно, что характер, существо и свойство нашей русской власти вполне должны были выразить существо самого быта. Существом нашего быта, единственный и вполне непосредственным его источником, единственною и непосредственною его силою был *род*. Поэтому наша древняя власть была власть по преимуществу родовая. Где бы и в

какой бы форме она не возникала, она везде и всегда была властью отеческою со всеми своими свойствами, с одной стороны, с непомерною жестокостью безотчетного произвола, пред лицом которого не могло существовать даже и малейших понятий о каком либо праве; а с другой с тою любовною родственностью в отношениях, которая всегда ставила ее в непосредственные родственные, братские отношения к подвластной среде. Такими свойствами нашей власти и самого быта определяется и особенное своеобразие нашей истории. В западном обществе в основу бытового развития, а следоват. и в основу бытовой власти легли отношения завоевателей, дружинников или собственно право сильного, след. право личное. Там властные отношения и властный человек всегда, везде и во всем руководились этою основною идеею своей жизни; властный человек всегда и везде понимал себя, чувствовал себя, как победитель; подвластный понимал и чувствовал себя, как побежденный. Оба чувствовали себя чужими друг другу и на этой идее устанавливали свои отношения. Бытовою связью людей руководи-

ло там по преимуществу право, закон. У нас, на оборот, всякое движение жизни, всякое бытовое отношение, и всю бытовую связь людей одухотворял смысл рода. Все наше общество по духу своей внутренней жизни представляло одну громадную совокупность *родни*, где не было и не могло быть членов, строго разграниченных своими правами. По этому у нас все общественные разряды людей или их отношений, напр. сословия, сливались можно сказать органически в какую то общую, жизненно — цельную массу, так что трудно указать, где собственно начинается и где оканчивается тот или другой разряд. Все по своему духу сливалось в один жизненно-цельный организм рода. И так как род разграничивает людей только по *рождению*, т. е. по лестнице физического старшинства, то очевидно, что в этом организме все частицы должны были распределять и различать свои отношения только в меру такого старшинства. Так наши старые предки и понимали себя, и разверстывали по этому смыслу все свои бытовые отношения. Старшие, т. е. почему либо властные, идеализировали себя или

свое общественное положение характером отцов, свою власть характером власти отеческой; младшие, т. е. подвластные в каком бы ни было смысле, идеализировали свое положение характером детей, вообще малолетних, несовершеннолетних. Смысл таких именно, а не других житейских отношений высказывался всюду, во всех крупных и мелких обстоятельствах, во всех частных и общих случаях, с эпической первозданною наивностью, которая очень наглядно обнаруживала, как еще глубоко и широко лежали в общественной почве корни быта доисторического.

Если западный властный человек, в средние века своей истории, смотрел везде победителем, завоевателем, смотрел на подвластную среду, как на свое завоевание; то наш властный человек даже и до сих пор смотрит отцом-опекуном, смотрит на подвластных или вообще на меньших, подчиненных, как на малолетних, несовершеннолетних, недорослей в общественном смысле и никогда не думает, как думал Петр Великий, что он прежде всего только первый, передовой слуга обще-

ству; а напротив, всегда убежден, подобно царю Алексею Михайловичу, что для управляемого общества он отец-опекун, что его обязанности к обществу, равно как и права, суть обязанности и права отеческие, опекунские, а не гражданские. В этом-то заключается все глубокое, коренное различие нашего востока от европейского запада; отсюда и различие истории, культуры, всей жизни, со всеми ее понятиями и движениями.

Строгое разграничение прав победителей и побежденных на западе, это отчетливое понимание, чувствование себя чужими друг другу, совершенное отсутствие в бытовых общественных отношениях понятий *родни*, поставило тамошнее общество, как говорится, на ножи; но вместе с тем повело к выработке таких же строгих, точных и до мелочей отчетливых определений равноправности и полноправности человеческой личности вообще; повело к учению и практическому водворению идеи о правах человека, как человека, независимо от его случайных, т. е. родовых, политических или общественных определений; одним словом выдвинуло на первый

план бытовых отношений достоинство человеческой личности, эту коренную и неизменную силу человеческого развития. К той же цели мы должны были идти иным путем. Родовой дух, управлявший нашим развитием, по свойству и характеру собственного своего начала, препятствовал строго и точно распределить или разграничить возникавшие у нас права и бытовые отношения; он сливал все в одну нераздельную массу родства. Личность в строгой определенности своих прав была для него явлением совершенно непонятным. Он понимал личность только, как известное *рождение*, старшее, или младшее, но не более как *рождение*. Для него личность служила только выразителем известного рода, отчества. Она определялась только правами родовыми, а не личными.

Державшееся родовым духом наше общество в своем социальном развитии ничего другого не могло и выработать, как одно плотное, жизненно-связанное единство. Таким образом, к социальному единству мы шли через *род*, в то время, как западное общество шло к нему же через *личность*. Там об-

щина явилась совокупностью независимых друг от друга, равноправных личностей, у нас совокупностью родни. Там в жизни господствовала идея личности, у нас идея родни, иначе идея детской зависимости.

Общество, если обозначим этим словом так называемый *свет* или по старому *мир*, т. е. существо и склад людского общежития, людской общительности и общественности, — вверху как и внизу, во всех своих сферах и видах, основой своих отношений кладет всегда известное достоинство личности, известную *честь* лица, разумея в этом совокупность личных или других каких качеств, наиболее уважаемых, и наиболее ценимых в человеке. Словом сказать, всякое общество всегда живет идеалом хорошего человека, понимая и рисуя этот идеал под условием своего развития, своего времени, своего гражданского положения, своих начал жизни. Западная средневековая личность искала такой идеал сама в себе, в своих собственных доблестях, в высоте собственного своего достоинства, ставила целью своих идеализаций самое себя, свою индивидуальность. Рыцарь не

потому становился рыцарем, что его посвящали в это звание, а потому именно, что личными качествами и доблестями он вполне достоин был этого посвящения, воплощал собою идеал достойного человека.

У нас, наоборот, идеал хорошего, достойного человека личность искала не в самой себе, а в своем *отечестве*, в своем роде, именно в своем родовом старшинстве. По нашим старым понятиям человек почитался в обществе достойным не потому, что на самом деле высок был своими нравственными или умственными качествами или какими заслугами и доблестями, а прежде и первее всего потому, что высок был своим родовым старшинством, т. е. старшинством своего рода или старшинством в своем роде. По крайней мере так, а не иначе, думало об этом общество, так понимала личное достоинство наша старая общественность. Место в обществе человеку указывали его род, его отечество, а не личные таланты или доблести.

Общественное значение личности лучше всего конечно характеризуется понятиями о личной чести. Рыцарская честь строго и ще-

котливо охраняла именно неприкосновенность личности, придавала личности высокий нравственный смысл и всегда была готова поддерживать этот смысл с решимостью Дон Кихота. Честь рыцаря лежала в идее собственного его достоинства. Напротив, честь русской личности лежала в идее достоинства ее рода или ее отечества. Русская боярская честь, т. е. самая развитая и высокая по общественному положению, с таким же донкихотством ставила личность под батоги (палки), кидала в тюрьму, кидала под стол за царским обедом, подвергала ее жестокой царской опале и все это делала с единым стремлением охранить неприкосновенность своего рода или отечества [6]. Лицо здесь было только средством, орудием для охранения и возвышения представлений о чести рода.

Вообще в нашем обществе, *отечество* личности, ее родовое *кровное* значение почиталось высшим ее достоинством, существенным достоинством вообще человека. На понятиях о таком только достоинстве построилась вся наша старая общественность, которая в существенном смысле была лестницею родо-

вого, а по его идеалам и всякого другого старшинства, так что каждый член ее, на какую бы ступень не восходил, всегда и везде становился выше одних, младших, и ниже других, старших, по ступеням этой лестницы.

Самым определенным и законченным выражением нашей древней *общественности* служит известное *местничество*, которое напрасно рассматривают с одной только официальной точки зрения, как официальное какое то учреждение или установление в роде таблицы о рангах. Официальный характер оно приобрело от официальной или собственно служебной среды, в которой стало действовать и которую оно стремилось пересилить, подчинить собственным своим искони-вечным уставам и порядкам. Действительно, происхождение местничества скрывается в глубокой древности. В древний период нашей истории оно не обнаруживало своих споров, стычек, и стало быть не обнаруживало как бы самого существования потому, что в то время оно было господствующею силою общественности, было святынею, неколебимым, неизменным и несомненным жизненным поло-

жением, которое оспаривать, с которым бороться не представлялось ни причин, ни случаев. Оно стало обнаруживать свое существование, т. е. свои движения или споры, лишь с той минуты, когда должно было вступить в борьбу с опасным своим противником — с идеею государственности. Оно нам и известно несравненно больше только стороною этой борьбы; т. е. своею отрицательною, а не положительною стороною. Положительную его сторону наука еще до сих пор не успела привести в должный порядок и выяснять.

Когда, в замен родовых, кровных определений лица, в замен родовых достоинств личности, новорожденная государственность поставила служебные ее достоинства, достоинства личной службы государю и его государству; — старая общественность ни как не могла понять этого нового шага в народном развитии и встретила враждебно эту новину жизни, боролась с нею до последних сил и до последних дней, даже и после того, как местнический устав официально был упразднен.

Само великое самодержавие, истребляя на своем пути все чуждые ему элементы, разру-

шая победоносно устройство целых и больших общин, упраздняя целые княжества, изводя целые княжеские и боярские роды, не находило однако ж достаточно силы обуздать местнические счеты, не находило ни какой возможности разом покончить с этими счетами и большею частью или подчинялось им или уклонялось от них, обходя их какими либо косвенными путями. И это понятно. Легко было победить какой либо внешний, формальный строй жизни или упразднить значение и даже самое существование целого ее порядка: но совсем было невозможно одною лишь волею разорить бытовой исконивечный строй народной общественности. Здесь приходилось считаться не с личностями только, не с вольными городами или княжествами и знатными родами, а с нравственным складом народной жизни, который мог уступить не личной воле самодержца, а только нравственному же складу, построенному на других началах.

Достоинство личной службы, внесенное самодержавием в среду общественных отношений, и было таким новым нравственным

началом жизни, способным изменить ее ветхую старину. Оно было зародышем той новой организации общественных убеждений и представлений, которая постепенно и последовательно вела к раскрытию и выяснению понятий о человеческом достоинстве вообще, о достоинстве человека, как человека, помимо всяких других определений его личности, и родовых и даже служебных, которые явились на смену этим родовым.

Нам, быть может, скажут, что силы нашей древней общественности лучше всего отыскивать в вече, в этой самой осязательной форме русского древнего общества. Мы и не думаем отрицать такого именно значения нашего веча. Но мы думаем, что местничество, как порядок мест, оно-то именно и есть выражение нашего древнего веча, вечевого собрания с внешней его стороны: оно-то и есть его реальная форма, т. е. форма собравшегося общества. Местничество, как порядок мест, служило выражением собравшейся государевой думы, а что такое была государева дума XVI и XVII ст., как не та же дружина, по крайней мере по форме, если не по духу, ибо дух ее в это

время, как мы знаем, отлетел уже навсегда. В истории форма всегда долго переживает свою идею. Дружина, собиравшаяся с князем на думу, собиралась собственно на вече. Дума и вече — синонимы в смысле совета, совещания. Местнический распорядок мест был формой собравшегося общества дружины, или формой вечевого собрания. Этот распорядок мест не зависел ни от чьей воли, даже и от воли великого самодержца, каков был напр. Иван Грозный, который ничего не мог поделать с такою старою и крепкою Формою русского быта. Чтобы разрушить ее, Грозному надо было сделать то, что сделал Петр, т. е. совсем смешать шашки; но в то время Грозный и сам еще не был готов для этого. Распорядок мест в думе, как мы сказали, не зависел ни от чьей воля; он вполне зависел от самого *устава* жизни, т. е. от устава общественных отношений личности. Местничество и было формой этих общественных отношений лица. Оно и указывало место для личности, когда она являлась в обществе, являлась членом общественного союза.

Мы не знаем ни порядка, ни уставов, как

собиралось знаменитое новгородское вече — этот высший тип всенародной, а не дружинной только думы. Исследователи новгородской старины не дают нам ничего ясного, определительного в этом отношении, отзываясь тем, что нет об этом подробных сведений. Однако ж необходимо знать: собиравшиеся на вече люди, как становились или как садились, или кто сидел и кто стоял, словом сказать, в каком порядке размещались собравшиеся вечники. Что какой либо порядок был в этом нет сомнения, особенно на вечах ежедневных, обыкновенных, а не бунтовых; да и бунтовые веча, все-таки были совещанием, думою, след. не могли же происходить без всякого порядка. Нам кажется, что вечевой порядок, размещение собравшихся вечников-думцев вполне высказывается уставом вечевых решений, а об этом мы имеем весьма положительное свидетельство еще от XII века, от эпохи, когда вечевая сила господствовала по всей земле.

«Новгородцы бо изначала и Смолняне и Кыяне и Полочане и вся власти (волости), якоже на думу на веча сходятся, на что же *ста-*

рейшии сдумают, на том же пригороде станут... Како нам любо, такоже створим, говорили старые города Ростов и Суздаль о мезинном городе Володимире: он есть пригород наш». Вот основная идея древних вечевых решений. (Лавр. 160).

Если таково было существо вечевых решений, то можно понять, что по его же смыслу строилась и вся форма вечевого собрания, что в думе на вече первая честь должна была принадлежать старейшим; место же служило только выражением, обозначением этой чести. Стало быть первая честь и первое место по необходимости отдавалось старейшему. Ум века почитал это дело несомненным и неизменным, а потому не являлись и самые счеты о местах, т. е. местничество в его собственном смысле. Они, как сказано, стали являться тогда, когда родовое начало стало разлагаться, когда в него стало вторгаться личное начало слуги государева, из которого потом народился и слуга государству, каким и был первым Петр Первый. Убеждение века тотчас же само разрешало сомнительные в этом отношении случаи, что мы и видим в

том же Новгороде: в 1211 г. посадник Твердислав уступает свое место по своей воле *старейшему* себя, Дмитру Якуничу, пришедшему тогда из (Киевской) Руси [7]. Если все это было так, то вече и по духу своих совещаний и решений и по форме людских отношений походило на собравшуюся *родню*, которая советуется о семейном деле. Это была община хозяев, разумевших себя больше родными, чем независимыми друга от друга и юридически определенными личностями.

Оттого такая неопределенность, неясность вечевых отношений, оттого не существует ни в летописях, ни в актах никаких подробностей о вечевом порядке жизни. Оттого новгородская душа не любит закона, связывающего деятельность, как замечает г. Костомаров (стр. 147, т. 2). Не зачем, было определять то, что искони было определено и существовало, как стихия жизни, было для всех ясно, всем известно и понятно, как божий день. Житейские отношения *родни* определяются сами собою и не требуют себе в помощь юридических каких либо обозначений лица. Незачем было определять людские отношения, давать

им закон и порядок, ибо они определялись сами собою, т. е. силою родовой идеи, в них господствовавшей.

Итак, наше старое общежитие в своих отношениях и даже в своих формах строилось и руководилось родовой идеею, идеею родства; наше старое общество в существе своем значило то, что значит слово родня: дух нашей старой общественности был дух родства, а не общества, ибо идея общества, идея общественная живет и развивается равенством лиц, равенством прав, равенством достоинств; напротив, родовая идея живет и развивается понятиями старшинства, след. понятиями неравенства, местничества, вообще понятиями достоинств родовых, а не личных, видовых. В ней господствует одно лишь, так сказать, физическое равенство, равенство природы, т. е. равенство родни, которое и производит для наших теперешних глаз оптический обман, именно в рассуждении равенства общественного, социального. Древнее право представительства, право веча, право думы, суть одно естественное право родии, по которому она непреложно должна участвовать в

общих делах своего рода. Самое вече по форме и по смыслу своих отправлений служило полным выражением этого права. На вече все делалось и совершалось как то неопределенно, не правомерно, как то по родственному, по братски, любовно, а в сущности все делалось и совершалось подчинением разуму к воле старейших: что старейшие сдумают, на том и пригороды, т. е. младшие, станут.

Вот почему и земские соборы XVI и XVII века являются в полном смысле только совещаниями родни, не нося в своих формах ничего определительного, законного, правомерного, такими совещаниями, где с полною откровенностью родственника возможно было высказывать все, что угодно; резко обличать существующую неправду; прямо, открыто указывать злоупотребления и вместе с тем заявлять свои исключительно эгоистические интересы, вовсе не помышляя об интересах общих: говорить обо всем и ничего не решать, в уверенности, что решение само собою явится мыслию и волею старейшей власти. Таков был смысл и характер нашего народного представительства в течении всего древнего

периода нашей истории и на вечах, и на соборах, и на мирских сходках: что старейшие судумают, на том и меньшии станут. Для меньших, решать дела, согласно своему мнению, существовало только одно право, право своей воли, которое разумеется всегда и утверждалось усобицею.

* * *

Мы рассматривали отношения родовой идеи к обществу и общественности, и старались объяснить, что дух нашего древнего общества и общественности был дух родовой власти и опеки, что эта власть и опека была начальною, господствующею стихиею русской жизни вообще. Нам необходимо остановиться теперь на действиях этого духа в личной жизни наших предков: раскрыть по возможности, как его силами и влиянием воспитывалась и вырабатывалась для жизни русская личность.

Подобно тому, как древняя наша общественность нашла себе типическое выражение в местничестве, так и родовая власть, строившая эту общественность, вполне и типически выразила себя в известном Домо-

строе. Это памятник неопределимого значения для нашей истории, это цвет и плод, с одной стороны, писаного учения, которое как раз пришлось в рост и в меру нашему непосредственному бытовому развитию, нашим непосредственно созданным своенародным и своеобразным идеалам жизни; с другой стороны, это цвет и плод исконивечных нравственных и хозяйственных уставов нашего быта. Домострой и есть зеркало, в котором мы наглядно можем изучать и раскрывать все, так сказать, подземные силы нашей исторической жизни. Это зеркало нашего древнего домашнего быта, зеркало нашего допетровского развития, зеркало общества и общественности. Пред этим зеркалом, то есть под его сильнейшим влиянием, совершилась постройка и нашего государства, которое в своем существе и до сих пор еще носит много тех же начал и тех же положений и определений жизни, какими исполнен этот многовековой источник нашего развития.

Известно, что Домострой написан или, вернее и точнее, записан, собран в порядок, в половине XVI века, благовещенским попом

Сильвестром, новгородцем по происхождению. Дело, конечно не в том, кто его записал, т. е. кто собрал в одно место живые и писанные учения, существовавшие изпокон века, «какостроити дом» и весь свой быт: священник Сильвестр или другой кто — это все равно. Составитель был только редактором этого памятника и если бы он что и прибавил свое, личное, то это свое так было обще для всех, что нет никакой возможности его указать. Здесь выражалась не личность, а все общество, почему и собирателем кодекса явился именно священник, как личность в полном смысле общественная. Поучение и наказание «какочити христианом», из которого возродился и развил свои положения Домострой, искони было прямым делом духовных отцов, иначе назвать — духовников народа. Священник-духовник, особенно в первое время, был единственным, исключительным источником учения и наказания; к нему обращались со всеми житейскими недоразумениями, со всеми вопросами, какие только внушались благочестивою мыслью, как устроит свое спасение и эту временную погибельную жизнь.

Оттого духовный отец становится как бы членом семьи и притом самым почетным членом. Естественно, что весь нравственный строй дома опирался на его поучение, естественно, что и сочинение писаного нравственного устава домашней жизни являлось его прямою обязанностью, исполнение которой для мирского человека, и по учению церкви и по разумению века, было бы даже предосудительно, ибо поучать и наказывать духовно мог только посвященный. С первых самых времен по принятии христовой веры духовные отцы уже упражнялись в составлении небольших учительных слов с упомянутым заглавием, или с другим заглавием: *поучение избрано от всех книг*. Эти слова и поучения сказывались в церквах, распространялись в списках, наполняли особые сборники писаний: Златоструи, Златоусты, Измарагды и т. п., служившие всегда настольными книгами в каждом доме, желавшем учения и назидания. Почти все-такие слова были заимствованы у отцов церкви, переведены или переделаны, или же составлены *выбором* (избрано от всех книг) целых фраз и речений,

пригодных для назидательной дели. В этом отношении Домострой представляет для нас новый интерес: он является цветом нашей старой книжной образованности, именно ее поучительной стихии; он является, так сказать, цветом ее общих мест, общих фраз. В сущности, весь он есть общее место нравственной и хозяйской жизни.

Мы имели случай указать заимствования Домостроя по преимуществу из слов Иоанна Златоуста [8]. Но не должно думать, что такие заимствования были простые непосредственные выписки из книг. Напротив, тексты, внесенные в Домострой, иногда целиком слово в слово, были заучеными, ходячими речами, присловьями в устах духовных учителей. Они усвоивались непрерывным чтением и употреблением на всякий пригодный случай; они по необходимости точно и верно заучивались, ибо в том заключалась и цель книжного ученья. Таким образом, если требовалось составить или сказать какое либо поучение, то, не только слова, но и целые речи из запаса памяти являлись сами собою, так что все дело писателя подобных поучений

заклучалось лишь в известном расположении этих памятных текстов соответственно его мысли и намерению. Можно вообще заметить, что все старые наши поучения, наказания, слова, русского сочинения, составлялись этим путем. Оттого в каждом из них легко встретить те или другие выражения из поучений отцов церкви, не как приводимый текст, а как бы собственную речь составителя, его заученные словеса, о которых он вовсе и не думает, что это словеса чужих текстов; оттого так редко встречаем мы в подобных литературных памятниках *свои слова*, ибо к тому же говорить своими словами значило низводить писание с его священной высоты и самое поучение и наставление людей обращать в простую пошлую беседу о вседневных нуждах. Особый склад и самый звук церковного слова должен был действовать, как и теперь действует на души поучаемых с тою торжественностью чувства, которая всегда составляла существо религиозного учения и которая поэтому всегда требовала неизменности и неприкосновенности церковного слова. Таким образом Домострой по естественным причинам

явился, как мы упомянули, цветом и соком общих мест церковного учения, направленного к нравственному устройству дома. Это в литературном смысле. В практическом, жизненном смысле, он явился точно также цветом и соком, таким же общим местом русской нравственности, возделанной в течении веков на почве писания и на почве исконивечных бытовых идеалов.

Состав Домостроя — все это поучение и наказание «отец духовных ко всем православным христианам», выразился главным образом в пяти отделах: 1) како веровати; 2) как царя чтити и вообще светскую власть; 3) как чтити святительский и вообще духовный чин или духовную власть; 4) како жити в миру или наказ о мирском строении и 5) хозяйственный, экономический наказ о домовном строении.

Кто же является центром всех этих поучений?

К, кому собственно обращается Домострой с своим наказательным словом, кого он почитает твердою опорой для своих назиданий, с кем он собственно ведет речь. Кто этот *ты*,

кто этот *сам*, к которому Домострой относит свои речи во втором лице, в то время, как на-зидание остальных он выражает преимуще-ственно и почти везде в третьем лице, а если иногда и во втором, то собирательно, как к де-тям, к домочадцам. Кто этот *сосуд избран*, ко-торый должен не себя одного нести к Богу, но многих, сознавая этих многих, как собствен-ную влагу, сохраняя эту влагу наученьем и наказанием, любовью и грозой, чтоб донести ее до угодного Богу назначения, в целости наибольшего нравственного совершенства.

Домострой именует этот сосуд *государем* дома, также *настоящим*, *большим*, прилагая ему, как нераздельную с ним ночву для его нравственной деятельности, жену, чад и до-мочадцев. Стало быть в существенном смыс-ле Домострой признает самостоятельную, лишь одну личность родителя — с значением главы дома, т. е. с значением государя или осподаря — хозяина и нравственно и имуще-ственно большого или настоящего в доме или во дворе. Мы уже упоминали, что таково именно было понятие древнего века вообще о достоинстве личности. Все другие лица дома

служили как бы необходимою обстановкой, необходимым придатком этой *настоящей* личности.

Младенчествуящее общество очень высоко ставило личность родителя как основную силу родовой власти, которая служила прямым и ближайшим органом и для власти общественной. Вот почему и писаное учение возвысило эту власть в лице родителя до последней крайности. В одном из кратких и древнейших наших домостроев (поучение избрано от всех книг) оно заповедует: «родительяж, аще кто имать, да чтить яко Бога [9], теми бо познахом свет сей; поклоняйтесь им за оутра и вечер, на ложа идя. Аще бо человек чтить родителя своя, то весь закон свершил есть. И тогда сын *свободен* есть, егда спрячеть кости родителя своя». Таким образом самостоятельное значение сына возможно было только по смерти родителя.

Непомерно возвышая и освящая в лице родителя домашнюю власть, писаное учение вместе с тем возлагало на главу дома и великую нравственную обязанность строить и охранять нравы дома, великую нравственную

ответственность во всем, чтобы ни совершилось в доме, не только со стороны собственных чад, но со стороны и всех чад дома, всех работающих дому. Глава дома нес великую ответственность, пред Богом за это нравственное тело, называемое домом. Глава дома, в действительности иначе и не сознавал своих отношений к домашней своей среде. Дом в своем нравственном составе был нераздельным целым, был на самом деле одним нравственным телом, все члены которого были исполнены сознания, что они лишь служебные члены, и что всему начало в этом теле глава — домовладыка, государь этого государства.

Тот же древний домострой поучает: «рабы водите в наказании, с тихостью учаще добрым безпорочным, и чтя их, да негде мистятъ у притчи. Аще ли не послушают, то раны разумеючи, дати, яко и те Божия создание суть, но вам даны суть Богом на службу... а что суть у вас рабы и рабыня, Богом даны вам на службу, теми паки достойно печися вам и душами их, от зла возбраняти им и на покаяние приводити: а к церкви принужати, *вы бо есте*

изумени домовсвоих; аще ли кто без покаяния умрет у вас или не крещен, то вам ответ дати за душу ту пред Богом...» [10]

Другой, столько же, если не более древний домострой поучает так: «Чада моя милая! Еще вы глаголю: челядь свою кормите, якоже до сыти им, одевайте, обувайте. Аще ли не кормите, ни обуваете, а холопа твоего убьют у татбы или робу, то за кровь его тебе отвецати. Темже набдите *сироты* своя во всем, и учите и на крещение и на покаяние и на весь закон Божий. Ты бо еси, яко и апостол дому своему, кажи (казни) грозою и ласкою. Аще не учишь, то ответ въздаси за то пред Богом. И Авраам бо научи своих домочадец 300 и 18 всему добру закону и добру норову. Страх бо Божий приемше, не опечалят на старость тебе. Аще ли тебе не послушают ни мало, то лозы на ны не щади, якоже Премудрость Божия глаголет до 4 или 6 ран, или за 12 ран. Аще ли раб и рабыни не слушает, и по твоей воли не ходит, то загода (пригодно) лозы нань не щадити до 6 ран и до 12. Аще ли велика вина, то и 20 ран. Аще ли велми велика вина, то 30 ран лозою, а более 30 ран не велим. Да аще та-

ко кажете и (наказываете их) и добре одеваеши и кормиши, то благ дар приимеши от Бога» [11].

Эти поучения по всем признакам принадлежат к ранней эпохе нашего христианства, быть может к XI и, по крайней мере, к XII веку, т. е. вообще к эпохе до-татарской. Само собою разумеется, что начинающаяся церковь вместе с начинающимся обществом иначе не могла определить и устроить отношения домашней семейной общины, которая и в народном сознании и в сознании самой церкви вся сливалась в лице своего домовладыки. Но причины, почему домовладыка должен был становиться игумном, апостолом дому своему существовали и в последующие века; поэтому Домострой XVI века развивает это учение, как несомненный и непререкаемый догмат нравственной жизни общества. Он отделяет для этого учения особый *«наказ о мирском строении, как жити православным христианом в миру с женами и с детьми и с домочадцы и их наказывати и учити и страхом спасати и грозю претити и во всяких делах беречи, душевных и телесных, чистым быти, и во всем са-*

мому стражу над ними быти и о них пеци-ся, аки о своих удех», утверждая жизненное, практическое значение и смысл этого наказа таким рассуждением: «Господу рекшу: будете оба в плоть едину. Апостолу рекшу: аще страждет един уд, то все уды с ним страждут. Також и ты, не о себе едином пецыся, но о жене и о детях своих и о прочих и о последних домачадцех — вси бо есмы связаны единою верою к Богу: и с добрым сим прилежанием имей любовь ко всем в Бозе живущим и око сердечное взирающе к Богу и будеши *сосуд избран*, не себе единого несый к Богу, но многи, и услышиши добрый рабе и верный: буди в радости Господа Бога своего».

На этом-то наказе построена вся нравственная практическая философия нашего древнего века. Этот наказ составляет так сказать душу, основу и всех поучений Домостроя; он присутствует в нем повсюду, почти во всякой строке, где только дело касается поучения и назидания.

Написав *память* о том, «как избную порядню устроить хорошо и чисто», Домострой назидает государыню-хозяйку: «Всего того и вся-

кой порядни жена (чтоб) смотрила и училиаб слуг и детей добром и лихом: не имет слово, — ишо ударить. И увидит муж, что не порядливо у жены и у слуг... инобы умел свою жену наказывати всяким рассужением, и учити. Аще внимает — любяти и жаловати. Аще жена потому научению и наказанию не живет... и слуг не учит, ино достоин мужу жена своя наказывати и ползовати страхом на едине; и понаказав и пожаловати и примолвити... И слуги и дети такоже, посмотри по вине и по делу, наказывати и раны возлагати; да, наказав, пожаловати.... А только жены или сына или дщери, слово или наказание неимет, не слушает и не внимает и не боитца, и не творит того, как муж или отец или мати учит, — ино плетью постегать, по вине смотря. А побить не перед людми, на едине: поучити да примолвити и пожаловати; а никакоже не гневатися, ни жене на мужа, ни мужу на жену. А про всяку вину по уху, ни по виденью не бити, ни под сердце кулаком, ни пинком, ни посохом не колоть; ни каким железным или деревянным не бить: кто с сердца или с кручины так бьет, — многи притчи от

того бывают: слепота и глухота, и руку и ногу вывихнут, и перст: и главоболие и зубная болезнь; а у беременных жен и детей повреждение бывает во утробе. А плетью с наказанием бережно бити: и разумно и больно и страшно и здорово. А только велика вина и кручиновато дело и за великое и за страшное ослушание и небрежение, — ино сойма рубашку плеткою вежливенько побить, за руки держа; по вине смотря, да, поучив, примолвити; а гнев бы не был; а люди бы того не ведали и не слышали, жалоба бы о том небыла... а не кается и не плачется о грехе своем и о вине, то уже наказание жестоко надобеть, что бы был виноватый в вине, а правый — в правде; а всякому греху покаяние... а поклонны головы и мечь де сечет, а покорно слово кости не ломит» [12].

Домострой закрепляет свой наказ следующим обращением к мужу или главе дома: «аще муж сам того не творит, что в сей памяти писано, и жены не учит, ни слуг своих, и дом свой не по Бозе строит, и о своей душе не радит, и людей своих по сему писанию ни учит, и он сам погублен в сем веце и в буду-

цем и дом свой погубит и прочих с собою. Ащели добрый муж о своем спасение радит, и жену и чад своих наказует, такоже и домочадцев своих всякому страху Божию учит и законному христианскому жительству, якоже есть писано, — и он вкупе со всеми в благоденстве по Бозе жизнь свою препроводит и милость Божию получит».

В другом месте, в «наказе мужу и жене и людем и детем как лепо быти им», — Домострой укрепляет свое поучение такую же грозою о великой ответственности владыки дома пред Владыкою мира и тем же милованием за доброе выполнение его устава. «Ащели небрежением и нерадением сам, или жена мужним ненаказанием, согрешит или что зло сотворит, и вси домочадцы, мужи и жены и дети, подаревым (твоим) ненаказанием, каков грех или что зло сотворят, или брань, или татьбу, или блуд: все вкупе по делам своим примут, зло сотворший муку вечную, а добросотворшие, (иже сущие с тобою вкупе — и которые с тобою вкупе) богоугодно поживше, жизнь вечную наследят в царствии небесном. А себе *большый венец* примемши, понеже

не о себе едином попечение имея к Богу, но и сущих с собою введе в жизнь вечную».

Таково было великое и высокое значения господаря дома, такова была великая и страшная его нравственная ответственность пред Богом, и именно за свой дом. Он один за всех должен был «ответ дати в день страшного суда», как говорит Домострой в другом месте. Эта священная обязанность и великая ответственность сами собою уже давали владыке дома самые полные, безпрекословные, самые широкие права поступать в доме единственно только по собственной воле, ставить началом всего домашнего нравственного и хозяйственного строя только свою волю. Практическая жизнь главным образом это только хорошо и понимала в учении Домостроя, по той особенно причине, что Домострой ничего определительного не говорит о том, какова должна быть сама эта господарская воля. Он учит ее только не гневаться, исполнять свои наказания сознательно, разумно, с самообладанием, без сердцов, и смягчать их тотчас любовною приветливостью, пожалованием: наказать да и пожаловати, по-

учить да примолвити. Но этим самым он вполне и обрисовывает существо и свойство господарской воли. Он иначе ее не понимает, как волю родителя, а родительская воля по его же убеждению, сама себе образец и сама себе наука. В ее отношениях к подвластной среде ни каких определений быть не может. Определения воли должны распространяться только в этой подвластной родителю среде. Вот почему Домострой особенно и настаивает, чтобы господарь жены, чад и домочадцев как возможно заботливее определил их волю.

«Казни сына своего от юности его, и покоит тя на старость твою, и даст красоту души твоей. И не ослабляй бия младенца: аще бо жезлом (лозою) биеша его, не умрет, но здравее будет; ты бо, бия его по телу, а душу его избавляеша от смерти. Дщерь ли имаши, положи на них грозу свою, соблюдеши я от телесных, т. е. греховъ.... Любя же сына своего, учащай ему раны, да последи о нем возвеселишися.... И не даж ему власти (воли) во юности, но сокруши ему ребра, донележе растет, а ожесточив, не повинет ти ся; и будет ти досаждение, и болезнь души, и тщета домови, по-

гибель имению и укоризна от сусед, и посмех пред враги, пред властели платеж и досада зла».

Очень понятно, что от детей, Домострой, по заповеди Господней, требует повиновения и послушания родителям во всем. «Со страхом раболепно служите им, заключает он свое наказание, да и сами от Бога мзду примете и жизнь вечную наследите, яко совершители его заповеди». Но этот наказ детям, как и самый приведенный выше наказ отцу «како дети учити и страхом спасти», в духе своем, как и на самом деле, распространялся и ко всем живущим под властью домовладыки. Пред его лицом все были детьми, не исключая и их матери или его жены. Домочадцы же, т. е. слуги со всеми своими семьями стояли ниже степенью и детей господаря, ибо почитались чадами дома, чадами всего господарского семейства. Таким образом поучение: «казни сына своего», как и поучение о повиновении детей, практически относилось ко всякому без исключения члену господарского дома. Оно служило единым основанием домашнего господарского быта. Такое же дет-

ское послушание Домострой налагает и на жену: «жены мужей своих вопрошают о всяком благочинии: како душа спасти, *Богу и мужу угодити* и дом свой добре строити; и *во всем ему покорятся* и что муж накажет, то с любовью приимати (и со страхом внимати) и творити по его наказанию.... а повся бы дни у мужа жена спрашивалась и советовала о всяком обиходе, и вспоминала, что надобеть. А в гости ходити и к себе звати: ссылатся с кем велит муж....» Домострой определяет для жены даже и то, как и о чем с гостями беседовати. «И то в себе внимати: у которой гостьи услышит добрую пословицу: как *добрые жены* живут и как порядню ведут, и как дом строить, и как дети и служак учат; и как *мужей своих слушают* и как с ними спрашиваются и как *повинуются им во всем...*» Равновесия отношений между мужем и женою Домострой и не предчувствует. Доля жены в нравственном смысле есть доля детская. Она с одной стороны первый из домочадцев, как первый и ближайший слуга мужа, на обязанности которого лежит весь домашний обиход. С другой стороны — она старший из детей,

правая рука мужа.

Конечно, на самом деле, положение жены могло быть и в действительности бывало лучше чем то, какое рисуется учением Домостроя. Но лучшим это положение бывало уже по требованиям самой жизни, но ни как не по учению Домостроя, которое, напротив, своими освященными, авторитетными речами отдавало жену в полную опеку мужа, след. ставило ее не только в детские, но и в рабские отношения к нему, и все это утверждало исконивечным уставом доброго и богоугодного жития.

Муж, gospodarь дома, оставался таким образом единым лицом, самостоятельность которого была несомненна и ничем непререкаема. В этой одной только форме личность признавалась самостоятельной и обществом. На этом одном лице утверждался и союз общезжития. Это одно лицо было, так сказать, целым, полным лицом. Все остальное имело значение не полноты, не оконченности, вообще значение детства.

Таковыми-то учениями созидался и укреплялся в народном сознании идеал родовой

или родительской власти, что в сущности одно и то же. Значение этого идеала в древнерусской жизни, его влияние на народный ум, на все представления народа о житейских отношениях, были так сильны и велики, что самая оценка даже исторических событий и подвигов рассматривалась по преимуществу с точки зрения того же идеала. Так, всякое проявление личной или общественной самостоятельности, всякое малейшее движение личной или общественной независимости тотчас же возбуждало нравственное осуждение, как порок гордости, самонадеянности, высокоумия. Конечно, это осуждение всегда имело в виду христианский идеал смирения, во имя которого оно и распространяло свои поучения о гордости: но самый идеал смирения мог получить особенный смысл, самый раболепный, только под сильным влиянием библейского идеала родовой власти, которая, как мы видели, смирение, покорение возносила на высоту главнейших добродетелей жизни, и именно для младшей ее среды, для младшей и в домашнем и в общественном значении.

«А гордым Господь Бог противится, а сми-

ренным дает благодать...» — «Бог бо не любит высокия мысли нашия, возносящегося смиряет...» Вот учение, которое проходит очень сильною чертою по всей нашей истории и особенно в нашем бытовом развитии. Литература, не только книжная, но и устная, непосредственная, чертит множество образов с целью утвердить эту истину, сделать ее вполне осязательною и очевидною. Летописцы пользуются каждым подходящим событием или подходящим случаем, чтобы напомнить людям крайнюю очевидность этой истины. Пришел князь Ярослав Святополчич на Андрея к городу Владимиру (южному): «разгордевшу, надеяся на множество вой, и молвяше так Андрееви и горожаном: то есть град мой; оже ся не отворите не выйдите с поклоном, то узрите, завтра приступлю к граду и възму город». Но на разъезде под городом его убивают изменнически свои же два ляха. Итак «умре Ярослав, один в толикой силе войска, за великую гордость его, понеже не имеяше на Бога надежи, но надеяся на множество вой. Виждь что преодоле гордость... прочее, дружино и братье, разумеите по котором есть Бог, по гор-

дом-ли или по смиренномъ». Новгородцы, напр., с самого раннего времени, прославляются гордыми за то, что крепко держат свою самостоятельность и независимость против княжеских притязаний. Случилось в 1169 году, что войска Андрея Суздальского опустошили ново-городскую область, хотя потом с великим уроном сами были отбиты от Новгорода. Летописец пользуется случаем и рассуждает: так сих людей новгородских наказал Бог и смирил их до зела... за гордость их навел на них...»

Вообще именем гордости обозначалось всякое независимое или самостоятельное деяние, где бы оно ни обнаружилось. В этом смысле и московский князь Симеон был прозван *гордым*.

Приводить новые тексты, в которых с большею или меньшею силою развивается этот идеал смирения, значит, касаться одного из самых любимейших мотивов нашей древней литературы, который проходит, как бы основною ее нитью через все века и не только в книжных, заимствованных, но и в народных, самобытных произведениях. Из послед-

них, наилучшим и наиболее пластическим выразителем этого идеала служит известная «Повесть о Горе-Злосчасти», в которой живыми красками изображается *ослушание родительское*, вообще непослушание, непокорение и не поклонение родителям, а, в сущности, безнравственное, по тогдашним понятиям, и самонадеянное стремление личности *жить, как себе любо*. Это-то стремление к самостоятельности и независимости приравнивается, и с полным основанием с точки зрения родового идеала, к детской глупости. Повесть описывает жизнь молодца, оторвавшегося от родного корня, в сущности, жизнь личности *гулящей*, и в том смысле, что она сбилась с настоящей дороги, повела себя развратно; и в том смысле, что она хотела жить свободно, самостоятельно, независимо от родительской опеки, ибо, по понятиям века, жить без опеки значило тоже, что жить гулящим путем, развратно.

Молодец, захотевший жить, как ему любо, был в то время «мал и глуп; не в полном разуме и не совершен разумом». Только глупый и мог решиться скинуть с себя родительскую

опеку, хотябы и сознавал в себе силу и возможность жить своим разумом. Глупо это было потому, что уму века не представлялось и самой мысли о том, что личность может существовать без опеки. Без опеки, она непременно должна погибнуть. Эта идея и составляет главный мотив рассматриваемой «повести». В доказательство своей правды, она, эта идея, вначале рисует самостоятельную жизнь доброго молодца завидными красками: он наживает деньги, друзей; честь его, как река течет. «Другове к молодцу прибивались, род племя причитались...» Все у него есть, но нет у него главного, нет воли, а из родительской воля — опеки он ушел, стало быть, потерял точку опоры и за это самое и должен быть наказан злою долею. В этом и заключается вся его вина — послушание родительское. Повесть ничего другого и не думает изобразить, как одно назидание, что вышедший из родительской води молодец всегда падает. Его друг, названный брат, заводит его в избу кабацкую. Не хочется молодцу друга послушаться; принимается он за питья за пьяные и просыпается обобранным до нитки. В лохмотьях, стало

срамно молодцу появиться к своему отцу и матери, и к своему роду и племени, и к своим прежним милым друзьям. Пошел он на чужую сторону; попадает на пир к добрым людям, рассказывает свое *ослушанье родительское*: «ослушался я отца своего и матери, благословенье мне от них миновалось; Господь Бог на меня разгневался... *Отечество мое потерялось*, храбрость молодецкая от меня миновалась!» Он, таким образом, теряет свое достоинство; в собственных глазах, он становится ничтожным. Он просит добрых людей научить, как жить на чужой стороне, в чужих людях. Добрые люди, т. е. само общество, эта чужая сторона, поучают его так: не буди ты спесивь на чужой стороне: покорися ты другу и недругу, поклонися ты стару и молоду, будь скромн, нельстив и не лукав, смирение ко всем имей, с кротостью держися истины с правдою... то тебе будет честь и хвала великая... Таковы требования жизни в обществе, которое иначе не представлялось исполненному родовой идеи уму, как *чужою* стороною.

На чужой стороне стал жить молодец, умелый; от великого разума наживал он живота

(богатства; больше старого. Словом сказать, самостоятельность его стала несомненною. Он задумал жениться, срядил честный пир *отечеством* и *вежеством* и на пиру похвастался, что стал совсем независим, — наживал де я живота больше старого. А всегда гнило слово похвальное, похвала живет человеку пагуба! За эту похвалу, а, в сущности, за сознание своей независимости и свободы, которое, по естественным причинам, личность не могла не высказать, за это ей готовится пагуба, готовится кара в образе Горя-Злосчастия. Подслушало Горе-Злосчастие хвастанье молодецкое, само говорит таково слово: не хвались ты, молодец, своим счастьем, не хвастай своим богатством; бывали люди у меня, Гора, и мудрее тебя и досужее, и я их, Горе, перемудрило: учинися им злосчастие великое; до смерти со мною боролися; во злом злосчастии позорилися...

Вот судьба, ожидавшая всякую личность, которая высвобождалась из родовой опеки, которая отрывалась от родового корня, которая теряла свое отечество. Это судьба ребенка — сироты, брошенного на произвол слу-

чайностей. Так личность и понималась нашим древним веком, когда она устремлялась жить, как себе любо. Индивидуальной жизни, индивидуальных стремлений вовсе не существовало в его сознании. Жизнь *родом*, а не личностью, жизнь в круговой зависимости и в круговой опеке — это жизнь правильная и счастливая. Жизнь, отделившаяся от своего целого, естественно, жизнь неправильная, не обстоятельная; жизнь горя-злосчастия, которого «гнездо и вотчина в бражниках». В действительности так, большею частью, и бывало. Оторвавшаяся от родного союза личность разумеется, очень редко могла выдержать борьбу с случайностями самостоятельного житья-бытья, ибо выходила она на эту борьбу, в самом деле, глупым, малым ребенком, т. е. с ребяческим воспитанием своей воли. Поэтому, Горе-Злосчастие и становится олицетворением личной свободы человека, живущего на своих ногах, без всякой опеки. Образ Горя-Злосчастия есть образ свободной личности, начертанный нравственным учением века, в назидание молодому поколению. От этой кары никуда нельзя было уйти.

Горе-Злосчастье неизменно приводило молодца к бражничеству, соблазняло его безответственной жизнью нагих-босых и преследовало его всюду.

Прожившийся молодец идет в чужудальную сторону, встречает на пути реку, а за перевоз заплатить нечего. С тоски и с голоду он хочет лучше в реке утопиться.

Полощи мое тело, быстра река! Ино ежьте, рыбы, мое тело белое! Ино лутчи мне жития сего позорного! Уйду ли я у горя злосчастливого! Но воскликнуло Горе: стой ты, молодец, меня, Горя, не уйдешь никуда! А в горе жить — некручинну быть! а кручинну в горе погинути! Спамятуй, молодец, житие свое первое: и как тебе отец говорил, и как тебе матери наказывала; о чем тогда ты их не послушал? Не захотел ты им покориться, постыдился им поклониться, а хотел ты жить, как тебе любо... а кто родителей своих (на добро) учения не слушает, того выучу я, Горе злосчастное. Покорился молодец Горю нечистому, поклонился Горю до сыры земли.

Покорность и здесь награждается тем, что молодца перевозят даром через реку. Добрые

люди напоили, накормили его, сняли с него одежду кабацкую и дали ему платье крестьянское, да и присоветовали ему идти на свою сторону, к своим родителям, проститься (помириться) с ними, взять от них благословение родительское. Пошел молодец в свою сторону; но горе наперед зашло, везде его встречает. Ты стой, не ушел добрый молодец! не на час я к тебе горе злосчастное привязалось... Полетел молодец соколом, полетел сизым голубем, побежал молодец в поле серым волком, стал в доле ковыль-трава, пошел в море рыбою: — везде горе готовило ему напасть на напрасной смерти. Наконец оно научает молодца богато жить — убить и ограбить, т. е. сделаться разбойником. Но молодец вспоминает *спасенный* путь и уходит в монастырь, постригается. Горе остается у святых ворот, к молодцу вперед не привяжетца».

В этом подвиге молодца вполне и высказалась даже историческая правда, что единственным исключительным прибежищем для индивидуальной жизни был монастырь, к которому, по этой причине, всегда и стремилась, искавшая себе спасения, наша допетровская лич-

НОСТЬ.

Хотя мы и видим, что эта назидательная повесть олицетворяет свою кару Горя-Злосчастия, как бы исключительно за послушание родительское; однако, необходимо помнить, что отношение родовой опеки к свободе личности никогда иначе и не могло выразить своих положений, как в этой частной форме, которая, в сущности, была общею формою всяческой опеки. Об этом свидетельствует даже и сама повесть; изобразивши в начале происхождение и общую характеристику человеческого рода, она обозначает это свое введение к повести общею чертою: таково рождение человеческое «от отца и от матери», т. е. таково происхождение и свойство человеческой природы.

«Ино зло племя человеческо: вначале пошло непокорливо; ко отцову учению зазорчиво; к своей матери непокорливо, и к советному другу обманчиво. А се роди пошли слабы, добру-божливи [13]; а на безумие обратилися и учили жить в суете... *А прямое смирение отринули.* И за то на них Господь Бог разгневался; положил их в напасти великия...

все *смиряючи* нас, наказуя и приводя нас на спасенный путь».

Таким образом, главным мотивом повести остается все тот же, общий во всей поучительной литературе, мотив смирения, покорения, послушания, с отрицанием всякой непокорливости и гордости, именем которой, как мы заметили, обозначалось и все самостоятельное в действиях человеческой личности. В этом отношении повесть о Горе Злочастия есть только поэтическое воспроизведение основных учений Домостроя.

* * *

К каким же практическим результатам приводили все эти поучения и наказания, как эта теория являлась в практике, какую личность, с каким характером воспитывал и выпускал на общественную деятельность этот домашний, семейный строй жизни? Иначе сказать: какую личную *волю* приготавливал для общества наш древний Домострой?

Мы видим, что с одной стороны, в лице старшего, он воспитывал, утверждал и освящал самый безграничный произвол, стало быть, полную необузданность воли. С другой

стороны, в лице каждого младшего, он воспитывал, утверждал и освящал беспрекословное покорение и послушание, безграничное приращение личности, полное детство и раболепство воли. Между этими двумя крайностями, мы не видим ни какой середины.

Родительская опека, как единая нравственная сила, державшая весь строй нашего древнего общества, и помимо писанного учения, по естественной причине, должна была водворит в умах непреложное убеждение, что *воля старшего есть закон для младших*. Это была сама сущность родительской власти, вытекавшая из естественных, непосредственных отношений отца к своим детям. Разумное начало, утверждавшее такие отношения, основывалось на том факте, что физически малолетний, в действительности, не способен еще руководиться своею незрелую и потому глупую, неразумною волею. Ребенок иначе и не мог обнаруживать свою волю, как только по детски, неразумно; поэтому разум и воля старшего, по необходимости, являлись здесь руководителями и опекунами малолетней воли. На этом утверждалось *семейное на-*

чало жизни. Но тот же закон распространялся дальше, шире, когда семья развивалась в целый *род*; а так как род представлял, в сущности, только размножившуюся семью, то и начало его жизни и действий оставалось тоже. Как умножившаяся семья, *род* распространяет семейное начало жизни, родительскую опеку, на множество лиц, которые, с его точки зрения, в нисходящей степени все, в действительности, оказываются малолетними, а потому и неразумными пред восходящею степенью, непременно требующими руководства и опеки. В родовом распорядке лиц физическое старшинство, как мы сказали, приобретает уже смысл старшинства нравственного. Это-то нравственное старшинство, при дальнейшем развитии родовых понятий, становится господствующею силою племенной, а вслед за нею и общественной жизни, в которой, по закону такого развития, трудно было народиться представлению о том, что личность носит в себе не родовой, подчиненный, а независимый, особый, единичный индивидуальный смысл. По родовым понятиям, совершеннолетие личности наставало не

вследствие ее физического и нравственного развития, а только вследствие ее родового, а, по его идеалу, и всякого другого старшинства; или, говоря вообще, вследствие старшего, властного положения в обществе, потому что бытовая власть, как мы говорили, была собственно властью отеческою, носила в себе лишь одно существо, существо родительской опеки. Родич всегда оставался малолетним к восходящей линии своего рода. Он физически вырастал, но нравственно старики все еще почитали его малолетком и не выпускали из своей воли; и такое малолетство могло, в известных родовых обстоятельствах, продолжаться до его собственной глубокой старости. Это понятно; но менее понятно то, что тот же самый взгляд на существо человеческой личности неизменно господствовал и в общественном сознании, в порядке и складе общественных отношений, во внутреннем, нравственном складе всего вашего древнего жителя-бытия. Практический, жизненный смысл отеческой воли заключался, как мы видели, в личном родительском произволе, в той, еще до сих пор не умершей, и чуть не врожден-

ной, нравственной аксиоме, что «мое детище: хочу с кашей ем, хочу масло пахтаю», как мыслит еще современный нам родитель, и как мыслил XII век в лице старшего города, как мыслил потом дед Грозного, в. к. Иван Васильевич, сказавший Псковичам: «чи не волен яз в своем внуке и в своих детех? Ино кому хочю, тому дам княженство...»

Очевидно, что такая воля и для малолетних, и особенно для малолетних в общественном смысле, не могла иметь ни какого другого смысла, как смысл произвола, смысл простой грубой силы ли насилия, смысл обыкновенной физической силы, в какой, под видом ученья — битья, по преимуществу, и проявлялась эта воля старшего или родительская воля. Но этот произвол, в глазах массы, освящался не только авторитетом своего происхождения, т. е. происхождения из непререкаемой власти родительской, но и учением церкви, которая утверждала и распространяла его, как единственную силу общественного союза. В убеждениях массы этот произвол, эта воля старшего, построившая по своему идеалу и всю бытовую власть, являлась какою-то пер-

возданною физической стихией, в роде огня, воды, пред которою, по необходимости, должна была приникать всякая самостоятельность, а тем более самостоятельность индивидуальной личности.

Малолетний, т. е. ребенок, отрок физически, равно как и ребенок, *отрок* общественно, чувствовал на каждом шагу силу этой воли — стихии, и по необходимости ею одною воспитывался, воспитывал свои понятия и свои стремления. Других начал, других источников для развития и образования собственной воли он не имел. Его со всех сторон охватывала среда произвольных поступков, произвольных действий, которые представляли практическое только выполнение целого нравственного учения об авторитетной воле старших. В этом учении он выяснял себе понятие не о нравственной свободе человека вообще, на чем и должна бы созидаться воля; напротив он выяснял себе твердое убеждение о подчинении такой свободы произволению старших, как исключительных, от рода и от века поставленных, блюстителей нравственного закона. Он выяснял себе твердое убежде-

ние, что никто не должен иметь воли (свободы) в качестве человеческой личности, а всякий должен обладать ею только в качестве старшего, в качестве отца своим детям, и в прямом, и в переносном смысле, т. е. в смысле всякого властного положения в обществе. Воспитанный в родительском произволе, в произволе старших вообще, крепко убежденный, что этот произвол, иначе родительская и родовая опека, есть священная воля самой нравственности, неколебимая основа нравственной жизни; что этою только одною волею держится не только связь семьи, рода, но и связь всего общества, всей земли; — старый наш предок, вступая в жизнь уже возрастным, более или менее сознательным ее деятелем, ничего не мог принести в нее другого, как те же самые понятия и убеждения, как тот же основной смысл воли вообще и своей в особенности, тот же произвол, который представлял для него единственную и исключительную норму действий и деяний.

Действуя по такому умоначертанию, по такому развитию и складу своего нрава, он не мог в собственном сознании отделить закон-

ного от незаконного в этом отношении, потому что здесь для него ясен был один только закон — воля или произвол старшего, стало быть, *своя воля*, когда он *сам* делался старшим, властным, т. е. свободным и самостоятельным по его понятиям и представлениям. Истинных понятий о нравственной свободе лица не могло существовать в обществе, где родовой дух с такою силою пригнетал, давил личность, т. е. всякую человеческую индивидуальность. Поэтому идея свободы понималась также материально, как и идея воли, и свобода значила собственно освобождение от чужой воли, а следовательно приобретение своей воли; или в сущности приобретение нравственной или материальной силы распоряжаться в данных обстоятельствах полным хозяином. Идея самостоятельности, нравственной независимости была нераздельна с идеей самовластия, а еще ближе, с идеей самоволия и своеволия. Вот почему мы, люди другого времени и других понятий о законах нравственности, не имеем права слишком строго судить об этом неизмеримом и безграничном *своеволии и самовластии*, которое

так широко господствовало в нашем допетровском и петровском обществе, и особенно мало имеем права осуждать за это отдельные, а тем более исторические личности, которые всегда служат только более или менее сильными выразителями идей и положений жизни своего общества.

Своеволие и самовластие в ту эпоху было нравственною свободою человека; в этом крепко и глубоко был убежден весь мир-народ; оно являлось общим, основным складом жизни. Это была общая норма отношений между старшими и младшими, между властными и безвластными, между сильными и бессильными, между независимыми и зависимыми, и в физическом, и в нравственном, и в служебном, и в общественном, и в политическом отношениях. Это был нравственный закон жизни, выращенный ею же, самою жизнью, из почвы родового, патриархального быта и отеческих поучений; закон, которому противоречия, отрицания являлись только в среде государственных, вообще гражданских, социальных, стремлений, постоянно, хотя и не всегда успешно, с ним боровшихся. Нужно

было очень много времени для того, чтоб этот закон, в борьбе с государственными, т. е. социальными элементами, износил свои жизненные начала, сделался дряхлым и ветхим, каким он представляется нашему сознанию только теперь, в начале второго тысячелетия нашей исторической жизни, все еще, время от времени, давая нам иногда сильно чувствовать, что не совсем угасло его престарелое существование.

* * *

Само собою разумеется, что историк, в своих разысканиях и размышлениях о характере многих событий нашей истории и особенно о характере, действовавших в этих событиях лиц, не мог не заметить, не мог не почувствовать особенной, как бы основной черты, проходящей по всей нашей истории и неизменно появляющейся в каждом, сколько-нибудь сильном и наиболее выразительном ее действии, особенно за последние два века перед реформой. Трудно было хорошо выяснить себе эту основную черту, найти ее истинный, жизненный смысл. Тому очень мешали наши взгляды, исполненные западных идей, запад-

ных представлений об исторических силах, развивавших тамошние народности. Западными идеями мы по преимуществу измеряли и собственное, историческое развитие; делали ему оценку с точки зрения западных представлений о свободе и рабстве, о праве и государстве, о социальной общине, об обществе и общественности, а главным образом, о свободной и независимой личности. Отсюда: развившееся в Москве самодержавие мы объясняли и до сих еще пор объясняем татарскою идеею, которая будто бы в нем воплотилась и, как самое Батыево иго, беспощадно громила все свободные, самостоятельные учреждения совершенно свободной, будто бы «удельно-вечевой» нашей старины. Западный человек, исполненный идей о правах независимой личности, иначе и не мог смотреть на наше дело, как именно такими глазами. По его взгляду и мы так поняли основной закон нашей истории и вследствие того подняли нашу семейную и вечевую общину до идеала, какой возможен только в поэзии. Древняя семья-община предстала нам в образе угнетенной невинности; между тем, она-то и была

первою причиною этой татарской идеи, наилучшею почвою ее воспитания и развития. Самодержавие в своей самовластной форме XVI и XVII века явилось роскошным цветом, плодом именно родовой культуры, которая заботливо воспитывала нас с самых первых времен нашей истории. Не зная хорошо самих себя в истории и во всем своем, даже современном быту, мы, по неизбежной причине, должны были удаляться больше в поэзию, чем идти к здравому, чисто научному исследованию. Мы и теперь все еще идеализируем нашу прошлую жизнь по плану иноземных идей. Однако разработка нашей исторической науки все-таки подвигается вперед и здравый реализм, который характеризует ее в последнее время, незаметно наводит нас на иные соображения о действующих силах нашей истории.

Сводя счеты всей деятельности и действительности старой Руси до эпохи преобразования, историк ни как не мог не почувствовать той основной черты в наших исторических характерах, о которой мы ведем речь.

Он должен был заметить ее присутствие

повсюду и, следя главным образом за Формами жизни, по естественной причине, остановился на самой выразительной, законченной, поэтической ее форме, которую создал сам народ. Историк очень верно охарактеризовал эту черту эпическим богатырством. Богатырь, в самом деле, в народных поэтических представлениях, является образом самостоятельной, независимой, вполне свободной личности, как рисовал ее себе наш старый век.

Указывая общее направление или общую силу деяний русского человека в XVII ст.; историк говорит: «Быт русского народа до эпохи преобразования вполне выражается в его поэзии; одних ее памятников достаточно для верной, общей оценки этого быта... Вслушавшись внимательно в эту длинную и однообразную песню русского народа, которую он заводит от Киева и Царягорода, и ведет через Волынь, Галич, Чернигов, Новгород, Москву к Казани, Астрахани и Сибири, мы видим ясно, что это народ, проживший восемь веков в одинаковых исторических условиях. Любимый образ фантазии певцов это *богатырь-казак*, названия однозначные. Как в X, так и в

XVII веке русский мир был на Украине; как в X, так и в XVII веке человек, которому было тесно в избе отцовской, у которого *сила по жилочкам живчиком переливалась, которому было грузно от силушки, как от тяжелого бремени*, отправлялся в степь-поле, где ему легко найти, на ком попробовать свою силу молодецкую. Многие переменялись в государственном строю России с X до XVII века, от времен ласкового Киевского князя Владимира до времен великого царя Алексея Михайловича, всея Великия, и Малыя, и Белые России самодержца, но удальцы по прежнему шли в степь *поляковать* (от *поле*), на Дону образовалось большое военное братство удалых *поляниц* (опять от *поле*), где каждому богатырю можно было набрать себе дружину и идти на подвиг. Таким образом для народа была возможность через целый ряд веков петь свою песню на один лад, потому что содержание ее было живо перед его глазами; богатырь не умирал в козаке, и наши древние богатырские песни в том виде, в каком они дошли до нас, суть песни казацкие, о казаках».

Таким образом выходит, что допетровское

русское общество со стороны общего характера своих подвигов, деяний и былей, переживало еще древний, эпический склад быта. Богатырство, как известный закон личного характера, было исходным началом личной деятельности, личного *деянья*. Понятно, что образом богатырства может быть обрисовано и казачество, весьма, видное и в полном смысле эпическое явление нашей истории. Историк распространяет смысл богатырства и на все другие, с виду однородные, явления жизни. Он ставит его обще характеристическою чертою нравственной жизни общества, а следовательно типическою чертою жизни отдельных лиц. С этою целью он дает нам эпическую характеристику богатыря, рисует вообще *сильного* человека, нашей старины: «Молодой человек чувствует тяжкий груз силы», чувствует тоску по степи, и говорит матери: «Ай же ты, государыня, моя матушка! давай же прощеньице — благословленьице: поеду я во далече — далече чисто поле, хочу разгонять бурушка косматого, хочу поразмять своего плеча богатырского, спробовать силы-удали молодецкия. *Долго ли мне жить*

во глупом, во малом во ребячестве, ходить мне дома по улице широкия, с ребятами тешиться»? Пока молодой человек не вырвется в чисто-поле, все он будет жить в глупом, малом ребячестве: *от глупого ребячества до возмужалости нет «переходного времени образования»*. Страшен бывал сильный человек, вырвавшийся прямо из глупого, малого ребячества на *полную волю*, в чистое поле, и начавший разминать свое плечо богатырское. Песни превосходно изображают нам эту расходившуюся силу, которая не сдерживается ничем; эти поэтические изображения объяснят нам не одно явление не только в древней, но и в новой нашей истории, которая не могла разом отрешиться от старых условий. Илья Муромец, рассердившись, что его не позвали на пир, стреляет по божьим церквам, по чудным крестам и отдает золоченые маковки кабацкой голи на пропив, хочет застрелить князя Владимира с княгиней. Когда Василий Буслаев расходился в бою с новгородцами, то не пощадил крестного отца. Мать, чтоб унять расходившегося богатыря, заходит сзади и падает на плеча могучие; богатырь говорит ей:

«ты старушка лукавая, толковая! умела унять мою силу великую, зайти догадалась позади меня. А ежели б ты зашла впереди меня, то не спустил бы тебе, государыне матушке, убил бы заместо мужика новгородского».

Вот основные черты того характера, который служит типическим выражением нашей допетровской жизни, который управляет эту жизнь во всех ее крупных и мелких делах. Как ярко и живо в этом изображении выясняется нам лик и самого Петра, этого последнего богатыря нашей эпической древности и первого выразителя всех сознательных элементов русской личности. Какое кровное, самое ближайшее родство чувствуется в этих героях, стоящих по ту и по сю сторону нашей исторической жизни. Восемь веков сливаются в один момент и обнаруживают, что это люди не только одного и того же поколения, но даже одной семьи. Историк далее еще больше уясняет нам богатырские черты старинной нашей личности. По поводу автобиографии известного протопопа Аввакума он говорит: «Важность памятника (автобиографии) заключается в том, что он лучше других

памятников переносит нас, в Россию XVII века, от которой мы отошли так далеко и явления которой мы с таким трудом понимаем, придавая историческим лицам XVII века черты нашего времени, наши воззрения и стремления. Мы имели возможность узнать, что такое был сильный человек в древней России, как силы богатыря мало сдерживались, как они не были устроены и направлены *воспитанием и образованием*, ибо плеть и палка одни не могут содействовать этому устроению и направлению, как богатырь вырывался из отцовского дома, из под отцовской плети и палки размять плечо богатырское, и что могло тут сдержать его? сама мать должна была заходить сзади, чтоб унять расходившую силу. Подробности жизни Никона много уясняют нам явления этих богатырей среди общества, невыработавшего нравственных сдержек для хаотических богатырских сил. До тех пор, пока мы не перенесемся в XVII век и не взглянем на Никона, как на богатыря в патриаршей митре и саккосе, до тех пор это явление останется для нас загадочным, а Никон не перестанет изумлять нас своею *силою*

и *бессилием*. В соответствии богатырю патриарху XVII век выставляет нам богатыря — протопопа, вследствие несдержанной *силы* ставшего заклятым врагом Никона и расколочителем. Аввакум в драгоценном житии своем является не один, но окруженный целою дружиною подобных ему богатырей, которые расходились в защиту двуперстного сложения и двойной аллилуйи и *не могли найти себе удержу*; тут же близко познакомимся с особого рода богатырями — юродивыми, которым также грузно от *силушки*, как от тяжелого бремени, и которые освобождаются от этого бремени тем, что ходят в лютые морозы босиком в одной рубашке: толпа, видя проявление такой *силы*, вполне верит и подвигам Ильи Муромца и Добрыни Никитича, как рассказываются они в сказке и поются в песне».

«В житии Аввакума встречаем мы и старых своих знакомых, воевод, таких охотников давать чувствовать свою силу, встречаем и Сибирских воевод, этих русских Кортесов и Пизарро, которые ходят на прииски новых земель и которые совершенно разнуздались в далекой стране среди диких зверей и диких

людей. Наконец встречаемся и с дикою силой толпы, которая так легко выражается в насилии».

Итак, вот смысл того богатырства, которым по преимуществу характеризуется эпоха и люди. Это стало быть богатырство дикой, первозданной силы, неустроенной и необразованной воспитанием, богатырство необузданной или разнузданной воли, от которой самому богатырю становится *грузно*, как от тяжелого бремени, — это богатырство первозданного своеволия и самовластия. Конечно, богатырство, в этом распространении своего смысла и значения, теряет уже свой истинный, поэтический тип, весьма определенно и законченно выразившийся в народном эпосе. В отношении исторической действительности оно является натяжкой, едва не карикатурою. В народном эпосе значение и даже происхождение этих богатырских сил очень понятно, — там это не более, как эпическое олицетворение сил народного духа, олицетворение сил и направлений всей жизни народа. Но, перенося эпический смысл богатырства на мелкие и крупные дела людей XVII века, в

среду ежедневной действительности, мы уже имеем дело не с поэтической правдою, а с правдою историческою, с *нравственным* историческим началом жизни и по необходимости должны спросить: откуда это начало, где его корень? Историк не отвечает на этот вопрос; он даже и не ставит такого вопроса, полагая, вероятно, что для уяснения дела достаточно одной параллели эпического богатырства с действительным богатырством нравственных дел XVII века. А вопрос очень любопытен и очень важен. В нем ключ к разъяснению характера не только отдельных личностей, но и целых событий нашей истории. Одною параллелью с богатырством эпическим объяснить его невозможно. Очевидно, что корни исторического богатырства должны лежать в той почве, которая вообще именуется культурою народа, его нравственною и умственною выработкою или выправкою. В короткой характеристике старинного обучения, историк мимоходом касается и этого вопроса, замечая, что «с одной стороны древний, русский человек начинал очень рано общественную деятельность, недоноском отно-

сительно приготовления, образования, с неокрепшими, духовными силами; с другой стороны, он делался самостоятельным очень поздно, потому что вместо широкой, нравственной опеки общества, он очень долго находился под узкою опекою рода, старых родителей (старших родственников); но легко понять, как должна была действовать эта долгая опека на человека возмужалого, который сам был отцом семейства. Таким образом два обстоятельства вредно действовали на гражданское развитие древнего русского человека: *отсутствие образования*, выпускавшее его ребенком к общественной деятельности, и продолжительная родовая опека, державшая его в положении несовершеннолетнего, опека необходимая впрочем, потому что, во-первых, он был действительно несовершеннолетний, а во вторых, общество не могло дать ему нравственной опеки. Но легко понять, что продолжительная опека делала его прежде всего робким перед всякою силою, что впрочем нисколько не исключало детского своеволия и *самодурства*»[14].

В том-то и дело, что продолжительная опе-

ка прямо и непосредственно воспитывала это своеволие и самодурство, которое и составляет сущность указанного историком богатырства уже не эпического, а исторического, как мы заметили, которое правильнее будет называть не богатырством, а господарством. В том-то и дело, что *не отсутствие образования*, а именно, слишком тяжелое присутствие *известного образования*, выразителем которого был Домострой с своими родоначальниками и родичами, и не отсутствие со стороны общества нравственной опеки, а именно до крайности великое и осязательное ее присутствие, до крайности сильно выработавшиеся, известные, нравственные сдержки всякой личной самостоятельности, — вот что именно воспитывало и развивало каждый личный характер и делало его с одной стороны *робким*, ребенком, дитятею, *пред всякою силою*, а с другой самовольным, своевольным, т. е. самовластным пред всяким отсутствием силы, пред всяким ребенком по силе. Совершенно справедливо, что личный характер выступал к общественной деятельности совершенным ребенком. Дух этого «глупого малого ребяче-

ства» и был первою основою его нравов, а стало быть и первою основою его поступков и подвигов. Но не потому он выступал в общество ребенком, что не было от глупого ребячества до возмужалости переходного времени образования: образование, имея слишком общий, неопределенный смысл, даже и до последнего времени плохо устраивает нашу волю, которая в общей сложности все-таки действует еще по детски; — но главным образом потому старый наш предок вступал в общество и жил в обществе ребенком, что не имел и малейших представлений о возмужалости воли, т. е. о нравственной самостоятельности лица, на чем конечно должно бы сосредоточиваться всякое образование, но что всегда маскирует или и совсем отстраняет, как великую напасть, образование, поддерживаемое патриархальными или родовыми идеями. Мы знаем, что напр. в XVIII веке было у нас образование; однако оно даже в образованных личностях нисколько не устраняло того эпического богатырского своеволия и самовластия, которое крепко еще держалось за старые русские корни и широко царствовало во

всем быту. Мы вообще хотим сказать, что образование ничего не сможет сделать, если вся общественная, и умственная, и нравственная культура питается противоположными ему началами. Тогда оно производит только печальные плоды и наиболее только жертвы умственных и нравственных несообразностей, какие всегда порождает борьба просвещения с закоренелым невежеством.

Точно тоже мы должны сказать и о нравственной опеке общества. Если есть общество, то есть и опека и именно нравственная. Весь вопрос в том, на чем общество стоит в своем воззрении на нравственное, что общество почитает нравственным? Ибо по этому вопросу каждый век имеет свои особые созерцания и убеждения. Наше общество было сильно лишь родовыми идеями, отчего мы и называем его не обществом, а родством. Существо нравственной идеи, которая была руководителем всех помыслов и поступков старого русского человека, когда он стремился взойти на высоту нравственной жизни, заключалось в том, чтобы во имя родового идеала сдерживать до принижения нравствен-

ную свободу и нравственную самостоятельность личности. В умственной культуре для этого существовал целый нескончаемый ряд представлений о господстве над жизнью человека неведомых демонических сил, перед которыми самостоятельность и свобода личности поникала в полное сознание своего бессилия и ничтожества. В нравственной культуре существовала идея отеческой опеки, перед которою точно также нравственная самостоятельность и свобода личности поникала в полное сознание своего детства, стало быть такого же ничтожества. Полное всестороннее подчинение ума и воли этим началам было нравственностью века. Но в одном знаменателе что же выражала эта нравственность? Полное отрицание самостоятельности нравственных индивидуальных сил человека, полную его нравственную зависимость от посторонних сил, перед которыми он стоял беспомощным ребенком; словом сказать, полное и глубокое сознание своего беспомощного детства, глупого малого ребячества, во всех случаях, где именно требовалась вера в достоинство и нравственную высоту человеческой

природы, в ее полную независимость ни от добрых, ни от злых разных сил, т. е. независимость от первоначальных языческих идей и идеалов жизни.

Общество или, точнее, пропитанный идеями всесторонней опеки над личностью, общественный ум чутко и зорко сторожил всякое и малейшее отступление от сознанных им начал жизни и даже от самых их форм. Детство ума он охранял и укоренял тем, что обзывал всякое его движение страшным в то время словом: ересью, а всякую книгу, не входившую в круг его созерцания, еретической. Детство чувства и воли он охранял и укоренял неустанным преследованием всякого выражения самостоятельности, почитая это гордостью, высокоумием, самонадеянностью и т. п. нравственными грехами, и с этой целью широко развивал идею смирения, а в сущности идею повиновения, безграничного принижения личности во всевозможных видах.

Такова была нравственная опека общества над личностью, действовавшая во имя нравственного совершенства, которое все сводилось, как мы сказали, к всестороннему от-

рицанию природных человеческих требований и природных человеческих достоинств личности.

Эта-то опека и создавала тот тяжелый, душный мир, из которого вырваться было возможно только с силою богатыря. Она-то и производила богатырей необузданной воли; но не потому, что недоставало им переходного времени образования, или нравственной опеки общества, а потому что слишком эта воля была зануздана. Тут становился сильным естественный закон, что крайность вызывает другую крайность; отрицание самостоятельности человека в природе его нравственных дел, являлось отрицанием в нем самом его человеческих свойств и он, по неизбежной причине, делался зверем своей воли, или говоря поэтически становился богатырем.

Для действий такой воли, конечно необходим был простор, необходимо было *поле*. Как только человек, после 30 летнего сиденья сиднем в своем доме, т. е. в доме, исполненном родительской и общественной опеки, выезжал в поде, он богатырствовал, как Илья Му-

ромец. Для одних, счастливых, таким полем была власть, властное авторитетное положение в обществе; для других, угнетенных и чем либо утесненных, таким полем было действительное поле, степь, куда, кик в нравственную и социальную отдушину, уходило все, что чувствовало себя не по себе в этом тесном и душном жилище всяческой опеки. Отсюда разбойная жизнь по большим дорогам и рекам, особенно по Волге-матушке, отсюда украинское казачество, отсюда усиление бродяжничества, т. е. в сущности искание независимости и самостоятельности для личности, которая не могла иначе, т. е. лучше, разумнее, законнее и возвышеннее, понимать и чувствовать эти блага своей человеческой природы. Отсюда развитие нашего раскола и этот широкий нигилизм разных его согласий и толков. И все это обуславливается одним и тем же началом нашего развития и всей нашей культуры, тою же непомерною отеческою опекою, в какой постоянно находился и до сих пор находится наш ум и наша воля; тою же родою идеею, которая была главною и непосредственною воспитательницею и на-

ших добродетелей, и наших пороков.

С первого взгляда может показаться очень странным: старинная родительская философия и житейская практика со стороны всяческой власти стояла на том, чтоб *не давать воли* малому, т. е. малому или меньшему во всех отношениях, и домашних, и общественных. Это было коренное, неколебимое убеждение века в его нравственной сфере, убеждение, созданное развитием и делами самой жизни. Это было коренное, несомненное начало, руководившее прежде всего воспитанием детей, след. родительскою властью, а потом всяким начальством, всяким управлением в житейской среде, начиная с домовладычества и восходя до владычества в каком либо воеводстве или наместничестве, или даже в государстве. На этом начале крепко стоял смысл всякой власти, сколько бы ни была она мала или велика. Оно господствовало везде и недопускало никаких других понятий о подчиненных, подвластных, как только о детях, о малолетних или о домочадцах, которыми *управлять* — значило *не давать им воли*. Сюда были направлены все поучения, вся прак-

тическая философия того времени, вся же-
сточь практических выполнений этой фило-
софии.

Следовало ожидать, что воля должна со-
всем утратить свою жизненную упругость,
свою жизненную энергию. Внутри оно так и
случилось. Восьмивековой период, живший
одною идеею успел окончательно подавить,
заглушить волю; но за то, взамен воли, этот
многовековой период успел вырастить самое
безграничное своеволие, от которого старина
ни как не могла отличить волю в собствен-
ном смысле. Вот почему в нашей истории мы
видим, что воля богатырствует везде, где
только является *своею волею*. Мы видим, что
волю брал всякий и везде, где только явля-
лась возможность и где не встречалось дру-
гой, чужой воли, на столько сильной, чтоб не
давать забирать свою волю. Таким образом,
воля, как мы уже выше говорили, представля-
лась чем-то материальным, внешним, чем-то
таким, что можно было давать и не давать,
брать или не брать. Высокого нравственного
смысла человеческой свободы она не имела;
она носила один лишь смысл животный, вы-

ражалась в животных формах и требовала животных средств для направления и отправления своих действий.

В настоящем случае мы не имеем намерения останавливаться на перечислении всех видов богатырствования, к каким приводила, вырвавшаяся из удушливой опеки *своя воля* личности. В истории нам знакомее всего богатырствование властного человека, которое всегда поддерживалось и поддерживается обыкновенно положительными законами и учреждениями. Оно всегда за них и прячется, как за каменную стену. История наших властных отношений, даже до сих дней, исполнена такого богатырствования. Здесь идея опеки находила себе положительное и весьма широкое выражение, ибо всякая власть сама по себе имела авторитет, смысл власти отеческой, веками освященный.

Должно вообще заметить, что если мы хорошенько всмотримся в это богатырство необузданного самовластия, которым исполнена наша история, хорошенько вникнем в непосредственные и посредственные причины этого всеобщего жизненного явления, то

едва ли станем удивляться даже и такому типу нашего *самовластного* богатырства, каким был Иван Грозный. Народ ему и не удивлялся. Он вынес его, как страшную физическою грозу, с чувством страха, с чувством ежеминутной гибели, с мыслью, что тут ничего не поделаешь, что это бушует и все грозит непобедимая первожданная стихия. Народ потому и не удивлялся, что здесь на самом деле бушевала первожданная стихия его быта: оттого бушевала, что воплотилась в самые широкие размеры личной воли старшего. Народ, напротив, отнесся к Грозному не только без всякой ненависти, но и с большим сочувствием, как к эпическому богатырю — покорителю Татарских царств и выводителю *измены* из Русской земли. Очень понятно, что на сентиментальный взгляд наших отцов и на гуманный взгляд наших современников такой разгул нашей первожданной стихии, не только возмутителен, но и ни с чем не сообразен и совсем непонятен; Однако ж в свое время он был терпим, он был в порядке вещей, он был в сущности только наиболее сильным, выпуклым выражением той же

нравственной богатырской, вполне эпической силы, которая руководила жизнью всей народной массы, которая проявляла себя повсюду.

Мы вообще напрасно думаем, что богатырство самовластия являлось характерною чертою только в органах государственной, правительственной власти. Оно было существенным характером всякой власти, как в домашнем, так и в общественном и политическом быту. Самое существо власти, как мы уже говорили, иначе не представлялось, иначе не понималось, как под видом *само* — властия; самое существо человеческой свободы и представлялось и понималось, только под видом того же — *самовластия*.

Недаром Грозный явился вместе с Домостроем. История выразила в этих двух формах многовековые плоды русской жизни. Домострой был вполне законченным *словом* ее нравственного и общественного идеала. Грозный был самым *делом* того же идеала, также вполне законченным, после которого русская жизнь должна была идти уже по другому направлению, искать другого идеала. Грозный

окончил самый запутанный акт русской драмы — истории. Он указал дорогу к высвобождению личности и обрисовал собою будущую личность освободителя личности Петра. После Грозного старина опять было вздохнула в лице боярского царя Шуйского; но напрасно Шуйский провозглашал восстановление ветхого права боярской думы ограничивать волю самодержца — его голос не был ни кем услышан. Государево дело уже выпадало из боярских рук и становилось делом всей земли. Земля требовала новой жизни, новых сил развития, искала новых идеалов... Целые столетия прошли в смутах и волнениях. Земля двигалась из конца в конец, двигалась в самой глубине своих убеждений и воззрений. Приближалось что-то неведомое *новое*... Тем сильнее подымалось все *старое* и высказывалось в самых резких, последних очертаниях. Званный идеал наконец явился в образе Петра, уже не первого отца и первого господаря обществу, а первого его слуги, первого его неутомимого работника. Это уже наш идеал и нас от него отделяет только старая прапрадедовская форма самовластия, завещанная еще

Грозным, которую Петр по необходимости носил, потому что в ней и родился, и оттого так ей и сочувствовал.

Итак, самовластие было жизненным началом старого русского быта; оно было олицетворением родовой идеи, которая построила наш быт. Оно во имя этой идеи держало личность многие века в нескончаемом детстве, и во всякой крепости. Естественно, что по этому пути оно должно было выработать для личности условия самого низменного, рабского принижения пред всякою властью.

Но как ни было широко рабское принижение личности под тяжестью родовой и самовластной идеи, все-таки это принижение не имело в себе того характера, которым обозначается действительное рабство, полное рабство азиатское, африканское, или даже юридически выработанное рабство западной Европы. Русское рабство, к которому привело народ, повторим еще, широкое, всестороннее развитие в жизни родовой идеи, никогда не было, да и быть не могло таким полным, законченным рабством. В сущности, это было *детство*, а не рабство. И если это детство вы-

ражалось действительно в унижительных рабских формах, то в этом сказывалась только наивная первозданная природа родовых отношений, возвышавшая непомерно родительскую власть, а по ее идеалу и всякую другую власть. Людские отношения кристаллизовались по одному и тому же везде присутствовавшему идеалу отношений семьи-рода, где старшая власть, даже и возрастных, и стариков, и всех равняла с малолетними, а потому равно от всех требовала к себе отношений детства, а не равенства. Эти-то отношения детства, в которых в нашем быту выражались людские отношения ко всякой предержавшей власти, представляются по естественной причине формами рабства и даже самым рабством, по той простой причине, что здесь большие, старики, вообще люди уже независимые и самостоятельные, являются по форме отношений к старшей их власти совершенными детьми. Ярче всего принижение русской личности выразилось в пресловутом *челобитье*, в этом битье головою до земли, без которого невозможно было встретить какую либо власть, и особенно очень старшую,

т. е. господарскую, владеющую, стало быть в полном смысле родительскую, напр. помещицью, воеводскую, а тем более царскую. При всем том наше челобитье по существу своему являлось лишь первородною формою чести, какую должны были воздавать дети родителям. Другого смысла оно в себе не носило. Это была форма родового приличия, форма сыновнего почтения к родителю, которая распространилась и на общественные отношения, потому что все общество организовалось силою родового духа, введившего повсюду свои уставы и порядки, свой строй жизни. От родового корня пошла наша внутренняя, нравственная жизнь, от этого корня произошли, народились и все ее формы, не исключая даже и государственной. Вот почему в нашем рабстве, в его существе, постоянно скрывалось какое-то родственное благодушие, смягчавшее даже и силу крепостных отношений, так что раб, и холоп становились у нас детьми, чадами дома, рабские и холопские формы отношений всегда приобретали смысл отношений детских, вообще отношений малолетства к возрастным.

Особенно живую картину таких именно отношений представляет напр. царский отпуск полковых воевод в поход на польского короля, происходивший 23 апр. 1654 г., при царе Алексее. На отпуске, как и на приезде к государю, бояре и все другие лица, которые допускались видеть его пресветлые очи, обыкновенно целовали его руку, что и называлось вообще: быть у государевой руки. Каждый, по порядку подходя к государю, сначала поклонялся до земли, целовал руку, а затем отошедши, опять кланялся до земли. В настоящем случае торжественный отпуск совершался в Успенском соборе, после молебна. Тут же всех полчан царь звал к себе *хлеба есть*. Стол был в Передней Избе. После стола, после кубков и медов, двадцатипятилетний царь прощался с полчанами и особенно с главным воеводою кн. Алексеем Никитичем Трубецким. «И царь паки звал бояр и воевод к руке. И бояре шли един за единым. И царь кн. А. И. Трубецкого своими царскими руками принял к персем своим, главу его, для его чести и старейшинства, зане многими сединою украшен и зело муж благоговеин и изящен и мудр

в божественном писании и предивен в воинской одежде и в воинстве счастлив и недругом страшен. И кн. А. И. Трубецкой, видя такую *отеческую* премногую и прещедрую милость к себе, *паки главою на землю ударяется [15] со слезами, до тридесят крат*».

На прощаньи с меньшими полчанами, дворянами и жильцами, государь угощал их из своих рук белым медом и говорил речь, на которую они отвечали также речью и поклонялись *до седми крат*.

Все это черты отношений по преимуществу детских, отношений меньшей родни, а не рабов. Во всех этих отношениях господствовало наиболее чувство родства — отечества и детства, а вовсе не чувство рабства; господствовало чувство тесной, неразрывной родовой связности людей, а не чувство юридически выработанных отношений рабов к господину. В глубине этих-то чисто родовых отношений и скрывается весь смысл нашей истории, нашей нравственной и общественной культуры.

* * *

Если мы согласимся, что таковы были бы-

товые нравственные силы, действовавшие в нашем допетровском обществе, то вопрос: какое положение занимала в этом обществе женская личность, уясняется сам собой. Если идея личности совсем не была сознаваема, то могла ли существовать самая мысль о самостоятельном положении личности женской. По причинам, указанным выше, эта личность почиталась мало-летней по преимуществу, почиталась ребенком, над которым была необходима самая полная опека. В начале главы мы заметили, что положение женской личности в каком либо обществе всегда и вполне рисует положение самого общества, т. е. состояние его умственных и нравственных сил, состояние его образованности и гражданской свободы. По этому, какую правду сознающая и рассуждающая мысль говорит о женской личности в данную эпоху, тою же правдою вполне должно характеризоваться и то общество. Строгая характеристика Котошихина, перенесенная с женской личности на целое древнерусское общество, очень верно определяет существенные черты его положения, его умственного и нравственного со-

стояния. Можно дознаться, выражаясь словами Котошихина, отчего б такому обществу быть гораздо разумным и смелым, т. е. свободным, когда грамоте оно неученое (умственно неразвитое) и не обычай тому есть, когда, от младенческих лет и до старости, оно живет в тайных покоях, т. е. во всякой умственной и нравственной опеке и цензуре, и никого и ничего не видит, т. е. ничего не знает опричь самых ближних, родственников учений и наказаний Домостроя. Можно дознаться, отчего такое общество породным разумом простовато, на отговоры несмысленно и стыдливо, т. е. отчего оно неподвижно целые столетия, отчего в нем не действует живая сила человеческой свободы и нет в нем развязных свободных движений ума и воли. Это общество, как берегло женскую личность от стороннего глаза, от мира-света, так оно берегло и само себя от всякого умственного света, в несказанной боязни, что, как проникнет к нему такой свет, то растленными явятся все основы его нравственности... Оно точно также жило за замками в высоком терему, именно в терему своих многовековых, душ-

ных и тесных воззрений на свободу личности вообще и на самую свободу в особенности. Оно все крепче и крепче притворяло этот терем, все плотнее обгораживало его высоким тыном церковных, государственных, общественных, домашних запрещений и разных анафем, так что личность, вследствие напора самой истории, самой жизни, вырвавшаяся, наконец, из этого терема, ни чем другим не могла явиться, как полнейшим нигилистом, всесторонним отрицателем всего прожитого, потому что в этом прожитом она видела и знала только одну полицейскую опеку родовой власти и ни каких общечеловеческих сил развития. Оттого и последовал такой быстрый разрыв общества с своею стариною, которую оно очень скоро совсем забыло. С XVIII века отрицание стало жизненною силою нашей общественной культуры. Мы отказались сами от себя, ибо ничего в себе не чувствовали и не находили положительного, основного, с чем бы возможно было показаться в люди. Этот новый двигатель нашей жизни, с особенною силою работавший в XVIII ст., еще продолжает свое существование и до сих пор. Он лучше

всего и со всех сторон выразился и пластически нас изобразил в нашей литературе. К нашему счастью, нынешние реформы вносят в нашу жизнь действительно положительные основы развития, которые и не замедлят совсем упразднить уже в высшей степени обветшавшее начало родовой самовластной опеки с ее неизменным спутником — отрицанием и всяческим нигилизмом.

ГЛАВА II

ГЛАВНЫЕ ЧЕРТЫ ЖЕНСКОЙ ЛИЧНОСТИ В ДОПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ

Языческое время: княгиня Ольга. Влияние византийской культуры. Постнический идеал. Происхождение терема. Боярыня Морозова. Царевна Софья и значение царского девичьего терема в конце XVII ст.

На пределах нашей допетровской исторической жизни, по ту и по сую сторону, стоят две очень замечательные женские личности, которые в действительности пользовались общественными правами, занимая высокое общественное положение. Одна почти начинает нашу историческую жизнь, по крайней мере принадлежит к первым лицам, дающим этой жизни начальное движение и направление; другая заканчивает и так сказать замыкает древний период русской жизни. Одна, вместе с тем, как общественная личность, носит в своей деятельности характер прямых,

положительных условий жизни, является тем, чем должна быть русская женщина — язычница, является идеалом, которым народ выразил свои представления о достоинстве женской личности, в каких именно чертах это достоинство наиболее казалось ему высоким и желанным. Другая, напротив, является только отрицанием положительных условий жизни, является вовсе не тем, чем должна быть русская женщина — христианка, по крайней мере по учению и по идеалам века. Она является плодом жизненной смуты, плодом растления положительных жизненных условий быта.

Мы говорим об Ольге — княгине и Софье — царице.

Несмотря на мужественный тип Ольги — язычницы, который с такою самостоятельностью открывает историческую жизнь русской женщины и тем самым как бы дает сильный образ для последующего развития этой самостоятельности, мы однако же не видим в последующей истории, чтобы русская женщина употребила себе в пользу это богатое наследство. Семь сот слишком лет, которые отделя-

ют друг от друга Ольгу и Софью, не представили ни одной личности, сколько-нибудь равной им по значению. Семь сот лет таким образом протекли без следа для развития женской личности в смысле самостоятельного члена общественной, а не семейной только, жизни, так что и самостоятельность царевны Софьи, как упомянуто, явилась собственно отрицанием тех положений быта, какие были выработаны этим семисотлетним периодом русской истории.

Летописный образ Ольги исполнен эпических, народных очертаний. Она предстает нам идеализированною и как матерая вдова, и как женщина вообще, и наконец, как женщина-христианка.

По смерти Игоря Ольга осталась вдовою с сыном Святославом, стало быть, *матерою* вдовою. В тот век она имела естественное, положительное и ни в чем неоспоримое право *сидеть на вдовьем столе*, как выражаются о таком праве даже позднейшие юридические памятники, т. е. сидеть на княженьи, управлять землею или по простому понятию управлять домом, владеньем, имуществом

умершего князя, каким в сущности и была для князей в то время русская земля. Это был, по всему вероятию, очень старый обычай, общий для славянской земли, гораздо древнейший, чем призвание варягов. Таким образом, вместе с обычным правом сидеть на вдовьем столе, Ольга, по своему положению, как вдова князя, и главное вдова матерая, получает общественное политическое значение. Она в действительности управляет землею, как князь. Она самолично с маленьким сыном и дружиною идет мстить Древлянам за смерть мужа и покоряет их Киеву окончательно, с тою хитростью — мудростью (напр. истребление нарочитых, лучших, людей земли) которая употреблялась несколько столетий спустя, при собирании земель Москвою. Она сама ходит по Древлянской земле, уставляя *уставы* и *уроки*, т. е. законодательствуя, давая порядок в определении даней и оброков.

Вслед за тем она сама ходит по всей русской земле, точно также, уставляя дани и оброки, устроая землю, как самый деятельный и мудрый князь. Об этих земских ее походах и уставах память жила еще в XI–XII столетиях,

т. е. спустя сто-двести лет. Еще тогда по всей земле оставались ее знаменья, места, погосты, ловища и перевесища. Это значит, что в XI–XII столетиях устройство земли во многом и по всему вероятно в самом главном, в оброках и данях, оставалось еще тоже самое, какое дано было Ольгою; оставались те же места, погосты, становища, в которых со времен Ольги утвердились местные данничьи и судебные центры княжеского управления. Из летописного рассказа видно, что народ очень дорожил памятью об этой действительно замечательной личности, ибо еще после нее сохранялись во Пскове ее сани.

«Ловища и перевесища» указывают также, что Ольга в своих походах «деяла ловы», т. е. охотилась, как добрый князь. В этом нельзя и сомневаться. Если она сама ходила воевать с Древлянами, сама в лесах и болотах новгородской области устанавливала дани и погосты, то почему ж ей не ходить и на охоту, тем более, что охота в то время, кроме обыкновенного потешенья, составляла очень важный промысл даже и для князей. Форма слов: ловища, перевесища, становища, показывает,

что это были места, где происходила охота или бывали остановки в походе, места наиболее выгодные для охоты или удобные для остановки. Припомним, что хождение за данью, как и на охоту, князья предпринимали всегда в сопровождении дружины и челяди — слуг, оттого и стан этого полка или двора по необходимости оставлял по себе знаменья, т. е. память и следы своего устройства и пребывания. Вообще ни один князь не оставил по себе такой земской и доброй памяти, как мудрая Ольга. За ее земским ликом быть может, сокрылись и все земские заслуги мудрого Олега, с народным идеалом которого так родственно сливается и ее народный идеал, даже самое имя. Наконец Ольга идет в Греки, в Царьград, идет так, как обыкновенно хаживали русские в греческую столицу, т. е. с куплею, по торговым делам, ибо с ней вместе находится более сорока купцов или гостей.

Уже один этот поход мог бы служить достаточною характеристикой ее необыкновенной предприимчивости и мужества. Всякое дело она хочет и знать, и делать самолично. Это черта Петровская. Мы достоверно не зна-

ем, какие именно прямые цели влекли Ольгу в Царьград, но видимо, главной целью было христианство, видимо, что она в это время была уже христианка в своих мыслях и стремлениях: в походе с ней находился даже и христианский священник Григорий. Она пожелала самолично видеть христианский торжественный обряд в самом Царьграде и там просветить свое поганство новым учением; видеть лицом к лицу лучшую жизнь.

Таким образом, деятельность Ольги представляет нам типический образ всей княжеской деятельности первого века, олицетворяет идею жизни этого века. Ольга делает то, что делали все первые князья, воевавшие и торговавшие с Царьградом, покорявшие соседние племена, уставлявшие уставы, уроки и дани. Все это было обычным княжеским делом в то время. Необычайно только то, что Ольга, женщина, совершает эти мужские и мужественные дела. Но казалось ли это необычным для ее современников? Мы полагаем, что общее убеждение века находило деяния Ольги очень обыкновенными и весьма естественными. В сущности она ничего не

делает такого, что могло бы противоречить ее положению. В ее деяниях ничего нет зазорно-го для ее положения, как женщины вообще и как матерой вдовы в особенности. Она исполняет то, что была обязана исполнить именно, как матерая вдова, наследница мужнина владенья, т. е. отомстить смерть мужа, потому что этого требовал обычай, требовала народная вера; ей было естественно устроить дани, уроки и оброки, вообще устроить землю, потому что неустройство именно даней, беспорядок, произвол и насилие в их собирании привели к тому, что муж был убит. Быть может добрая народная память о ней потому так долго и сохранялась, что она привела в порядок, в ясность и определенность эту важную статью княжеских отношений к земле. Она является только хорошею, умною, самостоятельною хозяйкою своего имущества, какою по понятиям старины должна быть каждая матерая вдова. В этом смысле она и послужила идеалом для последующего времени. Конечно, мы должны отнести многое и к ее личной энергии, к ее личному характеру. Не всякая женщина могла иметь столько муже-

ственной силы. Но не следует забывать, что мужество составляло общую характерную черту людей того времени. Это был век силы и отваги, век мужественных дел по преимуществу. Храбрость освящалась в то время даже религиозными представлениями о загробной жизни. Умереть побежденным значило поступить в рабство к победителю на том свете [16]. Если же мужество, вообще храброе и отважное дело, составляло высший идеал жизни для мужчины, то это убеждение не могло оставаться без влияния и на положение женщины. Обыкновенно, чего требует основная мысль века, на то отвечает и жизнь людей, их поступки и дела: только то и господствует в жизни, что убеждение века почитает своим идеалом. Не могло быть, чтобы рядом с мужественным, сильным и отважным мужчиною, каким он был в первый век нашей истории, стояла женщина слабая или ослабленная нравственно, умственно и даже физически, как это было впоследствии, при господстве других идей и положений жизни. Не могло быть, чтобы женщина, находясь в сфере, где мужественное дело и отвага состав-

ляют стихию жизни, не воспитывалась под сильным влиянием этой стихии, чтобы свобода действий, которая сама собою уже разумеется в представлении о мужественном деле и отваге, не распространялась и на женщину, не смотря даже на физиологические условия ее пола. Вообще мужественный век, носивший в сердцах людей необычайную храбрость и отвагу, необычайную силу воли, которая была воспитана в среде смелых предприимчивых деяний и ни чем неудержимого богатырства и вовсе не ведала еще никакого учения, кроме учения самой жизни, — такой мужественный век должен был рядом с мужественным мужчиною, воспитывать и мужественную женщину. Богатырские свойства мужчины должны были поднимать богатырские свойства и в женщине. Иначе и быть не могло. Мы должны вообще помнить, что то время тем и отличается от нашего, что в нем господствует не какая либо теория, известное нравственное учение, известное *слово* жизни, по которому должна располагаться жизнь; а господствует самый факт, самое дело жизни, которое все и оправдывает, в котором и за-

ключается все *учение* века. Дело жизни дает личности неизмеримо большую свободу, чем какая либо ее нравственная программа, ее *слово*.

Дело жизни прямо выдвигало женщину на богатырские подвиги. И вот народная былина рисует нам первобытную нашу женщину такою же удалою поленицею, таким же удалым богатырем, нисколько не смущаясь мыслию, что это для женщины зазорно, как потом стали учить премудрые *словеса* жизни. О мужестве русских женщин в языческую эпоху засвидетельствовали византийские летописцы, которые рассказывают, что во время войны Святослава с греками, после одной весьма жестокой битвы, когда греки стали раздевать убитых скифов, то нашли, между трупами, убитых женщин, которые в мужеском одеянии мужескою храбростью с римлянами (греками) сражались [17]. Таким образом, народные идеалы рисовали в сущности народную действительность. Так понимал древний век общественное положение женщины, так идеализировал он и личность Ольги. Но в Ольге древний век идеализирует также и вообще

женское существо, как оно ему тогда представлялось. Он идеализирует Ольгу мудрую — хитрую; она хитростью победила не только Древлян, но перехитрила и самого царя греческого, который вздумал было взять ее себе в жены. Таково в глазах язычества свойство женской личности вообще. Хитрость в том веке являлась не только положительным свойством ума, но и вещью силою, приближавшею человека к богам. Оттого все женские типы из мифической эпохи обладают прежде всего именно этим свойством их существа. Такова, напр., и Феврония Муромская и типы народных былин. Вообще языческий идеал присвоивает женской личности существо мифическое. Она обладает даром гаданий, чарований, даром пророчества; она знает тайны естества и потому в ее руках по преимуществу хранится врачеванье от болезней, а след. колдовство, ведовство, заговоры, заклинания. Она в близких связях с мифическими силами; в ее руках и добро, и зло этих сил. Мифический змей становится спутником ее личности. На особенную высоту вещего значенья ставит языческий идеал вещую деву. Как ни

скудны и как ни темны сохранившиеся свидетельства о таком значении девичьей личности, но они все-таки и до сих пор сохраняют ее вещие черты. Достаточно указать на святочные подблюдные песни, на некоторые заговоры и народные обряды. Мы не намерены входить по этому случаю в подробности, ибо для нас важно лишь то, как языческий век идеализировал женское существо [18]. Он видел в этом существе мифические, сверхъестественные чарующие силы... Языческие идеализации коренились конечно на почве действительности, а действительность здесь заключалась уже в самой природе женского пола, в действиях этой природы на другой пол. Эту-то природу язычество и олицетворяло в поэтических образах и в мифах, которые как ни были многообразны, но все выговаривали одно, что в женском существе кроются непостижимые демонические силы. Чары красоты и любви были очень достаточны для того, чтобы возвысить идеал женщины до мифического существа и вырастить на этой почве целый культ очарований во всяких других смыслах.

Все это должно было ставить женскую личность в самостоятельное отношение к языческому обществу, давать ей самостоятельное общественное значение. Но помимо вероятных соображений, есть весьма положительные свидетельства, о том что идеальный характер русской женщины — язычницы, как он рисуется в эпической народной поэзии в песнях, в обрядах, преданиях, вполне соответствовал тогдашней действительности, т. е. что женщина пользовалась самостоятельным положением в обществе, что ее общественная доля уравнивалась с долей мужчины.

Укажем важнейшее, именно языческие браки, где свобода и самостоятельность женской личности является уже в том обстоятельстве, что мужчины «умыкаху жены себе, с нею же кто съвещашеся». Брак, след., зависел не столько от воли родителей, сколько от согласия самой невесты, хотя вследствие родовых отношений общества необходимо было похищать невесту, ибо род даром ее не уступал. Общее свидетельство летописи утверждается еще более некоторыми частными случаями; напр. Полоцкая Рогнеда отказыва-

ется идти за муж за робичича — Владимира, когда отец предложил ей, за кого она хочет: за Ярополка или Владимира.

Свобода совещания о браке, свобода выбора свидетельствует вообще, что в языческое время положение женщины было вольнее, независимее, чем в последующие века. К этому вела, как мы заметили, самая непосредственность всего народного быта, самое дело жизни, хотя бы и крепко связанной родовыми, кровными началами ее развития. Мы выше указали какое именно дело жизни должно было уравнивать женскую личность с мужскою.

Если все так было, если личность женщины действительно, наравне с личностью мужчины, пользовалась, не домашними, семейными только, но и общественными правами, т. е. правами делать дела мужские, если даже и в народном сознании вовсе не существовало понятий о разделенности общественных дел на женские и мужские, и женщина могла даже по богатырски выезжать в поле, богатырствовать с врагом; если такие и подобные женские дела вовсе не принадле-

жали к необычным явлениям, а выражали только простой, естественный, самый обычный ход жизни; то и личность язычницы Ольги должна представляться нам не каким либо исключительным явлением, а простым, естественным, самым обычным типом жизни. В чертах Ольги мы можем видеть тип русской женщины язычницы, выразивший в себе ту весьма значительную долю свободных действий, какая принадлежала по обычаю языческого века вообще женскому полу в древнейшем Русском обществе [19].

Само собою разумеется, что принятие Христовой Веры должно было изменить положение вещей в древней Руси, изменить характер ее жизненной деятельности, характер ее представителей и героев. С этого времени, подобно тому, как со времени преобразования, в русское общество постепенно начинают проникать и водворяться в ней новые идеи жизни, дотоле неведомые, новые понятия и представления о ее целях и задачах. И умственный, и нравственный образ русского человека начинает мало помалу изменяться. Св. Вера смиряет и смягчает языческие нравы и

обычай.

Но, естественно, что вместе с благовещием евангельского учения, приносится к нам нашими учителями греками и их литературная образованность, их умственная и нравственная культура в многочисленных произведениях их литературы, приносится и известный, собственно византийский склад понятий о многих предметах жизни, и именно тот склад понятий, какой в ту эпоху господствовал в умах византийского духовенства, находившегося, в отношении своей проповеди в исключительном положении, в следствие особенного воспитания и развития византийского общества. Существенною стихиею этого склада понятий, по той же причине, было всестороннее и беспощадное отрицание тленного или собственно растленного византийского мира, со всеми его жизненными формами и обольщениями, во многом напомилавшими еще языческую жизнь античной цивилизации, а еще более жизнь растленного востока. То, что было так необходимо всеми силами поднять против этого, действительно, в полном составе растленного мира, это самое

было поднято и против нашей, хотя тоже языческой, но ничем не цивилизованной, совсем девственной, простодушной и непосредственной природы. Суровая, грубая, но чистая и прямая, эта природа вовсе не способна была даже и понять тех нравственных утонченностей византийского развития, какими по необходимости исполнены были литературные памятники Византии, послужившие для нас и литературными образцами, и источниками образования, источниками и умственной, и нравственной культуры. Действие такого отношения этой учительной литературы к нашему обществу незамедлительно обнаружилось. Сильнее, чем на мужчину, литературные учительные идеи стали действовать на женщину, т. е. вообще на домашний, так сказать, сидячий быт народа, и тою собственно стороною, которая изображала этот мир — миром гибели и прославляла удаление от него. Был ли в самом деле древний русский житейский мир, выросший в чистой непосредственности и детской наивности, настолько погибелен, об этом учительное слово конечно не могло рассуждать; ибо оно отри-

цало вообще существо житейского мира, а след. и всякую его Форму, хотя бы и чисто детскую, виновную только в том, что она невинна. По его воззрению все мирское, житейское было *поганым*, было ли то действительное язычество, т. е. проявления самого языческого верования, или это был простой нрав и обычай жизни, простые явления и действия вообще человеческой нравственной природы.

Такое отрицание конечно служило великим и единственным благом для растленной византийской цивилизации. Там отрицание само собою выросло, как единый путь к спасению. Там оно было священным делом каждого нравственного ума, ибо в действительности велика была гибель тамошнего человечества, печально и окончившего свою историю. Но сила столь же дельного отрицания на нашей непосредственной почве, только что начинавшей жить, только что возродившейся для жизни и света, — на такой почве отрицание должно было произвести совсем иное действие.

Отрицание житейского мира выразило свои идеалы главным образом в аскетизме. В

том обществе на самом деле иного пути для спасения и не было. В том обществе потребен был аскетизм беспощадный и всесторонний. Он необходим был для ума, исполненного всевозможных философских ветров, всевозможных оттенков ереси, ума, совсем заблудившегося в софистических извитиях мысли, погибавшего в темной области совопрошений и словопрений. Он еще необходимее был для нрава, исполненного самых разнообразных восточных пороков, копившихся целое тысячелетие, пороков непомерной роскоши, непомерного пресыщения, непомерной праздности, непомерного унижения человеческого достоинства во всех видах и образах. Ясно, что только аскетический идеал мог хотя сколько-нибудь обуздывать эти погибельные стихии общественного разложения. Ясно, что только монашеский идеал и мог стать исключительным идеалом высоконравственной жизни. Но аскетизм, идя последовательно, приводил к отрицанию и таких сил жизни, без которых невозможно самое существование человеческого общества. Отрицая нескончаемые пороки ума, он отверг самую науку. И

вот дух этого отвержения вносится и к нам, в молодое общество, ум которого не только не был заражен пороками праздного и сварливого умствования, но обретался еще в полном детстве и именно науки-то и требовал для своего здорового развития. Тоже должно сказать и о нраве. Не испорченность нрава, или старческий его разврат, а напротив его младенческое развитие ставило в этом отношении наше общество как бы в параллель с византийским и давало легкую и полную возможность отрицать его формы и порядки. Там старость, дожившая до детства, и потерявшая знание и сознание истинных начал жизни; здесь, настоящее детство, еще не выросшее до понимания этих начал. Видимая форма той и другой стороны, конечно, заключалась в крайнем рабстве и неподвижности ума, отчего безобразною являлась и самая жизнь общества.

Отвергая и отрицая наши младенческие формы жизни, аскетизм вместе с тем и здесь отверг целую область эстетических сил народа, народную поэзию в полном ее составе, не принеся в замен того никаких общечеловече-

ских начал для эстетического воспитания народных нравов, без которого всегда черствеют, грубеют и развращаются эти нравы, что осязательнее всего доказала между прочим и наша история.

В Византии особенное внимание нравственных умов обращало на себя поведение женщины; ее публичная роль, которую она легко себе присваивала в обществе, преданном сластолюбию и роскоши; ее, можно сказать, господство над этим обществом, чего, конечно, никак не могли выносить аскетические и особенно восточные умы. В самом деле, византийская женщина прославляла себя даже на императорском престоле такими делами и деяниями, которые требовали самого беспощадного, сурового осуждения. Поэтому в литературе она становится предметом самых жестоких и сильных обличений, рисовавших ее пластически во всех чертах ее греховной жизни. Вырастает образ *злой*, вообще греховной, *жены*, тип всякого нравственного безобразия, или вернее тип аскетического омерзения вообще к женскому существу, как к существу великого, неисчерпаемого соблазна для

аскетической мысли. Могло ли и явиться что либо другое в эпоху, когда аскетическая идея, вызванная и выращенная полным растлением общества, господствовала не только во всех нравственных умах, но и в самом веровании, выражалась в каждом литературном памятнике, была, как мы сказали, единым путем спасения в виду общей гибели, и единою исходною точкою сознания о нравственном совершенстве человека.

Основная идея, в которой главным образом таилось начало всяких обвинений, обличений, даже поношений женской личности в образе злой жены, а вместе с тем таился и аскетический страх вообще пред женским существом, а стало быть и аскетическая неугаемая вражда против него, — основная идея всего этого заключалась в убеждении, что «от жены начало греху и тою все умираем». Словом сказать, и по библейскому, и по аскетическому воззрению женская личность сама по себе уже являла образ соблазнительного греха, от которого надо было бежать, не оглядываясь, как от Содома и Гомора. Вот причина, почему в учении, обращенном к ее лицу, мы

находим самое широкое отрицание всего того, в чем сколько-нибудь выражалась эта, по мнению века, оболъстительная греховность.

Красота лица, вместе с красотой наряда, не говоря уже о кокетстве, которое называется вообще *лукавством* и нисколько не различается от настоящего лукавства, являлись для аскетических умов самыми вопиющими предметами соблазна и греха и преследовались с ожесточением, свойственным одному только аскетизму.

Такие-то идеи, которыми пропитана была литература Византии, переносятся вместе с грамотностью и на нашу литературную почву и воспитывают ум и нрав нашего младенчающего общества. Поправляя и переделывая по этим идеям наши нравы, очищая их от мнимых грехов непосредственного язычества, византийская литература переносит к нам, в наши детские умы и действительные, чисто византийские грехи, бесчисленные грехи всяческого суеверия и суесвятства, которые с течением веков разрастаются у нас в тучную ниву и производят неисчислимыя плоды, выражаются во многих жизненных

типах.

Принесенные к нам литературные, аскетические и вообще восточные, азиатские представления, совсем чуждые, ни мало ни собственные нашей северной природе, и физической, и нравственной, в духе своем клонились и стремились к тому, чтобы поставить женскую личность в самое невидное место общественной организации, чтобы вовсе отдалить ее из общества, как великую помеху для нравственных дел и деяний мужчины, как воплощенную человеческую слабость и шатость нрава. Если дух этих представлений не в силах был совсем покорить своим целям византийскую женщину, то ему, по многим причинам, очень легко было покорить себе умы и нравы нашей русской женщины. Его авторитет являлся в такой одежде, которую простые, непосредственные умы и нравы, жаждавшие веры, жаждавшие света и истины, должны были принять благоговейно. Восточная идея о великом неравенстве существа женского с существом мужским, о великом превосходстве мужского существа пред женским, осязательнее всего чувствовалась,

напр., в физиологическом факте, что для женщины наставали в известное время дни очищения. Эти-то дни и послужили быть может началом для всех «восточных» представлений о существовании женской личности. Эти дни становятся для женщины днями изгнания... В эти дни она является существом нечистым, поганым — и в представлениях книжных умников века возбуждает вопрос: а что если случится, плат женский в одежду вшити попу, может ли он в той одежде служить? [20] Вопрос, конечно разрешается уверением, что жена не погана; но тем не менее, простая, неисхитренная различными учениями, мысль не может отойти от убеждения, что все-таки в женском существе есть нечто поганое, ибо святость иначе светлость, чистота все-таки воспрещает ей многие действия, которые открыты для мужского существа, воспрещает ей, когда она бывает *сквернена*, даже в церковь лезти. Простой непосредственный ум, не завитый в книжные утонченности, не может иначе понять этого дела. Природная и потому всегда верная последовательность его соображений, не может вместить в себя те во-

пьющие противоречия, какими всегда так богата книжная изворотливость. Непосредственный ум опирает свои соображения на самое дело, по которому и созидает свои убеждения и верования. Хитрое сплетение слов для него мудрость недоведомая. Дело говорит ясно, что женское существо бывает погано и потому отвергается от общения с тем, что пребывает чистым и светлым — святым [21]. Как же после того умнику-мужчине не возыметь понятия, высокого о себе и низменного о женщине.

Уже одних представлений о чистоте было достаточно, чтобы отдалить женскую личность от общения со светом, т. е. с обществом, отвергнуть в ней смысл лица самостоятельного, полноправного, для жизни общественной.

Дух восточных представлений отделяет ей в храме на общественном богослужении особое место, *ошуюю*. Там она становится на де-вой стороне, иногда едва допускается только в притвор или на полати — хоры; скрывается от чистых глаз за занавесами. «Женский убо пол, стояху (в Царьграде, в церкви Св. Софии)

на полатях за шидяными запонами и *лицо их* и украшения *прелестного и мертвенного* никому же от народа видети...»

Женщина приобщается св. Таин не из царских а «из других дверей, что противу жертвенника» (Акты Ист. I, 18) с той левой стороны, где определено ей стоять. Невестой при венчании она получает перстень железный, в то время, как жениху подают золотой. Женою, она должна покрыть свои волосы и до гроба носить этот покров. Даже случайно открытые волосы являли грех и срам неизобразимый. Народная культура обозначила свое понимание такого срама до сих пор еще живущим выражением: *опростоволоситься*.

Вдовою она должна носить платье *смирных, вдовьих* цветов, т. е. темных, траурных, ибо «вдовья беда (доля) горчее всех людей». Она на всю жизнь печальная сирота. Самые материи, употребляемые на одежду, получали наименование вдовьих, так напр. в XVII ст. были в продаже *тафты вдовьи*.

«Пытайте ученья, которое говорит: жене не велю учить, ни владети мужем, но быти в молчании и в покорении мужу своему. Адам

прежде создан бысть, потом Ева сотворена, и Господь рече: аз тя бех сотворил равно владычествовати с мужем, но ты не уме(ла) равно господствовать, буди обладаема мужем, работающи ему в послушании и в покорении вся дни живота твоего... Да будут жены *домодержецы*... да покоряются во всем своим мужем, и мужи да любят жены своя, и жены да послушают во всем мужей своих, яко раб господина. Раб бо разрешится от работы от господскии, а жене нет разрешенья от мужа, но егда муж ее умрет, тогда свободна есть законного посягнути... Глава есть мужеви Христос, — жене глава — муж. Несть сотворен муж жены дяля, но жена мужа дяля, того дяля имати власть муж над женою, а не жена над мужем. Не мози, сыну, возвести главы женские выше мужни, али то Христу наругаешися. Того ради не подобает жены звати *госпожею*, но и лепо жене мужа звати господином; да имя не хулится в вас, но и паче славится. Кий властель под собою суца зовет господою, или кий господин зовет раба господином, или кия госпожа зовет раба господином, или кия госпожа зовет рабу госпожею? Не прельщайтесь во

свете сем: имам бо великого светилника Христа Бога нашего, главу над всеми главами. Да не срамлянисте же мужские главы, оли то Христа срамел есть. Рече: егда на земли ходих, плоть нося, тогда кто укорил мя или что хульно или крестное дерзновение, то тому прощу я; а иже ныне кто похулит, ли укорит, то и не прощен будет, ни в сий век, ни в будущий» [22].

В этом тексте заключается вся философия восточных воззрений на женскую личность вообще.

Само собою разумеется, что влияние византийской культуры должно было подействовать на самое устройство брака и мы видим, что, вместо туземного языческого брака, по обоюдному совещанию, «с нею же кто съсвещевашеся», возникает, как положительный вывод восточных воззрений на женщину, брак малолетних: являются *десятилетние* мужья (Святослав Игоревич в 1181 г.) и *восемилетние* жены (Верхуслава, дочь Суздальского Всеволода, отданная за четырнадцатилетнего Ростислава, в 1187 г.). На востоке и в Византии совершеннолетие для брачующихся

полагалось для мужчин 14 лет (подобаает юношам в *наусе* быти возрастом, 14 лет), для девиц 12 лет; но обручение могло совершаться и раньше. Закон воспрещал однако ж обручение для отроков *менее семи лет* возрастом, стало быть, бывало и то, что обручались чуть не младенцы. У нас Верхуслава была повенчана восьми лет и без сомнения это не был пример единственный. Естественно, что такой брак становился исключительно делом родительской воли или вообще воли старших родичей. Родовой дух здесь должен был торжествовать. Он действительно в своем смысле и растолковал себе чуждое, несвойственное ни климату, ни понятиям страны, законоположение о возрасте обручения, установив его днем самого брака. Из византийских законоположений о браке родовой дух хорошо понял только одно, именно то, что женская личность отдается ему по закону в полную опеку, как личность малолетняя. С этою идеею свою опеку над женщиною он передавал всецело и ее мужу, который, становясь мужем, по понятиям века, становился уже и возрастным, по крайней мере в отношении жены, не смотря

на то, что ему самому было только 10–14 лет. Родовой дух, воспользовавшись учением закона, обошел мимо различные ограничения родовой власти, существовавшие в том же законе, и в течении целых веков рассматривал брак, как такое дело, которое никак не могло быть совершено без воли и опеки старших, распространяя понятие о детстве молодых и на всякого в действительности уже возрастного и потому *самосвластного* распоряжаться собою, чего не отрицал и византийский закон. Непосредственность родовых понятий освятилась таким образом писаным и уже по этому одному только освященным правилом — законом, и получила еще большую силу для своих действий и влияний. Отсюда, из этого нового жизненного положения, сама собою выросла делая группа новых отношений, совершенно изменивших судьбу женской личности. Она, как ребенок становится предметом самых неустанных забот, которые естественным образом и приводят ее в *терем*, как в такое место, где береженье неразумного дитяти вернее и полнее достигает своих целей.

С какого именно времени вообще жены

знатных и богатых людей стали скрываться в удаленных от людского глаза хоробах, с какого именно времени является и русской жизни этот *терем*, и как особая постройка, и как особая жизненная идея, сказать определительно мы не можем. По всему вероятно это началось с первого же века по водворении в нашей земле византийских понятий и византийских обычаев. Если бы терем, и не был принесен к нам прямо византийскими руками, как особая форма жизни, вместе с какою либо формою постройки, одежды, головного убора, и т. п., то во всяком случае он сам собою народился бы в нашем обществе по той простой причине, что была принесена из Византии и водворена в нашей земле его идея. Всякая идея неизменно и неминуемо рождает свой плод, создает себе свою форму. Терем, по крайней мере в русской земле, был плодом постнической идеи, действие которой, и в довольно сильных чертах, обнаруживается в нашем древнем обществе очень рано. Монашеский идеал в княжеском роде является господствующим уже при внуках Св. Владимира и первыми его подвижниками являются де-

вицы, дочери Всеволода и сестры Мономаха, Янка (Анна) и Евпраксия. Янка, *девою сущи*, постригается, собирает черноризиц и пребывает с ними по монастырскому чину, в монастыре, который, без сомнения, для нее же и устроен был ее отцом в 1086 г. Через три года, когда в Киеве умер митрополит, «иде Янка в греки и приведе митрополита Иоана скопчину; его же видевше людье, вси рекоша: это мертвец пришел». Идеал княжны нашел себе живое олицетворение. Через год Иоанн помер. Летописец говорит, что был сей муж не книжен, но умом прост и просторек» [23].

Янка таким образом подает благочестивый образец постничества и иночества для княжеских дочерей, указывает им путь подвижничества, самостоятельный и независимый от мирской жизни. За нею скоро следует ее сестра, Евпраксия, которая постригается в Печерском монастыре.

В последующих поколениях идеалы девства и иночества распространяются в женском быту все больше и больше. Не смотря на то, что знаменитый брат этих первых инокинь-княжен, Владимир Мономах, пишет сво-

им детям: не монашество спасет вас, а добрые дела, — его дочь Марица все-таки уходит в монастырь (1146 г.). К этому же почти времени, немного позднее, принадлежит и замечательное подвижничество Евфросинии Полоцкой, которая устроила также монастырь и постригла двух своих сестер, родную Гориславу и двоюродную Звениславу, и двух племянниц. Вообще с XI века «иноческий образ» становится высшею целью жизни не только для женщин, княгинь и княжен, которые в нем одном находят себе настоящий путь жизни, но и для мужчин — князей, которым само духовенство толковало, что Бог им велел *так* быть, правду делать на этом свете, в правду суд судить, т. е. оставаться князьями, ибо и без того велика и священна их обязанность пред Богом; и которые однако ж всеми силами стремились избавиться от суетного, мимотекущего и мятежного жития сего [24], и постригались в монахи и даже принимали схиму, по крайней мере на склоне дней или же пред самую смертью. Что же касается княгинь, то напр., в одном московском княжеском колене, мы встречаем из них целый ряд

инокинь, заслуживших даже соборной памяти: Ульяна, супруга Калиты; Александра — Марья, супруга Семена Ив.; Евдокия, супруга Донского; Софья, супруга Василья Дм.; Марья, супруга Темного [25]. Тоже находим и в других великокняжеских родах, Суздальских, Тверских, Рязанских и т. д.

Как Анна Всеволодовна являлась образцом для южных княгинь, так Марья, супруга Суздальского Всеволода Юрьевича, стала идеалом постнической жизни для княгинь северной Руси. Она постриглась в 1256 г., по случаю восьмилетней, вероятно неизлечимой болезни, еще при жизни мужа. Со «многими слезами провожали ее в монастырь сам князь, сын и дочь, епископ, игумен — отец ее духовной и другие игуменьи, и все чернецы, и все бояре и боярыни, и черницы изо всех монастырей, и все горожане. Не можно было видеть общей скорби, замечает летописец, потому что до всех была добра «преизлиха». С детства в страхе Божиим любила правду, воздавая честь епископам, игуменам, чернецам, пресвитерам; «любяше черноризец и подаваше требование им». Была нищелюбица, странно-

любица, печальных, скорбных и больных всех утешала и подавала им «требование» [26]. Своею добродетельною жизнью княгиня надолго оставила по себе святую память. Позднейший летописец, описывая благочестивые подвига Евдокии Донской, говорит между прочим: «постави на Москве церковь камену зело чудну (Вознесенский монастырь) и украси ю съсуды златыми и серебрянными... и сотворила паче всех княгинь великих, разве точью Марья княгини Всеволода, иже в Володимире...»

Летописцы ни о каких других женских подвигах и не рассказывают, как о пострижении, о построении монастырей и церквей, потому что в их глазах эти-то подвиги одни только и заслуживали и памяти, и подражания.

С особенною приверженностью устремлялось к иноческому идеалу честное вдовство, так что из вдов — княгинь и особенно бездетных, почти каждая оканчивала свою жизнь инокинею, а часто и схимницею. Это становилось как бы законом для устройства вдовьей жизни. «А княгини моя, говорит Володимер

Васильковичъ Галицкий, по моем животе, оже восхочет в чернице пойти поидет; аже не восхочет ити, а како ей любо, мне не воставши смотреть, что кто иметь чинити по моем животе» [27]. Здесь князь вначале указывает честному вдовству обыкновенный путь; но затем освобождает княгиню, отдает ей на свою волю идти и не идти в монастырь, замечая, что не смотреть же ему, как будут жить после его смерти. Если бы вдова-княгиня была, по мнению века, совершенно свободна в действиях, то князь не стал бы и говорить о том, как ей нужно жить во вдовах.

В летописях читаем следующее, вполне типическое сказание о таком обычном подвиге честного вдовства: в 1365 г. «преставися князь (Нижегородский) Андрей Константинович в чернцех и в схиме», которую принял в несомненной час кончины. «Княгиня же Василиса много плакавше по князи своем; пребысть вдовою 4 лета; пострижена бысть от Дионисья архимандрита печерского и наречено бысть имя ей Феодора. — Бысть ей тогда от рождения лет 40, и раздавала все именье свое церквам и монастырям и нищим, а слугы

своя и рабы и рабыни распустила на свободу, а сама нача жити в монастыре у св. Зачатья, иже сама создала при князи своем; живяще же в молчании, тружаяся рукодельем, постом, поклоны творя, молитвами и слезами, стоянием нощным и не спанием; многажды и всю ночь без сна пребываше; овогда чрез день, овогда чрез два, иногда же и пять дней не ядыше; в мовью не хожаше, в срачице не хожаше, но власяницу на теле своем ношаше; пива и меду не пьаше, на пирех и на свадьбах не бываше, из монастыря не исхожаше, злобы ни на кого же не держаше, ко всем любовь имеяше. Таковое же доброе и чистое житье ее видевшe, многи болярыни, жены и вдовицы и девицы постригашася у ней, яко бысть их числом и до девяносто, и вси общее житье живяху. Княгиня же Василиса, поживши в черницах восемь лет и поболевши неколико дней, преставися ко Господу» [28].

Мы увидим ниже, что тот же идеал жизни, буква в букву, воплощался в благочестивом вдовстве и в конце XVII ст.

Само собою разумеется, что он господствовал и в частном не княжеском быту, особенно

в знатном и боярском, который всегда пользовался материальной возможностью осуществлять постническую жизнь в полной мере. Московский летописец записал между прочим, что в 1393 г. «преставися игуменья Алексиевская (Алексеевского монастыря) Ульяна, от града Ярославля, дщи некоего богата родителя и славна; сама же зело богобоязлива, чернечествовавши лет боле 30 и игуменья бывши 90 черницам, и общему житью женскому начальница сущи, и многим девицам учительница бывши, и за премногую добродетель любима бысть от всех и почтена всюду...» [29]

Так высок и силен был идеал иночества и постничества в нравственной жизни нашего древнего общества. Весьма естественно, что он, как идеал лучшей жизни, вносил свои стремления, а с ними и свои порядки и в обыкновенную повседневную мирскую жизнь, устраивал эту жизнь по своим образцам и правилам.

Женская среда, как среда исключительно домашняя, еще сильнее должна была подчиняться уставам этого идеала. Женщина была

домодержец; деятельность ее исключительно распространялась на устройство дома, даже ограничивалась только этим устройством. Воплощая наилучший идеал жизни в делах и отношениях дома, она, с течением времени, мало помалу, незаметным образом, одною лишь нравственною стихиею этого идеала, должна была из своего дома создать монастырь или нечто такое, что по своим нравственным уставам очень напоминало чин жизни монастырской. Если древнейший домострой, обращаясь к мужчине — главе дома, указывал ему идеал игумена, говоря: вы есте игумени во своих домах; то здесь, вместе с указанием домовного идеала, определялся только идеал повелевающей власти. Воплощение же этого идеала в самой действительности, во всех его нравственных и формальных подробностях все-таки главным образом лежало на женщине; ее мыслию, ее душою он приводился в дело, ее постоянною заботою он неизменно поддерживался. Мы, разумеется, говорим здесь о женщине не в единичном каком либо смысле, а говорим вообще о женской нравственной многовековой деятельно-

сти. Мы хотим сказать, что монастырский устрой домашней жизни выработан много вековой нравственной деятельностью женской личности, конечно, при постоянном и непрерывном воздействии поучения, которое проповедовал исключительно только мужчина.

Что устройство домашней жизни, по крайней мере в достаточном, т. е. господарском быту, имело действительно своим высшим идеалом устройство монастырское, это в полной мере подтверждает Домострой XVI века, записавший лишь то, что искони существовало или искони должно было существовать, как наилучший порядок и образец частной жизни.

По уставу Домостроя (глава XII), «по вся дни утре, встав, Богу молитися, и отпети заутреня и часы, а в неделю (воскресенье) и в праздник — молебен... и святым каждение. В вечере — отпети вечерня, навечерница, полунощница, с молчанием и со вниманием и с кроткостоянием, и с молитвою и с поклоны. Пети внятно и единогласно. (Навечерница, и полунощница, и часы, в дому своем всегда, по вся дни пети: то всякому христианину Бо-

жий долг). После *правила* (т. е. после этой вечерней службы) отнюдь, ни пити, ни ести, ни молвы творити, всегда — всему тому наук... А ложася спати всякому христианину по три поклона в землю пред Богом положитьи. А в полунощи, всегда, тайно встав, со слезами прилежно к Богу молитися, елико вместимо, о своем согрешении...» В другой главе, XIII, Домострой прибавляет: «а дома всегда навечерница и полунощница и часы пети: а кто прибавит *правила* своего ради спасения, ино то на его воли: ино боле мзда от Бога... Всегда четки в руках держати и молитва Иисусова во устех непрестанно имети, и в церкви и дома, и в торг ходя, и стоя, и сидя, и на всяком месте».

В домовном обиходе и везде, всякому человеку, государю или государыни, сыну, дочери, или службе, мужеска полу и женска, стару и малу — всякое дело начати, или ести, или пити, или ества варити, или печя — всякое рукоделие и всякое мастерство, устроив себя, прежде святым поклонятися трижды в землю, или по нужде до пояса; кто умеет (молитву) «Достойно» проговорити да *благословясь у на-*

стоящего, да молитву Иисусову проговоря, да перекрестяся, молвя: «Господи благослови, Отче» тоже, так начати всякое дело, ино тому Божия милость поспешествует, ангелы невидимо помогают, а беси отбегнут... А делати с молитвою и с доброю беседою или с молчанием; а делаячи что нибудь, начнется слово праздное или хульное, или с роптанием, или смехи, или кощуны, или скверные и блудные речи, или песни бесовские и игры — от такого дела и от таковые беседы, Божия милость отступит, ангелы отидут скорбни и возрадуются нечествию демони... (гл. XIX). Егда трапезу предпоставляеши, вначале священницы Отца и Сына и Святого Духа прославляют, потом Богородицу; и Пречистой хлеб вынимают и, по отшествии трапезы, Пречистые хлеб воздвизают и отпев: «Достойно», вкушают и чашу Пречистые пият...» Это особый монастырский обряд возношения хлеба в честь Богородицы, который действительно совершался за обедом и в царском и в боярском быту. Мы не станем приводить новые выписки, ибо все наказы и поучения Домостроя сводятся к одной цели, чтобы сделать домашнюю жизнь

непрестанным молением, непрестанным подвигом молчания и отвержения от всяких мирских удовольствий и веселостей, непрестанным, чисто аскетическим отрицанием всего того, чего сама жизнь отвергнуть не в силах.

Таким образом, если благочестивый дом древней Руси, т. е. самый лучший дом, во многом по своей жизни уподоблялся монастырю, то появление в таком доме терема было простым, так сказать, естественным условием благочестивой жизни, по преимуществу для среды малолетних, неразумных, какими наравне с детьми почитались и взрослые девицы, да и вообще женщины. Словом сказать, появление терема было воплощением благочестивых воззрений на женскую личность, как на соблазн мира, а потому он должен был явиться еще в то время, когда такие воззрения достаточно уже укрепились в обществе. Мы видели, что уже в XI веке стремление к терему обнаружилась в сестрах Мономаха. Они девами приняли иноческий чин и таким образом засвидетельствовали, что и перед тем их жизнь была отдана идеалам постниче-

ства и удаления от мира.

Итак терем был произведением «древнего благочестия», прямым и непосредственным выводом всего нравственного поучения нашей древности. Само собою разумеется, что вначале, в первые века, он не мог быть распространен в такой силе, как это было в XVI и XVII ст., т. е., что в первые века женщине вообще было свободнее, чем в века последующие. Но как велика была эта свобода, мы не знаем. Можем догадываться, что она была незначительна, и в обществе женщина все-таки не имела своего места. В лице жены или в лице матерой вдовы она имела место на пиру и на свадьбе; на свадьбе имела свое место и девица. Но вот и все ее свободные шаги. Других свободных и в собственном смысле общественных ее движений, общественных ее отношений, мы не примечаем, и летописи, как и другие памятники, не сказывают нам ничего такого, почему возможно было бы заключать, что женская личность пользовалась между людьми значением самостоятельного и независимого члена общественной деятельности. Ни одного события, ни одного женско-

го подвига, в котором выразился бы такой именно смысл женского лица. Исключительными и единственными женскими подвигами являются подвиги любви к иночеству, подвиги усердной и самой ревностной набожности во всех ее видах. «Ни на что же иное упражняшесь, но токмо о церковных потребах и о миловании укоренных, маломощных и всех бедующих», говорит летописец о княгине Анне, жене Рюрика Киевского [30]. Одними только этими подвигами и украшается женская личность в течении нескольких веков. А это показывает, что исключительной формой женской и особенно девичьей жизни во все эти века был непременно терем, созданный иноческим же идеалом.

*Сидят она за тридевятью замками,
Да сидит она за тридевятью ключами,
Чтобы и ветер не за вел, да и
солнце не запекло,
Да и добры молодцы, чтоб не за-
видели»...*

Сидит Афросинья в высоком тере-

*му
За тридесять замками булатны-
ми;
А и буйные ветры не вихнут на ее,
А красное солнце не печет лице...*

*Дочь прекрасная Опракса короле-
вична,
Сидит она во тереме в золотом
верху;
На ню красное солнышко не оппе-
кет,
Буйные ветрушки не оввеют,
Многие люди не обгальятя... [31]*

** * **

Еще по уставу Ярослава Великого, взятому с византийского номоканона, женская лич- ность, наравне со всеми *церковными людьми*, т. е. с людьми, по особому смыслу своей жи- тейской доли, выделенными от мира-общес- тва [32], отдается в покровительство церков- ного суда, который, таким образом, является исключительным, привилегированным ее за- щитником, охранителем и оберегателем ее чести, ее личного достоинства. Церковный суд, как известно, отделил в свою область все

дела домашней, семейной жизни, взял на свое попечение и в свой непосредственный надзор дом, как особую нравственную среду со всеми ее движениями. Вот почему и женщина, как человек по преимуществу домашний, отделилась от суда общего, мирского. Не княжий, а святительский суд преследовал ее оскорбителя; стало быть, не общество, а церковь подавала ей руку защиты. Как было прежде, мы не знаем; но с того времени, как начал действовать такой нормоканон, женская личность, по самому смыслу закона, уже отстранялась от мира-общества, являлась членом не светского, общественного, а домашнего только мира, который в добавок усиленно и неумолимо строился по монастырскому идеалу. Таково положение, указанное женщине, без сомнения еще в первый век, самую церковь. Идея этого положения и была тою нравственною и в полном смысле органическою силою, которая, как из зародыша, развила из себя все последствия, т. е. все идеальные и материальные формы женского быта, со всею нравственною и даже умственною его выработкою.

Женщина постепенно удалилась от общества, и являлась в нем уже только в силу некоторых жизненных обстоятельств, требовавших неминуемо ее присутствия или же дававших ей самостоятельное вотчинное значение. Так, мы упоминали уже, что только *матеря* вдова пользовалась правом стоять в известных случаях наравне с мужчиною и занимать соответственное своему значению место в общежитии. По крайней мере, общество не смущалось присутствием женщины, приобретающей мужеские черты вследствие своего, хотя и вдовьего, но тем не менее отеческого, или вернее сказать вотчинического значения. Так, мы встречаем новгородку, боярыню Марфу Борецкую, пирующую в обществе мужчин, новгородских бояр [33]. Мы видим также, что *матерые* вдовы — в княгини, в Москве Евдокия, Софья; в Твери Евдокия, Настасья, в Рязани Анна, в Суздале Елена, и т. д., при малолетних или молодых сыновьях получают большое самостоятельное значение; они сидят на *вдовьем столе*, т. е. на отчинном владеньи своих мужей, след. по необходимости являются деятелями общества,

принимают участие в мужском общезитии, сидят в думе — совете с боярами, принимают послов, имеют даже *своих* особых бояр[34], и вообще своею личностью заступают во многих случаях место княжеской мужниной личности. Это особенно обнаруживается в XIV и XV ст., когда вотчинное начало в княжеском быту совсем окрепло и всюду распространилось.

Нельзя, конечно, отвергать предположения, что самостоятельность матерой вдовы, своими общественными отношениями, могла бы со временем выработать для женской личности по крайней мере известную долю свободных действий и вообще открыть двери терема. Но мы знаем, что княжеская вотчинность повела к развитию самовластия, а потом самодержавия и единодержавия. В борьбе за самовластие, сам мужчина принужден был держать себя с осторожкою. Что же оставалось для женщины?

Ее затворничество становится уже решительною необходимостью, как наилучшая мера безопасности от всякого лиха. Она мало помалу лишается даже и той малой доли сво-

бодных действий, какою обладала прежде.

В XV веке в. княгиня еще принимает к себе иноземных послов. В 1490 г. вел. кн. Софья Палеолог в своей средней повалуше принимает цесарского посла Юрья Делатора. Этот случай можно было бы объяснить тем, что Софья сама была иноземка и потому не изменяла своим обычаям. Но мы знаем, что такой обычай существовал и у наших княгинь. В 1483 г. в. к. Иван Васильевич женил своего сына Ивана на Елене Волошанке и по этому случаю послал к Тверскому в. к. Михаилу Борисовичу посла Петра Заболотского с *радостью*, т. е. с свадебными дарами: Михаилу мех вина, его матери, матерой вдове, Настасье Александровне мех вина; его жене, Софье мех вина и по два убруска жемчугом сажены. Хотя в летописи и не говорится, что посол подносил дары в. княгиням лично; но это разумелось само собою. Вслед затем, тот же летописец рассказывает, что, когда у новобрачных супругов родился сын Дмитрий, в. князь опять послал в Тверь с *поклоном* Владимира Елизарьева, но тверской князь не принял поклона и выслал его вон из избы, и «к матери ему

идти не велел, к в. княгине Настасье», след. посол должен был к ней идти, как велось в обычае. В 1502 г. в. князь посылал к Аграфене княгине рязанской поклон и слова, которые посол по необходимости должен был передавать лично [35].

Такие посольства к в. княгиням, особенно к матерым вдовам, были обыкновенным и даже неизбежным делом в княжеских отношениях до XVI в. Вотчинная независимость ставила в независимое, самостоятельное положение и женскую личность. Ибо одна только вотчина, вообще собственность, и всякому лицу давала смысл самостоятельного члена в общественном союзе. Но как скоро это положение, все-таки, случайное для женщины, сделалось уже невозможным при утверждении единодержавия и соединении всех отдельных княжеских вотчин в одно государство, то в княжеском быту женщина осталась снова в своем терему.

Развитие ее общественных прав прекратилось, а домашняя жизнь стала еще теснее по причинам, которые указаны нами выше. Терем сделался не только монастырем, но и кре-

постью, которая защищала уже не от одних грехов, но и от всяких лиходеев и врагов. В начале XVI века затворничество женщин было делом окончательно уже решенным и не подлежащим никакому сомнению и колебанию. Так напр., мы видим, что известный Домострой, хотя и не дает прямых наставлений держать жен и дочерей взаперти, но его молчание показывает, что этот обычай был так силен в господарском кругу, что не требовал уже особых наставлений. Домострой и не предполагает, чтобы жены, не говоря уже о дочерях, могли ходить в мужские беседы. Он застаёт жизнь терема уж в полном цвету. Он дает только советы жене, как вести себя в гостях, у других жен, как вести себя с гостями дома, причем строго наказывает, «*коли гостьи случатся, то питье и еству и всякий обиход, приносит (в комнату) один человек сверстной, кому приказано; а мужеск пол тут, и рано и поздно, отнюдь, никакоже, ни какими дель, не был бы, кроме того, кому приказано, сверстному человеку, что принести или о чем спроситься, или о чем ему приказать, и всего на нем пытать: и безчиния и*

невежества; а иному никому тут дела нет».

«Состояние женщин говорит Герберштейн (еще в начале XVI века) самое плачевное: женщина считается честною тогда только, когда живет дома взаперти и никуда не выходит; напротив, если она позволяет видеть себя чужим и посторонним людям, то ее поведение становится зазорным... Весьма редко позволяется им ходить в храм, а еще реже в дружеские беседы, разве уже в престарелых летах, когда они не могут навлекать на себя подозрения».

Такою свободою, как мы видели, пользовались одни только *матерые вдовы*. В отношении дружеских бесед, Домострой между прочим замечает: а в гости ходити, и к себе звать: сылатца с кем *велит муж*... По свидетельству Бухау, в половине XVI в., знатные люди не показывали своих жен и дочерей не только посторонним людям, но даже братьям и другим близким родственникам и в церковь позволяли им выходить только во время говенья, чтобы приобщиться св. тайн или иногда в самые большие праздники.

Только самые дружелюбные отношения

хозяина дома к своим гостям растворяли иногда женский терем и вызывали оттуда на показ мужскому обществу его сокровище — хозяйку дома. Существовал обычай, по которому личность женщины и именно жены хозяина, а также жены его сына или замужней дочери, чествовалась с каким то особым, точно языческим поклонением.

Этот обычай, по свидетельству Котошихина, заключался в том, что, когда на празднике или в другое время собирались гости и начинался обед или честной пир, хозяин дома приказывал жене выйти поздороваться с гостями. Она приходила в столовую комнату и становилась в большом месте, т. е. в переднем углу; а гости стояли у дверей. Хозяйка кланялась гостям *малым обычаем*, т. е. до пояса, а гости ей кланялись *большим обычаем*, т. е. в землю. Затем господин дома кланялся гостям *большим же обычаем*, в землю, с просьбою, чтоб гости изволили его жену целовать. Гости просили хозяина, чтоб наперед он целовал свою жену. Тот уступал просьбе и целовал первый свою хозяйку; за ним все гости, один за одним, кланялись хозяйке в зем-

лю, подходили и целовали ее, а отошед, опять кланялись ей в землю. Хозяйка отвечала каждому поясным поклоном, т. е. кланялась малым обычаем. После того, хозяйка подносила гостям по чарке вина двойного или тройного с зельи, а хозяин кланялся каждому (сколько тех гостей ни будет, всякому по поклону), до земли, прося вино выкушать. Но гости просили, чтоб пили хозяева. Тогда хозяин приказывал пить наперед жене, потом пил сам и затем обносил с хозяйкой гостей, из которых каждый кланялся хозяйке до земли, пил вино и отдавши чарку, снова кланялся до земли. После угощения, поклонившись гостям, хозяйка уходила на свою половину, в свою женскую беседу, к своим гостям, к женами гостей. — В самый обед, когда додавали круглые пироги, к гостям выходили уже жены сыновей хозяина или замужние его дочери или жены родственников. И в этом случае обряд угощения вином происходил точно также. По просьбе и при поклонах мужей, гости выходили из за стола к дверям, кланялись женам, целовали их, пили вино, опять поклонялись и садились по местам; а жены удалялись на

женскую половину.

Дочери-девицы никогда на подобные церемонии не выходили и никогда мужчинам не показывались. Иностранцы свидетельствуют к этому, что жены являлись угощать вином гостей только в таком случае, когда хозяин желал гостям оказать особенный почет и когда дорогие гости настоятельно просили о том хозяина; что целовались не в уста, а в обе щеки; что жены к этому выходу богато наряжались и часто переменяли верхнее платье во время самой церемонии, что они выходили уже по окончании стола и при том в сопровождении двух или трех сенных девиц, т. е. вероятно также замужних женщин или вдов из служащих в доме боярских боярынь; что, подавая гостю водку или вино, они наперед сами всегда пригубливали чарку.

Этот обряд, подтверждая самым делом все рассказы о затворничестве русских женщин, о отдельности древнерусского общества на особые половины, мужскую и женскую; вместе с тем показывает, что личность замужней женщины, хозяйки дома, приобретала для

дружеского домашнего общества высокий смысл домодержницы и олицетворяла своим появлением и угощением самую высокую степень гостеприимства. В этом обряде выразилась также чисто русская форма уважения к женской личности вообще, ибо земные поклоны, как мы уже заметили, были первою данною формою наиболее высокого чествования личности.

Итак затворничество женской личности, ее удаление от мужского общества явилось жизненным выводом тех нравственных начал жизни, какие были положены в наш быт восточными, византийскими, но не татарскими идеями. Не у татар мы заимствовали наш терем, а он сложился мало помалу сам собою, ходом самой жизни, как реальная форма тех представлений и учений о женской личности, с которыми мы познакомились еще в самом начале нашей истории и которые в течении веков управляли воспитанием, образованием, всем развитием русской женщины.

С одной стороны, представление о нескончаемом ее детстве, хотя и выросшее из своеобразных родовых определений, но вкоренен-

ное главным образом учением пришедшей восточной культуры; с другой стороны, укорененное тою же культурою, представление о низменном достоинстве женского существа вообще, представление древнезмиинного соблазна, который является как бы прирожденным качеством в женской личности, — все это вместе, невидимыми путями, самым духом этих представлений, помогло создать для женской личности положение, так выразительно описанное Котошихиным.

Когда старая наша жизнь должна была свести свои счета, обнаружить, что именно ею сделано в течении веков, к каким итогам пришли все начала, положенные в ее бытовую почву, в это время, т. е. в конце. XVII ст. и женская личность должна была выразить себя во всей полноте, высказать все, что она могла сказать. В это время она действительно и высказывает все, чем было исполнено ее развитие. Но разнообразные типические черты, в каких обозначилась женская личность допетровской Руси, сплетаются в один идеальный образ, который господствует над всеми остальными и служит, если не всегда осно-

вою, то всегда неизбежным покрывалом каждого женского характера. Это образ *постницы*, образ иноческого благочестия в миру, иноческой чистоты и строгости нрава, иноческого освящения всех помышлений и всех поступков, всякого движения душевного и телесного. В этом только образе познавалась нравственная красота женской личности.

Но, само собою разумеется, как всегда бывает в общественной культуре, идеал становился очень часто только драпировкою личности и вовсе не обозначал того, что он должен был обозначать в действительности. В сущности, это была лишь внешняя форма достойной жизни, форма тогдашней образованности, тип изящных нравов, по понятиям и представлениям века; это был нравственный костюм, без которого не возможно было показываться в обществе, пред людьми. По этому очень часто в таком костюме являлись личности, вовсе и не помышлявшие о нравственных обязательствах, какие на них налагал этот костюм, и жившие в нем, как себе любо. Но зато являлись нередко и такие личности, которые с неумолимою последовательностью

доводили задачу этого идеала до его желанного конца. К таким именно личностям принадлежит, напр., известная постница боярыня Морозова, урожденная Соковнина, биография которой послужит для нас самым наглядным и полным изображением теремной жизни вообще, а в особенности вдовьей жизни в боярском быту; изображением тех стремлений, в которых женская личность допетровской Руси полагала высшее достоинство и высшую красоту нравственной жизни.

* * *

Боярыня Федосья Прокопьевна Морозова была супругою Глеба Ивановича Морозова, одного из первых бояр при царе Алексее Мих. Он был родной брат знаменитого царского дядьки, царского пестуна и кормильца Бориса Ивановича, которого молодой государь почитал вместо отца родного, и который одно время, в первые годы Алексеева царствования, управлял государством с полною властью. В молодых летах оба брата были сверстниками царя Михаила, государева отца, были его спальниками, след. домашними, комнатными, самыми приближенными людьми. В этом

чине они значатся уже с 1614 г., т. е. почти с первого года его царствования [36].

Борис был пожалован в бояре в 1634 г. (генв. 6), вместе с назначением в дядьки к царевичу Алексею. Глеб получил боярство в 1637 г. дек. 25.

Возвышение старшего брата поднимало, конечно, на приличное место и младшего, человека по видимому ничем особенно не замечательного. На Федосье Прокопьевне Глеб женился уже вторым браком. Первая супруга его была Авдотья Алексеевна (из чьего рода, неизвестно), на которой он женился еще в 1619 г. генв. 18 [37]. С нею он жил более 30 лет.

Царь «пожаловал стольника Глеба Ивановича Морозова, как приезжал на завтрая своей свадьбы государю челом ударить, благословил его: образ Живоначальные Троицы, оклад серебрян золочен басмянной, венцы сканные; да кубок серебрян золочен с кровлею на высоком стоянце, по кубку и по стоянцу ложечки короткия, под пузом у кубка на древе стоит мужик литой в правой руке топор поднял в верх; на кровле у кубка под пузом и по стоянцу травки спускные белы; на кровле травка с

нацветы. Весу гривенка 40 золотник. (Взят с поставца у погребново ключника у Федора Красново), — Да 10 аршин бархату червчатого, цена по рублю по 20 алт. аршин. 10 аршин отласу жолтово, цена по рублю по 10 денег аршин; 10 аршин камки куфтеру лазоревого, цена по рублю аршин. Сорок соболей, цена 25 рублей.

От государыни и великой старицы иноки Марфы Ивановны стольнику Глебу Ивановичу Морозову благословение: образ Бориса и Глеба, обложен серебром, венцы сканные; 10 аршин отласу червчетово по рублю аршин; да сорок соболей цена 20 рублей.

От государя царя и в. к. Михаила Федоровича в. р. стольника Глеба Ивановича Морозова жене Овдотье Алексеевне благословения: образ Спасов обложен серебром; 10 аршин камки куфтеру червчатого, цена по рублю по 3 алт. по 2 денги аршин; 10 арш. камки адамашки лазоревой, цена по 25 алтын аршин. Сорок соболей, цена 20 рублей.

От государыни Великия старицы иноки Марфы Ивановны Глебовой жене Морозова Овдотье Олексеевне благословение: образ

Пречистые Богородицы обложен серебром; 10 арш. камки адамашки жолтой по 26 алт. по 4 д. аршин; да сорок куниц, цена 12 рублей. (Арх. Ор. Пал. № 909, 7127 года).

В генваре 1648 г., на свадьбе царя Алексея с Милославскою, Авдотья Алексеевна была посаженою матерью у государя, а сам Морозов в то время, вместе с царским тестем Ильею Данил. Милославсишм, оберегал сенник или спальню новобрачных. Такие свадебные *чины* ясно указывают, каким доверием и почетом пользовалась чета Морозовых. Вместе с тем они же свидетельствуют, что Морозов, как и его жена, были тогда уже люди не совсем молодые. Неизвестно скороли после того Морозов овдовел. В 1654 г. Февр. 12, женою его была уже Федосья Прокопьевна. В этот день она находилась в числе *приезжих* боярынь, приглашенных царицею к родинному столу царевича Алексея Алексеевича и занимала в порядке званых пятое место, след. одно из передовых, разумеется соответственно месту своего мужа. Таким образом, замужество Морозовой относится ко времени между 1648 и 1654 гг.

Но боярыня Федосья Прокопьевна не по муже только была близка к царскому Двору. По всему вероятно она и замуж выдана из Дворца, от царицы, или по крайней мере при особенном ее покровительстве. Она была дочь окольного Прокопья Федоровича Соковнина, человека очень близкого и бес сомнения родственника царицы Марьи Ильичны. Московский дворянин И. Ф. Соковнин является при дворце в свадьбу царя Алексея с Марьею Ильичною. В это время он вводится в состав свадебных чинов и занимает едва видное, предпоследнее место в числе *сверстных*, т. е. близких или родственных дворян, назначенных идти для береженья за санями царской невесты. Тогда же и сын его Федор, стольник, находится также предпоследним в числе стольников — поезжан. Другой сын, Алексей, вероятно еще малолетний, определяется вскоре после свадьбы, в стольники к самой царице и занимает после Милославского, Голохвастовых, Фед. Мих. Ртищева и Еропкина, тоже предпоследнее место [38].

Через месяц после царской свадьбы мы находим отца Прок. Соковнина уже во дворец-

ких у царицы [39]. Это значило, что он сидел за поставцем царицына стола, т. е. отпускал для ее особы ествы, — должность весьма важная и влиятельная в домашнем обиходе царей. Через три с половиною месяца, 1650 г. марта 17, в именины царя, он жалуется в окольнічье. Сын его Федор идет в своих повышении за ним следом. Точно также, вероятно по старости или по болезни отца, он садится в 1668 г. за царицын поставец и в 1670 г. получает думное дворянство; но в том же году он теряет это звание, вероятно по случаю царской опалы на сестру. Кроме двух братьев, Федосья Прокон. имела еще сестру, младшую, Евдокию, которая была за князь Петром Семеновичем Урусовым, тоже весьма приближенным к царю человеком. Он был крайчим (с 1659 г.), т. е. подавал государю за столом питья и ествы [40].

Изю всего этого видно, что семейство Соковниных принадлежало к обществу домашних людей царского дворца. Оно сумело воспользоваться своим положением, распространив свои родственные связи и с знатным боярством, каковы были, напр., Морозовы.

Федосья Прокон. вышла за муж 17 лет. Мы видели, что Глеб Морозов был уже человеком пожилым, так что при вступлении во второй брак на Соковниной он имел по крайней мере лет 50. Неравенство лет не могло конечно остаться без влияния на жизнь молодой боярыни. Мы не знаем обстоятельств ее замужней жизни, но имея в виду общий склад тогдашнего домашнего быта бояр, можем предположить, что дом такого степенного, богобоязненного и тихого боярина, каким действительно был Глеб Иванович, скорее чем другие, должен был служить наиболее полным выражением идеалов Домостроя. Недаром Глеб Иванович был спальником царя Михаила, недаром он назначен был оберегать и спальню новобрачного царя Алексея. Вместе с тем близость обоих супругов ко дворцу также способствовала, и очень много, к устройству этого дома в порядке и в духе чтимой старины; ибо в дворце упомянутые идеалы, особенно на женской половине, являлись уже неизменными установлениями благообразной и так сказать образцовой жизни. Все поучения: како веровати и како жити богоугодно, во

всех своих мелких подробностях соблюдались здесь с неизменной строгостью.

Но важнее всего было то, что духовником Федосьи Прокопьевны, как и ее сестры Евдокеи, был знаменитый протопоп Аввакум. В свое время он очень близок был к царскому духовнику Стефану Вонифатьевичу. «Тогда (в 1650-х годах) и я при духовнике в тех же полатах шатался, яко в бездне мнозе», свидетельствует он в одном из своих сочинений [41]. Не мудрено, что многие из приближенных к этим палатам, и в том числе Соковнины, имели его духовным отцом. Ясно также, какому духовному настрою подчинялись в то время умы дворцового общества.

Духовная дочь Аввакума, Федосья Прокопьевна, видимо была душа крепкая и верующая и рано обнаружила свою привязанность к добродетельной постнической жизни по тому идеалу, какой тогда господствовал в умах, искавших спасенья. Для нее не были чужды вопросы такой жизни и быть может за то самое ее очень любил знаменитый брат ее мужа, Борис Иванович Морозов. Сказание о ее жизни [42] говорит, что Борис многие часы

проводил с ней, беседуя духовно, что, когда она приходила к нему, сам встречал ее любезно и говаривал: «прииди друг мой духовный, пойди радость моя душевная»; а провожая после беседы прибавлял: «насладился я паче меда и сота словес твоих душеполезных». Стало быть, боярыня еще в молодую свою пору была уже достаточно знакома с постническим уставом жизни, так что могла вести разумные беседы со одним из разумнейших людей царского синклита. Вообще все показывает, что она была настолько развита, хотя и односторонне, что вопросы жизни для нее не были вопросами только хозяйства или домашней порядки, а были вопросами духовных стремлений найти самую правду жизни, что она вовсе не была способна сделаться «под Фарисейским только видом постницею», каких было довольно в то время. Необходимо заметить, что в это самое время в русском обществе, в его мыслящей или сколько-нибудь знающей, начитанной среде, совершался великий, и нравственный, и социальный поворот от старого Домостроя к новине Петровской, от востока к западу. Имя этому повороту

было: *Никон*; потому что Никон патриарх смело рукою формально коснулся наиболее заветного начала жизни, именно ее невежественного застоя. И прежде его думали и говорили тоже, как он потом стал делать; не он первый и не он один желал сдвинуться с места. Первым был в этом случае сам государь. Но на Никона все должно было обрушиться по той причине, что его почин касался области, в которой застою невежества был очевиднее и осязательнее, и при том всегда освящался авторитетом святыни, а потому давал широкие средства отстаивать его против малейшего движения умной новины, давал, кому это было нужно, широкие средства авторитетом Веры спутать и замешать понятия общества. И вот имя Никона явилось знамением времени, стало ежеминутно повторяться в домашних беседах, во всяких сборищах, в тишине домашней клетки и на шумных стогнах града. В народе поднялось великое и многое *размышление* и соблазн, а в иных местах и расколы. Судили и рядили о том, где правда. Говорили: «вот поют, вместо: благословен грядый, обретохом веру истинную. И то их ново-

вводное пение на великое поношение и укоризну российскому государствию и православно́й нашей вере. Будто они никонианцы обрели нам истинную веру, а до сей поры мы и отцы наши и те святые русские чудотворцы, от Владимирова крещения лет 700 будучи, будто истинные веры до них не знали на земле?... Да они же имя Сыну Божию переменили, печатают по новому с приложением излишней буквы Иисус; и тем учинили великий раскол и смуту, и от иных государств вечный понос и укоризну. Будто мы и отцы наши от Владимирова крещения, толико лет будучи, имени Сыну Божию не знали... Ведь, если и в царском имени кто сделает перемену (описку), так того казнят, как же дерзнуть нарушить имя Сына Божия».

«К сему же и звоны церковные переменили, звонят к церковному пению дрянью, аки на пожар гонят или всполох бьют; и тем велие поругание и православным соблазн и возмущение; и в уставах того, чтоб дрянным обычаем по пожарному звонити, нигде не указано».

«Иноки ходят в церковь Божию и по тор-

гам без мантий, безобразно и безчинно, как иноземцы или кабацкие пропойцы; и тем своим «безчином иночеству конечное творят поругание, какого и в мирских отнюдь не бывает; потому что, если и мирянин кто, от благоговейных и честных, так будет творить, что без верхнего одеяния, в фerezях и в полукафтанье, в церковь Божию или среди торжища дерзнет войти, — не все ли зрящие посмеются ему и пьяницу суца или ума исступивша почтут быти. Если срам есть и безчестие мирским так творить, кольми паче иноком... а они и прочее одеяние иноческое все переменили и возлюбши иных земель платья и обычаи их и нравы. Вместо рясок, носят иноземные широкие кафтаны, а вместо скуфей иноческих, носят черные колпаки... Также и вместо клобуков возлагают на главы своя странно некое их инообразное подобие, соблазна ради и душевные пагубы: нельзя очи иметь нимало непокровенными, паче же юным и безбрачным, до конца соблазнительно и стыдно. А прежде в русской земле этого небывало и странных этих иноземских обычаев вводить несмели...»

«Попущением Божиим умножися в нашей Русской земле иконного письма неподобно-го... Пишут Спасов образ Еммануила — лицо одутловато, уста червонныя, власы кудрявые, руки и мышцы толстыя, персты надутые, та-коже и у ног бедра толстые и весь — яко нем-чин, брюхат и толст учинен; лишь сабли-то при бедре не писано... А все то Никон враг умыслил: *будто живые писать*. А устрояет все до Фряжскому, сиричь по немецкому... Ох! Ох! бедная Русь! Чего то тебе захотелось немец-ких поступок и обычаев? А Миколу чудотвор-цу имя немецкое — Николай! В немцах нем-чин был Николай, а во святых нет нигде Ни-колая...» Далее: перстосложение, аллилуия и очень многое, тому подобное — все это и под-верглось великому народному размышлению и рассуждению, особенно между духовными отцами и их детьми. Не смотря однако ж на разнообразие предметов размышления все дело сводилось к одному концу: стоять ли за старое или идти за новым. В обществе про-изошло разделение, главную причину кото-рого было крайнее невежество этого самого общества, воспитанного в самой тесной опе-

ке, в среде бесчисленных запрещений, отречений и анафем; у которого отнята была наука, закрепощена мысль, которое, по этому, не имело способов само поверять действия своих руководителей и учителей и по необходимости шло за ними, как бы на привязи. Очень понятно, что в таком обществе всякое наглое, самоуверенное слово, а тем более всякий фанатизм, даже Фанатизм юродивого должен был почитаться за возглашение самой истины.

Фанатизм всегда и является неизбежным плодом умственной тесноты и умственной ограниченности. И в самом деле, очень трудно было в это время Русскому человеку узнать, на какой стороне правда.

В самом дворце умы колебались и многие втайне стояли, разумеется, за старое, за уставы Домостроя и помогали всеми дворцовыми путями и средствами своим единомышленникам. Там старое могло приобрести еще большую силу от того, что многие, особенно близкие, к царице, находили в старых порядках точку опоры для борьбы с новыми людьми, которые нередко переступали старым дорогу.

Само собою разумеется, что старый устав жизни, ее буква, обряд, нигде не должен был иметь такой силы, как именно на женской половине дворца, которая долго и после реформы сохраняла привязанность к старым порядкам быта.

В таком положении находились дела, когда обычным путем шли лета замужества молодой и знатной боярыни. Бог дал супругам сына Ивана по их молитве и явлению чудотворца Сергия, как говорит сказание о жизни Морозовой, что достаточно свидетельствует о благочестивой ее набожности. Но в 1662 г. Глеб Иванович умирает и она остается вдовою. Случай решительный в жизни Морозовой. С этих пор ее постническое набожное настроение мыслей получает широкий простор для своих действий, для стремлений к заветным идеалам. Должно полагать, что в это время ей было не более 30 лет, ибо всего замужества едва ли было лет 12; тогда и сын остался после отца лет десяти.

Первые годы вдовства шли однако ж обыкновенным порядком. Она жила, как следует большой и богатой боярыне, выезжала во

дворец и к родным и знакомым с подобающею боярскою обстановкою и держала свой дом в подобающем устройстве.

Об этом времени ее вдовства пусть расскажет нам сам Аввакум, ее духовный отец и учитель. «Знаю, друг мой милый, Феодосья Прокопьевна, пишет он к ней в одном из своих писем, жена ты была боярская, Глеба Ивановича Морозова, вдова честная, в Верху чина царева близь царицы: в дому твоём тебе служило человек с триста, крестьян у тебя было 8000, имения в твоём дому было на 200 или на 250 тысячъ; друзей и сродников в Москве множество-много; ездила ты к ним в карете дорогой, украшенной мусиею и серебром, на аргамаках многих, по 6 и 12 запрягали, с гремячими цепями; за тобою слуг, рабов и рабынь, шло человек по 100 и по 200, а иногда и 300, оберегая честь твою и здоровье. Пред нами красота твоего лица сияла, как древле во Израили вдовы Июдифы, победившей Навходносорова князя Олоферна. И знаменита была ты в Москве, как древняя Девора в Израили, Есфирь, жена Артаксеркса».

Но вдова по понятиям и убеждениям века

уже носила в своем положении смысл монахини. Честное вдовство само собою уже приравнивалось к обету иноческому. Поэтому вся жизнь вдовы со всею ее обстановкою естественным и незаметным путем преобразовывалась в жизнь монастырскую. Также точно, естественным и незаметным путём, устраивалась и жизнь честного девства, напр. жизнь царевен. Не первая и не последняя была Федосья Прокопьевна, устроившая свой дом по монастырски. Таков был господствующий идеал для женской личности, свободной от супружества.

Боярыня строго исполняла правило церковное и келейное, не оставляла его и тогда, когда бывала в Верху, у царицы или сестер государя, ибо и там все правила, т. е. известные церковные службы, молитвы и моления, тоже исполнялись строго. Утром после *правила* и книжного чтения, обыкновенно святого жития на тот день или поучительного слова, боярыня занималась домашними дедами, рассуждая домочадцев и деревенские крестьянские нужды, заботясь об исправлении крестьянском, иных жезлом наказуя, а иных лю-

бовию и милостью привлекая на дело Господне. Это продолжалось до 9-го часу дня и больше, т. е. до полудня и больше, по нашему счету. Остальное время посвящалось добрым, богоугодным дедам, в числе которых, первое и самое важное место принадлежало делам милосердия. В тот век добродетельному и благочестивому сердцу были, как воздух, необходимы нищие, странные, убогие, калеки, юродивые, старцы и старицы. Добродетельное и благочестивое сердце не имело в то время другого, более чтимого, выхода на путь добрых дел. Вот почему, в то время каждый зажиточный, а тем более богатый дом собирал у себя эту братию не только в известные, определенные церковными обычаями, дни, но и давал ей в своем доме местожительство.

Составитель Домостроя поучает: церковников и нищих, и маломощных и бедных и скорбных и *странных* пришельцев, призывай в дом свой и по силе накорми и напой и согрей; и милостыню давай, и в дому и в торгу и на пути; тою бо очищаются греси, те бо ходатаи Богу о гресех наших. Чадо! люби мнишеский чин, и *странные пришельцы всегда бы в*

дому твоём питались, и в монастыри с милостынею и с кормлею приходи; и в темницах и убогих и больных посещай и милостыню по силе давай.

Федосья Прокопьевна в доме своем держала пятерицу инокинь *изгнанных*, и радовалась — зря в ночи на правиле себя с ними стоящую и на трапезе их с собою ядущих...» Аиных в доме своем гнойных держала — Феодота Стефановича и прочих: им своими руками служила, язвы гнойные измывала и в уста их пищу подавала... Дом ее был отворен юродивым и нищим и сиротам, которые «невозбранно в ее ложницах обитали и с нею ели с одного блюда» [43].

В числе юродивых, которые невозбранно приходили в дом к Морозовой, были два ревнителя древнего благочестия Феодор и Киприан. Федор ходил в одной рубашке, мерз на морозе босой, в день юродствовал, а ночь всю стоял на молитве со слезами. Аввакум рассказывает о нем: «много добрых людей знаю, а не видал такого подвижника; зело у него во Христа вера горяча была... не на баснях проходил подвиг... Пожил у меня с полгода на

Москве, а мне еще не могло; в задней комнате двое нас с ним. И много час-другой полежит, да и встанет, тысячу поклонов отбросит, да сядет на полу, а иное — стоя, часа с три плачет. А я таки лежу, иное сплю, а иное не можется. Когда уж наплачется гораздо, тогда ко мне приступит: «долго ли тебе, протопоп, лежать того? образумься, ведь ты поп: как соромы нет?... И мне не можется, так меня подымает, говоря! «встань, миленькой батюшко! Ну таки вытащит как-нибудь меня... сидя, мне молитвы велит говорить, а он за меня поклоны кладет: то-то друг мой сердечной был!» За староверство он отдан был под начало рязанскому архиепископу Илариону, терпел там муки и наконец бежал в Москву. Об этом побеге, облакая его, разумеется, в форму чуда, он рассказывал Аввакуму: был я на Рязани под началом у архиепископа на дворе и зело он, Иларион, мучил меня: редкой день, коль плетьюми не бьет, и скована в железах держал, принуждая к новому антихристову таинству. И я уже изнемог. В нощи моляся, плачу, говорю: Господи! аще не избавишь мя, осквернят меня и погибну; что тогда мне сотворишь!.. И

вдруг, батюшко, железа все грянули с меня и дверь, и отперлась, и отворилась сама. Я, Богу поклонясь, да и пошел. К воротам пришел, и ворота отворены. Я по большой дороге к Москве напрямик... К тебе спроситься прибрел: «туда ли мне опять мучиться пойти или, платье вздев, жить на Москве». Протопоп велел ему вздеть платье и ухоронил его на время у себя. После его сослали на Мезень и там будто бы повесили.

Об отношениях этого юродивого к Морозовой узнаем нечто из письма к ней Аввакума: «поминаешь ли Феодора? пишет он к ней. Не сердись ли на него? Поминай Бога для, не сердитуй! он не больно пред вами виноват был. Обо всем мне пред смертью покойник писал: «Стала де ты скупа быть, не стала милостыни творить, и им на дорогу ничего не дала». И с Москвы от твоей изгони съехал, и кое что сказывал. Да уже Бог вас простит; нечево старова поминать. Меня не слушала, как говорил, а после пеняешь мне. Да что на тебя дивить? *У бабы волосы долги, а ум короток!* прости же меня, а тебя Бог простит во всем».

Другой юродивый, Киприян известен был даже самому государю, след. мог бывать даже и в царском дворце и тем более, что во дворце, в числе «верховых богомольцев», находились также и юродивые. Киприян не раз и государя молил о восстановлении древнего благочестия; ходил по улицам и по торжищу, свободным языком обличая новины Никоновы. Под конец он был сослан в Пустозерской острог и там казнен за свое упорство.

Идея юродства не была, конечно, самобытным созданием русской жизни. Она явилась, как неизбежное последствие тех культурных начал, как были принесены к нам из Византии и которые создали и постоянно создавали, произраждали множество соответствующих этому явлений жизни. Византиец Кедрин, объясняя себе юродство, говорит между прочим: «так повелел Бог и Исаии ходить нагу и необувенну: и Иеремии обложить чресленник о чреслах, и иногда возложить на выю клади и узы, и сим образом проповедывать; и Осия повелел пояти жену блужения и паки возлюбити жену любящую зло и злодейцу; и Иезекиилю возлежать на десном бо-

ку четыредесять и на левом сто пятьдесят дней, и паки прокопать стену и убежать и пленение себе приписать и иногда мечь изострить и им главу обрить и власы разделить на четыре части. Но да не вся глаголю, смотритель и правитель словес повелел каждому из сих быть того ради да не повинующийся слову, возбудятся зрелищем странным и чудным. Новость бо зрелища бывает дозвлетельным учения залогом» [44]. Юродивый, таким образом, в идее своей, всегда носил смысл пророка, обличителя греховной жизни, обличителя всякой ее неправды. Самою выразительною силою его обличений и был его подвиг, всегда исполненный или крайнего цинизма жизни или безграничного отвержения ее мирских требований, вообще подвиг уродства жизни, что как необычайное и чудесное, одно только и могло возбуждать застоявшиеся, неподвижные умы века.

Собирая около себя такое убогое общество, поучаясь его подвигами и словесами, Морозова и свой досуг употребляла на рукодельные труды также в пользу нищих и убогих. Иногда руки ее «пряслице касались», садилась

она за прялку, готовила нити и теми нитями шила рубахи, и ввечеру, с одною из стариц, домочадицею Анною Амосовною, одевшись сама в рубище, ходила по улицам и по стогнам града, по темницам и по богадельням, и оделяла рубахами нищих; раздавала им деньги, овому рубль, а иному 10, а инде 50 рублей и мешок сотной.

Монах Симонова монастыря, Трифилий, крепкий старовер, происходивший также от благородного корени, указал ей благоговейную инокиню Меланию. Она призвала ее и, слышав ее словеса, очень возлюбила; избрала ее себе матерью, с иноческим смирением отдалась ей под начало, сделалась ее послушницею, и до самой смерти ни в чем не ослушалась ее повелений. С тою Меланиею они также по темницам тайно ходили, пешими ногами, носили милостыню; обтекали чудотворные места, соборы, монастыри и церкви,нося жертвы, как достойно.

Все это было в то время делом обыкновенным, делом необходимым для благочестивого и богобоязненного жития, все это вполне согласовалось с общими обычаями, с общими

потребностями нравственной, добродетельной жизни и особенно с идеалами и стремлениями честного вдовства. Так именно добрая вдова жила в течение всего старого века нашей истории. Но мы заметили, что время, в какое жила Морозова, было особенное время: умы были в размышлении, наставал конец старому веку, наставало светопреставление; почва колебалась, нужно было искать спасения, искать, где правда жизни. Оставаясь в среде Домостроя, дыша его духом, Федосья Проконечно не могла очень сочувствовать разным новинам или в сущности разным обличениям и исправлением застаревших и укorenившихся ошибок. Авторитет предания был так велик в ее глазах, был так велик в глазах всех, кто хотел строгого и точного исполнения преданных уставов, что и одно прикосновение к его букве, даже к одной четре этой буквы, казалось своевольным высокоумием, опасным вольнодумством, против, которого, как против антихристовой напасти, следовало бороться всеми силами. Так были и воспитаны и настроены тогдашние убежденные, размышляющие и рассуждающие умы.

Но Морозова вдобавок имела руководителем известного юродивого — фанатика Аввакума и постоянную поддержку в обществе своих стариц, нищих и юродивых, особенно матери Мелании или Маланьи, без сомнения такого же Аввакума, только в женском образе, след. с чертами более мягкими; да видимо она не отвергалась в своих мыслях и на женской половине дворца.

Таким образом, ей очень трудно было увидеть истинный путь к правде. Она по необходимости явилась защитницей старой лжи и, как натура крепкая и прямая, провела свою защиту до конца, без колебаний. Для женской личности потребовалось мужественное дело. Ни на какое другое дело эта личность не была приготовлена. Она была воспитана аскетическим идеалом; она и не задумалась отдаться ему вся. Здесь во всей полноте обозначился только положительный вывод учений Домостроя, выразилась неумолимая их последовательность.

Ревнуя за истину, которую в понятном ослеплении видеть вовсе не могла, Морозова очень горячо принимала тогдашние вопросы

дня, — эти размышления общества о перестановке на новые старых обычаев и привычных порядков; и везде, и у себя дома при гостях, и на беседах, где сама бывала, крепко отстаивала старину. «На беседах Никониан мужеска полу и женска безпрестанно обличая — везде им являшеся, яко лев лисицам», говорит Аввакум. Прежде всего конечно обсуждение этих вопросов открывалось между родственниками. Федосья Пракопьевна легко убедила в своих мыслях родную сестру Евдокею, княгиню Урусову, жену царского кравчего кн. Петра Семеновича, которая тоже сделалась духовною дочерью Аввакума. Обе сестры жили как бы «во двою телесех едина душа», и Евдокея точно также отдалась в повиновение и послушание матери Меланьи, умоляя ее чтобы попеклась о спасении ее души. Соковнины были в родстве с Ртищевыми; те и другие происходили из Лихвинских городских дворян, а в это время стали близкими собеседниками дворца. Царский постельничий, а потом окольничий Мих. Алекс. Ртищев, отец знаменитого Фед. Мих. Ртищива, приходился молодой вдове дядею. Ртищевы стояли за Никона,

покровительствовали киевским ученым, т. е. вообще науке. Они ближе были к царю, который был исполнен стремлений исправить и украсить жизнь по новым образцам. Соковнины стояли за Аввакума, за старое благочестие, потому что были ближе к царице, в быту которой знали только одни старые уставы и потому крепко за них держались.

Мих. Ал. Ртищев вместе с дочерью Анною, двоюродною сестрою Морозовой, желая ее поколебать и на свой разум привести, много раз начинали выхвалять Никона и его реформы. Отверзала уста Прокопьевна и говаривала: «поистине, дядюшка, вы прельщены врагом, а потому и похваляете *римские* ереси и их начальника». Тогда продолжал седовласый старец: «о чадо Феодосия! что ты это делаешь, за чем отлучилась от нас. Посмотри, вот наши дети: об них нам надо заботиться и, смотря на них, радоваться и ликовать, жить общею любовью. Оставь распрю, не прекословь ты великому государю и всем властям духовным. Знаю, прельстил и погубил тебя злейший враг, протопоп (Аввакум). Не могу без ненависти и вспомнить о нем. Сама ты его знаешь».

С улыбкою сожаления и тихим голосом отвечала Морозова: Нет, дядюшка, не так; не правду вы говорите, горьким сладкое называете; отец Аввакум истинный ученик Христов, *потому что страждет он* за закон Владыки своего; а потому, кто хочет Богу угодить, должен послушать его учения». Слова, имеющие глубокий исторический смысл. Вот, стало быть, где должно искать главной причины ослепления Морозовой, главнейшей причины ослепления и помрачения многих, начиная от царского дворца и до убогих крестьянских клетей. И как это совпадает со всеми идеалами, какими был исполнен ум того века, какими было напитано воображение людей, сколько-нибудь коснувшихся тогдашнего книжного учения. Потому что он страдает, потому что его гонят — вот мысль, которая и во всякую другую эпоху всегда возбуждает доброе сердце к сочувствию, а в нашей старине эта мысль по многим историческим, культурным, умственным и нравственным причинам всегда и неизменно привлекала к себе общее сочувствие, которое, не входило в тонкое разбирательство, за какое дело кто стра-

дает; но, видя страдание, шло за ним; относилось с милосердием ко всякому страждующему. Оттого гонимые, особенно если еще замешивалась тут какая либо государственная или церковная тайна, всегда приобретали у нас необъяснимый успех. Идеалы же Морозовой, доведенные ее фанатизмом до своих последних выводов, должны были даже требовать именно этого последнего акта ее аскетической жизни. Все было готово в идее: оставалось только воплотить эту идею, это *слово* жизни, в самое *дело*.

Однажды Анна Михайловна Ртищева стала ей говорить: «Ох сестрица, голубушка, съели тебя старицы белевки [45], проглотили твою душу! Как птенца, отлучили тебя от нас. Не только нас ты презираешь, но и о сыне своем не радишь; одно у тебя чадо, а ты и на того не глядишь. Да еще какое чадо-то! Кто не подивится красоте его... Подобало бы тебе и на сонного-то на него любоваться; да поставить бы над красотой его свечи от чистейшего воска, и не вем какую лампаду возжечь, да и зреть доброты лица его и веселиться, что такое чадо драгое даровал тебе Бог. Ведь

сколько раз и сам государь, и с царицею удивлялись красоте его, а ты его ни во что полагаешь и великому государю не повинуешься. Уж когда нибудь за твое прекословие придет на тебя и на дом твой огнепальная ярость царева, и повелит дом твой разграбити. Тогда и сама многие скорби подынешь и сына своего сделаешь нищим, А все будет твоим немилосердием.

Морозова ответила: «неправду ты говоришь. Не прельщена я, как ты говоришь, от белевских стариц. Но по благодати Спасителя моего чту Бога Отца целым умом; а Ивана я люблю и молю о нем Бога беспрестанно и радею о полезных ему, душевных и телесных. Если же вы думаете, чтобы мне из любви к Ивану душу свою повредить, или своего жалючи, отступить благочестия и этой руки знаменной (перстосложения), — то сохрани меня Сын Божий от этого неподобного милования. Не хочу, не хочу, любя своего сына, себя губить, хотя он и один у меня: но Христа люблю более сына. Знайте, если вы умышляете сыном меня отвлекать от Христова пути, то ни как этого не сделаете. Вот что прямо вам

скажу! Если хотите, выведете моего сына Ивана на Пожар (площадь в Китай городе, где казнили) и отдайте его на растерзание псам, устрашая меня, чтобы отступила от веры... но не помыслию отступить благочестия, хотя бы и видела красоту, псами растерзанную. Я знаю одно: если до конца во Христовой вере пребуду и сподоблюсь вкусить за это смерти, то никто не может отнять у меня моего сына.

Слышавши это, Ртищева ужаснулась, как грома, этих страшных слов и много дивилась такому *крепкому мужеству и непреложному разуму*, замечает повествователь жития Морозовой.

Без всякого сомнения еще больше укрепилось ее мужество и совсем помрачился разум, когда (в 1662 г.) в Москве снова явился из ссылки Аввакум. По его рассказу, он был принят радушно. «Видят они, что я не соединяюсь с ними, вот и приказал государь уговаривать меня Родиону Стрешневу, чтобы я молчал. И я потешил его: царь, то есть, от Бога учинен и добренек до меня. Чаял, либо по маленьку исправится. А се посулили мне Симеонова дни сесть на Печатном дворе, книги править; и я

рад сильно: мне то надобно лучше и духовничества. Пожаловал (царь), ко мне прислал 10 рублей денег, царица 10 рублей денег; Лука, духовник (царский) 10 рублей же, Родион Стрешнев 10 рублей же, а *дружище* наше Федор Ртищев (двоюродный брат Морозовой), тот и 60 рублей казначею своему велел в шапку мне сунуть; а про иных нечего и сказывать! Всяк тащит да несет всячиною. У света моей Федосьи Прокофьевны Морозовы *не выходя, жил во дворе*, понеже дочь мне духовная; и сестра ее княгиня Евдокия Прокофьевна дочь же моя. Светы мои мученицы Христовы! А у Анны Петровны Милославские [46], покойницы, всегда же в дому был, и к Феодору Ртищеву браниться с отступниками (киевскими учеными) ходил, да так-то с полгода жил».

Если в самом деле таковы были отношения многих знатных москвичей к Аввакуму, хотя, видимо, он много и прибавляет, то каким же образом Морозова могла отстать от своего духовного отца. Равнодушной она не была к вопросам Веры, а прямое и непосредственное влияние на нее имел лишь один Ав-

вакум с своими единомышленниками.

Естественно, что она все больше и больше укреплялась в истине своих размышлений и мнений и горячо их защищая по беседам, без сомнения научением и словами самого Аввакума или матери Меланьи, обратила наконец на свои подвиги внимание царя. Была к ней присылка по повелению цареву, приходили испытывать ее Иоаким, чудовской архимандрит и Петр, соборный ключарь. Узнав ее крепкое мужество и непреложный разум, и готовность даже умереть за правду, государь повелел отписать у ней на свое имя половину вотчин. Но опала продолжалась, вероятно, не долго. Во дворце у ней была сильная рука. 1 Октября 1666 года государь возвратил ей отписанные вотчины «для прошения государыни царицы Марьи Ильичны и для всемирные радости рождения царевича Ивана Алексеевича» [47]. Получив, после такого искушения, малую ослабу, Морозова еще деятельнее предалась своим подвигам, «раздавала многую милостыню, многое имение расточила неимущим, многих с правезу (за долги и другие взыскания) выкупала, монастырям до-

вольная подавая, пустынников многих потребными удовлетворяя, прокаженных в дому своем упокоевая... Чем больше теснили эту душу, тем глубже она уходила в свои заветные стремления.

Федосья Прокопьевна начала мыслию «на большее простираться, т. е. более и более приближаться к цели своего идеала, желая ангельского образа... Она надела власяницу... «под одеянием ношаше на срачице, устроена от скота власов белых, кратко рукава» — и очень печалилась о том, когда этот ее подвиг случайно был замечен ее снохою, женою Бориса Морозова, Анною Ильичною Милославскою, родною сестрою царицы. Аввакум рассудил тогда ее печаль, что «не хотением сотворилось, Бог простит».

Во дворце, конечно, все знали, что делается у Морозовой; хорошо знали образ ее мыслей и все ее речи и подвиги; но в первое время, когда еще тянулось дело Никона, она могла оставаться в покое, ибо, как видно, и для самого царя не совсем еще было ясно, в чем именно заключался настоящий смысл всей этой смуты умов. Морозова, наконец, присту-

пила к матери Меланьи, лобызая ее руки и поклоняясь на землю, и умоляя, чтобы облекла ее во иноческий чин. Разумная мать отказывала по многим причинам. Невозможно этого в дому утаить и если узнают у царя, многим людям многие будут скорби по случаю розысков и допросов, кто постриг. Если и в дому можно утаиться, то приспеет время сына браком сочетать, тогда необходимо будет много заботиться, хлопотать, урывать свадебные чины, а инокам это делать не в лепоту. Наконец должно будет уже стать до конца мужески и, откинув и малое это лицемерие и приличие, совсем уже не ходить в церковь. Морозова не оставляла своего намерения — «зело желаше несытною любовию иноческого образа и жития». Когда Аввакумовцы увидели, как твердо и неизменно стоит в своем желании их верная послушница, то решились исполнить ее просьбу. Она была пострижена старовером, бывшим Тихвинским игуменом Досифеем, наречена Феодорою и отдана в послушание той же матери Мелании. Стало быть совершился только торжественный обряд того, что уже существовало на са-

мом деле... Формальное пострижение только дальше подвинуло это дело. Прокопьевна, зря на себе иноческий чин, начала вдаваться большим подвигам, посту и молитве и молчанию, а от домовных дел ото всех начала уклоняться, сказывая себя больною, и все судные дела в доме приказала ведать своим верным людям. По всему вероятно это событие случилось в то время, как умерла царица Марья Ильична (1669 г. март), а с ее смертью потеряла свой вес и значение и партия Милославских с их родичами, вообще сочувствовавшая староверству. 1 Сентября 1668 г. Морозова еще являлась во дворец на праздничный званый обед. Царица очень любила Морозову и очень была к ней милостива да вероятно не совсем чуждалась и ее мыслей, — тем чувствительнее была эта потеря для Морозовой. Весьма понятно, что после того дворец ей опостылел, ибо не осталось уже там корней для поддержки старого «благочестия», а напротив с каждым днем входило туда новое «благочестие». В Генваре 1671 года царь вступил во второй брак с Натальею Кириловною Нарышкиных. Морозовой, по старшинству ее дворского по-

ложения, следовало в свадебном чину стоять во главе других боярынь и титу царскую говорить. Она отказалась от этой чести, отговариваясь, что «ногами зело прискорбна, не могу ни ходити, ни стояти». Царь понял причину ее отказа и прогневался, отозвавшись: «Знаю, она загордилася!» Морозова тоже очень хорошо знала, что царь это дело просто не покинет. Но она шла все дальше и дальше к своим задушевному идеалам и так далеко отошла от прежнего своего мира, что он стал ей казаться нечистым. Она не хотела идти во дворец за тем, что в царском титуле приходилось ей наименовать государя благоверным и руку его целовать, да нельзя было избыть и благословений архиерейских... Она решилась лучше страдать, чем с ними сообщаться. Царь до времени оставил ее в покое и только осенью в том же году послал к ней поговорить боярина Троекурова, которого один иноземец характеризует так: «при дворе он играет пустую роль и назначен более для увеселения царя, чем для совещаний в государственных делах». Вероятно, это был человек недалекий, но набожный. В бояре он пожалован в 1673 г.

Таким образом значение посла соответствовало самому предмету посольства. Спустя месяц к ней явился другой посол, более ей близкий, кн. Петр Урусов, царский крайчий и муж ее сестры Евдокии. Этот принес ей выговор, чтоб покорилась и приняла все новоизданные их законы; если же не послушает, то быти бедам великим. «Я не знаю, какое я сделала зло дарю, отвечала Морозова; удивляюсь, почто царский гнев на мое убожество. Если хочет отставить меня от правой веры, — в том бы государь на меня не покручинился, да будет ему известно: до сей поры Сын Божий покрывал меня своею десницею; у меня и в мысли не было, чтоб, оставя человеческую веру, принять Никоновы уставы. В вере христианской, в которой родилась и крестилась, в том хочу и умереть. Подобало бы царю оставить меня в покое, потому что от православной веры мне отречься не возможно». Когда донесли об этом государю, он «множае гневом распалашесе, мысля сокрушить ее». — «Тяжело ей бороться со мною, сказал он предстоящим, — один кто из нас непременно одолеет». «И бысть в Верху не едино сидение об ней, ду-

мающе, как ее сокрушат».

Особенно будто бы споспешествовали этой думе архиереи и старцы жидовские и еромо-нахи римские, т. е. все те достойные ученые, призванные из Киева и Полоцка, которые в то время и были предметом ненависти для людей старого благочестия. Эти ученые ненавидели будто бы Морозову особенно за то, что ревнительница везде, и в дому своем, при гостях, и сама где бывала, на беседах, опровергала и обличала их прелесть, а им в уши вся сия приходиша.

Гроза царского гнева приближалась. Пятерица инокинь изгнанных, с какою-то Еленою во главе, составлявших домашнюю обитель Морозовой, стала просить ее, чтоб отпустила их, чтоб их тут не захватили. Трудно было расстаться с ними, трудно было разорить этот маленький монастырь-мирок, — где все сложились и шло так правильно, одно за другим, наполняя дни, недели и целые годы мыслью, что неустанно и богоугодно исполняется устав жизни. Морозова остановила своих друзей и держала их недель пять после первого царева выговора. «Нет голубицы мои, не бой-

тес! теперь еще не будет ко мне присылки», утешала она их, скорбящих о своем положении.

Морозова говорила так, потому что знала о ходе своего дела во дворце. Ее сестра княгиня Евдокия Урусова не оставляла ее в это тяжелое время и только на малый час отлучалась в свой дом, затем, без сомнения, чтобы проведать у мужа, что там говорят об них в Верху. Через мужа она и получала надобные сведения. Когда было узнано, что время приближается, Федосья Прокопьевна рассталась с своими старицами: «Матушки мои, время мое пришло», — сказала она им, — идите все вы, может быть Господь вас где сохранит, а мне благословите на Божие дело и помолитесь обо мне, чтоб укрепил меня Господь *страдати* без сомнения о имени Господни». Тот же князь Урусов, который приходил к Морозовой с царским выговором, предупредил жену, что на бедную ее сестру скорби великие идут, государь неукротимым гневом содержим и решает на том, чтоб скоро ее из дому изгнать. Не высказывая, вероятно из боязни, своего мнения о царской воле, он однако ж приба-

вил: «Послушай, что я скажу тебе и внимай моим словам. Христос в Евангелии глаголет: предадут бо вас на сонмы и на соборищах их бьют вас; пред владыки же и цари ведены будете, меня ради, во свидетельство им. Глаголю же вам, другом своим, не убойтесь от убивающих тело и потом не могущих больше что сотворити. Слышишь, княгиня, сам Христос глаголет! А ты внимай и памятуй». Княгиня радовалась таким словам мужа [48] и на утро, когда он поехал во дворец, отпросилась у него опять к сестре. «Или, да не оставайся там долго, ответил муж, я думаю, что сегодня же присылка к ней будет». Княгиня однако ж осталась у сестры до ночи. Они вместе ожидали «гостей».

Во второй час ночи (т. е. по закате солнца) отворились большие ворота на дворе Морозовой. Ужаснулась Федосья Прокопьевна, понявши, что идут ее мучители. От страху ослабели ее ноги и она приклонилась на лавку. Княгиня подкрепила ее: «матушка, сестрица, дерзай. С нами Христос! не бойся, встань, положим начало». Совершили они семь поклонов приходных, одна у другой благослови-

лись свидетельствовать «истину». Морозова в постельной своей комнате легла на свой пуховик, близ иконы Богородицы Федоровской. Княгиня ушла в чулан, род алькова, устроенный в той же спальне для наставницы Мелании, и там легла на постель. Сестры видимо хотели показать, что они собрались уже опочивать. В постельную с великою будто бы гордостью, дерзко, вошел чудовский архимандрит Иоаким в сопровождении думного дьяка Лариона Иванова и, увидев возлежащую Морозову, объявил ей, что послан от царя спросить ее; чтоб встала и стоя или и сидя, если не может, дала бы ответ противу царских повеленных слов. Морозова не встала. «Како крестишися и как молитву творишь? спросил ее архимандрит. Морозова, сложа по своему персты, перекрестилась и произнесла молитву! «Тако я крещусь, так же и молюсь». Второе: «старица Мелания, а ты ей в дому своем имя нарекла: Александра, где она теперь, сказывай скорее?» Морозова отвечала: «по милости Божией и молитвами родителей наших, по силе нашей, в убогом нашем дому ворота были отворены для странных рабов Христо-

вых. Когда было время, были и Сидоры и Карпы и Мелании и Александры. Теперь же никого нет из них». Думный дьяк ступил в чулан, но в чулане не было света; разглядев там человека, лежащего на постели, он спросил: «Кто ты?» «Я князь Петра жена, Урусова, отвечала сестра Морозовой. Дьяк, вовсе не ожидая найди здесь такую знатную особу, испугался своей дерзости и тотчас выскочил из чулана. Удивленный архимандрит воскликнули: «княгиня Евдокия Прокопьевна, князь Петра Урусова! Спроси ее, како крестится». Дьяк отказывался, объясняя, что они посланы только к боярыне Федосье Прокопьевне. «Слушай меня, возразил архимандрит, я тебе повелеваю, спроси ее». Дьяк повиновался и дал вопрос. Лежа на постели, облокотившись на левую руку, княгиня сложила персты: великий палец со двумя малыми, указательный же с велико-средним, протянувши их и показывая дьяку, произнесла молитву: «Так я верую, сказала. — Неожиданная встреча княгини Урусовой и ее заявление своего староверства заставили архимандрита тотчас же донести об этом царю. Оставив у сестер дьяка, он поспе-

шил во дворец. Царь сидел посреди бояр в Грановитой Палате. Приблизился к государю архимандрит и пошептал ему на ухо, что не токмо боярыня стоит мужески, но и сестра ее княгиня Евдокия, обретенная у нее в дому, также ревнует своей сестре, и твоему повелению сопротивляются крепко. Государь заметил, что княгиня «смирен обычай имеет и не гнушается нашей службы, а вот люта эта сумасбродка!» Архимандрит ответил, что и княгиня не только уподобляется во всем сестре своей старейшей, но и злее ее ругается над нами. «Если так, то возми и ту», сказал государь. Князь Петр тут же стоял и слышав царские слова, будто бы опечалился, но помочь делу не мог. Архимандрит возвратился в дом Морозовой, и приступил к испытанию ее рабынь.

Сопровождавший архимандрита черный дьякон Иоасаф указал особенно на двух, Ксению Иванову и Анну Соболеву. Когда обе укрепились (в перстосложении), их поставили на (правую) сторону особо; прочие все убоялись и не пошли на сторону укрепившихся, остались ошуюю. Тогда архимандрит обра-

тился к боярыне с следующей речью: «Понеже неумела ты жить в покорении, но в прекословии своем утвердилась, а потому царское повеление постигает тебя, и из дому твоего ты изгоняешься. Полно тебе жить на высоте, сниди долу, встань и или отсюда». Морозова не трогалась, видимо она выдерживала роль, что больна ногами, ни стоять, ни ходить не может. Ее посадили в кресла и понесли из комнат. Сын Иван Глебович провожал свою мать до среднего крыльца и поклонился ей в след. Она не видала его. Наложили на обоих сестер железа конские и посадили их в людские хоромы, в подклете, приказав людям беречь их под стражею.

Через два дня снова явился к ним думный дьяк Ларион Иванов, снял с ног железа и велел идти, куда поведут. Морозова не захотела идти (пешком); дьяк велел нести ее. Слуги принесли сукна (носила), посадили и понесли в Чудов монастырь. Княгиня Евдокия была ведена за нею пешком. Войдя в одну из палат вселенских (соборных) и по обычаю образу Божию поклонившись, Морозова, сидевшим там властям «сотворила мало и худо поклоне-

ние». В палате предал Павел, митрополит Крутицкий, знакомый уже нам Иоаким архим. Чудовский, думный дьяк и иные. Она не захотела говорить пред ними, стоя; села на место и не вставала, не смотря на их неоднократно требование. Митрополит начал ее увещавать тихо и кротко, вспоминая честь ее и породу. «Все это натворили тебе, сказал он, *старцы истарцы*, тебя прельстившие, с которыми ты водилась и слушала их учения и довели тебя до этого поношения, что приведена твоя честность на судище». И красоту сына ее вспоминал, чтоб пожалела его и своим прекословием не причиняла бы разорение его дому. Против всех слов она давала ответы: что истинному пути и благочестью навывкла не от старцов и стариц, а от истинных рабов Божиих. «О сыне же перестаньте мне много говорить. Обещалась Христу, моему свету, и не хочу обещания изменить да последнего вздоха; ибо Христу живу, а не сыну». Видя непреклонное ее *мужество*, и бесполезность кротких увещаний, власти решились ее пострадать. «Коротко тебя спрашиваем, сказали они ей: по тем служебникам, по которым

государь царь причащается и благоверная царица и царевичи и царевны, ты причащались?» «Нет не причащусь, потому что знаю, что царь по развращенным Никонова издания служебникам причащается». — «Как же ты об вас обо всех думаешь, стало быть мы все еретики?» — «Ясно, что вы все подобны Никону, врагу Божию, который своими ересями, как блевотиною наблевал, а вы теперь то сквернение его подлизываете».

В ответ ей сказали, что после того она не Прокопьева дочь, а бесова дочь. Морозова защищалась, говоря, что прокликает беса, что по благодати Господа, она, если и не достойна, все-таки, дочь Христа. Прение продолжалось от 2 часа ночи до десятого, (считая от солнечного заката). Княгиня Урусова точно также «во всем мужество показала». Их тем же порядком возвратили домой под стражу в тот же людской подклет. Морозову опять несли на носилах. «Если нас разлучат и заточат, сказала она княгине, предугадывая ход дела, молю тебя, поминай мене убогую в своих молитвах».

Утром на другой день пришел думный

дьяк, принес цепи со стулами, и снявши с ног железа, стал возлагать на шею им эти цепи. Морозова перекрестилась, поцеловала *огорлие* цепи и сказала: «Слава тебе Господи, яко сподобил мя еси Павловы узы возложить на себя». Дьяк повелел посадить ее на дровни и везти конюху. Ее повезли через Кремль.

Когда ее везли Кремлем, мимо Чудова монастыря, под царские переходы, она, полагая, что на переходах смотрит царь на ее поезд, часто крестилась *двуперстным* знамением, высоко поднимая руку и звеня цепью, показывая царю, что не только не стыдится своего поругания, но и услаждается любовью Христовою и радуется своим узам.

Ее посадили на подворье Печерского монастыря под крепкий караул стрельцов.

Княгиню Евдокею, подобным же образом обложив железными «юзами», отвели в Алексеевский монастырь и отдали под крепкое начало с повелением водить ее в церковь. Но она, противясь этому повелению, такое мужество показала, что дивился весь царствующий град ее храбрости и тому, как доблестно сопротивлялась она воле мучительской.

Доблестные подвиги ее заключались в том, что она всеми силами сопротивлялась, когда нужно было идти в церковь. Приказано было волочить ее на рогожных носилках. Она и тут притворялась расслабленною, не могущею ни рукою, ни ногою двинуть и сама на носилки не ложилась. Старицы Алексеевского монастыря, выводимые из терпения ее притворством, даже дерзостно заушали ее, говоря; «горе нам! что нам делать с тобою; сами мы видим, что ты здорова и весело беседуешь с своими, а как мы придем звать тебя на молитву, ты внезапно, как мертвая, станешь; и должны мы трудиться, переворачивать тебя, как мертвое тело». — «О старицы бедные, давала им ответ княгиня, зачем напрасно трудитесь; разве я вас заставляю; вы сами безумствуете, все шатаетесь. Я и сама плачу о вас, погибающих. Как я пойду в ваш собор, когда там у вас поют не хваля Бога, — но хуля, и законы его попирая...»

Скрывшиеся старицы Морозовой, конечно, очень горевали обо всем, что случилось и плакали об ней, как младенцы, разлученные с матерью. Но скоро, с небольшим через неде-

лю, они нашли случай повидаться с нею на заднем крыльце подворья, в утаенном месте, «еже ходити ту человеком на облегчение чреву».

Сюда то пришла одна из стариц, Елена. «Возлюбленная! сказала ей Морозова; ничто меня не опечалило так в эти дни, как разлука с вами. Ни отгнание из дому, ни царский гнев, ни властелинское истязание, ни юзы, ни стража, — все это мне любезно о Христе. Но очень мне прискорбно, что уже больше недели, не знаю-не ведаю, где вы. Ради Бога не покиньте меня, не уезжайте из Москвы, останьтесь здесь. Не бойтесь. Уповаю на Христа, покроет вас. О родных так не болезную, как о вас. Все я могу перетерпеть, только одной разлуки с вами не могу перенести».

Морозова чувствовала, что ей для укрепления необходима была почва; а крепкою почвою для ее подвига были те же старицы, к которым она так привыкла, и которые, оставаясь в Москве, могли во многом ей помочь. Нашли же они средство побеседовать с ней.

Одна из них Марья, дворянского рода Даниловых [49] еще во время первых действий

царского гнева, умыслила было бежать, но была поймана в *Подонской стране* (на Дону), привезена обратно в Москву, подверглась тому же испытанию и также крепко поревновала, похваляя пред всеми древнее благочестие и отвергаясь принять новины. Ее посадили, оковавши, пред стрелецким приказом [50].

Быть может этот самый случай заставлял Морозову советовать своим духовным сестрам оставаться лучше в Москве, где гораздо легче было им скрываться от властей.

Между тем к заключенной часто ездил для увещания Иларион митрополит рязанский. Но бесполезны были всякие увещания. Видя себя железы тяжкими обложену и неудобством стула томиму», она радовалась и об одном только скорбела, о чем и писала к наставнице своей матери Мелании. «Увы мне, мати моя! говорила она в письме. Не исполняю я дела иноческого! Как я могу теперь поклоны земные класть! Ох люто мне грешнице! День смертный приближается, а я, унылая, в ленисти пребываю! И ты, радость моя, вместо поклонов земных благословя мне Павловы узы Христа ради поносить; да еще, если изво-

лишь, благослови мне масла коровья и молока и сыра и яиц воздержаться, да не праздно мое иночество будет и день смертный да не похитит меня не готову. Одно только постное масло повели мне ести». Мать Мелания в ответ подавала ей благословение на *страдание*, и говорила: «стани доблестно, Господь да благословит тебя юзы, Его ради, носити; и пойди, как свеча, от нас к Богу на жертву. О брашнах же, — все кушай, что прилучится». Понятно, почему не могли действовать на страдальицу никакие увещания. Она была отделена от своих, была в заточении, но на самом деле она не разлучалась с своею средою, она могла даже переписываться с Меланиею. Ниже увидим, что не одни старицы поддерживали и разжигали своею помощью ее фанатизм. Хорошо понимали это и власти и все-таки вовремя не могли найти прямую виновницу ее несчастья, эту Меланию. Так еще была сильна в обществе приверженность к древнему благочестию, которая одна только и могла так заботливо оберегать наиболее заметных его представителей и проповедников.

Само собою разумеется, что много помога-

ли Морозовой и ее братья. К ним-то и обратился царь, желая хорошо разузнать все подробности дела и отыскать мать Меланию. Федор Прокопьевич, лишившись со смертью царицы Марии Ильичны важной должности ее дворецкого, оставался еще думным дворянином и был в поезжанах на свадьбе царя с Нарышкиною, в 1671 г. — «Ты все тайны своей сестры знаешь, скажи мне, где Мелания?» спросил его государь. Но пособник своей сестре не дал надобного ответа. Оба брата были удалены из Москвы, Федор в степь, в Чугуев; Алексей на Рыбное, якобы на воеводство, а в самом деле, в заточение, повествует сказатель Федосьина жития. Федор на своей волости столько обогатился, что и своих рублей тысячу прожил.

Сына Морозовой, отрока Глеба Ивановича, государь берег, ибо в это время он оставался единственным представителем знатного и очень любимого царем рода Морозовых. Но отрок, разлученный с матерью, от многой печали, заболел. Царь прислал к нему лекарей; а они так его улечиша, сказывает составитель жития, что в малых днях и гробу предаша.

Сказать о смерти сына был послан к несчастной матеря священник «поп никонианский», который, желая подействовать на заключенную страхом, отнес это событие к Божию наказанию за ее отвращение от истинного пути, и сказал ей текст 108 псалма: «еже положитеся дому ее пусту и живущего не имети». Премудрая разумница не внимала их буести. Услыхав о смерти сына, пала на землю пред образом, плача и рыдая, умиленным гласом вещала: «увы мне, чадо мое! погубили тебя отступники!» И долго голосила надгробные песни, так что слышавшие сами рыдали от жалости. «Помнишь ля, как бывало! писал к ней впоследствии Аввакум, — уже некого чотками стегать и не на кого поглядеть, как на лошадке поедет, и по головке некого поглядить! Миленькой мой государь! В последнее увиделся с ним, егда причастил его!»

Со смертью молодого Морозова действительно дом их запустел до конца. Имение, вотчины, стада коней, было роздано боярам; а вещи, золотые, серебряные, жемчужные и от дорогих камней были распроданы. Так говорит сказатель жития. Он же повествует, что

пря этом в одной палате множество золота нашли, «заздано в стене», — клад, спрятанный вероятно еще предками Морозовых, что было в обычае в старое, тревожное и опасное время. Крестьянин зарывал свои сокровища в землю, боярин замуровывал их в каменных стенах своего дома.

Однако ж не все из имения подверглось опальному расточению. Один верный раб Морозовой, Иван, по ее повелению, припрятал некие дорогие вещи у верного человека, но был предан своею женою, был пытан и мучен, огнем жжен шесть раз; но все перетерпел и наконец был сожжен в Боровске с другими ревнителями древнего благочестия.

После того царь, как бы сжалился над заключенною и повелел отдать ей двух рабынь, чтобы послужили ей в заключении, Анну Аминосову, а другую Стефаниду, прозываемую Гнева, которые с великою радостью пошли служить боярыне, потому что были ее единомышленницы. Княгиня, сестра Морозовой, не получила подобного облегчения в своей участи; но за то Бог послал ей честнейшую от рабынь, боярскую дочь Акулину, которая

сама наложила на себя этот подвиг, пожелав служить ей, приходя и отходя, а впоследствии постриглась и наречена Анисия. Она тоже находилась под началом матери Мелании и твердо укреплялась в своих мыслях писаниями Аввакума, который умел ценить в ней боярское происхождение, как важную авторитетную общественную опору, для большего утверждения и распространения своих учений.

Несчастные ревнительницы древнего благочестия из такой знатной и высокой среды, конечно обращали на себя общее внимание. Особенно важно и дорого было их ревнование для их единомышленников, которые находили в их подвиге сильную точку опоры, сильный и яркий пример при распространении своих заблуждений в народе, и потому естественно должны были всеми средствами помогать их подвигу, бодрствовать над ними со всех сторон. Видимо, что посредством стариц и служанок, несчастные жертвы, находились в постоянных сношениях с этим темным миром и получали оттуда непрерывные «укрепления», стоять и страдать за правду, за

старое предание отеческое, до конца. Этими-то путями Морозова успела в своем заточении причаститься от странствующего попа — инока Иова Льговского.

Этот Иов происхождением был из Литвы, от родителей шляхетских рожден. В 1611 г., когда Филарет Никитич, отец царя Михаила, тогда митрополит ростовский, находился в польском плену, Иов, еще юноша, был им приобретен, жил ботом при его келье, облечен в иноческий образ и посвящен во иерея, во время уже патриаршества Филарета. Потом он был отпущен на собственное жительство: где похочет, да соберет себе духовная чада и научит иноческой философии. С тех пор Иов сделался скитальцем, основывая по временам монастыри, и в том числе Льгов (1669 г.). Преходя, крясь по местам, во время гонений на староверство, он под конец удалился к Дону и при реке Чире основал новый монастырь, поставление которого запечатлел своею смертью, прожив больше ста лет [51]. Этот-то скиталец, находясь тогда в Москве, и был проведен к Морозовой.

Очень милостив был к ней, карауливший

ее стрелецкий голова. Она умолила его пустить к ней старца, сказавши, так: «был в дому моеви, в одном из наших сел, некий священник; была милость наша к нему. Теперь, я слышала, он здесь; жаль мне его, старика, позволь повидаться с ним, если будет твоя милость к нашему убожеству». И вот пришел старец, белецким образом, т. е. переодевшись, подать ей бесценный бисер. Иов так был умилен ее страданием, что после не мог без слез вспоминать об этом.

Теми же путями Морозовой представился случай повидаться и с сестрою. Однажды, когда, разумеется, предварительно все было улажено, Урусова сказала своей начальнице, у которой жила в келье: «Госпожа! ты знаешь, как болит сердце матери о детях; знаешь и то, что я оставила их Христа ради.пусти меня в дом мой; поцелую я их и утешу и сама утешусь, и еще до вечера возвращусь сюда; никто не будет знать об этом, только ты да я... Теперь полдень, а игуменья в гостях и старицы разошлись, и людей на монастыре мало; а я фатою покрывшись, пройду, и никто не узнает меня». Сверх чаяния начальница отпу-

стила ее. Велела ей только оставить образ Богородицы, как бы в залог того, что она воротится. «Знаю, как ты любишь образ Владычицы нашей, оставь мне его здесь и или с миром: Она Помощница возвратит тебя сюда». Княгиня вышла. На дороге — навади беснеких злых человек — ее сочли за беглую и хотели было взять. Она смело защитилась. Потом встретила, (без сомнения, по уговору), с Еленюю, которая вероятно все это и устроила, и вместе пошли на Печерское подворье. Дворница дала знать Морозовой об их приходе; та выслала рабу свою Анну, вместо которой, в обмен, возвратилась к ней уже сестра — Урусова. На крыльце мимо ног караульщика прошла, который подумал, что та же Анна идет. «И беседоваша любезно мученица со исповедницею». Но позавидовал дьявол; у караульных стрельцов сделалась тревога. Они догадывались, что дело не ладно. Голова, упрощенный Морозовою, успокоил их, и велел только гостье ночевать: «я ночью выпущу ее тихонько», объяснил заступник. Таким образом тревога послужила еще к большей радости сестер. Всю ночь они ликовали,

беседуючи. К свету Урусова ушла, а Елена опять проводила ее до монастыря.

Но гораздо важнее было то, что страдальцы не оставлял своими поучениями и ободрениями их духовный отец — Аввакум. Время от времени, из своего далекого заточения, он присылал им послания и всегда возвышал их подвиг в превыспренних изречениях. Так, проведая, о рассказанных уже нами событиях, он шлет к ним письмо, в котором спрашивает Феодосию, жива ли она: «Еще ли ты дышешь, или сожгли, или удавили тебя?» и за тем восторгается их подвигом, называет их супругами нерасторженными, ластовицами сладкоглаголивыми, маслинами, светильниками пред Богом на земли стояще! подобными Еноху и Илии: *женскую немощь отложивше и мужескую мудрость восприявше*, диявола победиша, мучителей посрамиша; именует их светилами великими, солнцем и луною Русской земли, двумя зарями, освещающими весь мир на поднебесней, красотою церкви, похвалою мучеников, радостью праведных, веселием святителей, вертоградом эдемским и тому подобными вычурными и выпренни-

ми именами. «Не ведаю как назвать», восклицает он в заключение. «Ум мой не обымет подвига вашего и страдания. Подумаю, да лише руками возмахну. Как так, государыни, изволили с такие высокие степени сступить и в безчестие вринутися? Воистину подобно сыну Божию: от небес сступил, в нищету нашу облечеса и волею пострадал». Затем он уничижает себя, дабы еще сильнее выставить высоту подвига боярынь; вспоминает о великой чести Морозовых, печалится о смерти ее сына Ивана, утешает ее, что так Богу надобно, а потом, напоминая о Федоре юродивом, делает ей приведенное нами выше замечание о бабьем уме. «Мучьтеса за Христа хорошенько, не оглядывайся назад; спаси Бог... не стужите о безделицах века сего. И тово полно: побоярила, надобе попасть в небесное боярство...»

В этом же самом письме делает особую приписку Федосье Прокопьевне другой ревнитель старого благочестия, пустынный обители Соловецкой, Епифаний, который по всему вероятно, также был ее наставником во время пребывания своего в Москве.

«О светы мои, новые исповедницы Христо-

вы! восклицает он к ним, — потерпим мало, да великая восприимем... Свет моя государыня! люблю я правило nocturne и старое пение. А буде обленишься на nocturne правило, тот день окаянной плоти и есть не давай: не игрушка душа, что плотским покоем ее подавлять. Да переставай ты и медок попивать; нам иногда случается и воды в честь, да живем же. Али ты нас тем лучше, что боярыня? Да одинако нам Бог распростре небо, еще же луна и солнце всем сияют, такожде и вся прозябающая по повелению владычню служат, тебе не больши и мне не меньши; а честь предстает. Един честен тот, кто ночью восстанет на молитву, да медок перестанет, в квас примешивая, пить... Мне мнится, обленилася ты на ночную молитву, того ради тебе так говорю с веселием (т. е. шутя, о медке)... Дние наши не радости, но плача суть... и ты, государыня, плачи суетного жития своего и грехов своих, понеже призвал тя Бог в домовое строение и рассуждение; но и возвеселися, егда в ноци, восстав, совершиши 300 поклонов и 700 молитв, веселием и радости духовные и меня грешного помяни тут... Еще же глаголю:

аще и вси добродетели сотворишь, рцы душе своей: «ни что же благо сотворих, ниже начах добро творити». Нощию восставай: не людем приказуи будить, но сама воспряни от сна без лености и припади и поклонися сотворшему тя. А в вечеру меру помни сидеть; поклоны, егда метание на колену твориши, тогда главу в прямь держи; егда же великий (поклон) прилучится, тогда главою до земли; а ночью триста метаний на колену твори. Егда совершиши сто молитв, стоя, тогда: «слава и ныне, аллилуия» и тут три поклоны великие бывают...» Дальше следуют наставления также о поклонах [52].

Таковыми-то поучениями и Аввакумовскими льстивыми восхвалениями постоянно ободрялись и укреплялись эти бедные женщины. С авторитетом духовного отца и его сподвижников конечно ни что не могло соперничать в их убеждении.

Общество тогдашней Москвы также не могло оставить этой любопытной истории без внимания. Многие соболезновали несчастной судьбе сестер. Тот же Михаил Алексеевич Ртищев [53], уговаривавший

прежде Морозову, приехал однажды к княгине Урусовой и, стоя у ее окна, с умилением сказал: «удивляет меня ваше страдание; лишь одно смущает меня: не ведаю, что за истину ли терпите». Этими словами вполне обрисовывается колебание тогдашних умов, которым на самом деле трудно было выяснить себе настоящий смысл дела. Особенно же город был взволнован именно деяниями княгини Урусовой, о которых говорено выше. На наш теперешний взгляд, все эти сцены, конечно, по меньшей мере достойны сожаления. Но в век всеобщего суеверия и всяческого суесвятства дело это казалось весьма серьезным. Это была одна из форм юродства, пред которым тогдашние умы останавливались с уважением, и даже с благоговейным почтением, не взирая на вопиющие несообразности подобных подвигов вообще с нравственным достоинством человека. У того века было всемогущее слово: Христа ради, которое хотя и понятое самым материальным смыслом, всегда освящало и покрывало эти младенчествуящие представления о святости нравственных подвигов человека. Терпеть,

страдать, быть гониму, уничтожать себя Христа ради, в каких бы формах такие деяния ни обнаруживались, но если они почему либо освящались великою святынею этого слова, — они всегда привлекали к себе и ум, и сердце народа, воспитанного в духовной своей сфере аскетическими идеалами, вообще идеалами мученичества.

Множество вельможных жен и простых людей стекалось в Алексеевский монастырь смотреть, «как влачаху княгиню на носиле». Особенно вельможные удивлялись ей и соблазновали о ней, как о своей сроднице. Видя все это, склоняясь жалостью о страдании такой вельможной женщины, а вместе с тем смущаясь, что «сие влачение» служит еще более к прославлению ее терпения, умная игуменья монастыря обратилась к патриарху Птириму и рассказала, что у них в монастыре делается и какова княгиня и за какую вину сидит. С именем княгини неразлучно припомнилось и имя Морозовой. «Я вспомяну об этом царю», ответил патриарх. «Великий государь! говорил он потом царю, советую тебе, боярыню ту Морозову, вдовицу — кабы ты из-

волил опять дом ее отдать и на потребу ей дворов бы сотницу крестьян дал, а княгиню тоже бы князю отдал; так бы дело-то приличнее было; потому что *женское их дело: много они смыслят*». — Я бы давно это сделал, ответил государь; но не знаешь ты лютости этой жены. Нельзя тебе и рассказать, сколько она мне наругалась и теперь ругается. Кто мне столько зла и великого неудобства показал? Если не веришь моим словам, сам испытай; призови и вопросы, тогда узнаешь ее крепость. Как начнешь ее испытывать, тогда вкусишь ее *прясности*. А потом я исполню все, что повелит твое владычество: не ослушаюсь твоего слова».

Видимо патриарх, а вместе и царь желали покончить это дело, смущавшее всю Москву. Опять во 2 час ночи взяли Морозову и с юзами и, посадивши на дровни, повезли в Чудов монастырь под охраной: стрелецкого сотника. В соборной палате был патриарх, митрополит Павел и иные власти и «от градских начальник не мало». Предстала Морозова, нося на выи оковы железны. «Дивлюсь я, как ты возлюбила эту цепь и не хочешь с нею разлу-

читься», сказал ей патриарх. Обрадованным лицом и веселящимся сердцем ответила она: «воистину возлюбила, и не только просто люблю, но еще и не довольно насладились вожделенного зрения сих оков. Как могу не возлюбить их! Такая я грешница и для Божией благодати сподобилась видеть на себе, а вместе и носить Павловы узы, да еще за любовь Единородного Сына Божия». Патриарх стал увещевать ее, говоря, что бы оставила свое безумие и нелепое начинание, пожалела бы себя, не возмущала бы своим противлением царскую душу, и присоединилась бы к церкви, исповедавшись и причастясь св. тайн. — «Некому исповедаться и не от кого причаститься», отвечала Морозова. Попов много на Москве, сказал патриарх. — «Много попов, но истинного нет», возразила Морозова. — «Я сам, на старости, потружусь о тебе, сам тебя исповедаю и причащу, продолжал патриарх. Морозова отреклась и от этой высокой чести, сказавши: «ты мне говоришь: сам, но я не понимаю, что ты говоришь. Чем ты от них отличен, если творишь тоже, что и они. Когда ты был Крутицким митрополитом, жил за одно с

отцами предания нашей русской земли, и носил клубочек старый, тогда ты был нам отчасти любезен; а теперь ты восхотел волю земного царя творить, а небесного царя и создателя своего презрел и возложил на себя рогатый клубок римского папы; и потому мы отворачиваемся от тебя. И не утешай меня тем словом: я сам! я не требую твоей службы».

Во все время этой беседы Морозова не хотела стоять пред властями; ее поддерживали сотник стрелецкий и стрельцы; она висла у них на руках и в таком положении говорила с патриархом.

Все обнаруживало болезненное расстройство ее ума, — так по крайней мере это понял патриарх и решился в исцеление помазать ее священным маслом, «да придет в разум, се бо, якоже видим, ум погубила». Патриарх облачился и готовился совершить помазание. Но Морозова, увидавши его намерение, встала на ноги и приготовилась «яко борец». Митрополит хотел приподнять треуха на ее голове, дабы удобнее было намазать; но она отронила его руку и воскликнула: «отойди, зачем дерзаешь неискусно, хочешь коснуться наше-

му лицу? наш чин можно тебе разуместь». Отринувши помазание, она вопила к патриарху: «не губи меня грешницу отступным своим маслом! и позвяцав цепями, продолжала: «для чего эти оковы? я, грешница, целый год их ношу, именно потому, что не повинуюсь, не хочу присоединиться ни к чему к вашему. А ты весь мой недостойный труд одним часом хочешь погубить. Отступи, удались; не требую вашей святыни никогда».

Биограф рассказывает, и конечно баснословит, что после того ее назвали исчадием ехидниным, вражьей дочерью, страдницею, что не для чего ей больше жить, на утро страдницу в сруб... Будто бы затем повергли ее на землю, так что казалось голова ее расколется; что поволокли ее по полате, — чаять, что железным ошейником шею ей на двое перервут и главу ей с плечь сорвут; что по лестнице все ступеньки она главою своею сочла». На тех же дровнях ее привезли обратно на подворье в 9 часу ночи.

В ту же ночь и тем же порядком происходило увещание княгини Урусовой и Марьи Даниловой, при чем, по рассказу биографа,

трихраборница княгиня, отрицаясь помазанию маслом, еще дивнейши сотвори. Увидя Патриарха идущего к ней с масляною спицею, она мгновенно сняла с своей головы покрывало, опростоволосилась и воскликнула: «о бесстыднии и безумнии! что вы делаете? не видите разве, какова я есть?» т. е. в каком срамном виде; и тем устыдила властей и миновала помазания.

На другой день, во 2 час ночи, они все три, вероятно порознь, были перевезены на ямской двор. На том дворе было собрано множество людей. Посадили их в избе темной и тесной, так что сначала, сидя по углам, в темноте, между множеством народа, они и не знали, что находятся вместе, в одной избе. Они догадывались, что привезли их на пытку; но думали также, что может быть хотят послать их куда-нибудь в заточенье. Под конец Морозова поняла, что их ожидает непременно пытка и проведав, что и родная ее двоица находится тут же, а между тем невозможно беседовать с ними и укрепить их на терпение, — подала им знак, позвяцавши оковами и сказавши мысленно: «любезные мои состра-

дальницы! вот и я тут с вами. Терпите, светы мои, мужески и обо мне молитесь». Княгине она смогла даже и руку протянуть сквозь утеснение людское, и сжала ее руку весьма крепко, говоря: «терпи, мать моя, терпи».

Их начали пытать. У пытки присутствовали Кн. Иван Воротынский, Кн. Яков Одоевский, Василий Волынский. В первых была приведена к огню Марья Данилова: обнажили ее до пояса, руки назад завязали и подняли на стряску и, снем с дыбы, бросили на земле. Потом повели княгиню. Увидавши, что треух ее покрыт цветною тканью, крикнули ей: зачем так делаешь; ты в опале царской, а носишь цветное? «Я пред царем не согрешила», отвечала княгиня. Покров с треуха содрали и бросили ей один испод (подкладку). Точно также и ее обнажили до пояса, подняли на стряску с завязанными назад руками, и, снявши с древа, вергоша на землю тут же, подле Даниловой. Напоследок привели к огню и Морозову. Начал говорить ей кн. Ворытынский многая словеса: «Что это ты делаешь, от славы в бесславие пришла? подумай, кто ты и от какого рода! Все это приключилась тебе от то-

го, что принимала в дом Киприана и Федора юродивых и прочих таковых; их учения держалась, потому и царя прогневала».

Отвечала Морозова: «невелико наше благородие телесное и слава человеческая суетна на земле; и все, о чем ты говорил, — все это тленно и мимоходяще. Послушай, что я скажу тебе: помысли о Христе, кто Он и чей Сын и что сотвори; если не знаешь, я расскажу тебе: Он Господь наш, Сын Божий, оставивший небеса для нашего спасения, и живший во плоти на земле всегда в убожестве; после распят был от жидов; так и мы все от вас мучимы. Тому ты не удивляешься; а наше мученье есть уже ничто».

Тогда власти повелели ее связать: «рукавами срачицы ее увиша поконец сосец и руки на опако завязав», повесили на стряску. Она не умолкла и укоряла «лукавое их отступление». За то держали ее на стряске долго и висла с полчаса и ремнем руки до жил протерли. После сняли ее и положили рядом с сестрами. На снегу нагими спинами с выломанными назад руками лежали они часа три. И иные казни им творили: «плаху мерзлую на перси

клали и устрашая к огню приносили, хотя жечь». Данилову, кроме того, положили при ногах Морозовой и Урусовой, били в пять» плетей немилостиво, в две перемены, первое по хребту, второе — по чреву. Думный дьяк примолвил при этом боярыням: если и вы не покаетесь, и вам тоже будет. Морозова, видя бесчеловечие и многие раны на Марии, и кровь текущую, прослезилась и сказала дьяку: это ли христианство, чтобы так человека мучить! [54] Наконец в десятом часу ночи развели их по своим местам.

На утро «сотвори царь сидение думати о них», а на Болоте сруб поставили, потому что в думе предлагали Морозову предать сожжению, да бояре не потянули; а Долгорукий малыми словами, да многое у них пресек. Между тем боярыня готовилась уже к смерти, три дня не ела хлеба и воды не пила. А мати Мелания на Болоте у сруба была и пришед в тот же день к боярыне, целовала язвы рук ее и говорила: «уже и дом тебе готов, вельми добре и чинно устроен и соломою целыми снопами уставлен; уже отходишь ты к желаемому Христу, а нас сиротами оставляешь!» Морозова

благословила у ней. Мать с рыданиями ушла от нее и направилась к Урусовой. Там, у окна стоя, смотря на княгиню и обливаясь слезами, она причитала: «гости вы у нас любезные! нынче или завтра вы пойдете ко Владыце; но обаче идите сим путем, не сомневаясь. Когда предстанете престолу Вседержителя, не забудьте и о нас в скорбях наших». Но мы видели, что сожжение, если оно и в действительности предполагалось, не должно было совершиться, потому что бояре не потянули.

Через три дня после пытки царь присылал будто бы к Морозовой стрелецкого голову с такими словами: «мати праведная Федосья Прокопьевна, вторая ты Екатерина мученица! прошу тебя я сам, послушай совета моего, хочу я тебя в прежнюю твою честь возвести; дай мне такое приличие, ради людей; чтоб видели, что не даром тебя взял, — не крестися тремя персты, но только, руку показав, поднеси на три те перста. Мати праведная Федосья Прокопьевна, вторая ты Екатерина мученица! послушай, я пришлю за тобою капитану свою царскую (возок) и с аргамаками своими,

и придут многие бояре и понесут тебя на головах своих. Послушай мати праведная! я сам царь кланяюсь главою моею, сделай это».

Конечно такое посольство есть чистая выдумка, но оно-то и показывает, что со стороны государя и властей употреблены были на самом деле все мягкие и кроткие меры, чтобы убедить Морозову и вывести ее из заблуждения. Однако ж ничто не действовало и она постоянно отвергала все предложения покинуть свое безумие. На счет каптаны и аргамаков она ответила: поистине эта честь мне не невелика. Было все это и мимо прошло, езживала в каптанах и в каретах, на аргамаках и бахматах... Вот, что для меня велико и поистине дивно: — если сподоблюсь огнем сожжения, в приготовленном вами срубе на Болоте. Это мне преславно, ибо этой чести никогда еще не испытала...»

Ее перевезли в Новодевичь монастырь, подалее от города, чтобы отлучить ее от своих, и велели держать под крепким началом и влачить к церковным службам. В этом случае, подобно Урусовой и боярыня велие мужество показала и привлекала многих к зрели-

цу своего терпения.

В Новодевичьем монастыре повторились те же сцены, что и в Алексеевском. И сюда приезжало любопытствовать, под видом мольбы, такое множество вельможных жен, что монастырь бывал заставлен рыдванами и каретами. А кто был надобен и любезен Морозовой, из своих, и здесь нашел к ней прямую свободную дорогу: прихождаху к ней и утешаху страдальческое ее сердце.

Вскоре однако ж, чтобы и здесь прекратить вельможные приезды, царь повелел перевезти ее снова в Москву, в слободу Хамовники, к старосте на двор; а тот ей обрадовался радостью великою, потому что, вероятно, был такой же ревнитель древнего благочестия. И наставница Мелания, и служительница Елена сюда ходили еще свободнее и ликовали сообща, со многими слезами.

Нет никакого сомнения, что единомышленники Морозовой не переставали действовать за нее и во дворце. Для них очень важно было, если она, такая сановитая и известная особа, запечатлеет мученическою публичной смертью, каково напр. сожжение в срубе,

свою преданность «старому православию» древнему благочестию; не менее важно было и то, если она останется, хотя бы и опальной, но все-таки знатною боярынею, которая так твердо стоит за это благочестие. Тогда в ее лице и ее связями они всегда находили бы себе необходимую поддержку. Возвратить Морозовой ее старое положение, при дворце и в обществе, с сохранением всего смысла ее новой роли, было, как можно полагать, не малою заботою всех ревнителей упомянутого благочестия. Их ходатайства проникли наконец в терем царевен. Старшая сестра царя Алексея, царевна Ирина Михайловна начала по праву старшей сестры *дятьчить* царю о Морозовой. «Зачем, братец, не в лепоту творишь, говорила она, и вдову эту бедную помыкаешь с места на место. Не хорошо, братец. Достоинно было попомнить службу Борису и брата его Глеба (бояр. Морозовых)». Он же, зарыча гневом великим, ответил: «добро, сестрица, добро. Коли ты дятьчишь об ней, тотчас, тотчас, готово у мене ей место». Хорошо понимая, вероятно, в чем дело, он повелел перевести страдалицу в Боровск в жестокое заточенье.

Ее посадили там в острог, в земляную тюрьму. Но и здесь она встретила одну из своих, инокиню Иустину, за то же страдавшую. Вскоре потом в эту же тюрьму перевели и княгиню Урусову и Марью Данилову — и бысть им всем совершенная радость, которая могла поддерживаться еще и тем, что и в этом жестоком заключении, они все-таки постоянно общались с своими. Муж Даниловой, Акинф помогал им тем, что стрелецких сотников, которые отправлялись из Москвы их караулить, он зазывал прежде в свой дом и ухлебливал (и угощением и дарами), чтобы не свирепы были; кроме того он посылывал в Боровск своего племянника Родиона, который в темнице бывал множицею. И другие многие там бывали, как напр. Елены. И наставница Мелания не однажды посетила заключенных. Сюда явилось к ним и новое послание Аввакума, написанное даже по образцу посланий апостольских. Изобразив преждебывшее красное, но тленное житие боярыни, он останавливается с новыми восхвалениями на настоящем ее подвиге, превозносит их терпение на пытке: «Что воздам вам, земнии ангели,

небеснии человецы?» снова называет их высренними именами, святыми, блаженными, мученицами, исповедницами, столпами непоколебимыми, камениями драгими: акином, измарагдом, асписом; трисиятельным солнцем, немерцающими звездами и т. п.: и заключает: «ну, госпожи мои, светы! Запечатлеем мы кровию своею нашу православную христианскую веру со Христом Богом нашим, Ему же слава во веки. Аминь».

Вскоре лукавый позавидовал; начальники узнали обо всем и прислали указ разыскать: кто к ним ходит и как доходят. Памфила некоего, боровитина, пытали, спрашивали где Родион, а Памфил ничего не открыл. Однажды лежа, а крови его текуще, он говорил своей жене: «Агрипина! Теперь хорошо стало, свободно, отнеси светам тем поскорее луку печеного решето». Вот какие были его вины. Памфила и с женою после сослали в Смоленск.

Между тем Родион с стрелецкими сотниками не переставал помогать узникам, доставляя случаи видеться с своими. Часто они тосковали по наставнице. Морозова чувствуя скорый конец своему подвигу, писала к ней:

«умилосердися, посети в останешное (время)!» Просила ее взять с собою и большего брата, который составил и сказание о ее жизни.

Это было 11 генв. Они пришли в 3 час ночи. С несказанною радостью встретила их Морозова, называла по этому случаю тюрьму свою «пресветлою темницею», а наставницу именовала равноапостольною и апостолом. Говорила: «зачем, свет моя, нас птенцов своих надолго не посещаешь; невозможно нам без твоего наказания жизнь свою добре править!» и лобызала ее руку. Беседовали они с нею всю ту ночь. На рассвете брат большой и Родион ушли, а Мелания с Еленою остались на весь день. На другой вечер мужчин опять должен был провести к ним сотник; но сотник не пришел; это их обеспокоило, однако в полночь они нашли возможным явиться в тюрьму, где на прощанье учительница сказывала поучение. На этот раз она делала за что-то им упреки, просила исправиться; какие-то узы брани бесовской их связали. Быть может они слабели уже в своей настойчивости и помышляли о возвращении к своему прежнему по-

ложению. «Если не освободитесь от этих уз, окончила наставница, то не помогут вам и ваши железные узы». Когда говорила им наставница, Морозова держала ее левую руку, а Урусова правую, и, плача, они непрестанно лобызали эти руки.

Видя все это, сам сказатель жития дивился их разуму; особенно любви и терпению боярыни Морозовой, как она смирялась, слушая поучение; а *не повинна ни в чем же*, прибавляет он в заключение.

Так прошла зима. Но в Москве узнали это послабление стрелецкого караула: воскури дьявол бурю велию. На Фоминой неделе был внезапно прислан подьячий Павел. С великою свирепостью придя в темницу, он обо-брал все у заключенных, всякие потребности: и брашно-снадно, самое скудное, лишние одежды, малые книжицы, самые иконы, писаны на малых досках, — все отнял. Был большой розыск между стрельцами о том, кто носил в тюрьму потребное, кто допускал приходящих. Иные повинились, что и сами носили и приходящих пускали. И были сотникам беды великие. О Петрове дни был прислан разыски-

вать дьяк Кузмищев, который Иустину сжег в срубе; а для боярынь устроил новую темницу, выкопавши ее в земле еще глубже первой; Марью же Данилову перевел в тюрьму, где злодеи сидят.

С этого времени прерваны были их сношения с единомышленниками и заключение их в действительности стало лютым и жестоким.

Они сидели в глубокой темнице, во тьме неслетимой; страдали от задухи земные; от спершегося земного пару делалась им тошнота; сорочек ни переменять; ни мыть было нельзя; в верхней худой одежде, котрую нельзя было скинуть от холода, развелось множество насекомых, не дававших им ни днем покою, ни ночью сна. Не оставлено было им даже и четок или лествиц, взамен которых они навязали 50 узлов из тряпиц и по тем узлам, обе на переменах, совершали свои изустные молитвы. Давали им только пищу, «премудрости учительницу, сиречь зело малу и скудну»: когда сухариков пять-шесть дадут, тогда воды не дают, пить; а когда пить дадут, тогда есть не спрашивай... Иногда яблоко од-

но или два подадут, иногда огурчиков малую часть; — но это делали уже из жалости стрельцы, да и то тихонько друг от друга.

Среди таких лишений княгиня через два с половиною месяца скончалась. От великого голода она совсем ослабела, не могла ни цепи носить, ни стула цепного двинуть; стоя, не в силах была молиться и молилась, лежа или сидя. Пред смертью она просила сестру отпустить ее по закону христианскому. «Отпой мне отходную: что ты знаешь, ты говори, а что я припомню, то я сама проговорю». И обе они служили отходную одна над другой, мученица над мученицею, в темной темнице, отпевала канон; узница над узницею изроняла слезы, одна в цепи, возлежа и стоняше, другая в цепи предстоя и рыдаше.

В Москве думали, что со смертью сестры, Морозова, быть может, оставит свое безумие и возвратится на путь истины. С этою мыслью послали к ней инока — старца, увещевать ее. «Доблестный же адамант», услышав нам срение инока, покачала головою и глубоко вздохнув, сказала ему: «о глубокое неразумие, о великое помрачение! как вы не пойме-

те этого: когда я и в дому своем была, живши во всяком покое, и тогда не хотела пристать к вашей лжи и нечестью, держалась крепко православия; не пожалела не только имения, но не устрашилась пойти и на страдание о имени Господни. Потом и в начале моего подвига, когда меня заковали и многое уничтожение мне показывали, я не отступала. Ныне ли, когда я вкусила столько сладких подвигов, хотите меня отлучить от доброго и прекрасного моего Владыки. Уже 4 года ношу эти железа, и радуюсь, и не перестаю лобызать эту цепь, поминая Павловы узы. Вслед за моей возлюбленной сестрой, я и сама готовлюсь скоро отойти туда. Отложите всю надежду отлучить меня от Христа. И не говорите мне об этом. Я готова умереть о имени Господни».

Старец будто бы умилился и прослезился, назвал их дело блаженным и просил, чтобы она «потщилась началу конец повершит». На место умершей сестры к ней перевели Марью Данилову. После того стала изнемогать и Федосья Прокопьевна. Пред концом призвала она одного из стрельцов и начала ему говорить: есть ли у тебя отец и мать? живы они

или умерли? если живы, помолимся об них; если умерли, помянем их. Умилосердись, раб Христов! Очень изнемогла я от голода и хочу есть. Помилуй меня, дай мне калачика. — Боюсь госпожа, ответил воин. — Ну, хлебца. — Не смею. — Ну мало сухариков. — Не смею. — Ну принеси мне яблоко или огурчиков. — Не смею, был ответ.

И сказала она: добро, чадо! Благословен Бог наш, изволивый тако! Если невозможно тебе это, то, прошу тебя, сотвори последнюю любовь: убогое это тело мое покройте рогожкой и положите меня подле сестры, неразлучно.

Напоследок, чувствуя уже приближение своей смерти, она упростила воина вымыть ей грязную сорочку, сказавши: «вот хочет Господь взять меня от этой жизни! Не подобает мне, чтобы это тело в нечистой одежде легло в недрах своей матери земли». Скрыв под полюю, воин снес сорочку на реку и там, моя водою это малое платно, лице же свое слезами омывал, помышляя о прежнем величестве боярыни и о теперешней ее нужде, как Христа ради терпит, а к нечестью приступить не хочет и для того умирает. А всем было известно,

что если бы хотя мало с ними общилась, то больше прежнего была бы прославлена!

С первого на второе число ноября Морозова тихо скончалась в своей темнице. В ту самую ночь мать Мелания, находившаяся где то в пустыне, видела Федосью Прокопьевну во сне, облеченную в схиму и в куколь, зело чуден, и сама она была светла и радостна и в веселости красовалась в куколе, обзирая, всюду и руками вода по одеждам, удивляясь красоте своих риз. Непрестанно она лобызала образ Спасов, стоявший близ ее и целовала кресты на схиме.

Покойницу по ее завещанию схоронили подле сестры, обвив тело в рогожу. Чрез месяц скончалась и Марья Даниловна. До сих еще пор памятно народу их дело.

«И. М. Строев, посетивший Боровск в 1820 году, видел на городице у острога камень, к которому Боровские жители имеют особенное почтение, даже кланяются ему до земли [55], рассказывая, что под ними погребены две княжны, сожженные татарами. Строев прочел над ним следующую надпись, почти изгладившуюся: Лета 7 — погребены на сем

месте сентября в 11 день боярина князя Петра Семеновича Урусова жена его княгиня Евдокия Прокопьевна, да ноября во 2 день боярина.... жена.... Морозова боярыня Федосья Прокопьевна, а в иноках инока-схимница Феодора; а дщери окольного Прокофья Федоровича Соковнина. А сию цку положили на сестрах своих родных боярин Федор Прокофьевич, да окольной Алексей Прокофьевич Соковнины [56].

Таков был подвиг боярыни, таков был желанный путь жизни не для одной Морозовой и не для одного этого века. Мы видели подле самой Морозовой целую группу женщин, идущих по тому же пути. Правда, что вследствие разных смутных обстоятельств, вызванных смутными же задачами самого века, все они сбились с прямой дороги, пошли криво, совершенно заблудились, но за то их личные идеалы, которым они несли себя на жертву, были удовлетворены вполне, их мужество доведено было до конца. В этом они несколько не отстали от своих прабабок первого, еще языческого века, богатырские идеалы которых устремляли женскую личность в битву с

врагами, где точно также она мужественно погибала, вызывая удивление самых врагов. Таким образом, в течении веков, мужество, богатырское самоотвержение не угасало в русской женщине; только византийская культура понятий направила эту нравственную силу на иной путь. Вообще должно заметить, что подвиг и судьба боярыни Морозовой не были созданием этой самой личности, они были, как самый раскол, созданием всего хода внутренней сокровенной истории народа, плодом умственной и нравственной его культуры, выражением крайнего стеснения и помрачения ума авторитетом пустой святости. Это был весьма последовательный и положительный, в высшей степени образный, исход тех начал жизни, которые веками утверждались и укреплялись учениями Домостроев.

-

Совсем иным характером отличается подвиг Софьи — царевны. Но не должно думать, что ее подвиг пролагал какой либо новый путь жизни, открывал новую силу развития. Напротив, он воплощал в себе те же визан-

тийские начала жизни, служил тем же византийским идеалам, только в другой сфере.

Время Софьи на самом деле было византийским временем в нашей истории. К концу XVII ст. Московский Двор на самом деле представил зрелище Двора Византийского, а Москва уподобилась Константинополю, в века его общественных и политических смут. Тогда и в Москве в богатых хоромах и в бедных избах, на улицах и площадях, по всем стогнам града, раздавались горячие толки и споры, суждения и рассуждения о том, как верить, как спасти себя; толковали и спорили о правой вере, о старом благочестии и о новом нечестии; о том, как складывать персты, сколько раз говорить аллилуия, сколько просфор употреблять в служении, сколько концов должно иметь изображение креста, как писать имя Иисус, каковы должны быть архиерейские клобуки и жезлы, как должно звонить на колокольнях и т. д. Доходили и до превыспренних вопросов: начали даже св. Троицу четверить, отделяя особый престол, четвертый, для Спасителя. И точно также, как в Византии, повсюду слышались ярые анафе-

мы друг другу. «Что се Господи будет! восклицали иные в недоумении. Там на Москве клятвы все власти налагают на меня за старую веру... И здесь у нас между собою стали клятвы, и свои други меня проклинают, за несогласие с ними в вере же...» [57]

Современник этой эпохи Симеон Полоцкий говорит между прочим: «не тако ли у нас ныне деется: ныне разглагольствуют о богословии мужие, разглагольствуют и отроки, беседуют в лесах дивии человецы, препираются на торжищах скотопродатели, да не скажу в корчемницах пьяные. Напоследок и будия женишца (женщины) словопрение деют безумное, мужем своим и церкви пререкающе...» [58]

В царском дворце копошились подземные, тайные козни, интриги, поднимались мгновенно и мгновенно падали и погибали люди; неистовствовали стрельцы в самых внутренних комнатах Дворца, совершая убийства у самого его крыльца; неистовствовали ревнители старого благочестия в самой Грановитой Палате, ведя с патриархом торжественный публичный спор о вере, в присутствии цари-

цы и царевен... Словом сказать, в это время византийская идея торжествовала в Москве со всех сторон и во всех видах.

К довершению изумительного подобию с Византией и в Москве в образе царя является постница девица, и тут же с нею является целый ряд дел и событий, с полнейшим отпечатком своих византийских первообразов.

Византийская культура понятий и здесь вырастила свой плод, царевну Софью, которая по идеалу византийских женщин смелою рукою взялась делать царское дело.

У царя Алексея Михайловича осталось большое семейство: три сестры, потом два сына и шесть дочерей от первой супруги, сын и две дочери от второй, которая осталась вдовою. В сущности, вся эта семья распадалась на два рода, по происхождению цариц. Старшее племя принадлежало роду Милославских, младшее — роду Нарышкиных. Старшее племя было сильнее и по своему составу, и по возрасту лиц, и по числу, и по характеру приближенных людей, обыкновенно все царских родственников, а также родственников этим родственникам и т. д. Младшее племя было

слабее, потому что по молодости положения не успело еще пустить во дворце и государстве таких широких и глубоких корней, связей, на каких давно уже держался род Милославских. На стороне Милославских, кроме того, было право старшинства; наследниками престола являлись двое сыновей Милославской, старших по возрасту, Федор и Иван. Но и тот и другой были слабы здоровьем, а Иван был слаб и умом. Таким образом право родового старшинства должно было уступить праву государственных интересов и наследие престола по необходимости клонилось на сторону Нарышкиных, на сторону здорового и умного ребенка, царевича Петра, у которого к тому же была жива и мать — царица Наталья, по смыслу своего положения все-таки старшая во всей царской оставшейся семье, старшая своим царственным вдовством, не только в своем, но и в другом, чужом роде.

К несчастью это именно обстоятельство и послужило семенем нескончаемой вражды и ненависти между двумя родами. Для Милославских царица Наталья Кириловна была уже тем ненавистна, что она была им мачеха,

а мачеха в родовом быту по естественной причине всегда становилась как бы поперек дороги для детей и родичей первой жены, всегда вносила остуду в любовь отца к старой семье, по той причине, что являлась представителем и естественным покровителем своей новой семьи. Здесь к источнику одной нераздельной семейной любви сходились два друга другу чуждых рода, которые вечно и боролись за свое право стоять ближе к этому источнику. Около царского престола таким образом собралось в это время достаточно обоюдной вражды и ненависти. Бстал род на род и начались усобицы. По законному порядку царское наследство получил старший из сыновей Федор Милославских. Подземные, никем невидимые силы дворских интриг тотчас и обнаружили свое действие. Нарышкины подверглись гонению, от них отнят был самый Сильный человек из родственников, боярин Матвеев. Царицу и с малолетним царевичем намеревались даже совсем выселить из Кремля, т. е. из государева дворца.

Само собою разумеется, что Федор упразднил бы значение и влияние и того и другого

рода, если бы царствовал долго, ибо в таком случае род его царицы, новый род, постепенно вытеснил бы прежних старых дворских родичей. Но он, как мы сказали, был слаб здоровьем и умер преждевременно, оставив 15-летнюю вдову, царицу Марфу Апраксиных.

Наследство по порядку старшинства должно было перейти к царевичу Ивану Милославских, слабому и здоровьем, и умом. Тогда уже не род Нарышкиных, в это время бессильный, а здравый разум боярства и дворянства определил быть на царстве царевичу Петру, а не Ивану, тем более, что и сам болезненный Иван с охотою отказался царствовать.

Все это было обдуманно, конечно, не в тот один час, когда скончался царь Федор. Об этом думали и гадали еще при его жизни, видя безнадежное его положение. Но так думала одна сторона, держа в уме вместе с личными и общие выгоды царства; другая сторона, род Милославских думал иначе и также, предугадывая события, готовился заранее защищать свои выгоды и права.

Старшее племя гораздо сильнее чувствова-

ло оскорбление, когда перевес падал на сторону младшего племени. На то оно и было старшим, чтобы владычествовать во дворе отца; а между тем владычество силою обстоятельств готово было ускользнуть из его рук. Требовалось употребить последние усилия, чтобы спасти царствующее положение своего рода.

Но какая же рука могла взяться за это дело. Мужской руки не было, царевич Иван был неспособен; а женской и главное девичьей руке, ибо налицо оставались только девичьи руки, было совсем не прилично, да и не только не прилично, но и ни с чем не сообразно браться за такое мужественное, великое государственное дело. Это было бы нарушением всех старых, от века строго чтимых домоустоев и уставов жизни, это было бы несказанным стыдом и посрамлением и жизни, и самого этого дела. Словом сказать, такой подвиг противоречил всему умоначертанию древнего русского быта. И однако же именно такой подвиг совершился. Девичья рука без девичьей застенчивости и без малейшего девичьего стыда взялась за дело и крепко его держала несколько лет.

При неспособном и постоянно больном брате, умные сестры, по необходимости, должны были заступать его место, поддерживать его значение и влияние на дела. Если брат по природной неспособности, вовсе не мог держать себя царем, то ведь он был не один; за ним стоял целый легион царедворцев, ласковцев, милостивцев его рода, которые теряли и приобретали с ним вместе, неразлучно и неразрывно. Для этих ласковцев нужна была опора. Они должны были непременно найти, создать для себя эту опору из тех, конечно, материалов, какие оказывались налицо. А налицо были родные, единокровные сестры неспособного царя, цветущие возрастом и здоровьем. Около них и должно было сосредоточиться все то, что нуждалось в опоре; в их-то тереме и должна была утвердиться эта опора. В самом деле, к кому было обращаться за покровительством, за помощью; за кого можно было спрятаться в опасном случае; чьим именем можно было защищать себя или прокладывать себе выгодную дорогу; кто действительно способен был защитить гнездо Милославских от всяких

дворских невзгод. Таким образом терем сестер царевен сам собою постепенно стал приобретать значение силы, стал приобретать политическое значение в государстве, чего никогда не бывало и никогда не могло быть в обыкновенное время, о чем невозможно было и подумать, о чем никогда не могли думать и сами царевны. Но такова сила исторических обстоятельств. Они делают иной раз чудеса. Государственная смута выдвигает вперед, на первое место именно то, что так заботливо и попечительно, с такими авторитетными учениями целые века пряталось назади, подалее от людских глаз. Государственная смута выдвигает вперед, на первое место, запрятанный в глубине двора девичий терем, дает ему небывалый политический смысл, успеваает водворить этот смысл в девичьем уме, в том именно уме, который никогда и ни в каком случае и не признавался за ум, которому внимать было стыдом и посрамлением для всякого мужчины, т. е. для ума настоящего. «Да что на тебя дивить? У бабы волосы долги, да ум короток!» писал Аввакум к своей возлюбленной ученице боярыне Морозовой.

И вдруг этот короткий ум становится умом целого события, нескольких событий, умом всего государства. Как же не подивиться этому! Государственная смута создает девичьему терему положение, о каком никогда не могли мечтать все Аввакумы нашей старины. И терем сам чувствует, что такое положение ему по плечу, что достает у него силы удержать за собою это положение. Словом сказать, девичий терем как бы в отместку за свое удаление от живой жизни перемудряет мудрость целых веков, выступает на сцену истории и мутит царством; производит в государевом дворе революцию, становится заводчиком неслыханного кроворазлития и в 1682 г. во время стрельцкой казни бояр, и в 1698 г. во время царской и боярской казни стрельцов.

В тереме дочерей царя Алексея было шесть девиц, уже возрастных, стало быть способных придавать своему терему разумное и почти-тельное значение. В год смерти их брата, царя Федора, когда терем явно выступил вперед, старшей царевне Евдокеи было уже 32 года, младшей Феодосии 19 лет. Средний возраст принадлежал, по порядку старшинства, тре-

тьей царевне Софье; ей было около 25 лет. Второй по старшинству Марфе было 29 лет, четвертой — Екатерине 23 года, пятой — Марье 22 года. Все-такие лета, которые полны юношеской жизни, юношеской жажды. Естественно было встретить в эти лета и юношескую отвагу, готовность вырваться из клетки на свободу, если не полную готовность, то неудержимую мечту о том, что жизнь на воле была бы лучше монастырской жизни в тереме. Ведь жили же люди свободно, такие же православные, такие же девы, на пр. в древнем Цареграде; такие же девы управляли там государством. Сестры царевны это знали. Они не могли этого не знать, потому что весь круг их познаний, их начитанности заключался именно только в знакомстве с византийскою историею и литературою. Устав каждодневной жизни требовал чтения, как душеполезного подвига. Кроме поучений на каждый день, они читали *жития*; и конечно жития св. жен были для них несравненно и назидательнее, и любопытнее других житий. Здесь они познакомились не только с иноческими идеалами, но и вообще с условиями, мотива-

ми, формами, порядками и событиями византийской жизни. В это время они должны были особенно хорошо знать византийскую историю, ибо в миру двигался раскол, шли непрестанные толки и споры о вере, которые очень часто утверждали свои положения на этой истории. На каждом шагу приходилось если не читать, то слышать о том или другом событии этой истории, о той или другой исторической личности. Припомним, что в 1682 г. царевны сами ходили рассуждать с раскольниками о делах веры в Грановитую Палату. Знакомые терему люди, в числе которых находился, напр. такой знаток тогдашней книжности, как Сильвестр Медведев, не говоря уже о его учителе, Симеоне Полоцком, который, как увидим ниже, едва ли не был главным просветителем терема, — всегда с раболепием готовы были и указать и рассказать все то, что было нужно, или что возбуждало особое любопытство. С большою вероятностью возможно полагать, что терем часто рассуждал о том, как жилали и что дельвали когда-то в Цареграде тамошние цари и царицы. Подражание Цареграду обнаруживалось во многом.

Отец царевен Алексей Михайловичъ, даже в украшениях своего дворца прямо брал за образец дворец Цареградский: и у него также, как у тамошних царей, по сторонам трона, лежали рыкающие львы [59]. Все это было, конечно, вычитано в *царственных* исторических книгах. Немудрено что, подражая формам быта, подражали и византийским поступкам, тем более, что вся культура знания или образованности шла оттуда же, вся выработка мысли и даже воображения была построена по византийским началам. К этому приводила вся наша старая книжность, чтение и учение.

Византийская литература и история воспитывала умы, оправдывая или обличая поступки и подвиги своими примерами, направляя самую жизнь к своим идеалам. В затруднительных обстоятельствах справлялись с нею, как с мудрою советницею. Таким образом умы терема были по необходимости исполнены понятий и идеалов византийских. При жизни отца, в тереме, конечно, господствовали одни только постнические идеалы. Те же идеалы остались бы господствующими

и при жизни брата, т. е. до конца, если б этот брат, царь Федор, обладал прочным здоровьем, был бы прочен на царстве. Но именно болезненное и безнадежное состояние его здоровья и было причиною, что идеалы терема устремились к другим целям. Болезнь царя подавала не малый повод и не одним царевнам размышлять о том, что будет с царством или иначе, что будет с людьми приближенными, к царскому родству Милославских. Болезнью Федора почва Милославских колебалась. Единым прибежищем оставался цветущий здоровьем и возрастом терем. Можно с большою основательностью думать, что в виду таких обстоятельств еще при жизни Федора по терему стала ходить византийская мысль о возможности при слабом и неспособном брате править государством способной сестре. Мысль очень смелая для русской жизни, но она твердо опиралась на авторитет той же истории, которая укрепила в этой русской жизни и самый идеал терема. При том знакомая история указывала превосходный образ для подражания, как нельзя лучше подходивший ко всем обстоятельствам дела, сохраняв-

ший в своих чертах все то, чего требовали и ум, и нрав, и все благочестие века. Таков именно был образ византийской царевны Пульхерии.

Пульхерия была дочь императора Аркадия и Евдокии, гонительницы Иоанна Златоуста. По смерти отца она осталась с малолетним братом Феодосием и тремя сестрами. В первое время государством управлял пестун царя-отрока, персиянин Антиох, который однако ж по неизвестным причинам вскоре был удален и правительницею явилась Пульхерия, девятнадцатилетняя девица, принявшая вместе с тем и титул Августы. Она управляла империею изящно, как свидетельствуют летописцы, и воспитывала брата в благочестии и во всяких добродетелях. Великая набожность и благочестие были наилучшими украшениями ее царственного сана.

Подражая идеалам иночества, она дала обет сохранить до конца дней свою девственность, чему последовали и ее сестры.

Царский дворец таким образом стал уподобляться монастырю. Царевна строила церкви, богадельни, больницы, монастыри, опре-

деляя им из царской казны пристойное и довольное содержание. Брат Феодосий, достигший уже возраста, был мало способен к царским делам и постоянно нуждался в опеке, а потому правление государством оставалось в руках Пульхерии почти во все время его долгого царствования. Она его женила на одной афинянке Евдокие. Наилучшая характеристика его царских дел заключается в следующей анекдоте. Он имел обычай подписывать свои указы, не читавши, от чего, конечно, людям много бед бывало. Сестра много раз вразумляла его, но напрасно. Чтобы нагляднее показать ему, к чему ведет эта царская лень и небрежность, она однажды подала ему для подписи указ, в котором царь отдавал сестре в рабство свою жену — царицу. Указ, по обыновению, был подписан. Пульхерия взяла к себе Евдокию, как рабу, «сребром купленную». Царь оскорбился и зело вознегодовал на такое насилие сестры. Но ему был подан им подписанный указ. С тех пор Феодосий оставил свое безумие, говорит летописец.

Впоследствии интриги евнухов, а может быть и царицы Евдокии успели поссорить

брата с правительницею и она была изгнана из царских чертогов; но это продолжалось не долго. Она снова возвратилась во дворец и управляла царством до самой кончины брата. После Феодосия царство уже по праву долгого правительства принадлежало ей. Но в то время, и в Византии еще не было обычая, чтобы женщина, а тем более девица, прямо заступала место и лицо императора. Опасаясь нарушением этого обычая возбудить толки и неудовольствие в народе и желая однако ж сохранить за собою царственное положение, Пульхерия избрала в императоры, т. е. избрала себе в мужья одного из бояр, начальника императорской гвардии, Маркиана, человека простого, но весьма достойного, и благочестивого. Она предложила ему императорский сан и свою руку под клятвою «соблюсти девственную чистоту неосквернену». В то время ей было уже 54 года. Таким образом до конца дней она осталась девою непорочною.

Обстоятельства этой византийской истории во многом сходствовали, как упомянуто, с обстоятельствами, в которых находилась в описываемое время история Московская, и

идеал царевны Пульхерии должен был особенно привлекать умы московских царевен, точно также посвящавших дни свои благочестивым подвигам и иноческому безбрачию. Было очень много родственного в положениях лиц, отдаленных друг от друга слишком на двенадцать веков. Здесь, на самом деле, в живых подвигах и поступках, высказывалась та великая истина, что семена известной умственной и нравственной культуры, в какое бы время они не были положены в почву народного развития, рано ли, поздно ли, всегда должны вырастить свои плоды. Древнерусский и собственно московский терем был именно таким плодом. Его семена конечно жили еще в то время, когда и русского имени не слышалось на земле. Перенесенные ветром цивилизации в эту простую, непосредственную почву, которая именовалась Русскою землею, они медленно, но неизменно росли, развивались и воспроизвели жизненные формы, во всем подобные своим первообразам.

Пример благочестивой Пульхерии был силен именно по особенной нравственной чи-

стоте, по особенному благочестью, как представлялся ее образ летописцами. Этим самым наиболее и оправдывалось подражание ему.

Когда стало всем известно, что молодой царь долго не проживет, мысль воплотить на деле историю Пульхерии должна была получить решительное направление. Терем должен был показать всем, что он не только существует, но и имеет право присутствовать в великую минуту государственного события, что он не только член фамилии, но и ревнитель государственного дела. Первый шаг однако ж был очень труден. Требовалась сильная и смелая девичья рука, которая могла бы отпереть эти замкнутые веками теремные замки, отворить эти заржавевшие теремные двери. Терем был силен своею ненавистью к мачехе и ко всему ее роду; он воспитался в дворской подземной борьбе, стало быть его герои, за исключением разве одной только старшей сестры Евдокеи, обладали достаточною энергиею и вовсе не походили на смиренных и кротких монастырок, что они и доказали впоследствии. Но смелые для потаенных подвигов, они робели всенародных очей,

им страшно было выйти на площадь, страшно было откинуть свою постническую фату и смелыми глазами взглянуть прямо в лицо миру, мирским делам. Между тем в этом заключался весь смысл первого подвига.

Страшно было потому, что убеждение старого века почитало такой подвиг великим позором, великим соблазном и поношением, не только для царского дома, но и для всей Палаты, и для всего народа. Требовалось большого и очень хитрого ума, чтобы не уронить самое дело и провести его до конца, нисколько не оскорбляя общественной совести. Терем выставил именно такой ум. Герой явился в лице средней царевны Софьи.

Терем начал обнаруживать свои стремления самым незаметным образом. Он выразил непомерное горе о болезни брата — царя и беспрестанно посылал спрашивать о состоянии его здоровья, присовокупляя к этому свои скорби о том, что не может видеть больного, помогать ему, служить у его постели; что в такое время разлука с любимым братом очень огорчает и печалит сестер и особенно Софью, сильнее других заявлявшую о своей привя-

занности к брату. В такое именно время и не было ни малейших оснований отказывать желанию сестры. Это было бы бесчеловечно. Таким образом двери терема растворяются и Софья является у постели больного, ходит за ним, не отлучается от него ни на шаг, сама подает ему все лекарства. Такой шаг из терема, по крайней мере с виду не только никого не мог смущать, но и возвышал добродетели царевны. Необыкновенного и необычного в этом случае было только то, что царевна по необходимости являлась пред ближними боярами и всеми ближними людьми, которые окружали больного.

Предсмертная болезнь Федора продолжалась недолго. 16 апреля 1682 г., в день светлого Воскресения, он еще совершал торжественный выход к заутрени в Успенский Собор, а 27 числа к вечеру его уже не стало. Погребение по обычаю того времени совершилось на другой же день. По такому же обычаю, принятому в царском дворце, царский гроб всегда провожали только вдовствующая царица и государь наследник. Остальные члены царского семейства прощались с покойником во

дворце и в собор на погребение никогда публично не выходили. На похоронах царя Алексея присутствовали только его сын Федор, наследник царства, (которого при этом, вероятно за болезнью, несли в креслах комнатные стольники) и вдова умершего царя, царица Наталья Кириловна, которую несли в санях дворяне.

Точно также на погребении царицы, бывал один государь и из сыновей «объявленный» наследник престола. Так в 1669 г. марта 3, за гробом царицы Марьи Ильичыы шел только царь и царевич Алексей Алексеевич, за год перед тем всенародно объявленный наследником престола. Другие царевичи Федор и Иван и все царевны, сестры и дочери царя, не следовали за гробом матери и оставались в это время в своих хоробах.

По крайней мере так об этом свидетельствуют современные разрядные записки, вопреки словам Котошихина, который вообще говорит, что на провожании бывали все члены царского семейства. Но так как это провожание было церемониальным всенародным выходом, а на подобных выходах по свиде-

тельству тех же официальных записок дети и все семейные государя никогда не являлись, и только крайний случай царской смерти давал место в такой церемонии одной вдовствующей царице, о чем те записки всегда и упоминают, то слова Котошихина можно объяснить лишь тем, что он не разумел здесь выхода публичного.

Верно одно, что в таких церемониях присутствовали только царь и царевич наследник. Старый чин двора, чин всей публичной его жизни никого из домашнего мира не допускал на подобные публичные, официальные и церемониальные выходы.

На погребении царя Федора должен был присутствовать избранный в самый час его кончины десятилетний царь, Петр Алексеевич. По необходимости причине, по случаю его малолетства, его сопровождала вдовствующая царица-мать, Наталья Кириловна. Пятнадцатилетнюю вдову умершего царя, царицу Марфу Матвеевну Апраксиных, несли в санях стольники, до Красного крыльца, а потом дворяне. Но рядом с избранным царем, также церемониально, по царски, вышел на провожа-

ние и терем в лице царевны Софьи. Подвиг был очень смелый и дерзкий, даже наглый, ниспровергавший старые обычаи и позоривший благочестивый чин жизни царского дворца. Но для терема он был неизбежным, настоятельно необходимым последствием всего того, что постоянно и давно там готовилось. Царица Наталья Кириловна конечно не смогла вынести такой новины, прямо, в виду всего боярства и всего народа, издевавшейся над достоинством ее особы, как и над достоинством малолетнего царя. Лицо дочери царевны в этом случае, заслоняло своим царским выходом лицо матери-вдовы. Кроме того, этот подвиг Софьи обнаруживал в полной мере, как твердо и неуклонно она решалась вести борьбу с мачехою, идти к своей властолюбивой цели. Когда гроб поставили на уготованном месте среди храма, говорит современная записка, царь с матерью, поцеловав мощи, изволил идти к себе и у обедни и на отпеваньи не был. До конца службы и церемонии оставались только царица Марфа и царевна Софья. Терем пришел в смятение от такого поступка царицы Натальи и в лице стар-

шего поколения, от теток Анны и Татьяны, выслал ей поучение, что брату так делать не годится и не прилично. Нарушая сам дедовские обычаи и старое приличие, терем зорко сторожил за их исполнением на противной стороне. Рассказывают, и это очень верно, что Софья, провожая брата изъясляла свое горе страшным воплем и, идя с похорон, также вопила и причитала пред народом, что «извели покойного брата злые люди», остались мы теперь круглыми сиротами, нет у нас ни бабюшки, ни матушки, и ни какого заступника; брата нашего Ивана на царство не выбрали. Умилосердитесь над нами сиротами! если в чем провинились мы пред вами, отпустите нас живых в чужие земли, к королям христианским...» [60]. Все это было в порядке тогдашних обычаев и вопить на похоронах с причитаньями было прямым долгом всех горевавших о покойнике. Это было надгробное слово покойнику, где обыкновенно выставлялись ярко все его добродетели и все горе оставшихся по нем родных. После похорон двери терема затворились и он замолк. Но он умел иным образом разговаривать с народом и осо-

бенно со стрельцами, сила которых была так ему надобна. По городу пошли слухи, одни возмутительнее других. Между прочим тайком рассказывали, что будто бы брат царицы Натальи, Иван Кирилович Нарышкин, только что возвращенный во дворец из опалы, надевал на себя царскую порфиру, диадиму и корону, садился на трон, говорил, что ни к кому царский венец так не пристанет, как к нему, что в этом положении застала его царица Марфа и царевна Софья; начали его упрекать за неслыханную дерзость, при царевиче Иване; что он, соскочив с трона, кинулся на царевича, схватил его за горло и чуть не задушил [61].

Подобными сплетнями терем очень долго мутил царство и вызвал наконец страшную, бесчеловечную грозу Петра, порешившего с ними в 1698 году. Мысль терема быстро росла, распространялась, наполняла умы стрельческих сходок, охватила почти все слободское население Москвы. С небольшим через две недели слово стало делом. 15 мая стрельцы во всем своем ополчении с копьями, бердышами, ружьями, пушками, стали у царского

дворца пред Красным крыльцом и потребовали на расправу ненавистных им, а главное ненавистных и опасных терему, бояр и других сановников, особенно родство Нарышкиных. Вышел на крыльцо малолетний царь Петр с матерью царицею, вышел царевич Иван, из за которого и дело начиналось, будто он задушен Нарышкиными; вышел святейший патриарх. Но не здесь находилась точка тяготения стрельцов; не эти лица могли понятно говорить с ними; не к ним стрельцы и пришли хвалиться своею службою. Там, внутри царских хором, находилась другая, невидимая власть, призвавшая их на собственную защиту и действовавшая на них, как бы электрическим током. Перед тою властью они пришли заявить свою службу и заявили ее чудовищным кроворазлитием. Имя той власти было — *царевна*. Как еще недавно велико было слово *царь*, так теперь в той же мере стало великим слово *царевна*. Оно теперь повелевало царством, спасало и губило людей. Одним этим именем был спасен, напр., как чужой совсем человек, Датский резидент в то самое время, в которое гибли на копьях сто-

ронники Нарышкиных. «Не трогайте. Это посланник. Он говорил с *царевною*», — кричали беспрестанно провожавшие его стрельцы своим товарищам и тем вывели его из беды.

Понятно, что в две или три недели поднять таким образом стрельцов было невозможно и нет сомнения, что терем при помощи хороших пособников, каким, напр., был Ив. Мих. Милославский, сочинил эту плачевную трагедию в течении всего царствования старшего брата. Воплотив мысль терема в дело, стрельцы на другой день пришли тоже с оружием уже не к Красному крыльцу, а к Постельному, находившемуся на внутреннем царском дворе, т. е. пришли поближе к терему являть ему свою службу. «И выходили к ним говорить государыни царевны, чтоб они, помня крестное целованье, так к ним в дом их государев не приходили с невежеством». Хорошо было невежество! Иван Нарышкин, которого требовали теперь стрельцы не был сыскан в это время и царевны упростили оставить дело до утра. На третий день, 17 мая, стрельцы, по уговору, явившись снова на Постельное крыльцо беседовать с теремом: и к

ним выходили говорить государыни царевны. Выдуманный царь Нарышкин был выдан, пытан, изрублен на части и череп его взоткнут на копье.

На четвертый день, 18 мая, стрельцы явились без ружья, потому что оружием все уже было сделано, и били челом великому государю, т. е. десятилетнему Петру, для формальности и (на самом деле) государыням царевнам, чтоб Кирилу Нарышкина, царского деда, постричь. — 19 мая стрельцы выпросили заслуженные деньги 240 т. и награду по 10 руб. на человека, да пожитки побитых бояр. — 20-го били челом, чтоб сослать в ссылки Лихачевых, Языковых и др., а главное, род всех Нарышкиных.

Так постепенно, шаг за шагом, терем очищал себе место и пролагал дорогу к царственной власти, истребляя или удаляя враждебных и потому опасных для него людей. Стрельцы служили действительно очень усердно и стоили награды.

23 мая они пришли на Красное крыльцо и через боярина, князя Хованского объявили царевнам, чтоб в Московском государстве бы-

ли два царя, царевич Иван, как брат старший, да будет первый; царь Петр, брат меньший, да будет меньший, второй. А кто не захочет так учинить, то будет опять мятеж не малый». Царевны указали собрать Думу и сойтись в Грановитой палате помыслить об этом великом деле. Собралась немедленно дума, говорили много, призывали патриарха с чиновным духовенством и выборных от дворян и слобод, и опять «о том бысть многое глаголение». Одни говорили, что двум царям в одном государстве быть трудно; другие, ораторы от терема, доказывали, что дело будет полезное во многих отношениях, приводили примеры из истории, что по два царя бывали, во Египте фараон и Иосиф, в Греческом царстве Василий и Константин, также два брата Онорий и Аркадий, дети Феодосия Великого. Византийские мысли подпирались конечно и византийскими примерами, хотя и не совсем складными. В виду стрелецкой угрозы: *кто не захочет* — конечно ни кто и не противоречил ораторам терема. Все согласились и возвестили избрание звоном в большой колокол и благодарственным молебном, во время кото-

рого оба царя стояли в соборе на царском месте и слушали многолетие.

24 мая царевна Софья выборных стрельцов призвала и службу их похвалила, а вперед де за их службу милость будет. Однако ж, новонареченный царь Иван вовсе не думал царствовать первым, главным. Вероятно он высказывал это, вероятно с ним соглашались и другие члены царской семьи, особенно старшее племя терема, старшие царевны — тетки. Требовалось укрепить его мысли, убедить его в необходимости царствовать совместно с братом, что лучше всего было совершить посредством тех же стрельцов с указанием на волю самого Провидения.

25 мая стрельцы опять пришли во дворец и возвести Хованскому наедине, что постельница царевны Марфы Алексеевны говорила, будто бы царь Иван Алек. болезнует о своем государстве, что его выбрали; да и царевны о том сетуют, и потому они стрельцы хотят видеть их государские очи. Выбрав по человеку из полку, их допустили в царские хоромы, где, в присутствии царевен, царь Иван пожаловал их к руке. Царевны службу

их похваляли и спрашивали, зачем пришли? Стрельцы объявили о словах постельницы, вопрошая, по чьему научению она то говорила. Царевны ответили, что они ее ни с какими словами не посылали никуда. Стрельцы и царевнам известили, чтобы в их государских палатах никакого смятения не было, и чтобы государь царь Иван на отеческом престоле государствовал первенством, а брат его, чтоб был вторым царем. Царевны те слова слышали радостно и изволили говорить: «дай Боже смирение, а тому де быти можно», — и стрельцов за те речи милостиво похвалили. Царь Иван тут же сказал: «желанием, чтоб быть первым царем, он не желает; но в том буди воля Божия; что Бог восхощет, то и сотворит». Царевны на эти слова прибавили: «в том де воля Божия есть и впредь будет: а они дё выборные не собою то говорят, но Богом они в том наставляемы».

Как скоро утвердилось первенство старшего брата, то вместе с тем утвердилось и первенство царевен, единоутробных сестер его, над их мачехою Натальею Кириловною.

26 мая первенство Ивана утвердилось офи-

циальным путем, соборне. После того очень естественно было, за малолетством братьев, правление вручить царевне Софье, как наиболее способной представительнице первенства старшего царя. Так решено было общим голосом двора и по челобитью всего народного множества.

Царевна по русскому обычаю и приличию много отказывалась, а потом согласилась, и «ради государственного правления», указала боярам, окольным и думным людям видеть всегда свои государские пресветлые очи и о всяких государственных делах докладывать себе и за теми делами изволила она государыня сидеть с боярами в палате. И (29 мая) для совершенного в правлении утверждения, и во всяких делах постоянной крепости, в указах с именами братьев царей повелела писать и свое имя [62]. Когда все устроилось и утвердилось, двор принес поздравление царевне, конечно, вместе и с царем Иваном.

Терем восторжествовал. Царем стала девица. Девица, вместо монастыря, попала на трон, вместо схимы, облеклась в порфиру. Царь-девица становится государственным,

официальным лицом; как царь является на публичных церемониальных выходах. А так как публичные церемониальные выходы царя совершались большею частью по случаю церковных празднеств и разных годовых церковных торжеств, то девица и на этих празднествах и в самом храме, во время торжественной службы, или крестного хода, становится из мирских первым человеком. Ей воздают подобающие почести. Такие небывалые подвиги в публичной жизни московского двора начались было почти с первых же дней по воцарении в государстве терема. 11 июня 1682 г. царям следовало торжественно проводить образ Знамения Богородицы, посылаемый в полки в Казань. Цари вышли и рядом с ними вышла и царевна Софья. Без всякого сомнения малолетних царей понудили выйти именно для того, чтобы возможно было выйти и царевне, показать себя царским чином всенародному торжеству. 16 июня, вероятно по случаю наступавшей коронации, оба царя, *царевны*, царица Наталья Кириловна ходили все пешком на богомолье в Новодевичий монастырь, что также было не совсем обыкно-

венно. Никогда не бывало, чтобы царевны, т. е. терем, — шествовал *торжественно* пешком по московским улицам. А в этом случае терем-то и был главным лицом выхода; ибо цари как малолетние служили здесь, как и во многих других случаях, только как бы царственной хоругвию в торжественном выходе. Царица же сопровождала сына, от которого в подобных обстоятельствах она никогда не отлучалась.

Но еще необычайнее поступил терем, когда он вышел в Грановитую Палату спорить с раскольниками о Вере. Это было вскоре после упомянутого пешего богомолья, именно 5 июля. Событие в полной мере византийское, как мы упомянули.

В Грановитой Палате терем сел председателем собора, он сел на трон. Для двух царей тогда было устроено два царских места. На этих двух царских местах возсели, на первом, старшее племя терема царевна — тетка Татьяна Михайловна; на втором, младшее — царевна Софья Алексеевна. Между ними, промеж царских мест сидела самая старшая царевна Анна Михайловна, как свидетельствует

очевидец, старовер Савва Романов. Под ними на креслах с правой стороны от царевны Татьяны сели царица Наталья Кириловна, а потом царевна Марья Алексеевна: дальше стояли бояре; с левой стороны от царевны Софьи, в переднем углу палаты, сидел на креслах же святейший патриарх и власти. Царевна Софья стало быть заняла самое видное место в палате; оттого Савва, указывая это сиденье, начинает порядок мест с нее [63]. Казалось бы на первом месте подобало сидеть матерой вдове покойного царя Алексея, старшего брата царевны Татьяны и отца царевны Софьи, при том эта вдова, носившая пред царевнами старшинство мужа, была вместе с тем и мать царствующего царя. Но в государстве царствовал тогда терем, царствовали не цари, а царевны, оттого этот именно смысл тогдашней истории и обнаруживался повсюду, во всяком событии. О царице Наталье Кириловне старовер Савва говорит, что она будто бы три раза присылала к ним, с приказом, чтоб ни в соборную церковь, ни в Грановитую на собор они не ходили, чтобы был собор или на Лобном месте, или в Кремле на площади, промеж

соборов. Они действительно и не хотели идти в Грановитую палату; но патриарх объяснял им, что «здесь де, в Грановитой, будет царица и царевны, а там (на площади) им быть *ззорно* пред всем народом», на что староверы отвечали: «царевнам государыням до того дела нет, достоин тут царям быть, а не царевнам». Но с тем же предложением вышел к ним и князь Хованский, уверяя, что ничего особого для них староверов, не случится, что царевны государыни хотят тут же быти, а здесь (на площади) им быть зело *ззорно*.

Можно, однако ж догадываться, что необычайные поступки терема производили не совсем хорошее впечатление в народе. На том же самом соборе, когда оскорбленная царевна Софья, сказавши в угрозу: «пойдем из царства все вон», встала с царского престола и с иконою в руках отошла с сажень прочь, а Палата выразила готовность умереть, головы свои положить за царствующий дом, то иные стрельцы тут же возгласили: «пора государыня давно вам в монастырь! Полно царством-те мутить! Нам бы здорово были цари государи, а без вас пусто не будет». И бысть ей

ззорно вельми и с великими стыдением седе на царское место, говорит Савва. После таких отзывов ззорное поведение терема, конечно, должно было вскоре присмиреть. На это указывает по крайней мере то обстоятельство, что по «умирении мира», по окончании стрелецких смут, почти целые три года терем уже не выходил на улицу, нигде не являлся пред глазами всенародного множества. Его руководитель царевна Софья, снова начала свои публичные выходы, кажется не раньше 1685 г. В этом году генваря 15–21 она ездила с царем Иваном к освящению большей церкви в Воскресенском монастыре, (Новый Иерусалим) на Истре, а 5 июля явилась с царями в Успенский собор к молебну, праздновать годовщину победы над раскольниками. Затем ее выходы год от году учащаются и в последний 1689 год становятся обыкновенными [64].

С 1685 г. она постепенно, все больше и больше входит в обрядную роль царя, т. е. принимает публичные знаки подобающих царю почестей, даже явно требует таких почестей; старается при всяком торжественном случае занять первенствующее царское ме-

сто; всегда выходит на церковные праздничные службы или вместе с братом, царем Иваном, или же с обоими царями, если выходит и другой брат, Петр; — иногда шествует в одной карете с царем Иваном. Но нередко она и одна, как царь, совершает церемониальный открытый выход в собор к церковной службе, соблюдая в точности все обрядные действия: принимает от патриарха благословение, знаменуется (молится) у местных икон и становится, хотя и на царицыном месте, но с открытыми запонами или занавесами, что и придает этому женскому месту значение уже места царского. Даже и в то время, когда в собор идут царь Иван с царицею и царевны, она, чтобы выделиться от семьи, идет особо и входит в церковь особыми и при том главными дверьми, западными, тогда, как те входят обыкновенно южными, а царевны даже северными [65]. На службе, напр. у панихиды, когда не требовалось стоять на царских местах, Софья все-таки становилась подле царей, именно с левой стороны, в то время как царица становилась обыкновенно вдали, за царицыном местом. На панихидах патриарх

творит и ей поклон, наравне с царем. На праздничных служениях патриарх и архиереи кадят ее. Однажды она даже и гневалась за то, что ее обошли с кадилом. Вот что записано между прочим в уставе Успенского собора: В 1685 г. в предпразднество Успению Богородицы на всенощном: «царь был Иоанн Алексеевич и царевна; выход был со звоном... В начале протопоп кадил царя, а после патриарха, потом царевну по 3-и после державу (царскую) потом посох (скиптр) и начинает. И по начале кадит архиереев и всю церковь; и паки кадит образы и государя и патриарха: *царевны не кадил, за то было гнев.* На «Господи воззвах» — протодиакону указал кадить в начале государя и себя, потом царевну и державу и посох и архиереев и, окадя всю церковь, паки образы царя и царевну и потом патриарха...» Очень естественно, что соборный устав, мог ошибаться в своих порядках по новости и небывалости дела.

Во «многолетнем поздравлении», в *титле* (титуле), архидиакон *кличет* царей и Софию в одной статье, вместе, а потом цариц и царевен, особо. В пятницу на первой неделе вели-

кого поста в соборе патриарх по обычаю освящал коливо или кушью, которая в это время освящалась уже на четырех блюдах, три государских да четвертое патриаршее; из государских два блюда назначались для двух царей и третье, особое, для Софьи.

Царевна являлась торжественно, по царски, и в крестных ходах, особенно в монастыри Новодевичий и в Донской; присутствовала по царски на освящении новых церквей; совершала торжественные отпуски войска в походы, и встречи из походов, сопровождая при этом полковые иконы. В дни царских именин она вместе с царем Иваном жаловала боярство и служилое дворянство, дьяков и гостей водкою, в передней палате [66].

Само собою разумеется, что во Дворце терем царевен пользовался еще большею свободою. Здесь в это время он был полновластным хозяином всего дома, свободно отворял все двери, даже свободно отпирал сундуки с царскою казною и брал казны, сколько было надобно. Известно, что напр., в 1685–1686 гг. из новгородского приказа царевны Софьи, Екатерина, Феодосия брали деньги не один

раз; для Софьи, отпущено однажды 2000 руб. [67] В прежнее время царевны получали деньги на свои необходимые надобности или из рук царицы или из рук государя; были, так сказать, в детской зависимости от отца и матери, или же от царя-брата и вообще от хозяина дома. Большие деньги, в роде тысячи, они получали, и то только старшие царевны, в каких либо чрезвычайных случаях, в виде дара. Так, напр., по случаю смерти царицы Марьи Ильичны Милославских, царь Алексей «велел поднести по приказу покойной царицы» царевнам, своим сестрам, а ее золовкам, Ирине, Анне, Татьяне, по тысяче рублей [68]. Но при Софье терем уже не затруднялся брать казну собственными руками. Была своя воля. Он не затруднялся выбирать себе надобные вещи и из царских кладовых. В расходных записках Оружейного приказа читаем следующее: в 1684 г. июля 2, великая государыня благородная царевна Екатерина Алексеевна изволила быть в Оружейной Большой казне; а за нею государынею были *стольники*: Александр Иванов Милославской, Михайло Васильев Собакин, Антипа Ларионов Пятово; девицы: Ма-

рья Ивановна Шеина, карлица Прасковья Иванова. И указала им к себе государыне в хоромы взнести оружейной брони: карабинец нарядной, саблю-полоса булатная, саблю такуюж; 2 лука турецких, нож булатный, 2 ножа стальные» [69]. Подобное оружие вносилось в комнаты к царевнам не один раз. Нельзя не думать, что они брали оружейную царскую казну для подарков и в награду своим приверженцам. Из приведенной записки мы видим также, каким образом царевны совершали свои дворцовые комнатные выходы; за ними следовали стольники (пажи) и девицы, а также и неизменная сопутница карлица.

В 1685 г. царевны выстроили себе трехэтажные каменные палаты и великолепно их украсили живописью, о чем мы говорили в первом томе этого сочинения [70]. В нижнем этаже этих палат устроена тогда особая палата, «где сидеть с бояры, слушать всяких дел», т. е. устроена и в девичьем терему думная боярская комната. В этих палатах, в числе разных живописных изображений, находились также и *персоны* благоверных царевен, которые сначала изобразили было себя в *порфи-*

рах, но потом, вероятно одумались, вследствие каких либо дворских толков, и велели написать вместо порфир *шубки* с кружевы обнизными и с каменьи [71].

Очень понятно, что, когда терем стал владыкой царского дома, около него должна была собраться толпа искателей его милости и устроителей своего благополучия. Царевен, как подобало, окружила лесть тогдашней учености и книжности в лице придворного учителя Симеона Полоцкого и достойного его ученика Сильвестра Медведева с их друзьями. Царевнам, как и в прежнее время их отцу, а потом брату, эти придворные стихотворцы писали *на виршах* поздравления и приветствия, нечто в роде од, в которых непомерно восхваляли их высокие достоинства, дарования и добродетели. Такие вирши писались каллиграфически на особых расцвеченных красками листах и царевны помещали их в своих комнатах на стенах, в рамках, вместе с фряжскими листами (эстампами). Мы видели уже (том I, стр. 470), что подобные «поздравления» царевны Софии и царевны Феодосии, висели в комнате у Софьи.

Должно заметить, что терем, еще при жизни брата царя Федора, вошел уже в непосредственные сношения с учеными и книжными людьми и именно с Симеоном Полоцким, который и без того был очень близок царскому семейству. Вот что он пишет в своем «вручении» или посвящении царевне Софье сочиненной им книги, катехизиса, под заглавием «Венец Веры», которая однако после заподозрена была в неправославии.

О благороднейшая царевна София,
Ищещи премудрости выну небесные.
По имени твоему (Софья — мудрость)
жизнь твою ведещи:

Мудрая глаголещи, мудрая дееши...
Ты церковные книги обыкла читати
И в отеческих свитцех мудрости искати...

Затем Полоцкий объясняет, что царевна, узнавши о том, что сочиняется эта новая книга, «возжелала сама ее созерцати и еще в черни бывшу (черновую) прилежно читати»; потом, убедившись, что книга и в духовности полезна, велела устроить ее чисто, т. е. переписать набело, устроить ее в книжный вид, в котором автор и подносит ее царевне. Само

собою разумеется, что тут же автор вручает и себя милостям царевны и по этому случаю восхваляет милосердие, говорит, что оно елей и что елей мудрым девам необходим бывает.

Мудрейшая ты в девах! убо подобает
Да светильник сердца ти светлее сияет:
Обилуя елеем милости к убогим,
Сию спряжа доброту к иным твоим мно-
гим.

Но и сопрягла еси, ибо серебро, золото, —
Все обратила еси милостивне на то,
Да нищим расточиши, инокам даеши,
Молитв о отце твоём теплых требуеши.
И аз грешный многажды сподобихся взяти,
Юже ты милостыню веле щедро дати... 1

1 Летописи Русской Литературы и Древности г. Тихонравова VI, 86.

Это поднесение книги происходило еще при жизни царя Федора, не позже 1678 года, ибо стихотворение внесено Полоцким в особый сборник, рифмологион — стихослов, составленный в этом году. Тогда Софье было около 20 лет; так рано она уже является начитанною и знакомою с книжными людьми.

Ученик Полоцкого Медведев также не

один раз восхвалял царевну подобными же виршами, которые иногда брал целиком у своего учителя. Между прочим в 1685 г. он написал *вручение* премудрой царевне привилегии на академию, длинное послание о высоком значении науки, о необходимости водворить ее на Руси; о том, что сама мудрость — Софья царевна только и была способна совершить это великое дело.

Мудрости бо ти имя подадешя,
Греком София мудрость наречешя:
Тебе бо слично науки начати,
Яко премудрой оны совершати...

Далее автор говорит, что, как Ольга свет веры явила, так и царевна хочет явить России свет науки; что она первая здесь мудра явилась; что предивно Господь ее избрал править царством, которое от всех бедствий она хранит, как зеницу ока; что многие прежде жити в России князи и цари, но ни одному Бог не дал дара «мудрость Россам показати»; и т. д.

Наконец ее возвеличили сокровищем семи даров Духа Святого. Эти дары были описаны с величайшею лестью в особой книжке:

«Дары Духа Святого», с приложением гравированного изображения царей и царевны, и на другом листе кн. Голицына и иных персон. Затем явился особый гравированный портрет царевны с аллегорическими изображениями таких же даров, сиречь добродетелей. В книжке описаны следующие дары: мудрость, разум, совет, крепость, благочестие, видение в законе Господнем и страх Господень. На портрете изображены, вверху разум, по сторонам: благочестие и целомудрие, щедрота и правда, великодушие и *надежда божественная* (т. е. вероятно надежда устроит себя на царстве окончательно). В описании дара мудрости книжка говорит между прочим, что когда в 1682 г. был мятеж (стрелецкий), то никто не мог его усмирить, а царевна могла бы еще в начале его остановить, но не хотела противиться изволению Божьему, прозревая «якою кончиною овая мятежь имела утолится; в молитвах неусыпающих в то время трудилась, просила у Бога милости в его отмщении за грехи мирские...» В предисловии говорится, что «иный весь век свой трудится, дабы малую якую часть мудрости постигнул;

но тебе — с именем дана есть мудрость Духом Святым, ибо имя твое ничто иное не знаменует, точию мудрость»: что еще в царствование своего отца Алексея царевна прославилась во всем государстве, иные говорили о ней, что будет мудра паче всех мудрых, иные — что своею мудростью на весь свет разширить Российское государство, иные говорили, что она возвысит славу христианскую, покорит гордость поганскую». И правду все говорили, прибавляет сочинитель, обращаясь к царевне: ты не только их мысли исполнила, но и еще больше прославилась; и если б кто древнего века начал чуда славить, первое бы явилось ему чудо, твоя мудрость и т. д.

Книжка издана в Чернигове в 1688 г.; особый портрет печатан в Москве. Все это были затеи второго друга царевны, Шакловитого, конечно, при ее одобрении. Медведев в надписи к портрету равняет ее Семирамиде, Елисавете Британской, Пульхерии.

Должно думать, что и другие сестры царевны принимали живое участие в сношениях и беседах с тогдашними учеными пиитами.

Мы уже заметили, что церковная начитан-

ность была насущною потребностью того времени и особенно для терема, ставшего во главе тогдашних общественных движений, получившего в свои руки царскую власть и тем самым сосредоточившего около себя, все то, что по своему образованию стояло тогда впереди. Общество книжных людей, сблизившееся с теремом, должно было по необходимости внести в него свое влияние, поднять уровень его начитанности и образованности. Нельзя при том отрицать, что в настоящем случае, через тех же ученых, невидимым ни для кого путем действовало отчасти католическое иезуитское направление, которое в этом тереме вероятно и надеялось свить себе прочное и покойное гнездо. Для него особенно и было необходимо, чтобы терем в действительности шел впереди общества по своему образованию, получавшему под влиянием католичества особый склад, каким на самом деле и отличалось образование царевен, одобрявших такие книги, каков напр. был катихизис Полоцкого: «Венец Веры», заподозренный, как мы упомянули в неправославии. Католическое направление мнений принималось ца-

ревнами, конечно, вполне бессознательно, но охотно по той причине, что давало, большой и все-таки благочестивый простор для их действий; по крайней мере оно освобождало их от излишне суровых и строгих запрещений старого Домостроя.

Однако ж домашняя свобода терема не простиралась дальше тех шагов, которые указывал тот же Домострой, и которые вполне одобряли особенно католические идеи. Другими терема являются попы (у царевны Екатерины костромской поп Григорий Елисеев), дьяконы (у царевны Марфы дьякон Иван Гаврилович), певчие, также разные старцы и старицы, богомолицы, нищие и т. п. Это было самое приличное и обыкновенное общество всякого терема в допетровском быту. В царском тереме оно приобрело даже и политическое значение, ибо посредством этого общества терем владел народными умами, направлял эти умы к своим целям, очень долго мучил всем царством. Терем в известные дни, на память родителей, давал по обычаю особые пиры этому обществу, известные в официальных записках того времени под именем *корм-*

ки нищих. Посредством этой кормки и разных других обрядных действий комматной жизни заводились надобные терему связи с *миром*, с светом, с светскими, мирскими людьми. Здесь-то и гнездились все интриги государственные и домашние, в которых терем показал себя великим искусником. Через нищих и стариц он вел переписку с стрельцами, распускал по городу сплетни, мутил государством, что вполне было доказано стрелецким розыском 1698 г. Вообще терем умел дело делать и концы хоронить. Как воспитана была в этом отношении его мысль, лучше всего видно из его наставлений своим агентам, которые давал он во время стрелецких розысков 1698 г.

Царевна Екатерина Алексеевна, по случаю этих розысков, очень хлопотала о том, чтобы близкие к ней ее дворовые люди, которые были замешаны или могли быть замешаны в этом деле, не выболтали чего о ее сношениях с упомянутым костромским попом или с *ним*, как она часто обозначает эту личность, о ее переписке с *ним* и вообще обо всем том, что открыть она очень страшилась. С этою целью

она написала бывшей своей постельнице Марье Протопоповой самые подробные наставления, как и что говорить взятым к розыску людям. Эти наставления очень любопытны: они обнаруживают значительную опытность царевен в ведении своих потаенных дел и вводят нас в круг мелочных домашних интересов терема. Следствием однако ж было доказано, что «царевна не раз посылала за попом на Кострому своих постельниц, тайно принимала его в своих хоромах, дарила ему деньги, дворцовую серебряную посуду, находила случай переписываться с ним, когда у комнат ее стоял караул, и утешалась в своем заточении его предсказаниями. «Ничего не бойся, сказывал он ей чрез посланного, ничего тебе не сделают; я знаю по планетам, что будет, худо или добро» [72]. Но участия царевны в заговоре не открыто.

В своих наставлениях она писала следующее: «Пожалуй, для Бога, матка моя, съезди ты сего дня или утра с матертью своею к Сорокину в дом, только мочно будет с нею видеться, да и молвь ты тихонько с Вахромеевною [73], чтоб мать твоя не ведала: так ей молвь:

для де Бога не торопись, молись Богу. Будет де тебя спросят: почему де ты *попа* знаешь? — Так бы молвила: какова *попа*? Буде скажут какова, так бы молвила: кто сказывает, что я его знаю? — Буде старица (попавшаяся на следствие) станет про меня что говорить, что будто ко мне хаживала: одно б крепко в том стояла, что «не знаю, ни ведаю и не важивала к ней». — А буде уже не возможно того не сказать ей, что *его* не знает, так бы только сказала (за нужду, буде старица в чем уличит), что она где ее с ним видала, так бы к тому слову сказала: только из знакомства, что он прихаживал к Марфе Ивановне [74] и бивал челом о скуфье, так иное сама не выйдет на лестницу, да меня высылала сказать ему, что скажет: добро, пошлю к патриарху побить челом. А больше того не знаю ни чего, хотя уже умереть. Много бы слов тех не плодила. — Буде и про то станут спрашивать, что почто ты прежде сего ездила на Кострому? — Так бы сказала: ездила я в монастырь в Нерехту с милостынею; в тот год недород был хлебу: так де старица, была ль у царевны и где бывала постельница, так де она била челом, что с голо-

ду они пропадают; так де царевна София послала денег на хлеб... Чтоб не торопилась; буде спросят, так бы и сие сказывала; а буде не спросят, так бы не говорила... А про нынешнее буде спросят: почто ты едешь на Кострому? так бы сказала, что к свекру и свекрови ездила видеться. И про то буде спросят: ведает ли царевна, что ты поехала? так бы сказала, что не ведала... Буде спросят о том, прихаживала ль к нам коли? одно бы говорила, что не хаживала... и про письма ни про какие поминать ей не вели, ни про него. Хоть и спрашивать станут про письма, что не нашивала ль каких писем? одно: что не нашивала, хоть умереть готова... Буде и про то спросят: не теривала ль ты каких писем? — Никак, хоть умереть готова, что ничего не знаю, ни ведаю. Лучше, однова стерпеть, помилуй Бог! Авось о этом и не спросят у нее. Ты ей растолкуй хорошенько, только мочно; поговори ты с нею: буде про сие не станут спрашивать, так бы и не заводила про сие говорить сама».

«И муж бы ее Вахромеевой не сказывал того, что она к нам хаживала, и что мы ведаем, что они поехали к Костроме; чтоб в одно сло-

во говорили, что жена, тоб и муж сказал. А как в словах разобьются, так худо будет. И про тоб не сказывал, что муж-от Вахромеевны в ту пору, как мы сидели заперты в Верху летась, так он от *попа* прихаживал с словами к Вахромеевой, и письмо одинова принес к ней; чтоб этого не сказал. Ведь нет этому свидетеля: только они два. Только мочно, мужу Вахромеевнину это молвь ты, чтоб про сие не поминал, не про деньги, что с ними к попу послали денег 10 рублей; (будто) он давно просил, будто у него то заимовал. Уж ты вычитай хорошенько письма. Да только мочно, этак про все Вахромеевной молвь ты, как писано: буде о чем спросят, так бы этакой ответ давала; а буде не спросят о чем, так бы и не поминала. А хотя и про иное про што и спросят, так бы, нет доводчика, так можно в том слове умереть».

«Пуще всего, писем чтоб не поминала... Для Бога, ты этих слов никому не сказывай, о чем писано, что с ними говорить; не верь ни в чем, никому, ни родному. И Дарье б кто молвил, чтоб не торопилась, чтоб писем не поминала, что ко мне писывали. Также бы, любо

спросят про то: не видала ли попа в Верху? так бы сказала, что одно, что хочу умереть, ни знаю, ни ведаю... Буде и прото спросят; не хаживал ли кто к нам сюды баб и мужиков? крепкоб говорили, что никак... ни кто не хаживал... Пожалуй, для Бога, прикажи всем им, которые сидят, как здесь писано, чтоб ни себя, ни меня, ни людей не погубили. Молились бы Богу, да Пресвятой Богородице, да Николаю чудотворцу; обещались бы, что сделать. Авось ли Господ Бог всех нас избавит от беды сей... Пошли ты по Толочанова, да распроси ты хорошенько про старицу и про то, что она доводит в чем на *попа*, и на царицу, и на меня. Доведайся о всем, да отпиши. А как Василей на перемену придет в четверг, так с ним в ту пору писем не посылай, осматривают их. Помилуй Бог, как найдут... Призови ты к себе завтра Агафью Измайловскую... Ты ей молвь: что де ты хоронишься? от чего? До тебя де и дела нет. А коли бы де и дело было, где де ухорониться от воли Божией!.. Ты молвь ей: помилуй де Бог от того! А как бы де взяли, так бы де вы, чаю, все выболтали: как хаживали, и как что, и как царевен видали. Не уморя де

для Бога! хоть бы де взяли и вам бы де должно за них, государынь, и умереть. Не поминай де ты и про то, что письма от Татьяны и от Дарьи нашивали. Ведь де нет свидетеля на то...» Ономедни с нею послала денег два рубля на подворье, зашито в мешке; к нему. И про этоб не сказывала: нету на это свидетелей; отнюдь бы не сказывала, что к нам хаживала... Опять повидайся ты с Яшкою... Я велела к тебе им заехать. Разговорись с ним, как его имали, в чем? Да и про то молвь: помилуй де Бог! Как бы стали спрашивать, так бы де вы много наболтали. Вам бы де и умереть надобно за них; ведь де нет свидетелей прямых. Будет де и присылали про то: что какие горшки нашивали? так де (бы) сказали, что в Верху варили *ходатая*; а про иное б и не поминали. Хотяб де и спросили: что не нашивали де писем? так бы де сказали: хоть умереть в том, что не знаем ничего, ни ведаем. А буде не спросят, так нечего ж говорить ни про что, о чем не спрашивают. Поговори им гораздо от меня про сие: хоть бы умереть, а слов бы не было: нет свидетеля. А для того про это пишу: ради всякого времени. Иногда и не в том

попадутся, в деле, а про иное наболтают. И Дарье про то молвь, чтоб не сказывали тех врак, что про старца Агафья ей сказывала и куды де она Ваську посылала. О чем не спрашивают, не веди того врать; о чем и спрашивают, так в чем нет свидетелей, так нечего и говорить. Чтоб моего имени не поминали. И так нам горько и без этого!»[75]

Да, в это время, в это последнее время теремной жизни вообще, терему действительно было горько. Искореня старых друзей терема, стрельцов, Петр вместе с тем разрушал мало помалу и самое здание терема.

Известно, что после стрелецкого розыска царевна Софья и Марфа были пострижены в монахини, одна в московском Новодевичьем монастыре, где и прежде содержалась, другая в Успенском девичьем, в Александровской Слободе. Пред кельями Софьи по повелению царя было повешено 195 человек стрельцов. У самых окон висели трое с челобитными в руках. Князю Ромодановскому царь дал собственноручное наставление: кого пропускать к Софье: «Сестрам, кроме светлой недели и праздника Богородицына, который в июле

живет (храмовой праздник монастыря), не ездить в монастырь в иные дни, кроме болезни (Софьиной). Со здоровьем (спрашивать о здоровье) посылать Степана Нарбекова или сына его, или Матюшкиных; а иных, и баб и девок не посылать; а о приезде брать письмо у князя Федора Юрьевича (Ромодановского). А в праздники, быв, не оставаться; а если останется, до другого праздника не выезжать и не пускать. *А певчих в монастырь не пускать:* поют и старицы хорошо, лишь бы вера была, а не так, что в церкви поют: *спаси от бед*», а в паперти деньги на убийство дают.

В Феврале 1700 года, приводя в новый порядок расходы дворца, Петр коснулся и кормки нищих. По расчетам оказалось, что царица Марфа на поминовении покойного мужа, царя Федора, кормила в 5 дней 300 нищих; столько же кормила царица Прасковья по муже, царе Иване; царица Татьяна Михайловна кормила в 9 дней 200 человек, царица Евдокея Алексеевна с сестрами в 7 дней 350 ч.; даже царица Наталья Алексеевна кормила в 4 дня 200 человек. Всего кормилось в известные дни поминовения у 5 комнат 1371 ч., питья и

запасов выходило в год на 143 р. 26 ал. 3 денги. На подлинной ведомости об этой статье дворцового расхода Петр собственноручно написал: «сии денги раздать нищим по улицам, а в Верх их (нищих) не брать, для того, что *вытерки то комять*»[76].

Что именно сказано в этой тайнописи, за неимением ключа, мы объяснить не можем; Но этим указом окончательно и навсегда нищие отдалялись от дворцовых комнат; старому домострою таким образом наносился самый чувствительный удар, ибо старый домострой всю добродетель свою полагал именно в таких формах благочестия.

-

Терем царствовал, конечно, по той только причине, что налицо не было царя: один был неспособный, другой мал возрастом. Как только вырос и укрепился малолетний царь, тогда и окончилась воля царь-девицы. Первая решительная встреча двух соперников, как и следовало ожидать, произошла на церковном торжестве, ибо на этих торжествах царский сан и государева особа обозначались для все-

народных очей несравненно виднее; а след. и несравненно виднее обнаруживалось зазорное совместничество двух царственных особ. Софья очень хорошо понимала значение этих царских выходов и не пропускала случая показаться народу в царственном величии. Выходы ее становились год от году чаще. Обычно она выходила вместе с братом Иваном и по всему вероятно даже и вынуждала его, постоянно больного, сопутствовать ей в этих торжественных шествиях. В иное время, особенно в последний год, она и одна являлась на этих выходах. Царь Петр появлялся на церковные торжества изредка, в самых важных случаях. Он не тем был занят, да вероятно по возможности избегал и зазорного для себя совместничества с ненавистницею сестрою... Но скрытая, подземная борьба обнаруживалась даже и в этих богомольных действиях двух соперников: царевна время от времени приказывала петь в соборе канон: «многими содержим напастьми», словами которого желала выразить свое положение и отношение к петровской партии. Петр в последние года, 1688 и 1689, один являлся в собор к

«умовению ног», тоже, по всему вероятно, давая чувствовать своим присутствием при этом церковном действе, как он понимает свои к ней. отношения.

В 1689 г. июля 5, царевна праздновала годовщину о победе на раскольщиков. Накануне она одна слушала всенощную на Троицком подворье, в церкви Чуд. Сергия, а в самый день с царем Иваном выходила к обедне в Успенский собор и слушала благодарный молебен об этой победе с прибавлением упомянутого канона «за прошение царевны». 7 июля вместе с братом Иваном она праздновала в соборе память Филиппа митрополита.

8 июля, в понедельник, следовало праздновать явлению Казанской иконы Пресв. Богородицы с крестным ходом в Казанский собор в память избавления Москвы от Ляхов, в 1612 г. В этот праздник цари поднимали в крестный ход иконы и из своих Верховых, дворцовых церквей от Спаса за Золотою решеткою, за которыми шествовали торжественно сначала в Благовещенский, а потом в Успенский собор, а отсюда сопровождали крестный ход до Казанской церкви и слуша-

ли там обедню. Царь Петр приехал к празднику из села Коломенского. Надо заметить, что в этом ходу царевна еще ни разу не участвовала в прежнее время. Когда оба царя пошли с Верху, из дворца, за образами, то и царевна в тоже время принесла образ «*о Тебе радуется*», который, вероятно по особому обещанию, был поновлен к этому дню и украшен новым окладом [77]. Нельзя было не выразить царевне своего обрадования, потому что в это время с торжеством победителя приближался к Москве из Крымского похода кн. В. В. Голицын.

С именем Голицына для царевны соединилось на этот раз много радостей. Он разгромил Перекопского царя; по крайней мере так он сам писал о себе и прославлял и возвеличивал свой выдуманный подвиг даже на всю Европу. Конечно, его успех возвеличивал личность правительницы, высоко ставил ее управление государством; придавал ее лицу мужественные самостоятельные черты деятельного и счастливого государя. Надо было употребить все средства, чтобы поднять в общественном мнении этот крымский подвиг

на самые высокие ходули. Кн. Голицын и обнаружил в этом деле великое умение. Затем его присутствие в Москве очень было необходимо по обстоятельствам царевниной борьбы с братом Петром. Этим крымским подвигом она и хотела усмирить невыгодную о себе молву со стороны братниной партии; в нем она приобретала самое победоносное и вполне достойное оружие против своих врагов.

Но кроме политических причин ее радости, существовала особая и главнейшая, сердечная, причина, которая должна была действовать еще живее. Голицын был другом царевны и ее наперсником. Разлука с ним уже давно ее томила. Она об этом не раз писала к нему в письмах, скрывааемых от людей посредством потаенной цифирной азбуки. Два таких письма, сохранившиеся счастливым случаем и открытые г. Устряловым, относятся именно к тому времени, о котором мы говорим. Царевна поздравляет в них своего друга с победою, которую разумеется приписывает милосердию Божию, и присовокупляет: «чево от века не слыхано, ни отцы наши поведаша нам такова милосердия Божия; неху-

же Израильских людей, продолжает она, извел вас Бог из земли Египетской, тогда чрез Моисея, ноне чрез тебя, душа моя... Свет мой, братец, Васенька, здравствуй, батюшка мой, на многие лета и паки здравствуй Божию (милостью) и Пресвятые Богородиды и твоим разумом и счастьем, победив агаряны, подай тебе Господи и впредь враги побеждати. А мне, свет мой, веры не имеется, что ты к нам возвратишься; тогда веры пойму, как увижу во объятиях своих тебя, света моего... Свет мой, батюшка, надежда моя, здравствуй на многие лета!.. Батюшка мой, радость моя, свет очей моих, мне веры не иметца, сердце мое, что тебя, свет мой, видеть. Велик бы мне день той был, когда ты, душа моя, ко мне будешь. Еслибы мне возможно было, я бы единым днем тебя поставила пред собою». И сам Голицын видимо очень желал своего возвращения в Москву и потому просил друга — царевну, чтоб она помолилась. На первый раз царевна, кажется, не совсем так поняла его просьбу. «А что, свет мой, пишешь, чтобы я помолилась», отвечает царевна и присовокупляет в сомнении: «будто я, верно, грешная

пред Богом и недостойна; Однако же дерзаю, надеясь на его благоутробие, если и грешная. Ей всегда того прошу, чтобы света моего в радости видеть». В другой раз она писала: «что ты, батюшка мой пишешь о посылке в монастыри, все то исполнила, по всем монастырям бродила сама пеша... что пишешь, батюшка мой, чтоб я помолилася: Бог, свет мой, ведает, как желаю тебя, душа моя, видеть; и надеюсь на милосердие Божие, велит мне тебя видеть, надежда моя... А я, батюшка мой, здорова, твоими молитвами, и все мы здоровы. Аще даст Бог увижу тебя, свет мой, о всем своем житье скажу; а вы, свет мой, не стойте, подите помалу, и так вы утрудились. Чем вам платить за такую нужную службу, наипаче всех твои, света моего, труды. Еслиб ты так не трудился, никтоб так не сделал».

Теперь весьма понятно с каким особенным желанием царевна хотела присутствовать в торжественном крестном ходе к Казанской. Она праздновала победу над врагами и разными напастями во всех смыслах.

Дворцовый выход совершился в полном составе. В Успенском соборе цари и царевна

приложились к иконам и св. мощам при пении многолетия, после чего должно было идти за св. иконами и крестами в церковь к Казанской. Тогда, говорят, царь Петр сказал сестре, чтоб она в ход не ходила. Как она ему ответила, мы не знаем. Но дело кончилось тем, что в ход не пошел только сам Петр.

Царевна с братом Иваном торжественно вышла за крестами из собора и сопровождала их до места; а Петр проводил кресты только до Архангельского собора, вошел в эту царскую усыпальницу, помолился у св. икон и у мощей благоверного царевича Димитрия и «изволил с Москвы иттить в тоже вышеупомянутое село Коломенское». К сожалению в дворцовой разрядной записке об этом событии, в оригинальном столбце, после этих самых слов следует утрата нескольких листков [78] так что мы не знаем, в чем заключались дальнейшие подробности ее повествования, именно относительно царевны Софьи.

Но царевна продолжала свои выходы еще с большею настойчивостью. 14 июля она одна ходила ко всенощной в церковь св. Владимира, что в Садах, 15 июля в самый праздник св.

Владимира она одна изволила быть в той же церкви на освящении и у обедни. 18 июля вечером ходила в село Покровское и вскоре возвратилась оттуда, вероятно по той причине, что в это время к Москве подошел с полками кн. Голицын. На другой день 19 июля происходила торжественная встреча победоносному войску, при чем царевна уже без малейшего зазора справила эту встречу во всем подобно самому царю. Воеводам велено было вперед себя отпустить к Москве св. крест и полковые св. иконы, которые были с войсками в походе. В восьмом часу утра царевна изволила идти в церковь Тихона (у Арбатских ворот); отслужила там молебен и продолжала шествие к Серпуховским воротам, у которых за городом и встретила св. иконы. Помолившись и приложившись к иконам, она «жаловала к руке» бояр и воевод, кн. Голицына с товарищи, и изволила спросить их о здоровье. От Серпуховских ворот за иконами она шла в Кремль, в сопровождении тех же походных бояр и воевод, а также и бояр, окольных, думных людей, стольников, стряпчих, дворян, дьяков, гостей и приказных людей, кото-

рые сопутствовали ей на выходе. Впереди икон шли ратные люди: ротмистры, полковники, стольники, стряпчие, поручики, хорунжие, дворяне, жильцы и иных чинов, по 5 и по 6 человек в ряд, в саадаках и в саблях и с иным оружием. У дворца шествие встретил царь Иван; после чего царевна прошла дальше, через свой государской двор, в соборную церковь, где патриарх совершил благодарственный молебен, после которого царевна проводила полковую святыню к себе во дворец и там ее оставила в одной из верховых церквей. Затем в Передней палате вместе с братом она торжественно жаловала к руке всех походных воевод и дьяков, и всех начальных ратных людей, причем боярам сказана была похвальная речь.

23 июля в 6 часу утра царевна ходила к обедне в Ново девичий монастырь и служила там торжественный молебен «Смоленской Божией Матери о их государском многолетном здравии и о всяком благополучении и воздавали хвалу о победе врагов, проклятых агарян». У молебна были кн. Голицын и все воеводы и ратные начальные люди. После молеб-

ного пения, царевна угощала воевод Фряжскими винами, а ратных людей водкою.

25 июля, по случаю именин царевны Анны, она опять угощала в Передней водкою все боярство и дворянство и полковых людей.

Между тем развязка потаенной борьбы с братом близилась к концу. Софья вела уже решительные переговоры с стрельцами. 27 июля, на праздник иконы Смоленской Богородицы Одигитрии (путеводительницы, крепкой помощницы) она ходила, по обычаю в Новодевичий монастырь ко всенощной, окруженная пятисотными и пятидесятниками от всех стрелецких полков; по окончании службы, в 4 часу ночи, подозвав стрельцов, царевна жаловалась им на царицу Натаию Кириловну: «И так беда была, говорила Софья, да Бог сохранил; а ныне опять беду зачинает. Годны ли мы вам? Буде годны, вы за нас стойте; а буде не годны, мы оставим государство». Стрельцы отвечали: «воля ваша! Мы повеление твое исполнять готовы; что велишь делать, то и станем». — «Ждите повестки», сказала царевна. 4 августа ночью она переговаривалась с стрельцами в верхних хоромах, у

самого терема, и говорила им: «Долго ль нам терпеть? Уж житья нашего не стало от Бориса Голицына (кравчего у Петра) да от Льва Нарышкина. Царя Петра они с ума споили; брата Ивана ставят ни во что; комнату его дровами закидали; меня называют девкою, как будто я не дочь царя Алексея Михайловича; князю Василью Васильевичу (Голицыну) хотят голову отрубить, а он добра много сделал: польский мир учинил... Радела я о всячине, и они все из рук тащат. Можно ль на вас надеяться? Надобны ль мы вам? А буде не надобны, мы пойдем себе с братом, где кельи искать». Такой же разговор с стрельцами по ночам у своего терема она вела во все это тревожное время [79]. Между тем Петр еще 25 июля передвинулся из Коломенского в Преображенское; 4 августа отпраздновал в Измайлове именины своей жены, царицы Евдокии Лопухиных, а в полночь на 8 августа принужден был, спасаясь от убийства, внезапно ускользнуть в Троицкий монастырь; «изволил идти для моления в Троицкий монастырь», как отмечает дворцовая разрядная записка.

В то самое время, как Петр без оглядки то-

ропился добраться скорее до монастыря, чтобы найти себе за его стенами безопасное место, благочестивая царевна, окруженная стрельцами, слушала акафист [80] в церкви Казанской Богоматери, а вернее упомянутый выше канон: «многими содержим напастьми». На самом же деле под этим благочестивым обликом она вела решительный заговор против брата и его семьи. Во дворце и между стрельцами в это время распространялся уже слух, что в эту ночь придут из Преображенского потешные конюхи и побьют царя Ивана и всех его сестер, след. распространялся слух о нашествии Петра на терем. 9 августа царевна с братом Иваном служила панихиду в Архангельском соборе по своих государских родителях, а потом одна ходила и в Вознесенский монастырь и там также служила панихиду у гробов цариц. Приближались обстоятельства очень трудные и опасные; они-то и заставляли царевну обращаться к памяти родителей, в это не обыкновенное для подобных молений время. 11 августа вечером она торжественно в сопровождении боярства и дворянства, проводила из дворца в Донской

монастырь чудотворную икону Донской Богоматери, которая сопутствовала полки в крымском походе и оставалась еще пока до дворце. Там она слушала всенощную; а на другой день, и 2 августа, ходила туда к ранней обедне. 14 и 15 августа, по случаю празднования Успению совершены были обычные праздничные торжественные выходы в Успенский собор ко всенощной и к обедни, в соупутствии бояр, думных и ближних людей. 17 августа царевна ходила молиться в Новодевичий монастырь. 18 и 19 числа совершила с братом празднование Донской Богородице с обычным крестным ходом в Донской монастырь.

26 августа вечером она опять ходила молиться в Новодевичий монастырь, оставалась там всю ночь и воротилась в Москву за час до света. Все эти благочестивые ночные бдения совершались однако ж с тою целью, чтобы свободнее вести переговоры с стрельцами, ибо стрельцы всегда непременно сопровождали царскую особу, особенно в ночных выходах.

Наконец, 29 августа, царевна сама уже решилась отправиться в Троицкий монастырь к

разгневанному брату Петру. За 2 часа до вечера она отслушала в Успенском соборе напутственный молебен; оттуда ходила молиться у родительских гробов в Архангельский собор и в Вознесенский монастырь, молилась в Чудове монастыре, на Троицком подворье и в приходской церкви Вознесения на Никитской. «И из той церкви изволила она великая государыня взять чудотворный образ Пресвятые Богородицы Казанские и быть в соборной церкви Казанские Богородицы, что в Китае (городе), а от той церкви, с тою святою иконою, иттить в Троецкой Сергиев монастырь». Ее сопровождали бояре, окольные, думные дворяне, стольники и стряпчие. Известно, что Петр воротил ее из этого похода, грозя, что если пойдет, то «поступлено будет с нею нечестно». Она воротилась в Москву 31 августа в 7 часу ночи, по нашему счету во втором пополудни, и 1 сентября, с решимостью поднять на Петра все государство. Но через неделю, 7 сентября, была сама отрешена от владенья царством [81].

Открыв налицо все ее замыслы, Петр написал письмо к старшему брату Ивану: «сестра

наша царевна Софья Алексеевна государством нашим начала владеть своею волею, и в том владении, что явилось особам нашим противное и народу тягость и *наше терпение*, о том тебе, государь, известно. А ныне злодеи наши Федька Шакловитый с товарищи... умышляли о убивстве над нашим и матери нашей здоровьем... А теперь, государь братец, настает время нашим обоим особам Богом врученное нам царствие править самим, понеже пришли есми в меру возраста своего, а третьему *ззорному лицу*, сестре нашей, с нашими двумя мужескими особами в титлах и в расправе дел быти не изволяем; на тоб и твоеяб, государя, моего брата. воля склонилася, потому что учала она в дела вступать и в титлах писаться собою без нашего изволения: к тому же еще и царским венцом, для конечной нашей обиды, хотела венчаться. *Срамно*, государь, при нашем совершенном возрасте, *тому ззорному лицу* государством владеть мимо нас!»

Этими словами Петра о ззорном лице древний русский век высказывал свой приговор женской личности вообще и подвигу ца-

ревны в особенности. Помимо всех преступных замыслов, этот подвиг был сам по себе зазорен и несовместим ни с каким положительным идеалом века. Срамно, было мужским особам, в общественном деле, стоять рядом с личностью девицы, а еще более: находиться в ее обладании, в ее воле. Не преступным только являлось ее лицо, но и зазорным, на что особенно и указывает оскорбленный Петр. «Пора, государыня, давно вам в монастырь! — мыслил древний век, в лице ее же пособников стрельцов, определяя тем истинное назначение для девичьей личности, если она лишалась почему либо возможности пристроить свою судьбу к личности мужской, как было именно в царском быту.

Девушка-царевна, как и всякая честная вдова, след. вообще женская личность, сама по себе, — по смыслу своего положения в обществе, была монастырка, постница, пустынноница. В этом заключалось ее истинное призвание, т. е. в этом состояла идея ее общественно-го положения. Вот почему и дом вдовы и терем девицы мало помалу всегда неизменно превращался в монастырь. Другой образ жиз-

ни также неизменно ставил ее личность в положение зазорное для общественных глаз. Другой образ жизни, хотя бы самый скромный, но только самостоятельный, был уже отрицанием постнического идеала и являлся непростительным нигилизмом. В существенном смысле зазорным нигилизмом являлось не худое поведение, а всякий признак независимого, самостоятельного отношения к обществу, что осуждалось еще больше, и сильнее, чем худое поведение. Худое поведение судил Бог, всегда милосердо отпускающий грехи. Самостоятельное поведение судило общество, никогда не прощающее явного отступничества от его идеалов. Поэтому житейские грехи можно было всегда прикрыть постнической мантиею, лишь бы не видало их общество. Но грех личной независимости и самостоятельности прикрыть было не возможно; ни какой мантии для этого не существовало. В этом случае была неизбежна и совершенно необходима прямая, открытая и притом богатырская, т. е. петровская борьба с тем же обществом; борьба, не допускавшая никаких сделок, ни каких колебаний, уступок, ни каких

мирных переговоров. Быть может у Софьи-царевны достало бы и ума и смелости выйти и на этот путь; но у ней недоставало главного: живой веры, что этот путь столько же свят; живой веры в ту истину, что общество спасется не постническим идеалом, а идеалом полной, всесторонней свободы. Она же не искала настоящей свободы, а искала лишь приличной формы, приличной по мнению века одежды для своего девического своеволия; потому она вовсе не была способна с решимостью отступить от заветного постнического идеала и стремилась устроить не общественную, но лишь свою личную свободу по его же византийским образцам. Она способна была явить русскому миру только фарисейский вид того же постничества. А это были старые мехи, которые уже не годились для нового вина, т. е. для новых начал развития, каких неуклонно требовало русское общество, вся русская жизнь, во всем своем составе и которые способен был насадить и водворить только Петр стремившийся на прямой путь свободы гражданской и человеческой.

Весьма понятно, чем должны были казать-

ся Петру все эти богомольные постнические подвиги царевны и ее сестер, весь этот старый домострой жизни, прикрывавший своими досточтимыми формами самые растленные нравственные начала... Очень понятно, почему постнический идеал стал для него с этого времени особенно ненавистен, почему он относился к нему с самым полнейшим отрицанием и почему в последующее время употреблял всякие средства, чтобы окончательно его уронить и осмеять в общественном мнении, устраивая с этою целью потешные действия известного князь-папы или Пресбургского патриарха и жестоко стесняя и преследуя ревностных поборников сказанного идеала, всяких его выразителей и изобразителей, начиная от старцев — пустосвятов, юродивых, нищих и т. д., и оканчивая крутыми староверами, которые в истинном смысле были произведением Домостроя и потому так крепко и стояли за старое благочестие.

Не добрую славу оставил по себе терем Софьи и в народе. Правду или неправду староверы втихомолку говаривали: «царевна Софья, была блудница и жила блудно с боярами, да и

другая царевна, сестра ее... и бояре ходили к ним и робят те царевны носили и душили, и иных на дому кормили...» (История России, г. Соловьева, XVII, 227).

ГЛАВА III

ЖЕНСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПОЛОЖЕНИИ ЦАРИЦЫ

Особенные условия этого положения. Причины, которыми вызваны такие условия. Государевы браки. История государевых невест. Призвание царицной личности.

Мы видели, что русский допетровский век не признавал женскую личность самостоятельным членом общества. В обществе у ней не было своего самостоятельного места. Самостоятельное место она имела только в семье. Но и здесь смысл ее самостоятельности колебался между отцом семьи, ее мужем, и ее же детьми, так что пред лицом отца семьи, своего мужа, она была столько же зависимою, малолетнею в своих правах, как и все его дети. Затем, вне семьи, женская личность совсем уже теряла свои самостоятельные права и приравнивалась к общественным сиротам, т. е. к людям, которые никакими самостоятельными правами в обществе не пользова-

лись. Руку помощи ей подавала уже церковь, принимавшая под свою защиту всех сирых и убогих. Церковь же, по необходимости, указывала женской личности лишь один путь нравственно-самостоятельной жизни — монастырь. Это был в действительности единственный путь не только для спасения, но и для самостоятельного, сколько-нибудь независимого положения в общественной жизни. Оттого иноческий идеал становится для женской личности исключительным и самым высшим идеалом существования, ибо в нем одном только она и находит удовлетворение своим нравственным самостоятельным стремлениям. Между семьей и монастырем нет ей в обществе места; помимо семьи и помимо монастыря нет ей в обществе дела, нет подвига, которые могли бы придавать ее жизни, хотя бы в такой же мере, самостоятельный, независимый смысл [82]. Как скоро она останавливалась между этими двумя сферами предназначенной ей деятельности стремясь найти для себя какую либо иную точку опоры в общественной жизни, — она тотчас приобретала смысл лица зазорного. Общество

в таких случаях всегда приходило в великое смущение; всякое общественно-самостоятельное положение женской личности оно почитало невыразимым срамом не столько даже для личности женщины, сколько именно для самого себя. Однажды (в 1418 г.) случилось в Новгороде, — о котором составлено понятие, что там женщина пользовалась большею свободою, чем где либо в старой Руси; — народ поднялся на боярина Данила Ивановича Божина и казнил его ранами близь смерти, т. е. стал бить его чуть не досмерти. «Было же и это дивно, прибавляет тамошний летописец, — или на укорение богатым, обидящим убогия, или казнь диавола: — жена некая, отвергнуши женскую немощь, взявши мужскую крепость, выскочив посреди сонмища, даст ему (боярину) раны, укоряючи его, как неистова глаголющи: яко обидима есми им» [83]. Событие, в самом деле, до чрезвычайности дивное по старым русским понятиям, которое в действительности имело смысл дьявольской казни, потому что исполнителем этой казни являлась женская личность, принимавшая на себя подвиг совсем ей несвой-

ственный, не потому однако ж несвойственный, что в нем унижалось достоинство женственных нравов, а потому собственно, что здесь женщина являлась мужчиною, становилась поносителем мужской личности. Когда боярина били мужчины, — это было обычное дело; ничего тут не было чрезвычайного, дивного; но как скоро на него же поднялась рука женщины, — это становилось уже чудом и объяснить такой случай возможно было только казнью дьявола, чрезвычайным укорением и поношением именно тех людей, которые слишком высоко себя ставили пред людьми простыми, бедными. Женщина была обижена боярином и, конечно, имела такое же право мстить ему свою обиду, как и все мужчины, и при том в такой же новгородской форме, потому что эта форма, побои, была, как бы сказать, самую натуральною формою народной расправы с виновником. Мы приводим этот мелкий случай, как черту общего склада понятий о женской личности, по которому всякий ее общественно-свободный шаг почитался делом в высшей степени зазорным. Какое поношение для мужчины могло равняться с

побоями от женщины. Это была на самом деле казнь дьявола, выставленная летописцем, как событие поразительное.

Таков был общий смысл положения женской личности в нашем старом допетровском обществе. Приступая к разъяснению ее частного положения и притом положения высокопоставленного, именно положения женской личности с значением царицы, мы находим, что в силу особенных, исключительных условий жизни, это положение становилось для нее еще стеснительнее. Если в общем быту народа личность женщины является жертвою семейного начала, то женщина — царица является жертвою уже не одного семейного начала, но сверх того и жертвою государственных идей, которые, хотя и возносят ее лицо на высоту недосыгаемую, но в тоже время ограничивают смысл ее доли исключительно значением родительницы, значением почвы, в которой не должен иссякнуть корень государственного рода. Государственные идеи вследствие такого значения царицыной личности, ограждают ее такими заботами о сохранении почвы рода, что в них эта лич-

ность совсем уже исчезает для общества, как равно и для собственной своей самостоятельности. Чтобы указать причины, которые способствовали поставит в такое положение весь быт царицы, необходимо припомнить историю московского самодержавия, внутреннюю, домашнюю историю московского государя и его двора.

Мы уже говорили, что в древнерусском обществе понятие о самостоятельности лица, о человеческой свободе и независимости, было неразделимо с понятием о самовластии; что идеал достойной личности был в то же время идеалом личности самовластной; что самостоятельность личности иначе не представлялось тогдашнему уму, как в форме поступков и подвигов самовластных. Естественно также, что в понятии о самовластия лежало неразделимо и понятие о единовластии, ибо самовластие, по существу своей идеи, не могло терпеть подле себя соперника, или совместника своей жизни; оно совсем исключало, совсем отвергало всякую сколько-нибудь равную себе силу. В этом именно смысле именуется самовластцем земли и Ярослав Вели-

кий, когда он остался под конец ее единовластителем; в том же смысле говорится и об Андрее Боголюбском, что он хотел быть самовластцем, т. е. полным, ни от кого и ни от чего независимым господином своего княжества.

Весьма естественно, что когда князья по идеалу Ярослава и Андрея сделались самостоятельными в своих княжеских вотчинах, они иначе и не могли понять свою самостоятельность, как только в форме самовластия, которое вдобавок еще сильнее укреплялось сознанием, что лико князя есть лико господина земли вообще, что князь не напрасно носит меч, а на казнь злым и в защиту добрым. Известно, что на этот путь княжеского самовластия наша история явно стала выходить еще со второй половины XII века. Известно также, что шаги ее в этом направлении были ускорены татарским разгромом. С этого времени совсем угасает идея родовой власти, т. е. идея о живом единстве, о живой связи княжеского рода, а стало быть о взаимной круговой зависимости князей друг от друга. Незаметно, они все более и более становятся чужими друг

другу; с тем вместе гаснет и сознание о живом единстве Русской земли. Русская земля «разносится розно», дробится на части и каждая часть начинает жить особо, опрично, отделяя себя от общих интересов и заботливо преследуя одни только свои особные, опричные интересы. Главною руководящею силою жизни в княжеском быту становится господство, т. е. отдельная вотчинная собственность. Она служит основой независимости, а стало быть и основой самовластия. Русская земля делится между множеством самовластцев. В этом заключается форма политического ее быта и существо ее исторической жизни и деятельности.

Существом этой жизни была конечно борьба, кровавая борьба земского разрозненного самовластья, борьба опричных княжеств, опричных господарств, за свою самостоятельность, т. е. на самом деле за самостоятельность своего самовластья, ибо иного понятия о самостоятельности, как мы сказали, в то время не было. Для самостоятельности с этим смыслом не было никаких границ, не лежало в ней ничего человеческого, ничего

нравственного, ничего даже политического, общего. Это было простое буйство одних лишь своекорыстных княжеских целей. Поэтому и для достижения таких целей употреблялись всяческие средства без малейшего разбора и без малейшей нравственной их оценки.

Русская земля была отдана на растерзание княжескому произволу, который, как зверь, ждал всюду добычи, подстерегал ее, хватал ее при первой возможности, надеясь лишь на одну силу, хитрость и всякое коварство, свойственное его хищной природе. «Рекоста бо брат брату: *се* мое, а *то* мое же; и начаша про малое, *се* великое молвити, а сами на себя крамолу ковати... Тогда сеялись и вырастали усобицы, погибала жизнь, в княжих крамолах веки человекам сокращались. Тогда по русской земле редко пахари покрикивали, но часто граяли враны, дяляче себе трупы...» Само собою разумеется, что из такого положения дел ничего другого не могло выйти, как именно то, что в действительности и вышло. Кто-нибудь один, сильнейший и хитрейший, должен был одолеть всех. На таком пути по-

ставлена была вся жизнь Земли. Другого выхода, другого разрешения задачи не виделось ни где и ни в чем. К тому же Земля слишком сильно чувствовала свое племенное и нравственное единство и вовсе не думала создавать из себя Федерацию княжеских, а в сущности помещичьих вотчин. Рознь жизни была не по ее уму. В этом уме жило святое слово *Русь*, которое всегда и взывало, к единству. Этот ум Земли должен был наконец подняться и воссоздать в новой форме то, что было начато давно уже, еще в первые века ее истории.

Собирателем разнесенной розно Земли или иначе сильнейшим и хитрейшим из самовластцев явился князь Московский. Являлись и другие: путь был открыт не для него одного. Но Московский осилил всех и осилил особенно по той причине, что личное вотчинное свое дело, тотчас же осветил светлым лучом общей земской политической цели. Он высоко поднял знамя единства *всея Руси* и крепко держал его до конца своего подвига. Принимая на свои руки это дорогое наследство первых веков русской истории, Москов-

ский князь конечно должен был ответить за все, должен был расплатиться за все кровавые долги, нажитые в течении столетий темными кровавыми делами княжеского рода. Он один должен был принять на себя все грехи своего рода. Он должен был явиться типом того жизненного начала, той жизненной идеи, которая до того времени управляла всеми действиями и деяниями князей, т. е. полным, законченным типом княжеской самостоятельности, а иначе полным, законченным типом княжеского самовластия. Другого плода не могла принести почва княжеского господства над землею. Рано ли, поздно ли, не тот, так другой, но один кто-нибудь неизменно явился бы именно таким плодом княжеских смут, котор и крамол, терзавших землю целые века. Напрасно думают, что в Москве не продолжалась та же самая история, которая в X, в XI, в XII веках крутилась по временам около Киева. Московская история относится к той киевской истории, как плод к корню. Историю киевскую, как и московскую выработывало одно и тоже славное и бесславное древо княжеского рода. В Москву стянулись

только все соки этого дерева. Какие они были, такими и еще в большей силе они явились и в своем плоде.

Московское собирание земли, выразившее в себе задачу всей прошлой истории, основную ее идею, было проведено, соответственно характеру времени, путем захвата, насилия, коварства, предательства; путем всех пороков, какие обыкновенно порождает борьба необузданного своеволия и самовластия. Борьба эта, как мы заметили, началась очень давно, гораздо раньше московского господства. В эту эпоху, когда зачиналась каменная Москва, зачинался в ней *Грозный Царь*, она подвигалась к последним дням и потому велась с большим ожесточением. Она воспитала в особой нравственной сфере не одно поколение. Очень естественно, что с собиранием земли она собрала в Москве, вместе с людьми, и все те нравственные стихии, которыми жили эти люди. А эти люди искони жили крамолою, ради окаянных вотчин: — *се* мое, а *то* мое же; искони ковали крамолу, были, хотя и мелкими, но такими же необузданными самовластцами, наиполнейшим типом,

которых явился московский собиратель земли. В московском дворце, таким образом, собралось столько элементов нравственного растления, что этот дворец на долго сделался поприщем для самых темных и нередко бесчеловечных дел и событий. То, что ходило прежде по всей земле, собралось теперь в одно место. Мелкие и крупные самовластцы земли собрались в один, двор московского господаря. Междоусобие, ходившее по всей земле сосредоточилось теперь в одном городе и по необходимости приняло другой вид, взялось за другое оружие.

Собирание земли, к концу XV века, привлекло в Москву много князей и княжеских бояр — дружинников, которые из независимых, самовластных вотчинников сделались, волею или неволею, слугами московского вотчинника, его холопами. Все они однако ж понимали московского князя, как насильника, как одного из таких же вотчинников, который, как сильнейший, ради своего несытства, угнетением и притеснением, отнимал и вотчины, а с ними и свободу у других, слабейших, в том только и виновных, что не в силах

они были с ниш бороться и некуда им было уйти от его могущественной и жестокой руки. Все они московское *государственное* дело понимали личным делом московского князя, и почитали этого князя личным себе врагом, простым грабителем. Не мог, конечно, и московский князь, особенно в начале, сознавать, в полной мере и во всей чистоте, государственную, общеземскую высоту своего призвания; и он точно также понимал свою задачу не столько государственным смыслом, сколько смыслом вотчинника, смыслом личного владенья землею. Но по ходу истории в его вотчинническом деле воплощалось дело всей земли. Это самое, даже против его сознания, увлекало всю его деятельность на свой путь, на котором смысл вотчинника с жизненною постепенностью должен был претвориться в смысл государя, уже не вотчинника, а главного и первого слуги для всей земли. Но пока совершился такой выход истории, княжеская старина должна была по праву самой жизни прожить и отжить свой век, так сказать, в своем собственном теле. Как известно, в этом теле все члены были равны своею кру-

говою связностью. По крайней мере в нем была еще жива крепкая память о таком равенстве. Московский князь стал проводить новину, начал всеми силами выбиваться из этого равенства, а потому его борьба с своими сверстниками по происхождению и по старому дружинному праву по необходимости являлась только личной, в полном смысле такую же междоусобною борьбою, какая прежде терзала всю землю, а теперь должна была терзать государев двор. Московский князь выбивался из равенства отношений, а остальные князья и дружинники, собранные в его дворе, добивались этого равенства, т. е. добивались сохранить уже одряхлевшую старину в полной силе. Само собою разумеется, что борцы не разбирали средств, не останавливались ни пред какими средствами, чтобы сломить противника. Они жили в такой век, когда об этом много и не думали. Все они воспитаны были в тех понятиях, а главное в самых тех делах, которые свидетельствовали, что существует одно право для людских отношений, это — самовластное право сильного, и что это право принадлежит всякому, кто су-

меет им воспользоваться. И они употребляли всяческие средства, чтобы действительно им пользоваться. В Москве таким образом вгнездились столько олигархических начал, столько олигархических стремлений, что борьба с ними должна была продолжиться на целое столетие. Она же должна была вырастить свой страшный плод, этого неслыханного по кроворазлитию бойца в лице Ивана Грозного, который сам же в немногих словах, но вполне верно и точно определил истинный смысл своей личности и своей истории. Он писал Курбскому: «Похищенъем, или ратью, или кровью сел я на государство? Я народился на царстве Божьим изволенъем; я взрос на государстве... за себя я стал! Вы почали против меня больше стояти, да изменяти; и я потому жесточайше почал против вас стояти; я хотел вас покорить в свою волю...» [84]. Курбские и братия, конечно, не могли понять этих речей. Они готовили для русской жизни польскую форму государственной власти [85]. А русский земский смысл никак не мог понять польской. Формы, т. е. боярского владычества над землею и стало быть владычества боярской

челяди (шляхты). «Здесь не Польша, есть и больше», говаривал русский земский смысл, давая тем знать, что у него есть точка опоры, есть третье лицо, способное, рано ли, поздно ли, защитить его, стать на его сторону, т. е. в сущности стать на сторону законного суда и справедливости. Вот из за чего и шла долгая, большею частью подземная борьба в московском дворце, которая была московским только продолжением старой истории киевской, суздальской, рязанской, тверской и т. д.

Бой на открытом поле был проигран. Борьба силою сильного, равною силою, было уже невозможно, не мыслимо. В Москве, по необходимости представилось другое поле, на котором возможно было искать победы силою слабого. На этом поле нередко совершались удивительные дела. Сила слабого нередко становилась не в пример страшнее открытой силы. Какая ж была эта сила? Это была сила вообще угнетенных, поработченных людей, потерявших возможность вести открытую борьбу; сила тайных заговоров и козней, сила предательства, доноса, клеветы, сила всякого коварства, всякого потаенного *лиха*, и

особенно сила лихого зелья, т. е. порчи и отравы, которая, по суеверным представлениям века, являлась обыкновенно в образе волшебства и чародейства. Эта последняя сила сделалась страшилищем, пред которым трепетало все общество Москвы до последнего человека, сколько-нибудь значимого для подыскателей чужой гибели. От этой силы было мудрено укрыться даже в собственных хоромах, даже в самых сокровенных клетях этих хором. Она была ежеминутно направляема против всякого, забиравшего в свои руки какую либо власть, а тем больше власть государскую, дворовую. И само собою разумеется, с особенною энергиею, в начале, она была направляема против главного и непосредственного представителя самовластной идеи, против главного выразителя самовластных начал жизни и главного виновника самовластных дел, уничтожавшего всякую возможность прямого, открытого боя, всякое малейшее с ним совместничество. Тайная, скрытая, подземная вражда и ненависть к победившему самовластью, которое, к тому же, не переставало оскорблять, унижать и всяче-

ски изводить противную себе среду, — эта-то вражда и поднимала всевозможные ковы на государя. Она зорко следила за каждым шагом самовластителя, за каждым мелочным происшествием его домашней жизни, за каждым событием в его семействе. Собирался ли государь жениться, она портила его невесту и отнимала у него любимую женщину; она портила его супругу, его детей. Разводился ли государь с женою по случаю неплодия и женился на другой, она распространяла слух, что оставленная неплодная царица разрешалась от бремени наследником. Умирал ли у государя сын, она распространяла слух, что он жив и удален от царства лишь кознями близких к государю людей. В еству и питье, в платье и во всякую обиходную вещь она клала или всегда была готова положить лихое зелье и коренья, и на смерть, и на потворство, или прилюбленье, что равно было опасно. Конечно, по большей части, такие обстоятельства являлись одними только сплетнями, которыми обыкновенно боролись между собою мелкие самовластцы из боярства, низвергая ими друг друга с высоты государских милостей; но

бывали и настоящие дела. Нельзя было верить ни кому. Необходимо было беречься от людей всякими мерами. Известно, что при в. к. Иване Васильевиче, во время его домашней смуты с сыном Василием о наследии престола, даже его супруга, гречанка Софья, прибежала к ворожбе; и к ней приходили «бабы с зелием», отчего и с нею, с своею женою, государь должен был жить в бережении [86].

Что действительно жизнь и здоровье московского государя часто находились в опасности от козней потаенных врагов, на это указывает весь склад дворовых его порядков, получивших свое начало большею частью именно в то время, как сделался он самодержцем всея Руси. Эти-то дворовые порядки лучше всего и объясняют нам, что московский государь, не смотря на свою великую власть и грозное свое могущество, грозное могущество даже одного своего слова, не смотря на эту непомерную силу сильного, чувствовал, что он не имеет силы, чувствовал, что он находится в постоянной, самой крепкой; тесной и тяжелой осаде от силы слабого. Окончив с полным торжеством войны большими похо-

дами, войны открытые, явные для всей земли, он принужден теперь внутри своего двора вести иные войны, без всяких шумных и громких походов, войны тихие, медленные, никому неслышные и незримые, но еще более ожесточенные.

Чтобы понять всю силу этого нравственно-го растления, которое охватило все собравшиеся в Москве общество самовластцев и олигархов, необходимо войти в нравственный склад тогдашних убеждений; надо понять закон, который вообще в древнее время руководил всякою борьбою врагов. По тогдашним понятиям, защищать себя от врага, значило самому первому нападать на него; так, как и побеждать врага, значило совсем истреблять его. К тому же жизнь человеческая ценилась в то время очень дешево, несравненно дешевле всяких, даже эгоистических целей и стремлений: несравненно дешевле всякой, даже эгоистической необходимости. Как скоро цели и необходимости возвышались сколько-нибудь до общих интересов, то понятие о враге низводилось до понятия о простой ненадобной и вредной вещи, которую истреб-

лять почиталось делом естественным и обычным. Мы знаем, что такие понятия существовали в нашем обществе и особенно в среде государственных и олигархических стремлений, очень долго. Когда, при царе Алексее Михайловиче, сын Ордына-Нащокина бежал тайно за границу, то самый гуманный из древних наших царей, посылал к несчастному отцу подъячого с таким наказом: «Афонасью говорить, чтоб он об отъезде сына своего не печалился и в той печали его утешать всячески и великого государя милостью обнадеживать... о сыне своем промышлял бы всячески, чтоб его, поймав, привести к нему; за это сулить и давать 5, 6 и 10 тысяч рублей: а если его таким образом промышлять нельзя, и если Афонасью надобно, то сына его *известить там*, потому что он от великого государя к отцу отпущен был со многими указами о делах и с ведомостями. О небытии его на свете говорить не прежде, как выслушавши отцовские речи, и говорить, примерившись к ним. Сказать Афонасью; вспомни, что больше этой беды вперед уже не будет; больше этой беды на свете не бывает» [87]. Весьма понятно, что

в эпоху утверждения самовластных идей, в эпоху беспощадной кровавой борьбы этих идей, подобные убеждения принимались живее и воплощались в дело без всяких оговорок и гуманных соображений. И так как от открытой борьбы вести было уже нельзя, то враги и с той и с другой стороны очень часто вели ее скрытными подземными путями.

Самая страшная и наиболее опасная сила невидимых врагов, от которой государю действительно пришлось сесть в осаду, затвориться в своих хоромах, как в крепости, была, как мы упомянули, порча лихим зельем, отравы, а с нею нераздельно всякое волшебство и чародейство.

В тот суеверный век в самом деле трудно было отличить отраву от невинного ведовства и колдовства, зелье-корень вредное, от безвредного, ибо и то и другое являлось под одним покровом таинственных суеверных действий, в обстановке разных волшебных наговоров и заговоров, направленных на человека с различными целями, даже с целью привлечь к себе его любовь и милость; трудно было разобрать, где являлось пустое толь-

ко суеверие и где оно несло в действительности страшные средства отравы. Между тем явные всем дела, явная гибель некоторых лиц, именно от лихого зелья и порчи, указывали на одну только эту страшную силу чародейства. Вот почему пустая волшба и настоящая отрава становились одинаково опасными, возбуждали одинаковый страх везде, где обнаруживались и малейшие признаки лишь одного пустого суеверия.

Чтобы оградить и защитить себя от этого лиха, государю было необходимо жить каждый час с великими предосторожностями, необходимо было из своего дворца устроить в действительности самую недоступную и неприступную крепость. С этой целью и появились те дворцовые порядки, обычаи и обряды, которые способствовали такому отдалению государевой особы от его подданных. В руках суеверов-друзей и суеверов-врагов питье, еда, платье, всякая последняя мелочь домашнего обихода становились орудием их потаенных козней. Необходимо, было уберечь себя от этих козней и не только отдать весь домашний обиход в руки самых испытанных,

верных и преданных людей, но необходимо также было ежечасно испытывать эту верность и преданность. Необходимо было, чтобы напр. питье, как и ества, прежде чем дойдут в руки государя, постоянно испытывались всеми подающими в глазах принимающего. Ключник должен был испытывать, ставя еству на стол пред дворецким; дворецкий должен был испытывать, отдавая ее стольнику, несть перед государя; кравчий, принимая блюдо от стольника, должен был покушать в глазах государя прежде, чем ставить к нему на стол. «А чашник, как поднесет пить государю, сам отольет в ковш и выпьет, потом поднесет к государю». Тоже самое происходило и со всеми лекарствами, в случае государевой болезни. Опальный боярин Матвеев писал к царю Федору Алексеевичу, выставляя свои дворцовые заслуги: «какого лекарства после ваших государских приемов оставалось и те лекарства при вас великом государе, выпивал я, холоп твой... приняв у тебя, великого государя, рюмку, и что в ней останется, на ладонь вылью и выпью... Ваш государский чин обдержит, когда вы составы докторские изволи-

те принимать, и при вас, вел. государях, только чин исправляют, накушивают малейшую долю; а что я, холоп твой, выпивал, и то угождая тебе, в. государю, и чаял, паче, что усугблю милость твою государскую к себе» [88].

Такая же самая мелочная и усердная предосторожность являлась всюду, во всяком мелком и пустом деле, примеры чему мы увидим ниже и отчасти уже видели в 1 томе этого сочинения, стр. 206–207, при описании постельной комнаты.

Словом сказать береженье государского здоровья, как и здоровья всех членов его семьи, от напастей волшбы и порчи, было ведено во всем дворце до того осмотрительно и наблюдалось с таким необычайным вниманием ко всякой сомнительной, а след. и подозрительной мелочи, что в этом отношении государевы хоромы становились совершенно неприступными. Это была крепость, защищенная самым надежным и самым тяжелым нравственным оружием — подозрительностью, которая, как мы сказали, мало доверяла даже самым верным и испытанным людям. Само собою разумеется, что для укрепления

этой крепости от напастей всякого нравственного зла прежде всего требовалось укрепить всех защищавших ее людей нравственной ответственностью. Сколько бы ни были они верны, надобно было эту верность запечатлеть святою присягою, крестным целованьем. Является надобность в крестоцеловальных записях, который сначала принимались на каждый частный, отдельный случай, а впоследствии вошли в одну общую государственную запись клятвы вообще на службу государю.

Если в первое время борьбы самовластных стремлений потребовались клятвенные крестоцеловальные записи в том, чтобы не отъехать, не убежать от государя, не изменить ему, то еще необходимее было требовать таких же клятвенных записей от лиц, служивших *во дворе* государя, служивших прямо и непосредственно его лицу. Вот почему, мы думаем, что такие записи должны были появиться в то самое время, как только московский государь стал постепенно усаживаться в своем дворце, как в крепости, от злых потаенных козней. К тому же и требования подоб-

ных записей не могли ограничиться общими словами, как было в общих записях, где в общих выражениях «*лиха* никакого ни как не хотети, не мыслити, не думати, ни делати никакими делы, ни которою хитростью» — скрылись все частные подробности, все роды и виды лихих дел. Здесь, напротив, эти роды и виды лихих дел необходимо было поименовать ясно и отчетливо, прямо указать на них, прямо обозначить то, в чем именно обнаруживалось лихое дело. Мы должны также иметь в виду, что в запись клятвы вносились указания на совершившиеся уже факты лихих дел, которые и приводились в ней, как примеры того, что в действительности бывало. В. К. Василий, отец Грозного, даже в общую запись внес клятву: «*озелье о лихом*, кто станет говорити, чтобы дати государю или его в княгине, или их детем, какое *зелье лихое...*» [89]. Таким образом, мы имеем полное основание заключать, что в частных, так сказать, видовых клятвенных записях, какими были все записи дворовых людей, содержалось еще больше подробностей.

К сожалению любопытный текст этих за-

писей не дошел до нас. Впервые мы встречаем подробные обозначения лихих дел только в известной *подкрестной* записи Годунова. В ней лихие дела обозначены следующим образом: «так-же мне над государем своим, д. и в. к. Борисом Федоровичем в. р., и над царицею и в. к. Марьею, и над их детми, над царевичем Федором и над царевною Оксиньею, в *естве* и в *питъе*, ни в *платъе*, ни в ином ни в чем лиха никакого не учинити и не *испортити*, и *зелья* лихого и *коренья* не давати, и не велети мне никому *зелья* лихого и *коренья* давати; а кто мне учнет... давати, или мне учнет кто говорить, чтоб мне над государем... и над царицею, и над их детьми, какое лихо кто похочет учиняти или кто похочет *портити*, и мне того человека никако не слушати и *зелья* лихого и *коренья* у того человека не имати; да и людей своих с *ведовством*, да и со всяким лихим *зельем* и с *кореньем* не посылати, и *ведун*ов и *ведунец* не добывати... на государское— на всякое лихо; также государя... и его царицу— и их детей, на *следу* всяким *ведовским* мечтанием не *испортити*, ни *ведовством* по *ветру* никакого лиха не насылати и

следу не выимати, ни которыми дела, ни которою хитростью; а как государь... и его царица... и их дети, куды доедут или куды пойдут, и мне следу волшебством не умышляти и всяким злым умышленьем и волшебством не умышляти и не делати ни которыми дела... а кто такое ведовское дело похочет мыслити или делати, и яз то сведаю, и мне про того человека сказати государю... а у кого уведаю или со стороны услышу... кто про такое злое дело учнет думати и умышляти... или кто похочет государя... царицу... и их детей, кореньем и лихим зельем и волшебством испортити, и мне того поймати и привести к государю.... а не возмогу того поймати, и мне про того сказати государю... или его бояром, или ближним людем, которому то *слово* донести до государя...»

Г. Соловьев перечисление в этой записи особенных видов зла, приписывает мелкodusию и подозрительности Годунова, присовокупляя, что: «еслиб Годунов по своему нравственному характеру был в уровень тому положению, которого добивался, то он не обнаружил бы такой мелочной подозрительности,

какую видим в присяжной записи и в этом стремлении связать своих недоброжелателей нравственными принудительными мерами...» И далее: «Годунов... явился на престоле боярином и боярином времен Грозного, неуверенным в самом себе, подозрительным, пугливым, неспособным к действиям прямым, открытым, привыкшим к мелкой игре в крамолы и доносы, не умевшим владеть собою...» [90]. Таким образом Годуновская запись в своих подробностях доставляет историку одну из тех красок, которыми он изображает этот характер, обвиняя его в мелочной подозрительности. Нам кажется, что обвинение Годунова со стороны его записи в мелкoduшии, в мелочной подозрительности, не имеет надлежащего основания. В этом с такою же справедливостью мы должны обвинить поголовно всех царствовавших самодержцев до Петра, который первый стал выше всякого мелкoduшия и всякой мелочной подозрительности, господствовавшей в московском дворце, приводившей в ужас все сердца и все умы в течении двух столетий, в течении именно того времени, в которое са-

мовластная идея жила еще, так сказать, в личном образе государя, не переходя еще во всенародный образ государства, как выразил эту идею Петр. Как скоро личное перешло в общее, то сделались совершенно ненужными, излишними и все действительно мелочные заботы о сохранении лица. Но до этого времени самовластная идея, в самовластной же олигархической среде, иначе и не могла существовать, как охраняя себя самую зоркою и мелочною подозрительностью. Ее друзья были еще очень слабы и потому очень изменчивы, а враги были очень сильны, сильны были всеобщим нравственным растлением, криводушием, коварством, изменою, предательством и т. д. Годунов в этом отношении поступал так, как поступали его предшественники и его преемники. Он ничего не сделал особенного, в чем можно было бы обвинить одну только его личность. Вся особенность его записи заключается в поименовании только нескольких видов того *лиха*, от которого так берегли себя самодержцы. Но эта особенность объясняется тем, что в текст общей, так сказать, государственной записи он внес, по все-

му вероятно, тексты записей частных, по которым клялись *дворовые* люди, служившие у государева лица. Здесь вся его вина и все его мелкодушные и особая подозрительность. Мы вообще полагаем, что текст годуновской записи не есть его сочинение, а есть свод записей прежде существовавших, составленных по крайней мере еще при Грозном, хотя их начало можно отнести и к более раннему времени. Необходимо однако ж припомнить, что сам Годунов находился в особенном, исключительном положении, которое без всякого сомнения привело его к этой особенности и в составлении общей подкрестной записи. Он имел неисчислимо больше врагов, чем каждый из его предшественников и преемников. Он имел сильных соперников в боярстве, в родственниках царя Федора, след. врагов личных. Было необходимо обуздать вражду «нравственными принудительными мерами» т. е. крестным целованьем. Из записи Годунова мы видим, что зло порчи и отравы было сильно в то время, а потому были необходимы и сильные нравственные меры против этого всенародного зла; единственною же

нравственной мерою в этом случае была только присяга. Если б запись Годунова служила в самом деле выражением одной только личной мелочной подозрительности и личного мелкодушия, — она не сохранила бы и следа в домашних порядках царского двора. Мы, Однако ж, видим, что высказанные в ней требования и даже самые виды лихих дел сохраняют свой жизненный смысл и у преемников Годунова, из которых даже и самого царя Алексея Мих. можно обвинить в тех же годуновских винах, т. е. в мелочной подозрительности и стало быть в мелкодушии.

Но прежде, чем объяснять душевные побуждения тех или других исторических личностей, мы должны раскрыть нравственную сферу, в которой они жили и действовали и которая, как сила необходимости, ставила каждую личность в полную зависимость от своих положений и определений. Мы упоминали, что волшебство, чародеяние не было, да и не могло быть отделено в своем значении от действительного лиходейства. Предки наши, люди вообще умные и практические, очень хороши понимали, что значительная

доля ведовских действий безвредна. Они это знали по опыту; но они знали также по опыту, что волшбою портили людей, делали положительный вред их здоровью; в это они глубоко и искренно веровали не по одному только суеверию, а по опыту целых веков. Различить вредное лихое, от безвредного, вздорного, они не имели ни какой возможности и по необходимости принуждены были с самою мелочною подозрительностью, преследовать всякий малейший признак лихого действия. Вообще ведовство, волшба в то время вовсе не были мечтою, как обыкновенно мы теперь их понимаем. В их образе, во всех наиболее важных случаях, являлась всегда действительная гибель, т. е. порча или самая отрава. Это были языки, заражавшие весь народный организм, и действовавшие с особою силою там, где больше скоплялось нравственного зла. Суеверная, мифическая сторона волхвования и чародейства была только оболочкою, под которою скрывалось большею частью настоящее *лихо*. От этого волхвование и возбуждало такой панический страх везде, где только оно вскрывалось. И мелкая, и ве-

ликая душа, равно приходили в ужас, равно трепетали от его потаенных действий и становились до крайности подозрительными, ибо дело касалось здоровья, самой жизни, и вовсе не представлялось мечтою, когда люди зазнамо изводились, умирали от зелья и коренья.

Вот почему лихое зелье и коренье и всякие лихия дела волшбы получают место даже в клятвенных целовальных записях на верность государю, а волхвы и бабы-ворожеи почитаются общественным злом, наравне с скomorоxами, татями и разбойниками.

Текст Годуновской подкрестной целовальной записи в сокращении, относительно видов порчи, переходит в записи Лжедмитрия и Шуйского; в сокращении и по той еще причине, что для этих царей не подробности требовались, а скорое составление записи, да и враги у них были совсем иные, явные и открытые. В том же сокращении этот текст существует в записях царей Михаила, Алексея и Федора. При Алексее в общей записи говорится только, чтоб *их государское здоровье во всем оберегати и никакого лиха им не мысли-*

ти. Но за то в частных записях сохранен этот сокращенный текст с некоторыми прибавками. Если в этом сокращенном тексте мы не находим указанных Годуновым нескольких видов порчи, то это нисколько не изменяет сущности дела, т. е. не изменяет значения мелочной подозрительности, в которой был вообще грешен весь московский двор, а не один какой либо человек в особенности, ибо в целовальных записях для дворовых людей, даже при царях Михаиле и Алексее, находятся подробности, которых не касалась и запись Годунова, разумеется, потому только, что имела более общий государственный характер. Мы не говорим уже о том, что сила годуновской записи во всей своей жизненности являлась при каждом малейшем случае ведовства и колдовства, которое открывалось во дворце. На это указывают подлинные сыскные дела о ворожеях и колдуньях, и о всяких подозрительных действиях дворовых людей в течении всего XVII ст., когда государева особа была уже совершенно безопасна от толпы *личных* завистников и соперников, от которых принужден был уберечь себя Году-

нов. С большею основательностью и справедливостью мы могли бы упрекнуть в излишней мелочной подозрительности именно государей, царствовавших по праву всенародного, чисто земского и самого искреннего избрания.

Известна крестоцеловальная запись времени царя Алексея Михайловича (1653 г.), в которой, в общем изложении присяги сказано только: «государское здоровье во всем оберегати, и никакого лиха не мыслити»; но зато в особых *приписях*, по которым отдельно присягал каждый чин, указаны и особые подробности, какими обозначалась должность этого чина.

Кравчий присягал: «ничем государя в естве и в питье не испортити, и зелья и коренья лихова ни в чем государю не дати, и с стороны никому дати не велети, и лиха никакого над государем некоторыми делы и некоторою хитростью не делать; а будет я услышу от кого ни сведаю какое дурно или какое злое умышленье или *порчу* на государя и мне про то сказати государю...» *Казначей*: «над государем, царицею и их детьми никакова лиха не

учинити, и зелья и коренья лихова в платье и в иных ни в каких в их государских чинех не положити...» *Постельничий*: «в их государском платье, и в постелях, и в изголовьях, и в подушках, и в одеялах, и в иных во всяких государских чинех никакова дурна не учинити, и зелья и коренья лихова ни в чем не положити...» *Ясельничий и конюшенный дьяк*: «зелья и коренья лихова в их государские седла, в узды, в войлоки, в рукавки, в плети, в морхи, в наузы, в кутазы, в возки, в сани, в полсть в санную, в ковер, в попонку и во всякой их государственной в конюшенной и в конской наряд, и в гриву, и в хвост у аргамака, и у коня, и у мерина, и у иноходца, — самому не положить и никому конюшенного чину и с стороны никому положити не велети, и некоторого зла и волшебства над государем... не учинити... и всякого конского наряду от всяких чинов людей конюшенного приказу и от сторонних людей во всем беречи накрепко и к конюшенной казне и к нарядом сторонних людей не припущати...» *Стряпчие*: «в платье и в полотенце и во всякой стряпне коренья лихова не положити...» *Жильцы*: «ни в чем го-

сударя не испортити и зелья и коренья лихова в его хоромах и в палатах и инде ни где не положити.» *Дьяки казенные* (казенного двора): «в государское платье, в бархатах, камках, в золоте, серебре, в шелку и во всякой рухляди — зелья и коренья лихова не положити... и государя, царицу и их детей ни чем не испортити...» *Шатерничие*: «под государские места (троны и кресла) и в зголовья, и в полавочки, и в шатрах, и во всяких государских чинех зелья и коренья лихова ни в чем не положити...» [91].

Дворовые люди царицына чина, истопничий, дети боярские и пр., при царях Михаиле и Алексее, давали следующую присягу: [92] «лиха ни которого не хотети и не мыслити, и в естве, в питье, в овощах, в пряных зельях и в платье, в полотенцах, в постелях, в сорочках, в портах, лиха никакова не наговаривати и не испортити отнюдь ни в чем, некоторыми делы...»

Верховья боярыни: «лиха не учинити и не испортити, зелья лихова и коренья в естве и в питье не подати и ни в какие обиходы не класти и лихих волшебных слов не наговарива-

ти... над платьем и над сорочками, над портами, над полотенцами, над постелями и надо всяким государским обиходом лиха никоторого не чинити».

В таких же почти выражениях давали присягу кормилицы царских детей, а вероятно и все другие придворные женщины, при чем всегда вставлялись и особые речи, соответствующие той или другой должности.

Эти записи и приписи отличаются от Годуновской только некоторым обобщением лихих волшебных дел и тем самым могут указывать, что Годуновская запись составлена так сказать, по горячим, еще живым следам разнообразных приемов волшебства и порчи, а потому она и поименовывает самые эти виды лихих дел. Как бы ни было, но все эти клятвы служат для нас только слабым отражением того несказанного зла, которое гнездилось в московском дворце. Их короткие слова не в состоянии ввести нас в этот мир ежеминутного страха и трепета, в этот мир до крайности чутких и до крайности мелких подозрений, которые лежали тяжелым гнетом над всем населением дворца, вынуждали его обитате-

лей зорко подсматривать друг за другом; развивали ябедничество, наушничество, донос; растлевали общество всеми пороками мелкого коварства и предательства. Пустое дело, пустое слово тотчас являлось государственным преступлением возбуждало страшные розыски, немилосердые пытки и всегда оканчивалось, если не полною гибелью, то полным разорением виновных, ссылкой и подобными житейскими несчастиями. Государева особа охранялась не народною любовью, а ужасом доноса, розыска, пытки, ужасом знаменитого слова и дела, которого настоящий смысл народился именно в дворцовых покоях и оттуда уже распространился на всю землю. Все это были неизбежные последствия той ожесточенной борьбы самовластных и олигархических стремлений, которая вращалась в московском дворце со времени соединения всей земли в одно самодержавие.

* * *

Когда вопрос о неограниченном самовластии или, что одно и то же, о неограниченной самостоятельности московского государя был решен окончательно; когда его личность со-

всем и уже навсегда выделилась из среды родовых и дружинных определений и облеклась небывалою до того времени самовластною и самодержавною волею, равно для всех грозною, не выключая и его родных братьев, дядей и других ближних родственников и свойственников; когда, таким образом, даже и самые права родства были упразднены во имя прав личности, т. е., на первое время, во имя только самовластной или самостоятельной идеи государства, представителем которой явилась одна только личность государя в государях, большого, великого государя, сознававшего теперь всю русскую землю не совокупностью различных господарств, а единым, своим собственным господарством, своею неотемлемою вотчиною; — когда все это совершилось, то все, независимые прежде самовластцы, князья-родичи и думцы-дружинники, по необходимости должны были уразуметь, что положение их в государевой вотчине есть положение домочадцев, слуг, а по просту — положение холопов. Они перед государем и называют себя уже холопами. Даже пожилой дядя государев, Андрей Иванович

Старицкий, перед малолетним своим племянником, государем Иваном (Грозным) именуется себя холопом. Так переставились старые обычаи. В этом-то слове *холоп* заключился теперь весь смысл отношений боярских к особе государя и друг к другу. Старое начало более или менее независимых дружинных или родовых отношений стало постепенно перерабатываться в новое начало отношений холопских, во всей полноте известного нравственного склада и характера таких отношений. Самовластные, олигархические стремления боярства нашли себе, по необходимости, другой путь. Отъезжать, поднимать междоусобную войну с государем, мутить землю, разносить землю розно, теперь было уже невозможно. Теперь по необходимости, они должны были сосредоточиться около одной цели, около той цели, чтобы войти в особую близость к государю, в особую его милость и его же милостью забрать его власть в свои руки. Особая милость господина всегда давала холопу и особое самостоятельное, т. е. самовластное значение. В стремлениях к такой цели необыкновенно важным делом для холо-

пов-олигархов становилась государева женьитьба, посредством которой можно было вступить, с государем в родство и в свойство, след. приобрести его милость самым легким способом, без всяких особенных заслуг или талантов. Милость же государя в таких обстоятельствах ставила человека на первое место и в управлении государством.

Необходимо помнить, что наше государство произошло не из слияния каких либо самостоятельных, независимых друг от друга земских сил, а произошло прямо и непосредственно из «вотчины»; почему и самое управление государством было построено на личном, чисто вотчинническом, прямо помещичьем начале. Оно не было делом обидим, от всей земли, оно было делом собственника, было делом *дворовым*, делом его дворовых людей, из которых всегда и составлялось так называемое правительство. Государством управляли не государственные, т. е. народные земские силы, а управляли им силы государева двора, которые, скрытно, всегда первенствовали и в боярской думе. Разумеется, при вотчинном значении управления другого по-

ложения вещей и быть не могло. И государством, как и самим государем, в таком случае, всегда управлял какой либо один род, одна партия особенно близкие к государю, его домашних людей. А такими людьми по весьма понятным причинам очень часто являлись его родственники по жене — царице. Вот почему государева женитьба приобретала для всего Двора, для всего правящего общества Москвы великий, самый жизненный смысл.

Государева невеста, восходя на степень великой государыни царицы, тотчас же вводила за собою в близость к государю своих родичей и родственников, которые очень скоро, становились, если не в боярской думе, то на самом деле, людьми сильными, влиятельными, становились временщиками; ибо в иной форме, по духу вотчинного управления, не могла и выразиться приближенная к государю власть. Новые временщики, само собою разумеется, должны были вытеснить из дворца, удалить от государских милостей старых друзей государя, прежних временщиков. Таким образом, было о чем подумать людям, стоявшим подле государевой особы. Конечно,

такие думы с большею силою поднимались в то время, когда был введен обычай выбирать государю невесту из всех девиц служилого, в собственном смысле господарского сословия, которое впоследствии должно было оставить за собою одно только, соответственное этому самому смыслу, имя дворян.

В эпоху дружинных отношений в. князь женился на княжнах своего же рода, на дочерях удельных князей, иногда на иноземках, также княжеского рода; а также и на дочерях знатных дружинников бояр, и даже на дочерях новгородских посадников. Тогда браки руководились именно дружинными отношениями родов, отношениями равенства.

Но когда московский в. князь стал самовластным, самодержавным государем всея Руси и все удельные князья, вместе с дружинниками боярами сделались его холопами, то представилось великое затруднение относительно его женитьбы и даже браков его сыновей и дочерей. Старое юридическое понятие, что «по рабе холоп» не дозволяло уже брака с подданными, с своими слугами, холопами. Сверх того это противоречило всем

помыслам московского государя, стремившегося выделить свою особу именно из среды, которая все еще полна была притязаниями своей равноправности с ними, т. е. из княжеской и боярской среды.

В первое время господарские стремления в. князя были удовлетворены вполне: он женился вторым браком уже на греческой царевне (Софье). Этот брак придал особенно высокий, прямо царственный смысл особе государя и своим примером требовал и на будущее время соответственных ему по значению брачных связей, по крайней мере для государевых сыновей, наследников престола. Иван Васильевич успел женить (в 1482 г.) своего старшего сына на дочери Молдавского воеводы и господаря, православного по вере, а дочь Елену в 1495 г. выдал за Литовского короля и в. князя Александра. Затем московский государь много хлопотал о том, чтобы поженить и других своих сыновей на иноземках из владетельных родов. С этой целью он вел переговоры с дочерью Еленою, которая, живя, в Литве, имела способы узнать, где за границею есть невесты для ее братьев. «Сын мой Васи-

лий, а твой брат, говорил он дочери, и мои дети, Юрий и Дмитрий, а твоя братья, дал Бог, того доросли, что их пригоже женити, где будет пригоже; и ты бы, дочка, отведала: у которых государей греческого закона, или римского закону, будут дочери, где бы пригоже мне сына своего Василия женити; или у которых и не у великих государей будут дочери или у государских детей, которые будут на государстве... где взведаешь и ты нам пришли сказать с нашимя бояры». В. князь указывал, нет ли невест в Венгрии у деспотов Сербских, ибо то были православные; искал невест в Германии у Маркрабья Бранборского, присватывался за Датскую королевичну; но все старания и хлопоты были напрасны. Было много причин, по которым такие браки становились делом до чрезвычайности затруднительным и уладить его было почти совсем невозможно. Великою помехою служило во первых различие веры, а главное то, что Европа еще очень мало была знакома с Московским Государством, которое представлялось ей дикою пустынею, населенною чуть не кочевыми варварами, в роде гуннов или татар.

Оставалось покориться необходимости и выбирать себе невесту из подданных. Но как же следовало поступить в этом важном деле, чтобы устранить силу семейных преданий, старых отношений, указывавших все-таки на невест из знатных княжеских и боярских родов, которые, хотя и сравнялись именем холопов со всеми подданными, но все еще сохраняли свое высшее значение в государстве и родниться с ними по этой причине было гораздо ответственнее, прямее, согласнее с обычаем и со всем складом тогдашних понятий о родовой чести, не допускавшей вообще большого неравенства в браках.

Не желая посредством брака с каким либо из знатных родов возвышать его значение, искусственно создавать в нем совместника себе, совместника своему самодержавному роду, государь принужден был вывести этот вопрос из сферы прежних дружинных княжеских, т. е. частных отношений, в сферу отношений общих, чисто государственных; он принужден был опереться на массу и установить выбор невесты общий, так сказать все-народный, без всякого лицепрятия в пользу

каких либо преданий или личных отношений и связей, а руководясь только непосредственными прямыми достоинствами невесты, как женщины доброй, «ростом, красотой и разумом исполненной», к какому бы малому роду она ни принадлежала.

В. князь Иван Васильевич выбрал невесту для своего наследника, сына Василья, из тысячи пятисот девиц, вызванных на смотрины от помещиков или служилых людей всей земли.

Этим действием была порвана одна из последних нитей, еще связывавших государя с княжескою и боярскою средою. Оно выводило его отношения к этой среде на полную свободу. Домашнее личное государево дело становилось в этом случае делом общим, всенародным, общественным, в полном смысле государственным, что, конечно, в понятиях народа еще более возвышало личность государя, обобщало ее, ставило эту личность выше всех в русской земле. Государь женился и выбирал себе невесту не из привилегированной среды княжеских родов, как бывало в то время, когда он находился в равенстве с этою средою,

сам принадлежал к этой же среде, т. е. к тому же княжескому роду, был одним из многих, — теперь, представляя собою уже особый царский самодержавный род и не находя невесты в совместном себе таком же царском или княжеском владетельном роде, он брал ее всенародно из семьи всего служебного сословия. Теперь уже только этот общий земский род мог соответствовать роду великого государя, соответствовать новому царственному значению московского государя, как государя всея Руси.

Но если такой смысл могла иметь женитьба самого государя, или его наследника и вообще государевых сыновей, то в отношении замужества дочерей дело получало совершенно обратный смысл. Государь, вступая в брак с невестой, избранною всенародно, из всей служилой среды, не мог тем унижить своего царственного достоинства, напротив он возвышал сбою личность придавая ей общенародное значение ибо кто же, кроме государя, имел право всенародно избирать себе невесту. Но выдавая дочь за кого либо из подданных хотя бы и самых вельможных и знатных,

он возвышал тем личность этого подданного до несоответственного ей государского достоинства, и вместе с тем унижал собственный царственный род до значения своего слуги. Все это сильно противоречило здравому государственному смыслу, которым всегда отличались московские в. князья и вот почему для государевых дочерей брачное состояние потом совсем закрылось: они были принесены в жертву государственной необходимости. В XVII ст. Котошихин следующим образом объяснял этот печальный исход государственной предосторожности:

Сестры царские или и дочери, царевны, имея свои особые покои розные, живут, как пустынницы, «мало зряху людей и их люди; но всегда в молитве и в посте пребываху и лица свои слезами омываху, понеже удовольствие имеяй царственное, не имеяй бо себе удовольствия такого, как от Всемогущого Бога вдано человеком совокуплятися и плод творити. А государства своего за князей и за бояр замуж выдавати их не повелось, потому что князи и бояре их есть холопи и в челобитье своем пишутся холопьями. И то поставлено в

вечный позор, ежели за раба выдать госпожу. А иных государств за королевичей и за князей давати не повелось, для того, что не одной веры и веры своей оставить не хотят, то ставят своей вере в поругание. Да и для того, что иных государств языка и политики не знают, и от тогоб им было в стыд».

Мы упомянули, что в. к. Василью Ивановичу невеста была избрана из 1500 девиц. Так свидетельствует современник Василия, Герберштейн. «С общего совета, говорит он, были собраны в одно место дочери бояр, числом 1500, для того, чтобы князь выбрал из них супругу по желанию». Он объясняет также, что такой, общенародный, выбор невесты сделан был по совету великокняжеекого казначея, грека Юрья Малого (Траханиота), который был самым приближенным лицом у в. князя и надеялся будтобы, что Василий возмет себе в супруги его дочь. Но хитрые замыслы неудались и в. князь избрал в невесты Соломаниду Сабурову, дочь незначительного дворянина Юрья Конст. Сабурова. Все это могло быть так, как рассказывает Герберштейн о происках придворного грека. Но недолжно думать, что

установление всенародного избрания государевой невесты произошло именно из этого частного, случайного обстоятельства, каким представляется замысел государева казначея. Оно, как мы говорили, явилось делом государственной необходимости и должно было, на общем совете, утвердиться какими либо, тоже государственными примерами. Только подобные примеры и могли действовать наиболее убедительно на государеву думу, как и на самого государя. Грек Юрий, без сомнения очень хорошо помнивший византийскую старину, выставил, по всему вероятно, готовый и вполне достойный образец для подражания Московскому государю, это — древний обычай византийской империи, где для молодых императоров точно также невесты избирались со всей земли. Точно так, напр., императрица Ирина выбрала невесту для своего сына Константина, с которым она царствовала вместе. Подробный рассказ об этом событии находим в старинном житии св. Филарета Милостивого [93], которое вообще очень любопытно и в археологическом отношении по изображению византийского быта в конце

VIII столетия. Многие черты этого быта носят в себе вполне родственное сходство с нашим бытом XVI и XVII ст., и тем показывают, что они некогда служили образцами для нашей культуры. Вот что повествует это житие об избрании царской невесты.

Посланы были смотреть для царя невесту нарочитые мужи по всей земле греческой, от востока до запада, от юга до севера. Питание всюду творяху, они пришли между прочим в страну Понтийскую, в среду земли Вофлагонские, в весь, глаголемую Амния. Здесь царевы послы остановились на отдых в доме св. Филарета, у которого, кроме детей, были еще и три внучки девицы. После пира, чудом устроенного, ибо в это время св. старец, прожив уже все свое великое богатство на милостыню, находился в бедности, послы спросили: естьли у него подружие — супруга-хозяйка. Получив утвердительный ответ, они сказали старцу: да внидет теперь сюда подружие твое, яко да лобзает нас. Она ж, призвана, вниде. Увидавши ее, красну и добротую сияющую, хотя уже в старости суцу, послы спросили: естьли у них дщери и внучки невесты? Стари-

ки отвечали, что есть, три дочери замужем, а три внучки уже невесты. Послы объявили, что желают видеть отроковиц, ибо изыскивают дарю невесту, «так заповедано бысть, да не утаится от нас в греческой земле ни единая девица, ее же мы не увидим». Старец, упокоивая гостей, попросил отложить смотрины до утра. Когда, утром, послы стали требовать: да приведут юные госпожи на среду, да видим их, — старец ответил им, что, по обычаю, у них мало выходят к гостям даже и жены, а девицы николиже исходят от худых храмин своих; если хотите, прибавил он, незлобно послушайте нас: вшедше во *внутреннюю храмину*, сами посмотрите их. Послы согласились и пошли смотреть девиц в их терем. Там три невесты в сопровождении своей матери встретили их с подобающею почестью. Послы обрадовались, увидя доброту девиц и преизлишнюю красоту их лиц; потом же меру цареву имуще, по всему, идеже ею пытающе, искаху, и сию взявше, меряху, и обретоша ровну на первой выучке блаженного старца; бяше бо та возрастом вышши двоих сестр своих, именем Марья; и сию, часа того, царицу и гос-

пожу си нарекоша. Посем же, безчисленого веселия исполнившись, поимши вси три отроковице со отцем и с матерью и со блаженным дедом и бабою и со всем родом и племенем их, числом тридесять с ними всих их... избрашаже и иных юных девиц от иных мест, числом десять их, в нихже бе и Геронтея некоего дщи, и та дображ видением... Всих сих ведяхуть ко царю в палату его». Мария в это время обратилась к своим подругам с следующими словами: «госпожи мои и сестры! Послушайте моего худого разума совета: из всех нас царь выберет одну. Согласишься так: кого из нас изберет царь в царицы, да не покинет она на своей царской высоте и прочих своих сверстниц по выбору. И да будет нам всем общая радость». Между тем Геронтиева дочь возносилась своими достоинствами: умом, красотою, богатством, благородием и уверяла, что непременно будет обручена царю. Она и была первою введена на испытание к цареву наперснику Ставрокию. Но гордая не была избрана. Подав ей даяния (дары), ее отпустили во свояси. Исполнися Соломоне слово: «Господь гордым противляется, смирен-

ным же дает благодать».

Потом ввели на смотрины Марию с дедом и с бабою, со отцом и с матерью, с сестрами и со всем родом и племенем. Царь Константин и царица Ирина и наперсник Ставрокий удивились образу их и украшению и устройению, и в той час чистолепную Марию обручил себе царь, и велечудною сватьбою взял за себя... Вторую сестру царь отдал за одного из своих вельмож, патрикия саном; третью же послал, умирения ради, к Лоуговарду (Лонгобарду) Аргусию именем, со многими дарами, и та убо царицею бысть за ним. Прочих девиц, одарив, роздал за муж за великих вельмож, по молению царицы Марьи, еже рече: ей же даст Бог, да помянет (не оставит) прочих. За тем весь род и племя Марии от старого и до младенца, царь одарил всяким именем и стяжаньем, богатым одеянием, златом, камением честным, драгим бисером, домами великими и славными... [94]

Так иногда совершались выборы невест у царей византийских, так по необходимости они стали совершаться и у московских государей, следовавших во многом своим перво-

образам по устройству государственных и царских домашних порядков.

О том же первом браке в. к. Василия, совершенном по всенародному избранию невесты, свидетельствуют кроме Герберштейна, и другие иностранцы, тоже современники Василия. Павел Иовий обозначает это избрание уже как бы общим установлением, давним обычаем. «Московские государи, говорит он, желая вступить в брак, повелевают избрать из всего царства девиц, отличающихся красотою и добродетелию и представить их ко двору. Здесь поручают их освидетельствовать надежными сановникам и верным боярыням, так что самые сокровенные части тела не остаются без подробного рассмотрения. Наконец, после долгого и мучительного ожидания родителей, та, которая понравится царю, объявляется достойною брачного с ним соединения. Прочия же соперницы ее по красоте, стыдливости и скромности, нередко в тот же самый день, по милости царя, обручаются с боярами и военными сановниками. Таким образом московские государи презирая знаменитые царские роды, подобно оттоманским

султанам, возводят на брачное ложе девиц большею частью низкого и незнатного происхождения, но отличающихся телесною красотою».

Франциск-да-Колло рассказывает следующее: «в. к. Василий, вздумав жениться (это было еще при его отце), обнародовал во всем государстве, чтобы для него выбрали самых прекраснейших девиц, знатных и незнатных, без всякого различия. Привезли их в Москву более пятисот: из них выбрали 300, из трех сот 200, после 100, наконец только десять, осмотренных повивальными бабками; из сих десяти Василий избрал себе невесту и женился на ней (на Соломонии): Однако ж не имел удовольствия быть отцом, и потому не весьма уважал супругу, так что я, находясь в Москве, должен был ходатайствовать о свободе брата ее, сидевшего в темнице за легкую вину» [95]. Противоречие сказаний Герберштейна и Франциска-да-Колло о 4500 и 500 девицах весьма согласимо с истиной, ибо цифра 1500 могла обозначать все число девиц-невест, которые были написаны в выбор, соответственно тем качествам, какие требовались для го-

сударевой невесты.

С порядком предварительного выбора, по разным местностям, нас знакомят отчасти самые грамоты, которые в это время рассылались ко всем помещикам или служилым людям. Из них мы узнаем, что в областные и другие города посылали доверенных людей из окольных или из дворян с дьяками, которые заодно с местною властью, с наместником или воеводою, и должны были пересмотреть всех девиц назначенного округа. Между тем по всему округу, во все поместья пересылалась государева грамота с наказом везти дочерей в город для смотра. Помещики собирались с невестами и затем избранных везли уже в Москву. Для многих, вероятно по бедности, этот местный съезд был делом не совсем легким и потому иные не слишком торопились исполнять царский наказ. По случаю первой женитьбы царя Ивана Васильевича зимою 1546–1547 года, были разосланы следующие грамоты, текст которых для удобства в чтении мы несколько поновляем.

«От великого князя Ивана Васильевича всея Руси в нашу отчину в Великий Новгород,

в Бежицкую Пятину, от Новгорода верст за сто и за полтора и за двести, князем и детям боярским. Послал я в свою отчину в Великий Новгород окольникового своего Ивана Дмитриевича Шеина, а велел боярам своим и наместникам князю Ю. М. Булгакову да Василью Дмитриевичу да окольному своему Ивану смотрити у вас дочерей девок, — нам невесты. И как к вам эта наша грамота придет, и у которых у вас будут дочери девки, и выб с ними часа того ехали в Великий Новгород; а дочерей бы у себя девок однолично не таили, повезли бы часа того не мешкая. А который из вас дочь девку у себя утаит и к боярам нашим... не повезет, и тому от меня быть в великой опале и в казни. А грамоту посылайте меж себя сами, не издержав ни часа». Другая: «в Вязму и в Дорогобуйг князем и детем боярским дворовым и городовым. Писал к нам князь Ив. Сем. Мезецкой да дворцовой дьяк Гаврило Щенок, что к вам послали наши грамоты, да и свои грамоты к вам посылали, чтоб по нашему слову вы к ним ехали с дочерьми своими, а велел я им смотрити у вас дочерей, себе невесты. И вы де и к ним не

едете и дочерей своих не везете, а наших грамот не слушаете. И вы то чините не гораздо, что наших грамот не слушаете. И выб однолично часа того поехали с дочерьми своими ко князю Ив. Сем. Мезецкому да к дьяку. А которой из вас к ним с дочерьми своими часа того не поедет, и тому от меня быти в великой опале и в казни. А грамоту посылайте меж себя сами, не издержав ни часу [96].

Через месяц после написания этой последней грамоты от 4 генваря 1547 г., царь уже повенчался с Анастасиею Романовой, избранной, стало быть, также из множества девиц.

Должно полагать, что лицам, которые пересматривали невест на месте, давался какой либо наказ, словесный, а всего вернее писанный, с подробным обозначением тех добрых качеств, какие требовались для невесты государевой вообще и пожеланию жениха в особенности. Без сомнения немаловажное место занимала здесь и *мера* возраста или роста, с которою ездили осматривать невест в Византии. За тем, после смотра все избранные первые красавицы области вносились в особую роспись с назначением приехать в известный

срок в Москву, где им готовился новый смотр, еще более разборчивый, уже во дворце при помощи самых близких людей государя. Наконец, избранные из избранных являлись на смотрины к самому жениху, который и указывал себе невесту, также после многого «испытания». Впрочем, надо думать, что жених участвовал в разборе всех невест, которые были привозимы в Москву, ибо сюда, как мы заметили, съезжались уже избранные, первые красавицы областей. О царе Иване Васильевиче повествуют, что для избрания третьей супруги, к нему «из всех городов свезли невест в Александрову Слободу, и знатных и не знатных, числом более двух тысяч. Каждую представляли ему особенно. (Испытанию о девицах многу бывшу надолзе, говорит сам государь). Сперва он выбрал 24, а после 12, коих надлежало осмотреть доктору и бабкам; долго сравнивал их в красоте, в приятностях, в уме; наконец предпочел всем Марфу Васильевну Собакину, дочь купца новгородского, в тоже время избрав невесту и для старшего царевича, Евдокию Богдановну Сабурову». Касательно избрания невест царем Иваном Ва-

Сильевичем, его современник, иностранец Гейденштейн рассказывает, «что изо всей России собираемые царские невесты живут обыкновенно в одном большом доме; что в каждой комнате стоит 12 кроватей и трон; что царь, провождаемый только одним старцем, входя в комнату, садится на трон; что невесты одна за другою становятся перед ним на колени, и бросив к его ногам платок золототканый с жемчугом (ширинку), удаляются...» [97]

Коллинс, современник царя Алексея, говорит, что когда дело решалось, то сам царь подавал избранной платок и кольцо; эти-то брачные знаки, в действительности, быть может и означали акт избрания.

Свадебные разряды свидетельствуют, что подобные же общие выборы невест, при царе Иване Васильевиче, происходили и при женитьбе его братьев.

В 1547 г. сент. 18, приговорил государь брата своего кн. Юрья Васильевича женити; и ходил государь с ним к Макарию митрополиту, чтобы кн. Юрья женитися благословил; и велел боярам и князем дочери, девки привезти

на свой царской двор; и как девки свезли и царь и князь Юрья девок смотрели; и полюбил кн. Юрья княжну Дмитриеву дочь Федоровича Палицкого, княжну Ульяну. В 1549 г. сент. 1, приговорил государь женить брата своего князь Володимера Андреевича, удельного: и приговорил *прописать* у бояр и князей дочерей девок и по времени их пересмотреть; и тогда свадьбу, государь, отложил для своего походу к Казани; а приговорил смотреть после Казанского дела. И мая 24 смотрел царь и князь Володимер девок, и полюбил девку Авдотью Александрову дочь Михайловича Нагова [98].

После избрания, царскую невесту торжественно вводили в царские особые хоромы, где ей жить, и оставляли до времени свадьбы на попечении дворовых боярынь и постельниц, жен верных и богобоязливых, в числе которых первое место тотчас же занимали ближайшие родные избранной невесты, обыкновенно ее родная мать или тетки и другие родственницы. Введение невесты в царские терема сопровождалось обрядом ее царственного освящения. Здесь с молитвою наре-

чения на нее возлагали царский девичий венец, нарекали ее *царевною*, нарекали ей и новое царское имя. Вслед за тем дворовые люди «царицына чина» целовали крест новой государыне. По исполнении обряда наречения новой царицы рассылались по церковному ведомству в Москве и во все епископства грамоты с наказом, что бы о здравии новонареченной царицы Бога молили, т. е. поминали ее имя на ектениях вместе с именем государя.

С этой минуты личность государевой невесты приобретала полное царственное значение и совсем выделялась из среды подданных и из среды своего родства, так что даже и отец ее не смел уже называть ее своею дочерью, а родственники не смели именовать ее себе родною. Но, само собою разумеется, что такие отношения царицына родства существовали как бы только в идее, в отвлечении, в идеальных представлениях о недостижимой высоте царского сана, о недостижимом его освящении, к которому так близко становилась избранная девица. На самом же деле родство царицы, хотя и теряло право, для государственного приличия, именовать ее своею

родною, хотя и не осмеливалось иначе называть ее, как великою государынею царицею, — но все-таки, по своему влиянию оставалось ее родством и всегда быстро восходило на степень самых близких людей к государю, быстро возвышалось до значения всемогущих временщиков. По большей части ее-то родство и управляло государством во всех внутренних, так сказать, домашних государственных делах. «А жалует царь по царице своей, говорит Котошихин, отца ее, а своего тестя, и *род* их, с низкие степени возведет на высокую, и кто чем не достанет, сподобляет своею царскою казною, а иных рассылает для покормления по воеводствам в города, и на Москве в приказы, и дает поместья и вотчины; и они теми поместьями и вотчинами и воеводствами и приказным сиденьем, побогаतेют».

Таково было беззастенчивое вотчинное управление государством, по которому в силу общих и неколебимых, освященных веками убеждений, родство и в царском, как и в частном правительственном быту всегда приобретало первое право пользоваться властью

своего родича, а стало быть и всеми выгодами его высокого общественного положения. Это было на самом деле непререкаемое право всех родичей, ибо по идеям родового быта они всегда и приобретали и теряли, возвышались и падали, за одно со своим родом. Отдельная от рода личность не была мыслима в то время; она сливалась с родом в органическое целое, а потому не могла даже и понять какой либо отдельности интересов и выгод в кругу родовой связи. Возвышавшийся где бы ни было родич всегда оставался в кровном убеждении, что за собою должно возвышать прежде всего свое родство, что это — дело естественное; а родство всегда тоже почитало своим естественным родовым правом не только ожидать, а и требовать себе всех выгод, приобретаемых в обществе его родичем. Такой именно порядок идей господствовал в среде всех житейских общественных связей и всяких властных, господарских отношений.

Государевы невесты очень нередко избирались из бедных и простых дворянских родов, а потому и возвышение их родства выпадало на долю самым незначительным людям.

Коллинс рассказывает, что отец царицы Марьи Ильичны Милославских, Илья Данилович, происходил из незнатного и бедного дворянского рода и прежде служил кравчим у польского дьяка Ивана Грамотина. Дочь его, будущая царица, хаживала в лес по грибы и продавала их на рынке. О царице Евдокии Лукьяновне Стрешневых, супруге Михаила, ее же постельницы говаривали: «не дорога де она государыня; знали они ее, коли она хаживала в жолтиках (простых чеботах); ныне де ее государыню Бог возвеличил!» О царице Наталье Кириловне Шакловитый, предлагавший ее *принять*, т. е. погубить, говорил царевне Софье: «известно тебе, государыня, каков ее род и какова в Смоленске была: в лаптях ходила!»

Весьма понятно после того, с какою завистью и ненавистью встречали во дворце родство новой царицы, с каким опасением смотрели на новых людей, ее родичей, все лица, находившиеся в близости и в милости у государя, сидевшие, прочно в своих пригретых гнездах по разным частям дворцового и вообще приказного управления. Выбор государе-

вой невесты подымал в дворовой среде столько страстей, столько тайных козней и всяческих интриг, что это государево дело редко проходило без каких либо более или менее важных и тревожных событий в его домашней жизни.

Избранная невеста, вступая во дворец царевною, среди радостей и полного счастья, неизобразимого для простой девицы и особенно для ее родных, вовсе не предчувствовала, что именно с этой минуты участь ее держится на одном волоске, что именно с этой минуты ее личность становится игралищем самых коварных, низких и своекорыстных замыслов. Те же самые люди, которые с дворским раболепием служили ей, с дворским раболепием заискивали ее особого расположения, земно кланялись ей, как новонареченной царице; те же самые люди, которые так были близки ее царственному жениху, так были любимы им и, казалось, так добродушно и искренно радели о его счастье и стало быть о счастье избранной им супруги, — эти то самые люди и являлись, в тайных своих замыслах, первыми и можно сказать един-

ственными ее врагами.

Недоступный, замкнутый царский терем с его просторною и прохладною жизнью, в смысле всякого изобилия и великолепия, всяческого раболепства и ласкательства, являлся на деле самым открытым местом для действий потаенных врагов, и самым тесным и опасным местом для жизни. Простое легкое нездоровье было достаточно для того, чтобы враги воспользовались этим обстоятельством и облекли его в дело величайшей важности и величайшей опасности даже для здоровья самого государя, всегда обвиняя при этом и родство невесты, будто оно нарочно скрывает какую либо неизлечимую ее болезнь, разумеется для того, чтобы не лишиться ожидаемого высокого благополучия вступить в близость к государю. Враги употребляли большие старания чем либо в действительности испортить здоровье царевны-невесты и таким образом лишит ее царской любви, выселить из дворца и тогда новый выбор государевой супруги направить согласно своим потаенным целям.

С подробностями таких печальных событий в государевой жизни лучше всего позна-

комит нас история царских невест.

Скорбь разлуки с избранною невестою, именно вследствие дворских интриг, должен был испытать из царей первый Иван Васильевич Грозный. Со многим и долгим испытанием (в 4572 г.) он избрал в супруги девицу Марфу Васильевну Собакину. Она была испорчена еще в невестах и скончалась с небольшим через две недели после свадьбы, совершенной царем вопреки обычному предубеждению и страху за собственное здоровье. Об этом засвидетельствовал сам царь, когда просил соборного разрешения вступить потом в четвертый брак на Анне Алексеевне Колтовских: «ненавидяй добра враг, воздвиже ближних многих людей враждовати на царицу Марфу, еще в девицах сущу, точию имя царское возложено на нее, и тако ей *отраву злую учиниша*. Благоверный же царь к в. к., положя на Божие всещедрое существо упование, либо исцелает, поя за себя девицу Марфу, и только была за ним две недели и преставися. И понеже девства не разрешил третьего брака, царь и в. к. о таковых много оскорбися и хоте облещися во иноческое» [99]. Подозре-

ние в порче пало на родство прежних цариц, Анастасии Романовых и Марьи Черкасских. Был розыск и были казни, до Карамзину *пятая* эпоха душегубства, в которую погиб, в числе других, кн. Мих Темрюкович Черкасский, брат царицы Марьи. К сожалению дело об этом розыске, со множеством разных других дел, весьма важных для истории Ивана Грозного, до нас не дошло, и потому мы не имеем никаких оснований делать решительные заключения ни о той, ни о другой стороне.

Более подробностей о подобных событиях царской жизни сохранил нам XVII век. Так, следственное дело о болезни первой невесты царя Михаила Феодоровича, Марьи Хлоповой, довольно близко знакомит нас с характером дворских отношений в этих обстоятельствах и вообще с подробностями домашней жизни избранных государевых невест. По вступлении на царство, шестнадцатилетний Михаил Феодорович, юноша кроткий и тихий, благоуветливый и покорный, как отзывается о нем летописец, до возвращения из плена своего отца, Филарета Никитича, находился в пол-

ной опеке матери, великой старицы инокини Марфы Ивановны. В первое время близкими к нему людьми явились конечно его родственники, как всегда и бывало. Да и кому же, кроме родства, вернее и безопаснее было поручить бережение молодого государя, особенно вскоре после общих, всенародных смут, в виду бывших постоянных измен, и даже убийств, от которых не могли спастись государи-предшественники. Без сомнения по совету родственников и по назначению Марфы Ивановны ближайшие и самые важные дворовые должности при Михаиле отданы были в 1613 г. двум его двоюродным братьям, Борису и Михаилу Салтыковым. Первый назначен дворецким, второй — крайчим. Близость к молодому, неопытному и покорному государю очень скоро возвысила их до значения самовластных и самоуправных временщиков. Хозяиничая своевольно и безответственно во дворце, они давали чувствовать свою власть и в общих делах государства, так что многие с нетерпением ожидали приезда из плена царского отца Филарета Никитича, который один только своею отцовскою властью мог остано-

вить это боярское своеволие, всегда поднимавшееся во время малолетства или неспособности государей.

Вот что рассказывает правдивый современник об этих первых годах Михайлова царствования. «Бе же царь млад... и не бе ему еще толика разума, еже управляти землею, но боголюбивая его мати, инока великая старица Марфа, правя под ним и поддерживая царство *со своим родом...* Но и сему... царю... не без мятежа сотвори державу враг диавол древний, *возвыся паки владущих на мздоимание*», которые царя ни во что же вмениша и небоящися его, понеже детеск сый... всю землю Русскую разделивше по своей воли, яко и его царская села себе поимаша...» Почти тоже самое рассказывают и иностранцы современники [100].

После венчания царским венцом, 11 июля 1613 г., следовало подумать и о венчании брачным венцом, как водилось исстари. Неизвестно однако ж, тогда ли начались об этом государевы заботы. Только в 1616 г., когда царю был уже 20-й год, мать благословила его на это доброе дело, которое было жела-

тельно и для всей земли, испытавшей столько бед и потому вполне желавшей, чтобы новый царский род неколебимо утвердился на престоле.

Для *обиранья* невесты к его государственной радости, по установившемуся обычаю, были, вероятно, собраны во дворец все тогдашние красавицы, дочери дворян и вообще служилого помещичьего сословия. Царь выбрал в невесты Марию Ивановну Хлопову, дочь московского дворянина. Как только дело было решено, государь велел позвать к себе ее родных: отца, мать и всех, кто был на лицо, все родство. Это-то родство и было всегда ненавистно старым временщикам. Здесь являлись соперники, незнатные, небогатые, но сильные впоследствии, влиятельные по свойству с царицей, с которыми впоследствии трудно было ладить, от которых нельзя было ждать добра, ибо и они тоже всегда почитали себя прямыми и самыми ближайшими кандидатами в такие же временщики. По этим причинам, старые любимцы государя должны были употреблять все усилия, чтобы направить выбор царской невесты соответственно своим

личным целям. Для них, напр., очень важно было, чтобы близкие родные и все родство будущей царицы не было слишком значительно по своим личным достоинствам или заслугам.

Родных Хлоповой позвали в Верх, к Рождеству на Сени, т. е. на царицыну половину дворца. Здесь вышли к ним Борис да Михайло Салтыковы, первые люди во дворце, и велели им тут подождать до государева указа. Затем позвали их к государю в хоромы, в Переднюю. Там сказал им государь сам, что он «произволил взять себе для сочетанья законного брака Иванову дочь Марью, и их родственницу, и ониб ему служили и были при нем близко». — Родные будущей царицы ударили челом государю, благодаря за неизреченное жалованье. С этой минуты они были при государе *близко*; они становились своими людьми государю, могли свободно ходить во дворец к нареченной невесте.

Государеву невесту поместили у государя в верхних хоромых, в теремах; нарекли ее *царицею*, а имя ей дали *Настасья*, очень вероятно — в память царской бабки Анастасьи Ро-

мановны, первой супруги Грозного. «И молитва наречению ей была и чины у ней уставили по государскому чину, т. е. честь и береженье к ней держали, как к самой царице; и дворовые люди крест ей целовали, и на Москве, и во всех епископьях Бога за нее молили, т. е. поминали на ектеньях».

В Верху, в хоромах, при нареченной царице жила Марья Милюкова, одна из придворных сенных боярынь; также мать царицы и ее бабка, Федора Желябужская. Родственники сначала приходили челом ударить временем, потом ходили к ней по вся дни и ездили с государем на богомолье к Троице, когда он отправился туда вместе с матерью и невестою молить Бога о благополучном сочетаньи браком. Это было 16 мая 1616 г. Все происходило по заведенному искони обычному порядку; все шло благополучно, без всякой помехи; невеста чувствовала себя во всем здоровою, кушала царские сладкие яства, без сомнения веселилась новою жизнью и ожидаемым счастьем, которое должно было возвысить и весь ее род. Так прошло около месяца. 9 июня «государыня царевна и великая княгиня Наста-

сея Ивановна всея Руси государыне и великой старице иноке Марфе Ивановне на новоселье челом ударила: два сорока соболей, один 30 р., другой 25 р.» Вероятно свекровь в это время построила себе в Вознесенском монастыре новые хоромы.

Из родных царевны заметно выдвинулся ее дядя Гаврила Васильевич Хлопов, по видимому человек очень неглупый, бывалый, стойкий и прямой. Очень понятно, что он-то особенно и не мог понравиться Салтыковым. Однажды ходил государь в Оружейную Палату и смотрел оружейную казну. Оружейною Палатою, где выделялась всякое царское оружие, заведывал тогда Михайла Салтыков, исполнявший, кроме должности кравчего, и должность оружничего, которая также всегда поручалась близкому и доверенному человеку. Поднесли к государю турецкую саблю и почали хвалить. Салтыков, как полный хозяин царского оружейного заведения, а след. и знаток дела, выхваляя своих мастеров, стал говорить, что и на Москве, т. е. в Оружейной Палате, государевы мастера такую саблю делают. Государь передал смотреть саблю в ру-

ки Гавриле Хлопову, спрашивая его: как он думает, сделают ли такую саблю в Оружейной Палате? Осмотрев саблю, Хлопов ответил: «пожалуй сделают, только, думаю, не такую, как эта». Мог ли Салтыков, оружничий, перенести хладнокровно такое противоречие своему отзыву, а может быть и хвастовству. Рассерженный, он вырвал у Хлопова саблю, при молвив, что говорит он, незнаючи [101]. Знал ли Хлопов действительно толк в этом деле или выразил только простое сомнение умного и бывалого человека, но не уступил оружничему, побранился с ним и «поговорил с Салтыковыми гораздо в разговор». Все это делалось при самом царе и все это напоминает поведение олигархов во время молодости дедушки Михаила, царя Ивана Васильевича Грозного. С тех пор Салтыковы невзлюбили Хлоповых, а это почти решало участь царской невесты. Бороться с такими сильными и влиятельными людьми было невозможно людям, еще только приближавшимся к доверию государя. Недели две спустя после того, как дядя невесты поговорил гораздо в разговор с оружничим, Мих. Салтыковым, нареченная цари-

ца начала понемогати, появилась болезнь, «рвало и ломаоо нутр и опухль была... а была ей блевота не вдруг, сперва было дни с три и с четыре, да перестало, а после того спустя с неделю опять почала блевать». Родные думали, что это случилось от сладких ядей, потому что «едала сласти, и они ей говорили, чтоб сластей кушала не много, и оттого та болезнь блевота почала быть в ней меньше». Само собою разумеется, что как только Хлопова заболела, отец и бабка ее тотчас доложили о том государю и государыне старице Марфе Ивановне. Государь сейчас же велел дохтурам болезни ее смотреть. Но лечение по необходимости должно было идти чрез посредство крайчого Михайла Салтыкова, которому, как крайчему и лицу самому доверенному, государь, естественно доверял и лечение своей невесты. В первое время Салтыков призвал доктора Валентина Бильса. Доктор, болезнь нареченной царицы, своим дохторством смотрел; по его отзыву она в то время была больна тем: «желудок у нее в те поры был бессилен и не варил и селезенка опухла. Та болезнь, заметил он, бывает от желудка, как же-

лудок бывает ветрен; а как желудок будет здоров и то все минуется, да от той болезни и в почках бывает болезнь и блевота; он такие болезни лечивал и многим пособлял, а *плоду и чадородию* от того порухи не бывает...» Бильс прописал лекарство, которое по порядку тогда же было записано в книгах, в аптекарской палате, и передано в руки отцу невесты, Ивану Хлопову. В другой раз лекарство было прописано, спустя неделю. Лекарство по тогдашним понятиям вообще было делом весьма подозрительным и опасным, а при настоящих обстоятельствах оно могло казаться на самом деле отравою. Отец невесты зорко наблюдал за Салтыковыми. Подозрительность его не оставляла без внимания и малейшего случая, сколько-нибудь сомнительного в поведении бояр. «Меж себя они *шептали...* и пришед Михайло Салтыков, велел ему взять из аптеки скляницу с водкою и отнести к дочери его Марье, а сказали, что она от того будет больше кушать». Он взял у Бильса скляницу и отдал в хоромы Марье Милюковой, невестиной боярыне. Но в хоромах, вероятно по общему совету, держали себя крепко от по-

добных водок и не употребляли их. Вместо сомнительной водки, там больной давали *питу воду святую с мощей*, а имали крест (с мощами) у Волынских, который вероятно славился исцелениями. Давали также камень *безуй*. И оттого ей дал Бог исцеленье, исцелела и полегчало вскоре; и после того болезнь не поминывалася.

Это было врачеванье настоящее, которое предписывалось старым благочестием и оправдывалось общим убеждением народа в его непререкаемой помощи. Докторское врачеванье по тому же убеждению все еще имело вид врачеванья бесовского, имело вид волхвования, зелейничества, которое было грехом. Домострой писал: «аще Бог пошлет на кого болезнь или какую скорбь, ино врачеватися Божию милостью, да слезами, да молитвою, да постом, да милостынею к нищим, да истинным покаянием. Да благодарение и прощение и милосердие и нелицемерная любовь ко всякому, аще кого чем приобидел, отдати сугубо и на пред не обидети. Да отцов духовных и всяк чин священнический и мнишеский подвизати на моление Богу; и молебны

пети и вода святити с честных крестов и со святых мощей и с чудотворных образов, и маслом свящатися; да по чудотворным по святым местом обещеватися и, приходяще молитися, со всякою чистою совестью; тем цельба всяким различным недугом от Бога получитьи...» Домострой толковал, что всякие тяжкие различные недуги суть наказание гнева Божия; поэтому кто «оставя Бога, и милости и прощения грехов от него нетребуя, призывает к себе чародеев, кудесников, волхвов и всяких мечетников и зелейников, и с корнем, от которых ожидает душетленной и временной помощи, тот уготовляет себя диаволу, во дно адово, во веки мучитися».

Конечно, если всякая болезнь носила в себе смысл Божьего гнева, Божьего наказания за премногие грехи, то и ее врачевание должно было призывать одну лишь Божию помощь, должно было обращаться к одной лишь святыне и к делам покаяния. Человеческая помощь здесь ничего не значила, а тем менее — помощь докторская, которую и вообще весьма трудно было отделить от обыкновенного знахарства, отреченного и проклято-

го всеми соборами. Вот почему во всех важных случаях, не только в домашнем ежедневном быту, но и в быту всенародном, всегда с молитвою прибегали к чудотворной силе святой воды, освященной с животворящего креста с мощами. Так, в 1647 г. февр. 26, царю Алексею Михайловичу били челом жители города Карпова: «по твоему государеву указу твой новый город Карпов поставлен, а мы, холопы твои, в Карпов из разных городов сведены на вечное житье с женишками и с детишками и дворишки себе построили; и за грех наш, в Карпове напала на нас болезнь и скорби полевые (степные), и вода в Карпове нездоровая: многие от тех болезней и скорбей помирают, и целебного животворящего креста Господня с мощами святых в Карпове нет; водсвятие бывает крестом Христовым без мощей. Вели, государь, прислать в Карпов для наших скорбей и болезней животворящий крест Господень с мощами святыми на освящение воде и на утверждение и на исцеление нам, чтоб нам от тех полевых болезней и скорбей напрасною смертью не помереть». Государь велел им принести животворящий

крест из Хотмышка, куда эта святыня, вероятно по такому же челбитью была отправлена в 1646 г. с наказом: «тот животворящий крест для освящения воды и исцеления всяких болезней и скорбей воеводам из Хотмышка отпускати в города без задержания». По таким же причинам, в 1649 г., государь послал из Москвы животворящий крест с мощами в Курск, где многие люди нападными болезнями и страхованиями болезновали и умирали. Государь наказывал встретить святыню с крестным ходом, служить молебен, святить воду; «и тою святою водою город и по городу наряд (пушечный) и всякие крепости, и всяких чинов людей, и лошадей, и всякую животину кропить не по один день; и в другие крайные города отпускать на просвещение и исцеление больным, с великою с подобающею честью» [102]. Мы увидим, что в царском быту животворящим крестом всегда благословлялись новобрачные, а равно и новорожденные младенцы с тою, без сомнения, верою, чтобы эта святыня служила им на исцеление и сохранение от всяких недугов.

Весьма понятно, что в настоящем случае

для государевой невесты святая вода с живото-творящего креста была наиболее желанным врачеванием. Докторское искусство являлось здесь, по местным, дворцовым обстоятельствам в самом подозрительном виде. Чтобы предохранить больную от отравы ей давали еще камень *безуй*, который, по тогдашним понятиям, служил самым верным средством не только от всякой отравы, но и от всяких болезней. Известно, что патриарх Никон, в своей ссылке, жаловался, что его было отравили: «крутицкий митрополит да чудовской архимандрит прислали дьякона Феодосия со многим чаровством меня отравить и он было отравил, едва Господ помилował, безуем камнем и индроговым песком отпился» [103].

Около времени избрания Хлоповой в невесты государю, 1616 г. марта 21, взяты были в государеву казну, на казенной двор, у ярославца Назарья Чистово «три камени безую, в одном весу 9 золотников 2 денги, в другом — 8 зол. с полузолотником, в третьем — 6 зол., с четью, и всего в трех каменех весу 24 золотника без денги, а денег за них довелось было дати 215 рублей (выданы из Денежного при-

казу). Арх. Ор. Пал. № 1063. — В 1625 г. кизыл-башский Аббас Шах прислал государю в поминках камень безуй оправлен в золоте с яхонтики и изумрудцы, весу совсем 7 золотн. цена 14 р. 17 алт. 4 д. В 1626 г, куплен у казанца Ив. Истомина камень безуй большой весу 17 золотн. за 15 р. — В 1676 г. марта 7 велено было сделать государю в серебряной палате чашку с кровлею гладкую на поддонце, с подписью государева имени, а в чашке и в кровле вставить по *безую восточному*, и позолотить сплошь. Весу в ней вышло 1 ф. 59 зол. Апреля 4 она подана в хоромы. Чашка сделана постоянно болевшему царю Федору Ал.

Между тем Салтыков, оставив доктора Бильса, может быть по той причине, что не надеялся найти в нем пособника своим замыслам, обратился к лекарю Балсырю, т. е. степенью ниже в медицинских познаниях, который ответил ему, что он мимо дохтура лечить неумеет, тое болезнь знают дохтуры. Однако ж он осмотрел больную и свидетельствовал, что «было у ней в те поры в очах желтовато, а словоет желтая болезнь, и что лечить ее можно и порухи от тое болезни чадо-

родию не бывает, да и жолтина в очах (у ней) была невеликая. И преж того он такие болезни лечивал и пособлял». Да не того хотел кравчий Салтыков, он хотел чтобы невеста была больна неизлечимо, чтоб она была к государской радости не прочна. Одним словом, он искал причины удалить ее из дворца со всеми родными. С этой мыслью он спросил Балсыря, «будет ли она им государыня?» Тот отвечал — почему ему то ведать, то не его дело. Лекаря Балсыря, после того, как и доктора Бильса, к больной не зывали и лекарства у них не спрашивали. Мы видели, каким лекарством пользовали больную, и от каких лекарств она исцелела. Но в то время, как в верхних хоромах больную исцеляли св. водою с чудотворн. креста, Салтыков рассказывал государю, что «дохтурьи болезни ее смотрили и говорили, что в ней болезнь великая, излечить ее невозможно и живота (жизни) ей долгого не чаять; что такую болезнью была больна на Угличе женка и жила всего с год и умерла; и дохтур сказывает, что Марьи излечить нельзя».

Трудно было молодому царю узнать прав-

ду в этом деле. Трудно было не поверить двоюродным своим братьям, которые были такими близкими и преданными ему людьми. Тем еще более трудно было узнать истину, что Салтыковы успели восстановить против Хлоповых, а стало быть и против государевой невесты, его мать, великую старицу Марфу Ивановну, на которую они действовали вероятно наговорами и сплетнями чрез свою мать, старицу Евникию, жившую тоже в Вознесенском монастыре. Видно, что монастырь с своими инокинями служил им самую твердую и прочную опору в их самовластных действиях. «Враг же диавол научи некоторым сродичам, цареve матери племянником *остудити* цареve матери царицу, некоторым чародейством ненависть возложиша и разлучиша ю от царя и послаша в заток» [104].

Действуя и в монастыре и пред лицом государя с самою коварною скрытностью, они без сомнения первые же предложили решить это дело соборне, т. е. в думе, по рассуждению всех бояр, ибо вопрос был действительно очень важен, по крайней мере лично для царя. После освящения царским именем, после

крестного целованья, после всенародных молений о здравии, было не совсем легко нареченную невесту — царевну *сослать с Верху*, т. е. из дворца. Необходимо было подумать и рассудить дело с осторожностью. Назначен был собор, думное сиденье, на котором дядя невесты Гаврило Хлопов бил челом и заявил «чтоб еще не поспешили сводить (ее) с Верху, потому что в ней болезнь объявилась невеликая, от сладких ядей, да и та уж минуется». Но его речи были напрасны, ибо причина заключалась не в болезни, а в *остудении* к невесте и ее родству великой старицы Марфы. Собор решил, что невеста к государевой радости непрочна. Нареченную царевну *сослали с Верху*. Спустя два дня после того, ее болезнь было вспомянулась, но скоро прошла и за тем она оставалась совсем здоровою, живя на подворье у своей бабки, Федоры Желябужской. Через 10 дней после ссылки с Верху, ее отправили из Москвы в ссылку в Тобольск с бабкою и теткою и с двумя дядьями, все Желябужскими, так что невеста разлучена была даже с своими ближайшими родными, отцом и матерью. Отцу тогда же дано было воеводство

на Вологде, где он находился до 1619 года, когда ему велено было ехать в деревню [105]. Молодой государь повержен был этим событием в печаль и скорбь великую.

«Сице же учиниша благочестивому царю, нанесоша ему печаль и скорбь велию; он же беззловивый благодарне терпяше сия и невосхоте иные поняти, дондеже Литовский король отпусти отца его, митрополита Филарета на Русь».

Шесть недель, проведенные женихом в смотринах на свою обрученную невесту, в беседах с нею, вообще в близости к ней, не могли пройти бесследно для очень еще молодого и благоуветливого царя. Из многих обстоятельств этого события заметно, что государь очень полюбил свою невесту. Официальные акты, которые остаются почти единственными источниками наших сведений о деле, не должны были, конечно, раскрывать юношеских чувств государя, но они, особенно ударяя на то, что Хлопова жила в Верху не малое время, что нарекли ее царицею и молитва наречению ей была, и чины у ней были по государскому чину, и крест ей целовали и Бога за

нее молили всем государством, объясняют тем самым, что дело и в официальной среде доведено было до тех границ, от которых не легко возвращаться. Но что же оставалось делать пред суровую истину, открытою кравчим Салтыковым, засвидетельствованную семейным собором, что нареченная царица к государевой радости непрочна по своей неизлечимой болезни? Царь покорился. «Он же беззлобивый благодарне терпяше сия и *не восхоте иныя поняти*, дондеже Литовский король отпусти отца его митрополита Филарета на Русь». В этом только и мог выразиться смиренный протест покорного своей матери сына, который едва ли хорошо верил и своим родным и всему семейному собору, что невеста в действительности была ему непрочна. Невесту *сослали с Верху*, как можно полагать, судя по некоторым отметкам дворцовых расходов или в конце июня, или в начале июля. Во второй половине июня, видимо, все еще готовились к свадьбе. 17–28 июня готовили выездные брачные сани для невесты, обивали их алтабасом по серебряной земле шолк зелен, червчат, багров с золотом и кизылбас-

ким червчатым бархатом, на хлопчатой бумаге; шили в них подушки из бархату по серебряной земле шолк ал, устраивали и обивали скамейку, делали под ноги *миндерь* или тюфяк из червчатого сафьяна и т. д. В мастерской палате еще 26 июня шили государю брачную обычную одежду, русскую шубу на соболях и терлик, при чем было употреблено два меха соболей, ценою в 250 р. — В это же самое время готовился к своей собственной свадьбе и Михайла Салтыков. Разлучив царя с любимую невестою, он сам спокойно обвенчался 14 июля на своей избранной невесте и на третий день свадьбы, июля 16, приезжал к государю, как новобрачный, челом ударить. Государь благословил его образом и одарил кубком, бархатом, атласом, соболями. 17 июля государь точно также благословил образом и одарил и молодую Салтыкову, Парасковью Ивановну. Мать государева, инока Марфа Ивановна тоже благословила молодых образами и одарила камкою и соболями. Борис Салтыков женился еще в 1615 г. 5 ноября [106]

Прошло около трех лет, самых тяжелых да-

же и для политического положения государя. В 1618 г. к Москве подступал польский королевич Владислав, отыскивая царства, так как ему еще прежде Михаила Москва дала присягу. «Бысть тогда на всех страх и трепет и ужас, нашествия ради поганых, и шатость бе велия в людех, друг друга боящися и чаяху измены... и царю с матерью велия скорбь бе и туга...» Судьба избранного всенародно царя подвергалась большой опасности именно от предполагаемой шатости и измены в людях. Но эта шатость отжила уже свой век; Москвичи стали крепко за своего молодого царя и отбили королевича от стен столицы. Заключен был хотя и худой, но необходимый мир, который возвращал нам оставшихся в Литве пленников, а в числе их государева отца Филарета Никитича. 14 июня 1619 г. прибыл наконец в Москву Филарет Никитич. Через 10 дней, 24 июня, он торжественно был поставлен в патриархи. С этого времени управление земскими, государственными и домашними государевыми делами переходит в руки отца. Скоро становится заметным, что влияние матери или, вернее сказать, влияние стариц Возне-

сенского монастыря, где жила Марфа Ивановна, ослабевают. Как только была почувствована мужская, строгая и более справедливая рука в управлении, как только восстановлены были сила и значение царской власти, дела приняли другой ход. Временщики Салтыковы со всем своим родством постепенно теряют свое самовластное значение. Все, что было ими теснимо становится на ноги. В самом государе просыпается старое чувство к его сосланной невесте.

Через два месяца после поставления отца в патриархи, отпраздновавши с ним Успеньев день, праздник церковный и собственно патриарший, молодой государь в первое же воскресенье, августа 22, отправился вместе с матерью на Унжу, молиться, к Макарию Желтоводскому чудотворцу. Поход на богомолье в этот далекий край был предпринят, вероятно, по обещанию в благодарность за избавление от плена Филарета Никитича, а вместе и за избавление Москвы от нашествия королевича Владислава, ибо св. Макарий прославлялся чудесами избавления от плена городов и людей. По дороге на Унжу государь был «у чудо-

творцев Переславских и у Ростовских и у Ярославских и у пречистой Богородицы Федоровской на Костроме», в день праздника которой последовало его избрание не царство. При таком настроении богомольных мыслей, невозможно было не вспомнить и о другом плене, тяжесть которого быть может не менее была чувствуема молодым государем. В том же августе, быть может в те же самые дни, когда отправился государь на богомолье, послан был в Сибирь гонец с грамотами к воеводам, в Тобольск и на Верхотурье, в которых наказывалось, чтобы «Ивана Желябовского с матерью (бабкою невесты) и с женою и с братом и с племянницею, под именем которой глухо разумелась невеста, из Тобольского города перевести на Верхотурье, а в Верхотурье дать им для житья двор, и кормовые деньги, бабке по 2 алт. на день, а всем другим, в том числе и племяннице, по 10 денег, и без указа никуда их с Верхотурья не отпускать [107]. Содержание грамоты показывает, что она писана еще под влиянием Салтыковых и Марфы Ивановны: главное лицо — невеста, не называется даже по имени, освобождается из Тобольска

лишь Иван Желябовской с родными. К тому же времени должно отнести и отпуск из Вологды с воеводства, в деревню отца невесты, Ивана Хлопова.

Государь возвратился с богомолья 2 ноября; вероятно не раньше этого времени переехала из Тобольска в Верхотурье и его заточенная невеста, ибо грамота об этом получена была в Верхотурьи только 29 сентября, а в Тобольске стало быть еще позже, Мы не знаем, что следовало за этим передвижением ссыльных, какие сношения они имели с Москвою. Приведем только несколько свидетельств характеризующих образ жизни царя в течении следовавшего за тем 1620 г. В январе государь ходил *тешиться на лоси* в Черкизово по какому случаю отложен был до другого дня даже прием шведского посланника. 5 мая государь ходил по обещанию молиться к Николе на Угрешу *пешком*, с матерью и в сопровождении всего двора. Это был новый подвиг благодарной молитвы за избавление из плена отца. Вскоре такой же поход пешим и с тою же мыслью был совершен к Троице в Сергиев монастырь и также вместе с матерью и

со всем боярством, с дворовыми и приказными людьми. 12 июля в свои именины царь давал праздничный стол в Золотой Палате, а после стола послал по бояр и по окольных по всех и по думных дворян и задал им пир, пировали у государя в Передней избе. В сентябре опять обычный поход к Троице также с матерью, по обещанию [108]. Замечательно, что в близости у государя с этого времени является, вместо Бориса Салтыкова, боярин князь Ив. Борисович Черкасский, который едет от государя к его отцу «о здоровье спросити», что прежде поручалось обыкновенно Салтыкову. Эта перемена в отношениях к Салтыкову подтверждается еще и тем обстоятельством, что кн. Черкасский: вскоре сменяет его в исполнении одного домашнего дела, которое всегда поручалось самым близким и испытанным людям, кому вполне можно было верить. Борис Салтыков обыкновенно *снял* или, как тогда еще выражались, *лечит* государю *волоски*, т. е. попросту стриг ему волосы, большею частью перед праздниками Рождества Христова и Светлого Воскресения. Это продолжалось до 1620 г.; с 1621 г. этим дедом занима-

ется уже боярин кн. Ив. Бор. Черкасский, которого потом в 1640 г. сменяет Борис Александр. Репнин [109].

В том же 1620 году на святках опять поднимается дело о заточенной невесте. 30 декабря пишут на Верхотурье к воеводам грамоту, в которой наказывают: «пожаловали есмя, для отца нашего в. г. свят. патриарха Филарета Никитича Моск. и всея Руси *Настасью Хлопову*, велели ее с бабкою и с дядьями, с Иваном да с Олександром Желябужскими, отпустить из Сибири с Верхотурья в Нижней Новгород. Велено отпустить на подводах, корму дать по прежнему указу, что давано в Верхотурье, сменя во сколько недель можно доехать до Нижнего; «да и пристава бы с ними для береженья послать, сына боярского доброго, чтоб проводил он их до места, а дорогою едучи держал бы к ним береженье, а как в Нижний приедет, отдал бы их боярину воеводе... и быть им в Нижнем до государева указу... а которого числа *Настасью Хлопову* с бабкою и с дядьями с Верхотурья отпустят и кого пристава с ними пошлют, о том бы отписали к Москве...» Эту грамоту привез на Верхоту-

рь 4 Февр. 1621 г. человек Ивана Хлопова (отца невесты) Микитка Васильев [110].

Грамота при обыкновенном своем деловом тоне, указывает однако ж на значительную перемену домашних государевых отношений. В ней наказывается отпустить из Сибири уже не Ивана Желябужского с родными и племянницею, как в первой грамоте, а именуется непосредственно первый предмет государственной заботливости, первое лицо всей этой драмы, для которого собственно и терпели ссылку и опалу все остальные. И мало того, что личность невесты поставлена во главе, ей возвращено и принадлежавшее ей царское имя: *Настасья*. Это-то имя лучше всего и свидетельствует, что государь вопреки желаниям матери, не покидал мысли о браке с своею нареченною царицею.

По видимому смиренный и покорный сын, хотя и не смел выйти из воли матери, но, поддерживаемый отцом, вел тихую, смиренную и однако ж настойчивую борьбу с теми подземными интригами, которые успели остудить сердце матери к его возлюбленной невесте, успели возбудить даже ненависть буду-

щей свекрови и к невестке, и ко всему ее родству. Он тянул дело, ожидая перемены в мыслях матери. Между тем время шло и настояла даже государственная надобность в его женитьбе. Пронеслась мысль, которую приписывают государеву отцу, о женитьбе на литовской королевичне, в видах государственной выгоды от этого брака, что будет прочный мир с Литвою, что возвратятся уступленные туда города и земли. Но Михаил отказался от этого брака, да вероятно, и сам отец хорошо понимал, что тогдашние натянутые отношения к Польше не могли произвести ничего хорошего и прочного. Однако ж мысль о женитьбе на иноземной княжне или королевичне утвердилась на некоторое время в царском семействе. В 1621 г., в сентябре, без малого через год по освобождении Хлоповой из Сибири, был послан посол в Датские немцы, к королю Христиану, сватать его племянницу Доротею Августу, дочь Голштейн-Готторнского герцога Иоанна Адольфа [111]. Но король не принял лично послов, сказался больным, а посол не захотел пословать и объясняться с одними ближними королевскими людьми.

Сватовство, таким образом, даже и не было начато. Летопись рассказывает, что король отказал будто бы по следующей причине: прежде, брат мой ездил к вам в Русь, при царе Борисе, который хотел отдать за него свою дочь Ксению, и приехав в Москву, часу не жил там, *отравою* уморили его; также и теперь дочь мою уморите.

Прошел еще год. В январе 1623 года послали к шведскому королю Густаву Адольфу, сватать княжну Екатерину, сестру курфюрста бранденбургского Георга, шурина королю. Здесь сватовство окончилось такою же неудачею, по той причине, что княжна не захотела креститься в православную веру, не захотела променять свою веру на сан царицы.

После этих неудачных попыток высватать царю кого либо из иноземных княжен оставалось, сохраняя давний обычай, найти невесту из прирожденных русских, из подданных. Когда отец и мать стали говорить об этом сыну, он отказался от этого предложения; он сказал: «сочетался я браком по закону Божию и по преданию св. апостол и св. отец; обручена мне царица; кроме ее не хочу взять иную».

Нельзя было слишком противоречить такому желанию государя, ибо это желание покрывалось законным освящением его нареченной невесты, а против святости исполненного закона трудно было стоять даже и родительской, ничем неодолимой воле. Вот почему быть может и отец, как патриарх, становится на сторону сына, или собственно на сторону освященной уже законности его желания. Отцу объяснили однако ж, что нареченная царица испорчена, неплодна и больна; между тем «в слуху носилось», от многих людей, что она во всем здорова и не была больна с тех пор, как выехала из дворца. Сделалось необходимым исследовать дело, раскрыть истину. 15 сентября 1623 г., слишком через семь лет со времени царского обручения с невестой, патриарх, поговоря с сыном, решился разъяснить это дело окончательно. Позваны были в государеву *комнату* (кабинет) ближние бояре: кн. Никит. Романов, кн. Ив. Борис. Черкасской, Фед. Ив. Шереметев. В их присутствии государь сам лично допросил дохтура Валентина Бильса, видал ли он Хлопову, сматривал ли ее болезнь, какая была болезнь, можноль было

вылечить, а только болезнь излечилась, то от той болезни не произошло ли бы какой помешки *чадородию*? Затем допросил лекаря Балсыря. Они оба утвердили, что болезнь была невеликая, излечить было можно, что плоду и чадородию от того порухи небывает. После того государь спрашивал окольного Мих. Салтыкова, почему он тогда сказывал, что по дохтурскому осмотру болезнь в Марье была великая и долгой жизни от ней ожидать было нельзя? Салтыков не дал прямого ответа на этот вопрос, а рассказал только, как шло лечение и что сам он Михайло к Марье с лекарством не ходил. Когда открылись разноречия, Салтыков был поставлен с доктором и лекарем «с очей на очи». Лекарь уличал Салтыкова, что он между прочим спрашивал его, лекаря: *«будет ли им Марья Хлопова государыня или нет?»* Салтыков отпирался, объясняя, что спрашивал у них по государеву и по государынину великая старицы иноки Марфы Ивановны приказу, нет ли в Марье какие порчи?

Сентября 19 патриарх и государь вместе расспрашивали отца Марьи, Ивана Хлопова, а

на другой день ее дядю Гаврилу Хлопова, который с большею, чем отец, откровенностью и: подробностью объяснил, что как было, при-совокупив в заключение, что если он сказывает ложно, и он в том у государя милости не просит. — Из его рассказа мы и привели изложенные выше подробности этого дела. В тот же день, 20 сент., патриарх расспросил духовника царевны, Никитского монастыря священника Сергея Петрова, который объяснил, что знает Хлопову, что она бывала у него в исповеданьи не единожды за шесть лет до ее взятъя на государев двор, что болезни в ней никакой не видал, а как была больна в Верху и он у ней был и ее исповедывал; а как сослана с Верху и жила на дворе у бабки и он перед ее отъездом (из Москвы) у ней был же и ее исповедывал и она была здорова, а после того про болезнь ее не слышал, да и ныне слышал, что будто она в Нижнем здорова.

21 сентября государи велели ехать в Нижний для расспросу и сыску Марьины здоровья и болезни боярину Фед. Ив. Шереметеву, Чудовскому архимандриту Иосифу, ясельничему Богдану Матв. Глебову и дьяку Ивану Ми-

хайлову. Вместе с ними по указу государей отправился и отец царевны Иван Хлопов. А для рассмотренья Марьины болезни посланы с ними дохтуры, Артемий Дий, Валентин Бильс и лекарь Балсырь. Государи велели боярину с товарищи расспросить саму Марью Хлопову, что — вот она была взята в Верх, что сказывал государю кравчий Михайло Салтыков, что она Марья была больна великою болезнию, и излечить было ее не мочно и живота ей долгого не чаять, и для того она от государя с Верху сведена, — и онаб сказала вправду, какую болезнью она была больна, когда та болезнь у ней объявилась, прежде или тут, будучи на государеве дворе; и нет ли в ней ныне какой болезни, — и говорить ей велели накрепко, чтоб она болезни своей не таила ни коими мерами... а будет Марья Хлопова болезнь в себе какую-нибудь утаит, а после про то сыщется, а она, хотя и будет за государем, а болезнь ее объявится, и ей то мочно самой знать, что государь любити ее не учнет, и от в. г. свят. патриарха Филарета Никитича быти ей за то в великом духовном запрещении; и онаб болезни своей не таила и тем на весь

род свой не навела государские опалы и казни».

О том же главном деле, именно о болезни, ест ли в Марье какая болезнь, велено расспросить и ее родных, бабу, отца и дядей, с великим подкреплением: бабке, что она, если утает, наведет на себя и на весь род свой государскую опалу; отцу и дядьям, что если правды не скажут, быти им за то от государя казненным смертью. Вообще боярину с товарищи велено смотреть и примечать во всяких мерах, а дохтурам смотреть их дохтурскими науками, действительно ли Марья во всем здорова? Если же по расспросу, по сыску и по дохтурскому осмотру, Марья во всем здорова, то велено с отпискою о том приехать к Москве чудовскому архимандриту, а боярину с товарищи побыти в Нижнем до государева указа и к Марье велено держати честь и бережение во всем, и деньги и запасы всякие на ее обиход давати, чтоб ей скудости и недостатка ни в чем небыло. А будет Марья Хлопова больна какою болезнью, а скажут дохтуры, что ее излечить мочно, и о том велено отписать к государю, а «самим побыти в Нижнем

до указу. А будет Марья больна, а излечить ее не мочно, и боярину с товарищи велено ехать к Москве. А будет Марья сама про себя и ее родные скажут, что она здорова, а дохтуры скажут, что она больна и не прочна и за лекарство иматися не учнут, и боярину с товарищи ехать к Москве, а у Марьи останется отцу ее и дядьям. — А корм ей перед прежним велено давать вдвое. Сверх того велено прислать в Москву Марьиного отца духовного, который был духовником у ней в Нижнем.

Духовник приехал в Москву 11 октября и рассказал патриарху, что духовную свою дочь Марью Хлопову исповедывал и причащал многожда, что болезни в ней не видал ни которых; да и кроме исповеданья бывал он у Марьи многожда, и ходил к ней по вся недели (по воскресеньям), а болезни в ней не видал, и про то не слыхал, и думает, что она здорова во всем.

Октября 16 боярин с товарищи прислали государям список тому всему, как у них дело делалось, т. е. как было и к чему привело их исследование; а после того приехал к государям чудовской архимандрит с несомненным

свидетельством, что *Марья Хлопова во всем здорова*. В расспросе сама Хлопова говорила: «как она была у отца и у матери и у бабки, и у ней болезни ни какие не бывало; да и на государеве дворе будучи, была здорова шесть недель; а после того появилась болезнь, рвало, и ломало нутр, и опухль была, а чаёт того, что *то ей учинилось от супостат ее*: и была та болезнь у ней дважды по две недели, и после того давали ей пити воду святую с мощей, и от того исцелела и полегчело вскоре; и после того спустя два дня, как сведена с государева двора, та болезнь у ней поминавалась, и от тех мест не поминавалась и по ся места, и ныне во всем здорова». Отец Марьи объяснил, «что дочь заболела на государеве дворе, а какими обычаи болезнь учинилась, того он неведает; а *все то от Михайла да от Бориса Салтыковых, меж себя они шептали...*» Дохтуры, смотревши Марьиного здоровья и болезни своими дохтурскими науками, заявили, что во всем здорова и чадородию помешки в ней не чаёт. Лекарь заявил, что перед прежним она здорова, очи чисты и болезни в ней не чаёт».

Таким образом вопрос был решен окончательно и к радости государя. Исполняя царское повеление, боярин Фед. Ив. Шереметев послал Марье Хлоповой денег 300 рублей и запасы хлебные и медвяные, чтоб ей ни в чем скудости не было, а сам остался в Нижнем ждать государева указа.

В Москве во дворце, это исследование произвело сильное впечатление. Обман Салтыковых был раскрыт во всей очевидности. Оскорбленный государь не помешкал своею опалю. Не прошло недели со дня получения боярского донесения и приезда чудовского архимандрита, как назначен был, 24 октября 1623 г., в Посольской палате собор царской думы, на котором, после обсуждения дела, думный дьяк Иван Грамотин прочел Салтыковым следующий государев указ: «Борис да Михайло Салтыковы! — Государь ц. и в. к. Михайло Феодорович в. р. и отец его государев в. г. свят. патриарх Филарет Никитич моск. и в. р. велели вам сказати неправды и измену вашу: ведомо всем людям московского государства, какая к вам была государская милость и жалованье и учинены есте по государской

милости в чести и в приближеньи не по вашему достоинству, паче всех братьи своей, и поместьи и вотчинами пожалованы многими, чего ни за кем нет; и в прошлом во 124 году взята была ко государю на двор, для сочетания государского законного брака, Марья Иванова дочь Хлопова и жила в Верху не малое время и нарекли ее царицею и молитва наречению ей была и чины у ней были по государскому чину и дворовые люди крест ей целовали, и на Москве и во всех еишскопьях Бога за нее молили, а отец ее и родство, Хлоповы и Желябужские, были при государе близко. И вы, побраняся с Гаврилом Хлоповым с товарищи, для своей недружбы, любити их всех не почали для того, чтоб вам быти одним при государе; и вашею смутою почала быти Марья Хлопова больна; и ты, Михайло, сказал государю, что сказывал тебе лекарь Балсырь, что будто Марья больна великою болезнию и излечити ее не мочно... и ты то солгал для своей недружбы, того тебе лекарь неговаривал, и лечити Марью Хлопову дохтуры хотели... И ты, Михайло, государю сказывал не то, что тебе дохтуры говорили, и лечи-

ти Марью не велел, и с Верху она сослана не по правде, по вашему Борису и Мпхайлову наносу, без праведного сыску, и дисьма тому, как то делалось, нет ничего; и государской радости и женитве учиняли помешку. И то все делали изменою, забыв государево крестное целованье и государскую великую милость. А государская милость была к вам и к матери вашей не по вашей мере, и пожалованы были честью и приближеньем, паче всех, братьи своей; и вы то все поставили ни во что, и ходили не за государевым здоровьем; только и делали, что лише себя богатели, и дома свои и племя свое полнили и земли крали и во всяких делех делали неправду и промышляли тем, чтоб вам при государской милости, кроме себя, никого не видети, а доброхотства и службы ко государю не показали. А как ныне сыскивали и спрашивали и смотрели Марьяна здоровья и болезни, и по сыску и по дохтурскому рассмотру, Марья Иванова дочь Хлопова здорова во всем и болезни в ней нет ни которые, и наперед сего в ней болезни большой небывало, и за то ваше воровство годни были есте казни. И государь... и отец

его государев... патриарх Филарет Никитич большого наказанья учинити над вами невели, а велели вас послать по деревням с приставы и с женами вашими, а мать ваши велели послать в Суздаль в Покровский монастырь, а при государе вам быти и государевых очей видеть не пригоже, а «поместья ваши и вотчины велел государь отписать и взять на себя государя».

На другой день, 25 октября опальные были высланы из Москвы в свои дальние вотчины, Борис на Вологду в братнину вотчину; Михайло в его Галицкую вотчину. «А людей с ними указал государь отпустить по 4 человека мужиков, да женок и девок по 3 человека, а с матерью их с старицею Евникиею келейницу черницу да 2 человека да малой да женка да две девки...»[112]. Однако ж чинов с них не сняли и только удалили от очей государя. Борис был боярином, а Михайло в этом же году еще 7 генв. пожалован из кравчих в окольное чие.

Так окончилось время Салтыковых, одно из событий, которыми так полна Московская дворская история и которое может служить

самою верною и лучшею характеристикою тогдашних внутренних правительственных отношений. После, конечно, опальные были возвращены. Это случилось, в год смерти Филарета Никитича, который вывел наружу их лукавые козни, и в одно время с возвышением в бояре и в дядьки к царевичу Алексею Бориса Морозова, который, напротив, по всему вероятно держал руку Салтыковых. Попрежнему они стали очень близкими людьми к государю и весьма часто бывали у его стола. В 1641 г. Михайло Салтыков получил даже и боярство [113]. Летописец рассказывает, что Салтыковы повинились: «яко сего ради тако сотворихом, понеже нам удаленным быти царева лица и сана своего лишитися». Вот та основная, действующая мысль, которою исключительно жило все дворское общество в царский период нашей истории. Мысль эта господствовала во всех дворских умах, потому более, что всегда находила поддержку, подкрепление и так сказать оживление своим стремлениям в самом царе, в его царской воле, во всем порядке и во всем устройстве царского управления землею, управления соб-

ственно вотчинного, господарского или помещичьего, которому мог нанести решительный удар только Великий Петр, мужественно стряхнувший с себя эту старую форму государственного быта и воздвигнувший государственное здание на других, более справедливых и широких основаниях. В старину временщик представлял существенный тип управления не только в царском дворце и стало быть во главе управления всем государством, но и во дворе областного воеводы, т. е. в управлении областью, и всюду, где ни появлялась управляющая власть, ибо в самом существе этой власти в ту эпоху лежала единая идея, господарская идея — самовластие, самоволие, которое всегда и делало *время* всякому ловкому служителю этой идеи.

Таким образом опала, наконец, поразила государевых врагов, которые принесли ему столько горя, заставивши его целые восемь лет ожидать брачной жизни с своею возлюбленною нареченною царевною. Теперь настала пора государственной радости и веселья... Дело о женитьбе на Хлоповой было давно решено между отцом и сыном, иначе они не под-

няли бы и следствия о здоровьи царевны и именно о ее здоровье в настоящую минуту, когда настояла даже государственная необходимость в государевом браке. Розыск об этом здоровье произведен был не для того, чтобы сломить Салтыковых, а именно для того, чтобы достоверно узнать прочна ли царевна к государской радости.

Но если сломлены были враги этой радости, если они в тот же час были удалены от государевых очей, то последствия их происков и интриг оставались еще в полной силе. В Вознесенском монастыре они успели водворить такую ненависть к будущей царице, что мать государева, великая старица Марфа Ивановна, клятвами себя заклала, что не быть ей в царстве пред сыном, если Хлопова будет у царя царицею. Что тут было делать, как поступить? Выбор был однако ж ясный. Променять родную мать и притом великую старицу на невесту было невозможно. Это противоречило бы всем нравственным положениям тогдашнего быта; благословение родителей утверждало дома чад, а родительская клятва искореняла их. Родительская клятва в народ-

ных представлениях была облечена в такой страшный мифический образ, пред которым ни в каком случае не было возможности стоять твердыми ногами.

Царь смирился, презрел себя Бога ради, не захотел разлучиться с матерью, склонился пред ее любовью, не захотел оскорбить и раздражить человеческое существо матери и сам, все терпя, отказался от нареченной невесты. Это было сделано, по свидетельству летописца, даже вопреки желанию и многим укоризнам со стороны отца, благословлявшего этот брак и хотевшего венчать государя на Хлоповой. Но очень понятно, что и отец не мог сильно настаивать; без сомнения он ограничил свое желание сделать счастливым сына лишь одними советами. В том только есть очевидная правда, что он стоял за сына.

Спустя неделю после ссылки Салтыковых, 1-го ноября, в Нижний послана к Шереметеву с товарищи грамота, в которой государь вызывал боярина тотчас в Москву, — «а Ивану Хлопову сказалиб, что мы дочь его Марью взять за себя неизволили». Ивану приказано ехать в свою вотчину на Коломну, а Марье

Хлоповой с бабкою и дядьями жить по прежнему в Нижнем, а корм давать ей перед, прежним вдвое.

Развенчанная царевна жила в Нижнем до своей кончины. Ей по государеву указу отдан был на житье двор Кузьмы Минина, взятый в казну, как выморочный, после его смерти.

Царевна Настасья Ивановна скончалась в марте 1633 года, через десять почти лет после решительного отказа ей в супружестве с царем, в то время, когда государь был уже женат на второй супруге Евдокеи Стрешневой.

Двор Кузьмы Минина, после ее смерти снова стал выморочным и был отдан государем боярину кн. Ив. Бор. Черкасскому с братом, которые выпросили его на приезд из вотчин людям их и крестьянам [114].

Великая старица Марфа Ивановна, не соглашаясь на женитьбу сына с Хлоповой, без сомнения в тайне готовила ему невесту по своему выбору. Однако ж прошел еще почти целый год, когда государь склонился на увещания матери и по ее назначению избрал себе в невесты княжну Марью Владимировну Долгорукову, дочь боярина кн. Владимира Ти-

мофеевича Долгорукова, одного из старых родовитых бояр. Летописец упоминает, что государь не желал этого брака и согласился на него, только из послушания матери «аще и не хотя, но матери не преслушав, поят вторую царицу Марью».

И смотрите же, что Бог делает «сотворшим понасилию» присовокупляет летописатель. В первый день *веселия*, говорит он, т. е. в день свадьбы, 19 сентября 1624 г., была великая радость, а на второй день царица *«обретесе испорчена*. Грех ради наших, от начала *враг наш дьявол*, не хотя добра роду христианскому, научи, враг, человека своим дьявольским наущением и ухищрением, испортиша царицу Марью Владимировну; и бысть государыня больна и бысть скорбь (болезнь) ее велия зело, к тогож года в самое Крещение, 6 января 1625 года, предаде свою праведную душу... и погребена со многим плачем в Вознесенском монастыре с прочими царицами».

Кто был виновником этого нового несчастья для государя, кто был строителем этой новой жертвы дворских боярских интриг и козней, нам не известно [115]. «А все то зло со-

творилось от злых чаровников и зверообразных человек, восклицает современник этого события, которые нехотят видеть христианского покою и тишины, гнушаются своего государя, гордятся, в послушании и в покорении ему быть не хотят и отнюдь его не боятся, потому что очень милостив он, любит и милует их, все дает им, что ни просят, а они только своевольничают». Кто же эти они? Это все бояре по сказанию современника, который описывая первые годы Михайлова царствования имел полное право воскликнуть: «Таково-то попечение боярско о земле Русской!»

Действительно, чем ближе мы будем знакомиться в истории с этим попечением, тем яснее и понятнее будет открываться нам и личность Грозного, а также и эта необычайная народная вера в царя, как в истинного и единственного, хотя и слишком далекого своего защитника, слишком далекого по той причине, что между им и народом всегда высилась та же недоступная боярская гора, обросшая непроходимым лесом боярских же клевретов в образе всякой приказной и приказчиьей строки.

Мы тогда хорошо поймем и отзыв свободного голландца о первых годах царствования, Михаила, который в 1614 г. писал своей республике: «царь этот будет иметь счастливое и блистательное царствование, если только Всемогущий откроет ему глаза и поможет ему выполоть дурную траву во дворе и неправду своих приближенных... все приближенные царя — несведущие юноши; ловкие же и деловые приказные — алчные волки; все без различия грабят и разоряют народ. Никто не доводит правды до царя... Но я надеюсь, что Бог откроет глаза юному царю, как то было с прежним царем (Грозным), ибо такой царь нужен России, или она пропадет; народ этот благоденствует только под дланью своего владыки и только в рабстве он богат и счастлив. Вот почему все пойдет хорошо тогда лишь, когда царь по локти будет сидеть в крови». Приговор жесток, как справедливо замечает издатель этой голландской переписки [116], не менее справедливо объясняющий, что здесь должно разуть не народ собственно, а только народ приказный, а мы скажем: только народ властителей, к которому, конеч-

но, принадлежали прежде всего бояре, а за ними уже и приказные, как их же орудия в управлении и попечении о земле. Если к такому жестокому убеждению приходил свободный и практический голландец, пользовавшийся неизмеримо лучшим политическим устройством, то весьма понятно, что того же убеждения крепко держался в своей жизни и истории и наш русский народ, народ в собственном смысле, т. е. вся закрепощенная безвластная среда. Мы даже думаем, что в суждении голландца выразилась не собственная его мысль, а мысль тогдашних умных и опытных русских людей, именно из народа, с которыми торговый голландец по необходимости был в тесном знакомстве, выразилось, одним словом тогдашнее общественное мнение о дворских событиях.

Слишком через два года, 29 января 1626 г., царь избрал себе вторую супругу Евдокею Лукьяновну Стрешневу, дочь незнатного дворянина, с которою и обвенчался 5 февраля. Только за три дня перед тем ее ввели в царские хоромы и нарекли царевною. Эта женитьба совершилась благополучно; без со-

мнения были приняты все меры к тому, чтобы устранить всякие напасти от зверообразных человек. Но мы сейчас увидим, что от этих зверообразных человек не было возможности избавиться, они являлись там, где по видимому труднее всего было их встретить.

Царь Алексей Михайлович вступил на престол также очень молодым человеком, по семнадцатому году. Естественно, что управление должно было сосредоточиться в руках его дядьки ближнего боярина Бориса Ивановича Морозова, бывшего в молодых летах, как мы уже говорили, спальником у государева отца, след. близким и любимым человеком. Царь Алексей питал к нему сыновние чувства, ибо Морозов на самом деле заменял ему отца. Эти отношения должны были произвести обыкновенное в дворской жизни явление, которое повторялось всегда, при каждом государе, как только, по какой бы то ни было причине, ослабевала его власть, его непосредственное личное участие в делах управления. Борис явился таким же временщиком, какими были Салтыковы при Михаиле, Годунов при Феодоре и т. д. Однако ж, бывши дядькою, руководя

по отечески шестнадцатилетним царем, он мог спокойно самовластвовать лишь до тех пор, пока не было людей, которые стали бы к дарю в такую же близость. При его всемогуществе, конечно, и не могли явиться во дворце такие люди, ибо все углы дворца заселялись в это время самыми зоркими глазами и самыми чуткими ушами приверженцев временщика, его созданий, его пособников и милостивцев. Но существовало одно обстоятельство, которое всегда способно было прервать эту незримую, но тем не менее очень связную и потому очень твердую сеть влияния на государеву особу. Это обстоятельство, как мы указывали, заключалось в женитьбе государя, вводившей в государеву близость, вместе с его супругою, много лиц, которые тотчас же являлись сильными соперниками всякому постороннему самовластью. Это было обстоятельство самое опасное для каждого временщика и потому с его стороны в этом случае употреблялись всевозможные меры, что бы расстроить свадьбу, если она действительно была опасна в этом смысле, и направить выбор невесты согласно своим личным интере-

сам, т. е. сохранению своего положения при государе.

Таким образом для Морозова настала весьма опасная минута, когда государь задумал жениться. По обычаю собраны были девицы невесты. Из 200 девиц, съехавшихся в Москву, в выбор самому государю были представлены только шесть. Государь страстно полюбил одну из них, Евфимию Федоровну Всеволожскую, дочь Касимовского помещика Рафа-Федора Всеволожского, которой по обычаю и вручил ширинку и кольцо, как знаки обручения с нею. Но Морозов имел в виду другую невесту для государя, которая по всему вероятию была также в числе избранных. Это была одна из двух сестер Милославских. Одну из них он прочил за государя, на другой думал сам жениться, быть может с целью укрепить свои отношения к государю этою новою связью родства, которая вместе с тем закрепляла и его прежнюю близость к особе государя, ибо он становясь родственником и Милославских, им же самим возводимых на высокую степень близких к государю людей, и самому государю, — по естественным причинам удер-

живал за собою свое прежнее господствующее положение в отношении всего родства Милославских, все-таки опасных для него кандидатов во временщики. Совсем устранить силу влияния на государя этих новых людей он не имел никакой возможности: слишком велика была их близость к государю. Поэтому, чтобы сохранить старое свое положение временщика — дядьки от наплыва новых временщиков, он избирает самое верное средство, вступает с ними в родство, становится для них своим человеком, а главное делается создателем их необыкновенного благополучия и возвышения, что, конечно, еще более, увеличивает его значение и в их глазах.

Морозов действовал очень тонко и искусно. На его стороне был даже и духовник молодого царя, лицо очень влиятельное в известных случаях.

По обычному порядку Всеволожскую ввели в царские хоромы. Следовало облечь ее в царскую одежду, возложить на нее венец и наречь царевною. Все это было совершено, но при этом было что-то такое устроено с ее го-

ловным убором или с убором ее волос, что, когда она явилась пред своим женихом — государем в царском наряде, ей сделалось дурно, она упала в обморок. Того только и желали зверообразные человеки. Они объяснили, что у ней падучая болезнь, что след. к государевой радости она непрочна. Современники этой новой несчастной жертвы дворских интриг рассказывают разно об обстоятельствах дела. В письме одного шведского агента, от 1 марта 1647 г., жившего тогда в Москве, объяснено, что «14 февраля [117] его царскому величеству представлены были во дворце в большой зале 6 девиц, выбранных из 200 других, назначенными для того вельможами, и царь избрал себе в супруги дочь незнатного боярина Федора Всеволожского. Когда девица услышала об этом, то от великого страха и радости упала в обморок. Великий князь и вельможи заключили из того, что она подвержена падучей болезни; ее отослали на 3 версты от Москвы к одному боярину, чтобы узнать, что с нею будет; между тем родители ее, которые поклялись, что она прежде была совершенно здорова, взяты под стражу. Если эта девица

опять получит ту же болезнь, то родители и друзья их должны отвечать за то, и будут сосланы в ссылку. Некоторые думают, что великий князь после пасхи женится на другой» [118].

В этих последних словах есть намек на то, что участь Всеволожских предугадывалась заранее, что многие знали о тайных кознях существовавших во дворце. Эти-то козни раскрывает другой современник события, Самуил Коллинс. Он упоминает об этом происшествии в двух местах своего сочинения и видимо описывает его по слухам и по рассказам знакомых ему людей. Он говорит в одном месте, что «духовник царский [119] хотел, чтобы царь женился на другой девице, у которой была еще меньшая сестра», что когда на Всеволожскую возложили царский венец, то заговор был исполнен: «женщины так крепко завязали волосы на ее голове, что она упала в обморок, а ее враги разгласили, что у ней падучая болезнь». В другом месте Коллинс говорит, что когда Всеволожская, получивши от государя платок и кольцо, «явилась пред ним в царской одежде, Борис (Морозов) приказал

так крепко завязать ей венец на ее голове, что она упала в обморок. Тотчас объявили, что у ней падучая болезнь... Ее старого отца обвинили в измене, рассказывает далее Коллинс, за то, что он представил свою дочь на избрание больную; после мучительной пытки он был сослан в Сибирь, где и умер; а семья осталась в немилости».

Все это могло быть, а ссылка действительно состоялась, как увидим ниже. Неверно только другое свидетельство Коллинса что отец с горя умер на дороге. Он умер на воеводстве в Сибирском городе Тюмени.

Русский современник события, Котошихин, складывает всю вину вообще на боярство, на ближних людей, которые прочили за государя своих дочерей, и рассказывает, что царь «сведав у некоторого своего ближнего человека дочь, девицу добру, ростом и красотою и разумом исполнену, велел взяти к себе на двор, и отдати в бережение к сестрам своим царевнам; и честь над нею велел держати, яко и над сестрами своими царевнами, доколе будет веселие и радость». За тем следует обычное в таких печальных случаях слово:

«И искони в Российской земле лукавый дьявол всеял плевелы свои, если человек, хотя мало придет в славу и честь и в богатство, не могут не возненавидети. У некоторых бояр и ближних людей дочери были, а царю об них к женитьбе ни об одной мысль не пришла: и тех девиц матери и сестры, которые жили у царевен (при дворе), завидуя о том, умыслили учинить над тою обранною царевною, чтоб извести, для того, надеялись, что по ней возмет царь дочь за себя которого иного великого боярина или ближнего человека; и скоро то и сотворили, *упоиша ее отравами*».

Изо всех этих разноречивых свидетельств ясно одно, что злополучная невеста, нареченная уже царевною, была подобно Хлоповой сослана из дворца. Царь был очень опечален этим событием; от горя многие дни он *лишен был яди*, ничего не ел, и «после того не мыслил ни о каких высокородных девицах, понеже познал о том, что то учинилося по ненависти и зависти». Так, без малейшего сомнения, должен был объяснять ему это событие возлюбленный его дядька Борис Морозов.

Царевна сослана была из дворца в начале

февраля. 12 февраля государь пожаловал ей весь изготовленный к свадьбе постельный убор: пуховик в камчатной червчатой наволоке, изголовье или подушку, ковер под постелью, сафьянную колодку или постельную скамейку, и богатое одеяло, сшитое еще 16 дек. 1646 г. из кизылбашской золотной камки на соболях с горностаينوю опушкой. В отметке, по случаю отдачи этих предметов, сказано: «по государеву указу отдано *ссылной* больной девице Еуфимье Рафовой дочери Всеволоцкого» [120].

Февраля 15 «ходил государь на медведя» без сомнения побуждаемый Морозовым развлечь свое горе. Охота, которой Алексей Михайлович в первое время отдавался со страстью, была в руках Морозова одним из верных средств отвлекать молодого царя вообще от всяких дельных занятий. В эту, как и в предыдущую зиму государь довольно часто хаживал на медведей, волков, лисиц; а в эти дни, 21 февраля опять где-то *осочили* медведя, т. е. делали *осек* или облаву, а 22-го числа, в понедельник на маслянице, государь тешился дикими медведями в городе, на своей псар-

не [121].

В записках, относящихся к Сибирской Истории [122], отмечено между прочим, что «в 1647 г. прислан за *опалу* в Сибирь на Тюмень, Руф Родионов сын Всеволодской с сыном его Андреем и с дочерью Евфимией Федоровною, и с женою Настасьею.»

Между тем производилось вероятно расследование этого дела, по которому открыт и настоящий явный виновник *порчи* крестьянин боярина Никиты Ивановича Романова Мишка Иванов. 10 апреля 1647 г., «за *чародейство* и за *косной развод* и за *наговор*, что объявился в Рафове деле Всеволожского», крестьянина послали в Кирилов монастырь под крепкое начало, велели отдать его там старцу добру и крепкожительну... велели его держать под крепким началом с великим береженьем... Под начал, под строгий монастырский присмотр, такого рода преступников посылали обыкновенно с тою целью, чтоб они не могли чего-нибудь распространить смутного в народе. Рука Морозова и здесь должна быть заметна. Дело было нечистое и преступник, вместо простой ссылки в отдаленный го-

род, как обыкновенно наказывались колдуньи, посылается в великое береженье в приятельский Морозову монастырь, где и сам временщик потом оберегался от народной ярости, после московской смуты 1649 года.

Месяца через два после этого ссылается на Вологду один из близких людей к государю, его дядя по матери, кравчий Сем. Лук. Стрешнев, по извету в волшебстве. Мы не знаем относится ли этот случай также к делу Всеволожского, хотя по времени он совпадает с ним, но можем догадываться что и здесь видится рука всемогущего временщика Морозова, который по свидетельству Олеария очищал себе место, удаляя ближайших к государю людей, особенно его родственников дабы не могли они пользоваться противодействующим для него влиянием на государя. Арт. Серг. Матвеев прямо говорит, что извет на Стрешнева о волшбе «был составной и наученной, устроенный завистью и ненавистью, на отлучение его от государя» [123]. Быть может Стрешнев был только очистительною жертвою всего этого несчастного и горестного для государя события: надо же было отыскать

непосредственного виновника и тем отвлечь от себя даже и малейшее подозрение, и при том надо было отыскать такого виновника, который, что бельмо на глазу, служил большою помехою в самовластных действиях Морозова, каким в действительности мог быть кравчий Стрешнев, представитель еще сильного государева родства, родства государевой матери.

Через два года участь несчастного Всеволожского и его семьи была облегчена. В 1649 г. с Тюмени из опалы, он пожалован на воеводство в Верхотурье, отсюда в 1650 г., ему опять велено быть в Тюмень до государева указа. По приезде в Тюмень он помер, в 1652 г.; а после того пришел государев указ, чтобы быть ему в Тюмени воеводою. По другому известию в 1652 г. он жил еще в Верхотурье, откуда ему назначено было воеводство в Яранск, стало быть почти на полдороги ближе к Москве; но по видимому испугались этой близости ссыльных к Москве; в мае послана грамота: воротить его в Тобольск, тотчас, если он не выезжал еще с Верхотурья, а в противном случае велено было его догнать и

воротить в Тобольск, если б даже он приехал с Верхотурья в самый Яранск. Видно, что и в Сибири он был игралищем борьбы между добрыми стремлениями государя и враждебным влиянием Морозова [124]. Сибирские Записки упоминают, что Всеволожский умер на Тюмени и с дочерью; между тем сохранилась грамота от 17 июля 1653 г. к Касимовскому воеводе Ивану Литвинову, в которой раскрывается, что Рафову жену Всеволоцкого и детей ее, сына Андрея и дочь (невесту царя) и с людьми велено было отпустить с Тюмени в Касимов и быти ей и с детьми и с людьми в Касимовском уезде в дальней их деревне; а из деревни их к Москве и никуда отпущати невелено, без государева указа [125]. Коллинс, писавший свои записки около 1660 года, говорит, что царская развенчанная невеста еще была жива в это время, что со времени высылки ее из дворца ни кто за ней не знал никаких припадков, что у ней было много женихов из высшего сословия, но она всем отказывала, и берегла платок и кольцо — памятники ее обручения с царем, что царь давал ей ежегодное содержание, чтобы загладить

оскорбление ее отца и семейства. Она, говорят, и теперь еще сохранила необыкновенную красоту, замечает Коллинс [126]. — Но дело было сделано и воротить счастья было не возможно.

Опечаленный государь отложил свою женитьбу на целый год, который со стороны Морозова был употреблен на то, чтобы внушить государю и укрепить в нем мысль о браке с одною из Милославских. «Этот хитрый вельможа, говорит Олеарий, знал очень хорошо, что великому князю пора уже жениться и потому задумал предложить ему в жены дочь одного боярина, на сестре которой он сам намеревался жениться. Тогда между камер-юнкерами великого князя был некто по имени Илья Данилович Милославский (московский дворянин), имевший двух прекрасных дочерей, но ни одного сына. Милославский часто посещал Морозова (игравшего тогда при дворе главную роль, *factotum*, как обыкновенно о нем говорили) и охотно во всем помогал ему, вследствие чего пользовался у него большою милостью; он имел всегда свободный к нему доступ уже и потому, что исполнял во всем

его волю, не говоря о том, что у него были прекрасные дочери. Однажды воспользовавшись удобным случаем, Морозов начал выхвалять государю красоту дочерей Милославского и возбудил в нем охоту видеть их. Обе сестры как бы для посещения, приглашены были к сестрам великого князя (царевнам). Тут видел их государь и влюбился в старшую из них. Котоишхин рассказывает, что «случилось царю быть в Успенском соборе на молитве и узре некоторого московского дворянина Ильи Милославского две дочери в церкви стоят на молитве. Царь послал за дворовыми боярынями и велел им из тех девиц едину, мнейшую взять к себе в Верх; а как пение совершилось и в то время царь пришел в свои хоромы, тое девицы смотрии и возлюбил и нарек царевною и в соблюдение отдал сестрам своим...» Свадьба на этот раз была с играми без помехи, потому что приняты были все меры, чтобы избежать колдовства и порчи, которые приносили столько беспокойства государю и столько страха и смуты во дворец. Олеарий и Коллинс говорят, что венчание и празднество совершились чуть не в тайне,

без всякой пышности и великолепия, именно из боязни, чтоб не околдовали жениха с невестою. Напротив, празднество по обычаю было пышно и торжественно; сделаны только некоторые отмены против прежнего, которые быть может и дали повод говорить, что свадьба совершилась скромно. «На прежних государских радостях бываю, в то время, как государь пойдет в мыленку, во весь день до вечера и в ночи, на дворце играли в сурны и в трубы и били по накрюм: а ныне государь, на своей радости, накрюм и трубам быти не изволил. А велел государь во свои государские столы, вместо труб и органов и всяких свадебных потех, пети своим государевым певчим дьякам, всем станицам, перемежаясь, строчные и демественные большие стихи, из праздников и из триодей драгия вещи, со всяким благочинием. И по его государеву мудрому и благочестному рассмотрению бысть тишина и радость и благочиние велие, яко и всем ту сущим дивитися...»

В отцово место у государя был боярин Борис Иванович Морозов, с таким успехом устроивший этот царев брак. Через десять

дней он стал сверх того свояком государю, женившись уже вторым браком на другой сестре Милославской, Анне Ильичне. 27 генваря он являлся к государю челом ударить на *завтра* своей свадьбы, причем, по старому обычаю был благословлен от государя образом и пожалован дарами. Первый его брак совершен еще 5 июля 1617 года [127].

* * *

Второй брак Алексея Михайловича, на Наталье Кириловне Нарышкиной, также не обошелся без смуты, хотя и не имевшей никаких особенных последствий. С небольшим через восемь месяцев после смерти Марьи Ильичны Милославской, осенью 1669 года, государь снова приступил к выбору себе невесты. Для этого собраны были в Москву тогдашние красавицы — девицы, дочери, сестры и племянницы боярского и дворянского сословия. Смотр продолжался с ноября 1669 г. по май 1670 г. Невесты жили, вероятно, где либо в кремлевских дворцовых хоромах; но некоторые оставались на житье и у частных лиц, должно быть у своих родственников. В известные дни их привозили к государю во дво-

рец в выбор, и после смотра отправляли по своим местам; иных, как видится, отправляли прямо по домам, других, наиболее нравившихся государю, оставляли для вторичного смотра. Сохранился список девиц, которые призывались на эти смотрины [128].

178 (1669) г., ноября в 28 день, по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича, всея великия и малые и белые России самодержца указу, девицы, которые были в приезде в выборе и в котором месяце и числе, и им роспись.

Тогож числа Ивлева дочь Голохвастова Оксинья. Смирнова дочь Демского Марфа. Васильева дочь Векентьева Каптелина, живет у головы московских стрельцов у Ивана Жидовинова. Анна Кабылина, живет у головы московских стрельцов у Ивана Мещеринова. Марфа Апрелева, живет у головы московских стрельцов, у Юрья Лутохина, Лвова дочь Ляпунова Овдотья.

Ноября в 30 день. Князь Григорьева дочь Долгорукого княжна Анна. Ивановна дочь Полева Аграфена. Печатника Алмаза Ивановича внуки Анна да Настасья. Григорьева дочь Вер-

деревского Анна. Тимофеева дочь Дубровского Анна.

Декабря в 4 день. Княж Михайловы дочери Гагарина княжна Анна, княжна Марфа. Аверкиева дочь Болтина Аграфена. Тихонова дочь Зыкова Овдотья.

Декабря в 12 день. Князь Юрьева дочь Сонцова княжна Марья, Павлова дочь Леонтьева Парасковья. Викулина дочь Изволского Татьяна. Михайлова дочь Карамышева Василиса. Матвеева дочь Мусина Пушкина Парасковья.

Декабря в 17 день. Андреева дочь Дашкова. Соломонида Редрикова. Захарьева дочь Красникова.

Декабря в 20 день. Алексеева дочь Еропкина Настасья. Елизарьевы дочери Уварова Домна да Овдотья. Истопничева Иванова дочь Протопопова Федора. Романовы дочери Бунина Ольга да Овдотья.

Декабря в 29 день. Тимофеева дочь Елокачева Овдотья.

1670 г. Января в 3 день. Лаврентьева дочь Капустина Анисья. Андреева дочь Коренева Анна, живет у вотчима своего у Якима Жолобова.

Февраля в 4 день. Думного дворянина Замятни Федоровича Леонтьева дочь Овдотья. Ивана Федорова сына Нащокина дочь Марья. Кирилова дочь Нарышкина Наталья. Андреева дочь Незнанова Дарья.

Февраля в 11 день. Федорова дочь Еропкина Анна. Иванова дочь Мотовилова Марфа.

Февраля в 27 день. Васильева дочь Колычова Марфа. Ильина дочь Поливанова Марья. Иванова дочь Ростопчина Офимья. Ильина дочь Морева Ирина. Васильевы дочери Толстого Настасья да Агафья.

Марта в 11 день. Фролова дочь Синявина Федосья. Федорова дочь Смердова Варвара.

Марта в 12 день. Борисовы дочери Толстого Матрена да Марья. Елизарьева дочь Чевкина Анна.

Марта в 17 день. Богданова дочь Жедринскова Анна. Васильева дочь Загрязскова Марфа.

Апреля в 5 день. Из Великого Новгорода: Никитина дочь Овцына Анна, живет у головы московских стрельцов, у Юрья Иутохина. Петрова дочь Одинцова Лелагея, живет у Григорья Аладьина. Тимофеева дочь Сатина Федо-

сья, живет у Григорья Баяшева. Из Суздаля: Петрова дочь Полтева Дарья. С Костромы: Богданова дочь Поздеева Офимья, живет у дяди своего Матвея Поздеева. Васильева дочь Апраксина Марья. С Резани: Борисова дочь Колемина Овдотья. Назарьева дочь Колемина Оксинья.

Апреля в 1 день. Елисеева дочь Житова Овдотья. Из Володимера: Нестерова дочь Языкова Хомякова Марья, живет у путного ключника у Михайла Лихачева. Из Новгорода: Петра дочь Скобелцына Офимья. С Костромы: Пантелеева дочь Симонова Марья, живет у Володимера Асланова.

Апреля в 13 день. Артемьева дочь Рчинова Дарья. Княж Степановы дочери Хотетовского княжна Настасья, княжна Ульяна, княжна Анисья.

Апреля в 17 день. Из Вознесенского девича монастыря Иванова дочь *Беляева Овдотья*. Привез дядя ее: родной Иван Шехирев, да бабка ее Ивановская посестрия Егакова старица Ираида. Артемьева дочь Линева Овдотья.

После этих смотрин начались вторичные смотры. Видимо, что государь еще не решал-

ся, кого избрать себе в царицы. Такой вторичный смотр происходил 18 числа апреля, после чего, в ночи, девицы, взятые тогда в Верх в другой раз, были отпущены по домам. А после их, тогда ли, ночью же, или на другой день, неизвестно, была взята в Верх для вторичного смотра племянница некоего Ивана Шихирева дочь Ивана Беляева. В то время, как она находилась у государя, вероятно вместе с другими девицами, в числе которых была и Наталья Кириловна, 22 апреля во дворце объявились два подметные письма, за сургучом; одно было найдено постельным истопником перед Грановитую Палатую в сенях, другое тем же истопником усмотрено прилепленным у сенных дверей Шатерной Палаты, что ходят на постельное крыльцо. В тот же день, 22 апреля, письма были представлены шатерничими боярину и дворецкому Б. М. Хитрово, а он тотчас же поднес их государю.

Что было в этих письмах, неизвестно, но «такова воровства, и при прежних государях не бывало, чтобы такие воровские письма подметывать в их государских хоромах, а писаны непристойные...» (конца недостает). По-

дозрение однако ж пало на Ивана Шихирева, вероятно по той причине, что в письмах что-нибудь высказывалось, если не в пользу его племянницы, то быть может во вред ее соперницы или, правильнее, совместницы, Нарышкиной. Бедный Шихирев мог попасть в беду уже по одному только сплетению этих обстоятельств. Видимо, что интрига была ведена с другой стороны, главным образом против Матвеева, родственника Нарышкиной, который, государевым браком на ней, должен был приобрести еще большее влияние во дворце. Несчастный Шихирев являлся только отводом царской грозы от настоящих виновников дела.

Его взяли, обыскали и к тому еще нашли у него на дворе какие-то травы. Государь поручил расспросить его боярам. Он объяснил, что «воровских подметных писем не писывал и писать никому не веливал и в сенях перед Грановитую и перед Шатерною не подметывал». Но тут же открылось, что он очень хлопотал о своей племяннице дабы устроить ее невестою государю и даже хвастал о том, что будто бы она взята в Верх, а она еще не была

взята. На расспросе 23 апреля Шихирев рассказывал: «на святой неделе в субботу или на фоминой в понедельник, того он не упомнит, приходил к нему в гости отставленный за старостью рейтар Вологжанин Александр Александров и сидел у него с четверть часа; и позвал его, Ивана, к себе в гости; и он поехал к нему на лошади, а Александр пошел наперед пеш. И у него он, Иван, ел и говорил с ним в разговоре, что великий государь пожаловал племянницу его, указал взять в Верх, а в то время она в Верх была не взята. А как ее в Верх взяли и он Иван, после того виделся с ним Александром в Чудовом монастыре и ему про то сказывал». Спросили и рейтара, который объяснил: «на светлой неделе звал его Иван к себе после обеда вина пить; и он ходил, а вина и иного никакого питья у него не пил, потому что хмельново не пьет. А посидел с четверть часа. Да в то же время приходили к Ивану в избу выходец из полону Смольянин Елизарий Воронцов с племянником и сидели тут же. И Иван Шихирев сказывал им, что указал в. государь взять в Верх для смотру племянницу его, дочь Ивана Беляева, и он де

о том молит Бога. И он Александр позвал их к себе в гости; и у него ели и пили; а речей никаких про племянницу свою и ни про что не говаривал; а после увиделся он с ним в Чудове м. на паперти, и Иван ему говорил, что племянница его в Верх взята и чтоб де он помолился Господу Богу, чтоб над нею учинилось доброе дело.

Между тем боярин Хитрово извещал государю, что «приходил к нему на двор дохтур Стефан (фон Гаден?) и сказывал: тому де дни с три съехался с ним на Тверской улице у мучного ряду Иван Шихирев и говорил ему, что взята де в Верх племянница его для выбору и возили де ее на двор к боярину Б. М. Хитрово и боярин де смотрел у ней рук и сказал, что руки худы. А смотришь де ты их, дохтур Стефан; а племянница де его человек беззаступной, и как де станешь смотреть рук и ты де вспомоги. И он Стефан ему отказывал, что его к такому делу не призывают, да и племянницы его он не знает». Шихирев объяснил: «как станешь смотреть рук и она де перстом за руку придавит, потому ее и узнаешь. И сего де числа у благовещенского протопопа Андрея

Савиновича о том говорил же, что племянница его в Верх взята, а Нарышкина свезена...»

Против этого Шихирев рассказал: «бил он челом архимандриту чудовскому, чтоб архимандрит его племянницу объявил, т. е. представил к выбору. И возили ее на двор к боярину Богдану Матвеевичу. И сказал архимандрит, что боярин ее смотрел и говорил ему, что у ней руки худы. А смотрил де дохтур Данило, жид. И съехався (он Шихирев), ему Данилу говорил, что человек (она) беззаступной и если станет смотреть и она перстом за руку придавит. И севодня ему Данилу (он Шихирев) говорил, что племянница взята в Верх, а Нарышкина свезена; а говорил ему те слова с проста, что он, Данило, знаком».

Весьма понятны, усердные хлопоты Шихирева, чтоб царицею была его племянница. Ясно также, что выбор останавливался между его племянницею и Нарышкиною, которая для многих царедворцев была особенно неудобна по своему родству с Матвеевым. Чтобы расстроить этот брак, ненавистники Матвеева, как он сам потом свидетельствовал составили эти подметные письма, в которых

быть может высказывали что либо невыгодное и для избираемой невесты. Но злодеи были невидимы, а налицо представлялось только обстоятельство Шихирева, для которого выбор Нарышкиной разумеется, также был вовсе не желаем. Кого ж другого возможно было явно заподозрить в составлении подметных писем? Несчастливого привели даже и к пытке.

В застенке он распрашиван на крепко и подниман и к огню приношен, а в роспросе у пытки и у огня говорил прежние речи... подметных писем не писывал и никому писать не велывал и не подметывал. Пытка, кажется, была повторена. А было ему 13 ударов и огнем жжен, а с пытки и с огня говорил прежние речи..., а которые *травы* выняты у него на дворе, толченая и не толченая, и те де травы дали ему на Вологде, ныне в великой пост, а сказывали ему, что те травы (оказался зверобой) *уразные*, а велели ему те травы пить в вине и в пиве от убою, потому что он ранен...

24 Апреля стали разыскивать почерк руки этих писем. Государь велел оказать дьякам и подьячим всех тогдашних приказов из одного

письма две строки, а из другого письма подпись; и взять у них сказки на письме о том, кто письма писал, т. е. чей почерк можно в них узнать. Выбранные две строки заключали в себе следующие; 1) «достойно поднести царю или ближнему человеку, не смотря; 2) рад бы я сам объявил и у него письма вынул и к иным великим делам». Подпись была: «Артемашка», вероятно намекавшая на Артамона Сергеевича Матвеева, родственника Нарышкиной. Таким способом собраны были почерки всех приказных, служивших тогда в Москве. Сходство почерка падало на иных подьячих, напр. на Бориска Мыконкина, о котором товарищ говорил: «и я его письмо видал, как он писывал набело, не борзясь, с береженьем, и наскоро, мелко и разметисто». Но полного сходства не оказывалось ни у кого. О некоторых почерках замечали: «из всего письма иные *есть, оны*, почерком понаходят, а все, чтобы впрямь было одно письмо, не сходится».

Наконец, 26 апреля, воровские письма были оказаны на Постельном крыльце всему служилому сословию, при чем публично ска-

зан был следующий государев указ: «и вам бы, памятуя Господа Бога и святую соборную и апостольскую церковь и его государево крестное целованье, осмотря тех воровских писем признак всякими мерами, кто где такие воровские письма видал или кто подметывал, сыскивали бы про то всякими мерами. И кто из вас про такое воровское письмо проведает и ему в. государю известит и того вора обличит или где, сведав его, поймав, приведет, и в. государь пожалует его своим государевым жалованьем. А буде про того вора не проведаете и государю не известите, и от него в. государя за то вам быть в великой опале и в конечном в самом разоренье безо всякого милосердия и пощады». Очень трудно было открыть и обозначить этого вора, потому что, без всякого сомнения, он скрывался в самых царских палатах, в какой либо из личностей, заседавших в самой царской думе. Мелкое дворянство отозвалось на все эти беспокойные и тягостные для неповинных людей розыски следующим образом. Некто Петр Кокорев говорил: «лучшеб они девиц своих в воду пересажали, нежели их в Верх к смотру при-

возили!» Государь, по этому случаю, велел, в прибавку к своему указу, объявить на Постельном крыльце: «а непристойных слов таких, как Петр Кокорев говорил, не говорить, что девиц своих девок к смотру привозили напрасно, лучшеб их в воду пересажали, а не в Верх привозили».

Как и чем окончилось это дело, нам неизвестно [129]; но по всему вероятною об этом же деле говорит и Арт. Серг. Матвеев в своей третьей челобитной к царю Федору Алексеевичу, в которой между прочим пишет: «а и я, холоп твой, от ненавидящих и завидящих при отце твоём государе не много не пострадал: такожде воры, составя письмо воровское подметное, кинули в грановитых сенях и в проходных, и хотели учинить Божией воле и отца твоего государева намерению к супружеству второму браку препону, а написали в письме *коренья*... в то время завидящие мне всячески умышляли чем бы отлучить от вашей государские милости...»

Эта препона ко второму браку царя Алексея, на Нарышкиной, ограничилась однако ж тем только, что свадьба должна была совер-

шиться месяцев девять спустя после избрания невесты, именно 22 января 1671 года.

Должно полагать, что это была уже последняя препона в избрании царских невест, ибо с этого времени мы не встречаем никаких сведений о каких либо помешках царскому браку.

О первом браке царя Федора Алексеевича современники свидетельствуют, что для избрания невесты он, по обыкновению приказал собрать всех прелестнейших девиц своего царства, что ему предлагали многих княжен знатного происхождения, но он выбрал незнатную девицу Агафию Семеновну Грушецкую, что бракосочетание происходило без всякого великолепия и царской двор оставался несколько дней недоступным [130]. В расходных дворцовых записках этого времени находим имена избранных невест, которым после государь выдал подарки: «14 августа 1680 г. великого государя жалованья дано девицам, которые были в выборе в прошлом в 188 г. в июле месяце.

По зарбаву серебряному, да по отласу, да по камке, мерою по 10 аршин: Боярина князь

Фед. Фед. Куракина двум дочерям, княжне Анне Фед., да княжне Марфе Федор. Боярина Ивана Богдановича Хитрово дочери Василисе Ивановне. Окольничего кн. Данила Степановича Великого — Гаина. Отвозил Думный дворянин Никита Иванович Акинфов.

По объяри мерою по 5 арш., по камке мерою по 10 арш.: Стольников: князь Никиты княж Иванова сына Ростовского. (Взял Василий Фокин Грушецкой). Князь Семена Княж Юрьева сына Звенигородского дочери. Федора Иванова сына Головленкова дочери. Петра Андреева сына Измайлова дочери. Ивана Поликарпова сына Полтева дочери. Михаила Тимофеева сына Измайлова (дочери). Онофрея Денисьева дочери. Отвозил к ним дьяк Корнила Петров.

Объяри по 5 аршин, камки по 10 аршин: князь Алексея княж Юрьева сына Звенигородского дочери его княжне (пробел). Викулы Федорова сына Извольского дочери ево. Исая (проб.) Квашнина дочери ево. Петра Иванова сына Вердеревского дочери ево. Князь Семена княж Иванова сына Лвова дочери ево княжне. Князь Володимира княж (проб.) сына Вол-

конского дочери ево княжне. Алексея (проб.) Киреевского дочери ево. Отвозил дьяк Федор Казанцев.

И всего им государева жалованья дано четыре зарбава цена им 101 рубль; отласов сорок аршин; объярей 70 арии.; камок 180 аршин [131].

* * *

Из истории царских невест уже достаточно обнаруживается, что страх порчи должен был преследовать личность царицы каждую минуту и на всяком месте. Он отравлял ее счастливые дни излишними и в большинстве случаев пустыми, но тем не менее очень тягостными подозрениями. В ее домашнем быту порча являлась всемогущим страшилищем, из власти которого невозможно было освободиться, не смотря ни на какие предосторожности и строгости, которыми с такою заботливостью старались оградить себя от этого лиха. Но кроме порчи для царицы существовало еще страшилище, отравлявшее ее жизнь, в известных обстоятельствах, быть может еще в большей степени. Имя этому новому страшилищу было «неплодие».

Существо женской личности, возводимой из ничтожества на высокую степень царского сана, заключалось, по понятиям времени, в одном неизменном ее призвании, в *чадородии*. Царица должна была выполнить это существование свое призвание, для целей которого она и выбиралась с великою осмотрительностью из целой толпы красавиц. Она должна была дать наследника дарю и царству. В этом заключался главный, основной смысл ее царственного положения. Никакого другого смысла в ее личности не признавали и не сознавали государственные стремления, государственные положения жизни, для которых, поэтому личность царицы являлась полною жертвою. Но должно заметить, что не одни государственные стремления определяли таким образом идею женской личности. На том стояли и стремления родовые. Здесь государственные цели вполне совпадали с целями родовыми, по той причине, что государство, созданное родовой идеею, держалось тою же формою жизни, какою держался и род. В русском древнем обществе, как мы уже говорили, женская личность возвышалась,

когда своим плодом чрева доставляла, так сказать, растительное движение роду, когда делалась основой его дальнейшего развития именно в лице наследника роду, придавая тем самым, в образе *матерой* вдовы, даже общественный смысл и общественное значение своей слабой личности. Наоборот, она принижалась до сироты, до лица бесправного, она теряла настоящий смысл своего существования, если не наделял ее Бог плодом чрева, в котором и воплощался бы корень рода. Бесчадие вообще было несчастьем и даже в общественном мнении почиталось не малым зазором для женской личности; но и чады женского пола не приносили родителям и особенно отцу полного счастья. Чады женского пола все-таки упраздняли существование рода; не ими продолжался род; выходя замуж, они терялись в чужих родах; с ними погибало даже имя рода. Только мужской пол был корнем рода, поддержкою, опорой родителей, представителем их общественного значения, их имущественного и нравственного достоинства. Вот почему, в старое время, мужья очень нелюбовно смотрели на своих жен, когда не

было у них чадородия мужеска пола. Тогда несчастные жены обращались к единому утешению, к усердной молитве. С великим плачем и рыданием до исступления ума, как говорят различные сказания о таких обстоятельствах, они молились дома и в церквах, да подаст им Господь «прижити чадо мужеска полу». Очень часто и мужья разделяют с ними эту сердечную скорбь, непрестанно молясь вместе с ними, предпринимая обетные путешествия по монастырям к св. угодникам и чудотворцам. Являются многие примеры чудесных действий усердной и умиленной молитвы... Мать Александра Каргопольского Фотиния, оскорбляемая дряхлым мужем за безчадие, который говаривал ей, что стало быть есть в ней «зазор некий, рекше грех», усердно и много раз молится о рождении сына в Кириллобелозерском монастыре, сподобляется святого видения, по которому и исполняется ее благочестивое моление. Таким же образом исполняется моление о даровании сына и матери преп. Александра Свирского Василисе, молившейся о том в Введенском Островском монастыре. Молитвою Алек-

сандра Свирского дарует Бог чадо мужеска пола некоему боярину Тимофею Апрелеву, который приходил к нему с великим молением и рассказывая свою скорбь, помянул, «что ради безчадия жена моя поносиша была и оскорбляема мною, многожды же и биема от меня бываше». В другой раз «человек некий от града Корельского именем Иаков», — притекает со слезами ко гробу св. Александра, прося, да подаст Бог его молитвами плод чрева мужеска полу и от единого прикосновения к раке преподобного познает в себе силу упования и надежды, что его молитва будет услышана: Через год у него рождается отроча мужеска полу.

Эти сказания могут служить достаточным свидетельством, в какой степени было всегда сильно желание родителей иметь наследника мужского пола.

Благочестивые люди прибегали к молитве, уповали на милость Божию. Но много раз случалось, что муж бесплодную жену уговаривал обыкновенно идти в монастырь, и даже насильно постригал ее в монахини, а сам женился на другой. Само собою разумеется, что

все это делалось в высших, в знатных или же в богатых слоях общества, где поддержка и продолжение рода были во многих отношениях задачей жизни.

Если так было в частном быту, то на царском престоле этот вопрос становился в действительности одним из важнейших, особенно в московскую эпоху нашей истории, когда из многих княжеств возникло единое царство с единым самодержавным государем во главе всей земли, с единым идеалом освященной самодержавной власти; когда сверх того эта власть признается наследственной в одном лишь царственном колене. Понятно, какое значение получали в царской семье заботы о наследнике мужского пола; понятно, почему и личность царицы приносилась всецело в жертву этой государственной идее. Наследник мужеска пола является здесь не только корнем рода, но и корнем государства. Домашняя история московских государей представляет много подробностей о тех скорбях и заботах о мужском наследстве, в каких нередко проходили целые годы их брачной жизни.

Вторая супруга в. к. Ивана Васильевича,

Софья Фоминишна Палеолог, вступила с ним в брак в ноябре 1473 года. Само собою разумеется, она очень желала укрепить на Московском престоле свое племя. Хотя у в. князя и был уже наследник государству, сын первой его жены, Марьи Тверской, Иван, называемый в отличие от отца Молодым, но для Софьи очень важно было иметь и своего наследника, если не государству, так собственному хозяйству, наследника собственной независимости и самостоятельности, чего через дочерей достигнуть было невозможно.

Между тем в первые годы Бог давал этому браку одних только дочерей, которых в 1476 г. было уже три: Елена, Феодосия и опять Елена; затем целый год прошел бездетно.

Великий князь с супругою стали много скорбеть об этом, молились Богу, «дабы даровал им сынове родити в наследие царствию своему». Великая княгиня по благому совету мужа не помедлила совершить обетное путешествие к Чудотворцу Сергию, в Троицкий монастырь, пешком, усердно моля «о чадородии сынов». Под монастырским селом Клементьевым, когда великая княгиня, продол-

жала оттуда путь к самой обители, и шла в долине, т. е. в долину, лежащую под самым монастырем, она внезапно узрела святолепного инокa, шедшего ей навстречу и «имуща в руке отроча млада, мужеск пол, которого внезапно и вверже в недра великой княгини, и затем невидим бысть». Княгиня вострепетала от такого чудного видения, стала изнемогать и к земле преклоняться. Сопровождавшие ее боярыни бросились к ней на помощь в ужасе, не понимая, что могло с ней случиться. Она села, ощупывала руками в своей пазухе «вверженного отрочати» и не нашла его. «Уразуме быти посещению великого Чудотворца Сергия», — встала и с великою надеждою продолжала свой путь в монастырь. Там она провела все дни в умиленной и многой молитве, братию любочестными брашны учредила, и с радостью возвратилась в Москву. «И от того чудесного времени зачатся во чреве ее богодарованный наследник русскому царствию». 25 марта 1479 г. родился ей благонадежный сын великий князь Василий — Гавриил, который и крещен был в Троицком же монастыре у чудотворных мощей

Преподобного Сергия. Эту повесть объявил впоследствии митрополит Иоасаф, который слышал ее из уст самого чудом рожденного великого князя Василия. После того Софья имела еще нескольких сыновей [132].

Первый брак того же самого Василия на Соломаниде Юрьевне Сабуровой, избранной как выше сказано из множества девиц, был очень несчастлив именно по бездетству великой княгини. Он совершился в начале сентября 1505 г., когда в князю было уже 26 лет. По тогдашним обычаям это был самый поздний брак. И вот прошли двадцать лет, Бог не благословлял детьми этого супружества. Ни молитвы, ни обеты, ни богомольные путешествия по монастырям не были благословлены рождением чада. Не помогло и волхвование, к которому не раз тайно обращалась великая княгиня, чувствуя свое безвыходное горе, спасая себя, свое положение, восстанавливая любовь мужа, которая год от году все больше охладевала. Была великая причина этой не любви мужа к своей неплодной супруге — не было прямого наследника царству, которое по смерти Василья должно было перейти в

руки его братьев, не умевших, по его словам и своих уделов управить. Было, след. о чем подумать и поскорбеть. Естественным путем должна была придти мысль о разводе с неплодною женою и о браке с другою, более счастливою супругою. Однажды, в великой кручине о своей неплодной супруге, ехал в князь на богомолье ли или для потехи [133], на охоту, и увидевши на дереве птичье гнездо, горько заплакал. «Сотвори плачь и рыдание велико: о горе мне бездетному! Кому я себя уподоблю! к кому могу приравнять себя! Вот птицы небесные — и они плодовиты! и звери земные — и те плодовиты! и вода плодовита: она играет волнами, в ней плещутся и веселятся рыбы! Господи! и к этой земле я не могу приравнять себя, — она приносит плоды на всякое время!»

Этот плачь близок уже был к решению дела. Возвратившись осенью из путешествия, государь начал думать с своими боярами о великой княгине, что неплодна, и с плачем говорил им: «кому по мне царствовать в Русской земле? братьям ли оставлю, но братья и своих уделов не умеют устраивать? Бояре от-

вечали: «князь великий, государь! неплодную смоковницу посекают и измежут из винограда!..» Но не все бояре так думали. На эту мысль и самого князя наводили и укрепляли ее в нем лишь одни его верные слуги, его приверженцы, его созданыя, для которых вопрос о прямом наследнике Василия соединялся с вопросом собственного счастья. Напротив того, для других бездетство Василия, по многим отношениям, становилось торжеством и они в тайне радовались, что этот самовластительный государский род может наконец сам собою угаснуть. Эти-то другие сумели придать разводу Василия с неплодною женою великое церковное значение, возвели его в неразрешимый грех, вовсе не упоминая о том, что бывали давно уже примеры княжеских разводов, и именно в московском же колене. Еще сын Ивана Калиты, Симеон Гордый, развелся с первою своею женою за то только, что показалась она ему испорченною. Вот что рассказывает об этом событии родословная книга: «князь великий Семион Иванович Гордой женился у князя Федора Святославича Смоленского: была у него одна дочь Еупраксия. И ве-

ликую княгиню Еупраксию на свадьбе испортили: ляжет с великим князем на постелю, и она ему покажется мертвец. И князь великий великую княгиню отослал к отцу ее, а велел ее дати замуж. И князь Федор Святославич дал дочь свою замуж за князя Федора за Красного за Большого Фоминского. А у князя Федора с тою княгинею было 4 сына». Такого примера было бы достаточно для оправдания теперешних намерений государя. Но про старину не хотели в это время поминать. Не смотря на противодействие, великий князь настоял на своем, развелся с женою и принудил ее постричься в монахини, в ноябре 1525 г. В сказаниях об этом событии отразился также различный взгляд на дело. Одни, с целию оправдать государя, рассказывают, что Соломония, видя свое неплодство долго умоляла государя облечь ее в иноческий образ, что Василий противился ее просьбе, указывая, что не может разорить брак, что в. княгиня обратилась тогда с молением к митрополиту Даниилу, который со всем духовным чином и убедил государя исполнить ее непреклонное желание. «Постриже в. княгиню, по совету ее, тяго-

сти ради и болезни и бездетства». Но другой рассказ несравненно ближе к истине. «Она, по рассказу Герберштейна, плакала и кричала, когда митрополит в монастыре совершал ее пострижение; никак не хотела надевать кукуль; вырвала его из рук митрополита, бросила на землю и топтала ногами. Иван Шигона, один из самых приближенных людей государя, в негодовании на такую дерзость, стал ее жестоко бранить и ударил даже плетью, сказавши: Как ты смеешь сопротивляться воле государя и медлить исполнением его приказания? — А тебе кто дал право бить меня? — восклицала Соломония. — Я исполняю государево повеление, ответил Шигона. — Тогда в несказанной скорби несчастная объявила пред всеми, что ее постригают насильно, что нет ее желания идти в монастырь и молила Бога отомстить за ее обиду.

Ее постригли с именем Софьи, в Москве, в Рождественском девичьем монастыре; постригал не митрополит, а игумен Никольского Старого монастыря Давид. После ее отправивши в Суздальский Покровский монастырь, где она и оставалась до кончины. В.

князь наделил ее, после своей женитьбы, особою вотчиною, селом Вышеславским с деревнями и со всеми угодьями [134].

Причиною развода, как указано летописцем, не было исключительно одно только неплодие. Его облекли в немощь, в болезнь, о которой был даже розыск, следственное дело. В числе разных бумаг царского архива, при Иване Грозном, сохранялись «*списки: сказка Юрья Малово и Степаниды Рязанки и Ивана Юрьева сына Сабурова и Машки Кореленки (вероятно колдуньи) и иных, про немочь великия княгини Соломониды*» [135]. Из этого дела до нас дошел отрывок, именно сказка Ивана Сабурова, брата Соломонии, весьма живо характеризующая и личность и безвыходное положение несчастной царицы. Сабуров 23 ноября 1525 г. рассказал следующее: говорила мне великая княгиня: есть жонка, Стефанидою зовут, Рязанка; а ныне на Москве; и ты ее добудь, да ко мне пришли. Я отыскал Стефаниду, зазвал сначала к себе на двор, и потом послал ее к великой княгине с своею жонкою Настею; и та Стефанида была у великой княгини; и Настя сказывала мне, что Сте-

фанида воду поговаривала и смачивала ея великую княгиню; да и смотрела ее на брюхе и сказывала, что у великой княгине детям не быть. А после того пришел я к великой княгине и она мне сказывала: присылал ты ко мне Стефаниду и она у меня смотрела, сказала, что у меня детям не быть; наговаривала мне воду и смачиваться велела для того, чтоб князь великий меня любил; наговаривала воду в рукомойнике и велела мне смачиваться тою водою; а когда понесут к великому князю сорочку и порты и чехол и она мне велела из рукомойника тою водою, смочив руку, да охватывать сорочку, порты и чехол и всякое другое белье. — Мы хаживали к великой княгине, прибавил Сабуров, за всяким государевым бельем, и в. княгиня, развернув сорочку или другое белье в. князя, да из того рукомойника и смачивала то платье. — Сабуров еще рассказал случай: «говорила мне великая княгиня: сказали мне про одну черницу, что она дети знает, (а сама без носа); и ты мне добудь ту черницу. Розыскал я и эту черницу; пришла она ко мне во двор и наговаривала, не помню, масло, не помню, мед пресной, да и

посылала к великой княгине с Настею и велела ей тем тереться для тогож, чтоб ее князь великий любил да и для детей. После того я и сам был у в. княгини; она мне сказывала: приносила мне от черницы Настя, и я тем терлась». Да что мне и говорить, примолвил Сабуров, мне того не изпамятовать, сколько ко мне о тех делах жонок и мужиков прихаживало» [136].

Это была другая, тайная сторона действий, желаний и исканий цариц, дабы излечить немощ своего неплодия. По суеверию века заботы помочь себе знахарством, волшбою шли рядом с усердными молитвами, обетными богомольями, вкладами по монастырям и церквам, переплетались, так сказать, с благочестивыми подвигами, вызываемыми одною и тою же целью получить силу чадородия и тем привлечь любовь государя.

Должно заметить, что в тот век знахарство и волшба или ведовство, как область реальных практических, хотя бы и младенческих знаний о разных силах естества и тайнах природы, не смотря на то, что были отречены и прокляты, всегда и повсеместно были при-

нимаемы, как обычное врачество материальное, вещественное, которое невозможно было миновать людям, искавшим вещественной же помощи в своих недугах, телесных и сердечных. Ведуны и ведьмы прежде всего были лекаря и лекарки, — врачи. Они сами так понимали свою специальность, так понимал ее и народ. Но это было врачество мирское, знание отреченное, противное врачеству духовному по той причине, что оно утверждало свои действия тайнами сего мира, уклонялось от действий, благословенных и указанных церковью, ставило самочинно в противность тайнам благословенным свои греховные, бесовские тайны. Вместо слов молитвы оно ставило слова заговора или наговора и усердно веровало с силу этих слов; вместо благословенных и освященных действий, (см. выше стр. 230, 231), оно ставило действия нечестивые и усердно ожидало от них помощи. Но как бы ни было, под эту мифическую оболочкою оно хранило действительные познания естества, которые действительно в иных случаях врачевали, исцеляли недуги и тем всегда оживляли и поддержива-

ли народное верование в особенные силы ведовства. Оттого в народных понятиях естественное врачевство не было отделяемо от волшебства и врачи не только по профессии, но даже и именем не различались от волхвов. Так одно поучительное слово касательно волшбы запрещает «к врачам ходити», т. е. к волхвам, которых русский писец XVI в. отождествил с врачами и наоборот [137]. Самое слово: *ведовство*, знахарство, должно показывать, что в основе волхвования лежала идея реальных знаний о природе, прикрытых лишь мифическою оболочкою, суеверием, которыми прикрывалось в те века всякое знание и вообще наука. Вот почему, не смотря на гонения со стороны врачевства освященного, не смотря на сожжения волхвов и вещей женок, мирское отреченное волшебство оставалось все-таки великою силою в жизни народа и к нему в трудных и безвыходных обстоятельствах по необходимости прибегал всякий, искавший себе помощи, не исключая даже и гонителей.

После развода с Соломониєю Василий избрал себе в невесты княжну Елену Глинских,

дочь умершего нововыезжего князя Василия Львовича Темного-Глинского, из рода знатного, но иноземного, литовского, который изменив литовскому королю, вскоре изменил было и Москве в лице своего головы, родного дяди избранной невесты, князя Михаила Львовича. Неизвестно, как происходило избрание государевой невесты; но вероятно обычным же порядком, т. е. повсеместным собранием всех тогдашних красавиц, из которых больше всех полюбилась княжна Елена, жившая у матери, вдовы Анны. Надо заметить, что несчастный дядя невесты, Михаил Глинский, был воспитан в Германии, долго там жил, находясь в службе у герцога Саксонского Албрехта и у императора Максимилиана в Италии, прославился военными заслугами и был предан немецким обычаям, которых без сомнения держались и его братья, Иван и Василий, отец невесты. Таким образом и Елена была воспитана в среде более или менее иноземной, в обычаях, которые быть может многим и к лучшему отличали невесту от ее сверстниц ж соперниц, что и должно было остановить на ней выбор государя [138].

О *свадебницах*, так назывался в народе рождественский мясоед, 28 января 1526 г., Василий обвенчался с новою супругою — «оженися, яко лепо бе царем женитися», т. е. с подобающим царскому сану торжеством и веселием. Во время свадьбы известный впоследствии наперсник Елены, молодой князь Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский находился вместе с своим отцом кн. Федором Васильевичем в числе самых доверенных и приближенных к государю свадебных чинов. Отец его по свадебному разряду занял тогда очень важную должность конюшого: ему «велено быти у государева коня и ездити весь стол и вся ночь круг подклета (спальни новобрачных) с саблею голою или с мечем». Сын находился в числе детей боярских четвертым у брачной постели, вместе с дворовыми боярынями, вдовами ближних бояр Челядних, Еленою и Аграфеною: Последняя была ему сестра, и потом была избрана в мамы к новорожденному малютке Грозному. Сверх того ему тогда же было назначено: «колпак держати у великого князя и спати у постели и в мыльне мытися с великим князем», что

обыкновенно поручалось самым приближенным, так сказать домашним, комнатным людям. Таким образом сердечная связь Елены с Овчиною, как его обыкновенно называли, объясняется давнишним приближением его семейства к государевой комнате, и особенно через Аграфену Челяднину, его сестру, которая была за мужем за Васильем Андреевичем Челядниным, государевым дворецким (ум. 1518 г.) братом государева конюшего Ивана Челяднина и сыном тоже государева конюшего, Андрея Челяднина, который был в этом чину еще при отце в князя Василия. Знатный чин конюшего давался только самым близким, любимым и заслуженным людям. Незадолго перед кончиною великого князя и Овчина получил звание конюшего.

Враги великого князя, не одобрявшие его второй брак, тотчас же распустили молву, что бывшая супруга, теперь монахиня, Соломония, беременна и скоро разрешится. Герберштейн рассказывает, что «этот слух подтверждали две боярыни, жены близких к государю людей, именно вдова казначея Юрья Молово Траханиота (Варвара) и жена постельни-

чего Якова Мансурова [139]. Они говорили, что слышали от самой Соломонии о ее беременности и близких родах. Великий князь очень смутился этою молвою, удалил из дворца обеих боярынь, а вдову Траханиота приказал даже высечь за то, что она раньше не донесла ему об этом. Он послал в монастырь к Соломонии разузнать дело на месте своих дьяков Третьяка Ракова и Меншого Путятина. Чем окончилось исследование, нам неизвестно. Герберштейн, продолжая свой рассказ, говорит что в его бытность в Москве выдавали за истину, что Соломония родила сына, именем Юрья, и никому его не показывала. Когда к ней явились посланные узнать истину, она, будто бы, сказала им: вы недостойны того, чтобы глаза ваши видели ребенка; а вот когда он облечется в свое величие (станет царем), то отомстит за оскорбление матери». Но некоторые решительно не верили, что Соломония действительно родила. И таким образом этот слух остался сомнительным, замечает Герберштейн. Во всяком случае сказка очень любопытна. Она характеризует стремление боярской и вообще дворской среды и на самом де-

ле есть крамольная попытка внести смуту и в государеву семью и в государство, первая попытка поставить самозванца, которая как порождение деспотизма и самовластия олигархов — правителей впоследствии развилась органически в самых широких размерах — и возрождалась мгновенно, при всяком смутном государственном обстоятельстве.

Вступив во вторичный брак единственно только с политической целью дать государству наследника, великий князь освятил этот брак в самом начале молитвою о чадородии. Через месяц после свадьбы, 4 марта, назначая в Новгород архиепископом своего любимца, архимандрита Можайского монастыря Макария, Василий, поручил ему, как приедет на паству, «в октеньях молити Бога и Пречистую Богоматерь и чудотворцев, о себе и о своей княгине Елене, чтобы Господь Бог дал им плод чрева их», о чем действительно и молились по всей епархии в церквах и монастырях.

В конце года великий князь совершил богомольный поход в Тихвин, к Тихвинской Богоматери, куда приехал вместе с владыкою

Макарием, 24 декабря, в навечерие праздника Рождества Христова, пробыл там три дня и три ночи, молился «о здравии и о спасении и чтобы ему Господь Бог даровал плод чрева... великую веру и умильное моление показал ко всемилостивому Спасу и Пречистой Богородице и к Их Угодникам; показал многую милость к печальным людям, которые в его государевой опале были, многие монастыри мждостынями удоволил»... [140]

Но прошло и еще почти два года, а Господь не благословлял детьми и этого брака. Осенью 1528 г. Великий князь прожив до Филипповских заговен в Новой Александровой слободе, предпринял оттуда новый богомольный поход по монастырям, к чудотворцам, вместе с великою княгинею; был в монастырях: Переяславских, Ростовских, Ярославских, на Белом озере в Кириллове монастыре, на Кубенском озере, в Спасо-Каменном монастыре, везде милостыню великую давал и потешение по монастырям и в город попам; а велел молиться о чадородии, чтоб дал Бог *отрод* у него был. В Переяславле основывал тогда свой монастырь препод. Даниил, ученик Паф-

нутия Боровского. Посетив св. старца «паче мимошедших лет простирал к нему свою любовь: близь себе седети повелеваше; для него освобождал повинных от смерти; завещал поставить в монастыре каменную церковь во имя св. Троицы, для чего и запас к церковному зданию послал... И бывши у преподобного в монастыре — братского хлеба изволил вкусити, такожде и от кваса монастырского пия, бе бо квас вельми препрост... но радостного умиления исполнялся самодержец, и как некоею надеждою огражден, возвращался в свой царский дом. Иногда же посылал в монастырь к преподобному Даниилу и повелевал к себе принести хлеба и квасу братского, также и к царице своей, и вкушал с верою. И сладостно и полезно вменяшесе им... Вел. князь, по словам любимца его Макария, «не умалял подвига в молитве, не сомневался от долгого времени своего безчадства, не унывал с прилежанием просить, не переставал расточать богатство нищим, путешествуя по монастырям, воздвигая церкви, украшая св. иконы, монахов любезно упокоивая, всех на молитву подвизая, совершая богомольные по-

ходы по далечайшим пустыням, даже пешком, вместе с великою княгинею и с боярами; всегда на Бога упование возлагая, верою утверждаясь, надеждою веселясь... желаше бо по премногу от плода чрева его посадити на своем престоле в наследие роду своему... [141]

Таким образом четыре с половиною года протекли в непрестанных молениях, в непрестанных подвигах благочестия и милосердия. В последнее время с особенною верою супруги прибегали в своих молитвах к препод. Пафнутию Боровскому. Молитва была услышана: Господь внял стенаниям и слезам супругов и «разверзе союз неплодства их». 25 августа 1530 г. была великая неизреченная радость вел. князю и вел. княгине и всему московскому государству: в этот день Бог даровал государю сына Ивана, *молитвенный плод*, столько времени и с такою горячностью ожидаемый не только родителями, но и всеми друзьями государя и государства. В 1584 г. рязанский епископ Леонид свидетельствовал пред царем Федором Ивановичем, как о деле всем известном, что «по прошению и по молению преподобного Пафнутия чудотворца дал Бог

наследника царству и многожеланного сына отцу. (А. И. И, № 216). Это утверждается еще и тем, что восприемниками от купели новорожденного царевича были избраны ученики преп. Пафнутия, Даниил Переяславский и Кассиян, по добродетели прозванный Босым, собеседник преп. Иосифу Волоколамскому. Крещение происходило в Троицесергиевом монастыре, у мощей преп. Сергия, общего учителя и наставника, где Даниил своими руками носил младенца во время литургии и к причастью св. Таин. Благочестивое и богомольное настроение мыслей указало, что рождение царственного младенца не было просто, как иным случается. Оно заметило, что «когда отроча во чреве матери растяше, то печаль от сердца человекам отступаше; когда отроча во чреве матери двигалось — то стремление иноплеменной рати на царство низлагалось. (Здесь разумеется, вероятно, удачный поход на Казань, весной того же года [142]). Рассказывали также, что в. княгиня во время своей беременности, яко бысть близ рожения, спросила одного юродивого Дементия, кого она родит. Он, юродствуя, отве-

чал: родится Тит — широкий ум. Она еще больше стала молиться, чтоб исполнилась ее надежда. За девять дней до рождения, в Успенъев день, служили иереи обедню, вовсе не ведая, что в. княгиня уже непраздна. Когда на ектении среди обычных молений о царе и о его царице, следовало произнести, *еже пода-ти им плод чрева*, — один клирик внезапно, яко сном объят, возгласил: *и о благородном чаде их*» и в изумлении оглядывал других служащих, желая знать о имени царского отрока; затем, опомнившись, произнес уже обычные слова [143]. Богодарованному отроку наречено имя: Иван, «еже есть усекновение Честные Главы», сказано в летописи, обозначавшей день памяти Крестителя.

Ни одному царскому рождению не придавали такого великого значения и особенного смысла, как этому рождению будущего грозного царя. Летописцы записали, что будто бы в час его рождения по всей Русскои земле внезапно был страшный гром, блистала молния, как бы основание земли поколебалось; — после узнали, что в тот час родился государь Иван Васильевич.

Через два года с небольшим, 30 октября 1532 года, родился у Елены другой сын Юрий, восприемником которого тоже был Даниил Переяславский. За тем, 3 декабря 1533 г., великий князь скончался, оставив по себе двух малолетних наследников.

* * *

Царь Иван Васильевич женился первым браком на Анастасии Романовой, на семнадцатом году, 3 февраля 1547 г. Бог не благословил их детьми в первые два года супружества. По благочестивому примеру отцов, молодые супруги стали усердно молиться о своем неплодии.

21 июня 1548 г. (когда прошло уже 16 месяцев, а наследника у царицы не было), в последнюю неделю Петрова поста, государь со многим желанием и с великою верою совершает обетное богомолье к Троице пешком с царицею и с братом. С тою же по всему вероятию мыслью о чадородии и царица особо предпринимает, 14 сент., новое богомолье к Троице, также пешком, по обещанию. Через неделю, за нею выехал в монастырь и сам государь. Спустя год после этого обетного бого-

моля, 10 авг. 1549 г., у супругов родилась дочь Анна. Государь так был обрадован рождением дитяти, что тогда же в Новодевичьем монастыре заложил обетный храм во имя Иоакима и Анны; слушал там всенощную и заутреню и на утро другого дня, 18 августа, освятив этот обыденный храм, крестил в нем новорожденную дочь. Через год, Однако ж, младенец скончался. Другая дочь, Марья, родившаяся 17 марта 1551 г., также скончалась младенцеви. На следующий год (1552) 11 октяб. родился сын Димитрий в то самое время, как дар окончил так счастливо завоевание Казанского Царства. Радость его о рождении наследника была неизреченна. Связывая значенье *казанского* *взятья* с победою над Мамаем, он дал сыну имя в память прародителя Дмитрия Ивановича Донского, первого победителя Татар. По приезде из похода в Москву государь вместе с царицею возил новорожденного в Троицкий монастырь к крещенью. Потом, весной следующего года царь повез с собою младенца даже в Кириллов монастырь, на Белоозеро, когда отправился туда молиться вместе с царицею, по случаю своего выздо-

рождения от болезни. Но к великой горести родителей, младенец скончался на обратном их пути в Москву, в июне 1553 г. Царь и царица зельною печалию объаты быша и сугубо скорбяше, понеже неимуще ни единого чада. Снова предпринимают они богомольный поход по чудотворцам, молятся в Ростове у великого святителя Леонтия, прося у Бога чадородия в наследие своему царству; молятся в Переяславле у гроба преподобного Никиты и у честных его вериг; молят со слезно св. Никиту, как благонадежного ходатая к Богу. Молитвами угодника Бог отнял скорбь от их сердца. Того ж дни приидоша в град Переяславль и в царском доме своем обрадованно почиша. И ту царица зача во чреве своем. И отгуду приидоша в царствующий град Москву, веселящеся, благодаряще Бога. Егда же приспе время, родися им благодарованный сын (1554 г. марта 28) и наречен бысть отчим именем царевич Иван. Потом родися царю царица Евдокея, 1550 февр. 26, и царевич Федор, 1557 мая 11. Царица на третьем году скончалась (в июне 1558 г.): сыновья же, как известно, достигли совершенного возраста.

Но видимо их здоровье сохранено надолго молитвами и заступлением того же Угодника Божия преподобного Никиты. Однажды, когда царевич Иван был уже по второму году, царица по обыкновению отдыхала, а царевич у кормилицы сидел на коленях. Внезапно кормилица слышит позади себя, на лавке, воду KloKочущую в оловянном сосуде. Кормилица в испуге вскочила с царевичем, додумавши, что сосуд *проутлился* т. е. протек; а в сосуде сохранялась вода, взятая из кладезя святого Никиты. Тут была приставница мама царевича Фотинья. Она тотчас приняла к себе царевича на руки, взяла потом сосуд, и паки возгреме вода в сосуде» в руке Фотиньи, так что даже сама собою открылась крышка и кипящая вода потекла из сосуда, исходя *двумя источниками* (быть может намек на двух сыновей царя). Благоразумная Фотинья, разумея, что это благодать Божия, принимала рукою кипящую воду и возливала ее на главу и на лице и на все тело царевича, приговаривая: «буди сие Божие милосердие на многолетное здравие и радость благородным твоим родителям и тебе государю и всему вашему

царству». Проснулась и сама царица. Рассказали ей все, как было. Взяла она сосуд в свои руки и «паки воскипе вода и возливашеся на руже ее». Царица благодатную ту воду возлила на свое лице и на перси. Умывались тою водою и все живущие там (во дворце): видеша благодать Божию, дивляхуся, славяще Бога и великого в чудесех Никиту. Возвещено же бысть чудо сие и великому государю [144].

Подтверждением этому сказанию может служить то обстоятельство, что спустя 2 года по рождении царевича Ивана, и сент. 1556 г. царь с царицею и с сыном, предприняв обычный поход к Троице, проехал оттуда в Переяславль к Никите чудотворцу и повелел игумену общину соделати и велий монастырь соградиша... Известно, что в XVII ст., в числе домовых, сенных храмов и престолов на царицыной половине дворца, существовал и придел Никиты Переяславского, устроенный по всему вероятию еще при Грозном, в особенное уважение к покровительству св. угодника Никиты. Он находился в храме св. Лазаря, в нижнем этаже сенной царицыной церкви Рождества Богородицы.

В одно время, как царь Иван Вас. вступал в седьмой и последний свой брак, он женил и младшего своего сына Федора на сестре Бориса Годунова, Ирине Федоровне, весной 1580 года. Федору в это время было уже 23 года. Рассказывают, что отец решился женить его по той причине, что у старшего его брата Ивана не было детей, что след. царский род мог остаться без наследника. Простой умом и болезненным телом Федор однако ж не был способен укрепить на престоле царский корень. Ирина же Федоровна, подобно Соломонии, испытала несчастье бездетства, которое не повлекло за собою развода единственно только потому, что в наследники царства шел уже твердою стопою ее брат Борис. В первые года этого брака и сам Годунов очень заботился о чадородии сестры, ибо тем только он и мог твердо держаться у царского престола. В 1585 году он поручает англичанину Горсею разведать у ученых английских докторов о средствах «к зачатию и нарождению детей», и привести: в Москву «докторицу, искусную во врачевании женских болезней и безчадия».

Горсей выспрашивал мнений и наставлений ученых врачей оксфордских, кембриджских и лондонских, и, наконец просил королеву (Елизавету) отправить с ним в Россию опытную повивальную бабку. Повивальная бабка была привезена в 1586 г. [145] Но она не только не была допущена к царице, но даже и не привезена в Москву. Ее задержали в Вологде; там она, как сосланная, жила целый год и потом уже отпущена в Англию. Возвратившись на родину, бабка подала в московское торговое английское общество просьбу на Горсея, в которой требовала с общества проторей 100 фунтов стерлингов, объяснив притом, что Горсей обманул королеву, сказав будто бы царица Ирина при выезде его из России была в пятом месяце своей беременности, между тем как ее в течение целого года и не потребовали к царице.

Обманывал ли в самом деле Горсей королеву или, чему трудно поверить, бабка выписывалась Годуновым лишь для того, что царица Ирина «со времени своего супружества часто бывала беременна» — дело темное, как и многое множество дел тогдашнего века. Извест-

но, что Горсей был самым преданным услужником Годунова, который за то и оказывал ему необычайные ласки и милости [146].

Горсея после обвинили, и даже хотели повесить, за то между прочим, что привезя в Россию повивальную бабку для царицы, он тем оскорбил честь царицы. Но по-видимому все оскорбление состояло лишь в том, что этому делу королева по недоразумению дала излишнюю гласность.

Заботы Годунова о чадородии царицы — сестры, в первое время ее брака, являлись насущною необходимостью для сохранения и укрепления его положения при царском лице. Они тем более были необходимы, что по некоторым, весьма вероятным сказаниям, царь Иван Васильевич оставил завещание, что если Ирина, через два года (после его смерти) не будет матерью, то Федору развестись с нею и жениться на другой. Сверх того не желал и народ бездетного царского супружества. Действительно, года через два или три по вступлении на царство Федора, составиля заговор против самовластного временщика. Митрополит Дионисий, бояре Шуйские

и их сторонники, а также гости и все люди купеческие сошлись на совет и рукописанием утвердили бить челом государю, чтоб он «чадородия ради второй брак принял, а первую свою царицу Ирину Фед. отпустил бы в иноческий чин» [147]. Общим советом была избрана бездетному государю и невеста, сестра боярина князя Фед. Ив. Мстиславского, княжна Ирина Ивановна. Годунов скоро успел расеять вместе с людьми и самую память об этом предприятии. Невесту тайно увезли из дому и постригли в монахини [148]. Между тем царица продолжала молиться о чадородии. В 1589 г. после торжества поставления первого в Москве патриарха Иова, Константинопольский патриарх Иеремия, вместе с прочим духовенством, был приглашен и в палату к царице, благословить ее. Когда совершилась эта церемония, то на средину палаты вышел почтенных лет боярин и возгласил патриарху, чтобы он помолился о здравии и благополучии царя и царицы и просил бы Господа Бога о даровании им наследника. С тою же просьбою обратился старец и ко всем спутникам патриарха, которые все громким голосом

стали молить Бога о исполнении желания царицы. Вслед за тем и сама царица «с большим чувством и со слезами просила духовенство молиться усерднее Господу о даровании ей наследника. Все плакали, ибо очень были тронуты этою мольбою царицы и воссылали еще раз самые усердные моления, заключив их словами: Пошли ей, Всемогущий Господи, то, что для нее самое важное, а именно, наследника ее царству [149]. Наконец в июне 1592 г. царица разрешилась дочерью Феодосиею, которая вскоре и скончалась. В 1589 г. царь Федор помер без наследника. С ним прекратился и род царя Ивана Васильевича, московский царский род, обессилевший и совсем угасший в борьбе с боярскими родами, которым с этой минуты открылся желанный путь к царскому престолу.

* * *

В XVII ст., в роде Романовых, царицы, к их счастью не испытали особенных печалей неплотия. Но заботы о чадах мужеска пола не покидали и их. Коллинс рассказывает слух, что если бы супруга Алексея, царица Марья Ильична Милославских, не разрешилась, по-

сле 4 дочерей, вторым царевичем Феодором, то и она была бы пострижена в монастыре. Так, вероятно, соображало общественное мнение в то время, хорошо помнившее прежние события в царской семье.

Вторая супруга царя Михаила, Евдокея Лукьяновна Стрешневых, после не совсем благополучных родов царевичем Василием, который вскоре помер, в течении шести лет (1639–1645 г.), до самой смерти царя, оставалась безчадною. Царица, по свидетельству современников, с того времени «была перед прежним скорбна и меж супругами в их государском здоровье и в любви стало не по прежнему»... Супруги молились и великую веру показали к препод. Александру Чудотворцу Свирскому, коего св. мощи были обретенны в течение тех же лет, в 1641 году. Царь в 1643 г. устроил для мощей Чудотворца богатую серебряную раку, а царица «устроила швейным художеством своима рукама, со благородными своими чады (дочерьми), цветных синет на плащанице образ св. Живоначальные Троицы и преподобного отца Александра, и украсила златом и сребром и бисе-

ром (жемчугом) со драгим камением, и повеле-
ла положить на многочудесные мощи пре-
подобного»...

ГЛАВА IV ОБРЯД ЦАРИЦЫНОЙ ЖИЗНИ, КОМНАТНОЙ И ВЫХОДНОЙ

Замкнутость царицына быта. Повседневное молитвенное правило. Молитва и милостыня, как общая стихия царицыной жизни. Богомольные выходы и выезды, повседневные и годовые. Приемы праздничные. Приезжие боярыни. Столы праздничные. Столы семейные. Особые торжественные приемы иностранных цариц и высших духовных властей. Приемы повседневные. Очерк комнатной повседневной царицыной жизни. Выезды для гулянья.

«**Н**и одна государыня в Европе, говорит Рейтенфельс, современник царя Алексея, не пользуется таким уважением подданных, как русская. Русские не смеют не только говорить свободно о своей царице, но даже и смотреть ей прямо в лицо. Когда она едет по городу или за город, то экипаж всегда бывает

закрыт, чтобы никто не видал ее. Оттого она ездит обыкновенно очень рано поутру или ввечеру. Царица ходит в церковь домовую, а в другие очень редко; общественных собраний совсем не посещает. Русские так привыкли к скромному образу жизни своих государынь, что когда нынешняя царица (Наталья Кириловна Нарышкиных), проезжая первый раз посреди народа, несколько открыла окно кареты, они не могли надивиться такому смелому поступку. Впрочем, когда ей объяснили это дело, она с примерным благоразумием охотно уступила мнению народа, освященному древностью.

«Русские царицы проводят жизнь в своих покоях, в кругу благородных девиц и дам, так уединенно, что ни один мужчина, кроме слуг, не может ни видеть их, ни говорить с ними; даже и почетнейшие дамы (боярыни) не всегда имеют к ним доступ. С царем садятся за стол редко (Царь обедает обыкновенно один, а ужинает по большей части вместе с царицею.) Все занятия и развлечения их состоят в вышивании и уборах. Нынешняя царица Наталья хотя отечественные обычаи сохраняет

ненарушимо, Однако ж будучи одарена сильным умом и характером возвышенным не стесняет себя мелочами и ведет жизнь несколько свободнее и веселее. Мы два раза видели ее в Москве, когда она была еще девицею. Это женщина в самых цветущих летах, росту величавого, с черными глазами на выкате, лице имеет приятное, рот круглый, чело высокое, во всех членах тела изящную соразмерность, голос звонкий и приятный и манеры самые грациозные».

Мейерберг, бывший в Москве лет десять прежде, при царице Марье Ильичне Милославских, рассказывает, что «за столом государя никогда не являлись ни его супруга, ни сын, (Алексей Алексеевич), которому тогда было уже десять лет, ни сестры, ни дочери его. Уважение к сим особам столь велико, что они никому не показываются. Из тысячи придворных едва ли найдется один, который может похвалиться, что он видел царицу или кого либо из сестер и дочерей государя. Даже и врач никогда не мог их видеть. Когда, однажды, по случаю болезни царицы, необходимо было призвать врача, то прежде чем ввели

его в комнату к больной, завесили плотно все окна, чтоб ничего не было видно, а когда нужно было пощупать у ней пульс, то руку ее окутали тонким покровом, дабы медик не мог коснуться тела. Царица и царевны выезжают в каретах или в санях (смотря по временам года), всегда плотно и со всех сторон закрытых; в церковь они выходят по особой галерее, со всех сторон совершенно закрытой. Русские так благоговеют пред своею царицею, прибавляет Лизек, что не смеют на нее смотреть, и когда ее царское величество садится в карету или выходит из нее, то они падают ниц на землю. Особое благоговение и уважение народа к царице, которым иностранцы объясняли эту чрезмерную недоступность к их особе, объясняется очень просто тем обстоятельством, что всякий, кто позволил бы себе какой либо поступок, хотя мало и вовсе неумышленно нарушавший требования такой недоступности, тотчас подвергался всем строгостям дворской подозрительности, а след. и всем возможностям попасть в самую страшную беду. Ни для кого не проходила даром даже нечаянная встреча с царицею: тот-

час начинались розыски и допросы, не было ли какого злого умысла. Так, однажды, 26 апреля 1674 г. во внутренних переходах дворца случилась какая то встреча стольников с экипажем царицы, ехавшей на богомолье в Вознесенский монастырь. Началось дело, розыск и допросы. К сожалению до нас дошли только отрывки этого дела, именно несколько допросов, из которых однако ж не видно, в чем собственно были виновны стольники.

«182 года апреля в 26 день стольник Иван Васильев сын Дашков допрашиван, а в допросе сказал: как великая государыня царица шла с дворца в Вознесенский монастырь и в те поры Василий Федоров сын Полтев шел перед колымагою государыни царицы низом, а как он шол, в ворота ль или через Красное крыльцо, того он не видал. Иван Иванов сын Бутурлин сказал: как великая государыня царица шла с дворца в Вознесенский монастырь, и как она великая государыня будет, идучи с дворца, в воротех, и в те поры он Иван его Василья (Полтева) великия государыни царицы за колымагою видел, а в вороталь он Василей за колымогою шол или через

Красное крыльцо, того он не видал. Стольник Михайло Иванов сын Прончищев сказал: шол он за великою государынею царицею Наталиею Кириловною от мовные лестницы дворцом и для де поспешения обежал он на Постельное крыльцо лестницею, где стрельцы стоят, для того, что его обмарали и обрызгали грязью. И обежав, встретил великую государыню царицу под переходами, что под садом. И в той моей вине воля его великого государя, виноват пред Богом и перед великим государем; а передо мною и за мною бежали многие стольники: князь Федор Вяземский, Михайло Бунаков, Михайло Собакин, а иным стольникам имен не упомнит, потому бежали скоро».

Вероятно за свою вину стольники из чину были отставлены, но вскоре, чрез три дня после допросов, прощены: «апреля в 29 день государь пожаловал, велел им быть по прежнему. Указ великого государя сказал Иван Кирилович Нарышишн Авраму Лопухину».

Котошихин рассказывает, что если царице случится куда ехать, то кареты или каптаны (зимние возки) бывают закрыты камкою персидскою, как едут Москвою, или селами и де-

ревнями. Во время пеших выходов около них на все стороны носили суконные полы, чтоб люди их зреть не могли. В церкви они стояли в особых *местах*, завешанные легкой тафтою; да и в церкви, в это время, кроме церковников бояр и ближних людей, иные люди не бывали. Только одни церковники, в необходимых случаях, видали государыню. Самые необходимые, по уставам церкви, выходы и выезды, напр. в кремлевские церкви и монастыри совершались большею частью ли ранним утром или по ночам, что наблюдалось также и при въездах в монастыри во время отдаленных богомольных походов.

В 1572 г. мая 31 царь Иван Васильевич, приехав с царевичами и царицею Анною (Колтовских) в Новгород, остановился на ночлег в монастыре у Спаса на Хутыне. Он въехал в монастырь часа за три пред заходом солнца, и после обычных церковных встреч обедал там в игуменской келье, в *вышке*, со всем своим двором, с Новгород, владыкою и со всею монастырскою братьею. Царица приехала в монастырь в первом часу ночи (после солнечного заката). Для ее двора было занято

8 особых келий, «стоять княгиням и боярыням»; кельи были на этот случай загорожены с монастыря досками. При отъезде из Новгорода царица Анна ходила молиться в собор Софии Премудрости Божии, и прикладывалась к мощам Ивана да Никиты Новгор. чудотворцев. Выход этот совершен был однако ж ночью, в субботу 16 августа [150].

Это свидетельство об одной из первых цариц мы можем пополнить подобным же свидетельством о богомольных выездах последней царицы, Евдокии Лопухиных, которая, находясь в заточении, в Покровском Суздальском монастыре, иногда выезжала оттуда, тайно, на богомолье в монастырь Козьмы Яхромского чудотворца (Влад. губ.) Вот что рассказывал на допросе об этих приездах игумен Яхронского монастыря Симон: «Наперед приезжали слуги Покровского монастыря и очищали кельи, где царице стоять; отбирали у пономарей церковные ключи и сказывали монахам, чтоб из келий на время царицына приезда не выходили. Царица въезжала в монастырь в карете за стеклами, после полуден; ехала прямо к соборной церкви и входила в

церковь ограждена красными сукнами, скрытно. Игумен и монахи никогда ее не видели. Она слушала вечерню, а после подъезжала к кельям, в которых стаивала, в карете ж закрыта, и в кельи вступала ограждена сукнами. — В ночное время входила в церковь и отправляла всенощное пение (заутреню) и литургию, а бывало ли молебное пение, того ни игумен, ни монахи не знали, потому что в церкви в то время не были, никого близко к церкви не подпускали. Службы отправляли приезжие с царицею попы, а на крылосе пели приезжие ж с нею монахины. После обедни игумена и братью в трапезной церкви царица кормила своим привозным столом, пища была: рыба, питье — мед. Потчивали служители царицы. После стола, когда монахи шли из трапезы домой, по кельям, те служители указывали им, чтоб они кланялись за стол царице к ее кельям и они кланялись по трижды в землю и поклонясь, расходились по кельям. В той же трапезе делили и деньгами, игумену давали по гривне, братьям по 6 денег. Игумен на приезде царицы в навечерии подходил к ней с хлебом и стоял у крыльца; и по докладу

дневальных, тут всегда стоявших, пускали его в сени, а в сенях по приказу царицы принимали у него хлеб монахини. А в другой приезд пущен был пред нее царицу, и она его спрашивала: какую казною построен в том монастыре иконостас? и он донес, что строен мирским подаянием и келейными своими деньгами. Царица его поблагодарила и отпустила немедленно, а у руки ее он игумен не был. Пря выезде царицы из монастыря игумен с монахами выходили за ее каретою, за монастырь и в след ее кланялись ей царице по трижды в землю и поклонясь, возвращались в монастырь» [151].

Хотя это свидетельство относится уже к началу XVIII века (оно взято из дела 1721 г.), тем не менее оно служит точною характеристикою всех тех подробностей и обстоятельств, при которых обыкновенно в течении XVI и XVII ст. совершались монастырские богомолья цариц. Царица Евдокия, оставалась до конца дней представительницею, а сначала и поборницею старинных привычек, старинных обрядов и порядков быта. Очень естественно, что она сохраняла эти порядки даже

и: в то время, когда они были в царском быту отвергнуты и совсем забыты.

Но, само собою разумеется, что скрываясь от глаз народа, от всяких общественных, публичных собраний, вообще от людских глаз, царица, как и все другие знатные женщины, не лишала себя любопытства и удовольствия смотреть на публичные действия и собрания, каковы были торжественные церковные действия и крестные ходы, торжественные встречи иноземных послов, торжественные обеды за царским столом и т. п. На церковные торжественные действия, совершаемые обыкновенно в Кремле, она смотрела, потаенно, из окон Грановитой палаты вместе со всем семейством. Туда патриарх обращал к ней крестное осенение и благословение. Так, 28 марта 1675 г., совершив обряд шествия на осляти и возвратившись с собору, патриарх, сседши с осляти, благословил крестом государя и потом осеил крестом ко Грановитой палате царицу, царевичей и царевен и напоследок, кроме того, осеил руками [152]. Есть такое свидетельство, что царица сматривала из окна своего терема и торжество государева

венчания на царство. Когда короновался царь Федор Иванович, его супруга Ирина (Годуновых), по свидетельству Горсея, сидела в своем тереме у окна на престоле, в великолепной одежде, с венцом на главе; кругом ее стояли боярыни; народ, увидав ее, здравствовал ей [153]. Этот терем в то время, по всему вероятно, стоял над сводами царицыной Золотой палаты, где теперь собор Спаса, и таким образом наличною стороною выходил на площадь к большим соборам, так что из окон всегда можно было видеть совершаемые там церемонии. Тот же Горсей рассказывает еще, что когда были привезены им из Англии разные подарки царю и в том числе заморские животные, которых привели и поставили для смотра перед дворцом, именно особой породы белый с черными пятнами бык, лягавые и борзые собаки и два льва в клетках, — то из окон дворца на эти диковины смотрела вместе с царем и царица Ирина.

Приемы послов и других лиц, а равно и торжественные столованья в Грановитой палате царица сматривала из особой палатки, нарочно для того и устроенной над входными

дверьми этой палаты (т. I стр. 228). Посольские въезды она сматривала из палат над Воскресенскими воротами, в которые обыкновенно направлялись такие шествия во второй половине XVII ст. Для этого палаты всегда убирались сукном. Царица проходила сюда по кремлевской и китайгородской (уже сломанной) стене. Да и вообще должно полагать, что все подобные публичные действия так устраивались и так располагались, что царица из какого либо удобного места всегда могла потаенно их видеть.

Лизек рассказывает, что именно с такою целью государь назначил прием их посольства в 1675 г. в Коломенском дворце. «Царице очень хотелось видеть эту церемонию, говорит Лизек, но как ее любопытство не могло быть удовлетворено, еслиб мы представлялись царю в Палате, для аудиенций назначенной, потому что там не было места, с которого она могла бы смотреть, не быв сама видимою, то царь положил дать аудиенцию в Коломенском замке, отстоящем от Москвы на одну немецкую милю, уверив наперед (а это было необходимо по посольскому этикету), что от

этого не произойдет для послов никакого неприличия». Посольство, по назначению, отправилось церемониальным шествием. «Царица завидела нас издали, продолжает Лизек, и чтобы доставить ей удовольствие смотреть на нас как можно долее, прислан ездовой, за которым мы своротили с дороги и поехали дальним путем по открытому полю». Посольство остановилось на отдых перед дворцом, потом торжественно вступило в царские хоромы. Из окон приемной комнаты смотрел и сам государь с старшим сыном. Посольство было справлено с обычными церемониями. «Царица, находясь в смежной комнате, заключает Лизек, видела всю аудиенцию с постели (быть может с особо устроенного рундука или помоста), чрез отверстие притворенной двери, не быв сама видимою; но ее открыл маленький князь, младший сын (царевич Петр), отворив дверь, прежде нежели мы вышли из аудиенд-залы».

Когда, года за три перед этим временем, открыты были в первый раз в Москве «комедийные действия» или театральные представления, то царица точно также смотрела их

потаенно, сквозь решетки своей ложи. «Во время представления, говорит Рейтенфельс, царь сидел перед сценою на скамейке; а для царицы с детьми было устроено место, род ложи, из которой они смотрели из за решетки или, правильнее сказать, сквозь щели досок».

Таким образом для царицы, равно как и для всего царского семейства, всякое зрелище бывало доступно. Ни она и ни ее семья со всеми дворовым женским чином не лишались удовольствия поглядеть на то, что творится между мужским чином, как этот чин справляет свои торжества и увеселения публично, на глазах всего народа. Словом сказать, публичная жизнь не была закрыта от их очей. Заботливо скрывались только они сами от очей публики и от всякого общественного «действия». — Но время и обстоятельства, вообще движение той же общественной жизни брали свое и в силу этого движения, царь Алексей видимо, хотя быть может несознательно, стремился раскрыть вековые «запаны и завесы», скрывавшие его царицу, видимо желал переделать вековые решетки, сквозь которые смотрела его царица на человеческий мир;

он, как и во всем, передовой человек своего великого сына, передовой человек великой реформы, мало по малу стремился вместо решеток устроить открытое окно.

Так, царица Марья Ильична Милославских, первая его супруга, уже присутствует на торжественных действиях по случаю отпуска войск на польского короля в 1654 г. Когда, апреля 23, совершалось отпусковое молебствие на рать идущим, она слушала литургию в Успенском соборе среди всего синклита и всех чинов: «а стояла на своем месте, а полевою сторону царицына места стояли боярские и прочия честные жены»... После литургии, когда происходила церемония отпуска воевод, — она стояла также на своем месте за *запаною*... Во время литургии быть может *запана* была открыта... По окончании службы патриарх подходил к пей и благословил просвирую. Затем во время пребывания в Москве вселенских патриархов, Паисия и Макария, царица не один раз выходила вместе с государем и детьми, в соборы и другие церкви слушать их торжественное служение. Но *запана* еще не открывалась. Царица даже в своей до-

мовой церкви Рождества Богородицы слушивала литургию патриаршей службы хотя и вместе с государем, но все еще в притворе [154], уединенно даже от избранного святительского и домашнего общества. Таковую строгость в исполнении стародавних обычаев мы должны приписать в этом случае самой царице, ее благочестивой и богомольной застенчивости, поддерживаемой, без сомнения, ее родством, в среде которого было не мало приверженцев и поклонников старого Домостроя. Сам государь, как мы упомянули, был очень склонен открыть запану, устроенную этим Домостроем, — и вот почему его вторая царица, Наталья Кириловна Нарышкиных, является совсем другим человеком. Воспитанная под влиянием Артамона Матвеева, в среде родства, чуждого застарелых предрассудков, она не обнаруживает в своей жизни старовойсковской привязанности к уставам Домостроя и ведет себя с большею свободою, конечно не без согласия и не без сочувствия своего супруга. На первом же каком-то торжественном выезде посреди народа она «несколько открывает окно кареты», как по-

вествует Рейтенфельс (1671–1672). Смелый поступок произвел смущение в людях: не могли надивиться такому подвигу. Когда ей объяснили в чем дело, т. е. чего требовал старый Домострой, она с примерным благоразумием уступила, но не надолго. Вскоре она выезжает уже в карете «открытой, по причине присутствия послов, в знак особенной милости, как отмечает Лизек, описывая торжественный же выезд к Троице в 1675 г. В тоже время она не один раз выезжает в подмосковные дворцы в одной карете с царем, стало быть уже непременно в открытой карете и стало быть руководителем таких подвигов является сам же государь. Затем, справляя свои именины, она принимает лично все боярство, чего не бывало, и раздает им из собственных рук именинные пироги, чего так же допрежде не водилось.

Шаг за шагом, еще несколько лет и народ мало помалу привык бы к открытой жизни своих цариц. Но в начале следующего 1676 года царь Алексей скончался. Направляемый им ко многим новинам порядок царской жизни должен был на некоторое время заме-

шаться. Сын царя Феодор по любви к новинам вполне достойный своего отца, царствует недолго; при нем новины царской жизни не успевают, так сказать, войти в колею; а потом настают дворские и семейные смуты, среди которых не возможно было и думать о чем либо правильном и прочном. Царица Наталья, оставшаяся без всякой поддержки, сиротою-вдовою, удаляется со сцены в свои вдовьи хоромы. С нею удаляются а вскоре и вовсе погибают, люди нового порядка, Артамон Матвеев и родство царицы, совсем отличное по своему характеру от родства Милославских, которые крепко держались за корни всего старого. Конечно, царевна Софья раскрывает женскую и даже девичью фату, но к сожалению она играет не свою роль; она играет роль царя и под видом только царя, решается вести свои публичные выходы открыто. Ее подвиг все-таки становится и в общественном мнении зазорным, по той особенно причине, что в нем господствуют не европейские, а византийские, не искренние, лицемерные идеи, с которыми можно было идти назад, но идти дальше было уже не возмож-

но. Между тем и история, и жизнь настоятельно требовали ответа на вопрос, созревший с органической последовательностью: быть или не быть византийским началам, и прямо склонялись к тому, что быть началам европейским. Народные передовые инстинкты прозревали истинный и прямой путь и к нравственной и к гражданской свободе и разом круто поворотили на новую дорогу с этого застарелого и засоренного византийского пути, которому остались верными одни только задние люди, всякие староверы во всяких смыслах.

* * *

Мы уже сказали выше, что нравственным идеалом домашнего устройства в допетровском быту было устройство, во многом подражавшее монастырю, что лучший древнерусский дом в этом отношении, был дом, наиболее приближавшийся к такому идеалу. Закрытость царицына быта, и особенно быта царевен, конечно еще больше способствовали водворению в их хоромах монастырской жизни. *Молитва* и *милостыня* — вот исключительная, единственная и достойная стихия

этой жизни, руководившая не только помышлениями, но и всеми поступками и подвигами ее деятелей. Келейное, т. е. домовное, и церковное *правило* и подвиги милосердия, — вот в чем заключалось главное, коренное и неизменное *дело* этой жизни. Само собою разумеется, что молитва и милостыня, — как основные начала богоугодной и спасительной жизни, являясь делом, по необходимости должны были облекаться в одежду своего века, т. е. принимать формы той культуры или выработки понятий и представлений, какая господствовала в допетровском быту. Неясны будут черты описываемого быта, если мы остановимся на одних лишь словах и не постараемся определить их смысл чертами самого дела. Начала жизни пребывают одни и те же, оттого и называются они началами; но дела, совершаемые во имя начал, бывают различны, потому что всегда вполне зависят от различных бытовых условий века. Так точно и дела молитвы, как и дела милосердия в каждый век имеют свой особый облик. Благодетельство каждого века имеет свои особые черты, тому веку только свойственные, которые-

ми оно и различается, больше или меньше, от благой чести других веков.

Чтобы обозначить верною и точною чертою благочестивое *правило* жизни XVI и XVII века, которому и царицы в своем быту следовали неизменно, приведем поучение составителя Домостроя XVI века. В этом поучении заключается не один только идеал нравственной чистоты и нравственной высоты, к какому должен был на всякий день стремиться каждый истинно верующий человек; в нем вместе с тем типически обозначается и вся действительность такой жизни, рисуются типические черты повседневного домашнего быта в его наилучшем нравственном устройстве, те черты, с которыми мы постоянно встречаемся в этом описании домашнего быта цариц и которые раскрываются здесь самыми делами и подвигами и при том по достоверным указаниям деловых же дьячьих записок.

«И ты чадо — твори *добрые дела*: имей, чадо, великую веру к Богу: все упование возлагай на Господа: ни ктоже, надеясь на Христа, не погибнет. Прибегай всегда с верою ко свя-

тым Божиим церквам; *заутрени* не просыпай; *обедни* не прогуливай; *вечерни* не погреси и не пропивай; *навечерница* и *полунощница* и *часы* в дому своем всегда, по вся дни, пети: то всякому христианину *Божий долг*. Аще возможно, по времени, прибавить *правила*: на твоём произволении — большую милость от Бога обрящещи. А в церкви Божии и дому, на *правиле* и на всяком молении стояти со страхом, Богови молитися и со вниманием слушати, отнюдь в те поры ни о чем не беседовати, ни обзиратися, разве ли кия нужда. А говори ти *правило келейное* и *церковное* единоголосно, чисто, а не вдвое... Священнический чин и иноческий почитай: те бо суть Божии слуги, теми очищаемся от грехов, те имеют дерзновение молитися Господу о гресех наших, и Бога милостива сотворят. Повинуйся чадо отцу духовному и всякому священническому чину, во всяком духовном наказании. В дом свой их призывай молитися о здравии (всех) — и воду бы святили с животворящего креста и со святых мощей и с чудотворных образов; аще болезни ради, за здравие, и маслом свящают. И в церквах Божиих также твори; приходи с

милостынею и с приношением, за здравие, и *по родителех* преставльшихся *память твори*, со всякою чистотою: и сам воспоминавен будеши от Бога. — *Церковников* и *нищих*, и *маломожных*, и *бедных*, и *скорбных* и *странных* *пришелцов* *призывай* в дом свой, и по силе накорми и напой и согрей; и милостыню давай, от своих праведных трудов, и в дому, и в торгу, и на пути: тою бо очищаются греси, те бо ходатаи Богу о гресех наших... Чадо любимишеский чин, и страннии *пришелцы* всегда бы в дому твоём питалися; и в монастыри с милостынею и с кормлею приходи; и в темницах и убогих и больных посети и милостыню по силе давай».

Все здесь сказанное есть как бы перечень или оглавление тех самых дел и действий, а след. и помышлений, какими была исполнена домашняя жизнь царицы со всем ее повседневным обрядом. Все это до точности было выполняемо каждый день и круглый год, смотря по тому, чего и когда требовал устав жития и устав церковный. Каждый день неизменно совершалось домовное *правило*, молитвы и поклоны, чтение и пение у кре-

стов в крестовой или моленной комнате, куда в свое время приходили для службы читать, конархатъ и петь крестовый священник и крестовые дьяки, 4 или 5 человек. Царица слушала правило обыкновенно в особо устроенном месте, сокрытая тафтяным или камчатным запаном или завесом, который протягивался вдоль или поперек комнаты и отделял крестовый причт от ее помещения. Крестовая молитва или келейное правило заключалось, как упомянуто, в чтении и пении определенных уставом на каждый день молитв, псалмов, канонов, песней, с определенным же числом поклонов при каждом моении. Каждый день, таким образом, утром и вечером, совершалось чтение и пение часослова и псалтыря с присовокуплением определенных или особо назначаемых канонов и акафистов и особых молитв.

В праздничные и в иные чтимые дни, когда не было выхода в церковь, царица у крестов же всегда служила молебен и окроплялась св. водою, привозимую из монастырей и церквей, от праздников.

На каждый день читалось также особое по-

учительное слово из сборника именуемого «Златоустом» [155]. Особенно богомольно и благочестиво проводились дни постов и кануны праздников. Тогда и правило прибавлялось, т. е. прибавлялись особые моления и молитвы, поклоны, каноны и акафисты. В эти дни читались и жития святых, коих праздничная память тогда творилась. Впрочем чтение житий и всегда составляло достойное богомысленное упражнение на всякий день. Оттого знание священной и церковной истории в тогдашнем грамотном обществе было распространено несравненно больше, чем всякое другое знание. В совокупности с знанием церковного догмата или устава, это была исключительная, единственная наука того времени, или то самое, что мы разумеем теперь под словом образованность. В ней сосредоточивались, ею управлялись и направлялись не только нравственные, как подобало, но и все умственные интересы века, а тем более в быту женщин, замкнутых в своих теремах, лишенных участия даже мыслию и словом в делах общественных. В их-то среде и преобладал по преимуществу интерес монастырский

во всех его подробностях. Здесь не государственной важности дело или событие призывало умы ко вниманию и размышлению; здесь по своим впечатлениям и действиям выше всякого мирского дела и события возносилось дело веры, событие веры, проявляемое ли в новых явлениях чудотворных икон, или в новых чудотворениях, подаваемых св. угодниками, к которым прибегали в чаянии спасительных исцелений грешной души и тела. Здесь интерес мысли сосредоточивался более всего на богоугодном подвижничестве праведника ни далекого пустытника, сокровенного затворника, о прославленных святых делах которого не истощались рассказы и поучения достигавшие сюда из самых отдаленных, глухих и неизвестных пустыней и монастырей. Здесь любопытствующий ум устремлялся лишь к святым чудотворным местам и к св. угодникам, дабы еще более укрепить свою веру в их несомненную помощь в скорбях и печалях жизни.

Так, царица Евдокия Лукьяновна в 1634 году 26 февраля посылает в Новгород к бывшему своему духовнику протопопу Максиму,

грамоту с следующим наказом: «как к тебе ся наша грамота придет, и тыб, досмотря подлинно, отписал к нам, сколько в Новгороде и в новгородских местах чудотворных мест, и в коем месте и который чудотворец какими чудесы от Бога просвещен; тоб тебе все имянно велети написати, а написав, отписати, и тому всему письмо прислати к нам к Москве, вскоре».

Протопоп описывает ей кратко чудотворные места новгородской области, «в которых прославил Бог угодников своих многоразличными чудесы и в коем месте которой чудотворец лежит», и присовокупляет: «а которой, государыня, чудотворец какимя чудесы от Бога просвещен и те чудеса их подлинно объявлены в писании жития их; и будет, государыня повелишь списати тех чудотворцов жития с чудесами их подлинно и яз, государымя, тотчас велю списати с житьями и чудеса тех новгородских чудотворцов, которым житья и чудес у вас, государей, несыщутца». Между прочими св. местами протопоп тогда указал, что от Новгорода 300 верст водяным путем, по Волхову и «Ладожскому озеру, вверх по реке

Свирст, существует обитель живоначалные Троицы, Александрова пустыня. А чудотворца Александра Свирского мощи лежат вне монастыря, в деревянном храме, в роще, идеже и прочая братии погребаютца. Просвещен от Бога в чудесех при животе и по смерти и доныне подает многие исцеления с верою приходящим». Спустя с небольшим семь лет, после этой переписки, св. мощи Преп. Александра были обретены нетленными и мы видели, что царица и со всею семьею показала особую веру и усердие к новоявленному угоднику Божию. Чудесное рождение преподобного и благословенный дар сподоблять чадородие мужеским полом устремляли к св. угоднику молитвы царицы с великою и несомненною надеждою. Царица в это время испытывала точно такое же положение, как и блаженная мать Александра, Василисса.

Житие рассказывает о родителях его следующее: «родишася има сыны и дщери, их же и божественным крещением просветивше и благим нравам научивше, о Господе веселистася. И многу же времени мимошедшу и небысть има чадородия. И сего ради блажен-

ная Василиса поносима бе и оскорбляема бываше мужем своим. В скорби же и жалости велице обема сущема о сих; и в вожделении мнозе бяше душа их о прижитии чада. Верная же и благодная супруга отвергнуши от себе печаль свою и вшедши в ложницу свою и обоночь ставша на молитве, руце свои воздевши, ко Всемогущему Богу со слезами глаголюще: «Владыко Господи Боже Вседержителю! послушавый древле рабу своею Авраама и Сарры и прочих праведник; тем же и чадородия подати изволил еси твоим человеколюбием, верно просящим и молящимтися. Дажь нам по твоей благости прижитие чада мужеска полу, иже будет утешение души нашей и наследник нашего достояния и спожительства и жезл старости нашей, на него же руце возложше, почиеве!» После блаженная долго молилась в ближней церкви того места, в Введенском монастыре; удостоилась некоего Божиего явления, возвестившого о рождении преподобного сына. Царица Евдокия Лукьяновна, как мы упомянули, хотя и имелауже детей, но по смерти царевича Василия оставалась безчадною и во время явления св. мощей

преп. чудотворца Свирского усердно молилась о даровании чада.

Таким образом дела и события в жизни цариц, т. е. в домашней государевой жизни всегда неразрывно связывались с важнейшими событиями в истории монастырской. Оттого монастырь, в общем его смысле, является как бы членом семейного царского союза, принимает самое деятельное участие во всех радостях, а равно во всех скорбях и печалях государева дома. Без монастырского благословения в государевом доме не начинается ни какого дела, никакого предприятия; без его наидания и нравственного охранения не совершается ни одного шага в жизни этого дома. Словом сказать, государев дом живет с монастырем одною жизнью, думает одною мыслию, говорит одним языком, т. е. руководится одними и теми же понятиями, представлениями и стремлениями. В государевом доме конец жизни нередко оснащается иноческим пострижением... Иван Грозный свой частный быт в Александровой Слободе устраивает положительно по монастырски и также оканчивает иноческим пострижением... Все это сви-

детельствует, что монастырь являлся тогда сильным деятелем и сильным руководителем жизни, и не только в частном быту, который совсем был подчинен его идеалам, но и в быту государственном, ибо и само государство в своем внутреннем развитии большею частью следовало указаниям того же монастырского идеала, внося в общую, государственную жизнь аскетические начала, благословляемые лишь для жизни личной, каково было напр. отрицание самых основ науки и искусства в ограничениях и всяческих стеснениях ума и поэтического народного творчества. Но само собою разумеется, что частная, личная жизнь, по многим историческим причинам, находила в монастырском идеале единый путь жизни доброй, правильной, единый путь спасения; оттого монастырское *правило* стало *правилом* вообще всякой доброй домашней жизни; богомольный монастырский подвиг стал исключительно добрым и богоугодным подвигом частного быта.

* * *

Совершив богомольное утреннее *правило* у «крестов», в своей комнате, государыня выхо-

дила к обедне в одну из домовых «верховых» «сенных» церквей, обыкновенно, в XVI в., к Рождеству Богородицы, или в XVII в., в церковь Екатерины Вмч., к лику которой царицы особенно усердствовали в уповании освобождении от трудного разрешения от бремени. Надо, однако ж, заметить, что и эти, так сказать, домашние выходы в церковь не были слишком часты, как можно было бы предполагать, судя по общей набожности в царском дворце. Женское дело встречало множество причин, которые не всегда позволяли слушать церковную службу. Самый Домострой освобождает женщину, как и домочадцев, от повседневных выходов к церковному пению, заповедуя исполнять это только мужчинам хозяевам. «А женам ходити к церкви Божии, как вместимо, на произволение, по совету с мужем... А женам и домочадцам, (ходить к вечерни, к заутрени и к обедне) как вместимо, по рассуждению: в неделю (воскресенье) и в праздники, и во святые дни».

Таким образом царица делала свои выходы в церковь к божественной службе только по востребованным дням, когда позволяло ей здо-

ровые и разные другие обстоятельства ее домашней жизни. По таким же вместимым дням она совершала и праздничные выходы, которые поэтому не всегда делались в тот самый день, в какой случалось празднование, но иногда раньше, накануне, иногда позже, даже несколькими: днями. Вообще в ее выходах не существовало той правильности, с какою в течении всего года совершал свои моления государь, всегда очень строго наблюдавший уставный круг церковных служений и празднеств.

Молебные выходы государя, представителя государства, являли собою по преимуществу образ всенародной молитвы, носили в себе смысл общественный, выражали молитву о целях и делах всего народа, всего царства. Царская молитва спасала царство. Благоденствие царства, или бедствие царства — вот молитвенные мысли, которыми всегда руководились государевы молебные выходы. Благочестие царя служило всегда выразителем благочестия всенародного; оттого с такою непреложностью цари соблюдали весь круг церковных всенародных молений; оттого эти

моления и совершались царем торжественно с царственной обстановкою, в какой подобало являться молящемуся царству. Словом сказать, молитва царя была олицетворением молитвы самого царства, руководилась богомольною и благочестивою мыслию всенародного множества, отвечала благочестивым и набожным целям всего народа. Напротив того, молитвенная мысль царицы сосредоточивалась главным образом в целях и делах собственной царской семьи, была выразителем внутренней, сокровенной жизни царского дома, отвечала благочестивым и набожным целям семейного государева быта. По этому богомольными выходами царицы, как и особенным усердием ее в домашней, крестовой, молитве и всеми подвигами набожности, выходящими из обычного круга, управляли по преимуществу события или различные чрезвычайные обстоятельства ее домашней семейной жизни, каковы были, напр., родины, собственные болезни и немощи, болезни государя — мужа или кого либо из детей, и т. д. Мы уже видели, какие усердные молитвы воссылались царскою семьею о разрешении

неплодия и о даровании наследства в чадах мужеского пола. Точно также и носимый плод всегда освящался особыми молебными подвигами. Приближалось время родин царица служила дома, в сенных церквах, заздравные обетные молебны, посылала служить молебны своего Дворецкого в храмы, почему либо особо чтимые в таких обстоятельствах; ходила сама молиться в эти храмы, раздавала нищим и бедным щедрую заздравную милостыню; совершала иной раз, сверх обычного осеннего или весеннего дохода к Троице в Сергиев монастырь, еще особый обетный поход к угоднику, чудотворцу Сергию, великому отцу и заступнику и крепкому молитвеннику и скорому помощнику и кормителю всех царей российских.

Болезнь детей, особенно новорожденных и особенно царевичей — это великое горе царской семьи, по естественной причине, всегда направляла молитвенную мысль царицы к самым усердным подвигам набожности. Заздравные молебны, заздравная милостыня были самым обыкновенным делом в этих случаях. Но в трудных обстоятельствах царицы

нередко обращались с молитвами к чудотворцам и угодникам, прославленным святою помощию и даром исцелений в известных младенческих скорбях и болезнях. Так, они прибегали и в трудных и опасных случаях рождения, и в опасных безнадежных случаях детской болезни к заступничеству св. Онуфрия Великого, прославленного спасением от скоропостижной смерти. Молебная мысль царской семьи устроила даже особый придельный престол св. Онуфрию в домово́й царицыной церкви Вмч. Екатерины, которая, как мы упоминали, также была устроена для особых молитв св. Великомученице, посылавшей облегчение в трудных родах. В другой домово́й церкви, на сенях у царицы, в соборе Рождества Богородицы, находился придельный престол во имя св. Никиты Столпника Переяславского, молитвою которого был рожден у царя Ивана Васильевича царевич Иван и святынею его чудотворцево́й воды сохранен в младенческом здравии. Помня такие чудотворения святого, царицы очень часто прибегали к его молитвенной помощи. Нередко царицы прибегали с молитвою и к св. Никите Муче-

нику, подававшему исцеления от младенческой болезни «родимца» (детских припадков). Особенно они усердствовали его храму, что за Яузою (на Вшивой горке) куда и посылали обыкновенно служить молебны.

Немало молений царица совершала и в храме Зачатия св. Анны, «егда зачат святую Богородицу», который находился в углу Китай города, у городской стены и стоял рядом с церковью св. Николая чуд., к молитвам которого именно в этом храме царицы прибегали очень часто. Этот Никольский храм и построен был по царскому обещанию, вероятно по случаю рождения в 1627 г. царевны Ирины, в честь тезоименитого ангела которой здесь же был устроен придел во имя св. Ирины.

В болезнях и скорбях домашних царицы нередко подымали в свои комнаты чудотворные иконы из соборов, монастырей и церквей, служили молебны с водоосвящением в уповании исцеления и освобождения от напастей. С особенною верою была всегда чтима вообще св. вода с чудотворных крестов и со св. мощей, также из св. источников, прославленных чудотворениями. Царицы посылали в

отдаленные монастыри за эту благодатною святынею, а по обычаю и духовенство всегда привозило к ним праздничную священную воду, которая сохранялась в особых воцанках, восковых сосудах, и употреблялась на исцеление душевных и телесных недугов. В сказании о Христофоровой Корежемской пустыни (27 верст от Сольвычегодска) сохранено следующее свидетельство о первой царице Анастасии Романовых, которое может служить общему чертою богомольной жизни цариц.

Однажды, после Казанского взятия и богомольного путешествия с царем в Кириллов монастырь, царица Анастасия «впаде в скорбь великую [156] ово чадородия ради своего, ово болезни ради своих благородных чад, а ино лишения ради по преставлении к Богу отшедших прежних своих чад, якоже бо изперва реченно Господем к прабабе нашей Еве: ты бо в болезни своей родиши чада своя и оттоле всяка жена, раждающи чада своя, бываше в велицей скорби и болезни»... Царица и с благоверным своим царем усердно и беспрестанно молилась — «имуще веру

несумненно и любовь нелицемерну, и по многим обителям и по пустыням к Божиим церквам велию милостыню творяше непрестанно. И елико они к Богу молящися, толико и Бог своею милостью на них призирает и чудеса своими благоверного царя и с благоверною царицею удивляет и прославляет, ово от икон чудотворных своего божественного подобия, ово же от Пречистые своея Богоматери образа, а ино от мощей и от гробов своих угодников и чудотворцов, и иное от священ-ных вод своих благодатных телесем здравие и душам спасение подавающе милостью и щедротами и человеколюбием своим, божественным источником источающе неоскудно»... В это время в далекой Сольвычегодской стране основывалась преподобным Христофором пустынь во имя чудотворной иконы Божией Матери Одигитрии... И Бог восхоте то пустынное место прославити: яви два источника, источающие неоскудно на здравие телесем, наипаче на спасение душам человеческим благодатную воду...

«Благоверной же царице Анастасии в царском своем дому во едину от ночей почиваю-

цу в тонде сне от скорби великия; и виде во сне жену преславно сущу и преукрашенну в велицей славе, глаголюще ей тако: «царице Анастасие! аще мя призываеши на помощь к Богу Господу Иисусу Христу сыну моему и хочещи от сея скорби спасение получитьи и здрава быти, повели вскоре послати в пустыню Пречистые Богородицы, идеже стоит чудотворный образ честного и славного ее одигитрия, слово же, начала ради, та пустыня Христофорова. Место бо то еще пусто и не бе славно и людем мало сведущим. Но токмо ты не ослушайся, повели итти тамо, да принесут оттуду Богом дарованные благодатные моя воды, еже преславно от камени истекает. Да аще получиши сию воду у себе, велие спасение приемши и здрава будеши». Царица же от сна возбуждися и повела благоверному царю Иоанну Васильевичу таково страшно видение и чудных глагол изречение о таковой благодати. Царь, слыша от царицы таково страшно и преславно поведание, умильно слезы от очию своею испущаше и ни мало сумнящися, но паки всю свою печаль возложи на Бога и на Пречистую Богородицу... ни

како не рассуждая о судьбах Божиих, но паче уповая на милость Господню и на заступление и помощь Пречистые Богородицы. Вскоре избирает царских чиновников, служащих ему, и в пустыню ко Пречистой Богородице посылает, да тамо дальнего ради пути молебная пения к Пречистой Богородице сотворят и благодатные воды освятят и в его царский дом да привезут». Но в то самое время преподобный Христофор «или неким Божиим откровением или своим умышлением» уже готовился идти к царствующему граду Москве, к царю и к царице, с животворящим крестом господним: и со святою водою благодатною, ее ж воды благоверная царица желает... Он уже приближался к Москве, когда посланные только собирались ехать в пустыню. Царица между тем «второе преславное видение виде во сне и слышаще глаголемая силе: «царице Анастасие! что спасению своему медлиши, послы скоро во сретение честного и животворящего креста Господня и той благодатной св. воды, ею же здрава будеши».

Посланные встретили преподобного на пути «и с радостью его взяша с собою и ведоша в

дом царский и о сем поведаша дарю и царице... И взяша царь старца Христофора с честным и животворящим крестом господним и со святою водою во свои царские палаты и начаша пети молебен Спасу Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой его Богоматери Владычице нашей Богородице, честного и славного ее одигитрия. И молящися царь и царица о державе своего царства, а мире и тишине, и о устройении плодов земных, и о своем душевном спасения и о телесном здравии. И по отпусе молебного пения царь знаменался *честным* крестом и святою водою (еже Христофор старец от Пречистые Богородицы из пустыни принесе), сам царь окропился и царицу повелел такоже крестом благословити и святою водою окропити... и по сем тоя святыя благодатные воды царица пила во освящение души и на здравие телеси. И в той час от одержащая ей скорби и болезни царица бысть здрава и никакоже очути в себе никакая же болезни. И сбысться Господем реченное во святем Евангелии: всяк, иже с верою чесо просяй у мене, приемлет и спасение улучит...

Дабы ознакомиться, не с сокровенною историею богомольных подвигов в царицыном быту, что за неимением потребных материалов для нас и невозможно, а по крайней мере с внешними действиями ее благочестия, мы представляем здесь обозрение богомольных выходов и других молитвенных подвигов царицы Евдокеи Лукьяновны Стрешневых, второй супруги царя Михаила, составленное по официальным расходным запискам, которые до сих пор служат для нас единственными, почтя исключительными, но за то вполне достоверными руководителями к раскрытию вообще домашних деяний наших предков.

К, сожалению и в этом случае наши сведения не всегда и даже очень редко бывают полны. Так за первые два года богомольные выходы царицы Евдокеи нам неизвестны. Оставшиеся записки относятся уже к 1628 году.

В 1628 г. Февраля 21, в четверг на маслянице, царица Евдокия (беременная царевною Пелагеею) идет молиться вместе с свекровью, великою старицею инокою Марфою Ивановною, в село Рубцово-Покровское; служит там

во всех храмах заздравные молебны и жалует причту на молебен в собор Покрова рубль, в приделы к Сергию чуд. да к Дмитрию царевичу, а также в теплый храм Николы чуд., по полтине. Едучи из Покровского назад, подает на Покровке в больницу нищим на милостыню тоже полтину. — В свой ангел, 1 марта, царица слушает в домово́й Евдокеинской церкви заутреню, обедню и молебен и жалует на молебен евдокеянским попам на весь собор 2 р., крестовым своим дьякам — полтину. — 9 марта в Екатерининской церкви приобщается маленькая царевна Ирина и жалует от себя царицыну духовнику, протопопу Максиму, который совершал службу, рубль; попам екатерининским 5 алт., крестовым дьякам 5 алт. — 18 марта царица поднимает к себе в хоромы из приходской церкви чудотворный образ Антипия Великого, целителя зубной боли, быть может по случаю трудного вырезыванья зубков у маленькой царевны Ирины, слушает молебен и жалует антипьевским попам 2 р. Между тем приближается время родин. 25 марта царица слушает обедню и молебен у Рождества Богородицы на сенях и жалует Ро-

жественному протопопу с братьею на молебен полтину, крестовым — 2 гривны. — 27 марта она идет молиться к Спасу на Новое, на родовое кладбище Романовых, поминать родителей панихидою и идучи в монастырь подает милостыню на Покровке в богадельню рубль, на дороге нищим в четырех местах 18 алт., а потом на возвратном пути нищим же черноризцам и черноризцам и мирским всяким людям 86 чел., по 6 денег человеку, т. е. по 3 коп. Такой выход к памяти родителей царицы совершали всегда пред наступлением родин. — 30 марта в хорах царицы пели молебен и воду святили, как она государыня села на место. При этом на 6 чел. крестовых дьяков царица пожаловала полтину. Нам неизвестно, что значит это выражение: «села на место»; можно догадываться, что то были какие либо приготовления к родинам же. Однако ж недели через две, именно 13 апреля в Светлое Воскресенье царица выходит к обедни и слушает молебен в Вознесенском монастыре у преподобного Михаила Малеина, тезоименитого ангела царю, ее мужу. Через четыре дня, 17 апреля царица разрешилась от

бремени царевною Пелагеею.

По прошествии установленных для матернего очищения сорока дней, мая 26, царица слушает обедню и молебен, берет молитву, в домовом соборе у Рождества Богородицы в преддверии, как требовал устав и обычай, т. е. в особой комнате, устроенной отдельно от церкви с западной стороны. Обедню в это время служил с рождественским протопопом ее духовник благовещенский протопоп Максим, которому царица пожаловала на молебен 2 р., рождественскому рубль, крестовым 20 алт. (60 коп). В тот же день царица ходила в Вознесенский монастырь, служила там молебен у преп. Михаила Малеина и пожаловала попам 2 р.

Через день, 28 мая, царица слушает обедню и молебен у своего ангела, в Евдокеинской церкви, на сенях, где в то же время и приобщает св. таин новорожденного младенца царевну Пелагеею. Здесь службу совершает духовник свекрови Марфы Ивановны, черный священник; он же приобщает и царевну. Царица жалует ему полтину, крестовым, на 6 челов., полполтины. Новорожденная царевна,

как известно, не прожила и года, скончалась на десятом месяце. Вероятно по случаю болезни младенца, царица чаще, чем в прежнее время, выходит молиться у Рождества Богородицы (где был и престол Никиты Переяславского) слушает обедню, служит заздравные молебны, при чем церковную службу совершает нередко царицын духовник или духовник ее свекрови.

4 Июля накануне чуд. Сергиевой памяти царица идет молиться в село Рубцово и служит там молебны Покрову, (дано 2 р.) Сергию чуд., Дмитрию царевичу, Николе чуд. (дано по рублю). На возвратном пути подает в богадельню на Покрове нищим полтину. 10 июля досылает на молебен к Николе чуд. Явленному, на Арбате, 2 р. [157] при чем деньги отвозит и след. слушает обетный молебен родной отец царицы, Лукьян Степ. Стрешнев. 12 июля, в государевы именины, царица раздает заздравную милостыню разных городов детям боярским и бедным всяким людям 4 р. 10 д. Августа 15. в Успенъев день, царица с двумя маленькими царевнами, Ириною и Пелагеею, слушает обедню у Рождества Богородицы. —

29 августа слушает обедню в Евдокеинской церкви и приобщает новорожденную царевну Пелагею. — 1 сентября слушает обедню в Екатерининской церкви и приобщает старшую царевну Ирину. И там и здесь службу совершает духовник иноки Марфы Ивановны. — 2 Сентября царица идет молиться в Рубцово и служит там молебен у четырех престолов. — Сентября 14 слушает обедню в Евдокеинской церкви на сенях и приобщает царевну Пелагею; 1 октября слушает обедню у Рождества Богородицы и опять приобщает царевну Пелагею. — 5 октября там же слушает обедню и приобщает царевну Ирину. — 19 октября снова за обеднею у Рождества Богородицы приобщает царевну Пелагею. — 22 окт., в праздник Казанской Богородицы, царевна Пелагея опять причащается за обеднею у Ануфрия Великого, при чем жалует духовнику Марфы Ивановны, который ее причащал, на молебен 10 алт. Столь частое и особенно последнее причащение у Ануфрия свидетельствует, что здоровье новорожденной царевны было не надежно.

В Дмитровскую родительскую субботу, 25

октября, царица исполняя обычай, посылает «по родителям на панахиды, в монастырь к Спасу на Новое 1 руб., и на сени к Рождеству Богородицы 2 гривны; в Екатерининскую и в Евдокеинскую церкви по гривне к престолу. — 3 ноября, на память св. Георгия царица с царевною Ириною идет молиться к празднику, в церковь св. Георгия, что у Фроловских (Спасских) ворот и жалует на молебен от себя рубль, да от царевны — полтину. В Николин день, 6 декабря, царица подымает в свою домовую Екатерининскую церковь чудотворную икону Николы Явленского из за Арбатских ворот, слушает обедню и молебен и жалует на молебен в приход 3 руб., своему духовнику рубль, екатерининским попам полполтины, крестовым 6 алт, 4 д., или 20 копек. — 19 декабря слушает обедню в Екатерининской церкви и приобщает царевну Пелагею. — 6 янв. 1629 г. царевна снова приобщается в Екатерининской же церкви, где престол Ануфрия великого. На другой день 7 января царица посылает своего дворецкого Фед. Ст. Стрешнева служить молебен к Никите мученику за Яuzu, жалую на молебен полтину да

на свечи гривну; а дома в тот же день, у Рождества Богородицы слушает обедню и молебен и снова причащает младенца Пелагею. — 25 генваря девятимесячная царевна скончалась.

В это время сама царица была уже на сносах царевичем Алексеем. 2 Февраля она еще могла отпраздновать Сретению в Екатерининской церкви; за тем мы уже не видим ее на богомольных выходах. 14 февраля идет молиться в село Рубцово к Покрову маленькая царевна Ирина с бабушкою, великою старицею инокою Марфою Ивановною, вероятно по обещанию о благополучных родинах матери. На молебен было отпущено 2 р. — 12 марта последовало благополучное рождение царевича Алексея Михайловича. По случаю сорокадневного очищения царица в светлый праздник, 5 апреля, не выходила к церковной службе, а слушала только молебен у себя в хорах и пожаловала рождественскому протопопу с дьяконом и крестовым. на всех, рубль. По истечении шести недель царица ходила молиться в Рубцово к Покрову и пожаловала «*проезжие* милостыни» в богадельную избу

нищим полтину. — 23 мая по случаю троицкой родительской субботы ходила поминать родителей к Спасу на Новое, причем на заздравный молебен пожаловала архимандриту с братъею рубль. Мая 29 царица подымала к себе в хоромы образ чудотворца Антипия, слушала молебен, который пели Екатерининские попы. Быть может в это время она была не совсем здорова, ибо после того мы не видим ее на богомолье почти целый месяц. С 16 июня и по 4 июля она путешествует на богомолье к Сергию чудотворцу в Троицкий монастырь вместе с царем, по обещанию, *пешком*, в благодарность о даровании наследника. — 5 июля приобщает новорожденного царевича в Екатерининской церкви. — 1 августа идет с царевичем в Рубцово, слушает обедню и заздравный молебен у Покрова, жалует покровским попам 2 р.; раздает поручно заздравную милостыню разных городов беспоместным детям боярским, 54 челов., по гривне. На обратном пути подает полтину в Покровскую богадельню и заходит в Вознесенский монастырь, где в церкви Георгия Стратотерпца слушает молебен, жалует егорьевским попам

2 р. — 18 октября в Екатерининской церкви причащает царевича, а 20 или быть может в тот же самый день [158] посылает с своим Дворецким рубль на заздравный молебен к Ивану Предтечи в монастырь. 23 числа опять посылает туда же на молебен полтину.

В 1630 году летом опять приближалось время родин (царевны Анны). 8 июня царица празднует в Екатерининской церкви Кириллу белозерскому, слушает обедню и молебен, быть может молится о плоде чрева мужеска полу. 17 июля по следовало рождение царевны Анны. Как видно, родины сопровождались болезнью и самой матери и новорожденного ребенка. Через две недели царица посылает на молебны к Ивану Предтечи в монастырь на Кулишках, к Никите Муч. за Язу, к Никола Явленскому на Арбат, по рублю в церковь, да в богадельню на Кулишках же милостыни нищим 6 алт. 4 д. К молебнам ездил дворецкий царицы, ее дядя Фед. Ст. Стрешнев. — 16 сентября тот же дворецкий Стрешнев едет опять служить молебен к Никите мученику за Язу, по случаю его храмового праздника, 13 сент., и дает причту полтину. 20–30 сент.

царица совершает обыкновенный осенний Троицкий поход к чуд. Сергию. Октября 24 слушает обедню и молебен в Екатерининской церкви, где духовник причащает царевича Алексея. В тот же день царица посылает к Антипию чуд. на молебен 2 р. — 26 числа в иконном ряду у торгового человека к царице в хоромы выменивают образ св. Вмч. Парасковееи, нареченной Пятницы, за 13 алт. 2 д.

Должно думать, что всю эту осень, а отчасти и зиму царица была нездорова. В ноябре она почти совсем не выходила к церковной службе. В Николин день, 6 декабря, царица подымала к себе в хоромы чудотворную икону Николы Явленного с Арбата и слушала молебен, причем никольским попам пожаловала 3 р. Декабря 13 царица снова подымает в хоромы тот же чудотворный образ и жалует попам 2 р. В тот же день она подымает из Вознесенского монастыря чудотворный Спасов Нерукотворенный образ и жалует за молебен черным попам 2 р. Между тем маленькая царевна Ирина с бабушкою идет молиться в село Рубцово и раздает милостыню 18 чел. детям боярским по полугривне.

Что царица в эти дни действительно была нездорова, на это указывает выдача 2 рублей *рожешнице* (13 дек.), которая пускала ей кровь рожками [159]. На другой день 14 декабря царица подымала в свои хоромы образа из сенной своей церкви Рождества Богородицы, иконы Богоматери Владимирской да Тихона чудотворца, и у ней государыни в хоромах пели молебны. 16 Декабря она посылает к Ивану Предтечи в монастырь на молебен полтину и в богаделенную избу милостыню. К молебну ездил дворецкий. В тот же день она слушает молебны в Екатерининской и в Евдокеинской домовых церквях. 19 числа дворецкий снова едет к молебну к Никите мученику за Язу. 20 декабря царица посылает в тюрьму 2 коробьи (сундуки) с отставными простынями для раздачи заключенным тюремным сидельцам.

Видимо, что дети, царевич Алексей и новорожденная царевна Анна, недомогали, на что указывает молитва к Никите Мученику — целителю от младенческой болезни родимца, как упомянуто; а сверх того на это указывает и довольно частое приобщение их. Царевич

приобщается в праздник Рождества Христова, 25 декабря, в церкви Рождества Богородицы. 6 генв. 1631 г. он снова приобщается в той же церкви, а царевна Анна в Екатерининской, где слушает обедню и сама царица. 20 генв. в той же Екатерининской церкви царица снова слушает обедню и причащает обоих детей. На Светлое Воскресенье, 10 апреля, в Екатерининской же церкви царица вместе с царем и со всеми троими детьми слушает раннюю обедню и служит молебен. 26 числа она опять подымает к себе в хоромы чудотворную икону Николы Явленного с Арбата и служит молебен. В тот же день царевна Анна причащается в Екатерининской церкви. На Вознесенье, 19 мая царевич и царевна Анна причащаются в той же Екатерининской церкви. В Троицын день, мая 29, царевич причащается в Рождественской церкви. Июня 3 царевна Анна приобщается в Евдокеинской церкви. Июня 4 царица идет вместе с царем молиться к Зачатию св. Богородицы да к Николе Чудотворцу, что в Китае городе, у Стены. На дороге для их многолетнего здравия они раздают милостыню беспоместным детям боярским и

вдовам и всяким бедным людям (роздано 2 р. 12 алтын). На другой день, июня 5, царица одна идет в Ивановский монастырь, что на Кулишках, и на дороге раздает нищим 16 ал. 4 д. Июня 12, на праздник Онуфрия Великого, а потом в Воскресенье 19 июня обоих детей снова причащают. 29 Июня в Петров день причащается одна царевна Анна; в тот же день царица посылает на молебен в с. Рубцово, в церковь царевича Димитрия, 2 рубли. Июля 5, на память Сергия, причащает царевича, а 12 июля на праздник Михаила Малеина, в именины царя, причащает царевну Анну. Июля 24 идет молиться к Спасу на Новое, поминаючи родителей (Романовых) и роздает там милостыни слишком 8 р. Наконец, накануне самых родин, 18 августа, она снова идет к Зачатию и для своего многолетнего здоровья раздает ручной милостыни 3 рубли. 19 числа родилась царевна Марфа. 21 августа, по случаю благополучного разрешения от бремени, царица служит молебны в трех своих домовых церквах. После сорокадневного очищения совершает поход к Троице, 6-23 октября. В ноябре, 7-го причащает царевну Анну в Екате-

рининской церкви, а 27 у Рожества Богородицы царевну Марфу.

Декабря 4, *в ночи*, царица идет молиться к Николе Явленному на Арбат. Нищие, конечно, об этом знают и собираются во множестве на *монастыре* этого приходского храма. Дьяк Сурьянин Тороканов раздает им царицину милостыню, всею 2 р. 16 ал. 2 д. Декабря 14 царица снова идет молиться к Зачатию да к Николе Чудотворцу, в Китай городе, под горою, в углу; причем жалует Вознесенского монастыря отставной старице Ираиде немке на милостыню 2 р. [160] да нищим раздает поручно 26 алт. 4 д. Декабря 18 молится в Чудовом монастыре и также раздает у монастыря милостыню, рубль 15 ал. 2 д.

Новорожденная царевна Марфа также прожила недолго, с небольшим год. В 1632 г. мая 27 царица приобщила ребенка в Евдокеинской церкви, потом приобщила его там же 13 сентября, на праздник Никиты Мученика, исцелявшего детей, от припадков родимца. Но 21 сент. царевна скончалась. Потеря детей конечно была великим горем для царицы. Немалым горем было и то, что рождались все

царевны. Тем сильнее и внимательнее были заботы матери о маленьком царевиче Алексее, едином наследнике царства. Видимо, что он обладал хорошим здоровьем, но это самое и заставляло родителей освящать его здоровье молитвою и милостынею, дабы сохранить в нем наследника царству. С такими молитвенными мыслями царица, обыкновенно на именины царевича, раздавала бедным и нищим щедрую заздравную милостыню. Так в этом году, 28 марта записано, что «для многолетнего здравия царевича Алексея было роздано у дворца разных городов бедным беспоместным детям боярским и вдовам и черноризцам на платье 20 р. 20 алт. 4 д.; да Вас. Ив. Стрешнев роздал бедным всяким людям поручно 29 р. 12 ал. 4 д. Мы уже видели обычный размер милостынного подаяния царицы и можем судить, что розданная в это время сумма, 50 р., довольно значительна.

Из обычных выходов царицы в течение этого года заметим, что на праздник Светлого Воскресенья 1-го апреля вся царская семья: царь с царицею, царевич и три царевны слушали в Екатерининской церкви раннюю

обедню и молебен и на молебен пожаловали попам 3 р. — Осенью, по случаю кончины новорожденной царевны Марфы, сент. 21, царица не могла совершить обыкновенный поход к Троице. Она предпринимает это богомольное путешествие 14–19 Февраля 1633 года, уже беременная царевичем Иваном. Затем 3 марта в сыропустное Воскресенье посылает на Кулишки в богадельни нищим сту человекам по алтыну милостыни; на именины царевича Алексея для его многолетнего здравия роздает милостыню безместным детям боярским и вдовам боярыням 89 чел. по две гривны; да их вдовым детям, 71 чел. по 6 д.; черноризцам безместным 23 ч. по гривне; торговым бедным людям 3 ч. по гривне. В праздник Светлого Воскресенья, 21 апреля, опять вся царская семья слушает в Екатерининской же церкви раннюю обедню с молебном и выдает попам 3 р. Во вторник на святой, 23 апр., царица слушает обедню в Екатерининской церкви и посылает милостыню расслабленному старцу Маркелу, который лежит на Ильинском мосту, 16 ал. 4 д. Тут же на мосту посланный сын боярский роздает другим ни-

цим, 10 чел., по 2 деньги. 1 июня Бог дал царевича Ивана. Ребенок, как видно, родился болезненный. С небольшим через неделю, 10 июня, царица посылает служить молебен Муч. Увару, в придел церкви Иоанна Предтечи, у Аргамачьих Конюшен. К св. Мученику прибегали с молитвою об исцелении детских недугов. Июля 4 она посылает в Казань к Новоявленному образу Казанской Богородицы на молебен 5 р. Июля 28 приобщает новорожденного у Рождества Богородицы. Сентября 13, на праздник Никиты Мученика, еще причащает младенца в той же церкви. Там же младенец причащается и еще ноября 4 и 21, на Введениев день. В Николин день, 6 декабря, царица идет молиться к Николе чуд. и роздает на дороге нищим, которые лежат по мостам, рубль 15 алт. 4 д.

В 1634 г. апреля 24 в Светлый праздник оба царевича слушают обедню в Екатерининской церкви. В тот же день раздается милостыня, поручно, 3 р. Мая 17 царица посылает служить молебен в монастырь к Ивану Предтечи, на Кулишки. 24 числа празднует у Рождества Богородицы в приделе Никите Столпни-

ку чуд. Переяславскому. Между тем приближалось время родин и потому богомольные выходы царицы становились заметнее. Июля 14 она ходила молиться в Новодевичий монастырь и роздала по дороге нищим рубль. 16 июля вместе с царем пошла в Никольский объезд, молиться к Николе чуд. на Угрешу, оттуда заходила в Рубцово. 4 августа ходила в Успенский собор да к Рождеству и к Воскресению Христову под колоколы (на Ивановской колокольне). 12-го числа ходила в Вознесенский монастырь, в собор к Покрову Богородицы да к Василью Блаженному, на Кирилловское подворье, к Николе Гостунскому, причем роздано милостыни 5 р. с полтиною. Сентября 15 родилась царевна Софья. После шести недель, в начале ноября, царица ходила молиться в Рубцово. Так как осенний поход к Троице совершить было невозможно, то царица вместе с царем ходила туда молиться уже зимою следующего года, 18–28 января 1635 года. Новорожденная царевна тоже кажется была слаба здоровьем. Царица причащает ее на маслянице, 3 февр., и на первой недели великого поста, 12 февр. Марта 15, по-

сылает служить молебен в монастырь Ивана Предтечи, и в тот же день идет молиться в Алексеевский монастырь, справляя канун именин царевича Алексея. — 6 и 12 апреля снова причащает новорожденную, что совершается и 8 мая. Между тем, 5 мая, на именины царевны Ирины, царица раздает для их государского многолетнего здоровья заздравную милостыню 59 чел. детям боярским и женам их и детям и всяким служилым людям, а также игуменьям, рядовым черницам и всяким бедным людям, по их челобитным, 24 р. 28 ал. 2 д.; да на Дворце без челобитных таким же бедным поручно 10 р. 5 ал. Мая 20 царица идет молиться в Чудов монастырь, а потом 29 числа в село Рубцово, к Покрову. 2 июля слушает обедню с молебном у Онуфрия Великого, в приделе Екатерининской церкви, причем службу совершает наемный поп, которому на молебен дано 5 алт. Замечательно, что у Онуфрия Вел. почти всегда служил священник наемный, между тем, как было достаточно и своих придворных. По всему вероятно здесь действовала какая либо особая набожная мысль относительно здоровья детей, из

которых царевич Иван и царевна Софья часто недомогали. Августа 3 царица с своими царскими чадами идет молиться в Ивановский монастырь да к Василью Блаженному, раздавая милостыню 4 р. 11 алт. 4. д. — 19 августа царица идет на богомолье в Новодевичий монастырь и раздает там и по дороге заздравную милостыню 10 р. 7 алт. 4. д.

Между тем царица уже беременна (царевною Татьяною). В сентябре, 21–26, она совершает вместе с царем обычный поход к Сергию чудотворцу; в ноябре 13–22 также вместе с царем выезжает в село Рубцово, где 18 числа в церкви Покрова слушает обедню с молебном и раздает 43 челов. нищим по гривне. Декабря 4 идет молиться с своими государскими чады в Ивановской и в Знаменский монастыри. Декабря 15 идет молиться к Спасу на Новое, поминаючи родителей. 20 декабря идет молиться к Николе Явленному на Арбат.

5 генваря 1636 г. последовало рождение царевны Татьяны. После шести недель царица совершает обычные выходы на маслянице, в Успенский собор 24 февр., в монастыри Вознесенский и к Спасу на Новое прощаться с роди-

телями. — 16 марта, накануне именин царевича Алексея молится в Алексеевском монастыре и раздает заздравной милостыни рубль 22 ал. 4 д. В самый праздник раздает 2 р. 20 ал., на другой день, 18 марта, — 7 р. 12 ал. 4 д. Мая 5 идет молиться к Николе да к Зачатию, в Китай-городе, в углу, и раздает заздравной милостыни 2 р. 15 ал. 2 д. В Николин день, 9 мая снова молится в том же храме и раздает милостыни 2 р. 4 ал. 2 д. Мая 24 празднует Никите Переяславскому. 20 июне скончалась маленькая царевна Софья. Во все сорочины каждый день царица раздавала по ней милостыню на поминовение. Осенью, сентября 21–29, царица вместе с царем путешествует по обыновению к Троице. За тем, будучи уже беременною, в ноябре 2-19, едет вместе с царем к Николе на Угрешу. На возвратном пути молится у родителей в Новоспаском монастыре и в Рубцове у Покрова. Проездом подает в Андроньевский монастырь проезжие милостыни на молебен 3 р. Вероятно по случаю трудного плодоношения, почти накануне родия, 5 февр. 1637 г. в Екатерининской церкви у Онуфрия Великого, хранителя от скоропо-

стижной смерти, служат обедню. 9 февраля Бог дает царевну Евдокию, которая на другой день, 10 числа скончалась. Марта 3 царица посылает в Калугу в монастырь св. Лаврентия на церковное строение 50 р., да к Николе Гостунскому в Белевской уезд колокол в 89 р. После шести недель, марта 26, выходит молиться в Успенской собор. Накануне именин царевны Ирины, мая 4 молится в Новодевичьем монастыре. Мая 9 в Чудове монастыре, 11 опять в Новодевичьем и в Алексеевском монастырях. В последнем также находился храм Зачатия. 23–30 мая путешествует в Рубцово, где 28 числа слушает обедню с молебном у царевича Димитрия. Осенью, сент. 21, царица идет к Троице вместе с царем, а 30 числа вместе же в село Покровское, вероятно праздновать Покрову, 1 октября, где и остается по 8 число того же месяца. Через месяц, ноября 4–13, опять вместе с царем, царица снова путешествует к Троице, что прямо уже показывает, что это был поход по обещанию. Надо заметить, что в это время ждали на Москву нашествия Крымского хана и укрепляли город. Но и в семье было не совсем благополуч-

но. Болел младший царевич Иван. Царица еще 3 ноября служила молебен Иоанну Белогородскому, тезоименитому его ангелу, в честь которого устроен был и особый престол у Спаса, против царевичевых хором. 17 генваря 1638 г. совершается служба у Онуфрия Великого наемным священником, что свидетельствует, что царевич был очень нездоров. 13 марта царица посылает в Суздаль к Вавиле затворнику паникадило в 10 р., а мая 24 туда же три колокола, ценою во 109 р. 20 алт. В том же марте, 20 ч. посылает служить молебны к Ивану Предтечи в монастырь (2 р.), к Пятнице на Рву (полтину). Мая 12 посылает во Псков к Богородице в Печерский монастырь за святыней, т. е. за святою водою и просфорою, 20 мая посылает снять список с чудотворной иконы Казанской Богоматери в Вязниковскую слободку, Владим. уезду, Ярополческой волости. Августа 9 и потом 11 опять совершается служба у Онуфрия Великого. 28 числа идет молиться в Рубцово к Покрову, 29 молится там у Николы, 31 раздает заздравную милостыню. 10 сентября снова совершается служба у Онуфрия Великого. Есть известие, что с этого вре-

мени царица стала недомогать и быти печальна. Она была уже беременна. Молебны Онуфрию Великому, указывая на опасную болезнь детей, могут также указывать и на печальное состояние мыслей царицы. Быть может по случаю ее болезни не состоялся в свое время и обычный сентябрьский поход к Троице. Она пошла туда на богомолье октября 4 вместе с царем и без сомнения по обещанию. От Троицы они ездили молиться в Переяславль Залесский в Никитский монастырь, к чуд. Никите Столпнику, а оттуда заезжали в Александрову слободу. В этом богомольном походе прошел весь месяц. Царица возвратилась в Москву 30 числа.

О зимних выходах царицы сведения наши скудны. Знаем только, что ее постигло вскоре великое горе: 10 генваря 1639 г. царевич Иван скончался. Между тем еще в половине ноября во дворце между мастерицами открылось *ведовское дело*, по которому обнаружилось, что над царицею колдовали, сыпали на ее след ведовской рубашечный пепел, о чем подробности мы помещаем ниже. Дело это в то время и особенно для беременной царицы, име-

ло самое прискорбное значение. Мы уже говорили, что колдовство, порча были невыразимым страшилищем для царской семьи. Очень естественно, что розыски о ведовстве мастериц не прошли без влияния на состояние здоровья царицы. 14 марта она родила царевича Васиия больного, который 25 марта скончался. Потеря двух сыновей была действительно несказанным горем и для матери и для отца, лишившегося двух наследников своего царствующего дома. С этой поры, по свидетельству упомянутого розыскного дела о ведовстве, царица была перед прежним скорбна и меж их государей в их государском здоровье и в любви стало не по прежнему...

Еще накануне смерти царевича, марта 23, царица посылала служить молебны за многолетное здоровье всей своей семьи к Покрову, что на Рву, 2 р. да в его приделы: к Василью Блаженному и Ивану Милостивому, а также к Вмч. Парасковее Пятнице, по рублю. Такие молебны за государское многолетное здоровье время от времени возобновлялись в течение всего этого года. Августа 16 царица посылала на молебны в Знаменской монастырь,

что на государеве старом дворе 3 р., в Ивановский монастырь 2 р., к Никите Мученику за Яuzu рубль, к Пятнице Марковской полтину. Декабря 23 она посылает снова на молебны в Знаменский и Ивановский монастыри и к Василью Блаженному по рублю, к Пятнице Марковской полтину. Между тем, в сентябре, царица совершает обычный поход в Сергиев монастырь вместе с супругом — царем.

С этого года и до своей кончины царица оставалась безчадною и как видно постоянно недомогала.

В 1640 г. 8 марта она вместе с государем ходила молиться к Троице, по особому обещанию, ибо поход был предпринят не в обычное время. Затем в остальное время, кроме обычных повседневных и праздничных выходов, царица нередко служит молебны за свое здоровье или посылает деньги служить заздравные же молебны и по временам раздает заздравную милостыню. 19 авг. посылает в Ивановский монастырь попам на молебен за государское многолетное здоровье полтину; сент. 14, в Воздвиженский монастырь за свое многолетное здоровье на молебен 2 р.; сент.

20–26 в Коломенском, по случаю новоселья в новых хоромах, раздает милостыни больше 10 р.; сент. 25 спасскому протопопу на Сенях дает на молебен за свое здоровье 2 р. — Окт. 5, царевны Анна и Татьяна слушают также обедню и молебен за свое здоровье в Екатерининской церкви, а царевна Ирина посылает служить молебен за многолетное здоровье к Покрову на Покровку, да подает в богадельни на Покровку и на Тверскую и в тюрьмы, всего 2 р. — Окт. 10 царица посылает на молебен к Богородице Одигитрии в Вознесенский монастырь 2 р. В 1641 г. авг. 7 приказывает купить шубу баранью (40 алтын) нищему старцу Иошке Артемьеву, который лежит под переходами на Никольском (кремлевском) мосту. 13 ноября тому же *леженке* царевна Ирина жалует на шапку 6 алт. 4 д. — Дек. 28 царица посылает на молебен в Тихвин монастырь к Пречистой Богородице. Окт. 6 царица жалует полтину к Лаврентию чудо творцу, в Калугу, и рубль в Мещовск в Егорьевский монастырь, на панихиды [161].

В 1642 г. февр. 8, жалует за свое здоровье рубль затворнику Никону в Троицесергиевом

монастыре; 12 февр. слушает молебны на Сенях у Спаса и Рождества Богородицы и к Спасу дает на свечи гривну; 22 числа раздает милостыни 6 р.; мая 10 слушает обедню и молебен у Никиты Столпника в приделе у Рождества Богородицы на Сенях и за свое здоровье на молебен жалует 3 алт. 2 денги. В летние месяцы служит в верховых церквах нередко молебны также за свое здоровье. Авг. 20 посылает на молебен за свое здоровье к Николе Зарайскому. Сент. 18 идет молиться к Спасу на Новое и раздает милостыню за свое здоровье. Сент. 26 подает уродивой старице Ивановского монастыря Анне 16 алт. 4 д. Окт. 1 на праздник Покрова в своих хоромаш «поить и кормить» нищих и всяких бедных людей и раздает им милостыни по рукам 3 р.; раздавал стольник Вас. Голохвастов. Тогда же служит молебны в Успенском соборе, в Вознесенском и Чудовом монастырях и у Спаса на сенях. Окт. 14, идет молиться к Николе на Угрешу.

В 1643 г. марта 17 для ангела царевича Алексея раздает милостыни 10 р.; мая 5 на ангел царевны Ирины раздает милостыни тоже 10 р. и жалует старцам Чудова монастыря

больнишному, хлебенному на чернецкое платье по рублю; июля 25, для ангела царевны Анны раздает милостыни 10 р.; — сент. 5, из Калуги Лаврентьева монастыря *верезнику* старцу Макарию жалует на шубу 1 1/2 р., да ему же на милостыню полтину; сент. 10 идет в Покровское; 11 сент. идет молиться в Ивановской и в Даниловской монастыри и раздает там милостыню для многолетнего здоровья; — сент. 21 и по 14 окт. идет вместе с царем. молиться к Троице, также в Александрову слободу, в село Клины, в Юрьев Подольский; ноября 24 на праздник Вмч. Екатерины раздает милостыни 7 р.

В 1644 г. марта 1, на свой ангел, раздает милостыни 13 р. 32 ал. 4 д.; — марта 17, на ангел царевича Алексея раздает милостыни 5 р. 30 алт. 4 д.; мая 5, на ангел царевны Ирины, июля 25, на ангел царевны Анны, по 10 р.; — мая 20 жалует полтину крестовому попу думного дьяка Мих. Данилова, для того, что он поп приносил в Верх образ Богородицы для молебства; — июля 29, идет молиться к Троице и подает к Николе Великорецкому на молебен 8 алт.; — авг. 29 посылает в Коломен-

ское к Усекновению главы Иоанна Предтечи на молебен полтину; — сент. 27 в Старом Никольском монастыре, что за Яконным рядом, служит молебен за государево здоровье и жаует игумену 3 алт. 2 д. и т. д.

В 1645 г. июля 13 царь Михаил скончался. Не долго пережила его и царица Евдокия; она скончалась с небольшим через месяц, 18 августа [162].

* * *

Повседневные богомольные выходы царицы в верховые церкви были совершаемы за просто, без особой официальной обстановки, с какою почти всегда выходил сам государь, сопровождаемый обыкновенно приезжавшими для присутствия в Думе боярами и другими чинами, которые обязаны бывали являться во дворец каждый день. Царицу в таких выходах сопровождали только ее комнатные люди, ближайшие дворовые боярыни, крайчая, казначея, две-три верховые боярыни и столько же постельниц, носивших подножие (род ковра) и другие, необходимые при выходе вещи. Праздничные выходы совершались разумеется торжественнее, с большим чис-

лом дворовых людей, а также и в сопровождении приезжих боярынь, а быть может и всего комнатного чина. Без сомнения при этом соблюдался и какой либо церемониальный порядок шествия, младшие чины, девицы боярышни, постельницы, шли впереди попарно, старшие позади. По всему вероятно и здесь чин выхода придерживался подобных же порядков, какие были в обычае на половине государя. Любопытные изображения таких пеших царицыных выходов сохранены в рисунках к путешествию Мейерберга, с которых снимки мы помещаем в конце книги. (См. рис. I и II).

Первый рисунок показывает, по словам Мейерберга, каким образом царица по сокрытой галерее из дворца ежедневно шествует в женский монастырь Вознесения Господня, для слушания там молитвы (панихиды) в память умершего. Пред нею несут в серебряном позолоченном сосуде смесь называемую *кутья*, состоящую из меду, пшеницы, смоквы и сахара, которую ставят на могилу для искупления грехов. Потом сие кушанье предоставляется священникам и церковнослужителям.

лям». Впереди идет боярыня с кутьею, за нею крайчая, потом четыре девицы — боярышни с ослопными восковыми свечами, для освещения пути, за ними — сама царица с посохом в руке, в сопровождении двух боярышен, из которых одна несет над царицею круглый солнечник (зонт). Шествие включает дворовая боярыня. Свечи были носимы только зимою, когда выход совершался ранним утром или вечером. В иных случаях зажигали и носили по шести и более свеч, вероятно в соответствии более значительного для молитвы дня. Солнечник выносился в обыкновенные воскресные и праздничные дни; но употреблялся ли он собственно для защиты от солнца или выносился только для большого парада, — неизвестно. Должно думать, что он служил и вообще для украшения обстановки выхода.

В большие праздники царица выходила в царском наряде, т. е. в короне, а царевны в венцах, под большим солнечником в роде балдахина, который поддерживали по углам за сохи или рукояти четыре боярышни. Такое шествие изображено на II рисунке. Оно от-

крывается девицами боярышнями, идущими попарно, младшие впереди. Затем под балдахин, который поддерживают тоже боярышники, самые младшие возрастом, впереди шествуют царевны; за ними мама несет на руках десятилетнего царевича, потом идет сама царица; ее сопровождают крайчая и две боярыни. Мейерберг замечает, что царских детей, даже довольно возрастных, всегда носили на руках их мамы. В настоящем случае, мама несет, как упомянуто, десятилетнего царевича Алексея Алекс. — Надо полагать, что Мейерберг снял свои рисунки уже с готового современного изображения царицыных выходов. На это указывает самый характер постановки и начертания фигур, напоминающий рисунки иконописцев. Видеть самолично выход царицы, а тем более рисовать его с натуры он не мог ни в каком случае.

Не менее любопытные подробности о подобных же пеших выходах вообще знатной женщины в старое время, мы находим и в народных песнях — былинах, из которых в этом отношении особенно замечательны песни о Дюке Степановиче, княженецком боярском

сыне. В одной из них Дюк Степанович объясняя княженецкое обхождение говорит князю Владимиру:

*Как у моей государыни матушки,
Честной вдовы Мамелфы Тимофеевны:
Пойдет она от церкви от собор-
ния,
Впереди идут лопатники (чистят
дорогу лопатами),
За лопатниками идут метельщи-
ки (метут),
За метельщиками идут суконщи-
ки,
Расстилают сукна одинцовыя.
Мою матушку, честну вдову Ма-
мелфу Тимофеевну
Ведут под руки тридцать девиц
со девицею;
Вся она обвешана бархатом,
Чтобы не запекло ее солнце крас-
ное,
Не напала роса утренняя...
Или: Под руку ведут тридцать де-
виц
И по другую тридцать девиц;
Над ней несут подсолнечник,
Чтобы от красного солнца не за-*

*пеклось ее лицо белое;
Впереди стелют сукна одинцовья,
Сзади сукна убирают.
У ней надето платье цветное,
На платье подведена луна подне-
бесная,
Пекет красное солнышко
И светит светел месяц,
Рассыпаются частые мелкия
звездочки [163].*

В этой последней песни Дюковой матушке предшествуют четыре староматерые старухи, ее служебные женщины: халуйница, руко-мойница, постельница, колашница, из которых первую ведут под руку 5 девиц, под другую 5 девиц; вторую по 10 девиц; третью — по 15, четвертую — по 20. Добрыня Никитич, желая встретить Дюкову матушку, каждой из этих прислужниц здравствовал, думая, что это и есть Дюкова матушка и получал ответ, что Дюкова матушка позади идет [164]. Все это черты, очень верно и точно рисующие старую русскую действительность княжеского или вообще знатного быта, а след. еще в большей мере действительность быта царского.

Само собою разумеется, что выезды цариц

по своей обстановке были еще церемониальнее, потому что тогда экипаж царицы сопровождали, кроме женского чина и мужчины, как увидим ниже. Притом в состав женского чина значительно увеличивался, особенно если поход или выезд был дальний, замосковский, куда требовалось подымать и большее число служащих дворовых людей и всякие запасные возки. Очевидцы таких выездов описывают их следующим образом. В 1602 г. в Москву приехал принц Датский Иоанн — жених царевны Ксении Борисовны Годуновых. Описатель его путешествия говорит, что когда они представлялись в первый раз дарю Борису, то «в Кремле никто (из них) не видал ли цариц, ни царевен, ни даже комнатных женщин; тоже не видал их и приехавший жених — принц. Это могло произойти от того, объясняет описатель, что они стояли в потаенном месте и смотрели скрытно на приезд и отъезд принца. 6 октября царская семья выезжала на богомолье в монастырь, должно быть в Новодевичий. Шествие было в следующем порядке. «Сначала ехали впереди до 600 всадников, по трое в ряд... Некоторые из пере-

довых были одеты в золотую парчу в виде брони. Потом вели 25 хорошо убранных коней, на коих попоны были леопардовые шкуры и золотые и серебрянные парчи. Дальше ехала крытая красным сукном вызолоченная пустая коляска (царевича Федора)» возле которой в несколько рядов следовали всадники, все молодые люди. Затем ехал сам царь в крытой бархатом коляске, запряженной в шесть белых коней. По сторонам шли бояре. Тут бежала большая толпа людей, челобитчиков, державших просьбы и кричавших в след государю. Просьбы принимались и складывались в красный ящик, который несли за царем. За этим поездом ехал царевич верхом; его сопровождали и коня вели также бояре.

С полчаса после отъезда царя следовал выезд царицы. Наперед вели хорошо одетые конюхи 40 прекрасных коней. За ними ехала царица, в пышной коляске запряженной в 10 красивых белых лошадей и такой просторной, что в ней трое могли сидеть рядом. Потом ехала царевна в подобной же коляске в 8 лошадей, совсем закрытой, так что ничего не было в ней видно. Все горничные женщины

ехали верхом, как мужчины. На головах у них были белоснежные шляпы, подбитые телесного цвета тафтой, с желтыми шелковыми лентами, с золотыми пуговками и кистями, ниспадавшими на плеча. Лица их были покрыты белыми покрывалами до самого рта; они были в длинных платьях и в желтых сапогах. Каждая ехала на белой лошади, одна возле другой (попарно). Всех их было 24. Около царицына поезда шло 300 человек хорошо одетых стрельцов, с белыми посохами, батогами, в руках. За поездом ехали старики, по три в ряд, большею частью с седыми бородами (это дети боярские царицына чина). Шествие заключали бояре и за ними толпа народа. Таким образом в поезде царя и царицы было до 500 лошадей. При возвратном шествии впереди царя ехало до 900 человек верхом, а потом сам царь и возле него царевич, тоже верхами, и притом так, что лошадь царевича шла на шаг впереди царской. Было уже темно, когда приехала царица с царевною, и потому возле них несли до 40 свеч (восковых, ослопных). Их сопровождала большая толпа бояр и очень много стрельцов»

О женском конном поезде, сопровождавшем на выездах царицу, свидетельствует другой очевидец такого выезда, Олеарий. Он говорит, что когда царь с семейством возвращался с богомолья, то за царицею и царевнами «ехали тогда 36 девиц и прислужниц, в алых юбках и белых шляпах, с коих висели длинные алые снурки, ниспадавшие по спине: они имели на шее белые покрывала; все были весьма заметно нарумянены, и ехали верхом, сидя на лошадях, как мужчины». Но мы уже упоминали, что подобные, более пышные и церемониальные выезды совершались только во время далеких походов, напр. к Троице и в другие отдаленные места. В годовых московских выездах экипаж царицы был сопровождает только мужским чином из близких ее людей, из дворян и из детей боярских ее чина.

Годовые богомольные выходы и выезды цариц вызывались главным образом совершением памяти усопших родителей, т. е. вообще родства. Поэтому важнейшее место в ряду дней, освящаемых молитвою и милосты-

нею, были дни поминовений и особенно *родительские* субботы, Мясопустная, Троицкая и Дмитровская. Тоже значение имела и *радуница* (вторник Фоминой недели), или вообще христосование с родителями на Святой.

В эти дни царица хаживала на богомолье в кремлевский Вознесенский монастырь, который был усыпальницею царских родителей женского колена, и в Новоспаский монастырь, в котором находились гробы родителей Дома Романовых. Это были главные места, где царица, поминаючи родителей, служила непременно панихиды, а иногда слушала и обедню. Иной раз, царица обходила в эти дни и другие святыни Кремля, именно Успенский собор — усыпальницу Московских святителей, Архангельский собор — усыпальницу царских родителей мужского колена, Чудов монастырь, Троицкое и Кирилловское подворья. Точно также и загородные выходы направлялись иной раз, кроме Новоспасского, и в девичьи монастыри, Ивановский, Зачатейский, Алексеевский и Новодевичий.

Монастыри и подворья посещались в это время с целью раздать монашествующей бра-

тии и особенно сестрам заупокойную милостыню, на помин души усопших родителей. На маслянице царица ходила в эти храмы и монастыри прощаться, а на Святой христосоваться.

В обыкновенных выходах, очень редко пешком, а большею частью в экипаже, царицу всегда сопровождали дворовые боярыни, дворовые девицы боярышни, и служащие женщины младшего чина, казначеи, постельницы. Если она выходила с детьми, то в таком случае первое место в числе боярынь занимали мамы. Для обереганья такой выход сопровождали царицыны дети боярские. Когда выходу по чему либо давали большую торжественность, то с царицею выезжали и боярыни *приезжая*. Так в 1626 г. февр. 17, в пятницу на маслянице выезжала в Вознесенский монастырь новобрачная царица Евдокея Лукьяновна Стрешневых. Она ехала в санях, против нее сидели боярыни: вдова кн. Фед. Ив. Мстиславского княгиня Орина Ивановна [166], и жена б. Ив. Никит. Романова Ульяна Федоровна. За царицею в санях ехали: вдова Ив. Ив. Годунова боярыня Орина Никитична,

жена кн. Ив. Борис. Черкасского княгиня Авдотья Васильевна, жена Фед. Ив. Шереметева боярыня Марья Петровна, жена кн. Юрья Еншеевича Сулешева княгиня Марфа Михайловна, жена кн. Бор. Мих. Лыкова княгиня Настасья Никитична, вдова Ив. Филип. Стрешнева; жена Лук. Степ. Стрешнева Аына Константиновна, родная мать царицы; жена Вас. Ив. Стрешнева Орина Прокофьевна, вдова кн. Вас. Ром. Пронского княгиня Марья и дворовая боярыня Федора Заболоцкая. Против боярынь сидели по две постельницы: у саней у боярынь шли по два сына боярских царицыных да люди их (боярынь).

В 1675 г. февр. 13, в субботу масляницы на первом часу дни, т. е. на рассвете, ходила царица Наталья Кирилловна по монастырям, в Вознесенский, в Чудов, в собор к Архангелу Михаилу. А за нею государынею были: ее отец б. Кир. Полуехт. Нарышкин да думные дворяне: ловчий Афанасий Ив. Матюшкин, Авр. Никит. Лопухин; ближние люди и стольники, родные ее братья, Иван и Афанасий Нарышкины; Вас. Фед. да Ив. Фом. Нарышкины. Да за нею же государынею были мамы и приезжие

боярыни: мать царицы Анна Левонтьевна; тетка, жена Фед. Пол. Нарышкина, Авдотья Петровна; невестка, жена Ив. Кир. Нарышкина Прасковья Алексеевна, да верховые боярыни и казначеи. Царица выезжала в это время со всею семьею, с двумя младшими царевичами Иваном и Петром, при которых находился дядька кн. И. И. Прозоровской и царевичевы стольники, пажи; с царевнами *большими* и *меньшими*, при которых находились окольн. Ив. Фед. Стрешнев, стольн. Ив. Ив. Матюшкин, Вор. Гавр. Юшков, да дьяки и стольники. А покамест ходила царица по монастырям, Кремль был заперт и никого не пускали; по всем воротам стоял стрелецкий караул. Кремль отперли уже в третьем часу дня, когда царица возвратилась в свои хоромы.

В том же году апр. 11, в Воскресенье на святой неделе, в день Мироносиц, царица ходила христосоваться по монастырям, в Чудов, Вознесенский и в Архангельский собор; а за нею были бояре: отец ее Нарышкин: и Матвеев Арт. Серг.; думн. двор. Лопухин и родные ее братья, Нарышкины; да царицыны стольники и дьяки. Из боярынь ее сопровождали род-

ная мать Анна Левонтьевна да невестка Прасковья Алексеевна Нарышкины и все верховые боярыни. А как была царица в монастырях и жаловала к руке игуменей с сестрами, да протопопа Архангельского, да ключарей да священников к руке и ее государыню держали под руки, под правую мать Анна Левонт., под левую невестка Прасковья Алекс. В Вознесенском монастыре на этот случай собрались и боярыни приезжие разных чинов, которых царица также жаловала к руке. Потом повелела спросить Вознесенскую игуменью с сестрами *о спасении*, а приезжих боярынь *о здоровье*. Этот церемонный спрос передавала мать царицы, Анна Левонтьевна.

В тот же день царица ходила и в загородные монастыри, в Новодевичий, в Зачатейский и в Страстной с маленьким царевичем Петром и с царевнами. Колымага была большая, запряженная в 12 санников (лошадей) цветных. В колымаге с нею сидели мамы, родная мать, невестка, да боярыня Матрена Васильевна Блохина и кормилицы. А сидела царица с царевичами Иваном и Петром да с меньшими царевнами. Из мужчин царицу сопро-

вождали Нарышкин отец, Матвеев и Лопухин с царицыными стольниками и несколькими дворянами московскими, по списку. Впереди царицы шел и старший царевич Федор Ал. в своей карете, запряженной в 6 лошадей; с царевичем сидели дядьки, а за каретою ехали ближние люди. В особых колымагах ехали царевны большие и царевны меньшие, сопровождаемые также ближними людьми и дворянами московскими. Наперед всего поезда шел стремянный стрелецкий полк, под предводительством головы. И в этих монастырях царица жаловала игуменей с сестрами и собравшихся для такого случая разных чинов боярынь, к руке: причем под руки ее держали те же ближние боярыни. Точно также и здесь был церемонный спрос монахинь о спасеньи, а боярынь о здоровье, объявленный матерью царицы, Анною Левонтьевною. По обыкновению во время таких выездов от государя всегда приезжали к царице, к царевичам и царевнам ближние люди со здоровьем, т. е. спросить благополучно ли совершают они свое богомолье. Точно также и царица от себя посылавала к государю, когда он выезжал на

подобные богомолья и вообще за город, т. е. за кремлевские стены. Иной раз царица совершала такое богомолье вместе с государем. Так, в том же 1675 г., в Троицын день, мая 23, ходил государь с царицею в собор Архангельский, в монастыри Вознесенский и Чудов и на Троицкое подворье. Их сопровождали те же лица, которые обыкновенно находились на выходах царицы, Нарышкин отец, Матвеев и Нарышкины, братья царицы. Кремль был заперт и никого не пускали до окончания царского богомолья; самый выход без сомнения был совершен ранним утром.

Такие же выезды по монастырям совершались и осенью по случаю субботы Дмитровской. В 1674 г. октября 24 царица Наталья Кирилловна ходила с царевичами меньшими и с царевнами в Успенский и Архангельский соборы, в Вознесенский и в Чудов монастыри, на Троицкое и на Кирилловское подворья и к Николе Гостунскому. С нею были мамы: княгиня Голицына Ульяна Васильевна, Шереметева Ульяна Петровна, княгиня Лобанова-Ростовская Анна Никифоровна, Шереметева Настасья Федоровна, кн. Ромодановская Праско-

вья Ивановна, мать царицы Анна Левонтьевна, невестка — Прасковья Алексеевна Нарышкины; да верховые боярыни: Анна Петровна Хитрово, кн. Анна Андр. Мещерская, Матрена Вас. Блохина, Марья Андр. Мартюхина, кн. Агафья Ухтомская, Марья Борис. Давыдова и иные верховые боярыни, да казначея Пелагея Ивашкина, также Карташова, Скрипина и иные казначеи. Из мужчин царицу и детей сопровождали те же ближние люди: Нарышкин отец, Матвеев, Стрешнев, Матюшкины, Лопухин, дядька царевича Ивана кн, Прозоровский, и двое братьев царицы. Кремль на время выхода точно также был заперт [167].

Впрочем главным и неизменным спутником таких богомольных выходов царицы во всякое время была милостыня, о которой и сообщают нам свидетельства расходные денежные записки. Так в и 632 г. февр. 6 (понедельник масляницы) царица Евдокия Лукьяновна ходила молиться к Спасу на Новое да к Знамению Богородицы (что у старого двора Романовых) да в Вознесенский монастырь; и в Спасском монастыре роздано нищим поручно милостыни 2 р. 3 ал. 2 д. да из Сибири То-

больского города приезжей старице Каптелине полполтины; да по челобитным бедным детям боярским и вдовам и черноризицам рубль. В субботу масляницы февр. 11 царица ходила в Новодевичий монастырь и на дороге роздано нищим поручно 27 алт. 4 д.; старице Евникие на келью 5 р. В 1634 г. февр. 16 на масляное заговенье царица Евдокия ходила молиться в монастырь к Спасу на Новое и, идучи, пожаловала в богаделенную избу, что на Кулишках, нищим проезжие милостыни полтину; да на Ильинском крестце старцу Маркелу рубль; да дорогою идучи поручно роздано нищим рубль 15 алт. В 1635 г. февр. 2. (понеделник масляницы) царица ходила в монастыри к Спасу на Новое и в Вознесенский, и на Кирилловское подворье, причем нищим роздано рубль и алт. 2 д. февр. 4 в среду ходила в Новодевичий монастырь и пожаловала в монастыре крылошанке старице Елинархе Темирязеве 2 р., да безместной старице Ираиде на платье рубль; да по ее приказу на милостыню роздано по дороге нищим и всяким бедным людям 1 р. 19 алт. 4 д.

Когда не было вместилого дня и совер-

шить выход самой царице было невозможно, в таком случае она посылала деньги на установленную панихиду. Так была справлена Дмитровская суббота в 1628 г. окт. 25, см. стр. 310. В 1631 г. мая 27 царица Евдокия велела послать в Новоспаский монастырь «для вселенной Троицкой субботы по родителям на панахиду 2 р., в Вознесенской монастырь по царевне Пелагее на панахиду рубль». В 1632 г. мая 13, тоже по случаю Троицкой субботы послала к Спасу на Новое по государских родителей на панихиду рубль.

Кроме того царицы неизменно, если бывали вместимые дни, хаживали *править панахиды* по усопшим в дни их кончины. Так царица Евдокия в 1634 г. генваря 27, ходила к Спасу на Новое *править панихиду* по своей свекрови иноке Марфе Ивановне, причем дорогою и в монастыре роздано ею нищим 2 р. 18 ал. Большею частью эти выходы делались в Вознесенский монастырь, ибо там покоилось усопшее царское женское колено.

Церковное поминовение усопших сопровождалось всегда покормом духовного чина, который творил память и совершал службу.

Мы видели, т. I, 230, что во дворце для таких покормов существовала даже особая палата, панихидная или сборная. В монастырях где покоились родители, также всегда происходил такой покорм на всю братию или в девичьих на всех сестер; причем раздавалась братии и сестрам денежная ручная милостыня. Независимо от этих собственно церковных покормов, в самом дворце происходили покормы на нищих, которые собирались в царские хоромы на каждую *память*, т. е. в каждое число, в которое справлялось поминовение по усопшем, именно в день кончины, в день именин, и в другие подобные дни, см. выше стр. 178.

Чтобы дать вообще понятие о том, с каким богомольным усердием и с какою милостинною щедростью совершались в царском быту поминки по усопшим, как вообще *строили* душу покойника и творили память о нем, укажем на поминовение, справленное царем Алексеем по умершей своей супруге царице Марье Ильичне. Она скончалась в 16(59 г. марта в 3 день, в среду второй недели великого поста, в отдачу (на исходе) часов дневных

т. е. в 6 часов вечера. На другой же день 4 марта совершенно было и погребение. Не будем говорить о том, какие суммы розданы из Приказу Большого Дворца высшим духовным властям, которые были на погребении: двум патриархам, двум митрополитам, епископу, архимандритам, игуменам и т. д. Мы укажем здесь только расходы, так сказать кабинетные, из Приказа Тайных Дел, откуда в тот же день роздано нищим, которые в числе 103 чел. шли за гробом, по рублю.

На *третины*, т. е. на третий день по кончине (6 марта) в деревянных царицыных хоромах, где она жила и скончалась, кормлено нищих 30 человек и роздано им милостыни по рублю. В тот же день ввечеру на Аптекарском дворе [168] кормлено нищих 81 чел., в том числе кормлены и те, которые шли за гробом, при чем роздано 10 чел. по полтине 20 ч. по 25 к., а 51 ч. по 2 гривны. 9 марта государь был в столовой и из своих рук изволил жаловать для поминовения по царице на сорокоусты в соборы, большие и дворцовые, и во все кремлевские и некоторые другие церкви, всего роздал 651 р. 16 алт. В тот же день на Аптекар-

ском дворе кормлены раненые и вышедшие из полону стрельцы 72 ч.; роздано им по рублю.

На *девятины*, в девятый день, 13 марта, после заутрени царь жаловал на красном крыльце нищих милостынею, а роздано 16 р. 13 ал. 2 д. Девятины правлены в Чудове, т. е. там служили панихиду, причем царь роздал архимандриту с братьею 446 р. Марта 20 царь ходил в девичьи монастыри, в Алексеевский, Зачатейский и Никитский, и к богадельни и раздавал там на поминование милостыню; а во дворце в тех же деревянных царицыных хоромах кормил нищих, которым роздано 36 р.

24 марта, ко дню Благовещенья, государь разослал во все монастыри московские, городские и загородные и важнейшие из подмосковных: 360 осетров (длиною от 2 до 1 1/2 арш., ценою по рублю), 50 белуг (дл. от 3 до 2 1/2 ар., ценою по 2 р.), 30 теш соленых белужных. В тот же день для поминования послано в Троицкий монастырь 504 р., в Саввин 280 р. 17 ал. 2 д. — 25 марта государь из своих рук роздал крестовым и певчим дьякам, которые

на месте (в хоромах) и на гробу царицы псалтырь говорили; а также и всем комнатным крестовым у царицы, царевичей и царевен за псалтырь, который вероятно они говорили по комнатам, всего 39 ч., за псалтырь 336 р. [169], да за вынос и за погребенье, 43 ч., 133 р. 13 ал. 2 д. В тот же день из своих государских же рук роздал верховым богомольцам и неимущим, 13 ч., по 5 р. — 27 марта в субботу пятой недели поста государь кормил в деревянных хоромах царицы нищих, роздано 32 р. — 28 марта, в воскресенье, опять там же кормлено 32 чел. нищих, при чем милостыню им раздавал царевич Алексей, по рублю человеку. Апреля 1, в день именин покойной царицы Марьи государь приказал выдать 5 р, дьячку от царицыной Евдокеинской церкви на Сенях, Ивану Архипову, за псалтырь, что он в той церкви говорил за великого государя в великий пост. Тогда же в ночи государь ходил в богадельни и в тюрьмы и роздал в Кулижской и Покровской богадельнях 200 ч. по рублю; на Тюремном дворе 811 ч. по рублю; на Земском (в тюрьмах же) 875 ч. по рублю, и т. д. Всего роздано в этот выход и по дороге нищим 2418 р.

3) ал. 2 д. Вместе с тем для поминовения царицы государь повелел колодников и тюремных сидельцов освободить, а истцовы иски и пошлины за них заплатить, всего на 807 р. 21 ал. 1 д. Апреля против; 3 числа в ночи государь ходил в девичьи монастыри Георгиевский, Страстной и Моисеевский, да к священнику Никите, и к расслабленному Зиновию, что у него на дворе, и роздал из своих рук, для поминовения по царице, игуменьям по 2 р. старицам 386 ч. по рублю, священнику 50 р., расслабленному и кажненым и нищим, которые были собраны к нему священнику на двор, и дорогою нищим и вдовам, бессчетно 109 р.; всего роздано в этом выходе 600 р. 13 ал. 2 д. Апреля 3 в субботу Лазарева Воскресенья в деревянных царицыных хоромах кормлено 75 ч.; роздано по рублю. Апреля 4 на Аптекарском дворе роздано нищим 100 ч. по гривне, да им же куплено калачей и пр. корма на 5 р. Во 2 часу ночи в хоромах царицы кормлено 61 ч. нищих, роздано по рублю. Апреля 7, к празднику Светлого Христова Воскресенья и для поминовения царицы в соборы и в приделы церковному причту разосланы говяжьи

стяги. Апр. 8 розданы по монастырям купленная рыба и масло коровье — для поминовения, а на Аптекарской двор на кормку нищим куплено кур индейских, гусей, уток на 126 р.

Апреля 11 в Светлый день в хоромах царицы кормлено 73 ч. нищих, дано по рублю. После вечерни государь ходил в Вознесенский монастырь к гробу царицы, а оттуда в каменной застенок, что у Спасских ворот и жаловал там бесчисленно из своих рук раненых рейтар и солдат и нищих; роздано 200 р. 20 алт. В понедельник 12 окт. в хоромах царицы кормлено 76 ч. нищих, дано по полтине. И каждый день, во всю неделю, в тех же хоромах кормлены нищие в таком же почти количестве с раздачею им милостыни по полтине человеку.

По истечении первой четыредесятницы государь, апр. 20, указал править другую четыредесятницу, т. е. другие сорочины и на раздачу милостыни повелел выдать голове стрелецкому Авраму Лопухину 1000 р. В хоромах царицы кормлено 72 ч. нищих, и роздано одному рубль, прочим по полтине. В стрелецких слободах вдовам и сиротам роздано 176 р.

18 алт. 4 д. Тогда же государь указал раздавать на Аптекарском дворе, во время кормки, нищим на другую четырехдесятницу, в которые дни было погребение, третины, девятины, полусорочины и сорочины, на день 130 челов., по полуполтине. В придельные дворцовые церкви наняты тогда священники служить литургию и панихиды, петь по царице в год по вся дни; а в другую четырехдесятницу с того числа (20 апр.) по вся дни ввечеру петь панихиды, а как четырехдесятница отойдет и им петь в неделе по три панихиды, против вторника, четверга, субботы.

На другой день, 21 апр., во все московские церкви розданы деньги на сорокоусты. В царицыных хорах за обедом кормлено 52 ч. нищих, роздано им по полтине; потом ввечеру кормлено 80 ч., дано по стольку же. Апр. 27 в другую четырехдесятницу, на девятины, там же кормлено нищих за обедом 60 ч., за ужином 12 чел.; дано по полтине. На Аптекарском дворе велено кормить в эту четырехдесятницу на девятины, на полусорочины и на сорочины нищих по 130 человек в день, на что дано 21 р. 10 алт. — Мая 1 государь велел окупить

колодников, которые сидят по приказам и стоят на правежах в долгах и исках; на выкуп издержано 416 р. 11 ал. 2 д. — Мая 2 в воскресенье за два часа до вечера в хоромах царицы кормлено 72 ч. нищих, дано по полуполтине. На полусорочины другой четырехдесятницы, 8 мая, государь после всенощного ходил к панихиде в Вознесенский монастырь и роздал дорогою нищим бессчетно 17 р. 13 ал. В хоромах царицы в тот же день кормлено нищих 72 ч. — Мая 10 государь был в селе Острове и в саду из своих рук роздал нищим, 68 ч., по полуполтине. Из села Острова он ходил к панихиде в Николаевский монастырь на Угреше и пожаловал на сорокоуст 10 р., на панихиду 4 р., да ручной милостыни игумену и братии и на монастыре нищим роздано 4 р. 8 ал. 2 д. — Мая 16 и 24 в хоромах царицы кормлено нищих 72 ч., дано каждому по полуполтине. 28 мая после вечернего пения кормлено перед столовою в сенях нищих тоже 72 ч., причем милостынею их жаловал из своих рук царевич Алексей. Июня 5 государь послал для поминовения в Киев в Печерский монастырь 20 пуд масла деревянного (по 3 р. 5 алт. за пуд),

10 пуд ладону белого самого доброго (по 12 р. 50 к.), да 50 пуд воску.

1 Сентября государь опять кормил нищих 30 чел. для поминовения по царице в Передней и роздал им из своих рук по полтине. 8 числа кормлены нищие 84 чел. в Золотой царицыной палате; им роздал государь из своих рук одному 2 1/2 р., а прочим по полтине. Это было в день Рождества Богородицы, в годовой праздник на Сенях царицы, по главному престолу Рождественской церкви. По этому случаю и кормка нищих происходила с большим торжеством в Золотой приемной палате цариц. 18 сент. в Троицком богомольном походе царь для поминовения роздал из своих рук архимандриту Троицкого монастыря и братии 1822 р. Октября 22, по случаю Дмитровской субботы, для поминовения царицы царь снова кормил в Передней и в Комнате 60 чел. нищих и роздал им из своих рук по полтине. Ноября 28 таким же образом кормлены нищие 72 ч. в царицыной Золотой палате, дано из своих рук по полтине. 23 декабря государь разослал в монастыри к празднику Рождества Христова для поминовения рыбу, масло, 763

ведра меду кислого, 181 четверть круп гречневых.

В праздник Рождества Христова, 25 дек., государь кормил нищих 80 ч. в Золотой царицыной палате и роздал из своих рук по рублю каждому. Такое же количество нищих и в той же палате для поминовения царицы кормлено в мясопустную родительскую субботу 5 февр. 1670 г. В этом году по случаю годовщины, 4 марта, на Ильинском крестце куплено 2000 калачей двуденежных для роздачи нищим и колодникам в тюрьмы, а богаделенным роздана денежная милостыня; такая же милостыня разослана в монастыри. 5 марта для помину царицы кормлены на тюремном дворе все колодники, а в ее Золотой палате нищие 120 ч., которым дано из своих рук по полтине. Там же кормлены с раздачею милостины 121 ч. марта 19. Марта 25 в день Благовещения государь кормил в царицыной Золотой 30 ч. священников, которые служат по ней государыне годовую службу, да нищих 60 ч., и роздал из своих рук, попам по 2 р., и по портицу (куску) материи — дорог персидских, а нищим по полуполтине. 3 апр. в Свет-

лое Воскресенье кормлены нищие 30 ч. в Золотой царицыной, дано из своих рук по полтине. Такие же столы были справлены в той же палате 7 и 8 числа, 12 числа там же кормлено 120 чел. В тот же день куплено 15 пирогов больших, по 23 ал. 2 д. за пирог, которые и развезены в богадельни и в тюрьмы. Мая 21 в Золотой царицы кормлено нищих 90 чел. с раздачею из своих рук по полуполтине. Мая 28 там же кормлены 33 ч. священников, которые служат по царице годовую службу, дано по 2 р. и по портищу сукна. Сверх того покорм нищих по тем же дням происходил и на Аптекарском дворе, а иной раз кормили и колодников на тюремном дворе и в разбойном приказе, как было 5 марта и 6 апреля. Не говорим о других не столь значительных милостынных подаваниях.

Вообще годовщина памяти справлялась постоянно и неизменно каждый год и церковною службою, и раздачею милостыни и между прочим всенародною раздачею нищим калачей или хлебов. В 1674 г. государь указал раздать по царице Марье марта.3 для (памяти) преставления, а марта 4 для погребения

по двуденежному хлебу на милостыню, по Приказам колодникам, в тюрьмы тюремным сидельцам, в богадельни нищим, да по улицам нищим особо 1000 человекам. Всего в первый день было роздано 2884 хлеба, в том числе в 28 приказах 471, в тюрьмах 933, в двенадцати богадельнях 480 и на 16 улицах 1000. Хлебы развозили на извозчичьих телегах [170].

Тоже самое, если и не с такою щедростью происходило в подобных случаях и на царицыной половине. Так в 1634, когда скончался патриарх Филарет Никитич, по нем в течение сорочин каждый день раздавалась нищим милостыня от царицы. Раздавал на дворце по рукам царицын дворецкий Фед. Степ. Стрешнев. 10 октября на девятины роздано таким образом 3 р., в остальные дни по рублю и в самые сорочины, т. е. в последний день 2 р. В 1636 г. с 20 июня, когда скончалась маленькая царевна Софья Мих., по ней во все сорочины, каждый день раздавалась из хором царицы милостыня нищим, причем самая высшая цифра в день была около 8 р., а меньшая 20 алтын.

Все это была поминная милостыня только комнатная, своеручная, и потому более или менее тайная. Приказная или официальная раздача на помин души духовному чину и нищим простиралась всегда до огромной цифры, особенно, если поминки справлялись по самом государе. По свидетельству Котошихина на царское погребенье выходило, на Москве и в городах, близко того, что на год собиралось казны или дохода со всего государства. На поминовение царицы выходило против царского в половину; на поминовение царевича против царицына малым чем с убавкою, а на поминки царевны против царского в четвертую долю. — Кроме денежной раздачи всегда также справлялись по установленным дням панихидные кормы.

* * *

Из богомольных, также годовых походов по далеким замосковным монастырям, о которых мы отчасти уже упоминали выше, особенно был соблюдаем поход Троицкий, к чудотворцу Сергию, куда царица как и государь, ходили творить чудотворцеву память каждый год обыкновенно осенью, освящая бого-

мольем день его преставления 25 сентября. Выше мы также видели, что если по какому либо обстоятельству этот осенний поход совершить было нельзя, царица хаживала туда и в другое время, чаще весною и даже зимою, почитая неизменным благочестивым обетом молиться у чудотворца в монастыре ежегодно. В иные года Троицкий поход она совершала и по два раза, напр. в 1548 г. в июне и сентябре; в 1637 г. в сентябре и потом в ноябре.

Само собою разумеется, что милостыня сопровождала каждый богомольный шаг царицы и особенно в этих отдаленных походах, предпринимаемых обыкновенно по обещанию. При богомольном настроении мыслей и при великом множестве нищих, действительно, нельзя было в то время и шагу сделать без подаяния, которое в мелких раздачах ограничивалось обыкновенно одним алтыном на человека.

Об этом подробнее рассказывают нам расходные записки таких походов, которые мы помещаем в отделе материалов. Вообще царицыны богомольные и другие походы из

Москвы своими расходными записками раскрывают особенную простоту отношений царицы к населению вообще, деревенскую простоту и непосредственность ее быта. Дорогою идучи, она нередко потешала своих маленьких детей, царевичей и царевен, покупкою им игрушек и разных гостинцев, какие бывали на торгу и какими обыкновенно потешался простой народ.

Она покупала им в возок: калачики пшеничные сдобные и тертые, яблоки садовые и резань, ягоды, орехи, морковь и репу и т. п. гостинцы, кроме различных игрушек.

По дороге крестьянки, попадши с попами выходили к ней на встречу из деревень и подносили, кто что мог, у кого что было: хлеб-соль, калачи, пироги, ягоды, клюкву, квас, пиво, брагу, сотовой мед, пряники разных видов, сыр, блиньи, репу и т. п., за что получали небольшую награду алтына по два, по гривне, по полтине, по рублю и больше, смотря по обстоятельствам и лицам.

Касательно других годовых выходов, мы уже знаем, что царица не присутствовала публично при торжественных праздничных

служениях церкви, ни при совершении церковных торжественных обрядов, на которые неизменно всегда выходил один только государь и объявленный царству наследник — царевич. Но и в своем удалении от публичной жизни царица тоже следовала некоторым обычаям и обрядам, какие для неперемного исполнения освящены были церковным благословением. Так 1 августа, в день торжественного церковного освящения воды, когда государь погружался сам в иордань на Москве реке под Симоновым монастырем (т. I, 343), и царица совершала такое же погружение во иордань, при царе Михаиле обыкновенно в селе Рубцове, на прудах. В 1629 г. июля 31 для этой цели из царицыной Бедой Казны отпущено было в светлицу на простыни иерданские в село Рубцово пять полотен тверских. В царицыной казне сохранялась: «коробья новгородская, а в ней простыни, которые были на иердани, как омочалась во иердани государыня царица Евдокия Лукьяновна».

* * *

Из описания царских выходов и приемов мы уже видели (т. I, глава III и IV), что торже-

ственные приемы у царицы как самого государя, так патриарха, и высшего духовного и светского чина, ограничивались немногими днями больших годовых праздников, каковы были праздник Рождества Христова, один из прощенных дней масляницы и Светлый день, а также какими либо особыми торжественными случаями, семейными (свадьба, родины, крестины) и церковными (поставление святителей),

Такие приемы происходили обыкновенно в царицыной Золотой палате. Нам неизвестно, в каком порядке окружал ее в это время ее дворовой чин или штат; но можем полагать, что порядок был обычный, какой соблюдался и в палатах государя. Так без всякого сомнения младшие женские чины царицы стояли церемонно и сидели в сенях перед палатою, а в палате приезжие боярыни сидели, подобно как и бояре у государя, на лавках, по сторонам царицына места. У самого места, подле царицы стояли боярыни из самых близких к царице особ, как напр. родная ее мать, тетка, сестра... К великому сожалению выходные книги цариц, в которых могли быть записа-

ны подобные чиновные приемы, не сохранились, но судя по некоторым указаниям существовали [171] да и должны были существовать, как обычные записки отдельного придворного ведомства царицыной мастерской палаты.

И в этом случае дополнительной чертой может послужить рассказ песни-былины о приеме богатырей у Дюковой матушки.

*«Вошли они в палату белокамен-
ну,*

*Они Господу Богу помолилися,
Крест они клали по писанному,
Поклон-то вели по ученому,*

*На все на три-на-четыре на сто-
ронки покланялися.*

*Честной вдове (Дюковой матуш-
ке) в особину:*

*Здравствуешь честна вдова На-
стасья Васильевна,*

Дюкова Степанова матушка!

Говорит она таковы слова:

Не есть я Дюковая матушка,

А есть я Дюковая рукомоищица.

Вошли они в другой покой,

Опять низенько покланяются».

Здравствуют и получают ответ, что это Дюковая *портomoйница*; в третьем покое также им ответила Дюковая *стольница*. Проводили, наконец, их красные девушки ко Дюковой матушке; покланяются они и удивляются... [172]

На Рождестве и на Светлой неделе патриарх с духовными властями приходил к царице и к большим царевнам «славить Христа». Вместе с тем на светлой неделе он и духовенство подносили государыне и царевнам благословенные образы и кресты и обычные великоденские дары, в числе которых самое видное место занимают, как известно, *золотые* (иностранные червонцы).

В тот же самый день царица принимала у себя и государев светский чин, приходивший челом ударить и здравствовать с праздником. Так было в Светлый день 7 апреля 1667 г., когда вместе с патриархом и духовными властями царица в присутствии государя принимала бояр, окольников, думных людей и спальников, т. е. ближних людей. В 1668 г. марта 24, во вторник [173] на Святой царица в присутствии государя и объявленного царевича Алексея Алексеевича принимала в своей Зо-

лотой палате Вселенских и московского патриархов, властей и бояр.

В 1665 году марта 26, в самый день Пасхи, царица по случаю последних дней беременности царевичем Симеоном не могла совершить этого торжественного приема и потому в ее же Золотой палате справлял прием светского мужского чина одиннадцатилетний царевич Алексей Алексеевич, еще не объявленный народу и на этот только случай, как бы представляя лицо матери царицы, явившийся в первый раз пред царским синклитом, разумеется в присутствии самого государя. Царевич в то время жаловал к руке бояр, окольничих, думных людей и спальников. Это было самое великое жалованье какое только мог государь оказать своему боярству в великий день Светлого праздника. В 1675 г. подобный прием был назначен, также в самый день Пасхи, 4 апреля, но по какому-то случаю отменен и происходил на другой день только у государя. В составленной для этого приема записке, ему назначался следующий порядок: «Апреля в 4 день были у в. государя и у г. царицы святейший Иоаким, патриарх москов-

ский и всея России да власти с образы: Павел, митроп. Сарский и Подонский; Филарет, митроп. Нижегородской и Алаторский; Мисайло, митроп. Белогородский и Обоянский; Варсунофий, архиеп. Смоленский и Дорогобужский; Иосиф, архиеп. Коломенский и Коширский; Иоаким, епископ Сербословенский и Оршанский; да архимандриты: Чудовской, Новоспасский, Симоновский, Андроньевский, Петропавловский, Богоявленский; да игумены: Знаменский, Здвиженский, Златоустовский, Стретенский, Новинский; да протопоп большого (Успенского) собора Кондрат, да ключари да протодьякон. Того ж числа были у в. государя и у в. государыни царицы в ее Золотой палате челом ударить: царевичи Сибирской Алексей Алексеевич, Касимовский Михайло Васильевич и бояре, окольник, думные дворяне, думные дьяки, крайчий, постельничий, стряпчий с ключом и ближние люди. И жаловала государыня царица, при нем в. государе, к руке святейш. Иоакима патриарха да властей, да царевичев, да бояр, и проч. А были за г. царицею и. стояли в Золотой палате верховые боярыни (также родная

мать и невестка царицы). А г. царицу держала под руку, как жаловала к руке, ее мать боярыня Анна Левонтьевна Нарышкина. Да у г. царицы были в те поры в приезде-ж 15 боярынь разных чинов. Да перед в. государем и перед г. царицею стояли бояре: отец царицы Кир. Пол. Нарышкин да Арт. Серг. Матвеев. А шапку и колпак и посох в. государя держали в те поры ближние люди, 2 человека, по переменкам. А образы указал в. государь принимать у патриарха и у властей, которым благословляли г. царицу, и у архимандритов боярам отцу царицы Нарышкину и Матвееву и принявши отдавать уставщику Фоме Никифорову. Неизвестно, приходил ли с поздравлением к царице светский мужской чин, кроме Светлого дня, и в другие праздники. Кажется это был только один день, в который растворялись двери женского терема ради самого церковного торжества, именно ради его особенного смысла.

В прощенные дни масленицы, именно в сыропустное воскресенье, приходил к царице «прощаться» патриарх со властями, напр. 3 марта 1633 г., 4 февр. 1649 г.

Необходимо заметить, что пришествие патриарха почти всегда сопровождалось и пришествием самого государя, да едва ли и случался какой либо торжественный прием у царицы мужского чина не в присутствии государя. Само собою разумеется, что в это же время приходили к царице прощаться и наиболее близкие к ней люди из мужчин, т. е. родной отец, братья, и др. В 1675 г. февр. 14, в сыропустное Воскресенье царица Наталья Кирилловна принимала у себя и жаловала к руке: Нарышкина своего отца, Матвеева, думн. двор. Лопухина и братьев; также свою мать, тетку, невестку, и весь свой дворовый чин: мам, верховых боярынь, казначей, постельниц, мастериц.

В те же дни происходили и особенные торжественные приемы у царицы женского чина, именно приезжих боярынь, которые, на Рождестве вместе с поздравлением подносили ей и царевнам *перепечи* (т. I, стр. 310), на маслянице собирались к ней прощаться, а на святой христосоваться, при чем также подносили перепечи [174]. В это время прощаться и христосоваться с приезжими боярынями при-

ходил к царице и сам государь [175].

Само собою разумеется, что дворový домашний чин царицы удостаивался государева лицецерения еще прежде назначаемых торжественных приемов, т. е. в тоже время, как государь приходил к самой царице. Так в 1675 г. в самый день Пасхи, апреля 4, «пришедчи великий государь от обедни из соборной церкви к себе в Верх в хоромы государыни царицы, жаловал к руке и яйца: мам, да боярыню Анну Левонтьевну Нарышкину, мать царицы, с дочерью Авдотьей Кириловною, сестрою царицы, и с невесткою Прасковью Алексеевною Нарышкиною, женою Ив. Кир., да верховых боярынь царицы и царевен, и крайчих и казначей всех, и постельниц всех же».

Нет никакого сомнения, что на святой царица и большие царевны принимали всех своих дворových людей до самого младшего чина. Об этом мы можем заключать по поводу такого приема у царевны Ирины Михайловны, к которой, как с своей помещице, в 1675 г. на святой неделе «приходил с образы из села Покровского протопоп Покровской с

собором; да за образы же приходил Покровской прикащик вместе с протопопом, и старосты и лучшие крестьяне. И государыня царевна пожаловала их, велела кормить протопопа с собором и прикащика со крестьяны доволи (сколько станет воли) и поить».

Справляя храмовые праздники у себя на сениях, в своих верховых церквах, в которых нередко в присутствии государя служил литургию и сам патриарх, царица, без сомнения, после службы принимала его в своих хоромах, в одно время с государем. Особенно чтим ею был храмовой праздник ее соборной церкви Рождества Богородицы, 8 сентября праздник так называемого в народе бабьего лета. В этот день после молебна царице подносима была патриархом св. вода через патриаршего поддьяка, которому царица по обычаю всегда жаловала за это 16 алт. 4 д.

Должно упомянуть также о приемах духовного чина из городов, монастырей и пустынь, который приезжал с праздничною св. водою и с крестом по случаю своих храмовых праздников.

На первой неделе великого поста к царице

приходили стряпчие из некоторых, вероятно, особо жалуемых монастырей и подносили ей, равно и всем царевнам по хлебу, по кружке квасу и по блюду капусты, каждой особе от каждого монастыря (т. I, стр. 322). Прием делался на внутреннем царском дворе, у постельных хором, на каменной лестнице, что у мастерской палаты (в нижнем этаже теремного здания). Но не можем сказать определенно, сама ли царица выходила на крыльцо или же подношение происходило, что вероятнее, через ее дворецкого или дьяка и дворовых боярынъ. Отчасти мы и выше видели (стр. 279), что монастырскому хлебу и квасу, как некоей благостыне, придавалось особое значение и этот благословенный монастырский дар принимался всегда с особым благочестием.

* * *

Обыкновенные праздничные приемы у царицы, разумеется одного только женского чина, происходили в дни годовых больших праздников: на Рождество Христово, на Великий день, в Преображение, 6 августа; в день Рождества Богородицы 8 сентября; также в один

из прощенных дней масляницы и в дни царских именин, празднование которых, по случаю постов или других каких обстоятельств переносилось иногда на другие дни, более удобные для совершения торжества и пиршества. В эти дни к царице во дворец собирались *приезжия боярыни* и приезжали всегда по особому зву и по списку, составляемому предварительно царицыным дворецким. Звать боярынь ходили обыкновенно боярские дети царицына чина, получая всегда от них обычное *зватое*, деньгами, а в чрезвычайных случаях, на родины и крестины, подарками, более или менее дорогими, смотря по богатству или по особой радости этому зву и угодливости самой боярыни.

Так как по старому и очень древнему обычаю каждый подобный прием во дворце всегда сопровождался обедом, то и у царицы в те же дни каждый раз давались боярыням обычные столы. Известия о таких столах у царицы заносились даже в государеву разрядную книгу, по той причине, что и здесь, между боярынями, встречались лица *разрядные*, которые имели право (и никогда его не покидали) тя-

гаться между собою разрядами, разумеется, соответственно разрядной и родовой чести своих мужей. В официальные разрядные записки вносились однако ж имена только тех боярынь, которые пользовались правом считаться между собою по разрядам. Об остальных разряды вовсе не упоминают. Они даже и вовсе не упоминали никаких имен, когда боярыням бывал указ: «сидеть без мест», и ограничивались отметкою: «у царицы был стол, а у стола были боярыни приезжая и сидели все без мест». Но это однако ж вовсе не значило, чтобы собиравшиеся на обед боярыни садились за стол без старшинства. Для них у царицы по-видимому строго наблюдался свой особый порядок сиденья, который вполне определялся значением всего чина приезжих боярынь. Этот чин заключал в себе главным образом *родство* государево или царицыно, т. е. их родственниц по мужьям или по урождению. Только одни родственные лица и пользовались правом приезда к царице по назначению в известные праздничные или торжественные дни. Не родственные боярыни, хотя бы жены, дочери или вдовы первых чинов, не

приглашались во дворец к царицыным столам и могли представляться царице только на ее богомольных выходах, напр. в соборах, в монастырях, когда она выходила туда на святой христосоваться, на маслянице прощаться, и т. п., как мы это видели, в описании выходов царицы Натальи Кирилловны.

Таким образом, если официальный приезд боярынь к царице, приглашение к ее столу основывались на родстве их с царским домом, то тем же родством, как мы упомянули, определялись и их места за столом. Степень близости по родству к особе государя или к государыне и указывала каждой боярыне это место и при том родственницы самого царя садились разумеется всегда выше родственниц царицы, даже выше ее родной матери, самого ближайшего к ней лица занимавшего во всех других случаях первое место. Мать государыни за столом дочери царицы получала обыкновенное рядовое место в родственном старшинстве боярынь, по крайней мере так это значится в списках, по которым назначался их *зов* или *приезд*.

По этим спискам, напр. за столом царицы

Евдокеи Лукьяновны Стрешневых по родственному старшинству с царем всегда первенствовала боярыня Ульяна Федоровна Романова, жена боярина Ив. Никит. Романова, государева родного дяди, между тем, как мать царицы занимала седьмое место (1633 г. июля 12). Точно также боярыни, которые вели счета о своих местах по разрядам, в то же время сидели: Черкасская второю, Шереметева третьею, а Головина девятою.

В государских разрядах те же столы писаны только с именами боярынь, великих по разрядам. В них в этот раз Черкасская была первою, Шереметева второю, а Головина третьею; об остальных вовсе не помянуто. Здесь, в разрядах первенствовала уже не Романова, а Мстиславская, и когда не было Мстиславской, Шуйская; когда не было Шуйской, Черкасская, за нею Шереметева, Трубецкая, Головина, Салтыковы. Однажды, 1634 июля 12, в разрядную записку была внесена последнею после Черкасской и Шереметевой и мать царицы, Анна Стрешнева. Для Стрешневых это могло быть находкою.

На обедах царицы Марьи Ильичны Мило-

славских в первое время первенствовала сестра ее Анна Ильична Морозова по той причине, что Морозов был дядька царя Алексея, почитаемый им вместо отца родного. Мать царицы, супруга Ильи Даниловича Милославского, Екатерина Федоровна, занимала второе место, когда бывала только с Морозовою, а в числе других боярынь, рядовое, смотря по старшинству государева родства.

Приводим общие сводные списки приезжих боярынь, которые в течении XVII ст., у трех цариц, пользовались правом приезда во дворец к столам, получали именинные пироги и принимали от царицы почетные посольства *со здоровьем* по случаю ее родин. Порядок, в каком по спискам боярыни следуют одна за другою, приблизительно указывает и их местное старшинство, которое в частных списках довольно часто переменялось. При имени каждой включено и имя ее мужа, так как очень часто боярыни обозначаются только именами своих мужей.

Приезжие боярыни царицы Евдокеи Лукьяновны Стрешневых.

Княгиня *Мстиславская*, жена Фед. Ив.,
Орина Михайловна, с 1617 г.

Романова, Ив. Никит., Ульяна Федоровна, с
дочерью Прасковьею.

Годунова, Ив. Ив., Орина Никитична.

Кн. *Черкасская*, Ив. Борис, Авдотья Васи-
льевна, дочь боярина Василья Петр. Морозо-
ва, с 1622 г.

Кн. *Черкасская*, Дм. Мамстрюк., Олена
Алексеевна.

Кн. *Черкасская*, Якова Куденетов., сноха
жене Ив. Борис. Черкасского.

Шереметева, Фед. Ив., Марья Петровна, с
1616 г.

Лыкова, Бориса Мих., Настасья Никитична
с двумя дочерьми (одна Марья Борисовна).

Кн. *Шуйская*, Ив. Ив., Марфа Васильевна и
Овдотья Васильевна.

Шеина, Мих. Борис, Марья Михайловна с
снохою.

Шеина, Ив. Мих., Марья Борисовна, дочь Б.
И. Лыкова, с 1630 г.

Кн. *Трубецкая*, Дм. Тимоф., Анна Васильев-
на, с 1618 г.

Кн. *Голицына*, Ив. Андр., Софья Андревна, с

1617 г.

Кн. *Голицына*, Андр. Вас. Кн. *Сулешева*, Вас. Еншеевича.

Кн. *Сулешева*, Юрья Еншеевича, Марья (Марфа) Михайловна, с 1616 г.

Кн. *Сицкая*, Алексея Юр., Авдотья Дмитриевна.

Салтыкова, Бориса Мих., Марья Ивановна, с 1615 г.

Салтыкова, Мих. Мих., Прасковья Ивановна.

Кн. *Воротынская*, Алексея Ив., Марфа Ивановна, дочь Ив. Никит. Романова, с 1635 г.

Княжна *Воротынская* Катерина.

Кн. *Сатыева*, Сем. Андр. — Кн. *Сатыева*, Андр. Андр.

Бутурлина, Мих. Матв.

Головина, Сем. Вас, Ульяна Федоровна.

Годунова, Сем. Вас, Анна. — *Годунова*, Никиты Вас, Анна Ивановна.

Морозова, Ив. Вас, Степанида Семеновна.

Морозова, Глеба Ив., Авдотья Алексеевна.

Кн. *Одоевская*, Якова Никит., Анна Михайловна.

Кн. *Пронская*, Вас. Роман., Марья Иванов-

на.

Михалкова, Конст. Ив., Орина Аврамьевна
с матерью.

Собакина, Никиф. Серг.

Стрешнева, Лукьяна Степановича, Анна
Константиновна, родная мать царицы, с доче-
рью Федосьею Лукьяновною, которая вышла
потом за Матюшкина.

Стрешнева, Вас. Ив., Орина Прокопьевна,
потом Авдотья Андреевна. — *Стрешнева, Сем.*
Лукьян. — Стрешнева, Ив. Филип., Ульяна
Ильична с снохою. — Стрешнева, Степ. Фед. —
Стрешнева, Ив. Фед. Большого — Стрешнева,
Ив. Фед. Меншого. — Стрешнева, Ильи. —
Стрешнева Матвея. — Стрешнева, Макси-
ма. — Стрешнева, Левонтья, с снохою

Измайлова, Григорья. — Кн. Шаховская,
Никиты. — Комынина, Вогдана

Юшкова, Петра. — Юшкова, Пими́на. — Па-
нина, Никиты. — Давыдова, Павла

Кн. Львова, Ив. Петр.

Матюшкина, Ив. Павл., Федосья Лукьянов-
на, сестра царицы.

Кн. Хворостинина, Федора.

Кн. Лобанова-Ростовская, Никиты Ив., Ан-

на Никифоровна, впоследствии мама царевны Софьи Алекс.

Голохвастова, Иева, Матрена.

Плещеева, Бориса, Марья. — Плещеева, чашника 1616 г., Ив. Афон. — Плещеева, Афон. Ив.

Чичерина, Прасковья с дочерью.

Щербачова, Аграфена.

Приезжие боярыни царицы Марьи Ильичны Милославских.

Княгиня *Касимовская*, жена Касимовского царевича Василья Еруслановича, Марья Никифоровна.

Кн. *Сибирская*, жена Сибирского царевича И. А., Настасья Васильевна.

Кн. *Сибирская*, жена Сибирского царевича А. А., Настасья Васильевна.

Морозова, Бориса Ив., Анна Ильична, родная сестра царицы.

Кн. *Черкасская, Як. Куд., Авдотья Семеновна с дочерью княжною Анною.*

Кн. *Одоевская, Никиты Ив., Авдотья Федоровна.*

Морозова, Глеба Ив., Федосья Прокопьевна.

Лыкова, Бориса Мих., Настасья Никитична.
Кн. *Трубецкая, Дмитр. Тим. Анна Васильевна.*

Кн. *Трубецкая, Алексея Никит., Катерина Ивановна.*

Морозова, Ив. Вас., Степанида Семеновна.
Милославская, Ильи Даниловича, Катерина Федоровна, родная мать царицы, и потом вторая его супруга, Аксинья Ивановна.

Кн. *Хворостинина, Фед. Юрьев., Елена Борисовна.*

Кн. *Пронская, Ив. Петр., Настасья Дмитриевна.*

Кн. *Одоевская, Фед. Никит., Софья Ивановна.*

Кн. *Салтыкова, Мих. Мих., Парасковья Ивановна.*

Пушкина, Григорья Гавр., Ульяна Осиповна.

Бутурлина, Вас. Вас, Настасья Григорьевна.
Кн. *Темкина-Ростовская, Мих. Мих., Марья Ивановна.*

Кн. *Урусова, Сем. Андр., Федосья Борисовна.*
Стрешнева, Вас. Ив., Авдотья Андревна.
Катырева, Ив. Мих., Арина Григорьевна.

Милославская, Ив. Андр., Аграфена Никитична и потом Анна Петровна.

Кн. *Долгорукова, Петра Алексеев., Аксинья Прокопьевна.*

Кн. *Хилкова, Фед. Андр., Аграфена Богдановна.*

Салтыкова, Петра Мих., Елена Васильевна.

Ртищева, Фед. Мих., Аксинья Матвеевна.

Еропкина, Вас. Мих., Аграфена Тимофеевна, а потом Марья Самойловна.

Кн. *Львова, Вас, Петр., Марья Никитична.*

Милославская, Ив. Мих., Адександра Кузмична. — *Милославская, Ив. Богд.*

Кн. *Воротынская, Ив. Алексеев., Марья Федоровна.*

Кн. *Одоевская, Якова Никит., Анна Михайловна.*

Ртищева, Меншого, Фед. Мих., Ульяна Степановна.

Кн. *Ромодановская, Юрья Ив., Анисья Ивановна.*

Морозова, Мих. Ив., Прасковья Алексевна, а потом Домна Семеновна.

Кн. *Одоевская, Юрья Мих.*

Кн. *Троекурова, Ив. Борис, Анна Семеновна.*

Кн. Львова, Мих., Катерина.

Кн. Куракина, Фед. Фед., Аксинья.

Шереметева, Вас. Офимья. — *Шереметева*,
Никиты Ив., Авдотья Федоровна.

Кн. *Лобанова-Ростовская*, Никиты Ив., Анна.

Голохвастова, Иева Демид., Матрена. — *Голохвастова*, Вас. Яков., Анна.

Соковнина, Фед. Прокоп., Анна Степановна.

К столам цариц Евдокеи Стрешневых и Марии Милославских всегда также, наравне с боярынями, приглашались и старицы-монахини трех московских девичьих монастырей, Вознесенского, Новодевичьего и Алексеевского. Должно с большою вероятностью полагать, что эти старицы были тоже жены, вдовы и дочери бояр, нередко очень родовитых, а главное родственницы царскому дому. Все это вместе, и бывалая знатность, и родство, и иноческий чин, столь уважаемый во дворце, служило достаточным поводом к тому, чтобы и присутствие инокинь за царицыными праздничными столами стадо делом обычным и необходимым. Из каждого из трех монастырей к столу всегда приглашались игу-

меня, келарь или казначея и *соборные* старицы, а сверх того и избранные старицы, вероятно свойственницы царскому дому. У царицы Евдокеи, кроме чиновных стариц монастыря, бывали княжна Ирина Мстиславская, Александра Шереметева, две Морозовых, Анна и Олена; Сундулея Кочергина с ученицею, старицы: Ромодановская, Коркодинова, Благинина, Вера Стрешнева; 8 стариц инокини Марфы Ивановны. Всего за столом в один раз бывало до 12 стариц.

Тем же порядком старицы призывались и к столам царицы Марии, у которой, кроме чиновных, бывали Морозовы, Шереметева, княгиня Сицкая, княгиня Куракина и др.

Приезжие боярыни царицы Натальи Кирилловны Нарышкиных.

Грузинская царица Елена Левонтьевна.

Кн. *Сибирская*, царевича кн. Алексея Алексеевича, Настасья Васильевна

Кн. *Касимовская*, царевича Вас. Арасланеев., Марья Никифоровна.

Кн. *Касимовская*, царевича Михаила Вас., Анна Григорьевна.

Кн. *Пронская*, Ив. Петр., Аксинья Васильевна.
на.

Кн. *Одоевская*, Фед. Никт., Софья Жвановна.

Бутурлина, Вас. Вас, Настасья Григорьевна.

Кн. *Урусова*, Семена Андр., Федосья Борисовна.

Кн. *Хворостинина*, Фед. Юрьев., Елена (Анна?) Борисовна.

Кн. *Одоевская*, Якова Никит., Анна Михайловна.

Кн. *Воротынская*, Ив. Алексеев., Настасья Львовна.

Кн. *Куракина*, Фед. Фед., Авдотья Андреевна.
на.

Нарышкина, Кир. Полуехт., Анна Левонтьевна.

Салтыкова, Петра Мих., Елена Васильевна.

Хитрова, Богд. Матв., Марья Ивановна.

Милославская, Ив. Богд., Дарья Прохоровна

Милославская, Ив. Мих., Александра Кузминияна.

Кн. *Хилкова*, Фед. Андр., Федора Богдановна.
на.

Нарышкина, Фед. Полуехт., Авдотья Петровна.
на.

Кн. Волконская, Фед. Фед., Пелагея Ивановна.

Ртищева, Фед. Мих., Акси́нья Матвеевна.

Хитрова, Цв. Богд., Акулина Афонасьевна.

Матюшкина, Афон. Ив., Татьяна Ивановна.

Морозова, Мих. Ив., Домна Семеновна.

Кн. *Одоевская*, Юрья Мих., Авдотья Федоровна.

Кн. *Голицына*, Бориса Алексев., Марья Федоровна.

Кн. *Троекурова*, Ив. Борис, Анна Семеновна.

Кн. *Одоевская*, Вас. Фед., Акулина Федоровна.

Шереметева, Никит. Ив., Домна Парфентьевна.

Кн. *Прозоровская*, Петра Ив., Анна Федоровна.

Кн. *Хилкова*, Фед. Фед., Авдотья Федоровна.

Кн. *Щербатова*, Андр. Дмитр., Акси́нья Борисовна.

Матюшкина, Петра Ив., Анна Ивановна,

Голохвастова, Иева Демид., Матрена Алексеевна.

Голохвастова, Ивана Демид., Авдотья Адексеевна.

Нарышкина, Ив. Кир., Прасковья Алексевна.

Кн. Мещерская, Вас. Лавр., Авдотья Васильевна.

Кн. Хилкова, Якова Вас, Анна Ларивоновна.

Шереметева, Петра Вас, Татьяна Афонасьевна.

Измайлова, Матвея Петр., Федосья Андреевна.

Камынина, Ив. Богд., Федора Ивановна.

Бутурлина, Фед. Петр., Прасковья Кондратьевна.

Зюзина, Бориса Григор., Орина Борисовна.

Тарбеева, Григ. Фед., Пелагея Васильевна.

Царицыны столы давались обыкновенно в ее Золотой палате, иногда в ее Столовой или в Передней. Обряд столования бывал такой же, как и за царскими столами, только столовые должности здесь занимали большею частью женщины и дети. Точно также для самой царицы накрывался особый стол, а для боярынь один или два по сторонам, у стен палаты. У ее стола стояла всегда боярыня кравчая и с нею другая боярыня в помощь. Они принимали и подавали ествы. Но за торжественными сто-

лами должности кравчих исполняли ближай-
шие к царице лица из мужчин. Так за стола-
ми царицы Наталии Кириловны, кроме бо-
ярынь, у стола стояли и принимали ествы и
ставили перед нее великую государыню ее
отец Кир. Пол. Нарышкин и Арт. Серг. Матве-
ев. За поставцем царицы сидел и распоряжал-
ся отпуском кушанья ее дворецкий, а с ним
путные ключники и стряпчие со всех столо-
вых дворцов. К столу блюда. и чаши приноси-
ли и есть ставили и пять носили царицыны
стольники, малолетные дворянские дети,
меньшие возрастом. Они же носили напитки
и кушанья и в другие столы боярыням: сред-
ние возрастом стольничали особам более по-
четным, постарше — остальным боярыням. —
В столы смотрели, т. е. потчевали боярынь
дворовые боярыни меньших чинов [176].

Из духовных лиц за столом царицы при-
сутствовал вероятно или ее духовник, или
крестовый ее священник, так как и здесь со-
вершался тоже обычный чин возношения
хлеба Пресвятыя Богородицы и отправлялась
«чаша Пречистыя» [177].

В обыкновенные дни, когда не было празд-

ничных или других каких торжественных столов, которые по обычаю призывали государя делить трапезу и пировать в кругу боярства и всех других чинов, он всегда кушал вместе с царицею. Нет никакого основания полагать, как иные даже утверждают, что государь кушал большею частью один порознь с супругою. Их могли разлучать лишь упомянутые торжества, на которых женщина вообще не присутствовала, и еще уставленные церковью дни поста и молитвы. В такие дни на обеих половинах царского дворца устав церкви соблюдался очень строго. Но и об этих днях мы не можем ничего сказать определенного, порознь или вместе было кушанье, ибо свидетельств о повседневной их жизни встречаем вообще очень мало, а о повседневных столах и вовсе их не имеем. Знаем только, что повседневные столы бывали иногда в комнатах государя, иногда в хоромах царицы. И в том и в другом случае они не были открыты для боярского и дворского общества. Котошихин свидетельствует, что когда случится царице кушать в покоях его царских с ним вместе, а которому боярину, окольникову,

думному человеку случится придти с каким делом на доклад, и они сами входить без указа не смеют, разве велит царь, или ожидают, когда он откушает. Также как царь кушает у царицы и в то время бояре и ближние люди бывают немногие, человека два и много три, именно самые близкие лица по родству, напр. отец царицы, или дядька государев. Столовые должности в это время были занимаемы обычными столовыми людьми государя и царицы: у государя стоял его кравчий, у царицы ее боярыня кравчая; стольничали обыкновенно царицыны стольники. Присутствовали ли за этими домашними столами и другие члены царской семьи, неизвестно; но по всему вероятно эти столы отличались семейным характером и потому по крайней мере в известные дни здесь бывали также и дети, царевичи и царевны, особенно возрастные и разумеется по преимуществу царицын род. Иногда государь праздновал детские именины общим обедом; так в 1633 г. июля 25 в именины трехлетней царевны Анны он кушал в царицыных хоромах. Такие обеды, вероятно, справлялись в каждый семейный праздник,

когда не было столов чиновных. В 1667 г. по случаю всенародного объявления царевича Алексея Алексеевича и стало быть по случаю самого великого торжества для самой царицы, родительницы наследника, государь, на другой день, 2 сент., справил семейный стол в Верхней комнате или в терему и кушал вместе с царицею, с объявленным наследником Алексеем и с малолетними царевичами Федором (5 лет), Семионом (2 лет) и Иваном (1 года). — Нет никакого сомнения, что здесь же присутствовали и остальные члены семьи, по крайней мере возрастные царевны, ибо официальные записки, всегда упоминая только об официальных же личностях, напр. о малолетних царевичах, и о самой царице, принявшей в этом случае, как бы официальное положение, по обыкновению также всегда умалчивают о лицах частных, какими бывали вообще женщины, а за этим обедом и царевны.

Должно упомянуть, что и от царицына стола, подобно тому, как и от стола государева, всегда рассылались обычные *подачи*, всем близким людям, родственникам из мужчин,

приезжим боярыням и вообще каждому лицу, которому желали тем выразить особое внимание и расположение, и преимущественно, конечно, высшим духовным властям, патриарху, митрополитам. Так, когда Никон, еще новгородский митрополит, приехал в 1651 г. дек. 21 в Москву, чтобы потом отправиться в Соловки для перенесения мощей св. Филиппа, то в тот же самый день царица и особо царевны прислали к нему «с столом, с романею и с ествою». Затем такая присылка с подачею, с романею и с ествою, от царицы, а также иногда и от царевен повторялась декабря 27, 29, в 1652 г. генваря 8, 10, 12, 26, 30, февраля 18, 20, 24, 25, 26, 29 и однажды 25 февр. и от обеда и от вечернего кушанья, т. е. от ужина; и даже в тот день февр. 26, когда он обедал у государя в именины царевны Евдокеи Ал. — Потом, летом, когда он воротился из Соловок, перенесся в Москву св. мощи, на другой же день по его приезде, 7 июля, царица прислала ему питье в пяти кубках, 9 числа подачи с романею и с есты, что повторилось 11, 14, 16, 18, 20 и 24 чисел того же месяца с присылками и от царевен [178].

Приемы, сколько-нибудь равных по значению и положению лиц происходили у царицы почти тем же порядком, как и у государя приемы иноземных послов, вселенских патриархов и иноземных особ царского достоинства. Только у царицы *чиновныя* должности исполняли вместо мужчин тоже женщины боярыни.

В 1536 г. в Генваре у вдовствующей правительницы великой княгини Елены Васильевны (Глинских) была на приезде Шигалеева царица Фатма Салтан. Великая княгиня велела ее встретить, у саней, Аграфене, жене Ивана Волынского да с нею молодым боярыням. Как царица вошла среди лестницы и тут ее встретили боярыня Аграфена Челяднина, жена Вас. Андр. Челяднина, а с нею также молодые боярыни. Как вошла царица в сени перед палату, что у Лазаря Святого и великая государыня пожаловала и почтила царицу, встретила ее сама в сенях перед палатою и с нею *карашев*алась и пошла с нею в палату. Войдя в палату, они уселись на места. Царицу посадили с левой руки от великой княгини. В то же время вошел в палату и маленький госу-

дарь Иван Васильевич. Царица против его встала и с места своего сступила. Вел. князь молвил царице: *табуг салам!* и с нею карашевался, а потом сел на своем месте, у матери с левой же руки и справа от царицы. По обе стороны у него стояли бояре, а у вел. княгини матери стояли боярыни: княгиня Настасья, племянница отца государева, жена кн. Фед. Мих. Мстиславского; Елена Челяднина, жена Ивана Андреевича. Аграфена Челяднина, жена Василья Андреевича, Аграфена Волынская, и иные многие боярыни.

И ела того дни Фатма Салтан царица у вел. государыни в той же палате. А за столом у вел. княгини сидела царица с правой руки в угле; а с левой руки у вел. княгини сидела в лавке княгиня Настасья Мстиславская, а под нею сидела княгиня Марфа Бельская, под нею Аграфена Волынская и иные боярыни; а другие боярыни в скамье сидели. А в кравчих был у вел. государыни Ив. Ив. Челяднин, а у царицы был кравчий кн. Вас. Репнин; а столыники и чашники все у вел. княгини за столом были.

А после стола вел. государыня подала чашу

царице, да туто ее и дарила, да и отпустила ее на подворье и велела боярыням проводить ее по тому же, как ее встречали.

Слишком через сто лет подобный же прием случился у царицы Марьи Ильичны (Милославских), также в генваре. 8 числа 1654 г. царица Марья Ильична принимала в своей Золотой палате [179] Грузинскую царицу Елену Левонтьевну, в присутствии государя. А ехали с царицею с двора в город княгиня Анисья Вас. Хилкова — жена окольного Ивана Андреевича, Марья Корнильевна Волынская — жена стольника, да жена Афонасья Осипова Прончищева. По указу государыни Грузинскую царицу встречали; первая встреча у капитаны: княгиня Авдотья Андреевна Куракина — жена боярина кн. Фед. Фед.; княгиня Настасья Ивановна Ромодановская — жена окольного Григорья Григорьевича. Вторая встреча на крыльце: княгиня Марья Борисовна Куракина — жена боярина кн. Григорья Семеновича; княгиня Анисья Ивановна Ромодановская — жена стольника князь Юрья Ивановича. Третья встреча в сенях: княгиня Катерина Ивановна Трубецкая — жена боярина

кн. Алексея Никитича, княгиня Настасья Ивановна Ромодановская — жена стольника кн. Федора Григорьевича.

В тот же день был стол у царицы по Передней [180], была Грузинская царица Елена и боярыни, которые ее встречали: княгиня Трубецкая Катерина Ив., Куракина Марья Борисовна, Хилкова Анисья Вас, сидевшие, как почетнейшие, в лавке. А в скамье сидели: княгиня Куракина Авдотья Андр., Ромодановская, Анисья Ив.; Ромодановская, Настасья Ив.; Волынская Марья Корнил. и Прончищева, все те же встречницы. После стола по обычаю, ездили потчивать Грузинскую царицу на дом: жены бояр княгини Трубецкая Катерина Ив., Куракина Марья Борисовна.

Такой же прием царицы Грузинской Елены повторялся, вероятно, не один раз и между прочим 8 мая 1660 года. В это время у царицы приставы были жены стольн. кн. Фед. Андр. Хилкова и Ив. Афон. Прончищева; — первая встреча: жены стольников: кн. Андр. Ив. Хилкова и Якова Сем. Волынского; — другая встреча: жены, стольника кн. Вас. Ив. Хилкова да окольничего Вас. Сем. Волынского;

третья большая встреча: жены боярина кн. Фед. Фед. Куракина да окольн. Мих. Сем. Во-лынского. За столом были те же боярыни, а потчивала Грузинскую царицу жена стольн. кн. Петра Сем. Большого Прозоровского.

Потом царица Грузинская принималась уже как первенствующая и почетнейшая из приезжих боярынь, почему и со звом к ней хаживал царицын истопничий, начальный человек перед боярскими детьми царицына чина, которые обыкновенно ходили со звом к боярыням.

В описанных приемах, кроме немногих приезжих боярынь, участвуют, как приставы и встречницы, и другие боярыни, не бывавшие у царицы в приезде, напр. княгини Хилковы и Волынские. По всему вероятно в подобных официальных случаях выбором боярынь руководил уже местнический счет, и самый стол царицы принимал, по этой причине, тоже официальное значение, отличное от столов обычных, в собственном смысле дворовых, к которым собирались боярыни, только приезжие царицына двора, между тем как другие боярыни, приставы и встречницы,

являлись здесь приезжими боярынями государева двора вообще.

* * *

По старому обычаю новопоставляемые святители, патриархи, митрополиты, архиепископы, епископы, на другой или на третий день своего посвящения, приходили к государю и к царице с благословением и с дарами. Этот торжественный прием совершался большею частью в царицыной Золотой палате. Епископ Елассонский Арсений, присутствовавший при таком приеме с Константинопольским патриархом Иеремиею, в январе 1589 г., когда был поставлен в Москве первый патриарх Иов, оставил подробное описание церемонии, которое для нас может служить достаточною характеристикой и других подобных приемов. После своего поставления вновь избранный патриарх Иов, по обычаю давал обед государю и высокому гостю, вселенскому патриарху и всему приезжему греческому духовенству. В тот же день назначен был новопоставленному Иову прием с дарами у государя и у царицы Ирины Федоровны (Годуновых), супруги царя Федора Ивановича.

Пред самым обедом, говорит Арсений, когда после обычных встречных церемоний, все сидели по местам, оба патриарха получили приглашение явиться во дворец к государю и тотчас туда отправились. Когда они вошли в царскую палату, государь, сидевший там с боярами, встал с трона, благословился у Константинопольского патриарха и потом все сели по местам. Тогда казначей стал являть государю патриаршие дары; благословение — образ Богородицы, чеканный обложен золотом, с яхонты, пелена атласная сажена жемчугом; даров: кубок двойной серебряный, бархат, камки, сорок соболей и 10 золотых угорских. Такие же дары были принесены и для царицы. Тут выступил на середину палаты «боярин, присланный от царицы. Обнажив голову, он с низким поклоном и громким голосом изложил ее просьбу патриархам, чтобы они пришли ее благословить. Государь тотчас встал и отправился с патриархом и со всем духовенством в покои своей супруги. Сперва шел государь, за ним оба патриарха, потом духовные власти по чину и весь царский синклит. В хоромах царицы все шествующие, не ис-

ключая и государя, должны были подождать во второй комнате, т. е. в передней палате. Здесь находилось множество женщин и девиц, служивших царице. Все они от головы до ног были одеты в белое подобное снегу шитье безо всякого украшения или убранства.

В этой палате гости видели образа св. угодников в богатых окладах, осыпанных драгоценными камнями. Немного погодя отворилась золотая дверь и от имени царицы другой боярин пригласил патриархов войти со всем собором. Тогда вошли только государь, патриархи с провожавшими их епископами, брат царицы, Борис Годунов, и более никого.

«Тихо поднялась царица с своего престола при виде патриархов и встретила их посреди палаты, смиренно прося благословения. Вселенский святитель осенив ее молитвенно большим крестом, воззвал: «Радуйся благоверная и боголюбезная в царицах Ирина, востока и запада и всея Руси, украшение северных стран и утверждение веры православной!» Затем патриарх московский, митрополиты, архиепископы, епископы, каждый по чину, благословляли царицу и говорили ей

подобные же приветственные речи.

Она также ответила речью вселенскому патриарху: «Великий господин, святейший Иеремия цареградский и вселенский, старейший между патриархами! многое благодарение приношу святыне твоей за подвиг, какой подъял на души странствия в нашу державу, дабы и дам даровать утешение видеть священную главу твою, уважаемую даче всех в христианстве православном, от коей и мы восприяли благодать иные и за сие воздаем хвалу Всемогущему Богу и Пресвятой Его Матери и всем святым, молитвами коих сподобились такой неизреченной радости. Воистину ничто не могло быть честнее и достохвальнее пришествия твоего, которое принесло столь великое украшение церкви Российской, ибо отныне, возвеличением достоинства ее митрополитов в сан патриарший, умножилась слава всего царства по вселенной. Сего искони усердно желали прародители наши, христоробивые государи, великие князья и цари, и не сподобялись видеть исполнения своих благочестивых желаний; и ныне, на сей их вожденный конец, чрез многие по-

двиги дальнего странствия, привел во дни нашей державы твою святыню Всемогущий Бог». После такой речи, прекрасной и складной по отзыву Арсения, царица, отступив несколько, стала подле своего места, между своим супругом царем Федором, стоявшим справа, и родным братом, боярином Годуновым, стоявшим слева. Поодаль, стояли боярыни все в белом одеянии с скрещенными на груди руками и потупив глаза в землю. Царица подозвала одну из них, взяла из ее рук драгоценную золотую чашу, украшенную превосходными агатами, которая была наполнена жемчугом (в ней было 6000 жемчужин), и поднося ее патриарху, просила его принять этот дар. Потом она села на царское место, а за нею присели и все гости.

Арсений говорит, что на царицу нельзя было смотреть без удивления, так великолепен и прекрасен был вообще ее царский наряд. «На голове она имела ослепительного блеска корону, которая составлена была искусно из драгоценных камней и жемчугами была разделена на 12 равных башенок, по числу 12 апостолов». Это был собственно: «ве-

нец с *города*», т. е. с зубцами. «В короне находилось множество карбункулов, алмазов, топазов и круглых жемчугов (гурмыцких); а кругом она была унизана большими аметистами и сапфирами. Кроме того с обеих сторон ниспадали тройные длинные цепи (рясы), которые были составлены из столь драгоценных камней и покрыты круглыми, столь большими и блестящими изумрудами, что их достоинство и ценность были выше всякой оценки. Чужестранцы почувствовали в себе род *тихого ужаса* при виде такой пышности и великолепия. Одежда государыни, рукава которой достигали пальцев, была сделана с редким искусством из толстой шелковой материи с многими изящными украшениями. Она (по краям) была искусно усажена драгоценными жемчугами и посреди украшений блистали превосходные драгоценные камни и яркие карбункулы. Сверх этой одежды на царице была мантия, другая, с долгими рукавами, весьма тонкой материи, хотя с виду очень простая и безыскусственная, но на самом деле чрезвычайно дорогая и замечательная по множеству сапфиров, алмазов и драго-

ценных камней всякого рода, которыми она была покрыта (по краям).

Такою же пышностью отличались башмаки, цепь (монисто) и диадема (ожерелье) царицы. Арсений восклицает при этом, что если бы у него было и десять языков, то он все-таки не мог бы рассказать о всех виденных им богатствах у царицы. И все это, присовокупляет он, видели мы собственными глазами. Малейшей части этого великолепия достаточно было для украшения десяти государей».

«Не менее сильное впечатление произвело на иноземцев и великолепное убранство палаты, свод которой, казалось, был облит золотом, украшен драгоценными изображениями и сделан до того искусным образом, что в нем был какой-то чудный отголосок (звонко отзывались в нем тихие слова). На нем видны были многие роскошные украшения, деревья, виноградные кисти, родосские ягоды и разного рода птицы. Посредине (свода) находился лев который в пасти держал кольцом свитого змея, от которого спускались вниз многие художественно сделанные и богато украшенные подсвечники. Стены кругом украшены

были драгоценною мусиею (иконописью, степнописью) с изображением деяний святых и ликов ангельских, мучеников, иерархов, а над великолепным престолом (местом царицы) ярко горела каменьями драгими большая икона Пречистой Девы с Предвечным младенцем на руках и вокруг ее лики св. угодников, в золотых венцах, по коим рассыпаны жемчуг и яхонты и сапфиры». Пол был устлан персидскими коврами, ткаными шелком и золотом, на которых искусно были изображены охотники и звери всякого рода.

Так как царица просила патриарха дать благословение служившим при ней женщинам и девицам, то все они, одна за другою, благоговейно подходили к патриарху, принимали от него благословение, целовали у него руку и подносили ему каждая в дар по прекрасной ширинке (вероятно собственного вышиванья). Тогда были явлены царице дары новопоставленного патриарха Иова.

После того, по мановению государя, выступил вперед на средину палаты величавый почтенных лет боярин (Дмитрий Иванович Годунов) и явил обоим патриархам новые дары

от царицы: каждому по серебряному кубку и бархату черному, по две камки, по две объяри и по два атласа, по сороку соболей и по 100 р. денег. Являя дары, он сказал патриарху: «Великий господин, святейший Иеремия цареградский и вселенский! Се тебе милостивое жалованье царское, да молишь усердно Господа за великую государыню царицу и великую княгиню Ирину и за многолетие великого государя и о их *чадородии*». Патриарх благословил царицу и отвечивал следующей речью: «Господь Бог да будет с тобою и все святые! Всемогущий Бог, разделивший Чермное море и проведший Израиля по суху, источивший из камене воду, напоивший его и проведший его в землю обетованную; Бог, иже Архангелу Гавриилу повеле Непорочной Деве Марии благовестити зачатие, той Преподобнословенной Деве, юже достойно есть называти сосудом, в нем же хранися манна, (называти) святою горою и несгараемую купиною, в нейже по рожестве своем живяше Христос, искупивший племя адамле из ада, — сей Бог да пошлет на мя глад и нищету, дондеже даст тебе достойный царского наследия

плод».

Таким же образом были явлены дары московскому патриарху, греческому митрополиту Иерофею монемвасийскому и архиепископу Арсению елассонскому, описателю этой церемонии. Точно также и к ним была обращена просьба молить Бога о здравии царицы и государя и о даровании им: наследника. Все громким голосом молили Бога об исполнении этого желания.

Когда церемония даров совершилась, царица, печальная о своем неплодии, снова обратилась к патриарху и прочему духовенству с скорбною речью, усерднее молить Бога о даровании ей и царству наследника. Вздохнув из глубины сердца и с горькими слезами она говорила: «О великий господин, святейший Иеремия вселенский, отец отцов, и ты, святейший Иов патриарх московский и всея Руси, и вы все, преосвященные митрополиты, архиепископы и епископы и весь освященный собор! Бога Всемогущего блаженные служители, сподобившиеся большой милости и благодати у Господа и Его Пречистой Матери и всех святых от века угодивших Богу, и к

ним непрестанно воссылающие молитвы! — Молю вас и заклинаю, из глубины души моей и с стенанием сокрушенного сердца, всеми силами усердно молитесь Господа за великого государя и за меня, меньшую из дочерей ваших, дабы благоприятно внял молитву вашу и даровал вам *чадородие*, и благословенного наследника сего великого царства, владимирского и московского и всея России». Горестная речь царицы растрогала всех предстоявших; все плакали и единодушно молили об исполнении ее желания. Патриархи же со всем собором единодушно возгласили: «Бог над всеми сущий и Его небесная Мать и великий Предтеча и все святые, да призрят слезы твои, благоверная царица, и наши о тебе стенания и да исполнят желания твоего сердца. Творец всяческих, на все призирающей милостивым оком, исполнивший всеми благами земными сие великое царство, да дарует ему и наследника свыше всех сих благ».

Государь и царица проводили патриархов до золотой двери и приняли от них еще благословение [181].

В 1642 г. прием новопоставленного патри-

арха Иосифа происходил подобным же порядком. 14 апр., на светлой неделе в четверг, государь назначил ему быть у себя в Золотой палате. С утра, в другом часу дня, к патриарху съехались духовные власти. Он вышел к ним из келий в крестовую палату «и дожидались от государя по себя присылки в крестовой палате». Когда прислана была от государя весть, то совершив обычные молитвы, патриарх в сопровождении властей отправился во дворец. Впереди шел соборный ключарь, нес на блюде животворящий крест Господень со святою водою. Во дворце пред Золотою Палатою государь встретил патриарха от дверей с сажень, принял от него благословение и шествовал в палату, на царское место, а за ним патриарх со властями. Вошед в палату, патриарх пел «Христос воскрес» трижды и говорил, вместо Достойно есть, Светися и прочее по чину, и благословил царя крестом животворящим и кропил его святою водою, а также и царскую шапку. Государь велел патриарху и властям сести по чину. А посидев мало, пошел государь к царице, а патриарх со властями дошел за ним же. А государыня ца-

рица и в. к. Евдокея Лукьяновна была у себя в *подписной* палате сидела на своем царицыне месте на подушке золотной. С государем вошли в палату бояре князь Алексей Мих. Львов Лукьян Степанович Стрешнев (отец царицы), окольниковый Федор Степанович (ее дядя и дворецкий), да Василий Иванович Стрешневы.

Войдя в палату патриарх по чину пел Христос воскресе говорил, вместо Достойно, Светися и пр., потом кропил царицу святою водою, поздравлял ей государыне и поднес дары: кубок серебрян золочен с кровлею; два атласа золотных двойных, отлас гладкой червлен, камку куфтерь, камку одамашку, два сорока соболей, да сто золотых. Такие же дары, только в меньшем размере, патриарх поднес царевичу Алексею, (50 золотых) и трем царевнам Ирине, Анне, Татьяне (по 30 золотых). Обыкновенно случалось, что новопоставленный святитель по своему недостатку вовсе не мог поднести такие богатые дары; но старый обычай был так крепок, что ему никогда не изменяли и необходимые дары выдавались на этот случай из царской казны, куда после церемонии опять и возвращались. «А взноси-

ли все те дары, сказано в записке о настоящем приеме патриарха, из государевы казны с Казенного Двора и отнесены опять на Казенный же Двор».

Если иногда святитель приносил и собственные дары, то большею частью по совершении обряда они также ему возвращались, а он во всяком случае получал от царского семейства взаимные дары, которыми его по обычаю дарили ответно. Так и в этот день новый патриарх получил от царицы, царевича и царевен: по кубку серебряному, по атласу, от царицы двойной по серебряной земле, от царевича просто двойной, от царевен по гладкому лазоревому; по камке куфтер, от царицы багровой, а от прочих по лазоревой, и по сороку соболей. «А назад те дары у патриарха не взяты. А пожаловав, государыня царица и царевич и царевны патриарха отпустили к себе» [182].

Таким же образом царица и царевны принимали у себя патриарха, когда поселялись на новоселье в новых хоромах. Патриарх при этом благословлял их иконою и подносил хлеб и соль в серебряной солонке, а также и

дары: обычные сорок соболей и кусок золотой или шелковой ткани. Впрочем дары, большею частью с благодарным отказом, принимаемы не были и возвращались снова в патриаршскую домовую казну. Впоследствии патриарх приходил благословлять такое новоселье только с иконою и с хлебом и солью.

Повседневные, комнатные приемы у царицы равно как у больших царевен ограничивались, разумеется, только лицами женского пола или родственными, самыми близкими, свойственными людьми из мужчин.

Котошихин рассказывает, однако ж, что бояре, думные и ближние люди и их дети, в дни своего рождения (собственно именин) приезжали обыкновенно челом ударить царице и подносили ей свои *именинные калачи*, потом ходили с именинными калачами к царевичам и к царевнам. Царица в своей передней комнате принимала их лично, спрашивала о здоровье, поздравляла именинника и приказывала принять от него именинный калач. Причем именинник получал иной раз что либо в подарок. Так, напр., в 1644 г. апр. 30, сыну князя Никиты Ив. Одоевского, Якову,

за то, что он поднес государыне свои именинные пироги, царица пожаловала два куска полотна, одно двойное, другое тройное. Без сомнения точно таким же порядком принимали именинников и большие царевичи, всенародно объявленные. Могло также быть, что и маленькие царевичи принимали лично своих сверстников по возрасту, маленьких именинников, детей бояр, думных и ближних людей. Но едва ли допускались к ним посторонние старшие именинники, кроме их приставников и приближенных по родству людей. О приеме бояр у царевен Котошихин замечает: «а у царевен у самих (именинники) не бывают, кроме свойственных бояр». Стало быть здесь прием был заочный. Можно полагать, что и царица точно также принимала заочно всех бояр и других сановников, которые не были ей близки по родству или по службе. Вообще указание Котошихина должно относиться по преимуществу лишь к *ближним* людям, вышедшим, и в бояре и в думу, из царских комнат, из домашних государевых людей.

Само собою разумеется, что подобного ис-

ключения не было для лиц женского пола. Боярские жены и дочери высшего, т. е. всего думного и ближнего чина, пользовались всегда личным приемом царицы и царевен. В дни своих именин они представлялись государыне и царевнам с своими именинными калачами; их также спрашивали о здоровье, поздравляли и повелевали принять подносимый калач — именинник.

Как в эти праздничные, так и в обыкновенные приезды к царице за каким либо дедом по ее вызову или с собственной просьбою, боярыни приезжали зимою в каптанах (крытых возках), а летом в колымагах и рыдванах. А приезжая к царицыну двору, из колымаг и каптан, они выходили у ворот [183], а на двор не въезжали и приходя к царицыным или к царевниным покоям, посылали боярынь сказати о своем приезде царице или царевнам». Без сомнения прежде они посылали своих боярских боярынь объявить о своем приезде дворовой боярыне, которая уже и докладывала об этом царице. Таким же образом шел доклад и царевнам через их комнатных боярынь. Пришед к царице или к царевнам, бо-

ярыни кланялись им в землю, челом били; затем государыни их спрашивали о здоровье. После этой обычной формы приема, спрашивали и о деле, зачем приехали.

В иных случаях царица принимала даже и крестьянок, по крайней мере своих же дворовых вотчин. Так, в 1635 г. мая 29, к царице Евдокее Лукьяновне в селе Рубцове (Покровском) приходили челом ударить с *пирогом* села Рубцова рыбной слободки крестьянки, сем человек, при чем царица пожаловала им по полтине.

* * *

При обозрении повседневной комнатной жизни цариц мы должны наметить только общие главные черты с помощью прямых и положительных свидетельств, предоставляя самому читателю рисовать себе живую и более или менее полную картину такой жизни из тех, во множестве рассеянных в этой же книге мелких черточек, какие он сам может проследить, если употребит на это необходимое внимание. В последующих главах и особенно в отделе материалов он найдет многие, хотя еще и сырые краски для воспроизведе-

ния подобной картины. С своей стороны мы ограничиваем себя только одною черною работою и в настоящем случае указываем лишь основные положения такой жизни.

После обычного утреннего моления у крестов, к царице приходил от государя ближний человек спросить о здоровье, как почивала? Такой спрос происходил однако ж чрез комнатных боярынь. Одна из них, по преимуществу крайчая, принимала посланного и докладывала об этом царице, передавая тем же путем и ее ответ. Да и все другие сношения царствующих супругов всегда происходили посредством таких же «обсылок», чрез боярынь со стороны царицы и чрез ближних людей со стороны государя. Весьма понятно, что эти обсылки вверялись людям самым приближенным и испытанным или долгою службою, или особыми родственными отношениями. — Обсылки, однако ж, происходили только в те дни, когда супруги почивали особо. Тогда, после обсылки, государь и сам приходил к царице здороваться и так как эти дни бывали нередко богомольные, постные или праздничные, то супруги выходили вме-

сте к заутрени или к ранней обедне в одну из сенных церквей. Когда же царице не вмести-мо было идти в церковь, то царь приходил с нею здороваться, отслушав один церковную службу.

В повседневной царицыной жизни, как это было и везде, утро, т. е. все время до обеда, посвящалось, конечно разного рода занятиям. Здесь важнейшим каждодневным предметом для размышлений, обсуждений и забот были женские рукоделия, изготовление разнообразных частей наряда и различной церковной «круты» или одежды. Вся такая рукодельная деятельность царицыной жизни сосредоточивалась главным образом в Светлице, обзорение которой мы помещаем ниже. Это было отдельное и обширное рукодельное заведение, исполнявшее всякие подобные работы, даже и на половину государя. Немало требовалось времени только для того, чтобы пересмотреть вносимый для шитья и других рукоделий различный узорочный товар, разные дорогие и легкие ткани, шелки, золото и серебро, жемчуги, камни и т. п., а вместе с тем осмотреть, полюбоваться изделиями масте-

риц, предметами своего или детского убора и наряда; указать, чего желается, что нужно, как исправить, переделать, или как пополнить работу. Если сам государь проводил много времени в осмотре работ своей Оружейной Палаты, иконописных, живописных, резных костяных и деревянных, золотых и серебряных, и собственно оружейных, то еще больше времени проводила и царица в осмотре работ своей Светлицы. Здесь такой осмотр имел еще большее значение по той причине, что царица была сама рукодельницею тех же самых предметов. Она нередко по обещанию сама вышивала шелками, золотом и серебром и низала жемчугом и каменьями какую либо утварь в домовые свои церкви, в соборы или в монастыри к особо чтимым угодникам. Точно также она сама работала и некоторые предметы из платья государю, и детям, напр. ожерелья или воротники к сорочкам и кафтанам, как и самые сорочки, обыкновенно вышиваемые шелками и золотом, также ширинки или платки, полотенца и т. п. Детям у царицы в хоромаш шились даже куклы, для чего отпускались туда нередко лоскутки и остатки

разных дорогих и легких шелковых и золотых тканей. Мы не упоминаем о детском белье, которое большею частью тоже по всему вероятно изготовлялось в комнатах царицы, особенно для маленьких детей.

Мы увидим ниже, что так называемую белую хамовную или полотняную казну заготавливали по годовому окладу несколько особых слобод. Все это заготовление вместе с мастерами и мастерицами находилось в заведывании царицына Приказа мастерской палаты. Обыкновенно царицы сами пересматривали доставляемые полотна, скатерти, убрusy, пряжу и т. п. предметы льняного дела, сами сортировали их, иное оставляя для собственного употребления, иное назначая для даров и даже на продажу, что залежалось или не слишком чисто было сделано. Так в и 631 г. мая 3 царица была в своей казне в мастерской палате и велела перед собою выбрать на продажу 27 столбцов (кусков, свернутых столбцом) скатертных задеичатых, 24 столбца хлопчатых, 34 столбца тверских, 30 полотен двойных гладких лежалых и не лежалых, 8 полотен двойных полосатых, 32 полотна тройных по-

лосатых, 20 полотен тверских; а выбрав, велела их оценить, а оценив, продать. Всего таким образом оценено торговыми людьми на 101 р. 8 алт., а продано сверх оценки с прибылью на 51 р. 6 алт. 2 денги. — В 1632 г. сент. 6, царица была в своей казне и взяла 2 утиральника полосатые, убрусное полотенце, полотно основное, 5 полотен тройных гладких, 15 полотен тверских, 30 полок убрусных. В 1633 г. генв. 21 царица была в своей казне и пожаловала Фед. Ст. Стрешневу (своему дяде и дворецкому) полотно двойное да полотно тройное гладкие; да отставных столбец скатертный, да полотно тройное; да дьяку Сурьянину Тороканову полотно тройное гладкое; да царица выбрала в своей казне на продажу по оценке на 90 р. 10 алт., а денег взято продажею, а не по оценке, 126 р. 28 алт. 2 д. — В 1640 г. окт. 8 царица смотрела своей Брейтовской казны, т. е. привезенной из села Брейтова, и оставила у себя в хоромех 50 полок убрусных: и т. д.

Иной раз таким же образом царица пересматривала свой гардероб, назначая поношенное или залежавшееся в отставку, именно «в отдачу», т. е. в дар кому либо из своих

родственниц или из своих комнатных, а также на перешивку детям. — Родственниц своих царица одевала по большей части, если не с собственного плеча, то всегда из своей казны и из своей мастерской палаты готовым платьем, постройка которого, без сомнения, происходила при ее же непосредственных хлопотах и заботах. Мелкие свидетельства всему этому мы найдем в отделе материалов, в записках *верхового взноса*.

В известное время царица принимала доклады о разных делах по ведомству своего Постельного Приказа и своего дворцового обихода от дворецкого или от дьяка, а большую часть чрез своих дворовых боярынь и преимущественно от боярыни крайчей. Главные дела касались хозяйского и служебного устройства различных частей царицына обихода и всего ее чина. Она утверждала, конечно не без совета с государем, определение и увольнение всех служителей своего двора; *приказывала* те или другие расходы, выдачи, раздачи, покупки, посылки, подачи и т. п. По всему вероятно ее же решениям подчинялась и ее *судимая* или *судная* палата, где су-

дился ее царицын чин, когда его дела касались каких либо дворцовых случаев и обстоятельств, особенно по отношению к каким либо беспорядкам, производимым во дворце или, еще важнее, к посягательству нанести беспокойство государеву семейству, какой либо вред его здоровью или чем либо оскорбить его. Подобных дел случалось не мало вследствие неимоверной дворцовой подозрительности и частых изветов или доносов.

Впрочем в дневном деле у царицы преобладало всегда дело милосердия, дело помощи бедным, нуждающимся. Мы видели, с какою щедростью раздаваема была царицею милостыня нищим во время богомольных выходов и вообще во время богомольных дней. Но и кроме нищих, множество бедных людей, преимущественно женщин же, и главным образом из служилого только сословия пользовались всегдашним доступом к милосердию царицы, подавая ей через дьяка особые челобитные о своих нуждах и приурочивая эту подачу челобитных большею частью к праздничным и особенно к именинным царским дням. По всему вероятно челобитные чита-

лись самой царице. В них вдовы и сироты рассказывали свою горькую нужду и бедственное положение: кто по сиротству шел в монастырь и просил на «постриганье»; кто просто извещал, что «судом Божиим, государыня, нет у меня ни отца, ни матери, вступиться в бедность мою некому»; кто просил окупить с правежу: «стою я бедная в напрасне в 8 рублях на правеже (в долгу), а окупиться мне нечем»; кто писал: «сговорила я дочеришку свою замуж, а выдать мне на срок после Крещенья в первое воскресенье, а выдать мне нечем: или; «а детишки мои часовники повыучили, а псалтыри купить не чем, прикажи на псалтыри дати, чем тебе, государыня, Бог известит»: или: «мужа моего убили на вашей службе под Каширою, у Троицы на Белах Песках, за вас государей голову положил и кровь пролил. Пожалуй меня, бедную вдову, за мужа моего службу и за кровь, вели меня постричь в свое богомолье, в Вознесенский монастырь; а я стара и увечна и скитаюсь меж двор; чтоб я, бедная волочась меж двор, не погибла; а я, государыня, нага и боса». Очень часто челобитчики изъясняли только,

что скитаются меж двор, помирают голодною смертию, в конец погибают, а поить и кормить, и одеть и обуть не кому, роду и племени нет, помощника себе никого не имеют, кроме Бога и «тебя великой государыни». Иной раз в челобитной какой либо вдовы излагалось нечто в роде послужного списка, рассказывались подвиги и служба мужа. В 1642, февр. 16 царице была подана между прочими следующая челобитная: «Государыне царице и великой княгине Евдокее Лукьяновне бьет челом бедная и беспомочная вдова, древняя и скорбная, тверитина Камышниковва женишко Рудакова Марьица: служил муж мой прежним государем и вам государем в сотниках в стрелецких всякие ваши государевы службы, в датцких и в свитцких немцах и в Стекольне был три года и вышел к Москве; а после того был на Низу в Астрахани с головою с Темирем Засецким и на Колуге город ставил, и был на вышей государеве службе четыре года; и как завоевались на Сивере и в сиверском Новегородке в осаде сидел с Михайлом Шеиным; и как под Москвою в таборье стояли воровские люди, а муж мой в ту

пору на Дедилове сидел в тюрьме, и хотели с башни скинуть, и он ушел к вам государем к Москве, а вору креста не целовал: и как под Москвою в Тушине стояли литовские люди и мужа моего выбрали в полк к боярину к князю Михаилу Васильевичу Шуйскому Скопину, и его взяли в полон; и в полону был три месяца, в день ров копал, а на ночь к колку прикован; и из полону ушел. А как ходили с обозом на воровские люди, и мужа моего выбрали в обоз с сотнею, и в обозе его изранили, положили двенадцать ран; и как пошел под Царево Займище боярин князь Дмитрий, и мужа моего послали тутже с сотнею, и его взяли в полон, и был в полону два месяца; и из полону ушел к Москве из Можайска. И как литовские люди Москву разорили и муж мой ушел в Симонов монастырь и его убили на деле Литовские люди; а вору креста не целовал. И с тех мест и по ся мест, после мужа своего 30 лет скитаюсь меж двор, помираю голодною смертью, нага и боса, помираю голодною смертью; а которые и были у меня сродичи и те все побиты на вашей государевой службе под Смоленском; надеяться не на кого. Г. ца-

рица и в. к. Евдокея Лукьяновна! пожалуй меня бедную, дряхлую, скорбную, увечную, для своего государского многолетнего здоровья, за службу, за кровь и за осадное сиденье и за полонское терпенье мужа моего и для моей бедности и скорби: вели, государыня, мне дати на одеженку, как тебе, государыня, Бог известит. Государыня, царица смилуйся пожалуй! Помета: 150 г. февр. 16, дать полтина».

Помету обыкновенно клал дьяк. Полтина была жалованьем средним; большею частью назначалась гривна, а иногда алтыны, один, два и больше. В особенно уважительных случаях царица жаловала и рубля. Само собою разумеется, что не все эти выдачи назначались самою царицею. Должно полагать, что вообще их разрешал ее дворецкий или дьяк, представляя царице только общий доклад и обращая ее внимание только на какие либо исключительные и заслуживающие особого милосердия случаи.

Был еще в царицыном быту особый круг забот, которому также отдавалось достаточно времени, занятий и соображений. Для своего дворового и в особенности для своего дворо-

вого женского чина, как и для всех своих многочисленных родичей, царица являлась сердобольною, попечительною матерью, которая должна была устроить жизнь и судьбу каждого из своих домочадцев. Таковы были требования давнего обычая, ставшего законом жизни. По этому закону, как известно, каждый домовладыка, почитал своею прямою обязанностью заботиться о чадах дома, как о собственных детях, малых воспитать и научить, а главных сочетать браком, девиц повыдать за муж, молодцов поженить. Так как царский быт в своих основах и общих началах ничем не отличался от обыкновенного вотчиннического или помещичьего быта, то и здесь очень естественно встретить обычные попечения о своих домочадцах, какие прилагал каждый помещик о своих крепостных. Вот почему все девицы, всякого чина, жившие во дворе царицы, всегда из двора же были выдаваемы замуж за добрых дворовых же или сторонних людей по одобрению самой царицы. В расходных записках ее Постельного Приказа нередко встречаются свидетельства или о постройке свадебного

наряда для «верховых девок», или о выдаче им на свадьбу денег. Есть указание, что царица сама делала смотрины невесте, для кого либо из дворовых женихов, а стало быть уже непременно сама же смотрела и женихов для дворовых девиц, разумеется прях соблюдении необходимых условий своего замкнутого быта, т. е. всегда потаенно и скрытно. В 1653 году был такой случай: отставленный дворцовой сторож Иван Девуля пришел в Вознесенский монастырь к одной из стариц, именно к келарю, и просил, чтоб она «у себя в монастыре искала девки, которая б была летна, хотя и увечна и нага и боса, а жениха, сказал, ты сама знаешь, зовут Фролом, Минин, малоумен». Затем он просил о невесте и у других монастырских женщин. Невеста вскоре была указана, сиротинка, жившая в келье у старицы Афросиньи. Желая устроить свадьбу, и не надеясь, вероятно, выманить у старицы невесту для своего Фрола, Девуля схитрил и обманул ее следующим образом. Он пришел к ней будто именем царицы, сказал царицыно жалованное слово, что по челобитью царице от ее царицына крестового дьячка, хочет этот дья-

чок тое девку замуж взять; прибавив, что государыне наперед тое девки досмотрится, а для того провести б ее мимо государыни в такое то число, в 5 часу дни, а государыня де будет в то время гулять в Царя-борисовской палате; и ту девку провести б по улице мимо той палаты. Старица отказывалась, говорила, что у девки замуж и мысли нет и не хочет, что она нага и боса и платья ничего нет. Девуля объяснял, что платье все пожалует государыня царица; и полотна, и все даст с Верху для ради своего крестового дьяка.

В назначенный день Девуля вместе с избранною свахою, явился в келью к старице за невестою, чтоб вести ее к смотренью пред государыню, мимо Царя-борисовской палаты, и принес с собою для невесты доброе платье. Старица, не познав их лукавства и обману, нарядив девку к смотренью, отпустила с ними. А они отвели невесту прямо в церковь и там обвенчали ее с Фролом. Само собою разумеется, что обмануть подобным образом возможно было лишь в таком случае, когда всем было известно, что во дворце у царицы такие смотрины и такие сватовства — дело обыч-

ное, бывалое. Небывалому делу никто бы и не поверил. Здесь же именем царицы совершался обман, даже пред лицом игуменьи, как о том жаловалась впоследствии самой же царице старица Евфросинья. Подробнее этот случай рассказан в подлинном деле, которое мы приводим ниже.

Во дворце, при хоромах царицы жило много девочек — сиротинок, которые попадали туда разумеется при посредстве верховых боярынь или по каким либо случаям избирались и прямо самою царицею. Из таких случаев особенно часто встречалось крещение в православную веру иноземок. Царица всегда принимала самое усердное участие в этих событиях, щедро награждала новокрещенных и после всегда им покровительствовала; детей же и именно сирот почти всегда принимала в свои хоромы. Но случалось, что девочки поступали к ней и от живых родителей. Так в 1655 г. была взята в Верх, от отца и от матери, девочка иноземка еврейской породы, крещена и воспитана во дворце, а потом выдана с Верху же замуж за певчего дьяка.

Царица часто крестила немок, татарок,

калмычек, арапок; неизвестно только бывала ли она сама восприемницею этих новокрещеных или отдавала кому из верховых боярынь; но крещаемым из дворца всегда из царицыной казны выдавалось платье и деньги. Так были крещены в сент. 1652 г. немка Ульяна с дочерью, *вымышленикова* жена, вероятно жена какого либо немца-инженера, ибо именем вымышленика назывались у нас инженеры. В том же месяце крестилась немка Авдотья Александрова, жена полковника Лесля. Ей куплено: крест золотой весом 4 золотника за 5 р.; цепочка серебр. вызолоченная весом 14 зол. за 3 р., башмаки белые сафьянные, ичетыги червчатые — за 21 алт. 4 д. В октябре крещена немка Авдотья Товиасова жена, которой куплено: крест золотой 2 1/2 р., цепочка серебр. вызолоч. 12 золотн. 2 р. 23 алт. 2 д., — башмаки белые, ичетыги желтые сафьянные за 22 ал., ошивка кружевная 16 ал. 4 д. — В ноябре в Варсонофьевском монастыре крещены татарки три вдовы, четвертая мужняя жена. Им куплены кресты, один серебряный позолоченный 3 зол. за 11 ал., три серебр. белых по 3 зол. за 24 алт. Тогда же крещена девка татар-

ка, которой куплена телогрея киндячная на песцовом меху, рубашка женская и сапоги барановые красные. В это же время трем новокрещеным татарченкам куплено три кафтана кушачные червчатые на зайцах с мишурными нашивками за 4 р. 15 алт. В феврале 1653 г. в Вознесенском монастыре крещена девка самоядка, которой тогда куплены сапоги желтые сафьянные и чулки белые за 23 ал. 2 д.

При царице Евдокее Лукьяновне одна из новокрещеных немок, девка Авдотья Капитонова, находилась даже в собственной комнате царицы, была ею очень любима и исполняла все комнатные ближайшие ее поручения и приказания. Замечательно, что через 18 дней после кончины царицы она была выслана из дворца в свое поместье, вероятно, прежде ей пожалованное. 5 сентября 1645 г. государь указал сослать с Москвы в Нижний Новгород девку Авдотью Капитонову да сестру ее вдову Авдотью же с детьми на своих государевых подводах, а из Нижнего указал государь их сослать в Нижегородский уезд в их поместье деревню Летнюю до своего государева указу. Для береженья с ними дослан сын боярский.

В городе велено их принять воеводе, а приняв сослать в деревню и из деревни никуда выезжать им до государева указу не велеть, в обидах от всяких людей оберегать и в обиду людей их и крестьян никому не давать; а будет кто из дворян или из детей боярских на той девке Авдотье жениться похочет и тое девку велеть выдать замуж сестре ее вдове Авдотье, из воли, безо всякого опасенья, а что у девки государева жалованья поместья и вотчины и тем поместьем и вотчинами государь пожалует жениха ее». Можно полагать, что она была крестницею самой царицы или самого государя.

Очень естественно, что еще большие заботы царица полагала об устройстве судьбы своих бедных родственниц, которые, девицами, жили обыкновенно в Верху на ее попечении. Они составляли особую степень верховых царицыных чинов под именем верховых девиц боярышен. В этот чин царица определяла по большей части сирот своего родства, а иногда брала девиц и у родителей, по бедности неимевших средства дать им воспитание, а главным образом не имевших средств вы-

дать их замуж. Таким девицам царицын Верх всегда являлся надежной опорой и заботливым покровителем. До возраста они стольничали у малолетних царевен, служили им в их детских играх и жили в их же комнатах. На возрасте царица выдавала их замуж за добрых людей, в которых, конечно, недостатка никогда не было, ибо женитьба на верховой боярышне всегда сопровождалась значительными выгодами для жениха и в отношении приданого и в отношении службы. «А иных девиц и вдов, небогатых, говорит Котошихин, царица и царевны от себя с двора выдают за муж за стольников, за стряпчих и за дворян, и за дьяков и жильцов, своим государским наделением, также и вотчины дают многие или на вотчины деньгами из царские казны, да их же отпускают по воеводствам, и те люди воеводствами побогатеют».

Однако ж, чтобы такое приданое, как и сама невеста действительно попадали в руки доброму человеку, необходимо было наводить об избираемых женихах надлежащие справки, необходимо было подробно узнавать их житье-бытье, что по всему вероятно

и делалось чрез верховых и приезжих боярынь, а равно и чрез ближних людей государя, конечно при посредстве тех же боярынь. Нельзя также сомневаться, что принимая особенное участие в судьбе своих верховых боярышен, царица и самолично досматривала их женихов скрытно и ни для кого невидимо, как подобало в царицыном быту. В иных случаях делать подобные справки и досмотры было не трудно, и именно относительно лиц, которые по службе часто бывали во дворце, как напр. стольники, стряпчие, жильцы. К тому же в хоронах царицы и вообще во дворце всегда очень хорошо было известно житье-бытье каждого из бояр, и каждого из значительных дворян, по той простой причине, что царь с царицею были по своим отношениям ко всей служебной среде прямыми вотчинниками домовладыками и почитали все боярское и вообще дворянское общество Москвы за одну семью своих домочадцев. В этой среде царь значил тоже, что старинный помещик в среде своих дворовых, о чем мы уже отчасти говорили в I томе. — Очень естественно, что особенно важные и видные до-

машинные дела каждого члена этой среды всегда были на виду и в царском дворце, где с родительским попечением и усердным опекуном не прерывали наблюдать за всеми действиями своих домочадцев. Во дворце бывало известно все, что говорили на площади, на пирах, даже в отдаленных походах. Об этом свидетельствует в своей переписке сам царь Алексей Михайлович. И само собою разумеется, что раскрытие домашних дел служилого и приближенного общества всего любопытнее было для домашней же среды дворца, т. е. для женской среды, где собирались жены мужей, матери детей, сестры братьев и т. д. Это закрытое в своих теремах общество, никому невидимое во дворце, становилось по временам даже политической силою, которая своим подземным влиянием давала известное направление государевым поступкам и делам, возводило людей на высоту царских милостей, а стало быть и управления, или низвергало их с этой высоты, поддерживало падающих или помогало им в падении. История этого общества нема, по той причине, что ее героями бывали все люди не письменные,

жившие в покорении, в монастырском постничестве и молчании, но она весьма значительна и любопытна по несомненному присутствию ее скрытых деяний во многих государственных делах. Как история по преимуществу домашняя, она и раскрыться может только при всестороннем расследовании домашних же дел государя и народа.

Котошихин, отмечая подобную черту дворских отношений, говорит между прочим, что боярские и вообще ближних людей жены, вдовы и дочери — девицы приезжали часто во дворец к царице, царевнам и к царевичам ходатайствовать о своих мужьях и детях, о своих братьях и родственниках и всегда успевали в этом, всегда находили у царской семьи надобную помощь и защиту во всяком деле. «Царь те дела делает, о которых бывает такое челобитье, хотя б которой князь или боярин или иных больших и меньших чинов человек в какой беде ни был, о чем бы ни бил челом, если б кто и к смерти был приговорен и, по прошению своей семьи может царь все доброе учинити и чинит; и таких дел множество бывает, что царица, и царевичи, и царевны,

многих людей от напрасных и не от напрасных бед и смертей освобождают, а иных в честь возвышают и в богатство приводят».

* * *

Бывало у цариц и царевен не мало занятий, хлопот и забот, и по вотчинному своему хозяйству, которое в некоторых подмосковных селах принадлежало им как бы в собственность, составляя их особую комнатную статью хозяйского дела.

В первой половине XVII ст. такую домашнюю вотчиною было село Рубцово-Покровское (ныне Покровская улица), а во второй половине того же столетия — село Измайлово. Рубцово, вероятно, было старинною вотчиною Романовых и потому в первые года царствования Михаила оно принадлежало его матери иноке Марфе Ивановне, а от нее потом перешло в исключительную собственность к царевне Ирине Мих., которая и была его полною хозяйкою-вотчинницею. Впрочем сначала, за ее малолетством, такою хозяйкою-вотчинницею была мать ее, сама царица Евдокея Лукьян. Селом управлял приказчик, в 1632 Микифор Васильев, и управлял, видно, как сле-

довало старинному приказчику, так что в это время старосты и крестьяне били на него челом, что делает им обиды и налоги многие и во всем их стесняет. И это было в Москве, под крылом и на глазах самой царицы. Решено было сыскать о нем в селе попами и дьяконами, т. е. допросить их по священству, справедлива ли была жалоба крестьян Вотчинное хозяйство села состояло из обыкновенных хозяйских статей, которые ведали дворовые люди, получавшие годовое окладное жалованье: мельник 6 р., другой мельник засыпка 3 р.; два садовника по 5 р.; два рыбника — по 3 р. три коровника по 2 р.: 2 конюха по 1 1/2 р., с 1632 г. по 2 р., а потом и по 3 р.; гусятник — рубль, с 1632 г. 2 р; дворник или сторож вотчинного двора — 2 р.; а потом 3 р. Месячины им шло намесяц: мужу с женою по чети ржи, в мясные дни по части мяса, в постные дни по звену рыбы. По праздникам бывало указное питье. При Михаиле Фед. Рубцово-Покровское было любимым летним местопребыванием царской семьи и потому на устройство тамошнего хозяйства были употреблены тогда не малые заботы. В 1632 г. печатного дела ма-

стер Онисим устроил там пруды, а в 1635 г. разведены сады, которые в 1641 г. снова строил немец дохтур Венделинус Сибилис. Хозяйство, время от времени, пополнялось также необходимыми статьями, какие требовались для его улучшения. Так, в сентября 1634 г. куплены в табуна 4 кобылицы ногайские за 21 р., царевны Ирины на обиход, и посланы на конюшню в село Рубцово.

Со времени царя Алексея Покровское было оставлено в исключительном владении царевны Ирины [184]. Впоследствии в той же стороне царь устроил для себя особое вотчинное хозяйство и дачу в Измайлове, где все статьи хозяйства, и пруды, и сады, явились несравненно в лучшем и обширнейшем виде и заведены были при помощи разного рода немецких мастеров. Царица заведовала здесь всеми женскими работами, в числе которых главное место занимало льняное дело. Кроме этих двух вотчинных хозяйств были еще весьма значительные по преимуществу садовые хозяйства в селах Коломенском и Воробьеве, которые тоже служили увеселительными дачами для царской семьи. Само собою ра-

зумеется, что сады доставляли не мало прохлады или удовольствия в замкнутой жизни цариц и царевен, как и всего их женского чина. В Коломенском и без сомнения и в других сельских царских дворцах хоромы царевен, именно их терема выходили окнами прямо в сад, в густоту зеленых деревьев, из которых, по вкусам века, больше других любимы были деревья плодовые, груши, яблони, вишни.

Был в царском дворце стародавний обычай посылать близким знакомым и уважаемым людям из своих садов и огородов на каждый год, в свое время, новое *слетье* или *новь*, т. е. созревшие внове садовые ягоды и овощи, ягоды, дыни, арбузы, огурцы, редьку и т. п., а также и другие, вновь появлявшиеся потребности, напр. сельди переяславские, когда было время их привоза. Все это рассылалось из дворца приближенному боярству, дворянству и особенно наиболее чтимому духовенству, патриарху, митрополитам, епископам, архимандритам, даже строителям монастырей, кто жил в Москве. Так 20 июля 1652 г. царевна Татьяна Мих. поспешила послать Никону, тогда еще новгородскому митрополиту, новую

дыню и новую вишню. На другой день ему прислала вишни и царица Марья Ильична. На третий день 22 июля царица прислала ему дыню и другие новые ягоды. Таким образом и садовое дело, в летнее время, доставляло царице и царевнам не мало занятий и развлечений и забот о том, чтобы пораньше других собрать свою новь и разослать ее любимым и уважаемым людям.

Послеобеденное время, особенно в праздничные дни, равно как и долгие осенние и зимние вечера отдавались разумеется разного рода домашним, комнатным утехам и увеселениям. Для этой цели во дворце существовала даже Потешная Палата, нечто в роде особого, собственно потешного отделения с целым обществом разного рода потешников. Обозрению Потешной Палаты или домашних дворцовых увеселений мы отделяем особую статью, а здесь упомянем в общих чертах, какого рода забавы были обыкновенны в комнатах царицы. Можно наверное полагать, что ее забавы были «народны» и сообразовались с народным же порядком увеселений. Так напр. ко святой царицам всегда устраивалась

качель, и именно веревочная, обшиваемая по веревкам бархатом или атласом, с сидалкою, обтянутую по хлопчатой бумаге тоже бархатом.

Так в апреле 1629 года царице Евдокее Стрешневых была устроена в Передних Сенях качель, обшитая сукном багрецом червчатым, а поверх сукна бархатом червчатый гладким. Когда не было увеселения, качель покрывали полотнищем сукна, для чего на эту качель было отпущено 3 арш. сукна червчатого же. В 1649 г. дек. 12, царевне Анне Мих. (20 лет) обшиваны качельные веревки бархатом червчатый, пошло 3 ар. 2 вер. В 1686 г. в апреле в хоромы к царице Прасковье Федоровне было изготовлено три качели да миндер, т. е. тюфяк или матрац, тоже вероятно для каких либо игр или для постилки под качель. Брюин, бывший в Москве в петровское уже время, рассказывает, что однажды он обедал в деревне у боярина Стрешнева: «после обеда, который был весьма вкусен и пышен, нас ввели в обширную залу, в коей к потолку были приделаны досчатые качели на веревках. Это здесь любимое упражнение: хозяйка

дома села на одну доску и велела двум милым и красивым прислужницам себя качать. Она, качаясь, взяла на руки ребенка и пела весьма ладно с своими служанками какую-то национальную песню, извиняясь впрочем весьма много перед нами, что нет музыкантов, за которыми бы она не преминула послать в город, если бы знала о нашем посещении» [185].

На маслянице во дворце устраивались скатные горы, на которых если и не сама царица, то всегда увеселялись царевны с верховными боярышнями.

На Рождестве, по всему вероятно, увеселялись святочными играми, так как на Троицкой неделе хороводами и т. д.

Для таких игр при царицыных, равно и при царевниных хоромах существовали обширные сети, в загородных дворцах холодные, а в московском теплые. Это можем видеть на планах Коломенского дворца. В числе сенных девиц находились и *жрицы*, вероятно исполнявшие эти народные игры. В описи казны времени Годунова и Шуйского упомянуты восемь подволоков, камчатных и тафтяных разных цветов — деланы на игрице». Это

были приволоки, верхнее женское платье в роде накидок или мантилий.

Для повседневной забавы служили дурки, шутихи, также слепые играцы-домрачеи, которые под звуки домры воспевали старины и былины, народные стихи и песни. Относительно разных игр имеем несколько указаний, что царицы играли в *карты*. Так в 1637 г. окт. 12, куплено в овощном ряду полдюжины карт за 5 алтын 2 денги, которые взяты к царице в хоромы, принял стольник Василий Голохвастов. В 1641 г. окт. 11, тоже в овощном ряду куплены двой карты, по алтыну, которые принял к царице в хоромы Ив. Фед. Стрешнев.

Впрочем более полные подробности о том, какие игры, забавы, увеселения и зрелища доставляли удовольствие царскому семейству, читатели найдут в следующей главе и потом в описании игр детских, которые вообще могут указывать и на обычные игры взрослых.

Здесь необходимо упомянуть и о выездах царицы для гулянья. Простые небогомольные выезды и походы цариц совершались боль-

шею частью детом, когда они выезжали в загородные дворцы пользоваться удовольствиями деревенской жизни. Осенью и зимою такие выезды предпринимались очень редко и с одною целью, когда царица выезжала вместе с государем на какую либо потеху. Так в 1674 г. 25 октября царь Алексей Мих. со всем семейством выехал на житье в свое любимое село Преображенское, где в то время была устроена новая потеха — театр и даны были *комидийные действия*: Юдифь, Есфирь и др. Государь по обычаю отправился туда торжественным шествием в одной карете с царевичем Федором и в сопровождения боярства и всякого походного чина. После него шла государыня царица с царевичами и царевнами в следующем порядке: на перед ехал в своей карете царевич Иван Алекс: с ним в карете сидел дядька кн. Прозоровской: за каретою ехали его царевичевы стольники и Ив. Кир. Нарышкин. Затем ехала царица в колымаге в 12 возников (лошадей) цветных, с царицею сидели: маленький царевич Петр, меньшие царевны, да мамы, да царицына мать и невестка. За колымагою по сторонам и позади шли

царицыны стольники (пажи), да 40 человек дворян. Впереди их, по сторонам колымаги, бояре — отец царицы и Матвеев.

Потом следовала колымага больших царевен, запряженная также в 12 возников цветных. С царевнами сидели дворовые боярыни, а впереди шел пеш их дворецкий И. И. Матюшкин, около колымаги шли дворяне 30 человек. Далее колымага меньших царевен, сидевших с верховыми боярынями; впереди их шел пеш их дворецкий Б. Г. Юшков, а около 30 чел. дворян; колымага была запряжена тоже в 12 возников цветных. За этим поездом ехали в колымагах верховые боярыни, казначеи, карлицы, постельницы; а всех шло 30 колымаг; подле колымаг ехали царицыны дети боярские по два человека, по списку.

Весь царицын поезд охраняли стрельцы: впереди открывал шествие стремянный полк под начальством стрелецкого головы, а по сторонам около экипажей шли с ружьем стрельцы рядового полка.

7 декабря ходил государь из села Преображенского с царицею с царевичами и царевнами, всем домом, в село Измайлово тешиться и

всякого строенья смотреть; и кушанье раннее (обед) было у государя в Измайлове.

На другой день, декабря 8, ходил государь из села Преображенского также всем домом тешиться в село Алексеевское; там же и кушанье раннее было. Декабря 9 государь ходил с царевичем Федором в село Остров, а потом 13 числа один в село Соколово тешиться. Между тем в тот же день царица со всем домом возвратилась из Преображенского в Москву. Наперед царицы шел царевич Федор в избушке (зимнем возке), запряженной в 6 возников темно-серых; с ним сидели дядьки: бояр. кн. Ф. Ф. Куракин, окольн. И. Б. Хитрово; царевича сопровождали бояре, окольничий, думный дворянин — ловчий, ближние люди, его царевичевы стольники, походные стольники, а около всего поезда шли пеши стрельцы с батожем. Потом шла царица в каптане в 12 возников цветных; с нею сидели ее мать и невестка и боярыня М. В. Блохина. Впереди ехал стремянной полк под начальством головы, капитану сопровождали бояре Нарышкин и Матвеев, кн. Прозоровский, ясельничий Вышеславцев, царицены стольники, царевича

Ивана стольники да дворяне. Большие и меньшие царевны ехали также в двух каптанах, в 12 лошадей каждая. С большими царевнами сидели в каптане верховые боярыни да казначеи; с меньшими — мамы да казначеи. Их поезды сопровождали: дворецкий А. И. Лопухин у царевен больших, и дворецкий Б. Г. Юшков у меньших, а с ними дворяне. По обе стороны всего царицына поезда шли стрельцы с батожьем для береженья. За поездом ехали боярыни верховые, казначеи, карлицы, постельницы, каптан с пятьдесят, оберегаемые боярскими детьми царицына чина.

На следующий год весной, 24 мая 1675 г., государь со всем домом выехал на летнее житье на Воробьевы горы, для чего еще за месяц прежде, 19 апреля, туда нарочно был послан стольник кв. Троекуров, а указано ему пересмотреть всякого строения в тамошнем дворце, а где худо, построить все вновь к государеву пришествию. Выезд царицы с детьми происходил точно в таком же порядке, какой описан выше, при выезде в Преображенское. Те же колымаги в 12 лошадей, те же почти окружающие лица, те же 30 колымаг с бояры-

нями и другими придворными чиновницами.

19 июня государь ходил с Воробьевской горы в село Преображенское со всем государским домом. «А сидел государь в одной карете с царицею, да с царевичами Федором и Петром. За каретою ехали тесть государев К. И. Нарышкин, дядька кн. Прозоровской и стольники, братья царицы, все Нарышкины. Карета была запряжена в 6 лошадей карих. Вперед этого государева поезда и всего шествия ехал стрелецкий полуголова стремянного полка, а за ним вперед же государя везли государеву постельку, т. е. всякую постельную казну под охранением ближнего человека Ив. Демид. Голохвастова и наплечных мастеров (портных). В другой карете ехали большие царевны, Ирина Михайл. с сестрами, а с нею сидели мамы и боярыни и кормилицы. В карете было 6 возников гнедых. Перед каретою ехали стольники и ближние люди все, да царевичевы Феодора стольники да стольники площадные все, а за каретою ехали бояре, окольниковые, думные дворяне и думные дьяке. В третьей карете ехали царевны меньшие, Евдокия Алексеевна с сестрами, а с ними сидели

мамы, да боярыни и кормилицы. В карете было 6 возников темносерых. За каретою ехал А. И. Лопухин. — В четвертой карете в 6 лошадей буланых, шел царевич Иван Алекс, а с ним сидели царевны да боярыни. За каретою ехал И. Ив. Матюшкины.

На другой день 20 июня, государь из Преображенского ездил к обедне в село Покровское и возвратившись после кушанья, ходил из Преображенского тешиться в село Измайлово в царицею, царевичами и царевнами. В Преображенском остались только царевич Иван, да две маленьких царевны: Наталья и Феодора. В первой карете шел государь с царевичами Феодором и Петром. В другой карете царица с меньшими царевнами, окруженная братьями Нарышкиными. В третьей карете — царевна Ирина с сестрами и царевна Евдокия с сестрами. Далее в трех колымагах ехали мамы да в трех колымагах боярыни, казначеи, кормилицы. Кареты были запряжены каждая в 6 лошадей, а колымаги парюю; впереди поезда ехали бояре и все другие чины, сопровождавшие государя, а позади за колымагами царицыны дети боярские. С потехи возврати-

лись в Преображенское в 3 часу ночи, т. е. часов в 11 вечера.

23 июня из села Преображенского царица со всем домом, кроме государя, ходила к обедне в село Покровское, в каретах. А шли три кареты: в первой на 6 саврасых лошадях шел царевич Федор с дядькою, ок. И. Б. Хитрово. В другой карете на 6 темносерых лошадях шла царица, сидевшая с своею матерью и невесткою и дворовою боярынею Блохиною. Карету сопровождал царицын отец, и А. И. Лопухин, а позади ехали в колымагах дворовые боярыни. В третьей карете на 6 лошадях карих шли царевны Ирина с сестрами, да Евдокия с сестрами, а с ними сидели мамы. За ними ехали в колымагах верховые боярыни и казначеи. Карету сопровождали ближние люди Матюшкин и Юшков. Поезд оберегали стрельцы.

26 июня ходил государь из Преображенского опять в село Измайлово с царицею, царевичем Федором и с большими царевнами. В эту поездку государь сидел в одной карете с царицею и с царевичем. Карета была запряжена в 6 саврасых лошадей. В другой карете в 6 лошадей гнедых, шли царевна Ирина да царев-

на Евдокия, каждая с сестрами, а за ними в колымагах ехали мамы, верховые боярыни и казначеи. Поезд сопровождали ближние люди с и оберегали стрельцы стремянного полка под начальством головы. Тогда и кушанье было у великого государя в селе Измайлове, *в роще.*

28 июня, пошел государь, после кушанья, из Преображенского на Воробьеву гору со всем домом, праздновать именины царевича Петра. Впереди всего поезда ехал стрелецкий голова Лутохин с стремянным полком; затем следовали бояре и другие чины, ближние люди и походные стольники. Потом ехал в своей карете маленький царевич Петр, а с ним в карете сидели его бабушка Анна Лев. Нарышкина с дочерью Авдотьей Кирилловною, тетка Прасковья Ал. Нарышкина да боярыня Матрена Левонтьева. Карету сопровождали его дед Кир. Пол. Нарышкин, Арт. Серг. Матвеев, стольник Ив. Фом. Нарышкин и стольник царевича Ив. Ив. Головин. В государевой карете с государем сидела царица, царевич Федор, царевна Феодосия. В другой карете ехала царевна Ирина с сестрами, в третьей — царевич

Иван с сестрами, а с ними сидели мамы: кн. Прасковья Ив. Ромодановская, кн. Анна Льв. Львова, боярыня Пел. Ивашкина да кормилицы. Государеву карету сопровождал дядька царевича Федора ок. И. Б. Хитрово, ближние люди Матюшкин и И. К. Нарышкин и царевичевы стольники. Царевнины кареты сопровождали тоже ближние люди, дворецкие Лопухин и Юшков. Около всего поезда шли стрельцы стремянного полка 100 ч. За царевниными каретами ехали прежде всего мамы: в первой колымаге: Ульяна Петр. да Настасья Фед. Шереметевы: во 2-й кн. Лобанова Ростовская, а с нею крайчая царевен больших Марья Андр. Мартюхина; в 3 — дворовые боярыни Анна Мещерская, Аксинья Мертвая; в 4 Плещеева, Анна Супонева; в 5 Анна Хитрова, Наталья Соловцова. За мамиными колымагами ехали казначеи государя, царицы, царевичей и царевен в семи колымагах, по две в каждой по порядку старшинства. В 8 колымаге ехали карлицы царицы и царевен; в 9 — комнатные бабки царицы, царевичевы и царевен; в 10-й мастерицы. Затем следовало 40 колымаг, а в них сидели постельницы царицыны, царевичевы

чей и царевен. Кареты были запряжены, каждая в 6 лошадей, а колымаги — парюю. Колымаги оберегали дети боярские царицына чина, по два человека; да стрельцы, также по два человека.

В поезде следовала также государева постелька со всякою постельною казною, которую сопровождал вместо постельничего ближний человек и в комнате у крюка Петр Сав. Хитрово, а с ним стряпчий, дьяк мастерской палаты, комнатные истопники, сторожи, наплечные мастера (портные); перед постелькою ехал сотник стрелянного полка, и с ним 20 человек стрельцов.

В это время ангелу царевича Петра государь праздновал с особым торжеством. Накануне он послал думного дворянина к патриарху Иоакиму звать его в поход на Воробьеву гору к обедне, к празднику и к столу, со властью, и указал для того выслать туда шатерничих с столовыми шатрами и столами тотчас, не мешкав. В день праздника 29 июня после заутрени патриарх шествовал на Воробьеву гору в следующем порядке: впереди ехали патриаршие дети боярские, потом сле-

довала ризница с соборным протопопом, протодьяконом, ризничим и певчими. Сам патриарх ехал в карете, в сопровождении своего боярина, дьяков и своих стольников.

К обедне государь ходил в Донской монастырь, где службу совершал патриарх с приехавшим туда духовенством. Пришед от обедни, государь жаловал боярство и двор именными пирогами, а потом давал патриарху со всем духовенством и боярству обед в шатрах. В тоже время на своей половине и царица жаловала именными пирогами свой дворовый чин.

1 июля с Воробьевой горы государь выезжал под Девиный монастырь на потеху, «тешился там в лугах и на водах с соколами и с кречетами и с ястребы, и с государынею царицею и с царевичами Федором и Петром, в каретах». Эту поездку сопровождали отец царицы Нарышкин, дядька царевича Федора, Ив. Хитрово, да стольники и ближние люди и для обереганья стрелецкий голова Полтен с своим полком.

14 июля с Воробьевой горы, государь переехал со всем домом в село Коломенское. Отту-

да 23 июля он ходил тешиться в село Соколово с царицею и царевичем Федором, а сидели они с государем в одной карете, запряженной в 6 лошадей гнедых. Карету сопровождали и ехали вперед боярин И. Б. Милославский, ок. кн. Долгорукой, думный дьяк, ближние люди и стольники походные; за каретою ехали братья царицы Иван да Афонасий Нарышкин, с сумою — ближний человек А. С. Шеин да стольник царевича кн. М. Я. Черкасский. В Соколове жаловал государь погребом стольников походных и сокольников и слуг боярских и стрельцов, т. е. угощал их вином, медами и пивом с своего погреба. А из Соколова идучи в Коломенское, заходил государь и с царицею и царевичем к Николе на Угрешу и слушал вечерню и молебен.

26 июля государь снова со всем домом переехал из села Коломенского на Воробьеву гору; 26 августа он праздновал там именины царицы Натальи Кирилловны и царевны Натальи Алекс; слушал вместе с именинницами и со всем домом обедню в полотняной походной церкви в присутствии всего боярства, и всех чинов, которые нарочно были вызваны

к этому дню из Москвы.

После обедни, в государевых хоромах, царица из собственных рук жаловала своими именинными пирогами всех ближних комнатных и не комнатных бояр, окольников, также думных дворян, думных дьяков и ближних стольников; а как государыня жаловала пирогами и в те поры сидел сам государь да с ним же царевич Федор». Такая раздача самую царицею именинных пирогов была не совсем обычным делом в государевом дворце.

ГЛАВА V

ДВОРЦОВЫЕ ЗАБАВЫ, УВЕСЕЛЕНИЯ И ЗРЕЛИЩА

Общий обзор. Комнатные забавы: дураки-шуты, бахари, домрачеи, гусельники. Потешная палата: органы, цымбалы, скоморохи, потешный немец, метальники. Время царя Алексея. Верховые нищие. Карлы. Потехи на дворце: медвежьи спектакли; особые зрелища: львы, слоны, олени, поединки и др. Комедийные действия. Первое устройство театра. Первые комедии.

Вникая в основные стихии старого русского быта, нельзя не признать той истины, что руководящим началом нашей образованности в допетровское время была византийская идея аскетизма. Как образ наилучшей, наиболее добродетельной жизни, эта идея везде и всегда возвышала свой учительный перст, направляя каждый шаг и каждую мысль человека к своим целям. Мир русской мысли, мир русского чувства был всесторонне закреплен этому строгому оберегателью жизни; ли-

шен воли, прирожденной всякому живому существу, лишен всех живых движений развития и совершенствования. Суровый дидакал целые века твердил одно: он отрицал, отвергал мирское удовольствие, т. е. всю совокупность поэтических стремлений человеческой природы, и со стороны ума, и со стороны чувства. Он отринул таким образом целую область человеческих эстетических созерцаний, обширнейшую область поэтического и эстетического творчества, которым обыкновенно живет, держится и управляется повседневное общежитие человека, которым образуются и устраиваются его нравы и обычаи, именно в человеческом, а не в одном животном только смысле, как неизменно всегда выходит, когда притесняются и поработщаются силы духовные. Человечность общежития вполне и непосредственно зависит от степени свободы, и умственной, и нравственной, какая достается на долю народного развития; разврат общежития является всегда последствием угнетения человеческой природы, и именно последствием угнетения ее духовных и потому, самых жизненных начал, каковы все эстети-

ческие интересы чувства и философские интересы ума. Философские интересы ума питаются наукою, или иначе полною свободою знания; эстетические интересы чувства питаются искусством, или иначе полною свободою творящей силы человека, в чем бы она не выразилась: в мелочах наряда, в домашней обстановке, в какой либо забаве и увеселении, в песне, сказке, побасенке, или в созданиях, которые исключительно и специально присваиваются области искусства. Древнерусское общество из своей первобытной непосредственности попало прямо под бичевание византийской аскетической идеи, отвергавшей на всех путях и свободу знания и свободу творчества. Поставленное с разу в тесные и суровые пределы аскетических требований, древнерусское общество лишилось возможности продолжать развитие своего первозданного, бессознательного быта путем собственной самодеятельности, путем собственного свободного творчества. Взамен младенческих пеленок, которые, при естественном ходе развития, свалились бы сами собою, оно было перевязано по рукам и по ногам уза-

ми — веригами иной культуры, вовсе несообразной с его младенческой природой. Оно получило талант и вместе с ним строгий наказ зарыть его в землю, дабы сохранить в целостности. Прошли столетия в этом усердном зарывании полученного таланта, и молодая жизнь постоянно оставалась с теми же своими первозданными языческими началами и формами, которые от времени, теряя прирожденный им смысл наивной непосредственности, еще больше дичали. «Лучшие силы человеческого развития были не только запрещены, но даже и прокляты. Мир свободной науки был проклят, как мир ереси и неверия, так что малейшая самостоятельность или независимость мышления стала возбуждать страх всеобщего потрясения веры и нравственности и самого государства. Мир свободного творчества был проклят как мир соблазна. Поэзия во всех своих видах была изгнана из общежития, как греховная стихия, способствующая только олицетворять дьявола и «иже с ним». Такою же греховною стихиею являлось свободное художественное творчество во всех родах искусства. В той самой сфе-

ре, где искусство, по решительной необходимости должно было водвориться, ему, раз навсегда, были начертаны известные цели и даже самые формы, от которых нельзя было отходить ни на шаг, и которые таким образом низводили художественное творчество на степень ремесла, как напр. низведена была живопись до иконописной прописи или трафаретки. Старина так и понимала искусство, как ремесло, как силу работающую дневным только человеческим полезностям и потребностям. В этом ее идеи совершенно совпадали с идеями некоторых теперешних мыслителей; за одно с ними, она отрицала в искусстве свободную и вполне независимую силу, которая вынашивает свои создания не для полезности текущего дня, а свободно, как сама жизнь, как сама природа, выражает ими или олицетворяет в них тайны задушевных эстетических дум и созерцаний, и отдельного человека, и целого общества. Старина, конечно, не могла и мыслить о том, что в сфере искусства, и только в этой сфере, человек является существом вполне свободным, не орудием какой либо дневной полезности и необходимо-

сти, а самостоятельную творящую силою мировой жизни, где пользы или интересы дня теряются, как ничтожные крупинки, в пользах и интересах целой эпохи. Мысль о такой самостоятельности и свободе человека была бы вопиющим противоречием ее крепким идеям о нескончаемом его рабстве и ученичестве, на которых держалось все ее существо. Поэтому ей невозможно было даже и понять, что стеснение свободного творчества в человеке поведет прямо к принижению его нравственной природы до побуждений и инстинктов животного, к чему в действительности и пришло под конец нравственное состояние нашего допетровского общества. Жизнь этого общества, исполненная одного лишь отрицания, лишенная философских и поэтических созерцаний и идеализаций, стала в общем наклоне уподобляться жизни стада, где первое и исключительное побуждение — *корм* в животном смысле, для самого стада, и *кормление* в воеводском смысле, для пастухов; а затем тяжелое умственное лежание на боку и медленное, нескончаемое пережевыванье двух-трех понятий или двух-трех идей, каки-

ми был ограничен общественный кругозор жизни. Природа, стесненная в своих естественных, нормальных и разумных стремлениях и движениях, привяла иное направление и вырастила, ибо не могла не вырастить, стремления и движения ненормальные и неразумные, извращенные, которые явились как бы возмездием, за то, что нарушен был правильный закон ее развития. Нищета стесненной и загнанной мысли, нищета умозрения разнуздывала животное чувство и удержать его в человеческих пределах не было возможно ни поучениями, ни наказаниями, ибо и те, и другие лишь отрицали силу природы, а не полагали в нее доброго семени умственного развития, которое одно только способно держать в границах животного человека. Печален отзыв очевидцев-иностранцев о нашем старом обществе. «Нисколько не заботясь об изучении достохвальных наук, говорит Олеарий, не выказывая решительно никакого желания ознакомиться с славными достопамятными делами своих предков, не стараясь узнать что либо о состоянии иностранных земель, русские, весьма естественно, в собрани-

ях своих почти никогда не заводят речи об этих предметах. Все речи и разговоры их не выходят из круга обыкновенных житейских дел. Так обыкновенно ведут они речь о сладострастии, о гнусных пороках, о прелюбодеяниях, совершенных частью ими, а частью и другими; тут же передаются разного рода постыдные сказки и тот, который может наилучшим образом сквернословить и отпускать разные пошлые шутки, выражая их самыми наглыми телодвижениями, считается у них приятнейшим в обществе... Невозможно вообразить до какой степени предаются они чисто животным побуждениям... Пьянству они преданы сильнее всякого другого народа в свете. Наполнивши себя вином чрез меру, они, подобно, неукротимым диким зверям, готовы бывать на все, к чему побуждают их необузданные страсти. Порок этот — пьянство до такой степени распространен в народе, что ему предаются все сословия, как духовные, так и светские, богатые и бедные, мужчины и женщины, и если иногда увидишь там и сям пьяных, валяющихся в грязи на улице, то это считается делом самым обыкно-

венным», и т. д. В этом случае, конечно, мы должны винить не людей, а те начала, которые управляли их жизнью, именно начала всеобщей и весьма крутой умственной и нравственной опеки, господствовавшей над обществом и постоянно державшей его в глупом ребячестве, в отрицании всех качеств и действий человека, исполненного возраста и мужественных сил жизни. В таком ходе нашего общественного развития выразилась та непреложная истина, что обществом, для его блага не может управлять закон свойственный лишь потребностям и благу личности единичной; что напротив всякая единичная исключительная воля, ставшая для общества законом, всегда и неизменно приводит общественную жизнь к нравственному растлению. Аскетическая идея, как идея чисто личная, эгоистическая, а потому вполне способная устроить во благо личный быт, вовсе не была способна устроить во благо быт общества, быт целой народности.

Возможное для произвола единицы, не бывает возможным для доброй воли целого общества; общество в сущности есть общая при-

рода той же частности — единицы, общая человеческая природа, которую не в силах ограничить своими исключительными стремлениями никакая отдельная частица — личность, и которая не в силах даже и сама себя ограничить. Общая природа человека, нося в себе не личные только, а мировые законы развития, рано ли, поздно ли, всегда выбьется на свободу, на свой прямой путь, из всяких личных, т. е. временных и случайных тенет и стеснений.

Аскетическая идея отрицала сферу мирского удовольствия, всякого удовольствия, которое служило миру, т. е. утехам мирской жизни, для большинства и без постнической идеи всегда наиболее горькой и трудной. Но удовольствие как и труд, если при известных условиях и при известном настроении понятий обходимы в личной жизни, то в общей жизни они являются насущною потребностью, вполне и безусловно необходимою, без которой не возможна сама жизнь общества, т. е. развитие и совершенствование общей природы человека. Отнимать у человека мирское удовольствие — значит самого его отни-

мать у общества и след. лишать его высшего блага в его жизни и высшей цели его существования, ибо для человека высшее благо — жить в обществе и высшая цель — жить для общества.

Нам скажут, что аскетическая идея отвергала лишь удовольствия развратные, грубо-животные. Это так; но вместе она отвергала мирское удовольствие и безразлично в самой его идее; самую мысль о каком либо удовольствии она почитала уже грехом и всегда грозила за то страхом будущего наказания.

Народная музыка, песня, пляска, сказка, какая либо игра и т. п., в нашем древнем быту с первого же времени, как только раздалось учительное слово, были отвергнуты, как действия идолослужения. Аскетическая проповедь возглашалась не исключительно только против разврата, какой в иных случаях сопровождал эти действия, напротив эти то самые, в сущности невинные, удовольствия она и почитала развратом, бесовским угодием, лестью дьявола. Она безразлично ставила их на ряду со всякими действительно развратными действиями и грехами и, поселяя омерзение к

грешной жизни, рисовала эту жизнь именно чертами мирских утех.

Домострой, преподавая наставление, как духовне устраивать трапезу, стол, обед или пир, пишет между прочим: «если начнут смрадные и скаредные речи и блудные; или срамословие и смехотворение и всякое глумление; или гусли и всякое гудение и плясание и плескание и скакание и всякие игры и песни бесовские, — тогда, якоже дым отгонит пчелы, такоже отыдут и ангелы Божии от той трапезы и смрадные беседы, и возрадуются беси... да такоже безчинствуют, кто зернью и шахматы и всякими играми бесовскими тешатся»... Или дальше: «А кто бесстрашен и безчинен, страху Божию не имеет и воли Божии не творит и закону христианского и отческого предания не хранит и всяко скаредие творит и всякие богомерзкие дела: блуд, нечистоту, сквернословие и срамословие, песни бесовские, плясание, скакание, гудение, бубны, трубы, сопели, медведи и птицы и собаки ловчия; творящая конская уристания... (Такоже и кормяще и храняще медведи или некая псы и птицы ловчии, на глумление и

на ловление и на прельщение простейших
человеков...)» Дальше: «или чародействует и
волхвует и отраву чинит; или ловы творит с
собаками и со птицами и с медведями; и вся-
кое дьявольское угодьё творит, и скоморохи и
их дела, плясание и сопели, песни бесовские
любя; и зерньню, и шахматы и тавлеи (иг-
рая) — прямо, все вкупе, будут во аде, а zde(сь)
прокляти»...

Повторяя не один раз свои запрещения, До-
мострой представляет только слепок общих
мест из старейших самых первых поучений,
которые были принесены из Византии и об-
личали некогда язычество византийского же
общества где музыка, песня, пляска, «бубен-
ное плескание, свирельные звуци, гусли, му-
сикия, комическая и сатирская и козлия ли-
ца» (маски) и т. п., являлись на самом деле
служителями языческих богов, — «иже бесят-
ся, жруще матери бесовстей Афродите боги-
не... еже творяхуть на праздник Дионисов» —
так что нельзя было и отделять их вообще от
идолослужения. Но, с той поры, вместе с идо-
лослужением упомянутые поучения стали от-
вергать и вообще мирские игры и утехы, по-

стоянно обзывая их идольскою службою. «Не подобает христианам в пирах и на свадьбах бесовских игр играти, то не брак наричется, но идолослужение, иже есть плясба, гудба, песни бесовские (*вар.* песни мирские) сопели, бубны, и вся жертва идольска, иже молятся проклятым богам... [186] — Каждый праздник, сопровождаемый обыкновенным для народа весельем, принимал уже смысл еллинского пирования, становился обычаем еллинской прелести. Некоторыми, впрочем, византийскими правилами были отвержены даже народные пиры — братчины, именно как складчины для общего веселья. Но такое запрещение осталось в Русской земле без последствий, ибо совсем уже разрушало весь старый наш бытовой строй, вынимало, так сказать, самую душу народных обычаев. Всякое мирское удовольствие, забава и увеселение сделались, таким образом, грехом идолослужения, сетями дьявола, которыми верующия души отвлекались от Бога. Поэтому в поучениях при всяком удобном случае напоминалось, сколь велик такой грех и как нужно всегда его беречься.

В числе мытарств или испытаний души в злых делах, между другими грехами поставлено было в седьмом мытарстве и «плясание на пиру» на свадьбах, в навечерницах, и на игрищах, и на улицах, рядом с буесловием, срамсловием и бесстыдными словесами, под которыми должно разуметь также всякие поэтические народные словеса; а в 15 мытарстве уже прямо указывается особое злое греховное дело, еже *басни бают* и в гусли гудут, наравне с блудодеянием и со всякою ересью, именем которой обозначены и суеверные приметы и ворожба [187]. Учительное слово нередко живыми образами рисовало сатанинскую погибель от мирского увеселенья. Известно довольно распространенное в старой книжности сказание св. Нифонта о песнях мирских и о *русальях* (игрищах), которое назидательно представило, как однажды демон, князь бесовский, шел мимо Божьего храма, с 12 бесами, которые стали завидовать церковному пению и укорять своего князя, что оттого, что там славят Христа, их сила и слава сокрушилась; как демон успокоивал их, говоря, что в мал час то пение минуетя, и

люди начнут славить их, бесов, мирскими песнями и плясанием; как потом после обедни «иде человек с сопелмя и по нем мног народ идуща, ови с гусльми, ови плещуце пояху, ови же пляшуще»; как бесы во очью этому радовались радостью великою и всех тех, «иже кто идяше во след сопущих, едином ужем (веревкою) связавше, влачаху; как они льстили других на песни и на плясанье и на игранье; как некто, муж свят, зря из своей палаты, повеле иред собою плясати — играти и взем сребреницу вдаст сопельнику; как бесы послали эту сребреницу отцу своему сатане в бездну; как он возрадовался этому пагубному дару особенно потому, что он был от христиан, повелевая понуждати их на игры и на плясания и на иное, еже есть им в любовь... Все это было видно душевными очами и написано на пользу дабы бежать проклятых игр бесовских, пачеже удаляться плясания, да не со дьяволом осужденным быть в вечный огонь. Подобные образные представления конечно действовали еще с большею силою на убеждения людей, чем простые слова запрещения.

С течением времени поучения с этою идеею шли дальше, рассматривали подробнее все виды мирских утех и осудили окончательно все, что сколько-нибудь выражало удовольствие, утеху, забаву, увеселение. Еще в первых поучениях и запрещениях *шпильман* (шпынь, насмешник) рекше *глумец*, *плясец*, *гудец*, *свирельник*, *скомрах*, как и вся *шпильманская мудрость*, *смехотворная хитрость*, *скомрашное дело*, приобрели самое отверженное значение, наравне со всякими потерянными людьми и особенно с еретиками и со всякою ересью. Все эти имена, как и самое слово *еллинский* стали омерзительными: в понятиях людей благочестивых. Это было *поганство*, т. е. язычество в простом переводе слова; но тоже слово стало обозначать, как и теперь обозначает, всякую нечистоту и мерзость. Русское общество, конечно, не имело и малейшего понятия о языческих грехах еллинизма. Покорное святыне водворяемых правил и новых уставов жизни, оно всякое слово этих правил и уставов, принимало с полною чистою и сердечною верою; оно относилось к ним с робостью малосмысленного первоука,

изумденного, пораженного авторитетом учителя. Эту необыкновенную робость и принижение мысли мы скоро замечаем в тех многочисленных вопрошениях, какими русский ум пытал своих первых наставников (Вопросы Кирика и т. п.). В некотором смысле, для того времени, это было своего рода вольнодумство, вольная дума, искавшая и жаждавшая истины, которой она и требовала от своих первых наставников. Очевидно, что все сказанное наставниками и было для нее искомою истиною. Наставники же, воспрещая то или другое греховное обстоятельство жизни, соединяли с именем этого обстоятельства своя особые, еллинские же или византийские понятия, для которых в живой русской действительности, кроме внешней формы, не заключалось никакого жизненного смысла или этот смысл был вовсе не таков, каким он представлялся в уме наставников. Так в числе запрещенных игр было указано, напр., *конское уристание*. В еллинском Царьграде, на еллинском ипподроме, о великолепии которого трудно было и мыслить русскому уму, эти конские ристания в действительности

были языческим спектаклем, где зеленые и голубые возницы были посвящены, одни матери земле, другие небу и морю; где колесницы, запряженные 6 лошадьми ехали во имя высшего языческого божества, запряженные 4 лошадьми, везли изображение солнца, а запряженные двумя, черною и белою — изображение месяца, и т. д. Потеха была чисто языческая. Но сколько же языческого представляла наша древняя скачка на диких степных конях, подобная по всему вероятно скачкам теперешних степняков? Другая запрещенная игра, шахматы, вероятно и принесенная к нам самими же византийскими христианами, точно также в нашем быту не могла иметь никакого языческого смысла; но тем не менее отвергалась, как предмет идолослужения. Об ней писали: «Аще кто от клирик или колугер играет *шахмат* или леки (кости), да извержет сана; ащель дьяк (причетник) или простец (мирянин) да приимуть опитемью 2 лета о хлебе и о воде, единою днем, а поклона на день 200; понеже игра та от беззаконных халдей: жрецы бо идольские тою игрою пророчествоваше о победе ко царю от идол, да то есть

прельщенье сотонино». Очень нередко именно такими соображениями, вовсе не приложимыми к древнему русскому быту, и руководились первые наши наставники в правилах и уставах жития. Конечно, всякий предмет народной забавы и утехы носил в себе в какое-то время языческие черты или просто служили язычеству; но так было по той причине, что в какое-то время вся жизнь человека была язычеством, поэтому, не только какая либо игра, но и все предметы повседневного быта, вся домашняя утварь, начиная с печного горшка, тоже приносимы были на службу тому же язычеству. Аскетическая идея в своих отрицаниях и отвержениях вовсе не различала языческих идей от вещественных предметов или от простых порядков жизни и стремилась все сравнять и привести в один образ и в одну меру, в одно положение.

Общество должно было устроиться, как монастырь, как пустынножительство, водворить повсюду обет молчания, обет непрестанной молитвы, отдаваясь лишь работе дня, необходимым житейским трудам и занятиям. От жизни отнимался один из существенных

элементов ее развития, отнималась целая область ее поэтических стремлений, которые конечно не приводили же к одному только разврату, но содержали в себе, как и всегда содержат, источник жизненной силы и для нравственного совершенствования. Было необходимо только отличить этот добрый источник от того зла, каким он не всегда же и окружался. Но, верная своему началу, аскетическая идея не должна была делать подобных различий. Поэзия в ее глазах была вообще смрадом и скаредием греховной жизни, поэтому именем бесовской песни, басни, кощунств, глумления, она безразлично обозначает всякий памятник народного словесного творчества, равно как и всякую игру бесовским угодием, безчинием, бессражием; все это были дела бесовские, обычаи треклятых еллин, греховные уже потому, что исходили из греховного источника, из области свободного чувств управляемой, как доказывали, исключительно дьяволом в сущности аскетическая идея, отрицала все то, что в своей живой совокупности имеет свое великое имя. Она отрицала народность, русскую своеобразную

культуру, не с одной языческой стороны, но и со всех сторон свободного независимого развития народных дарований и народных умственных сил. Она отрицала живую русскую народность во имя одной исключительной формы византийского, и по преимуществу восточного, быта.

Само собою разумеется, что господство аскетической идеи должно было поддерживаться и всегда поддерживалось монастырем, из которого постоянно и оглашалась гроза суровых обличений и запрещений. Мирская власть, пребывавшая сама в той же мирской жизни, никогда, сама по себе, не доходила до аскетических умозрений и не поднимала гонений на свою же мирскую общественность. Она по необходимости становилась только покорною исполнительницею правил и предписаний, исходивших из уединенных и отверженных от жизни келлий. Из этих то богомольных и благочестивых обиталищ и разносилось обличительное слово, напоминавшее время от времени мирским людям о жизни праведной. Лишь отсюда и мирская власть получала усердные воззвания действовать

против мирских увеселений, как подобало ее грозной державе. Таким образом запрещения мирских утех сначала восстанавливались путем частных, так сказать личных проповедей, со стороны только наиболее усердных подвижников монастырского жития и впоследствии уже, едва ли не со времени издания Стоглава, были приняты, как общее постановление, т. е. вошли в круг правительственных действий. Еще в начале XVI ст. правительство, т. е. общая власть, стоит как бы в стороне от этого дела, и потому, напр., в 1505 г. игумен Елизаорова монастыря Панфилей частным путем обращается к градским властям Пскова, прося их державу унять беззаконные игрища, какие происходили там по случаю праздника Рождества Иоанна Предтечи, 24 июня. Он пишет: Сице бо еще есть останок неприязни в граде сем, и зело не престала zde еще леть идолская, кумирское празнование, радость и веселие сатанинское, в нем же есть ликование и величание диаволу и красование бесом его в людех сих, не сведущих истины... Егда бо приходит велий праздник день Рождества Предтечева, и тогда, во святую ту ночь, мало не

весь град взмется и взбесятся, бубны и сопели, и гудением струнным и всякими неподобными играми сатанинскими, плесканием и плясанием, и того ради двинется, яко в поругание и в безчестие Рождеству Предтечеву, и в посмех и в поругание и в укоризну дни его; въстучит бо град сей и возгремят в нем людие... стучат бубны и гдас сопелий и гудут струны. Женам же и девам плескание и плясание, и главам их покивание, устам их неприязнен кличь и вопль, всескверные песни, и хребтом их вихляние, и ногам их скакание и топтание; ту же есть мужем же и отроком великое прелщение и падение; но яко на женское ж девическое шатание блудно и възрение, такоже и женам мужатым, беззаконное осквернение, тоже и девам растление... Тако ли есть христианом православным вера и чин? И сия ли есть христианская лепота и закон?.. Господье мои, благочестивыи мужи, властели сущии, грозная держава града сего! восклицает игумен. «Уймите, храбрским мужеством вашим от такого начинания идолского служения богозданный народ сей». Нет сомнения, что подобные монастырские част-

ные воззвания к державным градским властям начались в одно время с распространением монастырской жизни. Задолго до общих правительственных запрещений, они уже тяготели над обществом, как правительственный же закон.

Поучения действовали на общество воспитательно и, само собою разумеется, что по их идеям воспитывался по необходимости и идеал достойного человека, а след. и идеал достойного общества, изящных его нравов и изящных порядков жизни. Общество, если и не могло совсем удалить от себя мирские утехи, то все-таки оно получило к ним омерзение греха и в силу такого воззрения, музыку, песню, пляску, басню и т. п. оно осуждено на изгнание из среды хороших, чистых нравов, оно; по естественной причине, стало даже с гордостью выситься перед ними, стало их презирать, низвело их таким образом до степени скоморошества или до низменных и по необходимости грязных занятий поденщика и продавца всяких увеселений и утех, а след. до действительного разврата. Невинная забава и утеха в глазах достойного человека яви-

лась или делом ребячества или делом скомороха, отъявленного негодника и бесстыдника, не имевшего и малейшего сознания о добром и честном нраве. Возвышенные, честные нравы общества мысли о забаве, напр. о танцах, следующим образом: «что за охота ходить по избе, искать ничего не потеряв, притворяться сумасшедшим и скакать скоморохом? Человек *честный* достойный, нравственный, должен сидеть на своем месте и только забавляться кривляньями *шута*, а не сам быть шутом для забавы другого...» [188] Так мыслили в XVI и XVII ст., в эпоху когда из учений Домостроя образовалась уже крепкая практическая философия. Здесь мы встречаемся с понятиями не о грехе только, не о бесовском только угодии, а уже с высокомерием степенного, чинного и благочестивого нрава, с известною выработкою приличия, которая почитала такую веселость безобразием и искажением нравственного лица.

Учения Домостроя от первых еще веков были главною и исключительною причиною того, что совсем умолкла и народная литература, скоро умолкли вещие песни баянов, во-

одушевлявшие первых наших удалых и храбрых князей и готовившие родному языку лучшую будущность, чем та, какую он приобрел от книжного высокопарного, но сухого и безжизненного слова. В XI веке мы еще видим около князей песнотворцев, вещими перстами на живых струнах, прославляющих княжеские доблести, поющих славу временам и старым и молодым, поющих славу народности, исполненной свежих здоровых сил и юношеской отваги. Но в один от дней приходит к князю Святославу Ярославичу преп. Феодосий Печерский и видит: сидит князь, а пред ним многие играют, «овы гусьльные гласы испущающе, другие же органные гласы поюще, иным замарные писки гласящем, и тако всем играющем и веселящемся, якоже *обычай есть пред князем*». Блаженный сел вскрай князя, поник долу и сказал: то будет ли так на том свете! Князь умилился словам преподобного, прослезился и повелел игроцам перестать. С тех пор, если когда и начиналась такая игра, то, заслышав приход блаженного, князь всегда повелевал переставать своим певцам. XI век жил еще полною силою народ-

ного творчества и мало сознавал, что вещая песня баяна есть бесовское угодие, есть идольская служба. На это указывает даже и самое посещение кн. Святослава преп. иноком во время веселого песнотворства, которое было остановлено не в тот же час, как пришел св. инок, а лишь после его умилительно-го поучения; было остановлено лишь из особенной любви к нему и продолжалось по обычаю в его отсутствие. Живший в том же веке, после Феодосия, митрополит Иоанн, муж хитрый книгам и ученью, точно также в своих наставлениях, не мнит нарушить обычай мирского устава и запрещает только мнихам и иерейскому чину присутствовать лишь на таких пирах, где начиналось играние, плясание, гудение. Он советует или отнюдь отменяться тех пиров, т. е. не ходить на них, или же, как начнется играние, бесовское пение, блудное глумление, вставать и уходить, да не осквернят себе чувства видением и слышанием, по отеческому повелению; отходить в то время, если будет соблазн велик и вражда не смирена, ибо можно подумать, что почитаешь эти игры и сам в них участвуешь. Но то,

что вначале предписывалось только иноческому и иерейскому чину, впоследствии стало обязательным и для всего мирского чина, стало грехом для всех мирян, а потому через сто лет, в конце XII века, об этих вещих песнях поминается уже как о старых, едва памятных словесах. Певец Игоря едва ли не был последним баяном нашей древности, последним творцом песни, сложенной старыми словесами, или народною поэтической речью, которую он видимо отличает от новых словес, от словес входившей тогда в господство церковной книжности, осудившей старые словеса или народную речь, а вместе с ней и поэтическое народное творчество, на вечное безвозвратное изгнание. В последующие века эти старые словеса, как вообще народная поэтическая речь, обзывались уже словесами греховного глумления, бесовскими песнями. Книжное перо уже страшилось изобразить такое слово на бумаге, дабы не совершить тем угодия дьяволу и не уронить в грязь высокого и святого достоинства книжной речи. Писаное слово, принеся святое учение, само по себе стало рассматриваться как святыня и

простой ум в недоумении вопрошал еще в XII в. «нестьли в том греха, аже по грамотам ходити ногами, аже кто изрезав помечеть, а слова будуть знати!» [189] Понятно, что при таком умствовании невозможны были никакие списки песен и всяких других памятников народной речи.

Осужденные проклятию, отверженные для писаного слова, эти песни все больше и больше замирали, исчезали, а с тем вместе понижалась и творческая поэтическая сила народа. Чрез два-три столетия эта сила уже не была способна достойным образом воспеть великие события народной жизни и, изображала напр. Мамаево побоище, обращалась за поэтическим образом, как и за поэтической речью все к тем же старым песенным словесам. Таково было влияние старой книжности, таковы были последствия ее учений. Общество было лишено литературного своенародного развития, сильные проблески которого, так заметны даже в летописи XI и XII столетий, когда аскетическая идея еще только начинала свой подвиг. После того, с распространением господства этой идеи и летопись постепен-

но понижает свой независимый голос, теряет самостоятельность летописи, как повести времен и лет, и становится лишь орудием поучения, средством прославлять и оправдывать дела Божии, как и дела государевы; поэтому становится или поучительным словом (Степенная книга) или дьячьим изложением дела (летописи XV и XVI ст.)» Таким образом и литературная производительность общества сохраняет только эти две формы словесного творчества, поучение, в виде слова, сказания, жития, что все равно; или юридический акт, дьячью записку из дела. Песня — повесть, былина, старина, а тем более сказка и простая песня являются недостойными писаного слова, потому что возвращаются уже в презренной среде бесовских угодников. Недостойными являются и все виды мирских веселостей, обыкновенно всегда сопровождаемые песенным же поэтическим словом. Степенный старческий чин жизни утверждает и оправдывает лишь одно веселье, предпоставленную трапезу, мерное питье, и разумеется строго и беспощадно преследует питье не в меру, пьянственную напасть. Но общество, в

котором были заглушены все умственные и поэтические стремления и инстинкты, у которого были отняты или по крайней мере сильно заподозрены в грехе, все обычные средства веселости, такому обществу совсем не было возможности устоять на мере в единственной узаконненной веселости, в питии. По его понятию именно в пьянстве и заключалось истинное веселие. И в этом оно было совершенно справедливо, ибо что ж другое могло наполнить пустоту его жизни и мысли, украсить его отдых, удовлетворить природной потребности вознаграждать меру труда, мерою удовольствия. Честный пир потому и был честен и весел, что все тут напивались; веселье именно в том и разумелось, чтоб быть пьяным: гости не веселы, след. не пьяны и быть навеселе и теперь даже значит быть умеренно пьяным.

Судя по многочисленным изображениям этого порока, которыми исполнены старинные поучения, веселье тогда уже являлось пьянственной напастью, когда человек допивался, как говорится, до положения риз. «И что есть, братье, скареее пьянчивого! Седит

бо забывый вся и ум си погубле, яка неистов, и не чюется, что творя. Да то ли, братъе, весе-лье и таколи, братъе, в закон и во славу Божию есть?... Не чюя ничто, аки мертв лежит и аще ему что глаголеши, не отвечааетъ... Сли-ны бо в нем согневшесе смрадом воняют, и рыгание, аки скотиное. Помысли убо, како убогая та душа, аки в яме в темне, в теле том грязит. Аще же и возстанет, мнящесе испав-ся, то и еще не здрав есть, облак пьянствен-ный еще мутится ему пред очима и омрачае-ти... Братие трезвы будьте, ибо супостат ваш диявол ищет пьяных, да пожрет. О горе! как пьяным ухорониться, а лежаще, аки мертвы-мъ! А от Бога отбегшим пьянства ради; и удалшимся от Духа Святого, смрада ради пья-ного; а слова Божия неимущим во устех сво-их, гнилия ради пьянственного; ангелу хра-нителю отбегшу пьянства ради и плачущися, а бесом веселящимся о пияницах и радующе-ся, приносят жертву ко дияволу от пияницы. Диявол же радуяся глаголет: яко николи же тако радуюся и веселюся о жертвах поганых человек, якоже о пьянстве христиан; всякие бо дела моего хотения суть во пияницах; мои

суть пьяни, а трезви Божию... Останитесь брания окаянна пьянства. А питие бо законно, и в славу Божию, яко на веселие нам Бог дал. И то в подобно время. Еже бо ни отнюдь не быти, (то) не отреченно есть питие святыми отцы; но сие вещаше: да не упивайтесь в пьянство. Мнози бо невеигласи глаголют, яко то праздник честный есть, да прием и веселимся! Уразумейте и сами безумнии, что сие глаголете, яко оставляете праздники Божия и дияволу угожаете...» Домострой XVI века, изобразивши все не практические и невыгодные стороны пьянственной напасти отмечает: «не реку непити: не буди то! Но реку не упиваться в пьянство злое. Я дара Божия (вина) не похуюлю, но похуюлю тех, которые пьют без воздержания. Сказано: пейте мало вина веселия ради, а не пьянства ради, ибо пьяницы царствия Божия не наследят». Но ради какого же веселья следовало пить? Если в нем самом, в одном только питии содержалось веселье, то где же были эти границы, отделявшие веселье от пьянства? Питие, разумеется, возбуждало к веселости которая и должна была удовлетворяться мирскими средствами веселья.

Питие служило наилучшим украшением всякой трапезы и особенно праздничной; как дар Божий оно благословлялось; оно было веселием, удовольствием телесного чувства. Но таким же веселием, удовольствием нравственного чувства была песня, музыка, пляска, вообще игра, равно как и сказка-небылица, повесть, загадка и т. п., т. е. вообще мирская литература и мирская забава. Положим, что во всем этом в первое время слишком ярко и слишком прямо отражалось древнее язычество; но запрещения, одно за другим следовали и притом еще с большею строгостью даже и в то время, когда и храмы и идолы были разрушены и народ, предаваясь таким веселостям, уже не ведал сам, что творил, а удовлетворял только своей человеческой потребности веселиться после работы. Положим, что эти веселости он нередко сопровождал буйством и грязным развратом; но тем же самым по преимуществу сопровождалось и неумеренное питие; оно-то и было основой всяких неистовств, до которых доходило иной раз мирское веселье. Оставалось оберегать это веселье именно только от пьянственной напа-

сти; оставалось веселью дать тоже место в законе, каким пользовалось собственно питье; т. е. не отрицая мирских веселостей в существе, проклинать лишь их языческие или же вообще грубые, грязно-развратные, буйные формы или виды, наравне с пьянством, как с развратным и грязным видом питья. Отвергая все формы мирской веселости, песню, музыку, пляску, учительная философия должна была особенно помогать распространению в обществе именно одной: только пьянственной напасти. Мирская трапеза начиналась степенным питьем, а оканчивалась всегда неистовым пьянством, по той простой причине, что за отсутствием более тонких форм удовольствия, оно по необходимости становилось единственным исключительным удовольствием и весельем. Таким образом пьянственную напасть, как потребность веселья, могли остановить не обличения, а свободное развитие умственных и эстетических потребностей общества, свободное развитие его поэтического творчества, как особенно в литературе, так и вообще в остальной области искусства. Если человеческое удовольствие, и след.

В обширном понятии вся область поэзии находилась под осуждением и проклятием, то человеку ничего другого не оставалось, как предаваться веселью пьянства, и стало быть предаваться не простому веселью, а именно тем оргиям, которые и подавали главный повод изгонять из общественной среды всякие удовольствия. Духовные интересы были ограничены, тем безграничнее пробуждались инстинкты животные. В этом обнаруживал только свою силу неизменный закон человеческой нравственной природы. Гонения и стеснения привели общество только еще к большему огрубению, низвели его до степени прямого животного, где терялось уже сознание о нравственном и безнравственном и где разврат происходил не столько от развращения нрава, сколько из потери этого сознания. По такой же неизменности и неразрушимости законов общественной жизни все усердные поучения об изгнании из человеческого мира прирожденных ему общественных утех и удовольствий, все беспощадные их обличения, даже все правительственные меры, время от времени поднимаемые против народ-

ных увеселений, оказались бессильными. Многие, действительно, угасло, исчезло, многое исказилось, потеряло всякий смысл не только языческий, но даже и поэтический; но многое оставалось еще в первобытной свежести даже в дни петровской реформы, и сохранилось до нашего времени, хотя и в обломках.

* * *

Мы знаем, что в домашнем быту государева дворца с большим усердием читались все сказанные поучения; знаем также, что церковный и особенно иноческий чин не переставал обличать всякие мирские игрища и веселости и постоянно увещевал беречися пустошных бесед и смехотворения неподобного, плясания, скакания, гудения, песен бесовских, скоморохов с их делами, вообще всяких мирских забав, к числу которых, как мы видели, относились даже шахматы и шашки; знаем, что иной раз и сам государь принимал благочестивое решение истребить в народе это дьявольское угодие и посылал по государству строгие указы, подвергал ослушников наказаниям и пеням. Однако ж мирская

жизнь брала свое и самый дворец, — представитель лучших, правильных и чистых нравов по Бозе, оставался в этом отношении таким же, как и весь народ, обыкновенным мирянином, привязанным к своим стародавним забавам и утехам. Строго и точно исполняя уставы Домостроя в отношении келейного и церковного правила, молитвы, милостыни, особого благоговейного усердия к церкви, особого почитания ее служителей и всякого рода «богомольцов», — жизнь государева дворца, как жизнь мирская, не в силах была вовсе удалиться от мирских обычаев и в отношении забав и увеселений большею частью уклонялась от увещаний того же Домостроя. Во дворце мирские утехы были так обычны и принадлежали к таким постоянным потребностям жизни, что были устроены даже в особое отделение с именем Потешной Палаты и с целым обществом разного рода потешников. Во дворце, как видели, устраивались обычные народные игры, напр. качели на святой и горы на маслянице; во дворце постоянно играли в шахматы и шашки, тавлеи, саки, бирки, а также и в карты. Это были собственно

домашние утехы. Не говорим о потехах государевых, о выезджих полях, т. е. о соколиной и псовой охоте, о медвежьем поле и медвежьей травле. Государева охота была искони устроена в особое ведомство, главный чин которого, ловчий, бывал всегда в особом приближении у государя. Во дворце по видимому вовсе и не думали, что все это было отречено и проклято отеческими поучениями, ибо для изготовления напр. шахматной игры при дворце жили на жалованьи особые мастера токари, которые так и назывались шахматниками, и только то и делали, что работали шахматы и другие подобные игры. Есть свидетельство, что «треклятые» органные гласы раздавались из дворца перед лицом всенародного множества. Англичанин Горсей рассказывает, что когда он привез царю Федору Ивановичу и Борису Годунову различные подарки, и в том числе органы, клавикорды (а с ними и музыкантов), то царица Ирина Федоровна, рассматривая эти дары особенно была поражена наружностью органов и клавикордов, которые были раззолочены и украшены финифтью и восхищалась гармониею звуков

этих музыкальных орудий, никогда ею невиданных и неслыханных. Тысячи народа толпились около дворца, чтобы их послушать». Органы однако ж в московском дворце не были такою редкостью, как можно было бы заключить из слов Горсея. Мы видели (т. I, стр. 173), что часы с музыкою в XVI ст. уже украшали этот дворец, и забавляли царское семейство своею чудною игрою. В отношении же органов упомянем, что еще при Иване III, в 1490 г. в Москву вызван был в числе прочих художников и *органный игрец* каплан белых чернецов Августинова закона Иван Спаситель [190]. Если необходим был органный игрец, то само собою разумеется, что органы уже стояли во дворце, или же быть может в то же время были привезены вместе с игрецом.

Об органах и других музыкальных инструментах, составлявших принадлежность царской Потешной Палаты, мы будем говорить после, а теперь перейдем к обозрению утех комнатных и так сказать кабинетных.

Самым видным, наиболее выдающимся предметом комнатной забавы был дурак,

шут. Это был, если можно так выразиться, источник постоянного спектакля, постоянной вседневной утехы для всех комнатных дворцовых людей. Писание обозначало эту сторону домашних увеселений именем глумления, кощунания, шпильманской мудрости, а самых дураков и шутов обозначало шпильманами, глумотворцами, смехотворцами, сквернословцами и т. п. именами. Таким образом штатная обязанность дурака заключалась в том, чтобы возбуждать веселость, смех. Он достигал этой цели или пошлыми, или острыми, слишком умными или слишком глупыми, но всегда необычайными словами и такими же поступками. Конечно, самый грязный цинизм здесь не только был уместен, но и заслуживал общего одобрения. В этом, как нельзя лучше обрисовывались вкусы общежития, представлявшего с лицевой стороны благочестивую степенность и чинность, постническую выработку поведения, а внутри исполненного неудержимых побуждений животного чувства, затем, что велико было в этом общежитии понижение мысли, а с нею и всех изящных, поэтических и эстетических ин-

стинктов. Циническое и скандалёзное нравилось, и очень нравилось, потому, что духовное чувство совсем не было воспитано, а было только связано как ребенок пеленками, разными, чисто внешними, механическими *правилами* и запрещениями, которые скорее всего служили лишь прямыми указателями на сладость греха, т. е. в собственном смысле на сладость свободных отношений человека к своей природе. Постнический облик общезжития с девической застенчивостью, но с большею радостью готов был выслушивать все, что потаенно от него сохранялось, лишь бы обличение этого потаенного происходило из уст человека, в некотором смысле потерянного, лишь бы сохранялась таким образом стройность постнического порядка жизни, ибо потерянный для этого порядка человек, никак не мог, конечно, служить его разорителем. На то и существовал в доме дурак, чтобы олицетворять дурацкие, а в сущности вольные движения жизни, или вообще волю, свободу, независимость жизни; чтобы ровную, однообразную при том постнически однообразную домашнюю жизнь выбивать из ее тес-

ной колея, из ее постнической неволи.

Необходимость в домашнем дураке являлась сама собою, именно по той причине, что жизнь общества уже слишком стеснилась, окрепла, одеревенела от этого многого *правила*, слишком одомостроилась, так что дурак, в иносказательном смысле, был как бы проводником свободного, свежего воздуха в спертую и удушливую атмосферу повседневного быта, замкнутого всевозможными уставами и правилами. Это был естественный продукт умственного и нравственного застоя жизни. Как скоро жизнь стала освобождаться, выходить на волю, то постепенно стали уходить со сцены и дураки; и теперь трудно даже и представить себе, что такое был дурак на самом деде?

Должно полагать, что одни из них бывали в действительности идиоты, умственные уроды, помешанные, безумные, содержимые в домах как редкость, как игра природы, *забавная* наравне с карликами, говорящими попугаями или арапами, обезьянами и разными другими чудами и дивами, каких не всякий видал. Понятий о чудовищном унижении в этом случае человеческого достоинства, в ста-

ром обществе не существовало. На это не указывали и поучения домостроев, отвергавшие только формы безнравственной жизни, а не самые ее корни, т. е. извращенные, бесчеловечные идеи. Человек урод, как невиданный зверок, становился посмешищем для обыкновенного человека, становился его забавою, игрушкою. Брюин, замечая вообще о наших допетровских увеселениях говорит между прочим, что «Русские веселятся с каким-то зверским довольством зрелищем людей: умалишенных и разных калек и уродов, особенно когда оные находятся в опьянелом положении» [191].

С таким же значением, как умственный урод, особенно ценился и дурак-шут, умный остряк, замысловатый глумотворец и смехотворец. Он носил имя дурака потому, что всякое глумление, смехотворение вообще признавалось степенным и чинным обществом чем-то в роде ребячества и глупости, потому что своими словами и делами он слишком уродливо выдвигался из умного уровня на каком стояла тогдашняя порядочность поведения. В этом отношении и очень умные, как и

очень глупые слова и дела имели равный смысл дурачества, почему всегда и прощались как дурачество, на которое не стоило обращать умного, рассудительного внимания. Дурак, как и юродивый становились иной раз суровыми и неумолимыми обличителями лжи, коварства, лицемерия и всяких других личных и общественных пороков, над которыми они издевались с полным и самым свободным цинизмом, находя всегдашнее оправдание для своих бесцензурных действий в том же уродливом смысле своей жизненной роли. Это была сатира, комедия, та сторона литературы, которая в развивающемся обществе составляет прирожденную силу и за неимением письменности, печатного слова, обнаруживает свои стремления устным словом, сценическим и циническим представлением, а в обычном смысле дурачеством, ибо, как мы заметили, все смешное и комическое было делом одних только дураков. Таким образом другой разряд дураков, именно дураки-шуты, бывали вообще люди не глупые, что подтверждают даже и исторические свидетельства. *Шут Гаврила*, в 1537 г., сумел спасти

себя от московской государевой опалы, изменив своему личному государю, удельному старицкому князю Андрею Ивановичу. Он бежал от него в Москву в то время, как несчастный князь должен был попасть в московские сети и окончить свой век «в нуже страдальческою смертью». Шут спасал свою жизнь и верно понял, что дело его князя было проиграно безвозвратно [192]. — Из этого свидетельства мы видим, что в начале XVI ст. шуты принадлежат к необходимым домашним людям.

Манштейн, описывая придворный быт императрицы Анны Ивановны, замечает между прочим, что «по древнейшему в России установленному обычаю, каждый частный человек, получающий хорошие доходы имел при себе по крайней мере одного шута. Из сего можно судить, что в них не было недостатка и при дворе», т. е. еще к началу XVIII ст., ибо в это время старая русская жизнь держалась еще очень крепко и была только снаружи заставлена разными немецкими декорациями, так что Анна Ивановна по своему воспитанию, образованию и особенно по своим вку-

сам вполне принадлежит не XVIII, а XVII столетию и в этом отношении XVIII ст., в смысле новой эпохи, должно начинаться собственно с Елисаветы Петровны. По той же причине и Петр I, как говорит Манштейн, отменно жаловал шутов; при нем часто их бывало человек до 12 и более. Петр был родной сын и прямой наследник XVII ст., а потому и нельзя, чтобы в его нравственных чертах не сохранилось родового сходства со своим родителем; к тому же шуты и всякое шутовство ему очень были нужны не столько по домашним, сколько по политическим причинам. С ними вместе он вел борьбу со старым порядком жизни, публично его осмеивал, составлял на него целые сатирические спектакли...

Шутов и шутовство особенно также любил и царь Иван Васильевич Грозный. Одной из главных утех его, говорит Карамзин, были многочисленные шуты, коим надлежало смешить царя прежде и после убийств и которые иногда платили жизнью за острое слово. Между ними славился князь Осип Гвоздев, имея знатный сан придворный. Однажды, недовольный какою-то шуткою, царь вылил

на него мису горячих щей; бедный смехотворец вопил, хотел бежать: Иоанн ударил его ножом — обливаясь кровью, Гвоздев упал без памяти. Немедленно призвали доктора Арнольфа. Исцели слугу моего доброго, сказал царь: «я поиграл с ним неосторожно». «Так неосторожно (отвечал АрнольФ), что разве Бог и твое царское величество может воскресить умершего: в нем уже нет дыхания». Царь махнул рукою, назвал мертвого шута псом и продолжал веселиться». В сопровождении шутов царь делал даже церемониальные поезды. Один итальянец, бывший в Москве в 1570 г., рассказывает между прочим: «царь въезжал при нас в Москву... впереди ехали 3000 стрельцов, за стрельцами шут его на быке, а другой в золотой одежде, затем сам государь»... Однажды, издеваясь над поляками в лицо их посольству, он схватил соболью шапку с одного из их дворян, надел ее на своего шута и заставил его кланяться по-польски. Когда тот отвечал, что не умеет, то царь стал учить его, сам кланялся и смеялся. Быть может особенное расположение Грозного к шутам и шутовству условливалось отчасти, по-

добно как и при Петре, причинами замаскированной борьбы с положениями своего времени или с своими личными врагами. Так, он заставил везти к Москве собранных в Новгородской области медведей одного опального архимандрита [193].

На пирах Грозного являлись шутниками и его любимцы из опричников — дворян, каков был, напр., Василий Грязной. Когда, в 1572 г., он, вблизи Крыма, на степном разъезде, взят был в плен и писал о том государю, царь отвечал ему: «что писал еси, что по грехам взяли тебя в полон: ино было, Васюшка, без пути серед крымских улусов не заезжати; а уж заехано, ино было не по объездному спати. Ты чаял, что в объезд приехал с собаками за зайцы,... али ты чаял, что таковож в Крыму, как у меня, стоячи за кушаньем, шутити? Крымцы так не спят, как вы, да вас дрочон (неженок) умеют ловити... А что сказываешься великой (знатный) человек, ино что по грехом моим учинилось, и нам того как утаити. — Что отца нашего и наши бояре нам учили изменяти, и мы вас страдников приближали, хотячи от вас службы и правды. А помянул бы ты свое

величество и отца своего в Олексине: ино таковы и в станицах езживали; а ты в станице у Пенинского был, мало что не в охотниках с собаками... И мы того незапираемся, что ты у нас в приближенье был, и мы для приближенья твоего тысячи две рублей дадим; а доселева такие по 50 рублей бывали». В своем ответе Грязной писал между прочим, что «заец не кусит ни одной собаки, а он укусил 6 человек до смерти да 22 ранил; что было в Крыму собак изменников, он всех перекусан и т. д. Да еще хочу у Владыки Христа нашего, чтоб шутить за столом у тебя (т. е. возвратиться в Москву). Мы холопы Бога молим, чтоб нам за Бога и за тебя голова положить, то наша и надежда... А яз холоп твой не у браги увечья добыл, не с печи убился».

Вообще такой шутливый, сатирический тон и такие шутливые разговоры были, кажется, характерною чертою в письмах Грозного, а след. и в его отношениях к окружающим. Припомним его переписку с Шведским королем, его послание в Кириллов монастырь... Очень естественно, что шуты при нем были в большом ходу.

Сын его, царь Федор, также всегда забавлялся шутами и карликами, мужского и женского пола, которые кувыркались перед ним и пели песни. Маскевич говорит, что вообще шуты представляли самую обычную утеху для наших предков, увеселяли их плясками, кривляясь, как скоморохи на канате, и песнями, большею частью весьма бесстыдными. Даже Тушинский царик имел при себе шута, Петра Киселева, с которым и побежал потом из Тушина.

Молодого царя Михаила Федоровича, в первое время (с 1613 г.) потешал *дурак Мосяга*, также Мосей (Моисей), а в хоромах у матери царя, великой старицы иноки Марфы Ивановны, в Вознесенском монастыре, жила *дура Жанка* (Марья). В 1616 г. марта 28, *пятнацать* человек портных шили целый день «государевым потешникам» дураку Мосею однорядку в покромах, а дуре Манке летник в сорочках [194]. Должно полагать, что эта одежда готовилась наспех, быть может ко дню Светлого Воскресенья, которое в том году приходилось 31 марта. В 1618 г. апр. 4, след. также к Светлому Дню (5 апр.) государь пожа-

ловал дураку Мосею однорядку суконную в разных цветах, с мишурным кованым кружевом, с шелковыми завязками и образцами (род запон с петлями); кафтан суконный из остатков разными цветы с такими же образцами и кружевом и с оловянными пуговицами; а дурке Манке дано государева жалованья шубка киндячная в трех цветах с оловянными пуговицами. В 1622 г. марта 18, дурке сшита шапка из червчатой камки с мишурным кружевом. В 1624 г. сент. 15 скроен летник в жоетых дорогах гилянских с бархательными вошвами и с бобровою опушкою. В 1627 г. июня 9 дурке Манке сшит опашень в два цвета, из червчатого и желтого сукна, с мишурным кружевом и оловянными пуговицами и к нему ожерелье накладное — медведок молодой.

В 1620 г. в товарищи к дураку Мосяге прибыл новый дурак Симонка, которому 12 июля государь велел сшить кафтан — терлик. Затем в 1624 г. прибыли еще два дурака, Исачка и Ивашка. В 1628 г. у государя является еще новый дурак Семейка. В 1634 г. упоминается дурак *Шамыра*, а в 1636 г. появляется еще ду-

рак Сергей. Шамыра быть может только прозвище того же Сергея или одного из упомянутых прежде.

Обыкновенный, можно сказать мундирный, наряд всех этих царских дураков был следующий: однорядка татарского покроя, из червленного (красного) сукна с татарскими завязками, кафтан крашенинный лазаревый, опояска из покроми червленного или зеленого сукна; шапка черкасская (малороссийская) суконная зеленая с лисьим околом, или колпак валеный с нашивкою; сапоги красные, телятинные, белье — рубашка и порты холщевые. Такой наряд по большей части они получали к Святой. Спали на войлоках, одевались бараньими (овчинными) одевальными шубами.

Иногда кому либо из дураков шилось и более богатое платье в других цветах. Так в 1629 г. июня 16 государь приказал сшить дураку Ивашку однорядку — сукно аглинское вишнево, кафтан — дороги гилянские желты, на хлопчатой бумаге с атласным лазоревым золотным ожерельем, фerezи из лазоревого киндяку, шапку — сукно багрец с собольею

опушкою. В 1636 г. апр. 16, государь приказад
сшить трем дуракам Симону, Исаку, Сергею
по однорядке, одна брусничная, другая рудо-
желтая, третья серебряной цвет, с кружевами
и завязками татарскими; кафтаны крашенин-
ные, сапоги телятинные. По случаю какой ли-
бо особой потехи, в которой должны были
участвовать и дураки, им шилось и особое
платье, изготовлением которого занимался
уже главный потешник в Потешной Палате
немчин Иван Сеженов. В 1634 г. дек. 11 для го-
сударевы потехи дуракам на платье было от-
пущено этому потешнику 10 арш. сукна
аглинского червленного да 5 арш. зеленого.
Разные мелочные предметы их наряда и вооб-
ще их содержания, большею частью покупа-
лись в городских рядах. В 1634 г. в ноябре ду-
рак Шамыра женился; свадьбу играли в селе
Рубцове-Покровском и без сомнения не без
особых потешных затей. Мы знаем только,
что ноября 2, в Рубцово на дуракову Шамыри-
ну свадьбу послано из царицыной казны 6 по-
лотен тройных гладких да 3 полотна твер-
ских, а ноября 6 ему с невестою куплены в се-
ребряном ряду крест серебряной золоченый,

да 2 перстня серебряных, один ручками, за все рубль; а в селе Рубцове куплено свеч на свадьбу на 4 ал. 2 д.

Судя по одному известью, дураки царя Михаила Фед. принадлежали к разряду идиотов. Так в 1632 году 25 марта, в неделю цветную, по государеву именному приказу эти дураки была отведены в монастыри, на страстную неделю поститься: в Богоявленский монастырь, что у дворца (Троицкое подворье) — дурак Мосейка; в Афонасьевский монастырь, что у Фроловских ворот (Кирилловское подворье), дураки Исак да Симанко. Такая забота, вероятно, была бы излишнею в отношении дурака-шута.

В хоромах царицы Евдокеи Лукьяновны жили для потехи дурки: Орька (Орютка, Оринка), Дунька-татарка, Дунька-немка, Палагейка, которую в 1640 г. привез из Пскова окольничий Василий Ив. Стрешнев; Манка (Марья) девка и еще Манка *шутиха* слепая баба. Эта последняя была взята в хоромы царицы в 1632 г. у боярина кн. Ив. Борис. Черкасского. В том году апрел. 28 ей куплен в рядах следующий наряд: шапка женская камчатная

лазоревая с пухом (окололом); опашень вдовской черной суконный, телогрея киндячная лазоревая на зайцах; сапоги женские барановые красные, всего на 5 руб. 24 ал. 2 д. В 1634 г. апр. 29 ей сделана потешная шапка из червчатой да из желтой камки с бобровым окоюм. Июля 16 куплена ей шляпа валяная белая. В 1636 г. марта 31, этой *шутихе*, жонке Манке *слепой*, сделан сарафан крашенинный лазоревой, да сукня из червленого сукна с шелковою нашивкою и с оловянными пуговицами. Октября 29 куплено ей на наряд 16 нитей бисеру белого, причем в записке она названа *дуркою*. Ноября 12 куплено еще 6 нитей белого бисеру и два листа меди *шумихи* на потешную кпку, на низанье. Наконец в 1637 г. марта 10 эта баба слепая была отправлена в подмосковное село Ильинское с царицыным боярским сыном, причем заплачено за провоз 10 алт. Дурка Палагейка также оставалась не долго в хоромах царицы. Постоянно потешали царицу только четыре дурки: Манка, Орька и две Дуньки, татарка и немка. В разное время, смотря по надобности, им изготовлялись различные предметы их обыкновенной одежды

из царицыной казны: тафья, треухи, телогреи, сарафаны, сапоги барановые, телятинные, козловые, большею частью красные, иногда зеленые, такие же башмаки и т. п.

У царевны Ирины была также дурка Катеринка (1643–1654 г.). В 1643 г. мая 12 ей куплена за 11 алт. женская *сорока* шитая золотом.

К числу придворных дурок мы можем отнести и старицу Марфу уродливую, которая жила в Вознесенском монастыре и также называлась иногда и дуркою. Вероятно она бывала часто и во дворце. По крайней мере из дворца наравне со всеми другими подобными лицами, она получала свою одежду и все содержание. В записках ее имя появляется с 1624 г. В этом году, сент. 15, ей скроена шуба теплая из немецкой черной тафты на бельем меху с бобровою опушкою; в 1629 г. апр. 4 ей сшита ряска из немецкой таусинной камки; 1630 г. окт. 31 сделана шуба крашенинная лазоревая на заячьем меху с бобровою опушкою; в 1631 г. мая 31 ей сделан сарафан крашенинный лазоревый; июля 18, наметка чернеческая; ноября 8 опять сарафан крашенинный лазоревый; дек. 24 в монатейном ряду

куплен опостольник старицкой. Смотра по надобности подобные предметы ее наряда в разное время изготовлялись во дворце им покупались в городских рядах. В 1640 г. генв. 19 старица Марфа уродливая скончалась; на поминаение по ней царица раздала в церкви, богадельни и нищим 100 р.

О шутах и дураках, состоявших при дворе царя Алексея Мих., нанш сведения очень скудны. Можно полагать, что дурацкие потехи при благочестивой царице Марье Ильичне если не были совсем оставлены, то стояли далеко на заднем плане. У государевой сестры царевны Ирины Мих. жила еще в это время дурка Катеринка. У царицы Натальи Кирилловны встречаем в 1674 г. двух дур девок Аксинью и Авдотью, которым 24 июня скроены две телогреи да летник из выбойки на холстинной подкладке, с бобровою опушкою: у летника вошвы камка китайская — змеи; выбойки и холстины пошло по 50 арш. При царе Федоре Ал. в 1679 г. дураки Петр и Семен живут у верховых богомольцев. В том же году в декабре взят был во дворец из Переяславля новый дурак, Федор, который вероятно тоже

помещен был у верховых нищих. В 1682 г. упоминается дурак Тарас, которому генв. 8 сделан кафтан суконный на овчине и прочее платье.

При Петре, в 1700 г., в дворцовом штате состояли два шута, Яков Тургенев и Филат Шанский, получавшие жалованья по 50 р. У императрицы Анны Ивановны было шесть шутов, два иностранца Коста и Педрилло и четверо русских, князь Голицын, князь Волконский, Апраксин и Балакирев. «Способ, как государыня забавлялась сими людьми, говорит Манштейн, был чрезвычайно странен. Иногда она приказывала им всем становится к стене, кроме одного, который бил их по поджилкам и чрез то принуждал их упасть на землю (Это было представление старинного правежа). Часто заставляли их производить между собою драку и они таскали друг друга за волосы и царапались даже до крови. Государыня и весь ее двор, утешаясь сим зрелищем, помирили со смеху». Как памятен в этих забавах еще древний, допетровский век русской жизни! И эти шуты, хотя и не глупые люди, носят в своей роли все тот же принадлежащий им

по штату смысл дураков-идиотов. Манштейн рассказывает, что Педрилло собрал 10 т. рублей посредством следующего дурацкого спектакля. Однажды Бирон шутя обозвал его, что он женат на козе. Шут воспользовался шуткою временщика, подтвердил ее и объявил, что как скоро его жена разрешится от бремени, то он осмеливается просить императрицу со всем двором в гостя к нему на родины, в надежде, что высокие гости по старому русскому обычаю не придут к родильнице с пустыми руками и будут класть что либо на зубок для новорожденного и он таким образом соберет денежную сумму, необходимую для воспитания ребенка. В назначенный день кладут его на театре в постель с козою. Занавес поднимается и спектакль начался тем, что первая же императрица поднесла ему родинный подарок и сама назначила сколько каждый из придворных должен был дать шутовской родильнице. Такие или подобные домашние спектакли разыгрывались, без сомнения, и в допетровском придворном быту. Свадьба дурака Шамыры при Михаиле Фед. необходимо происходила со всеми порядками

и обрядами, со всем свадебным чином, какой по старому Домострою требовалось выполнять. Таким образом петровские шутовские свадьбы шутов Тургенева, Шанского и князь-пап, Зотова и Бутурлина, равно как и свадьба шута Голицына или, как его обыкновенно звали, князь Кваснина, происходившая при Анне Ивановне в Ледяном доме, не были изобретением только петровского времени, а представляли обычное старинное шутовское увеселение, облакавшее в смех свои же обычные старинные порядки и разные чины жизни.

Вообще должно заметить, что шутовство, ирония, сатира, комическое или карикатурное представление всего чинного, степенного и важного в жизни, составляли в нашем допетровском обществе как бы особую стихию веселости. Но, разумеется, этот старый допетровский смех над жизнью не заключал в себе никакой высшей цели и высшей идеи. Он являлся простым кощунным смехом над теми или другими порядками и правилами быта, являлся простою игрою тогдашнего ума, воспитанного во всяком отрицании и потому во-

обще ума кощунного. Никакого чистого идеала впереди у него не было; никакой борьбы во имя такого идеала он не проводил. Это было на самом деле наивное, бессознательное, или же отчасти лукавое глумление жизни, выражавшее лишь другую крайнюю сторону того же, глубокого и широкого ее отрицания, на котором духовно она развивалась в течение столетий. Вот почему кощунное шутовство так было любимо нашим старым обществом и представляло в его удовольствиях такую потребную и совершенно неизбежную статью веселости. Когда многовековое отрицание, на котором росла наша старая умственная и нравственная культура, выразилось под конец в силу неотразимых законов жизненной последовательности беспощадным и всесторонним петровским отрицанием самой этой культуры, когда впереди указаны были новые идеалы жизни, тогда и старый *дурацкий* смех тотчас же получил смысл, даже политический, и сослужил преобразователю великую службу в перестановке на новую всей старой выработки понятий и представлений общества. При Петре в глубине

этого смеха уже лежали идеи преобразования, идеи борьбы с ветхими порядками. Сознательная мысль этого петровского смеха вскоре переходит к соответственной литературной форме, к сатире драматической и дидактической (интерлюдия, интермедия, сатиры Кантемира), т. е. обнаруживает стремление возвести его на степень художественного создания. Но за то во дворце Анны Ивановны шутовской смех является запоздалым гостем XVII ст. и обнаруживает только особенную живучесть старых начал и старых порядков быта, всегда очень медленно принимающего в себя новые идеи.

Само собою разумеется, что народное слово, если б пользовалось в письменности теми же правами, как и книжное слово, должно было оставить нам довольно значительную литературу по этому отделу старинного шутовства и всякого глумления, т. е. вообще по отделу вольного смеха, не стесненного никакою предвзятою поучительною или моральною указкою, который от простой души смеялся над умными делами жизни, облакая их в шутовской дурацкий наряд. Богатство такой

литературы условливалось особенною склонностью к иронии, к шутовству всего нашего старого общества. Нет сомнения, что случайно уцелевшие обрывки этой литературы представляют весьма малую долю того, что устно, частью письменно и даже печатно ходило в народе.

Из числа сохранившихся памятников, мы можем отделить целый особый их разряд, который будет свидетельствовать об особенной склонности допетровского общества к шутливым речам и к шутливым изображениям разных положений старой жизни. К этому разряду мы отнесли бы все лубочные картинки с шутовскими речами и шутовскими изображениями. Они очень знаменательны в том смысле, что в них народная письменность сама собою добралась до печатного слова и могла бы заявить себя множеством своеобразных произведений, если бы и на этом пути не встретилась с запрещениями и гонениями, которые ее преследовали, начиная от патриарха Иоакима, запретившего продавать листы с иконными изображениями, и оканчивая нашими днями, когда в Москве были уничтоже-

ны ее последние печатные доски до распоряжению гражданской власти. Между тем в половине XVII ст., по свидетельству Кильбургера, лубочные картины или *листы деревянной печати* печатались свободно и в большом количестве, и в Москве, и в Киеве. Известно, что такими картинками украшались стены и в дворцовых покоях и в хоромаш у частных людей. Продавались они в Москве в первой половине XVII ст. в Овощном ряду, а в конце XVII и в начале XVIII ст. на Спасском мосту, у Спасских кремлевских ворот, след. на самом бойком месте по многолюдству, по цене всем доступной, по деньге, по копейке и по 2 копейки.

Эти листы сделались теперь величайшею редкостью [195]. Принадлежащие им тексты нередко заключают в себе именно тот дух наивного и беззастенчивого шутовства, не всегда удобного для печати, которым должен был отличаться народный невоспитанный смех в старое время. Он в выборе предметов для своих изображений, мало стеснялся какими либо рамками дозволенного или приличного ж подвергал глумлению всякий предмет,

доставлявший необходимую пищу его остроумию. Таковы, напр. его глумотворные статьи: Список с челобитной Калязина монастыря, хождение Савы Большой Славы, со смешным икосом; Повесть, а также и Сказание о куре и лисице и т. д.

Необходимую формую для шутовской или сатирической литературы служила всегда *вирша* или рифма, так что шутить, острить значило между прочим и то, чтобы подбирать в своей речи пригожий склад или пригожую рифму. Древнейшим нашим стихотворцем и сатириком мы по всей справедливости должны признавать князя Ивана Хворостинина, который в начале XVII ст. прославился своим еретичеством, а быть может главным образом своими «многими укоризнами и хульными словами в письмах про всяких людей Московского государства», тем особенно, «что гордостью и безмерством своим в разуме себе в версту не поставил никого и тем своим бездельным мнением и гордостью всех людей московского государства и *родителей* своих, от кого он родился, обесчестил и доложил на всех людей московского государства хулу и

неразумье». Он говорил в разговорах, что будто на Москве людей нет, все люд глупой и жить ему не с кем и хотел, чтоб государь отпустил его в Рим или в Литву... а в книжках *своего слога* писал про всяких людей московского государства многие укоризны, что будто московский народ кланяются святым иконам по подписи, хотя и не прямой образ; а которой образ написан хотя и прямо, а не подписан и тем не кланяются; да московские ж люди *сеют землю рожью, а живут будто все ложью* и приобщенья ему нет с ними никоторого; и составлял иные многие укоризненные слова, *писаны на виршь*: и то знатно, что такие слова говорил и писал гордостью и безмерством своим... У него же в письме было сыскано: написано государево (царя Михаила Фед.) именованье не до достоинству — *деспотом русским, а деспота* слово греческою речью владыка или владетель, а не царь и самодержец; а он, князь Иван, не иноземец, и так было про государское именованье писать не пристойно, т. е. умялять государев титул и государево достоинство, сводить его с недосыгаемой высоты самодержца к простому деспоту,

к простому владельцу.

Вся эта история с князем Хворостининым представляет самую характерную и типическую черту нашей старины, именно в отношении ее понятий о независимом литературном призвании кого-либо из ее современников. Если б Хворостинин находился в звании дурака-шута, старина простила бы ему его литературные грехи. За дерзкое слово он вытерпел бы несколько батогов, его поучили бы тоже каким либо потешным, хотя и жестоким способом, и тем бы все окончилось. Но князь не был шутом, поэтому его сатирические многие укоризны тогдашнему московскому обществу иначе и не могли быть поняты, как изменными ругательными поношениями честных людей. Нет никакого сомнения, что князь лично никого не упоминал, а писал вообще, как истинный сатирик; в противном случае он пострадал бы и по суду за чье-либо бесчестье. Таково было положение литератора в нашем древнем обществе, т. е. положение всякого самостоятельного знания или самостоятельной и независимой мысли. Сатирика, а к тому же еретика, который поколе-

бался мыслию и сомневался в воскресении мертвых, сослал под начал в Кириллов Белозерский монастырь, с крепким наказом, чтоб, кроме церковных, без которых быть нельзя, иных бы книг никаких у него не было, для того, что *«высокоумием вознесся и высокословия возжелав, да не впадет в берег погибели, как и другие самомнителю, о истине погрешившие и самомнением погибшие»*[196].

Как бы ни было, но для нас в настоящем случае любопытно то, что писаное слово на виршь или рифмованное слово было употребительно еще в первые годы XVII ст. Оно-то, по нашему мнению, и составляло главнейшую стихию старинного шутовства, и пользовалось наиболее широкими правами гражданства лишь в устах шутов дураков, в устах потешников, как в царском дворце, так и в боярских хоромах. В обыкновенном быту, т. е. в устах рядового человека, не штатного потешника, смехотворные шутовские речи иной раз приводили к суду и, разумеется, даром с рук не сходили, доставляя хорошие выгоды сутяжникам и всякой приказной строке. Так в 1733 г. в Духовную Дикастерию была по-

дана на Высочайшее имя следующая жалоба служителем лейб-гвардии Преображенского полку капитана поручика Сергея Автам. Головина Алексеем Граниковским. «Сего июня 17 дня настоящего 733 года, писал этот служитель случились быть у меня нижайшего в доме гости, и без призыву моего пришел ко мне в дом мой, церкви Николая чудотворца, что на Хлынове, викарий поп Василей и принес с собою некакую *проказу*, роспись смехотворную, якобы кому надлежит к женитьбе, у которой он поп своею рукою и подписался, и тем при гостях учинил мне нижайшему не малой афронт и безчестье, понеже оные гости вменяли меня нижайшего в непостоянство; а я нижайший о той росписи и не сведом, и где он поп тое роспись взял и кто писал, не знаю только узнал под тою росписью рука его попова, отчего я весьма опасен: а оное неточию б попу, но и мирянину того делать не пристойно: а он поп чинит в том соблазн не малой, а он нижайшему нанес безчестье, а для подлинного бессомнительного разнимательства со оногo смехотворного якобы приданого реэстра, которое за рукою его поповою, при

сем приобщаю точную копию. Всемило-
стейшая Государыня Императрица! прошу Ва-
шего Императорского Величества да повелит
державство Ваше сие мое прошение с приоб-
щением с смехотворного реэстра копию,
приняв, записать, а оного попа, сыскав, в том
реэстре и в безчестьи меня нижайшого, до-
просить и по произведении дела по силе Ва-
шего Императорского Величества указов и
правил Святых Отец учинит ему попу, чему
он будет достоин, а за безчестье мое по Уло-
жению на нем взыскав, отдать мне нижайше-
му, дабы впредь оной поп, ходя по домам, та-
ких проказ и незаконных поступок чинить
перестал».

«Роспись о приданоме: вначале восемь
дворов крестьянских, промеж Лебедяни, на
Старой Резани, недоезжая Казани, где пьяных
вязали, меж неба и земли, поверх леса и во-
ды; да 8 дворов бобыльских, в них полтора че-
ловека с четвертью, 3 человека деловых лю-
дей, 4 человека в бегах, да 2 человека в бедах,
один в тюрьме, а другой в воде; да в тех же
дворех стоит горница о трех углах, над жи-
лым подклетом... третий московской двор за-

городной на Воронцовском поде, позади Тверской дороги. Во оном дворе хоромного строения: два столба вбиты в землю, третьим покрыто... — Да с тех же дворов сходитца на всякой год насыпного хлеба восемь анбаров без задних стен; в одном анбаре 10 окороков капусты, 8 полтей тараканьих да 8 стягов комарьих, 4 пуда каменного масла. Да в тех же дворах сделано: конюшня, в ней 4 журавля стояли, один конь гнед, а шерсти на нем нет, передом сечет, а задом волочет: да 2 кошки дойных, 8 удьев неделаных пчел, а кто меду изопьет — 2 ворона гончих, 8 сафьянов турецких; 2 пустоши поверх лесу и воды. Да с тех же дворов сходится на всякой год всякого запасу по 40 шестов собачьих хвостов, да по 40 кадусшек соленых лягушек, киса штей, да заход сухарей да дубовой чекмень рубцов, да маленькая поточка молочка да овин киселя; а как хозяин станет есть, так не зачем сесть, жена в стол, а муж под стол; жена не ела, а муж не обедал».

«Да о приданом платье: шуба соболья, а другая сомовья, крыто сосновою корою, кора снимана в межень, в Филиппов пост, подымя

хвост. Три опасня сукна мимозеленого, дра-
но по три напасты локоть; да однорядка не
тем цветом, калита вязовых лык, драно на
Брынском лесу, в шестом часу; крашенинные
сапоги, ежевая шапка... 400 зерен зеленого
жемчугу, да ожерелье пристяжное в три мо-
лота стегано, серпуховского дела; 7 кокошник-
ков шитые заяузким золотом... 8 перстней же-
лезных золоченые укладом, каменья в них
лалы, на Неглинной бралы; телогрея мимок-
камчатая, круживо берестеное, 300 искр из
Москвы реки браны... И всего приданого бу-
дет на 300 пусто, на 500 ни кола. А у записи
сидели с Еремей да жених Тимофей, кот да
кошка да и Тимошка, да сторож Филимошка.
А запись писали в серую субботу, в рябой чет-
верток, в соловую пятницу; тому честь и сла-
ва, а попу каравай сала, да обратина пива,
прочитальщику чарка вина, а слушальщикам
бадя меду да 100 рублей в мошну; а которые
добрые люди, сидя при беседе и вышеписан-
ной росписи не слушали тем всем по голов-
не...»

Не смотря на то, что дело относится к тре-
тьему десятилетию XVIII века, эта роспись но-

сит на себе все признаки XVII ст., когда, вероятно, она и была составлена, а в это время ходила уже в списках. Мы приводим ее как более или менее подходящую характеристику шутовских смехотворных речей, какими шуты-дураки потешали некогда своих слушателей. Мы видели, что шутовские статьи являлись на письме и в XVII ст.; но все подобные памятники, не имея делового канцелярского значения, быстро исчезали с самою жизнью старого общества и только немногие из них попали в общий литературный оборот, переходя в какие либо сборники или в разряд листов деревянной печати. Не говорим о литературе скоморохов, которая по особенному свойству своих произведений должна была исчезать постоянно вместе с живым словом этих потешников. Случайно записанные, эти произведения уже в романтическое время нашего века, даже в руках ученых издателей, тоже были отвергнуты за «пренебрежение умеренностью и правилами благопристойности, а также и за насмешливый тон»; как был отвергнут ими и знаменитый стих о голубиной книге, неприличный будто бы до смеше-

нию духовных вещей с простонародным рассказом [197].

* * *

Одною из любимых русских комнатных утех в долгие осенние и зимние вечера и особенно для грядущих ко сну была сказка и по всему вероятно не в специальном ее значении, какое определила ей наука, а вообще в значении всякой повести, как небылицы, так и действительной были, обставленной только поэтическими образами и сказываемой поэтическим словом. Предки очень любили поминать прошлые события, и берегли «память» о делах минувших. Лучшим доказательством и лучшим выражением их любви и уважения к памяти о прошлом служат летописи, разумеется первоначальные, когда народные литературные начала не были еще стеснены односторонними книжными влияниями. С какою заботливостью первые летописцы стараются изобразить не свои личные фантазии и умствования, а самое *дело жизни*; с какою правдою стараются они описать событие, становясь всегда в сторону от своих личных стремлений или тут же их и объяс-

няя, как такое же дело жизни, достойное памяти потомства, с целью восстановить одну правду. Все это обнаруживает здоровое и полное сил литературное направление. Любовь и особое внимание к памяти о минувших делах и людях проходят через всю нашу историю и впоследствии получают только иное направление, когда память о делах людских сменяется памятью о делах Божьих, сказаниями о чудотворениях, о богоугодных людях, о подвижниках жизни иноческой. Письменная литература отдается по преимуществу атому направлению; но зато словесная устная остается верною своему первоначальному призванию и очень долго, даже до наших дней, без средства письма, сохраняет в памяти народа, конечно уже не историческую, летописную, а только поэтическую правду о людях и событиях. Она лучше помнит народных героев и вернее изображает истину их жизни, чем литература письменная, впоследствии совсем утратившая в своих изображениях жизненное чутье, если можно так выразиться. На том основании, что устное слово столь долго и при великом множестве самых неблагопри-

ятных обстоятельств, умело сберечь память о героях народной истории, каковы бы ни были их дела, мы имеем полное и во всех отношениях основательное право заключать, что в то время, когда обстоятельства не были еще столько неблагоприятны, устное слово работало во всей силе и представляло, не смотря на гонения со стороны писаного слова, живую область народного творчества, где русский человек всегда находил истинное удовлетворение эстетическим потребностям своей мысли и чувства. Очень естественно, поэтому, что сказочник, *бахар*, как и *домрачей* и *гусельник* — гуслиар, сменившие древних певцов и баянов, сделались, как теперь книга, домашнею необходимостью, без которой не полна была бы жизнь всякого, кому не чужды были человеческие удовольствия. Их могло вытеснить, как и в действительности вытеснило, только писаное, т. е. печатное слово, и то тогда только, когда с половины XVIII ст. и оно поставило себе целью творчество художественное. У старозаветных людей и в начале нашего столетия бахарь-сказочник бывал еще необходимым членом домашнего препровожд-

дения времени. Таким образом старого бахара, домрачея и гусельника мы должны рассматривать, как представителей художественной литературы, свойственной потребностям и вкусам века. Это были поэты, если и не творцы, за то хранители народного поэтического творчества. Но не можем сказать, что они не были и творцами, ибо есть положительные свидетельства, что народная мысль не только свято хранила поэтическую память о минувшем, но с живостью воспринимала и поэтические образы современных событий. В этом отношении для нас неоценимы песни, записанные у одного англичанина в 1619 г. Они воспевают событие, только что совершившееся в том году, приезд в Москву из плена государева отца Филарета Никитича: они поют смерть недавнего народного героя Скопина Шуйского (1610 г.); они поют участь царевны Ксении Годуновой, участь вполне достойную поэтической памяти; они поют *весновую* службу и набег крымского царя, для береженья от которого назначалась служба и в этом 1619 г. марта 12. Имея в виду эти песни и случайность их записи, мы можем основа-

тельно полагать что это только незначительные крохи того, чем обладало наше старинное песнотворство; что не было события и жизненного народного дела, которое не было бы пропето, прожито не одною материальною нуждою, но и поэтическим чувством; что поэтическое народное чувство было очень впечатлительно и отзывалось на всякий звук жизни, и что, след., в настоящее время собранные нами старинные песни представляют весьма незначительную часть того богатого наследства, какое наш народ скоплял нам в течении веков в своем песенном творчестве. Он до сих пор в устах сохранил напр. песенную память о том, как «царь сослал царицу в монастырь». Эта песня по всему вероятно спета про царицу Евдокию Лопухиных, супругу Петра; но по содержанию, или лучше сказать по поэтическому образу царицыной участи она может быть отнесена и к Соломонии Сабуровых, т. е. почти за 200 лет раньше Петровского времени. Народ пропел и сохранил в устах и горькую участь молодой царицы — вдовы, без сомнения Марфы Матвеевны Апраксиных, едва успевшей вступить в брак

и оставшейся после царя Федора сиротою в 15 летнем возрасте [198].

Стало быть народ никогда не был безучастным свидетелем событий своей истории и не только событий государственных, общенародных, но и государевых, домашних. Именно эти песни о царевне Ксении и о царицах, равно как и о домашних отношениях Грозного, лучше всего и подтверждают ту истину, что народное поэтическое творчество вовсе не было так бедно, как оно представляется теперешнему наблюдателю.

Мы должны много сожалеть о влиянии той аскетской мысли, по которой мирская песня получила значение греха и благочестивое книжное перо не осмеливалось начертить ее на бумаге и передать писанную на память потомству; по которой на том же основании во имя святости и под покровом слов писания, взамен народных песен, распространялись самые темные апокрифические басни, содержавшие в себе действительные ереси, и притом, по происхождению, совсем нам чужие. Записать на бумагу песню еще возможно было в конце XII века, как это сделал тво-

рец Слова о Полку Игоревом, но и он уже, или его позднейший переписчик не посмел назвать этот рассказ прямым именем — песню: он озаглавил его *словом*, т. е. придал ему значение обычной в то время книжно-литературной формы — т. е. слова книжно-учительного, или книжно-повествовательного. В XV, XVI и XVII столетиях писать на бумаге песни, значило кощунствовать, развратничать, прямо обрекать свою душу адской бездне, а свое земное существование вести по меньшей мере под батоги, а за тем *под начал*, т. е. к монастырскому строгому и суровому исправлению: сидеть на цепи, работать всякую трудную монастырскую работу и непрестанно замаливать свой неразумный грех. Страшно было совершить такое преступление особенно потому, что одному греху обыкновенно всегда приписывали и всякие другие грехи, ему сродственные и свойственные. Точно также, как человек не был мыслим без своего рода и всегда и терял и приобретал, возвышался и подвергался опале и гонению за одно с своим родом; так и грех писания, как грех мысли, коль скоро выходил из круга понятий

книжности, тотчас подвергался осуждению и гонению за одно со всем своим родом своевольной или независимой и самостоятельной мысли. Поэтому записанные пустошные речи и песни равнялись еретичеству, неверию, и грамотные тетради не церковного да и не делового содержания были непременно заподозреваемы, как тетради еретические, богопротивные, кощунные: а былины с их мифическими образами прямо бы осуждены были на сожжение. Книжное слово зорко и неустанно берегло свою чистоту и тотчас изгоняло из своей сферы не только памятники явно богомерзкие, но и простую живую народную речь, которая всегда способна была высокую книжную фразу низвести в грязь просторечия, или отверженного шутовства. Вообще старая книжность была нашим строгим и суровым дидаскалом, строгим и суровым классицизмом, который презирал и почитал подлым, низменным и низким все романтическое, т. е. народное, и постоянно стремился изгнать из своей сферы не только дух этого романтизма, но и самые его формы. Вот почему никакой Котошихин и не осмеливался записать ста-

рые наши былины, повести и песни, и никакой боярин, а тем более сам государь не мог и подумать о том, чтобы собрать в книгу народные песнопенья. Вот почему и Слово о Полку Игоревом не могло распространиться в достаточном количестве списков, хотя книжность знала о его существовании и тайком воспользовалась им, сочинив по его образцу и его же речами одно из своих повествований о Донской битве. Должно заметить, что отвергая народное слово, книжность, где было ей нужно, все-таки пользовалась песнями, как необходимым материалом. Она нередко по ним составляла свои летописные статьи, свои исторические повести и сказанья в роде поведания о Мамаевом побоище; она вносила песни в хронографы (напр. песню о Скопине), она по всему вероятно по таким же песням в XVI–XVII ст. составляла свои сказанья о зачале Москвы-города и т. п. Но пользуясь поэтическим материалом от наших древних баянов, от старинных бахарей, домрачеев и гусельников, она только искажала их песни, стирала живые их образы, всегда усердно переделывала их народную складную речь на свое книж-

ное сухое и чопорное слово. Подражая народному поэтическому слову, книжность иной раз доводила свою фантазию до образов неимоверно грубых и чудовищных. Таковы, напр., ее подражания народным загадкам, эти «богословские вопросы и ответы», где, по образцу игривой двусмысленности загадок народного слова, облекались в цинические загадки священные предметы, напр.: Что есть четыре орлы едино яйцо снесли... Что есть вол корову роди... Кто есть внук, рече бабе... Что есть отрок, рече: девица; девица... и т. п. Словом сказать, пригнетение народной поэзии, ее отвержение от писаного слова, низвели и самую книжность до пошлых и цинических литературных приемов, в которых обнаруживалось только всеобщее помрачение ума и всеобщее огрубение и огрязнение чувства. Между тем для народной поэзии, чтобы вывести ее из пределов первобытной непосредственности, и именно из пределов всего грубого, цинического, сального и грязного, для народной поэзии в этом ее положении только и недоставало свободной письменности. Только свободная письменность могла

очистить, возвысить, облагородить народное словесное творчество, поднять его из грубой материальной среды на высоту созданий идеальных, художественных в полном смысле. Писаное слово есть зеркало, в котором народное сознание успело бы поверить себя, высмотреть свои безобразные формы, если бы такие и накопились в нем; успело бы произнести над ними достойное осуждение и выйти на чистый возвышенный путь. Устное слово этого сделать не могло уже по той причине, что оно все-таки жило в загоне и в презрении, как орудие отверженной потехи, а главное потому, что было неуловимо для сознательной проверки и его грехи или цинический разврат всегда теряли общий смысл и оставались грехами и развратом самого сказателя или певца, той личности, которая являлась выразителем этого слова. Для сознательной проверки или критики, для силы очищения от грехов цинизма и разврата в руках народа не было точки опоры, для всех общей точки, какую способна была представить только свободная письменность.

Как бы ни было, но многое нас убеждает,

что в эпоху о которой ведем речь, народная поэзия жила еще довольно полною жизнью и устное поэтическое слово постоянно оглашало и дворцовые палаты, и хоромы бояр, и народные празднества и игрища, что певцы и сказатели были людьми необходимыми в тогдашней и общественной и домашней жизни. Известно, что царь Иван Васильевич не мог даже и засыпать без бахарей. Немцы, описывая его монашескую жизнь в Александровой Слободе, говорят между прочим, что после вечернего богослужения, царь уходил в свою спальню, где его дожидались трое слепых старцев; когда он ложился в постель один из старцев начинал говорить сказки и небылицы и когда уставал, то его сменял другой, и т. д. Царь от того скорее и крепче засыпал. Мы полагаем, что это была общая привычка старинных русских людей и царь Иван Васильевич является в этом отношении только сыном своего века. Он точно также любил и веселых, т. е. скоморохов, любил медвежью травлю и тому подобные удовольствия, которые хотя и были гонимы, но тем не менее представляли обычный репертуар царского и

народного увеселения, до самых дней реформы, а у народа отчасти и до наших дней (медвежья травля). Царь Иван Васильевич собирал веселых и медведей по всей земле. В 1571 г. с этою целью приезжал в Новгород некий Субота Осетр верно царский потешник, и в Новгороде и по всем городам и волостям новгородской области брал на государя веселых людей да и медведи описывал на государя, у кого скажут. Субота занимался этим делом все лето с весны и 21 сентября поехал на подводах к Москве с собранными скоморохами, и медведей повезли с собою на подводах к Москве. — Можно полагать, что и в других областях бывали подобные же сборы скоморохов, в числе которых певцы гусяры непременно занимали самое видное место. Остается не один раз сожалеть, что царские архивы погорели и мы вообще не имеем достаточных подробностей об этой, как и о многих других статьях тогдашнего быта. Встречается известие, что у царя Василья Шуйского был бахарь Иван.

У царя Михаила мы находим те же старые русские комнатные утехи. Его увеселяют ба-

хари, домрачеи, гусельники. В первые года ему *бают басни* бахари Клим Орефин, Петр Сапогов, Богдан Путята или Путятин. Царь каждый год жалует им платье; так 9 февр. 1614 года *государев бахарь* Клим Орефин получил 4 арш. сукна английского зеленого, кафтан *зенденинный* темнозеленый, однорядку *суконную вишневую*. В том же году мая 7 выдано *государева жалованья* другому *государеву бахарю*, Петрушке Тарасьеву Сапогову 4 арш. сукна английского вишневого, кафтан-зендень лазорева, сапоги телятинные, причем и Клим Орефин, названный Орефьевым тоже получил телятинные сапоги. В 1617 г. мая 6 трем бахарям Петрушке, Богдашку и Елимашке пожаловано по 4 арш. сукна *настрафилю лазоревого*, да по 5 арш. сукна *лятчины червчатой*. В 1618 г. апреля 15 государь пожаловал *домрачея* Богдана Путятина да бахарей Петра Сапогова и Клим Орефьева по 4 арш. сукна лазоревого. В 1620 г. апр. 29 такое же жалованье получили бахарь Клим и домрачей Путята; в 1622 г. марта 27 бахарь Богдан Путятин получает опять такое же сукно. Все эти пожалования произведены по

«именному приказу», след. в награду за потешенье.

С бахарями рядом по своему занятию стояли в Потешной Палате домрачеи. Мы видели, что бахарь Богдан Путята отмечен также и домрачеем. По всему вероятно занятия бахаря и домрачея очень часто соединялись в одном лице, ибо бахарь был повествователь, сказочник, а домрачей меннезингер, песельник, воспевавший деянья прежних людей, т. е. былины и старины про богатырей, и вместе с тем и духовные стихи. Домрачеем он назывался по имени музыкального инструмента, на котором подыгрывал свой песенный лад, и который у славян западной Европы употребляется и теперь с именем *момры*; это была *домра*, струнный инструмент, на котором играли пальцами, как на гитаре. Очень вероятно, что это имя мандоры, образовавшееся от перестановки звуков, к которой так расположен русский язык, особенно в отношении слов иностранных, как напр. и из другого слова: маскара, образовалось наше *скоморох* или *скомрах*.

После домрачея Путяты, когда государь в

1626 г. женился, на свадьбе его тешили домраччи Андрюшка Федоров да Васька Степанов. Затем в Потешной Палате являются уже домраччи *слепые*. Так было необходимо, если эти потешники должны были увеселять и молодую царицу, не только в Потешной Палате, но, как вероятно, и в ее хоромах. Что действительно они главным образом воспевали свои песни на царицыной половине, на это указывают награды им от лица государыни и довольно частая выдача им из царицыной казны денег на домерные струны. Так 9 июня 1632 г. царица Евдокия Лукьян. жалует рубль потешнику домрачею Гаврилку слепому, а *слепым игрецам* домраччей Якову (он же Янка, Якуш, Якунка, 1635–1643 г.) Лукьяну Никифорову (он же Лука, Лукаш, 1635–1639 г.), Науму и Петру приказывает в разное время выдавать по гривне и по две гривны на домерные струны. Государь неоднократно жаловал их платьем. Напр. в 1635 г. мая 31 Науму Слепому сделано: однорядка, ферези, кафтан, шапка и сапоги, всего на 7 р. 30 к. Августа 29 такое же платье сшито Слепым Якову и Петру. Такими же певцами народных песен

были *гусельники*. Но неизвестно, находились ли они при дворце постоянно, подобно домрачням, или только призывались временно, как напр. в 1626 г. по случаю царской свадьбы тешили царя гусельники: Уезда и Богдашка Влашеев. В 1629 г. июля 18 государь жалует гусельнику Любиму Иванову полный наряд платья: однорядку, кафтан, фerezи, штаны, шапку, колпак и сапоги всего на 16 р. 38 к., сумма довольно значительная, вдвое большая против такого же жалованья домрачням, которая должна обозначить и меру утехы, какую доставил государю этот гусельник.

К числу *веселых* принадлежали также и *скрыточники*, из которых Богдашка Окатьев, Ивашка Иванов, Онашка да немчин новокрещенный Арманка тешили государя на свадьбе в 1626 г.; но в последующее время сведений об них не встречается и нам неизвестно состояли ли при Потешной Палате музыканты этого рода.

Иногда в Потешной Палате появлялись и другие потешники, о которых неизвестно, чем они забавляли государя. Так в 1638 г. на святках был взят с Тулы крестьянин Иевка

Григорьев, которому дек. 30 сделан суконный лазоревый кафтан.

* * *

Музыка конечно была одною из первых статей государевой домашней комнатной потехи, а особенно на женской половине, увеселения которой ограничивались по преимуществу только домашними утехами. Заморские органы, как и всякие другие, русские, статьи старинных дворцовых увеселений, были по всему вероятно и в то время помещены в одной из дворцовых палат, которая по этой причине и должна была называться *потешною палатою*. Хотя встретившееся нам свидетельство о существовании Потешной Палаты относится ко времени Годунова и Шуйского, однако возможно без ошибки полагать, что она существовала и в начале XVI ст., существовала без всякого сомнения, как отдельное помещение для потех и в более раннее время, если не с названием палаты, то с названием какой либо потешной хоромины. В год вступления на царство Михаила, в 1613 г. ноября 10, устроены были также и *потешные хоромы*, тогда в них было отпущено к четырем дверям

да к семи окнам на обивку красное сукно. В первой половине XVII ст. Потешная Палата занимала несколько отдельных комнат в старом здании дворца, где находилась и царицына Золотая Палата и над которым потом выстроены были каменные покои теремного дворца (т. I, стр. 60, 72, 176), после чего она именовалась иногда *потешным подклетом*, ибо находилась уже в подклетном этаже терема. В этом помещении и сосредоточены были тогда почти все дворцовые комнатные забавы, начиная с органов и оканчивая бахарями, домрачями, карлами и попугаями. Здесь хранилась и всякая потешная утварь и рухлядь, т. е. платье, разные вещи и разные музыкальные и другие потешные стременты. При палате находились особые сторожа, носившие название *потешных сторожей* и получавшие соответственное своей службе жалованье. Она представляла в некотором отношении как бы особое ведомство, к которому принадлежали все потешники и все лица, имевшие во дворце потешное значение. Потешные сторожа были блюстателями и так сказать надзирателями всего этого потешного чина, ибо

через них производились всякие хозяйственные его дела. Главное заведывание над Потешною Палатою принадлежало царскому постельничему, а впоследствии перешло в Приказ Тайных дел, так что в палате и в этом приказе находились одни и те же сторожа, 4 человека.

В XVII ст., с первых же лет царствования Михаила Фед., органы и цымбалы составляли уже необходимую принадлежность дворцовой Потешной Палаты (т. I, стр. 176), при которой находились и постоянные игроки на этих инструментах, цымбальники и органные мастера. Под именем цымбал должно разуместь по всему вероятию старинный немецкий народный инструмент (гакебрет), грубое подражание фортепианам, в роде русских гуслей, с металлическими струнами, на котором играли, ударяя по струнам двумя деревянными; молоточками, обтянутыми сукном. Тем же именем могли обозначаться и клавесины или клавикорды, старинные фортепьяны, так что цымбальник мог обозначать и цимбалиста или пианиста. В 1614 г. цымбальником Потешной Палаты был Томило Михайлов *Бесов*,

которого и самое прозвание указывает, что это был артист своего дела. После него упоминаются цымбальники Мелентий Степанов (1626–1632 г.) и Андрей Андреев (1631 г.). Они, без сомнения, устраивали не одну игру на цымбалах, но заведывали и органною игрою. Органная игра видимо очень нравилась домашнему государеву обществу и потому были приняты меры устроить ее еще лучше, для чего и вызваны были, конечно, немцы. В 1630 г. октября 14 «выехали к государю послужить ремеслом своим органного дела мастера, а главным образом мастера часовых дел Анс Лун да Мелхарт Лун; а привезли они с собою из голандской земли *стремент* на органное дело, и тот они *стремент* на Москве доделали и около того *стремент*а станок сделали с резью и разцветили краскою и золотом; и на том *стременте* сделали соловья и кукушку с их голоса; а как играют те органы и обе птицы поют собою без человеческих рук. За то мудрое дело государь пожаловал им из своей казны 2676 рублей, вероятно по оценке материалов и работы. Но кроме того, когда работа была окончена и государь того их дела смот-

рил и игры слушал дважды, им дано было по сороку соболей да в стола место, т. е. вместо приглашения к царскому столу, корм и питье, что было очень почетною наградою. В 1637 г. Анс или Яган Иун помер, а брат его в 1638 г. был отпущен в свою землю по собственному желанию, при чем ему дано 100 р. денег, сорок соболей в 40 р. и шесть подвод. Государь приказал ему, чтоб он опять возвратился в Москву и вывез бы с собою двух часовых мастеров с условием научить в Москве учеников [199]. Немцы Луневы также выучили к своим органам мастера из московских. Нет никакого сомнения, что эти немцы в течение восьми лет своей службы при царском дворце устроили музыкальную потешную статью самым удовлетворительным образом. Кроме больших органов, которые были сделаны еще в первый год их службы, и стояли, в Грановитой Палате, они вероятно устроили несколько подобных же инструментов в меньшем размере и для Потешной Палаты. Таким образом с этого времени немецкая органная игра является уже не случайною гостьею в царском дворце, а становится вседневною потехою в

домашнем быту государя, служит постоянным увеселением для его семейства, для царицы и для детей и для всех ее комнатных людей. К сожалению ничего нельзя сказать, какие песни разыгрывались на этих органах и были ли поставлены на них и русские песни. Впоследствии органное дело стало обыкновенным делом и для московских дворцовых мастеров, так что государь посылал уже органы, как диковину, в подарок к персидскому шаху. В первый раз органы московской работы были туда посланы в мае 1662 г.; они описаны таким образом: «органы большие в дереве черном немецком с резью о трех голосах, четвертый голос заводной самоигральной; а в них 18 ящичков, а на ящичках и на органах 38 травок (зачеркн. личин медных) позолоченных. У 2 затворов 4 петли (железные) позолочены; 2 замки медные позолоченные. Напереди органов больших и средних и меньших 27 труб оловяных, около труб 2 решетки резные вызолочены; по сторонам орган 2 крыла резные вызолочены; под органами 2 девки стоячие деревянные резные вызолочены; 4 скобы (железные) приемные с пробоя-

ми и с гайками вызолочены; 4 шурупы приемные от голосов (медные) позолочены; поверху органов часы боевые, с лица доска золочена, указ посеребрен; поверху часов яблоко (медное) половина позолочена; круг часов по местам резь вызолочена; 5 ключей железных золоченых; позади (органы) оклеены красным сукном».

Очень понятно, что в царской Потешной Палате музыкальные инструменты, цымбалы, органы и т. п. существовали не для одного лишь гуденья, а представляли необходимую и весьма важную статью и для других разнообразных увеселений. При их посредстве устраивалось вероятно всякое *скомрашное* дело и всякая *смехотворная хитрость* разными *веселыми* людьми или скоморохами в исключительном смысле, как творцами походячих народных спектаклей, начиная с кукольных комедий и оканчивая небольшими сценическими представлениями, какие впоследствии стали обозначаться иноземными именами, интермедий, интерлюдий. Известно, что кукольная комедия и в старину принадлежала к числу потех общенародных, обычных, и нет

сомнения, что ее происхождение относится к очень давним временам. «Вместе с вожатыми медведей, замечает Олеарий, у русских можно встретить и комедиантов, которые, между прочим, представляют разные шутки посредством кукол; для этого устраивают они из холста, обвязанного вокруг тела, род сцены, помещающейся над их головами, на которой куклы представляют разного рода фарсы. С такими подвижными театрами ходят русские комедианты по улицам». Конечно, для царских детей подобные потехи представляли одно из любимейших увеселений, поэтому в Потешной Палате, судя по некоторым, хотя и скудным свидетельствам, шли постоянные представления даже немецких фигляров, балансеров, фокусников и т. и., которые непременно разыгрывали и какие либо действия, арлекинады, небольшие шуточные пьески, на что вообще хитры были странствующие немецкие и польские артисты, стоявшие конечно в этом отношении выше наших скоморохов. Таким артистом был, как кажется, поляк Юшка Проскура, которому в 1626 г. февр. 28, государь приказал сшить особое платье,

бархатную черную чугу с серебряною нашивкою, атласный алый кафтан с золоченою нашивкою и суконные красные (багрецовые) штаны с медными застежками (40 гнезд), всего слишком на 18 руб. — деньги большие и пожалование сделано вероятно за увеселения, какими потешал этот Проскура государев двор во время царской свадьбы (с 5 февраля). Он заведовал органною потехою. В 1629 г. является уже настоящий канатный плясун, потешник немчин Иван Семемов Лодыгин, верно перекрещенец. Июня 16 ему шьют также особое потешничье платье: темно-синюю суконную епанчу и темно-вишневый суконный зипун. Он также состоит при Потешной Палате (более 10 лет) и постоянно увеселяет царское семейство всякими потехами. Время от времени для таких потех он получает из царской казны готовое платье или же весь материал, из которого он сам уже готовил себе костюм, как было надобно. Так в 1630 г. сент. 21 ему сшит юмурлук, особого покроя кафтан, суконный темно-вишневый, ценою около 6 р. В 1632 г. окт. 16 ему изготавливают потешничье немецкое платье: *плащ, ка-*

бат, пукши, роскошно обшитое мишурным кружевом, ценою более 13 р., также сапоги немецкие белые и шляпу черную с мишурною *исткою*. Какими именно потехами он забавлял царское семейство мы не знаем; но не только в дворцовой кремлевской Потешной Палате, — он давал иногда свои представления и в загородных дворцах, именно в любимой тогдашней царской даче, в селе Покровском-Рубцове. Так в 1635 г. мая 29, вместе с таким же потешником немчином Юрьем Воин-Брантом он тешил там государя и шестилетнего царевича Алексея Мих. В том же году и там же (7 сентября) он опять тешил государеву семью всякими потехами. В это время упоминается и еще немчин-потешник *Ермис*, которому выдают (7 мая) для потешного дела 4 арш. тафты виницейки зеленой да аршин тафты рудожелтой и (13 мая) на шитье на немецкое платье шелку зеленого да желтого по 5 зол. По-видимому этот Ермис или Юрмис тот же Юрий Воин-Брант, действовавший на потехе 29 мая. Надо заметить также, что к этому дню сшито было немецкое платье три *юны*, трои *пукши*, три шапки и трем молодым

накрачелям царевича Алексея, которые, след., также действовали на потехе.

В числе упомянутых всяких потех было и танцеванье по канатам. По обычному правилу Московского Двора требовать от каждого заезжего искусника немца, чтобы он выучил учеников своему художеству, и потешник Иван Семенов тоже учил русских людей своей бесовской мудрости. В 1637 г. июня 27 государь пожаловал ему 10 арш. камки двоеличной шелк ал-желт, ценою в 9р., да за сукно деньгами 6 р., «за то что он выучил по канатам ходить и танцевать и всяким потехам, чему он сам умеет, пять человек да по барабанам выучил бить 24 человека». Его ученики *метальники* и *накрачеи* забавляли с тех пор царевича Алексея и находились в его штате. Для потех им тоже изготовлялось немецкое платье, как напр. трем накрачелям, о чем мы сказали выше. В 1638 г. июня 26 царевичевым метальникам Макарку да Ивашку Андреевым сшиты две курты да двои штаны из красного (червленого) сукна, а вместо шапок, *аракчины* (ермолки). тоже из сукна-багреца. В том же году сент. 12 потешникам Ивану Семенову с то-

варищи для государевых потех на потешное платье было отпущено из царской казны 10 арш. камки зеленой мелко-травной, 5 арш. тафты зеленой, 1 арш. тафты рудожелтой, 1 арш. тафты алой, 10 арш. сукна червленого, 5 арш. зеленого, 1 1/2 арш. белого да желтого, и деньгами на 11 1/2 арш. холста, на 10 арш. стамеду, на 156 арш. снурков шелковых, на 36 портищ пуговиц немецких шолковых, на 33 зол. шолку сканого, 9 р. 27 ал. 4 д. Все взял сам потешник Лодыгин, вероятно готовивший в это время какие либо новые увеселения для государя. Должно полагать, что в этих немецких потехах участвовали и женщины, ибо в 1635 г. генваря 9 и 31 по именному приказу царицы Евдокеи Лук. для потехи были сшиты четыре портища немецкого женского платья из коих на два употреблен бархат, тафта, сукно и золотное кружево, а на другие два бархатель, мухояр и мишурное кружево. 31 мая к тому же или уже к другому потешному немецкому платью куплено 37 золотных пуговиц.

Потешник Иван Семенов видимо был артист на все руки; он тешил государя и сокола-

ми и в домашних забавах возился с государевыми дураками или шутами. 19 марта 1632 г. он подал царю следующую челобитную: «государю царю и в. к. Михаилу Федоровичу вся Руси бьет челом холоп твой Ивашка Семенов сын Лодыгин: в нынешнем, царь, во 140 (1631) году до зимнего Николина дни пожаловал ты, государь, меня холопа своего, как я холоп твой тебя, государя, тешил и г. царевича князя Алексея Мих. соколами; рекся ты, государь, пожаловать мне холопу своему шубу; и я холоп твой с тех мест и по сю пору, ожидаючи твоего государева жалованья к себе, не бивал челом. Милосердый государь! пожалуй меня холопа своего в то место к Светлому Воскресенью фerezцами да кафтаном. А дураки, государь, теща тебя, государя, изодрали на мне однорядку да шапку; и однорядочка у меня, холопа твоего к Светлому Воскресенью с пугвицы серебряными — твое царское жалованье — есть. Царь государь смилуйся!» На челобитной отмечено: государь пожаловал, велел дать фerezы — дороги гилянские, кафтан — тафту виницейку да шапку, в приказ (т. е. сверх годового оклада, по которому веро-

ятно потешник получал и годовое платье).

Дальнейшая история немецких потех у царя Михаила Фед. нам. неизвестна. Можно догадываться, что к концу его царствования они едва ли и совсем не прекратились, или по-крайней мере были очень редки вследствие разных домашних причин тогдашнего царского быта. Царь с царицею прожили уже молодые годы и стали оба часто недомогать, а потом и со стороны духовной власти были подняты, как увидим, старые поучения о душевной гибели от всяких бесовских потех. Потешник Иван Семенов сходит со сцены, по-крайней мере его имени уже не поминается в это время; остается потешник Иван Ермис, который в 1642 г. апр. 3 получает от государя 10 арш. камки, 5 арш. сукна и сорок соболей «за трубничье ученье», которому он мог обучать вовсе не с потешною целью одних военных людей.

В первые 20 лет царствования Алексея Михайловича точно также почти вовсе не упоминается о потехах этого рода. Знаем только, что во врем моровой язвы, опустошавшей Москву в 1654 г., когда оставленный дворец

был пуст и зимою того года «от Грановитой к переграде и на постельном и на красном крыльце, и за переградю к мастерской палате и от Стретенья и к набережным хоромам и на дворцах», т. е. повсюду лежали сугробы самые большие и пройти было невозможно, — в это время у государя в Верху, во дворце, в потешном подклете оставался какой то князь Ян (верно потешное прозвание, быть может тот же Иван Семенов), и карла с царскими попугаями, которых он сумел сберечь до возвращения царя в Москву.

Видимо, что молодой царь мало был расположен к утехам домашней Потешной Палаты. Его в первые годы исключительно занимала охота псовая и соколиная, медвежьи бои, медвежьи и волчьи осоки, походы на лосей ж вообще на лесного и полевого всякого зверя. Отвлекать таким образом молодого царя по дальше от государственных дел было также в видах боярина Морозова, его дядьки и соправителя, тогдашнего временщика. Кроме того в первые же годы царь обнаружил стремление обновить распущенную жизнь, внести в нее строй и порядок, обнаружил, словом ска-

зять, стремление к реформе, хотя еще вовсе и не сознавал, в чем она должна состоять, чтобы принести народу действительное благо. Был восстановлен идеал хорошей жизни по старому Домострою. Стремлениям царя тотчас ответила духовная власть, которая в эту эпоху находилась под влиянием многих староверов и изуверов и закладывала вместе с ними по поводу исправления и нового издания церковных книг основание для раскола.

Вспомянуты были некоторые решения Стоглава и поучения его родного брата — Домостроя об искоренении бесовских мирских игр, сатанинских песен и позорищ, вообще о том, чтобы живым мирским людям устроить свое житие по старческому началу, т. е. в домах, на улицах и в полях песен не петь, по вечерам на позорища не сходить, не плясать, руками не плескать, в ладони не бить, т. е. в хоро-воды не играть, и игр не слушать; на свадьбах песен не петь и не играть глумотворцам, органникам, смехотворцам, гусельникам, пельсельникам: на святках в бесовское сонмище не сходить, игр бесовских не играть, песен не петь, загадок не загадывать, сказки не ска-

зывать, празднословием, смехотворением и кощунанием, такими помраченными и беззаконными делами душ своих не губить, личины (хари, маски) и платье скоморошеское на себя не накладывать, олова и воску не лить, зернью, в карты и в шахматы не играть; на святой на досках не скакать, на качелях не качаться; скоморохом не быть; с гусями, с бубнами, сурнами, домрами, волынками, гудками не ходить; медведей не водить, с собаками не плясать; кулачных боев не делать, в лодыги (в бабки) не играть; не говоря уже о ворожбе, чародействе и вообще о мирском суеве-рии.

Все эти народные общественные и домашние удовольствия, всю эту мирскую радость девятнадцатилетний государь, внушаемый по всему вероятно патриархом Иосифом, и поддерживаемый в том своим дядькою Морозовым, решил искоренить во всей земле. В 1648 г. по всем городам разосланы были царские грамоты с крепким подтверждением читать их в соборах до воскресеньям и по торжкам в городах, в волостях, в станах, погостах, не до одиножды всем в слух [200]. В этих гра-

мотах, царь, жалея о православных крестьянах, подробно и строго наказывал всему православному миру уняться от неистовства и всякое мятежное бесовское действо, глумление и скоморошество со всякими бесовскими играми прекратить, так что до грамоте вся земля должна была превратиться в один огромный, безмолвный монастырь с монашеским житием и старческим поведением. Ослушников на первый и второй раз велено бить батогами, а в третий или четвертый ссылать в ссылку в украинные города, а гусли, домры, сурны, гудки, маски и все музыкальные, гудебные бесовские сосуды велено отбирать, ломать и жечь без остатку. Скоморохов же на первый раз бить батогами, в другой кнутом и брать пеню по 3 руб. с человека. Такие же грамоты разосланы были повсюду и от митрополитов, которые грозили ослушникам наказанием без пощады и отлучением от церкви Божией (1657 г.). Замечательно, что охота (псовая, ловчие птицы), столь любимая царем, хотя также отвергнутая отеческими поучениями, как видели выше, была в этих грамотах обойдена молчанием. Такое аскети-

ческое нашествие на народные домашние и общественные игры и всякие веселости, не сумевшее сделать различия между оргией и обыкновенным увеселением, несколько времени действительно торжествовало. Олеарий рассказывает об этом времени следующее: «До ма, в особенности же на пирах русские очень любят музыку и уважают это искусство. Нынешний патриарх (Иосиф?), заметив, что они начинают злоупотреблять ею, распевая разного рода скандальные песни по кабакам, шинкам и на улицах, приказал сначала разбивать находимые в таких местах инструменты и также у всех тех, кои попадались с ними на улицах, а потом совершенно запретил инструментальную музыку. По его приказанию немедленно собрали все инструменты, какие только можно было найти, в Москву, нагрузили ими пять возов, свезли все это за Москву реку (на Болото — место казни преступников) и сожгли. Только одним немцам позволено было у себя в домах заниматься музыкаю, да еще боярину Никите Ивановичу, другу немцев, который держит у себя *позитив* (*positive*, маленький орган) и разного рода

другие инструменты, так как патриарх ему одному только не может запретить этого удовольствия». Читая рассказ Олеария, сначала можно было бы подумать, что патриарх напал только на развратные оргии народа, которым музыка служила подспорьем и потому запретил там музыкальные инструменты. Так, без сомнения Олеарию объясняли дело благочестивые современники. Но вскоре из его же слов мы узнаем, что не оргии были причиной такого запрещения, а бесовство самых инструментов, этих отреченных церковью гудебных сосудов, которые сами по себе изгонялись из мира, как сатанинский соблазн благочестивых душ. Торжество старческих учений об этих сатанинских прелестях сего мира воодушевило и молодого царя, который вообще был очень привержен к авторитету священства и монашества. Играя свою первую свадьбу, в том же 1648 году, он устроил так: на прежних государских радостях бывало, что в то время, как государь пойдет в мыленку, во весь день до вечера и в ночи на дворце играли в сурны, и в трубы и били по накрам... Мы знаем, что на свадьбе его отца

Михаила Фед. в Грановитой Палате стояли и играли варганы и цымбалы и сверх того гостей увеселяли так называемые *веселые*, попросту скоморохи, гусельники, домрачеи и даже скрыпотчики. «А ныне в. государь на своей государевой радости, нагром и трубам быти не изволил; а велел государь во свои государские столы, вместо труб и органов и *всяких свадебных потех*, пети певчим дьякам всем станицам (хорам), переменяясь, *строчные* и *демественные* большие стихи из праздников и из триодей драгия вещи со всяким благочинием. И по его государеву мудрому и благочестному рассмотрению *бысть тишина* и радость и благочиние велие, яко и всем тут бывшим дивитися и воссылати славу превеликому в Троице славимому Богу, и хвалити и удивлятися о премудром его царского величества разуме и благочинии». Убеждения царя в этом отношении были довольно тверды и он долго не изменял тех распоряжений, какие сделаны были его грамотами. По крайней мере, спустя почти 29 лет, в его Приказ Тайных дел поступали на приход *пенные деньги с качелей*, которых, напр. в 1665 г. апр. 29, след.

за все время святой недели, когда именно и качались на качелях, было собрано в Суздале и на посаде со всяких чинов людей 121 р. 5 алт.

В сущности в этом постническом повороте общественной жизни обнаруживался иной ее поворот, неудержимый поворот к петровской реформе. Здесь высказывалась главным образом настоятельная потребность всенародного нравственного очищения, такая же потребность, какая была заявлена ровно за сто лет пред тем, изданием Стоглава и Домостроя. Но как тогда, так и в эту минуту руководители народной потребности смотрели не вперед, а назад, стремились найти источник нравственного обновления на старом, уже пройденном пути, в старых преданиях, в старых отеческих обычаях и поучениях. Отсюда и в настоящую эпоху, в половине XVIII ст., новое торжество того же Стоглава и того же Домостроя, т. е. торжество старой веры в смысле старой культуры, старого развития, старой нравственной выработки. Но с этим торжеством для старой культуры настаивал уже последний час, ибо в нем, при его помощи, для

выраставшего государства, с большею ясно-
стью предстали односторонние начала ста-
рой жизни; лучшим людям века при новой
постановке Домостроя стало несравненно
виднее, осязательнее, что с такими началами,
если и необходимо жить всякому постнику,
то государству с ними жить невозможно. Оно
должно было неизменно и преждевременно
погибнуть. Лучшие люди усматривали новый
путь и понемногу направляли туда свои ша-
ги. В таких попытках прошла вторая полови-
на XVII ст. Между тем приверженцы Домо-
строя и его культуры оставались на старом и
все силы употребляли остановить движение
к новине. Отсюда распадение русского обще-
ства, *раскол*, церковный и нравственный, об-
щественный, которого история еще не совсем
прожита и до наших дней. Если уже не фор-
ма, то дух старого Домостроя еще господству-
ет и теперь. Он вселился только в новую евро-
пейскую форму и этой формой производит в
иных случаях лишь оптический обман, вы-
ставляя на показ новые общечеловеческие
идеи и порядки и в тоже время с особенною
заботливостью и всеми силами удерживая

жизнь в старых началах малого глупого ребячества. Таким образом обычные при царе Михаиле домашние утехи дворцовой Потешной Палаты при его сыне были оставлены. Молодой царь променял их на отъезжее поле, на псовую и особенно на соколиную охоту, которая заменяла для него все роды других увеселений. В Потешной Палате он не покинул лишь одной утехи, именно бахарей, но верный тем мыслям, которые отвергали бахарство, как бесовское угодие и которые заставили его всенародно запретить эту утеху наравне со всеми другими, он придал дворцовым бахарям иной смысл, соответственный старинным отеческим учениям. В государевых потешных хоромах вместо бахарей с этой поры живут уже *нищие*, называемые верховыми, т. е. придворными нищими, а впоследствии, с 1660 г., а быть может и раньше, получившие официальное название *богомольцев*, *верховых богомольцев*. Англичанин Коллинс (1659–1666 г.) между прочим говорит, что царь содержит во дворце стариков, имеющих по 100 лет от роду и очень любит слушать их рассказы о старине. Название этих стариков

верховыми нищими, богомольцами, дает нам основание заключать, что это были убогие певцы, калеки переходящие, как искони обозначал их народ. В старину слово *нищий* было синонимом слову певец, ибо нищенствовать, просить милостыню значило воспевать о милостыне. Иностранцы — очевидцы единогласно свидетельствуют, что нищие, как увечные, так и простые колодники (тюремные сидельцы), всегда пели, когда просили милостыни. Коллинс при этом рассказывает что когда царский тесть, Илья Милославский, был посланником в Голландии, то голландцы хотели угостить его самой лучшей инструментальной и вокальной музыкой, какая была в Голландии и спросили потом, как она ему понравилась: «очень хороша!» отвечал он: точно также поют наши нищие, когда просят милостыни». Не знаю, что именно играли ему, прибавляет Коллинс, удивляясь такому сравнению и замечая вообще о грубости русской музыки и русских напевов. Как бы ни было, но старинные наши нищие составляли особый разряд певцов, отличный от певцов домрачеев и гусельников тем, что нищие пели

свои песни только от божественного, пели так называемые духовные *стихи*, что требовалось их прямым занятием и их ролью в обществе. Разряд таких певцов, конечно моложе гусельников. Они появились в одно время с распространением Христовой Веры и заимствовали содержание своих песен, как и самые напевы, от церкви; они долгое время почитались людьми церковными, даже и жили при церквях, так сказать у церковных дверей, из которых доносились к ним основные мотивы их песенного творчества. В последующее время с усиленным развитием учений Домостроя они из церковных людей становятся людьми необходимыми в общественной организации, без которых невозможно идти путем спасения; они становятся столь же надобными благочестивому обществу, как и самый церковный чин; поэтому число их увеличивается неимоверно и они сидят, лежат не только у дверей храма, но и повсюду на торжищах, на путях, особенно на перекрестных многонародных местах, каковы городские ворота, мосты и т. п.; они, как мы видели, живут в каждом благочестивой достаточной доле,

как всегдашние его усердные богомольцы и верные орудия для добрых богоугодных и богобоязненных дел. Очень естественно, что в то время (в половине XVII века), когда учения Домостроя стремились стать на последнюю свою высоту, и царский дворец должен был растворит свои двери для постоянного пребывания в нем этих убогих певцов, различных калек переходящих, т. е. калек странников. Благочестивый царь Алексей Михайлович еще маленьким пятилетним ребенком слушал песни нищих старцев, воспевавших ему о Лазаре. Юношею вступив на престол, он строго следует правилам домостроевского благочиния, отмечает домашние утехи прежнего времени и взамен домрачеев и гусельников поселяет в своем дворце нищих с их духовными стихами.

Вот такие-то песни и рассказы, вместе с историческими былинами и повестями, вообще песнопения и сказания о героях действительной истории или о героях благочестивого подвижничества должны были теперь исключительно одни только занимать государя. Гудебные сосуды, т. е. музыкальные инструмен-

ты в роде домры также были оставлены; об них вовсе не поминается в тех расходах, которые шли на этих нищих. Знаем только, что сначала в течении нескольких лет они жили в потешных хоромах, и ходили за ними потешные сторожи. Это то и показывает, что своею ролью они заменили прежних бахарей и домрачеев, переменяв и мирское содержание песен и сказаний на церковное. В 1656 г. мая 13 этим «нищим, что живут у государя в потешных хоромах, Антипе с товарищи» выдано государева жалованья 12 р. — При царе Алексее в разное время, смотря по надобности, в потешные хоромы нищим изготовлялись кожаные барановые тюфяки и подушки и носильное платье: рубашки, порты, чулки. В 1660 г. июня 21 были куплены им двои чулки, взамен других, коих «они не взяли, потому, показались им худы». Любопытная заметка объясняющая отношение государевых нищих к его дворцовому хозяйству. Обыкновенный их наряд составляли кафтаны и рясы, теплые стамедные на овчине, или холодные дорогильные, киндячные, кумачные, крашеннинные, вообще из недорогих материй и

большую часть *смирных*, т. е. темных цветов, также овчинные *кошули* (легкие шубы), шапки суконные с бобровым пухом или с собольим небольшим околком: дорогильные кушаки, шелковые пояса, сафьянные зеленые или лазоревые башмаки и простые сапоги; на рубахи, порты, простыни, платки, полотенца давался им холст, иногда полотно. Спали они на кожаных тюфяках, набитых оленью шерстью, на подушках из гусяного перья или из пуха, крытых киндяком или кожею; покрывались одеялами киндячными, стегаными на хлопчатой бумаге, или же одевальными овчинными шубами. Весь такой наряд они получали через два года в третий готовым платьем или материалом, а нередко и деньгами. Но впоследствии, когда их роль стала терять свой смысл и значение, дворцовое хозяйство стало их забывать; в 1689 г. они били челом, что носят платье уже шестой год, все обносились. На разные мелкие, необходимые для них расходы им также выдавались деньги из царской казны. Так, в 1666 г марта 22, богомольцам пяти человекам, во время их говенья, выдано из Приказа Тайных Дел по полти-

не, чтоб «отдать те деньги отцам своим духовным от *поновленья*» т. е. за исповедь. На тот же предмет выдано полполтины и жившему при них карлику Тимофею Семенову. Такая же выдача повторилась и в 1668 г. марта 18.

При царе Алексее (1666–1676 г.) они получали годового жалованья на рубахи, порты, сапоги и на мытье белья и платья по 4 р. с полтиною, на каждого. Когда умирал кто либо из них, то царь собственными деньгами очень щедрою рукою «строил душу» покойного. Так в 1665 г. мая 19 по указу государя выдано из Приказа Тайных Дел, иначе из его кабинета, на погребение богомольца Давыда: за отпевание архимандриту Новоспасскому 5 р., Успенского собора протопопу 3 р., дьякону 1 1/2 р., 2 черным священникам по 1 1/2 р., 2 белым по 1 р.; отцу духовному 2 р., 2 черным дьяконам по 40 алт., 2 белым по 20 алт.; уставщику певчих Федору Коверину 1 1/2 р.; государевым певчим первой станице 6 р., другой станице 5 р., да которые не пели 2 челов. по полтине. Отпеванье происходило всегда на Троицком Сергиевом подворье, а потому дано его строителю 2 р., рядовой братье, которые

были на отпеваньи, 8 чел. по 1 р., а которые не были, 7 чел. по 10 алт. Пономарям, дьячкам и трудникам за копанье могилы 1 р; на гроб и на вынос 3 р. Кроме того раздавалась милостыня на помин души. Так в 1670 г. мая 18, по нищем Павле Алексееве роздано колодникам на тюремном дворе 941 чел. и в Земском Приказе 54 чел. по 6 денег; да на Никольском мосту нищим 5 алт., всего 30 р.

На отпевании всегда присутствовал и сам государь и после отпеванья раздавал духовенству поминальные деньги. Верховых нищих хоронили в Екатерининской роще (ныне Екатерининская пустынь, 25 вер. от Москвы); на погребение государь жаловал туда 5 р.

В первое время, когда эти верховые нищие имели еще значение бахарей и жили в потешных хоромах, число их было невелико, кажется, не более пяти человек. Вот их имена за 1665 г.: Никифор Андреев, Мелетий Васильев, Иван Никонов, Евдоким Иванов, Венедихт Тимофеев. В 1668 г. их было уже 13 человек. Вскоре по смерти царицы Марии Ильичны к тому прибавилось еще трое; в 1670 г. их числится 20; в 1676 г. — 14 чел.: в 1677 г. — 13 чел.;

в 1685 г. — 33 чел., а в 1689 г. — 35 чел. — Впрочем, верного, штатного их числа мы не имели возможности открыть. Какие были поводы увеличивать их число, нам тоже неизвестно; но можно предполагать, что это делалось по каким либо благочестивым соображениям царской семьи. Так число 13 появляется в то время, когда наследнику престола царевичу Алексею Алексеевичу исполнилось 13 лет [201]. Трое к тому причислены почти в день смерти царицы.

С увеличением их числа, из них уже прямо образовалось нечто в роде придворной богадельни, по этому и их содержание приведено было во всех частях в годовой штатный порядок. Сверх того им выстроена была даже особая баня вне Кремля, у Боровицких ворот. Как скоро это общество царских бахарей получило такое благочестивое значение, то, конечно, в него избирались и поступали старики уже не с достоинствами бахаря, а по преимуществу люди убогие. Действительно в числе их мы находим: расслабленных, немых, глухих, слепых, горбатых, безруких, безногих; так обозначаются они при своих именах в ви-

де прозвищ. Между прочим один из них Еуфим безногий в 1675 г. учился иконному письму, за что и был пожалован кафтаном [202]. Другой — Полуехт Никифоров безрукий выучился писать иконы устами и до сих пор еще сохраняются иконы его письма, одна даже с подписью: «лета 7191 сентября в 3 день писал сей образ изограф Полиевкт Никифоров от рождений рук немел и писал устами» [203].

При царе Федоре Ал. верховые богомольцы живут уже в особых хоромах подле царского каменного терема. Но старое их значение государевых бахарей все еще сохранялось и в это время, и очень вероятно, если не все, то некоторые из них все еще потешали государя своими рассказами. В некотором смысле потешное их значение обнаруживается в том, что у них живут царские дураки; в 1679 г. у них жили дураки: Петр, Семен [204] и кажется Федор, вывезенный тогда из Переяславля. Дураки, как известно, носили официальное значение государевых потешников.

К концу XVII ст. и на женской половине дворца при комнатах цариц и царевен появи-

лись такие же свои нищие *верховые богомолицы*, вдовы старухи и девицы. Они жили в подклетах у царицы Прасковьи Федоровны, у царевны Екатерины Алексеевны и у царевен *меньших*, подле их хором. Здесь без сомнения они исполняли должность *бахарок* или сказочниц. В 1687 г. у царевны Екатерины Алексеевны живут в ее верхней комнате богомолицы, одна старуха и семь девиц, в том числе одна слепая, которым царевна 28 окт. сшила новые рясы и телогреи. В 1674 г. у царевны Марфы Алексеевны жила *девочка безногая*.

Нам следует упомянуть еще о карликах. Карлы и карлицы по своему значению принадлежали тоже к необходимым членам дворцового потешного общества. Вместе с арапами, их держали, как живую редкость, как игру природы, необычайную, несообразную и потому возбуждавшую особенное любопытство, наивное подивление и ребяческий наивный смех. Подобными предметами красилось тогдашнее тщеславие, обличавшее тем свои грубые и нечеловечные вкусы. Поэтому карлик являлся всегда спутником царской и боярской жизни, т. е. вообще жизни

богатой, широкой и просторной, которая в его фигуре находила особую красоту для своей роскошной обстановки. И здесь, как в отношении дураков, высказывались те же неизменные понятия о человеческом достоинстве, которое низводилось до степени простой повседневной частью потешной обстановки быта. Как живые куклы, карлики, имея декоративное придворное значение, очень часто служили также и для потехи, вместе с шутами. Флетчер говорит, что царь Федор Ив. вечернее время до ужина проводил с царицею в увеселениях, на которых шуты и карлы, мужского и женского пола, кувыркались перед ним и пели песни и это была самая любимая его забава между обедом и ужином. О том, что иногда бывало в хоромах царских и боярских в допетровской Руси, мы можем судить также по некоторым чертам княжеского литовско-русского быта, который во многом и долго сохранял культуру старинной Руси, киевской и галицкой, а след. по прямому наследству и московской, ибо московская бытовая культура была только наиболее полным развитием общей русской княжеской культу-

ры. Англичанин Горсей, при царе Федоре Ив., попал в Вильне на обед к литовскому князю Христофору Радзивиллу, и описывает его следующим образом: «обед начался при звуке труб и при рокотании барабанов. После первых кушаний явились *шуты и поэты* для увеселения гостей; потом толпа разряженных *карлов и карлиц* вошла в залу, при пении, сопровождаемом заунывными звуками свирелей». Радзивилл сравнивал Горсею эту музыку с кимвалами Давида и колокольчиками Аарона. После обеда Горсей смотрел разные странные потехи со львами, с медведями и быками. Все это, даже кушанья, именно, сделанные из сахарного теста подобия львов, единорогов, парящих орлов, лебедей и пр. — столько же обрисовывает как литовско-русский, так и московско-русский дворцовый быт.

У царя Михаила Фед., еще в первые годы царствования мы встречаем карлика Ивашку Григорьева, с 1616 г.; а у матери царя, великой старицы иноки Марфы Ив., карлицу Афимью 1619 г. [205] Затем упоминаются: Васька Григорьев, 1622 г.; Гришка Михайлов Ключарев,

1625 г.; Петрушка Хомяков с 1625 г., которого в 1632 г. женили: Федька Игнатьев 1630 г.; Филька Игнатьев, 1631 г.; Степанка, Стенька Наумов, 1631 г.; Демка Софонов и Сидорка, 1632 г.; Сенька 1633 г.; Зиновка, Зпнка Павлов, 1634 г.; Ивашка Тимофеев, Стенька Иванов, Офонька Семенов, Михейка Павлов, жившие в хоромах у царевича Алексея Мих., 1638–1640 г.; Ивашка Псковитин, карла Потешной Палаты, 1640 г.; быть может тот же Тимофеев; Ивашка Федотов, 1643 г.

В комнатах царицы Евдокеи Лук. жили карлицы: девка Анютка, 1627 г.; Офушка, 1629 г.; Софья, 1630 г.; Федорка с 1632 г.; Марфутка, 1633 г.; Соболяка, Парашка, Анютка Бык, 1642–1648 г.; Манка, 1644 г. В комнате у царевны Ирины Катька и Палагейка, 1642 г.; у царевны Анны Мих. — Фекла, Феколка 1648–1653 г.; у маленькой царевны Евдокия Ал. — Акилина, Прасковья, с 1651 г.; Аксинья, 1652 г.

При царе Алексее Мих. поминаются: Ивашка да Ортюшка, 1648 г.; Иван Федотов Горбун, 1654 г. Карлы у царевича Алексея Алексеевича: Иван Зуев, 1660 г.; Тимошка Маленький,

1661 г.; Петр Семенов, 1664 г.; Карп Реткин, 1664 г.; Дмитрий Верхоценский, 1668 г.; Петр Бисерев, 1669 г. У царевича Федора Ал.: Карп Реткин, Петр Бисерев, 1672–1686 г.; Клим Андреев, 1668 г.; Ивашка Юдин, 1671–1690 г.; Янка Иванов Ветчинка и Ветчинкин, 1671–1686 г.; Василий Хомяков, 1674–1686 г.; Петрушка Шимшин, Петр Гаврилов, Петрушка Клопок, 1674–1686 г. — У царевича Ивана Ал.: Дмитрий Верходенский, 1677–1690 г. — У царевича Петра Ал. с первого времени его возраста: Никита Гавриуов Комар (умре 1690 г.), Ивашка Комар и Климка Комар; Ивашка и Емелька, Спиридон, Игнатий и Михайла — Кондратьевы; Васька Родионов, а также и другиё из поименованных ниже. Должно заметить, что эти карлики у маленького Петра составляли его первое потешное общество. В 1684 г. для потехи им были сшиты немецкие кафтаны и немецкие платна. В 1685 г. апр. 30 карла Никита Комар на 5 телегах перевез в село Преображенское *всякие хорошие потехи и ружье*, а июля 1 ему же Комару да Спиридону, Ивану и Игнатью Кондратьевым выдано по полтине на починку по-

тешного ружья или оружия.

В 1686 г. и позднее упоминаются: Антипа Ларионов Пятово, обозначенный даже комнатным стольником; Матвей Филиппов, Алексей Ивановский, Емельян Хомяк и Хомяков, Роман Васильев, Яков Ильин, Ермолай Мишуков, Михайло Щеголев, Никита и Спиридон Муратовы, Денис и Федор Еремеевы, Артемий и Василий Федоровы, Лука Тимофеев, Никифор Нагаец и др. Вероятно, в числе этих имен, есть некоторые из упомянутых прежде.

У царицы Натальи Кир. в 1672 г. показано карлиц 14 челов., а в 1673 г. 22 челов., но в том же числе, быть может, должно считать и девиц боярышен.

Карлики и карлицы ходили в обыкновенном тогдашнем наряде, но всегда светлого цвета, преимущественно лазоревого и червчатого, также зеленого и желтого. Те и другие носили красные или желтые сапоги. Карлам сверх того иногда шили курты и епанчи и немецкие кафтаны, а вместо шапок, арачкины — ермолки.

В хоромах особенная комнатная долж-

ность их заключалась, кажется в том, чтобы ходить за попугаями, а след. исполнять и другие подобные заботы. Когда, при царе Алексее, во время мора, весь двор выехал из Москвы и во дворце, в Потешной Палате остался жить карла Ивашка, ему были отданы на сохранение и все комнатные попугаи. В 1659 г. он рассказывал об этом в следующей челобитной, поданной царю с просьбою вознаградить его расходы: «бьет челом холопишко твой Ивашко карла: как ты, государь, пошел на другую службу и государыня царица пошла с Москвы в поход, и мне холопишку твоему выдали от г. царицы из хором четырех попугаев, а пятого старого; и аз тех попугаев кормил; а про то мое терпение и кормление твоих государевых птиц ведомо истопничему Александру Боркову, потому, государь, что он Александр меня на всяк день навещал и твоих государевых птиц осматривал и о птицах мне приказывал, велел кормить; и я в 20 недель скормил, покупаючи с торгу, 8 ф. миндальных ядер; да им же на всяк день покупал колачей по две денги и сам с торгуж покупаючи, ел, потому, государь, что мне с *Низу* тогда с Хле-

бенного и с Кормового дворца твоего государева корму указного не было; а корм птицам и мне покупал Дементей сторож, что у тебя, государя в комнату пожаловал; а 20 недель и до вашего государского пришествия кормил (я) тех попугаев и отдал здоровых. Милосердый государь (титул) пожалуй меня холопишка своего своим государевым жалованием за птичей корм и за мое терпение как тебе в. г. обо мне убогом Бог известит. Царь государь смилуйся! *помета*: 167 г. марта 31 государева жалованья дать ему в приказ 10 руб.; приказал записать и денги дать стряпчей с ключем Фед. Алекс. Полтев.

Вместе с карликами, такое же потешное и декоративное придворное значение имели *арапы*. У царя Михаила, еще в молодых его летах, в 1614 г., жил, вместе с дураком Мосягою, *арап Муратка*, которому генв. 12 были куплены за 9 алт. какие то особые сапоги *притачки*. В 1616 г. упоминается другой арапок Давыдка Салтанов, которому июля 5 государь пожаловал однорядку червчатую с мишурным кружевом и образцами и с завязками, а в 1618 г. февр. 8, такую же однорядку и аракчин бар-

хатный (ермолку). У царицы Евдокеи жила в 1630 г. арапка Степанида, которая потом отдана была в Светлицу в ученицы, вероятно по достижении возраста. В 1632 г. в ноябре был крещен в православную веру арап Берекет; поступил ли он потом во дворец, неизвестно. В 1668 г. у царя Алексея живет арап Савелий, который тогда был отдан учиться грамоте подьячему Земского Приказа Ваське Коверину. Через год подьячий, прося награды за ученье, писал в своей челобитной государю, что «он Савелий часовник и псалтырь у него выучил, и выучась, давно отшел, а за ученье ничего не даывано». Упомянем также, что при Петре, во дворце находились три арапа: Томос, Сек, Аврам.

Под стать арапам и арапкам нередко являлись при дворе маленькие *калмыченки* и *калмычки*, обыкновенно привозимые пленом. Последние, как мы говорили, окрещенные в православную веру, воспитывались до возраста в хоромах царицы, потом обучались рукоделью в царицыной Светлице и выдавались из дворца замуж. На государевой половине, особенно при комнатах царевичей вос-

питывались того же рода мальчишки: у царя Федора Ал., в 1679 г., жили два калмыченка, Петрушка Аверкиев и Ромашка Васильев.

* * *

Другие дворцовые увеселения, которые не входили в круг увеселений Потешной Палаты, заключались в разных зрелищах. Из них первое, самое старое и обычное — была *медвежья потеха*. Если дурак был необходимым и самым обычным предметом домашней утехи, то в такой же мере необходимым и самым обычным предметом общественной утехи был медведь. Он, выученый и нашколенный различным людским ухваткам и людскому поведению, бродил с и своими поводырями по всей русской земле, из города в город, из деревни в деревню, потешая и забавляя добрых людей карикатурным, а отчасти и сатирическим представлением их же нравов и обычаев. Во дворце, конечно, собиралось все самое замысловатое и самое искусное в этом роде. Мы упоминали, что при царе Иване Грозном, медведи на государеву потеху отыскивались по всем областям и лучшие отбирались, разумеется, силою в силу царского указа.

за. Это, однако, не было исключительным делом грозного владыки; это было простым обычаем царского Двора, вместе со многими другими такими же обычными порядками царской жизни, которые иногда, как особые исключительные краски, идут не совсем справедливо на изображение только личности Грозного. Есть грамота о том же (1619 г.) молодого царя Михаила, только вступившего на престол. Успокаивая и устраивая расшатавшееся и разоренное царство, молодой государь немало заботился и об устройстве своей дворцовой жизни, разумеется, по старым уставам и порядкам. Таким образом не была забыта и медвежья потеха. Чтоб собрать вновь для этой потехи медведей и собак, государь послал на север, в медвежью сторону, следующую грамоту: От царя и в. к. Михаила Федоровича всеа русии в Галичь губному старосте Петру Перелешину. По нашему указу посланы с Москвы в Галичь и в Галитцкие пригороды на Чюхлому, к Солигалитцкой, в Судай, на Уыжу, в Кологрив, в Парфеньев [206], и тех городов в уезды ловчево пути охотники Богдан Одочинин да Наум Усов да

конные псары Петр Молчанов, Олфер Вораксин, Костянтин Олтуфьев, в наши дворцовые села и в княженецкие и в дворянские, и детей боярских и всяких людей в поместья и в вотчины, и в патриарши и в митрополичы и во владычьи и в монастырские вотчины; и в те волости, которые ведают на обиход матери нашии государыни великой старицы иноки Марфы Ивановны; а велено им в Галиче и в галитцких пригородах, на осаде и в уездах и у всяких людей имать на нашу псарню собаки борзые и гончие и медеянские и медведи. И как к вам ся наша грамота придет, а ловчего пути охотники Богдан Опочинин с товарищи в Галичь и в галитцкие пригороды приедет и вы им давали (бы) на ослушников стрелцов и пушкарей и рассыльщиков, сколько человек пригож; и корм тем собакам и медведем и провожатым, и под медведи и под медеянские собаки подводы, велели давать от города до города, и корм собакам и медведям велели давать, чем им мочно сытим быть, от города до города, а поводчиков за медведи, где возмут медведи, велели давать до Москвы. А прочет сю нашу грамоту и списав с нее проти-

вень слово в слово, оставливалиб есте у себя; а сю нашу грамоту отсылалиб есте в галитцкие пригороды к приказным людем. Писан на Москве лета 7127 года марта в 14 день.

Так собиралось по всей земле все, что только надобилось для государева двора, так собирались всякие художники (напр. иконописцы), ремесленники и разные искусные мастера, когда их искусство и работа требовались для государева обихода. Государь был вотчинником своей земли и потому, как вотчинник-помещик, почитал своею собственностью всякий надобный ему предмет.

В Москве для медвежьей, как и вообще для звериной потехи и охоты был устроен обширный псаренный двор, где кроме медведей содержались и другие звери и разного рода охотничьи собаки. Медведи, постоянно жившие во дворе, вероятно ученые, назывались *дворными*; другие были *гончие*, также *сступные*, *спускные* и наконец *дикие*, которых поставляли на потеху прямо из лесу. Зимой 1664 г. привезены были из Мезени даже и *белые* медведи. Медвежья потеха была разнообразна, но вся она распределялась собственно

на три статьи: медвежья травля, медвежий бой и медвежья комедия, если правильно будет так назвать медвежьи представления с поводчиками, т. е. с неизменною его сопутницею ряженою козою. Должно полагать, что все эти три статьи входили в состав, каждого зрелища медвежьей потехи, которое могло начинаться комедиею или драмою — травлею и оканчиваться трагедиею — боем или единоборством. Во всяком случае это был довольно разнообразны и очень занимательный спектакль для тогдашнего общества, вполне заменявший ему наши театральные зрелища. Медвежьи увеселения давались обыкновенно в Кремле *на дворце*, т. е. где либо на нижнем под горою дли на заднем государевом дворе, на особо устроенном для того месте. В XVII ст. нередко они давались и на старом Цареборисовском дворе, близ палат патриарха. Иногда государь тешился на псаренном дворе на старом Ваганькове, где теперь публичный Музей и на Новом Ваганькове, на Трех Горах. Кроме того эта потеха справлялась временем и в загородных дворцах, при царях Михаиле и Алексее довольно

часто в Покровском Рубцове, в Хорошове, в Танинском. На масляной неделе эта государева потеха устраивалась обыкновенно на Москве реке для всенародного зрелища и увеселения. Так в 1675 г. февр. 13 был указ ловчему Матюшкину «со всею потехою битъ готову, против прежнего, на Москве реке с медведи с гонцами и которых колоть рогатинами и с вилами ходить охотникам и псарям; и с волки и с лисицы и с собаки борзыми и с меделянскими; а указано ему быть готову после раннего кушанья совсем и ждать его великого государя указу». Потехи однако ж в то число почему-то не было. По рассказу Рейтенфельса однажды в субботу на маслянице на Москве реке на льду была травля белых самодских медведей британами и другими собаками страшных пород. Эта сцена порядочно позабавила, потому что и медведи и собаки не могли крепко держаться на ногах и скользили по льду». Во дворце медвежий спектакль давался во всякое время года, но, разумеется, чаще осенью и зимою, чем летом, и при том здесь представлялись только комедии и трагедии, травля же происходила чаще

всего на псарном дворе и только по праздникам.

В 1585 г. февр. 20 у царя Федора Ивановича такая комедия началась тем, что некий Федор Пучок Молвенинов привел на потехе государю «медведя с хлебом да с солью в саадаке», т. е. вооруженного луком и стрелами; и потом «спушал» своего ученого медведя на бой с диким медведем. Спектакль вероятно очень понравился государю, потому что поводчик получил довольно значительную награду: камку добрую в 5 р., зуфь костоманскую в 3 р., сукно доброе в 2 р.: да человек его получил суконце в 4 гривны [207]. Известно, что медведники — поводчики забавляли публику и своими присказами и приговорками, которые объясняли медвежьи действия и служили как бы текстом к этому медвежьему балету. Верно и здесь старинный шутливый иронический ум русского человека не ходил в карман за словом, и беззастенчиво и остроумно выставлял всякие смешные стороны тогдашней жизни. О том, что когда-то представляли ученые медведи, мы можем составить понятие из одного газетного объявления, относящегося

ся к половине XVIII ст. Оно тем более теперь любопытно, что медведники по распоряжению правительства вместе с последними учеными медведями должны скоро совсем исчезнуть из деревенского общества. В Петербургских Ведомостях 1771 г. от 8 июля было напечатано: *Для известия:* Города Курмыша Нижегородской губернии крестьяне привели в здешней город двух больших медведей, а особливо одного отменной величины, которых они искусством своим сделал их столь ручными и послушными, что многие вещи, к немалому удивлению зрителей, по их приказанию исполняют, а именно; 1) вставши на дыбы присутствующим в землю кланяются, и до тех пор не встают, пока им приказано не будет; 2) показывают, как хмель вьется; 3) на задних ногах танцуют; 4) подражают судьям, как они сидят за судейским столом; 5) натягивают и стреляют, употребляя палку, будто бы из лука; 6) борются; 7) вставши на задние ноги и воткнувши между оных палку ездят так, как малые ребята; 8) берут палку на плечо, и с оною маршируют, подражая учащимся ружьем солдатам; 9) задними ногами

перебрасываются через цепь; 10) ходят как карлы и престарелые, и как хромые ногу таскают; 11) как леженка без рук и без ног лежит и одну голову показывает; 12) как сельские девки смотрятся в зеркало и прикрываются от своих женихов; 13) как малые ребята горох крадут и ползают, где сухо, на брюхе, а где мокро, на коленях, выкравши же валяются; 14) показывает, как мать детей родных холит, и как мачеха пасынков убирает; 15) как жена милого мужа приголубливает; 16) порох из глаза вычищают с удивительною бережливостью; 17) с неменьшею осторожностью и табак у хозяина из-за губы вынимают; 18) как теща зятя подчевала, блины пекла и угоревши повалилась; 19) допускают каждого на себя садиться и ездить без малейшего сопротивления; 20) кто похочет, подают тотчас лапу; 21) подают шляпу хозяину, и барабан, когда козой играет; 22) кто поднесет пиво или вино с учтивостью принимают и выпивши посуду назад отдавая кланяются. Хозяин при каждом из выше помянутых действий сказывает замысловатые и смешные приговорки, которые тем приятнее, чем больше сельской простоты

в себе заключают. Не столько бы вещь сия была смотра достойна, ежели б сии дикие и в прочем необуздаемые звери были лишены тех природных своих орудий, коими они людям страх и вред наносят; напротиву того не обрублены у них лапы, также и зубы не выбиты, как то обыкновенно при таковых случаях бывает. Все вышепомянутое показывано быть имеет в праздничные дни в карусельном месте противу церкви Николая чудотворца по полудни в 6 часу. Первые места по 25 коп., вторые по 15 коп., а последние по 5 коп. с человека. Смотрители впускаемы будут за плату наличных денег».

Для нас неценимо были бы дороги исполненные сельской простоты эти замысловатые и смешные приговорки, если б они дошли к нам прямо от того медведя в саадаке, которым потешался царь Федор Иванович. Но что говорить о старине, когда и современный нам медведь, сохраняющий еще довольно старого, скоро совсем уйдет со сцены, никому не рассказавши своей любопытной истории.

Медвежий бой представлял также самое обычное зрелище во дворце, которое так и на-

зывалось *дворцовой потехой* и устраивалось, конечно, не исключительно для одного только государя, или для одного мужского чина, но вероятно и для всех любопытных и из женского чина. На этом зрелище бывали даже малолетние дети; напр. в 1634 г., в субботу на маслянице пеший псарь Герасим Степанов тешил пятилетнего царевича Алексея Мих. дворовыми медведями и на той потехе медведи на нем псаре кафтан изодрали. Это зрелище было самым любимым и у самого доброго и богомольного царя Федора Ивановича. Именно по поводу его потех Флетчер описывает подробно и это зрелище... «Бой с медведем, говорит он, происходит следующим образом: в круг, обнесенный стеною, ставят человека, который должен возиться с медведем как умеет, потому что бежать некуда. Когда спустят медведя, то он прямо идет на своего противника с отверстою пастью. Если человек с «первого раза даст промах и подпустит к себе медведя, то подвергается большой опасности: но как дикий медведь весьма свиреп, то это свойство дает перевес над ним охотнику. Нападая на человека медведь поднимает

ется обыкновенно на задние лапы и идет к нему с ревом и разинутою пастью. В это время если охотник успеет всадить ему рогатину в грудь между двумя передними лапами (в чем, обыкновенно, успеваает) и утвердить другой конец ее у ноги так, чтобы держать его по направлению к рылу медведя, то, обыкновенно, с одного разу сшибает его. Но часто случается, что охотник дает промах и тогда лютый зверь или убивает или раздирает его зубами и когтями на части. Если охотник хорошо выдержит бой с медведем, его ведут к царскому погребу, где он напивается до пьяна в честь государя, и в этом вся его награда за то, что он жертвовал жизнью для потехи царской». Напротив, мы имеем официальные свидетельства от того же времени, что бойцы всегда получали в награду портище хорошего сукна на кафтан, ценою в 2 р.: это было обычным государевым жалованьем за такую потеху не только в XVI, но и в течении всего XVII ст. В особенных случаях бойцы получали и большую награду. Разумеется и эта награда по нашим понятиям не соответствует подвигу. Но должно заметить, что подвиг ходить одному

на дикого медведя в то время едва ли почитался делом необычайным, редким; судя по множеству таких случаев, на одной только царской потехе, он был простым рядовым явлением охотничьей жизни, а потому и ценился в меру своей так сказать повседневной ценности. Большею частью бойцы принадлежали к дворцовому же государеву чину и состояли в ведомстве конюшенного двора при «Ловчем пути» или при царской охоте. Это были псовники, конные и пешие псары и собственно *охотники*, или ловцы зверей — первые люди Ловчего пути. Из них при царе Михаиле особенно знаменит был пеший псарь Кондратий Корчмин. В 1616 г. в ноябре на большой потехе на дворце вместе с семью товарищами, такими же псарями, на нем медведи изодрали зипун; а в декабре на потехе его медведь измял и платье на нем ободрал. Через год, 1613 г. в генваре, он опять потешал царя медвежьим боем; в феврале 1620 г. опять на потехе бился с медведем. В том же году сентября 11-го вместе с товарищем, тоже псарем, Сенькою Омельяновым, тешил государя на Старом Царевеборисове дворе дворными

медведи-гонцами. На этой потехе медведь ему изъел руку, а товарищу его Сеньке изъел голову. В генваре следующего 1621 г. он снова на потехе с четырьмя товарищами — псарями; все они бились с дикими медведями вилами. В феврале того же года, на мясной неделе в среду, как государь тешился гончими и дикими медведи, был на потехе и Корчмин в девятером с товарищами; медведи драли на них кафтаны. В 1622 г. февр. 28, на масляной неделе в четверг, Корчмин опять с братом Иваном и тремя товарищами псарями был на потехе, бился с дикими медведи вилами. В июне 1625 г. он тешил царя тою же потехою в селе Рубцове. В ноябре 1626 г. бился с диким медведем вилами и медведя вилами поставил, да он же в селе Рубцове пред государем на потехе медведя убил рогатиною, за что и получил награду с прибавкою, 5 арш. тафты и 4 арш. сукна. Таким образом Корчмин увеселяет государя, т. е. ходит на медведя в течении десяти лет, а быть может и больше, ибо мы не имеем полных погодных записок об этой потехе.

Другой герой медвежьей потехи, конный

псарь Алексей Меркульев, ходит на медведя в продолжении двадцати лет слишком. В 1631 г. в ноябре он получает обычное жалованье, портище сукна в 2 р., за то что на потехе его медведь драл. В 1632 г. февраля 9, на потехе он бился с диким медведем вилами добро, как и товарищ его Петр Молчанов. В 1635 г. в ноябре сам четверг с товарищами он опять бился с дикими медведями добро, в селе Рубцове. В 1636 г. февр. 28, на маслянице на дворце опять вдвоем с товарищем бился вилами добро. В 1646 г. вместе с другими он бился на медвежьей потехе в с. Павловском и в с. Покровском. В феврале 1648 г. он со многими другими бился с дикими медведями на Псаренным дворе. Затем упоминается в чину псарей в 1651 г. В это время он назван уже охотником. Третий псарь Петр Молчанов стаивал на потехе больше тридцати лет 1620–1651 г., четвертый Осип Молчанов около 25 лет.

Не по разу также хаживали на медведя на государевой потехе и многие другие товарищи Корчмина, Меркульева и Молчановых, напр. Сенька Омельянов, 1620–1626 г.; Иваш-

ка Санин, 1620–1626 г.; Афонасий Дмитриев, 1616–1620 г.; Олфер Вараксин 1620; Марко Юрьев, 1621–1627 г.; Степан Ябедин, который в феврале 1620 и 1621 г. перед государем коллол дикого медведя рогатиною, а в 1622 г. декабря 31 на потехе медведь изодрал на нем платье; охотник Еремей Теряев, 1646–1650 г.; Семен Головцын 1646–1648 г.; Тимофей Неверов в 1649 г. и т. д.

Все это показывает, что служители царского *Ловчего пути*, охотники, псары, псовники едва ли не все были истыми героями медвежьего поля, и почитали для себя весьма обычным делом выходить по надобности и на государеву потеху. Из некоторых указаний видно, что подвиг медвежьего поля становился достоянием целого рода; таковы были псары Молчановы при царе Михаиле, упомянутые выше Петр и Осип, последний если не сын, то вероятно, брат первого, передавшие в наследство свою силу и отвагу и своим детям, из которых при царе Алексее были известны сыновья Осипа, Матвей да Иван, и 1646–1651 г.; также Михайло, Любим, Фадей, тоже родичи, если не дети первых. Славна была и семья

Озорных: отец Богдан Озорной потешал царя Михаила, с 1621 г., а сыновья Никифор и Яков царя Алексея, с 1647. и т. п. Нередко сыновья ходили на бои за одно с отцами. Так в 1646 г. человек боярина Б. И. Морозова, Иван Брылкин с сыном Афонаською имались с медведем в селе Павловском 31 генв.; потом бились с медведем в генваре 1648 г.

Это свидетельство указывает также, что на дворцовую потеху вызывались или призывались иной раз охотники и из других сословий или чинов. В декабре 1614 г. царя потешали трое стрельцов, в том числе Семька Федоров; у них на потехе медведь изодрал кафтаны. В марте 1618 г. на потехе драл медведь задворного конюха Ив. Столешникова. В 1615–1619 г. в царских потехах участвовал человек боярина Ф. И. Мстиславского, Матвей Пахов, поставивший на государеву псарню к потехе диких медведей. В ноябре 1627 г. в Тонинском на потехе медведь драл истопника Илью Севрюкова. В 1622 г. генв. 2, на потехе на дворце постельный сторож Петрушка Мекотин перед государем дворных медведей дразнил и с диким медведем бился вилами и его дикий мед-

ведь ел. В 1626 г. на святках и в 1627 г. на маслянице тот же Мекотин выходил на бой вилами с дикими же медведями и в оба раза остался невредим. В 1623 г. февр. 18, на маслянице во вторник на дворце на государевой потехе бился с диким медведем, Канинские земли Самоедин Семейка. В октябре 1626 г. бился с диким медведем вилами постельный истопник Панка Гигишкин в селе Покровском. В 1628, в субботу на маслянице на государевой потехе на дворце тешил государя, бился с диким медведем князь Иван Гунду-ров, за что и получил 9 арш. камки адамашки лазоревой (на 2 р. 75. к.). В октябре 1631 г. в Покровском на потехе гончий медведь драл подключника Тимофья Федотьева. Тогда же и там же тешил государя и человек боярина кн. И. Б. Черкасского Андр. Слепой, которому выдано в награду по 4 арш. тафты и сукна, всего на 8 р., тогда как обыкновенная награда бывала в 2 р. Быть может он не прозвищем только, а на самом деле был слепой, тогда потеха, конечно представляла еще больше занимательного. В том же октябре стряпчий конюх Степан Карпов тешил государя в селе Тонинском,

бил в барабан и медведя дразнил и медведь его драл. В Февраде.1632 г. на потехе медведь драл сына боярскаго Галиченина Федора Сытина, который получил за потеху сукно на однорядку, дороги гилянские на фerezи, да на кафтан и на приклады к платью деньгами 5 1/2 р. всего на весь наряд 14 р. В том же году на масляной медведь драл на потехе *жильца* Бориса Ушакова, которому дано на платье больше 6 р. В ноябре 1634 г. потешал государя иноземец птичий стрелок Исак Быковской — как государь тешился медведем гонцом и его Исая медведь изломал и платье на нем изодрал. В декабре в селе Рубцове бился с диким медведем вилами человек б. кн. Б. И. Черкасского Гаврила Жуков. — В генваре 1636 г. на дворце бился с медведем стрелец Гавр. Савельев, и медведь его драл и кафтан изодрал и голову испробил. — В ноябре того же года в селе Покровском бился черкашенин (малоросс) Лукаш Григорьев и медведь гонец изодрал на нем зипун да помял руку. — В мае 1637 г. *жилец* Алексей Зеленой в селе Рубцове боролся с дворным медведем и получил за то 4 арш. сукна на 4 р., да на шапку 2 р. В сентяб-

ре 1641 г. упомянутый выше конюх Степан Карпов снова тешил государя в селе Коломенском медведями гонцами, перед теми медведи бегал, и платье на нем однорядку и штаны медведи изодрали. Конечно, то был счастливый бой, когда оканчивался только драньем платья; но иногда, как мы и выше видели, бойцы подвергались разным увечьям, что обыкновенно обозначалось: медведь его ел. Так в генваре 1619 г. дикий медведь ел конного псаря Петрушку, прозвище Горностай. В генваре же 1626 г. был изувечен охотник Алексей Титов — на дворце дикой медведь ел его за голову и зубы выломал. В декабре 1636 г. в с. Рубцове медведь гонец изломал псовника Вас. Усова и платье на нем ободрал.

Из этого перечня медвежьих боев видим, что их героями нередко бывали жильцы, т. е. люди среднего дворянства, не говоря уже о детях боярских, подключниках и других придворных чиновниках, принадлежавших к дворянству мелкой сошки.

Была еще потеха львиная. Мы видели, что львы были привезены в Москву еще при царе Федоре Ив. Быть может с того времени устро-

ен и особый львиный двор, находившийся у Китайгородской стены, где теперь губернские присутственные места. Можно догадываться, что так называемая *Яма* (долговая тюрьма) есть именно старое помещение львов или старинный львиный двор. При царе Михаиле в 1619 году (февр. 8) какой то рязанец Гришка Иванов вышел к государю с зверем со львом из Кизылбаш, т. е. из Персии; он или сам его привез или только сопутствовал привезенному оттуда льву, неизвестно. Этому льву ноября 3 отпущено на ошейник 4 1/2 арш. зеленых суконных покроей. Одно смотренье на такого редкого зверя уже доставляло не малую потеху для государя и его семейства, как и для всего общества Москвы. Но лев участвовал иногда и на обыкновенной медвежьей потехе. В 1648 г. февр. 29 на государевой потехе на псаренном дворе был со львом зверем ловчего пути зверовщик Сила Зерцалов, и на той потехе дикий медведь на нем однорядку изодрал.

При царе Михаиле в Москве появилась и другая редкая потеха — приведены были слоны. В 1625 г. июня 12 в селе Рубцове-Покров-

ском тешили государя на слонах слоновщики Чан Ивраимов и Фотул Мамутов. В 1626 г. окт. 31 вероятно тот же слоновщик арап Тчан и в том же селе опять тешил государя слоном.

С севера нередко самоеды пригоняли в Москву оленей, которые также потешали царское семейство. В 1617 г. олени были пригнаны из Кольского острогу; в 1620 г. с оленями приехала из Кольского же острогу Канинская и Тиунская Самоедь; в 1643 г. дек. 16 с живыми оленями приезжал Мезенский самоедин Вак Пургия. Можно полагать, что пригон оленей был чем-то в роде обычной дани, или обычных даров государю от самоедского населения. В 1666 г. самоеды, которые были присланы с Кевроли и с Мезени с государевыми оленями, Тренка Иншин, Былка Марчиков, Ядовк Соболков, Обленисков Нодекирпов, Якунка Облесов, на сырной неделе по указу в. государя ездили на оленях на дворце.

Упомянем о некоторых особенных зрелищах, какие изредка служили также увеселением для государева семейства. В 1633 г. июля 18 поручик Анц Зандерсон и золотого дела мастер Яков Гаст тешили государя на дворце

долгою пикою да прапором и шпагами *по-единком*, за что были хорошо награждены, первый, вероятно победитель, получил 10 арш. камки и сорок соболей; второй сорок соболей.

В 1634 г. осенью (ноября 23) стрелец Петрушка Иване-городец тешил государя в селе Рубцове, носил на зубах бревно. В 1645 г. марта 28 царицын сенной сторож Микулка Остафьев тешил государя и царевича, — бился с дураком Исаем, за что по приказу царевича (Алексея Мих.) ему выдано 4 арш. сукна в 2 р.

* * *

Наконец при царе Алексее во дворце явились зрелища театральные. Изгоняя отовсюду скоморохов и скоморошество, это наше родное или на своей родной почве выращенное произведение народной веселости, изгоняя кощунные смехи и разные глумотворные спектакли этих веселых людей, наша старина, против всякого чаяния со стороны древних домостроенов, совсем неожиданно попала на комедийное действие, в сонм такого же глумотворения, только иначе, по царски, устроенного, притом по происхождению немецко-

го, которому, следовательно, было как-то позволительнее явиться перед глазами старого благочестия. Немцы действовали свои действия из библии. Казалось, это было делом невозможным для понятий старины. Но такова была сила общего движения нашей жизни, увлекавшая нас все ближе и ближе к европейскому миру, ко всем сатанинским прелестям и обаяниям, от которых столь долго оберегали древнюю Русь ее добродушные домостроя. Невозможное, отверженное в одном виде, являлось возможным и признанным в другом: и в то самое время, когда шли горячие споры даже только о буквах Писания, на дворцовой сцене действовали комически библию. Однако ж, дело не показалось особенно чудовищным, главным образом именно потому, что тут действовали немцы, значит люди чужие, иноверные, тоже отверженные. Самому русскому как-то неестественно было начать такое небывалое дело. Да и как было осмелиться: чтобы сказали и чтобы наделали тогда нововводителю крепкие власти Домостроя.

В силу постоянного и неутомимого отрица-

ния, господствовавшего в нашей старой жизни, отрицания всех свободных, самостоятельных и самобытных движений жизни, говорясь, разумеется лишь о сфере мысли и о сфере искусства, — ничто, конечно, общечеловеческое, не должно было развиваться в ней из самобытных источников; ничто не должно было органически пройти все степени возраста с зародыша до возмужалости. Страшная изуверная опека мысли, как и не менее страшная, изуверная опека чувства, вообще нрава, обычая, опека воли, держала русское общество целые века в том староверческом умственном и нравственном гнете, в котором не возможны были никакие свободные самостоятельные шаги вперед. Такие шаги могли являться от всякого другого, только не от воспитанника и ученика Домостроев. Поэтому самую свободу таких шагов мы должны были приобретать у немцев, выписывать из-за границы; для русских убеждений она была развратом и потому на русской земле могла являться только в иноземном образе, который служил оправданием всякому явлению, выходящему из круга домостроевских понятий,

или из уровня известной изменчивости и тесноты старинных представлений вообще о свободных и независимых положениях жизни.

Так, в старое время, у нас находились в руках все средства для того, чтобы простым, естественным путем дойти до своенародной обработки театрального зрелища. В народе «скомрашное дело» процветало, в народе жили походячие кукольные комедии; дураки-шуты господствовали своими играми во всяком зажиточном доме, самый медведь являлся актером; не говорим о разных бытовых чинных действиях, где всякий сколько-нибудь важный шаг превращался в спектакль, в зрелище. Словом сказать, народ был очень расположен к сценическому искусству и в своей жизни имел весьма достаточные материалы для его устройства по собственному плану, по крайней мере по собственному характеру. Недоставало одного, свободы действия, свободы литературного слова, хотя бы и не полной, но только освященной законом, чтоб не казалась эта свобода грехом и беззаконием. Как может что либо правильно вырастать

и развиваться, если это что-либо находится под влиянием сознания, что самое его существование есть грех и беззаконие; а именно таким сознанием и бичевалось старинное наше сценическое дело в народе. Оно поэтому и оставалось все время без движения, в своей первой поре, без руководящей мысли, которую среди поденного низменного и презираемого труда, конечно, выработать не могло. Вот почему мы должны были принять комедию, как называлось тогда вообще драматическое представление, из рук немцев. Мы таким же путем должны были принять у немцев и живопись, талант который как был дан нам в руки, так и оставался не тронутым целые века, ибо и отдан он был с строжайшим запрещением не касаться его в свободной и независимой обработке. Византия завещала нам в этом отношении дух полнейшего и всестороннего отрицания всяких свободных действий в ходе народного развития. Она завещала нам именно борьбу с свободой развития, обзывая эту свободу одним общим, весьма страшным именем, ересью. Опасаясь ереси, мы, малолетние и потому малосмысленные

ученики, с особенным усердием и зарывали наши народные таланты на всех путях. Учители после и сами стали порицать и отвергать это усердие; но здесь виноватым и упрямым оказывался уже народный ум, неумолимо последовательный в своих выводах, которые он по необходимости и довел до своей крайности, до последней черты, т. е. до явления, приготовивших и вызвавших петровскую реформу, или петровское освобождение народных сил от их закрепощения. Каковы были великие последствия этого освобождения, когда сидевший тридцать лет сиднем русский богатырь наконец встал, порасправил члены и начал действовать, — об этом тотчас же стала рассказывать русская история; не перестает рассказывать и до сего дня,ждавшись нового великого последствия той же свободы.

В половине XVII ст. во дворце, как и во всем высшем обществе Москвы хорошо было известно, что такое *комедия* и как весело потешаются ею в далеких землях Европы, и даже в близкой Польше. В 1635 г. московские послы были на такой потехе у польского ко-

роля, а потеха была: как ходил к Иерусалиму ассирийского царя воевода Алаферн и как Юдифь спасла Иерусалим [208]. В другой раз в 1637 г., наши послы отказались было идти в такую комедию, потому что был там папский легат, а они с ним вместе, в равенстве, сидеть не хотели. Послы, возвращаясь в Москву, конечно, в подробности рассказывали и объясняли, в чем состояли эти комедийные действия. При царе Алексее одни рассказы дворянина Лихачова и его товарищей о своем Флорентинском посольстве 1660 г. должны были приводить в несказанное изумление и подивление всех, кому только удавалось их послушать; а первым из таких любопытных был сам царь Алексей, впечатлительный и пылкий, который нисколько не был чужд интересам европейского быта. Ребенком он сам уже хаживал в немецком платье и к немцам, полезным для отечества, всегда был милостив и щедр.

Во Флоренции посланник Лихачов пробыл слишком месяц; видел там европейскую жизнь лицом к лицу со всякими ее диковинами и дивами, видел великолепные палаты,

роскошные сады, Фонтаны, где беспрестанно вода прыгает на дробные капли, а к солнцу, что камень хрусталь; осмотрел там все; по потешным дворам и по палатам ездил 8 дней, в садах пробыл целую неделю; а в садах красота и благоухание ароматное; а красоту в садах нельзя описать; да и вообще сознавался, что «инога описать неуметь, потому, кто чего не видал, тому и в ум неприядет. Удивлялся тамошним жарам великим: каково там о Крещеньи, у нас на Руси таково и о Иванове дни. Вообще провел там время совершенно по европейски и очень весело: был на публичном рыцарском игрище в мяч, был даже на балу у Флоренского князя, где было собрано больших думных людей с женами с 400 челов., и ночь всю танцовали, сам князь и сын и братья и княгиня. Представлялся не раз княгине и на последях — торжественно, в присутствии девиц и сенных боярынь, которых было ста с два. По просьбе княгини для подарка ее новобрачной невестке сделал ей по русскому обычаю две шубки, одна под камкою, другая под тафтою, у одной испод горностайной, а у другой белый; и вздела княгиня на себя и

дивилася, что урядно выделали. Заметил, что тамошняя женщины ходят — сосцы голы ни на головах нет ничего; между тем, как русские женщины закутывали себя и почитали великим стыдом и грехом опростоволоситься, т. е. вообще носить волосы открытыми.

К довершению многочисленных удовольствий, какие почти каждый день должен был испытывать наш посланник, его три раза приглашали в театр, в комедию. Об одной комедии он оставил небольшую записку, в которой говорит: «объявились палаты, и быв палата и в низ уйдет; и того было шесть перемен. Да в тех же палатах объявилось море колеблемо волнами, в море рыбы, а на рыбах люди ездят; и в верху палаты небо, а на облаках сидят люди и почали облака и с людьми на низ опущаться; подхвотя с земли человека под руки, опять в верх же пошли; а те люди которые сидели на рыбах, туда же поднялись в верх за теми, на небо. Да спущался с неба же на облаке сед человек в карете; да против его в другой карете — прекрасная девица; а аргамачки (кони) под каретами, как быть живы ногами подрягивают. А князь сказал, что одно

солнце, а другое месяц. — А в иной перемене, в палате, объявилось поле, полно костей человеческих; и враны прилетели и почали клевать кости. Да море же объявилось в палате, а на море корабли небольшие и люди в них плавают. — А в иной перемене объявилось человек с 50 в латах, и почали саблями и шпагами рубиться, и из пицалей стреляти, и человека с три как будто и убили. Я многие предивные молодцы и девицы выходят из-за занавеса в золоте и танцуют. И многие диковинки делали. Да вышел малый, почал прошать есть, и много ему хлебов пшеничных опресночных давали, а накормить его не могли».

Кроме удивления, изумления, восторженной похвалы, посланник не высказывает никакого суждения обо всех этих заморских диковинках, не высказывает о них своей русской мысли, т. е. насколько все это погибельно с точки зрения древнего благочестия. Он ставит только факты и свое простодушное изумление пред ними, полное детской наивности. Конечно его описание, как и сам он говорил, представляло только весьма бледный

очерк того, что он видел на самом деле. Зато, нет сомнения, его рассказы были полнее, образительнее и возбуждали большое любопытство в молодом царе Алексее, который по своему уму и по своим склонностям не мог, слушая их, оставаться с одним только удивлением. Мы не говорим о других подобных рассказах других путешественников или знакомых царю иностранцев, каков напр. был Ив. Гебдон, игравший весьма значительную роль по части знакомства с западом. Известно, что вскоре, по возвращении в Москву Лихачова, в шестидесятых же годах XVII ст., царь принялся устраивать в своих загородных дачах роскошные дворцы (в Коломенском) и роскошные сады (в Измайлове) со всякими европейскими затеями. Не могла остаться совсем покинутою и мысль о театре. Конечно, для исполнения такой мысли требовалось прежде всего живое сочувствие со стороны семьи; именно от самой царицы; но, кажется, первая супруга царя, Марья Ильична, не совсем благоволила к подобным иноземным затеям. Другое дело дворцы и сады, как бы они не были роскошны и великолепны; об

них никакого запрещения в старом Домострое не было. Напротив там очень выхвалялась заботливость о хорошем хозяйстве. Но театральное зрелище, по понятиям старины все-таки было угодием соблазнительным и погибельным. И надо было, чтобы мысль о нем совершила должный оборот, прожила в умах известное время, когда все в ней дикое сделалось бы только диковинным. Такое время настало вместе со вторым браком государя на Нарышкиной. Рассказывают (Берх), что молодая царица была очень веселого нрава и весьма охотно предавалась разным увеселениям, а потому царь, страстно ее любивший, старался доставлять ей всевозможные удовольствия. Матвеев, ее воспитатель, остался руководителем и ее увеселений. Театр был открыт и на нем поставлена пьеса, объяснявшая в лицах даже соответственное новой царице положение, т. е. пьеса с намеками на современные события царского дворца.

Первые представления так называемых *комидий* явились у нас в 1672 г., через год после государева брака с Нарышкиной. Любопытно также, что год рождения в Москве те-

атра совпал с годом рождения великого преобразователя нашей жизни, Петра. В это время в Москву прибыли странствующие немецкие актеры. Как они прибыли, неизвестно; но без особого дозволения или даже и вызова они приехать не могли, потому что для иноземцев всюду существовали тогда самые крепкие заставы и сторожи в лице пограничных воевод, которые были обязаны задерживать таких путешественников и тотчас давать знать в Москву о их прибытии. Быть может вызову этих актеров способствовал известный Матвеев, который потом и заведовал всем ходом и устройством этого небывалого дела в царском дворце. И так в 1672 году странствующая немецкая труппа, верно не очень большая, под управлением магистра Ягана Готфрида Грегори находилась уже в Москве. Рейтенфельс в своих записках рассказывает следующее: «в последние годы царь (Алексей Мих.) позволил прибывшим в Москву странствующим актерам показывать свое искусство и представлять историю Ассиура и Эсфири, написанную *комически*». Затем он объясняет, как вообще началось это невидан-

ное в Москве дело. «Узнавши, что при дворах других европейских государей в употреблении разные игры, танцы и прочие удовольствия для приятного препровождения времени, царь нечаянно приказал, чтобы все это было представлено в какой-то французской пляске. По краткости назначенного семидневного срока, сладили дело, как могли. В другом месте, прежде представления следовало бы извиниться, что не все в должном порядке; но тут это было бы совершенно лишнее: костюмы, новость сцены, величественное слово: *иностранное* и стройность неслыханной музыки, весьма естественно, сделали самое счастливое для актеров впечатление на русских, доставили им полное удовольствие и заслужили удивление. Сперва царь не хотел, чтобы тут была музыка, как вещь новая и некоторым образом языческая: но когда ему сказали, что без музыки точно также невозможно танцевать, как и без ног, то он представил все на волю самих артистов. Во время представления царь сидел перед сценою на скамейке; для царицы с детьми был устроен род ложи, из которой они смотрели из-за ре-

шетки или, правильное сказать, через щели досок; а вельможи (больше не было никого) стояли на самой сцене. Орфей, прежде нежели начал пляску между двух подвижных пирамид, пропел похвальные стихи царю». Это было в субботу на маслянице. В тот же день царь увеселялся на Москве реке медвежьей потехою, а ввечеру смотрел фейерверки.

Мы можем принимать этот рассказ Рейтенфельса за известие о первом театральном представлении в московском дворце, в чем по-видимому нельзя и сомневаться, ибо комедия была изготовлена наспех в одну неделю, т. е. в течении той же масляницы, когда обыкновенно позволялись всякого рода зрелища и даже всякого рода разгул. Вместе с тем, имея в виду последующие действия царя относительно устройства этих зрелищ, мы относим описанный спектакль именно к маслянице 1672 г., когда суббота этой недели приходилась 17 февраля. С этого дня и должна начинаться история нашего театра.

Потеха, как говорит Рейтенфельс, очень понравилась, и нет сомнения, что тогда же актеры были оставлены для устройства но-

вых представлений. Наступивший за тем великий пост, святая и весеннее время, в которое царь потешался обыкновенно соколиною охотою, не были удобны для представления комедий. Между тем мая 30 государь был неизреченно обрадован рождением сына, царевича Петра — будущего преобразователя. Для Нарышкиной, как и для всех ее родных и приближенных, а стало быть и для Матвеева — это было торжество действительно неизреченное. В тот же день главные из них получили повышения в чинах и Матвеев вместе с отцом царицы пожалован в окольничие. 2 июня, в воскресенье, в самое заговенье на Петров пост, в Золотой царицыной палате, государь давал боярству и дьякам родинное пиршество, простое, не чиновное, без зову и без мест, т. е. с устранением старых чиновных порядков столованья. Можно думать, что за этим, так сказать, кабинетным пиршеством, на общем веселии, между разговорами о разных веселостях было вспомнуто и о немецкой комедии и тут же решено устроить комедию во дворце постоянную. И в действительности, на третий же день, как только отошло

пиршество с неизбежным похмельем, июня 4 государь «указал иноземцу магистру Ягану Готфриду учинити комедию, а на комедии действовать *из библии книгу Эсфирь* и для того действия устроить хоромину вновь». Вновь здесь вовсе не значит, что была старая такая хоромина, взамен которой строилась эта новая. Слово это означает постройку новой особой хоромины, назначаемой исключительно для комедиальных только действий. Очень замечателен самый выбор пьесы, ибо история Эсфири некоторыми сторонами и особенно общим: своим смыслом указывала на историю государева брака с Нарышкиною. Смысл этой истории заключается в том, чтобы показать, как Бог низвергает сильных, возвышает уничиженных и расстроивает все козни врагов.

Однажды персидский царь Ассуйр (Артакеркс Долгорукий) во время веселых роскошных пиров, разгоряченный вином, так увлекся общим ликованьем и разгулом, что повелел привести на пир свою царицу, чтобы показать ее, как красавицу, своим собеседникам. Царица, по восточному обычаю, почитая

недостойным для себя и унижительным вообще для женской чести явиться среди веселого мужского собрания, отказалась исполнить волю царя-супруга. Оскорбленный публичным непослушанием супруги, Ассуйр решился развестись с ней и отдал это дело на обсуждение верховного совета. Царская Дума представила, что поступок царицы подает повод и всем другим женам не слушаться своих мужей, а потому и одобряла намерение царя удалить от себя царицу. Вскоре был обнародован об этом и указ царя; царь было и раскаялся, что строго осудил супругу, но было уже поздно, ибо однажды утвержденный указ по тамошним законам почитался неизменным. Тогда вельможи предложили ему собрать из всего царства всех прекрасных девиц и из них выбрать себе супругу. Невесты были собраны и в числе их чудная красавица иудеянка Едисса (мирта). Ее представил ко двору один из привратников; ее дядя, Мардохей, у которого по смерти родителей она воспитывалась вместо дочери. На нее и упал царский выбор. Тогда ей дали новое имя Есфирь (сокровенная). Царь возложил на нее венец и провозгласил

своею супругою. В это время любимцем и временщиком у царя был некто Аман, до того возвеличенный, что по приказанию царя пред ним все должны были преклонять колена, когда его встречали. Мардохей, почитая это идолопоклонством, не исполнял царского повеления и не кланялся гордому временщику. Аман разгневался и решился отомстить. Он начал клеветать на Иудеев, привел их у царя в немилость и выпросил повеление истребить в один день всех Иудеев во всем царстве. Назначен был уже и день. Иудеи трепетали, молились. Мардохей заклинал царицу спасти их, умолила царя об отмене указа. Есфирь приняла на себя этот подвиг и достигла цели. Своим поведением она так умилостивила царя, что тот обещал ей исполнить все, чего она ни пожелает. На первый раз она пожелала только одно, чтобы царь вместе с Аманом пришел к ней на пир. На пиру, очарованный супругою, Ассуйр снова дает обещание исполнять все ее желания. Есфирь опять просит одного, пожаловать к ней на пир с Аманом и на другой день. Аман радуется такому благоволению и еще больше возвышает свою

гордость. Одно не дает ему покоя — это не покорение Мардохея, который и с места пред ним не встает, в то время, как все повергаются на землю при одном появлении временщика. В несказанном гневе, он готовит иудеяину виселицу. Но Бог хранит своего раба. Царь случайно вспоминает заслуги Мардохея и хочет его наградить. Он спрашивает Амана: какой почести заслуживает человек, которого царь желает наградить? Аман принял это на свой счет и предложил царю, что такого человека надо облечь в царскую одежду, возложить на него венец, посадить на царского коня и провести торжественно по всему городу. Ассиур одобрил предложение и повелел Аману же все это исполнить для почести Мардохею. Временщик никак не ожидал такой развязки, но должен был покориться. После церемонии он был позван на условленный пир к царице, на котором Есфирь получает от царя опять тоже обещание: исполнить все, чего она захочет. Тогда царица рассказывает своему супругу о замыслах Амана в его же присутствии. Дело кончается тем, что Аман был повешен на той же самой виселице, которую го-

говил Мардохею, а все враги Иудеев по всему царству были истреблены. Мардохей стал любимцем царя и заступил место Амана [209].

Особенный драматизм всей этой истории давал легкую возможность составить из ее содержания очень занимательную пьесу для «действия», которую, быть может и сочинил придворный учитель Симеон Полоцкий, если она тогда же не была переведена с немецкой или польской уже готовой комедии. Сколько было тут понятного, даже родственного для тогдашней дворцовой публики и в положении лиц, и в их обстановке, и в их стремлениях.

Если мы припомним историю царского брака на Нарышкиной, стр. 261–265, то увидим, что история о Есфири давала довольно намеков на современные дворские отношения, что роль Есфири походила на роль царицы Натальи, во время ее избрания в невесты; так как роль Мардохея на роль ее родственника и воспитателя Матвеева. Кто указывал на Амана, неизвестно, но Матвеев прямо мог думать о Богдане Хитрово, царском дворецком и тогдашнем любимце царя Алексея, как это

рассказывается записками о таких отношениях его сына, Андрея Матвеева. Очень понятно, сколько и сама царица Наталья интересовалась представлением такой комедии.

Комидийная хоромина была построена по указу государя в селе Преображенском, разумеется на государевом дворце в котором таким образом полагался первый камень преобразования нашей общественной жизни. Преображенский дворец, теперь к сожалению уже не существующий, достоин вечной памяти за то именно, что в нем зачинались почти все общественные наши реформы, начиная с мелочей, с бритья бород, и восходя до преобразования войска. Постройка этого первого театра была произведена со всем нарядом на счет двух приказов Володимирской и Галицкой Четей, которыми тогда управлял Артамон Матвеев: стало быть он и был главным и непосредственным двигателем этого дела, которое во дворце быть может не всеми и одобрялось, а потому и исполнялось вдали от дворцовых расходов. Сохранилась записка о лесном материале, который был употреблен на постройку этой комидийной хоромины. В

дело пошло на стены 542 бревна в 4 саж. длиною, что дает повод заключать, что пространство хоромины было не меньше 30 арш. в квадрате при высоте в 6 арш. На переводины пошло 25 деревьев по 10 саж. длины и 50 деревьев семисаженных. На полы и потолки — 493 доски; для стропил 50 деревьев семисаженных и 300 деревьев в 4 саж. В кровли и на внутреннюю отделку 4220 тесниц. Для дверей и окошек 28 колод. Внутри устроены рундуки, полки (места амфитеатром), лавки и подмости в ямах, т. е. на сцене, для рам и декораций. Перед хороминою был устроен обширный рундук, т. е. помост с входными ступенями. Кругом она была огорожена забором с створчатыми воротами. На всякие лесные запасы вышло больше 1000 руб. — Из дворца было отпущено довольно значительное количество червчатого (красного) и зеленого сукна на уборку новостроенной хоромины. Октября 27 выдано в комедийную хоромину в Преображенское на обивку стен и на мосты (полы) сукон анбурских половинками, три половинки червчатых, две половинки зеленых да половинка сукна лятчины [210].

Из этого указания видно, что в конце октября хоромина, совсем уже выстроенная, убиралась или наряжалась на чисто. Кроме внутренней уборки сукнами и коврами, для представлений построено было всякое *потешное платье* и написаны *рамы перспективного письма*, т. е. декорации. Без сомнения помянутое действо Есфири в течение ноября до заговен, т. е. до 14 числа, давалось не один раз. Играли быть может и другие какие либо небольшие пьесы, напр. интермедии и т. п. нечто в роде теперешних водевилей.

Затем в наступивший пост царь конечно не мог смотреть подобных зрелищ и потому представления начинаются опять в мясоед уже в генваре 1673 года. На время поста театральные уборы, ковры, сукна и всякое потешное платье, были вывезены из хоромины и сложены в палату на кремлевском дворе боярина Милославского, который после его смерти еще в 1668 году поступил в число дворцовых зданий, хотя все еще до старой памяти именовался двором Милославского. Это так называемый потешный дворец или теперь Комендантский дом. По видимому коме-

дии очень полюбились царю Алексею, а особенно, быть может, молодой царице. Новый сезон примечателен тем, что на этот раз для театра было устроено новое помещение в Кремлевском дворце, в особой *комидийной палате*.

Действительно, ездить зимою в Преображенский театр было далеко и по многим причинам весьма неудобно. Надо было подниматься всем двором, со всем семейством ехать ночью по сугробам сокольничьего поля, обременять таким выездом весь дворовой чин, не говоря уже о состоянии здоровья, а также и о гостях, для которых эта далекая ночная потеха была бы тоже не совсем приятна, тем более, что приглашение к ней всегда являлось в форме повеления, которое, хочешь не хочешь — надо было исполнить. Таким образом зимний сезон требовал театрального помещения в городских дворцовых зданиях, в Кремле. Распоряжения о театре начались 22 января, в день бракосочетания с царицею, который вероятно царь хотел провести весело. Он тогда приказал «над аптекою, что на дворце, в палатах, построить как быть ко-

мидейному действу».

Нет сомнения, что или сам государь или царица думали, что такое дело можно сделать скоро, в один день, чтоб к вечеру было и готово. Когда, быть может, объяснилось, что так скоро невозможно устроить театр, в тот же день 22 генв., был отдан другой приказ: «хранившиеся в Кремле театральные вещи перевезти в село Преображенское и там комидейную хоромину нарядить по прежнему, чтоб к комидейному действу генваря к 23 числу все было готово». Тотчас перевезли все надобное на 8 подводах и к наряду купили гвоздя двоетесного и одготесного и луженого, также ременья, скоб, крючья, проволоки железной. Неизвестно только состоялся ли в назначенное число этот преображенский спектакль. Должно полагать, что он был отменен, ибо в тот же день, 23 генв., государь дает повторительный указ, чтобы «над приказом Аптекарские палаты в полатах построить и нарядить, как быть комидейному действу», и из преображенской комидейной хоромины перевезть декорации, рамы перспективного писма, в Москву в упомянутые палаты над ап-

текою, которые тогда же и перевезены.

Надо было очень спешить, потому что до масляницы оставалась с небольшим неделя. Постройка комидии была поручена стрелецкому сотнику Данилу Кобылину из полка полковника Бухвостова. Из стрельцов же назначены и плотники, 20 челов., а для поспешенья велено взять и больше, почему и прибавлено еще 5 челов. Они работали пять дней, с 25 января по 29 и даже по ночам, для чего куплено 100 свеч сальных больших за 15 алт. — Как все было построено, неизвестно. Знаем только, что палата была постлана войлоками (47 штук), а по ним коврами; двери и стены обиты также коврами и сукнами; к связям в своде были привязаны брусья, к которым сукна прибиты; сцену отделял особый брус с перилами, на котором положены две полстки; было устроено три завеса на толстой железной проволоке и да медных кольца, которых к новому завесу употреблено 60 штук; куплено 10 деревянных подсвечников которые были утверждены на досках; куплены также две дубовые большие скамьи, а из Преображенского перевезено и особое место, быть может го-

сударево; кроме того выкрашены голубцом какие-то четыре балеты. При перевозке из Преображенского рам — декораций, 36 штук, оказалось, что большие и средние рамы в двери новой комидейной палаты не прошли, почему были перетерты, т. е. разрезаны и построены сдвижными с приделкою 100 задвижек и 200 скоб железных. Эти декорации писал и устанавливал живописец Петр Гаврилов Энглес.

Между тем в Новонемецкой слободе магистр Яган Готфрид учил актеров к комидейному действу, детей из новомещанской слободы (теперь улицы Мещанские), для чего Матвеев 22 генваря приказал ему в эту школу отпустить 2 саж. дров с малороссийского двора (улица Маросейка).

Неизвестно, в какой день начались представления в новой театральной палате, но вероятно уже на маслянице, начавшейся со 2 февраля. Кажется комидия дана была два раза, ибо в это время в два дня перевезено из Немецкой Слободы до дворца 60 человек детей, которые участвовали в комидейном действе; привозили до 30 ч. в день; это число и

должно обозначать всю труппу, бывавшую на представлении. Кроме того в комидии действовали и актеры — немцы, Тимофей Гасенкрух с товарищи, названные игроцами. Оркестр тоже состоял из немцев — музыкантов и управлялся полковником Николаем Фанстаденом. Все эти немцев были привозимы во дворец три раза и след. играли один, третий раз, какие либо свои игры, без актеров-детей. С наступлением великого поста театр был оставлен, и возобновился уже весною, после Троицына дня, в селе Преображенском. На другой день этого праздника, мая 19, царь со всем домом переехал туда на летнее житье. 22 числа Матвеев приказывает «из кремлевских палат, что на дворце над аптекою органы и рамы перспективного письма и что есть, как было наряжено для комидейного действия, все перевезть в село Преображенское, в комидейные хоромы и те хоромы нарядить против прежняго». Опять на 15 подводах повезены были 32 рамы декораций, 9 ковров, сукна, скамьи, органы; опять семь человек плотников с мастером перспективного письма Энглесом устанавливали рамы и устраивали

все, что было надобно. Сколько раз давались в это время представления, неизвестно. Но недели через три, 16 июня, у магистера Ягана Готфрида началось новое ученье комидейного действия; вновь выбрано было в комедианты 26 человек мещанских детей, которые и отвезены к нему в школу в Немецкую слободу на 5 подводах. К осени готовилась новая комедия, о младшем Товии. 6 октября по царскому указу Матвеев приказал выдать «магистру ко исправлению комедии на платье ангелов и на молодого Товию и на одеяние его спутшественников» 30 рублей из доходов Приказа Галицкой Чети. 7 октября Готфрид деньги получил, на строенье комедии, как он упомянул в во списке. 9 октября из дворца отпущено в Преображенское в комедийную хоромину на обивку стен 216 1/2 арш. сукон анбурских червчатых. Между тем еще с 5 октября государь со всем домом отправидся на богомолье к Троице, несколько позднее обычного сентябрьского похода, по той причине, что 22 августа в пятницу шестого часа в 3 чети даровал Бог государю дщерь царевну Наталью Алексеевну и до истечения срока родинного

времени царице подняться в поход было нельзя. С богомолья государь возвратился 26 октября прямо в Преображенское, где со всей семьей и оставался до филипповских заговен, т. е. до 14 ноября. Через несколько дней по приезде, 2 ноября, ввечеру государь ходил в комедию, смотреть действия, как немцы действовали [211]. «Вероятно, до 14 ноября комедийное зрелище повторилось не один раз. Потом в рождественский мясоед следующего 1674 года мы находим комедию опять в Кремлевском дворце, откуда на маслянице во вторник 24 февр. она снова перевозится в Преображенское. В этот день Матвеев приказывает по повелению государя: из палат (кремлевских), что построены над аптекою для комедейного действия, рамы, ковры, сукна, стулы и всякой наряд и органы перевезти для комедейного ж действия в село Преображенское в комедейные хоромы, наскоро».

В тот же день восемнадцать подвод повезли в Преображенское весь этот театральный наряд, служивший таким образом убранством и для кремлевского театра в каменных палатах и для деревянного театра в преобра-

женском дворце. Туда же тотчас вызваны были из Москвы придворный органист Симон Гутовский, с учениками, а из новонемецкой слободы игрецы *Тимофей Гасенкрух* с товарищами и музыканты, которые все и привезены были на 8 подводах. Между тем тогда же для комидии был куплен стол дубовый за 20 копеек. В пятницу на масляной 27 февраля комидия была перевезена на 16 подводах со всем нарядом и с органами опять в кремлевские палаты для комидейного ж действия, которое по всему вероятно в тот же день и представлялось. С окончанием масляницы был закрыт и театр.

Что было в весенний мясоед, нам неизвестно. Осенью, в сентябре, государь справлял две семейные радости: 1 сентября всенародно с подобающим торжеством объявлял сына царевича Федора Ал. наследником царства, а с 4 числа праздновал новое рождение царевны Феодоры. Пирь по случаю объявления царевича продолжались в течении сентября, 1, 6, 17 чисел; потом был совершен обычный поход к Троице. Празднование родин началось с 1 окт. когда был дан родинный стол; затем 4

окт. новорожденную царевну крестили, а 8 был крестинный стол. В эти дни для увеселения дворцового общества на дворце была поставлена старинная музыкальная потеха, которую в молодости во время первой своей свадьбы царь Алексей было отверг, как бесовское угодие. Снова явились трубачи, накрачеи, сурначи, литаврщики, набатчики, которые принадлежали собственно к военным хорам, и быть может по особенной торжественности или громкозвучности своей музыки потребованы на этот раз и для увеселения дворца. Затем развеселившийся государь 21 октября созвал к себе в потешные хоромы на вечернее кушанье все боярство с некоторыми дьяками и даже с своим духовником и угостил гостей на славу, водками, ренским, романею и всякими разными питиями: пожаловал их своею государскою милостью, напоил их всех пьяных. Во время пира, который продолжался почти до 6 часов другого дня, изволил государь себя тешить всякими игры, и его тешили и в органы играли, а играл в органы немцы; и в сурну и в трубы трубили и в суренки играли и по накрам и по литаврам били — во вся.

Пир был в полном смысле предшественником пиров петровских. Само собою разумеется, что не одною же музыкою потешался государь; вероятно ее сопровождали и другие всякие игры. После этих кремлевских увеселений, справив подобающим чином родительскую Дмитровскую субботу поминовения умерших, государь на другой день, 25 окт., выехал со всем домом в село Преображенское и оставался там до 13 декабря, потешаясь время от времени соколиною охотою, комидиями и выездами в близлежащие загородные дворцы, в Измайлово, в Алексеевское (см. выше стр. 381)

Немецкие комидейные потехи даны были на преображенском театре три раза во время мясоеда. В первый раз была комидия как Олаферна царица царю голову отсекала, т. е. Юдифь та самая, которую наши послы в 1634 г. смотрели во дворце у польского короля; — тешили в. государя иноземцы и на органах играли немцы да люди дворовые боярина Артем. Серг. Матвеева. С государем были в комидии бояре, окольные думные дворяне, думные дьяки, ближние люди все, и стольни-

ки и стряпчие. А которых бояр окольниковых, думных дворян и ближних людей не было в походе, т. е. в Преображенском, и за ними были посланы нарочные с указом быть непременно в Преображенском, т. е. в театре.

Другая комидия была Есфирь: как Артаксеркс велел повесить Амана по царьцыну челобитью и по Мардохеину наученью. В комидии с государем была царица, царевичи и царевны — все семейство, а также бояре, окольное, думные дворяне, думные дьяки, ближние люди; стольники и всяких чинов люди. Тешили государя и публику немцы же да люди боярина Матвеева — и в органы играли и на фиолях и в страменты и танцевали.

На заговенье ноября 14, была снова потеха, а тешили в. государя иноземцы, немцы да люди боярина А. С. Матвеева, на органах, и на фиолях и на страментах и танцевали и всякими потехами разными (тешили).

В зимний мясоед 1675 г. в четверг на маслянице, 11 февраля, была комидия, вероятно в Кремле. Тешили в. государя те же действующие лица, иноземцы да люди б. Матвеева, всякими разными играми; началась комидия

В пятом часу ночи или в десятом по нашему счету, *отошла* комедия до света за три часа, след. в пятом часу по полуночи и продолжалась, стало быть около *семи* часов. Весенний мясоед и все дето государь со всем домом прожил на Воробьевых горах; оттуда перешел в с. Коломенское и потом уже 9 ноября в Преображенское, где и жил по 15 декабря, изредка делая выезды в Москву. Быть может между 9 и 14 ноября в окончание мясоеда и дана была какая либо комедия по примеру предыдущего года.

Подтверждение этому находим у Лизека, который пишет следующее: чрез несколько дней после нашего отъезда (7 ноября, если принять русский стиль), немецкие комедианты имели представлять комедию, которая, как они уверяли, доставит большое удовольствие царю, если только в ней будет участвовать один из наших слуг. Это был балансер, заслуживший своими шутовскими и ловкими действиями всеобщее удивление, особенно русских, которые единогласно решили, что он чародей и морочит добрых людей бесовскою силою. В самом деле, над его фокусами

нужно было призадуматься. Например: он перекрестит несколько раз ножи, и они сами собою поднимают венки и деньги. Как мы ни присматривались к его шуткам, но никак не могли отгадать причины странных явлений. Немцы и некоторые из русских просили послов (цесарских) оставить его в Москве, пока он покажет свое искусство царю и царице; но желание их не было исполнено. По отъезде нашем, слух дошел до царя, и он тотчас послал в след за нами генерала Менезиуса, бывшего некогда послом в Вене и Риме с переводчиком, чтобы воротить в Москву нашего слугу — фокусника. На третий день они догнали нас в почтовых санях, и объяснив желание царя, просили отпустить сказанного слугу, и уверяли, что царь отдарит его щедро и тотчас отпустит назад. Послы предоставили ему на волю. Он воротился в Москву, в царских палатах два раза показывал свои фокусы и удивил царя и царицу. К нам он примкнул в Вистервице в Моравии, промотавши все, что подарил царь».

В зимний мясоед 1676 года царь заболел и 30 генваря скончался. Театральные представ-

ления должны были остановиться на долгое время... Вскоре и главный директор этого первого театра боярин Матвеев в том же году подвергся царской опале и наконец ссылке. Потеряв такую важную опору немецкая труппа удалилась вероятно восвояси. Люди Матвеева также частью были разосланы по деревням или же поступили к новым помещикам. Таким образом только что возникшая комедия упразднилась сама собою. Но если зрелища, в течении четырех лет утешавшие государя и двор, прекратились, то все-таки они не могли пройти без следа собственно для народа, по крайней мере для московского общества, в низменных его слоях, откуда по большей части выбирались актеры и статисты для царских комидий. Зрелища прекратились, но осталась мысль, что они позволительны, что в них нет особого греха, как учили люди Стоглава и Домостроя ибо и сам великий государь со всем своим государским домом, со всею боярскою Палатою и даже с людьми всякого чина свободно потешались комедиями, интермедиями и всякими подобными играми и своим присутствием на этих

играх как бы освящали их гражданство в ряду всех других неотреченных народных увеселений; оставалась одним словом мысль, что можно продолжать такие зрелища собственными средствами. С этого времени немецкая комедия свила так сказать гнездо в московском обществе. Таким гнездом были ее ученики, молодежь из мещанства и подьячества.

Как только, еще в 1672 году, магистр Яган Готфрид Грегори получил приказание поставить на Преображенской сцене книгу Есфирь, то без сомнения тогда же и образовалась театральная школа. Ученики или актеры, как мы видели, набраны были из мещанских, а отчасти и из подьяческих детей; из мещанских Новомещанской слободы потому, что эта слобода была вновь населена большею частью выходцами из западного края, которые поэтому и на комедия смотрели другими глазами, более свободными, чем коренные москвичи, кровные дети старого Домостроя, т. е. окрешей во всяких запрещениях древнерусской культуры. В коренных москвичах произошло бы от таких выборов великое мнение и смущение, а потом пожалуй и возмущение, ибо к

тому все готовилось в виду борьбы староверства с разными новинами. Должно быть ученики набирались и во всякое время, смотря по тому, сколько новых актеров или статистов требовала поставляемая вновь пьеса. Впрочем постоянное число их в первое время доходило кажется только до 30 человек. Положение этих маленьких актеров было вообще незавидно. Они сначала не получали за свое ученье даже кормовых денег. В 1673 г. один из них подьячишка Васка Мешалкин с товарищами [212] подали государю челобитную, в которой объясняли: «отослали нас (в июне с 16 числа 1673 г.), холопей твоих, в немецкую слободу, для научения комидейного дела к магистру к Ягану Готфрету, а корму нам ничего неучинено; и ныне мы, *по еся дни* ходя к нему магистру и учася у него, *платьишком* ободрались и сапожишками обносились, а *пить-есть* нечего и *помираем* мы голодную смертью. Милосердый государь! вели нам *поденной* корм учинить, чтоб будучи у того комедийного дела, голодную смертью не умереть». По этой челобитной велено им выдать кормовые деньги с 16 июня, как они поступи-

ли в ученье, по грошу в день человеку, т. е. по 4 деньги, с разрешением выдавать по столько же во все время, покамест в ученьи побудут, но однако ж с *свидетельством*, т. е. с аттестациею магистра об их успехах и старании [213]

Успехи и старание этой малолетней русской труппы засвидетельствованы самыми пьесами, которые она время от времени представляла государю. Из случайных заметок в современных дворцовых записках мы уже знаем, что на дворцовой сцене даны были комедии: 1) Есфирь, 2) Юдифь, 3) Товия младший. Но репертуар этим не ограничился. Сохранилось в рукописях еще несколько комедий, игранных в то же время, о чем положительно говорят их *прологи* или предисловцы, и эпилоги, которыми всегда открывалось и закрывалось действие, и которые обыкновенно восхваляют царя Алексея. Таковы: 4) малая *прохладная* комедия о Иосифе, т. е. о презренной добродетели и сердечной чистоте; 5) малая комедия Баязет; 6) о Навуходоносоре царе, о теле злате и о трех отроцех, в печи сожженных. Затем к тому же времени долж-

но отнести: 7) комедию о Блудном сыне; напечатана в Москве в 1685 г. с картинками, по образцу лубочных сказок; 8) историю о царе Давиде и о сыне его Соломоне премудром, составленную по книге царств, а быть может и по изложению хронографа; 9) Алексей, человек Божий, диалог в честь царя Алексея. «Представлен в знамение верного подданства чрез шляхетскую молодь студентскую в коллегиуму киево-могилянскому на публичном диалоге». Напечатана, в Киеве 1674 г., февраля 22.

Комедии 6 и 7, писаны стихами и принадлежат перу Симеона Полоцкого. Много вероятного, что и первые 5 комедий переведены, а иные быть может переделаны или и составлены им же. Он был придворным учителем, ритором и пиитом, и знатоком иностранной, именно светской и особенно польской литературы, откуда легче всего было черпать по крайней мере образцы для первых драматических или как тогда говорили комидейных сочинений. Другому не кому было и поручить такого нового дела. Упоминается еще о комедии Темир-Аксаково действо, которая была в

Верху у государя, но была ли поставлена на сцену неизвестно, как замечает г. Соловьев (История XII, 171). По всему вероятно это та самая комедия, которая названа Баязетом. По свидетельству г. Пекарского, она «написана в 4 действиях, в которых есть все театральные эффекты и ужасы, сражения, убийства и т. п.» Дело идет между Баязетом и Тамерланом, союзником Палеолога, и след. защитником христиан. В лице Баязета выведена самонадеянная гордыня. «На сцене происходит сражение; Тамерлан остается победителем и является в битве на коне, к нему приводят побежденного Баязета в клетке, где он и разбивает себе голову. В пьесе есть шутовские сцены; шут называется по-голландски Пикель-Гярингом; помещены также и веселые песни» [214].

Комедия Юдифь, библейский сюжет которой достаточно известен, принадлежит к числу переводных и нет сомнения к числу первых, представленных при царе Алексее, ибо в ней проходит тот же драматический мотив, что и в Есфири. Она заключается торжеством утесненных и уничиженных Иудеев, выставивших на стенах своего города главу высоко-

мерного Олоферна и провозгласивших всенародно: «Зде висит яростная глава того мучителя, знаменующе, яко Господь Бог гордым противляется, смиренным же дает благодать». Комедия сочинена в семи *действиях*, а действия распределены на *сени*, явления, всего 29 сеней и одно *междосение*, после третьего действия. Все первое действие, 4 сени, происходит у Ассириян, готовящихся наказать Иудеев за непокорность. Второе — в 3 сенях, печаль и сетования Иудеев, самохвальство Олоферна и радость его солдат, что началась война и им стало жить хорошо и привольно, да и прибыточно, потому что грабеж, разбой — военное дело. Третье, 5 сеней с междосением, идет вперемешку, то у Иудеев, пребывающих в страхе и в печали; то у Олоферна, продолжающего возноситься и презирать даже благоразумные советы одного из своих воевод. В том же порядке идут и 3 сени четвертого действия, в конце которого является Юдифь. Пятое действие, в 5 сенях, идет также вперемешку между сценами печали и молитвы у Иудеев и сценами солдатского пира в стане ассириян, и солдатсколю плена, т. е. вообще солдатскими

сценами, грубыми, цинически шутливыми. Шестое действие, 5 сцен, продолжает перемешку сцен Юдифи и Олоферна и оканчивается, для остановки в интересном месте, шутливою казнию у Иудеев пленного солдата. Точно также идет и седьмое действие, то у Олоферна, то у Юдифи, оканчиваясь ее торжеством.

Все действующее общество главным образом является в трех видах. Один, царь Навуходосор, а затем главное лицо Олоферн с воеводами изображают непомерную гордыню, высокомерие и самовосхваление; для большого блеска этих качеств введен Ахиор, муж правды и благоразумия, за что потом и страдает. Другие — Иудеи, первосвященник, старейшины и пр., изображают печаль угнетения, смирение и надежду на милосердие Божие; третьи — ассирийские солдаты, равно и служанка Юдифи представляют грубые, своекорыстные и цинические интересы простонародья и солдатства. Поэтому в этом последнем виде сосредоточивается и все комическое этой комедии или собственно драмы, т. е. все шутовское, ибо так комическое в то время по-

нималось. Нельзя сказать, чтобы представленная здесь характеристика солдатства рисовала только польское войско; здесь общими чертами обозначено солдатство, каким оно было в XVII ст. во всей Европе, даже и с подсмеиванием над жидами по поводу свиного мяса. Вообще во всей комедии ничего не видно особенно польского, как и особенно немецкого за исключением названий чинов: гетман, войсковой маршалок, поручик, ротмистр, бурмистр, которые могут указывать лишь на западно-русское происхождение переводчика, как и выражения: укус-вкус, ходи брате; но он же называет палача мейстер-никелем, а храмы языческие мечетями. Затем остается столько же намеков на старые русские нравы и русские бытовые положения; подарок переводится поминком, офицеры — сотниками. Когда перед виселицею прощается с жизнью солдат, шут Сусаким, то говорит между прочим: «Простите вы благородные сродники мои из пятерых чинов: ярышки, чурь, трубочистники, брения возники и благородные чины духовные, иже при церкви прощаею милостынею питаются». Должно пола-

гать, что комедия некогда принадлежала общеевропейской средневековой литературе откуда перешла в Польшу, а потом и в Москву. Нет сомнения, что переводчиком был Симеон Полоцкий.

Цветы остроумного и смешного заключаются в том, что тот же Сусахим, когда ему лисьим хвостом, вместо меча отрубили будто бы голову, в испуге думает, что действительно умер; опомнившись, рассказывает, как мнится ему, что «живот его отступил из внутренних потрохов в правую ногу, а из ноги в гортань и правым ухом вышла душа», потом, приходя в себя, собирает раскиданное вокруг платье; токмо не знает, где его глава, везде ищет главы своей и затем обращается к публике, прося отдать ему голову, если кто из любви и приятства скрыл ее, и т. д. Когда Юдифь совершила свой подвиг и отдавая служанке Абре голову Олоферна, торопит ее спешно идти, бежать скорее, та заключает самое действо следующим замечанием: «что же тот убогий человек скажет, егда пробудится, а Юдифь с главою его ушла?»

Комическое более тонко проведено в этой

последней 3 сени VII действия в разговорах между Олоферном и Юдифью, где замысловато поставлена игра двух стремлений: распаленный вином Олоферн изъясняется пред Юдифью в любви; та дает ответы согласия, утверждающие главным образом ее заветную решимость лишить его жизни. Сень открывается заздравным кубком Олоферна в честь Навуходоносора. В это время появляется Юдифь. *Одид.* Велеможный Олоферн! Зри, какая семо приходит пресветлая звезда. *Олоферн.* Истинно богиня некая еврейская та нарещися может. (Вагав просит или сапоги, или саблю, хочет бежать или главы лишиться). *Олоферн.* Что глаголеши глупче?

Вагавд. Аз мне тому достойно быти, да глава ему отсечена будет, иже от таковы прекра- савицы бежал или устрашился ее.

Олоферн. Кому бежати или устрашиться? Никако. Но приятствую, да сея нощи главу свою на лоне ее держу.

Юдифь. Милостивый господине! Бог сие желание твое исполнити может.

Олоферн. О! садися победительница храб- рости моя, обладательнида сердца моего! Са-

дися возле мене, да яси и пиеши со мною, веселящися; ибо яко ты едина мое непобедимое великодушие обладала еси, тако имаши милость мою сама ни чрез кого же иного совершенно употреблять.

Юдифь. Ей, господине мой! аз возвеселюся усердственно; никогда же еще такой чести восприях (Зде она оглядывается и говорит:), Абра! дай ми еству, юже про мене уготовша еси. (Зде тихо говорит:) Да не отходиже прочь ни пяди; слышишь ли?

Абра (дает ей еству и молит:) Где мне отходить, собаки бы мя заеди.

Олоферт. О вы мои воины! пию же к вам про здравие сея красавицы, яже впредь еще асирием заступление быти имать.

Сисера. Ей истинно Навуходоносор великий нарицается бог Юпитер, ты же Олоферн еси Марс; чем же ассирийское небо возможет лучше украшено быти яко сицевым прекрасным солнцем?

Вагавд. Тогда же аз Меркурием буду, понеже сию богиню Венус к Марсу привел есмь.

Абра (говорит отай:). Аз же хотя малою планетою буду у печи.

Все пьют за здоровье прекрасной Олоферна. Юдифь просит не называть ее так, потому что она только раба Олоферна. Олоферн объясняет ей, что она уже не раба его, а повелительница, ибо прехрабрейше его учинилась; он еще не единожды не приступал к городу, а она, преизрядная гражданка, уже Олоферновым сердцем обладает.

Юдифь. Ей воистину! Когда бы, милости твоя сердце в владении своем имела, тобы почитала, яко весь свет себе в свойство получих.

Олоферн. К сицевому получению бози тя сея ноци сподобят.

Юдифь. Благоволение Божие с надеждою моею да исполнится.

Олоферн. Не зриши ли, прекрасная богиня! яко сила красоты твоя мя уже отчасти преододевает; смотрю на тя, но уже и видети не могу, хощу же говорити, но языком (Зде он говорит яко пьяный) больши прореци не могу... Хощу, хощу, но немогу же; не тако от вина, яко от силы красоты твоя аз низпадаю...

По этому отрывку, можно судить и о свойствах языка комедии, неимоверно тяжелого и

большую часть темного, особенно в разгла-гольствиях и рассуждениях, которыми до чрезвычайности растягивается и замедляет-ся ход пьесы. В видах придать ей некоторое оживление, сверх шутовских сцен, внесено и несколько песен. Так после 3 действия в межд-осения поют зело жалобно каждый свой стих пленные цари; в 5 действе, сень 2, поют весе-лую песню пирующие солдаты; а в конце пье-сы поют торжествующую песнь освобожден-ные Иудеи. Песнь солдат отличается даже некоторою легкостью стиха. Орив поет:

*О братья наша!
Не печалитесь,
Ниже скорбите,
Но веселитесь.
Кто весть, кто из нас утре в жи-
вых будет?
Смело дерзайте,
Пока живете,
Не сомневайтесь,
Но веселитесь,
До коих мест сердце в теле жи-
вет.*

Вообще должно заметить, что тяжесть мудрых нравоучительных и рассудительных

разглагольствий, какими всегда наполнялись комедии, хорошо чувствовалась их составителями или переводчиками и потому необходимою принадлежностью тогдашнего зрелища являлась всегда интермедия, нечто подобное теперешнему фарсу или дивертисменту. Так сочинитель комедии о Блудном сыне в ее прологе говорит, что разделил пьесу на 6 частей и после каждой части, нечто примесихом, утехи ради, потому что все стужает (надоедает), что едино без перемен бываетъ». Примесил же он к комедии пение, игранье на органах и *intermedium*.

О комедии Алексей Божий человек, мы упоминаем после всех других по той причине, что очень сомневаемся была ли она представлена, «в присутствии Алексея Михайловича при Московском дворе [215]. На это не находим доказательств ни в самой пьесе, ни в известиях о первых наших театральных зрелищах. Верно только то, что она играна студентам в Киеве в 1673 году, «в знамение верного подданства, и в честь царю Алексею». В сущности это было восхваление и прославление Московского царя. В Москве же играть

эту пьесу не было достаточных поводов и едва ли бы царь Алексей согласился поставить на сцену своей комедийной хоромины личность своего тезоименитого ангела, которого житие читалось благоговейно только на царских именинных трапезах. Комедия неудобна была для Москвы и особенно для царского дворца даже и по языку, испещренному не только южнорусским, но во многих местах и польскими речениями. Если б она была играна в Москве, то непременно ее переделали бы на московскую речь, разумеется книжную, какую отличаются все остальные комедии. Одним словом в Москве она была бы наряжена в московский костюм и самые сцены были бы названы не *нахождениями*, а *сенями*, как они назывались даже и в последующее, уже петровское время.

Нам кажется, что одною из первых комедий, представленных в Москве, в присутствии государя, была комедия *Баязет*. В ее эпилоге актеры говорят царю следующее: «Как древле пали все снопы пред единым снопом Иосифа, кланяясь, так и мы падаем на землю пред царским вашим величеством. Но

что может значить наш поклон пред величеством и милосердием вашим? Однако ж, как некогда великий Александр, царь Македонский, сосуд студеной воды принял в дар от одного из рабов своих, предпочтя оный другим золотым жертвам, так и мы, уповая на превысокую милость в. ц. в., припадаем паки смиренно к подножию вашего престола, униженно моляще, да благоволят в. ц. в. *«сиюмалую и вскоре сотворенную комедию от нас, яко еще неискусных и несмышленных отрочат всемилоостиво восприятии»*. Так могли говорить только те Русские ученики — комедианты, с которыми ставил комедии магистр Яган. В другой комедии о Иосифе они тоже засвидетельствовали свою работу, объясняя, что *паки* (опять) *малую*, прохладную о преизрядной добродетели и сердечной чистоте комедию в действе о Иосифе в пречестные очи (царя) предпоставити умыслили и не отчаеваются, что обычная милость государя окажет свое благоизволение и к этому *детскому действию* их (во всемилоостердом пресмотрении детского действия нашего проводите оное благоизволите). Есть намек об отрочестве ар-

тистов и в *жалобной комедии* о грехопадении Адама и Евы, где они именуют себя *человеческими отроками*: и смиренно молят царя о прощении, что *ныне* при потешных радостных комедиях и едину малую *жалобную комедию*, т. е. о Адаме и Еве, примешали. Радостными комедиями без сомнения названы те, где торжествует добродетель, т. е. вера, в Бога, смирение и т. д. Каковы напр. Есфирь, Юдифь, Товия, Баязет. В падении Адама, в торжестве греха, конечно, кроме жалости, никакой радости быть не может, вот почему она и отличена от других комедий именем *жалобной*.

Мы не имеем сведений о том, продолжались ли театральные зрелища при царе Федоре Ал. и в правление царевны Софии. Можно полагать, что в осенний мясоед 1679 г., когда молодой царь неоднократно выезжал в Преображенское, там в ряду обычных веселостей могли быть представляемы и комедии. Вообще же время Федора, как особенно время Софии, не было благоприятно для подобных утех. Еще по смерти царя Алексея царская семья разрознилась, разделилась на две враж-

дебные стороны, посреди ее шла постоянная темная смута и ненависть; притом, именно та сторона (Нарышкины), которая наиболее благоприятствовала европейским новинам, с каждым днем все больше теряла свою силу и власть; другая сторона, забиравшая эту власть в свои руки, в лице своих деятелей числила очень многих ревнителей старого благочестия да и сама стремилась утвердить свое значение на особом уважении к его порядкам и формам. Правила же старого благочестия совсем отвергали не только упомянутые утехы, но и малейшее отступление от укрепившихся обычаев. Все это мало способствовало тому, чтобы во дворце поддерживались Алексеевские немецкие потехи — комедии, как увеселения общие, общественные для дворца.

Однако ж достаточно распространилось, и утвердилось, как факт, мнение, что «в термах просвещенной европейским учением царицы Софии Ал. представляли не только духовные трагедии, написанные другими, но и собственные ее сочинения и переводы; что она сама в представлении участвовала с при-

ближенными боярышнями и царедворцами». Мне известно по семейным преданиям, писал кн. А. Шаховской, что прабабка моя Татьяна Ивановна Арсеньева, боярышня царевны Софии Алексеевны, представляла лицо Екатерины. Мученицы в трагедии, написанной самой царевной (так она сказывала своей дочери, а моей бабке), и что Петр Великий, бывая всегда при театральных зрелищах в теремах своей сестры, прозвал Татьяну Ивановну «Екатериной мученицей — большие глаза». При этом автор говорит еще, что представления в теремах заведись в 1690 году и что Дмитревский полагал, что Мольеров «Врач по неволе» если и не переведен самою царевною, Софией, то верно игран в ее теремах [216]. Знающему читателю очень заметны рассказанные здесь несообразности. К сожалению, писатели о театре, вообще мало знакомые с своею историею, повторяли и даже распространяли краткое, но ошибочное указание Штелина, который в своем «известии о театральных в России представлениях», написал между прочим так: «царевна София с благородными девицами и мужчинами играла также в коме-

диях» [217]. Заметка верная в отношении царицы, только не Софии, а Натальи Алексеевны, тоже сестры Петра, о которой во времена Штелина стало быть успели уже совсем забыть и помнили только одну царицу Софию, оставившую по себе историческую память, которой поэтому и присваивали все, чем замечательна была какая либо царица. Наталья Алексеевна (ум. 1716) действительно была страстная любительница театра и не мудрено, что комедии давались у ней даже в ее хоромах с 1690 г., когда ей было уже 17 лет. Вероятнее однако ж, что они ставились на старом Преображенском театре. Верно также, что она сама сочиняла разные комедиантские действия, ибо Бассевич прямо свидетельствует, что «Принцесса Наталья, младшая и любимая сестра Императора, говорят, сочинила не задолго до своей смерти, две пьесы, расположенные по очень умному плану и в которых были подробности не лишенные красоты, но недостаток в актерам помешал представить их на сцене». Другой иностранец Вебер рассказывает, что «Наталья Алекс. (уже в Петербурге) заставляла играть драматиче-

ские пьесы, которые смотреть волен был всякий [218]. Для помещения театра избрали огромный пустой дом, где устроили партер и ложи. 10 актеров и актрис были природные русские, не выдавшие ничего кроме России, а потому можно вообразить себе их искусство. Великая княжна и сама сочиняла по-русски трагедии и комедия, заимствуя для них сюжеты из библии или из обыкновенных вседневных приключений. Роль арлекина (непременное лицо) поручена была одному обер-офицеру, и он вмешивался с своими шутками туда и сюда в продолжении представления; потом выходил оратор и рассказывал о содержании и ходе пьесы, а наконец следовала и самая пьеса, где была изображена неудачность восстаний и всегда несчастный конец их. В этой пьесе, так объясняли Веберу современники, было выведено на сцену одно из последних стрелецких возмущений». Г. Пекарский, у которого мы заимствуем эти сведения, открыл и самую пьесу, это — *Стефанотокось* где аллегорически представлен заговор Шакловитого, со вставкою эпизода (IV действие) из старой комедии — Эсфири. После смерти царевны

осталось довольно комедиантских письменных книг, составлявших целую библиотеку, таковы: о Георгие и Шакиде, тетрадь о страдании Ксенофонта и Марии, тетради Крисанфа и Дарии, Адриана и Наталии, Июлиана, Евстафия Плакиды, Павла и Иулиании, Искупление человека от падения его, Повести о цесаре Римском Отте [219]. Таким образом театральный репертуар царевны Наталии носил в себе еще идеи XVII ст., держался около церковной книжности, а потому вместе с характеристикой самого спектакля, сделанною очевидцем Вебером, дает довольно определенное понятие о том, как составлялось и как велось комидийное действо и при царе Алексее. Затем согласимся, что все рассказываемое в разных историях нашего театра о царевне Софии, должно относиться к царевне Наталии, ибо современных известий об артистических предприятиях царевны Софии, как и вообще о дворцовых театральных зрелищах в ее время мы покуда не имеем.

Заметим кстати, что при Петре, во время свадьбы шута Филата Шанского, в 1702 г., комедия дана была уже в Грановитой Палате,

куда 26 генваря к строению будущей *диологии* с Казенного двора отпущено на 20 персон тафты разных цветов 200 арш. да на завес тафты лазоревой 50 арш.; а февр. 10 в Оружейной Палате велено изготовить к комедии: 12 киризов (кирасы) и лат с шапки, 15 пансырей с мисюрки, 12 сабель. Новое название *диология* очень верно определяло целый отдел пьес в тогдашнем репертуаре, в которых не было никакого драматического действия, а были только разговоры аллегорических лиц с целью изъяснить какую либо общую нравственную или политическую мысль, с целью указать неисповедимые пути Божьего Промысла в жизни человеков или же оправдать дела государевы и осмеять его врагов — приверженцев староверства и невежества.

ГЛАВА VI

ЦАРИЦЫН ДВОРОВЫЙ ЧИН

Женский чин: Мамы и верховые боярыни, их честь и место. Казначей. Постельницы. Комнатные бабы. Мастерицы. Портомои. Мужской чин: приказный, крестовый, стольничий, походный, истопничий мастерской. Царицына слобода Кисловка. Черты жизни и нравов младшего чина дворовых людей по сыскным делам и челобитным.

Дворовый чин или придворный штат царицы состоял, в ближайшей службе, по преимуществу из женщин. Первое место в женском чину принадлежало боярыням, которые именовались *дворовыми или верховыми*, а между ними первое место занимали боярыни *мамы* малолетних царевичей и царевен. Старшинство мам соответствовало старшинству возраста царских детей, а потом старшинству мужского племени пред женским. Мамы царевичей, хотя бы и самых меньших по возрасту в целой семье, были всегда выше мам даже и старших возрастом царевен. В ма-

мы избирались пожилые, опытные и, главное, самые приближенные к царице или к государю вдовы, большею частью из их же родственниц. Мамою царя Ивана Васильевича была вдова Аграфена Челяднина, жена государева дворецкого. Челяднины в то время занимали самые первые по приближению должности почти сряду в течение двадцати лет (1496–1518 г.) перед рождением Грозного. Отец и брат дворецкого были конюшими. Первому царевичу из рода Романовых Алексею Михайловичу (род. 1629 г.) в мамы была избрана его бабушка по отце, Орина Никитична Годунова, сестра Филарета Никитича и жена окольничего Ивана Ивановича Годунова, мужа доброго и благочестивого по отзыву иностранцев, который, служа царю Васшью Шуйскому, погиб в Калуге от второго Лжедмитрия в 1610 г., «скончася мученически, но к советникам самозванца не приложися».

Мамы получали годового жалованья более чем вдвое прочих дворовых боярынь. Во второй половине XVII ст. их оклад простирался от 50 и до 100 р. Столовых или кормовых денег они не получали, затем что, живя во двор-

це, пользовались всем дворцовым содержанием. Исполнив свою прямую службу, мамы обыкновенно уходили в монастырь; но при царевнах иногда они оставались и после их возраста, заведая по прежнему всеми их делами и всем их обиходом. Мама царевны Софьи Алекс. княгиня Анна Никифоровна Лобанова-Ростовская оставалась мамою в дворцовом штате до своего пострижения в монастырь. Она скончалась в Новодевичьем монастыре, в 1709 г., схимонахиною. При дворе, сначала в числе приезжих боярынь, она находилась более 60 лет.

В чин дворовых боярынь избирались обыкновенно вдовы по большей части из царицына родства или же по заслугам из придворных женщин меньшего чина, преимущественно из казначей, а иногда и из кормилиц, разумеется после долгой и испытанной службы. Так известная Анна Петровна Хитрово появляется в первое время, в 1630 году, казначею у царевны Ирины Мих. В феврале 1646 года, по случаю разбора всего царицына чина умершей царицы Евдокии Лук., она была отставлена; при чем отмечено: по ее челобитью

отпущена постричься. Но отметка была зачеркнута и показывала только, что Хитрая, вышла из двора по собственному желанию. Спустя несколько лет, именно в 1658 году, она была пожалована прямо в дворовые боярыни и с этого времени постепенно приобретает влиятельное и первенствующее положение между боярынь. Она особенно возвышается назначением в мамы к царевичу Федору Ал. — Когда царевич достигает возраста и по смерти старшего брата Алексея становится сам старшим в семействе и объявляется наследником престола, его мама, по естественной причине, является тоже старшею и первою в дворовом женском чину. Она приближается даже и к новой царице Наталье Кирилловне. В 1672 г. за родинным стоном царевича Петра она стоит у ней в кравчих, что повторяется и в 1674 г. на родинном и потом на крестинном пиру царевны Феодоры. По смерти царя Алексея, у царя Феодора, своего воспитанника, Хитрая становится ближайшим человеком, а по частым болезням молодого царя и необходимым лицом в его комнате. Затем у новых цариц, у двух супруг царя Федо-

ра, Агафьи Сем. Грушецких и потом у Марфы Матв. Апраксиных она является полною хозяйкою и тоже исполняет важную должность кравчей, но не ради только торжественных столов, как у царицы Натальи, а повседневно. Должно полагать, что она введена во двор и в комнату к царевичу Феодору своим родственником, любимцем царя Алексея и его дворецким Богд. Матв. Хитрово, при помощи которого она постоянно и высилась. В чиновных списках ее имя, уже на втором месте, упоминается еще в 1698 г.

Находившись такое долгое время, около 70 лет, в царицыных хоромах, зная насквозь весь царский домашний обиход, все тайные нити дворских отношений, эта женщина, всегдашняя приверженница рода Милославских, умела так, себя держать, что невредимою прошла чрез все дворские смуты конца XVII ст., хотя, как говорят, была одною из начальных причин семейной вражды между Милославскими и Нарышкиными, потому что была лютою враждебницею царицы Натальи Кирилловны и всего рода Нарышкиных. Под фарисейским только видом постница, пустой ли-

цемерной бабьей святыни только устами полная, Хитрая, по прозванию и по истине хитрая видом, нравом и самым делом, она ушничеством и ложным наговором, быть может больше чем другие другими средствами, успела родовую вражду в царском доме довести до известной печальной стрелецкой трагедии. Так, по крайней мере, писал о ней сын погибшего в этой трагедии боярина Матвеева, Андрей Матвеев.

Дворовые боярыни утверждались в своем звании особым царским указом. Соблюдался ли при этом обряд сказыванья им их боярства, неизвестно; но вероятно царицын дворецкий или царицын дьяк провозглашали им царский указ в присутствии царицы и прочих боярынь. Этот указ вносился иногда даже в записные разрядные книги, в которых напр. читаем: 1675 г. июля 6, «пожаловал в. государь в *верховые* боярыни стольника Федорову жену Григорьева сына Кокорева вдову Марью Иванову дочь, а по отце Акифьевых. А указано ей быть, по указу в. государя в *светлице* у мастериц и указано ей ведать мастериц всех» [220]. Таким образом из верховых боярынь

некоторым поручалось всегда какое либо особое заведывание в обиходе царицына быта. Одна, главнейшая боярыня, была *кравчею*, находилась постоянно при царице и быта, так сказать, ее правою рукою во всех домашних делах ее обихода. Другая заведовала вообще царицыною казною и называлась боярыней — *казначеей*, третья была *светличная*, заведовала всеми рукоделиями женского царицына чина, четвертая — боярыня-*постельница*, в ведомстве которой состоял весь постельный обиход царицы, в том числе и портомойное дело; пятая была боярыня — *судья*, рассуждавшая разные дела царицына дворового женского чина, относительно исполнения придворных обязанностей, споров и ссор между тем же женским чином, особенно рукодельным и постельным. Сверх того боярынею же называлась и *приказная* Хамовного двора, на котором изготовлялась всякая белая казна, полотна, скатерти и т. п. Этот двор находился в слободе Кадашове, от чего и боярыня, заведовавшая хамовным делом называлась *Кадашевскою боярынею*. Она впрочем не принадлежала к чину дворовых боярынь, а

равнялась по должности казначеям.

Верховые боярыни получали годовое денежное жалованье, смотря по своему достоинству и по значению их занятий. В XVII ст. оно не превышало 50 р. в год, а в меньшей степени, в начале столетия, доходило даже и до 10 р. Впрочем средний и обыкновенный их оклад бывал в 25 р. Кормовых денег они не получали, потому что кормы, подачи и питье для них выдавались из дворца.

В начале царствования Михаила Федоров., когда он собирался жениться на Марье Влад. Долгоруких, а царицыным двором правила его мать инока Марфа Ив., дворовыми боярынями были (1624 г. сент. 15) две вдовы княгини Долгоруких, Татьяна Степановна и Прасковья, из которых первая получала годового жалованья 30 р., вторая 28 р. Вероятно они назначены были служить во дворе молодою царицею, как близкие ее родственницы. Третьею боярынею была Марья Юрьевна Головина, получавшая 10 р. В 1625 году мая 28, на место Долгоруких, которые по смерти царицы удалились в монастырь, именно в Вознесенский, к иноке Марфе Ивановне по ее же указу

велено жить в Верху вдовам же Катерине Бутурлиной с жалованьем по 30 р. и княгине Овдотье Коркодинове с жалованьем по 25 р., причем Головиной назначено по 20 р. Перед свадьбою царя на Стрешневой, в 1625 г. боярынями были те же Бутурлина и Коркодинова; вновь поступили: Федора Заболоцкая (жалов. 25 р.), вдова Соломонида Васильчикова (жалов. 23 р.) Быть может последняя поступила на место Головиной, имени которой с тех пор мы не встречаем в записках.

Приводим списки боярынь, состоявших в царицыном чину в течении XVII ст.

У царицы Евдокеи Лукьяновны мамы: Царевича Алексея — Орина Никитична Годунова, жена Ивана Ив.; Ульяна Степ. Собакина, жена Сергея Степан. Царевича Ивана — Анна Конст. Стрешнева. Царевны Ирины — княгиня Марья Ив. Хованская, жена Ивана Фед. Царевны Анны — кн. Ульяна Вас. Троекурова, жена Романа Федор. Царевны Татьяны — кн. Марья Ив. Пронская, жена Василья Романов.

Боярыни: Собакина Ульяна Степ. крайчая 1628 г., а потом мама. Бутурлина Катерина Ив., жена Василья Матв.; Кн. Мезецкая Соло-

монида Петровна, крайчая. Кн. *Коркодинова* Авдотья Федоровна, Светличная. *Васильчикова* Соломонида. *Заболотская* Федора, постельница. *Травина* Анна Борисовна. *Пушкина* Анна. *Колычова* Анна Андреевна, жена Ивана Федор., *Скобелцына* Татьяна; Кн. *Одоевская* Анна Ив., жена боярина Ивана Ивановича. Кн. *Туренина* Марья Елизарьевна, жена Василья Ивановича.

Боярыни: Милослаескал Матрена Сем., с 30 мар. 1648 г.; *Вельяминова* Анна Мих., урожденная Ртищева, с 30 мар. 1648 г., крайчая. Кн. *Коркодинова* Авдотья. Фед.; *Еропкина* Аксинья Григор., с 30 мар. 1648 г. *Давыдова* Домна Сем., из казначей, с 14 апр. 1648 г.; *Нарбекова* Наталья Ал.; Кн. *Мещерская* Анна Андр., с 1663 г., жена князя Лаврентья. *Вельяминова* Устинья Ив.; *Хитрая* Анна Петровна вдова Степана Тарасова Хитрово; *Кологривова* Аксинья Ив.; *Плещеева* Анна Семеновна; *Колычова* Анна Егупьевна; Кн. *Горчакова* Агафья Роман., с 1667 г.; Кн. *Волконская* Домна Никит.; Кн. *Хилкова* Анна Матв.

У царевен: Кн. Пронская Марья Ив.; *Собаки-*

на Ульяна Степ.; *Травина* Анна Борис; Кн. *Щетинина* Ульяна Мих. (Тимоф.); *Толстово* Дарья Ив., с 1663 г.; *Мартюхина* Марья Андр., крайчая у царевен больших, с 1659 г.; *Супонева* Анна Матв., с 1667 г.; *Ивашкина* Пелагея Иван., с 1667 г.; *Зубова* Афросинья Демид., крайчая царевен меньших.

У царицы Натальи Кирилловны при жизни царя Алексея мамы: Царевича Петра — Матрена Романовна *Леонтьева*, Кн. Ульяна Ивановна *Голицына*. Царевен: Натальи — кн. *Прасковья* Ив. *Ромодановская*. Феодоры — кн. Анна Львовна *Львова*, жена стольн. кн. Андрея Ив.

Мамы детей от Милославской: Шереметьева Ульяна Петр.; Кн. *Лобанова* Анна Никиф.; *Шереметева* Настасья Фед.

Боярыни: Хитрая Анна Петр.; Кн. *Мещерская* Анна Андр.; *Леонтьева* Матрена Роман.; *Вельяминова* Анна Мих.; Кн. *Горчакова* Агафья Ром. *Блохина* Матрена Вас., из казначей с 1672 г. на место Еропкиной. Кн. *Волконская* Домна Никит.; *Соловцова* Анна Степ.; *Давыдова* Марья Борис. с 1672 г. на место Вельяминовой Устиньи; Кн. *Ухтомская* Анна Фирсовна;

*Плещеева Федора Ив.; Толстова Дарья Цв.; Мартюхина Марья Андр.; Супонева Анна Матв.; Ивашкина Пелагея Ив.; Мертвого Акси-
нья Алексеевна, с 1672 г. на место Зубовой,
крайчая у царевен меньших. Ильина Марья
Ив.; Мясная Дарья Силична.*

*Чин боярынь за 1680–1682 г. Мама кн. Анна
Никиф. Лобанова. Дворовыя: Грушецкая Марья
Матв. у царицы Агафьи Сем.; Хитрая Анна
Петр. боярыня у цариц Агафьи Сем. и Марфы
Матв.; Кн. Мещерская Анна Андреевна; Кн.
Ухтомская Анна Фирсовна, была после у ца-
рицы Прасковьи Фед., умре 20 мар. 1688 г.; Кн.
Горчакова Агафья Ром. боярыня, у царицы
Агафьи Сем., а после у царицы Прасковьи
Фед.; Плещеева Федора Ив., царицы Агафьи
Сем.; Вельяминова Арина Фед., Светличная,
царицы Агафьи Сем.; Свиньина Авд. Ив., цари-
цы Агафьи Сем.; Орлова Офимья Ларион.; Пол-
тева Анна Ив. царицы Агафьи Сем. Неелова
Федосья Ив. из казначей царевича Федора, у
царицы Агафьи Сем., потом пострижена в
1688 г.; Толстова Дарья Ив.; Мартюхина Ма-
рья Андр., у больших царевен; Супонева Анна
Матв., у больших царевен, умре 1688 г.; Иваш-*

кина Пелагея Ив., у меньших царевен; *Мертваго* Аксиныя Ал., у меньших царевен. *Ильина* Марья Ив.; *Мясново* Дарья Сил.; *Лодыженская* Анисья Юр., в 1678 г. у царевен меньших; Кн. *Шаховская* Марфа Тимоф.

Царицы Натальи за 1680 г.: Мама кн. *Прасковья* Ив. *Ромодановская*. *Боярыни*: *Левонтьева* Матрена Ром.; *Блохина* Матрена Вас.; *Кокорева* Настасья Ив., светличная; кн. *Волконская* Домна Никит.

Чин боярынь в 1691 г. и за последние годы XVII ст. Мамы А. И. *Лобанова-Ростовская*; Марья Мих. *Салтыкова*; Анна Львовна *Собакина*. *Боярыни*: А. И. *Хитрово*, кн. А. Р. *Горчакова*; *Фустова* Татьяна Ив., из казначей, умре 1695 г.; кн. А. А. *Мещерская*; Ф. И. *Плещеева*; А. Ф. *Вельяминова*; Ф. И. *Неелова*; Д. И. *Толстова*, умре в 1698 И. А. *Мартюхица*; И. И. *Ивашкина*; А. А. *Мертвая*; М. И. *Ильина*; Д. С. *Мясная*; А. Ю. *Лодыженская*; *Измайлова* Анна Андр.; *Лодыженская* Авдотья Ив., у царицы Марфы; *Нелединская* Дарья Лук., у царицы Марфы; *Татищева* Прасковья Осип.; *Водорацкая* Ульяна Мих. у царицы Прасковьи Фед.; *Мотовилова* Мавра Вас.; *Белкина* Марфа Ив.; *Дурная* Афро-

синья Павл., из казначей, с 1685 г.; *Панова* Татьяна Ив.; *Карташова* Соломонида Сав., из казначей, с 1685 г.; *Петрова* Авдотья Осип., с 1695 г. из кормилиц, у царицы Прасковьи Фед.; *Коптева* Ульяна Ив., из казначей; Кн. *Мещерская* Авдотья Вас: *Заболоцкая* Аксинья Петр.; *Лепунова* Олена Григор., умре 1698 г.; *Горлинова* Авдотья Данил., из казначей; *Тарбеева* Прасковья Матв., умре 1697 г. Кн. *Волхонская* Марья Ив.; Кн. *Бярятинская* Аграфена Фед. с 1695 г., у царицы Прасковьи Фед.; *Бутурлина* Татьяна Сем., у царевны Прасковьи Ив. мама с окт. 1695 г.

Царицы Натальи: Мама кн. Прасковья Ив. *Ромодановская*; Кн. *Волконская* Домна Никит.; *Ордына Нащокина* Прасковья Борисов., после у царевны Наталии; *Чихачова* Матрена Гавр.; *Лапатина* Авдотья Поликарп.; *Толстая* Авдотья Федот.; *Махова* Лукерья Сем.; Кн. *Ухтомская* Лукерья Гавр. жена окольного кн. Ивана Юрьев., кормилица царевны Наталии, а с 19 июля 1694 г. ее боярыня, на место умершей кн. Волконской.

Царицы Евдокии Лопухиных: *Чирикова* Авдотья Авр.; *Лопухина* Наталья Осип.; *Доможи-*

рова Акулина Вас, из казначей. Царевича Алексея Петр. Мама Прасковья Алексеевна Нарышкина; боярыня Авдотья Сем. Нестерова, из казначей.

Честь и Место и на царицыной, половине государева дворца между женщинами соблюдались с тою же заботливостью, поддерживались и охранялись с тою же ревностью, как и на половине государевой, между мужчинами. Честь и место даже дворовых боярынь ставились в *случай*, когда тягались между собою местники-бояре и другие разрядные люди. Так в 1576 году Васюк Зюзин, искавший своего места перед Федором Нагим, ставил в *случай* между прочими и следующее обстоятельство: «да жила, господине, писал он боярину — судье, Петрова мать Шетнева (его родня) Фетинья у государя на сенех, и *какова была* с Оленою Плещеевою в государевой милости, *во чти* (в чести) *и в местех*, — в том у государя в милости и о сыску челом бью».

В 1627 году точно также Вас. Пушкин, тягавшийся о местах с Андр. Плещеевым, подал между прочим *случай*, что в 1547 г. когда царь Иван Васильевич понял в брак царицу

Настасью Романовну, то у царицыных саней были Никиф. Хвоцинской да Ив. Ив. Плещеев, а жена Ив. Плещеева мать Смерда Плещеева, который являлся здесь основою спора, была у царицы Настасьи в Верху и приказано ей было у портомой, а приносила она белое платье (чисто белье) к боярыням, которым над нею у белого платья приказано, к княгине Волконской да к Оксинье Губиной.

Пушкин этим доказывал, что Волконская была больше жены Ив. Плещеева, что больше ее была даже и Аксинья Губина, так как больше Ив. Плещеева был Хвоцинский, а на Хвоцинского и Губина ему Пушкину и случаев добыть не уметь, потому что они молодые дети боярские. Словом сказать, Пушкин по этому случаю считал себя выше Плещеева многими месты. Если таким образом честь и место дворовых боярынь шло, как говорится, тоже, как всякое лыко, в строку при местнических счетах, то им естественно было поднимать такие счета и при их назначении во двор царицы, где они никак не хотели занимать должность меньшую против своих местниц или совместниц. По поводу одного такого

назначения возбуждено было очень большое счетное судное дело между знаменитым кн. Дмитр. Мих. Пожарским и кн. Борисом Михайл. Лыковым.

В 1602 г., при царе Борисе Годунове, велено быть у царицы Марьи Григорьевны в дворовых боярынях Княгине Марье Лыковой, матери Бориса Лыкова, а у царевны Ксении Борисовны княгине Марье Пожарской — матери Дмитрия Михайловича. Пожарский стал бить челом Царю Борису и писал в челобитной, что по царской милости и по своему отечеству, его матери, княгине Марье, быть меньше княгини Лыковой не вместно, а можно его матери больше быть княгини Лыковой многими месты и государь бы его пожаловал велел ему с кн. Мих. Лыковым в отечестве дати суд и счет. Пожарский считал себя даже больше отца Борисова Михайлы, потому и просил считаться с ним, а не с сыном. Однако государь приказал боярам: в отечестве его судить и разряды сыскать с Борисом Лыковым. Бояре спросили: почему матери его кн. Марье меньше быть кн. Борисовой матери не можно? Пожарский привел множество случаев о чести и

местах своего рода и ни одного о чести и местах дворовых боярынь, как можно было бы ожидать от этого спора: ясно что счеты о женских местах возникали не сами по себе не были особыми самостоятельными придворными счетами, и вполне зависели от общих местнических счетов, в которых женское место точно также, как и мужское, становилось случаем, находкою.

Спор и суд не был вершен при царе Борисе и возобновился слишком через 6 лет уже при царе Василье Шуйском и при том со стороны Бориса Лыкова, который объяснил, почему и суд не был окончен. В своей челобитной царю Шуйскому он писал: «А преж сего, при царе Борисе в 1602 и в 1603 годах кн. Дмитрий Пожарской доводил на меня Бориска ему царю Борису многие затейные доводы, что будто я, сходясь с Голицыными да с кн. Борисом Татевым, про него царя Бориса рассужаю и умышляю всякое зло. А мать его княж Дмитриева княгиня Марья в теж поры доводила царице Марье на мать мою, что будто, мать моя съезжаючись с княгинею Василья Федоровича Шуйского-Скопина Оленою и будто ся рас-

суждают про нее царицу Марью и про царевну Оксенью злыми словесы. И за те затейные доводы и за иная многая лганья царь Борис и царица Марья на мать мою и на мене наложили опалу, учили в том гнев держати без сыску, и матери моей не велели без указа от себя с дворишка съезжать (выезжать из своего дома). И в те поры тот кн. Дм. Пожарский *не по своему отечеству и не по стычке*, теща его царя Бориса, бил челом на меня в отечестве о суде, и царь Борис его кн. Дмитрия за те затейные доводы и за многая лганья жалуючи, а меня, по своему тайному гневу, позоря и казня, вместо смертные казни (как бы на смертную казнь) велел мне с неволю (неволю) отвечать ему кн. Дмитрию в отечестве. И кн. Дмитрий на суде говорил и разряды подавал Стародубских и Ряполовских князей, будто они больше бывали моих родителей Оболенских князей. А сам он к тем Стародубским и Ряполовским ко многим князьям причитал отца своего и себя по родословцу лесвицею, и ставил отца своего, в лесвице больше многих (тех) князей, а своих ближних родителей, Пожарских князей, которые бывали в городских

прикащиках и у иных (подобных) дел, за их худобою ни в каких случаях не подавал и потому своему умыслу и по тем своим затейным доводам хочет больше быть мене лесвицею родословием, а не отечеством, т. е. ближними родителями, и не по разрядам. И после того суда я многажды царю Борису бивал челом о вершени того суда и царь Борис, не жалуючи меня за те его кн. Дмитриевы и его матери затейные доводы, того суда вершить не велел, а велел мене для своей доуки послать на службу в Белгород и тот суд и по ся места не вершен; а ныне кн. Пожарской по тому суду меня с собою в ровенстве ставит». Вообще тяжбу Пожарского Лыков объяснял придворными интригами и случай между их матерями, который подавал повод тягаться с ним Пожарскому не почитал настоящею местническою стычкою. — Как бы ни было, но подобные случаи признавались в местничестве тоже опасными для родовой чести и в известных обстоятельствах могли служить не малую потерю и позором всему роду, оттого местники и были так чувствительны ко всякой мелочи в своих местнических счетах.

При царе Михаиле Федоровиче, 1627–1630 г., к его супруге царице Евдокие Лукьяновне была определена в Верх в дворовые боярыни княгине Ульяна Васильевна Троекурова, жена Романа Фед. Троекурова, и учинена во всем царском жалованье равною с боярынею Екатериною Ивановною Бутурлиною, женою Василья Матв. Бутурлина. В этот раз Троекурова самолично подала государю челобитную и объясняла, что ей с Катериною Бутурлиною в равенстве быть не можно: по вашей государской милости, по нашему отечеству, прадед родной Вас. Бутурлина и его деды и дед его родной и дядя большой везде в *пятих* и в *шестых* товарищах (бывали) с дядею моим да с отцом в ваших государских разрядах». В доказательство она стала перечислять случаи и в заключение просила: «милосердый государь, пожалуй меня рабу свою, невели мне быть в ровенстве с Бутурлиною, и вели по своим разрядам на Бутурлина в нашем отечестве свою царскую боронь учинить, чтоб родству нашему тем вперед позорным от Бутурлиных не быть. Царь государь смилуйся!» Решено было против указанных случаев

вывести справки из разрядов; но чем окончилось дело, неизвестно. Знаем только, что в списках дворовых боярынь Троекурова ставилась выше Бутурлиной.

В феврале 1623 года царь Михаил Фед. женил царевича Михайла Кайбудовича на дочери Григорья Ляпунова, Марье, а на свадьбе указал быть в сидячих боярах: Ив. Плещееву, и князьям Роману да Никите Гагариным, а в сидячих боярынях их женам: Настасье Семеновне Плещеевой и княгиням Катерине Матвеевне и Марье Михайловне Гагариным. По случаю же болезни Плещеевой велено быть ее дочери, по муже Вельяминовой. Гагарины тотчас заявили, что по росписи им назначено быть меньше Плещеева, что теперь они хотя сядутся под ним, но вперед станут бить челом государю; а женам их меньше Вельяминовой никак быть нельзя. Между тем Вельяминова не сама себя представляла в сидячих боярынях, а представляла только свою мать, почему на свадьбе ее и называли не собственным ее именем, а именем матери, Ивановою женою Плещеева; она только занимала место матери. Гагарины же не хотели сидеть именно под

Вельяминовой, как очень молодой перед ними. Однако из Разряду велено было князей посадить сильно на назначенных местах; «да из Разряду же приезжал разрядный дьяк, а велел княгинь Гагариных посадить (стало быть также сильно) под Вельяминовою. Вообще велено сидеть по росписи, где кому указано, а кому до кого будет дело и они впредь государю бей челом... И они по росписи сидели, и после свадьбы Гагарины никто не бил челом.

Подобные столкновения даже и между женщинами во дворце были делом обычным и неизбежным по самому существу местнических отношений, ибо во дворце честь и место никогда не были мечтою. Здесь известная местническая потеря чести и места всегда сопровождалась потерей и многих служебных весьма существенных выгод, и не для одного лица, а для всех его родичей. Можно было о чем подумать и похлопотать, можно было вытерпеть и батоги, и тюрьму и опалу, и всякие личные унижения, лишь бы сохранить то место, с которым приобреталась, а иначе вовсе терялась известная служебная ступень, а с нею все существенные блага, именно денеж-

ные и поместные оклады.

Но честь и место, как понятие о достоинстве лица, глубоко коренилось в нравах всего народа, от дворца до людских помещичьих изб, во всяком доме, где собирались люди, и особенно во всяком доме, где встречалось какое либо служебное господарское разделение людей, где был двор в смысле дворовых людей. Вот напр. что писал в 1681 г. из Москвы некий дворецкий к своему помещику (Андрею Безобразову): «а что, государь, написано в памяти (твоей), чтоб баб развесть по избам. и бабы, государь, ни которая не слушает, все лиша бранятца меж себя, и меня, холопа твоего, не слушают, лают; и их развесть без твоего де господарского указу нельзя, все больше и старые. Приходил я, холоп твой, многожды в избу и им говорил, чтоб *изместили* Марью Чеглокову, дали места; и они не дают, никто не хочет *ниже сидеть*» ... [221]

* * *

После верховых боярынь, вторая степень женских царицыных чинов принадлежала *казначеям*, на руках которых сохранялась всякая казна, все уборы, вещи, деньги, раз-

личные материи и т. п. Они вели приход и расход этой казны, а по тому должно полагать, что по своим обязанностям они необходимо были грамотницами. Это подтверждается еще и тем, что иные казначеи исполняли вместе и должность комнатных псаломщиц, комнатных чтиц или читальщиц. Казначеи находились при каждой комнате особо, т. е. у казны царицыной, у казны каждого царевича и каждой царевны. Таким образом их штатное число определялось числом членов царской семьи. Впрочем у самой царицы обыкновенно бывало по две казначеи. Годового жалованья они получали по 8 р., да кормовых по 6 денег или по 3 копейки на день.

После казначей следовала *ларешница*, у которой на руках были комнатные ларцы, и которая собственно была второю казначеею у царицы, ибо эта должность состояла только при комнатах одной царицы, а у других членов царской семьи ларцами заведовали те же казначеи. После долгой и испытанной службы казначеи нередко жаловались в сан верховных боярынъ.

В некотором равенстве с казначеями были

еще следующие чины: 1) *учительницы* малолетних царевен грамоте или как их иногда называли в том же смысле *мастерицы*. В учительницах были: *мастерица* Марья, учившая царевну Татьяну Мих.; Авдотья Пыпина, Варвара Лгова, Федора Петрова, учившие царевен с 1675 по 1691 г.

2) *Кормилицы* царевичей и царевен. Из кормилиц потом поступали, с уменьшением чина и значения, в постельницы или в комнатные бабки, а с возвышением — даже в верховые боярыни. Впрочем государева кормилица оставалась в своем чину до смерти и получала, в виде пенсии, все свои оклады. На таком положении оставались кормилицы царя Алексея, старица Анисья Ивановна, и царя Федора Ал., Анна Ивановна и пр. По окладу жалованья и учительницы-мастерицы и кормилицы равнялись казначеям.

3) *Псаломщицы*, получавшие жалованья по 6 руб. в год, кормовых по 6 д. Впрочем эту должность исполняли обыкновенно казначеи, как штатные грамотницы. Так у царевны Татьяны Мих. псаломщицею была ее казначея Василиса Пятово, вступившая в дворцо-

вую службу в 1645 г. казначеей к царевне Ирине. В 1690 г. она умерла и на ее место определена псаломщицею Татьяна Мартынова.

Под казначеями в чину стояли *боярышни девицы, сенные боярышни*, жившие в комнатах царицы и царевен для разных услуг. Это была третья степень царицына дворового чина. У царевен, они стольничали и как сверстницы жили для игр и забав и вообще для собеседничества, по этому и штатное число их не было ограничено. Они избирались из дворянского сословия: но по преимуществу попадали в Верх по отношениям царицына родства или родства верховых боярынь. Котошихин говорит: «а которого боярина или окольного и думного и ближнего человека, дочь девица, или вдова, понадобится царице или царевнам, для житья взяти к себе в дом, и им то вольно, кроме самых больших бояр дочерей». Действительно царице вольно было брать к себе в комнаты, кого она похочет. Но мы уже видели, как Двор опасался людей мало известных, не сверстных и не родственных, на которых не мог вполне полагаться во

всем; поэтому, как в дворовые боярыни, так и в боярышни девицы, избирались лишь те, которые вообще бывали близки царице по свойству и родству или по старинной испытанной дружбе и службе. Родовитых и знатных имен в этих чинах и особенно в чине боярышень вообще не встречается. Должно думать, что здесь всегда набирался только особый родственный и свойственный царице кружок, вовсе недоступный для других, хотя и знатных, но мало ей известных личностей.

Боярышни девицы, живя постоянно в комнатах царицы и царевен, на всем готовом содержании, конечно, не нуждались и в отдельном чиновном годовом жалованьи. Все, что было им нужно, жаловала царица. Но в конце XVII ст. и они стали получать окладное жалованье, старшие по 7 р. в год, младшие по 5 р. и самые меньшие в чину по 3 р.

К тому же чину девиц-боярышень принадлежали и *карлицы*, которых занятия также не были определены особо какою либо должностью. Жалованья они получали в ряд с меньшими боярышнями, рубля по 3 и по 5 р. Число девиц боярышень вместе с карлицами

бывало, как мы сказали, не одинаково. В 1682 г. их было, получавших по 7 р. — 11 человек; по 5 р. — 36 человек; по 3 р. — 4 человека. В 1691 г. получавших по 7 р. — 12 ч.; по 5 р. — 38 ч.

Четвертую степень царицыных чинов занимали *постельницы* и *комнатные бабы*. Имя постельницы обозначает и их должность; они «постели постилали под царицу и под боярынь, и спали у царицы в Верху посуточно, по переменам; сидели у царицы в сенях, поденно [222]; а жены дворовых всяких чинов людей, разумеется меньших степеней.

При каждой комнате, как-то у царицы, у каждого царевича и у каждой царевны находились свои особые постельницы, число которых не всегда было одинаково. У царицы их бывало человек по 20 и по 25; в 1683 г. у царицы Марфы Матв. Апраксиных их было 30. У царевичей от 2 до 5; у царевен, старших от 8 до 12, и больше; у младших от 2 до 5 и больше. Окладного жалованья шло им в год по 4 р., кормовых, старшим по 6 денег, остальным по 3 деньги на день.

Кроме постельниц у царицы и у царевен

при каждой комнате, находились *комнатные бабы*, по одной у каждой царевны и две у царицы. Это были собственно лекарки и поступали во дворец из приемальных, или повивальных бабок, оставаясь здесь по всему вероятно, после каждых родин при комнате ребенка, которого они повивали или принимали. Они получали жалованья по 1 1/2 р. в год, кормовых столько же, сколько и постельницы; хлеба по 6 четей ржи и овса.

Пятую степень занимали *мастерицы и ученицы, золотные и белые*, т. е. золотошвей и белошвей, «мужни жены и вдовы и девицы, честных и средних чинов дворовых людей, которым делают и шьют золотом и серебром и шелками, с камнем и с жемчугом». Число их также как и постельниц было не одинаково и увеличивалось постепенно, вместе с нарождением царского семейства и распространением потребностей и надобностей двора. В первой половине XVII ст. оно доходило до 40 слишком человек. В 1626 году золотных мастериц было 15 ч., а белых 11 ч. В 1682 г. их было 59 ч. и 22 ученицы, в 1691 г. — 87 чел. и с ученицами. Годовое жалованье и кормовые

деньги назначались им не одинаково, смотря по мастерству и трудолюбию. Первостепенные получали от 2 до 4 р., средние по 1 р. и по 1 1/2 р., меньшие, а равно и ученицы по полтине. В 1627 г. мастерицы первой статьи получали 4 р., второй 3 р., третьей и четвертой 2 1/2 р., пятой 2 рубля в год. Кормовых старшие получали по 5 и по 6 денег, средние по 4, младшие по 3 и ученицы по 2 денги на день. Хлебного, ржи и овса, старшие получали по 7 и 8 четей, средние по 5 и 6, младшие по 3 и 4 чети. У кого было поместье, тем хлебного жалованья не давали. Число хороших мастериц стояло в разное время большею частью на 30, отчего они и назывались даже *тридцатницами*, так что попасть в список таких тридцатниц значило приобрести настоящую степень мастерства. Мастерицы и ученицы были жены и дочери, дворовых же государевых людей, царицыных детей боярских, сытного и кормового двора стряпчих, подключников, конюхов, подьячих, а иные и из городского дворянства. Когда в 1680 г. произведена была поверка их дворовой службы, то оказалось, что некоторые служили в Светлице лет по 50,

напр. Катерина Темирева, Татьяна Перепечина, а Анна Лукъянова Маслова служила 58 лет; другие 40, 36 лет, 33 года, 27, 25 и вообще слишком по 20 лет.

Шестую и последнюю степень женского царячина чина занимали *портмои* или по Котошихину — *мовницы*, иначе прачки, «которые платье моют; жены дворовых людей. А когда прилучится им мыть платье, говорит Котошихин, и то платье зимою и летом возят на реку в санях, в сундуке, замкнув и запечатав, покрыв красным сукном; а затем платьем идет боярыня, для береженья». Число их в начале XVII ст. было не велико, всего 8 чел.; оно увеличивалось с нарождением царского семейства и в конце столетия доходило до 30 чел. В 1682 г. их было 24, в 1691 г. — 28 чел. Жалованья они получали по 3 р. в год, кормовых по 6 денег на день. Хлеба, ржи по 10 четей без полуосмины, овса по 15 четей с осминою.

Общее число царячина женского чина, как мы видели не было определено каким либо штатным положением. Оно постоянно изменялось, смотря по действительной надоб-

ности в людях. Праздных и только штатных должностей не существовало. Очень немногие лица сохраняли свои места лишь в виде пенсии и то в исключительных случаях. Так мама царевны Софии княгиня Лобанова-Ростовская очень долго оставалась на своем месте и с получаемым окладом, который был даже увеличен до 100 р. Но быть может она несла при этом какую либо особую дворцовую обязанность. Она оставалась мамою и по удалении Софии в монастырь. Затем долго оставались на своих местах кормилицы государей.

Число женского чина младших степеней, начиная с казначей, как и число боярынь, в течении XVII ст. с приращением царского семейства, постепенно увеличивалось. В 1620-х годах это число стояло около 60 чел.; в тридцатых годах оно простиралось не много за 100; в 1630 г. было 102 чел., в 1634 г. — 106; в 1637 г. — 113; в 1640 г. — 120; через десять лет, в 1650 г. — было 149 челов.; в 1660 г. — 178; в 1673 г. — 233 чел.; в 1691 г. — 264.

В первое время все младшие степени чина, начиная с казначей получали корм из Двор-

ца, как и боярыни; но с 1 сент. 1626 г. им были назначены кормовые деньги, от 6 до 2 денег в день, смотря по чину и по старшинству в своем чине.

Женские лица неслужебного чина, число которых не было значительно и к которым принадлежали дурки-шутихи, юродивые, богомолицы, девочки-сиротинки, калмычки, арапки и т. п. — упомянуты в предыдущей главе. Этот чин пользовался готовым дворцовым содержанием, получая все надобное для одежды и для своего личного обихода из царицыной казны

* * *

Мужской царицын чин можно распределить на приказный крестовый, стольничий, походный, истопничий, и мастерской.

Приказный чин управлял всем ведомством; он собственно и составлял *Постельный* (комнатный, кабинетный) *Приказ государыни царицы*, иначе *Приказ царицыной мастерской палаты*, что имело тот же смысл. Приказ представляли собственно только два лица, царицын дворецкий, стоявший во главе ведомства, и дьяк. Царицыным дворецким

бывал обыкновенно близкий человек по родству, по свойству или по старой испытанной службе. Так у царицы Евдокии Стрешневых дворецким был ее дядя Фед. Степ. Стрешнев, также Вас. Ив. Стрешнев. У царицы Марьи Милославских в первое время Прокопий Фед. Соковнин, потом Вас. Мих. Еропкин, а в последнее время сын первого Федор Соковнин. У царицы Натальи Нарышкиных Аврам Никитич Лопухин.

Должность царицына дворецкого по значению равнялась званию окольного, поэтому и лица, занимавшие ее постепенно из простых дворян возводились в думные дворяне, а напоследок в окольные. Правую руку дворецкого и главную силу всего Приказа был дьяк, на обязанности которого лежала вся письменная часть ведомства и все делопроизводство. Он вел приходные и расходные книги, денежные и материальные, и своею подписью утверждал расход; составлял описи и переписи всякой казны, чиновные и всякие другие списки и росписи подведомых лиц; производил и записывал сыскные и распросные дела и т. д.; словом сказать, это был глав-

ный секретарь царицы, производитель всякого ее *приказа* и всякого назначения и распоряжения. Его жалованье равнялось с жалованьем первых боярынъ — мам. В конце XVII ст., именно при царе Федоре в чину находились два дьяка: один получал 80 р., другой 70.

Канцелярия дьяка состояла из двух или трех, а впоследствии и из пяти подьячих, из которых старшие получали жалованья по 25 р., а младшие по 20, след. столько же, сколько и верховные боярыни.

Так как дьяк представлял главный узел всяких дел Приказа, то Котошихин при обозначении, кем приказ управляется, вовсе и не поминает дворецкого, а говорит только, что в том приказе *сидит* дьяк, а надсматривает казначея-боярыня. Это указание должно понимать в том смысле, что действительно боярыня казначея, как правая рука царицы и главный орган ее ежедневных приказаний, являлась по необходимости и главной управительницею приказа во всем том, что касалось так сказать материальной и технической стороны ведомства, которое все-таки было мастерскою палатою, т. е. учреждением для

устройства всяких домашних, комнатных, постельных царицыных обиходов, при чем дворецкий, конечно, не мог участвовать своею службою. В том приказе ведомо, говорит Котошихин, царицыно, и царевичей и царевен платье и мастеровые люди; вот именно эта сторона дела и находилась в надзоре боярыни-казначей. В ведении дворецкого оставалась так сказать внешняя, наружная сторона дела, т. е. все распоряжении, касавшиеся служебных лиц, разбирательство их споров, суд над ними и т. д., и потом всякое царицыно дело, производимое или устраиваемое вне хорм царцы, а также и всякие сношения с другими ведомствами.

В Приказе, кроме того, были ведомы Хамовные слободы и села, в Москве — Кадашево, в Твери — Константиновская, переведенная потом в Москву же, и в Ярославской стороне села Брейтово и Черкасово, которые выделявали на царский обиход полотна и всякую белую казну. Все эти люди, как и все царицыны чины, судом и расправою в истцовых исках были ведомы исключительно в приказе мастерской царицыной палаты.

К крестовому царицыну чину мы относим крестовых дьяков, служба которых нам уже отчасти известна (т. I стр. 199): они служили у *крестов* во время обычных повседневных молений царской семьи, читали и пели, псалтырь говорили, конархали. Один из них, начальный, именовался *уставщиком*. Это по всему вероятно был знаток церковного устава и в то же время регент; он управлял порядком чтения и пения. Число крестовых дьяков в разное время было не одинаково. У царицы Евдокеи Стрешневых их было всего 4 человека; у Марьи Милославских в 1654 г. — 6 чел и у царевен 5 чел. При царице Наталье Кир. было 2 уставщика и 26 чел. крестовых. В 1682 г. царицыных дьяков было 8 чел. и с *уставщиком*, да кроме того у больших царевен 8, у меньших царевен 9, у царевича Ивана Ал. 10 чел. — Жалованье они получали разное, вероятно по заслугам, по познанию и по способностям. Уставщик получал 25 р.; царицыны старшие по 10 р., средние по 7 р., младшие по 5 р.; — у царевен больших старшие 25 и 20 р., средние 12 и 13 р., младшие 9 и 10 р.; — у царевен меньших старшие 25 р. и 20 р., сред-

ние от 11 до 16 р., младшие 10 р. и 7 р.; у царевича от 16 р. и до 4 р. Сверх того все они получали *кормовые* деньги, главные по 6 р., 1 статьи по 4 р., 2 статьи по 3 р.; также *славенные* или праздничные рождественские первой статьи по 2 р., второй по 1р., и *причастные*, на два поста на великий и успенский, уставщик по 4 р., остальные по 2. В 1650-х годах за причастное сукно, на кафтан, уставщик получал по 6 р., остальные по 3 р. и кроме того за годовые сукна по 5 р. каждый.

В стольничем чину состояли царицены стольники, которые по своей должности по летам и по положению были отчасти тоже, что пажи. В стольники к царице, по словам Котошихина, — берут боярских и окольных и ближних людей детей, лет по 10 ростом (возрастом); а как они будут лет 15 или 17 и они в том чину не бывают, а бывают в царский чин взяты, в стольники или (особенно близкие) в спальники. А бывает их в стольниках человек 20». Прямая должность их обозначена самым их званием. Они стольничали за столом царицы и кроме того сопровождали ее в выездах и походах. Как детям им не было

определено окладного жалованья, но за то их должность проводила их на лучшую дорогу на действительной службе в государевом чину. Хотя Котошихин и говорит, что это были дети бояр и вообще первостепенного сословия в государстве, однако, судя по фамилиям, из которых избирались царицыны стольники, мы должны заметить, что все эти фамилии вовсе не принадлежали людям знатным. Это были вообще дворяне рядовые, мелкопоместные, нисколько не знатные и вступавшие во дворец лишь по дворцовым же связям, особенно по свойству и родству с царицею или с приближенными к ней людьми. Так напр. у царицы Евдокии Стрешневых в стольниках находим Сем. Лук. Стрешнева, Алексея Никит. Годунова, Ив. Фед. Стрешнева большого, Ив. Фед. Стрешнева меньшого, Вас. Вас. Бутурлина, сын Вас. Матв.; Ив. Льв. Волкова, Якова Стрешнева, Афанасья Стрешнева, Як. Ив. Безобразова, кн. Фед. Ромодановского, сын Григория Петр. — У царицы Натальи Кирилловны стольниками были тоже все родственники, Нарышкины: Лев, Мартемьян, Федор Кириловы, Кирила Алексеев, Василий,

Андрей, Семен Федоровы и пр. У царицы Марьи Ильичны Милославских находим в стольниках в первое время: Милославского Матв. Багдан., Голохвастовых Кузьму и Ивана, Ртищева Фед. Мих., Соковнина Алексея Прок., сына ее дворецкого Прокопья Федоровича; Еропкина Фед., Траханиотова Александра Ив.; потом: Ртищева Луку Григ., Колычова Алексея Як., Потемкиных Степана Петр. и Федора Мв., Чичериных Петра, Андрея и Артемья Яковлевых, Ржевского Алексея Ив., Хитрово Петра Савел., Мартюхина Ивана Арт., Еропкина Ив. Ив., Кн. Елецкого, Луговского, Нарбековых, Блохина, Вельяминова, Сомова, Орлова, Прончищевых, Панина, Соколова, Жданова, Кологривовых, Лукина, Протасьева, Зиновьева, Собакиных, кн. Львова, Кузмина, Головина, Полтева, Свинына, Дашкова, Кутумова, кн. Вяземского Фед. Як., кн. Волковыского Ив. Вас, кн. Мещерского Петра Фед., Мусина Пушкина Ив. Алекс, Бутурлина Ив. Ив., кн. Козловского Фед. Григ., Змеева, кн. Долгорукова Влад. Дмитр.

Все это дети людей не совсем знатных и известных в то время. Напротив здесь видим

довольно фамилий, которые принадлежали дворовым боярыням, каковы Мещерские, Волконские, Нарбековы, Собакины, Вельяминовы, Мартюхины, Колычовы, Хитрово, Еропкины, Сомовы, Орловы, Блохины, Кологривовы, и т. д., так что состав этих стольников видимо наполнялся родством и свойством дворовых царицыных чинов. Затем еще у царицы Марьи, т. е. в то время, когда писал о дворе Котошихин, указавший, что стольников бывало человек 20, — мы находим их гораздо больше. К концу XVII в. число их быстро возрастает, особенно с того времени, когда в государском дворе явилось несколько цариц, собиравших каждая около себя свой особый *чин*, и особенно быть может по той причине, когда молодой царь Петр стал забирать своих сверстников дворян к себе на службу, в свое потешное войско. Тогда все те кто не желал, чтобы дети их потешничали и стало быть по понятиям века безобразничали в Преображенском, все вообще лежебоки и белые руки старались уйти в стольники к царицам, где служба была женская и легкая. В 1686 г. у одной царицы Прасковьи Федоровны супруги царя Ивана

Алексеевича ее стольников числилось уже 263 человека, из которых в то время по требованию в Москву явилось только 62 чел., а 201 оказались в нетях, жили по деревням. В 1696 г. от царицы Евдокии Лопухиных присланы были в Разряд на смотр для службы 76 чел. и после смотру, за малолетством были оставлены в царицыном чину по прежнему. Царицыны стольники, не получая никаких окладов, жалованы были только платьем, которое получали или готовым, или кусками тканей и деньгами на приклад. В 1653-4 годах они получали на холодное платье всего по оценке и с деньгами рублей на 17 слишком.

К походному чину относим царицыных детей боярских.

Служба их по словам Котошихина, была такова: посылают их боярыни во всякие посылки и ездят с царицею в поход, и спят у царицы в Верху, для сторожи и оберегания, в низких местах, посуточно, по переменам. Главнейшая надобность в них представлялась именно во время царицыных походов, когда они оберегали поезд на пути и оберегали царицын двор на станах. Штатное число

их полагалось, кажется, около 100 чел., но бывало больше и меньше. Все они кроме денежного годового жалованья, получали и *поместный оклад*. Старший денежный оклад бывал в 14 и 15 р.; к нему поместного оклада назначалось от 400 до 500 четвертей или от 200 до 250 десятин. Средний оклад был 10–13 р. денег и 300–350 четвертей поместья; младший оклад 7–9 р. и поместья 150–250 четвертей. Прибавка жалованья назначалась по заслугам, а большею частью по годам службы. Во дворе у царицы они служили обыкновенно по очереди по три месяца в году, переменяясь, а остальное время жили в своих поместьях. Месяцы их дворовой службы назывались *жилыми* месяцами, потому что в то время они жили в Москве, или собственно при дворе.

В истопничем чину начальное место занимал *истопничий*, который имел наблюдение за чистотою и отоплением хором и за всем обиходом, какой только требовался для этой цели. Его ведомство сосредоточивалось в *истопничей палате* (т. I, стр. 185), где собирались подчиненные ему *мовные* и *сенные* ис-

топники и сторожи и где сохранялась всякая истопничья казна, разные материалы и вещи.

В царицыном чину истопничий получал жалованья 30 р. и по порядку чинов следовал за дьяком. Мовные истопники топили и готовили мыльни у царицы и у царевен, и получали жалованья по 9 р., Мовные сторожи работали у тех мылен за чистотою и сторожили; жалованья получали по 5 р. В 1682 г. истопников было 2, а сторожей 4. Сенные истопники, которые палаты и хоромы топят и метут и у дверей для отворения стоят, люди честные и пожалованные поместьями и вотчинами, а живут на Москве, т. е. в службе во дворце, по полугоду. Сенные сторожи стерегли и оберегали на сенях, крыльцах, лестницах и на дворах. Первые получали жалованья по 7 р., а вторые по 3 р. В 1682 г. истопников было у царицы 14 ч., у больших царевен 8 ч., у меньших 17 ч.; сторожей у царицы 39 чел., у больших царевен 8 чел., у меньших царевен 16 чел. Сторожи для своих занятий распределялись по разным местам и палатам: так в 1646 г. в мастерской палате их было 4 чел.,

у мастериц в светлице 3 челов., в портомойне 4 челов., в Казенной палате 2 ч., и т. д. и также особо у хором царицы, каждого царевича и каждой царевны, если те хоромы были строены в отдельности.

Мастерской чин состоял при царицыной мастерской палате из разных мастеровых люден по изготовлению платья и разных других предметов постельного обихода. Это были портные мастера, между которыми старшее место занимали *закройщики*. Закройщиков бывало человека два, которые получали жалованья по 10 р., кормовых по 5 денег на день. Рядовых портных бывало около 10 человек; затем чеботники, человек шесть; шапочник, каптурник, шляпочник, кружевник, белильщик, игольщик, которые получали по 7 р. жалованья и по 3 денги кормовых.

В рукодельном чину кроме мастериц, при светлице состояли: *знаменщики*, два человека, которые знаменили, т. е. рисовали потребные для шитья рисунки икон, всяких изображений и всякие узоры, и *светличный писец*, составлявший рисунки надписей, тоже для вышиванья. Они получали жалованья по 15

р., кормовых по 6 денег. При той же светлице для пялечных и разных других подобных дел находился светличный *плотник*, собственно столяр, получавший 2 р. жалованья и по 6 денег на день кормовых.

Как старшие, так и младшие дворовые царицыны чины пополнялись всегда лицами, состоявшими в близком или дальнем родстве с теми, которые уже находились на службе. Родство с тем или другим чином всегда давало прямое право просить об определении в этот чин. В этом дворовый порядок находил наиболее верное ручательство при выборе служебных лиц, ибо род личности в то время всегда представлял естественную круговую поруку за своего родича и если такая круговая порука состояла уже на службе, то тем легче и тем прямее была дорога для поступления на эту службу нового родича. В челобитных прямо и выставлялось это обстоятельство, как основание просьбы. «Родители государь, мой, пишет один боярский сын, прося царя Алексея об определении в царицын чин, дядья и *братья* у тебя, государя, во дворе, в царицыных детех боярских, в сытниках и в

подключниках, а *мать* у тебя же, государя, во дворе, у государыни царевны Анны Мих. в постельщицах. Милосердый государь! пожалуй меня, холопа своего, вели мне быть у государыни царицы в детех боярских».

Младший мужской чин, сенные истопники и сторожи, портные и другие мастера, в первое время избирался из добрых людей, вероятно, тоже по свойству и родству с дворовыми чинами. Но, конечно, при таком порядке, ручательство и одобрение родственников и свойственников за доброе поведение избираемого не всегда оправдывало их выбор и нередко во дворце являлись большие безобразники, которых трудно было унять, остановить. В руках дворцовой власти не было никакого твердого обеспечения, что избранный, во все время своей службы, будет вести себя пристойно и благонаравно во всех отношениях, поэтому и здесь впоследствии явилась необходимою единственная старинная мера охраны от всяких случайностей служебного зла и беспорядка, именно круговая порука. Это произошло по следующему обстоятельству. В 1660 г. генваря 7, «великая государыня

царица и в. к. Мария Ильична указала истопников Пронку Пототуя да Микитку Шайкина за их многое бесчинство и пьянство отставить и учинить жестокое наказание, бить кнутом. И тогож числа им чинено наказание, вместо кнута, биты батоги нещадно. Приказ о том из хором казначеи Матрены Блохиной. А на их место указала великая государыня взять вновь иных истопников с записями и с крепкими поруками. А впредь указала государыня имать в истопники и в сторожи вновь с поручными крепкими с записями, а без поручных записей отнюдь неимать».

После того, при определении в такие должности, всегда уже приносилась и поручная крепкая запись от людей, вполне ручавшихся за избранного, в которой они писали: «поручились есми — в том, что такому то быть по государеву указу в такой то должности, служить верно и государево здоровье *опасать* и все памятовать, что ему чтено в крестопрводных статьях; у государева дела не пить, не бражничать, никаким воровством не воровать и с воровскими с *приличными* людьми не водиться, вином и табаком не торговать,

карты и зерню не играть; и государского самому ничего не красть и для *покражей* к казне воровских людей не подвесь и дурна никакого и хитрости над государевою казною не чинить; всего государского беречь с великим раденьем и с опасеньем и подвоху над казною никакого не учинить; и что видячи над своею братьею какое дурно и о том начальным людям извещать, и с своею братиею дневать и ночевать по очереди; и без указа никуда не съехать и взем жалованье, не заслужа не снесть и не сбежать и от чину, не бив челом государыне, собою не отстать; а буде определяемый что сделает противное этим статьям, то, писали поручики, на нас поручиках пеня, а пени, что государь укажет, взять на том, кто нас поручников будет в лицах, — наши поручиковы головы, вместо его головы».

Вообще дворцовое бесчинство и особенно воровство наказывалось во всяком случае довольно строго. Однажды, в мае 1688 г. портной мастер царицына чина, Михайло Сергеев отрезал у двух царицыных подножий (род ковров) несколько соболей. Украденное он

продал на Красной площади и денег взял всего две гривны. Дворцовая подозрительность проснулась; поднялся розыск, допытывались с какою целью были отрезаны соболи, не мыслил ли вор какого зла на государское здоровье. Это нужно было знать тем более, что подножья принадлежали царице Наталье Нарышкиных, а тогда, с этой стороны, всего опасались от другого царского рода Милославских. Розыск, Однако ж, кроме простого воровства, ничего не открыл. За воровство портному была следующая сказка: «Мишка Сергеев! Будучи ты в мастерской палате в портных мастерах, своровал государского достояния, от дву подножий соболи обрезал, и в том в твоём воровстве винился, и за то твое воровство великая государыня благоверная царица и в. к. Наталия Кириловна указала бить кнутом и от чину отставить и впредь у государских дел нигде не быть». — Вследствие этого указа, июня 19, он бит кнутом перед дворцом за Куретными вороты, дано 30 ударов.

Обыкновенный способ исправления нравственности дворовых служителей и других меньших чинов состоял в том, что их отпра-

ляли, особенно за пьянство, *под начало* в монастырь, по большей части в Москве в Покровский, что на Убогих Домах или в один из отдаленных северных. Так в марте 1666 г. царицыны крестовые дьяки, Михайла да Мартин Протопоповы, были сосланы под начал первый в Убогий Дом, а другой на Вологду в Каменный монастырь, с наказом держать под крепким началом, к церковному пению приходить и всякую работу работать. Эти крестовые могли быть сосланы и за раскольничьи мнения.

Такому же подначальному монастырскому исправлению подвергались в своих проступках и лица женского чина. Их ссылали под начал обыкновенно в Хотьковский монастырь, а иногда и в более отдаленные монастыри: в Успенский во Владимире, в Суздальский Покровский. В 1658 г. авг. 4 сослана в Хотьковский монастырь комнатная Евгения Шишкина, возвращенная оттуда на другой год в мае. В 1694 г. июня 17 сослана в Володимир одна постельница при следующей грамоте: «В Володимир в Успенский девичь монастырь игуменье Феодосии с сестрами. Посла-

на к вам от нас (государей) из комнаты царевны Марии Алексеевны под начал постельница Ирина Протопопова за ее бесчинство и пьянство; и вам бы ее дать под начал в келью старице княжне Максимилле Шеховской под крепкой начал, и велеть ей ходить к церквико всякому пению и в келье поклоны класть, как чин монастырской надлежит; и после церковного пения быть у монастырской всякой работы; и с монастыря ее неспускать и хмельнова ничево не давать; а буде она в чем не послушна будет и ее смирать, как чин монастырской надлежит».

Монастыри, таким образом, в старом нашем быту имели для правительства весьма важное значение, как места исправления всяких худых нравов, худых мыслей, всякого самомнения, и даже в случаях, когда совсем кто либо лишался ума. В 1673 г. июля 6 царю Алексею била челом некая вдова Анютка Фомина. Сынишка, государь, мой, Ивашка Степанов, будучи при твоей царской милости великия государыни царицы и в. к. Натальи Кирилловны в мастерской палате в портных мастерах, и в нынешнем, государь, во 181 году

после Светлого Христова Воскресенья за грехи мои залежал, и в скорби своей по грехом во уме порушился, меня не слушает и в домишку всякое неистовство чинит и пужаетца и бегаёт; а я бедная с невесткою своею, а с его женою людишка одинакие, приберечь его и смирить некому, и неслушает. Милосердый государь! Пожалуй меня бедную беспомощную рабу свою, вели, государь, его, сынишка моего Ивашка сослать под начал в монастырь ко Всемилоствивому Спасу на Новое, по коих мест Господь Бог во уме его утвердит, чтоб мне бедной от сынишка своего в позоре не быть и емуб сынишку моему впредь твоей царской милости неотбыть. Царь государь смилуйся пожалуй!» Государь указал сослать его в монастырь Покрова Богородицы, что на Убогих Дому с наказом: «велеть держать его под крепким началом, и отдать его старцу воздержательному, и велеть ему ходить к вечерни и к заутрени и к литургии по вся дни, а винаб и пива и меду к нему никто не приносил».

Царицын младший женский и мужской чин именно постельницы, мастерицы, порто-

мои, мастеровые люди, дети боярские и пр. был поселен особою слободою, которая была расположена подле Никитского девичьего монастыря, между улицами Никитскою и Смоленскою, ныне Воздвиженкою, и называлась *Кисловкою*. Это название и теперь сохраняется в тамошних переулках. От жившего здесь царицына чина самая улица Никитская именовалась иногда Царицыною. По всему вероятно заселение Кисловки дворовыми людьми царицы относится еще ко временам великих князей, т. е. по крайней мере к концу XV века, когда Кремль был перестроен и слободы по Неглинной переставлены на новые места. Слободская земля была государева и раздавалась под дворы, смотря по надобности в известном размере. С течением времени с умножением населения и с переходом дворов от одного владельца к другому, дворовая мера в иных случаях дробилась, отрезывалась на части, а иногда прирезывалась, получала больший размер против настоящего, что всегда между жителями возбуждало споры и ссоры. Каждый, особенно из вновь приходящих требовал для себя законной меры, жаловался на

соседа в неправильном владении даже одною саженью. По тесноте помещения конечно и одна сажень была дорога, а тем более если и от этой малой меры зависело удобство или неудобство в расположении разных хозяйственных построек. Е тому же многие из царицына чина жили в разных местах по Москве и просили поместить их также в Кисловке, так как она была ближе ко дворцу, да и место было казенное, след. для служащих по праву даровое. Для удовлетворения таких челобитий, для прекращения жалоб и приведения в порядок этого дела в ноябре 1689 г. было указано учинить в Кисловке все дворы поровну, т. е. длинные улицы или переулки разделить на равные части и отмерять для каждого двора поперек по воротам или 7 или 8 саж., соображаясь с длиною улицы, или переулка, а на полдвора половину той и другой меры, т. е. 3 1/2 и 4 саж. В это время в Кисловке была одна улица и пять переулков, в том числе Тупой, Ивановский, Кузмодемьянский. Дворов было 115, мерою по наличной стороне на 744 саженьях. По новому размеру учинено 181 двор по 4 саж. и 208 дворов по 3 1/2 саж., при

чем еще осталось в разных концах мелкою мерою 40 1/2 саж. Таким образом число дворов было увеличено с целью поместить всех желавших и имевших право здесь жить. Видимо, что время от времени, смотря по приливу населения, узаконенная мера дворов изменялась. Так в 1692 г. эта мера была только в 6 саж. на целый двор и длиннику внутри двора 10 саж. Длинник всегда зависел от ширины квартала или сплошных дворов между двумя улицами, который и делился по полам, так что в иных местах он бывал и по 8 саж. Лишняя мера, которою по какому либо случаю кто завладел, всегда могла быть отрезана, как скоро являлся челобитчик. По случаю отставки или смерти и вообще по случаю выбытия из чина, владелец двора свозил обыкновенно свои хоромы или продавал их заступавшему его место. В иных случаях дворовые места отдавались жильцам из оброку; платили с поперечника по 3 ал. 2 деньги с сажени.

Во внутреннем, так сказать домашнем устройстве слобода Кисловка отличалась от других московских слобод тем, что в ней не было старосты, ни сотского, ни десятских, т. е.

она вовсе не имела самостоятельного земско-го значения, а имела значение дворовое, как совокупность людских дворовых изб. Полное заведывание местом и жителями принадлежало Приказу царицыной мастерской палаты, откуда для ближайшего надзора и управления, главным образом в полицейских делах, назначался в слободу и особый *приказчик* из боярских детей царицына чина. Иногда эта должность поручалась двоим. Приказчикам выдавалась *наказная память*, наказ, что будучи им в Кисловке в приказчиках над детьми боярскими и над всяких чинов людьми, которые живут там своими дворами, надсматривать, чтоб они вином и табаком не торговали, и корчмы и никакого воровства не чинили, и приезжих и пришлых всяких чинов людей несродичей к себе во дворы никого не принимали, и из дворов своих на улицу всякого помету не метали; а ослушников и винопродавцев, имая с вином, и питухов и корчемников и воровских людей приводили бы в приказ царицыной мастерской палаты, к дворецкому и к дьякам. А буде их оплошкою и нерадением что объявится, и учинится в.

государю ведомо мимо их и им приказчикам за то быти в опале и в жестоком наказаньи безовсякия пощады. Такой наказ дан был в 1670 г. апр. 27. Для береженья от воровских людей в слободе на четырех улицах было устроено в 1632 г. четыре *решетки*, а пятая улица с переулком загорожены на глухо, для чего было куплено 201 бревен разной меры, длиною от 2 1/2 до 4 саж. На каждую решетку выходило около 40 таких бревен. Это были крепкие заборы которыми слобода на выездах отгораживалось от чужих улиц. В середине для проезда устраивалась брусная решетка, которая днем поднималась, а на ночь опускалась, задвигалась железным засовом и запиралась замком. У каждой решетки была поставлена сторожевая изба, где постоянно жил *решеточный сторож*, наблюдавший вообще за слободским уличным порядком своего участка. — Решетки по своему местоположению получали и особые названия: была решетка *воздвиженская*, выходившая к Воздвиженскому монастырю на Смоленскую, ныне Воздвиженскую улицу, *никитская*, стоявшая подле никитского монастыря, *ивановская* у

Чтобы ознакомиться с людьми, с их жизнью и нравами, воспользуемся несколькими сыскными делами и челобитными, в которых являются не в воображаемом, а в действительном свете, и слова, т. е. мысли, и дела, или поступки древних людей. Это самые достоверные свидетели старого житья-бытья, дающие всегда такие доказательства, которые трудно и совсем невозможно передать в образе какого либо научного счета, итога или вывода; но которые, однако скорее и прямее научных вычислений вводят читателя в исчезнувший мир старинных понятий, убеждений, представлений и действий, т. е. именно в тот мир, который исключительно именуется жизнью. Здесь мы приводим несколько таких документов, обрисовывающих отчасти дворцовый *Верх*, а по преимуществу дворцовый *Низ*, т. е. младшую среду дворцовой службы и ее житейских отношений. Вот дело о *мышьяке*, принесенном неумышленно в Светлицу.

1630 года генваря в 13 день государыни царицы и в. к. Евдокеи Лукьяновны словом при-

казала крайчая княгиня Соломанида Мезецкая, а велела дьяку Сурьянину Тороканову итить в Светлицу и роспросити золотную мастерицу Онтониду Григорьеву жену Чашникова, какое она государево дело ведает на мать свою на золотную ж мастеищцу на Окулину Волкову, и она б про то сказала в правду, по государеву крестному целованью; а что она Онтонида в роспросе скажет и те речи записав, приказала государыни царица сказати себе государыне.

И того ж часу по приказу государыни дьяк Сурьянин Тороканов золотной мастерицы Онтониды Чашниковы роспрашивал. Мастерица в роспросе сказала: в нынешнем во 138 (1629) году декабря в 21 день ввечеру пошла из Светлицы к себе на подворье сестра ее родная Марья Ярышкина и выроняла в Светлице плат черной, и она тот плат подняла, а в нем завязано в узлу с зерновую кость, неведомо что, с одной стороны бело, а с другой черно; и она де тот плат положила у себя для того, как сестра ее спросит. И на завтрее декабря в 22 день пришла в Светлицу сестра ее та ж Марья и учала говорить, что она вечор выронила

шгат с деньгами; и она де ей сказала, что тот ее плат подняла она Онтонида, а тот де плат без денег, а в нем заверчено в узлу неведомо что; и учала..... перед подругами своими, и она де Марья тот плат у ней вырвала совсем и побежав на лестницу, бросила детине своему Онашке, а Онашка, взяв тот плат, пошел с дворца; и она Онтонида учела ей говорить, для чего плат вырывать, а в нем было завязано неведо что? И та сестра ее Марья перед подругами своими говорила ей, что в том плату был завязан мышьяк, а после сказала, что была сулема; а подруги ее в те поры были в Светлице Ектерина Ходина да девки Полагая Волкова да Степанида Хлебникова; и Катерина учела ей Марье говорить, что она делает не гораздо, носит с собою в Верх мышьяк. И та де сестра ее сказала, что тот мышьяк приготовлен был у ней на сверчков. И на завтрее де того, декабря в 23 день, била челом на нее Онтониду в Светлице боярыне княгине Овдотье Каркадинове Окулина Волкова, что она Онтонида тем сестру свою, а ее дочь Марью клеплет напрасно. В тот же день боярыня княгиня Овдотья Каркадинова сказывала про

то государыне. И царица и в. к. Евдокея Лукьяновна присылала про то сыскивать в Светлицу Василья Ивановича Стрешнева. Вас. Ив. для того плата посылал к матери ее к Окулине Волкове нарочно. И мать ее Окулина принесла тот плат в Светлицу. Вас. Ив. Стрешнев, смотря тот плат, казал ей Онтониде. И она Онтонида, в том плату смотря, сказала что в нем завязано в узлу не то, что наперед того было прежде того было в нем завязано с зерновую кость с одной стороны бело, а с другой черно; а после в том же плату заверчена соколя соль; а та сестра ее Марья, на кого она ныне извещает, перед подругами своими сказывала, что были в том плату завязаны деньги; а после она ж сказала что был завязан мышьяк; а в третьи сказала, что была сулема: а как ей тот плат показали, и в том де плату завязана соколя соль, а не мышьяк и не сулема. И она де Онтонида об том била челом Василью Ивановичу именно, что в плату подменено, а заверчено не то, что было наперед того завязано. И Василей Иванович, взяв тот плат, запечатал и отнес его к государыне в монастырь. И после того мать ее Окулина на нее Онтони-

ду бранилась и хотела ее в Светлице за сестру ее Марью, а за свою дочь, ушибити брусом.

Окулина, выслушав дочернины речи, за-пиралась, сказала, что она сестру свою Марью тем клеплет напрасно, такого плата дочь ее у ней из рук не вырывала, а дала ей тот плат она Окулина, а была в нем заверчена соколя соль, а не мышьяк и не иное что, и та де сестра ее Марья, взяв у ней тот плат, отдала племяннице своей Полагее Волкове, и Полагее, взяв у ней плат, отдала детине ее Онашке, а детина, взяв плат, отнес к себе. Полагее Волкова, ставлена с очей на очи, сказала, что тот плат вынесши из Светлицы, дала ей у дверей Марья Ярышкина и она, взяв у ней плат, кинула из сенного окошка детине Онашке. И золотная мастерица Онтонида била челом, а сказала, что та Полагее Волкова матери ее родная племянница и она по тетке своей кроет, и про то б допросити другую мастерицу, которая в те поры тут же в Светлице была, девку Степаниду Хлебникову; она то ведает, как сестра ее Марья тот плат у ней вырывала, а не сама ей дала.

Девка Степанида, спрашивана, сказала по

государеву крестному целованью: декабря в 22 день бранилась сестра ее Марья в Светлице с нею с Онтонидою, и Онтонида ей говорила: для чего она у ней вырывает плат, а в нем заверчен мышьяк; и она ее за то бранила, а как у ней Окулины сестра ее Марья тот плат из рук вырвала, и она того не видала, потому что шила государское дело.

И мастерица Онтонида била челом, и на мать свою и на сестру говорила в пример, что мать ее Окулина ее Онтониду не любит и по сестре ее, а по своей дочери, кроет; все де то подлинно в те поры видала и слышала золотная мастерица Катерина Ходина.

Катерина Ходина, спрашивана, сказала по государеву крестному целованью: с Окулиною де она Волковою в побранке, а на чем государю целовала крест и она скажет в правду, хотя после вели государь про то сыскать мимо ее: декабря в 22 день пришла в Светлицу Окулинина дочь Марья Ярышкина и учала говорить сестре своей Онтониде Чашникове, что она вечер декабря в 21 день в Светлице выронила плат с деньгами; и Онтонида учала ей говорить, что она подняла плат ее без де-

нег, а в нем завязано неведомо что; и та сестра ее Марья сказала, что в том плату завязан мышьяк. И она Катерина учила ей говорить, что она то делает негораздо, носит с собою в Верх мышьяк. И Марья сказала, что в том плату завязана сулема, а она тое сулему приготовила на сверчки. И после того Марья вырвала тот плат у сестры своей у Онтониды из рук и понесла из Светлицы вон, а Онтонида почала с нею за то бранитца, что она плат у ней вырвала: а в том де плату завязано было походило на зерновую кость, а не мышьяк и не сулема. А мать ее Окулина то видела ж и ныне по дочери своей кроет; а племянница Полагая Волкова не скажет подлинно для того, что Окулина Волкова ей тетка родная.

Окулина Волкова против тех речей во всем запиралась. Спустя слишком три месяца, апреля 30, государь приказал дьяку Сурьянину про то дело сыскати накрепко, детину Онашку, поставя перед собою с золотными мастерицы с очей на очи, расспросить: да будет детина против известных речей в чем учнет за пиратца и государь велел про то дело его пытать; а кто что в роспросе и с пытки скажет, и

государь про то дело велел сказати себе государю.

Маия 3 дьяк Сурьянин послал по золотных мастериц да по детину царыцыных детей боярских, а велел им, взяв их по подворьям безвестно, держати всех порознь. Тогож часу дети боярские взяв по подворьям золотных мастериц да детину, привели к дворцу. И дьяк Сурьянин детину спрашивал. Детина сказал: декабря в 22 день приходил он на дворец к боярыне своей к золотной мастерице к Марье Ярышкине и Марья де попросида у него плата, в чом завертеть рыба; и он дал ей плат свой, а в нем в узлу завязана была соколя соль, а тое де он соль пуцал жене своей в очи для того, что у ней очи больны. И на завтрее де того пришел он к той же своей боярыне на дворец и ему тот плат, вынесши на крыльцо, кинула Окулинина племянница девка Пелагея Волкова; в том де плату завязана была в узлу там соколя соль, а не кость и не мышьяк и не сулема; а у боярыни своей у Марьи Ярыцкиной плата инакова он неимывал, кинула ему с крыльца плат девка Пелагея. Дьяк Сурьянин спросил детину, только ему тот

плат и соколя соль показати и он узнает ли? Онашка сказал, что узнает, да бил челом, чтоб ему показать. Потом, смотря плату, сказал, что плат его, а узол, в чем завязана соколя соль, не тот: прежней узол был поменьше. Дьяк Сурьянин, развязав узол, казал ему соколю соль. Дитина, смотря соли, сказал, кабы де преж того была завязана та соль; а после того учал мяться, а сказывал, что та, а иное не та; да смотря соли, постояв немного, сказал, что в плату подлинно завязана была та соколя соль, а не иное что. Дьяк Сурьянин, видя, что дитина почал в речах своих мяться, велел его приставом вести к пытке; а золотных мастериц Окулину Волкову с дочерями для подлинного сыску к роспросу велел вести с ним же вместе. И приведчи к пытке, спрашивал их порознь. Дитина, стоя у пытки, сказал прежние свои речи, что плат его, и завязана была в нем та соколя соль, что ему казана, а не кость и не мышьяк и не сулема.

Дьяк для подлинного сыску казал золотной мастерице Онтониде Чашникове плат, в чем заверчена соколя соль, тот ли плат с костью она видела. Онтонида, смотря плат, ска-

зала, что она его у сестры своей видела и его знает, только в нем завязан был узол менши тово, а в том узлу заверчена была кабы что кость, величиною с зерновую кость, или кабы мышьяк, а не соколя соль, то де подменила сестра ее Марья. А соколя соли до сех мест в плату отнюдь не было, а заверчена после. И детина против того говорил, что она сестру свою тем клеплет, опричь де той соколя соли в плату завязано кости и мышьяку и сулемы небывало; а Онтонида на детину говорила в пример, что отнюдь той соколя соли в плату заверчено небывало, а подменили они ту соль, завязав в плату в узол после. Дьяк Сурьянин, доставя с Онтонидою с очей на очи мать ее Окулину да сестру ее Марью, спрашивал и плат и соколю соль им казал. Они, смотря плата, сказали, что плат детины их прямой; и в нем заверчена была в узлу прямая соколя соль, а не кость и мышьяк и не сулема, и ныне в плату там соколя соль, а не иное что.

Дьяк постращал детину пыткою, но и у пытки детина говорил тоже; между тем мастерица Онтонида говорила в пример, что соколя соли в плату завязано в узлу отнюдь

небывало, а было иное, да и то подменено после. Дьяк Сурьянин, видя меж их спор, велел детину пытати. Детина с первой пытки не сказывал ничего, а с другой пытки повинился и сказал: в том он перед государем виноват, велел ему в плату подменить после Тимофей Ярышкин да жена его Марья да теща его Акулина; а был в плату завязан мышьяк, а купил он тот мышьяк в Новгороде окармливать лилицы; и как привез к Москве, и тот мышьяк заверчен у него был в тот плат, и он пришед во дворец отдал плат и с узлом завертети рыба боярыне своей Марье Ярышкине; и Марья, взяв у него плат, пошла в Светлицу; и как у ней тот плат в Светлице осмотрели и на завтра кинула ему плат из Светлицы в окно племянница Окулины Полагаея. И тогож дни ввечеру пришла с Верху боярыня его Марья Ярышкина ж велела ему в том плату переменить, а завертети соколю соль, а которой в плату завязан был мышьяк и она его из плата вывязала и кишула. И дьяк Сурьянин ставил с детиною у пытки Марью Ярышкину и мать ее Окулину и они в том запирались, а сказали, что того ничего небывало и подменивать они

ему не веливали; тем он их клеплет, хотя от них отойти из холопства. А детина перед ними пытан, с пытки говорил прежние ж свои речи, что и наперед того сказывал. А Окулина с дочерью запирались, что подменивать ему мышьяка сокольею солью не веливали: а детина с них неговорил. Дьяк Сурьянин после пытки отдал детину и золотных мастериц держати приставом по прежнему, а пыточные речи сказывал государю. Государь указал золотную мастерицу Онтониду Чашникову, которая в том деле на мать свою и на сестру извещала, освободить, а до своего указа в Вверх ей ходить не велел. А матери ее и сестре с мужем велел сказать: только они вины свои, в чем на них говорил с пытки их человек, не принесут и государь их велел в том пытати. Мастерицы, выслушав речи, повинились; а сказали: в том де они перед государем и перед государынею виноваты, что преж сего вины своей к ним государем не принесли, боясь от них государей опалы. Принес де к ней Марье тот плат детина их завертети рыбу проста; и в те поры в плату завязан был у него мышьяк и она Марья, плат взяв у него и

не рассмотря, в Светлице выронила, а подняла его сестра ее родная Онтонида Чашникова и развязав узол, казала подругам своим. И в те поры то дело пошло в огласку и она Марья, плат вырвав у сестры своей, отдала девке Полагее; и та, взяв у ней плат, отдала детине; и Онашка плат принес к себе. И как у ней про тот плат с сестрою был шум и она Марья, пришедчи к себе на подворье, смотрели того плату у детины, что в нем в узлу было завязано, и в плату завязан мышьяк; и она детине своему учала говорить, для чего он к ней принес плат с мышьяком и ныне про него в Верху учинился шум. И Онашка ей сказал, что принес к ней плат с мышьяком, не ведая, спроста; и она вывязав из плата мышьяк, кинула, и ему заказала, чтоб он впредь про тот мышьяк никому не сказывал, а взяла у него соколью соль, что он пуцает жене своей в очи, да в то место завязала в плат ту соколью соль и ему приказала говорить, только учнут спрашивать, сказывал бы, что в плату была завязана соколья соль, а не мышьяк. А муж ее и мать ее то сведали после. И в том де волен Бог да государь и государыня, учинили они то дело,

боясь, спроста, а лихово у них умышленья никакого не бывало. И дьяк Сурьянин речи их сказал государю.

И государь указал, а велел золотных мастериц да детину их вести к пытке, а приведчи к пытке, роспроситл их накрепко и стращати всякими пригрозами, такиль они тот плат с мышьяком взяли у детины спроста, и неумышленьем ли тот мышьяк для каково злого дела в Верх вносили и преж сего в Верх мышьяку или сулемы ненашиваляль и т. д. — Мастерицы у пытки сказали, что они виновати в том, как велели мышьяк исторопясь сокольею солью заменить, а тот был у них мышьяк принесен в Верх с проста, а лихова у них никакова умышленья не бывало. А детина их сказал, что мышьяк принес к ним в Верх спроста, неведая, а на лихое дело того мышьяку к ним не принашивал, и сам он тем мышьяком и сулемою никакова дурна не делывал и людей не порчивал. И дьяк Сурьянин велел того детину стращать и поднять на пытку двожды, а пытать ево не велел. И тот детина ни в чем не винился, а говорил прежняяж свои речи.

Мая 5 государь для имянин дщери своей царевны Ирины Михайловны золотных мастериц Окулину Волкову да дочь ее Марью Ярышкину пожаловал, велел их из за пристава свободить и велел им быти у своего государева дела в Светлице в мастерицах по прежнему; а человека их Онашку из за пристава до своего государева указу свободять не велел. Он был освобожден июня 3.

Приворотный корень обратим

В 1635 году 30 генваря, одна из царицыных золотных мастериц, таже Антонида Чашникова, выронила нечаянно у мастериц в палате, т. е. в Светлице, где все они работали, платок, а в том плату «заверчен корень неведомо какой». Платок и с корнем подняли две белыя мастерицы и тотчас же объявили, т. е. представили государыне. На другой день по государеву указу и по именному приказу царицы велено дьяку царицыной мастерской палаты Сурьянину Тороканову об этом *сыскати на крепко*. Дьяк тотчас начал розыск распросом: где мастерица Чашникова тот корень взяла, или кто ей тот корень и для чего дал и

почему она с ним ходит к государю и к государыне в Верх, т. е. во дворец? Чашникова отвечала, что тот корень не лихой, а носит она его с собою от сердечные болезни, что сердцем больна. Само собою разумеется, что такой ответ был недостаточен: царское слово *сыскати накрепко* требовало самого полного и строгого исследования. Дьяк стал спрашивать со всякою пригрозой: если она про тот корень, какой он слово, и где она его взяла, или кто ей дал и для чего дал, подлинно не скажет и государю в том вины своей не принесет, то государь велел ее в том пытати накрепко. Мастерца повинилась и сказала, что в первом своем распросе не объявила про корень подлинно, блюдясь от государя и от государыни опалы; а теперь про тот корень скажет подлинно: «Ходит де в царицыну слободу, в Кисловку к государевым мастерцам к Авдотье Ярышкине и к иным, жонка, завут ее Танькою; и она де той жонке била челом, что до нее муж лих, и она ей дала тот корень который она выронила в Светлице; а велела ей тот корень положить на зеркальное стекло, да в то зеркало смотреться и до нее де будет

муж добр. А живет та жонка, на Здвиженской улице. Дьяк тотчас велел жонку Таньку отыскать и привести пред себя.

Когда посланные за ней дети боярские поставили ее к допросу, она сказала, что зовут ее Танькою, а мужа у ней зовут Гришка Плотник, а живут они на Знаменке на дворничестве, т. е. в дворниках у дворянина Головачова. Потом жонка Татьяна, как нужно было ожидать во всем заперлась и ответила, что она отнюдь в царицыну слободу в Кисловку ни к кому не ходит и золотной мастерицы Антонида Чашниковой не знает и иных никаких мастериц не знает и к ним не ходит. Их поставили с очей на очи. Мастерица говорила, что она Танька в Кисловку к мастерицам ходит, что там у ней с нею и познать учинилась, что она била ей челом, что до нее мужлих, бьет и увечит и она, Танька, дала ей корень, а велела положить его на зеркальное стекло, да в то зеркало смотретца и до тебя де будет муж добр.

Ворожея во всем запиралась, говорила, что мастерица тем ее клевет, что она ее и не знает и коренья ей никакова не даывала. Да

об том у них меж себя было спору много. Дьяк, видя их спор, начал их спрашивать, разводя порознь, со всякою пригрозой. Но ворожея стояла на своем. Дьяк потом распрашивал ее на одине со многою пригрозой, объявил ей, что если не повинится, то будут ее пытать накрепко и огнем жечь. Пригроза пытки, подействовала и ворожея призналась, однако в том только, что действительно дала корень мастера де от лихова мужа, чтобы ее муж любил; но в Кисловку ни к кому не ходит, и ни кого там не знает. Тоже она говорила и на очной ставке с мастерицею, всячески запираясь, не смотря на улики, что в царицыну слободу к мастерицам не ходит и с ними не знается. Тем и заключился предварительный допрос. Записав речи, дьяк отдал подсудимых держать приставам.

Чрез пять дней, февраля 5, государь, слушав это дело, велел ехать к пытке окольникову Василью Ивановичу Стрешневу да дьяку Сурьянину Тороканову и про то дело сыскивать и мастерицу и жонку Таньку распрашивать на крепко. В первых своих речах Антонида сказала, что ей жонка Танька дала ко-

рень от сердечные болезни, а потом сказала, что для того, чтобы до нее муж был добр, следовательно речи свои рознила, потому и должна открыть все подлинно. Если она у той жонки взяла корень для лихова мужа, то, по своему воровству, ей довелось тот корень держать у себя на подворье, а к государю во дворец его носить не пригоже. А коли она тот корень принесла в Верх и она для чего принесла и по какому умышленью; и его государя и царицу и их царских детей портить не хотелась и кто иной ее с тем не засылал ли? Или она сама по какому умышленью тот корень в Верх принесла и для чего принесла? А жонку Таньку расспросить: сказывает она, что тот корень дала мастерице, для того чтоб до нее муж был добр, и она бы сказала подлинно какой тот корень слово, и где она его взяла и сколь давно она тем промышляет, и кому иным или ей, Антонице, oprичь того какие коренья давали, и в царицыну слободу в Кисловку ходит ли, и с мастерицами знается ли, и будет знается и почему у них с ними познать; и государя с государынею и их царских детей не порчивала ли, и иным кому портить

невеливала ли, и коренья им не давала ли, и на то дело кто у ней сам или засылкою не пытался ли? Ввечеру окольниковый Стрешнев и дьяк Тороканов ездили к пытке и спрашивали их, разводя порознь, по статьям.

У пытки мастерица говорила свои прежняя речи, прибавив, что корень во дворец принесла спроста, без всякого умыслу и портить никого из государской семьи не хотела. — Не смотря на то ее велели попытать слегка, повторив тот же самый допрос с некоторыми незначительными дополнениями. Так ли она над государем, царицею и царскими детьми кореньем или иною какою порчею не порчивали, и засылки к ней о том от верхних боярынь или от постельниц или из иных чинов от каких людей не бывалось? Только один ли корень она взяла у жонки, не брала ли чего и еще, и с иными коренщицы не знает ли? Но прежний ответ был получен и с пытки.

Более подробностей рассказала у пытки ворожея и коренщица Танька; вот ее слова: родом она города Орла, бывала стрелецкая жена, да после того овдовела и шла за бродя-

этого человека за Гришку Плотника. Оба они живут на Москве на дворничестве у Меншова Головачова. В нынешнем в 1635 году генваря 27, прислала та мастерица Антонида к ней малова своего, чтоб она у ней побывала и как к ней пришла и она ей говорила, чтоб она ей сделала, чтоб ее муж любил; и она де дала ей корень, зовут его *обратим*, а велела ей тот корень положить на зеркальное стекло да в то зеркало смотретьца. В остальном во всем она заперлась и ничего не прибавила во время пытки и при уликах на очной ставке, даже тогда, когда ее стали жечь огнем [223]. Сказала только, что корень дала мастерице не с умысленья, по ее просьбе; и держала его у себя спроста. И государя и государыню и их царских детей кореньем, и иным ничем не порчивала и портить не хачивала и засылки к ней об том от верхних боярынь и от постельниц и от мастериц и из иных чинов ни от каких людей небывало, и в царицыну она свободу к мастерицам и к иным ни к кому не ходит и с ними ся не знает». Тем и окончился этот розыск. О судьбе этих лиц в сыскном деле находим известие, что сосланы в Казань за

опалу в ведовском деле царицын сын боярский Григорий Чашников с женою, да на Чаронду Гриша Плотник с женою с Танькою и велено им жити и кормитца на Чаронде, а к Москве их отпустить невелено, потому что та Гришина жена ведомая ведунья и с пытки сама на себя в ведовстве говорила.

Колдовство да царицын след

1638 г. ноября 16 извещали государю мастерицы Марья Сновидова да Степанида Арапка и рассказывали: как был государь в Троицком осеннем объезде [224] и без него государя приходила в Верх к мастерице Дарье Иаманове неведомо какая жонка, а видели то они мастерицы да два сторожа, светлишной да портомойной. Да она ж Дарья, украдчи остатки государевых деланных скатертей, отдала тем сторожам неведомо для чего. Да как государь пришел из объезду и приехав из того объезда подруга ее мастерица Авдотья Ярышкина, шла в Верх по каменной лестнице и она Дарья говорила ей, что сыпала песок на след государыни царицы Евдокии Лук.; и то слово слышала она Авдотья да свет-

лишняя писица Ненила Волонская, а от писицы слышала мастерица Анна Коробанова. Да как после того царица шла по переходам мимо Светлицы и в те поры они изветчицы говорили ей Дарье про светличную пропажу государских скатертей и она им сказала: толькоб де мне царицу уходить, а ныне де мне дешевы и слышали то слово золотные мастерицы. Да она ж Дарья, как государь был в Троицком объезде, ездила за Москву реку к серпуховитину Ивану Соймонову ночевать; а приезжала к нему покрыта государским полотном, в которых полотнах делают государским детям сорочки, и она то полотно, езда, изодрала. Вот какие светличные события происходили на этот раз в отсутствие государя и царицы. Надо было *сыскать* подлинно и обо всем расспросить. Государь указал сделать розыск тому же окольниковому Стрешневу и дьяку Сурьянину Тороканову.

При первом распросе мастерица Дарья сказала, что приходила к ней в Верх золовка ее Матренка Бахирева и стояла с нею у нижней Светлицы, а потом она взяла ее к себе в верхнюю Светлицу, потчивала медом и отпустила

домой: остатки скатертей отдала сторожам потому, что они ни к чему не пригодятся (три лоскута, по смете всего с поларшина) песку на след царицы не сыпывала и слова говорила такие: толькоб государыня ее пожаловала, а иные ей не дороги и к Соймонову ночевать не езживала.

Мастерица Авдотья Ярышкина рассказала, как и из-за чего началось дело. Как государь с царицею пришли из троицкого объезда, она, быв в Верху, пошла к себе; и как будет на крыльце против полатки, где стоят на карауле, тут стояла мастерица Марья Сновидова с сестрою Домною: и Домна приказывает мужу Марьину, чтоб он ея сестру, а свою жену поучил гораздо за то, что она покрала в Светлице коробью у мастерицы Анны Коробановой, а она тое свою сестру завтре в Светлице перед всеми мастерицами выучит, чтоб она вперед не дуровала. Тогда мастерица Марья, оправдываясь, начала говорпть: то де на нас поносит мастерица Дарья Ламанова и только де она в том на нас посягает, ино де и то будет наруже, как она на след г. царицы сыпала песок. Услышав от нее то слово, Авдотья удари-

ла ее Марью плетным батогом в голову: неври де ты, жидовка! Как ты такое слово говоришь, от чего голове твоей пропасть! Потом на завтрае, пришед в Верх, она Авдотья сказывала то слово своим подругам; да слышала то слово и писица Ненила.

Изветчицы Марья и Степанида показывали, что как царица шла с переходов мимо Светлицы и Дарья в то время говорила: лишеб мне уходить царицу, а они ей недороги. Еще сказывала ей подруга их таж Дарья: есть де у ней такая баба, что всему тому пособит, да и звала к той бабе за Москву реку. Судьи поставили мастериц на очную ставку. С очей на очи Дарья Ламанова во всем запиралась; о царице говорила по случаю пропажи, толькоб государыня в той пропаже ее пожаловала, а они де ей все недороги. Судьи объявили ей: если она вины своей не принесет и правды не скажет, то государь указал пытать ее накрепко и огнем жечь.

Постояв немного, она заплакала и учала виниться. В том слове, что будто на след государыни сыпала песок — виновата; нечто будет то слово подругам своим она молвила со

пьяна. Да и в том она виновата, что за Москву реку к Ивану Соймонову, покрывся государским полотном, ночевать ездила и как приехала потом к себе на подворье и муж стал ее спрашивать, куды она ездила и где ночевала? И она боясь мужа своего побой, сказала ему, что грешным де обычаем прожгла она царевны Ирины Мих. сорочку и ездила за Москву реку прибирать к той сорочке новое полотно, вместо прозженного, которым и была покрыта. Но о жонке, которая приходила к ней в Светлицу, она подтвердила только прежния свои речи. На другой же день, государь, слушав сего дела, велел мастериц и сторожей пытать: «как мастерица Дарья на след государыни сыпала песок, как она Дарья звала с собою за Москву реку Степаниду Арапку к бабе, а говорила, надабе де государское сердце уходить, а иные де ей подруги ее сошлись даром, и для-ль государские порчи хотела итить к бабе или для инова какова дела и кто с нею в том деле и какие люди в думе были; и в Верх к ней Дарье в Светлицу та ли баба, которая живет за Москвою рекою, приходила или какая иная и для чего приходила?»

У пытки Дарья повинилась: «в том она перед государем и перед государынею виновата, что к бабе, к ворожее подругу свою Степаниду Арапку за Москву реку звала, а тое де бабу зовут Настасьицею, живет за Москвою рекою на всполье; а спознала ее с нею подруга ее золотная ж мастерица Авдотья Ярышкина, для того, что она людей приворачивает, а у мужей к женам сердце и ревность отымает; а наговаривает на соль и на мыло; да тое соль дают мужьям в естве и в питье, а мылом умываютца; да и над мужем де она, Авдотья, своим тож делала и у него к себе сердце и ум отняла: что она Авдотья ни делает, а он ей в том молчит. Да онаж Авдотья ворует с братьями своими двумя Соймоновыми и ею Дарьею братьям своим сводничает, тому ныне четвертый год. И била челом, чтоб поставить Авдотью с нею с очей на очи и расспросить, потому что она про то дело, что ей Дарье давала баба колдунья подлинно ведает. Да там баба давала, наговариваючи, золотной же мастерице Анне Тяпкине, чтоб муж ее Алексей Коробанов добр был до ее Аннинных детей». — Стали пытать Дарью накрепко. С пытки она говорила,

что ездила к той бабе и пыталась для мужа, чтоб ее муж любил желала только приворожить мужа и что колдунья в Светлицу к ней не приходила. Но когда велели пытаться другую мастерицу, Марью Сновидову, утверждавшую противное, и как ее учили разболтать — мастерица Дарья стала просить чтоб ее не портить, присовокупив, что как сыщут тое бабу с которою она спозналась чрез Авдотью Ярышкину, — тут все объявитца, а она ту бабу укажет, и где живет она двор знает. Судьи тотчас послали за колдуньей. Привели жонку-колдунью. В роспросе она сказала, зовут ее Настасьицею, Иванова дочь, родом Черниговка, а муж у ней Литвин, зовут его Янкою Павлов. На очной ставке ее все признали за ту именно бабу, которая приходила во дворец. Сама Дарья Ламанова сказала, что у ней та жонка в Светлице была и медом она ее потчивала. Но Настасьица во всем запиралась: мастериц она ни кого не знает и у них в Светлице не бывала. Судьи велели ее пытать накрепко и огнем жечь. И послыша то мастерица Дарья учела винитца и плакать, а той жонке Настке говорить, чтоб повинилась.

«Помнишь ты сама, говорила она ей, как мне про тебя сказала мастерица Авдотья Ярышкина; и я по ее сказке к тебе пришла и ворот черной своей рубашки, отодрав, к тебе принесла, да с тем же воротом принесла к тебе соль и мыло. И ты меня спросила, прямое ли имя Авдотья, и я сказала тебе, что прямое, и ты в те поры той моей рубашки ворот на ошостке у печи сожгла и на соль и на мыло наговорила, а как наговорила и ты велела мне тот пепел сыпать на государственной след, куда государь и государыня царица и их царские дети и ближние люди ходят и тебе де в том от государя и от царицы кручины никакие не будет, а ближние люди учнут любить. А мылом велела ты мне умыватца с мужем; а соль велела давати ему в питье и в естве, так де у мужа моего серцо и ревность отойдет и до меня будет добр. Да и не одна я у тебя была, продолжала Дарья; приходили после того со мноюж к тебе Васильева жена Колодничка, Семенова жена Суровцова, и ты им, наговоря, соль и мыло давала. Авдотья Ярышкина приходила к тебе с братьями своими Соймоновыми, да у тебя и ночевали.

Не смотря на улики, сопровождаемые пыткой, ворожея запиралась. Мастерница же говорила, что именно от нее получила пепел и сыпала на след государыни у Светлицы по крыльцу, где ходят на переходы, да у дверей проходной палаты, где ходят на теж переходы; а сыпала она тот пепел на царицын след, как государь пришел из рубцовского объезду (в конце августа). Стали пытатъ колдунью в другой раз и огнем жечь. Она не выдержала и повинилась, что мастерницам Дарье Ломанове и ее подругам, которых знает а иных и не знает, сжегши женских рубашек ворота, и наговоря соль и мыло, давала, и пепел велела сыпать на государственой след, но не для лихова дела, а для того, как тот пепел государь и государыня перейдет, а чье в те поры будет челобитье и то дело сделается; да от того бывает государственая милость и ближние люди к ним будут добры. А соль и мыло она велела мастерницам давать мужьям своим, чтоб до них были добры.

Но этого было недостаточно. Предложен был новый вопрос: сколь она давно тем промыслом промышляет и от Польского и от Ли-

товского короля к мужу ее литвину Янке присылка или заказ, что ей государя или государыню испортить, был ли; и чем она и какими лихими дела их государей портила: и давненько она тому делу, что мужей приворачивать, научилась, и кто ее тому учил, и муж ее про то ведает ли? На пытке и на огне колдунья отвечала, что к мужу ее к литвину Янке и к ней из Литвы от короля для государские порчи приказу и иного никакого заказу не бывало, и сама она их государей не порчивала. Только она дала мастерице Дарье ворота зженой рубашки пепел, а велела сыпать на государственной след, чтоб государь и царица и ближние люди до нее были добры. А что она мужей приворачивает, и она только и наговорных слов говорит: как люди смотрятца в зеркало, так бы муж смотрел на жену да не насмотрелся; а мыло, сколь борзо смоецца, столь бы де скоро муж полюбил; а рубашка, какова на теле бела, столь бы де муж был светел; да и иные де она не лихия слова наговаривала, чтоб государь и государыня жаловали, а ближние люди любили: а муж ее про тот промысел не ведает. А учила ее тому на Москве

жонка Манка, слывет Козлиха, а живет за Москвою рекою у Покрова.

Тотчас отыскали и Манку Козлиху и поставили их с очей на очи. Они, как и следовало, завели спор. Настасьица сказывала, что ее ворожить учила она Манка, а Манка отрекалась, говорила, что неучивала. Стали пытаться. Почти тоже Манка сказала и с пытки: ворожить не учивала, ворожбы не знает, а только и знает, что малых детей смывает да жабы, у кого прилучитца, во рте уговаривает да горшки на брюха наметывает, а опричь того и ничего не знает. Между тем колдунья Настька не переставала ее уличать и доказывать, что она ворожить выучилась у ней. Стали Манку пытаться в другой раз накрепко и огнем жечь. Но колдунья не сознавалась ни в чем. Настька, уличаючи ее, говорила, что она запирается, будто мастериц никого не знает, она де и портомой знает. Женился солдат у портомой, слывет Лидовской; и тот солдат с портомоею к ней Манке приходил. Та ответила, что приходил, но не для ворожбы.

В числе новых улик ворожея Настасьица сказала, что еще за год назад сын Манкин,

приводил к ней Настьке мастерицу Дарью Ламанову, которая с тем детиною принесла к ней наговаривать соль да мыло. И она Настька ему сказала: для чего к ней с тою мастерицею мимо матери своей ходит; и тот ответил, что мать его спит пьяна; и она Настька, наговоря соль и мыло, для привороту, ей Дарье дала. А наговаривала ту соль, отнимаячи ревность у мужей. На очной ставке все это подтвердила и мастерица Дарья: но Манка Козлиха не признавалась ни в чем и просила пытать Настьку, потому что она ее клевет. Настька с пытки говорила прежния речи. Тогда велели пытать Манку в-третьи, накрепко и огнем жечь.

«И жонка Манка с пытки повинилась, а сказала, что она сама ворожит и Настасьицу ворожить учила. А ей Манке тое ворожбу оставила при смерти мать ее родная Оленка: а как матери ее настало, тому ныне семьей год; а ворожа, она, в привороте, на соль и на мыло и на зеркало наговаривала: как смотрятца в зеркало да не насмотрятца, так бы муж на жену не насмотрелся; а соль: как тое соль люди в естве любят, так бы муж жену любил; а на

мыло наговаривала: сколь скоро мыло с лица смоецца, столь бы скоро муж жену полюбил; а ворота рубашечные жегши приговаривала: какова бела рубашка на теле, таков бы муж до жены был; а жабу у еого прилучитца во рте уговаривает: святой ангел хранитель умири и исцели, у того имянем у кого прилучитца, болезнь сию. А инова она ничего лихова опричь того незнает и лихим словом не наговаривает. Да и не одна она тем ремеслом промышляет, есть на Москве и иные бабы, которые подлинно умеют ворожить. Одна живет за Арбацкими ворота, зовут ее Ульянкою, слепая; а две живут за Москвою рекою, одна в Лужниках, а другая, зовут Дунькою, в Стрелецкой слободе.

Таким образом явились еще ворожеи, баба Улька, Дунка, да Феклица, все слепыя. Судьи тотчас послали по тех баб. Когда их поставили к делу, с очей на очи с Козлихою, то в распросе они сказали, что Манки незнают и сами неворожат и с ворожеями незнаютца. Но та утверждала, что «они сами ворожат и ворожиться к ним изо многих дворов всякие люди ходят». Начали пытатъ накрепко жонку

Ульку, повторяя все те вопросы, на которых главным образом сосредоточивалось все дело, т. е. не пыталась испортить государственное здоровье и верховых постельниц и мастериц кого знает? С пытки она сказала, что «только и знает, что около малых детей ходит, кто поболит и она их смывает, и жабы во рте уговаривает да горшки на брюха наметывает, а наговорные слова у ней таковы: ангел хранитель утиши во младенце сем, у кого объявитца болезнь сия, да наговоря на воду, детей смывает. А жабы во рте давит да темжи слова наговаривает». Потом во время новой пытки и жжения огнем она прибавила, что «не одним тем промышляет, есть де за нею и иной промысл: у которых людей в торговле товар заляжет, и она тем торговым людям наговаривает на мед, а велит им тем медом умываться, а сама приговаривает: как пчелы ярые роятца да слетаютца, такбы к тем торговым людям для их товаров купцы сходились. И от того наговору у тех торговых людей на товары купцы бывают скорые. А как она мужей к женам приворачивала, и она наговаривала на хлеб с солью, да на мыло; а наговариваючи тот хлеб

с солью, велела женам есть: как де хлеб да соль люди любят, так бы муж жену любил; а мылом велела умываться: сколько скоро мыло к лицу прильнет, столько бы скоро муж жену полюбил. А у кого лучитца сердечная болезнь или лихорадка или иная какая внутренняя болезнь — и она тем людям, наговариваючи на вино да на чеснок да на уксус, давала; а в приговоре наговаривала; утиши сам Христос в том человеке болезнь сию, да Увар христов мученик, да Иван Креститель, да Михайло Архангел да Тихон святой и иные божественные слова, а не лихия, — и от того тем людям бывала легость. После новых пыток и жженья Улька ничего в речах не прибавила.

Другая ворожея Дунька слепая объяснила с пытки, что ворожбы и ведовства никакого не знает, а только знает, что малых детей от уроков смывает да жабы во рте уговаривает. Да онаж на бруха, у кого что пропадет, смотрят. А на кого скажут неверну и она, посмотря на сердце, узнает, потому что у него сердце трепещет.

Третья, Феклида, с пытки созналась только в том, что грыжи людем уговаривает, — а на-

говаривает на громовую стрелку да на медвежий ноготь да с тое стрелки и с ногтя дает пить воду, а приговариваючи, говорит: как де ей старой жонке детей нераживать, так бы, у кого та грыжа, и болезни небыли; да онаж, у кого случитца, на брюха горшки наметывает. Несмотря на жестокия пытки и сжение огнем, что повторялось несколько раз, все эти жонки колдуньи ничего более неоткрыли. Осталось расспросить оговоренных мастериц. Авдотья Ярышкина ни в чем не созналась и сказала, что Дарья ее тем всем клеплет. Анна Тяпкина сказала, что в прошлом году Дарья привезла к ней в Светлицу, пьяная, вина да в бумажке соли и велела ей то вино пить, а не сказала, что оно наговорное. Она Анна, боясь, что от Дарьи чинится в Светлице пропажа, того вина не аила и его вылила, а соль рассыпала на земле; колдуньи она не знает и ничем на государское здоровье у ней не пыталась. Прасковья Суровцова сказала, что пыталась у колдуньи и наговореную соль брала, для того, чтоб зять ее добр был до ее дочери; а иным ничем не пыталась. Прасковья Колодничка сказала, что пыталась у колдуньи, брала наго-

вореную соль, по тому что муж ее до нее лих, и она ему давала ту соль, для того чтоб до нее был добр.

Дело по разным обстоятельствам приостановилось почти на четыре месяца. В течении этого времени, в январе 1639 года, после непродолжительной болезни, умер пятилетний царевич Иван Михайлович, а в конце марта новорожденный царевич Василий Михайлович (стр. 320). Эти несчастные для царицы события не остались без влияния и на ход рассматриваемого дела. 1 апреля, следовательно чрез несколько дней по смерти новорожденного царевича, государь указал снова распросить и пытатъ накрепко и мастерицу и ведунью женку Настьку.

Содержание новых допросов заключалось в том, что так как мастерица Дашка, к бабе ворожее, которая людей приворачивает и у мужей к женам серцо и ревность отымает, — ездила и пыталась у ней, чтоб баба сделала как бы до нее Дашки государь и государыня и их государские дети и ближние люди были добры; и колдунья Настька, зжегши ее Дашкин рубашечный ворот, велела ей сыпать на

государской след: как де государь и государыня перейдет тот след, а чье в те поры будет челобитье и то дело сделается; и она Дашка на след царицы пепел сыпала, что все подтвердила с пытки и сама колдунья; и после того их воровства, как мастерица на след государыни сыпала ведовской рубашечный пепел, — государыня царица Евдокия Лукьяновна учала не домогать и быти печальна; да после тогож вскоре грех учинился, государя царевича Ивана Михайловича не стало; а после тоеж скорби вскоре государыня царица родила государя царевича Василья Михайловича больна, и после ее государских родин и того государя царевича Василия Михайловича не стадо вскореж; и ныне государыня перед прежним скорбнаж и меж их государей в их государском здоровье и в любви стало не по прежнему. И то знатно, кабы с того времени, как она Дашка по ведовству жонки колдуньи Настьки Черниговки на след государыни сыпала пепел и от того времени и до сих мест меж их государей скорбь и в их государскож здоровье помешка. И онаб мастерица Дашка и ведунья жонка Настька сказали про то под-

линно в правду, для чего она Дашка ведовской рубашечный пепел на след государыни царицы сыпала; а та ведунья Настька что подлинно над тем пепелом наговаривала и на государской след сыпать велела: над государем и над государынею и над их государскими детьми какое лихое дело неумышляли и их государей не портили и детей их государских у них государей не отнимали и совет их государской меж их государей своею ведовскою рознью к развращенью не делали и детям их государским в их многолетном здоровье тем своим ведовским делом, порчею, лет не убавливали и иного какого злам государям и их детям неумышляли и умысла что, не делали, про тоб про все сказали вправду.

При особенной пригрозе, при новых пытках и сжении огнем, и мастерица и колдунья говорили теж речи, что и наперед того сказывали: именно, что одна сыпала, а другая велела ей сыпать пепел на след государыни для того, чтоб царица ее Дарью жаловала, а не для лихова дела.

Затем истязания прекратились и колдуньи

Настасьицы вскоре не стало — она умерла. Умерла также и другая колдунья Ульянка слепая; прочие подсудимые были розданы приставам под стражу, до окончания дела.

Спустя месяца четыре, в августе того же года, это дело опять было поднято пыткой и допросом оговоренных мастериц. На Авдотью Ярышкину несчастная Дарья Ламанова показывала, что она ее спознала с бабою ворожею, которая людей приворачивает, а у мужей к женам сердце и ревность отнимает, что Авдотья тем ворожучи и мужа своего обошла, что хочет, то ворует, а муж ей в том молчит; что ворует она с братьями своими и ею Дашкою с ними сводничала. На новом распросе мастерица Ярышкина во всем запиралась и говорила, что Дарья все затеяла на нее по недружбе. Но с пытки во всем повинилась. К колдунье она ездить пыталась для того, что у ней на дочери была падучая болезнь и еще для того, чтоб ее любил муж и ни в чем не возбранял и подругою своею Дарьею сводничала; но на государей никакого зла неумышляла.

Прасковья Суровцова с пытки же повинилась

лась в том только, что она действительно у
кольдуньи Настьки пыталась и наговорную
соль и мыло и своей рубашки ворота жженой
пепел у ней брала, и тем мылом велела доче-
ри своей умываться, и соль и пепел сыпала в
питье, да давала пить зятю своему, чтоб зять
ее добр был до ее дочери.

Прасковья Колодничка с пытки призналась
также в одном, что ходила за Москву реку к
бабе Настьке, и мыло и белила и соль наго-
ворную у ней брала, и тем мылом умывалась
и белилами белилась, а соль мужу своему да-
вала в естве, для того, чтоб муж до нее добр
был. И она, убеясь, вышла к своему мужу,
как он пришел во двор, и муж в те поры ее
убил (зашиб, прибил); и она видя, что в том
наговорном мыле и в белилах и в соли помо-
чи нет, взяла да и достальное мыло и соль
разметала.

В сентябре тогоже 1639 года вышел госуда-
рев указ: Дарью Ламанову с мужем сослать в
Сибирской город на Пелым; Авдотью Ярыш-
кину с мужем, с сыном и с дочерью сослать в
Каргополь; а их подруг, других мастериц, вы-
слать из Двора и с мужьями и вперед в цари-

цыном чину не быть; колдуний разослать в города: Манку Козлиху к Соликамской, Дуньку слепую в Кайгород, Феклицу слепую с мужем на Вятку. — Сторожей, светличного и портомойного, бить батоги и из Двора выслать; сына боярского Соймонова и подьячего Якунина, вероятно по тому же делу, бить кнутом.

Посмешное слово постельниц

В 1639 г. августа 5 приходит к одному стрелецкому десятнику некая полонянка Акулина Незнанова писать челобитье к государю с изветом на постельницу Любаву Волосатову, на ее дочь и на сына и на зятя, и сказывать про них государево *дело*, про государя и про царицу посмешное *слово*. Стрелец тотчас написал и подал челобитье, прибавив, что «инова ему и писати нельзя, скажет все та иноземка полонянка сама у роспросу и на очной ставке. 9 августа челобитная была уже в комнате у государя, где и решено *сыскать*, и розыск поручен царицыну дворецкому В. И. Стрешневу с тем же дьяком, которые на другой день велели тотчас перед собою поста-

вить указанную полонянку. Акулина в вопросе сказала: еще в 1633 г., как родился (июня 2) царевич Иван Мпх. (умерший в этом 1639 г. генв. 10) и в те поры, пришед с государских родин к себе на подворье постельница Люба Волосатова с дочерью Домною да с сыном Иваном и с зятем Ортемьем, говорили меж себя в разговоре: наряжу де я курку свою гречанку в желтые сапоги да в шубку да в шапку и прикажу (определю) ее в Верх в постельницы и она де будет таковаж постельница ж, как и государские постельницы, кабы де у государя и у государыни живут в Верху в постельницах добрые жены; да и сама де царица не дорога, знали ее, кои она хаживала в жолтиках (в желтых сапогах), ныне ее Бог возвеличил! Акулина ссылалась, что те слова слышали две вдовы, которые у них в те поры на дворе были Судьи велели тот же час поставить перед собою и этих вдов, которые от постельниц те непригожия речи слышали. Вдовы подтвердили, что такие речи действительно слышали в разговоре от одной Любины дочери Домны, а она в те поры была не в постельницах, а жила с матерью.

Судьи велели поставить перед собою постельниц, мать и дочь. На распросе они во всем запирались и говорили, что полонянка и вдовы клепят их, да в том имались с ними за пытку. Вдовы тоже просили постельниц на пытку, сказывая, как де им тем делом клепать; что слышали, то и сказывают в правду; да и объяснили, что одна из них сыну Любину Ивану теща, а другая его жене большая родная сестра, а ему своячина, и им будучи с ними меж себя в свойстве такого великого дела, как учало быть в сыску, таить не можно. Постельницы учили вдов бранить и называли их непригожими словами и корчемницами, что они, воруючи продают вино и иным всяким воровством промышляют, а на них постельниц то затевают напрасно. Вдовы защищались и, оправдываясь в обвинении, ссылались на Кадашевскую боярыню Анну Бегичеву, на всю Кадашевскую и Талмацкую слободу и на все Заречье, что они воровством никаким не промышляют, живут за Москвою рекою в Талмацкой слободе и корчмы и винные продажи у них нет, а кормятца своею прямою работою, прядут, покупаючи, лен и делают

полотна и берут убрusy, да что продадут, тем они и питаются; то всем их соседям известно. А что их постельницы называют ворухами (в известном смысле) и они, одна после своего мужа вдовствует сорок лет, а другая тридцать лет и им воровством никаким промышлять не пригоже. Да учили вдовы бити челом словесно: называют их постельницы ворухами, а та Домья, Любина дочь, сама прямая воруха; как она была за первым мужем и она и тогда от мужа своего воровала с Пашковыми и лежала после того в зелье, а лечил ее зелейного ряду торговой человек, называют его Коротким, а взял он за лечбу 3 р., и как Домняца излечилась и ее мать Люба промыслила тою своею дочерью в постельницы.

Полонянка изветчица доводила также и на сына Любина Ивана, как он бил однажды свою жену, сказывая, что ворует в Верху с верховыми людьми и когда она полонянка вступилась за нее, стала просить, чтоб пощадил для ради государыни царицы, он Иван за то выбранил ее и с царицею. Иван, конечно, отрекался от этого, говорил, что таких слов не говаривал и жены своей не бивал. Полонян-

ка уличаючи его, указала на свидетелей, которые сказали, что видели они и слышали, как Ивашка, встретясь с полонянкою Окулькою на дороге, ей рукою махал и грозил: уходишься де ты, что на нас доводишь; и в Верху, пришед на лестницу к роспросу, также грозил ей, чтоб она на них не доводила. Ивашко в том во всем запирался. А полонянка, постояв немного, еще сказала, что она от постельницы Домны про царицу и не одни непригожия речи слышала: сказывала ей Домна, что государыня царица Евдокея Лук. где найдет людские волосы и она, государыня, с тем волосем сучит свечки да их жжет, а сказывает, что будто ее портят постельницы. И толькоб она Акулина от Домны таких слов не слышала, и ей того затеять не уметь. Домна в том во всем запиралась.

На другой день, 11 авг., по государеву указу судьи ездили к пытке. Там после очной ставки подсудимые опять звали друг друга на пытку. Сначала попытали слегка одну из вдов, которая подтвердила только прежния свои речи. Но постельница Домна с пытки повинилась во всем, и сказала, что про государ-

ский чин, что в нем живут недобрые жены постельницы, и что она нарядит курицу и пр. то сделать говорила. А про царицу говорила ли не пригожая речи, того не упомнит; в те поры поразил ее о землю недуг и повалясь, лежала безгласна. Тут же, стоя у пытки, палачь Васька подтвердил, что ту постельницу знает и на ней та падучая болезнь давно. Спросили ее мать, которая, вероятно, не зная в чем дело, начала было отрекаться, что падучей болезни на дочери не бывало, разве что учинилась над нею теперь. Палачь доказывал, что мать лжет, что на Домне давно падучая болезнь, как была она на одной свадьбе в свахах и тогда та падучая болезнь на ней была. Мать потом учала в речи мяться. Судьи велели ее розболочь и хотели пытать. Тогда она сказала правду, что болезнь была Ее сын Ивашка в своем непригожем слове про царицу был пытан накрепко; но с пытки не винулся, а сказал, когда бил жену и, в те поры был пьян, что говорил, того не упомнит. Полонянка подтвердила его показание, что был пьян. На том розыск и остановился.

Через несколько времени, 15 сент. госу-

дарь велел постельницу Любу с дочерью и царицыных детей боярских, ее сына и зятя, из царицына чину отставить, и из царицыной слободы, из Кисловки, выслать.

Похвальба царицыным жалованным челобитьем

1651 г. ноября в 6 день извещал государя Петр Семенов сын Хомяков на сокольника на Тимошку Григорова, а сказал: в прошлом в 159-м году в Коломенском селе на Потешном дворе в хоромех, перед оспоженными говейны, говорил ему Петру сокольник Тимошка Григоров, один на одии с ним Петром: до брата де моего до Левонтья Григорова государская милость, а крестьянин де их похваляетца, ходячи по пирам: государыня де царица, жалуючи мать Левонтьеву, прислала челобитье с человеком их с Трошкою; а как того крестьянина зовут, который такие речи говорил и он Тимошка тому крестьянину имя сказал, а он Петр имя того крестьянина забыл. Да он же сказывал ему Петру: нам де к родителям своим и выехать нельзя; говорят нам, по делом де вы дураки, что вас государь

не жалует, как милость государская к Левонтью и государыни царицы к матери его; царица де государыня к матери Левонтьеве жаловала, приказывала челобитье.

И того же числа сокольник Тимошка Григоров роспрашиван. А в роспросе сказал, что он таких речей Петру Хомякову не говаривал, такие де речи Петр Хомяков на него Тимошку затеял. А на очной ставке Петр Хомяков говорил на него Тимошку прежние речи, что он в роспросе говорил. А Тимошка на очной ставке запирался, а сказал, что он Петру таких речей не говаривал. Да Тимошка ж говорил: зашто де он Петр на него Тимошку в ту пору не извещал, как будто я ему сказывал, и то де знатно, что он Петр на мене затеел. И Петр Хомяков сказал: не извещал государю на него в ту пору потому, поблюлся де Левонтья, а к Левонтью в ту пору была государская милость, чего б де он Левонтей на него Петра государю не сказал; а на него Петра государь в ту пору был кручиноват. Да он же Петр сказал: извещал он Петр государю, что кречет не кормлен; и Левка его Петра излаел: кто де тебя спрашивал извещать государю; а как его

Петра в ту пору Левка лаел, и то слышал Митрошка сокольник.

И Тимошка Григоров у пытки в роспросе сперва говорил прежние свои речи, а постояв, винился: виноват де я перед государем, Петру Хомякову такие речи говорил, что государыня царица Левонтьеву мать о здоровье спросить велела; а сказывал ему такие речи дьячок Григорья Богослова коломенскова уезду села Восцы на речке Селижарке Васка Артемьев. А он дьячок слышал от крестьянина деревни Алешкова, у Давыдки, а прозвище Волк, да от жонки тое ж деревни от вдовы от Дуньки: государыня де царица боярыню нашу жалует, челобитье приказывает, человек де наш Трошка Максимов шол дворцом и государыня де царица увидела мово человека и велела спросить с Верху боярыне: живаль де его боярыня, скажи де ей челобитье.

Декабря 13 по государеву указу послан стольник Алексей Мусин Пушкин для роспросу в Коломенской уезд в село Восцы для церковного дьячка и для Даниловых крестьян Григорова. — По приезде на место декабря 18 стольник тотчас послал сотника Андрея Ро-

мейкова по дьячка Васку и по крестьян по Давыдку, прозвище Волка, да по вдову Дуньку Еазарпнову да по дворовова человека по Тришку Максимова. И того ж числа сотник привез крестьян, а Васку дьячка в том селе, где он живет, неизъехали, убежал с двора с женою и с детьми. И стольник Алексей Мусин Пушкин крестьян спрашивал. Давыдко прозвище Волк в роспросе сказал, что он не знает не ведает. И к пытке Давыдко привожон и он ни в чем не винулся ж. Вдова Дунька Казаринова дочь к роспросе сказала: говорил де ей дворовый человек Тришка такие речи, что государь жалует боярина нашего Левонтия и боярыню нашу жалует же, приказывает государыня царица ей челобитье; а говорил он Трошка такие речи пьян напився, у дьячка на дворе, у Васки Артемьева, а в те поры были они у дьячка в гостех в прошлом во 159-м году в родительскую субботу; а он дьячек те речи слышел ли или не слышел и она того Дунька не упомнит. Да Дунька ж в допросе сказала: приезжал с Москвы человек их Янька Григорьев до присылки за три дни, как их взяли к роспросу, с вестью; а ночевал он

одну ночь а на утрее и поехал к Москве; а что в грамотке писано и она того неведает. А как приехал по них сотник Андрей Ромейков и она в ту пору Дунька сидела в комнате у боярыни своей, пряла пряжу и слышала она от жонок, говорили жонки в хоромах: все де им делаетца от своего ж от Тимошки Григорова, а которая жонка говорила такие речи и она того Дуьька не упомнит, потому что в ту пору испужалась; а от боярыни своей и от бояр никаких речей она Дунька не слыхала. Трошка Максимов в роспросе ни в чем не винился и на очной ставке с Дунькою ставлен и к пытке привожон и подыман и ни в чем не винился. Декабря 19 он Трошка и Дунька снова роспрашиваны. И постояв он Трошка винился и говорил: приехал де он Трошка с Москвы в прошлом во 159-м году, а в котором месяце и числе, того не упомнит, и пришедчи де он в хоромы к боярыне своей и боярыня его стала спрашивать: здороволь сын мой живет Левонтей, и по прежнемуль к нему государева милость и приказывала ли мне государыня царица челобитье? И он Трошка ей говорил: шол де я дворцом мимо хором государыни царицы и

из хором велела его государыня царица спросить боярыне: жива ль де твоя боярыня, скажи де ей от меня челобитье. А говорил он такие речи боярыне своей с хмелю; а затеел он такие речи сам, а ни от кого он таких речей не слышал; как по него Трошку приехал сотник Андрей Ромейков и боярыня ему говорила, чтоб он ничего Трошка не сказывал; а весть к нему была иь с Москвы или не была и он того не ведает. Да Трошка ж в роспросе сказал, что приезжал человек их Янька Григорьев с Москвы до присылки сотника за три дня, как их взял сотник, а с вестью он Янька приезжал или не с вестью, и он того не ведает, а ночевал де он Янька одну ночь дома. — И того ж числа сокольник Тимошка Григоров против вдовы Дунькиных и Трошкиных речей роспрашиван, что он весть подавал ли или нет? И он Тимошка в роспросе винулся и говорил писал де он грамотку и написав послал ее с стрельцом к брату своему к Василью Григорову, что говорил на дьячка и на Артемья Бирева и на Даниловых крестьян Григорова, а которого приказу стрелец послал грамотку и он того не упомнит; а писал он Ти-

мошка грамотку до пытки.

Чем окончилось дело, неизвестно.

Обман в свадьбе царицыным жалованным словом

1653 г. государыне благоверной царице и в. к. Марье Ильичне всеа Русии бьет челом из Вознесенского монастыря богомолица твоя старица Ефросинья, твоего, государыня, царицына двору на Ивана Девулю да Вознесенского монастыря на белицу на вдову Овдотью, что живет у старицы у Екатерины Солоховой. Жила у меня, богомолицы твоей, в келье сиротка, девочка Макринка, и в нынешнем государыня во 162 году октября в 11 день приход ко мне богомолицы твоей в келью тот Иван Девуля и та вдова Овдотья, тое моей девки сватали за твоего государыня царицына крестового дьячка, а сказали мне богомолицы твоей при старице Маремьяне Красниковой да при вдове протодьяконице резанской при Овдотье твое, государыня, благоверной царицы и в. к. Марьи Ильичной всеа Русии жалованное слово: по челобитью де твоего, государыня, царицына крестового дьячка

тое мою девку за муж взять. А указала де ты, государыня, наперед тое моей девки досмотритца, провести мимо тебя, государыню благоверную царицу, октября в 13 день в пятом часу дни; а ты де, государыня, благоверная царица будешь в то время гулять в Царя-Борисовой палате; и та бы де моя девка провести по улице мимо тое палату. И я богомолица твоя им отказывала, что у девки замуж мысли нет и не хочет, а се нага и боса, платья ничего нет. И он Иван сказал: платью де все пожалует государыня благоверная царица и полотна с Верху для ради своего крестового дьяка. И октября, государыня в 13 день в четверг в четвертом часу дни пришли ко мне в келью тот Иван Девуля да с ним же пришла, нарядясь, женщина, а сказалась мне и перед игуменьей Александрю, что она с Верху от тебя государыни царицы наплечново мастерово жена, а пришла де по тое мою девку к смотренью перед тебя государыню, провести мимо Царя-Борисову палату и принесли на девку с собою доброе платью; и я богомолица твоя обрадовался твоей, государыня, благоверной царицы и в. к. Марьи Ильичной всеа Руси жалю-

ванью и призренью к убогой сироте, тое свою девку, не познав их лукавства и обману, нарядив, к смотренью отпустила с ними. И они государыня, не вода тое моей девки мимо Царя-Борисову палату отвели в церковь Козмы и Домьяна, что у святых Вознесенских задних ворот, и изготовя новобрашново и обвенчали, а обвенчав и отвели к тому Ивану Девуле во двор, а не за твоего государыня, крестового дьячка, взяли и выдали: а я богомолица твоя про то после сведала. И тот, государыня, новобрашной бродящей, за ково выдана, неведомой и незьяемой нам какой человек. А женився, государыня, ныне он и жить с нею не хочет, посажена у Девули нага и боса, помирает голодною смертью и велит ей муж постритца. И то, государыня, они учинили, Иван Девуля и та вдова Овдотья и с приходящею женщиною, умысля великою воровскою статьею, оманули твоим государыня, благоверной царицы жалованным словом; тое девку у меня, будто перед тебя государыню к смотренью за крестового дьячка, выманили и замуж выдали безвестно, одночасьем. А мы, государыня, тово новобрашново до тех мест и в те поры

ни знали, ни ведали и в рожее его невидали. А те, государыня, Иван Девуля и вдова Овдотья, сватая тое девки за твоего государыня царицына крестового дьячка, сказывали, что тот дьячок домом и прожитками человек полной и у тебя де государыни пожалован. Милосердая государыне благоверная царица и великая кнегиня Марья Ильична всеа Руси, пожалуй меня, богомолицу свою и тое бедную сироту, вели государыня противу сее моей челобитной про то воровство, про оман Иван Девули и вдовы Овдотьи и приходящей женщины с платьем сыскать и свой, государыня, царской указ учинить. Государыня благоверная царица смилуйся пожалуй!

И против сей челобитной отставленной сторож Ивашка Девуля роспрашиван, а в роспросе сказал: в нынешнем де во 162 году октября в 11 день Вознесенского монастыря к старице Офросинье в келью не прихаживал и девки ее Макритки государыни царицы за крестового дьяка не сватывал, и таких речей ей Офросинье не говаривал, что тое девки наперед посмотреть и провесть тое девку мимо Царя-Борисовской палаты, а государыне царица будет

в те поры в тех палатах; а в тех де числех, которые писаны в челобитной, приходил он Ивашка в Вознесенской монастырь к келарю, к старице, а как зовут, того он не упомнит, и ей говорил, чтоб она у себя в монастыре искала девки, котораяб была летна, хотя и увечна и нага и боса, а жениха де ты сама знаешь, что зовут Фролом Минин, малоумен; и келарь де ему Ивашку сказала, что она про него припамятовала, каков он, а невесты хотела искать; а ему Ивашку велела у себя побывать иным временем. И он Ивашка от того келаря пошел к себе домовь и тут же де на монастыре попалась ему Ивашку на встречу вдова Дунка Осипова дочь, что живет тогож монастыря у старицы у Катерины Солоховы; и он де Ивашка ее Дунки спросал томуж Фролу про невесту; и она де Дунка ему Ивашку сказала про девку Сухоруку, которая живет тогож монастыря у старицы у княжны Александры Голицыны и он де Ивашка пришел к той старице к подклету и та девка вышла к нему из подклета сама и ему Ивашку отказала, что она замуж нехочет, а хочет постритца; и он де Ивашка отшедчи от той кельи и стал с тоуж

вдовою Дункою, и старица де Офросинья шла мимо их и Дунка де учала ей Офросинье говорить: у тебя де есть девка сиротинка, а Ивашка де спрашивает невесты. И та де старица Офросивья учала его Ивашка спрашивать, за коково де ты человека сватаешь? и он де Ивашка стал ей про Фрола рассказывать, что он Фрол человек уродивой; и та де старица послала тое вдову Дунку к нему Ивашку на двор того Фрола смотреть и смотрев она Дунка его Фрола, пришли с ним Ивашком к той старице Офросинье в келью, и с тою старицею он Ивашка за того Фрола тое девку и по рукам ударили; а поверила де она Офросинья слову вдовы Дунки; и на завтрее де того сватанья пришел он Ивашка к той старице Офросинье по невесту с отцом его Хроловым духовным, а как того попа зовут, того он не ведает; а служит де он у Кузмы Демьяна, что у Чудова монастыря у святых ворот; да с свахою портного мастера с Ларкиною женою. И взяв тое девку, со Фролом венчали в церкви Кузмы Демьяна. А против челобитной таких речей он Ивашка неговаривал и жонке Дашке напленного мастера женою называтца он Ивашка не

веливал.

А жонка Дунка в роспросе сказала: в нынешнем де во 162 году, а в котором числе, того она неупомнит, приходил де к ним в монастырь Ивашка Деуля и спрашивал ее Дунки, где она живет? и ему де Ивашку сказали, что живет она у старицы Александры Мещениновы; и он де Ивашка к той келье пришол; и она де Дунка к нему Ивашку вышла, и он Ивашка учал ее спрашивать про невесту, девку сиротинку лет в сорок, а у него де Ивашка жених есть лет в сорок же, Фролом зовут Минин. И она Дунка сказала ему Ивашку про невесту девку Макритку, что живет у старицы Офросиньи, а та де старица Офросинья неведомо откуль пришла к ним тут же, и она Дунка учала ей Офросинье говорить, чтоб она тое девку за Фрола выдала замуж. И та де старица послала к нему Ивашку на двор того Фрола смотреть; и она де Дунка у него Ивашка на дворе была и Фрола смотрела и про него той старице Офросянье сказала; и старица де с тем Ивашком за того Фрола замуж тое девку и по рукам ударила; а она Дуыка за тое девку замуж по рукам ни с кем небивала. И на зав-

трее того дни была у них свадьба. А что де в челобитной старицы Офросиньи написано, того она ничево от Ивашка и от жонки Дашкя таких речей неслыхала и как она называлась наплечного мастера женою.

А жонка Дашка Сидорова дочь в распросе сказала: портного мастера Ларкина жена Григорьева; была де она Дашка по челобитью Фрола Минина у него Фрола на свадьбе в свахах и ходила в Вознесенской монастырь к невесте его Фролове с платьем свадебным; а были де с нею в монастыре Ивашка Деуля да муж ее Ларка; а как де она пришла в монастырь и ее де спросала Вознесенского монастыря игуменья, чья де ты жена? и она де Дашка игуменье сказала, что она гулящева человека Ларкина жена, портного мастера, а наплечного мастера женою она Дашка сама не называлась и никто ее не научивал.

Челобитье на поругательницу жену

1670 г. в декабре царицы Марьи Ильичны чину сын боярской Никифор Скорятин бил челом на жену свою Пелагею, а в челобитной его написано: жалоба, государь, мне на поругательницу на жену свою Пелагею: во 176 г. кусала она, жена моя, тело мое на плечах зубом, и щипками на руках тело мое щипала и бороду драла; и я холоп твой бил челом тебе, в. государю, в Приказе Мастерские Палаты и подал челобитную окольн. Васил. Мих. Еропкину. И против моего челобитья меня холопа твоего дьяк Иван Взимков в Приказе Маст. Пал. поругательство жены моей и зубного яденья на теле моем досматривал, и в том ее поругательстве жене никакого указа не учинено. И в 178 г. она жена моя Пелагея, хотя меня холопа твоего топором срубить, и я от ее топорowego сеченья руками укрывался и посекала у меня правую руку по запястью и я от того ее топорowego посечения с дворишка своего чуть жив ушел и бил челом в Приказ Маст. Пал. стольнику Федору Пракофьев. Соковнину; и стольн. Ф. И. Соковнин

приказал посеченую мою рану записать; и от той посеченой моей руки я во веки увечен. Да и впредь она жена моя хвалитца на меня всяким дурным смертоубивством и по твоему государеву указу посажена она поругательница жена моя за приставы; и она, сидя за приставы, хвалитца на меня и ныне всяким дурном смертным убивством. Милосердый государь! пожалуй меня, вели в таком поругательстве и в похвальбе ее жене моей свой царской указ учинить и меня с нею розвесть, чтоб мне от нее жены своей впредь напрасною смертью не умереть. *Помета:* 179 дек. 19 велеть противу челобитья на патриархов двор послать память и с памятью отослать Микифора Скорятина и с женою его с Полагеею. (Посланы с указом: учинить по правилу св. апостол и св. отец, чего доведетца).

Дело комнатной бабки, укравшей горсть соли

1671 г. августа в 13 день по указу (в. государя царя) и в. к. Алексея Мих. (титул) государыни царицы и в. к. Наталии Кириловны *комнатная бабка* Марфа Тимофеева роспрашивана накрепко, а сказала: в нынешнем де во 179 г. августа 11 дня, пришла она к мыленке государыни царицы и перед мылеыкою де ходила и стряпала дохтур Литовка и принесла перед мыленкою на серебряном блюде грибы, и поставила на том же серебряном блюде. А ей-де Марфе до того времени грибов печоных велми хотелось есть. И она де украла перед мыленкою в сенях из стола соли из сковородки, из которой про государыню царицу в кушанье вынимает дохтур. И она де, из той соли взяла в горсть тайно... к грибам и хотела с того серебряного блюда, которые принесены в стряпню про государыню царицу, украсть гриб и тою краденою солью тот краденый гриб осолить и испечь тут же в печи, где стряпают кушанье про государыню царицу. И в то де время увидела дохтуруха,

что она соль ukrала, стала ее в сенях спрашивать, что у ней в горсти? и она де Марфа сказала ей, дохтурихе, что у ней в горсти ничего нет. И от той дохтурихи пошла в мыленку для того, чтоб ей соль высыпать на землю, чтоб ее не увидели. И как де она вошла в мыленку и увидела, что в мыленке сидит Анна Леонтьевна, испужалась ее, и тое соль подле ушата в мыленке у дверей из руки высыпала на землю. А в то-де время варили шти про государыню царицу. И высыпав соль, пошла тотчас назад из мыленки, и дохтуриха де ее спросила, что она носила в мыленку? И она сказала, что ничего не носила. И пошла от мыленки к портомойне. И у портомойни де варила грибы государыни царевны и в. к. Евдокеи Алексеевны комнатная ж Офросинья. И она де, Марфа, взяла гриб и испекши съела, для того, что ей безмерно хотелось в то время грибов есть. И после де того, на другой день в субботу в обед, пришли в казенную Матрена Бюхина и Марина Киникина. И сказала ей, Марфе, Марина, что де про ее Марфино дело государыне царице известно. И она де учала бить челом Матрене Блохине, чтоб ее заступила. И Матрена

де на нее закричала и велела ей Марфе, ехать к Москве. И она де и поехала.

А нынешнего де августа 13 числа была она у обедни у себя в приходе, в Хамовниках у церкви Николая Чудотворца, и идучи де от обедни, сошлась с соседкою своею государыня царевны и в. к. Софии Алексеевны с постельницею с Марфою Кузминой и говорила ей со слезами, что она без хитрости впала в беду. И Марфа де спрашивала ее, в какую беду? И она де ей рассказала, как она соль ukrала и как хотела гриб украсть и испужався Анны Леонтьевны, тое соль высыпала на землю в мыленке подле кади и чтоб она, Марфа, где ей мочью заступила. И Марфа де ей сказала, чтоб она уповала на Бога и на их государскую милость, и на безхитростные вины их государское милостивое рассмотрение. И пошла де она, Марфа, к себе на двор, потому что она живет в Хамовной слободе, и муж у ней был тое слободы тяглец, а сын и ныне живет в той слободе, а торгует в серебряном ряду. А родом де отец ее был сын боярской Карташовых, а которого городу того не упомнит. А сестра ей родная в Верху у государыни Царицы в порто-

моях, а муж у ней был стретенские сотни тяглец, Гришкою звали. А иных никого в Верховом чину и в государеве дворе сродников у ней нет.

Да она ж сказала, что хотела она бить челом в. государю, чтоб в. государь пожаловал велел ее отпустить в монастырь, что она в разуме проста, а *ныне де стало не попрежнему жестоко*, никто де ни о чем доложить не смеет, разве де одна Матрена Блохина доложит о каком деле доведетца. А она де Марфа никуды в дома не вхожа и в деревнях у ней никого нигде сродников нет. А что де она соли украла и гриб хотела украсть, и как ее спрашивали, что она в горсти несет и она запиралась, и то де все учинила она без хитрости, для того, что де ей и наперед сего грибы дохтуриха даывала, и она де в мыленке пекала. А она де Марфа, про государыню царицу делает всегда кислые шти, а хитрости никакие за нею нет и не было, работает им, государем, лет с тринадцать.

И для подлинного розыску допрашивана государыни царевны и в. к. Софии Алексевны постельница Марфа Кузмина, что ей нынеш-

ного числа говорила бабка Марфа? И постельница Марфа сказала против роспросу комнатные бабки Марфы: а родом она сказалась Вяземка, посацкого человека жена и *родители* все у ней и ныне в Вязме на посаде, а иных никого *родителей* нигде нет.

И бабка Марфа подымана на дыбу и висела, а сказала прежняя свои речи. Она ж и к огню приношена и всячески стращена, а говорила тож, что и в роспросе сказала. И после роспросу Марфа Кузмина свобожена, а Марфа Тимофеева посажена на Житном дворе в приказной избе за караул [225].

Царицены дети боярские в провожатых за боярынею

1673 г. апреля 10, в Приказе мастерские палаты, по случаю внезапной смерти одного из царицыных детей боярских следовавших в проводах за боярынею, произведен был распрос, отчего ему смерть приключилась? Тогда царицына чину сын боярский Иван Тавлеев в роспросе сказал: апреля в 6 день ходили они, дети боярские, восемь человек с дворца на двор к окольнічему к Ивану Михайловичу Милославскому, провожали боярыню Оксинью Мертвого да девку боярычню; а детей боярских было: Иван Кутузов, Илья Парской, Истома Брянцов, Иван Левашов, Григорий Мелехов, Яков Степанов да умерший — Федор Аменев. И тот Федор с дворца шел за колымагою пьян, да и у Ивана Михайловича пил вино двойное, и пиво и мед. И с двора окольнічаго Ив. Мих. Милославского за тою колымагою пошли все; а как он Федор от колымаги отстал и кто его бил ли и как ему смерть случилась, того Иван Тавлеев не ведает, потому что все дети боярские

были пьяни. — Иван Кутузов сказал теж речи, Истома Брянцев сказал теж речи, Яков Степанов сказал теж речи. А в том де они все шлютца на боярыню Оксинью Мертвого и на девку боярычню и на постельниц, которые за боярынею были, как они с двора окольн. И. М. Милославского подле той колымаги шли до самого дворца, а от колымаги ни на час не отставывали и ни с кем не бранивались. А приехала де та боярыня на дворец и они за нею пришли в четвертом часу ночи и проводя боярыню, пошли все семь человек в Кисловку вместе, а про него Федора чаели, что он отстав, пошел домовь. После того осматривали умершего сына боярского Федора Аменина, а по осмотру половина лба и нос весь замерло багрово и на спине да на левом локте багрово ж.

Царевнина карлица в гостях

1677 г. генв. 7, царицы Наталии Кириловны сенной сторож Федка Степанов, прозвище Бородавка, про приезд к нему в дом карлицы девки Овдотьи и про скорую смерть ее спрашиван, отчего ей та скорая смерть учинилась; а в роспросе сказал: царевны Екатерины Ал. карлица девка Овдотья приехала к нему в полчаса ночи, да с неюж приехали Володимерова приказу Воробина стрелец Андрюшка Левонтьев да сестра ее родная Огашка, тогож приказу стрельца Васкина жена Рожи, а его де Федки в то время дома не было, а была в то время дома жена его Окулка; а как он пришел домой в час ночи и она карлица Овдотья с женою его Окулкою были в то время в вышке и из вышки сошли с ним Федкою в избу, и: он им: поднес вина по достоканцу троецкому и ужинали вместе, и поужинав легли спать часу в девятом ночи; и проснулись они часу в десятом ночи и увидели они тое карлицу: лежит лицом к подушке мертва, а от чего ей та смерть случилась, того он не ведает; а прежде сего в гостях она и

сестра ее у него не бывали, а приехали они к нему впервые; да у него ж был в гостях и ночевал стретенские сотни тяглец Ефремко Офонасьев, по знакомству. — Федкина жена в роспросе сказала: приехала к ним карлица девка Овдотья за полчаса до ночи, да с нею же приехала сестра ее родная Огашка да стрелец Андрюшка Левонтьев; а приехали к ним они пьяни; а сказала она карлица, что была она у сестры своей родной Огашки; а мужа ее Окулкина в то время дома не было, а где он был, того она не ведает. И она им поднесла по достоканцу троецкому вина, а в достоканце будет чарки две или три, и после того водила она Окулка ее карлицу из избы в вышку одное и там ей поднесла тот же достоканец вина ж; а муж ее пришел домой часы в отдачи и ужинали вместе, а за ужином поднесли им по два ж достоканца; и отужинав стала она карлица говорить, чтоб ей дали место, где ей спать. И они положили подушку на лавку и она тут и легла спать в час ночи; а они сидели часу до пятого ночи и хотели ее разбудить, чтобы она с ними ж сидела и стали ее будить, и она де лежит мертва, лицом к подушке; а

тоскованья у нее и иные болезни не видали; только у мертвой усмотрелц изо рта у ней шла пена. — Стретенские сотни тяглец Ефремко Афанасьев в роспросе сказал: был он в гостях у Феи Бородавки и к нему пришел стрелец Андрюшка Левонтьев и сказал ему Федке, что будет к нему в гости карлица и он Федка ходил для тое карлицы покупать вина. И без него Федки та карлица к нему приехала да с нею сестра ее Огашка да стрелец Андрюшка Левонтьев; а была де в то время дома жена его Федкина Окулка; и поднесла им вина по достоканцу троецкому; а у Окулки в то время было подпито; и пошептала ей карлице она Окулка на ухо и пошли из избы вон и помешкав пришли опять в избу; и Федка в то время пришел с ними ж в избу вместе и сели ужинать; и та карлица ужинала и за ужином пила вино тем же достоканцом и после ужина легла она карлица спать и они все полегли спать же. И часу в пятом ночи стали ее будить и она карлица мертва и лежит лицом к подушке и лицо у ней посинело. — Володимерова приказу Воробина стрелец Андрюшка Левонтьев в роспросе сказал: карлицы Овдо-

тъина сестра родная Огашка живет у отца его у Левки на дворе. И генваря в 1 день в понедельник приехала к ней Огашке сестра ее карлица Овдотья и жила у них генваря до 6 числа, а генваря в 6-м числе за два часа до вечера поехала от них та карлица с сестрою своею Огашкою да с ним Андрюшкою, не пив ни чего и не етчи, и приехала к Федке Бородавке в гости; а как они приехали и Федки в то время дома не было, а была жена его Окулка, и знать, что у нее было подпито; и поднесла им по достоканцу вина и поднесши им вина по достоканцу и пошептала ей карлице в ухо, и карлица ей Окулке говорила, что де мне с тобою делать? и она Окулка ей сказала: что де заставят, то и делай! и взяла ее в вышку и были в вышке с четъ часа; и в то время Федка Бородавка пришел домой и прошел к ним же в вышку и быв у них Федка сошел в избу; после того вскоре и она Окулка и карлица сошли в избу ж и в избе сели на лавке; и в то время подносили им пасынок его Федкин и жена его Окулка и он Федка по достаканцу вина; и она карлица выпила у них толко один достоканец, а дву достоканцев не пила, а говорила:

полно де пить вина и так де тошно; и объявилось, что хмель ее стал изнимать и стал язык мешатца; и сели они ужинать вместе, а как поставили студень и она взяла кусок мяса и не донесла до рта, уронила и стала сидечи дремать и дремав храпела и слины у ней изо рта текли; и подле ее положили подушку и она на тое подушку повалилась безпамятно ничь; и лежав храпела, а после икала; а лежала она с четь часа и стали ее будить, чтоб она встав с ними сидела, а она лежит мертва; а как ее подняли и у ней лицо да правая рука посинело, а живот взнесло высок. Карлицына сестра Огашка в роспросе сказала теж речи, что и Андрюшка, толко в речах своих убавила, как де ей карлице положили на лавку подушку и она карлица на тое подушку не сама повалилась безпамятно, а положила ее карлицу на тое подушку она Огашка.

* * *

1686 г. июля против 28 числа в церкви Пресв. Богородицы Похвалы у всенощного пропала церковная чарка серебряная с житием Иосифа Прекрасного. 31 июля указано крестовых дьяков и псаломщиков и пономарей, ко-

торые тогда были на всенощной, распросить подлинно. Указ о том был из хором царевны Екатерины Алексеевны. Одни сказали, что в церкви были, но в алтарь не входили и чарки не видали. Псаломщик Мих. Далматов сказал: у всенощного в церкви он был, стоял на крылосе и во всенощное пение из трапезы к крылосу вынесла девица Ирина щипцы медные, а велела вычистить пономарю, и он Михайло взяв те щипцы и вшед в олтарь, спросил пономаря и в олтаре де в то время пономаря не было; и он вышед из олтаря те щипцы сукном, которое прибито в приделе Алексея Человека Божия, вычистил и вычистя, отдал той же девице Ирине; а чарки из олтаря он неимывал. Псаломщик Петр Борисов сказал, что он у всенощного был на левом крылосе и в вечернее пение пришла к крылосу старица Афонасья Потемкина и велела ему послать пономаря Семена по священника по Дементяна и он Петр того пономаря послал, а чарки из олтаря неимывал. Пономарь Ив. Артемьев сказал: у всенощного пения в церкви был он в олтаре с товарищем своим с пономарем же с Семеном Тимофеевым, а седмица де по очере-

ди была его Иванова; а пропавшая серебрян., чарка стояла в приделе Алексея Чел. Божия на горнем месте. Сем. Тимофеев сказал: пришел он ко всенощному в то время, как почали говорить на вечерни кафизму, и пришед в олтарь, чарки не видал. И тогож часа псаломщик Петр Борисов послал его по священника по Дементиана и с тем свящ. пришел он в церковь на вечерни во время литии; и на стиховне он Семен вышел из церкви и стоял на паперти и после того вышел к нему товарищ его Иван в кафизму, как учили говорить, на утренне; и сидели на паперти до второй кафизмы и пили кислые шти, и пошел с товарищем благовестить и звонить и пришед в церковь после звону той чарки он не хватился, а в соборном олтаре в то время были свящ. Дементиан да дьякон Борис; а как чарка пропала того он не ведает; а хватился он той чарки тогож числа перед обеднею, для изготавленья к службе священнику воды; а кто чарку взял, того он не ведает.

194 г. авг. 3 в. г. цари указали распросить (их всех) в застенке с большим пристрастием на крепко, чтоб они сказали правду, кто из

них чарку из церкви взял. Авг. 4 крестовые дьяки и псаломщики и пономари в Кадашеве на Хамовном дворе в застенке у пытки расспрашиваны с большим пристрастием накрепко и руки в хомут кладены. Все сказали прежняя свои речи. Пономарь Ив. Артемьев прибавил: августа 2 приходил к ним в Истопничую палату поп Василий, который служил у церкви Похвалы июня в 28, и говорил ему Ивану и всем им: «за то де вам, для чего мне заслуженных денег не дали, да и впредь де мне заслуженные деньги платить станете». И он Иван учал ему попу говорить, чтоб он чарку серебр., которая пропала из церкви, отдал. И тот поп замолчал и молвил, что де у него чарки никакой нет и из палаты от них вышел вон.

194 г. августа 5 в. государи указали: которые сидели в Кадашеве на большом Хамовном дворе в пропалой церковной чарке, — свободить. Указ о том из хором царевны Екатерины Алексеевны сказала боярышня Марья Ивановна Шеина.

ГЛАВА VII ЦАРИЦЫНЫ НАРЯДЫ, УБОРЫ И ОДЕЖДА

Общий обзор. Головной убор, девичий и женский. Золотые уборы или ларечная кузнь: золото, сажень, низанье. Одежды. Обувь. Мастерская Палата. Светлица и ее рукоделья. Белая казна.

Иностранцы бывавшие в Москве в течении XVI и XVII ст. единогласно восхваляют красоту русских женщин; иные (Лизек) при-совокупают, что красоте соответствовали и достоинства ума. Но за то все очень неодобри-тельно говорят о разных прикрасах женского лица, которые бьют в большом употреблении и по их замечанию только безобразили при-родную красоту. Один итальянец (Барберини), видевший наших прабабок в половине XVI ст., отмечает вообще, что русские женщи-ны чрезвычайно хороши собою, но употреб-ляют белила и румяна и при том так неискус-но, что стыд и срам! О том же свидетельству-ет Флетчер, говоря, что женщины, стараясь

скрыть дурной цвет лица, белятся и румянятся так много, что каждому это заметно; что этого не стараются и скрывать, ибо таков обычай; мужчинам это очень нравится и они радуются, когда их жены и дочери из дурных превращаются в красивые куклы. Из его слов можно заключать, что всякие притирания в то время вовсе не имели значения искусственных средств подделывать природу, натуру лица или своей красоты, а были, так сказать, необходимою одеждою лица, без которой невозможно было появиться в обществе. «Что касается женщин, говорит Петрей (нач. XVII ст.), то они чрезвычайно красивы и белы лицом, очень стройны имеют небольшие груди, большие *черные* глаза, нежные руки и тонкие пальцы, только безобразят себя часто тем, что не только лицо, но глаза, шею и руки красят разными красками белую, красною, синею и темною: черные ресницы делают белыми, белые опять черными или темными, и проводят их так грубо и толсто, что всякому это заметно. Так они украшаются особенно в то время, когда ходят в гости или в церковь», т. е. вообще когда появляются в общество.

Олеарий в половине XVII ст. пишет между прочим, что «русские женщины вообще среднего роста, стройны, нежного телосложения, красивы, но в городах все почти румянятся, притом чрезвычайно грубо и неискусно; при взгляде на них можно подумать, что они намазали себе лице мукой и потом кисточкой покрасили себе щеки. Оне красят себе также брови и ресницы черною, а иногда и коричневою краскою». Дальше он говорит, подтверждая Флетчера, что это был неизменный обычай, которому противиться не было никакой возможности. «Посещая своих близких или являясь в общество, женщины непременно должны быть нарумянены, не смотря на то что от природы они гораздо красивее, чем в румянах. Это исполняется ими для того, объясняет автор, чтобы природная красота не брала перевеса над искусственным украшением. Стало быть, прибавим мы, это исполнялось для того, чтобы одеть лицо в известный образ красоты, возможно ближе стать под известный, господствовавший в то время, ее тип и идеал, как в действительности и было, о чем скажем ниже. В доказательство своего

заклучения автор приводит пример. «Так, говорит он, во время нашего пребывания в Москве, когда жена знатного вельможи князя Ивана Борисовича Черкасского, женщина прекрасной наружности, не хотела сначала румяниться, то тотчас же оговорена была прочими женами бояр: зачем де она презирает обычаи своей земли, что хочет, видно, опозорить прочих подобных ей! И чрез мужей своих они до того довели дело, что от природы прекрасная женщина должна была румяниться и так сказать уподобиться свечке, зажженной при светлом солнечном сиянии». Такова была власть обычая, власть общественного мнения, прибегавшего по характеру века, к самым предосудительным способам, чтобы заставить противника повиноваться. Очень вероятно, что дело о белилах и румянах Черкасской доходило до царя и что из хорм царицы ей указано строго держаться в этом отношении общего уровня. Англичанин Коллинс, описывая такие обычаи русских женщин, замечает, что «румяны их похожи на те краски, которыми мы (англичане) украшаем летом трубы наших домов, и кото-

рые состоят из красной *вохры* и испанских белил (из висмута). Они *чернят* свои зубы с тем же намерением, с которым наши женщины носят *черные мушки* на лице (т. е. для придания лицу большей белизны или белизне лица большей выразительности). Зубы их портятся от ртутиальных белил и потому они превращают необходимость в украшение и называют красотою сущее безобразие. Здесь любят низкие лбы и продолговатые глаза, и для того стягивают головные уборы так крепко, что после не могут закрыть глаз, также, как наши женщины не могут поднять рук и головы. Русские знают тайну чернить самые белки глаз. Маленькие ножки и стройный стан почитаются безобразием. Красотою женщин они считают толстоту. Худощавые женщины почитаются нездоровыми и потому те, которые от природы не склонны к толстоте, предаются всякого рода эпикурейству с намерением растолстеть: лежат целый день в постеле, пьют русскую водку, очень способствующую толстоте, потом спят, а потом опять пьют». Женщины в Московии, прибавляет Корб (конец XVII ст.) имеют рост стройный и

лицо красивое, ее врожденную красоту свою искажают излишними румянами; стан у них также не всегда так соразмерен и хорош, как у прочих европейнок, потому что женщины московские носят широкое платье и их тело, нигде не стесняясь убором, разрастается, как попало». Путешественникам с европейского Запада наша старая жизнь казалась вообще до чрезвычайности странною, нелепою, чудовищною, и они, как видим, каждый по своему, старались объяснить себе ту или другую сторону наших бытовых порядков. Относительно женских прикрас, иностранцев главным образом поражало, как нельзя не заметить, полнейшее отсутствие и малейшего даже искусства, малейшей утонченности в употреблении таких прикрас; их поражала эта необыкновенная грубость мазанья и без того красивого лица. Но существовали же какие либо причины, достаточные для того, чтобы крепко держался подобный нелепый обычай. Нам кажется, что первую из них причин был своеобразный русский идеал женской красоты, а вторую — недостаток лучших средств в самых материалах, ибо краски для притира-

нья употреблялись простые и грубые, особенно в среднем городском быту, какой больше всего и наблюдали заезжие иноземцы. У русской красоты было

*Белое лицо как бы белой снег,
Ягодицы (на щеках) как бы маков
цвет,
Черные брови как соболи,
Будто колесом брови проведены;
Ясные очи как бы у сокола...
Она ростом-то высокая,
У ней кровь то в лице словно бело-
го зайца,
А и ручки беленьки, пальчики то-
неньки...
Ходит она словно лебедушка,
Глазом глянет, словно светлый
день...*

Не смотря на то, что эта последняя черта русской красоты — ее взгляд словно светлый день, — переносит представления о ней в область идеалов поэтических или романтических, однако в общем ее типе, как видим, господствуют, представления самые материальные, господствуют сильные, резко определенные краски без всякой поэтической. т. е. ро-

мантической отживки, а так, как ими расписывались старинные эстампы деревянной лубочной печати.

В приведенном изображении идеала женской красоты материально обрисовываются и самые средства, какими обыкновенное лицо могло достигать этого идеала. Белизна лица уподоблялась белому снегу, — естественно было украшать его белилами в такой степени, что в цвете кожи не оставалось уже ничего живого, ибо и самый первообраз не указывал ничего живого или поэтически и эстетически жизненного. Самое сравнение: кровь-то в лице словно белого зайца, еще сильнее обозначает тоже представление о снегоподобной белизне лица. Щеки — маков цвет, или щечки — аленький цветок, точно также свое идеальное низводили слишком прямо и непосредственно к простому материальному уподоблению красному цветку мака. Маков цвет должен был покрывать, как бы цветок на самом деле, только ягодички щек; таким образом снегоподобная белизна должна была довольно резко освещаться ярким алым румянцем, который не разливался по всему лицу, а

горел лишь на ягодицах. Очень понятно, что при таком сочетании на лице белого и красного цвета, требовался и цвет волос на бровях и ресницах наиболее определенный, который бы как можно сильнее выделял эту *писаную* красоту всего лица. Конечно для такой цели ничего не могло быть красивее черных волос соболя, тонких, мягких, нежных, блестящих. Оттого соболю становится исключительным идеалом для характеристики бровей и черная соболина бровь, проведенная колесом, является необходимым символом красоты. Все это вместе служило самую выгодную обстановкою именно для светлости и ясности глаз. Ясные очи своим блеском, а вместе и взглядом, указывали идеал ясного сокола, который, по всему вероятно, и ясным обозначался тоже за особую светлость своих глаз. Однако ж для того, чтобы еще больше возвысить ясность, светлость и блеск очей, подкрашивали не только ресницы под стать бровям тоже черною краскою, сурьюмою, но пускали черную краску и в самые глаза, особым составом из металлической сажи с гуляфною водкою или розовою водою.

Таким образом Петрей мог справедливо говорить, что у русских женщин глаза черные, чего, конечно, в действительности не было, но выходило так по украшениям бровей, ресниц и самых белков.

Черные брови и ресницы, как и черные глаза служили типом желаемой красоты, а потому и господствовали в уборе красавиц и тем более, что сурмление доставляло более легкую возможность уподобить прикрасу самой природе. Другое дело было, когда желали украсить волосы под цвет русых или темно-русых. Недостаток доброго материала или же не искусство в составлении краски тотчас обнаруживалось и волосы выходили коричневыми, как замечает Олеарий. Что же касается украшения ресниц белою краскою, о котором говорит Петрей, то, вероятнее всего, здесь лишь неискусно употреблялись белилы или какая либо пудра, собственно для украшения лица. Тоже должно сказать и о синем цвете, который на лице, на шее и на руках мог происходить от плохих белил или Румян, оставивших по себе синеватые следы. Как бы ни было, но эпический идеал красоты, живший с

незапамятных времен в воображении народа, заставлял своими указаниями приближать к нему всякий образ красивого лица. Он должен был подчинять своему образу все другие представления о красоте, уравнивать их по своим чертам.

Однако ж, в сущности, основным понятием или основным представлением о красоте женского лица в допетровской Руси было простое представление о физическом цветущем здоровье. Это, конечно, самая коренная идея красоты. Старина не только не уважала бледной и изнеженно-слабой красоты, но почитала ту и другую болезненным состоянием здоровья если так бывало на самом деле, или же относила эти болезненные по ее понятиям признаки прямо к худому поведению к разврату, которому и самое имя выводила из одного корня со словом бледный. В этом она совершенно расходилась с понятиями красавиц конца XVIII ст., а отчасти и нашей памяти, которые употребляли всевозможные способы, *чтоб побледнеть*. Рассказывают, что некоторые из них всякое утро принимали по 8 катышков белой почтовой бумаги и беспрестан-

но носили под мышками камфору; также кушали мел, пили уксус и т. п. [226], стараясь достигнуть этой желанной цели. Старинные допетровские красавицы, напротив, употребляли все усилия, чтобы казаться в полном смысле девицами красными и расцветчивали себя, как маков цвет. Идея романтической, сентиментальной красоты не была им известна; они еще были очень близки к самым реальным представлениям по этому предмету, к древнейшему коренному значению самого слова красота. Они еще переживали эпический возраст русского развития, а потому и были так материальны в своих понятиях о красивом лице.

Само собою разумеется, что и в их время, как и во всякое время, уборы и наряды должны были служить тому же господствовавшему идеалу красоты. Головной убор, как ж убор одежды, точно также ставил себе целью придать лицу еще большую цветность и вообще возвысить описанную красоту в большей степени. Неизменные части такого убора всегда стремились произвести необходимую гармонию и с белизною лица, с алыми щеками и

черными бровями для чего в головном уборе одно из видных мест занимал убрус, повязка из тонкого белого полотна с золотым шитьем и низаньем из жемчуга; золотные кики украшались жемчугом в таком виде, что жемчужные нити окаймляли белое лицо со всех сторон: лоб украшала жемчужная кичная поднизь, стороны у щек жемчужные нити ряс, шея красилась жемчужным стоячим ожерельем или же жемчужною нитью, которая называлась *перлом*. Припомним, что и самое достоинство жемчуга заключалось в особенной белизне и чистоте его блеска; желтого жемчуга по свидетельству торговой книги XVI ст. никто не покупал на Руси. Среди жемчугу иногда блистали дорогие каменья, большею частью лалы (алые, малиновые) и изумруды, цвет которых подбирался с тою же главной целью придать лицу и глазам наибольшую цветность, светлость и выразительность. Само собою разумеется, что общим фоном для всех таких уборов служило непременно золото, т. е. золотное тканье, шитье, плетенье, а также и золотая кузнь, кованье в различных видах. Без золота невозможно было устроить

никакого убора; это был самый обычный, общеупотребительный материал для всяких уборов, как и для убора самого платья. Для алых щек являлся господствующим особый цвет материй, атласов, бархатов, камок и т. и, именно червчатый и алый. На шапках этот цвет красился также жемчугом, что придавало не мало блеску притиранью лица, румянам и белилам. В отношении бровей и ресниц, их цветность усиливалась еще в большей степени меховою, обыкновенно черною бобровою или соболиною опушкою шапки. Мех, особенно соболий и бобровый, принадлежал к самым любимым и неизменным уборам в одежде и нет сомнения по той именно причине, что вполне отвечал тогдашним идеальным представлениям вообще о женской красоте, служил самою изящною для нее и наиболее выразительною рамкою. Почти все одежды, особенно выходные, парадные, как зимние, так отчасти и летние окаймлялись бобровым пухом; а накладное бобровое ожерелье, род пелерины, составляло самую видную часть женской одежды в торжественных случаях и принадлежало к царственным убо-

рам цариц, и зимою и летом. (См. рисунки на заглавном листе и в конце книги I и II). При этом должно заметить, что бобровый мех для таких уборов всегда подкрашивался черне-нем. Словом сказать русские красавицы XVI и XVII ст. вовсе не были безучастны к красоте своего наряда; они вовсе не были такими, какими их рисуют некоторые наши исследова-тели, говоря вообще что русские женщины допетровского века «не заботились ни об изяществе формы, ни о вкусе, ни о согласии цве-тов, лишь бы блестело и пестрело!.. не имели понятия о том, чтоб платье сидело хорошо и т. д. Русские красавицы, как и красавицы всех времен и народов, точно также очень много заботились о том, чтобы нарядится к *лицу*, и нарядиться со вкусом и изяществом, как этот вкус и изящество сознавались в их время. Вкус и понятия изящного и красивого по отношению к одежде вопрос весьма сложный и весьма спорный, так что не разобравши в по-дробности всего дела, едва ли можно выво-дить решительные заключения. Необходимо прежде всего раскрыть основы и все условия, какие способствовали в известное время об-

разованию того или другого вида эстетических представлений и вкусов.

Уже давно решено, что достоинство вкусов трудно оспаривать и нельзя не согласиться, что вкусы, управляющие повседневными мелочами жизни, суть только выразители известной минуты в развитии эстетических, а также и нравственных идей и представлений у того или другого народа. В деле вкуса нравственные идеи имеют даже преобладающее значение. Нравы же в своих мелочах переходят, видоизменяются, как и все то, что именуем жизнью; а вместе с ними переходят и видоизменяются и вкусы, чему самым выразительным доказательством служат наши моды, которые так нравятся в свое время и становятся потом так нелепы и смешны. В этом отношении с такою же долею правды можно судить, упрекая в отсутствии вкуса, даже рассудка, обо всякой старой моде. С точки зрения наших мод мы засудим конечно все, что с ними не согласуется. Но старинное народное платье, которое было носимо не месяцы или только годы, а целые столетия, всегда отличается несравненно в меньшей степени разны-

ми нелепостями и неразумием вкуса. Его покрой и характер убора устанавливается и обрабатывается под влиянием самой культуры народа и потому в нем лежит всегда какая либо очень разумная основа, которая дает ему многие черты отвечающие вкусам всякого времени, след. вообще отвечающие закону изящного, не говоря уже о том, что старинное народное платье вместе с тем отвечает всегда и климатическим условиям страны.

Изучая старинные русские вкусы в женском наряде, мы встречаемся здесь с предметами, которые навсегда останутся наилучшим убором красоты, каковы напр. дорогие меха, жемчуг, золото и шелковые ткани, атласы, бархаты. Особенностью этих вкусов, для наших глаз конечно, является излишняя пестрота или в сущности цветность наряда. Но яркая жизнь старины, даже в нравственных делах, требовала всего яркого и во всей внешней обстановке. Она в женском наряде, как видим, особенно предпочитала теплый, жаркий, живой колорит, что было совершенною необходимостью для обстановки живого здорового румяного лица, которое почиталось

высшим идеалом красоты. Романтические темы, неземные создания, т. е. красоты — мечты, отвлеченности, в роде античных беломраморных статуй, старине были недомыслимы. При том и античные статуи, как доказывают, были тоже расписываемы красками для живства. Таким образом наша старина, предпочитая в красоте тоже самое живство, ни сколько не отставала в своих идеалах от всех других своих товарищей по древности. В ней только быть может уж слишком долго сохранялись самые первоначальные и первобытные вкусы по этому предмету. В уборах одежды она очень любила напр. сочетание цветов, напомилавшее египетскую древность; лазоревое платье она окаймляла по подолу червчатою, алою или желтою тканью, желтый цвет ставила рядом с зеленым или синим, голубым и т. п.

Все это обозначало только глубокую древность вкуса, но ни как не безвкусие, ибо нередко и самые моды попадают на тот же след в разных прикрасах наряда.

За такое свойство или за такой характер наших старинных вкусов иные причисляют

нашу старину к разряду культур восточных, азиатских. Есть мнение, что даже весь свой старинный костюм мы заимствовали у татар; да и на наши теперешние глаза старинная русская женская одежда прямо является татарскою. Но обманчивое сходство объясняется только тем, что у теперешних татар употребляются в одеждах золотные ткани, парчи, и мы забываем, что было время, когда вся Европа носила такие же ткани, что большею частью они и привозились к нам из той же Европы.

Действительно, наш допетровский костюм общим своим характером приближает нас больше к Азии, чем к Европе. Но это несколько не доказывает, что он был когда-то заимствован у того или другого азиатского народа. Напротив это доказывает только его глубочайшую древность, недостижимую для исследователя, когда такой костюм был общим для многих народностей и азиатских и европейских, обитавших в той же климатической полосе. Самые названия напр. кафтан и др., сходные с татарскими, турецкими, сходны также и с греческими (????????) и указывают

только на один общий источник их происхождения, разумеется из Азии, откуда идут и древние народы и древние языки. Нельзя думать, чтобы и наша народность, перенеся в Европу свой древнейший язык, не перенесла в тоже время и костюма с его названиями. Родились мы и были одеты конечно в незапамятное время, и происхождение нашего костюма, особенно в главнейших его очертаниях, необходимо отыскивать в той же стране, где образовался и наш древнейший язык. Само собою разумеется что бывали и заимствования; но они всегда ограничивались лишь теми частями и формами, которые являлись как бы знаками или выразителями новых идей и стаю быть новых форм развития и жизни. Являлось особое сословие военное; по необходимости оно усваивало себе и различные знаки своего особого призвания и заимствовало их оттуда, где находило их уже в полном употреблении. Явилась идея княжеского, а впоследствии царского достоинства, она точно также по необходимости брала свои знаки оттуда, где это достоинство было облечено уже в полный его наряд. Таким об-

разом немалая доля нашего старого костюма была заимствована у византийских греков и принадлежала в свое время к общей для всей Европы формам одежды, каков именно и был царский или княжеский наряд, сначала устраиваемый везде по византийским образцам, заимствованным в свою очередь у древних царей востока. Потом мы остались на месте, а европейская культура ушла дальше; мы таким образом и остались с восточным, азиатским, а в сущности с самым древнейшим обликом во всем нашем развитии. Вот почему те же европейцы, приезжавшие к нам, в XVI и XVII ст., писали единогласно (Флетчер, Олеарий, Лизек), что русская одежда весьма сходна с греческою.

Особенно значительно в этом случае свидетельство Олеария, который путешествовал и по татарским землям в Персию, след. мог основательно судить о сходстве русской одежды с татарскою. На самом деле, от татар мы могли заимствовать разве только некоторые незначительные части нашего костюма, которые всегда и обозначались в названиях *татарскими*, ибо, скажем опять, одеты мы были

задолго до появления татар и во всякое время крепко держались своей старины, не допуская в ней больших изменений. Скорее наоборот, татары должны были заимствовать от нас некоторые наши кафтаны, ибо в XVI и XVII ст. мы постоянно их одевали своим платьем в виде даров или поминков, заменивших ордынскую подать; точно также, как в ту же эпоху мы постоянно одевали своим платьем и сибирских инородцев, у которых у женщин до сих пор остаются в употреблении наши женские красные суконные шубки XVII ст. Так точно в свое время наших первых князей и дружинников одевали своими даже царскими одеждами византийские императоры, о чем свидетельствует Константин Багрянородный, советуя своему сыну Роману прекратить этот постыдный обычай и рассказывать варварам, что царские одежды делаются не человеческими руками, что получены они еще Константином Великим от ангела с небес, всегда хранятся в Софийской церкви и кто из императоров станет их носить в обыкновенное, не торжественное время или дарить ими кого-либо, тот будет проклят. Если

такая ложь требовалась для того, чтобы по возможности охранить перед варварами достоинство царского наряда, не вводя его в употребление между ними, то без сомнения, прочие, так сказать, рядовые богатые византийские одежды и уборы принадлежали к самым обычным подаркам для наших варваров. Таким образом наиболее богатый костюм первых русских князей и их дружинников, а след. и их жен, должен был установиться по византийским образцам и в отношении своих видов несколько отделиться от костюма народного. Близкие сношения с Византией естественно много способствовали тому, что всякие мелочи ее культуры легко и свободно переносились в наш быт. Константинополь в свое время был тем же Парижем не для одной русской земли. Богатая и роскошная обстановка его быта представлялась для всех окружающих его варваров образцом наиболее изящной, т. е. богатой жизни и особенно в отношении костюма, который поэтому, если не вполне, то наиболее видными частями водворялся повсюду. Этот-то костюм, частью заимствованный у византийцев а частью украша-

емый в подражание их образцам, составил тот особый выбор одежд, который исключительно употреблялся княжеским и боярским, вообще знатным и богатым сословием допетровской Руси и был потом упразднен реформами Петра. Что с древнейшего времени оставалось в нем в собственном смысле народного или всенародного, то сохраняется и до сих пор в народе, а все сословное, принадлежавшее княжеской и боярской культуре, совсем утратилось с преобразованием самой культуры по европейским образцам.

Нельзя однако в этом отношении забывать и влияния на наш костюм со стороны северной Европы, через варягов, а в последующее время чрез новгородские торговые связи. По крайней мере с одеждами норманнскими встречается в наших одеждах довольно сходного, частью в общем, а также и в частности.

Но румяны, белила, сурмилы, подкрашивание глаз и прочее тому подобное, все это мы заимствовали с востока, непременно у византийских красавиц и если не прежде, то по крайней мере еще во времена Ольги, ибо при ней русские женщины собственными очами

могли любоваться красотой греческой обстановки. В ее путешествии в Царьград, сопровождали ей 6 (или 16) родственниц и 18 приспешниц (женщин служебных), обедавших также, как и княгиня, в царских палатах и получивших царские дары [227].

И нет сомнения, что это был не первым, да и не последний пример пребывания русских женщин в Константинополе. Оттуда же наши красавицы заимствовали, если не самую кикку, то ее княжескую или царственную форму с ее особыми украшениями, именно *рясами*, длинными жемчужными прядями, ниспадавшими к плечам по обоим сторонам этого головного убора. Такие рясы были носимы в Византии, не только царицами, но и царями на царских венцах, как это видно на их монетах и на других древних изображениях византийских царей и цариц. Точно такой же головной убор существовал еще раньше в греческих черноморских колониях, именно в стране Киммерийского Босфора, где, на Таманском полуострове, в древнем царстве Фаногорийском, нам случилось в 1864 г. открыть подобный убор в гробнице тамошней царицы

или, как доказывают, жрицы богини Деметры (IV века до Р. Х.) [228]. Он состоял из золотой кики, золотого начельника в виде волнистых волос и золотых же ряс в виде больших блях с сетчатыми длинными подвесками, тоже золотыми. Для нас в этом случае очень важно лишь то, что форма убора и его составные части имеют много сходного с такими же уборами русскими XVI и XVII ст., а это указывает вообще на глубокую древность нашего убора и может отдалять его происхождение даже и за эпоху наших сношений с Византиею.

Точно также одна из женских одежд с очень широкими и длинными рукавами, всегда роскошно украшаемыми золотым шитьем, именно летник, по своему покрою тоже много напоминает подобные же одежды византийские, в которых изображаются тамошние цари и царицы. Первообраз такой одежды (саккос) можно указать даже на изображениях в катакомбах Рима, относимых к первым векам христианства, не говоря о сходных изображениях последующего времени. В XIII в. Рубруквис обозначил, что русская одежда вообще сходствовала с одеждою народов

западной Европы. Мы не имеем возможности удалиться в подробные сравнительные разыскания по этому предмету и желаем только обозначить сходство нашего старинного костюма с древнейшими образцами византийскими, а частью и с средневековыми западноевропейскими. Мы ограничиваем свою задачу лишь посильным объяснением собственной древности, после чего доступнее будут и сравнительные исследования и выводы.

Как бы ни было, но Византия имела значительную долю влияния именно на женский наш костюм, по крайней мере в том его составе, который принадлежал верхнему народному слою древней Руси, княжескому и боярскому, или вообще, как мы говорили, знатной и богатой среде. Здесь это влияние выразилось известною постнической идеей, подчинившей им целям даже и покрой женской одежды.

Идеал постницы, на котором воспитывалось и оканчивало жизнь наше старинное женское племя, смотрел вообще на красоту, как на запрещенный плод и поучал убегать ее обольщений, как великой греховной напа-

сти. Он спрятал ее в терем, чтобы не смущался ею мир, чтобы и она не прельщалась красотой мира; он неутомимо следил за нею наблюдал каждый ее шаг с целью отстранить от нее и малейший соблазн убора и наряда или какого бы то ни было лукавства (кокетства) в отношении умножения ее прелестей. По естественным и впрочем исключительным причинам он, некоторую свободу в уборе и наряде с целью возвысить красоту, благословлял только возрасту невест, которые по крайней мере могли носить открытые волосы. Этим обозначалась и известная доля женской свободы в девическом возрасте. Напротив замужняя женщина, по слову Апостола, становившаяся под власть мужа, должна была навсегда спрятать свои волосы, ибо не муж от жены, а жена от мужа, и не муж создан для жены, а жена для мужа, посему и должна женщина иметь покрывало на голове, в знак власти над нею [229]. Кроме того покрывало вообще обозначало стыдливость и целомудрие, поэтому для постнических идей оно являлось необходимым и неизменным условием и сохранить и выразить свою нравствен-

ную чистоту. Для женщины не было большого срама и бесчестья, как всенародно опростоволоситься, т. е. раскрыть свои волосы пред глазами общества. Целомудренное значение покроя распространилось и на покрой всей одежды, которая в сущности представляла тот же постнический покров для всего тела. В одежде постнические идеи заботливо старались совсем скрыть талию и весь женский бюст и торс, разрешив употребление пояса лишь в одеждах нижних, домашних, каковы были сорочки [230] и устранив во всех верхних выходных одеждах даже и малую складку, какая могла способствовать хоть малой обрисовке лебединой груди или вообще талии.

Самый пояс на сорочках был носим, как символ целомудрия и благочестия и вовсе не служил средством придавать стану большую стройность и красоту. Появляться в каких либо случаях без пояса на сорочке значило обнаруживать свой разврат. Так могла поступать только молодая Марина Игнатьевна: она, призывая в свой терем Змея Горыныча, высывалась по пояс в окно в одной рубашке без

пояса. Так бегала по широкому двору Настасья Королевична, во единой рубашечке без пояса, — когда спасала своего милого Дуная. Вообще ходить распояской во всяком случае почиталось грехом. Распоясаны были только одни верхние одежды с тою целью, как мы сказали, чтобы не обнаружить ни одною складкою каких либо частей тела. Все-таки одежды имели один покрой той же сорочки, т. е. простого полотнища, расставленного, где необходимо, клиньями, и у некоторых разрезанного спереди на полы, при чем ворот у всех возвышался до самой шеи. Таким образом *лиф* был совсем изгнан из покроя женских одежд, а с ним, конечно, была удалена и вся красота женского наряда, ибо лиф в одежде есть непосредственный и существенный выразитель всего изящного одежды. Естественная потребность нравиться, быть красивою, изящною, т. е. естественная потребность изящного в костюме была ограничена, стеснена, а потому вместо эстетических духовных идеальных представлений о красоте явились представления исключительно материальные, представления об одних лишь физиче-

ских ее достоинствах. Просторно сидевшие и длинные до пят платна по необходимости сводили понятия о красивой изящной фигуре на понятия о дородной фигуре, что на самом деле почиталось одним из достоинств старинной женской красоты; так как другим ее достоинством был высокий рост, которому те же длинные платна без всякой кринолиновой пышности в подоле придавали конечно еще большую высоту, и тем дорисовывали идеал красивой фигуры по старинным понятиям.

Однако ж необходимо заметить, что суждения о нашем старинном женском костюме, именно об отсутствии в нем живописной красоты или вообще рисунка женской фигуры, не имеют достаточных оснований делать об этом решительные, окончательные заключения по той причине, что нет у нас перед глазами, как говорится, живой натуры. Нам известны большею частью рисунки древних одежд только иконописные, где и в платье, как в самых фигурах и особенно в позах столько же натуры, сколько натуры вообще находим в древней иконописи. Иконописец даже страшился изобразить что либо нату-

рально, а тем более страшился изображать натурально женскую фигуру с ее одеждою, дабы не ввести зрителя в прелесть сатанинскую. Не говорим о том что он вовсе не умел рисовать и особенно не удавались ему предметы живые, одушевленные. Символизм, условность его рисунка, рабски переводившего одни только старые образцы неспособны были воспроизвести ни одной натуральной черты, ни в лицах, ни в наряде. Желая обозначить пышность или складки костюма, он чертил совокупность известных линий однажды навсегда усвоенных и приспособленных для этой цели (рис. V, 3, 4). Он не мог размышлять не только о натуре, но вообще о школьной правильности рисунка в теперешнем смысле, ибо у него были свои, чисто условные, понятия об этой правильности, от которых он, как знающий и опытный художник, никогда не отступал. Изо всего этого выходило то, что иконописцы не только не оставили нам изображений, деланных, как они говорили, с *живства*, но и нарисованные ими изображения от руки они большею частью передавали без всяких характерных оттенков, плоско и стер-

то, указывая лишь одни общие наиболее типичные формы древнего костюма. Словом сказать из этих иконописных изображений мы получаем очень скудные представления о живом действительности старого костюма, даже в его общих формах, не говоря о полноте разных предметов наряда, а тем более о разных подробностях, о которых находим сведения в старинных описях и вовсе не находим их в оставшихся рисунках. Здесь старое русское художество не только ни чем не послужило старой действительности, но своими чисто ремесленными, условными, рабскими приемами даже обезобразило ее в наших глазах до последней степени. Совсем не то было на западе, отчего тамошний средневековой костюм представляется не только в своей действительной, но во многом даже и приукрашенной красоте. Тамошние художники, напротив, всегда идеализировали современную им действительность, не мертвою формою, а живую натуру: покрывали ее чертами не только правильного, но и изящного рисунка. Даже и в древнее время, при несовершенстве искусства, в их грубых изображениях мы все-

таки встречаемся с более или менее правдивым и: выразительным живством и в постановке фигуры и в драпировке одежды. Искусство всегда лучший и вернейший выразитель жизни и всегда в своих произведениях очень многое дает для правильного ее понимания. Ложный путь, по которому следовало наше древнее художество, не только отнял у него здоровые силы, лишил совсем развития, но и нам передал искаженные представления о прожитом нашем быте, так что не об одном костюме, но о всей нашей истории мы теперь думаем не иначе, как о сухой безжизненной форме. Прилагая в конце книги рисунки старого женского костюма, мы должны заметить, что это только простые снимки изображений, необходимые для пояснения наших описаний.

* * *

Переходя к описанию допетровского женского наряда, мы в настоящем случае, ограничиваемся только предметами, которые входили в состав наряда цариц и взрослых царевен в XVI и XVII ст. и касаемся общего описания одежд лишь настолько, чтобы объяснить

частности, принадлежавшие собственно царскому быту. Это вообще предмет очень дробный и мелочный и потому требует рассмотрения по крайней мере по сословным отделам, ибо в каждом сословном кругу он представлял свои видоизменения.

Само собою разумеется, что царицын быт, как высший порядок жизни, заключал в себе и все общие, т. е. основные черты древних нарядов и уборов. Так и в царском быту, как и во всенародном, взрослые девицы носили волосы открытыми и распущенными по плечам, при чем в достаточном и знатном быту, а след. и в царском, волоса бывали завиты, как говорит Корб «с великолепным изяществом в искусственные кудри». Это можно заметить и на современных изображениях, рис. I, II, III, V.

Другой род волосного убора, столь же обыкновенный, даже и теперь в простом быту, заключался в том, что волосы заплетали в одну косу или в две косы, которые и ниспадали назад к плечам и по спине. При этом в концы кос вплетались ленты или же бахрома, а иногда прикреплялась золотая кисть или

подвеска. Это был *косник* или *накосник*. На рисунке VIII, 2, изображен такой убор в две косы с косниками. Но здесь же мы видим, что вместе с косами остаются и распущенные по сторонам волосы. Действительно ли употреблялся и в этом виде волосной убор, сказать не можем; но знаем что, напр. при венцах, корунах и киках у царевен всегда подавался и косник, который составлял даже принадлежность этих уборов и описывался, как составная их часть. Между тем царевны в венцах видимы тоже с распущенными по сторонам волосами. Можно полагать что по сторонам оставались только пряди волос, завитых в локоны, ибо локоны были очень употребительны в детском уборе и даже в уборе замужних женщины, именно цариц, рис. I и II.

По свидетельству Болтина «косу заплетали сколь можно слабее, дабы была она шире, разделив волосы на множество прядей и перевив их золотыми нитками» (упомянем, что подблюдная святочная песня поет: русу косу плетучи, шелком первиваючи, златом приплетаючи); а у богатых на сии нитки нанизывался жемчуг. Потребно было искусство и

привычка хорошо заплести косу и чтоб она закрывала всю шею от самых ушей и низвешиваясь по спине, постепенно сужалась до самого косника. Таким образом заплетенная коса представляла вид решетки искусно связанной [231]

Косник или *накосник* состоял главным образом из кисти шелковой, золотной или жемчужной, непременно с золотной или жемчужною *ворворкою*, как называлась верхняя связка кисти, скреплявшая в одном узле ее нити и состоявшая обыкновенно из плетенья или вязанья, которое и представляло *ворворку* [232] При устройстве косника эта *ворворка* или кистевая связка получала разнообразную форму, которая поэтому и приобретала отдельно название косника в собственном смысле. В богатом наряде она делалась даже из металла, из золотой или серебряной *цки*, дощечки или листа различной формы, к которой и прикреплялась необходимая кисть. Иногда эта *цка* устраивалась с тремя *ворворками* и двумя кистями; одна *ворворка* в таком случае помещалась вверху двух других и служила для них связью. *Косник* вплетался в ко-

су посредством снурка *ипожилин* (Матер. стр. 113), которые находились вверху основной ворворки.

Болтин описывает старинный косник «треугольником в два или три вершка шириною, сделанным из картузной бумаги, обшитой шелковою тканью и унизанной в узор жемчугом и каменьями; привязывался он к концу косы одним углом». Из предыдущих указаний также видно, что косник и в виде кисти или какой либо цки делался также треугольником.

Для сохранения в порядке ниспадавших по плечам волос, являлась необходимою *перевязка*, какую видим на рис. III, 6. Это в обыкновенном повседневном употреблении была простая шелковая или золотная неширокая лента. Само собою разумеется, что она служила также и весьма красивым убором для головы, выделяя своим цветом, прибранным к лицу, или своими украшениями из золота, жемчуга и дорогих камней, еще сильнее белизну, румяность и вообще красоту лица и волос. Очень естественно также, что в вырезке по краям она получала разнообразную форму,

какая наиболее нравилась. Так у царевны Татьяны М. (12 лет) была *перевязка* низаная с городы; у царевны Анны М. (22 лет) упоминается *перевязочка* низаная жемчужная с камешки. Кроме того иногда налобная, передняя часть перевязки устраивалась с большим богатством в виде какого либо узорочного узла или фигуры. Такой перевязке присваивалось преимущественное название *чела*, *челки*, как особого налобного украшения. *Чело* упоминается еще в духовной Калиты 1328 г. В числе даров дочери своей, князь Верейский (1486 г.) упоминает *челку*, низану великим жемчугом [233]. В простонародном быту самая перевязка-лента носила название *начелка*, *начельника*, *очелка*, также *повязки* и *повязи*; таким образом с именем перевязки соединяется смысл вообще головного начельного убора, который мог иметь весьма разнообразную форму.

Перевязка-лента обращалась в особый убор с именем чела или очелья и вообще повязки, когда устраивалась из более или менее широкой каймы, огибавшей чело стоймя на ребро, причем начельная часть делалась обыкновенно шире или выше, в роде кики, а

концы сходили назад обрезами в виде зубцов или постепенно (серповидно) уменьшались до ширины простой перевязочной тесьмы. Эти концы связывались назади широкими лентами, ниспадавшими вниз по спине в виде лопастей, рис. VII, 3.

Можно полагать, что подобная повязка в XV веке называлась *челом кичным*, ибо в передней части она стояла на голове или возвышалась кикою. Впрочем чело кичное могло в действительности обозначать и одну только переднюю *цку* или доску самой кики.

Повязка, устроенная сплошною, напр. жемчужною, каймою вокруг головы, называлась *венком*. Особый вид венка, который делался обыкновенно из металлической *цки* и прорезывался насквозь каким либо узором с городками или зубцами вверху, назывался *венцом*. Венцу с городы, т. е. с острыми углами вокруг, присвоено было царственное значение, ибо он и делан был по образцу древнейших царских венцов, в каких цари и царицы, особенно восточные изображались на монетах и др. памятниках. Такой венец употреблялся у нас исключительно в девичьем

уборе, по той причине, что его носили только на открытых волосах. Нет сомнения, как девичий убор, он существовал еще в древнем княжеском быту: удельный Верецкий князь Михайло Андреевич в 1486 г. пожаловал дал дочери своей (Марье) «*венец царьской с городы да с яхонты да с лалы да с зерни с великими; другой *венюк* низан великим жемчугом*» [234]. В XVI и XVII ст. венец составляет необходимый убор царевен с малого возраста и государевых невест, когда они нарекались царевнами. На рисунках II, III видим, что венцы надевались без всякого другого убора, принадлежащего к тому же наряду, каковы были *рясы, подниз, косник* или *накосник*. Однако ж в описях казны царевен эти принадлежности наряда описываются вместе с венцом, как его составные части, а потому должно заключить, что рисунки изображают наряд не вполне. — Удельный князь Верецкий, отдал дочери (1486 г.) вместе с венцом царским между прочим и «*рясы с яхонты да с лалы, колтки золоты с яхонты*». Рясами, как увидим, назывались длинные пряди из жемчугу, каменье с сережными кольцами и колтами, привешен-

ваемые по сторонам венца. Поднизь в собственном смысле была начальником и прикладывалась к венцу с передней, налобной его стороны в виде перевязки или в виде сетки с жемчужными или золотыми висюльками по нижнему краю.

Свадебный венец царицы Евдокии Лук., носимый ею, когда она наречена была невестою-царевною, и хранившийся потом в ее казне в коробье новгородской за печатью ее свекрови иноки Марфы Ив., описан коротко: «венец с каменьи и с жемчуги», с отметкою, сделанною впоследствии, что в 1629 г. июля 5 «сее коробью и с венцом отнес ко государю в хоромы Фед. Ст. Стрешнев»; и потом, что в 1629 г. авг. 30, сее коробью и венец принес (в казну) от государя из хором В. И. Стрешнев, а сказал, что с того венца снято с городов для государева дела каменье да выпорото у венца из *косника* 5 запон золоты с каменьи».

Полный наряд венца описан у малолетней царевны Ирины Мих. У ней был «венец теремчат о десяти верхех делан по золотой же травы прорезные с финифты с розными, а в венде в нижних теремах в золотых гнездох

три яхонта червчеты гранены да три яхонта лазоревы да четыре изумруда гранены; да в верхних теремах в золотых же гнездах четыре яхонта червчеты да три яхонта лазоревы да три изумруда четвероугольны; около верхних и нижних теремов и на низу обнизано жемчюгом; по верх теремов на спнях десять зерен гурмыцких. Подложен тафтою червчатую. — *Подниз* по отласу по червчатому низана жемчугом большим и средним; меж жемчугу звездки золоты; у подниси в пяти репьях жемчужных 5 гнезд золоты четвероугольны; а в гнездах 3 яхонты червчеты да 2 изумруда; по сторонам у подниси ино репейку жемчужному, а в них 2 изумрудца невелики; да меж больших репьев 4 репьи жемчужных без камня; у подниси на привесках 31 зерно гурмыцких на золотых спнях. *Рясы* жемчужные, у ряс колодочки и колца серебряны золочены с финифтом с червчетым; меж ряс и по концом 6 яхонтов лазоревых да 6 лалов. *Косник* по цке серебряной золоченой низан жемчугом репьи; ворворка у косника низана жемчугом, кисть золота с шолком с червчатым».

Что значит *теремчат* и что означают

здесь *терема*, определительно сказать не можем, ибо не знаем типической фигуры в украшениях, которая носила название терема. Она могла представлять род шатровых башенок и вообще видимо, что это были тоже зубцы расположенные в два яруса и украшенные вперемешку яхонтами и изумрудами, а на верхах жемчужинами.

В 1636 г. генв. 24 на крестины царевны Татьяна, царь Михаил пожаловал дочери своей царевне Ирине новый венец золот с городы, по нем травы золоты прорезные с финифты с розными; у венца в городех и меж городов 96 алмазов да 109 лалов. *Накосник* по цке серебряной золоченой низан жемчугом большим, на конце у накосника три ворворки обнизаны жемчугом; в кистей место низано жемчугом мелким, по концам перепелы серебряны золочены, подложен тафтою желтою. Лагалище на венце деревяное оклеено кожею с поталью». Отметка: 1641 г. генв. 14 от сего венца накосник отпорола боярыня княгиня Марья Хованская и взяла к царице в хоромы», где вероятно был пришит к венцу другой «*косник* по цке серебряной золоченой низан жемчу-

гом, меж жемчугу 4 изумруда да 2 яхонта лазоревы да 5 лалов; три ворворки да две кисти жемчужные». В описи при этом отмечено: на венце один город в хоромех сломлен.

В 1635 г. авг. 4, теремчатый венец с поднизью и рясами царица пожаловала царевне Анне, при чем к венцу приложен был новый «косник цка серебрена золочена, ворворка низана жемчугом, кисть шолк с золотом». А для царевны Ирины тогда же был куплен венец *литовский* жемчужный за 430 р., из которого в царицыной мастерской палате немецкие мастера устроили для царевны коруну и еще две коруны для царевен Анны и Софьи. Коруную назывался венец, подобный по устройству описанным выше, но с прибавлением к нему круглой тульи, состоявшей иногда из отдельных огибей, которые, как радиусы в центре, соединялись в верху, на самой маковке убора, где, именно в виде маковки, прикреплялся или дорогой большой камень или золотая высокая запона, а у царей крест.

Коруна царевны Ирины описывается так: Коруна немецкое дело, делана по цке серебряной золоченой низана жемчугом большим и

середним, с городы: меж жемчугу 24 репьи золоты сенчаты с финифты с лазоревым да с белым; подложена тафтою алою. Да к той же коруне приложен у царицы в хоромех прежний царевнин косник «от теремчатого венца, подаренного царевне Анне. Рясы к коруне были низаны жемчугом, промеж жемчугу и по концам 10 яхонтов лазоревых, да 8 лалов; колодки у ряс золоты, навожены чернью; в колодках 4 яхонта червчатых да 2 изумруда да на спнях 18 зерен жемчужных.

Точно также описана коруна и царевны Анны, но с одним только косником, переложенным к коруне от теремчатого венца.

Подобная же коруна царевны Софьи, перешедшая по случаю ее смерти к царевне Татьяне, была также низана жемчугом с городы по цке серебряной золоченой, меж жемчугу на коруне репьи золоты с финифтом с белым да с лазоревым, подложена тафтою алою; лагалище коженое с поталью.

Таким образом и венец и даже коруна были носимы царевнами с косником и рясами, а венец кроме того с поднизью. Эти принадлежности убора составляли обычный всена-

родный наряд кичный, носимый замужними женщинами при киках, с тою разницею, что вместо косника или накосника, у кик женщины носили *задок* бархатный или соболий, покрывавший затылок, и называемый в простом народе подзатыльнем.

* * *

Замужние женщины собирали свои волосы в *подубрусник*, род повойника или легкой шапочки из червчатой тафты или другой подобной ткани, напр. из дорогов гилянских, тоже червчатого цвета. Покрой подубрусника нам неизвестен; неизвестно, была ли это шапочка круглая в роде тафьи или скуфьи, облежавшая голову по ее овалу; или она состояла из окола, венчика, к которому пришивался круглый *верх*. Неизвестно также стягивалась ли она около головы шнурком или надевалась просто, как шапка. Впрочем по всему вероятно это был обыкновенный повойник. Прямое назначение подубрусника заключалось в том, чтобы подобрать и спрятать под него последний волосок, для чего с затылочной стороны при нем употреблялся еще *подзатыльник*, небольшой плат из такой же тка-

ни, закрывавший затылок. В описях частного имущества в конце XVII ст. (1688–1695 г.), эти предметы обозначаются так: шесть подубрусников тафтяных, шесть подзатыльников; или: десять подубрусников на оба лица с подзатыльниками. — Судя по этим указаниям, можно полагать, что подзатыльник употреблялся и отдельно, как особый дополнительный убор, и сшивался вместе, как составная часть убора.

Подубрусник своим именем показывает, что он служил только принадлежностью, подставною частью другого убора, который назывался *убрусом*. Это было тонкое полотняное полотенце (полотнище), уменьшительно называемое *полкою*, *полка убрусная*. Оно украшалось или браньем, или шитьем белью, или вышивалось шелками с золотом и серебром и по концам и на *челе* низалось жемчугом [235]. Убрус свертывался, повивался [236] на голове красивым узлом, для чего без сомнения требовалось не малое умение и навык. Концы его, *застенки* ниспадали с повязки на сторону. Составляя таким образом, наиболее видную часть в уборе, они всегда богато украша-

лись золотым шитьем, жемчугом и даже мелкими дробницами, т. е. разнообразными бляшками. Убрусы прикалывались на голове в своих складках серебряными или золотыми булавками с жемчужинами, корольками или же дорогими камнями. На рис. 1, изображена в таком убрусном уборе царица Марья Ильична и придворные женщины. Кроме полотна, на убрусы употреблялись и шелковые легкие ткани, напр. тафта, и при том цветные, особенно любимого цвета червчатого. В казне царицы Шуйской сохранялись 7 убрусцов тафтяных по концам низаны жемчугом. В казне царевны Ирины Мих. находим «два убруса тафта червчата, застенки низаны жемчугом, меж жемчугу дробницы серебряны золочены, по них резаны травы». Флетчер называет этот убор общим именем шлык и обозначает его русское название *obrosa* (убрус), которое Карамзин (X, пр. 465) полагал объяснить *наурусою*, *наурузом*. Но это последнее имя обозначало мужской головной наряд в роде колпака с полицами. Убрусные покровы в простом быту назывались также *спусками* (Времен. кн. 25, стр. 167). Рисунки таких

спусков и убрusной повязки см. IV, 1 и 4; VI, 3.

Убрусу, как чепчику, который повязывался на голове из убрusной полки, соответствовал другой убор, в собственном смысле чепчик или готовая особая шапочка в этом роде. Это был *волосник* — головная сетка, вязаная или плетеная из волоченого или пряденного золота, или из серебра или из золота и серебра вместе. Она по большей части *ошивалась*, украшалась по венцу или околу атласною или тафтяною *ошивкою*, разных цветов, но преимущественно червчатого, алого или белого цвета, которая богато вышивалась золотом канителью, унизывалась жемчугом в виде запон, украшалась дорогими камнями и золот. или серебр. дробницами, т. е. металлическими запонками. Само собою разумеется, что передняя часть украшалась богаче и узорчнее остальных, а потому и приобретала даже особое название *очелья*, которое иногда делалось с *подзором*, т. е. с каймою, более или менее широкою, в роде девичьей повязки. Так как *ошивка* в этом уборе составляла самую видную и богатую часть, то нередко весь убор назывался одним именем — *ошивкою*,

при которой подразумевался и волосник; и наоборот, если ошивка была простая шелковая, или золотная, незатейливая, то убор удерживал только имя волосника. Впрочем в описях имущества для точности ошивка обозначалась отдельно от волосника, который нередко назывался и просто *сеткою*. По способам вязанья и вышиванья *вцепки*, цепочками или *вкружки*, кружками, и ошивка и волосник назывались *цепковыми*, *кружковыми*. Ошивка, сверх того, по большей части украшалась *паворозами*, особыми борами, сборками, в виде каймы, которые служила вместе с тем связью для всего убора, ибо устраивались перекрестно на темени сетки или волосника и окаймляли убор или самую ошивку по околу головы. Здесь паворозы служили и задережкой, снурком, посредством которого убор стягивался по голове [237].

Таким образом волосниковый убор составлял легкую шапочку, которая в народном быту называлась *зборником* [238], а в Петровское время стала называться *чепцом*, по той причине, что для ее изготовления употреблялся преимущественно один наиболее красивый

способ шитья шелками и золотом именно *вцепки, цепковый*, или по старому произношению *чепковый*, в роде тамбурной работы. В XVIII ст. старинная форма убора стала изменяться, принаравливаясь к потребностям европейского костюма; впоследствии она получила самые разнообразные видоизменения, подчинившись прихотям моды; но старое русское имя сохранилось до нашего времени. В начале XVII ст. эту шапочку, волосник с ошивкою и с паворозами, или чепец, носили сверх убруса, как это видно на рисунке IV, 2. В последующее время ее надевали и под убрус, выставляя только переднюю часть ошивки. Такой порядок в употреблении этих уборов мог зависеть от их относительного друг к другу богатства. Более дорогой и роскошный убрус брал верх и надевался на ошивку, так как и более богатая и роскошная ошивка в свой черед покрывала простой незатейливый или менее богатый убрус.

В начале XVII ст. ошивка, или особый ее вид, назывался *шамшурою*. В переписном продажном списке рухляди Никиты Строганова 1620 г. упомянуты между прочими веща-

ми: Шамшура шита золотом по белой земле, очелье шито золотом и серебром. Шамшура плетеная с метлеками, очелье шито золотом. Волосник, паворозы. Подубрусник. Очелье волосниковое» [239].

В описях частного имущества встречаем следующие описания ошивок: 1643 г. — ошивка низаная волосник золотной, цена 10 р.; ошивка шита волоченым золотом волосник золотной, цена 4 р. — 1666 г. — ошивка низаная сетка золотная, другая ошивка цепковая сетка серебряная. 1674 г. — два волосника золотные, у одного ошивка жемчужная низаная с камнем и с зерны, другая золотная. 1677 г. — волосник золотной ошивка жемчужная с запоны и с каменьи; два волосника золотных ошивки у них жемчужные низаны в одно зерно; пять волосников золотных и серебряных с разными ошивками. 1689 г. — ошивка канительная по белому атласу, сетка серебро с золотом.

* * *

Подобно тому как девичий венец имел значение как бы короны девичества, так и *кика* была короною замужних женщин или ко-

роною замужества, венцом брачной жизни. Поэтому на свадьбах вместе с подубрусником, подзатыльником, убрусом и волосником она принадлежит к числу брачных женских регалий и занимает среди их первое место.

В царицыном быту рядом с кикою появляется и царственная регалия, *коруна*, обозначающая царственное достоинство царицыной личности; но кика, как заветная и нерушимая старина, сохраняет и здесь свое первенствующее значение. По крайней мере при свадебном обряде, и даже в описях казны ставится на свое, первое, место. О царицыных корунах мы имеем мало сведений и находим упоминание об них только в описи казны царицы Агафии Сем. Там в первой главе описаны след. наряды: «Кика 1 наряду во влагалище бархатном за хоромною печатью. Кика 2 наряду во влагалище бархатном за хоромною печатью». Во второй главе значится: Две коруны низаны жемчугом с каменьи, 1 да 2 нарядов, во влагалищах бархатных за хоромною печатью. Коруна низана жемчугом с каменьи 3 наряда, во влагалище сафьянном за печатью хоромною. Коруна делана в цветах жи-

вые репыи шолки розных цветов обнизаны жемчугом, во влагалище сафьянном» (А. О. П. № 148).

Коруна от кики отличалась своею формою, именно коронною, кронистою, тульею из огибей или из целой цки, собранной как скуфья над обычным венцом.

Обыкновенная и древнейшая форма кики представляла тулью в роде обыкновенного картуза, т. е. состояла из *подзора* как бы пояса, вышиною в 3 или 4 вершка, облежавшего во-круг голову, и из круга, плоского или устроенного по овалу, который помещался на верху, т. е. на темени. Ширина или диаметр этого круга, собственно кичной верхушки, всегда делалась вершка на 1 1/2 и на 2 больше ширины в венце или в лобной части кики, так что кика к верху постепенно расширялась, а в самом верху, где вшивался круг, устраивалась несколько развалом, рис. III, 7; VI, 2; VIII, 1.

Такую форму кики встречаем еще у античных греков, по крайней мере в их черноморских поселениях, не только на рисунках, но и в самых предметах, открытых в 1864 г. на Таманском полуострове, о чем говорили выше,

Тулья кики и с верхом сшивалась из какой-либо простой ткани на александрийской картонной бумаге и проклеивалась рыбьим клеем, а затем покрывалась атласом или другою подобною тканью яркого, обыкновенно червчатого цвета; иногда она покрывалась золотою или серебряною цкою, дскою, т. е. тонким листом из этого металла. Эта именно цка металлическая или золотная и атласная составляла *подзор* кики, т. е. ее пояс, кайму. Есть указание, что кичный подзор делался из *нерпы* или ворвани, тюленьей кожи, крашеной вероятно в белый цвет для белых кик. В казне царицы Евдокии Лук. хранились: «две ворвани, одна деланая, а другая неделаная, черные; и те ворвани пошли в дело к царицыным кикам». По всему подзору или собственно по тулье ставились золотые или серебряные вызолоченные запоны, репы различной формы, с дорогими цветными камнями, алмазами, яхонтами лазоревыми и червчатыми, изумрудами, лалами, бирюзами или достоканами (хрусталями), таких же цветов. Меж запон по местам ставились тоже камни отдельно в ме-

таллических гнездах, и вообще весь подзор убирался подобными драгоценностями в виде какого либо роскошного узора.

Передняя налобная часть кичного подзора, разумеется, убиралась с большим богатством и особою затейливостью относительно узора. Она нередко устраивалась отдельно от кики и прикреплялась к ней смотря по надобности. Как отдельная часть, она получила и особое название; в старину ее называли *челом кичным*, а в конце XVII ст. *переденкою*. В казне В. К. Дмитрия Ив. (ум. 1509) хранилось «чело кичное золото с яхонты и с жемчуги и с жемчужинами и с плохим каменьем.

Конечно, во всем женском наряде и уборе кика сама по себе представляла подзор или такую часть, которая бросалась в глаза, наиболее была видима; подзорный значит видный, также верхний, возвышенный, находящийся на видном месте.

Кроме дорогих камней подзор особенно наперед убирался обыкновенно *пелепелками* или *переперками*, *переперами* и *живыми репьями*, т. е. металлическими, б. ч. серебряными. булавками в роде перышек, и других по-

добных фигур, которые от движения головы качались, дрожали и тем производили еще больше блеску во всем уборе. Подобным образом были убраны кики к свадьбе царицы Евдокии Лук. в 1626 г. Тогда старого государева двора серебряный мастер Давыд Омелянов делал серебр. цку к царицыной кике, *спни* к гурмыцким зернам, золотые *гнезда* к камням, и на живые репы 12 чашек золотых, да 12 трубок; а в мастерской палате употреблено 4 золотника волоченого серебра к царицыным кикам *цеплят пелепелки*. Уборка кик переперами идет из древности. В казне в. к. Дмитрия Ив. (ум. 1509) хранились «три переперы кичные серебряны золочены с яхонты и с плохим камением; и 11 запонок с переперы с яхонты и с лалы и с жемчугом и с плохим камением (С. Г. Г. I, № 147).

Внизу подзора или тульи, со стороны лобной части, прикреплялась *поднизь*, особая золотная вязенная сетка, низаная жемчугом со вставкою по местам жемчужных же репьев с камнями или просто больших гурмыцких жемчужин. Поднизь окаймлялась также гурмыцкими зернами. В нижней ее части, нис-

падавшей по лбу, ставились в привеске на спнях всегда самые лучшие зерна, т. е. самые крупные и особенно круглые или же отличавшиеся своею фигурою, *уродоватыя*. Кроме того нижняя кайма поднизи украшалась какими либо тоже жемчужными или металлическими фигурами, в роде репьев, коронок, звездок и т. п., которые при движении головы тряслись и блистали, как об этом замечает в своих записках и Таннер, видевший, при своем въезде в Москву между множеством народа и многих женщин, без милосердия набеленных и нарумяненных: у них у кик свешивались на лоб серебряные звездочки, которые тряслись и блистали. Подзор над самую поднизью убирался также особою каймою из каких либо фигур. На одной из кик царицы Евдокии Лук. такая кайма состояла из пяти птиц, снизанных из жемчуга и утвержденных на золотых спнях (булавках), так что они вероятно выдавались из убора несколько вперед.

К задней части кики, к нижней кайме подзора, прикреплялся *задок*, особый плат из черного бархата или из соболя на что упо-

треблялся один целый мех соболя, которым определяется и величина этого плата.

В каком виде кроился этот задок, сказать утвердительно не можем. Должно полагать, что плат, дабы он способнее ниспадал около шеи, должен был делиться на *лепести*, т. е. в нижем конце он разрезался, вероятно, на 3 закругленные доли, которые и составляли лепести, одну в середине на подзатыльи, а две по сторонам. Бархатные и соболи задки подкладывались обыкновенно тафтою. О таких тафтяных лепестях упоминается при изготовлении белых кик царицы Марьи Ил.; рисунок их, вероятно, был подобен лепестям каптура, см. рис. II, 16.

Царицына уборная казна не была однако слишком богата киками. У царицы Евдокии Лук. было всего пять кик, из числа которых одну первого наряда царь Михаил подарил своей двухлетней дочери царевне Ирине в 1629 г. июля 3 (по другому свидетельству ноября 3). Эта кика описана след. образом: кика отлас червчат на ней запоны золоты с камнем с алмазы и с яхонты и с изумруды; у поднизи зерна гурмыцкие на золотых спнях;

назади бархат черной. Остальные: *Кика* отлас червчат, на ием цка золота, по цке в репьях камень в гнездах яхонты лазоревы и червчатые и изумруды, в поднизи зерна гурмыцкие на спнях, назади бархат черной. *Кика* отлас червчат запоны золоты с камением с алмазы и с яхонты и с изумруды, межъ запон в гнездах яхонты лазоревы червчатые и лалы. В поднизи репьи низаны (жемчугом) с камением; по краем у поднизя зерна гурмыцкие; а по кике на спнях золотых птицы (5 птиц) низаны жемчугом; назади бархат черной. *Кика* белая, у ней запоны золоты с камением с яхонты и с лалы и с изумруды и с бирюзами; назади соболь. *Кика* белаяж, у ней цка серебрена золочена; назади соболь.

У царицы Марьи Ил. находим 4 кики, те же самые, которые с добавлением одной перешли и к царице Наталье Кир. Вновь поступившая кика принадлежала царице Ирине Мих. и кажется была только богаче украшена и быть может переделана из указанной выше, подаренной ей отцом. Она описывается так: кика — отлас червчат, на ней запоны золоты с алмазы и с яхонты червчатыми и с ла-

зоревыми и с изумруды: в одной запоне орел одноглавой, в нем яхонт лазорев; в поднизика золотая: по ней низано жемчугом живые репы с каменья; в поднизии зерна гурмыцкие на золотых спнях; позади бархат черный (Бывала царевны Ирины Мих. и поставлена та кика ее государыни царевны в казну, 1676 г.).

У царицы Агафьи Сем. было две кики, одна 1-го наряда, другая 2 наряда, которые хранились в бархатных влагалищах за хоромною печатью, а потому подробно и не описаны.

Переходя по наследству от одной царицы к другой, кики, разумеется, возобновлялись и переправлялись, особенно в тех частях, напр. задках, которые могли быть занашиваемы.

У кик был еще убор, составлявший необходимую их принадлежность, это были *рясы*, длинные пряди из жемчугу вперемешку с дорогими каменьями и с золотыми пронизками (бусами различной формы и работы). Пряди бывали двойные, тройные, четверные и т. д., отчего и рясы назывались *тройными*, *четверными* и т. п. Пряди утверждались в верхней части в золотые же колодки или лапки с кольцами, посредством которых рясы привешива-

лись к кике по сторонам, над висками, и след. ниспадали вниз к плечам, или на грудь. Иногда промеж жемчугу помещались, вместо пронизок-бус, тоже колодки или лапки с дорогими каменьями, также орлики и другие фигурки из золота [240]. У царицы Евдокии Лук. в 1626–1627 гг. было четверо кичных рясы: рясы жемчужные, а в них промеж жемчугу и по концам 16 яхонтов лазоревых да 8 лалов, да промеж жемчугуж и каменья 16 пронизок золоты репейчаты прорезные с финифты с розными; по сторонам у пронизок в гнездах искорки яхонтовые да изумрудные. У рясы колодки и колца золоты с финифты с розными, около колодок веревочки низаны жемчугом, у колодок в гнездах 4 алмаза да 4 яхонта червчатых гранены да два изумруда. Рясы жемчужные, а в них промежь жемчугу и по концом 24 яхонты лазоревых да 8 пронизок золоты с чернью; по сторонам у пронизок в гнездах искорки яхонтовые да изумрудные; у рясы колодки и колца золоты с чернью, в колодках четыре алмазы гранены да четыре яхонты червчатых да 2 изумруда, да у колодок же 24 зерна невелики на санях золотых (Отметка:

143 г. авг. 14, се рясы царица пожаловала дщери своей царевне Ирине М.) — *Рясы жемчужные*, промежь ряс и по концом 18 колодок золоты с чернью, у колодок по сторонам искорки яхонтовые да изумрудные; у ряс колодки золоты с чернью на три грани, в колодках 8 яхонтиков червчатых да 2 искорки яхонтовых лазоревых да два изумрудца; по верх колодок 2 прониски с колцы золоты, в пронисках искорочки яхонтовые да изумрудные. (И 136 г. ноября в 8 д. се рясы государыни царица и в. к. Евд. Лук. приложила к чудотворному образу к Знамению Пречистые Богородицы, что у государева Старова двора). *Рясы жемчужные*, а в них промежь жемчюгу и по концом орлики золоты, в орликах искорки лаловые да бирюзки. (И 135 г. апреля в 23 д. се рясы государыни царица и в. к. Евд. Лук. приложила к чудотворному образу Пречистые Богородицы Влодимерские, что стоит в соборной церкви Рожества Преч. Богородицы на сенех).

В летнее время при выездах в богомольные и другие походы царицы надевали *шляпы* белые поярковые с круглою тульею и с по-

лями вершка в 2 и более ширины, рис. IV, VI. Иностранцы находили эти шляпы сходными с клобуками их епископов. Действительно шляпы были мужского образца. Наружная их сторона покрывалась обыкновенно левкасом из белил (в обычных случаях из мелу) и рыбьего клея, что придавало убору глянцеви-тый, лоснящийся вид и сохраняло от дождя. Их поля, называемые *полками* с исподи подбивались гладким или золотным атласом червчатого цвета, а по краям обшивались тафтяным торочком; внутри, в тулье, шляпы подкладывались гладким таким же атласом, если полки были золотные, или тафтою, червчатою, зеленою и других цветов. Кроме того шляпа всегда украшалась *снуром*, атласною или тафтяною лентою, вышитою золотом, низанною жемчугом, убранною запанами с дорогими каменьями. Эта лента огибала шляпу по венцу тульи и через полку двумя концами ниспадала к плечам, с боку, или по заду к спине. На концах сверх того висели низаные же *фуники* или *спицы* и кисти. В XVI ст. шляпы цариц убирались с особым богатством. В 1585 г. мая 21, царице Ирине Федоровне была

делана шляпа большего наряду тремя золотошвеями мужчинами, Мартыном Петровым, Юрьем Андреевым и Богданом Григорьевым, которые за то получили в награду по сукну в 2 р. и деньгами по 2 р. [241] Довольно значительная награда показывает, что шляпа была устроена с большим искусством. В казне царицы Шуйской хранились «шестеры шнуры с кистями шиты золотом и серебром с шолки; 4 шнуры шиты по белой тафте разными шолки, на концах кисти шолк червчат. Снур шляпочной делан картунелью и трунцалы с жемчуги, подложен тафтою зеленою», 4 кружива снурных, 2 низаны жемчугом, а 2 шиты золотом и серебром. 2 *фуника* от снур низаны жемчугом.

В числе уборов царицы Евдокии Лук. находилось всего только семь шляп: «*шляпа* вальная бела, у ней полки по отласу по червчатому низано жемчугом с канителью, а в ней подложено отласом же червчатым; вторая — полки подложены атлас с серебром; третья — полки — атлас золотной, четвертая подложена атласом золотным по червчатой земле травы и опахала. (В 1631 г. мая 16 эту шляпу ца-

рица пожаловала своей сестре Федосье Лук. Матюшкиной). Пятая — полки: по отласу по червчатому деланы трунцалом травы»; и еще две шляпы подпушены полки отласом золотным по червчатой земле, по одном отласе травки велики, а по другом травы мелковаты с шолки с розными. Все шляпы в тульях имели атласную червчатую подкладку. К ним принадлежали *три* шнура шляпочные: *Снур* по отласу по червчатому низан жемчугом болшим с канителью, в нем запоны золоты с алмазы и с яхонты и с изумруды, промеж запон и сверху и с исподи в гнездех каменья яхонты и лалы и изумруды. Другой такой же, с тем только отличием, что в числе камней находились бирюзы и не было лалов. Третий *снур* — по цке серебряной золоченой низан жемчугом, в нем 4 запоны золоты с финифты и с каменьих алмазы и с яхонты и с изумруды, меж запан три изумруда.

У царицы Марьи Ильичны находим в первое время шесть шляп и три шнура, а по ее кончине оставалось 4 шляпы и 2 шнура, которые перешли в казну царицы Натальи Кир.

Но все эти шляпы и шнуры были устроены

еще царицею Евдокеею и вероятно при надобности только подновлялись или переделявались по мере. В общей описи казны цариц Марьи и Натальи, 1676 г., о шнуре первого наряда, принадлежавшем и царице Евдокее (см. выше) находится следующая отметка: 184 г. февр. 20 из сего шнура запона предняя вынета и *спицы* и кисти отняты, и нашиты на шнур большого наряда, что делан в нынешнем во 184 г. к троецкому походу. И 185 г. окт. 15 спицы низаны с кистми золотными выданы из хором, а на кистях жемчугу нет.

Наиболее обыкновенным головным нарядом особенно в осеннее и зимнее время были *шапки*, а исключительно зимою, *треухи* и *каптуры*. *Шапка* состояла из *верха*, т. е. тульи и *пуха* или *опушки*, мехового *окола*. Шапки, носимые женщинами, отличались отчасти формою, а больше украшениями верха от мужских и потому назывались *женскими*. *Верх* или *вершок* сшивался из шелковой, а чаще из золотной ткани или кругло (сферически) или конусообразно или делался столбунном (цилиндром).

В мужских шапках круглый верх б. ч. де-

лался вдвое выше, чем у женских, и притом конусообразно; между тем как женский образец придерживался правильной полусферы. Другое отличие женских шапок от мужских заключалось в кройке окола. Девичьи шапки в этом отношении мало отличались; но шапки замужних женщин, кроились несколько иначе, именно окол, или собственно пух, начиная с боков опускался вершка на 2 на затылок с тою целью, чтобы и этим нарядом скрыть от людских глаз свои волосы. Спереди в налобной части точно также оставлялся небольшой *мысок* вероятно с целью придать наряду большую красоту, а лицу выразительность. Оттого у женских шапок окол носил исключительное название *пуха*, ибо кроился не ровно, а смотря по фигуре выема, см. рис. V, 2 и др.

Вершок женских шапок первого наряда всегда украшался с большим богатством и с большою затейливостью золотым шитьем, жемчужным саженьем с камнями, переперами, запонами и тому подобными прикрасами. Естественно, что такие украшения трудно было ставить на мягкой тулье, и потому было

необходимо устраивать ее подклеивную, как у шляп; *шапочные подклейки* делались из александрийской (картузной) бумаги и заячины, или из клееной легкой ткани; для простых шапок на это употреблялась клейная краше-нина. В кроенье на вершок шапки выходило атласу под золотное шитье 5 вер., шириною около аршина, след. тулья верха вышиною бивала не менее 4 вершков. *Пух* или *опушка*, окол, кроился из бобрового черного меха, на что выходило два бобра.

Для большей красоты между блестящею золотом или серебром, жемчугом и каменьями тульею и ее бобровым оком помещали почти всегда особую кайму из золотного *плетенька* или *пояска*, который пришивался поверх пуха или окола, и из бобровой же *накладки*, или *накладного пуха*, узенькой меховой ленточки, которая отделяла плетенок от узоров и украшений богатой тульи. Такое разделение меха от тульи золотно-меховою каемкою в действительности придавало наряду не мало красоты и узорочности. На накладку выходило меху 2 звена, т. е. две части или половина целого бобрового меха. Иногда вместе

с этою каймою или взамен накладного пуха употреблялось золотное плетеное или кованое кружево. Мы говорили, что в шапках первого наряда тулья всегда украшалась богато и затейливо. Кроме золотого шитья с канителью, трунцалом, бганью и т. п., и жемчужного низанья с камнями живыми репьями, перперами и пр. в виде разнообразных трав и узоров, эти тульи очень часто украшались и низанными из жемчуга или шитыми золотом изображениями различных животных, особенно птиц. Бывали низаны орлы двоеглавые и даже осмиглавые, инроги (единороги), павы, птички, зверки.

Внутри тулья подкладывалась у холодных шапок атласом червчатым, а у теплых легким мехом, обыкновенно черевами белыми.

Для сохранности шапок с богатыми уборами полагались на них тафтяные чехлы и хранились они в Мастерской Палате на шапочных столбунцах или болванах.

Мы заметили, что шапки, носимые девицами походили на мужские. Они делались с околom в собственном значении, т. е. их меховая опушка огибала голову венком и не опуска-

калась на затылок, как пух у женских шапок. При том и околы их бывали обыкновенно собольи, особенно у шапок нарядных; окол из бобрового пуха ставился на шапках повседневных, победнее. Кроме того, как девичьи так и женские шапки не имели, подобно мужским *прорех*, перерей и задней. Шапки царевны Ирины описываются следующим образом: Шапка окол соболей, тулея отлас золотной по червчатой земле, по отласу низано жемчугом, меж жемчугу репьи золоты с финифты с разными, да репьиж канительные с жемчуги, меж репьев вшита запона золота, а в ней 21 яхонт, червчаты. Шапка — окол соболей, тулея отлас серебрен по алой земле. Шапка — окол соболей тулея отлас золотной по зеленой земле. Шапка отлас ал с пухом круживо золотное кованое. (И тое шапку пожаловала государыня немке Дунке). Шапка шита по белому отласу цепи золоты, звески (звездки) с шелки с разными, по верх пуху плетенек золотной; — и пр.

Кроме этого образца девицы в зимнее время носили шапки лисьи черные, *горлатные* и *черевьи*. Так исключительно назывались вы-

сокие прямые шапки, у которых вся тулья, выш. от 6 до 8 вершков, была меховая. В вершине такие шапки делались несколько шире, чем в венце. В них обыкновенно являлись бояре при посольских приемах, отчего они и носят название шапок боярских. На устройство их тульи, на подклейку употреблялась ирха (выделанная кожа) и ролдуга или ровдуга — замша. См. рис. IV, 7; VI, 2; VII. 2, 4.

Черевья или горлатная шапка была необходима для новобрачной, ибо по свадебному чину, новобрачная должна была в ней выходить в хоромы на другой день свадьбы, когда ее торжественно подымали с постели сваха и боярыни; поэтому мы находим такие лисьи шапки и у цариц в казне [242].

Шапка по отласу по червчатому низана жемчюгом с канителью, на ней 17 яхонтов лазоревых, под низаньем поверх пуху плетенок золотной с пухом. (И с той шапки выпорот камень и взят к царице в хоромы. 147 г. мая 25, сее шапку царица пожаловала сыну своему царевичу Алексею Михайловичу.) Две *шапки* по отласу червчатому низаны жемчюгом с канителью и с трунцалом и с пелепелы. У ша-

пок плетенки золотные с пухи; и из тех шапок одну шапку пожаловала царица — Иванове жене Матюшкина Федосье. *Шапка* участок двойной по серебряной земле листки золоты круживо низано жемчюгом с пухом, подложена отласом червчатым. (145 г. авг. 20, тое шапку царица пожаловала Семенове жене Лукьяновича Стрешнева Марье Алексеевне.) *Шапка* участок по серебряной земле травы золоты в цветах шолк червчат да зелен, с пухом. И тое шапку царица пожаловала матери своей Анне Костентиновне. *Шапка* отлас по зеленой земле травы и листье и репьи золоты, в травах и в репьях шолк червчат да бел да зелен; поверх пуху поясок золотной плетеной с пухом. (140 г. окт. 18, сее шапку царица пожаловала матери своей Анне Костентиновне.) *Шапка* по червчатому отласу шита золотом да серебром волоченым травы и репьи, под шитьем поясок золотной с пухом, подложена отласом червчатым. (И тое шапку царица пожаловала боярина кн. Ив. Борис. Черкасского княгине Овдотье Васильевне). *Шапка* отлас червчат, круживо низано с городы и с переперы, в круживе 9 яхонтов червчатых да 9 изу-

мрудов в гнездах, пониже кружива плетенок золотной с пухом. *Шапка* отлас бел круживо низано по цке с городы и с перепелы в круживе 10 яхонтов червчатых да 8 изумрудов в гнездах, пониже кружива плетенок золотной с пухом.

Шапка делана по цке серебряной золоченой репьи живые низаны жемчугом с перепелы, в репьях каменье розные яхонты червчатые и лалы и изумруды, круживо у шапки низано жемчугом большим, меж кружива репьи живыеж низаны жемчугом, в репьях каменье алмазы и яхонты червчатые и лалы и изумруды; да по шапкеж меж репьев и перепелов по цке низано жемчугом же, да вверху у шапки меж репьев запона золота с алмазы, подложена шавка отласом червчатым, у шапкиж плетенок золотной с пухом. (И 144 г. августа 14, из сее шапки в хоромех выпорот репей с яхонтом червчатым и с жемчугом, а по сказке казначеи Анны Хитрые положен тот камень и с жемчугом во соборной церкви на венец к образу Успения Пречистые Богородицы.) *Шапка* по отласу по червчатому низана жемчугом орлы двоеглавые да травы с кани-

телью да с нацветы; поверх орлов запаны золоты, а в них по 3 лалики да по 3 яхонтики лазоревы да по изумрудцу да в золотых гнездах 4 яхонты червчатые да 16 лаликов да 18 изумрудов больших и малых; поверх пуху поясок золотной. (144 г. авг. 14 из той шапки выпорот камень, а по сказке Анны Хитрые положен тот камень на венец в собор Успения Преч. Бцы). *Шапка* по отласу по червчатому низана жемчугом с репьи, меж репьев бирюски в золотых гнездах, под низаньем поверх пуху плетенок золотной. (142 г. сее шапку царица пожаловала Иванове жене Матюшкина.) *Шапка* по отласу по червчатому низана жемчугом с канителью и с трунцалом и с бганью травы, меж трав инроги и птички, меж инрогов и птичек нацветы, поверх пуху плетенок золотной. И та шапка отдана царевне Ирине М., а после того та шапка отдана Анне Костянтиновне. *Шапка* по отласу по червчатому низана жемчугом орлы да инрога с канителью золоченою; меж трав искорки лаловые и изумрудные, поверх пуху плетенок золотной. *Шапка* по отласу по червчатому низана жемчугом с канителью и с трунцалом и

со бганию травы меж трав зерна жемчужные. *Шапка* по отласу по червчатому низана жемчугом на проволоке травы с зерны жемчужными, меж трав запанки золоты сенчаты с финифты с розными. *Шапка* по цке по серебряной золоченой травы низаны жемчугом поверх пуху плетенок золотной круживо низано жемчугом. *Шапка* по цке серебряной золоченой травы низаны жемчугом, меж трав розцвечивано шолк червчат с золотом. *Шапка* по лазореному отласу низана жемчугом травы, в травах павы с канителью цветною. (152 г. дек. 29 верх спорот, а на пух нашит новой верх по отласу по червчатому шит золотом волочным. И тогож числа к царице в хоромы сее шапку приняла постельница Прасковья Скорятина, а сказала, что тое шапку государыня пожаловала княгине Анне Ромадановской.) *Шапка* по червчатому отласу орлы двоеглавые да птички низаны жемчугом и делана канителью золоченою и цветною, около орлов чепочки деланы канителью, по отласу звездки золочены (150 г. февр. 24, тое шапку царица пожаловала матери своей Анне Костянтиновне.) *Шапка* по отласу по червчатому травы

низаны жемчугом с канителью и с трунцалом, в травах розцвечивано канителью цветною, меж трав по отласу звездки. (И из под того верха пух выпорот. 150 г. февр. 24, тот верх царица пожаловала крестнице своей девке немке Овдотье Капитанове [243]. *Шапка* по отласу по червчатому низана жемчугом с канителью цветною кружки, в кружках орлики и зверки, меж кружков птички. *Шапка* отлас золотной по зеленой земле, круживо низано жемчугом, по верх пуху плетенок золотной. Верх пожаловала государыня матери своей Анне Костянтиновне. *Шапка* отлас червчат, круживо низано по цке с городы и с перепелы. *Две шапки* отлас золотной по лазоревой земле в цветах шолк ал да зелен да бел, у шапок по верх пуху плетенки золотные. (147 г. мая 20, царица одну шапку пожаловала матери своей Анне Костянтиновне; 148 г. августа 18, другую шапку пожаловала Окольничево Васильеве жене Ивановича Стрешнева). *Шапка* отлас золотной по червчатой земле меж трав репейки шолк бел, по верх пуху плетенок золотной. (148 авг. 18, сее шапку царица пожаловала княине Марье Хованской). *Шапка*

по отласу по белому шита золотом да сесебром в нацветях шолк червчат да лазорев, у шапки поверх пуху поясок золотной. (И та шапка в отдаче царевне Ирине М.). *Шапка* по отласу по червчатому шита золотом да серебром с нацветы, меж трав звездки золоты, поверх пуху плетенок золотной. (148 августа 18 сее шапку царица пожаловала Семенове жене Лукьяновича Стрешнева). *Шапка* по отласу по червчатому розвода и травки шиты золотом волоченым, около розводы в обводе шито серебром волоченым, поверх пуху плетенок (в отдаче царевне Ирине Ж.). *Шапка* отлас ал гладкой, круживо кованое серебряное широкое, поверх пуху плетенок золотной (в мовных). 154 сент. 28 сее шапку государь пожаловал казначее Варваре Унковской. Две *шапки* отлас червчат гладкой на соболях. *Шапка* отлас по серебряной земле травы золоты, поверх пуху плетенок золотной. (150 мар. 10 пух выпорот и отдан князь Михайлове княгине Шеховского).

Шапка низана жемчугом большим по отласу по червчатому, в жемчуге 44 запоны золотые с каменьи с алмазы с яхонты с изумру-

ды с бирюзы, около жемчугу обшивано трунцалом золоченым; на шапкеж круживо низано жемчюгом большим, а делана шапка к Светлому Воскресенью в 150 г. апр. 8. *Шапка* атлас золотной по лазоревой земле обвода золота и серебрена, круживо низано жемчугом средним, под круживом на шапке плетенок золотной, делана в 152 г. дек. 12 (152 г. мая 2 круживо снято и положено на новую шапку, а старую шапку царица пожаловала матери своей Анне Костянтиновне).

Столбунцами назывались шапки цилиндрической формы с прямою тульею, которая бывала или вся меховая, обыкновенно соболья, или из шелковых и золотных тканей, из атласа бархата, объари зорбафа и т. п., с пластинчатою собольею опушкою. Вершок или круг в обоих случаях кроился также из шелковых и золотных тканей, и украшался иногда жемчужным низаньем с запонами и камнями. Судя по кройке таких столбунцов маленьким царевнам, тулья их была не слишком высока. В 1632 г. пятилетней царевне Ирине «скроена шапочка столбунцом соболья, вышина 2 1/2 вер., ширина 5 1/2 вер., т. е.

кругом 10 1/2 вер.; на верху круг камка серебряна по алой земле 3 1/2 вершка. В 1651 г. царевне Евдокие Ал. (около 2 лет) к празднику Рождества Христова был скроен «*столбунец*» соболей, в кроенье пошло пара соболей в 35 р. да соболь в 12 р. с полтиною; да на тулейку (внутри) пошло полсема пупка собольих. Нашит *верх* по бархату турецкому золотному (пошло вершок с четью во всю ширину ткани) низан жеиячугом; да в том же *кружечке* вшито 8 запон золоты, промеж запон вшивано по 4 жемчюжины, да среди кружка вшито запона золота в ней 21 яхонт червчат.

Холодные столбунцы подкладывались отласом и тафтою, а теплые легким мехом. В царичьином быту столбунцы употреблялись редко; их находим только у царицы Марьи Ильичны один: столбунец — круг алтабас золотной розвода серебряна; тулея пупки, окол пластины собольи; и у ц. Агафьи Сем. три в том числе: столбунец объярь серебряна по ней травы золоты с шолки, подкладка отлас жаркой цвет; опушка пластины собольи. Столбунец — зарбаф серебрян, по нем травки золоты с шолки; подкладка отлас бел; без

опушки».

В числе более употребительных зимних головных нарядов, преимущественно у замужних женщин и особенно у вдов, первое место принадлежало *каптуру*. О каптуре может дать некоторое понятие его потомок, выходящий уже из употребления, теперешний капор. Это был наряд, вполне защищавший голову от стужи, от ветра и от всякой непогоды. Он весь был меховой и покрывал не только голову, но и облегал по сторонам лицо до самых плеч. Каптур кроился из соболей с невысокою цилиндрическою тульею на подобие кики, и с тремя ушами, ниспадавшими до плеч на затылке и по сторонам головы. Рис. I, 8; II, 16; VI, 1. В крайку обыкновенью выходило соболей 2 1/2 пары». По краям наряд опушался бобром, на что употреблялся или целый бобр или два бобра без трети, смотря по ширине, какую желали дать опушке. Из целого бобра выкраивалось опушки 4 ар. 3 в., шириною в 2 вер. В опушке около чела ставился особый бобровый мех, черненный, называвшийся духом *передним очельным, челошным*, для чего употреблялось полбобра (2 звена) и

целый бобр. Кроме того этот очельный пух убирался поверх еще бобровою же накладкою, *накладным пухом*, которого выходило одно звено или четверть бобра. Исполд каптура подбивался также мехом, собольими пупками, и так как он облегал кругом всю голову, то и назывался *оголовью*, *оголовьем*; при чем по краям ставилась также небольшая опушка, называемая *оголовочным пухом*. На ушки ставилось треть бобра, самого доброго. Простые каптуры, деланные только для образца, кроились из мерлушек (овчины); вместо бобрового духу на них употреблялся козел черной, а на оголовичный дух — барсук. Из этого сочетания различных мехов нагляднее выступает связь всего мехового убора в каптуре. *Верх* каптура покрывался арабскими миткалями, которых в кройку выходило 4 вершка широких и 8 в. обыкновенных. Кроме того для сохранности наряда всегда делался из таких же миткалей особый верх — *чехол*, на что употреблялось миткалей 6 верш. широких (в 2 арш. ширины) и 12 вер. обыкновенных (от 8 до 14 в. ширины). При каптурах употреблялась также и *повязка* из полотна, которого

выходило в кройку поларшина литовского.

Каптур, соболий, упоминается еще в духовной княгини Иулиании Волоцкой, 1503.г. — У царицы Евдокии Лук. в первое время было в казне только 4 каптура, потом их было 6 и наконец число их увеличилось до 8. У царицы Марьи находим их 7, из которых перешло к царице Наталье Кир. только 3. У молодой царицы Агафьи Сем. в казне вовсе не было каптуров.

Подержанные и поношенные старые каптуры царицы обыкновенно раздавали боярыням. Так в 1631 г. сент. 10, царица Евдокия из числа своих каптуров один, который был сделан еще ее предшественнице покойной царице Марье Влад. Долгоруких, подарила матери своей Анне Константиновне. В 1634 г. генв. 8, она пожаловала из своих же два каптура боярыням Орине Микитичне (Годуновой) да матери Анне Конст. которой еще был подарен каптур в 1641 г. февр. 20. В 1642 г. авг. 12 пожаловала каптур бояр. кн. Анне Вас. Трубецкой, при чем относили каптур подъячий мастерской царицыной палаты да каптурник. Кроме того один старый каптур царица пожаловала

царевнине кормилице Наталье.

Каптуры очень редко украшались богато на подобие нарядных шапок. Такой находим только у царицы Натальи Кир. — каптур пластины собольи с пухом; *верх* отлас бел низан жемчугом с каменьями с олмазцы и с изумруды и с яхонты червчатыми и с искры. (Делан у царицы в хоромех во 180 году).

Треух — зимняя шапка, с тремя ушами, защищавшими уши и затылок. Его *верх* (тулья, покрывка) шился из шелковой или золотной ткани, из камки или атласу, и алтабасу, которых в кроенье выходило 10, 12 и 16 вершков; но какой формы была эта тулья, в виде ли столбунца или скуфьи, — неизвестно. Впрочем можно полагать, что это был по покрою тот же каптур, только крытый не мехом, а тканью. Исполн у него как и у каптура кроился из собольих пупков или из пластин; выходило 5 пупков, а пластин 2 пары. Верх опушался также соболем, на что выходила пара; а кругом опушки поверх соболя *треух* украшался низаньем из жемчуга, или круживом, или запонами с каменьями. Кроме того у *треуха* были, как и у кик *лепести*, на которые выходило

гафты 2 верш., во всю ширину (1 1/2 арш.). Треухи принадлежали однако ж к таким нарядам, которые употреблялись довольно редко.

У царицы Евдокеи Лук. в казне находим только один треух собольей, покрыт атласом червчатый гладким; у Марьи Ильичны также один, у Натальи Кириловны 3. У царицы Агафьи Сем. их было 4, притом они шились уже из богатых тканей и украшались жемчугом и камнями, что заставляет предполагать, что в конце XVII ст. треухи стали входить так сказать в моду: «*Треух* атлас виницейский по золотной земле травы и розводы шолк червчат, испод и опушка пластины собольи; кругом опушки поперх низано жемчугом кафимским. *Треух* алтабас по золотной земле травы кубы серебряны; испод и опушка пластины собольи; вместо кружива запаны золоты с камнями с алмазы и с яхонты червчатыми, с городы; кругом запан обнизано жемчугом скатным.

* * *

Уборы, известные под общим именем *золота* и *саженья* или *ларечной* кузни заключа-

лись, кроме некоторых головных, описанных выше, в нарядах шеи, каковы были *монисто*, *цепочка*; *ожерелье*, также ушей — *серьги*, и рук — *перстни*, *жиковины*, *обручи*, *запястья*, *зарукавья*. Самым значительным из этих украшений было *монисто*.

В областном языке до сих пор словом *манисты*, *манисто* обозначают ожерелье из бус, гранат и т. п., также из монет; тем же словом обозначают косынку шейную (Новг.), и вообще связку предметов, снизу, напр. связку ключей, *манистка* ключей (Тв.); называют так даже нижнюю челюсть белуги, вероятно по сходству ее с *снизкою* бус.

В южном областном языке *намистом* кроме того называют ожерелье из бус, на котором носится всегда *дукачь*, вероятно *дукат*, серебряная, медная или оловянная бляха в роде медали, величиною в *целковый*.

Обычай носить на шее с ожерельем монеты и особенно золотые, а также и подобные монетам бляхи, имевшие значение и амулетов, очень древен и к нам перешел с незапамятных времен.

Можно полагать, что *монисто* — слово ис-

порченное из греческого номисма — золотой, и что ближе к нему стоит южное произношение: намиста, из которого на севере уже последовала переделка в монисто. Как бы ни было, но монисто в древнем смысле означало шейный убор, ожерелье исключительно золотое, т. е. состоящее из золотых привесок, у которого на гайтане (снурке) помещались небольшие иконы, панагии, кресты, разделяемые в низке золотыми *пронизками*, т. е. бусами. Летописец (Ипат. 219) рассказывает, что Владимир Василькович Волынский на смертном одре перед своими очами перелил все свое золото и серебро в гривны и разослал милостыню по всей земле: «и *мониста* великая золотая бабы своей и матери своей, все подья»... Он же возложил на наместную икону Богородицы монисто золото с камением дорогим (1288 г.) В числе женских уборов монисто упоминается и в Москве, в 1328 г., когда Иван Калита отказывает своей дочери Фетиньи матери ее монисто ново, что есм сковал».

Верецкий князь Михаил в 1486 г. тоже отказывает своей дочери: на манисте икона животворящего древа окована золотом с зерны с

великими да тринадцать хрестцев золотых с великими зерны то и с иконами...

Волоцкая княгиня Иулиания (1503 г.) отказывает своей внучке Овдотье из дочернина приданого: манисто большое золото... Да манисто на гайтане: четыре кресты золоты, да четыре иконы золоты, да три кресты камены с золотом да восемь пронизок золотых...

Около того же времени первовенчаный московский князь, внук Ивана Вас., Димитрий (ум. 1509 г.) в своей духовной обозначает хранящиеся в его казне: манисто золото *леска*... (Сравн. четки — *лесенки*, Матер. 89) да манисто со кресты и иконы и прониски...

На манисте казны царицы Шуйской было: икона золота Пр. Бцы, 5 крестов золотых с каменьи и жемчуги и 8 пронизок золотых. В той же казне хранилось манисто золото на чепочке золотой. В «книгах царицы Евдокии Лук. мастерские Палаты крестом и *манисту* и судам и платью и иной казне», царицыно манисто описано следующим образом:

Ящик оболочен бархатом червчатым, а в нем манисто да кресты с мощми, которыми благословила царицу и в. к. Евдокею Лукья-

новну великая государыня инока Марфа Ивановна. Манисто чепочка золота звенчата у чепочки наконечники золотыж резь гранми с чернью, а на чепочке в *манисте* на гайтане понагея золота на четыре углы в ней яхонт лазорев, на яхонте резь Спасов образ Вседержителя, по полям 2 яхонта червчаты да два изумруда; на переди на главе резь херувим, а на другой стороне резь великомученик Дмитрий, навожено чернью; под главою в закрепке по концом два зерна гурмыцких. (И 135 г. мая в 3 д. сее понагею взяла царица и в. к. Евдокея Лукьяновна к себе в хоромы. 136.г. апреля в 12 д. сее понагею выдала от царевны (Ирины) из хором на гайтане шолковом червчатом боярыня княгиня Марья Хованская, а сказала, что царица и в. к. Евд. Лук. *благословила* тою понагеею царевну и в. к. Ирину Михайловну и велела ее держать в царевнине казне. Да с тоуж понагеею княгиня Марья Хованская выдала от царевны из хором две *прониски* корольковые, одна бела, а другая червчета, а велела их положить с понагеею вместе). Два *креста* золоты с мощми, в них животворящее древо Господне, на крестех Распятия Господ-

ня золоты литые; у крестов в гнездах по два яхонтика лазоревых да по два лала да по изумруду, около крестов обнизано жемчугом большим; у глав в закрепках по концам по 4 зерна гурмыцких, а в крестех по подписям мощей: мощи Ивана Предотечи, древо животворящее, мощи Иякова Перского, мощи мученика Прова, мощи архидиакона Стефана, мощи мученика Артемия, мощи преподобного Стефана Нового, мощи Павла Исповедника, мощи мученика Еустратия, мощи мученика Ивана Нового. (И 136 г. апреля в 29 д. из сих крестов крест золот с каменьи и с жемчуги взяла царица и в. к. Евдокея Лукьяновна *благословит* дочь свою царевну и в. к. Пелагею Мих.) *Крест* золот на нем Распятие Господне вольячное, у креста в гнездах 3 яхонта лазоревы да яхонт червчат, да лал; около креста обнизано жемчугом, назади резь снятие Господне со креста. *Крест* золот решетчат, на нем распятие Господне литое, на главе Спасов Нерукотворенный образ; да на кресте в гнездах 4 яхонта лазоревы, около креста жемчуги на спнях да бирюзки в гнездах, а назади бирюскиж в гнездах да подпись по гречески.

Крест золот с мощми, на нем Распятие Господне литое, в кресте 3 яхонта лазоревы да лал, около креста обнизано жемчюгом на главе Спасов Нерукотворенной образ, в закрепках по концам по жемчюгу, а в кресте по подписи мощей: риза Александра Сверского чудотворца, мощи Пантелеймона, перст святого Марка и иных многих святых мощи. *Крест* золот с мощми, на нем Распятие Господне литое на главе резь Нерукотворенный образ Господень, да на крестеж в четырех гнездох яхонты лазоревы, а на зади у креста Предтечев образ литой, да резных образов Ивана Богослов, Никола чудотворец, святой мученик Георгий, святая мученица Ульянея.

Да на манистеж промеж понагей и крестов на гайтане две прониски золоты решетчаты да две королковые белые, да две королковы-еж червчаты, да прониска яшмовая зелена. И 135 г. марта в 28 д. с сего маниста золотую чепочку государыни царица и в. к. Евд. Лук. взяла к себе государыне в хоромы. Да мая в 3 д. с сегож маниста государыня царица взяла две прониски королковыя. (138 г. мая 3, с сего царицына маниста золотую чепочку с наконец-

ники, которая была во 135 г. с тогож маниста снята, выдала от царицы из хором боярыня Катерина Бутурлина, а велела на нее положить царицыно манисто по прежнему).

Из этой описи мы видим, что в собственном значении монистом называлась снизка икон, крестов и пронизок и что цепочка, как и шелковый гайтан — шнур, представляли только составную и разумеется необходимую его часть. В самом заглавии описи крестам и манисту, кресты указаны отдельно по той только причине, что после крестов маниста описывается еще несколько крестов, хранившихся особо. Впрочем в конце XVII ст. монистом называлась снизка бус, жемчугу или металлическая цепочка с крестом, — который носили на этой снизке или цепочке. Само собою разумеется, что иногда таких снизок и цепочек носили с крестом по несколько, а в древности даже и мушкетеры. В 1147 г. «бъюче Кияне Михаила отторгоша хрест на нем и с чепьми, а в немъ гривна золота» (Ип. 34). В XVII ст. у царевны Ирины Мих. находим «крест золот литое дело и три цепи золоты воротные». Были ли носимы *воротные* цепи,

как простое ожерелье, без креста, неизвестно.

Заметим в заключение, что на свадьбах монистом или панагеею по обычаю благословляла новобрачную родная мать. Царицу Евдокею, как видели, монистом благословила ее свекровь, инока Марфа Ив. — Должно также упомянуть, что упомянутые выше корольковые пронизки на гайтане мониста, приниживались к монисту не без особой цели. В старинных лечебниках о корольках между прочим говорится: аще который человек на манисте кралки носит, того колдование и иное никакое ведовство неимет; а как тот человек позанеможет, то кралки красные белети станут, а как поздоровеет тот же человек, так кралки опять станут черны... От тех же кралков дух нечистый бегаёт, понеже кралек крестообразно растёт».

Ожерелье. Именем *ожерелья* (от слово горло, жерло) обозначался шейный наряд или убор, состоявший собственно из атласного и редко другой шелковой ткани, низанного жемчугом, стоячего воротника. От мужского подобного же ожерелья оно отличалось лишь своею длиною, также характером низанья и

других украшений. Мужское низалось обыкновенно в шахмат, а женское во — рефид. Шириною такое ожерелье бывало не более 3 вершков и кроилось во всю ширину атласного полотнища (от 8 до 12 верш.). Эта лента ставилась на александрийскую (картузную) бумагу и подкладывалась киндяком, а по нем алою тафтою, вероятно по настилке из хлопчатой бумаги. К платью оно прикреплялось посредством шелкового *мутовыся* или мутовоза, особой вздержки, которая сплеталась по нижнему его краю. Напереди ожерелье застегивалось богатыми пуговицами. Его носили как стоячий воротник; рис. I, II; но располагали также около шеи и несколько отклонно к плечам; причем, разумеется оно и выкраивалось иначе, в нижней части шире, чем вверху, в самой горловине. Рис. IV, 7; VII, 4.

В 1328 г. Иван Калита в числе золота отказал своей дочери Фетиньи *ожерелье*, не обозначив подробно какое оно было; а двум меньшим дочерям Марье и Федосье отдал наряд с двух своих кожухов с аламы с женчугом — на ожерелья. Князь Верецкий, 1486 г., отдает дочери ожерелье с великими яхонты,

сажено с зерны с великими; другое ожерелье пристежное с передци низано.

Кн. Волоцкая, 1503 г., отказывает сыну своему Ивану ожерелье сожено с пугвицами с большими, а своей внучке Овдотье ожерелье сожено, а исподней ряд снизон да 4 у него пугвицы жемчужны...

В казне князя Дмитрия Ив. (ум. 1509) находились: «ожерелье на цках на золотых розрушано с яхонты и с жемчуги и с плохим камнем в 13 жеребьех и с придельными жеребьи; да ожерелеицо сажено жемчугом гурмыским и новгородским.

Описания ожерелий цариц XVII ст. мы не встречаем по той причине, что их *низанье* сохранялось всегда в ларцах и шкатулах за хормною печатью и не поступало в руки дьяков для описи.

У царевны Ирины М. было ожерелье: по цке серебряной золоченой низано жемчугом рогатым большим; в ожерелье меж жемчугу 20 изумрудов в золотых гнездах; у ожерелья 6 пугвиц зерна гурмыцкие большие на золотых спнях; у пугвиц в закрепках 3 яхонты лазоревы да 3 лалы в золотых ногтях, подложено

тафтою алою.

Более употребительный узор низанья ожерелий, особенно во второй половине XVII ст., был рефидь, или арефидь, рис. III, 2; V, 4.

Приводим несколько описей женских ожерелий из свадебных рядных записей XVII ст.: 1643 г. Ожерелье жемчужное низано врефидь пугвицы золотые цена 150 р., другое ожерелье — обнизь пугвицы серебряные позолочены цена 70 р. — 1667 г. Ожерелье жемчужное обнизь пугвицы золоты с искрами яхонтовыми. — 1674 г. Ожерелье жемчужное большое низано врефить с пуговицы; другое ожерелейцо малое пришивное с камнем. — 1677 г. Ожерелье жемчужное низано врефидь пугвицы золотые с яхонтовыми и с изумрудными искрами и с зерны бурминскими; ожерелье уское с изумруды и с зерны кафимскими, у него три пугвицы лад да изумруд да яхонт с зерны бурминскими.

Ожерелья — воротники составляли наиболее богатый и видный убор этого рода, по той причине, что обнизанные жемчугом, а нередко и камнями, представляли в убранстве больше узорочья, чем ожерелья простые, ни-

занные в низку на нитях. Закрывая высоко шею и грудь, они кроме того в полной мере отвечали требованиям постнического идеала не раскрывать обольщений женской красоты, а потому и составляли самый употребительный и обычный наряд не только для женщин, но и для девиц, которые разумеется употребляли и простые низки жемчугу на нитях пользуясь свободою открывать по крайней мере хотя одну шею. У царевны Анны М. находим два таких ожерелья, одно зерна гурмыцкие, другое — жемчуг рогатый большой. (См. т. I, Матер. № 446).

Серьги. Обыкновенная, наиболее употребительная и вероятно самая древнейшая форма серег состояла из кольца, вдеваемого в ухо, к которому прикреплялась висящая булавка или *спень* с надетым на него дорогим камнем, всегда просверленным для этой цели, ибо в древности иначе не умели укреплять камни в подобных случаях. Конец спня, остававшийся ниже камня, украшался кроме того двумя большими жемчужными зернами, точно также надетыми на спень одно к другому. Взамен зерен ставились и золотые *бубенчики*

(бусы дутые), а также *каточки* (бусы литые). Это были серьги *одинцы, одиначки*. Иногда таким же образом укреплялись два камня на двух спнях, тогда серьги назывались *двойчатыми, двойчатками, двоечками, двоинками*, если три — *тройчатыми, тройнями*.

Серги — *лапки* назывались так, если ушное кольцо к низу устраивалось в виде лапки. В лапки вставлялись жемчужины или дорогие камни.

Серги — *колты*, серьги колодкой, состояли из ушного кольца, которое в нижней части оканчивалось различной величины и различной формы бляхою, кубовастою, круглою, овальной, или на — углы, также сенчатой островерхой и т. п., что собственно и называлось *колтом* (колодка, брусок). К этому колту снизу прикреплялись *подвески* из жемчужных зерен, а самый колт всегда украшался финифтью или камнями. У древнейших серег на таких колтах изображались финифтью птицы, звери, сирены, львы, цветки и т. п.

Серги — *запоны* состояли из ушного кольца, и прикрепленной к нему запоны разного

вида. Запоною называлась вообще бляшка в виде репья, у которой в середине ставился дорогой камень, большего размера, а вокруг его несколько камней меньших, или же несколько искор. Внизу запаны почти всегда ставились три привески из жемчужин или из золотых бус с алмазами. Такие серьги составлялись иногда из нескольких запан разной величины, которые отделялись друг от друга золотыми с камнями привесочками с жемчужинами по концам.

И запаны, и колты, и каменья всегда украшались разнообразными привесками, каточками, трубочками, чепочками, репьями и т. п., которые размещались по желаемой форме или образцу. Упоминаются серьги *орлички* или *орлики*, называемые так по фигурам орлов, служившим привесками. По свидетельству Флетчера обыкновенная длина серег бывала в 2 дюйма и больше; но вообще тогда любили носить серьги длинные.

Перстни — жиковины. В духовной в. к. Дмитрия (ум. 1509) именем перстней обозначены жиковины: а перьстней моих золотых: напалок да 14 жиковин с лалом и с яхонтцом

и с берюзами и жемчужки и с перефтми (перелефт, халцедон) и с плохим каменьем. Там же упомянуты двадцать и три жиковины *женских* золоты с яхонтцы и с лалцы и с изумруты и с жемчушка и с плохим каменейцом». Семнадцать жиковин золотых отказывает своей дочери кн. Верецкий в 1486 г.

Именем жиковины в XVII ст. обозначалась большая дверная петля, вырезная в виде лапок жука или вообще в форме, сходной с цеплястою лапою какого либо подобного насекомого. Таким образом можно полагать, что жиковиною называлось кольцо с дорогим камнем, который был укреплен во вставке или в гнезде посредством какой либо цеплястой фигуры, охватывавшей его подобно лапкам жука. В XVII ст. при описании подобных перстней такой способ укрепления камней, обозначался так: гнездо (с алмазом) в ногтях, или в ногтях яхонт синь кверху островат. Но точно также жиковиною мог обозначаться перстень древнейшего устройства который делался не сплошным слитым кольцом, а кольцом — согнутым или обогнутым около пальца, так что концы этой огиби, приходив-

шиеся с исподней стороны, охватывали палец подобно лапкам жука или когтям птицы.

Кроме того известно, что у египтян, а потом и у древних греков жук имел символическое значение, и очень нередко изображался на перстнях. Эти перстни — скарабеи устраивались обыкновенно так, что резная в виде жука печатка из дорогого камня или металла вставлялась в кольцо на вертлюгах или осях, которыми служили концы самого кольца. Вставка с верхней стороны изображала фигуру жука, а с исподней на ней вырезывалась печатка, т. е. какие либо знаки, иероглифы или какое либо изображение. Перстень по верхнему изображению жука именовался вообще скарабеем. Впрочем, судя по некоторым указаниям жуком, жуковиною обозначалась вообще выпуклая часть чего либо, напр. на плоскости в роде сука, суковины. Жуковиною называется выпуклая округлая часть верхней доски от распиленного бревна, в отличие от плоской, которая называется запилёнком. Жучками назыв. особые косточки на гладкой коже некоторых рыб, у осетра, стерляди и т. п. Жуки — особые металлические выпуклые ре-

пьи, *исподники*, род небольших ножек, приделываемых по углам к нижней доске переплета на книгах напрестольных евангелий. Таким образом жиковиною на самом деле могла обозначаться различного вида выпуклая бляшка, составлявшая необходимую принадлежность перстня, который тем и отличался от простого кольца.

Что царицы носили перстни, в этом, конечно, нельзя сомневаться; к сожалению особого описания их перстней нам не встретилось. Имеем только описи перстней царевен (см. Д. Быт Царей ч. 1 матер. № 446), где в числе ларечной кузни царевны Анны М. обозначено 14 перстней; в казне царевны Ирины М. хранилось 25 перстней; но к обозрению казны царевен мы еще возвратимся в своем месте. В 1614 г. в государеву казну поступило из *Маринкины* рухляди, присланной из Астрахани, 10 перстней, в том числе: 1 — с яхонтиком червчатым, около его искорки алмазные, цена 8 — р.; 2 — с звездою и камышки алмазными, 20 р.; 3 — с чернью о семи алмазцах, 15 р.; 4 — четвероуголен о четырех алмазцах, 20 р.; 5 и 6 с яхонтом лазоревым, один гранен остро-

ват; другой гладок продолговат, цена по 3 р.; 7 — с финифтом с белым в нем яхонтик лазорев, 4 р.; 8 — о шести алмазцах, 12 р.; 9 — с чернью и с яхонтом лазоревым, 2 р.; 10 — с бирюзой, цена 1 р.

Перстни, серьги и другие подобные предметы конечно хранились в футлярах или особых коробочках, которые и изготовлялись, смотря по надобности. Так в мае 1692 г. царице Наталии Кир. было сделано шесть *перстневиков*, длиною по 4 вер., в ширину 1 1/2 вер., с выдвигаемыми ящички; три *коробочки сереж-ные* длиною и шириною по 2 1/2, а вышиною по 1 верш., с лица оклеенные бархатом красным, внутри тафтою, по краям серебряным галуном.

Кроме перстней, к золотым нарядам рук, именно ручной кисти, принадлежали *обручи*, *запястья* и *зарукавья*, соответствовавшие нынешним браслетам. *Обручи*, состоявшие собственно из золотой и вообще металлической проволоки, более или менее толстой, гладкой или свитой вдвое, втрое и т. д., были самою древнейшею формою такого наряда; по крайней мере, в отношении их названия, они ука-

зывают такую древность, которая превосходит древность *обруча* уже в переносном его значении, как связки для разной деревянной посуды, напр. бочек, кадок и т. п. Очень естественно, что и употребление обручей мы встречаем в более старое время, чем описываемая нами эпоха. Так в XIV в. они, по видимому, были еще очень любимым нарядом. В 1328 г. Калита отдает своей дочери Фетинье, из *золота* ее матери, 14 обручи. Княгиня Волоцкая в 1503 г. отдает своей внуке уже только три обручи золоты, а своей снохе два обруча золоты. Затем в XVII ст. об обручах уже не поминается; их заменяют зарукавья и запястья, да и те, сравнительно с другими нарядами, в виде браслет употребляются очень редко. Быть может большим и меньшим употреблением этой части наряда рисуется самый переход женского быта от большей свободы общественного положения женской личности к большей его замкнутости, даже и в отношении одежды. Более открытая одежда требовала, конечно, и в большей мере таких нарядов, как обручи — браслеты; напротив того, когда одежда становилась — покровом

постничества, то оказывались излишними и разные ее принадлежности, возвышавшие красоту открытую.

Что касается *запястий*, то этим словом очень редко обозначаются браслеты, в роде обручей. Запястьем называлась у всякой одежды конечная часть рукава, противоположная *кореню*, по той вероятно причине, что она покрывала запястье руки, т. е. не только верхнюю часть ручной кисти, но и верхнюю ее сторону, противопологаемую ладони. На такое значение запястья указывает кройка рукавиц, у которых исподы полагались в ладонях из беличьего меха, а запястья из собольего; у холодных рукавиц *запястья*, собственно поверхность рукавицы над запястьем или вся поверхность кисти богато украшались золотым шитьем. У некоторых одежд особливо у мужских, запястья (обшлага) также украшались или кружевом или шитьем и низаньем и даже дорогими камнями, как напр. у царских становых кафтанов. В женской одежде подобным образом украшались запястья верхних сорочек. Прямых известий о том, что подобные запястья носились

на руках отдельно от одежды, мы не имеем. Запястье, упоминаемое в духовной кн. Верейского 1486 г. и принадлежавшее к ожерелью спереди (тогож ожерелья запястье великим жемчугом низано) есть по всему вероятно, жемчужный спорок с какой либо одежды, как и самое это ожерелье. О таком же запястье упоминает в своей духовной и княгиня Волоцкая, 1503 г. — ожерелейной жемчуг и передцевой и с запястьем. Запястья с значением браслет, т. е. носимые не на рукавах только, а на руках, назывались по большей части *зарукавьями*, как убор, которого место на руке было за рукавом, по конец рукава. От *обручей* такие браслеты отличались тем, что состояли из цепочки более или менее широкой, или собственно из нескольких звен, соединенных цепочками или петельками, между тем как обручи делались из цельной проволоки кольцом, и могли разниматься разве только посредством вертлюга (шолнера), что вошло в употребление уже впоследствии.

Богатые *зарукавья* и запястья — браслеты находим в царской казне Шуйских, Мат. стр. 50. У царевны Ирины было: *зарукавье* — две

чепочки золоты звенчаты навожены чернью; у зарукавья в гнездах 10 алмазцов граненых да 10 зерен жемчужных. Под это зарукавье для хранения сделаны две колодки, обшитые тафтою алою, род футляров, на которые зарукавья надевались.

В описи казенного государева Двора 1663 г. упоминаются: зарукавье золото с алмазы и с черчеты яхонты, а в них 16 мест, цена 70 р.; челом ударил греченин Петр Богданов, 168 г. июл. 13; зарукавье золото с каменьи с искры яхонтовыми червчаты, а в них 39 мест, а одного места нет. В описях частного женского имущества находим: 1674 г. зарукавье низаное по цке с камением; 1677 г. зарукавье золотое с яхонты; зарукавье жемчужное; 1681 г. зарукавье низаное жемчужное и с камением.

Дорогие булавки, которыми закалывали на голове убрусы и с этою целью употребляли и в других уборах, упоминаются еще в конце XV ст. с именем занозок. В 1489 г. князь Верейский отказывает своей дочери между прочим «трои заноскы золоты». В царской казне начала XVII ст. описаны. 3 булавки зерна гурмышские на золотых спнях большие скатные; 4 бу-

лавки зерна невелики гурмыжскиеж, три на золотеж, а четвертая на серебре». Булавка таким образом состояла или из одного *спня*, как занозка, или из спня с жемчужною головкою. Простые булавки назывались кажется *пелепелками*, и собирательно *пелепелом*, Матер. стр. 117. [244]

В духовной в. к. Дмитрия (ум. 1509) упоминается 11 *запонок* с переперы с яхонты и с лалы и с жемчугом и с плохим каменьем, которые по всему вероятно были ничто иное, как булавки.

Все описанные предметы назывались общим именем *кузню*, потому что были металлические, кованые; также *низаньем* и *саженьем*, потому что были жемчужные, так как в низанье и саженье употреблялся один лишь жемчуг и небольшою частью дорогие самоцветные каменья, или просверленные или же утвержденные в гнездах с ушками.

Ларец, в котором все это сохранялось, был вместе с тем и уборным ларцом, вполне заменявшим для наших прабабок уборный столик. В таком ларце, величина которого была различна, смотря по богатству и широте по-

требностей, в верхней кровельной его доске устраивалось иногда и зеркало; но большею частью зеркала делались в особых металлических же влагалищах — футлярах, бывали небольшие вершка в 3 и 4 или меньше и больше, и всегда с закрышкою, т. е. всегда закрывались створкою своего футляра. Если же такое зеркало было вставлено только в ободу, в рамке, то во всяком случае его хранили тоже во влагалище суконном или бархатном,

О различных уборных принадлежностях мужских и женских, мы достаточно говорили в первой части Д. Быта Царей, стр. 208–213, и в материалах поместили несколько описаний, № 404–407 и др. Здесь в дополнение упомянем, что в уборном ларце, кроме белил, румян, сурмил и клея для подклеиванья волос, особенно бровей, сохранялись, по всему вероятно, и различные другие снадобья, необходимые для возвышения всяческого телесного благолепия и красоты, как то: умыванья, ароматы или водки (духи), балсамы (помады), и т. п. В царском быту такие составы изготовлялись обыкновенно в аптекарской палате, смотря по надобности, по рецептам царских

врачей. Но нет сомнения, что простые не слишком замысловатые снадобья, особенно умыванья, готовились также и домашними лекарками, *комнатными бабками*.

Старинные «Прохладные или избранные *Вертограды*, изысканные от многих мудрецов о различных врачевских вещах»; или врачевские книги, лечебники, дают много советов, как и чем наводить благолепие и светлость лицу, глазам, волосам и всему телу. Все они конечно вместе с переведенными лечебниками, приходили к нам из средневековой Европы и там значительною долею заимствованы еще от античной древности; но должно полагать, что от той же древности, чрез посредство Византии, иное из этих советов было и нам известно задолго до появления в нашей письменности упомянутых Прохладных Вертоградов. Силы естества в растительном и минеральном царстве были знакомы и нашим доморощенным ведунам и знахарям, а по женской части — ведуньям и знахаркам, которые, как мы уже и видели, стр. 529 и сл., сохраняли много способов и средств нравиться даже тайных, в собственном смысле ведов-

СКИХ.

Простые средства приобретать красоту всех родов и видов были делом самым обычным и потому, быть может, так мало нам известны; ибо не было никакой надобности записываньем сохранять об них память. Так, из лечебников и из доморощенной практики наши допетровские красавицы должны были знать, что *овсяная* мука, смешанная с добрыми белилами и вареная в воде доставляла умыванье, от коего лицо бывало бело и светло; — *ячмень* толченый без мякины, вареный в воде до великие клеести, потом выжатый сквозь плат, доставлял умыванье (в виде теплой воды) от загара. *Сорочинское пшено*, варено в воде, выводило из лица сморщенье. Вода из *бобового цвета*, равно и из бобовой травы, когда ею умывали лицо и тело, всякую нечистоту выгоняло, придавало телу гладкость и светлость. Тоже производили и бобовые скорлупы, вареные в воде до клея. *Мука бобова*, мелко толчена (пудра), если потирать ею тело, каким обычаем нибудь, лице и тело ставила гладким. Семя *дынное*, варено в воде, давало умыванье для лица и рук, отчего тело

бывало чисто и бело. Семя дынное, высушенное на солнце, толчено без чешуи мелко, смешано с мукою бобовою, или ячменною, или пшеничною на гуляфной водке (розовой воде) в виде пресночка (лепешки), высушенное потом на солнце, доставляло особый род мыла, от которого, при умываньи лица и рук, тело становилось светлым и всякая нечистота и лишаи пропадали. Вода из дубового листвия, как умыванье, тоже очищала все тело и доставляла ему светлость. Вода из зори, как умыванье, сгоняла нечистоту с лица и угри черные и прыщеватые, и светлость наводила. К тому же служил сок кореня травы *бедренца*, от которого лицо делалось чисто и молодо. Вода из травы *иссоповы*, как умыванье и питье, давала лицу светлость; иссоп в вине наводил лицу благолепие, и т. п. Всякие подобные травы в достаточном количестве разводились в царских садах, московских и подмосковных, а также и в аптекарских огородах. Нет сомнения, что в этих садах, по совету тех же врачей Вертоградов, собиралась девицами с цветов роса, которая тоже доставляла лицу свежесть и светлость. «Платом чи-

стым говорит Вертоград о рябом и угреватом лице, собирать росу с цвету колосов пшеничных зеленых и с цветов всяких, и плат выжимай (собирая воду), и тою росою умывать лице, чисто будет.

По советам врачевского Вертограда многое благолепие доставляли также пряные зелья. Он говорит между прочим: кто часто *корицу* в брашне приемлет, у того бледность из лица выведет и благолепостен станет, также темнота очную сгонит и светлость творит; *звондика* часто прията — очам светлость наводит; *мушкатный орех* на тощее сердце прият утре (пол ореха) благолепие лицу наводит; *перец* эфиопской, аще во рте жуем, благовоние рту наводит и смердящей дух отгонит; *шафран* прият в питии благолепие лицу наводит и сердце укрепляет, и т. д. Все-такие пряности, как известно, и в действительности употреблялись в допетровское время в большом количестве во всякого рода брашнах и снедях и во всяких питьях, в водках, медах, винах. В XVII ст. напр. во всеобщем употреблении был аптекарский «сыроп коричной», равно и *коричная водка* (вода), так как самым употреби-

тельным лечебным (предохранительным), средством была водка апоплектика, ароматическо-спиртуозная вода, в состав которой, кроме разных сильно духовитых, пряных растений, входили главным образом дух, т. е. спирт гладышев, коего шло около $2/3$, и водка гуляфная, около $1/3$; и которая по этому употреблялась и вообще как благовоние для тела, ибо ею мыли голову.

Словом сказать благовонные, ароматические и спиртуозные воды различного состава во дворце и особенно на женской половине были в большом употреблении, как это видно по кратким указаниям рецептов напр. для царевен Екатерины Ал., Евдокии Ал., и др. [245] Такие воды и водки хранились у царевен в особых погребчиках, ящиках и коробочках. В 1685 г. дек. 15 в хоромы царевны Феодосии Ал. велено сделать два погребчика к 32 сулейкам (скляницам) измайловского дела, один на четыре грани, другой на шесть граней о 16 местах, где быть сулейкам.

В казне царевны Ирины хранились: шкапула деревянная немецкое дело, писана золотом, с замком, а в ней 8 скляниц на аспидное

дело, у скляниц шурубцы (пробки-завертки) оловянные. Шкатулка оклеена бархатом червчатым, оправлена серебром, в ней 5 скляниц шурупы серебряны, *арамантник* золот с *балсаны*, навожен финифты розными, на вер-ху ниже колца в закрепке 8 алмазцов да в сто-янце 12 искорок алмазных. *Араматник* золот с финифты с розными, привязка золото с се-ребром. У царевны Софьи Ал. был также *ара-матник* алмазной. Кроме того: *шкатула* оправлена волоченым и сканным серебром сделана из благоуханного дерева с зеркалом и с двумя ящички; в той же шкатуле ящик сереб-ряной с камешки, да блюдечко да малой ящик. *Погребец* деревяной, оправлен сереб-ром, в нем 6 скляниц, 2 достокана хрусталь-ные.

Совсем убранная, наряженная и изукра-шенная красота покрывала свое лицо *фатою*, тонким сквозным покрывалом огненного цвета, как замечает Рейтенфельс, чрез кото-рое можно было все видеть и самой быть ви-димой. Флетчер говорят, что такое покрывало употреблялось особенно летом и состояло из тонкого белого полотна или батиста, было гу-

сто унизано дорогим жемчугом и завязывалось у подбородка с двумя длинными висящими кистями. Фатою вообще назывался большой четырехугольный плат — покров, сшитый из самой легкой ткани, каковы были напр. выбойки турецкие и индейские, миткали арабские, камки индейские, бязи и т. п. Она бывала и цветная, т. е. набивная разными цветами, разноцветная, и одноцветная алая, синяя, но больше белая, нередко полосатая. Напр. синя полосы белы, полосата розные шелки. В 1645 г у царевны Ирины была фата бела полосата, кругом фаты кайма червчатая. Ей же в 1648 г. подано в хоромы на фаты 7 арш. камки индейской серебряной по алой земле.

* * *

По порядку первую одеждою была *сорочка* и в качестве белья, как рубашка, и потом в качестве теперешнего *платья*. Как белье, рубашка, шитая обыкновенно из полотна, она называлась в общем смысле *белою*. Собственно это была сорочка нижняя. Как платье, она шилась большею частью из цветных тканей и потому носила общее название сорочки

красной, т. е. верхней, более красивой и по материалу и по убору. Нижние полотняные или белые сорочки кроились равно широко и в воротах и в подоле, т. е. из прямых полотнищ, без клиньев в подоле и с обыкновенными короткими рукавами. Ворот стягивался пояском или шнурком и посередине на груди имел небольшой разрез, дабы удобнее было надевать одежду:

Верхние сорочки кроились также, как и нижние полотняные, с тою разницею, что они были шире и длиннее, и имели до чрезвычайности длинные рукава, которые обыкновенно собирались на руке во множество мелких складок. О такой длине рукавов иностранцы свидетельствуют, что «складки их едва, можно было уложить от кистей рук до самых плеч, что множество складок так хорошо защищали руки и плеча от холода, что даже зимою не было нужды надевать какую либо одежду в рукава. Действительно, покрой вторых или средних одежд вполне соответствовал назначению носить рукава сорочки наруже и даже как довольно заметный убор во всем наряде. Вторые одежды, хотя и ши-

лись тоже с рукавами, но в мышках имели всегда проймы, в которые обыкновенно и продевалась рука, одетая в сборчатый рукав сорочки, так что рукава вторых одежд висели за плечом, и кроились больше для полноты наряда, а вовсе не для употребления. Ниже увидим, что сорочечные рукава украшались сверх того богатым золотным шитьем и низаньем, как необходимым убором для видной открытой части наряда.

По свидетельству Олеария и Корба рукава сорочек бывали длиною в 6, 8 и 10 локтей. Если считать обыкновенный локоть в 10 $\frac{2}{3}$ вершков, как он переводился на русскую меру в XVI и XVII ст., то выйдет что длины в таких рукавах бывало 4 ар., 5 $\frac{1}{3}$ и 6 $\frac{2}{3}$ арш.

Коллинс, говоря об одежде царицы, замечает, что ее наряд от других особенно отличался длиною рукавов у сорочки, которые бывали от 30 до 36 английских футов. Чем тоньше была материя тем длиннее делались рукава и потому длина кисейных бывала больше 10 локтей.

Верхние сорочки шились из легких шелковых тканей, преимущественно из тафты черв-

чатой, алой, белой, желтой; также из тафты полосатой — полосы белы да червчаты, желты да червчаты, зелены да червчаты; из *шиды* [246], полосы алы с золотом, беда с золотом; из *кушаков*, тоже шелковой полосатой ткани, — полосы белы, а другие желты с золотом; из кисеи, особенно из цветной полосатой, шелк желт бел, — бел зелен червчат, — желт зелен, — бел червчат, и т. п. Нарядные сорочки по швам вынизывались мелким жемчугом в *веревочку*, причем рукава по запястью до локтя и по швам низались особым более красивым способом *рясою* или *ряскою*, т. е. на подобие бахромы.

Иногда вместо жемчугу по швам бывали *кладены* пояски плетеные (тесьмы), золотные или серебряные. Особенно богато всегда отделялись рукава, преимущественно на плечах и у запястья; здесь они узорочно вышивались цветными шелками, золотом, серебром, низались жемчугом с мелкими золотыми дробницами или разнообразными бляшками. У сорочек, которые надевались под вторую одежду, рукава богато украшались шитьем и низаньем только у запястий. В описях цари-

цыной казны времени Годуновых и Шуйского находим достаточные подробности о таких сорочках, Мат. стр. 37. Упомянем также, что еще в 1486 г. князь Верейский в своей духовной жалует своей дочери в числе прочего наряда «сорочку шидену сажену с дробницею, да четыре сорочки красны, да ларец желт с сорочками с шидеными; а княгиня Волоцкая (1503 г.) отказывает своей внуке между прочим сорочку — шита (шида?) червчата, рукава сажены.

Сорочка верхняя как мы заметили соответствовала в употреблении теперешнему *платью*. Это была исключительно комнатная повседневная одежда, носимая с поясом, след. обозначавшая стан и грудь, что и ставило ее в разряд одежд стыдливых. Показать пред посторонними людьми и особенно пред мужчинами в такой сорочке, для женщины было величайшим неприличием. По рассказу Поссевино из-за такого именно обстоятельства совершилось при Грозном несчастное убийство царевича Ивана. «Все благородные и не совсем бедные женщины, говорит он, носят здесь обыкновенно по три одежды, которые,

сообразно с временем года и состоянием погоды, то легче, то тяжеле. Женщина, которая носит только одну одежду, навлекает на себя дурную славу. Однажды во дворце, в Александровской слободе, в жаркий летний вечер, третья жена царевича Ивана, бывшая на последних порах беременности, лежала, растянувшись на скамье в легкой одежде, как вдруг вошел свекор ее, великий князь. Она тотчас вскочила, но в. князь, вне себя от гнева, ударил ее рукою по щеке, а потом палкою (посохом), которую постоянно носил с собою, до того ее отделал, что она в следующую же ночь преждевременно разрешилась сыном. Царевич Иван прибежал на этот шум, вступился за жену и стал упрекать отца, что по его же жестокости он лишился своих прежних двух жен, удаленных в монастырь. Тогда гнев отца обратился на него и он нанес ему посохом такой сильный удар в висок, что тот упал, смертельно раненый и, не смотря на всевозможную помощь, скончался по прошествии пяти дней.

Мы видели что и былины, описывая зазорное поведение некоторых своих героинь,

изображают их в одной сорочке и притом еще без пояса, делая тем самым прямой намек на забвение необходимого и обычного приличия. Покрой сорочек см. на рис. VI, 6; VII, 6; VIII, 4.

Из вторых или выходных одежд самую употребительною, была *телогрея*. Это было платье распашное, застегиваемое по передам небольшими пуговками или нашивкою, т. е. завязками. Она кроилась как и все другие выходные одежды в длину почти до пят, при среднем росте в 2 арш., в ширину в плечах около аршина, в подоле в 3 арш. (или кругом в 6 арш.), с воротом в 8 вер. ширины с длинными до и ниже подолу рукавами, имевшими ширины в корени вершков 6, в запястье около 3 вер., у которых под мышками, в ластках делались *проймы* вершков в 5 длиною, в расстоянии от ворота вершков на 6 и больше.

В эти *проймы* телогрея и надевалась на сорочку, так что ее рукава всегда оставались висящими и ниспадали позади рук до подолу или связывались назади за спиною в перекидку друг на друга. По свидетельству иностранцев такие рукава дочитались необходи-

мым украшением этого платья, как и вообще обычного женского выходного наряда. Для телогрей, как и вообще для выходного платья, употреблялись ткани более тяжелые, чем для верхних сорочек, именно золотные и простые камки, атласы, объяри (гродетур), изредка тафты, а иногда *зуф*, шерстяная ткань в роде камлота, и т. п. По вороту, по полам, и по подолу эта одежда окаймлялась круживом, обыкновенно золотным, также шелковым; полы, как мы сказали, застегивались пуговицами, число которых бывало различно от 9 до 20 и даже до 30; обыкновенно бывало 15 и 17. Они ставились по всей поле от ворота до подола.

Холодные или *летние* телогреи подкладывались тафтою, а по подолу сверх того имели атласную или камчатную *подпушку*, вершка в 1 1/2 шириною, которая во всех подобных одеждах употреблялась для сохранности подольной части платья. Подпушка своим цветом всегда более или менее ярко отделялась от подкладки. К лазоревой, червчатой, брусничной, зеленой подкладке пришивалась подпушка желтая; к белой, лазоревой, жел-

той — червчатая; к червчатой — светлозеленая: к желтой — зеленая, алая и т. п. Есть известие, что у телогрей бывали и *зепи* карманы, на которые царице Агафье Сем. вышло тафты алой четверть аршина (А. О. П. № 536). Под *теплые телогреи* подкладывался меховой *испод*, горностаевый, белый, лисий, соболь, песцовый, а иногда и черевий заячий, с *пухом*, т. е. с бобровою опушкою, причем на полах оставлялся *подполок* из той же ткани, из коей был скроен верх. Белые меха нередко *нацвечивались* черными, напр. белый песцовый нацвечивался черными песцами, т. е. по местам вшивались лапки, хвостики [247].

Покрой телогреи см. Рис. I, 2, 7, 8, 11, 12, 15, 16. Рис. II, 2, 5, 6, 8, 10; IV, 2.

При описании одной из телогрей царицы Евдокии Лук. упоминается — «*запятье*, по отласу по червчатому низано жемчугом с канителью». Но у телогрей запястья ничем не украшались, а тем более жемчугом, и это упоминание есть лишь описка вместо слова кружево [248].

К тому же отделу вторых или средних одежд принадлежала *шубка накладная* или

столовая, в XV и XVI ст. обозначаемая просто *шубою*. Верейский князь в 1486 г. отказывается своей дочери: «шуба кована бархат червчат, шуба камка мисюрская, шуба червьчата, шуба зелена, шуба багряна, шуба рудождта, шуба бела, да другая шуба бела». Княгиня Иулиания Волоцкая, 1503 г., отдает своей внучке женского платья: две шубы скорлат червьчет одна без тавты, да шуба бело-голуба без тавты ж, да шуба цини (ценинного цвета) без тавты ж, да шуба червьчетая ипская, да шуба светлозелена лунская, да шуба багреци... Так как наиболее обычную тканью для шубок было сукно, то в этой росписи о нем и не упоминается, а обозначается только его цвет, и иногда местность, откуда привозилось, ипское, лунское.

Шубка этого названия шилась покроем сорочки, без разреза на полы, и надевалась, как сорочка, с головы, отчего, в отличие от других верхних одежд и называлась *накладною*, ибо не накидывалась на плеча по кафтанному, а накидывалась, как мы сказали с головы. В этом ее различие от телогреи. Кроилась она длиною тоже до пят, при среднем росте в 2

арш., шириною в плечах около аршина с высоким прямым воротом, как у сорочки, т. е. с небольшим разрезом на груди для надевания, который застегивался пуговкою с петлею. Рукава ее ниспадали почти до подолу и в мышках или ластках имели проймы, в которые обыкновенно продевались руки, одетые в сорочку. Ширина подола расставлялась клиньями и обыкновенно бывала в 3 арш. или кругом в 6 арш.

Это платье быть может потому называлось шубкою, что на него употреблялись ткани плотные и тяжелые, шелковые, и большею частью золотные бархаты, атласы, алтабасы, зарбафы, объяри, камки (по преимуществу камка кизылбашская и бурская, как самая дорогая и тяжелая). Из золотных тканей кроились шубки парадные, праздничные, выходные и ездовые. Они подкладывались обыкновенно тафтою. Другой разряд накладных шубок, назначаемый только для домашнего употребления, кроился из сукна, белого, червчатого, желтого, без подкладки, только с тафтяною подпушкою по подолу. В накладных шубках обыкновенно выходили за стол, отчего

они и назывались также *столовыми*.

Так как накладная шубка не была одеждою распашною, то на ней и не встречаем никаких наружных уборов, ни кружева, ни нашивки, ни пуговиц. Она оставалась *чистою*, т. е. без всякого наряда и убора. На богатых выходных и ездовых шубках всегда носили *накладное ожерелье*, круглый широкий воротник или пелерину из бобрового меха. Покрой накладных шубок см. рис. I, 1, 4; V, 1.

Покрой шубки и дорогие тяжелые ткани, из которых она шилась, способствовали тому, что у царицы как и у больших царевен она, особо украшенная, приобретала значение царского платна, порфиры, или вообще одежды царственной. Тогда она делалась распашною, с рукавами длиною только по кисть и шириною в запястье вершков в 7 или 8, и роскошно украшалась широким кружевом по запястью рукавов, по полам и по подолу. На полах кроме того ставились богатые пуговицы, числом 13, 14 или 15. Кружево особенно по передам украшалось нередко *аламами*, большими круглыми бляхами из басменного золоченого серебра.

На плечах у такой шубки полагалось из той же ткани круглое широкое ожерелье, род пелерины, соответствовавшее царской диадеме и потому всегда богато украшаемое кружевом с аламами, обнизанными жемчугом.

Так украшена была царская шубка царицы Марьи Ильичны (Мат. стр. 97), и царицы Агафьи Симеон. (Мат. стр. 156), которая впоследствии в 1681 г. марта 3 употребила весь этот богатый убор своей шубки на оклад образа Пр. Богородицы, в церковь на Потешном Дворе. На этой шубке аламов было в кружеве и на ожерелье 46 мест, весу в них 12 ф. 83 зол.

Подобные шубки — платна переделывались иногда из готовых уже шубок. В 1682 г. для новобрачной царицы Марфы Апраксиных были «переделаны платном с широкими рукавы, две шубки покойной царицы Агафьи Грушецких, первая 28 марта — отлас виницейской по серебряной земле травки и репы золоты оксамичены изредка, в обводах шелк бел; подкладка тафта червчата (кроено во 189 г. ноября в 14 д.); вторая 30 марта — бархат виницейской золотной по нем морх червчат да орлы двоеглавые оксамичены золотом

и серебром; подкладка тафта ала» [249]. Покрый царских шубок см. рис. I, 7, 9; II, 14.

Из числа золотных, шелковых и суконных столовых яли накладных шубок царицы Евдокии Лук. описываются следующие: *Шубка* бархат червчат, на ней круживо серебрено золочено басмянное обнизано жемчугом, подкладка тафта жолта; на ней 15 пугвиц золоты с чернью (144 г. июня 10 с сее шубки у царицы в хоромех около *аламов* жемчуг на государские дела снят местами). *Шубка* бархат венедитцкой по червчатой земле круги серебряны, под кругами листье золото в них шолк зелен да червчат подкладка тафта двоелична шолк бел да ал. *Шубка* алтабас по серебряной земле травы золоты подкладка тафта червчата. *Шубка* алтабас по серебряной земле травки розные шолки с золотом подкладка тафта виницейка червчата. (И 135 г. ноября 27, сее шубку царица — пожаловала княгине Устинье Оболенской). *Шубка* отлас по червчатой земле реки и листье шолк бел да зелен с золотом другое листье серебрено с лазоревым шолком, подкладка тафта лазорева. *Шубка* камка кизылбашская по червчатой земле лю-

ди и звери золоты с розными шолки, подклад-ка тафта виницейка жолта. *Шубка* сукно скорлат червчат, подпушка тафта лазорева. *Шубка* сукно скорлат бел, подпушка тафта червчата. *Шубка* сукно лундыш светлозелено, подпушка тафта червчата.

Летник принадлежал к одеждам накладным, т. е. надеваемым подобно сорочке с головы, а не в опашку и потому кроился также сорочкою без разреза на полы. Его покрой в стану сходствовал с покроем накладной шубки. Но он отличался от всех одежд особым покроем рукавов, которые и назывались даже не рукавами, а *накапками*. В длину эти рукава, начиная от плеча, равнялись длине всего платья, след. простирались несколько, вершка на 4, ниже подола; средняя их ширина была в половину длины, причем в корени они делались шире на вершок против запястья. Они сшивались рукавами только до половины длины или несколько более; нижняя их половина оставалась не сшитою и украшалась вошвами, так что на руке они висели как перекинутое полотнище. Рис. I, 9, 10; II, 3; IV, 6; VI, 5. Нет сомнения, что по этой кройке и

по особой ширине рукавов, одежда и подучила особое название летника, как одежды открытой в рукавах, прохладной. Стан в плечах также кроился на несколько вершков просторнее, чем у других летних и даже зимних одежд. Ширина подола была обыкновенная, 3 арш., или вокруг 6 арш. Длина всего платья простиралась до пяти и при среднем росте имела около 2 арш., как и все другие верхние выходные одежды, носимые в хоромах.

В кройке составные части летника были следующие: перед, зад или стан, крыльца, клинья передние и задние поднакопошные, ворот (воротник), подольник. Перед и накладки иной раз кроились из одной ткани, более богатой, или узорчатой, а зад и клинья из другой, разумеется, подобранной под цвет и под узор; а если из гладкой, то в этом случае ее подделывали вышиваньем, золотным или шелковым, смотря по ткани переда. М. стр. 41, 113.

Подольник составлял особую от платья кайму шириною с небольшим в 2 вершка, которая пришивалась по подолу, но не опушкой, в накладку, а как прибавка к длине подо-

ла; она по большей части бывала атласная или из другой подобной же блестящей ткани и всегда другого цвета с платьем; так к белому атласному летнику пришивался подольник алый или червчатый, к червчатому — зеленый, светлозеленый, пазеленый; к лазоревому или желтому — червчатый и т. п. Нет сомнения, что в выборе цвета на подольник руководились желанием подобрать его к лицу, т. е. возвысить им к собственную красоту и красоту всего наряда. Все платье шилось из золотных и шелковых тканей, по преимуществу из золотной камки бурской, кизылбашской и подобных, также из кушаков, золотной же тяжелой полосатой ткани, и из шелковых — атласа, камки, тафты, дорогов и пр. Подкладка ставилась подо всем платьем легкая тафтяная.

Особый наряд или убор летника составляли *вошвы*. Это были небольшие полотнища или платы, скроенные косынками длиною в $1\frac{3}{4}$ или в $1\frac{1}{2}$ арш: шириною в верхнем конце вершков в 8 и более. Нижний же конец несколько округлялся и срезывался на нет [250]. Они делались из более тяжелой, плот-

ной и дорогой ткани, обыкновенно парчовой, а большею частью и из гладкого атласа или бархата, по которому роскошно и богато украшались золотым и шелковым шитьем и жемчужным низаньем с дорогими камнями и нередко с металлическими дробницами.

Эти косыни своею долевою стороною пришивались к нижнему концу рукавов или накапок, причем широкий конец вошвы ставился к передней части рукава, а острый к задней, так что, при подъеме руки, широкий конец находился вверху, а острый ниспадал к подолу; в этом положении вся вошва всегда оставалась открытою и служила самым видным и роскошным убором одежды. Для того, чтобы вошвы всегда оставались пышными и не смятыми, их подклеивали с подкладки рыбьим клеем.

Разумеется такой покррой и убор рукавов требовал, чтобы руки всегда были подняты или прижаты к груди, дабы поддерживать вошву в долевом и открытом ее положении. В чрезвычайно длинных накапках с такими дорогими вошвами опускать руки было невозможно; тогда и накапки и вошвы волочились

бы по земле. Но так как летник и особенно богатый, нарядный, был всегда одеждою парадною, а известно, что в до петровское время во всяких парадных, церемонных, а по-русски, во всяких чинных случаях держание рук у груди представлялось для женщин обычным, самым необходимым приличием, выражавшим вообще кроткое и покоренное их положение в обществе, то это видимое неудобство в покрое рукавов летника вполне совпадало с обычными и приличными формами уменья держать себя в обществе.

Самое слово *вошва* указывает, что плат вшивался в накапку. Но оно же могло обозначать и то, что эти платы, в богатом и достаточном быту украшались всегда вышиваньем, след. означали предмет наряда исключительно вышивной работы. Кроме вошев на рукавах, летник украшался подобными же, но меньшими, косынями на груди у ворота, которые поэтому назывались *передцами*.

У царицы Евдокии Лук. был летник отлас бел, вошвы отлас турской по червчатой земле развода и круги велики золоты, в кругах шелк лазорев, листье шолк бел: подольник

отлас червчат, подкладка тафта бела. У летника на вороту *передцы* по отласу по червчатому шиты золотом да серебром. — В духовной Верейского князя 1486 г. упомянуто ожерелье пристежное с *передци* низано и с запястьем; в духовной княгини Волоцкой 1503 г. — ожерельной жемчуг и *передцевой* и с запястьем. Все это принадлежало к убору какой либо одежды.

Передцами вообще назывались платы разного вида, вшиваемые в платье для большей красоты на видных передних местах. Самые вошвы — запястья накапок украшались иной раз тоже передцами, т. е. особыми нашивками. В царицыной казне времен Шуйского были вошвы столпчатые, очень богато расширенные золотом шипами и на чеканное дело, у которых были пришиты передцы — шиты по червчатому отласу золотом и серебром волоченым (Матер. стр. 36).

Для осеннего и зимнего времени летник опушался бобровым пухом, т. е. меховою лентою около полвершка или меньше шириною, по вороту, по краям вошев и по подолу. С такою опушкою летники иногда носили и ле-

ТОМ.

В холодную пору с летниками носили накладное бобровое ожерелье: в летнее время, вместо такого ожерелья подавалась *опашница*, род короткой мантии из богатой золотной ткани, украшенная золотым шитьем. На таких опашницах времени Шуйского были вышиты золотом и серебром на одной орлы, олени, павы; на другой орлы и олени, на третьей — орлы. Кроме того у одной из этих опашниц были еще и *передцы*, шитые тоже золотом и серебром и бархаченые шелками. Четвертая опашница имела 14 пугвиц. Матер. стр. 36, 37, 43, 48.

Опашница царицы Евдокии Лук. была украшена вышитым золотом белым атласным кружевом и червчатými тафтяныни передцами, шитыми также. Летничная опашница иначе называлась летничною *приволюкою*. В казне Шуйских сохранялась приволока из лазоревого золотного бархата с горностаевою опушкою. У царевны Ирины Мих. с летником *большого наряда* подавалась «приволюка тафта червчата, с пухом, вошвы по отласу по червчатому низаны жемчугом». В другой опи-

си у той же приволоки вместо вошев обозначено *оплечье*.

В августе 1648 г. молодой царице Марье Ильичне была сшита приволока тоже из червчатой тафты, с бобровою опушкою, с 10 пуговицами и с оплечьем, по червчатому атласу низанным жемчугом большим. У царицы Агафьи Сем. была приволока тафта червчатая: *нарамни* низаны жемчугом по червчатому атласу; на рамках ж пух бобровый: на ней же нашито 5 пуговиц с финифтью. Таким образом древние передцы в XVII ст. стали обозначаться оплечьем, а потом нарамками, сохраняя и общее название — вошев; как частей вшивных, пришивных.

Нет сомнения, что подобная же одежда называлась и *подволокою*, которая с этим именем употреблялась в XV и XVI ст. и украшалась тогда богатым *запушьем*. Верецкий князь в 1486 г. отказывает дочери своей четыре *подволоки*: подволока на червьце жолт шелк. подволока бела, подволока желта, подволока камка назолоте: а в. к. Ивану Вас. *запушье* подволочное сажено... Быть может это же самое *запушье* подволочное сажено жемчу-

гом гурмыским з дробницею на бели на камке на червчатой, — находим потом в числе *саженья* в казне сына в. к. Ивана Вас. Димитрия Ив. (1509 г.). Но здесь это запушье могло означать наряд мужской подволоки. В свадебных чинах летник приобретал значение как бы штатной мундирной одежды, равно как и накладная шубка, надеваемая с ним вместе. Свадебные чины, свахи, сидячие боярыни по уставу должны были до совершения обряда наряжаться в летники желтые, в шубки червчатые, в убрусы и в бобровые ожерелья, а зимою, вместо убрусов, — в каптуры. Сама невеста, готовясь к обряду, была в венце и также в желтом летнике и в червчатой шубке. С этою целью к свадьбе царицы Агафьи Сем. постельницам было сшито 15 летников камчатых желтых, вошвы атлас золотной по таусинной земле, подложены киндяком; и столько же шубок накладных суконных червчатых. (А. О. П. № 243). На другой день, по чину, и новобрачная и боярыни одевались в белые летники. Кроме того свадебный чин уставляет невесте прикрываться накапкою, когда являлся князь молодой жених и садился подле нее на

место. На другой день, когда сваха с боярынями, новобрачную подымали с постели, одедали в белый летник, в шубку золотную обышную и в горлатную шапку, она, шествуя в хоромы, должна была, по чину, тоже прикрывать себя накапками [251].

Летник, разрезанный на полы, распашной, назывался *ропашницею*, а иногда и *опашницею*. Ропашницу кроили из легких шелковых или золотных тканей, из камки, тафты, атласу, большею частью белого или червчатого и алого цвета; подкладывали или тафтою, или дорогами, и украшали кружевом около ворота, на полах и по подолу; также дорогими пуговицами, числом 15 и 20, которые пришивались на вороту, т. е. в верхней поясной части пол; рукава обшивали богатыми вошвами. Неизвестно, как длинны бывали рукава этой одежды. От летника она отличалась еще и тем, что не имела подольника, который заменялся кружевом.

В 1627 г. царице Евдокие Лук. была скроена ропашница, обозначенная также и опашницею и описанная в числе летников следующим образом: ропашница камка куфтерь бе-

ла, вошвы по бархату по червчатому шиты золотом и серебром, орлы оксамичены, круживо по отласу по червчатому шито золотом и серебром травы, в травах орлы и инроги и львы и павы, на вороту 15 королков червчатых резных, у королков репейки и спни золоты в закрепках искорки изумрудные, подкладка у опашницы (sic) тафта (виницейка) бела. (И с тое распашницы королковые пугвицы сняты и положены в казне, а на распашницу нашиты 15 пуговок серебряны золочены, сняв с царицыной с тафтяной с алой телогреи, что на пупках собольих. 144 г. сентябр. 3, сее распашницу царица пожаловала боярина Иванове дочери Никитича Романова).

Другие распашницы описаны так: Распашница камка куфтерь червчата травная, круживо по отласу по белому шито золотом да серебром, вошвы по бархату по черному шиты золотом да серебром травы, межь трав орлы, и инроги и птицы и листье оксамичены, подкладка тафта виницейка жолта; на распашнице 15 пугвиц золоты островаты с чернью. Распашница тафта виницейка ала, круживо по тафте по зеленой шито золотом да

серебром. На опашнице 15 пугвиц серебряны золочены островаты, по них полосы. (147 г. апр. 24 сее распашницы верх царица пожаловала княжне Ростовской). Распашница камка бурская на червце травы и листье золото; вошвы по бархату по черному низаны жемчугом с дробницы и с каменьи с яхонты с лазоревыми и с червчатыми; круживо по бархату по червчатому низано жемчугом репьи и косы, в репьях и в косах в золотых гнездах зачеканivano каменье яхонты и лалы и изумруды и бирюзы; на *вороту* 15 пугвиц серебряны золочены велики продолговаты сенчаты с финифты с розными, сверху и снизу репейки финифт темнолазорева, в закрепках зеренчатые; подкладка светлозелена тафтяная. (146 г. генваря 2, с сее распашницы из кружива низаного выпорото 26 репьев, с яхонтами червчатыми в гнездах, 76 бирюз, 10 и искорка яхонтовых червчатых, 29 кос с каменьем, всего 232 места; — нашито каменье на государево круживо, которое платно было на государе на бо-гоявленъев день в нынешнем 146 г.).

Покрой распашницы см. рис. IV, 6.

Опашен, иначе *охобен*, верхнее летнее ро-

спашное платье, из шелковой или золотной добротной ткани, а большею частью из червчатого сукна. Покрой его был такой же, как и у других верхних одежд, т. е. с прямым станом и со вставкою по бокам обычных клиньев. Как верхняя одежда, он делался во всех частях полнее; ворот у опашня кроился скошенным к полам и служил их продолжением. Около шеи к нему пришивалось вокруг *ожерелье* или *воротник* из ткани более богатой, обыкновенно парчовой; ширина этого воротника бывала вершка в полтора и к концам скашивалась или закруглялась, а длиною он ставился вершков в 20, так что концами опускался вершков на 5 или на 6 по груди по обеим сторонам. Рукава бывали полные, обычной длины, т. е. невступно до подола. Полы и подол украшались кружевом, золотным, жемчужным, а полы кроме того застегивались такими же петлями и серебряными пуговицами, украшенными финифтью, камнями и всегда великими, величиною с грецкий орех и больше, иногда половинчатыми, которые до своей величине справедливо назывались также *чашками* (А. О. П. № 673). Кружево ча-

сто полагалось вдвойне, одно широкое, другое узкое. На суконных опашнях вместо кружева делалась строка, прострочка мелкая или крупная, или же обе вместе, которые бывали и низаны жемчугом, одна в рясную, другая в одно зерно. Иногда вместо строки полагался картулин.

С исподу опашень подкладывался тафтою с атласною подпушкою под передами, т. е. под полами; впрочем бывала и одна только подкладка без подпушки, или же одна подпушка без подкладки; суконные же по большей части делались с одною подпушкою.

Число пуговиц, которые ставились на опашень, бывало не одинаково, что зависело частью от их величины (особенно крупные, занимали место больше и разумеется ставились реже) а частью от роста, т. е. от длины пол. Пришивали 5, 7 9, 11 и 15, пуговиц.

Опашни, как выходная верхняя одежда, в царицыном быту всегда убирались с большим богатством. К свадьбе царицы Евдокии Лук., в 1626 г., на ее опашень в Серебряной палате было сделано в кружево 53 золотых гнезда, в чем ставить камень, весом 12 зол.; да в

жемчужное кружево 64 гнезда золотых же.

Покрой опашня см. рис. IV; 7, а описи и кроенье в материалах по указателю.

Опашень или охабень, положенный на меху, соболем, лисьем, горностаевом, и т. п. назывался *шубою*. Воротник (ожерелье) у шубы ставился бобровый, отворотный, как у опашня. На передах или полах пришивались такие же большие пуговицы, числом 9, 11 и больше, с петлями или нашивкою, всегда украшенною кистями с золотными или жемчужными ворворками. Кружево на шубе не употреблялось. В царском быту в XVII ст. шубы кроились только для детей и очень редко для взрослых, ибо их вполне заменяли теплые телогреи, обозначаемые иногда шубами; также кортли и торлопы. У цариц в числе платья даже вовсе не находим шуб. В простом быту шубы употреблялись на образец мужских. См. рис. V, 2.

Кортель, одежда зимняя меховая, соболья, белья, горностаиная, кунья, иногда нагольная, но обыкновенно покрытая легкою шелковою тканью, тафтою, камкою, кушаками. Кортель, даже и нагольный, украшался все-

гда богатыми вошвами и подольником; эти его части указывают на сходство в покрое с летником, почему, за неимением других, более прямых указаний, можно полагать, что это был по крою тот же летник, только исключительно зимний, меховой. Сходство с летником дополняется и тем, что у кортеля не было ни кружева, ни пуговиц. Но были ли у него столь же длинные и столь же широкие рукава-накапки, неизвестно. Можно полагать, что рукава кортеля делались в обычную длину, но были широки по летничному, а потому и обозначались в описях только именем вошев, как необходимой их принадлежности. Впрочем тем же именем, как мы видели выше, могло обозначаться и оплечье, также передцы, т. е. особые платы, вшиваемые в одежду по плечам для большого ее убранства.

Кортель, как и всякая зимняя и вообще теплая одежда, опушался бобровым пухом, с тем отличием, что такой пух ставился у него гораздо шире, чем у других одежд. В 1630 г. к горностайному нагольному кортелю царицы Евдокии был скроен пух к вороту в 2 вершка без чети, а около вошев и подольника в 3

вершка без чети. Этот и два другие кортеля из числа ее одежд описаны следующим образом: Кортель горностайной нагольной опушен пухом черным. Кортель тафта бела на черевах на белых, вошвы отлас турецкой по червчатой земле розвода и крути золоты в цветах шолки розные, опушен пухом черным. (143 г. авг. 23, сесь кортель царица пожаловала боярина княж Иванове княгине Борисовича Черкасского). Кортель дороги алы, подкладка тафта немецкая светлозелена на черевех на белых, подольник тафта виницейка жолта, вошвы по отласу по тауспиному шиты золотом да серебром.

Торлоп, судя по описанию, Матер. стр. 50, тоже, что и кортель, — меховая одежда крытая тафтою, украшенная вошвами на рукавах и подольником. Быть может от кортеля она отличалась воротником стоячим или отворотным, как у опашня и как у теперешнего тулупа, который происходит, по всему вероятию от торлопа. Употребление вошев указывает, что рукава его были широкие, летничные.

В числе одежд торлопы вообще встреча-

ются редко. В царицыной казне Марьи Ильичны, в XVII ст. (1648–1676 г.) находился только один торлоп горностаевой опушен пухом черным, который и записан в числе кортлей, а по другой описи даже и значится под именем кортля, А. О. П. № 146 и 204. Видимо, что этим именем назван описанный выше нагольный кортель царицы Евдокии Лук. В таком случае можем заключить, что торлопом именовался кортель без крышки, нагольный (тулуп). Впрочем в царской казне Шуйских описан торлоп крытый тафтою, Матер. стр. 50.

Поверх некоторых одежд, именно летников, шубок, плеча, даже и в летнее время, покрывались, как мы говорили, пуховым (бобровым) ожерельем, которое по особым способам кройки называлось *накладным*, и (в XVI ст.) *наметным*. Такое ожерелье кроилось из бобрового пушистого меха, непременно черного, т. е. подкрашенного в самый черный цвет. Оно делалось различной величины, смотря по желанию или по надобности, и потому кроилось иногда только из половины бобра, иногда из целого меха и самое полное

из двух бобров. Хороший, добрый, бобровый мех ценился в половине XVII ст. (1644 г.) в 15 руб., так что полное ожерелье стоило 30 р. без приклада и без работы. Накладным оно называлось по той причине, что кроилось без разреза на полы, а цельным круглым воротником с отверстием в середине для надевания через голову. В этом отверстии для большого удобства при надевании делался спереди небольшой разрез, который потом застегивался с исподи пуговками. Впрочем наметное ожерелье отличалось от накладного разрезом на полы. В этом последнем виде оно употребляется и теперь в простом быту при коротких шубенках. Наметкою в старину вообще назывался наряд в роде длинного воротника или пелерины (напр. наметка чернеческая).

В царицыном быту употреблялись пуховые ожерелья только накладные. В таком ожерелье на заглавной странице этой книги изображена царица Марья Ильична. См. также рис. I и II, и др. Пуховое бобровое ожерелье вообще придавало старинному наряду, по преимуществу цветному и золотному, весьма значительную долю красоты; оно же

своим черным цветом много способствовало и возвышению красоты лица, всегда набеленного и нарумяненного. По этим причинам оно надевалось довольно часто. Несмотря на то, количество таких ожерелий сохранявшихся в царицыной казне не было значительно.

У царицы Евдокия Лук. в первое время (1626–1628 г.) хранилось всего шесть ожерелий, из коих одно она подарила своей матери Анне Константиновне, а другое родной сестре Федосье, вышедшей замуж за Ив. Матюшкина; третье приказала написать в отставку. Затем (1629–1642 г.) у царицы употреблялось и сохранялось только 4 ожерелья, из которых одно поношенное отдано жене брата Семена и взамен сшито новое. У царицы Марьи Ил. сохранялось в казне 5 ожерелий у царицы Натальи Кир. 6 и с оставшимися от царицы Марьи; у царицы Агафьи Сем. одно.

Зимою для защиты рук от холода, кроме теплых рукавков, царицы надевали иногда *рукав* (муфту). Этот рукав не был однако так пышен и полон, как делают муфты теперь. Кроился он из бархата или атласа и разных золотных тканей, длиною всего в 5 вершков,

с опушкою из собольих хвостов вершка по 2 шириною, след. всей длины имел не более 9 верш. Внутри подкладывался также соболем лупками, полегче, или пластинами, потяже-ле. Снаружи по простой шелковой ткани украшался иногда золотным кружевом, а в особых случаях и жемчужным низаньем с ка-меньями.

Однако в описях казны царицы Евдокии Лук. в числе других предметов наряда рукава не встречаем.

После царицы Марьи Ил. оставался один только «рукав обьерь по серебряной земле травы золоты, испод и опушка пластины со-больи». Но у царицы Агафьи Сем. находим 7 рукавов собольих: бархатный червчатый с круживом плетеным с городы золото с серебром; атласный золотный червчатый же тра-вы и разводы шолк червчат; алтабасный — по золотной земле травы кубы серебряны; атлас-ный серебрян, травы золоты с серебром; алта-басный золотной — травы серебряны с горно-стаевым исподом, но с опушкою соболитною; атласный червчатый — реки и травы золоты; и рукав низан жемчугом по алому бархату с

запаны алмазными и сяхонты червчатыми и с изумруды [252]. Можно полагать, что в конце XVII ст. употребление рукавов стало входить в моду.

Судя по тому, что в описях царицыной казны первых лет XVII ст. вовсе не упоминается о перчатках или *рукавках перщатых*, даже и о простых рукавках, т. е. рукавичках, можем полагать, что в то время, а равно и в XVI ст. в царицыном быту они еще не были в употреблении, по крайней мере не принадлежали к обычным статьям женского наряда. Разумеется в простом трудовом быту в зимнее время употреблялись, смотря по надобности, и рукавицы, и простые и перщатые; но в общем наряде в них не было даже и надобности, ибо их вполне заменяли длинные рукава одежд, которыми руки прикрывались и от холода и во всяких других случаях.

Вообще, как статья нарядная, перчатки употреблялись очень редко. Царице Евдокие Лукьян. в 1626 г. ноября 6 были сшиты теплые рукавки, на которые употреблена пара соболей. Потом царь Михаил в 1629 г. июня 28 в троицком богомольном походе подарил своей

супруге *рукавки персчаты* немецкое дело вязены узором шелк брусничен, запясье по отласу по алому делано канителью и трунцалы. (Подробн. М. стр. 83). Затем в период времени 1629–1632 г. находим у царицы еще рукавки теплые бархат червчат на черевех иа лисьих на чернобурых опушены соболем. В последующее время, 1633–1643 г., в казне царицы хранились рукавки бархат червчат на пупках на собольих, запясья по червчатому бархоту шиты канителью золоченою да серебряною с картулином да с трунцалом в нацвете шолк зелен да лазорев, запясье подложено камкою жолтою куфтерем, немецкое дело. Эти рукавки в 1642 г. сент. 18 были подарены государем царевичу Алексею Мих.

В том же году у царицы находим новые рукавки везеные шолк червчат немецкое дело; запясья шиты по отласу по червчатому канителью да трунцалом золоченым травы и звери и птицы и в травах низано жемчугом мелким, промеж трав звездки золоченые пришиваны с жемчугом, около запясей обделывано золотом, подложены запясья тафтою червчатою.

Таким образом царица Евдокия Лук. имела собственно только одну пару перчаток, заменяя с течением времени, с 1629 по 1642 г., старую пару на новую. Это и показывает, что они употреблялись очень редко и вовсе не входили в круг обыкновенных потребностей наряда. У одной из дочерей царицы у царевны Ирины М. находим также только 2 пары рукавов, одни: «рукавки *иршаные* (лайковые) немецкое дело, запястье шито золотом; другие: рукавки тафта червчата на соболех».

Носили-ли перчатки царицы Марья Ил. и Наталья Кир., неизвестно. В описи их казны о рукавках не упоминается. У царицы Агафьи Сем. рукавов перцетых было две пары; одни: отлас бел, испод пупки, опушка пластины собольи; кругом галун золотной; другие: шелковые шемоханские вязеные, запястье круживо золотное; по краям круживо золото с серебром.

При выходах в церковь или к гостям и вообще в парадных случаях царицы и царевны, как и все женщины и девицы, в руках всегда носили *ширинку*, носовой платок роскошно вышитый золотом, серебром и шелками, а

иногда и низанный жемчугом и *пакищеный* по каймам золотыми кистями. Изображение такой ширинки см. на рис. VII, 1. Ширинки кроились из тонких арабских миткалей, а по большей части и особенно наиболее богатые из белой виниценской тафты. Бывали также и кисейные, которые иногда присылались в дарах из Крыма (М. 57). Особенная ценность ширинки заключалась в шитье, где со всею роскошью выказывалось женское рукодельное искусство, не только в чистоте и тонкости работы, но и в женском замыслении по отношению к сочинению узора и всяких украшений. Ширинка таким образом, всегда служила хвостовским предметом домашнего рукоделья и указывала значение и высоту рукодельных достоинств всякой доброй и порядливой домоводицы из женщин, и трудолюбивой и след. добронравной невесты из девиц. В самом наряде это была наиболее заметная статья в этом отношении, и женщина и девица, неся в руках ширинку, тем самым как бы доказывала, если не всегда собственные рукодельные таланты, то всегда искусство и совершенство работ своей светлицы, след. свои

хозяйские таланты. Оттого ширинки, вместе с убрсами, волосниками, сорочками, как исключительные предметы домашнего рукоделья занимают очень видное место и в свадебных дарах, где такими дарами всегда старались представить с самой выгодной и похвальной стороны рукодельное прилежание и художество невесты и ее семьи. Чужой род, как и все гости получали здесь наглядные доказательства о таких достоинствах невестина рода и дома.

Описание ширинок царицыной казны (времени Шуйского), а также записки о их изготовлении в светлице помещены в отделе Материалов. Там же, стр. 156, находится указание и о цене, по какой иногда покупались сработанные ширинки и которая восходила от 2 до 8 руб. Сумма, сравнительно с другими ценностями того времени, очень значительная, указывающая вообще как дорого ценилась такая работа. Иногда на ширинках выставлялось даже имя хозяина дома, где она работалась. Олеарий рассказывает, что подобную ширинку он получил (1643 г.) от молодой супруги графа Шляковского, женившегося на

русской. Это был по его словам: «носовой платок из белой тафты, вышитый золотом и серебром, с длинною по концам бахрамою (накищенье); такими носовыми платками обыкновенно дарят невесту жены и дочери знатных вельмож: так на полученном мною мелкими буквами вышито было имя *Стрешинева*, брата отца великой княгини» (царицы Евдокии Лук.).

В казне царицы Евдокии хранилось «19 ширинок тафтяных белых (поступивших к ней из казны патриарха Филарета Никит.), и в том числе: ширинка тафтяная *везена* золотом, репьи низаны жемчугом; 18 ширинок по белой же тафте шиты золотом и серебром с шолки розными; кисти у всех у 19 золотыж. (Взяты у стольника у князя Юрья Ондреевича Сицково да у дьяка Тимофея Голосова, государевы патриарховы казны. И те ширинки взял и отыес к царице в хоромы окольничей В. Ив. Стрешнев).

В казне царевны Ирины находим: 25 *ширинок* шиты по тафтам по белым золотом да серебром с шолки с розными; у ширинок кисти золотые. *Ширинка* тафта бела без кистей; на

ней в кругу вышит орел двоеглавой, по углам шиты травы золотом да серебром с шолки с розными. *Ширинка* тафта бела без кистей, шита золотом да серебром, около ширинки обшивана веревочка золотная. *Ширинка* кисейная турецкое дело, по ней по всей шиты травы золотом да серебром волоченым с шолки с розными».

Должно заметить вообще, что ширинкою назывался носовой платок более или менее украшенный шитьем. Обыкновенные *платочки* носили свое обычное название и кроились в царицыном быту тоже из белой тафты или из миткалей, и редко из тонкого полотна.

При богомольных выходах, царицы, по примеру своих супругов, употребляли также жезл, как знак царственного их достоинства. С таким жезлом в руке царица Марья Ильична шествовала в Вознесенский мон. к панихидам, см. рис. I. В казне царицы Евдокии Лук. хранился: Жезл немецкое дело дерево черное гладкое; в рукоядь врезываны травы серебряны; меж рукояди в дву шурупех серебряных золоченых шурупцы костяные, в шурубцах составы араматыные; да тут же костяной ста-

вик с кровлею, а в нем зуботычки костяные. Да в том же жезле трубка зрительная; да по-
верх жезла и рукояди в шурупе серебряном
золоченом часы солнечны с маточником.
Кровля серебряна золочена, на кровле дерет-
ца лев с змеем. Подковаец у жезла серебрян зо-
лочен. (Отметки: и тот жезл взят к царице в
хоромы, а из хором выдан в казну; 146 г. мая
26, от царицы из хором половину того жезла
принес Родион Стрешнев; а другую половину
выдал бояр. Лук. Ст. Стрешнев: и у того жезла
в шурупех попорчено и шурубцы костяные с
араматы и костяной ставик с кровлею с зубо-
чистки из того жезла выняты).

* * *

Царидыну обувь составляли: чулки, баш-
маки, ичедыги, чеботы. В царском быту чулки
вязанные или вязеные употреблялись очень
редко и дома не изготовлялись, а покупались
у немцев готовые. У царицы Евдокеи Лук. бы-
ло трое таких чулок: «чулки вязеные шолк
лазоров с серебром, немецкое дело; двои чул-
ки вязеные шолк ал да жолт, немецкоеж дело.
Обыкновенно чулки кроились из тафты, кам-
ки, атласа, дорогов и даже из сукна. Атласу в

кройку выходило на пару 1 ар. 2 в. во всю ширину полотнища (12 вер.); таким образом длина женских чулок была вершков в 12 и более. Ширина их измерялась в *верхах* и над *стрелками*, около щиколотки. Конечно их кроили вплотную по ноге, для чего и необходимы были острые кланья или стрелки. Холодные чулки подкладывались тафтою: червчатые — лазоревою, желтые — червчатою и т. п. Под теплые подкраивались меховые исподы лисьи и бельи черевьи, соболю пупчатые, песцовые. В особых случаях холодные украшались даже кружевом. Так царице Евдокие Лук. на камчатные червчатые чулки было нашито кружево серебряное с пелепелы. (Матер. стр. 82). При особой длине всех одежд для чулок такого убора конечно вовсе и не требовалось; но здесь, вероятно, обнаружилось лишь общее требование богатого убора в соответствии всему остальному. По свидетельству Рейтенфельса чулки носили без подвязок. Действительно, сведений о женских подвязках нам не встретилось.

Башмаки кроились из бархата, атласа и сатфьяна. Бархату в кройку выходило 6 вершков

во всю ширину (12 вер.) полотнища, атласу 9 вер. (шир. около 8 вер.), сафьяна четверть кожи; на подкладку тафты широкой в 1 1/2 арш. — 3 вершка. По *швам* башмаки обшивались золотным с шелком пояском или кружевом, которого выходило 1 1/2 арш. и больше; *каблуки* или *закаблучье* всегда обшивались волоченым золотом, на что требовалось золотой нити 5 и 8 арш. Бархатные и атласные, как и сафьянные *переды* по большей части узорочно вышивались золотом, низались жемчугом иногда с дорогими каменьями. У сафьянных *переды* ставились иногда бархатные, на что употреблялось ткани 2 вер. По верхним краям башмаки опушались атласом или бархатом другого цвета. Наиболее употребительный цвет башмаков в царском быту был червчатый; но шились также башмаки белые, желтые, зеленые, алые, лазоревые. Под *каблуки*, которые бывали очень высоки, всегда ставились у простых, повседневных, скобы железные, а у нарядных выходных — серебряные. *Стельки* ставились полстяные и обшивались червчатою тафтою. Употреблялась полсть *старуцкая* белая. На поднаряд

употреблялась иногда обьярь, шелковая ткань, а на подклейку *ирха* и клей; подошвы ставились обыкновенные. Башмаки кроме того всегда *строчились* волоченым золотом или серебром.

С башмаками, как их принадлежность, носились нередко *ичетыги* или *ичедоги*. Это в точном смысле — сафьянные чулки, ибо всегда шились из сафьяна без поднаряда и без особой подошвы. По большей части они покрывались, оболакивались камкою, или атласом, а с исподней стороны подкладывались как чулки, тафтою, того же цвета или червчатые — лазоревою, белые — червчатою и т. п.; по верхнему краю подпушались атласом другого цвета. В комнатном быту *ичетыги* могли заменить спальные сапоги, так что их носили и без башмаков, тогда к ним ставили легкую подошву. Очень редко они употреблялись без поволоки или оболочки шелковою тканью. Нет сомнения, что *ичетыги* с самым названием [253] заимствованы у татар и в XVII ст. упоминаются нередко *ичетыги* крымские, крымское дело. Упоминаются при башмаках еще и *черевинки*, М. 38. тоже крымские, быть может

обувь в роде туфель или тех же ичетогов.

Женские *чеботы*, род сапог, кроились, как и башмаки из сафьяна, бархата и атласа. Это были башмаки с голенищами (которые назывались *пряжниками*), а потому и в кройке, в отделке и в украшениях они сходились с башмаками. На чеботы выходило в кройку: на сафьянные полсафьяна, на бархатные, и атласные — этой ткани, на *полные* по 1 ар. 6 в.; на *полуполные* по аршину с вершком и с 2 в., смотря по ширине портища. На подкладку употреблялась тафта червчатая от 8 до 11 вер. Верхи обшивались атласом или бархатом другого цвета, выходило 3 вершка: по швам пришивался золотный поясок или кованое золотное узкое или широкое кружево, которого выходило 3 арш. и больше. Иногда на переды вместо кружева пришивались *образцы*, низанные жемчугом какие либо изображения, фигуры или узоры: тогда на остальные части кружева выходило только 2 арш. Скобы ставились также у простых — железные, у нарядных — серебряные.

Кроме указанных украшений нарядные чеботы всегда вышивались богато золотом,

унижывались жемчугом с каменьями и пошвам вместо золотного пояска низались жемчугом же. Особенно узорочились их *переды* и *задники*.

Чеботы бывали *кривые* и *прямые* относительно кройки подошвы; *полные* и *полуполные*. относительно длины голенища. *Строчились*, простые — шелком, а нарядные — золотом. Цвет употреблялся такой же, как и для башмаков, червчатый, белый, желтый, зеленый, алый. По свидетельству Маржерета вышина каблуков была в 3 пальца, т. е. вершка в 1 1/2. Олеарий говорит, что женщины и преимущественно девушки носили башмаки с очень высокими каблуками, вышиною в четверть аршина, так что носок едва касался земли, и ходить было очень затруднительно. Чрезмерную вышину каблуков подметили даже и народные былины. У Дюка Степановича были сапожки зелен сафьян, под пяту-пяту воробей пролети, о пяту-пяту яйцо прокати.

Сапогами в собственном значении называлась обувь кожаная, которая в царском быту в женском наряде не употреблялась, а изготовлялась только для придворных женщин.

Они шились из опойка (телятинные) и из сафьяна (козловые и барановые) таких же цветов, каких бывали и чеботы, т. е. червчатого, желтого, зеленого, лазоревого, белого и смиренные — черного. В царских кладовых, в начале XVII ст. находим однако ж сапоги бархатные и атласные, низанные жемчугом с камнем, М. 39.

* * *

Мы видели, что царицыно платье большею частью шилось из тканей довольно тяжелых, каковы были сукно и золотные и шелковые плотные, скоба-скобой, камки, атласы, бархаты и т. п. Очень понятно; что женские руки царицыных мастериц не могли хорошо управляться ни с кройкою, ни с шитьем таких портищ. Была необходима более сильная и твердая мужская рука для того, чтобы с успехом владеть ножницами, иглою и утюгом для устройства из этих толстых полотнищ целого наряда. Таким образом мы и находим в Мастерской царицыной палате не портних, а портных мущин, которые при том пользовались почетным именем *наплечных* мастеров, ибо одевали царское плечо.

Личный состав Мастерской палаты указан выше, стр. 515. Кроме наплечного или портняжного дела мужския работы заключались еще в изготовлении обуви и головных покровов шапок, каптуров, столбунцов, треухов, тафей, шляп, а по однородности дела также меховых ожерелий и т. п., требовавших не одного шитья тканей, но их подклейки и шитья разных клеенок и кожи. Мастерская палата вообще занималась изготовлением всяких нарядов как бы вчерне. Все, что касалось украшения, убора в каждом таком наряде, то принадлежало уже занятиям и работам царицыной Светлицы.

Расход различных материалов при употреблении их в кройку или для другого изготовления очень подробно и обстоятельно, даже иногда с расценкою, записывался в особую книгу, которая по главной статье употребления называлась книгою *кроельною*. Здесь записывалась также и мера кроенному шитью с обозначением *скупо* или *сыто* какая часть скроена, сколько оставлено в запасе и т. п. Из кроельных книг хотя и не сохранившихся вполне, мы узнаем, по крайней мере прибли-

Круже	-	3	5	4	-															
Шубы (взвеш.)																				
Парусины	5	5	-	-	4															
Алтайские	2	1	-	-	-															
Аляскинские	5	4	-	-	3															
Камчатские	2	2	-	-	-															
Средние	14	18	24	22																
Западные	-	-	11	14																
Обыкновенные	-	-	-	-	1															
Толстые и длинные																				
Видов (взвеш.)	30	52	124	-	-															
в том числе																				
Западные	-	-	27	-	35															
Аляскинские	-	-	22	-	12															
Камчатские	-	-	30	-	15															
Обыкновенные	-	-	20	-	8															
Тайские	-	-	23	-	2															
Дорожные	-	-	2	-	-															
Средние	-	4	-	-	-															
Волны	13	12	-	-	-															
Русские	1	1	1	-	2															
Челюбки	12	20	42	-	-															
Башмаки	7	9	18	-	8															
Рука	-	-	-	-	7															
Чулки и носки	-	-	13	-	6															
Итого:																				

назывался тоже Мастерской палатой, эта Палата имела еще значение царицыной кладовой, иначе гардеробной, в которой, в особых помещениях, в поставцах, коробьях, шкатулах, ларцах, ящиках и сундуках сохранялись всякие предметы из платья и уборов, разумеется, за исключением только тех, которые употреблялись вседневно и по этому хранились в хоромах у самой царицы или у царевен. Выдавая наряды по назначению, Палата вела точные и подробные об этом записки, известные под именем *выходных* книг, которые по отношению к царицам и царевнам, к сожалению, не сохранились.

Из общих ее описей мы получаем любопытные сведения о количестве платья и убо-

ров, какое за известное время сохранялось в казне и которое дает понятие вообще о степени щегольства в быту цариц и царевен. С этою целью помещаем здесь сводную роспись различных одежд цариц Евдокии Стрешневых, Марьи Милославских, Агафьи Грушецких и взрослых царевен Больших, от Стрешневой, и Меньших, от Милославской.

Здесь не поименованы некоторые, особенно богатые уборы и вообще *кузнь ларешная*, всякие драгоценности, по той причине, что, как мы уже говорили, и само ведомство Мастерской Палаты ничего не знало об их количестве, ибо они хранились всегда в особых ларцах, ящиках, шкатулах и коробьях за царицыною печатью и в таком виде сдавались дворецкими и дьяками при случае нового пересмотра и новой переписи. Так, здесь нет описи царицыных корун, венцов, богатых ошивок, убрусов, жемчужных ожерелий, монист, серег, перстней и т. п. В казне у царицы Евдокии Лук. в числе ларцов находились: *Ларец* кипарисной с костью, обложен серебром, во влагалище в суконном червчатом с замком

за печатью царицы, а ключь от замка у ней государыни в хоромех. *Ларец* по зеленой земле травы писаны розными краски за печатью государыни великия старицы иноки Марфы Ив. — *Ларец* зелен окован железом за печатью царицы, а в нем государя (т.) нарядные сорочки. — *Ларец* кипарисной за царицыною печатью, а в нем государевы полотенца. *Ларчик* кипарисной окован, а в нем царицыны ошивки. *Коробья* новгороцкая с замком за печатью царицы, а в ней царицыны сорочки. *Коробья* новгороцкая окована железом, замкнута, за царицыною печатью, а в ней государевы да царицыны отставные сорочки. *Коробья* осиновая бела с вислым замком за царицыною печатью, а в ней по ярлыку написано: *низаные убрусцы*; а ключь того замка у царицы в хоромех. (155 г. генв. 31, се убрусцы взял государь (Алексей М.) и отнес к себе в хоромы). *Ларец* кипарисной окован, с замком, а ключь от того замка у царицы в хоромех. А по сказке боярыни Анны Костянтиновны в том ларце сорочки царевны Ирины. *Ларчик* облочен бархатом червчатым оковцы серебряны; во влагалище суконном с замочком вис-

лым, а ключь от того замка в хоромех. Точно также и от нескольких других ларцов, коробей и шкатул, в коих неизвестно что хранилось, ключи тоже находились у царицы в хоромах.

Одежды и уборы цариц, после их смерти, преемственно переходили со всею их казною к новым царицам, за исключением разве носильного повседневного платья, которое большею частью раздавалось на помин души родственницам бывшей царицы или же продавалось с целью раздать деньги тоже на помин по церквам и монастырям. Так в 1615 г. по смерти царицы Евдокии продано было ее черное (траурное) платье с предварительною оценкою торговых людей. Парадное выходное платье, вообще не часто надеваемое, долго оставалось свежим и новым и потому долго сохранялось в казне; новые царицы, из оставшегося запаса выбирали многое и для своего гардероба, переделывали и перешивали, что не была по плечу, а иное, что было в пору, приказывали подавать себе и без переделки. Так, спустя 11 лет по смерти царицы Марии Ильичны, некоторые ее одежды, 2 шубки, 5

летников 2 телогреи, поступили даже к молодой царице Агафье Сем., а еще прежде вся ее казна перешла к молодой царице Наталье Кирил., которая к оставшемуся гардеробу в течение первых 5 лет прибавила только 9 летников (к оставшимся 116), 7 шубок (к оставшимся 56) и до 40 телогрeй, коих после царицы Марьи вероятно, оставалось около 70. Между тем и гардероб царицы Марьи заключал в себе значительное количество одежд, перешедших к ней от царицы Евдокии, ее свекрови. Таким образом количество более или менее богатых одежд накоплялось в царицыных кладовых постепенно в течение десятков лет и даже целого столетия. Укажем на постепенное приращение одежд у царицы Евдокеи, число которых в 20 лет увеличивалось вдвое и втрое, по той причине, что тут же сохранялись и старые, не изношенные, но шитые прежде. Не говорим о *выростках*, т. е. о детском платье, из которого дети вырастали и которое обыкновенно переходило последовательно к младшему поколению иногда в полном составе. Заметим также, что то богатство нарядов, какое мы находим в царицы-

ной казне в эпоху Смутного времени, известное вам лишь по отрывочным, не вполне сохранившимся описям (Матер. № 17), объясняется тою же обычною бережливостью царского Двора. Здесь многие предметы, особенно предметы светличного рукоделья, каковы напр. летничные вошвы, могли оставаться еще от первых цариц XVI ст., так как в конце XVII ст. оставались еще в царицыной казне уборы, напр. кики и одежды царицы Евдокеи (т 1645). Такая сохранность одежд и разных других предметов обнаруживала с одной стороны великую бережливость и можно сказать великое скопидомство, каким отличалось государево и особенно царицыно хозяйство до последних мелочей. Последний вершок ткани, остаток и обрезок сохранялся и шел в дело или в домовом обиходе или в дар. В расходных царицыных записках часто встречаются отметки, что томи или другому ее родственному или служащему лицу выдавались именно вершки тканей, золотники шелков и т. п.

Здесь старое хозяйство было верно своему старому исконивечному Домострою, который

учил: «остатки и обрезки (от кройки тканей и др. предметов) ко всему пригожаются в домо-
витом деле: поплатить ветчаново товож пор-
тища или к новому прибавить, или какое ни-
буди починить; а остаток и обрезок как выру-
чит; а в торгу устанешь прибираючи в то ли-
цо, в три — дорога купишь, а иногда и не
приберешь. Этот добрый совет не оставался
пустою речью, или одним только поучитель-
ным присловьем, а водворялся в действитель-
ности, даже и в таком богатом и широком
обиходе, каков был обиход царицы. В казне
царицы Евдокеи Лув. Стрешневых находи-
лось не мало коробей и ящичков, именно со
всякимп остатками и обрезками. Напр.: Сун-
дук кипарисной кованой, а в нем шубка бар-
хат червчат, кружево кованое низано жемчу-
гом и иная мелочь, камчатые и тафтяные
остатки» *Коробья* лубеная, а в ней остатки и
всякое лоскутье бобровое и лисье. И те остат-
ки и лоскутье проданы, для того что излежа-
лись. *Коробья* осиновая, а в нем остатки таф-
тяные и шелк. *Коробья* белая, а в ней бобро-
вые и лисьи остатки. И те остатки проданы.
Коробка ноугороцкая невелика с замком с

нутренным, а в ней остатки золотные и отласные большие и мелкие. Коробья бела осиновая, а в ней остатки камчатые и тафтяные и пестредилные. Коробья невелика с замком снутренным, а в ней отласные, да камчатые да тафтяные мелкие остатки. Множество подобных остатков, обрезков и лоскутьев сохранялось в казне времени Годунова и Шуйского.

Если с такою бережливостью сохранялись мелкие лоскутки, то очень естественно, что целые одежды, переживали иной раз не одно поколение. Их бережение главным образом поддерживалось тем обстоятельством, что в то время вовсе не были известны модные крои платья, которое кроилось по вековым неизменным образцам, при том из таких тканей, что могло даже через целое столетие вполне отвечать и потребностям и вкусам тогдашних красавиц, и какой либо богатый и роскошный летник, сшитый в начале XVI ст. напр. вел. княгине Елене Глинской, мог послужить в конце столетия таким же богатым и роскошным нарядом и для царевны Ксении Годуновой, лишь бы пришелся по плечу и в рост [254]. Надо заметить, что Смутное время

или московская Разруха опустошила царские кладовые до нитки, так что первые царицы XVII ст. должны были делать себе все вновь, снова накапливать свою казну, которая в действительности к концу XVII ст. и наполнилась множеством различных одежд, нашитых разными царицами постепенно в течении столетия.

* * *

Мы уже говорили (т. I, 28), что Светлицею вообще, в старинных хоромах, называлась более обширная, сравнительно с другими, и светлая хоромина, которая в домовитом обиходе и особенно на женской половине устраивалась по преимуществу для женских рукоделий, была рабочею комнатою. Своим устройством, т. е. большими красными окнами и их количеством она походила на терем и отличалась от него лишь тем, что ставилась не в самом верхнем ярусе древних хором, т. е. не входила в состав, жилого хозяйского Верха, а принадлежала к хороминам нижним и в смысле местоположения и в смысле своего служебного, рабочего назначения. Впрочем светлица всегда устраивалась только для чи-

стных работ и если в иных случаях занимала верхнее помещение, то и называлась теремом, каков, напр. в царском дворце XVII ст. был *иконный терем*, находившийся в верхнем этаже набережной стороны Дворца. Сохраняя общее значение светлой, чистой и просторной рабочей комнаты, светлица, конечно, бывала необходимою принадлежностью и для других статей домовитого хозяйства, напр. в государевом дворце были особые светлицы на Сытном дворе «у отпуску боярской водки и у винной раздачи в столовое и вечернее кушанье»; на Хлебном — «у примотру приказных еств», т. е. которые бывали особо приказываемы и т. д. [255] Но частное так сказать специальное ее значение оставалось со преимуществу за комнатою женских чистых рукоделий, которая и носила название Светлицы по преимуществу.

Сначала в государевом дворце Светлица находилась в деревянных хорах и всегда обозначала совокупность нескольких рукодельных комнат. В 1625 г. позади дворцовых зданий над Куретными дворцовыми воротами выстроена особая *светличная каменная*

палата (т. I, 55), которая посредством крытых и открытых переходов или галерей соединялась с постельными хоромами царицы и царевен, а след. и со всем остальным дворцом. — Но и в это время подле Светличной палаты были поставлены и еще отдельные деревянные светлицы, по той причине, что, вероятно одной каменной палаты было недостаточно для помещения царицыных рукодельниц. В этих то зданиях сосредоточивалась вся рукодельная статья царицыной жизни. Здесь постоянно работало более пятидесяти женщин, мужних жен, вдов и девиц, — мастериц и учениц, из которых одни занимались *белым* шитьем, т. е. шитьем всякого белья; другие — *золотым*, под именем которого разумелось и шелковое шитье, т. е. всякое вышиванье золотом, серебром и шелками. Первые назывались по этому *белыми швеями* и *белыми мастерицами*, вторые — *золотыми* и *золошными мастерицами*.

Само собою разумеется, что в царском дворце, искусство вышиванья получало самое деятельное и обширное применение и всегда стояло на высшей степени своего со-

вершенства, всегда славилось и лучшими во всей стране искусницами шитья и лучшими образцами произведений, чему, конечно, очень много способствовали государские дворцовые средства, как в отношении богатства, так и в отношении сосредоточения в своих руках всего лучшего, всего наиболее достойного по искусству и наиболее ценного по материалу. Царицына Светлица была, в своем роде, такую же художественную школу, какою на половине государя была Иконописная палата и которой Светлица ни в чем не уступала, изображая те же иконы не красками, а шелками, с такою тщательностью и отчетливостью, что они и до сих пор заслуживают удивление археологов. Стиль иконописной раскраски, своего рода мозаики, давал полную свободу подражать ему в воспроизведении иконописных ликов такую же мозаикою шелкового шитья, которое притом исполняло свои работы по тем же иконописным переводам, прорисьям и образцам с соблюдением не только основных линий, но и колорита раскраски.

Царицына Светлица, таким образом, пред-

ставляет нам целый особый и забытый мир художественной деятельности, в которой художником является русская женщина, приносившая рядом с мужчиною, свой усердный и столько же замечательный труд на возвышение красоты и великолепия Божьего храма.

Начало шелкового и золотого шитья мы должны относить к самым первым временам нашей истории, когда оно, по всему вероятно, служило лишь домашним потребностям богатого наряда и убора. Само собою разумеется, что с принятием христианства, благодаря потребностям Церкви и знакомству и близким связям с византийскою Грециею, откуда без сомнения вместе с образцами работы являлись к нам мастера и мастерицы, — это женское по преимуществу художество, получило обширнейшее применение, распространилось и утвердилось как особая отрасль художества, служившего исключительно Церкви. Вероятнее всего, что в первое время особому его распространению способствовали женские монастырские общины. Мы видели, стр. 91, что уже первые княжны основывают монастыри, собирают черноризиц и с богомоль-

ными целями путешествуют даже в Греки, в Царьград, где конечно, в женских же монастырях знакомятся еще ближе с искусством. Женский монастырь должен был существовать женским же рукоделием; а какое же рукоделие было соответственнее монастырскому настроению мысли, как не то, которое прямо шло на украшение Божьего храма. Очень естественно, что первые женские монастыри были и первыми мастерскими и первыми рассадниками этого искусства. Татищев упоминает, что первая монахиня из русских княжен, дочь Всеволода, Янка сама учила черноризиц девиц грамоте, петь, шить. (Кар. 11. пр. 156.) Он же приводит свидетельство, что другая Анна Всеволодовна, жена Рюрика Ростиславича (1200 г.), «ни о чем более прилежала, как о милости и милостыни; обидимых и страждущих в напастех охраняла и защищала, еще же и должность материнскую хранящи, научила чад своих словесам и закону Божию, также милости и благодетелию. Сама прилежала трудам и рукоделиям, швениям золотом и серебром, как для себя и своих детей, пачеже для монастыря Выдубицкого, которо-

му особенно усердствовала вместе с мужем [256]. Припомним Февронию Муромскую, которая быв крестьянкою ткала красна, а ставши княгинею, а потом и монахинею, однажды в храме Пречистые соборные церква своими руками шила воздух, покров на св. сосуды, на нем же бе лики святых». В это время бывший ее супруг, также инок, князь Петр, присылает к ней вестника, что приблизился час его кончины и ждет он ее, чтоб вместе «отити от тела». Она ответила: пожди — вот дошью воздух во святую церковь. Супруг присылает вторично, говоря, что остается мало ожидать; присылает в третий раз, с словами что ожидать уже невозможно; «онаже останошное дело воздуха святого шияше, уже бо единого святого риз еще не дошив, лице же нашив, и преста, и воткне иглу и приверте нитею, ею же шияше, послала к блаженному супругу о преставлении купнем и помолившея преставилась».

Таким образом не будет и малейшего сомнения в том, что в одно время с построением у нас первых христианских храмов явились на украшение их и первые памятники

женского золотого и шелкового шитья. Скупые на подробности летописцы, редко, и то уже в позднее время, описывают самые предметы вышивания и обозначают их вообще именем церковной *круты*.

В 1146 г. они упоминают как князь Изяслав взял город князя Святослава и церковь св. Вознесение всю облупиша, забрал: сосуды, «индитьбе и платы служебныя, а все шито золотом»...

В 1183 г. в граде Володимери Суздальском сторела соборная церковь, Богородица Златоверхая, а в ней все узорочья и в том числе «порт (одежд) шитых золотом и жемчюгом, яже вешали на праздник в две верви от Золотых ворот до Богородице, а от Богородице до владыцних сеней во две же верви, чюдных».

В XIII веке они упоминают: о церковных сооружениях князя Владимира Васильковича на Воляни, который между прочим устроил: «завесы золотом шиты, платцы (воздухи) оксамитны шиты золотом с женчюгом — херувим и серафим, иньдитья золотом шита вся»...

Из предметов мирского наряда, упомина-

ют облечь золотом шито, как принадлежность одежды знатных людей, и сапоги зеленого хъза шити золотом, что указывает вместе с тем и на мужское золотошвейное искусство.

Но конечно не одни монастырские мастерские доставляли украшениям церкви столько работ и еще чудных, как обозначает их летопись. Впоследствии, особенно, когда монастырские идеалы вполне водворились в семейном быту, каждый княжеский и боярский дом, каждый достаточный дом, направляемый благочестием и особенным усердием к Церкви, точно также приносил ей свои труды, или на помин души или исполняя свои набожные обеты и моления. — Это становится наконец святым обычаем, которому следовали непреложно и неизменно в течение всего допетровского века, хранили его, как догмат благочестивой семейной жизни.

В последующее время, в XVI и XVII ст. мы находим, что в каждом домостройном и достаточном хозяйстве, золотное и шелковое *пяличное* дело принадлежит уже к необходимым статьям общего домоводства и занимает

самое видное место в числе разных других рукоделий. Каждая достаточная государыня и добрая домоводица, а главное, добрая рукодельница всегда сама была искусницею в этом пяличном деле. Оно служило первым признаком хорошего воспитания и образования в женском быту, лучшим украшением хозяйских добродетелей девицы и женщины. К тому же и самое положение женского быта, монастырски замкнутого и недоступного обществу, должно было особенно благоприятствовать укоренению и распространению этого рукоделия. В достаточной среде, трудно было найти занятие, более соответственное общему набожному настроению мыслей и набожным представлениям о наилучшем мирском подвиге жизни, с другой стороны нельзя также было найти занятия более соответственного так сказать «изящному» проведению времени, по крайней мере по понятиям века и особенно для девиц. И действительно, это рукоделие вполне могло удовлетворять самым возвышенным потребностям тогдашних стремлений и вкусов, созидавая памятники на украшение Божьему храму, и производя

множество предметов для красоты женского, а отчасти и мужского наряда. Словом сказать золотное и шелковое шитье все-таки вводило людей в мир искусства вообще, приближало их к изящному в жизни, и тем самым, быть может, смягчало нравы, направляло их к лучшей до обстановке века жизни, т. е. к жизни иноческой.

Как бы ни было, но еще и до сих пор в монастырях и церквях сохраняется множество памятников, которые показывают, что женский труд вышиванья нисколько не уступал мужскому иконописному труду и в такой же мере обогащал Церковь своими более разнообразными произведениями. В этих памятниках, пред лицом истории, женская личность свидетельствует о своей многовековой деятельности, о своем независимом самостоятельном труде, который был приносим с единою целью возвысить красотой и богатством обстановку церковного служения и молить о спасении души.

Некоторые памятники в своих надписях или в записках по случаю их постройки красноречиво рассказывают эти благочестивые

стремления женской личности. Так на одной древней епитрахили в Новгородском Антониевом монастыре читаем следующие слова: «Госпоже Богородица, Пречистая Мати Божия, Милостивая Царице, пожалуй, Госпоже, помилуй рабу свою Марию, отдай ей грех; буди, Госпоже, помощница в сем веце и в будущем рабе своей Марие и раба своего Феодора. Спаси ее, Госпоже, Царица Пречистая. Пожалуй, Госпоже, помилуй!» [257] В записках новгородского Софийского синодика XVI в. между прочим значится: 1541 г. шила *пелену* княгиня Анна Оболенская в дом св. Софии неизреченные премудрости Божия, к ней же пелена и приложена бысть. — А за то поминати (княгиню) в сенанике и в литейном поминании в повседневном, докуда и храм св. Софии стоит, а из поминания не выгладити (не выскоблить имени) княгини Анны. — 1543 г. шила златом и серебром *пелену* княгиня Ксения Шуйская в дом св. Софии, а приложена к Спасову образу. И как представится кн. Ксения — поминати (ее) в сенаняке и в литейном поминании и в повседневном, докуды и храм св. Софии стоит. 1543 г. тая же княгиня Ксения шила *покро-*

вд десяти пядей образ Иоанна архиепископа новгородского — златом и серебром и шолки различными цветы. И на праздник на св. Пасху положила на гробе чудотворца Иоанна во храме св. Иоанна Предтеча — за здравие князя Ивана Михайловича (ее супруга) и за свое и за своих благородных чад. А по преставления князя Ивана и княгини Ксении поминати их во всенаники и в литеи во веки в церкви св. Софии и в храме св. Иоанна Предтеча, идеже лежат мощи Иоанна новгородского» [258].

При настоящей задаче нашего труда, мы не имеем намерения да и возможности делать перечисление памятников, какие были совершены в разное время искусством вышиванья. Повторим только, что не смотря на утраты, их много сохраняется и до сих пор, а в прежнее время их существовало великое множество, чему свидетелями могут служить все древние описи церквей и монастырей, в которых отдел церковной «круты», т. е. одежд разного наименования и назначения, шитых и сажених или низаных жемчугом всегда бывает столько же полон и богат, как и другие отделы храмовой утвари. На памятниках наи-

более замечательных почти всегда вышивалась и летопись их сооружения, иногда даже с обозначением имен трудившихся. В Антониевом новгородском монастыре хранятся ризы (1654 г.), У которых на оплечьи шиты золотом и серебром с передней стороны обр. Богородицы на престоле, 8 Апостолов и 4 новгородских чудотворца; а с задней стороны: Спас и Богородица и Предтеча, т. е. деисус, и в летописи обозначено: «шила Ростквина (?) Катерина Петрова»[259].

В Сольвычегодском Благовещенском соборе сохраняется пелена к образу царевича Дмитрия, шитая по малиновому атласу золотом, серебром и шелками, на которой изображен царевич во весь рост и событие его убийства, а в полях святые и в углах символы Евангелистов. На задней стороне вышита летопись: «7163 (1654) года октября 19 совершена бысть сия пелена к образу святого благоверного царевича и великого князя Дмитрия московского и всея Руси чудотворца, что на посаде у Соли Вычегодской в церковь Благовещения Пресвятыя Богородицы по обещанию именитого человека Дмитрия Андреевича

Строганова, а труды и тщание сия пелены жемчугом жены его Димитрия Андреевича Анны Ивановны, а в лицах и в ризах и во всякой утвари труды инокини Марфы, по реклу Веселки»[260].

Таким образом и в царицыной Светлице главными и первыми самыми видными предметами золотого и шелкового вышиванья были различные церковные утвари, исполняемые точно также по обещанию, или в ознаменование усердных молений и благодарений по случаю каких либо домашних, семейных событий, домашних семейных отношений между царствующими супругами, за здравие живущих и на помин души умерших, так что сооружение таких памятников всегда олицетворяло в них внутреннюю задушевную историю благочестивой жизни царского Дома.

В разное время, смотря по требованиям и по назначению царицы или царевен, мастерицы изготовляли здесь следующие предметы церковной утвари: святительские шапки и саки (саккосы), омофоры, епитрахили, орари, оплечья ризные и стихарные, поручи; на церковные сосуды покровцы и воздухи, пеле-

ны и застенки к образам, убрusцы; хоругви, плащаницы, надгробные покровы, и т. п.

Из домашних мирских вещей первое место в светличных золотошвейных рукоделиях принадлежало *вошвам*. Это были бархатные или атласные, вообще шелковые платы, о которых мы уже говорили, стр. 625 и которые всегда роскошно расшивались узором, травами и разными изображениями; а потому из них же очень часто устраивали оплечья у священнических риз и у дьяконских стихарей и их размер вполне был пригоден для такого употребления. Было в обычае богатые женские наряды, именно *причастные*, в которых причащались св. таин, и именно летники с богато шитыми вошвами жертвовать по смерти в церковь на ризы. По всему вероятно эти то *вошвы-платы*, вшиваемые в оплечья риз, и возбудили мнение о неприличии такого дела еще в XII веке, в известных «вопросах» Кирика.

Из других частей старинного женского и мужского наряда мастерицы вышивали: шапочные вершки, особенно у женских шапок, ожерелья или воротники, стоячие и отлож-

ные, запястья, женские башмачные и чеботные переды из бархата и атласа; вышивали также женские и мужские сорочки, фаты и особенно много изготовляли вышивных ширинок, фусток или платков, полотенец, убрисов, т. е. головных покровов. В государеву мастерскую палату изготовляли так называемый *кречатий наряд*, убор ловчих птиц и для собственного употребления и для посылки в дарах к турецкому султану в Царьград, в Кизылбаши к персидскому шаху и к европейским государям, особенно к английским королям. Этот убор состоял из вотолки, нагрудника, нахвостника, нагавок, шитых из атласа и клобучка из бархата, которые частью вышивались золотом, а преимущественно низались жемчугом, а также из обнажей, долгики, силец и задержек, которые украшались жемчужными низаными ворворками и кляпышками.

В золотное дело употреблялось волоченное золото и серебро, немецкое и отчасти турецкое, *сканое* и *пряденое* с шелком, а также золотая и серебряная нить разнovidного изготовления, именно *канитель*, *трунцал* или *струн-*

цал, картулит или картулен, картунел; бгань или гбан, и разные роды так называемых блесток: звездки, пелепелы, плащики, цепочки и т. п. Больше всего употреблялась канитель и особенно немецкая, которая была тонкие и толстая, гладкая и грановитая, красная собственно золотая, и цветная (разных цветов), а также белая, серебряная; трунцал также был красный золотой и белый серебряный, как и вообще словом белый обозначалось серебро, в отличие от золота и золоченья.

Все эти предметы покупались в Серебряном ряду и у торговых немцев, за золотник по 5 алтын. Толстая канитель была дороже и покупалась по 6 алт. 4 д.; в этой же цене была канитель цветная. Трунцал, бгань и цепочки продавались также несколько дороже, по 5 алт. по 2 и по 4 денги золотник. Волоченное или пряженое золото и серебро продавалось намотанное на цевки или катушки или же связанное кистями, и весилось литрами (72 зол.) и цевками (6 зол.) отчего и называлось литерным и цевочным; нитями в золотнике считалось 10 нитей, а в цевке 60.

В XVI ст. литра продавалась дешево по 4 1/2 р. и дорого по 6 р. В XVII ст. дешевая цена была 10 р. 80 к. (по 15 к. зол.) дорогая 14 р. 40 к. (по 20 к. зол.). Та же самая цена стояла и на все другие изделия из золотой и серебряной бити поименованные выше.

Так как волоченого золота и серебра и канители употреблялось много, а дома все это можно было готовить дешевле и выгоднее, то во Дворце еще в начале XVII ст. было заведено канительное производство, были вызваны немцы мастера и устроен канительный стан. В первой половине XVII ст. находились при Дворце и в царицыну мастерскую палату поставляли канитель и подобные предметы канительные мастера: Иван Баженков 1614 г., Мурза Гаврилов 1614–1626 г.; Фредрик Гурик и Курик 1622–1632 г.; Юрий Яковлев, волочильник 1623–1630 г.; Авраам Юрьев Каврик и Гарвин 1628–1633 г.; Ульян Ульянов 1632–1636 г.; Иван Буков 1632–1633 г.; Французенин Иван Бостин 1633 г.; Абрам Арфин 1634–1637 г. и др.

О способах и о самом производстве золотого шитья мы имеем мало сведений. По всему

вероятно многое из старинной техники этого дела сохраняется и теперь, у нынешних русских золотошвеек, особенно по украинным старинным городам. О способах шитья в XVII ст. встречается несколько указаний при описании шитых вещей. Так обозначается шитье *гладью*, *высоким швом*, *начеканное дело*, т. е. на подобие чеканной металлической работы; *наканительное дело*, *спиралью*; шитье *в петлю*, *в большую петлю*, *в круги*, *в мелкие кружки*, *в цепки*, *в вязь*, *в клопец*, *в лом*, *в черенки*, *сканью*. Чаще встречается обозначение шитья *на-аксамитное дело*, на подобие аксамита, особого рода парчи, в которой узоры, травы и разводы ткались или возвышенно перед полем или фоном материи или же на оборот: поле ткалось возвышенно, а разводы углубленно, при чем поле бывало золотное, а разводы шелковые, или поле шелковое, а разводы золотные. Золотое и шелковое шитье подражало этому способу ткани, почему и самый способ такого шитья определялся словом *аксамитит*, т. е. шить подобием аксамита. Таким же образом шитье подобием бархата обозначалось выражением: *бархатить* [261].

Нераздельно с золотошвейною работою стояло *низанье или саженье* жемчугом, который ценился по величине, окатности или скатности, особенной круглоте, и по чистоте воды, т. е. по чистоте (лоску) и белизне зерна, вообще цена ему была «по зерну смотря», т. е. в высшей степени различна. «Память, почему знать купить разные всякие купеческие рухляди и товары» на счет жемчуга советует так: «покупай жемчуг все белый да чистый, а желтого никак не купи: на Руси его никто не купит». Напротив у восточных народов предпочитался жемчуг желтоватый, никогда не терявший своей воды, между тем как белый через несколько лет темнел и желтел.

Жемчуг зерновой окатной, чистый и белый, покупался в XVI в. за зерно без малого в золотник весом по 8 руб. По этому расчету с некоторым понижением ценились зерна и меньшей величины, так что зерно в $\frac{1}{6}$ зол. стоило рубль. — Это был жемчуг «великий, большой». Жемчуг средний и мелкий, сыпной, и при том *рядовой*, т. е. обыкновенный, не отличавшийся особенно чистотою и окатностью ценился также сообразно своей

величине: 15 зерен в золотнике стоил 1 1/2 р.; 30 зерен — 1 р.; 50 зерен — полтина и т. д. Зубоватый, т. е. не гладкий, угольчатый, рогатый, но чистый, шел при гладком в полцены; а самый окатный или окатистый чистый при рядовом в две цены. *Зернятка*, очень мелкий, и *бутор*, лом, продавался еще дешевле.

Лучшим, а след. и более дорогим почитался жемчуг *гурмыцкий* или *бурмицкий*, *бурминский*, вывозимый из Ормуза или Гурмыза (страна, город и остров при Персидском заливе) [262]. Затем следовал жемчуг *кафимский*, вывозимый из Кафы (Феодосии). Много жемчугу привозили и с западной границы чрез Архангельск. Употреблялся также и русский жемчуг *варзужский*, добываемый в р. Варзуге (Арханг. губ. Кемского уезда); он же, вероятно, в начале XVI ст. назывался *новгородским*.

Низали жемчугом *в снизку*, *в ряску*, *в рясную*, *рясою*, *в перье*, *в прядь*, *во одну*, *в две*, *в три пряди*, *в одно зерно*, *в шахмат*, *в рефидь*, *лесом*, *зелы*, т. е. в виде буквы зела, и т. и., вообще способ низанья обозначался фигурою узора или какого изображения.

Кроме жемчугу в украшенье золотого и се-

ребряного шитья употреблялись и дорогие камни разных наименований, всегда для низанья просверленные; а также и простые камни из стеклянных сплавов, называемые *достоканами*, варениками и *смазнями*. В XVII ст. употреблялись в низанье камни *черные бирюзки*. *Пронизки* или бусы и *бисер* в работах царицыной светлицы употреблялись редко, по той причине, что это был наряд небогатый. В соответствие камням шитье украшалось нередко и металлическими, золотыми и серебряными *дробницами*, т. е. дробными мелкими чеканными или резными фигурами и *запонами* с камнями или с финифтью.

Всякие изображения и узоры и надписи, назначаемые для вышиванья или низанья, прорисовывали по ткани обыкновенно белилами или чернилами состоявшие при Светлице *знаменщики* или *рисовальщики*. В иных случаях рисунки изготовлялись и на бумаге, черчением и прокалываньем. Мастерницы по рисунку выметывали очерк белью и затем расшивали шелками или золотом и серебром. В свое время для царицыной Светлицы много работал и знаменитый иконописец второй

половины XVII ст. Симон Федоров Ушаков, состоявший сначала знаменщиком в Серебряной палате.

По штату при Светлице знаменщиков было двое. В 1620 г. знаменщиками золотных мастериц были Иван Некрасов, Иван Иванов, которые апр. 3 получили вероятно в награду за труды до 4 арш. сукна. Потом упоминаются: Петр Ремезов (с 1625 г.), на место которого 1652 г. февр. 29 поступил Карп Тимофеев. Прося этого места, он писал в своей челобитной, 12 генв., что «при нем Петре Ремезов знаменил он многие *дела* в прибавку больши 10 лет, по иконному: святительские шапки и саки и амфоры и патрахели и улари и ризные и стихарные оплечья и поручи; плащаницы и на церковные сосуды покровцы и воздухи и гробные покровы и на пеленах святых отец деяние и *столповые слова* около покровов и воздухов и пелен и подписи; и всякое травное дело знаменит; а прежний де знаменщик, Петр Ремезов, знаменил одно *травное дело*, а по иконному знаменить и *словописново дела* и подписей писать неумеет; а знаменивали прежде сего, по иконному, его (Карповы) бра-

тъя, иконники, из корму, а давано им от того дела по 2 алт. по 2 денги на день; а словописец де был жалованной; а ему было денег 15 р. да хлеба 20 чети ржи, овса тож; и он Карп жалованьем перед своею братьею, иконниками, скорблен; и живучи у государева дела безпрестаня, оскудал и одолжал», почему и просил сравнять его с жалованными иконниками. Из этой челобитной видим, что светличные знаменщики знали только одно травное дело, а по иконному рисовать не умели. Для иконного знаменья, как увидишь, призывались знаменщики — иконники из Серебряной и Оружейной Палаты, В конце XVII ст., 1660–1690 г., светличными знаменщиками были: Петр Симонов, Оника Онисифоров, Афанасий Резанцев, Григорий Лукьянов; писцами: Иван Ферапонтов, Дмитрий Третьяков.

Чтобы дать некоторое понятие вообще о рукодельной деятельности царицыной Светлицы, приводим в отделе Материалов № 113 несколько записок о знаменных делах, по которым исполняли свои работы мастерицы.

Само собою разумеется, что рукоделия царицыной Светличной Палаты не ограничива-

лись только этими первостепенными богатствами и роскошными работами, вышиваньем и низаньем. Мاستерицы занимались также шелковым и золотным плетеньем, вязаньем, тканьем, сканьем (сученьем), изготовлением кистей, шнурков, поясков, тесемок и т. п. разными мелочными делами, не говоря уже о белом деле, о шитье белья и вообще о шитье всяких предметов даже и кукол маленьким царевнам и царевичам и разного потешного их рукоделья. Подробности обо всех таких работах можно найти в приводимых ниже записках Верховому взносу и кроенью платья, в отделе Материалов.

Во второй половине XVII ст. в Москве славились своими работами и Светлицы некоторых боярынь. Андрей Матвеев говорит, что окольник Василий Волынский, человек гораздо посредственного смысла и легкомысленной совести и муж малограмотный, вошел у тогдашних временщиков в великое жалованье, а стало быть проложил себе путь и к высшим местам, по своему лицемерному похлебничеству и *«супруги своей по всехваляному в Москве в те времена всякого золотом и*

серебром дорогого шитья в своем доме, гораздо знаменитых швей художеству»; таким образом, не по разуму своему, но токмо по той льстивой и стеклянной фортуне приобрел зело светлое благополучие. Ему был дан в управление даже Посольский Приказ, а он это управление и политические дела, столько остро знал, сколько медведь на органех играть [263].

Другая знаменитая боярская светлица принадлежала боярыне Дарье Прохоровне Милославской, жене боярина Ивана Богдановича Милославского, у которой иногда покупались разные вещи во дворец, в государевы хоромы, Матер. стр. 156.

Не говорим о девичьих монастырях, где золотошвейное искусство всегда процветало, особенно в Вознесенском, в котором в начале царствования Михаила сосредоточена была даже и вся дворцовая светличная работа, ибо там жила великая инока Марфа Ив., мать государя, управлявшая в первое время всем царицыным хозяйством двора. Но и менее значительные монастыри также славились своими мастерицами. В 1651 г. (июня 12) Варсоно-

Фьевского монастыря старица Домникия Волкова делала и обнизывала жемчугом святительскую шапку в Назарет назарейскому митрополиту Гаврилу.

Само собою разумеется, что монастыри были наполнены такими рукодельницами, ибо туда поступали девицы и вдовы, уже искусные во всяких домашних рукоделиях, а золотое шитье, как мы говорили, всегда было необходимым и почти исключительным занятием женщин достаточного, а особенно знатного круга, для которого монастырь обыкновенно становился единственным приютом, как скоро, по какой либо причине, должно было оставить кров домашний.

Петрей, обозначая вообще положение русских женщин, говорит, что «в домашнем хозяйстве лучшие и знатнейшие женщины имеют мало значения: мужья содержат их, как невольниц; они сидят взаперти в своих комнатах и обыкновенно шьют, либо вышивают на полотне ширинки золотом, серебром и шелками; они очень искусны в этом деле и мастерицы вышивать по всякому узору, некоторые даже до того, что перещеголяют иных

швей в шитье жемчугом, и *рукоделья их вывозятся в дальние края*».

* * *

Именем *белой казны* обозначался запас полотен и разных других льняных изделий, изготовляемых про царский обиход. Как в крестьянском быту льняное дело находилось исключительно в женских руках, так точно и в государевом дворце эта статья домашнего хозяйства принадлежала исключительно ведомству самой царицы. Здесь по обширности потребностей это дело было устроено в широких размерах. Изготовлением разных предметов *белой казны* занимались две большие городские слободы, в Москве *Кадашевская* и в Твери *Константиновская* (впоследствии переведенная в Москву), и два села *Ярославского уезда Тихвинского стана*, *Брейтово* и *Черкасово*. И слободы и села назывались *хамовными* по имени главного производства, которым занимались, т. е. *канья полотен*, что в собственном смысле и называлось *хамовным делом*. Нельзя полагать, что это слово *хам* идет от шведского *ham* рубашка и вообще от немецкого, след. от *варягов*. По всему вероя-

тию оно идет, быть может вместе с производством, еще из Индии, где *хаман* значит полотно бумажное белое, очень тонкое и частое, уподобляющееся голландскому. Оттуда вместе со многими индейскими тканями, напр. шидою (ситец), оно и привозилось в древнейшее время; а после, по его образцу, стали ткать его и у нас.

Полотна в царицыных слободах ткались двойные из двойной пряжи, гладкие и полосатые; тройные из тройной пряжи, потолще, тоже гладкие и полосатые; тверские, тоже тройные, составлявшие третий сорт, похуже первых двух. Затем скатерти или скатертные столбцы — задеичатые, посольские, большие, средние и малые, тверские, хлопчатые; убрusy или полки убрусные; утиральники, полотенца, и кроме того изготовлялись нити и бель.

Производством занимались хамовники (ткачи) и деловицы: ткальи, пряльи, бральи, швеи, задельницы, бельницы или беляницы и бердники. Работа была распределена между ними на годовые уроки. Каждый урок назывался *делом*: дело ткалейное, дело пряди-

тъе, дело бралейное, швейное, беляное, бердяное. Объем дела уравнивался большею или меньшею трудностью изделия; хамовники работали *на дело*, т. е. в годовой урок по семи полотен тонких (двойных) и по семи полотен тверских (тройных), причем двойное полотно одно считали за 1 1/2 полотна тройных и так счет держали между собою при раскладке дел по общему тяглу.

Мастерицы — ткальи работали на дело по 6 полотен двойных и по 8 тройных. Мерею в длину полотна ткались в 14 арш. Для полотен пряжу готовили для каждого сорта особые пряльи и ставили пряжи на дело в годовой урок для двойных полотен 2 полотна, а для тройных 3 полотна. Пряльи тверских полотен ставили пряжи на дело по 8 полотен тверских. Убрусы или убрусные полки и утиральнички готовили также бральи, пряльи и швеи. Бральи ставили на дело по 10 полочек, причем утиральничек бральи ставили *во бранье* за три полочки убрусных, след. по работе он в три раза был труднее убрусов. Для того же дела пряльи ставили, т. е. пряли основы, называемые по особому качеству пряжи

убрусными. На дело в годовой урок таких оснований они пряли по 20. Швеи утиральничных и убрусных дел шили на дело по 5 убрусов, и утиральничек в шитье ставили по трудности работы за 4 убруса.

Так было в московской хамовной слободе Кадашове. В ярославских селах уроки убрусного дела немного отличались от московских. Там убрусы работали тонкие и двойные из двойной пряжи. Бральи брали таких убрусов по 8 на годовое дело; швеи шили тонких убрусов по 5, а двойных по 6 на дело. Для двойных убрусов пряли и готовили пряжи в годовой урок по 24 убруса. Двойному полотну по делу равнялись 8 убрусов, а тройному — 12 убрусов.

Полотна скатертные или скатертные столбцы изготовлялись бральями, пряльями и бельницами. Эти столбцы также бывали двойные и тройные, мерою по 10 арш. Здесь, по особому способу работы, ткалей замеяли бральи, которые готовили на дело в годовой урок по 2 столбца двойных и тройных. Пряжу для них ставили особые пряли, работавшие в годовое дело пряжи для двойных столб-

цов — по 2 столбца; для тройных столбцов по 6 столбцов; для хлопчатых скатертей по 8 столбцов. Бель для тех же скатертных столбцов ставили пряли — беляницы: для двойных столбцов по 4 столбца; для тройных — по 8 столбцов. Двойные столбцы назывались также задеичатыми. Пряли этих задеичатых скатертей работали пряжи на дело по 10 основок и по 10 утков. Так называемых посольских скатертей, украшаемых кроме бранья еще и шитьем, изготовлялось всего 2 столбца в год, на что требовалось бралейных 4 1/2 дела, а швейных 9 дел.

Обыкновенно каждый скатертный столбец, т. е. полдела, работала одна бралья, одна пряля пряла основки и утки и одна беляница давала бель. Но иногда два столбца работали три бральи, три пряли и две беляницы.

Узоры, которые выбирались на скатертях, известны следующие: 1) Ключатик, 2) Ореховая развода по два олене в гнезде, 3) Ореховая развода по оленю в гнезде, 4) Лося под деревом, 5) Полтинки, 6) Петухи, 7) Немецкое колесо, 8) Чешуйки, 9) Листочки, 10) Месецы, 11) Деревье, 12) Осмерног в двазубь, 13) Осмерног

в тризубь, 14) Бараньи рога, 15) Безконечник, 16) Кривоног, 17) Красная развода, 18) Коровай, 19) Гусиная плоть — узор наиболее употребительный для расхожих скатертей, и др.

Годовой урок нитной пряжи, для нитей расхожих, а равно и белевой измерялся мерою полотна, т. е. количеством пряжи, какое ставилось на целое полотно. На годовое дело нитные пряли ставили нитей по 6 полотен. Кроме того дело нитное и белевое измерялось также мотами или пятинками. Бели целое дело заключало в себе 24 мота, а столбцами 8 столбцов, ибо столбец считался за 3 мота.

Бердника в целое годовое дело изготовляли берд на 100 дел различной белой казны, ткалейных, бралейных, прядитых.

На покупку необходимых для производства работы припасов, на лен, мыло, золу, на ничаницы (тонкие веревки) и окончины для окон выдавалось из царицыной казны денежное жалованье, смотря по делу. В ярославских селах пряли получали в год на дело 47 алт. 4 д.; ткальи — 23 алт. 2 д.; бральи убрусов — 23 алт. 2 д.; бральи скатертей — 46 ал. 4 д.; швей — 35 алт. 3 д.; бердники на лен на пере-

вой 46 алт. 4 д. — В Кадашевской слободе хамовники и бердники по 30 алт., деловицы все кругом по 17 алт.

Кроме того выдавалось еще хлебное жалование также по размеру дела. На целое дело шло в Кадашове в 1631 г. по 10 четвертей без полуосмины ржи и по 7 четвертей без полуосмины овса. В ярославских селах в 1670 г. — по 10 четв. с осьминою ржи и по 6 четв. овса. В тверской Константиновской слободе в 1659 г. 9 и 6 четв. ржи, 10 четв. с осминою и 7 четв. с осминою овса и на квасы по четверику овса.

Каждая хамовная слобода и ярославские села были обложены известным количеством дел, соответственно количеству земли, занимаемой дворами и для посева льна, а также и полевой в селах, отделяемой тоже для посева льна. Мера *деловой* дворовой земли называлась *дворовою загородкою* и равнялась, кажется, 200 квадр. саж. К этому в селах на дело назначалось для посева льна полевой земли по два *четвертачка* или по полудесятине в поле, а в дву потомуж.

В Кадашове окладных дел было 189 с полуделом (1624–1644 г.), занимавших в слободе

413 дворов да пустых мест целых 7 дел. В тверской Константиновской слободе в 1631 г. 29 дел; в 1659 г. 28 дел, а в 1682 г. на 60 дворах 37 дел без чети. В селах Брейтове и Черкасове в 1625 г. 154 дела без 12 доли дела. В 1638 г. 175 1/2 дел и пол-пол-трети дела; а в 1670 г. на 248 дворах 200 дел с третью. Та же цифра оставалась здесь и до последних годов XVII ст. (1696 г.), хотя число дворов к этому времени увеличилось до 300. Таким образом из этих указаний о числе дворов и числе дел мы видим, что жилой двор вовсе не был мерою целого дела.

Царицына Мастерская Палата, назначала в слободы и села только общее количество окладных дел и не входила в подробности распределения этих окладов между хамовниками и деловицами. Слободы и села сами уже разверстывали оклады по дворам и по людям, смотря потому, кто и какую долю общего земляного надела пользовался и какую долю хамовного дела работал. В этом случае хамовному населению была предоставлена полная свобода. Из окладных дел всякий брал себе то, что умел сработать. Каждое дело при раз-

верстке дробилось не только на половины и четверти, но даже и на осмухи, и двор-семья мог сидеть и на полуторе деле и на делом деле, и на трех четвертях, и на половине, и на четверти дела, и к тому еще даже и эту величину мог составлять из мелких долей различных дел, смотря по тому, кто что умел в семье работать. Так бывали дворы или семьи, работавшие напр. полдела с осмухою или пять осмушек: 3 осмушки дела прядитья двойных полотен, осмуха дела прядитья тройных полотен, осмуха прядитья двойных убрусов. Или: двор — на три осмухи прядет полотно двойное без четверти да на осмуху прядет полполотна без осмухи тройных да на осмуху прядет два убруса с четвертью двойных убрусов. Или двор — три чети дела: полдела ткалейна тройных полотен да четь прядитья двойных полотен; двор — целое дело: полдела прядитья тройных полотен, четь прядитья двойных полотен, четь швейная тонких убрусов; двор — целое дело: полдела прядитья тонких убрусов, четь прядитья тройных полотен, четь бралейна двойных столбцов. Таким образом каждый член семьи из женского пле-

мени избирал себе большую или меньшую долю того или другого дела и работал эту долю на годовой урок. Иной брал четь шитья убрусную и шил убрус с четью, ибо на целое дело шитья убрусного шло 5 убрусов; иной брал половику дела бралейную столбешную (двойных столбцов) и брал столбец, ибо на целое дело шло 2 столбца, иной — четь ткалейную двойных полотен и ткал 1 1/2 полотна; иной — осмуху дела прядитья двойных полотен и пряд четь полотна; иной — четь дела беляную и пряд бели на столбец двойной или 6 мотов, и т. д. По таким дробям распределялось и денежное и хлебное жалованье.

В ярославских селах в 1670–1696 годах 200 1/3 дел были распределены следующим образом: двойных полотен ткалей 18 1/3 дел; прядитьих 54 1/2 дела. Тройных полотен ткалей 18 дел, прялей 48 дел. Тонких убрусов бралей 5 дел, прялей пол-5 дела; швей пол-8 дела. Двойных убрусов бралей пол-2 дела, прялей пол дела, швей 2 дела. Двойных скатертных столбцов бралей 8 дел, прялей 8 дел, беляниц прялей 4 дела. — Тройных скатертных столбцов бралей 12 дел, прялей основкам и уткам 4

дела, беляниц прялей 4 дела. — Бердных 2 дела. Всего в годовой урок готовилось: двойных полотен 108, по 14 арш. длины, да полотно убрусное полосатое; тройных — 144; тонких убрусов 38; двойных убрусов 12; скатертных столбцов двойных 16, мерою по 10 арш.; тройных 2и столбца (22 столбца да за 2 столбца: 2 полотна нитяные по образцу, тонкое да ровное; до 20 мотов нитей тонких и ровных в пятинку, по образцу). Денежного жалованья на все дела выдавалось в год 251 р. 24 алт. 5 д.

Нам неизвестно время первоначального заведения хамовных слобод и сел. Знаем только, что московские слободы существовали уже в половине XVI ст., именно за Московою рекою, где в Кадашове в это время царем Иваном Вас. была построена церковь Козмы и Дамьяна, которая и содержалась на государевой руге. В той же местности царица Анастасия Романовна устроила еще слободу *белильную*, которая по церкви именовалась *Екатерининскою* (теперь церковь св. Екатерины на Ордынке) и поставляла в царицыну казну *белевую* пряжу. Впоследствии эта слобода принадлежала царице Ирине Федоровне, а после

Московской Розрухи (в Смутное время) снова была устроена по приказу иноки Марфы Ив. в 1626 г. со льготою на три года, из вольных охочих людей. В 1643 г. царица Евдокия Лук. устроила под селом Рубцовым — Покровским новую хамовную слободу, Введенскую, с церковью Введения, которая была заложена 14 сент. 1643 года и освящена 17 ноября [264].

Но вероятно мысль об устройстве новой слободы была оставлена, ибо через год, в 1627 г. Екатерининская слобода поступила из ведомства царицына Постельного приказа в Земский приказ, т. е. в число черных слобод. Вероятно также, что взамен новой слободы была в это время переведена в Москву из Твери хамовная тверская Константиновская слобода, поселенная тоже за Москвою рекою. В 1635 г. эта Константиновская слобода называется еще *новою*.

Нет сомнения, что теперешнее урочище Хамовники (церковь Николы в Хамовниках), где также была хамовная слобода, упом. с 1624 г., принадлежит к первым хамовным поселениям Москвы.

Хамовные слободы хотя и находились в ве-

домстве Постельного Приказа цариц, и были подсудны только этому приказу, но во внутренних своих делах управлялись по старым обычаям собственными выборными людьми, мирским сходом или: советом и старостою с целовальниками и десятскими, которые все выбирались обыкновенно на год. Эти служащие лица утверждались в своих должностях особою записью, *выбором*, где прописывались и обоюдные обязанности. В Кадашевской Хамовной слободе, в конце XVII ст. по случаю большого населения (больше 2000 дворов) выбирали двоих старост, 4 целовальников, 16 десятских и дьячка (писаря), Выбравшие писали «и быть им старостам на Хамовном дворе и за нашими мирскими делами ходить неоплошно и об наших мирских делах радеть и о чем доведется бить челом великому государю; а нам их всею слободою слушать и в челобитье их не подавать и по их присылке на Хамовной двор на *совет* приходите без ослушания и не огуряться»... В ярославских селах в выборных службах бывало: староста, три целовальника, два земские дьяка, два доводчика. Центральною местностью Слободы в де-

ловом отношении был Хамовный двор, на котором находилось несколько хамовных изб, просторных и светлых, с большими окнами, для производства различных работ, ткалейных, бралейных и швейных. Сюда то и собирались каждый рабочий день хамовники и деловицы, садились за станы, ткали полотна, брали скатерти и убрusy и шили в пяльцах. По дворам они работали только не очень сложные дела, особенно пряжные или прядитьи, и вообще такие, которые не требовали обширного помещения.

В Кадашевской слободе на Хамовном же дворе жила в особом помещении кадашевская приказная боярыня и стоял особый анбар с хамовною всякою казною, где хранился лен нечесаный, очесаный кужель, счески и т. п.; также берда простые и берда с набилками, что берут посольские скатерти, берда наметочные полотенные, утиральничные, убрusные, нитные и пр. На том же дворе находилась и слободская схожая изба, в которой слобожане собирались на мирские советы.

В 1658–1662 г. Кадашевской хамовной двор был построен каменный. Когда по царскому

указу приступали к постройке деловых палат, то прежде всего опросили приказную боярыню Татьяну Шилову, всех деловых хамовников и мастериц, какие именно палаты, какой величины и какого устройства будут надобны, чтобы делать в них всякое хамовное дело. Те объяснили, что надобны 4 палаты поземнын, а промеж их сени, а мерою длиннику 21 саж., попереk 5 саж.; а против тех палат другие таковыж мерою.

Около двора выстроена каменная ограда кругом на 157 саж., в вышину от белокаменного фундамента в 2 саж.; с двумя воротами большими и малыми, шириною пол-5 саж.; вверх до орла 6 саж.; и с четырьмя наугольниками круглыми (род башен) вышиною от ограды до яблока в 1 1/2 саж. Деловых палат выстроено две больших в длину внутри каждая по 85 саж., шириною внутри по 4 3/4 саж., с сводами пазушными вышиною 2 саж. слишком и каждая с 20 окнами в свету по 1 1/2 ар. длины и по 1 арш. ширины. Меж ими сени шириною 2 1/2 саж., с рундуком; а во втором ярусе палата над сенями с 6 окнами и две палаты по сторонам того же размера и с тем же

количеством окон, как в нижних палатах. Выход был сделан с рундука лестницею в 17 ступеней.

В палатах было построено 5 печей, 4 белых, а пятая киевская мурамленая. Кроме того подле хамовного двора огорожен решеткою беленной двор для беленья полотен в длину 34, а поперек 16 саж., с решетчатыми же воротами, а на меже беленного и хамовного дворов вырыт колодезь. Впоследствии при Петре из этого хамовного двора устроен Суконный двор, сохранивший и доселе свое имя в так называемых суконных банях, между большим и малым каменными мостами.

Кадашевская хамовная слобода, пользуясь большими льготами в торговых промыслах, была едва ли не самая богатая слобода в Москве. Из ее жителей всегда пополнялась и Гостиная сотня. Однако ж, для того, чтобы хамовное дело стояло всегда вполне и не расстраивалось от выхода из слободы деловиц, было крепко заказано (особенно с 1670 г. окт. 25), чтоб кадашевцы дочерей своих и племянниц и внучат, не бив челом государю, за слободу и в Кадашево инослободцев и гулящих

людей замуж отнюдь не выдавали и в дома не принимали.

Управлявшая хамовным делом слободы Кадашевская Боярыня заботилась главным образом о том, чтобы белая казна во всех своих видах работалась как возможно лучше, чище, отчетливее. Когда она доставляла царице казну в наиболее исправном виде, то обыкновенно получала в награду портище сукна на опошень. Точно также хамовники и деловицы особенно отличавшиеся в искусстве своего рукоделья, тоже получали от царицы награду, а их рукоделье посылалось на хамовной двор, как образец для работы с приказом делать точь-в-точь по такому образцу. Время от времени являлись больше искусники в том или другом роде хамовного рукоделья. В 1692 г. великим государям Иоанну и Петру бил челом *сиделой* хамовник ткач Авдюшка Епифанов и писал между прочим: работаю вам государям лет с 15, и рукодельишко мое вам государям годилось и в образцах с Верху на хамовной двор сходило, чтоб точь моей руки было, слово в слово; и моей руки в точи ни у кого не прибрали, только прибрали в точи

моей же руки работу.

В ярославских селах Брейтове и Черкасове хамовный двор назывался *семереиным* двором от семеренных изб, в которых производилось хамовное дело, сидели мастерицы. Семернею именовалась изба или хоромина семи сажень длиною, с светлыми по обеим стенам окнами, постройка, именно по своей длине, необходимая для ткацкого дела. Мы видели, что в Кадашове палаты имели каждая 8 1/2 саж. длины и по 10 окон в стенах. Подобным образом устроены были и семерни, т. е. помещения деревянные. В селах хамовным делом и хамовниками заведовал приказчик, назначаемый от царицыной Мастерской палаты. Двор его стоял подле семеренного двора. Сельчане же между собою управлялись и разверстывали хамовное дело своими выборными людьми, мирским сходом. На ответственности приказчика, старост и целовальников лежала исправная доставка белой казны в Москву, в Приказ царицыной Мастерской палаты, куда казну отвозили старосты с целовальниками и сдавали ее в коробьях за своею печатью. Когда на Семеренном дворе

новую казну в дело заводили (каждогодно в начале февраля, 9 числа, иногда в начале апреля), то в семеренных избах попы всегда пели молебны Спасу, Богородице и Ивану Предтечи и воду святили. Изготовление казны оканчивалось в конце ноября и когда ее укладывали в коробьи, дек. 1 или 10, чтобы везти в Москву, то попы также пели молебен Рождеству Богородицы, Иоанну. Предтечи, Алексею Человеку Божию, за что причту на весь собор вобче давалось в первом случае 6 алт. 4 д., а во втором 4 ал. 2 д. и к образам свеч восковых ставилось на 6 денег.

О населенности этих сел переписные книги свидетельствуют, что в 1669 г. в Брейтове находилось жилых дворов 159 людей в них 910 челов.; в Черкасове 89 дворов, людей в них 490 ч. В 1671 г. мая 20, по случаю целования креста новой царице Наталье Кирилов., в Брейтове и на посадах, на Заруцком и на Воронежском, хамовников и братья их и племянников и детей и внучат было 233 чел. мужского пода и хамовниц и девиц 234 ч. В Черкасове муж. 134 ч., жен. 135 ч.; и обоего 736 ч.

МАТЕРИАЛЫ

Записи крестоприводные. Записки расходные материальные и денежные. Записки Верховому взносу, кроильные, издельные и др. Описи платья и всякой казны. Переписка дворецкого и дьяков и пр.

1. КРЕСТОПРИВОДНЫЕ ЗАПИСИ

По сей записи целуют крест государыни царицы и великие княгини Евдокеи Лукьяновны истобничей и дети боярские и иные царицына чина дворовые люди. Яз имрк целую сей святой и животворящий крест Господень государю своему царю и великому князю (зачеркн. Михаилу Федоровичу) Алексею Михайловичу всеа русии и матери его государыне своей царице и великой княгине Евдокее Лукьяновне и ее (зач. их) благородным царским детем имрк (зачеркн. и которых им государем детей впредь Бог даст) на том: служить мне им государем своим и прямити и добра хотети во всем безо всякие хитрости и

мимо мене государя своего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа русии иного государя из иных и ни из которых разных государств царей и царевнчев и Литовскаго ни Немецкого королей и королевичев и из Русских родов никоу на Московское государство не хотети. Также мене будучи у государя своего царя и великого князя (зач. Михаила Федоровича) Алексея Михайловича всеа русии и у государыни своей царицы и великие княгини Евдокеи Лукьяновиы и у ее (зачерк. их) царских детей в их царском чину или у какова дела ни буди лиха ни которого им государем своим не хотети и не мыслити и в естве и в шитье и в овощах и в пряных зельях и в платье и в полотенцах и в постелях и в сорочках и в портах лиха ж никакова не наговаривати и не испортити отнюдь ни в чем некоторыми делы и во всем мене им государем своим добра хотети и их государского здоровья ото всякого лиха оберегати по сему государеву крестному целованью; а где услышу или сведаю на государя своего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа русии и на государыню свою царицу и великую княгиню Евдокею Лукья-

новну и на их царских детей в каких людех скоп или заговор или иной какой злой умысл и мне на тех людей про то сказати государю своему царю и великому князю (зач. Михаилу Федоровичу) Алексею Михайловичу всеа русии или его государевым бояром и ближним людем. — Так же мне где государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа русии велит быти на своей государеве службе и мне ему государю своему служить и прямити и добра хотети во всем безо всякие хитрости и недруги его государевыми битися до смерти и без его государева указу ни о которых делех ни с кем не ссылатися и лиха ему государю своему ни в чем не хотети и не делати и к воровству ни к которому не приставати некоторыми делы и не изменити, в Крым и в Литву и в Немцы не отъехати. Целую сей святой и животворящий крест Господень яз имрк на том на всем, как в сей записи писано.

По сей записи целуют крест царицы и великие княгини Евдокеи Лукьяновны боярыни. Целую сей святой и животворящий крест Господень государю своему царю и великому князю (зач. Михаилу Федоровичу) Алексею

Михаиловичу всеа русии и матери ево государеве государыне (зач. своей царице и великой княгине Евдокее Лукьяновне и (зач. их) ее царским детем имрк (зач. и которых им государем вперед Бог даст) на том: служить мне им государем своим и прямити и добра хотети во всем безо всякие хитрости. А что мне государь царь и великий князь (зач. Михаило Федорович) Алексей Михаилович всеа русии и мать его государева государыня царица и великая княгиня Евдокея Лукьяновна велела быти у своего государева дела в боярынях и мне имрк будучи у их государских дел ему государю своему царю и великому князю (зач. Михаилу Федоровичу) Алексею Михаиловичу всеа русии и матери ево государеве государыне своей царице и великой княгине Евдокее Лукьяновне и (зач. их) ее царским детем служить и прямити и добра хотети во всем безо всякие хитрости, а лиха мне некоторого им государем (зач. и их царским детем) не учинити и не испортити, зелья лихова и коренья в естве и в питье не подати и ни в какие ево государевы обиходы не класти и лихих волшебных слов не наговаривати и без их госу-

дарского ведома ни с кем ни о каких их государских делах не ссылатись и над государевым и матеря его государевы над царицыным платьем и над сорочками и над портами и над полотенцами и над постелями и надо всяким государским обиходом лиха некоторого не чинити и ото всякого лиха мне государя своего царя и великого князя (зач. Михаила Федоровича) Алексея Михайловича всеа русии и матерь его государеву государыню свою царицу и великую княгю Евдокею Лукьяновну и (зач. их) ее царских детей оберегати и над подругами своими и надо всякими людьми смотрити и беречи накрепко, чтоб они лиха никакова государю и (зач. и матери его государеве) государыне и (зач. их) ее царским детем неучинили; а что увижу или услышу от кого нибуду, кто учнет государю или государыне или ее (зач. их) царским детям какое лихо делати или мыслить и мне про то сказати государю своему царю и великому князю (зач. Михаилу Федоровичу) Алексею Михайловичу всеа русии или его государеве матери государыне царице и великой княгини Евдокее Лукьяновне или их (зач. его) государевым бо-

яром или ближним людем; а не утаити мне того никак ни которыми мерами ни которою хитростью, по сему государеву крестному целованью. А что яз будучи у государя своего царя и великого князя (зач. Михаила Федоровича) Алексея Михайловича всеа русии и у матери его государеве государыни своей царицы и великие княгини Евдокеи Лукьяновны и у ее (зач. их) царских детей в Верху каких их государских тайных дел увижу или услышу и мне про то отнюдь никому ничего не сказывати и не проносить. Целую сей святой и животворящий крест Господень яз имрк на том на всем, как в сей записи писано.

По сей записи целуют крест царских детей *кормилицы*. Целую сей святой и животворящий крест Господень государю своему царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа русии и государыне своей царице и великой княгине Евдокее Лукьяновне и их царским детем имрк и которых им государем детей впредь Бог даст на том: служити мне им государем и прямити и добра хотети во всем безо всякие хитрости. А что мне государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа ру-

сия и государыни царица и великая княгиня Евдокея Лукьяновна велели быти у государыни царевны и великие княжны Ирины Михайловны в кормилицах и мне им государем своим и ей государыне служитьи и примитя и добра хотети во всем безо всякие хитрости, а лиха мне ни которого им государем не учинити и не испортити, и ее государыню от сосца своего кормити с великим береженьем и со опасеньем, а зелья лихово и коренья в евстве и в шить не подати и ни в какие их государские обиходы не класти и лихих волшебных слов не наговаривать и над государским платьем и над сорочками и над портами и над полотенцами и над постелями и надо всякими их государскими обиходы лиха ни которого не чинити и ото всякого лиха мне их государей оберегати и над подругами своими и надо всякими людьми смотрити и беречи накрепко, чтоб они лиха никакова им государем неучинили и не испортили; а что увижу или услышу от когонибудь, кто учнет им государем какое лихо делать или мыслить и мне про то сказати государю своему царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа русии

или его государеве царице и великой княгине Евдокее Лукьяновне или его государевым бояром и ближним людем; и не утаить мне того никак, ни которыми мерами и ни которою хитростью по сему государеву крестному целованью. А что яз будучи при их государех каких их царских тайных дел увижу или услышу я мне про то ни кому ничего не сказывати и не проносить... (конца не достает).

2. СВАДЕБНЫЕ ПРИЕЗДЫ К ЦАРЮ БОЯР

124 г. ноября 6, государь ц. и в. к. Михаил Фед. пожаловал боярина Бориса Михайловича Салтыкова, как приезжал к государю челом ударить на завтрая своей свадьбы: образ Пречистые Богородицы Воплощенье оклад серебрен золочен басмян, венец сканной с винифты. Кубок серебрен золочен с покрышкою на высоком стоянце, по покрывке и по пузу у кубка выбиваны травки, под пузом три дуги, на верху теремок, поверх теремка человек стоячей литой, около правой руки обвилась змея ссет за левую титку; в левой руке повеза; весу 3 гривенки 41 зол. — 10 арш.

бархату алого гладкого по 1 1/2 р. арш.; 10 арш. отласу лазоревого по рублю по 10 алт. арш.: 10 арш. камки куфтеру червчетово по рублю 6 ал. 4 д.; 10 арш. камки куфтеру зеленой по рублю с гривною арш. Сорок соболей, цена 40 р. Государыня и в. с. инока Марфа Ив. пожаловала боярина Бориса Михайловича Салтыкова: 10 арш. камки куфтеру червчатово по 1 р. 6 ал. 4 д.; сорок соболей 35 р. Ноября 8, в Верх к иноке Марфе Ив. в хоромы отпущен летник кушачной золотной, вошвы шиты по белой камке шелком лазоревым зеленым червчатым с золотом (пробел) Богдановские рухляди Бельсково; да на опушку пошел бобр цена рубль 16 ал. 4 д.; а тем летником государыня пожаловала боярыню Марью Ивановну Салтыкову. Отнес казенной мастер Путилко Фомин. Ноября 9, в Верх к иноке Марфе Ив. в хоромы отнес дьяк Булгак Милованов 10 арш. камки куфтеру червчетово по рублю 8 ал. 4 д. арш., да сорок соболей цена 25 р., а тою камкою и собольми государыня пожаловала боярыню Марью Ивановну Салтыкову.

124 (4616) г. июля 16, государь пожаловал крайчево Михаила Михайловича Салтыкова,

как приезжал на третей день своей свадьбы государю челом ударил. И государь ево благословил: образ Троица Живоначальная обложен серебром золоченым басмянным, венцы сканные. Да емуж государь пожаловал: кубок серебрян золочен с покрывшкою на высоком стоянце, по покрывшке около ложечки короткие гладкие, меж ложечек образинки человекчи литые, на верху человек литой, глядит на сторону, колпак искривя, в правой руке ратовище изогнулось, копье сломлено; под человеком круг, под ним яблоко, на нем три образины человекчи литые не велики да древка чеканные; пониже их дуги не велики завернулись литые; по кубку изнутри выбиваны грады и древа и травы и звери; под пузом три дуги завернулись литые, пониже дуг три образинки бараньи и человекчи литые; по стоянцу ложечки гладкие меж их земля комофарена; повыше стоянца яблоко гладко золочено, около его травки литые спускные весу 4 гривенки 8 зол.; взят с поставца у погребного ключника у Федора Красново. 10 арш. бархату черного гладкого по 1 1/2 р. арш.; 10 арш. отласу червчатого по 1 р. 6 ал. 4 д.: 10 арш. отласу

лазоревого по 1 1/2 р.; 10 арш. камки куфтеру червчатого по 1 р. 6 ал. 4 д. — Сорок соболей цена 40 р. — От государыни и великой старицы иноки Марфы Ив. крайчому Мих. Мих. Салтыкову: образ Пречистые Богородицы Смоленские оклад серебрен золочен басмянной, венец сканной, да 10 арш. камки куфтеру червчатого по 1 р. 6 ал. 4 д. Сорок соболей цена 20 р. — Июля 17, государь крайчево Мих. Мих, Салтыкова жену Парасковью Ивановну благословил: образ Троица Живоначальная обложен серебром венцы сканные. Да ей же пожаловал 10 арш. камки куфтеру червчатого по 1 р. 13 ал. 2 д.; 10 арш. отласу лазоревого по 1 р, 10 ал.; сорок соболей цена 23 р. Государыня и великая старица инока Марфа Ив. крайчево Мих. Мих. Салтыкова жену Парасковью Ивановну благословила образ Преч. Богородицы Умиление, обложен серебром венец сканной. Да ей же государыня пожаловала: 10 арш. камки кармазину мелкотравные червчатые по 1 р. 11 ал. 4 д.

125 г. июля 6, к государю ц. и в. к. Михаилу Федоровичу приезжал на завтрае своей свадьбы стольник Борис Иванович Морозов че-

лом ударити и государь его жаловал: образ Спасов обложен серебром золоченым венец басмян золочен. Кубок серебрян золочен с по-
крышкою на достоканное дело на высоком
стоянце, на крышке и по кубку выбиваны
травки и звери, на крышке три дуги литые
у них головы челоуечьи, на них теремок, на
теремке человек литой в правой руке копье в
левой повеза, весу 4 гривенки 39 зал., что го-
сударю прислал аглинской король в помин-
ках во 123 г.; — 10 арш. отласу червчетого, по
40 алт. арш.; 10 арш. отласу жолтого по 20 алт.
арш.; 10 арш. камки куфтеру лазоревой по 30
алт.; сорок соболей, цена 40 р. От г. и в. стари-
цы иноки Марфы Ив. стольнику Борису Ив.
Морозову: образ Пречистые Богородицы Оди-
гитрие, оклад и венец серебряны золочены
басмянные; 10 арш. камки кармазину червче-
того по рублю арш., да сорок соболей, 30 р. От
государя стольника Борисове жене Иванови-
ча Морозова: образ Вознесение Господне об-
ложен серебром, венцы сканные; 10 арш. от-
ласу кармазину червчетово, по 23 ал. по 2 д.;
сорок соболей 20 р. От г. и в. старицы иноки
Марфы Ив. стольника Борисове жене Ивано-

вича Морозова: образ Пречистые Богородицы обложен серебром, венец сканной; да 10 арш. камки желтой адамашки по 20 ал. по 4 д.

156 г. генваря 27, по государеву указу и по приказу казначея Богдана Минича Дубровского государева жалованья боярину Борису Ивановичу Морозову: кубок серебрян золочен с кровлею чеканной весу 5 ф. 9 зол.; кубок серебрян золочен с кровлею, ложки большие на кровле травка цветная, весу 2 ф. 60 зол., по 10 р. фунт; кубок серебрян золочен с кровлею, ложки большие, на кровле трава цветная, весу 4 гривенки 42 зол., по 8 р. фунт. Отлас золотной по серебряной земле травки золоты с шолком с зеленым да с червчатым мерою 9 ар. 5 в., по оценке 30 р., а прежняя ему цена 35 р., а тем отласом государыне царице челом ударил боярин и дворецкой кн. Алексей Михайл. Львов 156 г. генв. 19. Отлас турской по червчатой земле травы золоты в обводе шолк бел, мерою 9 ар. без 6 вер., 27 руб. Г. царице челом ударил боярин Мих. Мих, Салтыков 156 г. генв. 19. Отлас золотной турской по червчатой земле опахалами в обводе шолк бел, 9 ар. без вершка, 25 р. Отлас золотной по

червчатой земле в травах шолк бел лазорев 8 ар. 9 вер., 25 р.: 10 арш. бархату червчатого гладкого кармазюну по 2 р. по 5 алт. аршин; 10 арш. отласу червчатого по 30 алт. — 10 арш. отласу жолтого по 29 алт.; 10 арш. отласу белого по 28 ал. 2 д.; 10 арш. камки куфтеру червчатой по 29 ал.; 10 арш. камки куфтеру желтой по 28 ал. 2 д.; 10 арш. камки куфтеру двоеличной шолк ал жолт по 29 ал.; 10 арш. камки адамашки шолк бел да ал по 26 ал.; 10 арш. камки адамашки зеленой кружчатой по 26 ал.; сорок соболей 70 р., сорок соболей 50 р. сорок соболей 40 р. А явлено ему государево жалованье при государе в Передней; являл дьяк Захарей Онофриев. А пожаловал государь его, как он государю челом ударил на завтрая своей свадьбы. И то государево жалованье к боярину на двор дьяк Захарей Онофриев (пробел). Да в тож время государь благословил боярина Бориса Ивановича Морозова: образ Спасов обложен серебром. И тот образ из образные казны от крестового дьяка Ивана Семионова. (Упомянем, что 25 генв. государь пожаловал Морозову к свадьбе свою отцовскую постелю со всем убором. См. том I,

3. ЦАРИЦЫНЫ ПОХОДНЫЕ РАСХОДЫ

144 года сентября 21, как государыня царица и великая княгиня Евдокея Лук. пошла с Москвы в Троецкой осенней объезд и по ея государынину приказу на Москве и по дороге нищим и всяким бедным людям роздано на милостыню рубль 29 ал. 2 д. Тогож дни по именному приказу (царицы) для их государских чад куплено всяких *потех* на 21 алт. Сен. 23 государыня царица шла мимо села Пушкина и по ее приказу села Пушкина попадье 2 р., подносила к государыне *пирог*. Сен. 24, как г. царица пошла из села Здвиженского и по ее приказу нищим и всяким бедным людям по дороге на милостыню 31 ал.; да деревни Вихореве крестьянке Устиньце, которая подносила ко государыне *сыр*, полтина. Сен. 25 у Троицы в Сергиеве монастыре троецкому крестьянину Якушку Семенову за 12 братинок красных по 6 д. за братинку, за 5 братинок по 8 д. за братинку; еж за две братинки да за 6 ложек красных 6 ал.: итого 24 ал. 4 д. Братинки и ложки взяты в хоромы, приняла

княгиня Соломонида Мозецкая... Сен. 26 как г. царица пошла от Троицы из Сергиева монастыря и по ее приказу в богадельню нищим, что в слободе у Троицы в Сергиеве монастыре, рубль; да нищим и всяким бедным людям роздано на милостыню рубль 16 ал. 2 д.

145 года сентября 21, как государыня царица пошла с Москвы в Троецкой осенней объезд и по ее государынину приказу на Москве и по дороге нищим и всяким бедным людям роздано на милостыню рубль двенадцать алтын. Тогож дни по имянному приказу для их государских чад торговому человеку Микитке Павлову за *потешной возок* с конми деревянные (пробел), деньги взял сам. Тогож дни г. царицы по имянному приказу для их государских чад куплено всяких потех на 6 алт. на 4 деньги. Сен. 22, как г. царица пошла из села Тонинского деревни Ядревы крестьянке Овдотьице Григорьеве по ее государынину приказу полтина — подносила государыне *блинки*. Тогож дни г. царица шла мимо села Пушкина и по ее приказу села Пушкина попадье рубль — подносила к государыне пироги. Тогож дни как г. царица пошла из села Тонин-

ского и по ее приказу в селе в Тонинском и идучи из села Тонинского до села Братошина по дороге нищим и всяким бедным людям роздано на милостыню 27 алт. — Сен. 23, как г. царица пошла из села Братошина и по ее приказу по дороге до села Здвиженского роздано на милостыню 18 алт. — Сен. 24, как г. царица пришла к Троице в Сергиев монастырь и по ее приказу семи человекам вдовам новгородкам по полуполтине человеку. — Сент. 25, к царице в хоромы полтина; приняла княгиня Марья Хованская, а сказала, что те деньги дать за потехи царевны Ирины Мих. — Сен. 26, как г. царица пошла от Троицы и по ее приказу роздано нищим на милостыню 1 р. 14 алт. 2 д. — Сен. 28, как г. царица пошла из села Здвиженского и по ее приказу роздано нищим на милостыню 16 алт.; да села Рохманцова попу на молебен полтина, да проскурнице гривна; да в сележ Пушкине куплено *колачи́ков* на 6 алт. на 4 денги. Тогож дни как г. царица шла к селу Братошину и по ее приказу роздано по дороге нищим на милостыню 2 гривны. Тогож дни государыня пожаловала села Братошина крестьянина Васку

Матвеева, велела ему дать полтину — подносил государыне пресной *мед* сотовой да *репу*. — Сен. 29, как г. царица слушала молебен в селе в Братошине у церкви Николы чудотворца с своими государскими чады и по ее приказу дано на молебен 2 р.; да тогож села Братошина церкви Покрова Пречистые Богородицы попу рубль. Как г. царица шла из села Братошина к селу Тонинскому и по ее приказу роздано нищим на милостыню черноризцам и вдовам 11 алт. Тогож дни г. царица пришла в село в Тонинское и по ее приказу села Пушкина попу рубль — подносил с попадьею государыне блинки.

146 г. сен. 21, как г. царица пошла с Москвы в Сергиевской осенней поход в Троецкой монастырь и по ее приказу по дороге нищим и всяким бедным людем роздано на милостыню 21 алтын. Тогож дни по еej государынину приказу к образу Пречистые Богородицы, что на Никольских воротех, на молебен рубль. Тогож дни куплено для государских детей *колачи*ков и *орехов* и *ягод* и *моркови* и *репы* на 8 алт. — Сен. 22, как г. царица пошла из села Тонинского и по ее приказу дано нищим на

милостыню 12 алт. 4 д. Тогож дни как г. царица шла из села Тонинского мимо деревни Андреевы и по ее приказу деревни Андреевы крестьянке Огрофенке две гривны для того, что подносила к государыне блинки. — Сен. 22, как г. царица шла из села Тонинского мимо монастырские деревнд Тарасовки и по ее приказу деревни Тарасовки крестьянке Марьице полтина для того, подносила к государыне *пирог*. Как г. царица шла из села Тонинского мимо села Пушкина и по ее приказу села Пушкина попу с попадьею рубль для того, подносил к государыне *блинки и пироги и бражку*. Как г. царица пришла в село Братошино и по ее приказу села Братошина крестьянке Дарьице полтина да крестьянке Огафьице 6 ал. 4 д., для того, подносили к государыне *пирог*. Тогож дня по приказу г. царицы в селе в Братошине бедным детем боярским и чернцом и черницам и нищим роздано на милостыню 26 ал. 2 д. — Сен. 30, как г. царица пошла с Москвы в село Рубцово и по ее приказу по дороге нищим и всяким бедным людем на милостыню 24 алт., да куплено для потехи государским детем *моркови и репы и орехов*

на 4 ал. на 4 д. Тогож дни в Покровскую богадельню нищим заздравные милостыни рубль. Нояб. 6. как г. царица пришла с Москвы в село Тонинское и по ее приказу трем человеком крестьянкам Марьице да Парасковьице да Зиновке по 2 гривны человеку для того — подносили к государыне пироги и блинки; приказала крайчая княгиня Соломонида Мезецкая. Тогож дни как г. царица шла из села Тонинского мимо деревня Ядревы и по ее приказу тое деревни крестьянке Устиньице 16 алт. 4 д. для того — подносила государыне блинки; приказал Семен Лук. Стрешнев. Как государыня царица шла из села Тонинского к селу Братошину мимо села Пушкина и по ее приказу села Пушкина попу с попадьею рубль для того, подносили к государыне пирожки. Как г. царица пришла в село Братошино и по ее приказу села Братошина четверем человеком крестьянкам по 2 гривны человеку для того, подносили государыне пирожки. — Ноябр. 7, как г. царица пришла в село Воздвиженское и по ее приказу села Здвиженского попадье 13 алт. 2 ден., подносила государыне пироги. — Ноябр. 9, как г. царица

пришла к Троице в Сергиев монастырь и по ее приказу троецкому крылашенину старцу Закхею по княгине Анне Ивановне Одоевской рубль. — Ноябрь. 13, как г. царица пришла из походу к Москве и по ее приказу по дороге и на Москве роздано бедным детям боярским и вдовам и чернцом и черницам и нищим и на Москве в Микольской застенок полоняником и всяким бедным людям рубль 29 алт.

147 г. окт. 4, как г. царица пошла с Москвы в троецкой осенней объезд и по ее государскому приказу проезжие милостыни в тюрьму 2 рубли. Тогож дни чудотворному образу Пречистые Богородицы, что на Ильинских воротех, черному попу на молебен рубль. Тогож дни Олексеева приказу Полтева стрельцу Игнашку Маркову за *потеху, за деревянные конки и шенданы и за птички* 2 р... Потеха взята царевичу князю Алексею Михайловичу. — Окт. 9, Троицы Сергиева монастыря крестьянину Ваське Прокофьеву за четыре братинки писаны красками четыре алтына; взял братишки Ив. Фед. Стрешнев меньшей, а сказал, что те братинки взяты царевне Ирине Михайловне. Тогож дни Живоначальные Троицы Сергиева

монастыря стрелецким женам 3 человекам, Манке да Анютке да Дуньке, по 2 гривны человеку, для того, подносили государыне пироги. — Окт. 18, Переславля Залеского торговому человеку Ивашку Дорову за лисицу красную 16 алт. 4 д., а лисицу принел боярин Лукьян Степ. Стрешнев, а сказал, что тое лисицу государыня пожаловала ему под рукавицы.

148 г. сен. 22, как государыня шла из села Тонинского мимо села Пушкина и по ее приказу села Пушкина попу рубль, подносил царице пироги и блинки. Сент. 26 по приказу г. царицы села Клемиентьева крестьянке Дарьице Иванове полполтины, подносила государыне пироги. Тогож дни по приказу г. царицы деревни Корелиной двум крестьянком по гривне человеку; подносили государыне *пирог да брашку*. Сент. 29 села Братошина крестьянке Марфице Григорьеве полтина, подносила царице пироги. Тогож дни г. царица пожаловала, велела дать села Братошина крестьянке Марьице 2 алт. 2 д., подносила государыне *квас*. Тогож дни царица пожаловала, велела дать села Пушкина попадье рубль, подносила государыне *пирог*. Тогож дни г. цари-

ца пожаловала деревни Ростокина крестьяни-
на Ивашка Тимофеева, велела ему дать 16
алт. 4 д., подносил государыне хлеб.

148 г. март. 8, как г. царица пошла с Моск-
вы в монастырь к Живоначальной Троице и
пожаловала за свое государское здоровье на
молебен Пречистой Богородицы Владимир-
ской, что на Стретенских воротех иб а. 4 д., да
нищим роздано милостыни 6 а. 4 д. — Мар. 10,
как г. царица пришла к Троице и проехав се-
ло Клементьево, пожаловала в богадельню
нищим проезжие милостыни 16 ал. 4 д., да
нищим же, которые сидели на мосту у Трои-
цы под Сергиевским монастырем, на мило-
стыню 8 ал. — Мар. 11, г. царица пожаловала
у Троицы в Сергиевском монастыре затворни-
ку Никону на милостыню 3 р., да в монасты-
реж у Троицы роздано нищим милостыни 10
а. 2 д. — Мар. 13, как г. царица пришла от Трои-
цы в село в Братошино и по ее приказу села
Братошина трем человеком попом по 5 ал. че-
лов., да трем человеком просвирицам по
гривне чел., для того, приходили к госуда-
рыне с хлебы и с пироги. — Мар. 14, как г. ца-
рица шла от Троицы мимо села Пушкина и

пожаловала того села Пушкина попу Матвею 16 ал. 4 д. для того, приходил к государыне с *пироги и с питьем*.

150 г. сент. 23, г. царица пришла в село Братошино и ее государыню встречали села Братошина Благовещенской да Покровской попы Алексей да Григорей да попадья их, подносили государыне *пироги*, и пожаловала государыня проезжие милостыня попом и попадьям по полтине человеку. — Сент. 24, г. царица пришла в село Здвиженское и ее государыню встречали села Здвиженского поп Гаврило с попадьею и подносили *пироги* и г-ня пожаловала велела дать проезжие милостыни попу полтину, а попадье полтину. Сент. 26, как г. царица шла от Трояцы в село Здвиженское и ее государыню встречала села Клементьева крестьянка *пряничница* Катеринка и поднесла ей государыне деланные *пряничные рыбы*, и государыня пожаловала, велела ей дать за те рыбы 2 р. с полтиною. — Сент. 29, г. царица шла мимо села Пушкина и ее государыню встретили в селе Пушкине Никольской поп Иван с попадьею да с дочерью и подносили ей государыне *пироги и питье* и государыня

пожаловала попу с попадьею по полтине, а дочери рубль. Сен. 30, к г. царице в село Тонянское приезжал села Пушкина Никольской поп Иван и привозил *пирог*и и *питье* и по ее государынину приказу дано ему рубль.

151 г. сент. 21, как г. царица пошла с Москвы в Троецкой поход и по ее государынину приказу на молебен полтина; пели молебен Пречистой Богородицы Казанской, что у Никольских ворот; да нищим роздано, идучи дорогою, 27 ал. 2 д. — Сент. 22, г. царица шла мимо села Пушкина и по приказу боярина Лукьяна Степ. Стрешнева села Пушкина попу рубль за то, что он поднес государыне *сотовой мед*. — Сент. 23, г. царица как пошла из села Здвиженского и по ее приказу нищим и всяким бедным людям по дороге милостыни 18 а. 4 д. Да у Троицы в богадельню старицам и на мосту леженкам 24 ал. — Сент. 24, села Здвиженского деревни Ереминой крестьянкам Дорофейкове жене Олексеева да Матюшкине жене Берсоватово полтина, за то что они поднесли государыне два сыра; приказал деньги дать Сем. Лук. Стрешнев, деньги взяли сами. — Сент. 25, г. царица как шла от обедни

на праздник Сергея Чудотворца и по ее приказу девке дряхлой милостыни на шубу полтину; да Троицы Сергиева монастыря вдовой попадье Матрене с детьми самой — четвертой милостыни полтина. — Сент. 26 Троицы Сергеева монастыря посацкому человеку Якушку Иванову за семь братинок писанных по 5 денег за братинку, да за семь ложек по 2 ден. за ложку. Тогож дни у Троицы в Сергееве монастыре затворнику в келью милостыни рубль, — относил деньгя протопоп Никита. Тогож дни Троицы Сергеева монастыря посацкому человеку Омельке Васильеву три алтына 2 денги, за то что он подносил царице *брагу*. Тогож дни по челобитной сыну боярскому Семену Левашеву для его бедности и нищеты на шубу полтина. Приказала деньги дать княгиня Онисья Ромодановская. — Сент. 27, Переславля Залеского посацкого человека карлицы Анюткине матери Овдотьице государева жалованья для того, что дочь ее взята в Верх, сем рублев. Приказала деньги дать княгиня Марья Хованская.

152 г. сентября в 21 день, как г. царица пошла с Москвы в Троецкой объезд и идучи из

города нищим милостыни 22 алт, Сент. 22, как г. царица пошла из села Тонинского и идучи дорогою и на речке Талице нищим и всяким бедным людям и леженкам милостыни рубль 20 ал. 2 д. Тогож дни дорогою идучи крестьянкам за пироги и за ягоды 7 ал. и за то, что подносили *пиво* и *брагу*. Сент. 23, села Пушкина попу 16 ал, 4 д., за то, что он с попадьей государыне царице подносил пироги пряженые да сотовой мед, да нищим милостыня 5 ал. — Сент. 24, как государыня пошла из села Здвиженского и дорогою идучи и у Троицы нищим и всяким бедным людям милостыни 2 р. 2 ал. 2 д. Тогож дни села Здвиженского деревни Ереминой крестьянке Дорофейкове жене Домнице 6 ал. 4 д., за то что государыне поднесла сыр. Сент. 26, у Троицы в Сергееве монастыре нищим и всяким бедным людям милостыни по рукам 2 р. 27 алт. Тогож дни Троицы Сергеева монастыря соборным дву человекам черным пономарем на шубы по полтине человеку, приказ боярина Лукьяна Степановича Стрешнева. Сент. 27, как государыня шла от Троицы и в селе Рюминском крестьянкам пожаловала государы-

ня 16 ал. 4 д., за то, что они подносили ей государыне хлебы и калачи и пироги. Сент. 28, в Олександрове слободе к царице в хоромы 16 ал. 4 д. приняла девка Овдотья немка. Тогож дни, как г. царица пошла из Олександровы слободы в село Клины и дорогою идучи крестьянкам 15 ал. за то, что те крестьянки подносили государыни пироги да сотовой мед. Того ж дни карлицы Анюткину отцу Васке милостыни 3 ал. 2 д. — Окт. 1, в селе Клинах нищим и всяким бедным людям милостыни 43 ал. 2 д. — Окт. 2, в Юрьеве Польском как государыня ходила молитца в собор и за их государское здоровье нищим и всяким бедным людям милостыни 2 р. 30 ал. Окт. 3, как государыня пошла из Юрьева и в ту пору нищим милостыни 25 ал. 2 д. да соборные церкви просвирнице гривна. Окт. 5, как государыня пошла из деревни Тютковы и идучи дорогою в селе Андреевском пятницкому попу на молебен гривна. Тогож дни дорогою ж идучи по деревням до Александровы слободы крестьянкам пожаловала государыня 21 ал. 4 д., за то, что они государыне подносили пиво и пироги и блины и ягоды. Окт. 8, Суздальского уезду

из пустыни Покрова Прч. Богородицы Кукутц-кого монастыря игуменье с сестрами 20 человекам г. царица пожаловала милостыни 4 р.; да тогож монастыря попу да дьякону гривна. Того ж дни розных деревень крестьянским женам бедным вдовам 8 человекам пожаловала государыня милостыни 26 ал. 4 д. Того ж дни Александровы слободы протопопице Марье рубль, за то, что она госуд. царице подносила пироги. Тогож дни Александровы ж слободы крестьянке Палагейке Трофимове 8 ал. 2 д, за то, что у ней государыня стояла на дворе, как были в Переславском походе. Тогож дни ко г. царице в хоромы 2 ал., принял Ив. Фед. Стрешнев большой, а сказал, что на те деньги куплено *румянцу* на потеху. Тогож дни Александровы слободы крестьянину Богдашку Иванову рубль; приказал деньги дать боярин Лукьян Степ. Стрешнев, за то, что у него сторела баня в ту пору, как государыня пошла из слободы. Тогож дни, как г. царица пошла из Александровы слободы и идучи дорогою государыня пожаловала розных сел попам 4 человекам да дьячку милостыни рубль да черному старцу пустыннику да уродивому

по 8 алт. по 2 д. человеку; да нищим по рукам 18 алт. Того ж дни из Александровы ж слободы идучи дорогою по деревням, пожаловала государыня царица крестьянским женам 22 ал. 2 д. за то, что подносили ей государыне и царевнам хлеба и пироги и ягоды. Окт. 10, как г. царица пошла из села Слотина и идучи дорогою крестьянкам 9 ал: за то, что государыне подносили хлеб и пироги. Окт. 11, как г. царица ходила из Воздвиженского на Городе-неск и слушала обедни и молебна и идучи с Городенска милостыни всяким бедным лю-дем 21 ал. — Окт. 12 как г. царица пошла из Воздвиженского в Братошино и дорогою идучи крестьянкам за пироги и за ягоды 4 ал. Окт. 14, как г. царица пошла из села Тонин-ского и на Москве дорогою идучи нищим и всяким бедным людем и на мосту леженкам милостыни полтора рубли 5 ал.

160 году июня 2 г. царь и в. к. Алексей Мих. изволил итти молиться Живоначальные Троицы в Сергиев монастырь с своею царицею и в. к. Марьею Ильичною и с государынями ца-ревнами Ириною, Анною, Татьяною Мих. и Евдокиею Алекс. Г-ня царица и в. к. Марья

Ильична, идучи с Москвы жаловала дорогою нищим милостыни на Никольском мосту и у Пречистые Богородицы Казанские 2 р. 22 ал. 4 д.; в Неглиненских воротах 4 ал. 2 д.; в Тверскую богадельню сту челов. нищим по алтыну; приказал дать стольник Фед. Мих. Ртищев. У Тверской богадельни к царице в колымагу 5 р., принял стольник Матв. Богд. Милославской. На Тверской в Воскресенской монастырь царица пожаловала на молебен 2 р... приказал дать Матв. Богд. Милославской. Дорогою идучи по Тверской улице и за Тверскими ворота и за Земляным городом роздано нищим и всяким бедным людям милостыни 2 р. 22 алт. 4 д. Приказал деньги давать бояр. Борис. Ив. Морозов, раздавал подьячей Офонасей Батманов. Июня 3 в селе Тонинском изутра к царице в хоромы 2 р., деньги приняла крайчая Анна Вельяминова, по деньги приходил подьячей Лукьян Голосов, относил подьячей Илья Федоров. Тогож числа, как пришла царица из села Тонинского на стан в село Братошино ввечеру и роздано нищим и всяким бедным людям 2 р. 2 ал. 4 д.; приказал боярин Илья Дан. Милославской. Того ж числа цари-

ца пожаловала в селе Пушкине церкви Николы Чуд. вдовой попадье Матрене рубль; подносила она к царице пироги; приказал деньги дать боярин Илья Дан. Милославский. Июня 5, идучи из с. Воздвиженского к Троице, по дороге и у монастыря роздано милостыни нищим и всяким бедным людям 8 р. 29 алт. Да царица, идучи от Троицы с монастыря, пожаловала ручною милостынею нищих и роздано за монастырем нищим и всяким бедным людем 11 р. 2 ал.: приказал милостыню давать боярин Илья Данил. Милославской. Июня 7 царица и царевны в с. Воздвиженском в церкви Воздвижения слушали обедни и молебна и пожаловали на молебен 2 р., деньги взял дьяк Ив. Взимков. Да в придел Алексея Человека Божия попу Тимофею на молебен рубль, деньги взял крестовой дьяк Фома Борисов. — Да того ж села Воздвиженского пожаловала государыня бобыльской жене Овдотьце на похороны мужа ее полтину; да того ж села нищим, что в богадельне, гривну. Июня 8 в с. Братошине в церкви Николы Чуд. царица слушала обедни и молебна и пожаловала на молебен попу Илье рубль; да идучи

из села Братошина нищим роздано ручной милостыни и всяким бедным людем 2 р. 2 ал. 2 д. В селе Рохманцове пожаловал государь девкам полтину, подносили они государю ягоду клюкву; да нищим роздано 13 алт. 4 д.; да деревни Тарасковы дворнику полтину. Да по разным подписным челобитным бедным вдовам жаловала государыня по алтыну и по гривне, и того рубль 28 ал. 4 д. Да не по подписным челобитным приказывал боярин Илья Дан. Милославский, 23 алт. 2. Того ж числа, как пришла г. царица к Москве, роздано нищим у Фроловских ворот 3 р. 29 алт.; да в богадельню нищим в Кулижскую избу сту человекам 3 р.; да в тюрьмы 812 чвк. 24 р. 12 ал. 4 д., по алтыну человеку; приказал б. И. Д. Милославской. Ямщикам, которые на сытном и на кормовом и на хлебном дворцах были под обиходы, 121 подвода, корму на лошадь и с проводником по алтыну на день, июня с 2 и по 8 число, да 64 подводы июня на 8 число, — и того 27 р. 11 алт.

Розыски государевой казны у бывшей царицы Марьи Петровны Шуйской [265]

4. Лета 7117 марта в 14 день взято у дьяка у Ивана у Федорова к государыне в хоромы платнех деняг 100 рублей без 10 алтын... И тех денег государыня пожаловала свое государственное жалованье 2 казначеем 7 руб., постельницам 25 р., золотным мастерицам 44 р. с полтиною, белым швеям 18 р., комнатным 4 р. с полтиною, портомоям 7 р., кормилице 2 р., Поснику подьячему 5 р., сыну боярскому Аннину брату Шестаковой 6 р. И в расходе денег 118 р.

5. (119 года) Октября в 11 день мастерицы Марфа Березникова да Люба. амой. ва сказали, что князь Васильева княгиня Шуйскогоматери своей княгине Марфе Буйно..... сестре. своей князь Ивана Воротынсково княгине да князь Дмитриеве княгине Шуйсково княгине Катерине платья низаное жемчюгом и с тех платен пороли жемчюг на подворьях и тот жемчюг продавали, а денги отдавали князь Васильеве княгине Шуйского, или нет, того не ведают.

6. 119 года октября в 27 день митрополит Пафнотей да архимандрит Ферапонт да бояре князь Иван Семенович Куракин да князь Василей Михайлович Мосальской с товарищи смотрели царицины казны по списку переписи Кузмы Безобразова да дьяка Ивана Федорова, и в том списке написано: *наряд*: серги двоенки лалы с яхонты на золоте, серги яхонты лазоревы на золоте, и тех серег на лицо нет, а в роспросе казначея Анна Шестакова сказала, что те серги двоенки княж Васильева княгиня Шуйского отдала княж Васильеве Буйносова княгине Орине, а другие серги яхонты лазоревы отдала патчерице ее княжне Марфе; и бояре князь Иван Семенович да князь Василей Михайлович с товарищи говорили казначеем Анне Шестакове да Ульяне Орлове, чтоб они сказали вправду, сколько княж Васильева княгиня Шуйского государевы казны покрала и кому давала хоронити или и впрок кому давала, тоб все сказали вправду, а не скажут правды и им быти пытаным. И бояре князь Иван Семенович да князь Василей Михайлович с товарищи, выслушав *памятей*, спрашивали казначей Анны Шестаковы да

Ульяны Орловы, где та рухлядь ныне, что поставлена была у Фетиньи Великой да у Парасковьи Колычовы и естъли у них книгв приходные и расходные против тех памятей, у ково что взято и кому сколько дано. И казначеи Анна и Ульяна сказали, что тое рухлядь, что поставлена была у Фетиньи, у Парасковьи, ставили как воры были сперва под Москвою, да тое рухлядь она и взяла назад, а книгде приходных и расходных у них нет; а те росписцы писали себе для памяти. И бояре посылали к старице Марье Шуйской дьяка Семейку Еуфимьева да гостя Ивана Юрьева, а велели ей говорити: преж того хотела она прислати роспись написав, у ково сколько какие рухляди схоронено да и пося места не присылавала; и онаб ныне дала роспись, сколько у ково какие рухляди схоронено или что кому дано и хто у нее какую рухлядь продавал и на какие расходы денги шли и есть ли тому приходные и расходные книги? И тогож дне дьяк Семейка Еуфимьев и Иван Юрьев к старице Марье ездили и спрашивали и старица княгини Марья Шуйского сказала, что у Парасковья Колычовы да у Фетиньи Великой была казен-

ная рухлядь, а давала она в те поры как пришел Вор сперва к Москве, да и опять назад взяла; а отдавала ту рухлядь и имала назад по ее приказу казначея Ульяна Орлова, а было у Фетиньи всего столовые сундуки да сорочки, а у Парасковьи ящик не велик кипарисной сокресты, а болши де тово у них ничего не было; да у Фетиньиж де было 2 сорока соболей и она де те два сорока отдала княжнам да именовала одну Прозоровскую; а другие не сказала, а говорила: *мало ли ково муж мой и я жаловали, да не у всех поимать! Рострига боль не лутче нас, да его дачи ни у ково неемлют.* А меж нами кому было у нас третьему быть. А ныне что ее бояре и оманывают, просят росписи, а сами у всех, у ково что было положено, все поимали, а будет неверят и она скажет подлинно: у княгини Прозоровские были коробья с золотом да с шолки да платейцо дочери ее, у княгини Соломонида Бахтеяровы 1300 золотых да рясы да 3 серги; у княгини Анны Урусовы коробка с рухлядью; и у тех у всех и поимано, а болши тово она ни у ково ничево отнюдь не харанивала, а и то взяла было, проча своей дочери, надеясь на то: по-

сле Бориса жена многую казну поимала, о чом не сыскивали? А и Рострига кому что давал, почему назад не емлют? Да спрашивала о том, естли от короля к бояром лист, что ее позорить и грабить, а будет и есть и ей хоти и не велит Бог жити с государем по прежнему к государь за нее вступитца, не покинет его король». И Семейка и Иван говорили, что она то слово говорит не пригожее, муж ее и она пострижены, как тому статись, что жить в мире по прежнему; и старица говорила: учну я зватись черницею, как вы все увидите то над собою; а им говоря, отдала серги яхонты да лалы двоенки, что было дала продавать княж Васильеве княгине Буйносова, и те серги у ней взяты; а про продажную рухлядь сказала, что продано всякие рухляди у нее на 12000 рублей, а продавали у нее боярыни, которые жили в Верху, к постелницы, а денги приносили к ней, а она те денги отдавала мужу своему, а иногды имали к нему от нее Иван Чепчюгов да Измайловы да князь Семен Прозоровской, а шли те денги в расход немцом и на жалованье детем боярским и всяким людем, и естли будет тем денгам расход у розряд-

ных дьяков, тово неведает: а у нее той продажи книг и денгам приходу и расходу нет.

7. (Октября?)... в 30 день бояром князю Иваку Семеновичю Куракину да князю Василью Михайловичю Мосалскому с товарищи Фетинья Великая сказала в роспросе, что пророли жемчюг с государева и царицына платья и с кружив и со всякие рухляди она Фетинья и иные боярыни, да княгини Прозоровская, Парасковья Колычова; и тот жемчюг продавали царицын сын боярской Микита Молчанов да истобник Ивашка Бахарев; а она продала жемчюгу золотников со сто, а кому продала и что денег взяла и куды те деньги шли в расход, и... у ней есть письмо; а продавал у нее тот жемчюг человек ее Матюшка Братков по 24 алтына золотник, а денги взяла казначея Анна Шестакова; а тот человек ее ныне в Старице в деревне, а письмо у него тому, что кому продал есть; да ей же велела княгиня продать двои серги, одни яхонт лазорев, а другие лалы, а велела было взять по 40 рублей за серги, и она взяла за них 90 рублей; а носили продавать Ивашко Бахаров к Овдотье Морозовой; и Овдотья то ведает, кому те

серги проданы; а денги она отдавала княгине Марье; а от княгини Шуйской ко князю Василью денег отдано с 17000 рублей, а денги имал ко князю Василью князь Семен Прозоровской да Иван Чепчюгов да Гордюшка Мандрыкин. Да она ж сказала, что княгине Прозоровской дано летника с три и с четыре и ожерелье жемчужное; да Ромодановской княжне также дано; а продавали всякое узорочье княгиня Соломонида да княгини Софья Бахтеярова да Прасковья Колычова и постельницы все продавали; а Микита Молчанов на одной неделе продавал тысячи по две. А после роспросу велено быти у Фетиньи... в приставстве Федору Хрипунову.

8. Паметь. Дала государыня продати двои серги яхонхы да лалы, взяли на обеих 90 рублей, продал Иван Бахар; и те денги оточла у меня Анна Шестакова. Да дал Иван Федоров продати летник отласец золотной, а взяли 30 рублей, продал Иван Бахар, а денги отдали Ивану Федорову; продали летник, бел комчат поношен, а взяли 14 рублей, денги отдали Ивану Федорову; продала приволоку, комочка бела, а взяли полпята рубля, денги отдали

Ивану Федорову; да продали 90 золотников жемчюгу, а золотник продали по 24 алтына... денги у меня оточла в казну Анна Шестакова; продали 20 без золотника мелкова жемчюжку по 4 гривны, денги у меня оточла Ульяна в казну. Продавали, государь, боярыни и постельницы и казначеи, жемчюг и камья, а давали казначеи, их спрашивайте. Ивану давали Федорову жемчюг продавать, казначеи ведают; а всех болши продавал Микита Молчанов, а денги приносил казначеем; да видела я, давала Анна Шестакова продавать ожерелья отложная низана да тафью низану, а сказала мне, что взяли 120 рублей; да яз же, государь, продала летник отласной золотной, а взяли 30 без рубля, да денги отдала Ивану Федорову; да продали ожерелье низано, а взяли пол-80 рублей, а денги оточла государыни; а Анна Шестакова продала пугвицы, а взяли — шесть золотых, отдала золотые государыни; да государыня пожаловала всем нам по торлопу по бельему боярынем, а маме княгине Овдотье шубу соболью под комкою. Да била челом кнеиня Соломонида Бохтеярова, что пожаловала что племяннице то... что летник тафтян

дала жолт, а инова неведаю, что дано.... дочь моя прибежала от воровских людей с поместьишка и.... пожаловала спорок комочка черчета поношен да телогрейку без пугвид и без подкладки ветчану объеринну; да Парасковьине Колылычове внуче дала телогрею, не рассмотрела, какова, ведают казначеи; да княжке Бохтеярове кнегине Володомирове дочеря дано летник да шюбка да ожерелья да серги; да кнегини Софьине внуче Бохтеяровой дано шюбка да летник да серги, а инова государь неведаю, казначеи ведают. Да из шкапулки дала боярыням и кнежнам и казначеем по перстеньку по золотому, а мне дала перстник малешек с камышками и у меня на той же недели украли, всем ведаю. Да которые кнежны жили на сенех, Прозоровская и Ромодановская, и тем государь даваны летники и шюбки золотные и летники камчатые и тафтяные и телогреи и шюбки суконные и..... и по два ожерелья низаных и венцы и жемчюг на поднязи и серги лалы и яхонты на одном колце, и все носили казенное, а отдают государь казначеи, сколько которой дано, малым кнежнам; тремя дано по ожерелью низаиому,

да... шапки черные да кнеж Гаврилове Коркодинове зендень черчату, аршин сукна; да Аннине племяннице фerezи комчаты черчеты, да Анне дано летник отласен, а цвету не рассмотрела, да Бохтеяровой опашен да летник; да сказала мне сама Анна, что ей пожаловала шюбку отласну золотну... ей невидала; да давали жемчюгу на ожерельи Ульяне жемчюгу, а неведаюж сколько, да племяннице Аннине дана шапка черна: да давала девку свою замуж государыни давала летники комчатые и тофтяные и телагреи комчатые и шапки и опашни и ожерельи жемчюжные, а ведают государь казначеи, сколько ей дано; да Марьяне дочери Потребине видеда — шюику бархатную, слухом слышала — летник, неведаю што давано: а неведаю чтоют казначеи. А сестрам да снохе что давано, ино все ведают казначеи. Да дала Любе Горихвостове летник непор..... да две наволоки черчаты комчаты и она шилабоярыням давала каптуры, а иным соболи д.....; да казначеем и постельницам давали соболи и бобры нары, да трем кормилицам дано платья и ожерелья низаны и серги, а ведают казначеи, сколка да-

вана, и шапки кружива низанные да Кахановской девке давали, слухом слышела, платья и ожерелья, а иного не ведаю, казначеи ведают; да постельнице и казначеем давала шапки старые отставливаемые отласной золотные; да на свадьбе государской дано четверем свахам.... по летнику, да Марье Неустроеве летник. *По-мета*: 119 года октября в 31 день дала Фетинья Великая.

9. *Паметь* Ульяне Орлове. Росход денгам пятидесяти рублем, что государыня взяла у Парасковьи Колычовы: дано по князе Петре Ивановиче 4 руб. 23 алт. 2 ден., декабря в девятый на десять день; да ходила государыня Петру Чюдотворцу молиться, дала на молебен 2 руб.; да на милостыню полтину; да на Чюдотворцову паметь Петрову на молебен крестовым в хоромех две гривны; да Екатеринским попом пожаловала царевна две гривны; тогож дни на милостыню полполтины, да на молебен на Рожество Христово крестовым на молебен две гривны, да Екатеринским попом две гривны, Рожественским попом на молебен же полполтины, да на милостыню полтора рубля да Фетинья Великая взяла полтину.

Декабря в 27 день государыня пожаловала мастерице на похороны рубль; да мастерицам полтину, да княгиня Соломонида взяла полполтины, Неустроеву сыну пять алтын, да Аннину племяннику две гривны. Генваря в первый день на молебен четыре гривны да на милостыню 9 алт., Марье Зевякиной рубль; генваря в третий день князю Ивану Петровичу два рубля: после Крещенья на третий день милостыни 10 алт.; канун Крещенья, как пели часы царские, протопопу полполтины; в тот же день на молебен 4 гривны; того же дни на румянец да на мыло 4 алтына; в 12 день генваря взяла княгиня Овдотья Прозоровская на кукишную 3 рубли. Генваря в 17 день на милостыню 2 гривны. Генваря в 18 день дано князь Васильеве княжне Ивановича Буйносова полтина, княжне Касаткине рубль, на молебен да на милостыню четыре гривны. — Генваря в 27 день тех же денег Анна Шестакова взяла 5 рублей, а отслала Живоначальной Троице, Волге Борисьевне; да Анна же взяла 2 рубли дала князю Ивану Петровичю. — Генваря в 29 день воскресенья на Златоустов день на милостыню 10 алт., того же дни на молебен

полполтины. Генваря в 30 день взяла княгиня Софья 18 алт. к кишному очелью; да под Стретеньевым днем в среду на милостыню 2 гривны, да на Стретеньев день на молебен в хоромах 10 алт., да назаутрея воскресенья на молебен пять алтын, да на милостыню 5 алтын, на заговенной недели 30 алт. на пух, да 12 алт. за сани, да 2 руб. в тюрьму на заговенной неделе перед масленицою; да тех же денег на милостыню в тюрьму 4 рубли; да светлишному сторожю 2 гривны, да тех же денег Ульяна отдала Парасковье Колычевы 9 руб., да 10 руб. летничных денех.

10. Паметь Ульяне. Взял у меня Гордуша ко государю царициных денег 16 руб. и 20 алт., а деньги те, что Неустроева жена принесла; да взяла Ульяна у Фетиньи у Великие 90 руб. и тем денгам расход: взял Иван Чепчюгов 43 рубли; да тех же денег государыня пожаловала кнеяне Олене Скопине 50 без трех рублей; да взяла Ульяна у князь Василья Ивановича Буйносова 13 рубл. и 2 гривны, да взяла я у княжны у Ромодановские 6 руб. денег, и тем денгам расход: кнеине Олене Скопине додали 16 руб., да положила рубль и 4 алт. в то

сто, что Неустроева жена принесла не полна сто; да Иван взял Чепчюгов государю 60 алт.; да князь Иван Петрович взял 15 руб. *На обороте:* продала Фетинья двои серги, а взяла 90 руб.; да летник продала отласной золотной, взяла пол-30 рубл., и те денги отдала Ивану Федорову; да продала летник отласной, а взяла 30 без рубля и те денги отдала Ивану Федорову.

11. *Память* Ульяне, что она взяла у Ивана Чепчюгова денег 56 руб. и тем денгам расход; Иван же взял к государю 27 руб., да Анна Шестакова тех же денег государю дала 4 руб., да государыня к государю взяла полтину, да государыня пожаловала Настасие Ступишине 5 руб., да государыня же пожаловала князю Ивану Петровичю полтора рубли, да с правержу государыня пожаловала скупил полтретья рубли; дала княжне князь Васильевой дочери Буйносове полтину, да княгине Соломониде Бахтеярове детем боярским 2 дала, да Хитровой полтину; да тех же денег государыня пожаловала княгине Соломониде Бахтеярове 2 руб., канун Михайлова дни; да Фетинья Великая взяла к царевниным сорочинам на

мясо 2 руб.; да канун Михайлова дни государыня пожаловала женщине... рубль, да в тот же день государыня пожаловала на роздачу рубль денег четырьмя человеком по полтине; да к сорочинам царевниным протопопу пол-полтины, да в неделю две гривны на молебен, да на молебен на Михайлов день 4 гривны; да на Михайлов день на милостыню 10 алт., да в тот же день князю Юрию Петровичю 3 алт., да на мыло 2 алт., да по... дницам 2 рубли с четвертью; да Парасковия 5 алтын к церкви.....

12. Июля в 30 день, взял к государю Гордей у казначеи у Анны у Шестаковой 400 руб. Июня в 1 день взял к государю ж князь Семен Прозоровской у казначеи у Анны у Шестаковой 700 руб., а сказал отдал Томилу Луговскому на отдачу козаком месечены. Августа в 1 день Гордей взял к государю 3 руб. Июня в 8 день взял у казначеи Иван Микфоровичь Чепчугов, у Анны, 190 руб. Июля в 31 день взял к государю Гордей у казначеи у Анны 3 руб.; да Гордей же взял 3 рубляж; да князь Семен Прозоровской взял к государю у казначеи у Анны 250 руб.; взял княж Ивак Петровичь к государю у казячая у Акны Шестаковой 130 руб.; да

Иван Микифорович взял к государю 10 рублев. Ноября в 5 день взял к государю Иван Микифорович Чепчугов у казначеи у Анны – 15 рублев; да ноябрь в 6 день к государю взял Иван Микифорович Чепчугов 170 руб.; Загове на первой неделе оспожина посту в четверг взяла государыня у казначеи Ульяны 30 руб., а отдала княгине Марье Воротынской; да князю Ивану Воротынскому 100 руб.; Прозоровскому 5 руб., отцу духовному 8 руб.; соборовали царевну маслом дали 3 руб. 5 алт.; в Вознесенской монастырь дано княгине Софье 5 руб. с полтиною; Пимину 5 р.; княгине Софье Бохтеяровой 10 руб.; князь Ивану Петровичю 30 р. *На обороте:* Иван Чепчугов взял детем боярским 41 р. Да на Кузму Демьянов день Иван же Чепчугов взял 61 р.; да в монастырь крылошенком 10 р.; дяком 5 р.; да Иван Чепчугов взял у Ульяны у казначеи к государю 26 р.; да к государю взяли 4 р. Ноября в 7 д. Иван Микифорович Чепчугов взял 49 р. 15 алт.; ноябрь в 19 д. взял Иван Микифорович Чепчугов к государю 280 р.; да ноябрь в 21 д. взял князь Иван Петрович Буйносов к государю 80 р. Да ноябрь в 22 д. взял Иван Ми-

кифорович Чепчугов к государю 70 рублей. — 2 сорока отдала княжнам Аисуфашевым (?)на 12000 продала.....Чепчугов, Исмаиловы, Прозоровской, истобничей.

13. Ноября в 1 день бояром князю Ивану Семеновичю да князю Василью Михайловичю с товарищи Иван Зубатой подал челобитную, а в челобитной пишет: Царю государю и великому князю Владиславу Жигимонтовичю всеа Русия бьет челом и извещает холоп твой Ивашко Зубатой, старого Борисовского двора на Назара Блудова в том, что дала государь за него царица Шуйская девку свою приданку старого своего двора, а дала за нею твоей государевы казны летник ал комчат, да два летника тафтяных, один червчат широкая тафта, а другой желт, да шубку накладную светлозелену царицы Марьи Григорьевны плеча, да шубку холодную кизылбашская камка, да ожерелье низаное пугвицы с яхонты, да серги яхонты лазоревы, да два персня золоты, один с яхонтом, а другой простой; да шапку золотную, да каптур соболей, да ожерелье накладное бобровое; да мужских тому Назару два ожерелья жемчужных, опроче кодашевских

полотен и убрuscов и сорочек, да опoшень багрецовoй пугвицы серебряные. И выдав ту девку царица Шуйская велела ей быти у себя в постелницах. И тебе бы государю было вестно». И бояре князь Иван Семенович да князь Василей Михайлович с товарищи, выслушав Ивана Зубатого челобитные, велели Назара Блудова поставить перед собою, а во дворе рухлядь ево и платьe велели запечатать (sic). И по Назара Блудова посылан Семен Челищев. И тогож дни перед бояры Назар Блудов ставлен и роспрашиван: княж Васильева княгини Шуйского, что ему и жене ево давала хоронити и что ему за женою ево дано приданово платья и кузни и полотен и всякие рухляди? И Назар Блудов сказал, что князь Васильева княгиня Шуйского хоронити им ничево не даывала, а дала ему казначея Анна Шестакова продать золотников со сто жемчюгу, а сказала ему, что княгиня Шуйского велела ему продать; и он тот жемчюг дал продавать сторожю Юшке, а сидит он в серебряном ряду; к Юшка тот жемчюг продал неведомо кому, а взял по двадцати алтын с гривною за золотник, а денги он отдал казначее Анне Шестако-

ве; а князь Васильева княгиня Шуйского дала за женою ево приданова, опашень да три летника, один камчат, а два тафтяных: да телогрею тафтяну, да шупку накладную сукно лундыш светлозелена, да две шапки, одна отлас золотной, а другая камчата, да ожерелье женское да мужское да серги: и то платье и ожерелье у него на подворье, а полотна давала жене ево тож, что иным постелницам. И бояре князь Иван Семенович и князь Василей Михайлович с товарищи велели Назару Блудову то приданое принести перед себя, а с ним послали сына боярского Семена ж Челищева. И тогож часу Назар Блудов и Семен Челищев принесли приданое платье и кузни, а по смотру той рухляди: ожерелье жемчужное женское пугвицы серебряные, а в них втираны искорки каменей обышних, забиваны жемчюжки, серги двоечки на серебре в серге по яхонтику лазуревому, а в другой по жемчюгу уродцу; перстень золот, а в нем искорка камешек червчат; 4 перстня серебряны позолочены, в одном вставка жемчужная, а в другом берюзишка; а в дву смазни; летник тафта червчата вошвы атлас на зеленой земле кру-

ги серебряны продолговаты; телогрея тафта ала изношена подложена зенденью лазорвою круживо золотное; опашень сукно багрец, а у нево 13 пугвиц серебряных: шубка накладная сукно лундыш светлозелена подпушка тафта ала: каптур соболей, ожерелье бобровое, шапка отлас золотной на зеленой земле, шапенка камка червчата. И Назар Блудов бил челом бояром князю Ивану Семеновичю и князю Василью Михайловичю с товарищи, а сказал, что прибавил он к женскому ожерелью, купив жемчюгу десять золотннков, да пугвицы приложил, а четыре перстнишка серебряные ево, а не приданные; да емуж князь Васильева княгиня Шуйская дала в приданные летник камка ала да летник тафта жолта да ожерелье мужское жемчюжное и летник камчат; да ожерелье с бедности он продал, и летник тафтян жолт жена ево износила. А казначеи Анна Шестакова да Ульяна Орлова сказали, что Назар Блудов прибавил к женскому ожерелью свое ожерелье, что дала ему княгиня Шуйского к свадьбе; а пугвицы к тому ожерелью делала Назарова жена своими денгами, а перстни серебряные Назаровыж. *На обо-*

rote: 119 г. ноября в 1 день приговорили бояре князь Иван Семенович да князь Василей Михайловичи с товарищи тое рухлядь у них взяти, а чево в лицах необъявитца и их поставити велели для сыску перед собою.

14. 119 года ноября в 1-й день митрополиту Пафнотью да архимариту Ферапонту да бояром князю Ивану Семеновичю Куракину да князю Василью Михайловичю Мосалскому с товарищи сказывала казначея Анна Шестакова, что княгиня Соломонида Бахтеярова шила у княж Васильевы княгини Шуйского близко и государеву казну хоронила, а того неведает, вся ли та государева казна, которую она хоронила, у нее взята, а начаетца того, что она ведает и иную хороненую казну. И по княгиню Соломониду посылан Шавер Козаков. И бояре князь Иван Семенович и князь Василей Михайлович говорили княгине Соломониде: княж Васильева княгиня Шуйского сколько государевы казны покрала и кому давала хоронити или впрок кому давала, тоб все сказала вправду. И княгиня Соломонида в роспросе сказала, что князь Васильева Шуйского княгиня Марья давала ей хоронити государевы

казны золотые и иную рухлядь и у нее то все и взято, а болши тово у нее нет и где будет что схоронено или кому давано, тово неведает. И бояре князь Иван Семенович и князь Василей Михайлович с товарищи говорили княгине Соломониде: сказывает она, что княж Васильева княгиня Шуйского кому давала государевы казны хоронити и впрок, тово неведает, а ей самой многую казну давала? 11 княгиня Соломонида подала перстень золот, а в нем яхонтик червчат; и бояре князь Иван Семенович и князь Василей Михайлович посылали на княгинин двор Шавра Козака, а велели ему княгининих людей взяти и привести к себе для роспросу. И тогож дни Шавер Козаков к бояром ко князю Ивану Семеновичю да ко князю Василью Михайловичю с товарищи привел княгини Соломониды жонку Федоску, а сказал, что опричь тое жонки у нее нет. И бояре князь Иван Семенович и князь Василей Михайлович с товарищи спрашивали жонку Федоску накрепко и пыткою стращали, чтоб сказала вправду: княгиня Соломонида ко князь Васильеве княгине Шуйского ково посылывалась и что у нее государевы казны

жемчюгу и каменя и платья и всякой рухляди схоронено, и старица Улея Баранова от княгини Соломонида ко княгине Шуйской о чом посылывалали и где ныне племянник ее Данило Елизаров да человек ее Наумко? И Федоска сказала, что княгиня Соломонида к Шуйской княгине старицы Улеи Барановы ко княгине Шуйской ни о чом не посылывала, а тое Улею видела она Федоска у церкви и ничего с нею не говаривала; а Данило поехал на службу с городом; а Каумко де княгинин человек збег безведома; а государевы казны никакие рухляди она у княгини Соломонида не видала и ни у ково не ведает. И жонка Федоска дана держать сотнику стрелецкому Баушу.

15. Ноября в 2-й день митрополит Пафнотей да арикмандрит Ферапонт да бояре князь Иван Семенович Куракин да князь Василей Михайлович Мосальской с товарищи писали в царицыне полате, что против мастерские, да в той же палате взяли в ящике казначеи Анны Шестаковы да Ульяны Орловой приходные и расходные памяти и росписи государеве казне, у ково что схоронено а в памятех пишет... И бояре князь Иван Семенович Кура-

кин да князь Василей Михайлович Масалской с товарищи, выслушав казначеи Ульяны Орловы приходных и расходных памятей велели из тех памятей приход и расход выписать. И в тех памятах написано в приходе: казначея Ульяна Орлова взяла денег у казначеи у Анны Шестаковой 20 рублей 18 алт. 2 ден., у Ивана Чепчюгова 56 рублей, у Парасковьи Колычевы 50 рублей, у Фетиньи Великой взято 90 рублей, у князь Василья Букносова 13 рублей 2 гривны, у княжны Ромодановские 6 руб., у Ивана Федорова 99 руб. 23 алт. 2 ден, у Неустроевы жены 16 рубли. 20 алт.; а объявились те денги в расходе, что взял у нее Гордюша ко государю царицыных 16 рубл. 20 алт; а денги те, что Неустроева жена принесла; да на том же столбце написано ниж того под иными расходы положено рубль 4 алт. в то сто, что Неустроева жена принесла, неполно сто; а в приходе те обе статьи написаны; и того неведомо, тех денег сто ли рублей у Неустроевы жены взято, или 116 рублей 20 алтын; а в роспросе Ульяна Орлова сказала, что она у Неустроевы жены взяла 110 рубл. 20 алт, а у той де Неустроевы жены продажа была

многая, а продавал де у нее дядя ее князь Васильева старова двора Богдан Чюлков. И но Неустроеву жену посыланы Василей Толстой да гость Иван Сверчков. И Василей и Иван сказали, что они по Неустроеву жену ходили и ее де привести нелзе, для того, что болна, родила недавно робенка; а привели мужа ее Неустройка Злобина. А в роспросе Неустройка Злобин сказал, где что схоронеио или что кому дано государевы казны, то всево неведает. И бояре князь Иван Семенович и князь Василей Михайлович с товарищи говорили Неустройку: сказывает он, что про государеву казну ничего неведает, а жена его была в постелницах и жемчюг и каменя продавала многое, а продавала сама, а иную продавал дядя ее Богдан Чюлков, а он то все ведает же. И Неустройко всего того запирался, а после того сказал: жене его княжь Васильева княгини Шуйского жемчюг продавать велела и она по ее веленью и продавала и Богдану Чюлкову продавать давала, а сколько денег за что взяла и те денги отдавала казначеем; а что будет ныне у княж Васильевы княгини Шуйского, что какие рухляди схоронено, тово неведает.

ет? потому что он живет своим двором; у княгини де ныне живет Неустройко Зевакин с женою, а жена де ево была в постелницах же. И бояре князь Иван Семенович и князь Василей Михайлович и Ивановской девичь монастырь ко княж Васильеве княгине Шуйского посылали Васильяжъ Толстово да гостя Ивана Сверчкова, а велели им взяти Неустройка Зевакина да жену ево Марью для роспросу. И тогож дни Василей Толстой да гость Иван Сверчков к бояром ко князю Ивану Семеновичю да ко князю Василью Михайловичю привели Неустроеву жену Зевакина Марью, а про Неустроя сказали, что ево несыскали. — И бояре князь Иван Семенович и князь Василей Михайлович спрашивали постелницю Марью накрепко и пыткою стращали: сколько княж Васильева княгиня Шуйского государевы казны покрала и кому давала хоронити иля впрок кому давала, тоб все сказала вправду. И постелница Марья сказала, что она у княж Васильевы княгянн Шуйского у Марьи была в постелницах и кому она что давала государевы казны хоронит и впрок, тово она неведает, а ведают про государеву казну боярыни и каз-

начей, которые у нее близко жили. И постелница Марья дана держать (пробел). А Богдан Чюлков сидит у пристава у стрелецкой головы у Ивана Толстова, и велено его привести к роспросу к бояром. И всего в приходе у Ульяны Орловы 452 руб. 10 ден., и из того числа в росходе князь Иван Буйносов взял 22 руб., Иван Чепчюгов взял ко князю Василью Шуйскому 73 руб. 26 алт. 4 ден., Гордюшка Мандрыкин взял ко князю Васильюж Шуйскому 16 руб. 20 алт., Парасковье Колычове 19 руб.; да в мелких статьях в росходе 121 руб. 21 алт. 2 денги, и всего в росходе 253 рубля 8 алтын. И нет в росходе против приходу 198 руб. 27 алт. И казначея Ульяна Орлова била челом бояром князю Ивану Семеновичю да князю Василью Михайловичю с товарищи, а сказала, что у ней в росходе денги все против приходу да не все записано, потому что записать было у ней некому. А у казначеи у Анны Шестаковы по расходной памяти в роеходв 2070 руб. 21 алт. 4 ден. И бояре князь Иван Семенович да князь Василей Михайлович с товарищи спрашивали казначею Анну Шестакову, многоли у ней денег в приходе было и естли у ней тем ден-

гам приход записан. И казначея Анна Шестакова сказала приходных памятей денгам у ней нет, а имала она денги в расход княгиня Шуйские: а что возмет, то и в расход отдаст; и в тех денгах считала ее княгиня же Шуйского. И бояре князь Иван Семенович да князь Василей Михайлович спрашивали казначею Анну Шестакову, что по ее сказке посылан ко княгине Орине Буйносова и ко княжне Марфе для серег, Василей Толстой, что дала им княгиня Марья Шуйского серги; и княгиня Орина сказала, что царица дала ей одни серги продавать, а иных не давала; а княжна Марфа сказала, что ей царица Марья никаких серег не давала. И казначея Анна сказала, что купил у царицы Марьи князь Василей Буйносов дочери своей княжне Марфе серги двоенки лалы да яхонты дал 20 руб.; да княгиня Марья дала княжне Марфе серги яхонты лазоревы, а хотела ей те серги зачесть за долг за 50 руб., что занято у отца ее у князь Василья 500 руб.; а княгине Орине дала Шуйского княгиня одни серги, про которые преже того сыск был, что дала ей продавать; а иных серег ей опричь того не давала: а ныне те серги у

старицы у Шуйские. А ко княгине Орине да ко княжне Марфе посылали бояре Дмитрея Коверяна, что они те серги и иную всякую рухлядь, что давала им княж Васильева Шуйского княгиня Марья. И казначеи Анна и Ульяна сказали, чево они в прежних роспродах боярину князю Андрею Андреевичю Телятевскому с товарищи сказать пропамятовали, а ныне вспомнят, и они одноконечно того не утаят, кому что дано или где что схоронено, все подлинно написав учнут памяти принести. А Дмитрий Коверин сказал: ходил де он ко княгине Орине Буйносове да ко княжне Марфе и говорил им, чтоб они прислали к сыску серги и всякая рухлядь, что дала ям княгиня Марья Шуйского; и княгиня де Орина Буйносова сказала: дала де ей княгиня Шуйского продавать серги двоенки лалы с яхонты на золоте и она те серги не продала; да как княж Васильева княгиня Шуйского съехала на старой двор и она те серги опять отдала царице да про то сказывала она наперед сего боярину князю Андрею Андреевичю Телятевскому с товарищи; а иных у нее серег и никакие рухляди нет. А княжна Марфа ска-

зала, что княгини Марья Шуйского серегахонтов лазоревых ей не даывала.

16. 119 года ноября в 4 день к бояром ко князю Ивану Семеновичю Куракину да ко князю Василью Михайловичю Мосалскому с товарищи думной дьяк Степан Соловецкой привел от бояркова да гостей Ивана Юрьева..... Порывкина, а сказал: били челом..... все гости на Федора о обидах да тут же... меж себя (зачеркн: говорили меж себя и про государево дело) упрекали государевы казны про переписные книги. И бояре велели их роспросити да что будет меж их про государеву казну про книги объявитца (зачерк: государево дело) и то записати. И бояре князь Иваи Семенович да князь Василей Михайлович с товарищи Федора Янова и гостей Ивана Юрьева и Богдана Порывкина спрашивали, а в роспросе гости Иван Юрьев да Богдан Порывкнн сказали: как де после Ростриги велел переписывати государеву казну князь Василей Шуйской Ивану Колычову да Федору Яновуом меньшому Булгакову да Матвею.....ейниково, да им гостем Ивану Юрьеву и Богдану Порывкину.... Кошуряну, Ивану Юдину, Мак-

симу Твердикову, и они де писали все вместе и печатали полату Иван да Федор; а они гости.... прикладывали с нимиж; а приказ деи был Шуйского, что было им к книгам и руки прикладывать и им де рук прикладывати к книгам Федор и дьяки недали, а зделали книги каковые надобе; а начаютца они в том от Федора и от дьяков воровства; а Федор Янов сказал: приказ князя Василья Шуйского был, что было к тем книгам руки прикладывати гостем, толко в те поры было руки прикладывати как пересмотря всю казну по книгам; и казны де Шуйской несматривал....что после переписи почал быти той казне расход великой в жалованье; а печатали де казну гости не все, один Иван Юрьев..... а и пи.... гостя не все ходили по переменам.... по два и по три; а как де казну переписали и тое де казну печатал Шуйской сам; да гостиж Иван Юрьев да Богдан Порывкин сказали: имал де с казенного двора у Федора Янова гость Ондрей Юдин суды серебряные в дело на денги; и отписи тем судом Федор Янов Ондрею Юднну с товарищи давали, а после того опять у них того своего. писма просили назад неведомо для че-

во; а начинаютца они того..... Федор Янов и казенные дьяки Меншийов да Матвей Коробейников государевою казною корыстовались. А Федор Янов сказал, что он гостю Федору Юдину в государевых судах в серебряных отписей не даывал, а давал он Ондрею росписи государевым судом серебряным колко коли в дело выдаст судов и что в них весу было, почему им имати опять денги против серебра; а у него у Федора против тех росписей книги подлинные были; да в том слался на Ондрея Юдина, что опричь росписей, как суды посылала..., отписей не даывали.

ОПИСИ ПЛАТЬЯ И ВСЯКОЙ КАЗНЫ ВРЕМЕНИ ЦАРЕЙ ФЕДОРА ИВ., Бориса Годунова, Василья Шуйского

17. Начала нет. Следует опись *шубок золотных*: (17, в том числе): шубка алтабас серебрян на червце. Шубка камка бурская на червце розные шолки с золотом. *Шубки суконные* (числом 22).

Опашни. Опашен сукно скорлат червчат без ожерелья, за строки место положен картулин, петли трунсальные, без пугвиц, подложен тафтою голубою. Опашень сукно скорлат червчат

без ожерелья и без пугвиц и без строки и без петель, подложен тафтою голубою. Опашень сукно скорлат червчат круживо колешчато золото с серебром, а другое круживо золото кружки, петли золоты в кружки, без пугвиц и без ожерелья, подложен тафтою голубою. Опашень сукно скорлат червчат строка мелкая без пугвиц подложен тафтою голубою.

Кортели (12, в том числе): Кортель соболей, вошвы шиты золотом и серебром волоченны лученчаты и бархачены шолк зелен червчат. Кортель соболей, вошвы шиты золотом серебром волоченым аксамичены. Кортель белей хрептовой, вошвы аксамичены по червчатому бархату золотом и серебром. Кортель белей хрептовой, вошвы камка бурская на синей земле реки и листье. Кортель белей червей, вошвы камка кизылбашская люди стоячие и сидячие розные шолки. Кортель камка еская жолта на горностаех, вошвы бархат венедитцкой шолк червчат с золотом и с петлями. Кортель камка цареградская на горностаех шолк бел червчат без вошев... 2 цки кортельные горностаины. 2 цки кортельные бели.

Телогреи теплые: Телогрея камка тра-

винская мелкой узор розные шолки, круживо немецкое серебрено на горностаех, а у нее 15 пугвиц серебряных. Телогрея объярь червчата на горностаех, а у нее 17 пугвиц обнизаны жемчюгом. Телогрея камка кизылбашская полосата по полосам люди и птицы золото волоченное, на черевах на лисьих, а у нее 13 пугвиц серебряных. Телогрея отлас ценинен венежитцкой на песцовых черевах. *Телогреи холодные* (12, в том числе): Телогрея отлас зелен круживо плетеное и листье золото с серебром, а у нее 13 пугвиц раковинных обложены золотом (*отметка*: нет, все сказ Иван, в расходе). Телогрея камка мисюрская на але с разными шолки круги золоты, у нее 28 пуговок зерна жемчужные. Телогрея камка бурская на лазори с золотом, по ней попугаи, без пугвиц. Спорки телогрейные (13). Спорки летничные (15). *Ящик* долог оболочен кожею, а в нем: круживо низано по вишневому отласу переды с дробницею с золотою и с яхонты и с лалы и с изумруды. Тогож портища подольнее круживо нашиты дробницы золотые на вишневом отласе без жемчюгу. Тогож портища круживо на рукава, а на нем дробницы золо-

тые с яхонты и с изумруды да место порозжо. Перевезь низана жемчюгом большим с яхонты и с лалы и с изумруды, по краем бахрома золотая с перепевы. Образцы низаны большим жемчюгом с канютелью, 6 воротных да 2 прорешных; 29 образцов литовское дело низаны жемчюгом; 2 узла жемчюгу, что спорот с рукав ферезей бархатных червчатых с правого рукава 131 золотник да с левого рукава 138 золотников. (Взяла де Шуйская княгини в хоромы весь жемчюг). В третьем узле жемчюгу, что принес Кузма Безобразов, в трех прядех 108 золотников да 539 зерен жемчюгу скатново, 53 зерна больших и средних да мелково жемчюгу 4 золотника. 7 колец да 9 гвоздей серебряных. Остатки бархатные и камчатые (15, в том числе: барх. 9 арш., а из него сделано платейцо дитячье). Одеяло недоделано камка бурская на червце с золотом цепи и листье и звездки прошиваны серебром, опушка камка на сини с золотом, грива камка бурская на бели с золотом деревья.

Коробья не велика, а в ней: крест золот с мощми с каменьем и с жемчуги. 5 икон воротных золоты с каменьем и с жемчуги реза-

ны на камени. *Ларец* кипарисной окован белым железом, а в нем: 7 убрусцов тафтяных по концом низаны жемчугом. 2 белиленки низаны жемчугом с кистьями (на поле отметка: отданы князь Васильевой дочери Буйносова да 2 Прозоровской). Белиленка шита золотом и серебром (отдать Ромадановской). 3 суремницы с спицами низаны жемчугом. Вошвы низаны жемчугом с картулинью (sic) полосы червчатые да вишневы отласные. 2 шапочки скроены, а не сшиты, одна камка ала с золотом, а другая рудожелта с серебром. Вошвишка невелики камка бурская на белишолк лазорев с золотом. 2 *фуника* от снур низаны жемчугом. 3 остатка участковых золотных в мере их пол-2 арш. (Есть 1, а другой отдан Ромадановской да Прозоровской). 55 арш. тафты бурские червчатые (изошла на сорочки). Остаток баибереку..... 32 1/2 арш. тафты шамские (взята на сорочки). *Ларчик* писан мусеею, а в нем 25 пучков шолку лазоревого да зеленого. *Ларец* в лагалище в чорном серебрян позолочен с каменьем немецкое дело. (Есть, а в нем ныне понагея золота; на сорочке крест низан жемчугом, да 2 запоны золоты

с алмазы и с яхонты и с изумруды; сорочка образная низана жемчугом, да в бумажке в гнездех в золотых 26 яхонтов и лалов, в розни жемчужина да 21 искорка лаликов.) Гребенек костяной с каменьем. 2 ларчика писаны с красками, в одном 15 кружков мыла, другой порозжон. Коробья ноугородцкая окована белым железом, а в ней простыми и наволочки. (Есть, а в ней 6 простынь да 50 полотенец да простынка мала). Коробья ноугородцкая окована белым железом, а в ней простынки (в ней 12 простынь да сорочка женская полотняная да 3 бортки, одни нарядные). Коробья ноугородцкая, а в ней 7 полок, пояс шолков, 17 сорочек полотняных женских, сорочка кисейная, сорочка кушачная полосата, сорочка тафта червчата, 2 сорочки муских нарядных, 3 порты тафтяны.

Сундук кипарисной невелик, а в нем сорочки женские; сорочка тафта ала, сорочка тафта бела выбиваны звездки золотом, 2 сорочки тафта желта, сорочка полосата тафта бела да червчата; 2 сорочки тафта червчата, у одной рукава низаны жемчугом, а у другой шиты золотом. Сорочка муская тафта двое-

лична была низана и жемчуг с нее снят. 8 поясков верхних и нижних шолковых. 6 сорочек муских, 6 порты полотняных, 3 сорочки женских полотняных. *Коробочка* невелика, а в ней рухлядка отставная царевны Феодосьи (нет, сказ... взяла в хоромы совсем). Чарка серебряна; и ту чарку отнес ко государю в хоромы Кузма Безобразов. 5 покрышек братинных серебряных, 4 обломки серебряны. 21 пугвица золоты на закрепках жемчуги. 12 пугвиц обнизаны жемчугом. 2 круживца спорки узенки. Тафья отлас червчых, тафейка скорлатная с запаном, а в запане камень изумруд. 14 петель нашивки золотные ворворки низаны; 14 пуговок канютельных; в бумашке пуговка серебряна да дробницы; 5 пугвиц серебрян. золочены; 13 нашивок серебряны с кистями. 2 ножика да свайка рыбой зуб окованы серебром золочено. Трубка серебряна воденая. *Ящичек* невелик окован серебром по бархату. Остаток круживца золото с перепелки. 2 одеяла зүфь червчата, 2 подушки тафта червчата. 10 плащиков серебряны золочены, в бумашке 23 зерна жемчужных. *Коробья* ноугородцкая с мелкою рухлядью. Рукомойник да лахань се-

ребрены золочены, *Коробья* ноугородцкая окована черным железом, а в ней: 18 сорочек женских, 28 лолок убрусов, пол-13 арш. кисея, 3 полотенца с золотом кисейных, утиральник белой, 3 *волосники* с ошивками везены золотом и серебром. Сорочка мужская скроена шита золотом, 2 пояса шолк червчат, полотно полосато. Остатки кисейные и миткалинные и полотняные белые. Аршин тафты шамские червчатые. 2 ставика немецкие с белилы. Да в той же коробье: 2 сорочки мужских одна тафта червчата, порты тафтяные белые, а нашивка на сорочки золотная, да сорочка полотняная нашивка торчковая зелен шолк с золотом, рукава женские кисейные. *Коробья* ноугородцкая, а в ней *потешные суды* (те коробьи взяты в хоромы). 2 ящика серебряны с бирюзками. В лагалище песочные часы серебряны. Трои шахматы, 14 королков, пояс шолк зелен. *Ларчик* кипарисной маленок порозжен. *Ларчик* немецкой писан, а в нем мелкая рухлядка. *Коробья* ноугородцкая невелика (взята в хоромы), а в ней: 2 литры золота да в розни цевки с три золотаж. 2 литры серебра да в розни цевки с четыре серебряж. Литры с 2

шолку розных цветов. *Коробка*, а в ней 2 псалтыри да *олександрея* (были четыре; у Фетиньи Великой есть псалтырь одна...) *Ларчик* кован железом, а в нем очистьки мыла (отдан портомоям).

Коробья ноугородцкая, а в ней: 64 волосники золотных (нет, сказ взяты у Бахарева); 3 волосники золото с серебром (у Бахарева ж сыскать). Волосник серебрян (у Бахаря ж). 14 ширинок шиты золотом и серебром шолки (взяты в хоромы); 29 полок шитых и браных. *Коробка*, а в ней: пол-2 ансырю шолку. Литры с 3 шолку бурского розных цветов. *Ящик* бел, а в нем: тесма турская зелена делана в кружки; обрезки серебряяы мелкие басменные. Летник тафта лазорева виницейка вошвы камка бурская шолк бел с золотом. Летник тафта червчата виницейка вошвы камка на зелени рыбки и копытца золоты и серебряны. Шубка сукно лундыш зелена. Телогрея камка венедитцкая червчата на белых черевах, а у ней круживо золото с серебром, 12 пугвиц серебряны золочены. Телогрея камка венедитцкая лазорева, а у ней 13 пуговок серебряны золочены. Чеботы сафьянны червчаты.

Сундук кипарисной долгой окован белым железом, а в нем; вошвы низаны по червчатому отласу средним жемчугом, меж жемчугу дробницы золоты с финифты да в вошве по 13 яхонтов лазоревы в золотых гнездах. (Нет, сказ. взяли в хоромы). Вошвы низаны по черному бархату лученчаты фряское дело с канютелью и с трунсалом большим и средним и мелким жемчугом. Вошвы низаны по черному бархату средним жемчугом с дробницею с серебряною с золоченою. Вошвы низаны по червчатому отласу тремя жемчуги большим и средним и мелким жемчугом с канютелью и с переперы, в одной вошве 15 лаликов в золотых гнездах, а в другой вошве 16 лаликов в золотых гнездах. Вошвы столпчатые полосье низаны тремя жемчуги большим и средним и мелким с переперы фряское дело, а меж низанных полос прошиваны полосы круживо немецкое золотом и серебром волоченым. (И с одной вошвы снято 6 полос низанных на омфор). Вошвы столпчатые полосы низаны жемчугом мелким с канютелью с шипами и с переперы, а другие полосы шиты по червчатому отласу золотом и серебром.

ром волоченым с переперыж. (Нашиты на летник на кушашной полосы червчаты, а другие зелены с золотом). Вошвы шиты по червчатому отласу золотом орлы деланы канюте-лью золотою и серебреною. — Четверы вошвы бархатные и камчатые с золотом и с серебром и с петлями разные шолки. Вошвы деланы канюте-лью грановитою золотою и сереб-ряною и кратулинью и трунсалом по по-лосам, одни полосы деланы по червчатому от-ласу, а другие полосы по лазоревому отласу. Вошвы столпчатые двойи полосы, одни полосы шиты волоченым золотом *чеканное* дело, а другие полосы шиты по червчатому отласу золотом и серебром волоченым с переперы шипами; да у тех же вошев пришиты *передцы* товож дела шиты по червчатому отласу золо-том и серебром волоченым. Вошвы шиты по зеленому бархату золотом и серебром аксами-чены. Вошвы шиты по червчатой камке золо-том и серебром волоченым круги большие и травы. Вошвы шиты по червчатому бархату золотом и серебром аксамичены. Вошвы по-лосаты полосы разные цветы шиты золотом и серебром волоченым. Вошвы камка вене-

дитцкая на червце старое дело шолк бел да зелен с золотом каймы круг вошев шиты по зеленому отласу золотом с червчатым шолком. Вошвы камка бурская на але розные шолки с золотом реки и листье. Вошва одна шита по белой камке золотом и серебром и шолки. Да что были вошвы большие низаны большим жемчюгом по червчатому отласу с яхонты и с лалы и с тех вошев *Росстрига* снял жемчюг и каменя на вошвы, что с запонами, сам делал, а остался на вошвах жемчюг на каймах на одних и без веревок (взяты в хоромы). *Опашница* шита по червчатому отласу золотом и серебром в розводах орлы и олени и павы. 2 зеркала хрустальные, одно серебряно кругло золочено, травы на нем серебряны гнутые, влагалище бархатное золотное; другое зеркало четвероугольно с затвором, влагалище и затвор делано канютелью и трунсалом. (Есть одно первое, а другое отдано княгине Катерине). *Опашница* шита по лазоревому отласу золотом и серебром орлы и олени, у той же *опашницы* передцы шиты золотом и серебром бархачены червчатым да зеленым шолком, круживо широко делано в кружки,

середка золота с лазоревым шолком, кайма серебро с червчатым шолком. Круживо золото плетеное да серебро колешчато ветчано, в мере его 9 арш. и 7 вер.; круживо плетеное золото — 7 1/4 арш.; 2 спорка тафта червчатая (как ожерелья мужские) у них по 2 пуговицы жемчужных. Да из тогож сундука вынял государь: баибереку червчатую 17 арш, без вершка; попонку кизылбашскую делана золотом и серебром и шолки, а велел ее подложить тафтою да отдать на конюшню Ивану Измаилу... Да государь же взял подпругу литовскую делана по вервям шолки.

Коробка ноугородцкая желта окована черным железом, а в ней: 60 ширинок тафтяных с золотыми кистями, 2 убрусца низаных. 2 ширинки низаных государских. 4 ширинки тафтяных шитых без кистей. 2 убрусца низаны. 2 ширинки тафтяных с золотыми кистями, что государю челом ударили боярыни после свадьбы. Ширинка старая шита на проем кисти шолк червчат с золотом. *Коробья* ноугородцкая желта окована черным железом, а в ней: 59 убрусцов низаных. Убрусец шит серебром. И убрусцов жемчуг с них спорот. *Ко-*

робья ноугородцкая желта окована белым железом, а в ней: сорочка полотняна нарядная полосата, нашивка и пояски червчат шолк с золотом. 3 сорочки нарядных полотняных гладких, нашивка и пояски червчат шолк с золотом ветчаны. 6 сорочек полотняных ветчанных, нашивка торочковая. 4 порты. 3 чехлы полотняных ношены. 3 сорочки полотняных нашивка торочковая, две новы, а третья ветчана. Порты. 10 простынь коленных безинных и полотняных. Ожерелье мужское тесма стегана по вишневому отласу. Коробья ноугородцкая желта не окована, а в ней Царицы и великие княгини сорочки тафтяные: сорочка широкая тафта червчата рукава низаны жемчугом с дробницами с мелкими с золотыми. Сорочка тафта полосата, полосы белы да червчаты, по швом (пробел). Сорочка тафта полосата полосы желты да червчаты по швом низаны мелким жемчюжком в веревочку, а по рукавам и по швам низана ряскою (поправл. рясою). Сорочка тафта полосата полосы червчаты да зелены по швом кладены пояски серебряны плетеные. Сорочка тафта червчата рукава были низаны жемчугом и жемчюг

снят. Сорочка тафта желта. Сорочка тафта ала. Сорочка кушачна полосы белы, а другие желты с золотом. Сорочка шиденая полоски по ней шолк ал с золотом. Сорочка шиденая бела полоски с золотом. Сорочка тафта бела рукава шиты золотом (нет сказ отдано княгине Катерине). Сорочка тафта бела. Сорочка тафта ала шамская. Сорочка тафтица ала тонкая, 2 сорочки тафтицы тоненькие желты. Сундук кипарисной окован белым железом, а в нем царя Федоровские сорочки: 13 сорочек полотняных нашивка торчковая. 11 порты. Коробка лубеная, а в ней: *наволока* зголовейная крымская шита по червчатому отласу серебром волоченым. Ичетыги да башмаки крымские шиты по червчатому отласу золотом волоченым, а в травах шолк лазорев зелен (нет, взяли в хоромы). Башмаки да черевинки крымскиеж сафьян ал писаны золотом. Перстень золот крымские присылки, а в нем олмаз не велик (нет, сказ Иван отдал в хоромы). Зуфь амгульская зелена цела. 101 аршин тафты червчатые бурские. 2 косяка тафты, один ал, другой желт шемохейка. Косяк тафты белой китайки. Камка кизылбашская

цветная шолк лазорев, целая. Остаток бархату венедитцково гвоздичново с золотом, по нем звездки, 2 арш. без чети (нет дан Буйносовой на во...). 2 завеса тафта червчата. Рукава женские тафта лазарева. Сорочка тафта бела ветчана, нашивка спорота.

Коробья ноугородцкая желта не окована, а в ней отставочных 7 сорочек полотняных нашивка торочковая; 11 порты, 6 онучки. *Коробка* ноугородцкая окована белым железом, а в ней: 32 литры с цевкою золота. 7 литр и 2 цевки серебра. 3 литры шолку червчатого шемохейского. (Нет, вся взята в хоромы). *Коробка* ноугородцкая, а в ней: сорочка миткалинная. 4 порты миткалиниые (а троих портов нет). 2 сорочки безинные. 2 порты безинные. 4 сорочки полотняные с пугвицами. Рукавца сарпатные. 4 порты полотняные. *Коробка* ноугородцкая, а в ней по ерлыком (нет той коробы, совсем взята в хоромы): 77 аршин тафты червчатые шамские; 49 арш. 7 вер. тафты алые шамские. 47 аршин шиды алой выбиты по ней звездки, 14 арш. тафты жолтые бурские. Ост. дорогов двоеличных, 14 арш. тафты жолтые китайки. Ширинка наблюдная мит-

калинная шита золотом и серебром на середине орел. Остаток сарпату...

Коробья ясеновая большая, а в ней: чеботы бархат червчат низаны жемчугом. Чеботы отлас червчат, жемчуг спорот. 7 чеботы сафьянные шиты золотом и серебром. 11 чеботы сафьянные простые. 6 башмаки сафьянные. 2 чюлки тафта желта. Чюлки теплые тафта червчата на лисице. *Коробья* ясеновая, а в ней чеботы отставочные: 14 чеботы сафьянные желты. 15 башмаки сафьянные желтые. 2 чюлки летние тафта желта. 2 чюлки теплые одни на черевах на лисьих, а другие на черевах на белых. (Тутуж сверх списка чюлки алы да червчаты тафтяны, да сапоги бархатны с золотом да сапоги низаны жемчюгом с камнем по червчатому отласу новые). *Коробья* ноугородцкая желта, а в ней чеботы сафьянные зелены шиты золотом и серебром волоченым, по швом низаны жемчугом. 3 чеботы отлас червчат шиты золотом и серебром. 2 чеботы бархат червчат, у одних образцы низаны жемчюгом; чеботы бархат бурской с золотом. 2 чеботы сафьянные одни алы, а другие белы. 4 башмаки желты сафьян-

ные. *Коробья* ноугородцкая желта, а в ней: 5 чеботы сафьянные желтые. 3 чеботы сафьянные белые. Чеботы сафьянные черлены. Чюлки тафтяные, 2 черчеты, а третьи алыг. *Коробья* ясеновая черна, а в ней: 8 чеботы сафьянные желтые, 5 башмаки сафьянные желтые.

Сундук бел плосок, а в нем: Летник камка кизылбашская на празелени люди стоячие и сидячие, без вошев. Летник камка козылбашская люди и птицы с розными шолки, без вошев. Шубка бархат червчат полосат с золотом. Шубка камка кизылбашская на празелени розные шолкде с золотом. Шубка камка бурская шолк бел черчет с золотом змейки. Шубка не доделана зелена сукно лундыш. Теплогрея объярь ценинная подпушена камкою червчатою. Ост. сукна зеленого лундыш... Запон полосат тафта ала полосы шиты по зеленой камке золотом и серебром. 2 подкладки летничные тафта червчата. Ожерелье пуховое. Остатки кушачные полосы из них вырезаны. 2 вотолки кречатьи шиты по червчатому отласу золотом и серебром. *Коробья* лубеная, а в ней: 40 литр шолку бурсково розных цветов, 3 литры шолку почеты; 21 ансырь

шолку розных цветов. 2 зеркала, на одном плащи серебряны позолочены. Нашивка золотная с кистями. Шапка лисья черная. Полотно, 5 плоточков, 6 чеботы, 6 башмаки, 3-ичетыги. *Коробья* ясеновая бела, а в ней ризы и потрахели и книги. *Коробья* лубеная, а в ней лоскутье гнило. (Нет, роздано). *Ящичек* неметцкой с белилы (справит с отдачею и с продажею).

Коробья лубеная поволочена кожею, что из *Потешные Полаты*, а в ней летники отставочные: (описано 8 летников, 12 шубок бархатных, 5 камчатых, суконных 6). Опашень теплой сукно скорлат; а под ним песцы черные. 3 шапки золотных. Спорок кафтанной алтабас шолк червчат с золотом. Ферезцы *выросток* камка бурская на бели шолк червчат багров с золотом. Наволока отставочная камка червчата, с государевы постели с бумажника. 2 наволочки зголовеинные, одна червчата, а другая желта. Вошвы кушачные ветчаны. Спорки вошевные отлас червчат. Цки бельи хрептовые. 2 подкладки летничные тафта ала; 2 подкладки опашневые тафта лазорева; спорок летничной камка бела. Подкладка шу-

бочная тафта лазорева. 3 одеяла холодные
зуфные червчатые. Одеяло теплое камка кизылбаская на горнастаях. 2 ожерелья пуховые. Одеяло соболье нагольное. Подушечка отлас червчат. Телогреи теплые: (Описано 10 телогрей камчатых, тафтяных на меху, 2 шубки). Телогреи холодные: (описано 4 и спорок). Шуба нагольная соболья. Сундук бел окован железом, а в нем: 3 наволоки зголовейные бархат червчат с золотом. 2 арш. 3 в. сукна багрецу червчатого. 2 суконца кровельных. Аршин тафты алой. 3 чехла. 2 простынки. Коробья ясеновая ветчана, а в ней обрезки бархатные и камчатые и тафтяные мелкие. Сундук в лагалище оболочен кожею, а в нем каптур соболей да 7 ожерелей бобровых. Коробья лубеная велика, что взята в Потешной Палате за государевою печатью, отослана на казенной двор, а в ней: (описаны в портищах и остатках камки, бархаты, отласы, тафты, объяри, алтабас, дороги; камка крымская... камка гирейская лазорева целая. Камка кизылбаская... немецкая... Камка царегородцкая на лазори шолк бел змейки и копытечка, целая. (Ита камка из коробье вынята, а велел государь

в той камке скроить себе шубу)... Кушак ценинен шемохейской полосат полосы с золотом и с серебром с разными шолки. Кушак полосат мисюрской золотной мелкие полосы в мере 3 арш. без вершка. Остаток тесмяки белые полоски с золотом (3 вер.). Кутня целая ала. Миткали арапские целые. 9 пугвиц серебряных золочены...

18. В палате, что против Царицыны Золотые Полаты.

Летники золотные (положены в 1 сундук): Летник камка бурская на зелени шолк червчат да бел с золотом травы, вошвы низаны жемчугом по отласу по червчатому с канителью грановитою и с картулинью орлы и лвы и травы, а в орлах по яхонту лазоревому (взят). Летник камка бурская на зелени шолк червчат лозарев багров с золотом и с серебром круги и травы, вошвы шиты волоченым золотом по червчатому бархату аксамичены золотом, низаны жемчугом (взят). Летник камка бурская на червце шолк бел лазорев зелен с золотом круги большие острые, вошвы низаны жемчугом по синему отласу оксамичены золотом (взяты). Летник кушаки золот-

ные полосы зелены, а другие червчатые, а по полосам копытца и змейки, а в *стану* кушаки с золотом и с серебром и с розными шолки, вошвы шиты по червчатому бархату волоченым золотом низаны жемчюгом змейки и репы (взят). Летник камка кизылбаская на червце розные шолки с золотом людии стоячие и сядячие, вошвы бархат венедитцкой синь с золотом и с петлями низаны жемчюгом... (Следует опись 6 летников). Летник кушаки зелены с розными шолки с золотом, вошвы аксамичены золотом и серебром по червчатому бархату; делан 113 году к Великому дню. (Есть во 2 палате)... Летник камка кизылбаская на зелени розные шолки с золотом лвы и барсы и козы, вошвы шиты по черчатому бархату золотом аксамичены серебром (взят). Летник камка кизылбаская шолк ал с серебром зверки и травки мелкие, вошвы шиты по синему бархату золотом и серебром почечки аксамичены. Летник камка кизылбаская на ценинной земле шолк черчат да синь с золотом змеи крылатые и травы, вошвы бархат венедитцкой шолк черчат да зелен с золотом реки и листья. Летник камка кизылбас-

кая на серебряной земле шолк черчат мужички, вошвы бархат венежитцкой на вишневой земле зелен шолк с золотом и с петлями. Летник кушаки черчаты с золотом и с рознымя шолки, вошвы *ларевские* бархатные. (Всего описано 23 летника).

Летники золотные царицы Оксиньи. (А взят деи у князя Василья Мосальского). Летник камка бурская на лазори черчат да бел шолк с золотом травы мелкие, вошвы бархат венежитцкой черчат с золотом и с петлями низаны жемчюгом (взят). Летник камка бурская на червце шолк бел лазорев зелен с золотом круги большие острые около их бел шолк с лазоревым, вошвы бархат венежитцкий черн с золотом и с петлями низаны жемчюгом цветочки бархачены шолком черчатым. Летник камка кизылбаская на золотой земли розные шолки мужички малые и птицы и травки, вошвы низаны двема жемчюги по зеленому по узорчатому бархату с дробнницею с золотою. Летник камка бурская на зелени шелк черчат ал бел с золотом травы мелкие, вошвы аксамичены золотом и серебром по отласу по черчатому орлы деланы

конютельную с жемчугом. (Есть во 2 полате). Летник кушаки полосаты розные шолки с золотом, а в стану с золотом и с серебром, вошвы аксамичены с золотом и с серебром по черчатому бархату. Летник камка кизылбаская на зелени розные шолки с золотом и с серебром львы и барсы, вошвы шиты золотом аксамичены серебром по черчатому бархату. Летник камка казылбаская на але розные шолки с золотом люди стоячие и сидячие, вошвы аксамичены золотом и серебром. Летник камка бурская на червце шолк зелен лазорев жолт с серебром, вошвы шиты по черному бархоту золотом и серебром листье и травы. Летник камка бурская на серебряной земле черчат да жолт шолк копытца, вошвы бархат венедитцкой зелен двоєморх с золотом и с петлями. Летник камка бурская на червце полоски золоты, а другие серебряны, вошвы шиты по черному бархату золотом и серебром и шолки кречаты и лебеди. Летник камка бурская на бели черчат да лазорев шолк с золотом клинцы, а в клинцах змейки и копытца, вошвы бархат венедитцкой черчат да зелен шолк с золотом и с петлями. Летник отлас зе-

лен с волоченым золотом полоски, вошвы шиты по черчатому отласу золотом и серебром орлы аксамичены серебром. В хоромех летник кушаки двойчаты с розными шолки с золотом, вошвы шиты по черчатому отласу золотом и серебром, делан 113 году. Летник камка бурская на бели шолк зелен да ал с золотом, вошвы шиты серебром по черчатому бархату аксамичены золотом. Летник камка куфтерь бела с золотом, *непеинская*, вошвы бархат венедитцкоя червчат двоєморх с золотом и с петлями. Летник камка бурская на червце кружки золоты, а в кружках шолк бел да лазорев, вошвы столбчатные деланы в кружки с золотом и с серебром: а взят из Офонасьевы рухляди Власьева.

Летники беззолотные. Летник камка куфтерь бела, по ней кулки розные шолки, а в купках попугаи, вошвы аксамичены по черчатому бархату золотом и серебром (взят). Летник другой таков же камка куфтерь бела по ней купки травные розные шолки, а в купках попугаи, вошвы шиты золотом и серебром лученчеты бархочены черчатым да зеленым шолком. И тот летник государыня пожа-

ловала Матвееве жене Годунова Марье. Летник камка кизылбаская полосата, а в полосах розные шолки и слова арапские, вошвы шиты золотом и серебром круги и репьи аксамичены по синему бархату... Летник камка бурская на червце бел шолк звездки суремницы шолк ал лазорев зелен, было в них золото да зашито шолки, вошвы по синему бархату шиты золотом аксамичены почки золотом и серебром... Летник камка на червце бел шолк яблочка, вошвы шиты по синему бархату золотом и серебром коруны.... Летник камка гирейская ала, по нем полосы, а в полосах розные шолки змеи крылатые, вошвы аксамичены золотом и серебром и бархачены шолки, с *ларивского* дела (отдан деи на Казенной двор)... Летник камка еская желта вошвы шиты по червчатому отласу золотом и серебром круги и репейки аксамичены, с *опашницею*; опашница шита по отласу по червчатому золотом и серебром орлы. И ныне под тот летник подложены горностаи *для государевы радости*. (Есть, а горностаи выпороты). Летник камка цареградская бел да черчат шолк, вошвы щиты по зеленому бархату золотом и се-

ребром кречаты и лебеди (взят). Летник камка кизылбаская на червце бел шолк люди и барсы и птицы, вошвы камка бурская на зелени с золотом... Летник камка кизылбаская на бели черчат шолк мелкой узор, вошвы камка бурская на лазори розные шолки с золотом мелкой узор... Летник камка кизылбаская черчат да бел шолк мужички малые вошвы камка бурская на синей земле шолк черчат лазорев зелен с золотом и серебром... Летник камка кизылбаская шолк зелен да бел мужички и барсы, вошвы бархат кизылбаской с золотом розные шолки круги и травы и птицы... Летник камка еская малиновой цвет, вошвы шиты по зеленому бархату золотом и серебром кречаты и лебеди... Летник, камка кармазин черчат большой узор, вошвы камка бурская на лазори шолк зелен да черчат да бел с золотом... Летник тафта широкая желта, вошвы бархат бурской черчат с золотом... Летник камка бурская на лазори жолт шолк репы денежки, вошвы бархат кизылбаской черчат с серебром... Летник дороги прозелены, вошвы камка бурская на червце шолк лазорев зелен бел с золотом листьё большое (в

хоромех деи, а из хором отдан Катерине)... Летник камка венедитцкая зелена, вошвы камка бурская на лазори с золотом. (Отдан князь Васильеве дочери Буйносова Ростовскаго)... Летник отлас полосат черчат да бел шолк, вошвы камка бурская по золотой земле реки. (Отдан князь Васильеве жене Буйносова Ростовского)... Летник отлас на чертатой земле полосы желты широкие около желтых полос полоски шолк бел, вошвы бархат *ларевской* розные шолки с золотом и с петлями (отдан деи на Казенной двор)... Летник камка еская ценинна, вошвы шиты по отласу червчатому золотом и серебром в кругах орлы серебряны. (Всего описано 72 летника).

Государыни царицы и великие княгини шубки бархатные. Шубка бархат венедитцкой, низана жемчугом узоры, круживо низано жемчугом по томуж бархату с дробницею с золотою с чернью с яхонты и с изумруды, а в круживе 19 яхонтов да 21 изумруд в гнездех; подложена тафтою лазоревою (взята). Шубка бархат венедитцкой на черчатой земле кружки золоты, а около кружков травы шолк бел; подложена тафтою ценинною. Шубка камка

бурская на червце шолк бел да лазорев реки и листья золоты и серебряны, подложена тафтою жолтою (взята)... (Всего описано 16 шубок камчатых и бархатных). *Шубки скорлатные*: 3 шубки черлены подложены тафтою лазорвою. Шубка черлена подложена тафтою желтою (взята). Шубки лундышные: 3 шубки брусничной цвет подложены тафтою зеленою. (Всего описано 27 шубок, все подложены тафтою). *Опашни скорлатные*: опашень черчат круживо низано зилы с каменьем с розным (а ныне в казне против Мастерской).

Опашни в казне против Золотой. Опашень черчат, около ево две строки, одна низана в рясную, а другая в один жемчюг, петли низаны жемчюгом; у него 15 пуговиц золото канительное на закрепках низаны жемчюгом, а на закрепках бирюзки (взят). Опашень черчат, около ево два кружива, оба кружива и петли фряское дело с картулином и с жемчюгом без пугвиц. (Есть. Да 15 пугвиц золоты с зерны сняты с инова опашня. Взят и с пугвицы). Опашень черчат, а на нем два кружива золотные широкое да узкое немецкое дело, петли золото с серебром, у него 15 пугвиц золотых

круглые с чернью. (Всего описано 7 опашней, 5 подложены, а 2 подпушены тафтою лазоревой).

Государыни царицы и великие княгини телогреи летние. Телогрея камка бурская на червце бел да лазорев шолк с золотом яблочка белы, круживо низано жемчюгом по синему атласу с канителью, пугвицы резаны на проем с жемчюги 14. Телогрея камка бурская на лазори шолк бел да червчат травы, круживо делано канителью и картуленью по червчатому атласу, пугвицы золоты резаны с чернью круглы 15. Телогрея камка бурская на зелени копытца золоты, а змейки серебряны, круживо шолк черчат с золотом и с серебром, пугвицы золоты с жемчюги резаны на проем 15. Телогрея камка кизылбаская на зелени розные шолки люди стоячие и зверки и птицы, круживцо неметцкое золото с серебром пугвицы серебряны золочены резаны грани прямые. (По ерлыку сее телогреи пугвицы и круживцо снято на царицыну телогрею, что делана к радости). Телогрея камка бурская на бели розные шолки травы чеканены, круживо золото плетено широкое. Телогрея камка

венедитцкая ал да бел шолк, круживо шито золотом по синему атласу аксамичено серебром и шолки, пугвицы серебряны золочены

13. Телогрея камка венедитцкая желта большой узор, круживо сделано в кружки черчат шолк с серебром, пугвицы серебряны золочены грани прямые резаны, на забоех зерна белы, 13. Телогрея обьярь зелена, круживо сделано в кружки черчат шолк с золотом и с серебром, пугвицы серебр. золочены шишкою чеканены, 15. Телогрея атлас венедитцкой цветной на червце шолк зелен бел рудожолт травы, круживо немецкое серебрено кованое, пугвицы серебряны золочены резаны через грань. Пугвицы и круживо по ерлыку снято во 113 году к царицыной к иной телогрее, 15. (Всего описано 21 телогрея).

Летние-ж телогреи. Телогрея камка кизылбаская на зелени шолки розные с золотом листье и травы, круживо делано в цепки шолк черчат с золотом и с серебром лоси, пугвицы серебряны жлудики, 15. Телогрея делана из платна, камка кизылбаская полосата шолки розные. с золотом, в полосах слова арапские, круживо немецкое дело серебряно,

пугвицы серебр. золочены через грань резаны, 15. Телогрея камка бурская на червце шолки розные змейки золоты мелкие, круживо немецкое шолк черн с золотом с волоченым узко, пугвицы серебряны золочены узлы. Телогрея атлас венедицкой черчат круживо с нее снято, пугвицы серебряны с чернью на миндальное дело, 15. Телогрея новоделана отлас черчат *шиты* люди на конех и пешие, лвы и птицы и травы золотом и серебром с розными шолки без кружива и без пугвиц. (Описано 20 телогрей).

Телогреи теплые. Телогрея камка кизылбаская на червце шолк бел мелкой узор на пупках собольих, круживо делано в кружки шолк зелен по краям червчат с золотом и с серебром, пугвицы серебр. золочены. Телогрея отлас цветной на червце шолк зелен да бел на черевах на белых, круживо золото неметцкое, пугвицы серебряны жлудики. (Описано 10 телогрей).

Теплые-ж Оксиньины. Телогрея отлас зелен полосат с волоченым золотом на пупках собольих, круживо делано в кружки червчат шолк с золотом и с серебром лоси, пугвицы

серебр. золочены через грань резаны. Телогрея камка кизылбаская на червце бел шолк мелкой узор на черевах на бельях, круживо делано в кружки серебро с золотом пугвицы серебряны золочены грановиты. Телогрея камка кизылбашская полосата розные шолки на черевах на лисьих, круживо делано в кружки червчат шолк с соребром, пугвицы серебряны уголчаты с чернью. Телогрея отлас жолт шолк огнивца, без наряду, черева бельи сняты... Телогрея объярь бела, круживо неметцкое золото с серебром, 14 пуговок корловых в репейках в серебряных в сканых, в закрепках жемчюжки. (Описано 11 телогрей).

Кортель тафта широкая червчата на черевах на белых, вошвы камка бурская на жолти червчат да лазорев шолк с серебром. Кортель камка венецицкая жолта чешуйчата, без вошев на черевах на белых. Кортель горносталей нагольной, вошвы бархат венежитцкой червчат с золотом и с петлями.

В той же палате: сундучек нов невелик окован белым железом, а в нем: Вошвы шиты в ряды серебром аксамичены золотом и шол-

ки. Вошвы шиты по белой камке серебром в ряды аксамичены золотом да червчатым шолком.....Вошвы камка кизылбашская на празелени розные шолки с золотом люди на конех, а иные пеши... Вошва одна шита по вишневому бархату золотом аксамичена золотом и серебром, (Описано.19 пар вошев и одна). *Камки целые:* Камка гирейская бела. Камка кизылбашская полосата розные шолки, по полосам слова арапские. Камка мисюрская шолк червчат да бел. Камка кизылбашская на алой земле мужички и травы. (Описано 6 камок). Остатки: (бархату, камки, атласу, тафты, зуфи). Зеркало хрустальное в серебре, мишени золочены, лага-лице дороги алы на бумаге стегано.

В той же палате: *Коробка* ноугородцкая, а в ней выростки (Нет, сказ Анна згнили и выкинуты): 7 кафтанцов теплых и холодных тафтяны и камчатые. Ферезци холодные тафтяны. 2 одеяла холодное да теплое. 17 тафеек отласных и камчатых и суконных отставочных. Сапошки сафьянны желты. Башмачки лазоревы. Выросткиж сорочки и порты. (Все згнили выростки). *Сундучек* бел кипарисной

окован железом, а в нем широкие белые тафты 26 арш., да 20 арш. с полуаршином кисеи. 2 сорочки нарядных. Порты. Чехол. 4 сорочки с пугвицы с торочковыми. Пояс шолк червчат с золотом. 14 ширинок шиты золотом и серебром. 3 утиральника. 5 полотенец. Кисея с шолки и с золотом. 2 связки простых белых. *Коробья* лубяная поволочена кожею, а в ней отставочново платья: 5 шубок золотных разных цветов. — Шубка цветная камчатая беззолотная. 2 спорка камчаты цветные. Спорок ал. Кафтанишко тафтян черлен. 2 узла остатков ветчаново платья бархатных и отласных и дорогильных и тафтяиых. *Коробочка* ноугородцкая невелика окована железом, а в ней спорки образцовые 32 гнезда. 14 кистей кляпушных золотых ворворки низаны жемчюгом. 7 кляпушей золотых с кистми ворворки низаны жемчюгом. 16 кистей разных портиц золотых и серебряных. 5 портиц завязок ветчаных с золотом и с серебром и с разными шолки. Кисть золота ворворка низана жемчюгом. 4 кружива снурных, 2 низаны жемчюгом, а 2 шиты золотом и серебром. Мошна бархат червчат аксамичена с кистьми шолк зелен.

Коробочка таковаж, а в ней: 6 литр шолку розных цветов. *Ларчик* красной окован железом, с мелочью, а в нем: сорочки со крестов и ожерелные. Сорочка отставная пошевная ветха. *Коробка* ноугородцкая окована, а в ней отставочные сорочки и порты: 18 сорочек мужских, 5 чехлов. 29 порты. 12 сорочек женских. 2 сорочки тафтяных. *Коробья* ноугородцкая неокована, а в ней отставочныеж сорочки: 26 сорочек мужских. 3 чехлы. 39 порты. 37 онучек. Спорок ко(л)пачной ординской. *Коробка* ноугородцкая окована белым жедезом, а в ней: 6 сорочек мужских отставочных. 2 чехла. 7 порты. Сорочка женская. Пояс шолк червчат ворворки низаны жемчюгом. 10 полотенец белых. 2 кики. Венец с городками. 3 судна серебряны золочены. 2 чаши паникадильных серебряных. *Коробка* ноугородцкая окована черным железом, а в ней: 3 сорочки мужских, 4 порты, чехол, 2 сорочки кисейных белых, 3 пояски шолковых красных, 3 онучки, 3 простыни, тесма муская черная. *Коробка* ноугородцкая долга окована железом белым, а в ней: 2 сорочки муских кисейных нарядных, порты нарядные кисейные, чехол кисейной

нарядной, 3 порты обычные, 2 сорочки женских, 3 полотенца, простыня. *Коробка* ноугородцкая желта не окована, а в ней: 15 сорочек женских, 2 сорочки драных муских, 10 онучки, 6 ширинок да полотенцо шиты золотом и шолки, 2 полотенца белых, 2 рукава женских кисейных полосатых, 4 кистки шолк багров с золотом и с серебром. *Коробья* желта ноугородцкая неокована, а в ней ларчик раковинной, а в нем: *передцы* шиты ло червчатому атласу золотом и серебром. 2 платочка тафтяных, 2 остатка от кружива струнцанью (sic) по вершку. 20 полотенец белых; 2 волосника шолк червчат да зелен с золотом; ошивка шита золотом; 6 простынь; ширинка шита золотом и шолки; 4 связки косынных. *Коробка* ноугородцкая жолта окована чорным железом, а в ней: 6 шнуры с кистьями шиты золотом и серебром с шолки; образцы початы шить по червчатому отласу, 3 простыни, полотно нитей, 2 наволоки белых, скатерть шитая; 6 спорков покровных шиты золотом и серебром по черному и по таусинному отласу, жемчюг снят. *Коробка* ноугородцкая невелика жолта, а в ней: 5 сорочек муских обычных;

10 полотенец; 12 полочек; простыня; полполотна нитей. *Коробка* ноугородцкая желта неокована а в ней: 100 полотенец белых роздточных; 19 спорков целых и драных с тафтяных и дорогильных розных цветов. Зеркало обнизано жемчюгом, лагалище у него бархат черной, оковы и маковки у лагалища серебряны, колечко серебрянож (взято). *Коробья* лубеная взята из *потешной полаты*, а в ней: опашень черчат недомерок сукно багрец, а у него 10 пугвиц серебряны. Рукавка шита по белому отласу золотом и серебром. (И тое рукавку взяли ко государю). Пояс тесма шолк лазорев оковы и пряжи и наконечники золоты. И тот пояс взяли ко государю. *Торлоп* черева белы. Опашень чорн сукно настрафиль. Летник олтабас на серебряной земле с золотом, *опашница* у него шита по черчатой камке золотом и серебром волоченым, без вошев; а у него 14 пугвиц серебряны. (Нет сказ Иван. Есть в сундуке во 2 полате, в сундуке, что из сенника). Летник тафта бела, вошвы камка черчата с золотом. Летник камка желта, вошвы камка на червце с золотом. Шубка камочка на червце с золотом ветчана. Зуфи чер-

чаты 7 ар. без 2 в., зуфи желтые 3 ар.; 2 чеботы женские бархатные черчаты, у одних по швом пояски серебряны (взяты); 4 чеботы софьянные желтые; чеботы мешинные желтые. Башмаки сафьянные желтые опушены бархатом черчатым. 2 сафьяна один ал, а другой желт (взяты). Полсафьяна черчатого да полсафьяна алово. Чеботы скроены сафьянные белы (взяты). Шириночка тафта бела с кистми с золотыми. 11 полотен. Мешечик невелик, а в нем остатки суконные. 2 коробочки неметцкие маленькие, в одной коробке четки королковые (нет взят в хором.) 2 простыни. Лахань виницейская скляничная в лагалище в деревянном. Ларец бел не окован, а в нем ящичок невелик, а в ящичке в пяти бумажках жемчугу не по мношку да камышки мелкие разных цветов да дробницы серебрячны золочены. 5 икон серебряны золочены резаны на них дейсусы. Цата нёвелика золота с чернью, а в ней лал да 2 бирюзы. 2 золотых угорских и те золотые взяты в хоромы. 2 литры золота. Шолку рудожолтого турские скани 113 золотник с полузолотником. Шолку черчатого турские скани шеморхансково 120 золотников. Шол-

ку таусинного турские скани 274 золотника. Шолку черчатого бурсково литра и 60 золотник. Спорки, веревки и бахромы с золотом. Ширинка шита шолки с золотом. В мешечке по ярлыку 7 рублей и 2 алтыны с денгою. (Нет сказ взял в хором.). Мешечик киндячен черчат, а в нем: 47 пугвиц золотыхъ и серебряных. 8 сорочек иконных черчатых бархатных. Покровец тафта черчата шита золотом. *Коробья* лубеная обшита кожею, а в ней: 2 кортеля наголные бельи черевьи. Ожерелье пуховое. Летник отлас черчат, вошвы камка бурская на бели с золотом травы и листье. Летник *моркос* лазорев, вошвы камка бурская на червце розные шолки с золотом. Летник камка венежитцкая шолк бел желт, без вошев. Летник камка голуба чешуйчата, вошвы шиты на черни золотом и серебром, ветчан. — Восемь подволоок камчатых и тафтяных розных цветов, деланы *на игрищ*. 2 шубки черчатых, одна подпушена тафтою лазоревою, а другая зеленою. Шубка с зелено лундыш, подпушена тафтою алою. Кортель дороги белы. Чеботы сафьянные черчатые строчены шолком зеленым. Чюлки теплые на черевах на

лисьих поволочены тафтою алою. Наволока постелная камка черчата... Подкладка одеяльная зендень желта. 4 однорядки черчатые выростки. 3 шубки выростки камочка цветная. Спорок шубной лазорев тафта шамская. Кортель кушачной мелкие полосы на черевах на белых, вошвы бархат венецицкой на червце [266].

19. 119 года... Цата образован золота чеканная (с каменья). Крест золот литой телник наведен чернью, гойтан шолк червчат, на нем 2 королка невелики. 2 блюда серебр. золоч. Лохань. Солонка серебряная венец золочен подписано имя Царя Ивана. Росолник серебр. Часы боевые круглые ободы меденые золочены резаны травы. 2 Шапки. *Колпак* ардынской подложен камкою золотною в цветах шолки червчат да лазорев да зелен, на прорехах по две петли низаны жемчюгом. *Ложечка* серебряная складная резаны травы золочена, ложечник бархат кизилбашской золотной, поцепка шолк червчат с золотом. *Торч* булатной черен каменной сиз, шляк и оковы золоты, ножны по хзу по черному, оковы серебряные позолочены с резью, поцепка шолк червчат с

золотом. На поясу на шолковом на червчатом
связенки в 4 ножнах в хозовых и черных око-
ваны серебром, ножик. шило, трубка, ножни-
цы, свайко, сверло.

В *Задней Повальше* рухлядь смотрена и пе-
реписана, а привезена та рухлядь на Старой
двор с Верху в ларце в кипарисном. Зеркало
хрустальное влагалище в бархате в червчате
петелька и крючек, серебряны, испод подде-
лан серебром бел резаны травы, обод меден
золочен, на верху орел двоеглавой; одного на-
угольника нет. Солоница. 3 булавки зерна
гурмыжские на золотых спнях большие скат-
ные. 4 булавки зерна невелики гурмыжски-
еж, три на золотеж, а четвертая на серебре.
Чарка винная хрустальная поддонье и по вер-
ху обложено золотом с чернью, подпись имя
царя Василья. Гребень кость чюбара на одной
стороне 5 искор яхонтовых червчатых да 4 би-
рюзки, а на другой стороне 4 искры яхонто-
вых червчаты да 5 бирюз врезываны в золото.
Лагалище оболочено кожею красною. Зарука-
вья золоты плащи кованые... Два запястейца
немецкое дело золоты, делано около костей
по золоту наведены травы финиктом (sic) чер-

ным да белым, по 8 звен в запястейце. Зарука-
вья золото розсыпано 8 звен, на верху резаны
травы на проем, а с исподи наведено чернью.
16 плащиков золотых... Наузольник кругол да
2 плащика золоты резаны на проем. 18 образ-
цов серебряных литых золочены резаны тра-
вы. Печать серебряна индрог кругом писано
имя царя Василья, гойтан шолк червчат. Орел
двоглавой низан жемчугом. 36 зерен жемчу-
гу большово уродоват.

В коробье в кованой ноугородцкой. 4 сороч-
ки мужских, на дву нашивка и плетенек
шолк червчат с золотом, а на дву нашивка
тафтяная с тесмами. 2 порты с тесмами. 4
убруса, 3 шиты серебром, 4 с золотом; 2 полки
убрусные простые. С четверть гривенки дроб-
ниц серебряных басменных; 2 ноженки мален-
ки немецкое дело. Пелепелочек серебряных
золочены с четверть гривенки. Застенок по
отласу таусинному бывал низан жемчугом, а
жемчюг снят. 4 образцы бывали низаны по
таусинному отласу жемчугом. 10 образцов
бывали низаны по червчатому отласу жемч-
югом. Наволока постельная да наволока взго-
ловенная камка червчата да желта, шахмоче-

ны. *В коробье белой: торлон* белей черевей под тафтою под лазоревою под широкою, вошвы бархат на золоте шолк червчат да зелен, подольник червчат. Одеяло отлас золотной по червчатой земле около шито золотом и серебром с шолки, грива шиты арабские слова золотом да серебром волоченым. *Ферези* женские отлас червчат подложены дороги алы подпушка отлас зелен около плетенок золот, 14 пуговок серебряных с резью. Завес шит полосами, 8 полос шито по камке по таусинной да по зеленой золотом да серебром, да промеж их 7 полос отласных и камчатых, подложен тафтою разными цветы. Одеяло соболье покрыто камкою золотною кизылбашскою, грива отлас золотной по белой земле в цветах шолк червчат да зелен да черн. *В коробье обложена кожею:* постеля бумажная, наволока делана клинцами отлас червчат зелен бел жолт лазорев. 2 ковра сорочинских по белой земле. 3 свечника меденых.

Государева Старого двора: 28 образов да 2 складни обложены серебром басмою. Понагея резь на кости Распятие Христово, обложено серебром, сорочка бархат зелен. Понагея резь

на кости Троица Живоначальная да Пречистая Знамение, обложено серебром; сорочка бархат цветной. Понагея Троица Живоначальная за хрусталем, обложена серебром, в закрепках 2 жемчуга. 2 креста золоты невелики, на обеих Распятие Христово, у одного в закрепках 4 жемчюжка невелики. 5 камошков простых, 3 бауси да хрусталь, да *леник*. 191 образ неокладных. 3 складни в меди. Стопа ценинная. Налоец коженой. *Книги*: Евангелие толковое в десть, печать литовская. Апостол писменной в полдесть. Книга в десть, печать литовская, Василья Кесарейского. Псалтыря писменная в полдесть толковая. Книга Правила писменная в полдесть ветчана. Книга в затылке в голых досках писменная Летописец в полдесть. Книга в полдесть писменная, выписано из Правил святых отец *цветки*. Книжка в затылке в досках в четверть, выписано из Правил же святых отец. Книжка в четверть литовская, письмо польское, святого Кирила патриярха о Вере, страница русского писма, а другая польского. Книга в полдесть ветчана Измарагд. Книга треодь цветная в десть печать московская. Книга в полдесть писменная

Треодь посная. Книга в четверть печать литовская Часословец. Книга в полдесть писменная Охтая 4-х гласов, начало 5 гласа. 2 тетрати в десть из Бытьи с знаменьем. 4 тетради в кожах Житье и кануны Пречистые Знаменья да Онтония Римлянина да Николы Чюдотворца, а 4 выписана из Златоуста о нраве человеческом; все в полдесть. 5 тетратей польских печатных в полдесть. Книжка в четверть ветха, выписано из летописца. 4 Книжки в четверть польские, печать литовская. Тетрать в полдесть *травник* немецкой печатной. 5 тетратей в полдесть выписано из Звездочетья. 2 книги в десть польские, печать литовская. 11 миней месечных: Сентябрь писменной в десть. Октябрь, Ноябрь, Декабрь, Генварь в полдесть. 2 Марта, одна в десть, а другая в четверть. Апрель, Май, Июнь, в полдесть, все писменные.

Старого же двора, подожено в осиновую коробью с государевым: 2 ожерельи отложные низаны одно большим жемчюгом, а в нем в гнездах и изумруд да 2 бирюзы, а другое низано обычным жемчюгом без каменя (Ростригина данья). Отлас золотной целой по

червчатой земле шолки бел да лазорев (Рас-
тригина данья). Науруз отлас золотной по
чермчатой земле шелк бел да зелен, на нем
две кисти шолк лазорев с золотом, ворворки
низаны жемчюгом мелким. *Тигиляй* с горно-
стами бархат шолк черпчат да зелен с золо-
том, нашивка пуговики серебряны на петлях.
Ормячок тонкой, завязки шолк голуб. Мошна
шита золотом да серебром по отласу червча-
тому, поцепка шолк червчат, ворворки низа-
ны жемчюжком мелким. Фата цветная вы-
бойка турецкая. Рубашенка женская ветчана
тафта червчана. Наколеники нагавичные ши-
ты по отласу червчатому золотом да сереб-
ром. 4 полотелечка шиты разными шолки. Ру-
башка мужская нашивка пуговицы шолку
червчатого. Штаны ветчины бархат вишнев,
наставки камчатые. Шапка рысья. Шапка
чорна лисья. Шапочка санная камка багрова
на пупках собольих. Часы меденые боевые на
4 углы немецкие в лагалище. 2 скляночки пи-
тья. одна лазорева, а другая бела. Скляница
водяная. 9 братинок троицких с венцы. 3 до-
стоканчики. 4 скатерти браные. 10 трубок
свечных. Фонарь паюсной большой круглой

свадебной. Фоиарь паюсный большой 4 угольной. 3 ковра сорочинских по червчатой земле травы белы лазоревы зелены желты. Ковер бел по нем краплины черны. Попона бела черкаская. Шатер кизылбаской безинной бел, полы безинные белы, подложен шатер и полы вязью вишневою. Кровать складная. Шкапула порозжа. Лохань медяная большая. Лоханка медяная невелика. Кунган медяной большой. *Ламбик* медяной. Рукомоинчик медяной невелик. Инготь медяная. Оловяничок маленькой чарки в три. Сковоротка медяная с носком. Кубик медяной винной невелик с трубою. Суля оловяная в лагалище деревяном. Миса большая оловяная. Фляшка тыквяная с шурупом. Миндерь кожаной.

И 119 г. февраля и 25 день по приказу думного дворянина и казначея Федора Ивановича Андропова из тое рухляди взято на Казенной двор и отдано дьяком Меньшому Булгакову да ...вею Коробейникову серебра: 2 блюда — лохань — солонка — кровелька — росолюник, 2 рукомоиника — 2 таза — лохань — солоница — 17 образов. Печать — чепь — 2 ошейника. Достоканец. Да денег — 12 р. Еще

рублев с 11.

20. (Следует, кажется, опись мониета)... икона золота в середке образ Пр. Богородицы, резная... 3 креста золотых с каменьями и жемч. 2 креста золотых с каменьями и жемчюги. На мониете 8 пронизок золотых. Ожерелье жемчужное муское, жемчюг бурминской, 2 перстня золоты навожены финифтом, а в них 2 алмазца. Чичак золот на нем яхонт лазорев, взерху и внизу 2 зерна бурминских. Чепочка золота колечки витые, а другие тригранные. Песочница да чернилица серебряна. Тесма муская. Шапка отлас червчат низана жемчугом с конютелью. 16 полотен двойных. 12 полотен тройных. 2 полотна тверских. 2 сорочки шиты золотом да 2 порты; сорочка кесейная шита золотом; сорочка ж да порты тафтяные червчатые с пояски золотыми. Зеркало булатное обделано конютелью. Крест серебрян золочен с мощми, на нем Распятие литое. Чепь золота кольца ребристые: пронизка золота делано... Крыж золот с финифтом... 2 колотки рясные золоты навожены финифтом, а в них 6 яхонтов червчатых. Коробочка серебряна с кровлею золочена по ней резаны тра-

вы. Монисто золото на чепочке золотой... Паникадило медяное с часами. Жаровня медяна, а в книгах написана серебрена золочена, для духов. Вески и Фунт серебряны во влагалище. Часы медяны золочены стоячие, стоянца бораньи. Чернаница серебрена, в ней свистелка серебреиа с зуботычками да с уховерткою. Лысина серебрена с камешки по раковине. 2 пера серебряны. Чепочка серебрена золочена меж звен бибенчики. Зуботычка серебрена золочена. 2 зуботычки серебряны белы. 2 остроги серебряны золочены. 19 пугвиц золоты с чернью, с опашня царя Федора. Ларец медяной, а в нем (пуговицы). 3 самопала коротких навожены золотом с костью. Стопа ценинна. Шахматы хрустальные. Зеркало булатное испорчено обделано серебром с раковинами. 21 звено чепи гремячей золотой. Застежка серебрена от книги. Печать государева серебрена в мешечке в отласном в золотном. Шкатулка, а в ней блюдечко да солонка да перешница да блюдечко малое да ложка большая да середняя да малая да вильца серебряны золочены да ножик стальной. Часы медяни круглые указные да ящик на кости. Тёсем-

ка шелкова зелена жуки и назади колца и крюк и наконечник золоты. Нож булатной. Ложечка серебрена золочена складная, лжи-чен бархат с золотом. Сумочка, в ней 5 поло-тенец. Чюлочки дорогильны под ними белки. Брусик скляной. Зголовье 2. Ковер сорочин-ской. Зеркало булатно. Чотки рыбей зуб. Па-нагея золота. Палаш стальной. 5 золотых угорских. Шахматы ентарные. 2 шахматы од-ни рыбей зуб, а другие костяные. Тавлеи, в них втирки ентарные. 2 доски шахматные. 8 самопалов коротких. Натрушник серебрян склячей. Фляшка капова. Палашик малой. Сабля стальная. Нож булатной... *Шкатула* оболочена бархатом черным, а в ней: 2 креста золоты с алмазы, а у них 5 жемчюгов. — Ка-мень безуй в коробочке. — Запона золота (с каменьи). Гнездо золото, делано на проем... 3 запоны золоты (с каменьи). 2 запоны (с каме-ньи). 2 кляпышка золоты в них берюзки. 30 пронизок винисовых. Запона в ней зверок ко-за под нею изумруд... 13 пронизок золоты ре-заны на проем. Ряса, а в ней 9 веревочек жемчюжных на спнях и на кольцах золотых. 5 крестов золоты... Икона яшма зелена на ней

вырезаны 3 святых, один подписан: царь Константин, обложена золотом с яхонты и с изумруды и с лалы, назади наведено чернью мученик Христов Федор да пророк Еремей; сорочка бархат червчат низана жемчюгом. Крест золот с мощми на нем 3 берюзы да 2 червца да 2 жемчюга. Понагея золота, на ней чернью наведен образ Вседержителей, а назади мученик Феодор; а в понагее Троицы Живоначальные вырезано на кости, обложена золотом. Запана серебряна кругла делана сканью камень сизов. Дробница серебряна кругла с финифты. В *коробочке* серебряной 31 перстень с алмазы, а иные с яхонты и с бирюзами да 3 запаны золоты в одной 2 человека, в другой птица, в 3 два яхонта, все с жемчюги. Чепочка золота гойтанная кольчата, промеж ее звенца скатные.

В *коробье* в ноугородцкой в связке сорочка с ожерельем жемчюжным; пугвицы жемчюжные бурминские, в закрепках лалики да изумруды. Порты. — Чехол. — Простыня. — Онучки. Утиральник. Ковер сорочинской. *Чертеж по харатье*. 7 лоханей меньших да 2 лохани болших. 2 лохани столчаковы медя-

ны. 3 шандана медяны. Рукомойник медян. Столчак. В коробке лубяной: 4 простыни. Часы боевые. Фонарь слюдяной. 2 трубы медяные водопускные. 2 скляницы водяных. Круг железной, ставят над свечами. Коробья осиновая с письмом запечатана. Ладонница да щипец медяны. 2 стула бархат червчат оковы серебряны. Стул путной. Шахматы каменные донца серебряны золочены. Доски аспидные обложены серебром на ножках на серебряных. Подсвечник медян. Зеркало немецкое с часы. Самопал колесной с костьюми. Сабля московская без пояса. Зерцала залочены. Зерцала турецкие на тесмах залочены с мишенми, подложены выбойкою пестрою. Фонарь слюдяной во влагалище. 2 фонаря паюсных. 5 столчаков, 2 суконные, 3 бархатные. 4 лохани столчаковые да 8 лоханей меньших и средних да лохань сенная. 7 свечников медяных, 8 кунганов луженых. Шандан стенной булатной. 2 шандана медяных стоячих. 3 шандана железных стенных. 2 скляницы водяных. 2 кувшинца оловяных. Таз медян. Чемодан столчаковой. Охобень зуфь багрова столовой. Посох царской золот, делан с финифтом и с

яхонты и с жемчюги. Рукавки замшанные подложены горностаи, по запястьям шито золотом с шолки по червчатому отласу по узору низано жемчюгом. Рукавка ястребья... Карманец сафьян червчат подложен тафтою китайскою зеленою. Рог корольковой красной. Осон посошной серебряной. Место царское кизылбаское... Место сандальное складное оковы серебряны... Место писано золотом по бакану подушка и застенок и налокотник сафьянные. Место бархат червчат с бахрамами решетчатыми... Стул серебряной, на нем 7 кистей золотных, у них ворворки жемчюжные, поволочен камкою золотною. Стул сафьян червчат деревяной золочен. Стул деревяной золочен поволочен бархатом червчатым, оковцы серебряны. Стул дерев. поволочен сафьяном черчатым (Всего 5 стулов). 2 стула кожаные. Ящик с перьем струцовым.

Часы золочены сырчаты с планидами во влагалище. 2 часы флягою планидныез на стоянце. Часы столпчатые золочены планидныез, на них орел. Часы столпчатые боевые. Часики воротные боевые старые испорчены, у них гойтан и кисть серебряны, ворворка

жемчужная. Часы боевые башня с планидами. Часы боевые сыром испорчены. Часы боевые ходячие на колосех колымага. Часы боевые струнные круглые башенка. Часы ходовые с мигалом образинка. Часы медведь с боем. Часы трубные. Часы кубок серебрян боевые. Часы боевые с четвертьми на гойтане шолк светлозелен с серебром, ворворка низа на жемчугом, кисть серебряна. Часики боевые малые круглые. Часы книжкой планидные. Часики медяны кубчиком обложены боевые попорчены. Часы боевые сыр большой. *Панья* ходячая. Зеркало немецкое во влагалище. Зеркало кругло с рукоядкою. 2 ковра причастные золотные. 4 посоха сандальных у одного рога и подковаец серебряны золочены, а у трех рога рыбей зуб. 2 посоха с настругою каповою, рога рыбей зуб. Кровать сандальная дорожная. Знамя видение Иванны Богослова, в кругу образ Господень на лошади изо уст его изыде оружие, избивая языки, а за ним воинство небесное, а перед ним в кругу архангел Михаил; шито по тафте по червчатой золотом и серебром, опушка тафта таусинна; ещо недоделано. Зголовойцо местное бархат черв-

чат с золотом, а на другой стороне камка желта, одеяло отлас жолт, подкладка тафта червчата. Бумажник и зголовойцо бархат червчат, застенки кругом камка золотная на лазори. 2 подушечки, одна камка червчата. а другая отлас зелен. Связка шолк червчат, кольцо серебрено. 2 ковра сорочинских. 2 одеяла белых, одно под камкою бурскою, а другое под кизылбаскою с золотом. Одеяло объарь червчата, грива камка на зелени с золотом, подкладка тафта жолта. 2-я *коробья* постельная, а в ней 4 сукна червчаты кастрафиль возковые. Наволока постельная белая, в ней бумага хлопчатая по смете гривенок с 5. 4 колодки подножные, одна позолочена отлас золотной червчатой, а три поволочены сукном червчатым. Миндерь сафьян червчат. Коробья с простынями купелными. Сундук, что взят в сеннике, а в нем сорок соболей. Стулик поволочен бархатом червчатым. Кубок раковинной бел обделан серебром. Кубок раковинной буйвол на стоянце... Судно хрустальное. Обломок хрусталу на три угла. Ларчик оболочен бархатом червчатым, обит серебром, в нем рог королковой красной. Ящик костяной черной,

в нем прибиваны мишени серебряны, а в нем 4 ящика серебряные с кровелками. Шапочка *царевнина* отлас серебрян по рудожелтой земле. *Платья*: спорок с телогрей. *Спорок* с шубки. Летник алтабас золото и серебро волоченное без вошев, опашница шита золотом и серебром волочоным, подложен камкою червчатою. Опашень бархат кызылбаской. Летник камка венецицкая. Кортель тафта червчата. Пола кровати аглинские бархат ал по швам и кругом каймы серебряны, подложено тафтою червчатою. Чеботы женские отлас червчат, кривые. 4 снуры шиты по белой тафте разными шелки, на концех кисли шелк червчат. Камень яшмовой змеины головы с одну сторону, а на другой стороне рези нет. Сорочка бархат червчат, крест низан жемчюгом. *Коробья* осиновая бела, а в ней: 2 блюдечка ценинные, одно бело, а другое пестро. 2 блюдечка белы яшмовые. 3 чашки скляничные. Чашка янтарная. 2 чарки скляничных по них полосы белы. 3 братинки с кровлями скляничными. 4 достакана скляничных, 9 скляниц достоканцами розное дело. Кувшинец скляничной полосат кровля серебряна (описано 4). Скляница с

травами на стоянце с серебром.

Коробка наугороцкая, а в ней: 6 сорочок полотняных нашивка шолковая частая. 4 порты полотняные пошевные. Сорочка женская полотняная. Рукава рубашечные кисейные полосаты. Веретенцо серебрено, другое косяное. Уломок сурмы. Блюдечко серебрено чеканное по нем выбиваны люди и травы. В другой *коробье* ноугороцкой: полотенцо шито шолком черным. Прокладка диадимная тафта ала с бумагою. 6 полок убрусных шитых. Застенки к постеле и к подушкам шиты по отласу по белому. Снур шляпочной делан картунелью и трунцалы с жемчюги, подложен тафтою зеленою. 7 арш. сармату. Ожерелье отлас золотной по зеленой земле. В перье зеленом стекло зеркальное.

21. *Взято с Казенного двора из нижние полаты, где сидят дьяки.* 2 сулеи серебр. золоч. с чепми. 81 чарка серебр. белых гладких, что деланы были на роздачу. 8 образцов низаны жемчюгом по таусинному бархату деланы лапою на трое. 10 образцов деланы лапою на пятеро (деланы на проем и т. п.). Образы складни на кипарисе резные 2 цки о Тебе радуетсяца

да Единородный Сын — поля обложены серебром сканью с финифты. Зеркало круглое булатное в лагалище. Ложка рыба белая. Коробочка ноугородцкая окована худенька, а в ней мыла грецково 25 брусков. 2 сатыни по портищу; мухояр червчат. Фата выбойка турская. Фата безинная синя полосы белые. Зеркало хрустальное немецкое кругом врезываны раковины. Приволока бархат венецицкой лазорев с золотом опушена горностаи, подкладка дороги алы без пугвиц..... 4 кафтанишка литовских згнили. Коробья лубяная, а в ней 70 фат золотных и беззолотных и бумажных. Коробья осиновая, а в ней: (остатки тканей), киотчишко, ящищек да цениненка да ставичек с камышки плохими. Лучишко карасанской да 2 саблишка *дитячьих*, оболочены ножны бархаты. Коробья лубяная, а в ней: 2 зеркала медяны золочены с камышки с бирюзки; 2 щита медяны золочены с камышки плохими и с бирюзками; 2 наручи медяны золочены с камышки плохими и с бирюзки; 4 булавы оправлены медью золочены с камышки плохими и с бирюзки; сабля черен и ножны окованы медью золоченой с камнем,

ножны оболочены бархатом черленным; 2 сабли; 14 попонок да покровец конских нарядов. 10 стремяна. Чашки железные испорчены; колокольчик медян...

Саян немецкой с подольником шит по черному бархату алтабасом, около алтабасов веревочки золотные. 7 барсов больших полежали. 8 барсов погнили, 3 барсы гнилых. 4 волчишка. Скатерть турецкая на золотой земле шолк ал зелен лазорев багров жолт с серебром. 7 ширинок кисейных шиты золотом и серебром крымские присылки.

Коробья ноугородцкая, а в ней: 12 литр золота, 2 литры серебра, 30 колодочок серебра волоченово, в чом делают конютиль, 2 цевки золота, 3 цевки серебра. Треух литовской рысей. Курта парпьян червчат, подкладка отлас цветной. Курта сукно тмо-зелено, подкладка бархат космат. Полотенцо литовское шито золотом и серебром с шелки. Тебеняк литовской.

Из под палаты, что под Благовещеньем, под навесом, у решотки: Соболи, куницы. 6 волков. 6 рассамах. 16 черевесей. В меху 1060 белок. Исподишко черно коты морские. 4 ко-

локольчикн очепных невелики. 11 ковров сорочинских розными цветы. Попонка волоская белая. 180 зубов рыбьих.

В большом погребѣ: 3 княги Минеи месячные в дѣсть, Сентябрь, Октябрь, Июль. Да книга в полдѣсть Онтония Печерского. Посох косяной складной испорчен. 2 места оболочены бархатом червтым гладким с бахрамами, гвоздѣ медные золочены, у одного орел шит золотом в травах. Столчак походной оболочен бархатом червчатым ветчан. Столчак походной оболочен сукном червчатым ветчан, а в нем лохань меденая (взял Костянтин Михалков к государю и с лоханью). 2 рога мамонтовые, один цел, а другой перетерт на двое. Сундучек железной порожжен.

119 г. февраля в 9 день выдано из полаты, что позадь Благовещенья: (Описаны камки, отласы, участки, бархаты, и между прочим): 19 наволоок двойных золотных и беззолотных розных шолков, 11 наволоок одинаких. Моркос вишнев шолк с золотом. 2 шиды алы с мишурою. Фата полосата розные шолки. Фатаж мид-калинная. Налатник выбойка по миткалям. 8 пуговиц азпидные на спнях на меде-

ных. С портища пуговики каменные обложены серебром. Да февр. 21 отдано на купетцкой двор из полаты, что позадь Благовещенья: Два посоха серебряных через грань золочены. *Коробейка* ноугородцкая, а в ней: Осмеры подвязки кружчаты золото и серебро с шолки, пряжи и наконечники и запряжники серебряны. Четверы подвязки нахтермянные строчены, пряжи и наконечники серебряны...

Записки верховому взносу

22. 7123 года *Верхней относ.* — Сентября 3 в Верх к государыне и великой старице иноке Марфе Ивановне в хоромы отнес дьяк Ждан Шипов спицу сахару леденцу, весу в ней фунт 42 зол. — Окт. 1 в хоромы иноки Марфы Ив. в избушку на обивку на двери и на окончины 7 арш. сукна аглинского лазоревого, 2 р. 3 ал. 2 д. — Окт. 16 в Верх к государю в хоромы сорок соболей 30 р., другой сорок соболей 25 р., а теми соболями государь пожаловал царя Васильеву царицу иноку Олену Петровну в Новой девичь монастырь на новоселье. — Окт. 17 к иноке Марфе Ив. В хоромы сорок соболей 100 р., сорок-80 р., сорок 60 р., сорок 50 р., сорок — 37 р., сорок 30 р., а те соболи

посланы в Литву преосвящ. митр. Филарету. — Окт. 20 к иноке Марфе Ив. в хоромы: охобенок объерь таусинная подкладка киндяк темносинь, нашивка тафтяная, цена 11 р. 30 ал.; да шуба объерь вишнева на соболах, цена 109 р. 15 алт. — послано в Литву к преосвящ. митр. Филарету. На обертку на платье 4 $\frac{3}{4}$ арш. сукна инбарского зеленого, да двои сумы вьючные, по 1 $\frac{1}{2}$ р. — Ноябрь. 2 к иноке Марфе Ив. литру золота пряденого да литру серебра, по 6 $\frac{1}{2}$ р., взяла Марья Голозика. — Ноября 6, в Верх к иноке Марфе Ив. пара соболей 4 р.; государыня пожаловала Орину Никитичну на новоселье. — В Верх к государю сорок соболей 25 р., государь пожаловал князь Юрья Яншича (sic); да сорок соболей 20 р., государь пожаловал Орину Никитичну на новоселье — Дек. 13 по приказу иноки Марфы Ив. дано ее государынина жалованья крестовому певчему дьяку Ваське Максимову 2 арш. сукна аглинского багрового цена 1 р. 10 алт. — Генв. 9 в Верх к иноке М. И. сорок соболей 25 р., государыня пожаловала постельничого и наместника трети Московские Костянт. Ив. Михалкова. — Генв. 17 к ней же в хоромы —

одеяло хребты песцовые поволочено зенде-
нью тмосиною огривок зендень тмозелена, 8
р. 22 ал. — Генв. 26 снесено с Верху медведно,
и в том медведне зделано две шапки, одна ду-
раку Мосяге, а другая дурочке, да на прибавку
пошло две кошки, цена 4 ал. 2 д.; да две ирхи
6 ал. 2 д. — Марта 9, к иноке М. И. в хоромы
взял Глеб Иванович Морозов 4 1/4 арш. сукна
багрецу да 5 ар. сукна багрецуж, 10 арш. таф-
ты широкой зеленой, а относил за ним истоп-
ник Семен Михайлов. — Марта 30 к иноке М.
И. в хоромы боран синь, а пожаловала госуда-
рыня тем бораном Марью Головину. — Апр. 3
в Верх к государю в хоромы отнес дьяк Шипов
очки, что в них много видитца. — Апр. 7 в
Верх к иноке М. И. в хоромы отнес дьяк Ши-
пов шубу тафту черную под горностаи, цена
14 р. Да опашенек киндяк багров, цена 1 р. 21
ал. 4 д. Длина 2 арш. без 2 вершков; в плечех 1
1/4 арш., рукавам с полустану 1 1/2 арш., в за-
пястье 2 1/2 верш., в локти 4 1/2 вер., в корени
6 верш., ворот 10 верш., в подоле 3 арш. 6 вер.;
на нем 33 пугвицы хамьянные, цена 12 ал. 2
д. — Апр. 29 к иноке М. И. в хоромы полотен-
цо коленское 4 р. — Июня 7 к государю в хоро-

мы отнес дьяк Шипов трубку немецкую, что из нее видеть далеко. — Июля 11, к государю в хоромы три ожерелья бархатных и отласных золотных с розными шолки, по 16 ал. 4 д. ожерелье. А теми ожерелья пожаловал государь крайчего Мих. Мих. Салтыкова да стольника Глеба Иванов. Морозова, да стряпчего Федора Мих. Толочанова. — Июля 26 к иноке М. И. два сорока соболей по 12 р. да 10 арш. камки одамашки зеленой, по 26 ал. 4 д.; пожаловала государыня князя Дмитрея Салтанышевича да княгиню его. — Августа 29 к иноке Марфе Ив. полотенцо кропивное шито шелком лазоревым зеленым червчатым да вишневым с золотом и серебром золоченым, да тафья шита по отласу по червчатому золотом золоченым, что государю прислала в поминках царева мать во 123 г.

23. 124 г. Книги, а в них писан *верхней относ.* — Сент. 29 государь пожаловал на стану на Мытище села Здвиженского крестьянина Ивашка Федорова дано ему 4 арш. без чети сукна настрафилю лазоревого, цена 2 р. с полтиною, а пожаловал государь его за то, что он нашел государев перстень с олмазом. — Сент.

30 в хоромы иноки Марфы Ив. поллитры шолку рудожолтово да поллитры шолку белово 3 р.; взяла боярыня Марья Головина. — Ноябрь. 27 государыня и в. ст. инока Марфа Ив. пожаловала молодого подьячево Ивашка Титова, что у мастериц, дано ему вершок шапочной суконной аглинской 6 ал. 4 д. — Генв. 1, в Верх в мастерскую палату отпущено на шахматные доски аршин сукна настрафилю червчатого цена 18 алт., взял знаменщик Иваш Некрасов. — Генв. 24 в Верх к иноке Марфе Ив. В хоромы, 10 арш. камки адамашки червчатой по 25 алт., а тою камкою государыня пожаловала кн. Офанасья Васильевича Лобанова Ростовсково племянницу. — Февр. 15 государь пожаловал крайчево Мих. Мих. Салтыкова, дано ему 4 арш. сукна лундышу вишневого по рублю по 10 ал., а приказал государевым словом Борис Ив. Морозов. — Февр. 21 к иноке Марфе Ив. в хоромы отнес дьяк Ждан Шипов три литры золота, одна 10 р., а две по 9 1/2 р., да полотенцо коленское 4 р., да миткали арапские 2 р. — Февр. 26. тудаже 3 литры золота по 10 р., да две литры золота по 8 р. 3 ал. 2 д. — Марта 1, тудаже две литры шелку, одна лазо-

рева, другая зелена, по 3 р. — Мар. 7, тудаже литра шелку шемархансково, 3 1/2 р. — Марта 11, к государю в *потешную* полчетверта арш. сукна настрафилю лазоревого по полтине аршин, взял *цынбальник* Томило Михайлов. — Марта 15 послано в конюшенной приказ на государеву аргамачью конюшню к государыниной каптане литра шелку черного 3 1/2 р.; 1 1/2 пуда бумаги хлопчатой по 4 р. пуд, 18 арш. камки адамашки багровой по 26 ал. 4 д.: 46 ар. 2 вер. сукна лундышу чорново по 11 р.; 10 арш. сукна настрафилю казенново черненья по 18 ал. 4 д.; да на подбивку в каптану пошло 14 сороков безо шти соболей, цена 199 р. 18 алт. 2 д. — Марта 17, к иноке М. И. в хоромы сорок соболей 20 р., а теми собольми государыня пожаловала князя Юрья Еншича (sic) княгиню Марфу Михайловну на новоселье, да пару соболей цена 2 р. — Марта 21, в Верх к государю в хоромы отнес дьяк Шипов три камени безур, весу в них 24 золотника без деньги цена 215 руб. — Марта 25 к иноке Марфе Ив. в хоромы отнес дьяк Булгак Милованов крест золот обнизан жемчугом, что государя благословил печерский архимандрит Иаким

во 124 г. — Апр. 3 к иноке Марфе Ив. в хоромы 11 1/2 арш. камки куфтеру тмосинего по рублю по 20 ал. по 4 д., а тою камкою государыня пожаловала царя Васильеву царицу княгиню Олену Петровну. — Мая 1, к иноке Марфе Ив. 4 арш. сукна англинсково зеленово по 29 ал. 4. 1/2 д... а тем сукном государыня пожаловала Ильину дочь Судимантову да 3 арш. алтабасу полосатово по 3 р. — Иноке М. И. в хоромы на поклонную колодочку поларшиииа сукна шебединского черново, 4 ал. — Мая 8, государыня и в. ст. инока Марфа Ив. пожаловала боярыню Анну Замыцкую, дано ей пару соборей, 2 1/2 р. — Мая 16, отпущено в поход к Троице Живоначальной под образы на подстилку 2 1/2 арш. сукна настрафилю лазоревого по 18 ал. 4 д., взял крестовой дьяк Овдей Васильев. Отпущено в мастерскую палату на стан в Танинское аршин 3 вер. камки адамашки червчатой 29 ал. 1 д.: государыне на изголовейцо на наволоку. — Мая 10 в оружейной приказ отпущена сабля булатная Тевриская, ножны хоз черной, окова булатные цена 5 руб.; отнес молодой подьячей Семейка Костентинов. — Мая 29 отнесено к государыне в хоромы 9

арш. 3 в. отласу турецкого на червце розные шолки с золотом цена 50 р., 9 арш. отласу турецко по червчатой земле с золотом 60 р.; 10 арш. алтабасу по серебряной земле по 5 р. аршин, 15 арш. отласу по червчатой земле круги и травы золоты по 5 р. арш.; 10 арш. 3 вер. отласу на зелени шолк ал красно-лазоре мелкие травки золоты 65 р.; косяк отласу бурсково на червце шолк бел жолт зелен лазорев круги островаты с золотом, в кругех змейки и древца, меры 9 арш. без чети, по 3 руб.; четыре участка серебряных целых по 7 р. участок: 7 арш. объяри по серебряной земле травки шолк зелен вишне 33 р. с гривною; камка кизылбаская на одно лицо, по ней люди стоячие и птицы и древа и коня и головы зверины шолк ал бел красновишне синь ценин (sic) с золотом, поверх людей солночники, цена 40 р.; камка кизылбаская на одно лицо по ней люди стоячие с саблями и с щиты и луны и мечети на них по два человека по углом и барсы и птицы и люди на слонех и сулейки, шолк празелен ал бел зелен светлозелен с золотом, цена 30 р.; 14 1/4 арш. камки адамашки жолтой по 26 ал. 4 д.; 18 арш. без чети камки

адамашки багровой цена по 26 ал. 4 д.; камочка еская багрова 4 р.; две камочки немецких по 5а р. камочка; 10 арш. камочки кизылбаской жолтой по 23 ал. 2 д., 10 арш. камки кармазину червчатого травной на одно лицо по рублю 6 ал. 4 д.; 10 арш. камки кармазину мелкотравной по рублю 6 ал. 4 д. — Мая 30, инока Марфа Ив. пожаловала боярина князя Юрья Еншеевичу Сулешева княгиню Марфу Михайловну, дано ей опашень червчат с круживом серебряным пугвицы серебряны золочены елкою, цена 17 р., Богдановской рухляди Бельсково. — Июня 1 отпущено в мастерскую полату 6 косяков тафт немецких разных цветов, по 2 р. с полтиною. В Верх к государю в хоромы отнес дьяк Шипов перстень золот наведен чернью, в нем олмаз четверуголен, 40 рублей. — Июня 2, в Верх в хоромы иноки Марфы Ив. 17 арш. камки адамашки лазоревой, по 30 ал.; 10 арш. тафты червчатой кирмазину по рублю 11 ал. 4 д.; 8 арш. тафты жолтой широкой по 26 ал. 4 д.; 40 арш. камки адамашки червчатой по 23 ал. 2 д.; взяла Марья Головина. — Июня 6, государь пожаловал стольника Бориса Ив. Морозова, дано ему 10

арш. отласу кармазину червчатово, по рублю 20 ал. — Июня 8, к иноке М. И. в хоромы аршин сукна аглинсково вишневого 29 ал. 4 д., взял истобник Ортем Спасеной, у него взяла казначея Анна Сумина. — Июня 9, государыня царева (царевна) и великая княгиня *Настася* Ивановна всеа Руси государыни и великой старице иноке Марфе Ивановне на новоселья челом ударила два сорока соболей, один 30 руб., другой 25 руб. — Июня 10, в Вознесенской девичь монастырь к государыни и в. ст. иноке Марфе Ив. отнес дьяк Ждан Шипов сорок соболей 20 р., да 4 пары соболей по 1 1/2 р. пара. — Июня 12, в Верх к иноке Марфе Ив. в хоромы отнес дьяк Шипов запонку золоту в ней виниса долга с камышки изумруды цена 15 р.; запонка с тумпазом, а около 4 винисы. 20 р.; запонка с винисою, а около 4 зерна да 4 камышка, 8 р.; запонка с тумпазом, а около 4 искорки яхонтовые червчатые 8 р., запонка с винисою граненою рогата 15 р., запонка с хрусталем рогата 10 р.; запонка с бирюзами 6 р., 5 запонок маленьких 10 р.; да аршин без чети бархату черново 26 ал. 4 д. — Июня 14 инока Марфа Ив. пожаловала золот-

ную мастерицу Микитину жену Тяпина Анну дано ей 4 арш. сукна настрафилю червчатого по 21 ал. 4 д., а приказала государыниным словом казначея Анна. — Тогож дни государь пожаловал боярина кн. Офонасья Васильевича Лобанова Ростовского дано ему *шлык* бархат венецицкой шолк червчат с золотом двоёморх петлеват, Псковского Вора. В Верх к иноке Марфе Ив. в хоромы отнес дьяк Шипов четыре завязки с ворворки шолк зелен с золотом, ворворки низаны жемчугом, да плащи низаны жемчугом по отласу по таусинному; спороты с платна Псковского Вора. К ней же дьяк Шипов отнес: платно бархат венецицкой шолк червчат с золотом двоёморх петлеват, завязки шолк червчат с золотом; а то платно государыня пожаловала боярина кн. Афон. Вас. Лобанова Ростовского за сто рублей, что было ему взяти на ней на государыни; а то платно прислано из стрелецкого приказа. — Июня 17, на конюшенный двор на обивку к Дмитровским санем 29 арш. алтабасу по серебряной земле шолк зелен червчат багров с золотом, по 5 р. арш. Тогож дни в конюшенной приказ 29 арш. крашенины лазоревой на

подкладку в Дмитровские сани по 9 ал., да на миндер шесть сафьянов червчатых по 23 ал. 2 д., взял миндерной мастер Микитка Иванов. В Верх к государю в хоромы две запоны шитые на бели, индейские розные шолки, по 10 р. запона, да одеяло бархат ал шито золотом и пиолки, 20 р. — Июне 20 в конюшенной приказ на кровлю к Дмитровским санем 12 арш. бархату кизылбасково червчатого по 26 ал. 4 д.; на подкладку 12 арш. камки немецкой зеленой по 20 ал. 2 1/2 д. — Июня 26 в мастерскую палату отпущено двои цки собольн с рукавы, одни сто рублей, другие 150 руб. Одни отпущены под государеву под русскую шубу да под терлик. Память прислана Июля (sic) в 6 числе, взял портной мастер Федор Кейков. — Июня 27 в конюшенной приказ пуд 32 гривенки бумаги хлопчатые по 4 1/2 р. пуд. — Июня 28, тудаже иа местное изголовейце 2 арш. бархату по серебряной земле шолк ал, по рублю 23 ал. 2 д.; на подкладку 1 1/2 арш. камки адамашки червчатой по 20 ал.; да пуд бумаги хлопчатые, 4 1/2 р.; взял конюх Илья Одинцов. Тудаже на скамейку 4 ар. 7 в. бархату кизылбасково червчатого гладково по 26

ал. 4 д.; да на 12 попон 30 арш. сукна багрецу по рублю 6 ал. 5 д. В Верх к иноке М. И. в хоромы постав сукна настрафилю светлозеленого 22 р., взял истобник Жданко Мясник. Тудаже отнес дьяк Булгак Милованов кисею цена 2 р.; тудаже на изголовейцо аршин бархату немецково полосатово шолк бел зелен с серебром, рубль. — Июля 5 на конюшню к колымаге 4 1/2 арш. сукна багрецу моченово на тежи и на мелкие снасти, по рублю 5 ал. 2 д. да под 12 попон на подкладку 9 косяков тафт немецких зеленых и лазоревых по 2 1/2 р. косячек. — Июля 10, государь пожаловал боярина кн. Офон. Бас. Лобанова Ростовского дано ему *полотенцо* кисейное по нем шито шолки в круги розными цветы. В Верх к государю в хоромы отнес дьяк Булгак Милованов тафейку шита по отласу по червчатому золотом и серебром волоченым, веревочка на прекрестках и кругом шита золотом пряденым, цена 25 алт. — Июля 23, к иноке Марфе Ив. в хоромы отнес дьяк Шипов 50 литр золота и серебра пряденого, по 1 1/2 р. литра; да ожерелейцо низано по отласу по белому половинчатым жемчугом, счетом 145 жемчужин. — Августа

26 государыня и в. стар. инока Марфа Ив. пожаловала белую мастерицу Лукерью Хлебникову дано ей 5 арш. сукна настрафилю червчатово по 23 ал. 2 д., а приказала государыниным словом боярыня Марья Юрьевна Головина. Авг. 28 дано под понагею, что у Благовещенья, что к государю носитца, аршин без 3 вершков камки червчатой кармазину мелко-травной, 30 ал. с денгою.

24. 7125 г. Верхней относ. Сент. 26 в государынины хоромы к семерым дверем, к пяти вставням большим да к шести вокнам да под пятеры крюки и под мелкое гвоздье на подбивку 43 арш. без чети сукна настрафилю червчатово, по полтине аршин. — Окт. 10 к иноке Марфе Ив. в хоромы отнес дьяк Шипов крест золот взят с блюда из мощей, розымаецца на двое, на одной стороне Распятие, а на другой Богоявление; в главе червец кругл, у вертлюга два зернышка жемчужных, около креста по бокам слона греческие; а в нем четверы мощи розных святых, а подписи на них нет. А благословила тем крестом государыня князь Дмитрееву княгиню Пожарсково, как родила дочь Пелагею. — Окт. 15 в Верх к г. и в.

с. иноке Марфе Ив. в хоролы отпущено: Покров — Пофнотей Боровский, шит по камке по вишневой, над главою во облаце Пречистая Воплощение, кругом шит трепарь серебром, подкладка киндяк синь, недоделан. Да отпелены шито по камке по таусинной тропарь золотом, около слов шито *вклопец*. — Пелена шита по камке по червчатой куфтерной Пречистые Воплощение, около херувими, поля камка таусинна, подкладка зендень тмозелена. — Застенок недоделан шит по камке по багровой розными шолки с золотом Господь Саваоф, царь Давид, царь Соломон Пророк Илья да Семион Богоприимец да Иван Воинник; около святых и по краем шито золотом *вклопец*. — Пелена по камке кармазмну червчатому почета шить шолка, недоделано, около трепарь Богоявлению выметан белью и почет шить серебром, подкладка крашенина. — Покров-благочестивый князь Гаврил, шит по отласу по таусинному золотом и серебром с розными шолки, недоделан. — Пелена, на ней шита Живоначальная Троица золотом и серебром с розными шолки по отласу по таусинному. — Оплечья бархат вишневы, по нем вы-

метано белью травы и узлы, около бели шито золотом, 12 дробниц киотцами, на них резаны святые; да дробницы мелкие на них резаны репы и слова и травы, третьи дробницы лапочки, на них резаны травки золочены; сделано в Суздаль Девичь монастырь к преподобной Еуфросинии; подкладка киндяк синь. — Оплечья по бархату по черному низано середним жемчюгом листочки, большой жемчюг и дробницы сняты, около жемчюгу веревочка золото пряденое. — Окт. 21 в Верх к государю в хоромы отнес дяк Ждан Шипов птицу гамаюн. — Окт. 25 отпущено в Вознесенской монастырь к иноке Марфе Ив. в хоромы на книгу на молитовник лоскут сафьяну 6 ал. 4 д., взял старец Иосиф. — Окт. 30 к иноке М. И. в хоромы отпущено книга початная в десть Василья Кисарейского оболочена в коже в боранье да Псалтырь писменная с следованьем, оболочена сафьяном синим. — Окт. 31 государь пожаловал стольников Бориса да Глеба Ивановичев Морозовых — по 10 арш. камки кармазину червчатого по рублю арш., а пожаловал государь их, как государь был и государыня в Казне. — Декабря 15 дано госу-

дарева жалованья *кадашевской боярыни* Анне Замыцкой на опашень 4 1/2 арш. сукна фрясково черново по 2 р. арш. — К иноке Марфе Ив. в хоромы отпущено (между прочим): Покров Ионы митрополита камка куфтер багрова, около шит тропарь: «ото юности своея» серебром, образ его назнаменен белилы, подкладка холст бел. Покров бархат червчат по полям шито серебром, около слова: «покоинка житейская пища печали пребывает не причастна». — Дек. 16 к государю в хоромы сорок соболей 40 р., а те соболи государь пожаловал царя Васильеве царице княгине Марье Петровне на новоселье, что в Кремле городе. Относил стольник Ив. Ив. Ромодановской. — февр. 15 послано в мастерскую полату к иноке Марфе Ив. на постели и на изголовейце на наволоки два киндяка тмосиних по 26 ал. 4 д. киндяк. — Марта 17 в Вознесенской монастырь к иноке Марфе Ив. отнес дияк Шипов: Запона золота в ней 73 алмазца, у ней три зерна висячих на спнех цена 400 р. — Запона золота, в ней 76 алмазов цена 500 р., у ней внизу три зерна висячих на спнех, назади у запоны наведено розными финифты ки-

отцом. — Запона золота с розными финифты, в ней в середине яхонт лазорев гранен да 6 яхонтов чорвчатых, 4 изумруда, 22 яхонта лазоревы; у ней 3 зерна висячих из спнех назади запона сделана полаткою с розными финифты, цена 100 р. — Запона золота, а в ней алмаз большой, да 19 алмазов средних, да яхонт червчат с московку, да 53 яхонта червчатых меньших; в середине сделано киотом, а в ней жена стоит выплечася, у ней в правой руке травка, на левой руке младенец, а другой младенец подле ее стоит правою рукою вверх подняв, а другую назад загнув, наведено финифты; у ней зерно висячее велико на спне да у плеч два зерна на запоне. Отписной казны, что отписано у боярина у кн. Бориса Мих Лыкова с товарищи. — Марта 22 инока Марфа Ив. пожаловала старицу Феофилю дано ей рукав белей хребтовой цена 2 гривны. — Апр. 10 государь пожаловал духовника своего благовещенского протопопа Кирила — зурь ангурская светлобагрова цена 7 р., за то, что он чел на стояние Похвалы Преч. Богородицы икосы. — Апр. 20 к государю в хоромы 10 арш. отласу червчатого гладкого кармази-

ну по 23 ал. 2 д. арш.; а пожаловал государь тем отласом боярина Ивана Никитича дочь Парасковею. — Апр. 29 к иноке Марфе Ив. 12 арш. камки черной чешуйчатой по 26 ал. 4 д.; а пожаловала государыня тою камкою царя Васильеву царицу княгиню Олену Петровну. — Июля 31 в серебряную полату под образ св. апостола Архипа на подкладку 7 вер. камки адамашки червчатой по 26 ал. 4 д. арш.; взял серебряной мастер Данилко Степанов. Приказала инока Марфа Ив. своим словом крайчему Мих. Мих. Салтыкову. — Авг. 25 к иноке Марфе Ив. в Вознесенской м. отнес дьяк Шипов: *Застенок* Пречистые Умиление, оклад и венец сканной с красками истрапез (sic); середина камка червчата, поля камка адамашка таусинна; около середины и поль круживо шито золотом пряденым, жемчюг спорот, подкладка тафта шамская червчата — *Поля* от пелены камка таусинна, по ней шиты слова золотом пряденым, тропарь и кондак Успнию Преч. Богородице, около слов шито золотом *вкlopeц*, подкладка зендень зелена. Принесено от г. и в. стар. иноки Марфы Ив.: *застенок* середина камка адамашка черв-

чата, на ней шиты слова серебром, Пречистые Воротынского; 16 киотцов круглых, на них святые наведены чернью; да 30 дробниц серебряных сканных резаны на проем; поля камка адамашка таусинна; около середины и поль шито золотом *в петлю*; по нем шито жемчюгом средним; вверху меньшие дробницы нет; подкладка тафта бурская червчата ветха. *Застенок Пречистые Рублева* писма, на нем 20 киотцов серебряных на них резаны святые наведены чернью: да 40 дробниц троеугольных резаны на проем, наведены финифтом; середина камка кармазин червчата, поля камка таусинна; около киотцов и дробниц низано жемчюгом средним; около середины и поль шито золотом *в петлю*. *Застенок Пречистые князя Васильевского Гагина*, середина камка кармазин червчата, 16 киотцов круглых, на них резаны святые; да 37 дробниц сканных; поля камка таусинна, около киотцов и дробниц низано жемчюгом средним, около середины и поль шито золотом *в петлю*; по нем низано жемчюгом, подкладка тафта бурская червчата избилась. *Застенок Благовещенье Сщенигеевского*, на нем 16 киотцов

серебрёных на них наведены святые чернью, мелкие дробницы все целы. Середина камка кармазин червчата, поля камка таусинна, около середины и поль шито золотом в петлю низано жемчюгом, подкладка тафта червчата избилась. Застенок Пречистые милостивые Куртагинские...

25. 133 г. Книги, а в них писан *верхней относ*, что отпускаетца к государю ц. и в. к. Михаилу Федоровячу в. р. в хоромы, и что отпущено к его царской радости и к великой государыне в новые хоромы и к великой государыне старице иноке Марфе Ивановне и к постельничему к Костянтину Михалкову и к боярыне к Марье Головине и в мастерскую Полату 133 да по 134 год.

Сент. 9 к государеве радости отпущено в Верх в мастер. Полату бархат турецкой золотной по червчатой земле, в мере 10 арш. без чети, цена 120 р.; бархат золотной по червчатой земле 10 ар. 100 руб.; отлас по белой земле травы золоты 9 1/4 арш. 45 р.; отлас турецкой по червчатой земле круги золоты островаты 40 руб. — Тогож дни к государевой к его царской радости отпущено к в. государыне иноке

старице Марфе Ивановне в Вознесенской де-
вичь монастырь 20 арш. отласу жолтого по 31
ал. 4 д. аршин; 20 арш, отласу белого по 27
алт. по 5 д.; 20 арш. отласу ценинного по 31
алт. 4 д.: 10 арш. отласу малинового по 31 алт.
4 д.; 10 арш. отласу темноалого по 43 алт. по 4
1/2 д.: 10 арш. отласу алого немецкого по 31
алт. 4 д.; 10 арш. отласу красноалого по 43 алт.
4 1/2 д.; 10 арш. отласу зеленого по 31 алт. и д.;
10 арш. отласу светлозеленого по 26 ал. 4 д.;
камки куфтеру червчатого травного на одно
лицо по 35 ал.; 10 арш. камки кармазину мел-
котравного по рублю; 10 арш. камки куфтеру
червчатого по рублю; 10 арш. камки куфтерго
желтого по 26 алт. 4 д.; 10 арш. камки куфте-
рю травной светло зеленой на одно лицо по
35 алт.; 10 арш. камки куфтеру рудожолтого
на одно лицо по рублю; 10 арш. камки ада-
машки травной двоеличной шолк червчат да
жолт по 26 алт. по 4 д.; 10 арш. тафты вини-
цейки зеленой по 25 ал.; 10 арш тафты вини-
цейки жолтой по 24 ал.; 10 арш. тафты карма-
зину червчатого по рублю; 10 арш. тафты ви-
ницейки алой по 31 ал. 4 д.; 10 арш. тафты ви-
ницейки светло зеленой по 21 ал. 4 д.; отнес

дьяк Ждан Шипов. — Сент. 10 в Вознесенской девичь монастырь к г. и в. старице иноке Марфе Ивановне отнес дьяк Ждан Шипов серебра волоченого золоченого 99 золотн., цена турецкая 13 р. 17 ал. 3 д. — Тогож дни в Мастер. Полату отпущено на шубу русскую 10 арш. без чети бархату по червчатой земле золото с серебром, цена 110 р. — Сент. 11 в Верх к боярыне к Марье Головиной отпущено полфунта бумаги хлопчатой битой 2 ал. 3 д.

Сент. 13 к его царской радости, к двум свечам сделаны кошелки в бархате золотном, по нем травы шолк червчат, пошло аршин — 5 р.; да к тем же кошелкам на шлеи товож бархату пошло 3 арш. без чети; на подкладку под кошелки пошло 2 арш. без чети киндяку светлозеленого по 3 ал. по 2 д.; да к кошелкам же на круги пошло четь арш. сукна кострышу червчатого 6 ал. 4 д.; к шлям на подкладку пошло 12 арш. покромей по 3 д. — А государеву свечу несли стольники Мих. Вас. Олферьев, да Вас. Ив. Стрешнев. А государынину свечу несли стряпчие Ив. Вас. Олферьев да Ив. Петр. Чихачов. Фонарь несли над государевою свечею Дмитрий Баимов Воейков да Нефед Куз-

мин сын Минин; а другой фонарь несли Федор Андреев Олябьев да Мих. Ив. Ларионов. — Тогож дни к государеве радости скроен терлик в платне в отласе крымском по червчатой земле круги золоты в цветах шолк бел до рудожелт, 8 р., — а старой верх олтабасной с того терлика снят и положен в казну.

Сент. 16 в Шатерной Приказ к его царской радости на полавочки 19 1/2 арш. бархату травного по серебряной земле травы шолк ал, по 60 ал.; да 51 арш. 5 в. бархату травного по белой земле травы шолк черлен, по 2 р.; 9 арш. без 2 вер. бархату по белой земле травы шолк червчат, по 2 р. с полтиною; 22 арш. бархату по серебряной земле травы шолк черлен, по 2 р. с полтиною: взял Шатерничей Савин Обрютин. — Тогож дни отпущено к государю в хоромы брус мыла гретцкого, 2 ал. 4 д.; взял певчей дяк Вас. Семенов. В Верх к постельничему к Костянтину Михалкову отпущено 12 1/2 пуд бумаги хлопчатой битой по 4 р. пуд. — В Шатерной Приказ 20 зол. шолку ряского червчатого, по 6 д. зол., а шить тем шолком государевы бархатные полавочки; да на подкладку под полавочки 11 киндяков

жолтых по 23 ал. 2 д.; взял Степан шатерник. — В Верх к государю в хоромы отнес дяк Ждан Шипов на *одеяло* отлас турецкой двойной золото с серебром, цена турецкая 75 р., а московская 100 р.; соболей пошло в испод четыре сорока, по 100 р. сорок; да на опушку казенных бобров пошло 2 бобра, по 4 р. 10 д.; да 2 бобра черных по 8 р.; взяты из ряду. — Отпущена в Верх к государю в хоромы *пелена* низана жемчюгом дробницы круглые на них чеканены святы, а в кресте и по полем дробницы сканные с финифты позолочены; отнята от пречистые Богородицы Владимирской, а приложена та пелена ко Пречистой Богородице Барловской; взял крестовой дяк Ив. Семенов. — В государынины в новые хоромы на двери и на окна отпущена половинка сукна багрецу червчатого в мере 19 1/2 арш., 20 р.; да в прибавку 10 арш. сукна по 36 ал. 4д.; да 9 юфтей сафьянов черленых по 26 ал. 4 д.; да 3 барана черленых 16 ал.; взяты из ряду. — По памяти за печатми шатерничих Савина Обрютина да Олексея Карбышева отпущено в шатерной приказ на шесть зголовеец да на полуторной стол 11 1/2 арш. сукна багрецу

червчатого, по 40 ал.

Сент. 17 к государеву *сеннику* на дверь 3 1/2 арш. сукна багрецу червчатого по 2 р. — В Верх в государынины в новые хоромы на обтирку аршин сукна лятчины лазоревой 8 ал. 2 д., взял истопник Проня Ушаков. — Отпущено в государев *сенник* для его царской радости 4 сорока соболей по 20 р.; и те сороки отнесены к государыне и в. стар. иноке Марфе Ив. в монастырь. — В Конюшенный приказ на государев приступ полсема арш. бархату червчатого гладкого по 2 1/4 р.; да государынины колымаги на завесцы 12 арш. тафты виницейки желтой по 24 ал.; да государыниной колымаги на огиби на подушечки 3 1/4 ар. тафты виницейки червчатой кармазину, по рублю. В Верх в мастер. полату на государево меньшее *одеяло* 6 арш. отласу золотного по черленной земле, по 6 р.; в подкройку пошло двои цки собольи пупчатые одни с рукавы, а другие без рукав, 48 р.; да на опушку пошло пола да два рукава горностальи, 5 р. 19 ал. 1 д.; взяты из под навеса. Одеяльцо взял постельничей Кост. Михалков. — Сент. 16 к государственной радости отпущено в конюшенной приказ два ковра золот-

ных, один коверчат, а другой бархатной с розными шолки и с серебром; накищены у одного шолк зелен с золотом, а у другого кисти золото и серебро с розными шолки; одному цена 40 руб.; а другому 100 рублей.

Сент. 18 в государеву в новую мыленку к дверем и к окнам и под крюки и под жиковины 12 ар. сукна настрафилю червчатого, по полтине; взял плотник дворцовой Ганка Степанов. — Скроено к носилам коровайным 8 шлей в участке золотном, по нем травы шелк черлен, пошло 6 ар. 1 в., по 6 р.; да на подкладку под шлеи пошла кожа сыромятная целая 30 ал., да 24 арш. покромей, по 4 д.; длина всем шлеям 24 аршина. Да к тем же шлеям сделано 8 пряжь железных посеребрены, цена рубль 8 ал. Да на короваи пошло 50 пенезей больших серебрены позолочены, взяты из серебренного приказу. А коровай государев несли кн. Федор да кн. Петр княж Федоровы дети Волконские; Осип да Иван Ивановы дети Чемодановы. А государынин коровай несли Богдан Мусин, Юрьи да Степан Телепновы. — Тогож дни на государево и государыни ц. и в. к. Марьи Володиморовны на обручальное ме-

сто пошло 22 арш. бархату кармазину черленого по рублю 26 ал. 4 д.; да на приступ к тому муж обручальному месту бархату немецкого черленого гладкогож 8 1/4 ар. по 40 ал.; да к двум коровайным носилам на ручки бархату червчатого гладкого кармазину 3 арш. по 1 р. 26 ал. 4 д. — А обручальные свечи нес Микита Федоров сын Шушерин; а с богоявленскою свечею шол Илья Кузмин сын Безобразов. Тогож дни к его царской радости на осыпало пошло 3 участка по серебряной земле, по 8 р. участок; а вымерено из них 54 лоскута; да двожды по тридевять соболей, итого 54 соболя, 28 р. с полтинаю; да двожды по тридевять белки илети, итого 54 белки по 6 денег белка; да двожды по девяти золотых угорских, итого 18 золотых, по 30 алт. золотой (золотые взяты с Денежного двора); да тридцать маковиц, цена 10 денег; да гривенка хмелю 4 д.; да двожды по 18 пенезей серебряных позолочены; пенези взяты от государыни из монастыря. Отпущено в хоромы. — Тогож дни на государство и в. государыни ц. н в к. Марьи Волод. подножейцо 6 арш. камки куфтеру червчатого, по рублю; да сорок соболей 30 р. А пожало-

вал государь тою камкою и собольми протопопа Максима. — Тогож дни отпущено в Верх к государю в хоромы 45 арш. отласу червчатого, по рублю. А слан тот отлас перед государем по пути и государь пожаловал тем отласом стольников и стряпчих, которые перед государем путь слали, Петра Микитина сына Измаилова, Ондreja Ив. Чепчюгова, Ив. Ив. Карамышева, стряпчих кн. Дмитрея княж Олександрова Ростовского, Ивана Озеева сына Опухтяна, Михаила Ефимова Телепнева. — В государеву новую избушечку на двери и на окна 9 арш. сукна настрафилю червчатого по 16 ал, 4 д. — В Грановитую Полату на окна 12 арш. сукна багрецу червчатого по 36 ал. 4 д.; 12 арш. сукна аглинского черленого по 20 ал.

Сент. 20 в Верх к государыне ц. и в. к. Марье Волод. три пары соболей, две пары по 3 р., пара 3 р. с полтиною: да три золотых угорских по 30 ал. золотой. — Сент. 22 после государевой радости в третий день в среду у государя отец его и богомолец великий государь свят. патриарх Филарет Никитич москов. и в. р. в Грановитой Полате ел и после стола в. государь... отца своего... дарил для своей царской

радости. А речь говорил и дары являл дияк
Ждан Шипов, а речь была такова: А великий
государь святейший Филарет Никитич Божи-
ю милостью патриарх московский и всеа Ру-
сии! По милости Божия и по твоему в. г. отца
нашего благословению сын твой в. г. ц. и в. к.
Михаило Федорович всеа Русии сочетал за-
конным браком и на своей царской и пре-
светлой радости и дарят тебя в. г. отца своего
и богомольца: кубок серебрян золочен с по-
крышкою на достоканное дело... весу 7 гриве-
нок 36 зол., по 5 р. гривенка. Кубок серебрян
золоч. с крышкой... весу 4 гривенки 18 1/2
зол. — Кубок... весу 4 гривенки. Отлас золот-
ной турецкой 60 р.; 10 арш. бархату черного
по рублю по 23 ал. 2 д.; 10 арш. бархату багров-
вого, по 1 1/2 р.; 10 арш. бархату лазоревого,
по рублю; 10 арш. отласу вишневого, по 31 ал.
4 д.; 10 арш. отласу зеленого, по 31 ал. 4 д.; 10
арш. камки багровой по 35 ал.; камка кизыл-
башская 6 р.; 10 арш. камки адамашки двое-
личной по 23 ал. 2 д., 10 арш. камки адамаш-
ки светлозеленой по 23 ал. 2 д.; 12 арш. объяри
лазоревой, по рублю; дороги кашанские свет-
лозелены 3 р. 20 ал.; сорок соболей 65 р., сорок

соболей 60 р., сорок соболей 40 р. — Сент. 23 отпущено в Сергиевской поход к государевым образом на простилки 3 арш. сукна лятчины лазоревой, по 8 ал. 2 д., взял крестовой дяк Вас. Семионов. — Сент. 24 на государев обиход (к погребному ключнику Офанасью Родионову) пуд бумаги хлопчатые на светилна в свечи вощаные цена 4 р.

Сент. 28 в Верх к государю в хоромы отпущен образ Живоначальные Троицы оклад серебряной золочен на полях преподобные Сергей да Никон, в венцах у Троицы 5 изумрудцов да 4 лалики; на полях 6 пупышков резных; кольцо серебряно золочено; подкладка камка адамашка светлозелена мелкотравная. Да крест золот с мощми обнизан жемчюгом в одну веревочку; в нем во главе камень изумруд да 4 зерна гурмыские; на кресте Распятие литое да два лада да два яхонта лазоревы. А в нем мощи по подписи: древо животворящее, мощи Иванны Предотечи, м. Иакова Перского, м. мученика Прова, м. архидиякона Стефана, м. муч. Артемия, м. преп. Стефана Нового, м. Павла Исповедника, м. муч. Еустратия, м. муч. Иванны Нового. На кресте сорочка

бархат червчат. Крест и около креста веревочка низаны жемчюгом крупным; трость и копие жемчюг средней; подпись мелкой жемчюг. У сорочки ж два кляпышка обшиты золотом волоченым. А благословил тем образом и крестом в. государя после его царской радости в третей день отец его и богомолец в. г. свят. патр. Филарет Никитич моск. и в. р. Образ и крест взял крестовой дьяк Иван Семионов.

Сент. 30, в Верх к государю в хоромы отнес дьяк Ждан Шипов судки столовые серебряные; по венцом у кровель и у поддонов по краем и под пузами и кружечки и каемки и птички резные золочены; у руковедей на узлу по лепести литой золоченой; у солонки выше стоянца под пузом два репья дорожчаты на кровлях у судков и у солонки и у перешницы по маковке чешуйчатой золоченой; у века по краю дорожчато золочено; по середине века столбик, на нем кольцо. Весу в судках и с веком 6 гривенок, по 5 р. гривенка. 5 блюд серебряных золоченых на оба лица 21 1/2 гривенка; шесть блюд маленьких глубоких, серебряных золоченых. 5 гривенок 43 зол. — Лохань серебряных золоченых угольчата, 21 грив.; рукомойник чеканной, 7

грив. 6 зол.; лохань сереб. золоч. 15 грыв. 19 зол. (по 5 р. гривенка у всех предыдущих); рукомойник сереб. золоч. чеканной, 8 грив., по 5 р. гривенка. — Ноября 4, в Верх к государю в хоромы 5 арш. сукна лундышу вишневого по рублю по 26 ал. 4 д., а пожаловал государь тем сукном князь Василья Долгоруково. — Отпущено к г. царице и в. к. Маре Волод, кисея тонкая, 5 р.; поллитры золота 3 р. 4 ал. 1 д.; 87 зол. шолку бурского всяких цветов, по 8 д. золот.; взял князь Богдан Долгоруково. — Ноября 12, к царице Марье Волод. отпущено к новой избушечке на дверь да на окна да под крюки 6 1/2 арш. сукна настрафилю червчатого по 16 ал. 4 д. — Ноября 14, в Верх к г. царице отпущено 54 портища тафт виницеек широких розных цветов по 5 арш. в портище, четырнадцать по 26 ал. 4 д.; сорок портищ по 21 ал. 4 д.; шесть косячков тафт немецких зеленых по 60 ал. — В Вознесенской монастырь к г. и вел. стар. иноке Марфе Ив. отпущено 10 арш. камки кармазину червчатого мелкотравного по 26 ал. 4 д.; 19 портищ каиок адамашек розных цветов по 10 арш. в портище, по 21 ал. 4 д.; 37 портищ тафт виницеек розных цветов по 5

арш. в портище, по 21 ал. 4 д., два портища тафты кармазину червчатого по 5 арш., по 26 ал. 4 д.; два портища камки куфтерто жолтого по 10 арш., по 28 ал. 2 д. — Дек. 9, в Верх к царице отпущено полтора аршина бархату травного по зеленой земле травы шелк черн, по рублю арш.; приняла боярыня Татьяна Степановна Долгоруково. — Дек. 11, в Верх к царице М. В. в хоромы два участка двойных золотные по зеленой земле, по 14 р.; два участка двойных золото с серебром, 26 р.; кафтан по червчатой земле круги золоты в разводе шолки розные 12 р.; приняла боярыня Татьяна Степановна Долгоруково да казначея Варвара Унковсково. — Дек. 14, к в. г. свят, патр. Филарету Никитичу — отпущено два зуба рыбья доброй кости щадрую весу 3 ф. 85 зол. по рублю фунт. А делать в той кости у списков харатейных наконечники. — Дек. 18 к государю в хоромы отнес дьяк Булгак Милованов: петушек да склышку деревяную круглую, в ней под стеклом мужик с женкою, склышке цена 10 алт.; а петушком государю челом ударил Михайло Смывалов. — Дек. 27, в Верх к государю в хоромы 10 пар соболей по 3 р. пара; а

даны те пары государева жалованья государыни и в. старицы иноки Марфы Ив. десяти старицам крылошанкам за славенье. Дек. 28 в Вознес. м. к в. старице иноке Марфе Ив. отнес дьяк Ждан Шипов сто золотников пелепелков белых, 200 золотников пелепелков золоченых по 5 алт. золотник. Генв. 7, отпущено на преставление государыни царицы и в. к. Марьи Володимеровны аршин шесть вершков камки куфтеру белого, по 40 алт.; взял дьяк Сурьяшин Тороканов. — Генв. 9, в Вознесенской м. государыне царице и в. к. Марье Волод. на гробницу под покровец 4 арш. сукна багрецу по 40 ал. — Генв. 12, в конюшенной приказ на иналцовские сани на подбивку 15 арш. отласу червчатого, по рублю; на кровлю 6 арш. сукна багрецу червчатого по 60 алт. — Генв. 13, на гроб царицы М. В., отпущено аршин сукна аглинского червчатого, рубль; взял крестовой дьяк Васил. Семенов, приказал кн. Богдан Долгоруково.

Февр. 28, к в. г. свят. патр. Филарету Никитичу 10 арш. сукна аглинского да кострышу темносинего меньше земли, по 20 ал.; а быть тому сукну у патр. Ф. И. в крестовой палате на

двери и на окнах, как бывают при нем государе иные земли власти. — Марта 27, к свят. патр. Филарету Никит. отпущено на Господню срачицу, что прислано от Шах-аббаса аршин с вершком камочки кизылбаской 2 р. с полтиною. — Марта 31, в Вознесенской м. к иноке Марфе Ив. отпущено 7 кистей шолковые с золотом по 5 ал. 2 д.; 16 кистей шолковых розным цветом по 8 д. — К в. г. свят патр. Фил. Ник. отпущена миса ценинная большая 13 ал. 2. д.; два блюда ценинных, по 6 ал. 4 д.; 5 чаш средних ценинных по 5 ал.; три тарели ценинных по 3 ал. 2 д.; а присланы те суды к государю в дарех от кизылбаского от Шах-Аббаса. — Апр. 3, в Вознесенской м. к г. и в. старице иноке Марфе Ив. 10 арш. Камки куфтеру жолтого по 31 ал. 4 д.; аршин участку двойного золото с серебром 7 р.; застенок, на середине подпись: «сии застенок Преч. Богородицы Умиление на празелени Борисоглебской с Устья»; середина камка кармазин, поля камка таусинна; около пелены и середины камка золотая по ней низано жемчугом мелким; на ней 14 дробниц круглых золоченых, на них резаны святыя, а другие дробницы мелкие

басмянные; подложена тафтою бурскою червчатою. А делать в том застенке г. царице и в. к. Марье Волод. на гроб пелени. — Апр. 9, в Верх в мастерскую палату отпущено 3 арш. сукна лятчины лазоревой по 7 алт., а обтирать тем сукном царицыны хоромы. — Апр. 15, в Верх к государю в хоромы отпущена губка грецкая да щотка да брусик мыльца грецкого, цена всему 7 алт.; чистить образы, взял крестовый дьяк Яков Дмитриев. — Тогож дни к г. и в. старице иноке Марфе Ив. отпущен застенок, середина камка кармазин, поля низаны жемчугом мелким по таусиной камке; около середины и поля круживо шито золотом дробницы большие круглые золочены на них резаны святые, а мелкие басмянные золочены; на середине шита подпись: «сии застенки Пречистые на престоле со младенцем перед нею два преподобных»; подложена тафтою черленою шамскою. Взял истопник Рюма. — Апр. 29, в Верх к боярыне к Марье Головиной ансырь шолку черного ряского, 2 р., взял светличной сторож Офонка Харитонов. — Мая 18, в Вознес. м. к госуд. и в. старице иноке Марфе Иван. отнес дьяк Булгак Ми-

лованов жемчугу 134 зерна скатных по 2 р. с полтиною зерно, — 335 р.; 91 зерно по 2 р.; 599 зерен по 30 ал. 2 д., — 539 р. 3 ал. 2 д.; — 550 зерен по 7 алт. 3 д. зерно; 900 зерен по 4 алт. зерно; 1468 зерен по 3 ал. 2 д.; 622 зерна по 2 алт., 1713 зерен по 10 денег; всего 6077 зерен, а денег за них 1557 р. 20 алт. 4 д.; куплен у аглинского гостя у Тамоса Рыцерева. — Июня 8, в Троецком походе вышло на Господню срачицу четверть аршина бархату черленого гладкого, 16 ал. 4 д. — Июля 29 в Вознес. м к г. и в. стар. ин. Марфе Ив. отнес дьяк Булгак Милованов судов ценинных: две чашки глубоких средних по 5 алт.; 6 чашек поменши по 3 алт. 2 д.; 5 чашек маленьких по 10 д.; три блюда средних по 6 ал. 4 д.; 4 блюдечка маленьких по 3 ал. 2 д.; две чары больших по 10 алт. — Авг. 13, в мастер. палату 7 арш. сукна черленого гранату, парпьян тож, цена турецкая по 3 р. с полтиною, а московская по 2 р. с полтиною. — Авг. 17, с. Вознес. м. к иноке Марфе Ив. 4 литры золота по 7 р., да литра шолку шемоханского, 2 р. 10 алт.; приняла старица Олена Языкова. — Авг. 24., туда же отпущено на пелену под низанье 10 верш. отласу зеленого, 18

алт. 5 д.

26. Книги, а в них писан *верхней относ.* 134 г. окт. 11, отпущено в Верх к государевым *арганам* аршин 2 вер. дорогов черленых гиланских 10 ал.; взял потешной сторож Патрекейка Лукьянов. — Окт. 18, крестовой дьяк Иван Семионов взял книгу даратейную, в уей писано Правила апостольские в досках в десть. — Окт. 21, в Вознес. м. к иноке Марфе Ив. 50 литр золота и серебра по 7 р. литра. — Ноября 6, в Верх к государю в хоромы отпущен орех индейской; взял Борис Иван. Морозов, а другой орех индейской государь велел розбить пред собою. — Дек. 31, в Вознесенский м., к иноке Марфе Ив. отпущено пол-сема аршина камкя куфтеру таусинного по 30 алт., да на подкладку зендень дымчата 16 ал. 4 д.; а шить на той камке покров на Максима Христа ради уродивого, что на Варварском крестпе, покров. — Генв. 3, в Верх ко княгине Овдотье Коркодинойой 3 арш. киндяку темно-синего по 3 ал. 2 д. — Генв. 20, отпущено в Большой дворец ко кн. Олексею Мих. Львову 11 пар соболей по 3 р. пара, да 11 куниц по 11 ал. куница, а пожаловал государь теми со-

большими и куницами иноки Марфы Ив. крылошанок стариц за рождественское славенье. — Генв. 28, из Вознесенского м. от в. г. иноки Марфы Яв. принесен подкладывать покров Максима Блаженного шитой старой, пошло тафты виницейки черленной 3 арш. 1 вер. по 23 ал. 2 д. — Генваря в 31 день великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, к его царской радости изошло на *осыпало* три участка по серебряной земле травы золотные, цена по четырнадцати рублев участок, а вымерено из них пятьдесят четыре лоскута. — Февраля в 5 день в Верх к государю в хоромы отпущено на *осыпало* осмнадцать золотых угорских по тридцати алтын золотой; золотые взяты с денежного двора; да двожды по осмнадцати пенезей серебряных позолочены, пенези взяты из серебряного приказу; пятьдесят четыре белки илети цена по осмя денег белка; тридцать маковиц цена восемь денег; гривенка хмелю цена шесть денег; отнесли дияки Гаврила да Булгак. — Февр. 5 отпущено в конюшенной приказ в государынину на нарядную большую каптану на 4 зголовейца два отласа ту-

рецких по червчатой земле шолк бел зелен лазорев кубы и травы золоты, цена 100 р.; да на местное зголовойцо на подкладку 3 арш. камки кармазину черленого по 30 алт.; на две скамейки на обивку 4 арш. сукна багрецу по 1 1/2 р.; да на каптану в моченье дано 38 арш. сукна полушарлату, а моченого стало 33 1/2 арш. по 2 р. 21 ал. 1/2 д.; на подбивку 18 сороков соболей; да подножеицо соболье, цена сорокам и подножеицу с делом 1145 р.; 7 киндяков разных цветов по полтине. А в меньшую каптану отпущено на подбивку 16 сороков соболей, цена 405 р., да на окна 5 соболей по 41 ал. 4 д. собошь; да подножеицо соболье, пошло 62 соболя, цена 39 р.; 15 арш. камки кармазину по 45 ал. — Февр. 5 к государыне в хороми 3 золотых угорских по 30 алт., 3 пары соболей по 2 р. пара. Тогож дни в Верх к государыне на кашу отпущено две пары соболей цена 5 р.

Февр. 8 в. г. свят. патр. Филарет Никитич — дарил сына своего в. г. ц. и в. к. Михаила Федоровича в. р., и в. г. царицу и в. к. Евдокею Лукьяновну после их царской радости, благословение: Образ Спасов, оклад и венец чеканной, в венце 4 камени лазоревы яхонты, око-

ло венца низано жемчугом; вместо цаты 8 чепочек золотых; пелена камка ала, по ней крест и слова низаны жемчугом с дробницами. Крест золот с мощми с камением обнизан жемчугом с зерны гурмышскими. Кубок серебрян золочен с покрывшкою, весу 14 гривенок 16 зол., по 5 р. Кубок 14 грив.; кубок 10 грив. 6 зол.; бархот турецкой золотной 95 р.; отлас турецкой двойной по серебряной земле золото 60 р.; 10 арш. без вершка олтабасу золотного 50 р.; в отласу место, что отласу в казне небыло, 8 арш. без чети бархату жолтого кизылбаского 7 р., бархат 8 р., 10 арш. отласу черленого по 1 р. 11 ал. 4 д., 10 арш. камки куфтеру червчетого по 1 р. 20 ал.; 10 арш. камки куфтеру жолтого по 1 р. 20 ал.; 10 арш. камки куфтеру лазоревого по 36 ал. 4 д. Сорок соболей 140 р., сорок — 130 р., сорок — 37 р.; сто золотых угорских по 30 алт. золотой. Государыне царице и в. к. Евдокее Лукьяновне благословение: образ Спасов обложен серебром, венец и дата и поля чеканные золочены, оплечье с чернью. Крест золот с мощми, и с жемчюгом. Кубок серебрян. золоч. с покрывшкою, весу 9 грив. 49 зол., по 5 р. Кубок 9 грив.

12 зол., кубок 8 грив. без 10 зол.; отлас турецкой двойной по серебряной земле листье золото 50 р., отлас по лазоревой земле золото 50 р., бархат жолт 4 р., 10 арш. отласу алого по 31 ал. 4 д., 10 арш. камки куфтеру черленого по 1 р. 20 ал., 10 арш. камки куфтеру жолтой по 1 р. 20 ал., 10 арш. камки куфт. лазоревой по 36 ал. 4 д. Сорок соболей 140 р. сорок 130 р., сорок 37 р.; сто золотых угорских по 30 ал. Образы и кресты патриарши казны, а кубки, бархаты и отласы и камки и соболи государевы казны, с казенного двора... и принесены на казенной двор. А государев образ и кресты отданы в казну крестовому дьяку Ивану Семионову; а царицын образ взял царицын дьяк Сурьянин Тороканов. После государской радости в третий день в среду у государя отец его — свят. Патр. Филарет Никитич — в грановитой полате ел; и после стола в. государь отца своего — дарил для своей царской радости. А речь говорил и дары являл дьяк Гаврило Облезов (подобно предыдущему, см. выше стр. 71).

Февр. 9 в конюшенной приказ на подъемные на десять каптан 160 арш. сукна настрафилю червчатого по 20 ал. — К государыне ца-

рице и в. к. Евдокее Лукьяновне на поставец отнес дияк Булгак Милованов три кубочка серебр. золоч. с кровлями ложечки мелкие по венцам городочки белы, в одном весу гривенка 5 1/2 зол., в другом гривенка 15 зол., в третьем — гривенка 12 зол., по 5 р. гривенка.

Февр. 17, в. г. царица и в. к. Евдокея Лукьяновна в. государыню иноку Марфу Иван. дарила после своей радости: Кубок серебр. золоч. с покрывкою весу 7 грив. 22 зол., по 5 р. гривенка. Кубок — 5 грив. 12 зол. Кубок — 5 грив. 2 зол.; 10 арш. бархату черного гладкого по 1 1/2 р.; 10 арш. бархату лазоревого по 1 р.; 10 арш. отласу вишневого по 40 ал.; 10 арш. отласу черного по 1 р.; 10 арш. камки куфтеру багрового по 40 ал., 10 арш. камки куф. таусинного по 30 ал., 10 арш. камки куф. черного по 1 р.; 10 арш. камки адамашки красновишневой по 1 р., 10 арш. камки адам. зеленой по 26 ал. 4 д.; 10 арш. камки адам. черной по 23 ал. 2 д., 10 арш. камки адам. таусинной по 30 ал.; 12 арш. объяри гвоздичной по 23 ал. 2 д.; 12 арш. байбереку шолк зелен черн по 13 ал. 2 д.; 5 арш. тафты виницейки таусинной по 23 ал. 2 д. Сорок соболей 65 р., сорок — 60 р. сорок —

40 р. А дары отвозили дьяки Гаврило Облг; зов да Булгак Милованов, а за ними несли те дары царицыны дети боярские. А в Вознесенском м. в передней принял те дары у них кн. Алексей Мих. Львов и являл те дары он же. И февр. 21, от в. г. иноки Марфы Ив. дьяк Сурьянин Тороканов на казенной двор в государеву казну принес из тех даров (три кубка; бархат лазорев и соболи). — Тогож дни на государеву на поклонную колодочку отпущено 2 арш. бархату кизылбаского червчатого, по 1 р. 5 ал. — К царице отпущено в хоромы на стол 1 1/2 арш. сукна багрецу да на колодочку аршин без вершка сукна багрецу, по 2 р. аршин. — Февр. 28, к царице отнес дьяк Булгак Милованов три запоны золоты с камнем цена 300 р., да отлас турецкой 50 р.; приняла государыня инока Марфа Ивановна. — В Вознес. м. к госуд. и вел. иноке Марфе Ив. к ризам под низанье скроено оплечье в камке кармазине, пошло 1 1/4 арш., да на опушку к стихарю 2 ар. без 5 вер. камки кармазину ж, по 40 ал., приказал государыниным словом Василий Иванов. Стрешнев. — Марта 1 отпущено в конюшенной приказ г. царицы и в. к. Евдокеи

Лукьяновны на меньшую каптану дано в моченье 39 арш. сукна багрецу, а стало 34 арш. 6 вер., по 60 ал.; да под доброе сукно и в каптану под соболи 45 арш. сукна лятчины черленной по 6 ал. 4 д.; да на туж каптану на чехол 45 арш. сукна настрафилю черленого по 16 ал. 4. д. Да государыни великие иноки Марфы Ив. на две коптанки чорного англинского сукна дано 39 арш., а моченого стало 35 1/2 арш. и отпущено 30 арш., по 30 алт.; взял приказщик Василей Блудов. — Митра 2, в Верх к государыниным мастерицам отпущено на стол 1 1/2 арш. сукна аглинского червчатого по 30 ал. — Марта 7, в мастер. палату 12 ар. сукна настрафилю черленого по полтине, а подбивать тем сукном царицына постельная коробья. — К панагее сделана сорочка в сукне багреце, пошло пол-вершка шапочного, 8 ал. 2 д. да гайтан шолк шемоханской с золотом 23 ал. 2 д.; понагею и гойтан взял Рожественской дякон Онкидин. — Тогож дни въ Вознесенской монастырь к государыне и великой иноке Марфе Ивановне к ризам под низанье на опушку аршин без 3 вер. камки куфтеру черленого 43 ал. 2 д. — Марта 11, в Верх в светли-

цу ко княгине Овдотье Каркадиновой под низанье к стихарю на опушку аршин без чети камки кармазину 17 ал. 3 д.; взял знаменщик Петр Ремезов. — Марта 12 в Верх к царице к ризам под низанье на опушку аршин с четью камки кармазину черленого рубль. — Марта 20, в Вознесн. м. к иноке Марфе Ив. шуба тафта немецкая черная, пошло 10 арш. по 8 ал. 2 д.; в подкройку цки черева бельи 46 ал. 4 д.; на пух пошод бобр рубль; под переды крапиеишны 2 артд. 2 ал. 4 д.; нашита нашивка тафтяная 8 ал. 2 д. Всего шубе цена 5 р. 7 ал., а пожаловала государыня тою шубою старицу уродивую Марфу. — Мар. 30, отпущено к мастерицам на яблоко к поникадильной кисти 2 вер. атласу червчатого, 4 ал. — Апр. 7, к государю в хоромы на обтирку 3 арш. без чети сукна лятчины лазоревой по 6 ал. 4 д.; взял сторож комнатной Григорий Нос. — К патр. Филарету Никитичу в келью на обтирку 3 арш. сукна такого же, взял истопник Кузма Быков. — К царице в хоромы на обтирку аршин сукна такого же взял царицын сын боярской Степан Перепечин. — Апр. 8, в Верх к царицыне *качелке* отпущено пол-аршина барха-

ту черленого гладкого 12 ал. 3 д., взял истопник Ждан Иванов. — Апр. 22, на царицын на постельной возок отдано в моченье 16 ар. сукна аглинского черленого, и убыло в моченье 3 ар. без 2 вер., взял истопник Субота Демидов. — В конюшенной приказ в царицыны в сорок колымажек на постельки и на тежи и на обшивку 90 арш. сукна настрафилю черленого по полтине, да 90 арш. покромей настрафильных черленых по 3 д. — Апр. 23, в конюшенный приказ на царицыны на малые на три колымажки 36 арш. сукна багрецу по 1/2 р.: взял нарядчик Борис Горяинов. — Апр. 24, к царице на *стол* на обертку 10 арш. сукна лятчины лазоревой по 6 ал. 4 д. — К государыне на образную простилку 9 арш. сукна лятчины лазоревой по 6 ал. 4 д, взял крестовой дьяк Овдей Васильев. Того ж дни в конюшенный приказ в царицыну в золотную *колымагу* на зголье 10 арш. бархату черленого по 60 алт., да 8 арш. настрафилю черленого по 20 ал.; да иноке Марфы Ив. колымаги на шлеи на поделку 4 арш. сукна аглинского темносинего по рублю, да на царицыну на малую колымажку 13 ар. сукна по 60 алт. — Мая 12, к ца-

рице в хоромы отнес дьяк Гаврила Облезов *братину* серебряную большую с кровлею, в ней бражник сидит у бочки, весу 7 грив. 24 зол. по 6 р. гривенка. Принял Федор Степ. Стрешнев. И та братына снесена в казну. — Мая 20, в государеву в мастерскую палату бобр чорн 5 р. 10 д., да цки горностальи с рукавы 8 р. 3 ал. 2 д., да на те же цки на натирку пошло четь фунта анису 10 д. — Июня 11, к государю в хоромы отнес дьяк Гаврило Облезов два сорока соболей, один 70 р., другой 50 р., принял Вас. Ив. Стрешнев; и пошли те соболи от государя и от царицы к в. г. иноке Марфе Ив. на новоселье; и июня в 15 д. в. г. инока Марфа Ив. указала те соболи взяти на казенной двор. — Июня 26, к Екатерине Христовой мученице отпущена чаша ценинная 16 ал. 4 д.; взял царицын крестовой дьяк Овдей Васильев. — Авг. 10, к царице носил в смотр дьяк Булгак Милованов пару соболей 6 р. и государыня оставила у себя в хоромех соболя, а другово соболя государыня указала дать государева жалованья Семену Лукьяновичу Стрешневу под шапочку. — Авг. 14, в Верх в царицыну в мастерскую палату отнес дьяк Гаврило

Облезов литру золота да литру серебра, по 7 1/4 р.; принял царицын дьяк Сурьянин Тороканов, а сказал, что отнес де он то золото и серебро к царице,

27. 136 г. Окт. 15, из светлицы ото княгини Овдотьи Коркодиновы принесены *вошвы* шиты по бархату по черному золотом да серебром. И по государеву имянному приказу те *вошвы* отосланы на казенной двор на церковное строение к ризам на *оплечье*. — Март. 25 от государя из хором принес Ф. Ст. Схрешнев камку куфтерь жолту, мерою 10 арш., а сказал: государь пожаловал тое камку царице на летник. И марта 31 камку из царицыны из Мастерские полаты взял к царице в хоромы В. И. Стрешнев. — Апр. 10, от царицы из хором принес дьяк Сурьянин Тороканов кованова кружива 27 *басем* серебряны позолочены, а про те *басмы* Сурьянину приказала боярыня Катерина Бутурлина царицыным словом, велела те *басмы* держати в царицыне казне до указу. — Апр. 17 от царицы из хором выдала Катерина Бутурлина камку золотную бурскую по червчатой земле в цветах шолк лазорев да бел, 9 ар. 3 в., а сказала что тое камку

поднесла государю мати ево государева в. г-ня инока Марфа Ив. на Велик день апреля 13, а государь тое камку пожаловал царице на летник. — Мая 19, от царицы из хором выдала крайчея Ульяна Сабакина две постели да два изголовья, подушечка, одеяло горностальное под камкою золотною, другое одеяло холодное под камкою серебряною, ковер цветной. Юня 11 те две постели и изголовье и подушечка и ковер взяты к царице в хоромы.

28. 136 г. Сент. 2, г. царицы к двоим сергам на *чемоданы* 3 вер. отласу червчатого да на подкладку 1 1/2 в. тафты виницейки лазоревой. — Сент. 29, к царице в хоромы к государевым сорочкам да к портам на тачки 5 арш. тафты виницейки червчатой принесла боярыня Катерина Бутурлина. — Ноябр. 9, в светлицу на государевьи сорочки 5 арш. тафты виницейки червчатой принесла б. кн. Овдотья Коркодинова. — Февр. 7, в светлицу к государевым сорочкам на тесмы пол-сема арш. тафты виницейки червчатой, принесла б. кн. Овд. Коркодинова. — Февр. 28, царица Евдокея Лукьяновна пожалова отцу своему Лукьяну Степановичу Стрешневу *четки* ры-

бей зуб, а ударил челом царице теми четками Сисского монастыря игумен Иона. — Февр. 29, портным мастером к царицыну платью на шитье 1 1/2 арш. полотна нитей да ползолотника шолку червчатого. — Мар. 5 в светлицу на ширинку 6 вер. тафты виницейки белой, принесла б. кн. Овд. Коркодинова. — Мар. 15 государыни царицы к санным окнам на завеску 2 1/2 арш. сукна настрафилю черленого. — Апр. 4 царица пожаловала Лукьяну Стед. Стрешневу вершок отласу червчатого гладково. — Мая 12 в светлицу на шитье государевых сорочек полотно нитей тонких. — Мая 26 царица пожаловала Микифора Сабакина, велела ему дати на шапку соболь; пожаловала Лук. Ст. Стрешнева, велела ему дати к шапке пух четверть бобра.

29. Книги, а в них писано царицы Е. Л. кроение платью 136 г. — Сент. 27, царице скроена распашница в камке белой куфтере, пошло 11 1/2 арш. — Окт. 26 царице скроен бумажник да зголовейцо в камке червчатой мелкотравной, пошло 11 ар. 1 в., да в простилку пуд бумаги хлопчатой битой; а на зголовейцо камки 3 арш. 10 в., да пуху лебязия белого 17

фунт. — Ноябрь. 9 царице скроены рукавки в бархоте червчатом, пошло 9 в., на испод 4 черева лисьи чернобуры, на опушку соболь. — Ноября 12 иноке Марфе Ив. скроены рукавки в бархате черном гладком, пошло 9 вер., на испод 4 черева лисьи буры, на опушку соболь. — Генв. 30 царице скроен летник в отласе золотном по лазоревой земле травы и деревья золоты в них шолк червчат, пошло 9 ар. без 5 в.; на подкладку тафты виницейки червчатой пол-7 арш., на подольник отласу червч. 1 ар. без 3 вер., на опушку 1 1/2 бобра: вошвы бархат червчат шиты золотом да серебром. А что остался остаток того отласу и тем остатком, царица пожаловала матери своей Анне Костянтиновне на шапку. — Февр. 6, к царицыну каптуру скроен верх в миткалях, пошло 12 вер. — Марта 24 царице к камчатой к куфтерной белой *опашнице* на прибавку 6 вер. камки белой да на подкладку 7 арш. тафты белой виницейки да на опушку 2 бобра без чети. — Мар. 26 по имянному приказу царицы скроена к Онтипью Вмч. к чудотворному образу пелена в объях серебряных, пошло 1 ар. 2 в.; на опушку камки желтой травной 1

1/2 ар., на крест 2 ар. кружива золотного; на подкладку 3 1/4 ар. киндяку светлозеленого. — Март. 28 царице скроена *телогрея* в отласе в празеленом, пошло 9 ар.; подкроено чюлки черева бельи, на опушку 1 1/2 бобра. Нашито круживо золотное плетеное широкое, да 23 пуговики золоты сенчатые с винифты с розными в закрепках по искорке по алмазной. — На царицыну на камчатую белую *опашницу* нашито 15 корольков розных на золотых спнях по краем репейки золоты, у репейков на спнях в закрепках в гнездах по искорк изумрудной. — Март. 30 к царевнине к *качели* обшита *седалка* тафтою червчатою, пошло 4 1/2 вер. — Мая 11, царице скроены чюлки в камке в кармазине червчатом, пошло 2 арш. без чети. На чюлки нашито 2 1/4 ар. кружива серебряного с пелепелы; подложены тафтою лазоревою веницейкою, пошло 1 ар. — Мая 18 царице скроены чюлки в сукне в червчатом в багреце, пошло 9 вер.; подложены киндяком лазоревым, пошло 2 ар.; и тогож дни сказал дьяк Сурьянин Тороканов: царица теми чюлками пожаловала Анну Костентиновну. — Мая 20 царице починены прежние

чюлочки камкою желтою, пошло 3 вер. —
Мая 25 подложена пелена шита золотом и се-
ребром Знамение Пр. Бцы тафтою лазоревою,
пошло 11 в. — Июня 21 царице скроены баш-
маки в сафьяне в желтом. Прикладу к башма-
кам кружива немецкого узкого шолк червчат
с серебром 1 1/2 арш., на обвивку к коблукам
золота 8 ар., на мелкой на всякой приклад 3
алт. 2 д. — Авг. 9 скроена к образу Пр. Богоро-
дицы Казанские пелена под шитье в тафте в
дымчатой, пошло полтретья вершка. — Авг.
26 царевне Ирине под *зарукавье* две колодки
обшиты тафтою алою, пошло 2 вершка.

30. 137 года *Принос* от г. царицы из хором и
из г-вы Масторские палаты. — Сент. 16, от ца-
рицы принесено из хором шесть холстов лян-
ных толстых, и в тех холстах шить дуракам
рубашки. — Окт. 7, от г-ря из хором принес Ф.
Ст. Стрешнев три камки золотные кизылбаш-
ские... а сказал, государь пожаловал одну 7 ар.
3 в. царице, другую 7 ар. 4 в. царевне Ирине,
третью 7 ар. 3 вер. царевне Пелагее. — Окт. 9,
от царицы из хором принес Ф. Ст. Стрешнев
отлас золотной по червчатой земле розвода и
травы и меж розвод рыбки золоты в розцве-

тах шолк зелен да бел, 9 ар. пол-4 вер., за обеими истки. — Окт. 12, от царицы из хором принес Ф. Ст. Стрешнев миткали арабские, а сказал, что царицу дарила г-ня инока Марфа Ив. — Окт. 19, от царицы из хором принес дьяк Сурьянин Тороканов 2 ф. канители золоченой, да в слитке серебра 27 1/2 зол., да на витейке волоченого золоченого серебра весом и с витейкою 38 1/2 зол. — Окт. 12 взято из государевы из Мастерские полаты полтретья золотых угорских, отданы на канительное дело канительному мастеру Юшке. — Окт. 29 принес дьяк Сур. Торок. 75 дробниц золоты с чернью за печатью царицы. — Февр. 23 от государя из хором принес Ф. Ст. Стр. сафьян кизылбашской по червчатой земле писаны травы золотом да серебром. — Марта 1 государь пожаловал царице на ее государынины именины на летник отлас турецкой по серебряной земле круги велики золоты, в кругех по 3 кружки золоты с репьями, меж кругов по краем листье золото, 10 ар. 1 вер. — Июня 28 государь пожаловал царице в троицком походе рукавки перчатки немецкое дело вязены узором шолк брусничен, запясье по отласу по

алоуму делано канителью и трунцалы, репьи и около дерев змейки, в репьях и в змейках шолки розные, меж репьев и древ звездки золоты, запясье подложено тафтою алою.

31. Книги расходные 137 г. Ноябрь. 4 в светлицу под низанье к ризам на оплечье и на патрахель и на поручи да на дьяконский стихарь на оплечьеж и на уларь и на поручиж 7 арш. без 2 в. камки куфтеру червчатой. — Ноябрь. 27 к царице в хоромы на лавочные стирки две *истки* сукна настрафилю лазоревого, отнес Фед. Ст. Стрешнев. — Дек. и к царице в хоромы под государево ожерелейцо полтретья вершка отласу червчатого, 2 1/2 вер. тафты виницейки червчатой, приняла бояр. Катер. Бутурлина. — Дек. 15 к царице в хоромы к лавкам на стирки 7 вер. сукна червчатого настрафилю. — Генв. 14 царица пожаловала отцу своему Лукьяну Степановичу 10 золотников шолку червчатого. — Генв. 21 в светлицу под низанье к камчатому к белому стихарю на зарукавье 1 ар. без 2 в. камки куфтеру червчатой, отнес В. И. Стрешнев. — Генв. 22 в светлицу для государевых дел ансырь 8 зол. шолку белого приняла б. кн. Овд. Коркодино-

ва. — Генв. 28 в светлицу для государевых дел фунт без получетверти зол. шолку светлозеленого, 1 ф. 20 зол. шолку рудожелтого, 1 ф. 10 зол. вишневого, 1 ф. 1 зол. желтого, 1 ф. без 4 зол. гвоздичного, да 3 ф. червчатого, лазоревого, зеленого, приняла она же. — Февр. 18 к царице в хоромы под государево ожерелейцо под низанье вершок с четью отласу червчатого приняла кн. Ульяна Троекурова. — Февр. 19 в светлицу к царицыным 2 шапкам на пояски цевка золота, приняла кн. Овд. Корк. — Февр. 23 тудаже на ширинки и ар. 3 вер. тафты вилицейки белой; прин. кн. Ов. К. — Февр. 25 к царице в хоромы на ее государынины полотенца на стрепню 5 вер. сукна багрецу червчатого, приняла казначея Варвара Унковская. — Марта 6 к царице в хоромы на ее государынины полотенца на стрепню вершок сукна багрецу. — Марта 11 царицы с отласного с желтого летника вошвы по червчатому отласу шиты золотом да серебром отнесены на казенной двор, а по государеву указу велено в них сделать к Рожеству Пр. Богородицы, что на сенех, к ризам оплечье. — Марта 20 к царице в хоромы 82 1/2 арш. объари таусинной да

1 1/2 арш. камки жолтой адамашки, принял В. И. Стрешнев, а сказал объярьми царица пожаловала комнатных боярынь Ирину Никитичну с товарищи осми человек, а камку пожаловала ему Василью. — Марта 22 к царице в хоромы на царевичевы крестины две пары соболей изо 63 рублей (сорок), принял В. И. Стрешнев. Марта 27 царица пожаловала Ф. С. Стрешневу на шапку 9 вер. бархату черново. — Апр. 21 к царице в хоромы 5 арш. сукна настрафилю червчатого — царица пожаловала портомое Соломониде Одинцове. — Апр. 21 царице Евдокеи Лукьяновне обшита *качель* сукном багрецом червчатым да по верх сукна бархатом червчатым гладким, на обшивку сукна пошло аршин, а бархату аршин пол-шеста вершка. Апр. 27 к царице в хоромы 3 арш. сукна червчатого настрафилю, а тем сукном покрыта в передних сенех царицына *качель*. — Мая 12 к царице в хоромы полотно сарпату розными цветы царевичу Алексею М. на положек. — Мая 13 к царице в хоромы из кипарисного из большого ларца ларчик обложен серебром золоченым, а в него врезываны кости рыбы, с золотыми, отнес Ф. С. Стрешнев.

Мая 21 к царице в хоромы коробья новгородская с ее с государыниным венцом да с косником; приняла кн. Овд. Коркодинова. — Июня 3 к царице в хоромы 3 вершка отласу золотного по червчатой земле травы и опахалы золоты отнес дьяк Сурьянин Тораканов, а сказал: царица пожаловала Ульяны Ст. Собакиной сыну на ожерелье. — Июня 4 к царице в хоромы 4 пары собoley из сорока из 20 р., приняла б. Ульяна Собакина, а сказала: царица пожаловала новым постельницам на каптуры. Июня 6 в царицыне в мастерской полате на поставец, на котором делают царицыно платье, наслано 4 арш. сукна настрафилю червчатого. — Июня 12 к царице 7 вер. бархату червчатого гладкого отнес д. Сур. Торок., а сказал: царица пожаловала брату своему Семену Лук. на шапку. — Июня 18 в государев в Троицкой в вешней поход к ларцом на связки 4 ар. покроем лазоревых (и к коробьем на связки еще 4 ар. Июня 21). — Июня 19 к царевне Ирине в хоромы на потешные куклы 2 вер. отласов и камок розных цветов. — Июля 7 к царице в хоромы два ставчика да ложечка троецких отнес Ф. Ст. Стрешнев.

32. Книги платье кроенье 137 г. — Сентября в 12 день, Иванове жене Матюшкина Федосье Лукьяновне подложена *шляпа* полки отласом червчатым, а внутри тафтою зеленою виницейкою; отласу пошло 11 вер., тафты 7 вер., да на торочек вершок тафты светлозеленой. Сент. 23 царице на большой опашень в помочь нашито 15 пугвиц сереб. гладких. — Окт. 4 к образу Пр. Богородицы, что у государя в хоромех, скроено под цату серебряну бумажник в отласе червчатом, пошло пол-аршина. Окт. 6 скроен другой такой же бумажник к тому же образу под цату в отласе червч. в гладком, пошло 8 в. — Ноябрь. 5 царице скроен в отласе в червчатом шапочной вершок под низанье, пошло 5 в. — Ноябрь. 12 царицы персневая шкатулка оболочена бархатом зеленым, 2 в., да бархатом червчатым, 2 в., да отласом зеленым гладкими 3 ар. 7 в. — Генв. 10 царице в чеботы да в башмаки обшиты шестеры стельки тафтою виницейкою червчатою, пошло 1 ар. — Генв. 28 в крымскую посылку к рукавке запясье под шитье в отласе червч. гладком, пошло 5 вер. Апр. 9 к рукавам зарукавьe под шитье в отласе червч.

гладком. — Февр. 18 царице скроены две *ошивки* в отласе червчатом под низанье, пошло 6 вер. — Февр. 25 на царицыны на большие на золотные и на серебряные на летники и на телогреи скроено в десяти киндяках розными цветы шесть чохлов. — Апр. 29 царице скроено *подножье* в розных в аглинских сукнах, в желтом, в зеленом, в вишневом да в темновишневом — пошло всякого цвету по полуаршину да на подкладку поларшина сукна червчатого багрецу да на пояски и на шитье 4 зол. шолков розных цветов. — Мая 11 подложена пелена низана жемчюгом да шита золотом да серебром, образ Пр. Богородицы Казанские, отласом червчатым, пошло 10 вер. — Мая 29 подложена готовая шляпа вдовская отласом чорным в отдачу, пошло 9 в. — Июня 13 царице на кипарисной ларец, что с ее государыниными полотенцы, скроено влагалище в сукне багреце червчатом, пошло 1 ар., на подкладку 2 арш. 1 вер. киндяку светлозеленого. — Августа в 31 день царице Евдокее Лукьяновне подложена *шляпа* внутри отласом червчатым гладким, а полки подложены отласом золотным по червча-

той земле опахала и травы золоты, в нацветах шолки бел лазорев зелен, на подкладки пошло отласов золотного 7 вер., гладково аршин без чети. 33. 138 г. Ноября 1, от царицы из хором принес Фед. Ст. Стрешнев фонарь слюден теремчат о девяти верхах с нацветы с розными, по нем писаны розными краски травы в кругех, на травах птицы розные, а велел тот фонарь поставить в царицыне казне до ее государынина указа. — Мая 12 от царевны Ирины из хором принес дьяк Сурьянин Тороканов достокан виницейской бел по нем полосы лазоревы косы; да качель обита тафтою червчатою виницейскою, поцепка у качели обшита сукном да бархатом червчатым. — Июня 29, от царицы из хором принес дьяк Сур. Тороканов ларчик ветчан окован железом белым с замком с нутреным, а по сказке боярыни Катерины Бутурлины в том ларце царицы ошивки.

34. Книги расходные 138 г. — Сент. 16 в светлицу на царицыны на летничные вошвы под низанье 1 1/2 арш. с вершком бархату червчатого гладкого. Приняла кн. Ов. Корк. — С. 20 к царице в хоромы царевне на *потехи* 30 лос-

кутков золотных отласных и камчатых розных цветов. — С. 23 в светлицу ко государевым сорочкам да к портам на тачки 2 арш. тафты виницейки червчатой. — С. 25 царица пожаловала матери своей Анне Костянтяновне на починку к дорогильной к зеленой телогрее 7 черев лисьих бурых, да к рукавам на роставку 4 хребта белых, да 9 1/4 верш. кружива кованово золото с серебром, да на опушку бобрик, да 15 пугвиц серебряных. — Окт. 9 в светлицу к опашнице на круживо под шитье 2 ар. 2 в. отласу белого. — Окт. 27 к царице в хоромы 5 арш. сукна аглинского черново отнес Ф. Ст. Стрешнев, а сказал, то сукно царица пожаловала Анне Замыцкой для того, что она привезла государеву белую казну лучше прошлых лет белой казны. — Ноября 7, в светлицу на царевнины на потешные куклы вершок отласу золотного по лазоревой земле, приняла кн. Овд. Коркодинова. — Н. 20 в светлицу под низанье потрахиль камка кармазин червчата, приняла кн. Овд. Коркодинова. — Н. 30 канительщику Юшке Яковлеву для государева дела в передел гривенка канители золоченой. — Дек. 9, к г. в. старице иноке Марфе Ива-

новне в Вознесенской девичь монастырь царевне Ирине на потешные куклы 20 лоскутов отласных золотных и серебряных и камчатых и тафтяных, приняла старица Олена Языкова. — Дек. 21, в светлицу на ширинки 12 вер. миткалей, приняла кн. Овд. Коркодинова. — Генв. 23, к царице в хоромы под государево ожерелейцо вершок тафты лазоревой виницейки. — Февр. 9, ко государеву ожерелью вершок отласу червчатого, да на подкладку 1 в. тафты виницейки лазоревой. — Дек. 7, к царице в хоромы полтретья вершка отласу таусинного ей государыне под ожерелье. — Марта 7, в светлицу на царицыны на ошивки под шитье 5 вер. атласу червчатого. — Марта 26, к царице в хоромы отласных и камчатых золотных и камок цветных и камчатных кизылбашских 58 лоскутов больших и средних и малых приняла Ульяна Сабакина. Того ж дни царица пожаловала дьяка Сурьянина Тороканова велела ему дати на ожерелье 3 вер. отласу золотного по червчатой земле травы и опахала золоты в цветах шолки бел да лазорев. — Апр. 20 в светлицу под шитье на ризное оплечье 1 ар. 10 вер. бархату таусинно-

го. — Мая 21 в царицыне мастерской палате к ее государынину стулу на кровлю 1 1/4 арш. сукна багрецу червчатого. — Мая 26, к царице в хоромы к *суремнице* на подкладку пол-третья вершка камки лазоревой куфтеру да 2 арш. бархателя по белой земле с поталью, приняла бояр. Катерина Бутурлина. — Июля 25 царевны Анны М. на крестины на кашу пара соболей из сорока из 20 р.

35. *Кроенье* 138 г. — Ноябрь. 7 в светлицу к царицыне опашнице скроены *передцы* подшить в тафте в червчатой виницейке, пошло аршин. — Н. 8 царицы на слюденной на большой на теренчатой фонарь скроен чехол в сукне в стамеде в червчатом, пошло 6 арш. без 2 вер. — Марта 28, царевне Ирине скроен охобень в объях червчатых, пошло 3 арш. без вершка, на подпушку 12 в. тафты виницейки жолтой, на ожерелье поларшина отласу зеленого гладкого; на охобень нашито полпята аршина кружива серебр. кованого, да в 9 местех нашивка серебрена с кистями ворворки низаны жемчугом да 9 пуговиц золоты сенчаты с алмазы. — Июня 19 царицы к горностойному нагольному кортелю скроен пух

к вороту в 2 вершка без чети, а около вошев и подольника в 3 вершка без чети, на пух пошло 6 бобров.

36. 139 года. — Окт. 9 от государя из хором принес В. И. Стрешнев блаженные памяти г. царя и в. к. Ивана Васильевича в. Руси *тахтуй* по белой тафте шит золотом да серебром клетчат, по нем по всем пелепелы серебренны золочены, на одном углу по той же тафте в каймах репья шиты золотом да серебром. И в том тахтуе сделаны летничные вошвы, а положены те вошвы на царицын камчатой на травной на червчатой летник.

Ноября 4, царица пожаловала Иванове жене Матюшкина Федосье Лукьяновне велела ей дати к телогрее на починку в остатках 3 соболя. — Дек. 3, в царицыне в мастерской палате *впереднем* углу обиты стены и лавки сукном летчиною зеленым, пошло 8 аршин. — Генв, 27, к царице в хоромы на потешные царевнины куклы хвост бобровой приняла кн. М. Хованская, — Генв. 29, к царице и к царевичу и к царевнам в хоромы к лавкам на стирки 2 арш. сукна летчины зеленой. — Февр. 11 к царице в хоромы на кровлю и на подстилку к

ее государскому платью пол-третья арш. сукна багрецу, приняла кн. Солом. Мезецкая. — Февр. 23, в светлицу на ширинки 1 1/2 арш. тафты виницейки белой да под шитье на подкладку три сорочки крашенинные с сукон. — Марта 24, царевны Анны кормилице под шапку, по отласу червчатому шита золотом да серебром, испод цки черева бельи; да ей же кормилице на *подубрусник* 6 вер. дорогов червчатых гилянских. — Марта 24 к царице в хоромы к окнам на завеску аршин сукна английского червчатого. — Августа 17, царицы к постелям на кровлю 4 арш. сукна багрецу. — Того ж дни царица пожаловала две пары соборей комнатным боярыням кн. Марье Пронской да Анне Пушкине.

37. 150 г. апр. 6, с казенного двора шолку таусинного шесть золотник с четью, взято по приказу боярина Бориса Ивановича Морозова; и тогож дни по егож боярскому приказу в сем шолку зделана государыне царевне Ирине Михайловне *кисть к коснику*; и тогож часу сю кисть взял боярин Борис Иванович и отнес в хоромы к государыне царице.

38. 153 г. Сент. 14, в светлицу 5 арш. тафты

червчатой, приняла Татьяна Скобелцына, а сказала что на государские сорочки. — Сент. 17, к царице в хоромы 5 арш. сукна червчатого аглинсково, приняла Скобелцына, а сказала, что государыня пожаловала золотной ученице девке Варваре Ладоженской. — Сент. 27, к царице в хоромы 5 арш. тафты вишневой да 1 арш. 11 вер. бархату рытого черного, приняла боярыня кн. Марья Аф. Хованская, а сказала, что государыня пожаловала Степановой жене Стрешнева на летник. — Сент. 30, от двубобров *побочины* приняла постельница Катерина Соколова, а сказала, что государыня пожаловала Ивашку карлу на опушку к кафтану. — Окт. 12, к царице в хоромы 5 арш. тафты двоеличной *вдовской* принял стол. Ив. Фед. Стрешнев Большой. — Окт. 15–15 ар. сукна червчатого аглинсково приняла Татьяна Скобелцына, а сказала, что г-ня пожаловала трем девкам золотным ученицам Манке Волковой, Катеринке Мироновой, Матренке Петровой, по 5 арш. — Окт. 18, в хоромы поларшина бархату червчатого принял окольник. Вас. Ив. Стрешнев, а сказал, что г-ня пожаловала дочери его на тафью; относил Гаврило шапош-

ник. — Ноября 4, в светлицу 2 вер. тафты алой приняла Тат. Скобелцына, а сказала, что под царицыно ожерелье.

Ноября 6 к царице в хоромы 10 вер. камки таусинной мелкотравой да 5 пупков собольих приняла боярыня княгиня Марья Афанасьева Хованская, а сказала, государыня пожаловала ей на треух. — Ноября 11, государыня царица и в. к. Евдокея Лукьяновна пожаловала матери своей Анне Костянтиновне восемь золотников шолку белово. Относил к Анне Костянтиновне на двор чеботник Вас. Васильев. — Ноября 17 к царице в хоромы ковер мерою в длину 2 ар. 10 в., в ширину 2 ар. без чети, принял стол. Ив. Фед. Стрешнев Большой, а сказал, что г-ня пожаловала дочери своей царевне Ирине. — Дек. 2, царица пожаловала матери своей Анне Костянтиновне 21 зол. шолку белово. Относил на двор Гаврило Савельев шапочник. — Дек. 9, г-ня пожаловала отцу своему бояр. Лукьяну Степановичу Стрешневу цпки хребтовые бельи с рукавы, илецкие. Относил на двор шапочник Гаврило Савельев. — Тогож дни к царице в хоромы 2 зол. шолку таусинного да 3 вер. отласу таусинно-

го, да 5 арш. тафты двоеличной шолк вишнева да зелен. Шолк и атлас приняла боярыня Ульяна Степ. Собакина, а сказала, что царице на ожерелье под низанье; а тафту приняла казначея Анна Хитрово, а сказала, что г-ня пожаловала мастерице Марье, что учит царевну Татьяну Михайловну грамоте. — Дек. 12 к царице в хоромы полтретья вершка отласу червчатого да 4 зол. шолку шемоханского приняла бояр. Ул. Ст. Собакина, а сказала, что шолк царевне Анне к ожерелью на *мутовысь* (sic). — Генв. 4, ко государю царевичу князю Алексею Мих. в хоромы двои чотки рыбыи да шесть *лесенок* принял боярин Б. И. Морозов. — Генв. 8. к царице в хоромы зендень зелена приняла девка немка Овдотья Копитонова, а сказала, что г-ня пожаловала крестовому Фоме Борисову. — Генв. 28, к царице в хоромы 10 ф. ладону принял ок. В. И. Стрешнев, а сказал, что г-ня послала в Соловецкой монастырь с соловецким же игуменом. — Марта 13 к царице в хоромы семь зендений лазоревых да зеленых, приняла казначея Анна Хитрово, а сказала, что г-ня пожаловала крестовым. — Марта 20 в светлицу 10 зол. шолку личново

(sic) да 5 арш. тафты червчатой доброй приняла Тат. Скобелцына, а сказала, что шолк для государевых дел на всякой расход, а тафта на государевы сорочки. — Марта 31 к царице в хоромы 5 арш. крашенины лазоревой да 5 арш. холстины, да 3 ар. снурку красново нитного, да 15 пугвиц оловяных, приняла бояр. кн. Марья Ив. Пронская, а сказала, что то все г-ня пожаловала на телогрею карлице Феколке. — Мая 3, г. царица пожаловала отцу своему бояр. Л. Ст. Стрешневу 2 вершка бархату чорново да полтретья вершка камки чорной. — Мая 4, к царице в хоромы 10 ар. камки двоеличной шолк червчат да таусинен да пару соболей ценою 2 руб. Приняла девка немка Овдотья Копитонова, а сказала, что тое камку и соболя г-ня пожаловала мастерице Марье, которая учит грамоте царевну Татьяну Мих. — Июня 20 в светлицу 5 арш. тафты червчатой доброй, 10 ар. крашенины лазоревой толстой; приняла Тат. Скобелцына, а сказала, что тафта на государские сорочки, а крашенина к пальцам на мешечки. — Июня в 29 день, от царицы Евдокеи Лукьяновны из хором принес диак Петр Арбенев *фату* белу по-

лосату кругом фаты кайма червчата, и сказал что той: Фату выдала ему боярыня княгиня Марья Офонасьевна Хованская, а сказала де ему, что та фата царевны Ирины Михайловны. — Авг. 18 к государю в хоромы 16 1/2 ар. камки бедой куфтеру да 18 арш. бархату чорново принял ок. В. И. Стрешнев, а сказал, что камка белая государыне ц. и в. к. Евдокее Лук. на саван, а бархат черной на выносные сани на покрышку.

39. 153 г. — Сент. 14 по приказу бояр. кн. М. А. Хованской царевны Ирины шкатулка шитая золотом, хоромная, обита круживом кованым серебряным узким, пошло 3 зол. — Дек. 27 на шкатулкуж скроено лагалище в сукне червчатом багреце. — Сент. 27 по приказу казначеи Анны Хитрой на казенном дворе сделано два *летника* в дорогах жолтых гилянских, подложены крашениною лазоревою, вошвы нашиты бархат рыт по белой земле морх червчат, подольники пришиты киндяк червчат (опушены пухом бобровым); мерою один летник — в длину 2 ар., в плечех аршин с четью, в подоле 3 арш. без вершка; другой — в длину 2 ар. 1 1/2 в., в плечех 1 ар. 2 в., в подоле

3 ар. без 3 вер.... Да сделана телогрея в краше-
нине лазоревой, подложена холстиною, пуг-
вицы нашиты оловянные; мерою в длину 1
1/4 арш., в плечех 1 ар.; и сент. 30 царица по-
жаловала девкам Марье Скобелцыне да Ма-
рье Колычове, а телогрею карлице Аленке. —
Ноября 9 по приказу Тат. Скобелцыной скро-
ена под шитье херуговъ — середина в камке
червчатой мелкотравой, каймы в камке лазо-
ревой мелкотравой. Да генв. 27 к херугови
скроены крыльца под шитье, два крыльца в
тафте червчатой, а третье крыльцо в тафте
белой. Мая 4 к херугови прикроена опушка в
отласе золотном по червчатой земле. И мая 20
сее херуговъ государыня пожаловала в собор-
ную церковь Успения Богородицы, взял клю-
чарь Иван. — Ноября 18 по приказу бояр. кн.
М. А. Хованской царевны Ирины на бархат-
ную червчатую *хоромную подушку* скроено
лагалище в сукне червчатом багреце, пошло
3/4 ар., да на подкладку 2 1/4 ар. киндяку жел-
того. — Ноября 28 по приказу казначеи Анны
Хитровой на казенном двор сделаны ризы в
тафте белой, подложены зеңденью лазоревую
опушены дорогами полосатыми, подпушены

зенденью зеленою; а оплечье нашито, сняв с царицына тафтяного летника алово вошвы — отлась золотной полосатой. Мерию ризы в длину 2 ар. 2 в. И те ризы царица пожаловала в церковь Николы чуд. Явленсково декабря 1, как она государыня ходила молитца. — Дек. 21 по приказу б. кн. М. А. Хованской сделаны две шубы в дорогах червчатых гиланских ожерелья пришиты бобровыя, опушены пухом бобровым, круживо и петли нашито плетеные серебряные, да по 9 пугвиц серебр. белых; исподы подложены черева бельи. А мерю в длину по 1 ар. 5 в., в плечех по 1 ар. без 5 в., в подоле по 2 ар. 3 в. И те шубы приняла в хоромы казначея Анна Хитрово, а сказала, что царица пожалована *колматцким* девкам, которые взяты в Верх. — Февр. 3 сделано 4 шапки черевьи лисьи черные по образцу, да пятая шапка в вышину шести вершков; государыня пожаловала девкам. — Марта 31 скроена в отдачу тафья в бархате чорном, пошло 4 вер. на подкладку киндяку лазоревого 4 в., нашито кружива кованого серебр. на нижнюю кайму 1 ар. без 2 вер. на верхнюю кайму кружива такогж узкого 1 ар. без 3 в., в хоромы

приняла Анна Хитрово. — Апр. 15 скроены в цареградскую посылку под шитье два запясыя в отласе червчатом. Пошло пол-7 вер. Шиты запясыя золотом и серебром. — Апр. 27 по приказу казначеи Анны Хитрой сделаны три летника в сорочках крашенинных с *поталью*. И те летники государыня пожаловала дурам Аринке да Дунке татарке, да Манке. — Июля 1 по приказу боярина Б. И. Морозова скроена под шитье плащеница середина в камке лазоревой куфтере, каймы в камке зеленой куфтереж. — Июля 9 по его же приказу скроена под шитье другая плащеница (такая же). — Июля 10, по приказу Тат. Скобелцыной подложен покровец шитой, церковных посуды, камкою зеленою мелкотравною, а на покровце вышито в лицах Агнец. — Июля 29 до приказу девки Овдотьи Копитоновы скроен в отдачу бумажник да изголовье, верхние наволоки в дорогах черных, а исподние в полотне тверском, пошло по 15 арш.; да бумаги хлопчатой в настилку пошло 10 ф., да в зголовье пуху серого 5 ф. июля 30 приняла в хоромы немка ж Овдотья Копитонова, а сказала, что государыня пожаловала боярыне Ульяне Фед. Романовой. —

Июля 30 по приказу Тат. Скобелцыной скроен покровец под шитье середина в камке червчатой куфтере, каймы в камке лазоревой куфтереж. — Авг. 17 по памяти из приказу Большого Дворца скроено под шитье в крымскую посылку запясье в отласе червчатом; шито золотом и серебром.

40. 155 г. февр. 7 дурке Катерине сделана телогрея в выбойке по лимонной земле, пошло 8 ар. 1 вер., по 5 алт.; на подкладку 8 арш. холста по 4 денги арш.; пришито 15 пугвиц оловяных, 2 1/2 денги, петли снурок гарусной 2 1/2 денги; около круживо *искит* (истки?) с сукон (sic) мишурные 10 д. — Февр. 11 по приказу бояр. Б. И. Морозова сделан летник в камке черной клетчатой, пошло 11 арш. по рублю, подолник 6 1/2 вер. тафты зеленой, на подкладку 14 1/2 арш. киндяку вишневого; в опушке пух 2 р.; на вошвы 1 ар. 1 в. бархату таусинного местами травки золоты круглые и копытца. Шубка столовая сукно черно фряское, пошло 5 арш. по 2 р., на подпушку тафты тмозеленой... Каптур соболей, пошло пара соболей 10 р., пара — 7 р., соболь 3 р., да бобр 5 р. колских; два звена пуху черненых, да звенцо

накладки; на вершок миткалей широких 6 вер., да на *повязку* поларшина полотна литовского 6 денег. И тот летник и шубку и каптур взнес в государеву мастерскую полату дьяк Гр. Панкратьев, а принял постельничей Михайло Алекс. Ртицев, а сказал, что тем летником и шубкою и каптуром пожаловал государь дочь его.

155 г. февр. 9 к царицыным саням на станичные шлеи и на побочи и на узды и на обшивку да на дыхло и на приступ и на колодку на обивку 62 ар. бархату червчатого. На стулы в те же сани 4 ар. сукна багрецу, на подстилку половинка сукна лятчины черленой, на миндери шесть сафьянов черленых. В государынины сани на зголовеицо в прибавку 2 арш. отласу золотного.

41. Верхний относ 156 г. — Сент. 2, ко государыне царевне и в. к. Анне М. в хоромы 7 вершков тафты червчатой приняла боярыня княгиня Марья Ивановна Пронская, а сказала, что тое тафту царевна пожаловала ей. — Сент. 13, к царевне Анне в хоромы вершок с четью отласу золотного по червчатой земле приняла кн. Марья Ив. Пронская, а сказала,

что царевне *на потеху*. — Сент. 18, к царевне Ирине в хоромы хребтов белых в длину 2 1/2 вершка, поперег 3 арш. приняла девка Марфа Голохвастова, а сказала, что те хребты бельи царевна пожаловала ей. — Окт. 8, для государевых дел в светлицу 18 зол. шолку шемаханского да аршин киндяку лазоревого приняла княгиня Овдотья Коркодинова. — Окт. 26, в светлицу для государевых дел 4 сорочки крашенинных с сукон приняла кн. Овд. Коркодинова. — К царевне Ирине в хоромы шапка горлатная лисья черная, ценою в 12 руб., приняла казначея Василиса Пятово, а сказала, что тое шапку царевна пожаловала девке Марфе Голохвастове. — Окт. 27, к царевне Анне в хоромы литра золота приняла боярыня кн. М. И. Пронская. — Ноября 17, в светлицу для государевых дел 30 зол. шолку темновишневого, по 20 зол. шолку темнолимонного, зеленого, 10 зол. шелку таусинново да по четверти вершка бархату да отласу червчатого да сорочка с сукон крашенинная. Тогож дня в светлицу по 30 зол. шолку темногвоздичного да зеленого, да 45 зол. шолку серого приняла кн. Овд. Коркодинова, а сказала, что тот шолк

на покров, для шитья, Савы Сторожевского. — Нояб. 20, в светлицу 4 цевки золота да 8 зол. шолку рудожелтого приняла кн. Овд. Коркод. а сказала, что золото и шолк на каймы к покрову Савы Сторожевского. — Ноябр. 24, в светлицу 20 зол. шолку темногвоздичного, приняла кн. Ов. Корк. — Нояб. 25, в светлицу 4 цевки золота да 8 зол. шолку рудожелтого приняла кн. Овд. Коркодинова, а сказала, что на каймы для шитья к покрову Савы Сторожевского. — Нояб. 27, к царевне Ирине в хоромы 1 1/2 вер. отласу таусинного да 2 зол. шелку таусинного приняла Анна Травина государю под ожерелье. Тогож дни в светлицу 2 ар. 9 вер. камки лазоревой куфтеру да 3 ар. 3 вер. тафты червчатой да по два зол. шолку темновишневого да зеленого, да по золотнику шолку рудожелтово да лазорегово приняла кн. Овд. Корк., а сказала, что на камку нашита середина старая покрова Савы Чуд-Сторож., тафта на подкладку под тот же покров, а шелки на шитье к покровуж. — Дек. 13, в светлицу 2 ар. тафты червчатой приняла кн. Овд. Корк., а сказала, что та тафта на государские сорочки. — Дек. 15, в светлицу 5 зол. шолку

белого, рудожелтого, червчатого, и в том шолку соткано 10 ар. без чети поясков к царевниным телогреям на снурки и на петли. — Дек. 19, к царевне Анне в хоромы пол-шеста вершка бархату зеленого да 2 зол. шелку шемоханского, приняла бояр. кн. М. И. Пронская, а сказала, что бархат под образ Николы чуд. *моления* царевны Анны. — Дек. 26, в светлицу 6 ар. тафты белой, приняла кн. Овд. Корк., а сказала, что та тафта на *ширинки*. — Генв. 5, в светлицу 6 литр золота приняла кн. Овд. Корк., а сказала, что то золото к ширинкам на кишенья. — Генв. 8, в светлицу цевка золота да 2 зол. шолку червчатого, и в том золоте и в шолку царевнам на чеботы соткано 9 арш. поясков. — Генв. 9, в царицыну мыленку для обивки вставней и втулок окошечных и дверей 7 ар. 6 вер. сукна червчатого аглинского, взял истобничей Александр Бирков. Тогож дня постельничей Михаило Алексеевич Ртищев взял на царицыно на запасное стольчяковое место аршин 5 вер. сукна червчатого аглинского. — Генв. 14, в светлицу пара соболей ценою в 7 1/4 руб. да аршин 2 вер. тафты червчатой, приняла кн. Овд. Корк., а сказала,

что соболи на царицыны белые на две кики на задки, а тафта к тем же кикам на лепести. — Генв. 15, к царице Марье Ильичне в хоромы фунт 14 1/2 зол. мыла грецкого принял постельничей Михаило Алексеевич Ртищев, а сказал, что то мыло про государыню царицу. — Генв. 16 к царице в хоромы аршин тафты червчатой принял постельничий М. А. Ртищев. — Генв. 17, к царице в хоромы поларшина сукна багрецу принял постельничей, — а сказал, что то сукно на стряпню казначее. Тогож дни к царице в хоромы 2 ар. 10 в. сукна багрецу приняла кравчая Анна Мих. Вельяминова, а сказала, что на покрыванье государыни царицы платья. — Генв. 24, к царице в хоромы три сорока соболей ценою один в 70 р., другой в 50 р., третий в 30 р., принял окольный Илья Данил. Милославской, а сказал, что теми соболями царица пожаловала боярина Б. И. Морозова да жену его Анну Ильичну. — Генв. 26, к царевне Анне в хоромы аршин полшеста вершка дорогов червчатых гилянских да сукна багрецу в длину 2 ар. 2 вер., поперег аршин с четью, приняла бояр. кн. М. И. Пронская, а сказала, что дороги к писаному

царевнину ларцу на подкладку, а сукно на стол для покрыванья. — Февр. 22, к царевне Ирине в хоромы 7 арш. камки индейской серебряной по алой земле да 5 1/4 зол. шолку шемоханского, приняла казначея Василиса Пятово, а сказала, что камка на *фаты*. — Февр. 23, к царице в хоромы 20 арш. тафты *вдовской* разными цветами да киндяк зелен да бобр ценою в 6 р. приняла кравчая Анна Мих. Вельяминова. Тогож дня по приказу (царицына) *дворецкого* Прокофья Федор. Соковнина взяли истобничие Александр Борков да Иван Скоритян два ковра, один золотной, а другой цветной, золотной мерою в длину 4 арш. без чети, поперег 2 ар. 3 вер.; цветной в длину 4 ар. 5 вер., поперег 3 ар., а сказали, что те ковры постилать под место государыни царицы Марьи Ильичны, как она государыня бывает у церкви у пения. Тогож дни в светлицу 7 арш. 3 вер. крашенины лазоревой приняла кн. Овд. Корк., а сказала, что крашенина к пяльцам на мешечки. — Февр. 24, по приказу Прокофья Федор. Соковнина судовой Иван Текутьев взял ложку каповую, а сказал, что та ложка крайчей, чем накушивать перед госу-

дарынею царицею кушенье. — Февр. 29, к царице Анне в хоромы по 2 зол. шолку белово да рудожолтово приняла бояр. кн., М. И. Пронская, да онаж приняла 10 зол. шолку шемаханского, а сказала, что тот шолк царице на пояс. К царице Ирине в хоромы 27 арш. 6 вер. тафты белой приняла казначея Василиса Пятово, а сказала, что тафта царицам на сорочки, да онаж приняла 2 зол. шолку белого. — Марта 5, к царице в хоромы полбобра (а потом целый бобр) принял Пр. Фед. Соковнин, а сказал, что г. царица пожаловала окольн. Ив. Андр. Милославскому. — Тогож дни в светлицу для государевых дел 48 зол. шолку *личного* приняла кн. Овд. Федор. Коркодинова. — Марта 13, к царице Ирине в хоромы 14 1/2 зол. шолку шемаханского приняла казначея Вас. Пятово, а сказала, что царице на пояс. — Мар. 15, к царице в хоромы 12 ар. тафты алой да 10 ар. камки червчатой куфтеру, да 7 вер. отласу червчатого, приняла кравчая Анна Мих. Вельяминова, а сказала, что тафта государыне на сорочки, отлас под два шляпочные *снур*ы под низанье. — Марта 18, к царице в хоромы две ложки каповые принял Прокофей

Фед. Соковнин. Тогож дни к царевне Ирине в хоромы ложка каповая; приняла казначея Василиса Пятово. — Марта 19, к царице в хоромы ложка каповая, да две ложечки красных маленьких да братинка корелчатая; принял Пр. Фед. Соковнин, а сказал, что то все государыня пожаловала Татьяне Григорьевне Милославской. — Марта 20, в светлицу цевка золота да 3 зол. шолку червчатого; и в том золоте и в шолку соткано поясков царевнам на чоботы мерою 10 арш. — Марта 22, в светлицу 2 вершка отласу червчатого приняла кн. Овд. Корк., а сказала, что тот отлас государю под ожерелье. — Март. 23, к царевне Ирине в хоромы 15 киндяков розными цветами, да 3 верш. тафты алой, приняла казн. Вас. Пятово, а сказала, что те киндяки царевны пожаловали верховым девкам и карлицам. — Мар. 30, к царевне Анне в хоромы 1 ар. 6 вер. кружива кованово серебряного да золотник шолку зеленого, да четь арш. камки алой куфтеру, да четь арш. бархату зеленого. Круживо и шелк и камку приняла княжна Марья Шеховская, а бархат приняла казначея Гликерья Торжнева, а сказала, что под образ Воскресения Христо-

ва *моления* царевны Анны Мих. — Июня 11, к царице в хоромы 6 литр золота; Июня 13, литра серебра; приняла кравчая Анна Мих. Вельяминова. — Июля 2, к царевне Анне в хоромы 2 ар. без 3 вер. отласу золотного по червчатой земле, да 3 ар. без 6 вер., отласу золотного по серебряной земле, да аршин кружива кованова серебряного голуну, да аршин тафты жолтой, приняла княжна Марья Шеховская, а сказала, что то все на два покровца. — Июля 11, в светлицу для государева дела 3 вер. отласу червчатого да цевка золота; отлас приняла боярыня княгиня Овд. Коркодинова, а цевку — мастерица Ульяна Яхонина, а сказала, что то золото на покров на шитье к Саве Чуд. Сторожевскому. — Июля 24, в светлицу по полфунта шолку белово да рудожолтово приняла бояр. кн. Овд. Корк., а сказала, что тот шолк на покров Савы Чудотворца. — Июля 27, в светлицу 2 ар. без чети отласу белого приняла б. кн. Овд. Корк., а сказала, что тот отлас г. царице на вошвы под шитье. — Авг. 8, в светлицу 6 вер. отласу белово приняла б. кн. Овд. Коркод. а сказала, что тот отлас г. царице к чеботам переды под шитье. — Авг. 9, в светли-

цу 10 зол. шолку гвоздичного да цевка серебра, шолк приняла мастерица Катерина Заворова, серебро мастерица Домна Волкова, а сказала что шолк на Спасову пелену на шитье, а серебро на покров Савы Чуд. — Авг. 12, в светлицу 5 вер. отласу жолтого, приняла б. к. Овд. Коркод. а сказала, что царице на чеботные переды под шитье. — Авг. 13, к царевне Ирине в хоромы четь арш. камки червчатой куфтеру, да пол-девята верш. камки куфтеру зеленово; приняла казначея Вас. Пятово, а сказала, что та камка на покровец.

42. Книга кроильная государыни царицы и в. к. Марьи Ильичны 156 года. — Генваря 9, государыне царице и в. к. Марье Ильичне сделано стольчаковое судно, сукна багрецу на то судно на оболочку пошло 2 арш. без 2 вер., да в настилку пошло 2 ф. бумаги хлопчатой да на шитье пошло золотник шолку. — Генв. 12, царице скроены трои *башмаки* да двои *ичедоги* в отласе червчатом, в белом, в алом. Отласу в кроенье в башмаки и в иchedоги червчатого и алово пошло по аршину по 6 вер., а в белые башмаки отласу пошло 9 верш. Да на червчатые и алые башмаки и иchedоги нашито кру-

живо кованово серебреное узкое, пошло полсема аршина; на белые нашито круживо золотное кованое, пошло 1 ар. 10 вер.; да на обвивку к коблукам по 5 арш. золота; к башмакам да на верхи к ичедогом пошло 6 вер. отласу желтово; да на подкладку под башмаки и под ичедоги пошло аршин 9 вер. тафты червчатой. Да под башмаки подбиты скобы серебряные белые. Да на шитье пошло 3 зол. шолку. Тогож дни царице скроены четверы чулки, двои в камке червчатой мелкотравой, да двои чулки в отласе червчатом. Камки и отласу в кроенье пошло по 2 1/4 арш. Одни камчатые подложены тафтою лазоревою пошло 9 вер.; под другие камчатые подложен испод черева бельи; под отласные одни подложен испод пупчатой соболей, пупков пошло 42 пупка; а другие подложены тафтою лазоревою, пошло 9 вер.; да на шитье пошло 3 зол. шолку. — Генв. 13, царице скроен *летник* в отласе белом, отласу в кроенье пошло 10 ар. 9 вер. да на подкладку пошло 6 ар. с полуаршином тафты белой; да на подольник пошло аршин без 2 вер. отласу червчатого; да на тот же летник нашиты вошвы шиты по отласу червча-

тому золотом и серебром травы, меж трав ко-
сы, в травах и в косах аксамичено в цветах
шолк зелен и лазорев, а выданы те вошвы из
хором в прошлом во 155 г. Сент. 11; да на пух
скроено полтора бобра; да на шитье полтре-
тья зол. шолку. — Генв. 14, на бархатную
червчатую *шубку* нашивано круживо с олами-
ми; около оломов низано жемчугом; шолку
пошло на шитье 1 1/2 зол... Да на тоеж шубку
нашито 14 пугвиц золоты с чернью в закреп-
ках по искорке алмазной. Тогож дни царице
скроены *чюлки* в отласе белом; отласу пошло
1 1/4 арш.; да испод подкроено черева бельи.
Тогож дни царице скроена *телогрея* в отласе
рудожелтом, по нем травки невелики; отласу
в кроенье пошло 9 арш., да испод подкроен
черева лисьи с рукавы; да на тоеже телогрею
нашито 9 арш. 6 вер. кружива кованово золо-
то с серебром; да на пух скроено бобр; да 15
пугвиц серебряных золоченых с финифты. То-
гож дни царице скроены две *телогреи* одна
в отласе червчатом, другая в отласе белом,
пошло по 9 ар.; на червчатую нашито кружи-
во плетеное золото с серебром широкое,
пошло 10 ар.; на белую нашито круживо кова-

ное золотное, пошло 9 ар. 6 вер.; под червчатую испод подложен цки горностайные, а под белую пупки собольи; да на пух скроено на обе телогреи два бобра; да нашито по 15 пугвиц серебр. золоч. с финифты. Тогож дни царице скроены *чеботы* в отласе белом, отласу в кроенье пошло 1 ар. 6 вер. да на верхи нашито 3 верш. отласу червчатого; да по швам нашито 3 арш. с четью кружива кованова золотново узково, да к коблуком на обвивку пошло 5 арш. золота да иа подкладку пошло 11 верш. тафты червчатой; да скобы под чеботы серебряные. — Генв. 16, царице скроен *летник* в тафте белой, пошло полшеста арш., да на подкладку полсема арш. тафты лазоревой, да на подольник 7 вер. жолтой тафты, да на пух скроено бобр, да на вошвы пошло 1 арш. 2 вер. отласу золотново по серебряной яемле. Тогож дни царице скроена *телогрея* в тафте белой, пошло полпята арш.: подкроен испод черевей белей; нашито 9 арш. кружива кованое серебряное узкое, да 15 пугвиц серебряны золочены, да на пух скроено полбобра. — Генв. 22, царице скроены двои чеботы, одни в бархате по золотной земле травы шол-

ки розные цветные, а другие в бархате цветном по желтой земле травы и звери и птицы шелк червчат; на подкладку пошло под обои чеботы аршин тафты червчатой, да на верхи пошло по 3 верш. отласу, на золотные червчатого, на цветные желтого, да по швам 6 арш. кружива серебр. узкого, да (на) обвивку к каблукам 40 арш. золота; да под теж чеботы подбиты скобы серебряные. — Генв. 23, скроена *шубка накладная* в камке кизылбаской по золотной земле травы шолк червчат, бел, лазорев пошло 7 арш. без 2 вер.; на подкладку — 7 арш. 7 вер. дорогов ряских. Тогож дни скроен *летник* в обьяри по белой земле по ней травки золотные, пошло 10 1/2 арш., на подкладку полсема арш. тафты червчатой; на подольник 1 ар. без 2 вер. отласу червчатого; на пух скроен бобр с четью; вошвы нашиты *немецкое дело* деланы по отласу червчатому золотом волоченым с канителью золоченою гладкою цветною в травах низано жемчугом мелким, меж трав нашиты звездки и репейки канительные цветные, в репьях зерна жемчужные. — Генв. 24, царице скроены *чеботы* в бархате червчатом гладком; пошло 1 ар. 2 в.;

на подкладку пошло пол-аршина тафты червчатой да на верхи 3 вер. отласу жолтого; нашито по швам 3 ар. кружива кованово узково, на обвивку к каблукам 5 ар. золота; под чеботами скобы серебряны. Те чеботы к царице в хоромы принял постельничей Михаило Алексеевич Ртищев, а сказал государыня пожаловала боярина Борисове жене Ивановича Морозова Анне Ильичне. — Генв. 27, в церкви Христовы Мученицы Екатерины, что в Верху обито *место* сукном, государыни царицы, где она государыня ставитца; сукна багрецу пошло в длину 3 арш. без 3 вер., поперег 2 ар. без 6 вер. — Февр. 2, царице скроена *шубка* накладная в отласе по алой земле, по нем травы золоты, промеж трав листки и репейки серебряные; пошло 10 ар. без 5 в., в запасе 1 в., на подкладку 4 ар. 6 в. тафты жолтой, на шитье 2 зол. шолку. — Февр. 2, царице скроена *телогя* в объери по серебряной земле листье и травы золоты в травах шолки разных цветов; в кроенье пошло 10 ар.; на подкладку 4 1/2 ар. тафты червчатой; на подпушку 1 1/2 ар. камки жолтой мелкотравой; нашито 10 ар. без 5 в. кружива кованово золотново широково

Воробьева дела, да 20 пугвиц серебр. золоч. с финифты розными. — Февр. 14, царице скроен *треух* соболей, верх в отласе червчатом, пошло 1 ар. без чети, да на *лепестки* пошло 2 в. тафты червчатой, а испод выдан соболей из хором. — Марта 6, царице скроены *башмаки* в сафьяне желтом, пошло четверть сафьяна; на тачку золотник шолку червчатого; на обвивку к каблукам 15 арш. золота; а кружива не нашивано. Государыня пожаловала матери своей боярыне Катерине Федоровне Милославской. — Марта 12 на бархатную червчатую *шкатулу* (царицы) скроено лагалище в сукне багреце, пошло 1 1/4 ар., на подкладку 3 ар. 5 в. киндяку зеленого, на шитье золотник шолку. — Апр. 23, царице скроен *опашен* в сукне скорлоте червчатом, сукна моченого пошло 4 ар. 9 в.; на подкладку 6 ар. тафты лазоревой: нашито 9 ар. 3 вер, кружива кованова серебряного широкого с пелепелы; да такого же узкого 9 1/2 ар., да на петли тогож кружива пошло 15 арш. (На другой подобный же нашито 15 пугвиц серебр. золоч. чеканное дело). — Мая 2, царице скроены на *чеботы* образцы под низанье в отласе червчатом,

пошло 5 вер. — Скроены чеботы в отласе жолтом, пошло 1 ар. 1 в.; на верхи 3 вер. отласу червчатого по швам нашито опричь передов 2 ар. кружива кованого серебр. широкого: на подкладку пошло полдевята вершка тафты червчатой. На переды нашиты образцы по отласу червчатому низаны жемчугом. — Мая 11 скроена *телогрея* в отласе белом, пошло 10 ар., на подкладку 4 1/2 ар. тафты белой; подпушки 1 1/2 ар. камки червчатой мелкотравой; нашито 10 ар. кружива кованого золотного широкого с пелепелы; 20 пугвиц серебр. золоч. с финифты в закрепках по искорке червчатой. Государыня пожаловала боярина Борисове жене Ивановича Морозова Анне Ильичне. — Июля 5, скроен царице *летник* в отласе золотном виницейском по червчатой земле травы и листье золоты да серебряны, пошло 10 ар. без вершка; на подкладку 6 1/2 арш. тафты жолтой, на подольник 1 ар. 1 в. отласу жолтово, вошвы пришиты по бархату черному деланы канителью и трунцалом и бганью травы, промеж трав звери и птицы да вшиваны звездки золоченые. Да на тот же летник скроен чехол в киндяке лазоревом,

пошло 13 арш. — Июня 25, царицы у отласного белово летника переменены *крыльца* для вошев, что малы, отласу на крыльца пошло аршин без 2 вер. — Авг. 12, царице скроена *приволака* в тафте червчатой, пошло 4 ар. без 3 вер.; 10 пугвиц серебр. золоч. вольячные, да на *оплечье* нашито по отласу червчатому низаны жемчугом большим; на пух скроен бобр без чети.

43. Книга *кроильная* царевен Ирины, Анны, Татьяны Мих. 156 г. — Сент. 14, государыням царевнам скроено по *чулкам* в тафте червчатой, пошло 2 ар., исподы подкроены черевьи бельи, на шитье пошло 3 зол. шолку. — Окт. 23, царевны ирины починивано одеяло пупчатое соболье, что под тафтою червчатою, грива тафта бела. — Нояб. 22, царевнам Анне и Татьяне скроено по чеботам в сафьяне, жолтом, нашито по швам по 3 ар. пояску шолк красной с золотом, на верхи по 3 в. атласу червчатого, на обвивку к каблуком по 5 арш. золота. — Генв. 10, царевне Ирине на старой пуховик вместо старой камчатой червчатой мелкотравой наволоки скроена новая наволока в камке червчатой мелкотра-

вой, пошло 12 ар. да к исподней подкладке в прибавку пошло 4 ар. полотна тверского; на шитье золотник шолку. — Марта 11, царевне Татьяне Мих. на *перевязку* низаную, что (с) города скроено лагалище в тафте червчатой, пошло 2 в., да наподкладку киндяку зеленого 4 1/2 вер. — Апр. 29, царевны Анны Мих. на стольчаковое новое судно сукна багрецу на оболочку 2 арш. без чети да в настилку пошло 2 ф. бумаги хлопчатой. — Мая 15, царевне Татьяне Мих. скроены на пуховик да на згололье, да на подушку наволоки в камке червчатой мелкотравой, пошло 16 ар., в пуховик в прибавку 3 1/2 ф. пуху гусяного белого.

44. 156 г. ноября 2, по приказу казначеи Василисы Пятово велено нашить на казенном дворе на шубу тафтяную рудожелтую, что на черевех бельих, круживо и нашивку серебряное плетеное, да вычинить две шапки черевьи лисьи, а сказала, что шуба княжны Прасковьи Колмыцкой, а шапка одна Настки Поповой, а другая Манки карльцы. — Дек. 8, по приказу казначеи Вас. Пятово сделана на Казенном дворе телогрея в крашенине лазоревой на черевех заячьих опушена пухом боб-

ровым, пугвицы нашиты оловяные; мерою в длину аршин с вершком, в плечех 11 вер., в подоле 1 1/2 ар., а сказала, что тое телогрею царевна пожаловала девке карлице Анютке Быку. — Дек. 19, по приказу Анны Борисовны Травины сделано на портомойные сани сукно, в сукне червчатом моченом настрафиле, подложено крашениною лазоревою; на сукно нашито образцы сафьянные; мерою в длину пол-шеста аршина, поперек меж покромей 2 1/4 арш. — Дек. 24, по приказу казначеи Вас. Пятово сделано 4 телогреи, одна в зендени лазоревой, а три в крашенине лазоревой, исподы черевьи заячьи, опушены пухом бобровым, пугвицы оловяные, приняла казн. В. И., а сказала, что зенденинную телогрею царевна Ирина пожаловала княжне Прасковье Калмыцкой, а крашенинные карлицам Аленке, Манке, Анютке Быку. — Ген. 13, скроена шубка накладная в отдачу в сукне скорлате белом, пошло 4 1/2 ар., на подпушку 1 1/4 ар. тафты червчатой. Тое шубку государь пожаловал стряпчего Иева Голохвастова жене Матрене. — Февр. 4, по приказу боярина Ильи Данил. Милославского матери его Марьи Семе-

новны к каптуру сделан новой пух, пошло бобр без трети; на тот пух нашито звено пуху накладново. — Марта 3, по приказу кравчей Анны Мих. Вельяминовы сделаны двой *ризы* дорогильные зеленые, да два стихаря подризных киндячных, да стихарь дьяконской в дорогах зеленых, да две потрахели, трои поручи, уларь, в камке двоеличной индейской, пугвицы сереб. белые, кисти шолковые. И то все принял боярин Илья Дан. Милославской, а сказал, что то все государыня пожаловала в церковь Преч. Богородицы Страстной, что за Тверскими ворота. — Марта 4, по приказу боярыни Ульяны Степановны Собакины сделано 2 *телогреи* в камке индейской двоеличной шолк червчат да жолт, подложены крашениною; кружива плетеные сереб., пугвицы сереб. белыя. Мерою одна в длину 2 ар. без вершка; в плечех 1 ар. без 1 1/2 в., в подоле 3 ар. без чети; другая дл. 1 ар. 14 1/2 в., в плечех 1 ар. без 1 1/2 в., в подоле 2 ар. 12 в., а сказала, что царевны пожаловали девкам княжне Марье да княжне Анне Шеховским. — Марта 24, по приказу боярыни кн. Марьи Ив. Пронской царевны Анны на писаной ларец скроено ла-

галище в сукне аглинском червчатом, пошло поларшина, на подкладку аршин киндяку зеленого. — По приказу казначеи Вас. Пятово сделано 7 телогрей, одна в каике, круживо серебряное плетеное, 10 пугвиц сереб. белых; другая в дорогах, круживо мишурное, пугвицы оловяные; 5 в киндяках разных цветов подложены крашениною и холстиною, пугвицы оловяные; да 2 телогрей в киндяках исподы черевьи бельи, да две телогрей в крашенине подложены холстиною, пугвицы оловяные. Госуд. царевны пожаловали верховым девкам. — Марта 27, по государеву указу сделана *шубка накладная* в отласе золотном по сереб. земле, подложена дорогами червчатыми гилянскими; *летник* в камке кизылбаской золотной по червчатой земле, подложен киндяком, подольник пришит дороги жолты гилянские, опушен пухом бобровым; вошвы нашиты отлас золотной по серебряной земле. Да две *телогрей*, одна в камке червчатой травной немецкой, другая в камке двоеличной индейской шолк червчат да жолт. подложены киндяком, подпушены дорогами; нашито по 15 пугвиц сереб. белых; на червчатую нашито

круживо кованое сереб. узкое, а на двоеличную — сереб. плетеное; и то все государь пожаловал *крестнице* своей девке немке Овдотье. — Апр. 17, по приказу кравчей Анны Мих. Вольяминовы царицы на *хоромное Евангелие* скроено лагалище в сукне аглинском червчатом, пошло 3 вер., взял крестовой Фома Борисов. — Мая 2 по приказу кравчей Анны Мих. Вельяминовы подкладываны отдаточные 4 *шляпы*, две отласом червчатым, полки отласом золотным, а две тафтою червчатою, полки отласом червчатым. Отласу пошло 2 1/4 ар., тафты 1 ар.

Июня 13 царица пожаловала Анне Ильичне Морозовой: две телогреи в тафте лазоревой, одна холодная, а другая теплая, хребты бельи, по 20 пугвиц; сапоги да ичедоги да башмаки в сафьяне червчатом. — Июня 26, шубка накладная в сукне зеленом аглинском: — Июля 5 — Летник в тафте лазоревой — вошвы отлас золотной по червчатой земле разводы и круги золоты с шолком белым.

Июля 6, по приказу кравчей А. М. Вельяминовы сделано два завеса к царским дверем,

один в тафте жолтой, другой в зеленой, при-
шито 16 пугвиц железных. Царица пожалова-
ла в церковь Екатерины да в придел Прп. от-
ца *Онофрея*. — Июля 24, по приказу казначеи
Василисы Пятово подложен Спасов образ
нерукотворенного, что стоит в Верху у Спаса в
церкви, *моленил* царевны Ирины Мих., кам-
кою червчатою куфтерем, пошло 1 ар. 2 в. —
Авг. 5, по приказу кравчей Анны Мих. Велья-
миновы сделано к образам под чаш семь по-
душечек в отласе червчатом гладком на сла-
ны бумагою хлопчатою. Государыня жало-
вала в ц. Благовещения Преч. Богородицы,
что у государя на сенех — Авг. 7, для учения
каптурного дела скроен *каптур* в мерлушках,
мерлушек пошло 4, да вместо пуху козел чер-
неной, да на оголовичный пух пошло пол-
барсука. — Авг. 29, по приказу боярыни Мат-
рены Семеновны Милославской на отдаточ-
ной *бумажник* да на зголовье скроены испод-
ние наволоки в полотне тверском, в настилку
бумаги хлопчатой 14 ф. 12 зол. В изголовье пу-
ху гусяного всыпано 10 ф., наволоки верхняя
нашиты камка жолта куфтерь; а сказала, что
тот пуховик и зголовье царица пожаловала

матери своей Катерине Федоровне.

45. 157 г. Фев. 4, от царицы из хором принес дьяк И. Арбенев три тесемки шолковые ткани в кружки — мера гроба Господня; да пять кружечков персти от святых мест; Фунт 79 золотников измирна, чотки араматные да 5 свечь воску ярова — от гроба Господня; да две коробочки сахару леденцу, да полотенцо кисейное шито золотом волоченым, да 9 арш. 2 вер. объяри по серебряной земле по ней травы золоты с шолки розными; да мыла грецкого в дву брусках, да в десяти крушках, весом 2 ф. 29 зол., а сказал, что то все выдала ему крайчая Анна Вельям., а сказала, что то все царице поднес Еросалимской патриарх Поисей. Тогож дни от царицы из хором принес дьяк И. Арбенев крест деревяной складной по нем на обе стороны вырезано двонадесятные Господские праздники, да мера гроба Господня — тесемка шолковая, да чотки ароматные, да 5 свечь воску ярова от гроба Господня, да коробочка сахару леденцу, полотенцо кисейное шито золотом и серебром волоченым на оба лица, да 3 арш. без 2 вер. алтабасу по серебряной ссмле листье золоты — то все царе-

вичу Дмитрию Алек. поднес Еросалимской патриарх Поисей. Тогож дни от царевны Анны Мих. из хором принес дьяк И. Арбенев три кружка персти от святых мест, тесемка шелковая — мера гроба Господня; чотки араматыные; 50 зол. измирна да 6 свечь воску ярова от гроба Господня, да мыла грецкого в 4 брусках да в 12 кружках весом 4 ф. 21 зол.; — то все царевы Анне поднес Еросалимской патриарх Поисей.

Марта 24 от царевны Анны М. из хором принес дьяк И. Арбенев *вошвы* по отласу червчатому делано бганью и картулином травы, около трав низано жемчугом, промеж трав пелепелы, у пелепел в закрепке по 3 зернышка жемчужных; да в травах же вшиты птицы низаны жемчугом на проволоке; выдала ему из хором княжна Марья Шеховская, а сказала, что теми вошвами дарила царевну Анну М. царица Марья Ильична. Нашиты на летник отласной золотной по червчатой земле в травах шолк зелен.

Марта 27 от царицы из хором принес он же *шапку* по отласу червчатому низана жемчугом мелким орлы и делано канителью золо-

ченою и цветною с трунцалом золоченым и звездами; да в шапке ж вшито 40 запон с искорками яхонтовыми червчатыми и с изумрудными и с зерны жемчужными, запоны с финифты розными, меж орлов и запон вшиваны зерна жемчужные, около вершка и по швом низано жемчюгом в низку, по верх пуху плетенок золотной. Тою шапкою дарила царицу царевна Ирина Мих.

Апр. 2 от царицы из хором принес он же двой чеботные *переды* да *задники* да *прежники* хозовые, одни червчатые, а другие рудо-жолтые. Переды и задники шиты золотом и серебром волоченым. А сказал, что те переды и задники и *прежники* выдала ему Анна Вельяминова, а велела положить в казну до указу, а шиты в Оружейной полате.

Мая 2 царицы крестовой дьяк Фома Борисов принес 8 ковшей каповых, а сказал, что теми ковшами государю и царице и царевнам челом ударили крутицкой митрополит да сионовской архимарит.

46. 157 г. Окт. 23 к царице в хоромы 2 1/3 вершка сукна багрецу да пола хребтов белых, приняла Анна Мих. Вельяминова. Да

онаж приняла пару соболей, а сказала, что та пара положена на кашу государя царевича на *родинах*. — Окт. 30 к царице в хоромы пол-осма вершка сукна багрецу приняла Анна кормилица, а сказала, что то сукно государю царевичу на кунган, в чем воду носить. — Ноября 1, к царевне Анне М. от бобра *побочены* приняла кн. М. И. Пронская, а сказала, что царевна пожаловала девке Настке Колмыцкой к телогрее на пух. — Нояб. 18 к царице в хоромы 20 пар соболей по 5 р. приняла А. М. Вельяминова, а сказала, что теми парами царица пожаловала боярынь дворовых для роженья царевича Дмитрия Ал. — Генв. 8 к царевне Ирине М. приняла казначея Василиса Пятово 7 арш. 9 вер. камки евской шолк ал да жолт; Соболе да Смире на две шубы на верхи. — Марта 28 к царице в хоромы 20 арш. камки евской червчатой да 10 арш. жолтой, да 10 арш. камки травной червчатой, приняла Анна М. Вельяминове, а сказала что государыня пожаловала *приезжим девкам*. — Июня 6 к царице в хоромы 5 ар. 6 в. отласу таусинного приняла Оксинья Григорьевна Еропкина, а сказала, что под онфорные образцы под шитье. —

Июня 15 в светлицу для государевых дел золотник шолку светлозеленого да цевка серебра, приняла Оксинья Григорьевна Еропкина да онаж приняла фунт бумаги хлопчатой да 2 1/4 арш. Киндяку лимонного, а сказала, что киндяк на подкладку под амфор патриархов под шитье. — Июня 30 к царице в хоромы две лохани серебр. золочены с рукомойки приняла Анна М. Вельяминова, а сказала, что одною лоханью и рукомоиком царица дарила царевну Анну, а другою дарила царевну Татьяну. — Июля 24 к царевне Анне М. в хоромы ее государынины казны 9 ар. 3 в. камки бурской на червце, да пол-9 арш. без вершка объяри белой с серебряною струею травы золоты с разными шолки, корешки у трав шолк зелен, да кафтан турской отлас золотной по червчатой земле, подложен отласом зеленым; приняла кн. М. Ив. Пронская, а сказала что кафтаном царевне дарить государя, а камкою государыню, а объярью царевича Димитрия на свой государынин ангел июля в 25 день.

47. 157 г. Окт. 17 скроен царице *шапочной пух*, пошло два бобра без чети, на тот пух нашит вершок по отласу червчатому низан

жемчугом с канителью, на вершке 17 яхонтов лазоревых... испод подкроен черевей белей, поверх нашит плетенек золотной. — Окт. 22 царицы на отласной золотной *летник*, что по червчатой земле травы и листье золоты скроен новой пух, пошло бобр, ди нашиты вошвы по бархату черному деланы канителью и трунцалом и бганью травы, промеж трав звери и птицы, И тот летник царица пожаловала боярина Б. И. Морозова жене Анне Ильичне. — Дек. 22 царице скроен *каптур* соболей, пошло полтрети пары: на пух 2 бобра без трети; в *оголовье* семь пупков соболевых, на чехол 6 вершков миткалей широких, на пух *чолошной* пол-бобра; поверх пуху нашито звено пуху накладного. — Августа 22 царице на две шляпы под низанье скроены полки в отласе червчатом, пошло 1 ар. — Авг. 24 царице на бархатную червчатую хоромную шкатулку скроено лагалище, пошло сукна червч. багрецу 5 вер., на подкладку 1 ар. 3 в. киндяку лазоревого. — Дек. 27 на казенном дворе собрано царевнам Ирине, Анне, Татьяне на три *подножья* теплые три пластины хребты соболевые, одна в длину и поперег по 1 1/2 арш. с верш-

ком, а две по 1 ар. 6 вер. пластина: первая ценою 40 р., а две по 30 р.; подложены сукном багрецом добрым, да в те же подножья пошло 2 войлока толстых. — Февр. 10 царевне Анне сделана к коснику кисть, пошло 3 цевки с четью золота да 1 $\frac{1}{4}$ зол. шолку шемоханского. — Марта 19 царевне Татьяне сделан в серебре косник, пошло 3 цевки да шолку шемохансково 1 $\frac{1}{2}$ зол. — Апр. 6 царевне Анне сделан косник в серебре, пошло 3 цевки да золотник шолку шемаханского.

48. Сент. 19 сделаны ризы, стихарь дьяконской, стихарь подризный, на престол пелена, воздух, 2 покровца, запон к царским дверем — царица пожаловала в греки в Офонскую гору в Пантелеймонов монастырь. Еще ноябр. 3 патрахель, уларь, поручи. — Окт. 21 по приказу казначеи Василисы Пятово подложен Спасов образ хоромной моления царевны Ирины М. камкою червчатою мелкотравною, пошло 6 вер. — Дек. 31 скроены два треуха в тафте червчатой, исподы куньи — царевна Ирина пожаловала девкам Соболе да Смире. — Мая 28 скроен сак — царица пожаловала Еросалимскому патриарху Поисею. —

Июня 8 по приказу боярыни Аксиньи Григор. Еропкиной подложена пелена, а на ней вышит образ вел. чудотворца Николы камкою евскою мелкотравною. — Июня 17 по приказу той же боярыни подложен во здух шитой в лицах положение Господне во гроб тафтою зеленою. — Июля 17 по приказу казначеи Василисы Пятовой скроен под низанье покров, середина в бархате червчатом, пошло 4 ар, без чети, на кайму 3 ар, без 5 вер. отласу зеленого. Приняла она же, а сказала, что тот покров св. праведного Артемия Веркулского на покровение на гробницу его.

49. 157 г. сент. 13 к царевне Анне в хоромы 1 ар. 10 вер. дорогов червчатых приняла казначея Гликерья Торжнева, а сказала, что к царевнину *умывальному* ларцу на обивку. — Ноябрь. 22 к царице поларшина сукна червчатого аглинского, приняла кравчая Анна Вельяминова, а сказала что тем сукном обить место в церкви Христовы муч. Екатерины, где ставитца государыня царица. — Генв. 15 к царице в хоромы две шапки черевьи лисьи, одна в 22 р., другая в 4 р., приняла кравчая Анна Вед., а сказала, что лутчую шапку царица по-

жаловала княжне Анне Шеховской, а другую — девке Овдотье немке. — Февр. 2 к царице в хоромы шапка черевья лисья в 8 р. — государыня пожаловала немочке Овдотье. — Марта 7 в светлицу 1 1/4 вер. отласу червчатого, 2 зол. без чети шолку шемоханского, 1 1/2 зол. шолку белого, вершок без чети тафты лазоревой, вершок тафты алой, 2 вер киндяку лазоревого. Приняла бояр. Аксиныя Еропкина, а сказала, что то все на государево ожерелье. — Марта 21 в светлицу 11 цевок золота приняла золотная мастерица Степанида Петрова, а сказала, что на покров Алексея митрополита. — Апр. 3 в светлицу 13 зол. шолку шемоханского да 10 арш. без 3 вер. холстины; приняла бояр. Акс. Еропкина, а сказала, что в шолку царевне Татьяне велено соткать *пояс*, а холстина на мешки в пальяца. — Апр. 23 к царевне Татьяне 7 ар. без вершка камки кизылбаской по брусничной земле травки золоты в цветах шолк таусинен. Сею камкою царица Евдокея Лук. пожаловала дщерь свою царевну Татьяну, как было новоселье в селе Рубцове в ее государынине избушке. — Мая 20 к царице в хоромы 5 ар, 2 в. сукна чорново да ко-

лыбель сукно полуаглинское червчато сукно
государыня пожаловала новокрещеной немке
Алене, а колыбель дочери ее Алениной. —
Мая 24 к царице в хоромы 10 зол. шолку бело-
во, приняла бояр. Матр. Милославская, а ска-
зала, что тот шолк государыня пожаловала б.
Б. Ив, Морозова жене Анне Ильичне. — Июля
16 в светлицу 5 ар. тафты червчатой приняла
б. Аксинья Еропкина, а сказала, что на госуда-
ревы сорочки. Авг. 7 в светлицу 3 вер. отласу
таусинного, 3 зол. шолку таусинного, пол-7
вер. киндяку зеленого, 2 вер. тафты алой, при-
няла бояр. Акс. Еропкина, а сказала, что то все
на ожерелье род низанье государыни цари-
цы.

50. Книга кроилная г. царицы и в. к. Марьи
Ильичны 158 г. Сент. 9, царице скроен шапоч-
ной верх под шитье в отласе белом, пошло 5
вер. — Сент. 17, царице скроена телогрея ездо-
вая в камке кизылбаской по алой земле тра-
вы золоты с шолком зеленым, пошло 6 1/4 ар.;
испод подкроен горностаиной; вместо вето-
ши на настилку пошло 9 ар. полотна тройно-
го; нашито пол-осма аршина с вершком кру-
жива плетеного немецкого золото с серебром

звездки серебр.; 20 пугвиц серебр. золоч. с финифты с белым, лазоревым черным. — Генв. 5, царице скроено ожерелье накладное, пошло пол-бобра. — Февр. 5, царицы оболочено два каптурные *лагалища* сафьяном червчатым пошло 4 сафьяна, на подкладку 5 ар. дорогов гилянских зеленых, а на другое 3 ар. киндяку желтого; да на жуки на серебрянье пошло 2 ефимка. — Февр. 14, на ожерелье низаное жемчужное скроено лагалище в тафте алой, пошло 5 в. и на подкладку. — Марта 2, царице скроено под круживо под низанье в отласе таусинном, пошло 1 ар. 7 вер., приняла Акс. Гр. Еропкина. — Марта 8, царице на шапку низаную, что по ней низаны орлы *осмиглавые* положена накладка два звена пуху. — Апр. 11, царице скроено ожерелье накладное, пошел бобр в 14 р. — Тогож дни скроены два ожерелья накладные, пошло два бобра в 25 р. — приняла Анна Вельяминова, а сказала, что одним царица дарила царевну Ирину, а другим царевну Анну. — Апр. 12, царевне Евдокее Ал. скроена шубка накладная в тафте алой, по ней *писаны* травы золотом, пошло 1 ар., на подкладку 1 ар. без 3 вер. тафты жел-

той. — Апр. 26 царице скроено два лагалища на рясы низанные жемчужные, в тафте червчатой, пошло тафты по 9 вер., на подкладки тафты желтой по 9 в., на настилку бумаги хлопчатой 1/4 ф. На три шляпы скроены чехлы пошло пол-5 ар. полотна тверского. — Мая 2 царице скроен шапочной пух пошло 2 бобра, на пух положена накладка 2 звена пуху; подложен испод черевей белей. Да на сесь же пух нашит верх по отласу белому низан жемчугом и канителью цветною кружки, в кружках орлики и зверки и меж кружков птички; да поверх того нашит плетенок золотной. — Мая 21, царице на шапку, что вершок по белому отласу сделан канителью и струнцалом кружки, в кружках орлы и инроги, около кружков розвода низана жемчугом, скроен чохол в тафте червчатой, пошло 1/4 арш. — Июля 10, царице на хоромное зеркало, что оправлено серебром с каменьи и с искорками яхонтовыми червчатыми изумрудными, скроено лагалище в бархате червчатом гладком, пошло 5 верш., на подкладку 2 1/2 вер. тафты алой. — Июля 16, царице скроены вошвы в отласе белом под шитье, пошло 2 ар.

без полу-4 вер., на подкладку 2 1/2 ар. полотна тверского. И те вошвы под шитье приняла бояр. Акс. Еропкина (в светлицу). Тогож дня царице под шитье скроены вошвы в бархате червчатом гладком, пошло 2 ар. без полу-4 вер. и те вошвы под шитье приняла б. Акс. Еропкина. — Июля 18, царице скроено на рощащницу круживо под шитье в отласи червчатом гладком, пошло 2 ар. 2 в., приняла б. Акс. Еропкина. — июля 29, царице скроен вершок шапочной под шитье в отласе червчатом, пошло 5 вер., на подкладку 1 ар. без 2 в. киндяку червчатого; приняла б. Акс. Еропкина.

51. 158 года сент. 14, царевне Ирине скроено лагалище в сукне багреце червчатом на ларчик кипарисной, что с костями на костях резаны птицы и травы. — Сент. 21, царевне Татьяне на зеркало скроено лагалище в сукне багреце червчатом, пошло 1 1/4 вер. на подкладку тафты лазоревой 1 1/2 вер. — Царевне Анне на умывальной ларец скроено лагалище в сукне аглянском червчатом. пошло 9 вер., на подкладку 1 1/2 арш. крашенины лазоревой. — Дек. 12, царевны Анны обшиваны

качельные веревки бархатом червчатым, пошло 3 ар. 2 в. — Дек. 29, царевне Ирине на двои серги скроено лагалище в отласе червчатом гладком, пошло 3 вер., на подкладку тафты жолтой 1 1/2 вер. — Генв. 8, царевне Ирине скроен *запан* в камке индейской полосатой, пошло 11 арш., на подкладку 12 1/4 арш. дорогов зеленых. — Мая 17, царевны Татьяны М. в ящике кипарисном внутри, что кладетца ее государынина поднизь, оклеено бархатом червчатым, пошло 13 вер.

52. 158 г. сент. 15, по приказу крайчей Анны Вельяминовы на казенном дворе сделан кафтан поповской в камке куктере зеленой, подложен испод черевей лисей краснобурой, нашивка нашита шолковая, пугвицы серебр. золоченые; и тот кафтан приняла онаж, а сказала, что царица Марья Ильична пожаловала духовнику Стефану. — Сент. 20, по приказу крайчей Анны Вельяминовы подложена пелена Рожества Пречистые Богородицы шитая в лицах с действы по камке червчатой, тафтою лазоревою, пошло 1 ар. 5 в.; тое пелену царица пожаловала в церковь Рожества Пр. Богородицы, что у ней государыни на се-

нех. — Сент. 25, по приказу крайчей А. В. для учения каптурного дела ученику скроен *каптур*, пошло полтретьи пары соболей, на пух пошел бобр, на *очелошной* пух пошло полбобра черненого да звено пуху накладного, да на чехол пошло 6 вер. миткалей. 158 г. февр. 15 сесь каптур приняла боярыня Матрена Милославская, а сказала, что царица пожаловала (его) бабке Ирине, — Окт. 21, подложены воздух да два покровца церковных сосуд, шитые в лицах, камкою червчатою мелкотравною, приняла кравчая Анна Вел., а сказала что в церковь Пр. Богородицы Казанские.

53. 158 г. апр. 20, от царицы из хором крестовой дьяк Фома Борисов принес 10 ковшей каповых, а сказал, что теми ковшами царице и царевнам челом ударили крутицкой митрополит, да симоновской архимарит. — Июня 30, государев крестовой дьяк Ив. Степанов принес 5 стаканчиков с подписью да 5 ложечек, да 5 ножичков, а сказал. что царице и царевкам челом ударили Кирилова монастыря власти в Братошине.

54. 158 г. февр. 12, от царицы из хором выдала кравчая Анна Вельям. *вершок шапочной*

по отласу алому низаны жемчугом и канителью и трунцалом орлы осмиглавые, промеж орлов вшиваны зерна гурмыцкие; да в том же верху вшито 30 запан золоты с искорками яхонтовыми червчатыми, около вершка обнизано в одну нить зернами жемчужными кафимскими. А велели тот верх нашить на старой пух, что был под отласным червчатым вершком круживо низано жемчюгом по цке серебряной золоченой с городы и с пелепелы.

55. 159 г. Дек. 27, государыни царевны Татьяны Михайловны в хоромех скроен *запан* в сукне аглинском червчатом, сукна пошло 8 арш. 10 вер.; тогож дни государыни царевны Акны Мих. в хоромех скроен *запан* в сукне червчатом аглинском, сукна пошло 9 арш. 6 вер.

56. Книга сноске от царицы и от царевен из хором 160 года. Сент. 5, от г. царевны Анны Мих. из хором принес дьяк Петр Арбенев 15 пугвиц золоты сенчаты с финифты с белым да с лазоревым да с зеленым, а сказал, что те пугвицы выдала ему из хором кн. Марья Ивановна Пронская, а сказала, что теми пугвицами царевну дарила царица, а велела нашить

на царевнин опошень. — Сент. 9, от царицы из хором выдала Матрена Семеновна Мило-славская 15 сороков соболей, а сказала, что те соболи царице Марье Ил. принесены на ново-селье, как было в хоромех новоселье 160 г. сент. 8, а велела те соболи положить в каз-ну. — Окт. 8, от царевны Татьяны из хором выдала казначея Марья Петрова вошвы по черному бархату шиты золотом и серебром травы, а оказала, что теми вошвами царевну дарила царица, а велела те вошвы нашить на царевнин летник. — Окт. 9, от царевны Анны из хором выдала казначея Лукерья Торжнева вошвы по червчатому отласу шиты золотом и серебром травы, в травах косы и кубы, в ку-бах и в травах оксамичены, а сказала, что те-ми вошвами царевну дарила царица, а велела положить в казну. — Окт. 28, от царевны Ири-ны из хором выдала казначея Василиса Пято-во 5 сороков соболей с хвосты, а сказала что царевне принесены на новоселье. — Окт. 30, от царевны Татьяны из хором выдала казна-чея Марья Петрова 5 сороков соболей с хво-сты, а сказала, что царевне принесены на но-воселье. — Окт. 31, от царевны Ирины выдала

из хором Анна Борисовна Травина 7 арш. камки кизылбаской по серебряной земле травки золоты с шолки розными, а сказала, что тою камкою царевну дарил государь, а велела в той камке скроить шубку накладную. — Ноября 27 от царицы — двои вошвы по червчатому бархату шиты золотом и серебром травы — выдала из хором кравчая Анна Вельяминова, а велела одни нашить на ризы отласные белые гладкие, которые скроены роже-ственскому протопопу Ондреяну; другие на стихарь дьяконской. — Апр. 2, от царицы — два бархата кизылбаские, один по червчатой земле, другой по жолтой земле травы шолки розных цветов, мерою по 7 арш. без вершка — выдала кравчая А. В., а сказала, что бархаты государь пожаловал царице, а велела положить царице в казну.

57. 160 г. сент. 2, в Светлицу для государева дела по 6 зол. шолку таусинного да рудожелтого, до 4 цевки золота приняла боярыня Оксинья Еропкина, а сказала, что все на шитье Савы Сторожевского на пелену. — Сент. 9 в Истобничью Полату 2 арш. летчины принял истобничей Степан Давыдов, а сказал, что к

царице и к царевнам в хоромы на стирки. — Сент. 10, к царице в хоромы 5 арш. тафты зеленой да два киндяка лазоревых, приняла казначея Матрена Блохина, а сказала что царица пожаловала боярыне Катерине Федоровне. — Сент. 12, к царице в хоромы 3 вершка отласу червчатого гладкого приняла боярыня Оксинья Еропкина, а сказала, что царице на *ошивку* под шитье. — Сент. 24, к царевне Евдокее в хоромы 5 верш. сукна багрецу да фунт бумаги хлопчатой приняла кн. Фет. Вол. Сицкая, а сказала, что в царевниных хоромех обиваны у окон *кобылки*. — Сент. 25, к царице в хоромы 2 арш. пол-6 вер. сукна багрецу приняла кравчая Анна Вельяминова, а сказала, что царице на стол. — Окт. 3. к царице в хоромы 2 арш. без чети бархату черного приняла б. Акс. Еропкина, а сказала, что царице на *вошвы* на шитье. Она же приняла и царевне Анне — чулки черевьи лисьи под камкою червчатою мелкотравною, а сказала, что царевна пожаловала княгине Марье Пронской. — Окт. 30, к царице в хоромы ковер кизылбаской приняла казначея Матрена Блохина, а сказала, что государыня пожаловала к Рожеству,

что на сеньях. — Ноября 6, к царице в хоромы аршин бархату червчатого приняла кравчая А. В., а сказала, что рожественскому дьякону на уларь под низанье. — Ноября 19, в Светлицу цевка золота да 3 зол. шолку червчатого, и в том золоте и в шолку царице и царевнам соткано поясков на чеботы 9 арш. — Дек. 10, к царице в хоромы — аршин бархату червчатого, приняла кравчая А. В., а сказала, что на уларь под шитье. — Дек. 14, к царевне Анне в хоромы аршин с четью отласу золотного по лазоревой земле травы золоты приняла бояр. кн. Марья Ив. Пронская, а сказала, что царевна пожаловала своей комнаты постельницам на шапочные верхи. — Дек. 15, к царице в хоромы полчетверта аршина бархату червчатого приняла боярыня Акс. Еропкина, а сказала, что под низанье на оплечьи. — Дек. 16, к царице в хоромы 21 арш. сукна анбурского червчатого приняла кравчая А. В., а сказала что тем сукном обивано у царицы в золотой полате в окна вставни и окна и втулки. — Дек. 19, к царевне Татьяне М. в хоромы летник тафтяной алой, подкладка дороги зелены; вошвы отлас золотной по серебряной земле

листье золото травы шолк зелен, приняла казначея Марья Петрова, а сказала, что летник царевна пожаловала княжне Марье Шеховской, а вошвы княжне Палагее Друцкой. — Дек. 23, в светлицу для государева дела 20 зол. струнцалу золотного да 47 1/2 зол. трунцалу серебряного приняла б. Акс. Еропкина; а тот трунцал делан в золотой полате. — Генв. 13, в светлицу 20 зол. шолку шемохансково да пол-3 зол. зеленого, да 10 зол. лазоревого приняла б. Акс. Еропкина, Ионы митрополита на покров. — Марта 10, к царице в хоромы пуд бумаги хлопчатой, приняла кравчая А. В., а сказала, что та бумага новгородскому митрополиту. — Мар. 18, к царевне Анне М. в хоромы 7 арш. тафты алой, приняла б. кн. М. И. Пронская, а сказала, что царевне на сорочки. — Мар. 29, ей же в хоромы 9 арш. кружива серебрян. кованого; царевна пожаловала девке Парашке на телогрею. — Марта 31, к царевне Татьяне М. в хоромы три шапки лисьих высоких приняла казначея Марья Петрова, а сказала, что одное шапку царевна пожаловала княжне Марье Шеховской, другую княжне Друцкой, третью Савине. — Апр. 5, к царице

в хоромы 2 арш. без 2 в. бархату таусинного гладкого, приняла кравчая А. В., а сказала, что ка оплечье под низанье. — Апр. 27, к ней же в хоромы 1 арш. 2 1/2 вер. камки куфтеру червчатой приняла казначея Matr. Блохина, а сказала, что камка под шитье. — Мая 10, к ней же 2 арш. без чети бархату таусинного гладкого, приняла казначея Matr. Блохина на оплечье под шитье.

58. Книга *кролиная* платью. 160 г. сент. 3, царицы на шапку низаную жемчужную скроен чехол в тафте червчатой, пошло 3 вершка. — Сент. 5, государыни царицы *колодочка* поклонная оклеена бархатом червчатым, пошло 1 ар. 5 в. — Сент. 6, царицы у места, что у Рожества, обивано подножья сукном багрецом, пошло 2 ар. да к тому же месту на покрыванье пошло 1 ар. 5 в. — Сент. 10 царице скроены под шитье башмаки в бархате виницейском по золотной земли травы шолк розных цветов. пошло 6 вер. — Окт. 5, царице скроена *шубка накладная* с сукне лундыше светлозеленом, пошло 5 арш., в моченье село 5 вер.; на подпушку пошло 1 арш. 11 вер. тафты червчатой, на шитье шолку 3 зол. — Окт. 22, царице

скроено два *чохла* на два каптура в миткалях, пошло 1/2 ар. — Ноября 14, царице скроены чеботы в сафьяне белом, пошло пол-сафьяна; на подкладку 9 вер. тафты червчатой, на верхи 3 вер. отласу червчатого; по швом нашито 3 арш. поясков шолк червчат с золотом, на обвивку около коблуков 5 арш. золота да золотник шолку. — Дек. 11, царицы зголовеинные две колодочки, обита одна бархатом турским золотные по червчатой земле репьи золоты, меж репьев травки серебряны, пошло 1 ар 1 вер.; другая обита бархатом по серебряной земле по нем травы шолки розные, пошло 15 вер. — Дек. 13, царице скроена *ропашница* в отласе белом гладком, пошло 11 ар. 1/2 вер., подкладка тафта бела; круживо нашито по камке червчатой мелиотравой шито золотом и серебром с шолки розными; 20 пугвиц серебрян. золоч. с финифты; пух нашит старой; вошвы по отласу червчатому шиты волоченым золотом в цветах шолк бел лазорев зелен. — Дек. 30, под каптур скроен кружечик в отласе червчатом пошло пол-пята вершка; да в настилку пошло 6 зол. бумаги хлопчатой, на шитье шолку 1/2 зол. — Марта 10, на шапку

низаную по червчатому отласу с запаны пере-
менена накладка, пошло на накладку два зве-
на пуху. — Мар. 11, у трех шапок, у одной ни-
зана по алому отласу, другая по червчатому
отласу низаны на обеих орлы, промеж орлов
запаны, у третьей, что по ней низано *лесом*,
починиваны накладки, пошло два звена пуху
накладново. — Апр. 29, шапка, вершок низан
жемчугом гю алому отласу орлы двоеглавые,
вместо теплова испода подложена отласом
червчатым. — Мая 13, скроено из наволоки
отласной золотной по червчатой земле розво-
да большая к летнику *перед* да *накапки*, отла-
су пошло на перед и на накапки 5 арш. Да к
тому же летнику скроено под шитье *зад* да
клинья в отласе червчатом гладком, пошло 4
арш. — Мая 21, скроены башмаки в сафьяне
желтом, пошло четверть сафьяна; нашито на
передки 2 в. бархату алово, по швам нашито 1
1/2 арш. поясков — шолк червчат с золотом,
на подкладку 3 вер. тафты червчатой, на об-
вивку около коблуков 5 арш. золота. — Мая
31, на четыре ожерелья жемчужные низанные
скроены лагалиша в тафте белой, пошло 1 ар.;
на подкладку 1 ар. тафты лазоревой. — Июня

1, царицы столчаковое судно оболочено сукном червчатым, пошло 2 ар. без чети; в настилку пошло 2 ф. без чети бумаги хлопчатой, да на обивку по краям пошло 10 1/2 арш. кружива серебряного галуны. — Июня 14, на зеркальное лагалище суконное червчатое нашито 3 пугвицы серебр. золоч. с финифты.

59. 160 г. дек. 30, царевны Татьяны М. столчаковое судно обито сукном червчатым, пошло 1 1/2 арш.; в настилку 2 ф. бумаги хлопчатой, около судна на обивку пошло пол-9 арш. кружива кованого серебряного узкого. — Февр. 14, царевне Ирине Мих. скроены на ичедоки сафьянные верхи камчатые червчатые мелкотравые, пошло 1 ар. 1 в., на подкладку 11 вер. тафты червчатой. — Марта 3, царевне Анне на подушечку скроена наволока в отлаесе червчатом, пошло пол-7 вершка. — Марта 23, царевне Анне М. сделано в государеве мастерской палате два *косника*, один серебряной, другой золотной с шолком, серебра пошло 3 цевки, да на *пожилины* и на снурок пошло золотник шолку белого, а на другой пошло 2 цевки золота, 4 1/2 зол. шолку шемоханского. — Мар. 26, царевне Анне скроена

телогрея умывалная из летника отласного червчатого гладкого, в кроенье пошел весь, на подкладку пошло того ж летника подкладка тафта жолта; на подпушку 3/4 ар. тафты зеленой; нашито 9 арш. кружива серебр. кованого узкого, да 17 пугвиц серебр. золоченых сенчатых да 3 арш. снурку шолкового. — Апр. 12, царевне Анне скроены наволоки на пуховик да на зголовье в камке червчатой мелкотравной (на исподния наволоки — полотно тверское да киндяк зеленой). Да в тот же пуховик всыпано 10 ф. пуху гусиново. — Апр. 15, ей же на бумажник наволока в камке жолтой мелкотравой 10 1/2 арш., на исподнюю наволоку 12 арш. полотна тверского, в настилку 14 ф. бумаги хлопчатой. — Апр. 16, царевне Анне сделаны в государеве мастерской палате два косника золотные, на один пошло 3 цевки золота, на другой 2 цевки. Да к той же кисти пошло 1 1/2 зол. шолку вишневого да на обе кисти шолку алого 2 зол. И те косники приняла княжна Марья Шеховская. — Апр. 30, царевне Анне скроена на *перевязочку* низаную жемчужную с каменьи логалище в отласе червчатом гладком, пошло 3 1/2 вер., на под-

кладку 2 в. тафты алой. — Мая 30, царевне Ирины ичедоки оболочены камкою червчатою травною, пошло 1 ар. 5 в. на подкладку $\frac{3}{4}$ арш. тафты червчатой. — Июня 1 царевны Анны столчаковое судно оболочено сукном червчатым багрецом, пошло 1 $\frac{1}{2}$ арш., в настилку 1 ф. бумаги хлопчатой, по краям на обивку 10 ар. без чети кружива сереб. галуну.

60. 164 г. сент. 13 к царице в хоромы 10 ар. камки червчатой куфтеру да сорок соболей в 40 р. приняла кравчая Анна Мих. Вельяминова, а сказала, что государыня пожаловала стольнику Борису Гаврилову Юшкову. — Сент. 20 к царице в хоромы 10 ар. камки куфтерной червчатой, сорок соболей в 40 р., два киндяка лазоревых, да киндяк зеленой, 2 зол. шолку жолтого приняла кравчая А. М. Вельяминова, а сказала что государыня пожаловала гонцу Алексею Митриеву Колтовского. — Сент. 26 круживного дела мастеру Федору Корнильеву дано 3 литры серебра, а велено ему в том серебре сделать круживо аксамитное. — Окт. 8 по приказу кравчей Анны Мих. Вельяминовы скроены две тафьи в бархате черном, пошло 10 в., под тафьи подложены

горностаинные исподы. — Окт. 9 к царице в хоромы 10 ар. отласу червчатого да сорок соболей в 50 р. приняла казначея Матрена Блохина, а сказала, что государыня пожаловала за приезд стольнику Петру Иванову Матюшкину. — Окт. 25 к царице в хоромы бобр целой приняла кравчая А. М. Вельям., а сказала, что тем бобром государыня пожаловала племянницам. — Окт. 29 в светлицу для государевых дел 12 зол. шолку рудожолтого, мот бели, 10 зол. шолку белого, 10 зол. червчатого, 10 зол. рудожолтого, 2 мота бели приняла казначея Матрена Блохина. — Нояб. 2 по приказу кравчей А. М. В. подложен амфор низан жемчугом по полотну золотному тканому, — объярю по серебряной земле по нем травы шолк розных цветов с золотом, пошло 6 ар. да на подушечку отласу виницейского золотного по белой земле травы золоты 11 вер.; да томуж амфору скроен чехол в тафте зеленой, пол-9 арш., да на постилку бумаги хлопчатые 2 ф. А тот амфор делан великому государю (sic) святейшему Никону патриарху; к царице в хоромы приняла кравчая.

Денежные расходы царицыной

мастерской палаты

61. 124 г. марта 28 казенным портным мастером Путилку Фомину с товарищи, четырьмя человеком, да рядовым мастером Якушку Никитину с товарищи, десяти человеком корму на день по 6 денег человеку, а одному 8 денег, и всего 15 ч. корму на день 15 алт. 2 д. Делали государевым потешникам Мосею однорядку в покроях, а дуре летник в сорочках.

62. 130 г. марта 18 в Вознесенской девичьей монастырь к государыне и великой старице иноке Марфе Ивановне в хоромы девке дурке Манке на шапку 6 вер. камки червчатой, цена 7 алт. 3 д. да аршин 2 вер. кружива мишюрного цена 3 алт. с деньгою.

63. 133 г. сент. 15 к государыне великой старице иноке Марфе Ив. в хоромы для ее государынина дела 100 рублей отнес дьяк Сурьянин Тораканов, а у него приняла старица Олена Языкова. — Окт. 3 судового ряду торговому человеку за три *ставчика* деревянные золоченые на торелках по 5 алт. за ставчик; взяты ставчики про государя. — Ноября 25-го знаменщику Ондрюшке Мосееву за 300 листов

золота сусального торгом 2 р. 23 ал. 2 д.; да емуж на олифу и на клей 10 денег; а взято то золото и олифа и клей на позолоту к царицыну стулу. — Ноября 28 по приказу г. и в. старицы иноки Марфы Ивановны стольником, которые были на государевой радости у государя в свечникех Василью Стрешневу да Михайлу Олферьеву за обручи серебряны золочены, которые были на государеве свече, весом за четыре гривенки; да стряпчим Ивану Чихачову да Ивану Олферьеву, которые были у царицы в свечникех, за обручиж серебряные весом за три гривенки, и обоего за семь гривенок серебра 30 руб., взяли сами. — Дек. 17 серебряным мастером Давыду Омельянову да Остафью Иванову 21 алт. 4 д.; а они на те денги купили в ряду к серебряному делу пять гривенок воску, по гривне гривенка; да 15 гривенок смолы по две денги гривенка; окладывают серебром образ пречистые Богородицы Казанские от царицы из хором. — Дек. 30 за столбцы кленовые 2 алт., взяты столбцы на царицын стул. — За войлок ордынской 10 алт., взят на царицыно подножье. Посошнику Тимохе Федорову за доски липовые 3 алт.; в

тех досках делал под государеву новую дяди-
му круг да на рукавки *правилца*. — Генв. 22 по
приказу г. в. старицы иноки Марфы Иванов-
ны в серебряной приказ Кузьме Титову пять
гривенок серебра по счету денгами 21 рубль 2
гривны; а в том серебре велено Кузьме зде-
лать ко гробу блаженные памяти царицы и в.
к. *Марьи Володимеровны* на покров крест с
дробницами; взял денги Кузьма сам. — Генв.
26 царицыну чеботнику Ивану Галке 2 грив-
ны: купил в коробейном ряду коробью осино-
вую писаную с замком; взята коробья на дары
государыни царицы. — Генв. 30 жалованья на
133 г. в Кадашово приказной Анне Замыцкой
8 р.; приказала государыниным словом стари-
ца Олена Языкова. — Мая 20 овощного ряду
торговому человеку за два стекла хрусталь-
ные, за одно полтина, а за другое две гривны;
а взяты те стекла одно в царицыно зеркало, а
другое в государево опахало. — Мая 23 по при-
казу иноки Марфы Ив. ученицам золотных
дел Марье Волкове да Анне Архимаритов в
приказ для свадьбы по 3 рубли. — Государыни-
ну серебряному мастеру Давыду Омельянову
на 30 золотых червонных и угорских по 30 алт.

за золотой, на позолоту к образному окладу Богородицы Казанские, которым образом благословила государыня царицу Марью Володимировну. Да емуж к тому окладу на позолоту на 2 ф. ртути по 12 алт.; да к тому же делу на щеть меденую 3 алт. — Июня 8 колмогорцу Ивану Носу за опахало с зеркалом перье струцово розными цветы 3 р.; взято в мастерскую полату. — Августа 7 книжным писцом Юрью Евсевьеву да Улану Насонову на киноварь да на чернила две гривны; пишут государеву *воинскую книгу*. — Авг. 10 посошнику Тимохе от большие десные *караксы*, к писцом, которые пишут государеву *воинскую книгу*.

64. 134 г. Сент. 18 серебряного ряду за перстень серебрян золочен с лазоревою печатью навожен финифты 10 алт., отдан государеву потешнику Юрью Проскуре. — Окт. 29 серебрян. мастер Давыд делал ко государыне в Казенную печать серебряную. — Ноября 20 книжному писцу Юрью Евсевьеву на киноварь две гривны; а взят тот киноварь писати государева *воинская книга*. — Дек. 5 знаменщику Ивану Паисеину на чернила да на уголье, чем знаменить государеву *воинскую книгу*, 3

алт. — Дек. 27 по приказу иноки Марфы Ив. Петру Безобразову в приказ 10 руб.; относил подьячий Ондрей Иванов. — Генв. 3 по государеву имянному приказу Петру Яковл. Безобразову дочери его на приданое 20 руб.; относил тот же подьячий. — Генв. 19 куплены: ножичек булатной черен рыбей зуб 5 алт., ножик железной 2 алт.; взяты к царице в хоромы. За коробью лубяную большую 30 алт.: взята к царице на постелю. За коробью осиновою большую писаную с замком; взята в мастерскую на царицыну казну. Генв. 23 куплены к государевым делам в мастерскую полату ножницы железные большие турецкое дело. К царицыным кичным лагалищам на вертлюги и на крюки и на петли 30 алт. — Апр. 20 серебряному мастеру Давыду Полоченинову к золотому царицыну делу на 5 золотников сулемы по 3 денги за золотник; да сторожу Ондрюшке Степанову за три коробьи осиновых белых, которые взяты к казначеем 15 алт. 2 д.; да к царицыным чеботам да к башмакам на пряклад 8 алт.; да к царицыным же шитым сафьянным червчатым чеботам на подклейку, на ирху и на клей 10 д. Да канительнику Мур-

зе Гаврилову к кречатым рукавкам на запы-
стья на шитье за 2 зол. серебра золоченого да
за золотник серебра белово иголново по 5 алт.
за золотник. Да к боярыне к княгине Овдотье
Коркодинове на мел да на клей 8 денег. Да
шляпочнику Осипку Фатьянову на царицны
шляпы на бумагу и на заячину две гривны. —
Июня в 19 день мыльнику Ларьке Олексееву
за брус мыла индейского да за 3 бруса мыла
грецкого, что взято к царице, 25 алт.; да овощ-
ного ряду торговому человеку за фунт да за
вески, что взяты в светлицы, 20 ал.; да ветош-
ного ряду торговому человеку за щеть, что
взята в царицynu в мастерскую полату, 5 алт.
Да иконьнику Ивашку Яковлеву за крест, на
нем Распятие Господне писаное, промену
пять алтын: а приводить к тому кресту госу-
даревых дворовых людей, которых во двор
емлют вновь.

65. 135 г. сент. 2, за стекло зеркальное в ца-
рицyno опахало полполтины, да стекло за-
креплять на булавки 2 ден. — Сент. 13, к ка-
менной казенке, что у царицны мастерские
палаты в сенех, на замок 10 д. — Сент. 14, за
фунт белил 5 алт.; отнесены в царицны хо-

ромы. — Сент. 28, за стекло хрустальное, что взято в царицыно серебряное зеркало, 13 алт. 3 д.; да от того стекла от вставляванья на *пеллепел* часовнику Мосею Терентьеву 4 алт. — Ноября 6, овощного ряду торговому человеку за шесть золотников румянцу лекового по шти денег за золотник, да за пять золотников румянцу же ступичного бакану турецкого, по осми денег за золотник; куплен к царице в хоромы. — Дек. 15, овощного ряду торговому человеку за десять золотников румянцу лекового по алтыну за золотник; куплен к царице в хоромы. (Была покупка еще февраля 14 столько же, марта 25 лекового 5 золотников; мая 9, лекового 2 зол.; июня 25 лекового 10 золотн.; по 10 денег.) — Дек. 15 за коробью большую ноугородскую красную с замком 13 алт. 2 д.; куплена на царицыно на белое платейцо. — февр. 14, царицыным крестовым дьяком Овдею Васильеву, Ивану Семенову, Гаврилу Парфеньеву, Кирилу Григорьеву по рублю человеку; а пожаловал их государь за то, что они славили у царицы в хоромех на Рождество Христово. — Февр. 27 за две чеши железных луженых 3 алт., за замок 2 алт. 2 д.; куплены к

полатке к судебной, где судят судные дела. За коробейку лубяную 4 д. куплена на явки. — Апр. 12 за коробью белую осиновую с пробой 13 алт. 2 д., куплена к царице в хоромы на полавочник. — Апр. 22 овощного ряду торговому человеку за погребчик бумажный в нем четыре склянки маленькие зеленые, 3 алт. 2 д.; куплен к царице в хоромы на водки. — Мая 4 портному мастеру Ивану Олександрову на провоз 3 алт., ездил с полотенечками к Спасу на Новое к в. г. иноке Марфе Ив., как ходила молитца в монастырь; и из монастыря наскоро (ездил). — Мая 22 дворцовому старосте Дмитрею Сверчкову за лохань меденую зеленую ручную весу в ней три гривенки без чети, по 5 алт. гривенка; да за кумганец маленькой меденой луженой на оба лица 8 алт. 2 д.; куплено к царевне в хоромы. — Авг. 21, мыльного ряду торговому человеку за косяк мыла простого доброго 36 алт., куплено в царицыну портомойню к платью на мытье. — (Мая 22, овощного ряду за три бруса мыла грецкого 22 алт.; к царице в хоромы. Тудаже июня 12 косяк мыла Костромского доброго большого 23 алт. 2 д.; Июня 15 три бруса мыла костромско-

ва 15 алт. — Июня 25 мыльного ряду за косяк мыла простого доброго большого 30 алт.; в царицыну портомойню к государеву и к царицыну платью на мытье).

66. 136 г. Окт. 26 овощного ряду за гребень большой костяной слоновой 6 алт.; к царице в хоромы. — Окт. 28 за 4 войлока белых коровятинных по 5 алт., в царицыну в нижнюю полату, где ходят судить; на двери и на окна на обивку к судебной полате (в которой судят кодашовцов) 117 ременьев, 12 колодок гвоздя луженого. — Окт. 31 за 10 ф. пуху лебяжья белого доброго по 13 алт. 2 д.; за 20 ф. пуху серого лебяжья доброго 10 алт.: про царицын обиход в постели. — Дек. 3 за 2 фунта белил 13 алт. 2 д.; к царице в хоромы. — Дек. 18 за чернилницу глиненую 6 д., да за песошницу жестянную 3 д., — в судебную палату. За две колодки гвоздей луженых 5 д.; к царице в хоромы на прибивку к полавочником. — Дек. 28 царицыным крестовым дьяком Ивану Семенову с товарищи шти человеком по рублю — за то, что они славили у царицы в хорах на Рождество Христово. — Дек. 29 за 6 зол. румянцу лекового по 8 ден.; к царице в хоромы. (По-

купано еще: марта 27 — семь золотн. по 10 д.; авг. 13 три золотн. 2 алт.). — Генв. 2 епанечно-го ряду за полсть белую 20 алт.; царице на стелечки. — Марта 26 часовнику Потапку за два замка немецкого дела с пружинами и с орлики 20 алт.; к царицыну да к царевниным кипарисным ларцам. — Марта 27 за два аршина волоченной меди, да за 4 колечка меденых 10 д., в царицыны в задние сени к окончинам к завесом. — Апр. 10 царевны Ирины кормилицыну сыну Степану к ожерелью 2 камышка достоканца да виниска 4 алт. — Апр. 26 царицыну белильному мастеру Микифору Карпову за свинец и за дрова, за солод, хмель, мед, что имано у него к государеву белильному делу во 134 и 135 г. — Авг. 13 фунтонному мастеру Макару Васильеву в царицын в серебряной фунт на литье ползолотника серебра и за дело 3 алт.

67. 137 г. Сент. 11 к царице в хоромы отнес Фед. Ст. Стрешнев 10 руб., а сказал, пожаловала государыня крайчей Ульяне Степановне Сабакине. — Сент. 16 царицыны мастерские палаты портным мастером к чищенью к царицыну платью на *голички* и от точенья от

ножниц 6 денег. — Сент. 21, куплено в ряду старице *Марфе уродивой* сарафан крашенинной да шапка изуфренная гвоздичная да сапоги телятинные черные, а за все 20 алт. 2 д. — Ноября 14 золотного ряду торговому человеку за два аршина за серебряной поясочек 4 алт., а взят тот поясок к царевниным к червчатым к отласным чоботом. — Дек. 17 посошнику Тим. Федорову на уголье, на клей и на свечи 4 алт. 2 д., делал царевне Пелагее Мих. на платье сундук кипарисной. — Дек. 18 токарной мастер Ондрюша Ондреев делал царице под шапки и под каптуры и под царевнины шапочки 14 *столбунцов*, да царевне точил две колыбели, и ему на корм на неделю 7 алт. — Марта 21 карлице Анютке поделываны серги да на теж серги прикуплен камень, а по уговору за дело и за камень два алтына. — Март. 24 царица Евдокея Лук. пожаловала велела дати Васильевской жене Исупова вдове Олен на дорогу до Колуги 2 р.; приезжала к Москве для государева дела. — Апр. 29 шляпочному мастеру Осипку за две шляпы белые 13 алт. 2 д., а взяты те шляпы к царице в хоромы к боярыням в отдачу. — Мая 5 манатейново ряду

торговому человеку за шапку чернеческую камчатую подложена крашениною с овчиною, черную 5 алт.; а взята та шапка старице Марфе дурке. — Июня 13, каптурнику на царицыны шляпы к левкасенью на клей рыбей и на мел 3 алт. 4 д. — Авг. 14 коробенного ряду торговому человеку Ивашку Онисимову за *коробью* осиновую белую 4 алт. 4 д.; а взята у него *коробья на ерданские полотна*.

68. 138 г. Сент. 8 к царицыне шляпе к левкасенью на клей 6 денег. — Сент. 30 серебряному мастеру Ивашке Колуге за золото и за серебро басмяное 32 алт. 5 д.; а взято то золото и серебро царевны Ирины к шапке, что сделана с городы. — Ноября 29 белильному мастеру Микифору Карпову за 5 1/2 зол. румянцу русского по 4 д. золотник, к царице в хоромы. — Дек. 23 сапожново ряду торговому человеку за сапоги жолтые сафьянные 8 алт. 2 д.; взяты сапоги карлице Офушке. — Генв. 17 серебряного ряду старосте Оксенку Чорнышову за 3 свайки серебряные 12 алт.; а взяты те свайки к царице в хоромы. — Февр. 10 за 8 сажень проволоки железной да за 20 колец бронных 5 алт. 2 д.; в церковь муч. Екатерины к запо-

ну. — Февр. 11 за коробью красную с нутренним замком 6 алт.; корыто липовое большое да три лопаты липовые 5 алт. 2 д.; в портомойню к государеву к белому платейцу. — Февр. 15 за замок вислой 10 д.; в нижней подклет, где кладут царицны мастерские полаты дрова.

69. 139 г. Сент. 5 шляпочному мастеру от трех шляп за валенье по 10 алт. от шляпы; а деланы те шляпы в отдачу комнатным боярыням. — Сент. 25 троецкому казначею старцу Миките за троецкие сосуды, которые троецкие власти принесли к царице, 5 руб. — Дек. 20 извоцику Богдашку Софонову от провозу от 2 коробей 10 ден.; а возил он те коробки в тюрьму с отставными с простынями на раздачу тюремным сидельцом. — Дек. 27 торговке Окулине Юрьеве за рубашки да за портки холщевные 10 алтын 2 д.; а взята та рубашка и портки дураку Мосейку. — Авг. 10 екатеринские попы на Царяборисовском на старом дворе в полате пели молебен и святили воду; и на молебен государь пожаловал им 16 алт. 4 д. — Мая 23 сапожново ряду торговому человеку за двои сапоги ветчаные за подшив-

ки 6 алт. 4 д.; сапоги взяты к царице в хоромы Иванове дочери Стрешнева да карлице Анютке. — Мая 24 холщевного ряду торговому человеку за 20 арш. холстины толстой льняной за аршин по алтыну; а взята та холстина дурком на рубашки. — Мая 29 по приказу Вас. Ив. Стрешнева села Рубцова садовнику Ивашку Васильеву на воск и на вар в селож в Рубцово ко государеву саду к яблоням на прививки, 3 алт. 2 д. — Июня 6 в портомойне поделывал коробейного ряду торговой человек Максимка Софонов мовную коробью, в которой возят на реку государское платье, и ему за пробои да от поделки и за железо и за гвоздье 3 алт. 2 д.; денги взял царицын сын боярской Игнатей Молчанов. — Авг. 21 за 25 скоб железных 10 алт. 2 д.; под царицыны чеботы и башмаки.

70. 140 г. Ноября 8 японечново ряду торговому человеку за шляпу валеную 23 алт. 2 д., да сапожново ряду (торг. чел.) за сапоги мужские да за двои сапоги женские сафьянные да телятинные 29 алт. 4 д. взята шляпа царевны Анны Мих. кормилице, а сапоги карлам Стенке да Анютке, да дурке девке Оринке. — Ноябрь

ря 20 япанечново ряду торговому человеку за войлок коровятинной 2 алт. 4 д.; а взят войлок дурке Орке. — Дек. 24 манатейново ряду торговому человеку за опостольник старицкой 4 алт. 2 д., а взят тот апостольник старице Марфе уродивой. — Декабря 24 за 10 ф. пуху густина белово по 11 алт. по 4 д. за фунт; а пух взят в царицыну да в царевнины постели. — Генв. 18 торговому человеку за 13 арш. сатыни цветной, за аршин по 8 алт. по 2 д.; а взята та сатынь кроить летничные образцовые приволоки. Тогож дни сапожново ряду торговому человеку за сапоги барановые зеленые 13 алт. 2 д.; а взяты те сапоги дурке девке Оринке. — Марта 1 манатейново ряду торговому человеку за наметку старицкую 3 алт. 2 д., а наметка взята старице Марфе уродивой. — Мая 13 шапочному мастеру на приклады к отласной к червчатой шапке на накладной пух да на подклейку да на нити 6 алт. 2 д.; шапка делана новой карлице девке. — Июня 9 государыни царицы Евдокеи Лукьяновны по имяному приказу потешнику домрачею Гаврилку слепому в приказ рубль дано.

71. 141 г. Окт. 2, чеботнику Василью Васи-

льеву к отдаточным к двоим сапогам на при-
клад 8 алтын: а деланы те сапоги в отдачу
княжне Марье Ромодановской да Иванове до-
чери Стрешнева. — Ноября 17 к царице в хо-
ромы рубль приняла боярыня Соломонида
Мезецкая, а сказала, что те деньги царица по-
жаловала сенному сторожу Ондрюшке про-
звище Сапеге на похороны. — Ноября 18,
иконного ряду торговому человеку Варфоло-
мею Иванову промену за образ св. мч. Анти-
пы 10 алт.; образ отнесен к царице в хоромы,
а денги взял крестовый Фома Борисов. — Но-
ября 21, овощного ряду за щеть немецкое дело
обложена медью волоченою 5 алт.; к царицы-
ну платью. — Дек. 12 за окончину слюденую
большую 30 алт.; взята в судную (зачерк. суди-
мую) полату, где судят царицын чин. — Мар-
та 5, государыни царицы Евдокеи Лукьянов-
ны казначее к ключам на поцепку отослал Бо-
рис Иванович Морозов с комнатным сторо-
жем с Васкою Ивановым два золотника с че-
тью шолку червчатого. — Марта 12, завязоч-
ного ряду торговому человеку Ивашку Семе-
нову за 37 пугвиц обделываны золотом пряде-
ным по 8 д. за пугвицу; а взяты те пугвицы к

потешному к немецкому к бархатному платью. — Апр. 16, за десять золотников воску ярого белого по 2 д. за золотник. к царице в хоромы приняла казначея Анна Хитрово. — Июня 22, сапожново ряду торговому человеку за сапоги сафьянные желтые 18 алт. да сапоги телятинные красные 8 алт.; взяты сапоги сафьянные княжне Марье Друцкой, а телятинные карлице девке Марфутке.

72. 142 г. ноября 12, шапочному мастеру к отдаточной к отласной к червчатой шапке на накладной пух да на поясок золотной, да на клейную крашенину 13 алт. 2 д., а шапка сделана карлице девке. — Мая 18, кафтанного ряду торговому человеку за сарафан крашениной 13 алт. 2 д., да за шапку чернеческую холодную 4 алт. 2 д.; а сарафан и шапка взята старице Марфе уродивой. — Июня 14, за полсть валяную белую 25 алт.; взята в царицыны да в царевнины чеботы на стельки и на колодки. — Июня 17, дано портным мастером на *свайку*, чем у государевых зипунов прокалывать втычные пуговики, 6 д., да на нити, чем сшить на поставец простыня, 6 д. — Июля 16, торговому человеку за шляпу валеную бе-

люю 13 алт. 2 д. да к той шляпе куплено вы-
бойки русской аршин, а дано 10 денег; а шляпа
взята в отдачу слепой бабе, которая живет у
царицы в хоромех, Марье.

73. 143 г. Окт. 1 сапожного ряду торговому
человеку за сапоги телятинные красные 14
алт.; а взяты те сапоги дурке девке татарке. —
Окт. 29, москотинного ряду торговому чело-
веку за шестнадцать нитей бисеру белого и
цветного 6 алт. 4 д.: а взят тот бисер на наряд
дурке бабе слепой. — Февр. 12, к царице в хо-
ромы полтина, приняла крайчая княгиня Со-
ломонида Мезецкая, а сказала, пожаловала
государыня царица те деньги на похороны
Ивашку карлу. — Февр 19, боярыне княгине
Марье Пронской за двои чотки королковые
красные, а в них 200 пронизок, 7, руб.: да за
44 арш. тесем шолковых алых по 2 ал. 1 д.
арш. — Мая 8, сапожного ряду торговому че-
ловеку за трои сапоги телятинные красные
рубль 8 алт. 2 д.; сапоги отданы потешные па-
латы слепым Якушу с товарищи. — Июня 5 ко
государыне царице Евдокеи Лукьяновне в хо-
ромы взял окольников Фед. Степ. Стрешнев 6
алт. 4 д.; а сказал, что он отдал те деньги по-

тешные полаты слепым игроцом Якушу да Луке на струны. — Июля 11, потешные полаты домрачеем Лукашу слепому с товарищи на струны 4 алт., приказал окольнічей Фед. Степ. Стрешнев. — Июля 21 по приказу боярина Бориса Ивановича Морозова дано печатново двора книжным переплетчпком трем человеком поденново корму на неделю по алтыму на день человеку: делали государыне царице к шапкам два *влагалища* набивали сусальным золотом и серебром по сафьяну по червчатому. — Авг. 17, торговому человеку за венец литовской жемчужной четыреста тридцать рублей, взял деньги окольнічей Вас. Ив. Стрешнев; а венец по государеву указу отдал в царицыну в мастерскую полату дьяку Сурьяняну Тороканову, а велено ему переделать венец царевне Ирине Михайловне.

74. 144 г. Окт. 17, япанешного ряду торговому человеку Макарку Иванову за мешок шерстя оленьи мягкие 8 алт. 2 д.; взята в царицыну мастерскую полату к царицыне сафьянной колодке. Тогож дни, к царице в хоромы 2 р. приняла крайчая княгиня Соломанида Мезецкая, а сказала, что те деньги пожаловала госу-

дарыня постельнице Федоре Нестеровой на постриганье. — Окт. 29 шубного ряду торговому человеку за шубу баранью одевальную рубль 20 алт., шуба отдана старице Марфе юродивой. — Ноября 8, к царице в хоромы 5 р. 25 алт.; приняла княгиня Соломоняда Мезецкая, а сказала, что она те деньги дала торговым людям за 6 мехов заечьих, в которых деланы телогреи боярышням да за потешной таз. — Дек. 4, к царице в хоромы рубль 16 алт. 4 д. приняла княгини Соломонида Мезецкая, а сказала, что дала она те деньги за холодные телогреи торговым людям, что взяты в Верх боярышням. — Декабря 13, потешные полаты домрачею Лукашу слепому на струны гривна, дано. — Генваря в 31 день, кузнецу Ивашку Трофимову 5 алт., а он за те деньги зделал в царицыну мастерскую полату утюг железной. — Февр. 16, канительного дела мастеру Ульяну Ульянову за 76 зол. проволоки посеребренной, по 2 алт. за золотник; взята к двум корунам, которые коруны деланы в мастерской полате царевне Анне да царевне Софье. — Февр. 17, за коробью осиновую белую с пробой 4 алт.; взята на деревянные суды царев-

ны Татьяны Мих. — Марта 28, по приказу окольного Фед. Степ. Стрешнева потешные полаты Якушу слепому на струны гривна, взял сам. — Апр. 8, сапожного ряду торговому человеку за сапоги женские телятинные лазоревые 14 алт.; сапоги отданы старице Марфе юродивой. — Апреля в 9 день, по приказу окольного Федора Степанов. Стрешнева часовничному мастеру Потапку Моисеву за железной аршин, за железо и за дело 4 алт.; отнесен к царице в хоромы. — Мая 5, отпущено к государыне царице в хоромы пять рублей, а была в те поры государыня у Рожества Пречистые Богородицы, что на сенех, у обедни; взял деньги подъячей Левонтей Лазоревской, а сказал: велел де ему деньги взять околничей Федор Степанович Стрешнев. — Мая 7, по приказу окольного Фед. Степ. Стрешнева потешные палаты Якушу слепому на струны 3 алт. 2 д. дано.

75. 145 г. Окт. 10 потешному Луке слепому на домерные струны 3 алт. 2 д., деньги взял сам. — Генв. 9, потешному слепому Лукашу Микифорову на струны 3 алт. 2 д., деньги взял сам. — Генв. 23, за пять сажень железной про-

волоки 3 алт. в царицыны хоромы к завесу. — Генв. 26, тудаже девять сажень проволоки железной, 5 алт. — Генв. 27, за корелчатый ставец да пять блюд красных 16 ал. 4 д.; к царице в хоромы. — Апр. 22, москательного ряду торговому человеку за бурсы 16 ал. 4 д.; к царице в хоромы принял окольн. Ф. С. Стрешнев. — Августа 29, потешные палаты Якушу слепому на струны 3 алт. 2 д., деньги взял сам.

76. 146 г. Сент. 15 токарю Афонке Семенову на 10 дней корму по 10 д. на день; делал царице 8 болванов шапочных, 5 болванов каптурных, на тазы влагалище; на корону, на чарку, на мушкатной кубок да на снур — по влагалищу. — Окт. 18 овощного ряду за травеной венник, чем чистят государское платье, 8 д.; взят в царицыну мастерскую палату. — Окт. 19, руковишного ряду торговому человеку за треух пестрой суконной 4 алт., государыня царица Евдокея Лукьяновна пожаловала потешной девке Оринке. — Ноября 4, государыня царица пожаловала велела дать казначее Анне Хитрой да ларешнице Матрене Кобелеве по полтине. — Ноября 5, царица пожаловала велела дать немке девке Овдотье в Вознесенской мо-

настырь на свечи 16 алт. 4 д. Тогож дни часовнику Моисею Терентьеву за хрустальное стекло 6 алт. 4 д.; вставлено царицы Евдокеи Лук. в турецкое опахало. — Февр. 2, суровского ряду за четверы гилянские дороги да за двое желты цо 2 р. 13 ал. 2 д.; да кишного ряду торговке за три рубашки муских шиты золотом да серебром по 2 р.; в хоромы к царице прпнял околн. Вас. Ив. Стрешнев. — Апр. 10, дано по приказу боярина Бориса Ивановпча Морозова иконнику Ивашку Данилову за икону промену преподобного Семиона 30 алт.; отдан образ уродивому Елисею, что живет в монастыре у Спаса на Новом. — Авг. 15, взято за платишка за обноски всякие, что носили дураки и карлишка, три рубли 4 алт. 4 д.; продано всяким людем, а кому что продано и на ком что денег взято и то писано имянно в продажной книге.

77. 147 г. Сентября в 23 день суровского ряду торговому человеку Тимошке Михайлову за четыре тафтицы перситцкие 4 р. с полтиною; взяты царевнам на *пологи*. — Сент. 30 к царице в хоромы полтина; взял стольник Вас. Голохвастов, а сказал, что те деньги царица

пожаловала ему Василью на сапоги. — Окт. 31 по приказу околничего Фед. Степ. Стрешнева потешным Якову да Лукьяну слепым на струны 3 алт. 2 д.; деньги взяли сами. — Дек. 3 за две *коробьи* осиновых белых 13 алт. 2 д.; взяты в царицыну в мастерскую полату на *кисеи*, что государь пожаловал дочерям своим царевне Ирине да царевне Анне на *кладовые сорочки*. — Февр. 8 овощного ряду — за три гребни слоновые, по 2 гривны гребень; к царице в хоромы приняла княгиня Ульяна Троекурова. — Марта в 11 день овощного ряду торговому человеку за четыре бруса *мыла* грецкого 20 алт.; к царице в хоромы приняла бабка Аносья. — Июля 22 за сундук дубовой с оковы железными 3 р. 4 ал. 4 д.; в царицыну мастерскую полату на государское платье.

78. 148 г. Сент. 20 к царице в хоромы 3 руб.; приняла княгиня Марья Пронская, а сказала, что те деньги на милостынную раздачу, как бывают государыням царевнам в собор и в Чудов монастырь походы молиться. — Окт. 31 коробейного ряду торговому человеку за полпуда пуху гусянова по 10 алт. за гривенку; да за *перину* со взголовьем 4 р. 6 алт. 4 д.; пух

взят в государские постели, а перина отдана в отдачу княгине Овдотье Щербатовой. — Ноября 8 мовному сторожу царицыны мыленки Омельяну Григорьеву на похороны 16 алт. 4 д.; деньги взял царицын истопник Ортюха Гудок. Тогож дни, овощного ряду торговому человеку за три стаканчика стекляных иа стоянцах 7 алт., стоканчики принел к царице в хоромы Иван Федорович Стрешнев меньшей. — Ноября в 11 день серебряного ряду торговому человеку за *серги* серебряные позолочены двойчатки с камением и с жемчугом рубль 14 алт.; серги принела к царице в хоромы княгиня Марья Хованская. — Ноября 23 шапочного ряду торговому человеку за десять болванов точоных, за болван по 10 денег; болваны взяты царице под шапки. — Генв. 11 к царице в хоромы рубль; принела крайчая княгиня Соломонида Мезецкая, а сказала, что те деньги Екатерининскому понамарю Онашке за двои сапоги желтые сафьянные женские, а сапоги государыня царица пожаловала двум девкам, Голохвастове да Марье Еремееве. — Генв. 19 взято к государыне царице в хоромы сто рублей, относил Ив. Мих. Анич-

ков, приняла де у него деньги у хором боярыня Анна Пушкина, а велела записать: взяты деньги в роздачу по старице по Марфе уродивой. — Генв. 28 овощного ряду торговому человеку за две братиночки стекляных 16 алт. 4 д., братины принел в хоромы Иван Федорович Стрешнев меньшей. — Февр. 23 серебряного ряду торговому человеку за *серги* серебряны позолочены рубль 16 алт. 4 д.; серги принела к царице в хоромы княгиня Марья Хованская, а сказала, что теми сергами государыня царица пожаловала девку Голохвастову. — Марта 30 овощного ряду торговому человеку за три стакана стекляных за стакан по 2 алт.; взяты к царевне Ирине в хоромы, принела боярыня княгиня Марья Хованская. — Июня 25 японечного ряду торговому человеку за полсть белую рубль 12 алт. 4 д.; полсть взята в государские чеботы на колотки и на стельки. — Июля в 10 день государыня царица Евдокея Лук. пожаловала старице Стрешневе на скимленье и на таз меденой 26 алт. 4 д.; отосланы те деньги царицыны мастерские полаты с портным мастерам со Власом Кешеневым.

79. 149 г. Сент. 6 к царице в хоромы рубль;

приняла княгиня Соломонида Мезецкая, а сказала, что те деньги государыня пожаловала дурке девке Полагейке, которую привез из Пскова околничей Василей Иванович Стрешнев. — Ноября 8 по росписи за пометою дьяка Сурьянина Тороканова царицыны мастерские полаты шапочнику Гаврилу Савельеву на два месяца и на 12 дней корму на день по 10 денег, а делал он в те дни царице шапки и рукавки и накладные ожерелья. — Ноября 11 ветошного ряду торговому человеку за опашень суконный чорный 2 р. 30 алт.; опашень государыня пожаловала Псковской бабке Анне. — Ноября 27 чемоданному мастеру Семейке Яковлеву на ременья и на верви 23 алт. 2 д.; теми ременьями и вервями обшивал царицыну постельную большую лубяную коробью. — Дек. 9 взято к государыне царице в хоромы рубль, взял Василей Голохвастов, а сказал; взят в отдачу к Спасу на молебен. — Дек. 30 царица пожаловала девицам боярышням и княгиням, которые у ней государыни и у царевен на сенех, в жалованье 50 руб. — Генв. 9 отпущено государыне царице в хоромы 4 р. относил деньги Иван Михайлович

Аничков, принела де у него деньги княгиня Марья Хованская, а сказала: взяты в отдачу рудометнице. — Февр. 28, взята в серебряном ряду гривна серебрена золочена чеканная весу в ней рубль 2 д., да за дело... велено тое гривну по приказу государыни приложить к образу Препод. мч. Евдокеи. — Июля 12 коробейного ряду торговому человеку на *коробью* большую окованую железом черным рифленным 7 р. с полтиною, да за три коробьи осиновых белых полтина; большая коробья взята государыни царицы большого наряду на платье, а осиновые коробьи взяты на книги и на столпы в царицыну в мастерскую полату.

80. 150 г. ноября 2, серебряного ряду торговому человеку от спня серебряного булавочного и с тем, что за дело, 2 ал. 2 д.; булавку принял Иван Федорович Стрешнев меньшей, а сказал, что та булавка царицына, а зерно гурмыцкое на тое булавку из хором выдал он же. — Генв. 15, сапожного ряду торговому человеку за башмаки прямые телятинные красные 6 алт.; башмаки государыня пожаловала девке дурке Орютке. — Марта 18, к царице в хоромы 4 ал. 2 д. приняла Катерина Бутурли-

на — куплено трем дуркам девкам по *перевязке*. — Мая 24, кафтанного ряду торговому человеку за сарафан крашенинной лазоревой 8 алт. 2 д., сарафан государыня пожаловала девке дурке Дуньке. — Авг. 16, государыня царица пожаловала Переславля Залеского посацкому человеку карлицы Анюткину отцу Васке Миняеву 2 р. взял деньги сам; приказал царицыным словом Сем. Лук. Стрешнев. — Августа в 17 день, сапожного ряду торговому человеку за трои сапоги, за двой желтые мешинные да за красные телятинные, 23 алт. 2 д. сапоги государыня пожаловала желтые да красные карлицам Анютке да Соболке, а другие желтые новокрещеной девке Дунке. — Авг. 29, куплено 6 вер. отласу золотного турецкого по червчатой земле, по нем травы золоты в цветах шолки розные 3 р.; царице к белым шляпам на подпушки к полкам. — Авг. 31, к царице в хоромы рубль 6 алт. 5 д. принела комнатная Овдотья Рукина, а сказала, что те деньги дати скорняшного ряду торговым людям за два зайчи мехи, а мехи взяты карлицам на телогрей, которые у царевны Ирины Мих. живут в комнате.

81. 151 г. сент. 5, ко государыне царице в хоромы 3 р. 8 алт. 2 д.; принела деньги княгиня Ульяна Троекурова, а сказала, что те деньги дати торговке Оринке Гаврилове за мускую рубашку да за портки, рубашка шита золотом в петлю по кисее; а та де рубашка и портки в отдачу. — Царицыны мастерские полаты белильнику Микифорку за ящик дубовой с пробойцы 2 ал.; взят ящик из коробейного ряду на царицыны белилы. — Сент. 9, царицыну сыну боярскому Прохору Перепечину 2 ал.; а он Прохор те деньги дал извозщику от провозу, как ездил по карлицу в Огородную слободу. — Сент. 10, ко государыне царице в хоромы 14 алт., отнес деньги дьяк Петр Арбенев, а сказал, что те деньги приняла Овдотья Пирова, а на те де деньги куплены двои сапоги да двои чюлки карлицам Парашке да Анютке. — Окт. 30, ко государыне царице в хоромы 16 алт. 4 д.; приняла казначея Анна Хитрово, а сказала, что на те деньги куплены две телогреи, заечья под крашениною карлице Катке, другая крашенинная карлице Палагейке. — Ноября 2, шубного ряду торговому человеку за два кафтана шубных рубль 26 алт. 4 д.;

куплены те кафтаны дуркам. — Ноября в 7 день ко государыне царице в хоромы 20 алтын приняла комнатная Овдотья Рукина, а сказала, что на те деньги куплена телогрея заичья новокрещеной немке девке дурке. — Декабря 29, в хоромы ж полтина; приняла боярыня княгиня Марья Офонасьевна Хованская, а сказала, что на те деньги купить два сарафана девкам дуркам Дунке да Маньке. — Февр. 1, ко государыне царице в хоромы 40 алтын, приняла Анна Хитрово, а сказала, что те деньги дати торговым людям за сапоги черные телятинные да за башмаки красные женские да за рубашку да за портки, да за испод заячей; сапоги государыня пожаловала Ивановского монастыря старице уродивой Анисье, а башмаки дурке девке Орютке, а рубашку и портки и испод пожаловала карлу Ивашке. — Апр. 18, коробейного ряду торговому человеку за *постелю* да за изголовье пуховое 2 р. 30 алт.; да за 4 ф. без чети за пух гусиной по 10 алт. за фунт; перина и пух государыня царица пожаловала за девкою Марьею Стрешневою, как она выдана за муж. — Апр. 20, в серебряном ряду взяты две чарки винных рез-

ных, одна золочена, весу 32 зол.; к царице в хоромы принял окольн. В. И. Стрешнев.

82. 152 г. Сент. 1 соборному рожественскому попу Ансифору 10 денег; пел в царицыне в мастерской полате молебен на Семен день Летоначатца нынешнего 152 году. — Сент. 14, как окладывали церковь Введение Преч. Богородицы в новой Хамовной Слободе и по приказу государыни царицы, идучи с *окладу*, нищим и всяким бедным людям дано милостыни 15 ал. 2 д. — Ноября 17, как государыня царица пошла в Рубцовский объезд и с Москвы дорогою идучи и на освящение церкви Введения Пр. Богородицы нищим и всяким бедным людям милостыни 42 ал. — 152 г. февр. 13 коробейного ряду торговому человеку за две *нерпы* и за дело и от крашенья рубль 3 алт.; куплены те нерпы ко государским кикам на подзор. — Мая 5 серебряного ряду торговому человеку за серебряные серги 9 алт. 2 д., и те серги государыня пожаловала девке дурке Орке. — Мая 18 по государеву указу и по приказу Ивана Федоровича Меншово Стрешнева куплено *домришко* по цене восемь денег; и сю домришку взял он же Иван Федорович и от-

нес ко государю в царицны хоромы, а сказал играть в домришку дурке. — Июня 2 к царице в хоромы полтина, приняла кн. М. Хованская, а сказала, что те деньги государыня пожаловала карлицы Манкиной матери. — Июня 5 государыня царица пожаловала на погребение сторожа Сенки Аверкеева рубль, взял деньги сторож Андрюшка Степанов. — Июня 12 государыня царица пожаловала на погребение золотные мастерицы Оксиньи Кривцовы рубль. — Июля 20 к царице в хоромы 2 р. приняла Анна Хитрово; царица пожаловала царевичу Алексею рубль, а другой рубль царевнам Анне и Татьяне на мелкой расход.

83. 153 г. Окт. 22 кафтанного ряду торговому человеку за две телогреи теплые заечьи 2 р. 10 алт.; теми телогреями государыня пожаловала татарок дву девок колмацкого полу. — Дек. 14 ко государыне царице в хоромы рубль принела казначея Анна Хитрово, а сказала, что те деньги государыня пожаловала постельнице Марье Парской на постриганье. — Дек. 19 по государеву указу за станок, что делан стан к кованым круживам, круживному мастеру Федке Корнильеву, за деревье

липовое и за подножки и за решетку и за бердо 40 алт. 4 д.; да за свинцовые гири за полтора пуда за свинец и за дело рубль 20 алт.; да за веревки посконные за 900 саж. по 6 алт. за сто сажень; да за 10 прутков железа 11 алт.; за 10 вьюшек 2 алт. с денгою, за 60 колес деревянных 10 алт., да за гнездо костяное, что класть в бердо, 5 денег, за сто клинчиков медных 5 алт., за тридцать за три трости стальные 33 алт.; и всего по цене 6 р. 10 алт. — Дек. 19 по челобитной и по помете дьяка Петра Арбенева безместной старице Еуфимье Толмачевой, для ее бедности, что она заложила три образы, и ей на выкуп 2 р. Тогож дни по челобитной и по помете дьяка Петра Арбенева Вознесенского девича монастыря старице Федулеи Жамайлово для ее бедности на келейное строение рубль.

84. 156 г. февр. 1 овощного ряду торговому человеку за три *трубки зрительные* полтора рубли; к царевне Анне в хоромы пришла боярыня княгиня Марья Ивановна Пронская. — Февр. 22 царицына чина сыну боярскому Любиму Пирову 2 алт. 4 д.; а он на те деньги купил две сажени проволоки железной да ко-

лец железных к завесу, чем завешивать царевнины горлатные лисьи шапки. — Февр. 27 сапожному мастеру от жолтых сафьянных сапогов от дела и за приклад 5 алт., сапоги царевна Ирина Мих. пожаловала карлице Манке. — Февр. 29 овощного ряду торговому человеку за два кувшинца полосатые стеклянные с носочки 16 алт. 4 д.; к царевне Ирине в хоромы приняла казначея Василиса Пятово.

85. 157 г. Ноября 18 овощного ряду торговому человеку Сенке Филипьеву за две трубки зрительные рубль; к царевне Анне в хоромы приняла княжна Марья Шеховская. — Ноября в 26 день зелейного ряду торговому человеку за восемь золотников струйки бобровой да сала барсучья 7 алт.; ко государыне царице в хоромы приняла кравчая Анна Михайловна Вельяминова. — Генв. 1 коробейного ряду торговому человеку за коробью белую 6 алт. 4 д. коробью приняла казначея Василиса Пятово, а сказала, что тое коробью царевна Ирина Мих. пожаловала Катерине дуре. — Генв. 14 ко государыне царице в хоромы 1022 р. 30 алт. принял боярин Илья Данилович Милославской, а сказал, что те деньги из хором дати

торговым людем за жемчюг да за венец с ка-
меньи да за серги золотыи с запоны да за пер-
стенъ с алмазом. — Марта 20 мыльного ряду
за брус мыла белого нижегородцкого гривна,
приняла казначея Марья Старинская, а сказа-
ла, что то мыло на умыванье царице. — Апр.
18 овощного ряду торговому человеку за
трубку зрительную в черной басмянной ко-
же полтина; к царевне Татьяне Мих. в хоро-
мы приняла княжна Марья Шеховская.

86. 158 г. Дек. 29 ко государыне царице в хо-
ромы рубль 6 алт. 4 д. приняла кравчая Анна
Вельяминова, а сказала, что те деньги госуда-
рыня царица указала из хором отдать кода-
шовской деловице Федосьице Иванове за де-
ло от скатерти задейчатой, а делала она тое
скатерть блаженные памяти государя цареви-
ча князя Димитрия Алексеевича за кормили-
цу Улиту.

87. 159 г. Окт. 20 коробейного ряду торгово-
му человеку за два изголовья, наволоки кра-
шенина лазорева, 15 алт. 4 д.; изголовья при-
няла постельница Марья Елизарова, а сказа-
ла, что те изголовья государыня царица пожа-
ловала новым карлицам Акилине да Праско-

вье. — Окт. 30, ветошного ряду торговому человеку Симонку Кирилову за *запону* по отласу белому шита золотом и серебром волоченым и пряденым с шолки розными и делана канителью, девяносто рублей; запона положена у государыни царицы в казне. — Шатерному мастеру Ивану Янышеву кормовых на 4 дни 6 ал. 4 д.; в те дни оклеивал киот Преч. Богородицы камкою червчатою, что стоит у Екатерины Христовы Муч., что у царицы на сенях, да на тот же киот сделал тафтяную запону.

88. 160 г. Мая 31 государыни царицы мастерские полаты каптурнику Левку Федотову 4 алт. 4 д.; а он на те деньги купил для бележня шляп, государыни царицы полфунта беллил, да кичной болван; а тот болван в хоромы приняла казначея Матрена Блохина.

89. 161 г. Сент. 3 серебряного ряду торговому человеку за серги с жемчюги каменье вареники рубль 16 ал. 4 д.; те серги царица пожаловала девке Огрофене Лопухиной. — Февр. 28 кичново ряду торговому человеку за *паворозы* шолковые червчатые 10 алт. 2 д.; а те паворозы ко государыне царице Марии Ильичне в хоромы приняла казначея Матре-

на Блохина. — Апр. 28 овощного ряду торговому человеку за зрительную трубку 17 алт.; ко государыне царевне Анне Мих. приняла боярыня Марья Ивановна Пронская. — Апр. 28 серебряного ряду — за 62 пелепела серебряных позолочены 25 алт.; к царевне Анне Мих. приняла княжна Марья Шеховская. — Мая 22 кичного ряду — за ожерелье женское жемчужное с пугвицы 27 р. 26 ал. 4 д.; царица пожаловала девке татарке Татьяне. — Июня 9 царица пожаловала окольниковому Ив. Андр. Милославскому 300 руб.; стольником Семену Юр. да Матвею Богд. Милославским по 100 руб.

90. Счеты денежного прихода и расхода царицыной мастерской палаты с 1624 по 1653 год.

	Приход	Рубль	Алтынь	Денг	Расход	Рубль	Алтынь	Денг
B 133 r	-	2156	4	5 1/2	-	1982	11	1
B 134 r	-	1315	12	-	-	1312	16	1 1/2
B 135 r	-	494	12	1	-	381	14	3
B 136 r	-	263	17	5	-	199	17	1/2
B 137 r	-	298	-	6 1/2	-	278	11	2
B 138 r	-	370	12	1	-	338	32	2
B 139 r	-	358	24	3 1/2	-	277	6	1
B 140 r	-	1167	18	1	-	660	*	7
B 141 r	-	1648	21	2	-	1238	6	6
B 142 r	-	1059	26	-	-	964	23	1
B 143 r	-	1226	14	3	-	1210	14	3
B 144 r	-	-	-	-	-	944	30	5
B 145 r	-	1252	19	4	-	781	11	2
B 146 r	-	1099	3	1/2	-	1089	*	3
B 147 r	-	491	21	4 1/2	-	456	7	*
B 148 r	-	371	29	4 1/2	-	331	32	5
B 149 r	-	643	5	5 1/2	-	627	32	1
B 150 r	-	441	28	3 1/2	-	429	25	4
B 151 r	-	424	28	1	-	410	27	3 1/2
B 152 r	-	333	8	3	-	328	6	4
B 153 r	-	310	13	3 1/2	-	786	20	3
B 154 r	-	778	26	2	-	763	17	4
B 157 r	-	7590	17	3	-	7556	26	1
B 158 r	-	5531	17	2	-	3530	25	5
B 159 r	-	6275	26	3 1/2	-	6247	32	3 1/2
B 160 r	-	3964	4	3	-	3894	20	1/2
B 161 r	-	10612	20	21	-	8665	33	-

Переписка дворецкого и дьяков

91-1. Федор Петрович! Указал великий государь прислать свой великого государя рукав бархатной зеленой, а сыскивать его в хоромех и в мастерской; а будет не сыщется, изволь прислать новой, сделав на спех; шарпеток, штанов, чюлков теплых, сукна кармазинового красного половинку — великие расходы, что стан, то расход. Башмаков жолтых. Да взять из Оружейной Полаты доски шахматные, тавлейные, сачные, бирковые, шахматы, саки, тавлеи, бирки и прислать наскоро сегож числа; изволил великий государь сам приказать. Да сделать шубку женскую в тафте двоеличной цветной на хребтах белых, пух положить хорошей, пуговицы пришить серебряные золоченые *на женское дело*; в длину 2 арш. без 2 вершков; ширина в плечах аршин без 3 вер.; а сделав прислать с иными делы тот же час. Пожалуй государь Федор Петрович не поплошись, zde спрашивают в мгновении ока. Ивашка Чаплыгин челом бьет, 188 г. сент. 13.

2. Федор Петрович! По указу великого государя приказала боярыня Анна Петровна Хит-

рово взять тебе в Светлице у боярыни у Орины Вельямяновой полотенцы все, что ей приказано нашить и приготовить в Троицкой монастырь, и прислать в Воздвиженское в понедельник безо всякого замедленья; а велеть ехать днем и ночью на спех. Да и с Архипом, что писано, против того писма всеж присылать. Ивашка Чаплыгин челом бьет.

3. Федор Петрович! Писано к тебе по указу в. государя и велено тебе сходить в Светлицу к боярыне к Орине Вельямянове и взять у нее монастырские полотенцы, сколько ей приказано сшить и сделать; и тебе те полотенцы взяв у нее, прислать тотчас в Воздвиженское в понедельник и велеть ехать днем и ночью на спех безо всякого замедленья, для того к тебе послан стрелец нарочно. Ивашка Чаплыгин челом бьет, 188 г. сент. 21. В государеву Мастерскую Палату дьяку Федору Казанцову.

4. Корнило Петрович, Федор Петрович! Того часу пошлите к сусалщикам к Семену с товарищи, хотя ночью; возьмите у них тетрадь сусального золота самого доброго без серебра и пришлите с тем же стрельцом тогож часу. Да покупаем товары, неосматривая, лише

деньги теряем; красная тафта вся в пятнах, осматривайте. Старост велел сыскать против вчерашнего писма и выслать в поход. И посемест не высланы. О всяком деле будет десяти писать истерно (sic) будет писму. Завтра бы те старосты высланы были ко мне. Иван бы Невежин приехал ко мне, с чем ему приказано, завтра в десятом часу дни. Дела вели принимать у подьячих Ондрею Озерову, осматривая. Да послано 5 портищ, и вы велите сделать одну отласную теплую Домнушке да и приклад весь, Ивану Артемьеву и Василью Качалкину, им даны делать. Да вели утре рано ехать Ивану Невежину и взять у тех старост книги их году расходные тотчас, а буде поноровит, на себе примет. А шол бы на двор с старостами с Иваном Гусятниковым да с Кирилом Пороцким, чтоб приклепу небыло. Неучините того, чтоб не в отдачу часов он шел для того. А с золотом стрельца прислать тотчас. О сем Никитка челом бью. 189 г. мая 17, привез стремянного приказу стрелец Яков Воронин. *Надпись:* Отдать государыни царицы в Мастерскую Полату.

5. Корнило Петрович, Федор Петрович!..

Образ Пресвятыя Богородицы и каменье отдай Богдану Силину и запиши, и золото у тебя есть кое, отдай ему; да пришли ко мне роспись делам, кои отданы в серебряную и в золотую полату. Да послал я Якова Молчанова, сходи ты и возми с собою его к царевнам Брлышш и к Меншим и роспиши по комнатам постельниц в черных книгах, тех, у коих дворы есть, и тех же комнат бездворных к ним на большие дворы и пропиши; а на малые дворы не ищи, а напиши только больших да меньших царевен да царевича Иоанна Ал.; а которые до сего времени на тех дворех живут и иных комнат, и тех не ссылать. Да велите сыскать Марьюшкину постель, у Ивана Пояркова осталась в Мастерской, и пришли завтра с Иваном портным. О сем Никитка Акинфов челом бьет. 189 г. мая 18.

6. Корнило Петрович! В хоромы г. царевне Мф. А. да к царевне Ев. А. чего ныне просили, подать, что я приказал. А что просит Орина Вельяминова бархату на вошвы Марье Матвеевне, посмотреть в расходной книге, бархат черной взят из государевой Мастерской Палаты и подан; и справясь с книгою и с нею, от-

писать ко мне завтра, чтоб тем дела не постановить. А будет бархат не подан, подать, сыскав в казне тотчас. А что она просит дву аршин тафты да шолку и про то ее спросить, на какое дело просит и отписать ко мне завтра подлинно. Калибели потешные прислать все. Да коробью родилную, которая запечатана, прислать с добрым сторожем завтра, увязав в сукне и запечатав. А круживом новым прислать покупку и расход на писме. К Петру Аврамовичу пошли с памятьцою с моею, приказано Андрюшке, и отпиши ко мне, что он скажет. У Федора Силина взять сказку и про порутчиков розыскать хто их свободил, а держать их не велеть, только про них розыскать хто свобожал. Одноконечно прислать, кто из Кадашова поедет к Макарью, пора деньги давать им. Испод соболей пупчетой худой старой лежал в казне в сундуке, где соболи лежат, недавно я ево видел; посмотри, где он; и справитца с расходом, куды в расход пошел, и отписать. 189 года мая 21, привез Андрей Озеров.

7. Корнило Петрович, Федор Петрович! Пришлите отласу белого да тафты белой же и

камок, шолку белого и красного и алого, — прислать все тотчас. Федор Петрович будь в поход утре на первом часу. Пугвиц золоченых прислать тотчас, кружив шире тех, на царевнины телогреи; шире тех нет, велите поискать в ряду тотчас и показать им государынин и кои велят взять, те и возьмите. Киндяков купить вишневых да темно-зеленых; болван каптурной большой велеть выточить и прислать накладку на каптур хорошую; прислать нитей, щеть, миткалей пол-аршрна. Никитка Акинфов челом бьет. 189 г. мая 27.

8. Корнило Петрович, Федор Петрович! Пришлите в поход Ивана Артемьева тотчас и сыщите, кто отдавал круживо на телогрею княгине Фекле Семеновне, а нашиты разные кружива, и о том отписать ко мне тотчас... Да ножницы новые, чем кроить платье, ниток, мелу, мыла простого. Никитка Акинфов челом бьет. 189 г. мая 28.

9. Княгини Агафьи Романовны летник обьяринной, что делал Иван Артемьев, да Федосьи Нееловой шубку, что он же делал, прислать завтра. Княгини Анны Семеновны платье, которое отдано было делать портным ма-

стерам по рукам, справясь по кроельной книге, прислать все: наволочку камчатную алую, которая послана из походу, набить пухом и прислать в поход же... Корнилу Петровичу утре до обедни итить в Чюдов м. и велеть отпеть понахиду по Семене Ивановиче, а дать денег 2 р., а кутью и мед и свечю взять из дворца.

10. Корнило Петрович государь! Изволь прислать в поход мыла грецково хорошево, а которое, государь, в походе было, и то, государь, худо, растирать нельзя для того, что розно разваливаетца по слоям: и то государь, мыло послал к тебе с Макаром, изволь его принять, а вместо того прислать хорошево. Раб милости твоей Андрюшко Озеров челом бьет. А в походе государь ни одного наряду нет, изволь ростерши прислать нарядами, не помешкав; безпрестанно, государь, спрашивают. *На обороте:* с кружевником Макаром 189 г. мая 28, послано мыла 20 нарядов. Да с ним же послано пять икон окладных, взяты государыни царицы у крестового у уставщика у Григорья.

11. Корнило Петрович! Которую челобит-

ную подписную послал я к тебе с чеботником... и ты по той челобитной пошли память в стрелецкой приказ, чтоб того стрельца прислали в мастерскую полату тотчас; а как его пришлют, тотчас пришли ко мне его; а против подписи, что на той челобитной подписано ничего не делай я к Степану Янову не посылай ни зачем... Послал я зеркало с чеботником, вели стекло переменить и закрепить и прислать завтра. Федора Алабердеева с чеши свободы, а скажи ему, если он впредь гулять станет, поймав, опорю батоги. Якову Молчанову для ангела государыни царевны кафтан вели отдать. Сукна истопникам и сторожам, которым недано, вели давать... Да вели поискать ширанбату самого доброго аршин с 20 и пошли в немецкую слободу к немцам для ширанбату, хотя сам съезди, нужно, надобно на наметки. Да приедь завтра ты Корнило Петрович в поход к обедни. Да у немец же посмотри сам объярей диких цветов, осиновой, коричной, лимонной и иных цветов; и в немецкую слободу пошли, ково разумного человека или сам съезди, чтоб таких объярей сыскать и пришли в поход завтра к обеду; нужно, надоб-

но; а буде к обеду не поспеет, хотя и пожже. Снурков розных цветов и шелков. Да сыщи перья черные опахальные боярина Ильи Даниловича Милославского и пришли в поход с Онофреем чеботником. Да вели сделать г. царице башмаки сафьян бел, а каковы мерою и о том приказано Онофрею. Никитка Акинфов. 189 г. мая 29.

12. Корнило Петрович, Федор Петрович! Государыни царевны и великие княжны Софии Алекс. с сестрами, кои изволили быть в походе в селе Воробьеве, платье все, что есть пришлите в поход, чтоб посылки меньше было, и башмаков и что пристойно к походу... Тысече своей, что у тебя был расход, очистку привези в поход завтра, а живучи в походе сделаешь. А Федору Петровичу остатца на Москве; а как поедешь в поход, побывайте оба в палате, чтоб ведал Федор Петрович пошто пришлют из походу и московской расход, и завтра придет оба в поход в третьем часу дни... Да писал ты ко мне о ширанбате, что по 40 алтын с гривною и по 1 1/2 рубли аршин; чаю штука по 1 1/2 р.; нестатки, что по 1 1/2 р. аршин. Отпиши ко мне подлинно... а без сторожаб у по-

дьячих в палатке не было, и подьячиеб ходили безпрестани... Никитка Акинфов челом бьет. 189 г. мая 29.

13. Федор Петрович! Пришли в поход в село Воробьево г. царицы сундучок желтой, а стоит в большой казне в передней. Отласу червчатого 10 ар., камки цветной тож, тафты цветной 6 арш.; денег 10 р. приказ о сем из хором в. г. царицы, а приказывала боярыня кн. Аг. Ром. Горчакова. Изволь, государь, утре рано к Никите Ивановичу на двор съездить и о том доложи, по коих мест в деревню ехать неизволит... Корнилка Петров челом бьет. *В другом письме...* Пришли сафьян, чтобы был ал пушоной, а чаять лежит в рундуке царевны Екатерины Ал. или царевны Марии Ал., или в сафьянех; а будет нет, вели, государь, купить... Послана с Григорием чеботником объярь таусинна мерою 5 арш. с лишком, пошли ее к Марье Матвеевне на двор и вели сказать, что пожаловала г. царица ей на телогрею; и вели скроить и сделать тотчас, чтоб поспело к государскому ангелу... Пожалуй благодетель мой побереги домишку моего во время нужды. 189 г. мая 31.

14. Федор Петрович, государь! Изволь прислать в поход с утра рано чеботника Ивана Григорьева, да с ним прислать сафьян белой. Да он же б с собою привез чеботные деревья все. Г. царица указала ему себе делать башмаки на мужское дело в походе и государыням царевнам. И на приклад, государь, вели дать башмаков на пятеры или на шестеры денег и отласу, чтоб ни за чем дело не стало. Однолично колыбель сделать, обшить бархатом червчатым, а ременья обшить, чем пристойно; а будет деревья нет, прикажи купить в ряду тотчас; и яблоки обшить, а как обшить, и то мастера знают. А как поспеет, и о том отписать с нарочным ездоком. Спроси, государь, у подьячего у Андрея Озерова: Никито Иванович подносил г. царицы образцы объярей золотных цветных и те образцы кто к нему приносил? и по те образцы послать, чтоб прислали в поход. Приказывал Никито Иванович, чтоб платье развешивать и ты государь изволь развешивать. А портомоню вели одну чистить и топить, чтоб не очень жарко было.

Надпись: писано по приказу думн. двор. Василья Савича Нарбекова. 189 г. июня 1.

15. Федор Петрович! Съезди сам в сибирской приказ и возми сорок соболей с хвосты ценою во сто рублей; приказала боярыня княгиня Агафья Горчакова: и пришли, запечатав, тотчас. Васка Нарбеков челом бьет; чтоб поспел в обедни. Колыбелью спешить. *Надпись:* в царицыну мастерскую палату. 189 г. июня 1. *В другом письме...* И против вчерашнего писма изволь прислать все, надобно на родины... Государыням царевнам, которые в походе ныне, а делают им телогрей на Москве за поставцом, прислать в поход утре рано...

16. Федор Петрович! Пришли сего июня 2 числа в поход кисею тотчас, а лежат они в рундуке в верхнем г. царевны Софии Ал.; да вели у колыбели и ремни обшить бархатом таким же, какая колыбель. Васка Нарбеков челом бьет. *Надпись:* в царицыну мастерскую палату.

17. Федор Петрович! Будет поспели телогрей государыни царевны и великия княжны Екатерины Алексеевны роспошивочные, изволь прислать с чеботником с Анофреем тотчас; а будет неспели, однолично их сделав, прислать утре с закройщиком; зело спраши-

вают их. Пожалуй государь все дела отставь...
Васка Нарбеков челом бьет. 189 г. июня 3.

18. Благодетель государь мой Федор Петрович! Умилостивись надо мною, не сделай в великой печали, пришли бели под жемчюг такой же, что вчерась прислал, а купи ее алтын на десять или на полтину; а хорошоб взять у старост прошлого 188 году. А пришли утре рано. У истопничего в чюлане вели вынять горшок медной большой с кровлею и пришли тотчас с истопником с Бориском; а замок вели сбить, будет истопничего нет. 189 июня 6.

19. Федор Петрович, государь! Изволь прислать в поход: государыни царевны и в. к. Анны Мих. завес тафтяной зеленой. К пирогам приезжим боярыням роспись. Бель прислать под женчюг. Писано июня в 6 числе. Шолку белово и рудожолтово и красново по фунту. 189 г. июня 7.

20. Федор Петрович, государь! Пришли с Москвы в поход на Воробьево государыни царевны Софыи Алексеевны телогрею обьярь жаркой цвет или ала, холодная. Г. царевны Марии Ал. ларец сафьянной, червчатой. Г. ца-

ревны Екатерины Ал. телогрею тафта ценин-на нового дела. Сделать вновь: г. царевне Софии Ал. две телогреи тафта червчата, холодная, с голуном золотным; тафта осинова, теплая, белья, без кружива. Прислать тотчас: пуговиц золоченых гладких. Ивана Артемьева вели государь в палате подержать до Никиты Ивановича; велено ему сточать объярь червчата и он ничего не сделал и уехал. Василья Кочалкина вели сыскать, также его подержать, спился с ума, и ныне из походу ушел. Портного мастера Гаврила выслать тотчас. Да чеботника выслать же, которому в походе жить, да с ними прислать вышеписанное. Взять в ряду косяк кисеи самой тонкой и чистой, чтоб тое лутче не было. Да киндяк черной. Зуфь коричную или зеленую. (И) о том княгиня Горчакова именно и запиши в смотр, а денег не плати, когда пойдет, тогда и отпишем. А до Никиты Ивановича не подать. Пришли государь пера с три лебязьких, да глининых чернилниц маленьких. Нитей суровых три пятины. — Государыни царицы: летник с низаными вошвы середнего наряду, а чаеть с орлы вошвы. Пришли 2 телогреи золотные са-

мые лутчие холодные. Рукав низаной. Скоб и гвоздей вели купить Анофрию. Шолку белого. 189 г.

21. Федор Петрович! Пришли тотчас с мастеровым человеком да с истопником, который наперед его послан, да с сим стрельцом: государыни царицы каруну второго наряду да государыни царевны Евдокеи Алексеевны одеяло холодное золотное, под чем она государыня ходит. Государыни царевны Марьи Алексеевны ларец оклеен бархатом, другой сафьянной красной. И ларцы прислать завтра, как будет иная посылка. Никитка Акинфов челом бьет. Чтоб коруну прислать за час. 189 г. июня 8. За два часа до свету. *Надпись:* в царицыну мастерскую палату.

22. Федор Петрович, государь! Думный дворянин Никита Иванович Акинфов приказал тебе сего дня ехать к себе в село Коломенское и хотел с тобою переговорить кое о чем. Да послано государь, из села Воробьева к Москве четыре ковра, колыбель большая, да две колыбели маленьких, судно большое, которое ты прислал с Москвы. Я вчерашний день в Коломенском был, а ныне на Воробьева. Пришли

пожалуй в поход железных аршинов, а память в большой приход писана, а хотя и другую память послать. Еуфима вышли, государь, ныне же, да пришли на Воробьево из остатков камок, тафт, дорог. Корнило Петров челом бьет. 189 г. июня 9.

23. Корнило Петрович государь! Ц. Мр. А. (царевны Марьи Ал.) из комнаты Мавра Ильина спрашивает ларца сафьянного красного, я его искал в мастерской и в образной казне да не мог сыскать. Пожалуй изволь ты поискать, в которых местех знаешь, и буде его сыщешь изволь прислать с Иваном с чеботником не замешкав, а буде не сыщешь, изволь отписать. Да пожалуй изволь прислать песошницу. Да о чем тебе людишки мои будут бить челом, пожалуй не презри их прошения, о сем раб твой Федка Казанцев челом бьет. 189 г. июня 9.

24. Корнило Петрович! Запон алмазных поищи в ряду или у немцев, сам съезди с утра, в золотой или больши золотого. Или в золотой полате у Назара Шишкина спроси; да поищи объярей серебряной по алой земле в рядуж или у немец же... Знаменщика Анику

завтра в отдачу вышли в поход тотчас. Никитка Акинфов челом бьет. Объяри черной лоскуток приищи и привези с собою. 189 г. июня 9.

25. Корнило Петрович! Послана камка осинова травная, приищи в казне портище и пришли в поход; а будет в казне нет, купить в ряду и прислать в поход тотчас, не замешкав. О сем Никитка Акинфов челом бьет. *Припис-ка:* да приказал думной дворянин Никита Иванович Акинфов дать государева жалованья светлишной боярыне на новоселье портище камки; а образ ей дан на Воробьева. Да изволь завтра выслать на Воробьево Ивана Невежина с кормовыми денгами постельницам. Да изволь прислать тотчас денег 20 р. Да прикажи мастериц для государского ангела напоить и накормить, а достальных девяти человек мастериц велено напоить и накормить в походе. Да изволь прислать подножье суконное. 189 г. июня 9.

26. Корнило Петрович! Послал я к тебе дело Игнашка Кирилова с Федором Силиным, помечено; вели против той пометы все очисти то дело привезть на Воробьево Ивану

Невежину сего июня 10 числа. Ларец сафьянной красной ц. Мр. А. пришли на наемной подводе тотчас. Анику знаменщика на Воробьево вышли тот же час. Портных мастеров выслать всех в поход тотчас, а вместо их в мастерской прикажи дневать чеботником. 189 г. июня 10.

27. Корнило Петрович! Серги государыни царевны Феодосии Ал. посланы к тебе запечатаны, вели их тотчас в золотой полате, сделав, привезть с собою. Гребень в оружейной полате взять таков же, каков к тебе послан, ей же государыне царевне... Вошвы казначеи Овдотьи Горяиновы прислать... Микиту Иванова сына Беклемишева вели привести к Верре, быть ему у г. царицы в стольниках. По денги посылай тотчас в приказ, товаров набрано много, надобно заплатить... Никитка Акинфов челом бьет. 189 г. июня 11, в субботу.

28. Никита Иванович, государь! Изволь приказать купить в ряду камки красной небольшие травки, такой же, какая есть на Воробьева в дву остатках; надобно государыне царице на телогрею. Приказала о том княгиня Агафья Романовна Горчакова. Да онаж

приказала взять в ряду и прислать на Воробьево в смотр объярей самых добрых рудожолтых и тафт гладких и битых рудфжолтых же, объярей же и отласов и камок травных и тафт гладких и битых брусничного цвету и китайских тех же цветов отласов и камок, чтоб государь прислать сегодня, будет сыщутца. Федка Казанцев челом бьет. 189 г. июня 15.

29. Никита Иванович, государь! Из хором государыни царевны и в. к. Марфы Ал. выдала княгиня Мещерская треух соболей под отласом зеленым, а сказала, что тот треух ее и царевны, чтоб вместо того треуха сделать новой треух пластинчатой с опушкою доброю. Изволь государь приказать для соболей послать в Сибирской приказ и те соболи взяв и образцовой треух прислать на Воробьево сегодня. О том к тебе государю велела отписать нарочно и треух образцовой послать княгиня Мещерская. Федка Казанцов челом бьет. Да буди тебе государю известно: великий государь и государыня царица сегодня с Воробьева идут в село Коломенское вскоре; велела к тебе о том отписать княгиня Горчакова. 189 г. июня 16.

30. Корнило Петрович государь! Изволь, купя, прислать на Воробьево тотчас нитей белых тонких средних и ровных пять пятин. Нужно; спрашивают в светлицу на шитье государевых дел. Федка Казанцов челом бью.

31. Корнило Петрович! Пожалуй вели взять алексиру проприятатис из аптеки да миндалново молока, а вели взять миндальное молоко во дворце и пришли то все к Михаилу Собакину на двор, не мешкая. 189 г. июня 16.

32. Корнило Петрович государь! Изволь прислать на Воробьево мыла простово, а на Воробьеве нет ни одного наряду; а для того мыла послал я лубяную корбью с сторожем... Да пожалуй, государь, изволь меня сегодня переменять, известно тебе самому, что людишек моих из судного приказу приставы заволочили, а без меня людишкам нечего делать. А есть либ не та нужда и яб жил и другую неделю. А как тебе годно и я на перемену готов. Федка Казанцов челом бью. 189 г. июня 17. Привез сторож Ермошка Венедиктов.

33. Федор Петрович! Пришли в поход в. государыны царицы и в. г. царевен платью кро-

ильную книгу, список царицына чину детей боярских и лист дневальной, что у стены; и истопником и сторожам г. царицы и г. царевен больших и меньших роспись по недельно. Да вели Прохору Чередееву походить за делом Офимьи Ларионовны Орловы в Доимочном Приказе. Никитка Акинфов челом бьет. 189 г. июня 19.

34. Федор Петрович, государь! Пришли тотчас пуговиц золоченых гладких, бумаги хлопчатой битой, снурков алово, червчатого, желтого. Непомешкай, кормилец мой! Торочков белого, жарково, червчатого, алово, — в большой казне, в шолковом ящике. Да и шелков, которые есть в казне против вчерашнего письма. А иные и после пришли. А за телогреи золотные на меня гнев великой. А чеботника Ивана, кой с сим письмом приедет, домовь не отпускай. 189 г. июня 24.

35. Никита Иванович государь! К великой государыне царице и в. к. Агафии Симеоновне в хоромы спрашивали кружив, чтоб были узорочны, нашивать на телогреи. И я государь подал ящик с круживы, которой прислан с Москвы, а денег за те круживы не пла-

чено. И она государыня изволила сама выбрать и велела нашивать на телогреи. И те, государь, круживы нашивают, из преж. А ко государыням царевнам кружив спрашивают в хоромы в смотр непрестанно. И я, государь, подавал круживы средней руки прежних покупок и они, государь, сказали что те круживы уски. И государыня царевна и в. княжна Евдокея Алексеевна с сестрами указали послать в ряд, чтоб взять кружив золотных и серебряных, чтоб были узорочны, а шириною б были вершка в 2 и в 1 1/2, и все б были целые портища, а в портище б было по 12 аршин. Корнилко Петров челом бьет. Пожалуй, государь прикажи прислать шолку алого да червчатого да золота и серебра литерного, спрашивают к государыне царице. Да известно, государь, тебе буди, ко государыне царевне и в. к. Марьи Алекс. в хоромы спрашивают отласу зеленого портище. Да к государыне царевне и в. к. Татьяне Михайловне спрашивают в хоромы на телогреи в смотр камки ценинной да камки зеленой мелкотравой по портищу. А рукавицы государь першетые посольские на Воробьеве не делают и княгини Агафьи Рома-

новны в походе нет, а Федора Ивановна Плещеева сказала, что она не ведает. А мастерицы, государь, сказали, что отдана рукавица Анике знаменщику. Изволь государь приказать делать на Москве. Июня 24. 189 г.

36. Федор Петрович, государь! По письму твоему писма все посланы запечатаны в сукне, и кормовые деньги. Тут же писма и Якова Молчанова. Да пришли пожалуй с симиж ездоками мыла грецково и простова и шолков алого и червчатого и кружив. А о круживах я писал к Думному дворянину к Никите Ивановичу Акинфову, и ты, государь, пожалуй съезди к нему на двор для кружив и его доложи. А которым у нас круживы и я те в хоромы в смотр носил, и про те сказали, что негодятца. Аника знаменщик с образцами с рукавицею в поход при мне не бывал, изволь спросить про него в светлице и доложи о том Никите Ивановичу, чтоб делать на Москве. А на Воробьеве боярыни княгини Агафьи Романовны Горчаковы нет, а Федора Ивановна Плещеева сказала, что ей приказу никакова нет и мастерицы никакой рукавицы не делают, а только делают оплечьи одни. Корнилко Петров челом

бьет. Июня 24. 189 г.

37. Корнило Петрович! Прикажи Федору Петровичу, чтоб утре был в походе, а ты пошли память в Большую казну и роспись товаром. Да вели ходить к Степану Ловчикову о писце, чтоб прислал немешкав. А думному дворянину Сергею Матвеевичу Заборовскому по указу в. государя велено дать отласу, и он приискал в ряду, и того отласу поторгуй, чтоб цены неиспортить. Он сказывает, что по 30 алтын аршин, а мы по той цене николи не купливали, буде по осми гривен аршин и ты купи и деньги давай. Да выдай человеку Сергея Матвеевича на телогрею портище пугвиц серебряных золоченых и снурок и подпушку под тое телогрею, что спорок пожаловала государыня царица жене его Овдотье Никитичне, зарбав по белой земле. Никитка Акинфов челом бьет. Июня 26 189 г. *Надпись:* Сие письмо пожалуй государь мой пришли назад.

38. Корнила Петрович государь! Выходили из хором боярыни, от больших царевен княгиня Мещерская, от меньших Дарья Мясново и приказывали., чтоб ты приказал истопнику Володимеру Шилову и велел собрать ис-

топников и сторожей и в хоромех и в чардаках государынь царевен больших и меньших вычистить и выместь, а в иных и вымыть; а для указыванья и для наряду в хоромы меньших царевен присланы будут девушки из походу; а к хоромам больших царевен прикажи сыскать постельниц Боранцову, Конюхову и иных, которые есть на Москве. Изволь Государь, приказать истопничему не оплошно, чтоб он в хоромех и в чардаках присмотрил всего сам неоплошно для того, что государева пришествия совсем чаять вскоре, Федка Казанцов челом бьет. Телогрея у Макара кружевника Ц. Ф. А. принята и он отпущон. 189 г. июня 29. Привез Макар в отдачи часов дневных.

39. Корнило Петрович! Многожды к тебе пишу, что с Мокеем Масловым в товарах справитца, что держит на себе долг. Съезди сам и справся с ним. Дано денег 200 рублей, росписки не взято, достальные на нас стоят, все Приказу не очистка. Доверши сегодняшнего дня. А пишешь ты, что взяли 1000 рублей. Я и прежним деньгам расходу не видал. Андрей писал и держит у себя и привозил ко

мне все неочищено порознь, что у кого куплено. Мочноль с него кафтан снять и в тетратях имянно очистить. Да он же привез ко мне тетрадь и он тово путново дела не сделал по моему; вели ему переделать порозь бы написал приход в мастерскую полату мелким приходом и взятые из Приказов и расход им. Чево ленинца сидеть. А пишешь ты ко мне о долгах, я неведаю, за что платить. Пришли ко Мне долгам роспись, за что и почему деньги платить. Я отпишу за кои платить. Кумачи отдай, дороги. Бумаги хлопчатой поторгуй сам и вели взять три пуда и по пудно вели завязать, один пуд вели держать, а два пуда заплатить. Дело Игнашкино вели прислать; шуму не могу обратца; а Иван Невежин и о писцах неходит; чтоб сего дня Игнашкино дело прислать... 189 г. июля 1.

40. ...С Андрея Озерова вели снять кафтан, чтоб ко мне прислал приказу мастерские палаты приход деньгам, что взято по судным... делам, и что он принял у подьячих остаточных наличных денег и что в приходе и в расходе прошлого и нынешнего году и вели ему привезть в среду... Два гребня против образца

купить и прислать сегодня, будет не сыщут, вели сделать, а образцовые прислать сегодня в поход Ц. Ек. А. — Подъячах нижняя полатки для чего для государского ангела накормить и напоить не приказали. Купить крашенины 50 арш. по грошу, а другую 50 по алтыну... Одноконечно приход и расход Андрею вели приготовить и прислать. О сем Никитка Акинфов челом бьет. 189 г.

41. Корнило Петрович! Дневать у хором вели по два истопника да по два сторожа, а будут дневать не станут, вели бить. А киндяка прислал ты, а расходу, кои на Москве в расходе, того не прислано; а делаете самовольством, Корнило Петрович. Я велел Сергею Матвеевичу деньги за отлас за аршин по осми гривен отослать, а ты отлас отослал; хотя б сотья присылал, делал быть-то что я тебе приказал. Вперед не буду ни о чем писать; делайте, как начали; хорошо бы делать по совету... 189 г. июля 1.

42. Митрофан Петрович! Гаврила Федорович! Пожалуйте сходите или каво пошлите в Верх в каменную комнату на оконне под образом, под скамейкою, прикажи взять Киев-

ской чесаслов пожалуйста благодатели мои пришлите ко мне в поход. Искатель вашего жалованья Антипка Пятово челом бьет. 190 г. сент. 4.

43. Иван Петрович государь! Изволил великий государь приказать во всенощную у своего государева суконного лисьего кафтана, что с узкими рукавы, прибавить пугвицу да петлю; а у нас в запасе ни пугвиц, ни снурков никаких нет и мы и известили, что с Москвы от вас ничего не прислано и от государя был за то вевеликой гнев; а нас сделали дураками. И ты, Иван Петрович, изволь приказать на скоро прислать в поход хотя портище пугвяц таких же канительных больших, каковы на том суконном кафтане, да снурку золотного и серебряного, да шелку желтого, золотник, с тем же стрельцем, который с сим писмом к тебе приедет. Да изволь приказать на скоро сделать стул да подушку, а писано к тебе нарочно о том с стрельцом, чтоб одноконечно прислать утре на 1 часу. Да у тогож суконного кафтана ворот только сделан в пол-аршина, а надобно было в девять вершков, и то знатно, что закройщик бывает пьян, кафтанов в мере

не осматривает; и на прибавку к тому вороту изволь прислать кружива таковаж, каково нашито на кафтан да соболь на опушку. Да изволь прислать запасное все, что ни есть, которое у тебя приготовлено, исподы и шурки, пугвицы и кружива и иные всякие мелочи утре на первом часу, для того, что у нас спрашивают многова, а у нас ничего нет. Пронка Деревнин челом бью. А прибавочное что писано выше сего изволь прислать с сим же стрельцом. 190 г. сент. 8. *Надпись:* отдать Ивану Петровичу Чаплыгину, а двор его на Знаменке в приходе у церкви Антипы чудотворца, что у больших конюшен.

44. Иван Петрович, Митрофан Петрович! Указал в. государь прислать в поход наскоро Пролог во весь год печатной да книгу Иоасафа царевича да псалтырь со воследованием, да псалтырь на виршах, а чтоб прислать сегож числа к вечеру, да прислать книгу Минею общую да часослов. Ивашко Дашков челом бью. — Да извольте прислать стопу бумаги пицей, да купить два ножичка с ножнами с медною оправою и прислать в поход нынеж; чернил скляницу. Да приказал Иван Василье-

вич прислать в поход всех сукон, что ни есть в казне, образцы; да взяв из сибирского и на опушку их кафтанов 2 бобра, прислать в поход же. 190 г. сент. 8.

45. Митрофан Петрович, Гаврило Федорович! Великий гнев носим за кафтан суконной коричной песцовой голубой и за башмаки и за кровельные сукна. Сентября с 9 числа по 14 число присылки никакой не бывало, а чеботников на Москве трое. Для Всемогущего Бога пришлите башмаков, что есть сделано, и кафтан (с) стольником или с стряпчим. Да отласу желтого 10 арш. да три юфти сафьянов желтых про государя на башмаки, бумаги хлопчатой 10 ф., сукон на кровельные сукна аршин 20, да чюлки портяные все что есть сделано. Месяц октябрь, лимонный цвет и шапки бархатные лимонные сысканыль, а у нас их нет. А платье сделав прислать в сундуке в корунной телеге, а буде корунной телеги нет, велеть телегу обить красным сукном. Да половинку сукна анбурского красного. Приказ о том постельничего Алексея Тимофеевича Лихачева. Ивашка челом бью. 190 г. сент. 16. В государеву мастерскую полату.

46. Митрофан Петрович, Гаврило Федорович! Приказал Алексей Тимофеевич сходить в аптеку и взять пять или шесть скляниц водяных и устроить в коробочке, отыкав бумогою хлопчатою прислать в поход с дневальщиком нарочно. Да из сибирского приказа взять 20 исподов песцовых хрептовых из тех, которые остались за крымскою кладью, а ведомо подлинно у нас, что осталось за кладью больше ста исподов, — и прислать вместе с скляницами. Да прислать с тем же дневальщиком государю башмаков, а у нас ни одних нет. А Иван чеботник у нас, почитай, скован сидит денно и ночью делает башмаки. А на всяк день подаютца по двои и по трои башмаки, и мы Алексею Тимофеевичу и Михаилу Тимофеевичу докладывали, что к тебе, Митрофан Петрович, писали индо сотью и ты к нам в поход ни кафтана государева суконного с узкими рукавы, ни башмаков не присылывал. И тебе, Гаврило Петрович, приказали они, велели против прежних писем все исправить и башмаков прислать наскоро, с тем же дневальщиком, которой с скляницы поедет в поход. И иные статьи, которые посланы письма в ма-

стерскую с станов. А лимонной цвет отделять велите, не мешкав и пришлите в поход же с стольники и с стряпчими. Ивашка Чаплыгин челом бью. Писано на стану в Олександрове слободе сентября в 14 д., а с 16 числа пойдем в Переславль, а из Переславля в Ярославль, а из Ярославля во Фролицеву пустыню. — *На обороте:* 190 г. сент. 16. В мастерскую палату.

47. Митрофан Петрович, Гаврило Федорович! Здравствуйте приятели мои о Господе Бозе! А естли бы вы не прислали башмаков того часа и умедлилиб малым часом, конечная б была на нас государева кручина и гнев. А последняя башмаки вчерась взяты, извольте наделать еще двадцатеры башмаки, в том числе на меньшее дерево десятеры, на среднее пятеры, на большое пятеры. Чюлков песцовых пятеры, черевьих пятеры. На расход сукон аглинских половинку, кармазиновых портищ пять; а которые были — все в роздаче. Бумаги хлопчатой десять фунтов. Бумажник, о котором писано, месяц октябрь, лимонной цвет, кушаки, подвязки, заячьи мехи, — против письма всеб прислать тотчас, что по-

спело. Десять киндяков. Иван Семенович челобитные мои не забуди с сыном моим с Тимошкою; пособствуй ему побить челом. 190 г. сентября 18.

48. Митрофан Петрович, Гаврило Федорович! Которые исподы песцовые хребтовые вы в поход по писму прислали и те все исподы приказал Алексей Тимофеевич по прежнему послать к Москве, а вместо тех приказал вам прислать, взяв из сибирского приказа 20 исподов заетчиных хребтовых; а прислать вместе с платьем лимонного цвету, с Кузьмою Микулиным. Да что писано к вам с ним Кузьмою в письме, и вы все, что ни есть исправьте и пришлите с ним же Кузьмою. Да что потряс дорогою Максим Федоров, и то ему велите заплатить. Да пришлите в поход с ездом или нарочно с посыльщиком образ Иверские Богородицы в бархатной киоте, в венце у Пресвятые Богородицы запаны, цка менши штилистовой. А искать ее в мастерской в казне, а будет нет, искать в Грановитой в сундуке с иными, а сундук стоит у органов; а буде в сундуке нет, искать в Спасской и в Воскресенской ризницах; а была она в походе в Воро-

бьеве. Да мыла грецково брусков 40, да брус костромского, Ивашка Чаплыгин челом бью. 190 г. сент. 22 Подал завязочник Максим Федоров. *Надпись:* в Мастерскую полату.

49. Митрофан Петрович, Гаврило Федорович! Указал великий государь три образа, писанные на полотне, которые посланы к вам из Ярославля с ярославцы посадскими людьми, поставить в мастерской полате в казне. А образы сие: обр. Распятия Господня, обр. Снятие Господня со креста, обр. Авраама, егда сына своего принес на жертву, все в рамах; а посланы к вам все в целости. Ивашко Дашков челом бью. 190 г. окт. 13.

50. Иван Петрович, государь! Приказал Михайло Тимофеевич к тебе отписать, что великого государя шествие из села Алексеевского будет утре рано. А прислал ты, государь, в запас запасов немного, против прежней росписи ничего не исполнено. И чернилиц и ножниц и ножичков и золотых и соболей и сургучу и иных многих статей против писем ничего не прислано; а на станы будет присылать медленно, потому что поход дальней. Пожалуй государь Иван Петрович прикажи и

досталь всякую мелочь прислать нынеже. Да изволь прислать сафьянов на башмаки, колец медных, на подвязки кружив, башмачного дерева. Да изволь прислать сто золотых. Да изволь выслать шапочника Ивана Тимофеева, а поехал он Иван по болваны и по щеть вчера в полдень. Да прикажи прислать чернил. Ей ничего нет, опричь родной чернилицы, ни ножниц, ни клея, ни ножичка, ничего нет. Да прислать же ныне: стопу бумаги писчей, 5 перей, и иных всяких мелочей, которые писаны в сем письме. Пронка челом бью. 190 г.

51. Митрофан Петрович, Гаврило Федорович! спрашивали к государю часов зепных и часовника, а у нас нет. Изволь съездить на двор к боярину ко князю Петру Алексеевичу и чтоб часы выдать изволил и часовника выслать, и прислать нынеж. Ивашка челом бью. 191 г. сент. 4. *Надпись:* в мастерскую.

52. Митрофан Петрович, Гаврило Федорович! государь! По указу в. государей приказал боярин кн. Петр Иванович Прозоровской выслать в поход в село Воздвиженское подьячего Прокофья Федоровичя, также и портных мастеров, шапочника, чеботника, и сторожей,

которым доведетца быть по очереди в Троецком походе. Да извольте одеяло в. государю ц. и в. к. Петру Алексеевичу тафтяное зеленое, зделав, прислать тотчас: а бархату червчатого 3 арш. приказал б. кн. Петр Иванович купить из ряду и прислать в поход тотчас. Да приказал окольников Тихон Микитич Стрешнев прислать в поход же Книгу Царственную. в которой писаны персоны благочестивых князей и царей российских. Да извольте прислать бумаги пять дестей, да чернилницу медную, 3 пера лебязьих, чернил, песку. Раб милости вашей Федка Тверитиков челом бью. Часы извольте прислать Ростовские столовые, что за стекла. Да извольте прислать карлам кафтаны теплые суконные. 191 г. сент. 15. С часовником с Дмитрием. *Надпись:* великих государей в мастерской палате.

53. Митрофан Петрович, Гаврило Федорович! Здравствуйте на многие лета! Да по указу в. государей приказал боярин кн. Петр Иванович Прозоровской прислать в. государю два испода пластинчатые собольи ферезейные, да царя Федора Алексеевича чюлки песцовые и черевьи бельи, все, что есть из роз-

вески. Да рукавиц теплых песцовых и пластинчатых суконных. а буде суконных нет, бархатные есть. Да егуж государя кафтан верхней лисей, которой испод посредний. А платье в золотой палате в розвеске снять и положить в сундуки и поставить в той же золотой палате. Да взять с казенного двора камок и тафт цвет-иых и смирных аршин со сто, буде в казну дьяки ходят и буде не за казначевою печатью; а буде дьяки за казначееву печать неходит, о том отписать. Да взять из ряду по две юфтии сафьянов желтых да черных, да по юфте алых да рудожолтых и подошев и скоб и гвоздей и вервей и шилья; да чеботника, чья очередь, с деревьем с чеботным да с башмачным и совсем, как делать прислать, да и готово что ни есть, все чеботное прислать же. Да полсти на стельки, мыла грецкого 20 брусков, мыла костромского, стопу бумаги писчей, а в монастыре нет... Три цевки серебра на обшивку каблуков. А прислать с подьячим с Федором Тверитиным, а буде его на Москве нет, с Иваном Негоморским, и послать провожатых мастеровых людей, кружевников и нашивочников, человек 5 или 6.

А из Москвы, доложая бояр, велеть выпроводить до Алексеевского надворной пехоте. Да прислать две чернилицы медные, да две глиняные, да 5 перей хороших, двои ножницы, клей, чернил. Склянку, снурков шолковых: у нас в походе ничего нет, всем изошло, а без того быть нельзя и в хоромы емлют безпрестанно. Да прислать отласов на поднаряды алого, желтого, рудожолтого аршин по 5; да три пояса шолковых в штаны. Да увез Федор 4 р. денег, привез бы с собою... А против сего писма все исполнить, просто его не положить, а наперед сего о том писывано, и вы ничего против писем неисполняли, и мы за то великой гнев на себя приняли. Да прислать две обушки, буде наруже, да взять из оружейной три подобушника, строчены по хозу. Да прислать Книгу Царственную, откуда произыде корень великих государей, спрашивают в хоромы к царю Петру Алексеевичу. Ивашко Чаплыгин челом бью. Песку прислать. А подводы взять конюшенные, а буде нет взять ямские... 191 г. сент. 23.

54. Дмитрий Самсонович! Приказал думной дворянин Михаила Петрович прислать

завесы, о которых писано вчерашнего числа. Да из аптеки водки от головной боли... масла миндального сладкого Е..... белого безую с инроговою..... по наряду. Да ковчежиц, которой тебе отд... бархатом, а на верху того ковчежца крест. Да возми из государевы мастерской палаты бархату красного 5 вершков и в том бархате вели сделать *рукав* длина 5 вершков, ширина, как пристойно, испод подложить пупчатой, опушь хвостами собольми два хвоста, каковы есть в мастерской, а сделав, пришли в поход. В судном приказе о денгах вели говорить, и что скажут, отпиши. Государыни царицы в малой новой комнате прикажи ползатвердить, чтобы нескрыпел и доскиб были тверды. Послан с сим писмом портной мастер Макар Алексеев, и его прикажи оставить на Москвы, а вместо его прикажи быть в походе иному кому из портных же. Писавый Тараска Невежин челом бьет. Писано апреля 29 числа. 194 г. апреля 29 подал в 5 часу дни.

55. Гаврило Федорович! Боярин князь Борис Иванович Прозоровский велел к тебе отписать, чтоб ты сказал Савина монастыря стряпчему, чтоб их Савина монастыря власти

к великим государем для челобитья к празднику к Москве не ездили; а скажи им, что великим государем пришествие к празднику к Саве Чудотворцу будет, а поход с Москвы ноября с 27 числа, а прежде пойдут в Воскресенской монастырь; и ты изволь сказать стряпчим, чтоб оне то ведали. Васка Тарбеев челом бьет. Да прислать двои чюлки холодные, буде нет — сделать тотчас. — Подсов к штанам шолковых или тафтяных. Да высечь чеботника Кондрашку батоги, за то, отпустил он башмаки, не отделав, и за то Кирьяку Ивановичу был от великого государя гнев. Простыни пришли тотчас. Ивашко Чаплыгин челом бью. *Надпись:* великих государей в мастерскую палату.

56. Дмитрий Самсонович! Пришли в поход государыни царицы пуховик которой остался в малой комнате. Да бумаги хлопчатой Фунт, Доски шахматные, которые остались в хоромах, а будет в хоромах не отыщешь, из мастерские. — Да послан ключик немецкой и ты с тем ключиком сходи к хоромам и перед старою комнатою. из поставца вынь лепешки, попугая чем кормят, и пришли в поход. При-

каз о том о всем боярыни Парасковьи Алексеевны. Писавый Тараска Невежпн челом бьет. Послан с сим писмом чеботник Данило Трофимов. *На обороте*: 194 г. апреля в 30 день подал чеботник Данило Трофишов.

57. Дмитрий Самсонович государь! Приказал думный дворянин Михаило Петрович прислать с Москвы отласу коричнеого аршин да по поле хребтов и черев белых, бумага пищие десть, мыла грецкого бруска два или три. Да приказал думной же дворянин Михаило Петрович, чтоб вам однолично безо всякой меледы радеть в серебряной полате о кадилках и о передачах. И в оружейной палате о сундуках и об ножичках, и в приказе большие казны об денгах и в судном московском приказе и о всяких делах радетельно ходить и про все в поход о сем отписать имянно, за чем чево не отпустят или не сделано. Писавый Ивашко Самороцкой челом бьет. И для того послан нарочно чеботник Дмитрий Щепетной. 194 г. мая 4, подал в 5 часу дни.

**Записки товарного расхода, изделия
и др**

92. 127 г. марта 27 по приказу государыни и великой старицы иноки Марфы Ивановны дано дурке Манке *летник* в сорочках от сукон, сорочек пошло писанных шесть, цена по 3 алт. по 2 д. сорочка, да на подкладку пошло три сорочки цена по 10 д. сорочка, да на опушку пошло медведенко цена 20 алт. — 128 г. мая 3 послано в шатерной приказ на государев *солночник* в поход к Николе Чюдотворцу на Угрешю 14 арш. сукна шарлату червчатого да на подкладку 5 киндяков цветных; да государыми и великой старице иноке Марфе Ивановне на *солночник* 15. арш. сукна аглинского гвоздичного, на подкладку 5 киндяков; взял шатерничей Юрьи Мартюхин. — 135 г. июня 9 государева жалованья дурке Манке опашень в сукне в летчине в червчатой да в жолтой, сукна пошло 10 арш. по 8 алт. по 2 д. арш., под переды пошло на подпушку 2 арш. крашенины лазоревой по 7 д. арш., на петли на нашивку пошло 11 арш. кружива мишурного широкого по 2 алт. арш.; принято 15 пугвиц оловяных, цена 6 алт. 4 д.; да ожерелье накладное медведок молодой цена 5 алт., пришито три пугвицы оловяных больших, 4

д.; а приказал государевым словом дьяк Сурьянин Тороканов дьяку Гаврилу Облезову. — 137 г. апр. 4 государева жалованья, Вознесенского девичья монастыря старице Марфе уродивой ряска камка немецкая, таусинна, пошло пол-9 ар., на подкладку пол-9 ар. киндяку зеленого, под нашивку на постилку 1 1/2 ар. крашенины лазоревой, нашита нашивка тафтяная торочковая таусинна 32 гнезда, около ряски на обшивку пошло пояска шолк гвоздичен 10 арш., 5 ал.; а приказал государь дьяку Гаврилу Облезову, отнес ряску в Вознесенской монастырь портной мастер Богдан Яковлев. — 138 г. генв. 28 государыня царица указала, а велела сделать для своих государских нарядов 250 *пелпелов* серебряных золочены с чашками и с трубками; а каковы пелпелы и чашки и трубки делать и тому послан образец; велети сделати тотчас и прислати государыни царицы в Постельный Приказ к Фед. Ст. Стрешневу да к дьяку Сурьянину Тороканову. — Марта 20 великой государыни иноки Марфы Ивановны скроена *ряска* в камке в куфтеру в черном; пошло 9 арш.; на подкладку и на корманцы аршин пол-4 вер. таф-

ты виницейки багровой; около ряски обшито 12 арш. поясков шолк чорн; да на ряску нашито месты 36 гнезд нашивки торочечной тафта чорнаяж; да на шитье 3 зол. шолку чорново. — 138 г. июня 9 скроено в Турскую посылку на кречет под низанье вотолка да нагрудник да нагавки да нахвостник да к рукавке запясье в отласе в червчатом, пошло 1 1/2 арш. с вершком; да на коблучок 2 вер. бархату червчатого.

93. 141 г. сент. 28 по имянному приказу государыни царицы старице Марфе уродивой сделана *шуба* в крашенине лазоревой пошло 10 арш., на опушку 9 арш. пуху, нашито три нашивки хамьянные, в подкройку под переды полмеха заячинного хребтового, а зад и рукава старые, — всего шубе цена рубль 15 ал. — Двум *сенным девицам* сделаны две *телогреи* в зендени лазоревой пошло 19 арш. без чети, в подкройку полтора меха заечьих черевьих, на настилки ветошек на 2 алт., на опушки пуху 16 арш., пришито две нашивки шелк лазорев на ремешках, всего телогреям цена 3 р. 5 ал. 1 1/2 д.; а приказал царицыным словом дьяк Сурьянин Тороканов дьяку Гав-

рилу Облезову. — 141 г. окт. 31 государева жалованья княжне Ирине Ивановне Мстиславской зделан *сарафан* в тафте виницейке гвоздичной; пошло 5 ар., по 1 р. арш.; в подкройку пошли цки черева бельи с рукавы 2 р., да в прибавку пошло 30 черев белых по 2 д.; на опушку 8 арш. пуху 1 р.; пришито четыре пуговики шелк гвоздичен на ремешках 4 д.; всего 8 р. 10 ал. 4 д. — А приказал государевым словом стольник Василий Иванович Стрешнев дьяку Гаврилу Облезову; а тот сарафан отнес дьяк Гаврило Облезов в Верх; принял стольник Василий Иванович Стрешнев. — 141 г. генв. 31 государева жалованья *сенным девицам* зделаны две *шубки* зендень лазорева пошло 15 арш., в подкройку мех заечей червей, на опушку треть ярца, пришиты две нашивки втычные шелк лазорев, всего шубкам цена 2 р. 10 д.; а приказал государевым словом дьяк Сурьянин Тороканов дьяку Гаврилу Облезову, взял шубки царцыны мастерские полаты портной мастер Яков Трофимов.

94. 141 г. июня 16 по имянному приказу государыни царицы ее государынина жалованья карлихе зделана шубка накладная в сук-

не аглинском черленом, пошло и с моченьм 4 арш., на подпушку полтора аршина киндяку лазоревого, всего шубке цена 4 р. 7 ал. 3 д. *Сенной девке* зделан летник в киндяке желтом, пошло 6 арш., на накапки пошло бархатели с поталью аршин 5 вер., на подкладку 9 арш. холста, на опушку пуху пол-9 арш., пришиты пуговики шелк жолт; всего летнику цена 2 р. 13 ал. 5 д. Старице Марфе уродивой сарафан зделан в камке адамашке черной мелкотравной, пошло 8 ар. 5 вер., на подкладку 9 арш. крашенины лазоревой, нашито три гнезда нашивки тафтаною; всего сарафану цена 7 р. 8 д.; другой сарафан крашенинной лазорев, пошло 8 ар. по 8 д.; на подоплеку пошло аршин с четью холста, по 6 д.: пришиты пугвицы втычные шелковые 4 д.; всего сарафану цена 11 ал. 2 д. А приказал царицыным словом дьяк Сурьянин Тороканов дьяку Гаврилу Облезову. — 141 г. августа 19 государыни царицы по имянному приказу скроен старице княжне Ирине Мстиславской *сарафан* в объярех в таусинных, к сарафану на подкладку 2 зендени кирпичной цвет да в плетенках 7 зол. шолку гвоздичного.

95. 143 г. мая 31 государева жалованья потешнику Науму Слепому зделано платья: однорядка сукно аглинское зелено, на подпушку 1 ар. без чети киндяку лазоревого, на строку пошло золотник шолку багрового, нашиты петли хамьяные, пришито 12 пугвиц серебряных белых, на отлошки лоскут отласу золотного; всего однорядке цена 3 р. 1 алт. 4 1/2 д.; *фрезы* киндяк лимонной, на подпушку зендени черленой 1 ар. без чети, на подкладку пол-5 аршина крашенины лазоревой, на настилку бумаги хлопчатой полфунта, нашивка шолк черлен с мишурою, всего *фрезям* цена рубль 3 алт. 3 д.; *кафтан* дороги гилянские черлены, на подпушку 9 вер. киндяку лимонново, на ожерелье вершок отласу золотного по черленой земле, на подкладку пол-4 ар. крашенины лазоревой, на простилку полфунта бумаги хлопчатой, нашита нашивка на снурке шолк рудожолт, всего кафтану цена рубль 28 алт. пол-6 д.; сапоги сафьянные жолты, 15 ал.; шапка сукно черлено с пухом, 26 ал. 4 д.; а пожаловал государь ево в приказ, приказал государевым словом боярин Бор. Ив. Морозов. — 143 г. июля 11 государева жалованья

потешником слепым Якунке да Лукашку по
однорядке сукно настрафиль, одинцовые, та-
тарские, с круживы и с завязки по 3 р. по 11
алт. однорядка; по кафтану крашенинному по
23 алт. 2 д. кафтан; взял однорядки комнат-
ной сторож Тимоха Омельянов, а кафтаны по-
тешной сторож Перша Гурьев; а присылал
его государевым словом бояр. Бор. Ив. Моро-
зов. — 144 г. окт. 22 государева жалованья Янке
слепому шапка сукно вишнево с пухом, 26 ал.
4 д.; сапоги сафьянные желты 16 ал. 2 д.; штан-
ны сукно аглинское зелено 21 ал. 4 д.; кафтан
крашенинной холодной, ожерелье бархатель
с мишурою 30 ал.; а приказал государевым
словом стряпчей с ключем Ив. Мих. Онич-
ков. — 144 г. марта 31 в хоромы сделано шути-
хе жонке Манке слепой сарафан крашенин-
ной лазорев, крашенины пошло пол-9 ар. по 9
д. арш., на подкладку пошло пол-8 ар. холста
по 4 д. арш., пришита пугвица нитная, денга;
ей же сукня сукно настрафиль черлено, сукна
пошло 3 1/4 арш. по 20 алт. арш., на подоплеку
2 арш. крашенины лазоревой; на опушку око-
ло ворота 7 верш. киндяку зеленого 1 1/2 ал.
нашита нашивка шолк зелен, пугвицы оловя-

ные 9 алт.; всего сукне цена 2 р. 12 алт. с деньгою; а приказывал царицыным словом дьяк Сурьянин Тороканов.

96. 145 г. Окт. 31 по имянному приказу государыни царицы *уродивому Елисею* сермяга сукно муравское белое, пошло с моченьем 7 арш. 7 вер., на подкладку 9 арш. крашенины лазоревой, пришита нашивка втычная шелк бел, на петли пошло 10 1/2 арш. снурка шелк бел; всего сермяге цена 2 р. 29 ал. пол-5 д., а приказал царицыным словом дьяк Сурьянин Тороканов, взял игольник Карп Кирилов. — 148 г. дек. 30 по приказу стольника Ивана Федоровича Стрешнева Меншова велено сделать на Казенном дворе две тафьи суконные настрафилные одну червчету, а другую желтую; и те тафьи принял к царице в хоромы он же Иван Федорович, а сказал, что те тафьи государыня пожаловала девкам дуркам Орютке да татарке Дунке. — 168 г. июня 28 государева жалованья *богомольцу Исаю* зделан *чюфай* из дорогов кармазиновых; пошли целые дороги, в прибавку 2 арш., на подпушку аршин дорогов зеленых гилянских, на подкладку 10 арш. крашенины, пришито 25 пугвиц серебряных.

Ему ж зделан *чюфай* киндяшной, в кроенье пошло киндяк узкой, на подкладку 8 1/2 арш. холста; емуж зделана шапка вершок вишневы соболь полтора рубли, на подбор пупок соболей, на тулью 8 хребтов белых; рубашка да порты тонкие 40 ал., сапоги да башмаки сафьянные 1 1/2 р.; а приказал о том Фед. Ал. Полтев дьяку Данилу Панкратьеву; и то платье взял потешных хором сторож Сава Максимов. — 169 г. окт. 10, в потешную полату сделано *попугаю* на постилку из киндяка красного длина 3/4, ширина пол-аришна; полфунта бумаги хлопчатой; взял постилку потешной палаты сторож Сава Максимов.

97. 175 г. фев. 9, государь указал сделать в оружейной палате царице Марье Ильичне *колымагу деревянну* резную против образца бумажного и росписать по золоту цветными красками; вместо сукна покрыть бархатом и подложить желтою тафтою, а в колымаге вместо кожи золотной подбить отласом червчатым с голунами, а шлеи обшить бархатом и положить круживо кованое серебряное. — Марта 21 столповой прикащик Лукьян Оболдуев сказал: в новую колымагу надобно: 4

креста с мощми в серебре или в золоте, а на чем ставить и укрепить надобно 20 крючков серебряных. Миндерь бархатной, а на миндерь изголовейцо местное да опричь зголовейца надобно назади подушка поперег во всю колымагу, да по обе стороны по подушке, золотные. В дверях 2 запоны во всю колымагу или какие укажут; у запон 24 колечка сереб. на снурке жолтом; рундук обить бархатом червчатым, да 4 стульцы для боярынь малые выносные обить бархатом червч. и наслать стульцы бумагою хлопчатою. Да на постилку ковер золотной большой, а под тот ковер послать тюшачек или полсть и покрыть красным сукном. Да лесницу сукном червч. багрецом обить. На другом месте, где садятся боярыни, зделать сундук поперег во всю колымагу и обить. А по описке у колымаги стан дубовой с колесы выкрашен краскою и окованы железом. На сохах и на крюку положены каймы дерев. резн. золоч. Две подпоры и оттужины железные витые с репьями по золоту росписаны краски. На стану 8 коробок железных золоченых. У колымаги на задней доске вырезана с живства птица да 6 маковиц дерев. зо-

лоч. У ящика на задней доске вырез. орел в клейме с коруною, около орла 4 птицы и виноградные ветви золоч. и сереб. и росписаны красками. На передней доске вырезан кунган и из него виноградные ветви, а на ветвях 4 птицы розные. На задней кайме два льва с живства, на дву углах вырезано по главе львовой. Внутри повсюду писаны всякие птицы и травы розными цветными краски. Лестница деревянная золочена росписана краски. — Марта 16 записано: сделаны царице Марье Ильичне две колымаги деревянные золоченые, одна резная, другая гладкая, и по золоту росписываны розными цветными красками; а вместо сукна одна покрыта бархатом червчатым, а другая сукном багрецом алым и подложены жолтою тэфтою; а в колымагах вместо кожи золотной подбито атласом червчатым с серебряным голуном, а шлеи у одной колымаги обшиты все бархатом червчатым и на них положены кружива серебряные кованые. А писали те колымаги по золоту и по серебру розными цветными краски жалованные и кормовые иконописцы. (Из жалованных работою заведывали Фед. Евтифеев и

Иван Леонтьев).

98. 183 г. Окт. 17 скроены к государыне царице Наталии Кириловне в хоромы *потешные рукавицы* сукно скорлат червчат, испод черева лисьи, опушены соболем; в кроенье вышло сукна $1/4$ арш., испода 5 черев, на опушку пара соболей. Приняла боярыня Матрена Блохина, а сказала пожаловала де г. царица боярыне Дарье Мясной для походу. — 183 г. окт. 25 скроен к царице Наталии Кириловне в хоромы треух маленькой тафта червчата, испод хребты бельи, опушен пухом бобровым, приняла боярыня Матрена Блфхина, а сказала пожаловала де государыня царица царевны Марфы Алексеевны *девочке безногой*. — 183 г. окт. 25 скроены госуд. царице Наталии Кириловне в хоромы *рукавицы потешные* сукно червчат багрец, испод черева лисьи, опушены обочина бобровая; в кроенье вышло сукна 3 вер., на испод 4 черева.

99. 184 г. марта 22 в собор Рожества Пресвятыя Богородицы, что на сенях государыни царицы, к месту на починку верхнего столпца кованого золоченого, серебра 4 зот., да в горшчатом гвоздье $2 \frac{1}{2}$ золотн. — 184 г. авгу-

ста 14 боярин и дворецкой и оружейничей Богдан Матвеевич Хитрово выдал из хором великие государыни царевны Ирины Михайловны шесть сулеек хрустальных во влагалище, оболочено бархатом алым; а приказал к тем сулейкам зделать оправки серебряные сканные, а к затычкам цепочки и гвоздики серебряныеж. И тогож числа к тем ко шти сулейкам на оправки и на цепочки и на гвоздики мастеру Осипу Астраханцу серебра 37 зол.; принято у него в деле 33 1/3 зол., науделок золотник с четью. К тем сулейкам оправки прикреплены и к великой государыне царевне Ирине Мих. в хоромы отнес аптекарские платы дохтур Степан Фан-Гадонов.

100. 185 г. июля 9 в церковь Екатерины Христовы Муч. в чюлан, где ставитца государыня царица Наталия Кириловна, к двери на завес тафты желтой аршин с четью. — 187 г. ноября 30 боярину Ивану Богдановичю Милославскому за товары, которые у него взяты в прошлом во 186 г. в розных числах: за вошвы шитые по червчатому бархату золотом и серебром травы оксамичены 40 р.; за вошвы по красному бархату да за трои по черному бар-

хату шиты золотом и серебром высоким швом с звездки по 30 р. за вошвы; да за вошвы земля зашивная золотом и серебром с розными цветы 25 р.; за вошвы по черному бархату шиты гладью золотом и серебром 18 р.; да за патрахель, да за два уляря, шитые по червчатому бархату золотом и серебром высоким швом 47 р.; всего 250 р. — 187 г. августа 24, по указу великого государя боярина Ивана Богдановича Милославского жене его боярыне Дарье Прохоровне за ширинки тафтяные шитые золотом и серебром, накищены золотом же, которые у ней взяты в его государевы хоромы, за пять ширинок по осми рублев, за двадцать за девять ширинок по пяти рублев, за десять ширинок по три рубли, за шестнадцать по два рубли, — всего за шестьдесят ширинок двести сорок семь рублев. — 189 г. генв. 6 царицы Агафьи Симеон. шубку, распашная, бархат червчат гладкой с аламами серебряными золочеными чеканными, выдала из хором боярыня кн. Агафья Горчакова, а сказала: жемчюг которой около тех аламов был обнизан весь снят и пугвнцы отняты в хоромех у г. царицы и от ожерелья нижней

алам отнят в хоромех же. И марта в 3 д. с сей шубки аламы все щетом сорок шесть мест, весу в них двенадцать фунтов 83 золотника, сняты и отданы в серебряную полату.

101. 189 г. июля 14 в 14 часу дни в последней чети по изволению Великого Бога великая государыня царица и в. к. Агафия Симионовна преселися в вечные обители. (Подлинно о всем писано в чиновной книге). А по представлении ее в. г. царицы подано в хоромы: на саван камки белова куфтеру 13 арш., на венец отласу белово 2 верш., да на шитье золота шестерного цевка. На подушку и на онучки камки белой травной под-4 арш.; на калиги бархату червчатого 6 верш., делали чеботники. На кровлю гроба, чем покрыто было в хоромех, сшито в два полотнища не розрезав объярь золотная по червчатой земле 10 арш.; взята из государевы мастерские полаты. Тогож дни на верхнюю гробовую доску на покров, под чем несли в Вознесенской монастырь, сшито в два полотнища не розрезав алтабас по серебряной земле травы золоты 11 арш. с четью, по 7 руб. арш. — На сани покров сшить в два полотнища не розрезав аксамит

по золотной земле травы золоты и травки серебряны, за обеими истки, 12 арш.; выдан был из хором г. царицы августа в 31 д. 180 году (цифра 9 замарана, смазана пальцом) снес думной дворянин Никита Ив. Акинфов. Тогож дни скроен на гробницу в Вознесенской монастырь покров бархат червчат, в кроенье вышло 7 арш.; на крест и кругом покрова по краям кружива золотного ковоново широко мерою 18 арш., весом 98 зол. На подкладку тафты желтой 4 арш. 2 вер.

102. 192 г. генв. 9, как изволил в. г. царь и в. к. Иоанн Алексеевич венчатися законным браком с благочестивою государынею царицею и в. к. Прасковьею Федоровною в соборной апостолской церкви Успения Пресвятыя Богородицы и в церкви по полу было послано от царских дверей до западных в два ряда сукнами алыми полукармазиновыми, вышло две половинки мерою по 30 по 7 ар. в половинке, да в прибавку 10 ар. аглинского червчатого. И те сукна пожаловал великий государь болшого Успенского собору ключарей; приказал записать боярин князь Петр Иванович Прозоровской.

103. 192 г. марта 21 в хоромы к царевне Екатерине Алексеевне стольник Михаила Васильев сын Сабакин приказал сделать шесть *шапочников* круглых, в них болваны точеные и оклеить с лица сафьяны желтыми, внутри дорогами красными; и сделав их окрепить оправою луженою железною, против прежних. — Апр. 10 к великому государю в хоромы на качель, 12 саж. покромей да на обшивку 4 ар. 5 вер. бархату червчатого московского дела. — Апр. 10, шатерным мастером 6 человеком поденного корму 11 алт. 4 д.; делали великих государей в мастерской полате качель, обшивали бархатом червчатым, да починивали другую качель бархатную желтую.

194 г. апр. 10 за воровину за 35 сажень 16 алт. 4 д., за нити 3 алт. 2 д.; воровина в хоромы на *качели*, нити на обшивку *качели* сукном и на шитье половых сукон. — Апр. 15 шатерные полаты портным мастером поденного корму на 3 дни да 2 чел. на 2 дни по 10 д. человеку; за дело к царице Прасковье Феодоровне в хоромы трех качелей да миндеря; да на шитье тех качелей за шелк и за нитки 6 алт. 4 д. — Ноября 15 Думн. дворянин Михаило Ти-

мофеевичь Лихачев приказал в *попугайные* две клетки, которые велено сделать в хоромы к царевне Екатерине Алекс. сентября 4 числа, (сделать) водопойки жестяные с перегородкою.

195 г. сент. 13, в хоромы царицы Прасковии Федоровны две веревки посконных мерою по 10 сажен обшиты сукном, а в кроенье пошло 4 ар. сукна анбурского червчатого.

104. 196 г. окт. 8 по указу великих государей велено зделать в казенном приказе в хоромы царевны Екатерины Алексеевны *богомощам*, которые живут у ней великой государыне в верхней комнате, девице Катерине рясу теплую киндячную, *одеяло* крашенинное; девице Анне Григорьевой рясу киндячную холодную, другую теплую киндячную; старухе Алене Микитиной телогрею китайчестую теплую; девице Прасковье телогрею крашенинную, два одеяла киндячные теплые; девице Дарье две рясы, теплая да холодная, киндячные; девице Наталье рясу теплую киндячную, другую крашенинную роспошивную, подушку покрыть киндяком; девице Анне Денисовой телогрею киндячную теплую; девице

Фекле слепой две телогреи, теплая да холодная, киндячные, а верхи кроены и исподы зачячинные и на подушку перье в исподней наволоке выдано из хором, а достальной приклад положить из казенного приказу.

105. 196 г. Авг. 16 к царице Наталии Кириловны в хоромы из Мастерские полаты серебра 4 фунта ефимков приняла боярыня Парасковья Алексеевна Нарышкина, а сказала: в том де серебре сделано в приданые девкам Акулине да Аграфене Соймановым, да Аграфене Левонтьевой трои доски зеркальных, три тазика, три белильницы, три румяницы, три суремницы.

106. 200 г. июля 6 велено сделать в комнату к царевне Анне Михайловне веко медное, где ставить ковш передаточной, длиною в веко аршин, шириною 10 вершков, вышиною в четверть аршина, по сторонам скобы, в нем и снаружья вылудить; да ковш передаточной медной новой по образцу, две кружки по образцу ж чистого олова. Июня 28 велено купить в село Коломенское для подаванья в хоромы из Коломенских садов ягод смородины и малины на дело ставиков с кровлями 20 ли-

пин облых. — 201 г. декабря 12 велено подрядить сделать в хоромы царице Наталии Кириловне медной посуды: лохань 2 арш. без чети, две лохани 1 1/2 арш., три лахани одна в аршин с четью, две по аршину; кунган в три ведра, кунган в полтора ведра, два кунгана по 6 кружек, 24 таза, мерою 2 большие один в поларшина, другой 9 вер., а достальныые таз в таз. — 201 г. февраля 14 велено купить к царице Наталии Кириловне в портомойную полату две бадьи с скобами железными лужеными и с обручами; два заслона железных, два ношника медных, 5 сквород железных, чем меденики покрывать. — Марта 15 велено переменить в хоромы к царице Наталии Кириловне лохань медную старую... горшок медной с крышкою, другой горшок медной с крышкою, горшок вылудить, к горшку сделать крышку и вылудить, к горшку сделать ручки по образцу, две сковороды вылудить на оба лица, солонку оловяную починить, лахань медную вычинить и вылудить, ендову переменить на новую, кувшин медной с крышкою переменить... кунган вылудить и крышка приделать, сковороду вылудить. Да к

царевне Марии Алексеевне в хоромы три воронка променить на новые доброго олова аглинского, кружку променить, а выменить таковаж олова, и на тех воронках и на кружке вырезать титла; сковороду, ковшик медной — вылудить; да купить вновь горшечек медной луженой с кровлею и с ушками в полторы кружки, ставчик олова аглинского в кружку; таз медной луженой, мерою во дне в поларшина. — 202 г. генв. 15 велено переменять в хоромы царевны Мария Алексеевны старой оловеник на новой, а выменить новой без носка немецкого дела аглинского олова; ставчик оловяной аглинскогож олова; миску старую на новую, а выменить по мере с кровлею, а у миски и у кровли былиб ножки, ширина миски в 6 вершков: старой кунган вычинить за ново; старой таз переменить, вместо таза яндову, мерою против таза с подъемнымн скобками; старая яндова переменить на таз; старой кувшин вычинить заново. Да вновь купить две лохани медные круглые, шириною по три четверти, глубиною по 2 вершка, в них вылужено; горшечик медный луженой с руковяткою и с кровлею в две

кружки, а крышка былабы с поддоном вылужена на оба лица. — 202 г. генваря 24 велено сделать в хоромы к царевне Екатерине Алексеевне жаровню железную длиною в аршин с четвертью, шириною в $3/4$ аршина, в глубину в четверть аршина толстую: да таган длиною в аршин с 2 вер., шириною в 10 вер., вышиною в три чети аршина; да два прута железных, на чем рыбу жарить, да два мешечка дутных.

107. Государыня царица и в. к. Наталия Кириловна пожаловала дьяка Ивана Взимкова жене его на помин мужа ее: с сытного дворца — 5 ведр вина, 5 ведр меду, 10 ведр пива, четверть солоду ячного, четверть солоду ржаного. С кормового дворца — везиги, икры, рыбы белужины и осетрины звена по 3 и по 4; соленой по 2 звена, свежей. С хлебного дворца четверть муки пшеничной, четверть круп грешневых, муки ржаной десять четьи. Приказала княгиня Ульяна Ивановна Голицына.

Белая казна

108. Книги государеве Кадашевской слободе дворовые и деловые целых дел и

полудел и четверти дел, кто на чом живет и какое Государево (дело) кто делает, 139 года.

(Следует перепись дворов, а затем общий счет:)

И всех дворов: В Перепелкине улице: 3 двора на целых делех; 2 двора без четверти на делех; 17 дворов на полуделех; 12 дворов на четвертях; четверть земли в пусте. — В Воскреевском переулке: 2 двора на целых д.; 19 дв. на полудлех; 9 дв. на четвертях; целое дело в пусте лежит земли. — В Алымове улице: 2 д. на целых д.: 18 дв. на полуделех; 15 дв. на четвертях; целое дело земли лежит в пусте. — В Воскресенской улице: 14 дв. на полуделех, 19 дв. на четвертях. — В Хохлове улице: 2 дв. на полуторе деле: 3 дв. на целых д.; 2 дв. без четверти на делех; 26 дв. на полуделех; 10 дв. на четвертях. — В Мухине улице: 2 дв. на целых д.; двор без четверти на деле; 18 дв. на полуделех, 20 двор. на четвертях; два дела без четверти пустых мест. — В Приказной улице: 3 дв. на целых д.: 22 двора на полуделех; 10 дв. на четвертях; целое дело земли лежит в пусте. — В Козмодемьянской улице: 5 дворов на целых д.; 3 дв. без чети на делех; 35 дв. на по-

луделех; 26 дв. на четвертях: пол-2 дела земли пустых мест. — В Якиманской улице: двор на полуторе деле; 3 дв. на целых делех; 2 дв. без чети на делех; 45 дв. на полуделех; 42 дв. на четвертях: пол-дела впусе.

И обоего: — 3 дв. на полуторе деле; 23 дв. на целых делех: 10 дв. без четверти на делех: 214 дв. на полуделех; 163 дв. на четвертях: Всего 413 дворов. да пустых мест целых 7 дел. А людей во дворах жильцов тоже. А полных государевых всяких хамовных 189 дел с полуделом, всех, что и с пустых дел всякие государевы хамовные дела делают.

109. — 139 года. В Кадашове на государеве Хамовном дворе государевых хамовных дел по государеву указу в заводе: *прялей* убрусных оснований 6 дел с четью дела, а на дело *прядут* по 20 оснований убрусных; а всех оснований *прядут* на год 125 оснований: и из того числа тех же убрусных оснований ходит в государевы утиральнички и в посольские скатерти на год по 29 оснований. А в полочки убрусные ходит на год 96 оснований под шитье и в грузные. *Бралей* утиральничных и убрусных 10 дел с полуделом, а на дело берут по 10 полочек убрусных.

А всех полочек на год берут 93 полочки в шитье да 3 полочки грузных; да 3 утиральничных, а утиральничек браley ставят во бранье за три полочки убрусных. *Швей* утиральничных и убрусных 21 дело, а на дело шьют по 5 полочек; а всех полочек на год шьют 93 полочки да 3 утиральнички; а утиральничек в шитье ставят швей за 4 полочки убрусных. *Браley* посольских скатертей полпята дела, а берут 2 столбца на год; а длина по 10 аршин в столбце. А *швей* у тех же у дву столбцов посольских 9 дел. *Пряley* основных полотен одно дело; а прядут по 2 полотна на год, а в полотно ходит по 10 оснований. Да *пряley* убрусных же оснований чети дела, а прядет на год по 5 оснований: оставляются у браley и у швей в лишке сверх указных дел; и в государево дело те 5 оснований ходят, переменяючись, по государскому указу, с докладу, в полочки и в полотно, как государской указ учинитца.

Двойных полотен *пряley* 20 пол-2 дела, а на дело прядут по 2 полотна; а всех двойных полотен прядут на год 43 полотна. Тройных полотен *пряley* 39 дел без трети дела; а на дело прядут по 3 полотна; а всех тройных поло-

тен на год прядут 116 полотен. *Прялей* основку и утку задеичатых скатертей 5 дел без поллучети дела; а на дело прядут по 10 оснований и утков по томуж; а всех оснований скатертиных прядут на год 26, а утков тоже. *Бралей* задеичатых скатертей 13 дел; а на дело берут по 2 столбца; а всех столбцов задеичатых на год берут 26 столбцов. Нитных *прялей* 5 дел; а на дело прядут по 6 полотен; а всех на год прядут по 30 полотен нитей. *Прялей* тверских полотен 22 дела без поллучети дела и с белью; а на дело прядут по 8 полотен тверских: а всех на год прядут 173 полотна тверских; да из тверскиеж пряжи на год ходит по 2 полотна бели, с тех же тверских дел. *Прялей* хлопчатых скатертей пол-4 дела; а на дело прядут по 8 столбцов; а всех на год прядут 28 столбцов хлопчатых. *Хамовных* всех 26 дел, а на дело ткут русские хамовники и иноземцы все ровно, по семи полотен тонких да по семи полотен тверских. А двойное полотно хамовники ставят в деле за пол-2 полотна тройных и потому меж себя в полотнах к хамовным делам и щот держат, кому сколько на год доведетца сделать. А всех полотен на год сделают тонких и твер-

ских все хамовники 334 полотна. А коли бывает государской указ, сделать полотно в тех основках, что оставляются в лишке (см. выше) сверх указных дел, и из тех лишних основок в два годы бывает одно прибылое полотно основное. *Бердниковв* 2 дела; а делают берда всем хамовникам и деловицм бральям и ткальям, меж себя считаючись, на всякие государевы дела. *Ткалей* хлопчатых 1 дело, а ткут 28 столбцов на год. И всех государевых дел в Кадашовской слободе 189 дел с полуделом. Годового жалованья хамовником и русским и иноземцам и бердникам на 27 дел с полуделом по 30 алт. на дело, да деловицам, пряльям и бральям и швеям и ткальям на 162 дела, по 17 алт. на дело. Хамовного двора дьяку 2 руб. И всего 109 р. 12 ал. 2. Хлебного годового жалованья всем ровно по 10 четвертей без полуосмины ржи, по семи четьи без полуосмины овса на дело. Дьяку 16 четвертей ржи, 6 четвертей овса.

110. — Приход белой казны. В первом 7134 году показаны цифры всей наличности, какая находилась в казне и с годовым приходом после дворцового пожара в этом году.

Годы	7134.	135.	136.	137.	138.	139.	140.	141.	142.	143.	144.
Полотен:											
Двойных гладких	433	42	88	102	102	121	79	127	98	130	97
полосатых	57	4	3	21	5	5	4	6	4	5	3
Тройных гладких	748	110	244	251	273	284	171	20	214	261	226
полосатых	74	12	--	11	15	15	7	21	9	12	12
Тверских	635	307	191	285	297	375	180	422	337	337	173
Полотно основное	1	3	--	3	1	2	1	2	--	3	1
Убрусов или полок убрусных	749	104	76	125	125	164	66	215	148	176	141
Полотенце полосатое убрусное	9	--	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Середочник убрусной браной	--	--	--	--	1	--	--	--	--	--	--
Утиральников шитых	23	2	3	3	3	3	3	2	--	17	--
Столбцов скатертиных и скатертей	123	56	78	102	105	145	56	147	92	117	85
посольских	--	--	--	--	--	2	2	--	--	16	2
Скатертей посольских	--	--	--	--	--	--	--	--	--	15	--
деланых	--	--	--	--	--	--	--	--	--	13	--
Скатертка убрусная	--	--	--	--	--	--	--	--	--	1	--
Полотен нитей	8	15	8	12	12	5	7	12	11	13	10 1/2
Мотов нитей	1										
Мотов бели	11	4	--	2	2	--	--	--	--	--	--
Связка бели	1	--	--	--	--	4	--	4	2	--	--
Полотен бели	--	--	--	--	--	--	--	--	--	2	1

111. — *Росход.* 134 г. мая 25, по приказу великия старицы Марфы Ив. в Убогих дома 9 полотен тверских, отнес на Патриархов двор портной мастер Ив. Гудок. Июня 15, дурке Манке на рубашку полотно тверское.

135 г. в Светлицу к боярыне Овдотье Коркодинове для государевых дел на *простыни*, 10 полотен тверских. Дек. 13, на кормовой дворец про государя на *скатерти* 8 столбцов ска-

тертей шитых, взял судовой Олексей Комсян. Дек. 29, на казенной двор 200 полотен двойных, 600 полотен тройных, 500 полок убрусных — продати двойное по 2 р., тройное по 1 1/2 руб., полку убрусную по 1 1/2 рубли. Марта 23, на кормовой дворец *повором* на *нагрудники* полотно тверское. — Туда же про г-в обиход на скатерти 4 столбца скатертей задеятых двойных, 2 столбца скатертей тверских. — Туда же на 2 скатерти царицы Евдокеи столбец двойной; про боярынь на 4 стола скатертей два столбца *гусиные плоти*. Апр. 10, в Светлицу к боярыне Коркодинове для г-ва дела на скатерти три утиральника. Апр. 12, к царице в хоромы ученицам на *ширинки* полотно тройное. Апр. 24, на сытной дворец на полотенца и на *ситки* 3 полотна тверских. Мая 11, в *Убогих дома* 10 полотен тверских, взял крестовой дьяк. Июня 5, на *погребень* кормилицыну мужу 2 полотна тверских. Июля 8, на кормовой дворец для г-вых росхожих скатертей столбец скатертиной гусиная плоть, мерою 11 1/2 арш.

136 г. марта 10, к царице 5 полок убрусных да полка *грузная*. Апр. 2, на кормовой дворец

на государевы скатерти 4 столбца скатертих задеичатых; да перед властей настилать 4 столбца гусиной плоти; да на царицын *обиход* про боярынь 2 столбца гусиной плоти. Мая 17, в Иконный Приказ для иконных починков 5 арш. полотна тверского. Мая 28, в Убогие дома на покровы, на усопшие, 9 полотен тверских; взял патриарш Тиун Тимофей Потапов. Июля 20, к шатерничим в государеву в *ердань на кладезь* 12 полотен тверских.

137 г. сент. 16, на роздаточные полотенца в Сергиев монастырь архимандриту с братьею 33 полотна тройных гладких. Окт. 15 к патриарху Филарету Никитичу на столовые скатерти 3 скатерти деланные задеичатые да 6 столбцов гусиной плоти. Окт. 19. в Светлицу на роздаточные полотенца в монастыри 13 полотен тройных гладких. Нояб. 29, на Кормовой Дворец про государя на зеленой стол на скатерть столбец задеичатой скатертиой; да про бояр на столы 10 столбцов гусиной плоти; взял судовой Иван Елдезин. Дек. 1, царица пожаловала дьяка Сурьякина Тороканова: 2 полотна тройных гладких, от царевны Ирины платно, да от царевны Пелагеи платно; приказ

сказала Ульяна Степановна Собакина. Дек. 12, на Кормовой Дворец царицыным судовым про боярынь на скатерти два столбца гусиной плоти. Дек. 15, в Светлицу про государя и про царицу на простыни 16 полотен тверских, приняла боярыня Коркодинова. Февр. 1, в Светлицу для государевых дел: 4 мота бели, 2 клуба нитей сканых; приняла бояр. Коркодинова. Апр. 19, к царице 100 полотен тверских, а теми полотнами государыня жаловала постельниц своих и царевичевых и царевниных и мастериц золотных и белых и учениц и портомой и карлиц, которые во 137 году на Святой неделе погорели. Мая 19, в Убогие дома на кровлю, на усопшие, 9 полотен тверских; взял патриарш стряпчей. Июня 1, к царице 13 полотен двойных гладких, ко государю на полотенца; приняла боярыня Катернна Бутурлна. Июня 9, на Кормовой Дворец про государя на круглые столы: 4 утиральника, да про бояр в столы на большие скатерти 20 столбцов задеичатых. Июля 31, в Светлицу на простыни иярданские в село в Рубцово 5 полотен тверских; приняла боярыня Коркодинова.

138 г. окт. 14, к патриарху Филарету Никитичу про его обмход: 3 скатерти шитые задеичатые, да на 4 скатерти 6 столбцов скатертих задеичатых, да на расхожие на 6 скатертей 6 столбцов скатертих хлопчатых. Ноября 20, к иноке Марфе Ив. в Вознесенской монастырь про нее на столы на скатерть 2 столбца скатертих задеичатых, да про стариц и про боярынь на столы 6 столбцов хлопчатых. Генв. 7, к царице на простыни в мыленку и в портомойню 33 полотна тверских. Марта 12, в царицыну Мастерскую полату на поставец, где делают царицыно платье, на простыню 2 полотна тверских. — На Сытной дворец на полотенцы и по погребом на ситки 5 пол. тверских. Мая 13, государыни царицы словом приказала боярыня Ульяна Собакина послать в *Убогие дома* 10 полотен тверских сверх 9 полотен, которые отпущены на Патриархов двор.

139 г. дек. 4, в Светлицу, а из Светлицы сделано в государеву в новую мыленку на простыни, 50 полотен тверских; приняла Коркодинова.

140 г. марта 2, царевна Ирина была в цари-

цыне казне, а с нею были окольниковый В. И. Стрешнев да боярыня княгиня Марья Хованская и взяли из казны в хоромы 2 полотна двойных да семь полотен тройных гладких. Мая 15, в Конюшенной Приказ к государевым лошадям и к санником на простыни 111 полотен тверских, а в них мерою 1320 аршин.

141 г. ноябр. 3, в Светлицу для государевых мыленных простынь 30 полотен тверских. Генв. 4, в Шатерной Приказ в ердань на кладезь 11 полотен тверских, 6 полотен тройных гладких.

142 г. ноября 19, к царице в хоромы ноше на Кадашевская белая казна 140 году смотреть и по смотру тое казны у ней г-ни в хоромах вынето: 20 полок убрусных шитых, 2 полки убрусных грузных и т. д. Мая 22, в Убогие дома на усопших на кровлю 14 полотен тверских, отвозил крестовой Ив. Семенов.

143 г. сент. 9, на Кормовой Дворец про государя, про царицу, царевичей и царевен на столовые скатерти: столбцы скатертные задейчатые шитые, столбцы тверские, столбцы хлопчатые. Окт. 23, царевны Ирины и Анны к потешным постелем на наволоки дано по-

лотно тверское. Нояб. 15, по приказу боярина Бориса Иван. Морозова дано ко государю в хоромы на царевичевы *потешныя жгуты* плотно тверское.

145 г. июля 9. на государеву Аргамачью конюшню государева седла лошадям и санникам на простыни, на 170 простынь, 140 полотен тверских.

146 г. сент. 13, к царицыным шапкам на покрывальные полотенца плотно двойное гладкое. Апр. 22, дворовым боярыням на пуховики скроено 10 паволок, пошло 15 полотен тройных гладких. Июля 14, на освящение церкви Ильи, что за Чертольскими вороты, плотно тверское да столбец скатертной хлопчатой.

148 г. апр. 30, царица пожаловала плотно тверское на рубашки боярышням, которые живут в комнате у царевны Ирины.

149 г. сент. 6, плотно тверское царица пожаловала окольничево — Васильеве *Дурке* Ивановича Стрешнева. Окт. 8, царица смотрела своей Брейтовской казны и оставила у себя в хоромех 50 полок убрусных. Апр. 30, к царице в хоромы 3 столбца скатертных тройных —

теми столбцами царевнам жаловать троицкого келаря Александра Булатникова. Авг. 17, боярин Борис Ив. Морозов взял полотно тверское, а сказал, что царевичу Алексею М. *на потеху*. Июля 11, боярин Борис Ив. Морозов взял пять полотен тройных гладких, а сказал, что теми полотнами на праздник Афанасия Афонского царевич Алексей жаловал *мастеров* (учителей) своих Василья Сергеева с товарищи. Авг. 31, к царице в хоромы полка убрусная; приняла боярыня кн. Марья Хованская, а сказала, что теми полками царевич Алексей жаловал мастеров своих Василья Прокофьева с товарищи.

150 г. царица смотрела казну, окт. 19 Брейтовскую, ноября 2 Кадашовскую. Ноябрь. 26, стольник Богдан Хитрой взял ко гдрю на пластыри 4 1/2 арш. полотна двойного. Генвар. 23, послано в Убогих дом для погребения двух мертвых, которые висели по Тверской дороге, 2 полотна тверских. Февр. 22, к царице в хоромы 15 полотен двойных гладких; приняла б. кн. Марья Хованская, а сказала, что те полотна на государские сорочки. Мая 26, к Убогим домам на покрыванье мертвым 14 полотен

тверских.

ЗАПИСКИ КРОЕЛЬНЫХ КНИГ

112. -7135 г. марта 12, скроен государыне Марфе Ивановне *охабень* — отлас багров; длина: по передом аршин 14 верш., а *по заду* аршин и 13 верш. с полувершком. В плечех: аршин и 2 верш. Рукава с полустану аршин 12 верш.; в корени *в ластках* 7 верш. с полувершком. В запястье 2 верш. с полувершком, сыто. — Воротник в корени длина 10 в., ширина пол-2 в. — По подолу 3 ар. 10 в. — отласу пошло 9 ар. с полуаршином. На таченье дано шелку гвоздичного 2 зол., на *плетенек* шелку багрового 6 зол.; под нашивку под переды киндяку... На подкладку тафты виницейки шелк зелен да таусинен 5 ар.; На *подпушку* камки зеленой травной 2 ар.; на нашивку пошло торочков...

135 г. марта 23, скроена государыне Марфе Ивановне *шуба* объярь таусинна, испод черевей лисей черн. — Длина по передом 1 ар. и 13 верш., да в запас 1 вер.; а по заду длина 1 арш. и 12 вер., да в запас пущен вершок; *в плечех* аршин и 2 вер.; *рукава* с полустану аршин и 11 вер.; *в ластках в корени* 7 вер. с полу-

вершком; в запястье 2 вер. с полувершком, сыто.; — воротник в корени длина 10 вер.; ширина 1 1/2 вер.; по подолу 3 ар. и 10 вер. объ-яри пошло 12 ар. с четью. На нашивку торочков... шелку таусинного на шитье 2 золотника.

136 г. апр. 7, скроен государыне Марфе Ивановне *охабень* в камке в травной в черной. Длина 2 ар. без полутретья вер.; ширина в плечех аршин 3 в.; в подоле пол-четверти аршина; рукавам длина аршин с четью; ширина в корени 6 вер.; в запясье полтретья вершка, сыто; камки пошло 9 ар. без вершка. А кроен государыне тот *охабень* против еej государынина старого камчатого травного черного *охабня*, без подкладки. На подпушку вышло тафты широкие двоеличные шелк зелен да таусинен 1 1/2 ар.; на нашивку и на пугвицы торочков 38 ар. с четью; а нашивана нашивка 36 гнезд; длина нашивке 3 вер.; в пугвицу торочков по 5 вер. (в нашивку торочков 27 ар., а в пугвицы 11 ар. с четью).

138 г. мая 6, скроен царевне Ирине Мих. *опашень* отлас золотной по червчатой земле розвода и листье и травы золото да серебро в

цветах шелки разные; подложен тафтою ви-
ницейкою червчатою; подпушен отласом
желтым; ожерелье у опашня отлас по сереб-
ряной земле травы золоты с шелки разными;
подложено отласом червчатым; на *охобенъ*
нашито 5 пуговиц золоты с чернью; да на *опа-*
шень же нашито 10 петель низаны жемчугом;
да на ожерелье круживо низано жемчугом
же. А на тот *охобенъ* пугвицы и петли и кру-
живо положено с прежнего *опашня*.

139 г. Апр. 19, скроена царевне Ирине Мих.
шуба тафта червчата; испод пупчет соболей,
из под прежние же тафтяные червчатые шуб-
ки; длина по переду и по заду аршин с верш-
ком; ширина в плечех 11 вер.: по подолу ар-
шин 12 вер.; рукавам длина от стану 14 вер.,
ширина в корени 3 вер. с полувершком, в за-
пястье 2 вершка без чети.

140 г. декб. 24, скроена царевне Ирине Мих.
телогрея камка двоелична, шелк червчет да
желт, елки в кругах, на пупках на соболях.
Длина аршин с вершком да в запасе вершок;
ширина в плечех 11 вер. да в запасе вершок.
По подолу аршин 14 вер., ворот пол-сема
вершка, рукава от стану 15 вер. да в запасе

вершок; в корени 4 вер., сыто; в запястье 2 вер.; проймы пол-четверта вершка.

141 г. февр. 6, царевне Ирине Мих. скроен *кортель* и тафте в виницейке в белой, тафты пошло 3 арш.; на подольник 5 верш. тафты веницейской червчатой, да на испод подкроено зад черева бельи. Вошвы нашиты с прежнего с царевни летника.

143 г. дек. 14, царице Евдокее Лукьяновне скроена *телогрея* камка кизылбашская по белой земле травы и цветы розных шолков, ал брусничен зелен голуб, промеж трав цветики репы золотые. Длина *шубы* по передом 2 арш.; по заду длина 2 арш... без вершка, ширина в плечех 1 арш. с полувершком, в подоле ширяна 3 арш.; рукавам длина с полустану 2 арш. с вершком, в корени рукавам ширина 6 верш.; в запясье ширина полтретья вершка; проймы на мышках от передов поларшина; ворот 9 верш., проймы длиною 5 верш.; испод горностайной; на пух бобр цена 7 рублен с полтиною. Камка вышла в кроенье вся мерою 7 арш. Скроена противу шубы белой отласной, что на горностаех, круживо положено не новое, взято с Казенново Двора. 15 пугвиц по-

ложены сенчеты продолговаты двоелощеты.

144. декабр. 4. царевне Ирине Мих. скроена *приволака* в тафте. в червчатой; в кроенье пошло тафты 3 ар., да на пух 1 1/2 бобра; да нашиты вошвы по атласу по червчатому низаны жемчугом. — Марта 29, царевне Ирине Мих. скроена *шубка накладная* в бархате в червчатом в гладком; в кроенье пошло бархату 7 ар., да на подкладку 3 ар. 6 вер. тафты желтой; да нашиты *аламы* кованые серебряны золочены, обнизано около аламов жемчугом; да нашито 12 пуговиц золоты островатия с чернью, что сняты с царицыны распашницы.

145 г. дек. 21, скроена государыне царице телогрея отлас цветной по нем *травы куфтерные* шолк червчат да светлозелен. Длина *шубе* по передом 2 арш. с 1/2 верш., в плечех ширина. 1 ар. 2 вер., в подоле 3 ар. без вершка, рукавам длина с полустану 2 арш. без вершка. Проймы от ворота 6 верш., а пронято проем 5 вер. Испод подложен пупки собольи... Кружи-ва серебр. широкого 10 арш., весом 80 1/2 золот. Пуговицы серебр. золоч. с финифты. Июля 6, скроен государыне царице *летник* отлас

червчат, по нем травы золоты. Длина по передом до подольнику 2 ар. без чети, позади длина тож. Ширина арш. с 5 вер. Накапкам длина с полустану 2 ар. без чети; ширина накапкам 13 вер., в корени ширина аршин без вершка, у вошев ширина 13 в., в подоле ширина 3 ар.; в запасе пущено по 2 в.; отласу вышло в кроенье 13 ар. 2 в. Подольник отлас желт; в подольник отласу вышло аршин; подкладка тафта желта, тафты вышло 7 ар. Вошвы по черному бархату низаны жемчугом с камнем. На пух вышло 2 бобра опроче обочия.

152 г. генв. 15, царевне Ирине Мих. скроен *кортель* в отласе рудожелтом в травном; в кроенье пошло 12 ар. с 1 вер.; да подкроен испод горностайноии, исподу пошло 2 меха; и от одного остались рукава; да на пух скроены 2 бобра.

188 г. царице Агафии Симеоновне скроено *шубка* алтабас по сереребринной земле травы золоты велики; подкладка тафта жолта; в длину по передам и с запасом 2 арш. 3 вер., в подоле 5 арш., рукавам длина 2 арш. без 2 вер.; в кроенье вышло алтабас целой, мерою 9 арш. 11 вер., да от другого 2 арш... На подкладку

тафты полсема аршина. Авг. 26. в хоромы к царице скроена телогрея тафта зелена, подпушка тафта червчатая, подкладка киндян лазорев; в длину 2 арш. 1 вер., в плечах 1 арш. без вершка, проймы от 5 верш., ворот в семь верш., в подоле ширина 3 ар. 6 вер.; вышло тафты полшеста арш., червчатой аршин. 17 пугвиц; на петли снурку зеленого полтретья аршина; отдана боярыне Фекле Семеновне. Ноября 3, Анне Семеновне Грушецкой в приданое скроена *шубка* столовая суконная, в длину по передам 2 ар. 3 вер.; позади 2 ар. 2 с, ворот 1 арш. без 3 вер.; в подоле 5 арш.

Светличные знаменные дела

118. — В конце хvi ст. знаменными работами во дворце занимался знаменщик Посник Дмитриев сын Ростовец. В 1584 г. марта 30 он получил в награду сукно английское доброе, за то — знаменовал он на гроб государев царев и в. к. Ивана Васильевича, во иноцех Иону, покров бархат венецицкой черн гладкой, *садили* жемчугом с дробницами. В XVII ст. в царицыной Светлице производились следующие знаменные дела:

1625 г. февр. 6, знаменщик Иван Некрасов

знаменил белилами *покров* на гроб блаженные памяти царицы Марьи Володимеровны, а около того *покрова* подпись; да у риз оплечья. Марта 5, знаменщик Андрюша Моисеев знаменил около *покрова* царевича Дмитрия *тропарь* да *кондак*. Окт. 20, знаменщик Насон знаменил на *покрове* иноки Марфы Ивановны подпись. Дек. 5, знам. Петруша Ремезов знаменил белилами у риз оплечье. Декабр. 28, выдано Ив. Некрасову к знаменным делам на белила 2 денги.

1626 г. февр 6, знаменщик Насон чернилами и белилами знаменил *покров* блаженного Максима. Июня 7, выдано к царицыну делу для знаменья на белила 4 д. Сент. 12, знаменщики Иван Володимеров знаменил белилами *покров* царевича Димитрия Углицкого, а Иван Некрасов да Петр Ремезов знаменили к царицыне *опашнице* *круживо* тоже белилами.

1627 г. февр. 14, знаменщик Петр Ремезов знаменил чернилами к царицыну *одеялу гриву*, а февр. 17, знаменил белилами *застенок* *отлас* *червчат*, который указан *низать жемчугом* к царицыне *постеле*. Марта 21, Иван

Некрасов белилами знаменил к царицыну одеялу *гриву*. Апр. 12, Иван Некрасов суриком знаменил царицыны чоботы. Июня 2, знаменщик Серебряной Палаты Иван Гомулин знаменил покровцы да воздух в собор к Благовещенью Бцы, на сенях. Авг. 31, Иван Некрасов знаменил суриком *пелену* к Спасову Нерукотворенному образу, что у государыни (иноки Марфы Ив.) в Вознесенском девичьем монастыре.

1628 г. авг. 10, иконописец (знаменщик Серебряной Палаты) Иван Паисеин знаменил под шитье *покровцы* да *пелену* к Казанской Пречистой Богородице.

1629 г. окт. 20, Петру Ремезову да Ивану Некрасову выдано на сажу и на киноварь и на иные краски на знаменье к государевым делам 2 ал. 2 д.

1630 г. мая 18, иконник Иив. Паисеин знаменил образ Знамения Богородицы на олександрейской бумаге. Мая 29, Ив. Гомулин знаменил около образа Знамения Бцы на бумаге тропарь да кондак. Июня 19, Ив. Паисеин знаменил образ Знамения Бцы на белой тафте. В тот же день ему выдано на розные краски 3

ал. 2 д., а взяты те краски на розцвет к образу Знамения Бцы, который назнаменован был на олександрейской бумаге.

1631 г. мая 18, Серебренного приказу знаменщику Дружине на белила 2 алт., а теми белилы он Дружина знаменил княгини Татьяны Федоровны к бархотному к червчетому к готовому к покрову на кайму слова.

1632 г. окт. 2, Ив. Гомулин знаменил к покрову умершей царевны Марфы Мих. на кайме слова. Окт. 25, Ив. Гомулин знаменил около пелен на каймах слова. Тоже самое он делал и еще 7 ноября, всего работал 11 дней.

1633 г. авг. 24, Ив. Гомулин знаменил на блюдах царевны Ирины подписные слова, 4 дни. Окт. 8, знаменщик Иван Гомулин четыре дни знаменил великого государя святейшего Филарета Никитича патриарха московского и всеа русии к покрову кайму. Ноябрь 4, Иван Гомулин знаменил (4 дни) в светлице государевы розные дела.

1634 г. мая 30, знаменщик Иван Гомулин четыре дни знаменил в светлице на пеленах да на покровах государево образное дело. Авг. 26, знаменщик Иван Паисейн да Иван Гому-

лин шесть дней знаменили в царицыне полате и в светлице иконное и словесное письмо. Ноября 24, знаменщик Иван Гомулин два дни знаменил на пеленах подписные слова.

1635 г. окт. 30, Ив. Гомулин знаменил (7 дней) в светлице пелены и воздуха и святые да в Мастерской Палате покров Антония Римлянина.

1636 г. марта 12, словописец Ив. Гомулин знаменил 7 дней в царицыне Мастерской Полате каймы около покрова царя Ивана Васильевича да около пелены тропарь Преч. Бцы Казанские. Марта 18, словописец и знаменщик Ив. Гомулин знаменил (3 дня) около хоругви тропарь да летописец, которая хоругвь делана в монастырь Николы чуд., что на Угреше. Июня 21, Ив. Гомулин знаменил ту же хоругвь да покров на царевну Софью. Окт. 27, Ив. Гомулин знаменил крест на покров умершей царевны Софьи Мих. и летописец справливал на хоругве к Николе чудотворцу, что на Угреше, да покров на Еуфросинью Донскую да ко Пречистой Казанской на пелене трепарь (работал 7 дней).

1637 г. генв. 11, иконник Марко знаменил к

Рожеству Богородицы, что у государя на сенех, пелену с деяньем (работал 4 недели со днем). Августа 14, иконник Марк Петров 9 дней знаменовал амфор по отласу и по бумаге да Богоявление Господне по камке и по бумаге. Дек. 6, знаменщик Иван Гомулин 9 дней делал государевы розные дела.

1638 г. февр. 20, иконник Марк Матвеев 9 дней знаменил по бумаге и по камке Богоявление Господне 3 дни, амфор по отласу по таусинному знаменовал 6 дней. Июля 1, Ив. Паисеин да Марк Матвеев с образа Богородицы Казанские на листу писали деянья (6 дней). Июля 6, знам. Иван Гомулин 9 дней знаменил государевы розные дела. Авг. 24, он же 4 дни делал государевы дела.

1639 г. Генв. 14, Ив. Гомулин делал 7 дней государевы дела и еще Марта 2. Мая 31, Марк Матвеев делал 14 дней государевы розные дела. Июля 26, икон. Марк Матвеев да Третьян Гаврилов знаменили (14 дней) образ Б-цы Владимирские, а около образа Дванадесятные праздники, по бумаге знаменовали и красками цвелили и по тафте знаменовали. Ноября 23, Серебряные палаты знаменщик Иван Го-

мулин знаменовал (10 дней) анфор да покров на царицу Настасею Рамановну да на цареви-ча Ивана Михайловича покров ше да на том зке покрове крест. Дек. 10, иконники Марко Матвеев да Сидорко Осипов — знаменили (7 дней) государеву деадиму да на гроб блажен-ные памяти госуд. ц. и в. к. Ивана Васильеви-ча всеа русии покров. Дек. 10, иконники Марк Матвеев да Сидорка Осипов знаменили госу-дареву диадиму да на гроб царя Ивана Васи-льевича покров (7 дней).

1640 г. февр. 24, иконник Марка Матвеев две недели да он же с Сидоркою Осиповым три дни — делали знаменили в соборную апо-стольскую церковь большого собору к настоя-щему образу Преч. Богородицы к Успению пе-лену и на пример с того образа знаменовали на бумагу и красками розцвечивали и с бума-ги на тафте знамовали (sic). Мая 4, знамен-щик Ев. Гомулин 8 дней знаменил государевы разные дела. Июля 3 иконники Баженко Са-вин, Марк Матвеев, знаменовали образ Бого-родицы Владимирской, что велено по госуда-реву указу послать в Астрахань; да власте-линскую полицу по тафте и на бумаге.

1641 г. генв. 13, знаменщ. Ив. Гомулин 8 дней знаменовал всякие государевы разные дела. Генв. 16, иконописец Федька Тимофеев знаменил под шитье около пелены Богородицы Одегитрея каймы (что послана в Астрахия), 6 дней. Июля 10, икон. Марк Васильев знаменил (20 дней) образ Богородицы настоящей, что в Вознесенском монастыре, да образ Зачатия Аким и Анны, да церковные покровцы.

1642 г. апр. 5, Ив. Гомулин знаменил (5 ден) в Алексеевский девичь монастырь воздух да 2 пелены. Мая 30 Ив. Гомулин 3 дни знаменил в светлице государевы дела. Июля 31, икон. Марко знаменил (6 дней) по тафте жолтой, к Рожеству Богородицы, что на сенях, на убрусе деисус, да трех святителей Петра, Алексея, Ионы Москов. Чудотворцов да Феогноста митрополита. Окт. 20, Ив. Гомулин знаменил на убрусце Пречистой Богородице трепарь да Кирилу белозерскому чудотворцу на покров подпись. Нояб. 11, шатерные мастера Ив. Янышев с товарищи три человека делали покров на гроб Кирилы белозерского Чудотворца и слова переводили на новую камку, рабо-

тали с 4 по 19 сентября и получили на корм по два гроши на день человеку, всего 60 алт.

1643 г. Июня 4, Ив. Гомулин на покровцах писал слова, а икон. Марко знаменил воздуши (работ. 6 дней). Нояб. 10, Ив. Гомулин знаменил крест на гроб Цча Ивана Мих., да к стихарю оплечье *под низанье*, что в Верху в собор Пречистые Богородицы; да трепарь, да кондак Александру Сверскому чудотворцу (5 дней),

1644 г. июля 21, Марк Матвеев знаменил по камке на двои сосуды покровы (6 дней). Авг. 4. икон. Марк знаменил покровцы. Окт. 27, Ив. Гомулин знаменил 9 дней воздуши и покровцы и на каймах слова у херугови Успения Богородицы. Нояб. 10, Марк Матвеев с товарищем два дни знаменили воздуши.

1645 г. июня 21, шатерные мастера Ив. Янышов да Васко Орефьев 9 дней починивали старую херуговь и перешивали на тафту из большого собору Успения Богородицы. Июля 7, Оруш. Пал. знаменщик Пван Матвеев знаменил (6 дней) херуговное дерево в соборную церковь Успения Богородицы, для чего ему выдано на масло скипидарное да на левкашенье 3 алт. Июля 7, Оруж. Пал. иконопис-

цы Сидор Поспеев, Иван Соловей, Ив. Муравей, Ив. Борисов, Козма Чертенюк, Кирилл Иванов знаменили образец на плащеницу в монастырь к Спасу, что на Новом. Авг. 19, Серебр. Пал. словописец Ив. Гомулин, писал (8 ден) на херугови новой, в Успенский собор, тропарь да кондак да на пелену Рожества Богородицы, что на сенях, тропарь да кондак, да на покрове царя Михаила Федоровича подпись.

1648 г. дек. 11, Серебр. Пал. знаменщик Симанка Федоров (Ушаков) знаменил на покрове под шитье Спасов Нерукотворенный образ да на покрове ж Николы Чудотв. образ.

1649 г. апр. 6, иконоп. Карпунка Тимофеев знаменил (20 дней) под шитье пелену Рожества Богородицы в девятнадцати местех да воздух да два покровца церковных сосудов да с того воздуха и покровцов знаменил и цветил красками на бумагу. Апр 16, Серебряные палаты словописец Андрюшка Гомулин знаменил 17 дней (по алтыну на день кормовых) под шитье на трех воздухах да на дву покровцах да на плащанице подписи с летописцом, да на трех пеленах Пречистые Богородицы

Одигитрие, да Животворящего креста да Николы Чудотворца тропари да Алексея Чудотворца на покрове тропарь да кондак с летописцом. Апр. 27, Симан Федоров (Ушаков) знаменил (29 дней) под шитье покров Алексея Митрополита Моск. Чуд., да на куколи деисус, да поверх деисуса херувимы, да пелену Рождества Богородицы с действе по камке, под шитьеж, да цветил с тое пелены красками лист да воздух по камке знаменил. Мая 22, Серебр. Палаты знаменщик Симон Федоров 3 дни знаменил покровцы и воздух и Спасов образ на Патриаршеской сак под шитье. Июня 7, иконоп. Мина Якимов знаменил (5 дней) воздух да покровец да на амофор образцы по бумаге и цветил краски; да Рождества Богородицы действо по бумаге во шти местех и цветил краски. Июня 8, Симон Федоров знаменил (3 дни) на амфор по бумаге образцы да Рождества Богородицы действо по бумаге и цветил краски, с иконописцем Миною Яковлевым. Июня 12, иконоп. Карпунька да Поликарпия Тимофеевы да Андрюшка Кирилов знаменили (1 день) по атласу таусинному под шитье на два амфора *кресты страстные*. Июля 1, иконоп.

Поликарпик Тимофеев да Андрюшка Кирилов знаменили (2 дни) по атласу таусинному под шитье амфорные образцы. Июля 8, Серебр. Пал. словописец Андрюшка Гомулин знаменил (9 дней) белилами на дву воздухах да на четырех покровцах тропари и кондаки, под шитье. Авг. 11, Симанка Федоров знаменил (7 дней) под шитье по камке образ преподобного Савы чудотв. Сторошевского с чудесы. Авг. 17, словописец Андрюшка Гомулин знаменил (7 дней) тропарь да кондак да летописец на покрове святого Артемия Веркульского, под шитье. Окт. 4, Петр Ремезов купил фунт белил за 3 ал. 2 д. для знамения всяких государевых дел. Окт. 30 Оруж. Пал. Травщик Ив. Соловей знаменил (2 дни) на дву покровах, Алексея митрополита да Савы чудотворца Сторожевского, на полях травы. Ноябрь. 9, иконоп. Карп Тимофеев подписывал (11 дней) водосвященную чашу да два покровца да воздух да на пелене Пречистые Богородицы тропарь да кондак, под шитье, да знаменил крест и подпись на покров умершего Царевича Димитрия Алексеевича.

1650 г. авг. 30, шатерные мастера Ивашка

да Федька Янышевы 5 дней перешивали две пелены шитые в лицах Рожество Преч. Богородицы да Христовы мученицы Парасковей, нарицаемые Пятницы, на новую камку для того, что на чом шиты и те камки в шитье позамарались. Окт. 30, шатерный мастер Ив. Янышев наклеивал на полотно Савы чудотворца образец с житием, на бумаге писан. Ноября 19, оружейные полаты знаменщик Ивашка Матвеев знаменил (6 дней) под шитье на сак по бархоту червчатому оплечье и зарукавье и круживо, да с того переводил образцы на бумагу. Ноябр. 30, иконник Степ. Резанец знаменил (5 дней) под шитье по камке два покрова Алексия да Ионы митрополитов.

1652 г. мая 12, шатерн. мастера Ив. да Фед. Янышевы знаменили (18 недель, по 10 д. на день, всего 12 р. 20 ал.) на пеленах образ Рожества Богородицы, образ Спасов, да Вмч. Парасковии, нарицаемые Пятницы да хоруговь Архангела Михаила да поручи. Да в те же дни они зделали царицы Марии Ильичны подножье. Дек. 28, Оруж. Пал. знаменщик Ив. Матвеев знаменил (11 дней) оплечья да поручи подъяческие.

1653 г. генв. 26, Ив. Матвеев неделю и 6 дней колол узоры шапочные иошивочные и шириночные, за что получил кормовых по 8 денег на день. Марта 17, Оружейные Полаты знаменщик Ивашка Соловей шесть дней знаменил оплечье да поручи.

В 1659 г. апр. 22, Золотой и Серебряной Палаты знаменщик, известнейший и искуснейший иконописец своего времени, писал между прочим в одной из своих челобитных: знаменит он (чертит, рисует) на сосудех и на дробницах, и к иным делам емлют ко иконописным, и для чертежных дел, и государыни царицы в Мастерскую Палату емлют знаменить пелены и утвари...

Указатель предметов, упомин. в Материалах
Адам 97. 156. 168. Алексир 140. Амфор 36.
А 104. 114. Анис 79. Апостольник 121. Аптека
145. 149, Органы 75. 147, Аршин 123. 139.

Бадья 159. Баран 59. Барсучье сало 130. Барсы 57. Баемы 80. Баус кам. 51. Башмаки 38. 39. 46. 48. 82. 85. 96. 99. 112. 113. 117. 121. 127. 128. 136. 145. 146. 147. 149. Бгань 103. Безуй. 54. 61. 149. Бирки 138. Бисер 122. Благословение 72. 76. Блинки 10. 11. 12. 15. Блюдо 49. 56. 72. Боб-

ровая струйка 130. Богадельни 10. 11. 13. 16. 17. Богомолье 22. 23. 91. 118. 124. 149. Богомольцы 154. 158. Болваны 124. 125. 131. 134. 147. Бортка 34. Боярыни 84. 139. 143. Боярыш-ни 123. 126. Брага 11. 12. 14. Братинки 52. 56. 79. 95. Брусик 53. Булава 57. Булавка 50. 117. 127. Бумага писчая 145. Бумага хлопч. 64. 63. 69. 71. Бумажник 56. 81. 85. 91. 102. 113. 146. Бурса 124. Белилы 39. 117. 119. 127. 131. Бели-ленка 33. 39. 48. 57. 158. Белки 58. Белая казна 160–166. Белое платье 117. Бель 65. 114. 137.

Вареник 131. Вдовская тафта 88. 94. Вере-тенцо 56. Вершок шап., верх. 85. 105. 107. 108. 109. 111. Взносы: 58–62. 64. 67–69. 71–75. 80. 93. 115. 117. Витейка 82. Водка 149. Водопойка 158. Воздух 105. 109. Возок 79. Войлок 118. 121. Во-лосник 35. 47. Водки 57. 58. Воронок 159. Воск 122. Вотолка 39. Вошвы 33. 35. 36. 40. 46. 80. 84. 86. 87. 96, 98. 103. 108. 109. 110. 134. 140. 156. Вы-росток 40. 46. 49. Вено 158. Венец 22. 47. 84. 123. 130. 156. Вески 53. 117. 119.

Гамаюн 65. Гирейская камка. 42. Гнездо 54. Голички 119. Горшок 137. 159. Гранат (пар-пьян) 75. Гребенек 34. 50. 118. 125. 140. 143. Гривна 126. Гроб, гробница 73. 74. 116 157. Губ-

ка 74.

Дары, подарки, пожалованья 12. 16. 59. 60. 71. 76. 77. 80. 81. 82. 83. 84. 88–95. 98. 99. 100. 101. 102. 103. 104. 106. 107. 108. 109. 110, 111. 114. 116. 119. 121. 122. 123. 125. 126. 128. 129. 131. 136. 139. 159. Двор старый 51. 52; цареборисов. 120. Дядима 115. Дневанье 144, Домра 129. Домрачей 121–125. 152. 153. Доска аспид. 54. Достоканы 52. 56. 86. Дробница 41. 50. 54. 65. 74. 83. Дрова 120. Дяхлой 14. Дурак 59. 82. 120. 124. Дурка 59. 91. 92. 115. 119. 121. 122. 126. 127. 128. 129. 130, 150. 154. Духовник 66. 70. 108. Дьяки крест. 59. 61. 71. 75. Девушка, девка 124. 143. 151. 152. 155. Деловица хамовн. 130. Дело хамовн. 160.

Жаровня 53. 159. Жемчуг 20. 21. 33. 50. 74. 130. Жлудики пугов. 45.

Завязки. 47. 63. Завес 50. 81. 88. 102. 119. 124. 129. 137. 149. 156. Зад летн. 113. Задок кики 94. Задники чебот. 103. Замки 119. Записи крестные 3–5. Запона 54. 62. 66. 78. 139. Запон 39. 63. 105. 108. 109. 120. 130. Запястье 50. 91. 92. Зарукавье 50. 82. Застежка 53. Застенок

12. 50. 57. 65. 66. 67. 74. Затворник 13. 14. Зголовье, см. изголовье. Зеркало 36. 37. 39. 46.

48. 50. 53. 54. 55. 57. 107. 116. 117. 135. 158. Зерцала 54, 57. Зилы 44. Знамя 55. Знаменщики 60. 78. 115. 116. 139. 142. 169–174. Знаменить 65. Золото волоч. 35. 38. 575 сусальн. 133. Золотые 19. 48. 53. 76. Зуботычка 53. Зубы рыбы 58, Иготь 52. Игрицы 49. Игрушки 57. Избушка 71. 106. Изголовье 53. 55. 56. 61. 63. 64. 65. 69. 80. 81. 91. 100. 102. 113. 125. 128. 130. Измирно 102. Икона 33. 48. 54. 124. 135. (см. образ.) Инрогова кость 149. Ирха 59. Истки. 82. 83, 92. Истрапез 66. Ичетыги 38. 39. 96. 113. 114.

Кадашово 160–166. Кадилка 150. Казенка 117. Калмычки 91. 100. 104. 129. Камка 46. 59. Канитель 83. 86. 117. 123. Каптана 61. 76–78. Каптур 22. 25. 40. 81. 92. 101. 102. 105. 108. 112. 134. Каракса 116. Карлицы 14, 15. 89. 90. 95. 100. 119–122. 127–130. Карлы 88. 89. 121. 124. 128. 148. Карманец 55. Картулин 103. Кафтан 46. 57. 88. 108. 128. 244. 145. 148. 153. Качель 79. 82. 84. 86. 108. 157. 158. Каша 76. 87. 104. Квас 13. Кика 23. 47. 94. 128. Кисея 35. 46. 64. 125. 136. 138. Кисти 46. 47. 74. Кищенье 93. Клей 117. Клинья 113. в-Клопец 64–66. Клетка 158. Клюква 17. Ключи 121. Кляпуши 46. 54. Книги 35. 39. 51. 58. 65. 75. 102. 116. 141. 145. 148. 149. Кобылки

110. Ковер 51–56. 58. 69. 12. 80. 89. 94. 111. 138.
Ковчег 149. Ковш 104. 109. 158. 159. Кодачики
10. 11. 15. Колодка 53. 56. 61. 78. 112. 122. 123.
Колокольчик 57. 58. Колпак 49. Колыбель 106.
119. 136–138. Колымага 64. 69. 79. 154. Конюш-
ня 61. Коробья 19. 33–35. 37–40. 46–51. 54. 56–58.
78. 84. 116. 117. 119. 120 123.125–127. 130. 134.
Коробочка 34. 53. 54. Коровай 70. Кормилица
130. Кортель 32. 46. 49. 56. 87. 168. 169. Коруна
123.138. Кoryто 119. Косник 84. 88. 105. 113.
114. Коты морские 58. Крайчая 94. 119. Крести-
ны 84. 87. Крестница Авдотья Капитонова 15.
89–91. 101. 106. 124. Крестовые дьячки 89. 109.
117, 118. Крест 49. 51. 53, 54. 61. 64. 76. 77. 117.
Кровать 52. 55. Круг свечи. 54. Круживо 33. 37.
45. 47. 107. 108. 111. 114. 129. 141. Кружка 159.
Крыж 53. Крыльца херугови. 90; летнич. 99.
Кубик 52. Кубок 56. 76. 77. Кувшин 55. 56. 159.
Куклы 84. 86–88. 92. Кунган 52. 55. 104. 118. 158.
159. Куницы 58. Курта 58. Кушак 40. 146.

Лагалище 90. 91. 99. 101. 107. 108. 113. 117.
123. 124. Ладоница 54. Ладон 89. Ламбик 52. Ла-
ревские вошвы 41. 43. Ларец 33. 34. 35. 47. 48.
50. 53. 56. 84–86. 94. 101. 106. 108. 111. 119. 138.
139. Лахань 34. 48. 49. 52. 54. 55. 72. 104. 118.

158. 159. Левкасенъе 119. 120. Леженка 14. Лепестъ 94. 98. Лепешки 150. Лесенки 89. Лист дневальн. 141. Лненик 51. Лошка 49. 53. 57. 85. 94. 95. 109. Лучишко 57. Лысина 53. Лесом низанъе 112. Летник 20–26. 35. 36. 39–43. 48 49. 56. 81. 88. 90–92. 97–99. 101. 103. 105. 113. 115. 134. 138. 150. 152. 168.

Масло минд. 149. Мастеричы 18. 63. 64–78. 79. 88–90. 96. 116. 129. 139. 142. Иастер сереб. 66. 115–117. 120. Мед 10. 14. 15. Медведно 59. 150. 151. Милостыня 9–17. 22–24. 125. 126. 128. Миндерь 52. 56. 63. 158. Миса 52. 159. Миткаль 35. 40. 60. 82. Молебен 10–17. 22–24. 120. 126. 128. Молоко минд. 140. Монисто 55. Морковь 11. Моркос 49. 58. Мошна 47. Муся 34. 52. Мутовись 89. Мыленка 70. 93. Мыло 23. 34. 35. 57. 68. 74. 94. 102. 118. 125. 130. 134. 135. 141. 147. 148. 150. Меденик 159. Мел 117. 134. Мера Гроба Г-ня 102. Место 55. 58. 70. 94. 98. 106. 112 155. Мех дутей 159. Мешечик 48.

Наволока 22. 34. 38. 40. 47. 49. 50. 56. 58. 65. 91. 100. 102 103 135. Нагалище 107. Накапки 113. Наколенки 52. Наконечники 73, Налатник 58. Налоец 51. Наметка 121. Наручи 57. Наряд большой 127. Наряд кречатой 151. см.

Вотолка. Наузольник 50. Науруз 52. Нашивка 34. 35. 39. Нерпы 128. Низанье 75. 78. 79. Нити 48. 81. 134. 140. Новоселье 59. 61. 80. 106. 109. 110. 139. Ножик 34. 53. 54. 109. 116. 150. Ножницы 50. 134. Ношник 159.

Обертка платья 59. Обноски 124. Образ (икона) 51. 57. 71. 74. 76. 77. 93. 95. 102. 103. 115. 116. 121. 130. 133. 146. 147. Образцы 33. 47. 50. Обтирка хором 69 74. 79. Обушек 149. Обедня 16. 17. Однорядка 49. 115. 152 153. Одеяло 33. 40. 46. 50. 51. 55. 56. 59. 63. 69. 80. 100. 138. 148. 158. Ожерелье жемч. 21. 22. 25–27. 37. 52. 53. 57. 60. 64. 83. 84. 86–89. 93. 95. 106. 107. 113. 119. 131. Ожерелье пуховое 25. 26. 39. 40. 49. 107. 151. Оклад 128. Оловяник 52. 159. Онучки 38. 47. 54. 156. Опахало 116. 117. 124. 135. Опашень 22. 25. 26. 32. 39. 44. 48.56. 59. 62. 65. 99. 126. 150. 167. Опашница 36. 37.43. 48. 81. 82. 86. 87. Оплечье 65. 78. 80. 87. 99. 111. 112. 142. Орел 50. 57. 104. Ормяк 52. Орехи. 11. Орех Индейск. 75. Осон 55. Остатки 33. Остроги 53. Осыпало 70. 75. 76. Охобень 55. 59. 87. 166. 167. Очки 59. Ошивка 35. 47. 85. 86. 87. 110.

Паворозы 131. Палата 40. 57. 58. 71. 84. 87. 111. 118. 121. 127. 131. 143. 147. Палаш 53. 54.

Панагея 34. 51. 53. 54. 64. 78. Паникадило 53.
Панья 55. Пелена 64. 65. 69. 74. 75. 81. 82. 85. 96.
105. 108. 110. Пенези 70. Перевязка 100. 114.
127. Перевязь 33. Передача 150. Передцы 36.
37. 47. 87. Переды чебот. 103. Перина 125. Перо
53. 138. Перекрестки 64. Переперы, перепелки
34. 36. 50. 73. 82. 117. 131 151. Персть св. 102.
Перстень 21. 25–27. 38. 53. 54. 60. 62. 116. 130.
Песочница 53. 118.139. в-Петлю 67. 127. Печать
50. 53. 116. Пиво 14. 15. Пирогы 9-17. 138. Пис-
цы 116. Письмен. принадлежн. 145. 147. 148.
Питье 13. 14. Платно 63. 68. Платочки 39. 47.
Платье 122. 133. 137. Плащики 34: Плащаница
91. Побочины 88. 104. Повальша 50. Повязка
капт. 92. Погребчик 118. Подводы 17. Подволо-
ка 49. Подвязки 58. 146. 147. Подкладка 40. 49.
Поднаряд 149 Поднизь 22. 108. Подножье 70.
85. 105. 115. Подпруга 37. Подсвечник 54. Под-
стилка 61, Подубрусник 88. Подушка 34. 40. 56.
80. 91. 100. 102. 113. 156. 158 Подьячий светлич.
60. Покровец 49. 57. Покровец (воздух) 91. 96.
105. 109. Покров, 64. 65. 75. 93. 96. 105. 106. 111.
116. 157. Покрыванье платья 94. Пола 56. Пола-
вочник 68. 69. 118. Полка убрус. 34. 35. 48. 50.
57. Полог 84. 125. Полотенце 34. 35. 46. 47. 48.

52. 53. 57–60. 64. 83. 84. 102. 118. 132. Полотно
25. 53. 119. 160–166 Пол 149. Поля пелены 66.
Полсть 119. 122. 126. Помин 12. 22–24. 135 По-
понка 37. 52. 57. 58. 63. 64. Попугай 150. 154.
158. Портомойня 118. 120. 137. 159. Порты 34.
37. 38. 46. 47. 50. 53. 54. 56. 80. 86. 120. 127. 128.
154. Посох 55. 58. Поставец 77. 84 150. Постав
сукна 63. Постельницы 133. Постеля 51. 65. 80.
88. 116. 118. 121. 128. Постой царицы 15. По-
таль 91. Потрахель 39. 86. 156. Потехи (игруш-
ки) 9.10. 12. 14. Потешная палата 39. 40. 48. 60.
154. Потешник 115. 116. 121. Поцепка 121. По-
яски 34. 35. 47. 48. 93. 95. 111. Пояс 46. 95. 106.
149. Правильца 115. Прежники 103. Приволо-
ка 21. 57. 99. 121. 168. Приданое 25. 26. 116.
Приступ 69. 70. Прокладка 57. Пронизка 54.
Простыня 34. 37. 47. 48. 54. 120. Прут 159. Пря-
ники 13. Псалтырь 35. Пуговицы 21. 34. 40. 53.
54 58. 109. 122. 132. Пустынник 16. Пуховик
100. 113.150. Пух (мех) 102. 104. 107. Пух (перье)
118. 125. Петушек 73. Пяльцы 90. 94. 106.

Радость (свадьба) 43. 44. 61, 62. 63. 67–72. 75
77. 115. 157. Развеска платья 148. Рассамахи 58.
Расход денег 23–25. 28. 29, 131. Ризы 39. 78. 79.
83. 84. 91. 101. 105. 110. Рог 55. 58. Родины 137.

Росольник 49. Роспашница 81. 112. Рубашка 52. 56. 82. 120. 124. 127. 128. 154. Рублев 67. Рудометница 126. Рукава 35. 38. 47. 56. Рукавицы, рукавки 48. 55. 81. 83. 85. 117. 142. 148. 155. Рукав 66. 132. 138. 149. Рукомойник 34. 52. 54. 72. 104. Румянец 15. 23. 117. 118. 120. Румяница 158. Рундук 136. Репа 10. 11. Речи 71. 77. Ряса (одежда) 54. 107. 151. 158. Рясою, в рясную низанье 37. 44. Рясы, убор 19. 53.

Сабля 54. 57. 61. Саван 90. 156. Сад 120. Саки 132. Сак 105. Самопал 53. 54. Сани 63. 79. 90. 92. 100. 157. Сапоги 39. 46. 120–123. 127–129. 153. Сарафан 119. 122. 127. 128. 152. 153. Сатынь 57, 121. Сафьян 83. Сахар 102. Саян 57. Свадьба см.: Радость. Свайка 34. 120. 122. Свистелка 53. Светлица 80. 132. 140. 142. Свечи 68. 70. 102. Свечник 51. 55. Связки 46. 47. 49. 56. 84. Святыня 102. Серебро волоч. 35. 38. 57. Сермяга 153. Серьги 18–23. 25. 26. 30. 80. 108. 119. 125. 126. 128. 130. 131. 140. Скамейка 63. Скатерть 47. 52. 57. 160–166. Складни 51. Склышка 73. Скляницы 52. 54. 55. 56. 125. 126. 130. 145. 155. Сковорода 52. 159. Славленье 73. 75. 118. Слобода Кадаш. 160. Слепая 122. в Снизку 103. Снур 47, 56. 57. 95; Соболи 58. Солночник 150. Солонка 49.

50. 159. Сорочка жен. 19 25. 34. 35. 37. 38. 47. 56. 95. 111. 125; муж. 34. 35. 37. 38. 46–48. 50. 53. 54. 56. 80. 81. 86. 88. 89. 90. 93. 106. Сорочка по-
крышка 47. 49. 56. 78. 92. 93. Спорки 21. 33. 39. 46–49. 56. Срачица Г-ня 74. 75. Ставик 35. 57. 85. 115. 158 159. Стакан 109. Старица 66. 73 75. 129. Стельки 85-119. 122. 126. Стирки 83. 88. 110. Стихарь 78. 83. 105. 110. Столбунец 119. Стол-
чак 54. 58 Стол 69. 78. 79. 94. 110. Стол, обед 71. Стольники 115. Стопа 51. 53. Сторожи 74. 75 Стремена 57. Стряпня 83. 94. Стряпчие 115. Струнцал 111. Стул 54–56. 87. 115. 144. Судеб-
ная Пал. 118. Судно, сосуд 35. 47. 56. 72. 74. 75. 120. 123. 124. Судно 100. 113. 114. 138. Сукно кровел. 40. 145. Сукня 153. Сулея 52. 57. Сумочка 53. Сундук 19. 34. 35. 38. 39. 40. 46. 56. 58. 119. 19. 125. 136. 150. Суремница 33. 87. 158. Сурма 56. Сыр 9. 14. 15. Седалка 82. Сени 119. Сенник 69.

Тавлеи 54. 132. Таган 159. Таз 55. 123. 158. 159. Тафья 21. 34 46. 60. 64 88. 91. 114. 115. Тах-
туй 87. Тачка 86. Тебеняк 58. Телега 145. Тер-
лик 68. 63. Тесма 35. 47. 53. Тигиляй 58. Торлоп 21. 48. 50. Торчъ 49. Треух 57. 89. 98. 105. 124. 140. 155. Трубка вод. 34. 54; свечн. 52; подзорн.

60.129.130. 131. Телогрея 21. 22. 26. 32. 35. 39. 40.
44. 45. 46. 82. 86. 87. 89. 90. 92. 93. 97-101. 107.
111. 113. 123. 127-129. 137. 138. 141. 142. 151.
158. 167. 169.

Убрусцы 25. 33. 35. 37. 50. Угол передний 88.
Уларь 111, Уродивые 16. 79. 119. 121-124. 126.
151 153. Утиральник 35. 46. 54. Утюг 123. Ухо-
вертка 53.

Фата 52. 57. 58. 90. 94. Ферези 22. 40. 46. 50.
152. Ферезеи 148. Фляжка 52. 54. Фонарь 52. 54.
68. 85. 87. Фуник 33. Фунт 119.

Хамовное дело 160-166. Херуговь 90. Хол-
сты 82. Хоромы, чистка 143.

Цата 48. 49. 85. 102. Цениненка 57. 80. (см.
суды). Цки, мех. 32. 63. 79. 89. Цынбальник 60.
в-цепки 45.

Чарка 34. 50. 56. 57. 128. Часы 35. 49. 52-55.
147. 148. Чаша 47. Чашка 56. 57. Чеботы 35. 38.
39. 48. 49. 56. 85. 93. 96-100. 103. 112. 117. 119.
121. 122. 126. 136. Чекань шитье 36. Чемодан
55. 80. Чепь, чепочка 53. 54. 118. Чердаки 143.
Черевеси 58. Черевинки 38. Чернилица 53.
118.138. Чертеж 54. Четки 48, 53. 81. 89. 102.
122. Чехлы 37. 40. 46.47. 54. 85. 107. 112. 114.
Чин царицын 18. Чичак 53. Чюлан 158. Чюлки

39. 49. 53. 82. 96. 99. 111. 132. 145–146. 148. 149.
Чюфай 154.

Шандан 54. 55. Шапка 22. 25. 26. 39. 49. 52.
53. 83. 84. 88. 91. 93. 103. 106. 107. 111. 112. 115.
119–122. 129. 153. 154. Шапочка 33. 56. Шапоч-
ник 126. 157. Шатер 52. Шахматы 35. 53 54. 60.
132. 150. Шерсть оленья 123. Шида 38. Ширан-
бат 135. Ширинка 35. 37. 38, 46–48. 57. 81. 83. 86,
88. 93. 156. Шитье 45. 88. 156. Шкатула 21. 52.
53. 54. 85. 90. 99. Шкарпетки 132. Шлык 63.
Шляпа 85. 102. 105. 107.117. 119–121. 127. 131.
Шолк 34. 35. 38. 48. 83. 89. 92. 93. 95. Штаны 52.
132. 149. 153. Шуба 21. 40. 59. 63. 68. 79. 91. 100.
104. 123. 151. 166. 167. Шубка 21. 22 25. 26. 32 35,
39. 40. 43. 44. 46. 48. 49. 92. 97. 98. 100. 107. 112.
132. 134. 152. 156. 168. 169. Шутиха 153.

Щетка 74 117. 121. Щипец. 54. Щит. 57.

Яблоко паникад. 79. Явки 118. Ягоды 11. 14
17. Яндова 159. Яшма 56. Ящик 19. 33–35. 39. 48.
55–57. 108. 127.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I. Женская личность в допетровском обществе. Общие черты положения женской личности в допетровском обществе. Суждение Котошихина и суждения исследователей-идилликов 1–6. Существо вопроса 7. Каково было древнерусское общество 8. Его идеалы 9. Коренное его начало 10. Родовой быт 11. Идиллия семейно-общинного быта 13. Смысл рода и смысл общины 16. Родовая идея есть идея родительской воли-опеки 28. Достоинством личности было «отечество» 33. Местничество и вече суть выражения древнерусской общественности 34. Существенный ее характер 37. Родовая идея — воспитательница русской личности 39. Домострой — школа личного развития 39. В чем полагалась самостоятельность личности 57. Основные черты характера русской личности: господарство воли и детство воли 58. Общая характеристика допетровского общества 73.

ГЛАВА II. Главные черты женской личности в допетровское время. Языческое время; княгиня Ольга 75. Влияние византийской

культуры 83. Постнический идеал 91. Происхождение терема 94. Удаление женской личности от общества 98. Идеал постницы 104. Боярыня Морозова 105. Царевна Софья и значение царского девичьего терема в конце XVII ст. 149.

ГЛАВА III. Женская личность в положении царицы. Особенности условия этого положения 189. Причины, которыми вызваны такие условия 191. Государевы браки 209. История государевых невест 224. Призвание царицыной личности 267.

ГЛАВА IV. Обряды царицыной жизни комнатной и выходной. Замкнутость царицына быта 285. Повседневное молитвенное правило 296. Молитва и милостыня, как общая стихия царицыной жизни: богомольные выходы и выезды, повседневные и годовые 302. Приемы праздничные 341. Приезжие боярыни 346. Столы праздничные и семейные 353. Особые торжественные приемы 358. Приемы повседневные 365. Очерк комнатной повседневной царицыной жизни 366. Выезд и для гулянья 381.

ГЛАВА V. Дворцовые забавы, увеселения и

зрелища. Общий обзор 388. Комнатные забавы: дураки-шуты 407; бахари, домрачеи, гусельники 424. Потешная палата: органы, цимбалы, скоморохи, потешный немец, металлические 432. Время царя Алексея 439. Верховые нищие 443. Карлы 448. Потехи на дворце: медвежьи спектакли 453. Особые зрелища: львы, слоны, олени, поединки и др. 462. Комедийные действия 464. Первое устройство театра 469. Первые комедии 471.

ГЛАВА VI. Царицын дворовый чин. Женский чин: мамы и верховые боярыни, их честь и место 494. Казначеи 505; учительницы, кормилицы, псаломщицы, сенные боярышни 506; постельницы и комнатные бабы 507. Мастерницы 508, портомои 509. Мужской чин: приказной, крестовый, стольничий, походный, истопничий, мастерской 510. Царицына слобода Кисловка 520. Черты жизни и нравов младшего чина дворовых людей по сыскным делам и челобитным: дело о мышьяке 522. Приворотной корень обратим 529. Колдовство на царицын след 533. Посмешное слово постельниц 543. Похвальба царицыным жалованным челобитьем 546. Обман в сва-

дьбе царицыным жалованным словом 549. Челобитье на поругательницу жену 553. Дело комнатной бабки 553. Царицыны дети боярские в провожатых за боярынею 556. Царевнина карлица в гостях 557. Дворцовая пропаша 559.

ГЛАВА VII. Царицыны наряды, уборы и одежда. Общий обзор 561. Головной убор: девичий волосной 577. Косник 578. Перевязка 579. Венец 580. Корона 582. Женский: подубрусник 583. Убрус 584. Волосник 585. Чепец 586. Корона, кика 587. Подниз 589. Рясы 591. Шляпа 593. Шапка 594. Каптур 600. Треух 602. Ларечная кузнь: золото и сажень: монисто 603. Ожерелье 606. Серьги 608. Перстни 609. Обручи, запястья, зарукавья 611. Булавки 613. Косметики 614. Фата 617. Одежды: сорочка 617. Телогрея 620. Шубка 622. Летник 624. Приволока 627. Распашница 629. Опашень 630. Кортель 631. Торлоп 632. Ожерелье накладное 633. Рукав 634. Рукавки 634. Ширинка 636. Жезл царицын 638. Обувь: чулки 638. Башмаки, ичедыки 639. Чеботы 640. Сапоги 644. Мастерская Палата 644. Количество уборов и одежд 643. Остатки 640. Светлица и ее рукоде-

лья: общий обзор 647. Золотое шитье 655. Нязанье 657. Знаменщики и знаменные дела 658. Боярские Светлицы 659. Белая Казна и Хамовное дело 661.

МАТЕРИАЛЫ: Крестоприводные записи 3. Свадебные приезды к царю бояр 6. Царицыны походные расходы 9. Розыски государевой казны у бывшей Царицы Шуйской 18. Описи платья и всякой казны времени царей Федора Ив., Годунова и Шуйского 32. Записки верховому взносу и кроенью платья 58. Денежные расходы Царицыной Мастерской Палаты 115. Общий счет прихода и расхода 131. Переписка дворецкого и дьяков 132. Записки товарного расхода, изделия и др. 150. Белая казна: Хамовная слобода 160. Приход белой казны 162. Расход 163. Записки кроельных книг 166. Светличные знаменные дела 169. Указатель предметов, упоминаемых в Материалах 174.

Описание рисунков.

I. 1) Царица Марья Ильична шествует в монастырь к панихиде. На ней убрус с волосником или ошивкой, ожерелье жемчужное,

ожерелье бобровое, шубка залотная накладная, в руках жезл и ширинка. 2) Сенные боярышни в телогреях. 3) Крайчая Анна Михайловна Бельямина, на ней убрус с волосником, бобровое ожерелье, летнитк с вошвами, в руке ширинка. 4) Верховая боярыня, несущая канун, кутью. На ней убрус с волосником, жемчужное и бобровое ожерелья, шубка накладная. 5) Верховая боярыня в сопровождении. На ней убрус с волосником, телогрея, в руке ширинка, б) Сенная боярышня, несущая над царицею солнечник или зонт. На ней телогрея. 7) Царица Евдокия кушает во время своей свадьбы в избушке. На ней венец, убрус, царская шубка-платно (сравн. № 9.) — 8 и 10 боярыни в каптурах, шубках и телогреях.

II. 1) Царица Марья Ил. шествует в большой праздник на богомолье в церковь. На ней коруна, убрус, ожерелья жемчужное и бобровое, шубка залотная накладная, в руке ширинка. 2) Девуца, несущая маленького царевича. На ней телогрея. 3–5) Три старших Царевны. На них: венцы, бобровые ожерелья, золотные шубки, в руках у старшей: четки, у младшей ширинка. 6) Сенные боярышни, под-

держивающие большой солнечник (балдахин). 7–8) Сенные боярышни в предшестве. На них бобровые ожерелья, телогреи, в руках ширинки. 9–10) Крайчая и верховые боярыни в сопровождении. На них: убрусы с волосниками, бобровые ожерелья, летники с вошвами, в руках ширинки. 11) Царица Евдокия царевною шествует к брачному венцу. На ней: венец с убрусом и царская шубка-платно. Боярыни поддерживают ее под руки. 12–13) Царица Евдокия царевною шествует в Грановитую Палату на бражное место. На ней: коруна, телогрея теплая, шубка. 12) Боярыня, несущая на блюде кикю. 14) Царица Евдокия в своих хоромах, принимающая по случаю брака благословение Патриарха и поздравление от властей и бояр. На ней: венец с убрусом, шубка-платно, в руке ширинка. 15) Царица Евдокия, входящая в Успенский собор к брачному венцу. На ней: кика, убрус, царская шубка-платно. 16) боярыни, сидящие за столом, в каптурах и телогреях.

III. 1) Убрус. 2) Жемчужное ожерелье. 3) Царица Евдокия, в наряде избранной невесты — царевны, ожидающая до времени в своих хо-

ромах выхода на свадебное место. На ней: венец с городы, телогрея и шубка-платно. 4) Боярыни свахи. 5) Царица Евдокия, нареченная царевною, введена в царские хоромы; на ней: венец, телогрея и шубка, б) Девицы боярышни, сопровождающие нареченную царевну. На них: перевязки, телогреи и шубки. 73 Наряд невесты нач. XVII ст.: кика, убрус, ожерелья жемчужное и бобровое, шубка-платно.

IV. 1) Вел. княгиня Елена Глинских в убрусе, ожерельях и в шубке-платне. 2) Одежда XVI ст.: волосник, убрус, телогрея. 3) Боярыни, сопровождающие в. к. Елену в шляпах и убрусах. 4) Они же в убрусах. 5) Шествие великой иноки Марфы Ив. во вдовьем старицком наряде. Сопровождающие ее: 6) женщины: убрус, распашница, телогрея, башмаки. 7) Девицы: шапка, ожерелье жемчужное, верхняя одежда — опашень.

V. Наряд женский: 1) шапка, подзатылень, серьги, шубка. 2) Дворянка: шапка, телогрея и верхняя одежда — шуба. 3) Шапка, убрус, серьги, ожерелья жемчужное и бобровое, телогрея, чеботы. Наряд девичий. 4) Шубка, чеботы. 5) Венец, телогрея.

VI. 1) Каптур, из под него видна часть ошивки. 2) Наряд девичий: шапка, кика с рясами, ожерелье, шапка и коса. 3) Убрус. 4) Шляпа, убрус, бобровое ожерелье. 5) Боярыня, потчующая гостей: шапка, жемчужное ожерелье, летник с вошвами, в руках чарка. 6) Девушка в сорочке с поясом. 7) Женщина в наряде XVI ст.: волосник с убрусом, бобровое ожерелье, шубка, чеботы.

VII. 1) Ширинка. 2) Зимний наряд девиц дворянок: шапка лисья, телогрея. 3) Девичья повязка. 4) Наряд боярышень: шапка лисья, ожерелья жемчужное и бобровое, шубка. 5) Девушка посадская: шапка из медвежьего меха, шубка или сарафан. 6) Девушка в сорочке верхней и нижней с поясом.

VIII. 1) Посадская девушка в кике и кафтане. 2) Девичья повязка с волосным убором в две косы. 3) Боярыня в шапке и в опашне. 4) Девушка в сорочке с поясом. 5) Женщина посадская, в охобне, покрытая фатой.

Примечания

Котошихин, стр. 44.

[^^^]

2

Русская женщина в домонгольский период.
Историческое исследование Александра Доб-
рякова. Спб. 1864. Стр. 32, 34, 35, 39, 57, 58, 62,
69, 77, 78 и мн. др.

[^^^]

Соч. К. С. Аксакова, ч. I. Стр. 92, 93, 124, и др.

[^^^]

Соч. К. С. Аксакова, I, стр. 92–93; сравн. также стр. 90 и 91.

[^^^]

Сравн. превосходную статью г. Кавелина: Мысли и заметки о Русской Истории, в Вестнике Европы 1866 г., том II.

[^^^]

6

Самое слово честь родственно с словом отец и без сомнения от него происходит. Чтить образовалось из отчить, относиться к человеку, как к отцу, воздавать человеку уважение отеческое.

[^^^]

П. С. Р. Л. III, 31.

[^^^]

Архив Историко-юридических сведений, И.
Калачова, кн. 2.статья: Извлечения из книги
Златоуст.

[^^^]

Пословиці: шануй батька та Бога — буде тобі всюди дорога. Отец — як Бог. Українські приказки, прислів'я и таке инше. Спорудив М. Номис

[^^^]

10

Книга глаголения Златоуст, неделя 34, поучение избранно от всех книг.

[^^^]

Москвитянин, 1851, № 6, 128.

[^^^]

Так, правильнее, читается эта пословица в нашем списке Домостроя (XVIII в.). В издании Голохвастова: «покорно слово кость ломит», стр. 68.

[^^^]

Добре-убожливы — убоги.

[^^^]

История России г. Соловьева, т. XIII, 162,
172–174, 206 и др.

[^^^]

Очень примечательно, что в подлиннике эта фраза: «главою на землю ударяется», изменена собственноручною припискою царя следующим образом: покланяется до земли. Столбцы Тайн. Прик. в Госуд. Архиве.

[^^^]

История Льва диакона, 94.

[^^^]

Кедрин 2, 118.

[^^^]

См. Поэтические воззрения славян на природу, г. Афанасьева: т. 1 и 2.

[^^^]

О состоянии женщин в России до Петра Великого. Вит. Шульгина. Киев, 1850.

[^^^]

Вопросы Кирика.

[^^^]

В котором храме (комнате) матери дитя родит, недостойно входить в него по три дня; потом помыют всюду и молитву сотворят, которую творят над осквернившимся сосудом, и так входить. (Вопросы Кирика).

[^^^]

Рукописная Кормчая: толк Козмы Халкидонского, яко не подобает жены госпожею звати.

[^^^]

И. С. Р. Л. 1, 88, 89.

[^^^]

История Рус. Церкви Е. Р. Ф. I, 238.

[^^^]

Библиоф VI, 443 и дал.

[^^^]

П. С. Р. Л. I, 178.

[^^^]

И. С. Р. Л. 2, 215.

[^^^]

Карамз. V, пр. 4.

[^^^]

Карамз. V, пр. 254.

[^^^]

И. С. Р. Л. II, 153.

[^^^]

Былины: Киреевский III, 64, 71; Рыбников I, 187. — Галиться — глазеть, смотреть; волочиться; также смеяться, издеваться. Област. Словарь.

[^^^]

Каковы были: вообще духовный и иноческий чин и все, которые работали церкви; затем общественные сироты, которые жили, существовали, призревались, кормились и питались церковью, т. е. вообще, люди, не имевшие в миру-обществе самостоятельного значения, не находившие там места, или уходившие от мира; нищие, слепцы, хромцы, странники, вдовицы бездомные и всякие изгои или сироты в общественном смысле.

[^^^]

Описатель жития преп. Зосимы Соловецкого рассказывает, что однажды преподобный был позван на пир к боярыне Марфе Борецкой, которая пожелала благословиться у него, потому что прежде ссорилась с ним за беломорские свои земли. На пиру его встретили с радостью. Боярыня с дочерьми благословилась у него; «и посади его посреди пиршества». Преподобный по своему обычаю кушал мало и сидел молча. Взглянув на сидевших бояр, он изумился своему видению: шесть мужей сидели пред ним без голов. Взглянул в другой и в третий раз, — пред ним то же видение. Преподобный покачал головою, вздохнул, прослезился, оставил пищу и поник на землю. Сколько ни просили его продолжать трапезу, он оставался недвижим. По окончании стола и, поклонившись и получив многия дары в свой монастырь, преподобный удалился. Боярыня после спрашивала его ученика Данила, отчего преподобный не стал участвовать в пиршестве. Ученик рассказал ей о страшном видении. Оно потом подтвердилось и события-

ем, Б. К. Иван Вас, взявши Новгород, казнил Дмитрия Исакова (Борецкого), Губу Селезнева, Киприяна Арзубьева и иных трех, именно тех самых бояр, о которых было видение преподобному Зосиме.

[^^^]

Напр. мать тверских князей Евдокия. — Лет.
Никон. IV, 297.

[^^^]

Тверская Летопись, стр. 499. Карамз. V, пр. 563.

[^^^]

A. O. II. No№ 717, 915, 948.

[^^^]

Тогда, по старому обычаю, на другой день свадьбы, 19 января, новобрачные приезжали во дворец к царю Михаилу челом ударить и получили от государя и его матери, иноки Марфы Ивановны «благословение» и подарки.

[^^^]

Дворц. Разр. т. III, 81, 83.— Арх. Ор. Пол. № 991, расходная записка 1648 г. марта 26. — Что касается Алексея Прокофьевича Соковнина, то известно, что, бывши уже окольниковым, в 1697 г., он вместе с Цыклером, поднимал заговор на убийство Петра и за то был казнен на Красной площади.

[^^^]

Арх. Ор. Пал.; № 990.

[^^^]

Крайчий, бес сомнения от слова: кроить, резать. Этому чину соответствует теперешнее немецкое название должности, обер-форшнейдер.

[^^^]

Слово плачевно и ответ на крестоборную ересь.

[^^^]

Мы пользовались списком этого сказания еще из библиотеки покойного И. И. Царского, принадлежащей теперь гр. Уварову (по каталогу г. Строева № 474, прежний № 392) Г. Тихонравов ознакомил уже читателей с этим сказанием в Русском Вестнике 1865 г. № 9, по списку, ему принадлежащему.

[^^^]

По свидетельству Курбского, знаменитый Адашев десять имел прокаженных в доме своем, тайно питающе и обмывающе их руками своими. (Кар. IX, пр. 20). Он же упоминает о знатной вдове Марии, которая: «во святом вдовстве превоссияюща, яко на преподобном теле ее носити ей вериги тяжкие» (IX, пр. 31). Подобные подвиги и обеты исполнила и боярыня Морозова. Татищев свидетельствует, что «двор царицы Праскевы Федоровны от набожности был госпиталь на уродов, юродов, ханжей и шалунов: между многими такими был знатен Тимофей Архипович, сумазбродный подъячий, которого за святого и пророка суеверцы почитали... Он меня не любил, прибавляет Татищев, за то, что я не был суеверен и руки его не целовал». (История Росс. I, 46). Стало быть, целование руки принадлежало к обыкновенным знакам чествования таких юродивых.

Кедрина: Деяния церк. и гражд. Часть I, 97.

[^^^]

Старицы из города Белева, а может быть старицы-белицы, ходившие в белецком, мирском платье.

[^^^]

Вероятно это Анна Ильична Милославская, родная сестра царицы Марьи Ильичны и вдова боярина Бориса Ив. Морозова. Она умерла 26 Сентября 1667 г.

[^^^]

Тайного приказа записка о всяких делах 175 г.

[^^^]

С какою целью говорил так князь Урусов, т. е. возбуждал фанатизм жены, неизвестно. Но все можно думать. Можно думать, что он сам тайно придерживался древнего благочестия, и не обнаруживал своих мыслей с целью сохранить за собою весьма влиятельное при дворе место крайчего, которое он и сохранил до самой смерти царя Алексея, а при Федоре был пожалован даже в бояре. Но, в таком случае, за что же он подводил свою бедную жену под явную опалу. Собеседник царской Думы, он всегда мог спасти жену, выгородить даже в опасных обстоятельствах, не говоря уже о том, что она и не вышла бы из его воли, из его благоразумных советов. Они имели уже детей. Мы увидим, что он нисколько и не заботился выручить жену из беды. Все это заставляет полагать, что или слова Урусова сочинены писателем жития, или Урусов действовал так с тайным намерением избавиться приличным образом от нелюбимой жены, что в боярском быту иногда бывало. Аввакум в своей автобиографии говорит между про-

чим: а боярыню ту Федосью Морозову и совсем разорили, и сына у нее уморили и ее мучат; и сестру ее Евдокию, бивше батогами, и от детей отлучили и с мужем развели; и его князя Петра Урусова на другой женили, да что ведь делать? пускай их миленьких мучат, небесного жениха достигнут..."

[^^^]

Марья Герасимовна жена Акинфея Ивановича Данилова, стрелецкого полковника.

[^^^]

Мария же тамо сидящи и буду приимаше более обою сестер; бесстуднии воины пакости твориху ей невежеством; прихождаху же к ней и попы никонианские, которые много ее смущали, укоряли раскольницею, принуждали креститься 3 персты, даже будто бы ломали ее персты, складывающе щепоть...

[^^^]

Описание некоторых сочинений в пользу раскола. I, 269.

[^^^]

Письма напечатаны в приложениях к статье, Боярыня Морозова, г. Тихонравова; Русский Вестник 1865 г. № 9.

[^^^]

В статье г. Тихонравова сказано, что это был сын царя, Михаил Алексеевич (стр. 30, 35); но у царя Алексея не было сына Михаила. Биограф Морозовой именует здесь Ртищеву, не обозначая фамилии.

[^^^]

Сказатель жития, между прочим, присовокупляет: Мария же по престатии биения, полотенцо, вода по спине своей, все смочила кровию и посла Иоакинфу своему (мужу). В третий же день со спины струпие велие спадоша, яко чешуя и просиша у нее мученицы и не хоте дати за смирение; последиж, принуждена, даде им и прочим...

[^^^]

А мы слышали, что служивали над ним иногда в панихиды.

[^^^]

Г. Устрялова: История Царств. Петра В. I, 283.
Фед. Пр. Соковаян пожалован в бояре, а брат
его в окольнічїе» в 1682, след. камень поло-
жен не раньше этого года"

[^^^]

Дьякон Федор в письме против Аввакума.

[^^^]

Вечеря душевная, Приб. д. 5–7.

[^^^]

Дом. быт царей т. X, стр. 150, 356.

[^^^]

История России Соловьева, XIII, 339.

[^^^]

История царств. Петра, г. Устрялова, I, 31.

[^^^]

Собрание Записок, Туманского, V, 203.

[^^^]

История царств. Петра, г. Устрялова I, 288.

[^^^]

В этом году, царица послала уже ко Вселенским Патриархам просить, чтобы могла она носить царскую корону, т. е. короноваться, возложить на себя царский сан. Туманского, Записки VI, 255.

[^^^]

Библиофики, ч. X; 287; ч. XI, 164, 200, 256, 370, 424.

[^^^]

Древн. Вивл. X, 424; XI, 24. Дворц. Разряды IV,
397.

[^^^]

История России, г. Соловьева, XIV, пр. 190.

[^^^]

Расх. Кн. Тайного приказа 7178 г. марта 10.

[^^^]

Расход оружейной брони с 13 июня 1682 г. отпускаемой в хоромы к царям и царевнам, и выдаваемой по указу разным лицам, при сиденьи боярина и Оружейничего Петра Вас. Шереметева. Столбцы Арх. Ор. Пал.

[^^^]

Для царицы Натальи Кириловны с сыном Петром тогда были выстроены хоромы деревянные — Дом. быт царей т. I. 65, 134.

[^^^]

Арх. Ор. Пал. № 263.

[^^^]

История Царств. Петра В. г. Устрялова III, 238.

[^^^]

Домна Вахромеева содержалась под караулом у Сорокина в том, что она от царевны к расправе с Верху письма нашивала и по того распу на Кострому езживала.

[^^^]

Верховая боярыня Марфа Ивановна Белкина
(?).

[^^^]

История царств. Петра В., III, 408.

[^^^]

У Туманского, Росс. Магазин, I, 421, напечатано: витебки там скомят. Мы пользовались списком этой разметной книги, относящимся к половине XVIII ст.

[^^^]

Древн. Вивл. X, 362.

[^^^]

Дворц. разряды IV, 458. Замечательно, что в подобных актах, касающихся этой смутной эпохи, мы постоянно, и в самых важных местах, встречаем такие же утраты. Так, напр. значительная часть предсмертного показания Шакловитого (Устрялов, II, 77), тоже утрачена. Как будто по всем этим документам ходила какая-то одна рука, истреблявшая все, что должно было выяснять и обнаруживать в настоящем виде отношения Софьи к Петру и к своим друзьям.

[^^^]

История царств. Петра, г. Устрялова, II, 51.

[^^^]

История царств. Петра В., II, 59.

[^^^]

Дворц. разр. IV, 482 и др.

[^^^]

Котошихин: А которые девицы бывают увечны и стары, и замуж их взяти за себя никто не хочет: и таких девиц отцы и матери постригают в монастырех, без замужества.

[^^^]

И. С. Р. Л. III, 136.

[^^^]

История отношений между Русскими князьями, г. Соловьева, 684.

[^^^]

Мысли и заметки о русской истории, г. Кавелина. Вестник Европы 1866 г. т. II, 375.

[^^^]

И. С. Р. Л. VI, 279.

[^^^]

Г. Соловьева: История России, XI, 96.

[^^^]

История о невинном заточении Матвеева, М.
1785, стр. 8 и 9.

[^^^]

С. Г. Г. № 162.

[^^^]

История России, VIII, 12, 47, 19.

[^^^]

Миллера: Известие о Дворянах Российских,
Спб. 1790, стр. 238–264.

[^^^]

См. Материалы, № 1.

[^^^]

По списку XVI века из нашего собрания рукописей.

[^^^]

Кедрин свидетельствует, что этот брак царя Константина был совершен против его воли, по желанию матери его, царицы Ирины. Впоследствии Константин, по наваждению же матери, удалил свою супругу в монастырь и женился на Феодоте, служительнице Ирины. Кедрин называет также первую его супругу Мариною, а не Мариєю.

[^^^]

Карамз. VII, пр. 402.

[^^^]

С. Г. Г. II, № 34 и 35.

[^^^]

Карамз. IX, 110, и пр.

[^^^]

Вивл. XIII, 36, 46.

[^^^]

Вивл. XIII, 105.

[^^^]

Записки о России XVII в. по донесениям голландских резидентов. Вестник Европы, 1868, ян. 1.

[^^^]

Когда это было, неизвестно. В расходных дворцовых записках значится, что 10 мая в Оружейный Приказ из домовой государевой казны была отпущена «сабля булатная тевриская (теврисский выков) ножны хоз черной, оковы булатные, цена 5 р.» Быть может это та самая сабля, которую похвалил государь. В Оружейной Палате сохраняется булатная сабля прорезная с богатой золотой насечкой и с русскою подписью латинскими, т. е. польскими буквами: «сей тесак сделан повелением государя царя и в. к. Михаила Феодоровича всея Руси в пятое лето (1617 г.) государства его месяца... по приказу крайчево и оружничево Михаила Михайловича Салтыкова, делал мастер Nial Proswit». Нет никакого сомнения, что эта сабля сделана по приказанию Салтыкова в подтверждение своих слов, что и в Москве сумеют сделать саблю не хуже турецкой.

Описание госуд. Архива, И. Иванова, 300.
Полн. Собр. Зак. т. і, по 2.

[^^^]

Безуй или безоар, камень, находимый во внутренности некоторых животных, а также камень ископаемый. В средние века ему приписывали, как мы заметили, целебную силу от всевозможных ядов и болезней. Такое понятие о нем сложилось, конечно, на востоке, почему восточные безуи и ценились всегда выше других, по ценам невероятным, ибо вообще эти камни очень редки. В старинных наших лечебниках, разумеется переводных, о камне Безуе сказывается следующее: «безоар камень привозят из Индии, а кой привозят из восточной Индии и тот есть сильнее, а цветом сер, а иной черн, и мелок; а сказывают, что находят его при берегу морском, а родится сказывают в сердце у оленя, а иные сказывают — у змеи в желчи». Далее лечебник говорит, что все мудрецы описуют, что безоар начальное место имеет между всеми лекарствами, которые помогают от окормов и от упойства, сиречь от порчи лихих людей... нет его сильнее. Серапион мудрец пишет, что принимать его надо тертый, весом против 12

зерен ячменных, подогрев с ренским или с белым Французским вином, «а как его кто выпьет и лег бы на постелю окутався платьем, чтобы вспотеть. — В моровое поветрие тот камень тоже внутрь принимать и при себе его носить». — «Аще кто тот камень вставит в перстень и почует в себе порчу и вложит во уста, сосал бы его, тогда от порчи избавляет».

[^^^]

И. С. Р. Л. V, 65.

[^^^]

Дворц. Разр. I, 238, 418.

[^^^]

См. в Материалах записки о верхнем отнесе
7124 г. О новобрачных приездах к государю
Салтыковых см. Материалы № 2.

[^^^]

Акты Истор. III, № 80.

[^^^]

Дв. Разр. I, 435, 452, 454.

[^^^]

Арх. Ор. Пад. № 726, 916, 968. Царю Алексею Михайловичу волоски лечил, спущал волосы, в первое время стрелец, пятидесятник Головленкова приказу, Семен Ерофеев, а впоследствии сокольник Михаил Ерофеев, быть может сын первого, который получал за это лечение государевых власов» по 15, а иной раз и по 20 р. — При царе Михаиле бояре за тоже самое получали по портищу (10 арш.) камки, отласу или другой подобной материи. Царю Федору Алексеевичу лечил волоски тот же Михаил Ерофеев, пожалованный уже в дьяки. Арх. Ор. Пал. № 988, 819, 400, 245.

[^^^]

Акты Истор. III, № 91.

[^^^]

Дворц. Разр. I, 488. Берха, царствование Михаила 133.

[^^^]

С. Г. Г. III, № 63, 64.

[^^^]

Дв. Разр. II, 354, 650.

[^^^]

Акты арх. эксп. III, № 218.

[^^^]

В свадебной разрядной записке мы встречаем следующее: у постели новобрачных в чине постельничих к подклету были назначены боярин Феод. Ив. Шереметьев с женою Марфою Петровною и отец новобрачной Влад. Тим. Долгорукой с женою, а ее матерью, Марфою Васильевною. Постельничие бояре стлали также по пути к подклету атласы. Долгоругий при этом бил челом государю на боярина Феод. Ив. Шереметьева не дружбою, а с ним был, как отмечает записка, указывая тем, что челобитье было не по поводу мест, а только по недружбе. Таким образом, недружба гнездилась уже подле самой брачной постели и без сомнения была немаловажна, если вызвала даже и заявление со стороны Долгорукова. Дв. Разр. 1, 634, 1221.

[^^^]

Вестник Европы, январь 1868 г. 236, 238.

[^^^]

Число обозначено без сомнения по новому стилю; по старому выходит 4 февраля, что, как увидим, будет вероятнее.

[^^^]

Сев. Архив 1822 г. № 2, стр. 152.

[^^^]

Известный Стефан Вонифатьевич, благове-
щенский протопоп. Арх. Ор. Пал. № 991.

[^^^]

Арх. Ор. Пал. № 134.

[^^^]

Дворц Разр. III, 56. — Арх. Ор. Пал. № 1067.

[^^^]

Вивл. III, 174, 178, 182.

[^^^]

История о невинном заточении бояр. А. С. Матвеева, стр. 162. Дворц. Разр. III, стр. 63, 64.

[^^^]

Вивлиоф. III, стр. 174, 178, 182. Акты Истор. IV,
№ 59.

[^^^]

С. Г. Гр. и Д. iii, no 155.

[^^^]

Чтения в Общ. Ист. и Др. 1846, по 1.

[^^^]

См. записки об этих новобрачных приездах к государю в материалах № 2. — Коллинс рассказывает, что Морозов, женившись на Анне Милославской «думал, что таким образом прочно основал свое счастье. Однако ж Анна была им не совсем довольна, потому что он был старый вдовец (как и его брат, Глеб, женившись на Соковниной), а она здоровая молодая смуглянка; и вместо детей, у них родилась ревность, которая произвела кожаную плеть в палец толщины. Это в России случается часто между вельможными супругами, когда их любовь безрассудна, или водка слишком шумит в голове. Один англичанин, Вильям Барнсли, сослан в Сибирь по внушению Бориса, который подозревал его в слишком коротком знакомстве с своим домом». Чтения Общ. Ист. и Древн. 1846 г. № 1.

[^^^]

Напечатан г. Пекарским в V томе Известий
Археологического Спб. Общества.

[^^^]

Неполные отрывки этого дела, которыми мы пользовались, хранятся в госуд. Архиве Мин. Ин. Д., в числе столбцов Тайного Приказа. В описи дел Тайного Приказа 1713 г. значится «столп, а в нем дело сыскное про воровские подметные письма и распросные речи Ивана Шихирева и иных и сказки за руками московских разных чинов людей 178 г.» См. Записки отд. Рус. и Слав. Археол. Т. II стр. 21.

[^^^]

Берха, Царств. Федора Алекс, 84.

[^^^]

Арх. Оп. Пал. № 536.

[^^^]

Книга Степенная II, стр. 136.

[^^^]

В летописи сказано: поеха в объезд, а объездом назывались по преимуществу богомольные походы в Троицкий и другие отдаленные монастыри.

[^^^]

Карамз. VII, стр. 280.

[^^^]

Акты Арх. Эксп. I, 339.

[^^^]

Акты истор. I, 192.

[^^^]

Летопись занятий Археограф. Коммиссии
1864 г., стр. 84.

[^^^]

Карамз. И. Г. Р. т. VII, 11, 84.

[^^^]

Юрий Траханиот умер в 1513 г., а Мансуров пожалован в постельничие в 1514 г., умер в 1520 г. Так отмечено и списке бояр (Вивл. XX, 17, 20). Между тем имя Якова Мансурова является в свадебном разряде при бракосочетании в. князя с Еленою в 1526 г., где ему назначено за саньми в. княгини идти и ходити в хоромах и у платья в. княгини. Вив. т. XIII, 16.

[^^^]

И. С. Р. Л. IV, 296. Акты Истор. I, 532.

[^^^]

Степ. кн. II, № 205.

[^^^]

Степ. кн. II, 209.

[^^^]

Степ. кн. II, 237.

[^^^]

История о казанском царстве, Спб. 1791, 262.

[^^^]

В то же время вместе с Горсем выехал вторично в Москву и английский доктор Роберт Якоб, которого рекомендовала царице Ирине сама королева, как весьма искусного врача и особенно знающего женские всякие болезни и родильные болезни всякие лучше иных баб. Истор. медиц. I. 298, 405.

[^^^]

Отеч. Зап. 1859, сент. Сказания англичанина Герсея о России.

[^^^]

Кар. X. 46, пр. 147.

[^^^]

Старица княжна Ирина Ивановна Мстиславская при царе Михаиле жила вместе с его матерью Марфою Ивановною в Вознесенском монастыре и пользовалась большим уважением при дворе, являясь на торжественные пиры к столам царицы Евдокеи Лукьяновны.

[^^^]

Чтения Общ. И. и Д. 1863, 2, стр. 252.

[^^^]

И. С. Р. I. III, 174.

[^^^]

Временник М. Общ. Ист. и Др. книга 24.

[^^^]

Временник, кн. 24. стр. 77.

[^^^]

Сказания Горсея, От. Зап. 1859 сентябрь, 124.

[^^^]

Доп. к Актам Ист. V, 135.

[^^^]

В Архиве Оружейной Палаты хранится такая книга, «глаголемая златоуст», вторая половина этого сборника, начинающаяся со 131 главы, или «с четверга после Всех Святых, первые недели», с отметкою внизу первых трех листов: государыни царицы хоромная. См. наши заметки об этой книге в Архиве Историко-юридических сведений. г. Калачева, кн. 2, половины 2, отд. VI, 45.

[^^^]

По свидетельству Карамзина царица занемогла в первый раз осенью 1559 года, Христофорова пустынь основана около 1555 г.

[^^^]

Явленная икона Николая Чудотворца на Арбате прославлялась в это время чудотворениями. Вся Москва стекалась туда на молебны и икона, подававшая верующим многие исцеления вскоре получила в народе наименование новой прощи, т. е. новой исцелительницы, в отличие от старой прощи, тоже явленной иконы св. Николая, в церкви близ Каменного московорецкого моста, именуемой, в XVII ст. у Всесвятских ворот и «что в Башмакове», по фамилии строителя, Башмакова. Теперь эта церковь известна более под именем Похвалы Богородицы.

[^^^]

Расходные денежные записки царицыной мастерской палаты, откуда заимствуем все эти сведения, нередко обозначают выдачу денег и на другой день по совершении молебного подвига царицы.

[^^^]

Кровопускание было, кажется, необходимым лечением у царицы Евдокии Лук. В обыкновенных случаях это исполняла рожешница, пускавшая рожковую руду посредством рожков; она же называлась и рудометницею. В 1634 г. рудометницею царицы была некая Зиновка (Зиновия), получившая в этом году жалованья 10 руб., хлеба по 20 четей ржи и овса и 10 полоть мяса. Но в важных случаях царица лехчилась, жильную отворяла, при помощи немецких докторов. В 1632 г. Февр. 22 это исполнили дохтур Артемий, лекарь Кляус. В 1637 г. апр. 20 отворяли царице модьянную жильную кровь дохтур Венделинус Сибилист, аптекарь Андрей, лекарь Кляус с переводчиком Захарием Захарьевым. В 1641 г. июня 10 тоже исполняли тот же Венделинус, лекарь Вилим Крамор с переводчиком Захарием, а в 1643 г. июня 26 — дохтуры Артман Граман, Яганус Белово, лекарь Вилим Крамор с переводчиком Васильем Александровым. За свои труды немцы получали довольно значительную награду, доктор — серебряный кубок,

бархат, камку и сорок соболей, всего рублей на 80; лекарь — серебряный ковш, камку и сорок соболей, всего рублей на 40. А. О. П. № 945, 961, 971, 979.

[^^^]

Старица «Ираидища» в своей челобитной объясняла царице: «ссылают меня в Сибирь, что я перед игуменьей в слове спростовала, а прокормиться мне до Сибири не чем».

[^^^]

Георгиев Мещовский монастырь царица Евдокия Стрешневых устраивала «по родителям ее, кои в том монастыре погребены, дед ее родной Степан Андреевич, да прадед Андрей Васильевич и прочие ее родители Стрешневы». В том монастыре были построены две церкви каменные, соборная во имя Рождества Богородицы, да теплая во имя Страстотерпца Георгия, в двух этажах. В июле 1691 г. игумен Серафим с братьею, припоминая царям о строительнице монастыря, их бабушке, просили на этом основании пожаловать им из царской казны, за их скудостью, лампы, паникадила, покровы, воздухи и др. утварь, в верхнюю теплую церковь св. Георгия. А. О. П.

[^^^]

Из числа оставшихся после царицы ее чину дворовых боярынь княгиня Марья Хозанская сослана с Москвы, а портомоя (прачка) Пелагея Давыдова сослана в Сибирь, быть может по случаю каких либо беспорядков, происшедших при кончине царицы.

[^^^]

Так описывается золотная ткань, из которой сшито платье. Мы увидим, что ткани с изображением звезд, месяцев, и солнца не были редкостью в XVII ст.

[^^^]

РЫБН. II, 143, 175.

[^^^]

Чтения Об. Ист. и Др. 1867, IV.

[^^^]

Михайловна, как значится в записке о пожаловании кн. Ф. И. Мстиславского по случаю его свадебного приезда к царю в 1616 г. генв. 21. Арх. Ор. И. № 903, Двор. Разр. I, 788-9.

[^^^]

Дворц. Разр. III, 1088, 1235.

[^^^]

Аптекарский Двор, Новый, построен был царем Алексеем, и находился на Воздвиженке, подле Воздвиженского монастыря, где теперь здание Казенной Палаты. Это был собственно дворцовый запасный двор, на котором сохранялись всякие хлебные и столовые запасы и питье и производилось водочное сиденье и винная двойка, пивоваренье, также делали морсы, ставили пастилы и виноград и арбузные полосы и т. п. Он состоял в ведении приказа Тайных дел, а с 1676 г. поступил в приказ большого Дворца. Здесь же, при царе Алексее, под надзором сокольника Зота Полозова происходила всегда поминная, а также праздничная кормка певчих и других чинов, а главное нищих, для чего на дворе построена была особая палата длиною, по Шуйскому переулку, слишком 10 саж., поперек 7 саж., с 14 большими окнами, с двумя поставцами, один в 3 саж., другой в 1 1/2 саж., и в 1 арш. шириною, у них по 2 ступени шириною по 1 арш. Вокруг поставцов стояло 30 столов разной величины, от 3 до 5 арш., а при них 60 скамей. В палате

была печь большая с кожухом и с каменницею для большего тепла. Сокольник Зот Полозов здесь раздавал всегда и денежную милостыню по назначению государя. Так, напр. в течении 1665–1666 года ему выдано из Тайного Приказа на кормлю и на милостыню, в разных месяцах, 665 р. Нищих бывало человек по 300 и более.

[^^^]

Въ 1637 году генв. 28 царица Евдокия выдала сорок рублей к Спасу на Новое псалтырникам, которые говорили псалтырь четыре сорокчетырештидесятницы по иноке Марфе Ивановне.

[^^^]

Расх. книги приказа Тайных Дел 177 и 178 г. в архиве Моск. Дворц. конторы.

[^^^]

В 1650 г. февр. 11 переплетчик Ст. Андреев переплетал три книги из царицыной мастерской палаты: выходную, приходную и расходную 156 и 157 (1648–1649) годов, за что и за приклад получил 13 алт. 2 денги. — А. О. П. № 806.

[^^^]

РЫБН. I, 294.

[^^^]

По другому свидетельству в пятницу. См. Выходы царей и Дополн. к Актам Историч. т. V, 124.

[^^^]

173 г. марта 26 на праздник Светлова Христова Воскресения г-не царице и в. к. Марье Ильичне и г-ням ц-нам Большим и Меншым ударили челом боярыни перепечами: Касимовского царевича жена 30 перепечь; Сибирского царевича большого 30; меншого 30, бояр. Бор. Ив. Морозова жена, вдова Анна Ильична 36; бояр. И. Д. Милославского 36; бояр. кн. Ив. Петр. Пронского 30; бояр. кн. Ив. Алекс. Воротынского 30; бояр. Ив. Вас. Морозова 30; бояр. Вас. Вас. Бутурлина 30; бояр. Ив. Андр. Милославского жена, вдова 30 пер.; бояр. Глеба Ив. Морозова жена, вдова 30 пер.; бояр. Мих. Мих. Салтыкова 30; бояр. Петра Мих. Салтыкова 30; бояр. Вас. Ив. Стрешнева 30; бояр. кн. Фед. Юр. Хворостинина 30; бояр. кн. Фед. Никитича Одоевского жена, вдова кн. Софья Ивановна 30 пер.; стол. кн. Юр. Ив. Ромодановского жена 36 пер.; ст. Никиты Иван. Шереметева жена Авдотья Федоровна 30 перепечь.

175

На святой: 22 апр. 1648 г., 24 апр. (в пятницу)
1663 г. и на маслянице: 2 февр. в пятницу
1649 г., 8 февр. в субботу 1651 г.; 27 февр. в пят-
ницу 1652 г., 18 февр. в пятницу 1653 г.

[^^^]

Дворц. Разр. III, 892, 894, 1054, 1072.

[^^^]

См. в Материалах записки хоромному взносу
134 г. февр. 12.

[^^^]

Временник, кн. 13.

[^^^]

В разрядной книге записано, что прием был в столовой избе; но царские выходы обозначают Золотую палату (Выходы царей стр. 305).

[^^^]

По другой записке и прием и стол был в царицыной Золотой палате, но должно быть так только предполагалось. Дв. Разр. III, 395.

[^^^]

Чтения О. И. и Д., 1863, кн. 2 IV, 249–252, Ж. М.
И. Пр. ч. XXV, II, 22. — Спб. Вестник 1778. 7. 2.
174–177.

[^^^]

Вивлиофика VI, 256.

[^^^]

У Куретных дворцовых ворот, взади царицыных хором, откуда и всходили во дворец по светличной лестнице, находившейся подле этих ворот.

[^^^]

В начале XVIII ст. оно точно также находилось в собственном владении цесаревны Елисаветы Петровны.

[^^^]

От. Зап. 1830 г. CXXV.

[^^^]

Летописи Русской Литер. и Древн., изд. И. Тихонравовым, т. IV. Слова и поучения против язычества.

[^^^]

Памятн. Рос. Слов. XII в. 94.

[^^^]

Маскевич, 62.

[^^^]

Памятн. Рос. Слов XII в. 187.

[^^^]

Неправильное чтение летописи, по которому этот игрец выходил греком Арганнагом, раскрыто кн. Оболенским во Временнике Истор. Общества, кн. 16, смесь стр. 21 и сл.

[^^^]

От. Зап. 1830, CXXV.

[^^^]

Карамз. VIII, пр. 16.

[^^^]

П. С. О. Л. III, 167. В таком смысле, кажется, должно понимать указанный здесь текст летописи.

[^^^]

Покроми, обрезки сукна по кромке, из которых, от сукон разных цветов, и шили это дуррацкое платье. Сорочкою назывался оберточный конец сукна, или его обертка из другой ткани, на которой бывали тканые и даже писанные расцвеченные изображения фабричных знаков, букв, гербов и т. п. Из писаных суконных сорочек сшит был летник дурке Манке 27 марта 1619 года.

[^^^]

Они описаны покойным И. М. Снегиревым, но без приведения всех подлинных текстов. Нам известно, что самое полное и обстоятельное описание таких листов с полными текстами давно уже составлено Д. А. Ровинским в его Истории русской гравюры, которая, к великому сожалению, до сих пор остается в рукописи. Некоторые списки лубочных текстов и вообще старинные шутовские статьи были изданы особою книжкою с заглавием: Старичок Весельчак, рассказывающий давния Московские были.

[^^^]

A. A. Э. III, 212. C. Г. Г. III, 331.

[^^^]

К. Калайдович, в предисловии к Древним Российским стихотворениям, М. 1818.

[^^^]

Киреевский, вып. VI, 202, 207.

[^^^]

Временник, кн. 16, Смесь, 23. Арх. Ор. Пал.
Расх. кн. № 756.

[^^^]

Описание Госуд. архива, г. Иванова, 296. Акты истор. IV, № 35. Акты А. Э. IV, № 59, 98.

[^^^]

Припомним, что при дворе шотландских королев в XVI и XVII ст. тоже находились «королевские молельщики (King's Bedesman), которые, получая от двора милостыню и содержание, должны были за то молиться о благоденствии короля и государства. Число их равнялось числу лет, прожитых королем; поэтому каждый год, в день рождения государя, прибавлялся к штатному, числу новый богомолец. Они носили пожалованные синие плащи, отчего назывались также Синими плащами». Предисловие к Антикварию Вальтера Скотта.

[^^^]

Книга памятная деньгам Приказа Тайных Дел
подьячего Фед. Шакловитого 184 г.

[^^^]

История Русских Школ иконописания, г. Ровинского, стр. 167. Его учил известный в свое время жалованный иконописец Оружейной Палаты Никита Павловец. В 1674 г. авг. 29, он купил своему ученику: 6 ставушечек немецких, 2 размерца немецких (циркули) и дубовый приголовашек, окованный железом, всего на 2 р. 8 алт. В записке при этом обозначено, что «по указу в. государя те ставушечки и размерцы и приголовашек взял к в. государю в Верх он же Никита ученику своему Полиехту, которого он учит по имянному указу в Верху иконному своему художеству». А. О. П.

[^^^]

В 1679 г. ноября 6 куплены сапоги телятинные за 16 ал. 4 д. и отданы дураку Петру, который живет у нищих в Верху. Ноября 27, дураку Семену, который живет у нищих, куплена шапка суконная с соболем. Столбцы А. О. П.

[^^^]

Здесь, как и в других случаях, обозначаются те года, при которых имена встречаются в документах.

[^^^]

На Чухлому Пятому Свиньину, к Солигалицкой городовому прикащику Федору Мичюрину, в Парфеньев Семену Дмитриевичю Опухтину, на Унжу Ивану Яковлевичу Блохину, в Судай да в Кологрив судным целовальникам.

[^^^]

Дополн. к Актам Истор. I, № 131. Обыкновенная награда даже за медвежий бой, т. е. за то, что бойца медведь ел или ободрал, — бывала в это время — сукно доброе ценою в 2 рубля.

[^^^]

История России, г. Соловьева, IX, 248.

[^^^]

Библейско-биографический словарь. Сбп.
1849.

[^^^]

В половинке сукна считалось длины от 20 и до 40 арш., шириною сукно бывало в 2 арш. с вершками и без вершков. См. кн. Арх. Ор. Пал. № 390. Подробности постройки этой хоромины сообщены нам И. С. Тихонравовым в выписках из расходных книг Владимирской и Галицкой Чети. См. его же Лет. Рус. Лит. кн. V, 28.

[^^^]

Выходы царей, 563. Указываемая книга выходов 7182 г. здесь неправильно обозначена 7181 годом, отчего и мы прежде ошибочно относили этот выход в комидию к 1672 году. Срав. Дв. Разр. III, 908 и др.

[^^^]

Из числа товарищей-комедиантов еще известны по распискам в получении денег: Лука Степанов, Тимошка Максимов, Родка Иванов, Николай Иванов.

[^^^]

Врем. 24, 7, Лет. Рус. Литер. V 30.

[^^^]

Наука и Литература при Петре, I, 407.

[^^^]

Летп. Р. Литер. г. Тихонравова, V, 33, срав. Наука и Литер. г. Пекарского I, 394.

[^^^]

Летопись русского театра в Репертуаре 1840 г.

[^^^]

С. Петербургский Вестник 1779. Июль.

[^^^]

Ходил в эти комедии и великий брат ее Петр. В его Походном Журнале записано, что 1715 февр. 26, по прибытии в Петербург в 3 часу пополудни, государь в 6 изволил пойти к царевне Наталье в комедию.

[^^^]

Наука и Литература при Петре, г. Пекарского,
I, 391–447.

[^^^]

Дворц. Разр. III, 1515.

[^^^]

Русский Истор. Сборник, V, 3; II, 268–272. Временник VI, 15; XIV, 25, 105. IX, 57. Дворц. Разр. I, 538; Вивл XIII, 128.

[^^^]

В 1677 г. изготовлены «две шубы песцовые под стамедом, старья, постельницам, в чем сидеть у царицы в сенях».

[^^^]

Устроены, говорит Котошихин, для всяких воров пытки: сымут с вора рубашку и руки его назади завяжут, подле кисти, веревкою; обшита та веревка войлоком и подымут его кверху: учинено место, что и виселица (дыба), а ноги его свяжут ремнем; и один человек палачь вступит ему в ноги, на ремень своею ногою и тем его отягивает. И у того вора руки станут прямо против головы его, а из суставов выдут вон; и потом сзади палачь начнет бити по спине кнутом изредка, в час боевой ударов бывает тридцать или сорок; и как ударит по которому месту по спине, и на спине станет так слово в слово будто большой ремень вырезан ножом мало не до костей..... И жгут огнем, свяжут руки и ноги и вложат меж рук и меж ног бревно, и подымут на огонь, стр. 91 и 92.

[^^^]

Государь с царицею в этот год ходили молиться к Троице, в Переяславль и в Адександрову Слободу с 4 по 30 октября.

[^^^]

За сообщение в списке этого любопытного акта приносим искреннюю благодарность П. П. Пекарскому.

[^^^]

Магазин общепользных знаний с присовокуплением модного журнала, часть II, Спб. 1795, стр. 271.

[^^^]

Известия Виз. Истор. III, 54, 55.

[^^^]

См. Отчет Императорской Археологической
Комиссии за 1864 г. Спб. 1865.

[^^^]

Коринф. XI, 10.

[^^^]

Тогдашние сорочки, верхние, соответствовали теперешнему платью в его специальном значении.

[^^^]

Примечания на Леклерка т. I, 437.

[^^^]

От вереть, врат, вирать, сплетать, плести: «ворворки враны серебром; петли серебряны, концы обвираны золотом». Срав. веревка, вервь, веретено, завереть лапти.

[^^^]

С. Г. Г. Т. I, № 21, 122.

[^^^]

С. Г. Г. Т. I, № 122.

[^^^]

"Убрусец (образной) тафта червчата, по концом и на челе низано жемчугом мелким и шито золотом». А. О. П. № 153.

[^^^]

И рече Ярослав дружине: знаменаитеся, пови-
вайте себе убрусы голову (1016 года). П. С. Р. Л.
III, стр. 1.

[^^^]

Паворозы тоже, что повор, поворцы — веревки, коими связывается на возах сено, дрова; а также переметины, плетеницы на стогах, служащие связкою стога. Слово, как и ворворка, от того же корня вереть, вирать, врать — плести, сплестать. У Даля: павороз, паворозень — задёржка у мешка, кошеля; вздевка, затяжка, завязка, обора, гачник (т. е. вообще снурок, коим стягивается что либо на петлях или на сборкахъ; могло обозначать и собственно оборку).

[^^^]

По объяснению Акад. Словаря, зборник головной женский убор, в простом народе употребляемым, состоящий из начельника и верхушки, спереди с сборами, а сзади стягивается шнурком». Он прямо называется также волосником. См. Шевырева поездку в Кирилл. Белоз. монастырь I, 132.

[^^^]

В областном словаре шамшура — холстинный чепец, носимый замужними женщинами под кокошником (Арх. Перм.); также (кокошник, повойник (Сибир.) Метляк — бабочка, мотылек (Перм.)"

[^^^]

Нет сомнения, что слово рясы одного значения с рясами, ресницами, т. е. в отношении какого либо убора, украшения оно обозначало вообще что либо сходное с бахромою, пряжами, кистями, махрами, также сборками, зубчиками и т. п. Южная песня, обращаясь к дубу, говорит: листья твои рясни; рясою в Тульской губ. называются семена березы; ряски — изодранное платье, отрепье, лохмотье, махры; он весь в рясках, ряска на ряске, говорят в Вологодской губ. Отсюда понятен и старинный способ низанья жемчугом врясную, рясою, ряскою, в отличие от низанья в одно зерно. В старинных кичных уборах рясами, как мы видели, назывались длинные жемчужные пряди, по всему вероятно в единичном смысле рясы, как только снизанной пряди, нити. В областном же быту значение этого слова распространено: Ряски значит 1) жемчуг или бусы, вынизанные на шелку и поставленные сборами. 2) Привеска жемчужная, пришиваемая к кокошнику у женщин и к венцу у девиц для украшения лба (Твер.),

или жемчужная решетка, сетка, пришиваемая к передней части кокошника или венца (Псков.), что в других местах и в допетровском уборе, как видели, называется поднизью. Наконец рясами зовутся жемчужные серьги и жемчужные их подвески (Арх. Вolog., — Областн. Словарь и Даля — Толковый Словарь).

[^^^]

Доп. А. И. I, № 131.

[^^^]

У царицы Евдокии Лук. описаны шапки: Шапка лисья горлотная. (135 г. марта 22, государь — взял сее шапку и отдал в свою г-ву Мастерскую Полату.) Шапка лисья черевья. (137 г. июня 14, царица была в своей государственной казне и та шапка отнесена за нею государынею ко государю в хоромы).

[^^^]

В другой описи при этом находится следующая отметка: 153 г. авг. 30 тот вершок к Овдотье Капитонове отнес подьячий Ивашка Взимков. Стало быть назначенный подарок отдан через три с половиною года и то, вероятно, по случаю смерти царицы Евдокии, 18 авг., а до того времени он лежал в казне царевны Ирины.

[^^^]

В Серебряной Палате состояли особые мастера переперщики, пелепещики, из которых в конце XVII ст. был известен Матвей Данилов, получавший в год окладу 7 руб. жалованья и кормовых по 6 денег на день. В 1661 г. переперщиком был Игнашка Фед. прозвищем Серебряник, которому дек. 16 дано делать 1000 серебряных пелепелков. В 1658 г. авг. 25 Грузинскому царю к карете употреблено пелепелков золоченых $3 \frac{1}{4}$ золотника, в покупке за золотник по 8 алт. 2 д.

[^^^]

История Медицины в России т. II, 169, 207.

[^^^]

Шидою или шитою, откуда ситец, называлась индейская бумажная набивная ткань. У нас именем шиды могли обозначаться и различные шелковые ткани, особенно тонкие тафты, но также всегда набивные, привозимые тоже из Индии.

[^^^]

Меха по мездре прокладывались ветошками:
153 г. июля 15 наплечный мастер купил на 8
алт. 2 д. ветошек рубашечных на царицыну
телогрею киндячную черную на черевей за-
ячий испод на настилку.

[^^^]

Описание г. Савваитова, стр. 113 и 172.

[^^^]

А. О. П № 148. В Описании старинных царских утварей г. Савvaitова отметка об этой переделке у первой шубки не упомянута, стр. 135; а у второй, стр. 136, передана не совсем точно, с обозначением: переделана платием, вместо — платном.

[^^^]

250

Обыкновенно из полотнища в $1 \frac{3}{4}$ и в $1 \frac{1}{2}$ арш. длины, в аршин или больше шириною, кроилось с угла на угол две вошвы косынками.

[^^^]

Временник Общ. Ист. и Др., кн. 25.

[^^^]

Срав. Описание г. Саввайтова, стр. 134.

[^^^]

Ичь — итык — внутрь — сапог, след. чулок,
см. Савваитова Описание стар. царских утварей,
стр. 178.

[^^^]

Упомянем, что в государевой казне 1645 года сохранялась, кажется еще старая сума в. к. Ивана Калиты. В кроильной книге (А. О. П. № 1158), апреля 19 записано: скроена сума камка индейская шолк голуб да вишневы, против старые сукны вел. кн. Ивана Даниловича Калиты.

[^^^]

В 1667 г. ноябр. 10, на кормовой и на хлебный дворцы в светлицы отпущено на полавочники, на покрывку лавок, две половинки сукна красного лятчины.

[^^^]

Татищев кн. 111, 329. Летопись не говорит об обучении детей рукоделью (Ип. 153); но прибавки нашего первого историка вполне вероятны, оправдываются всеми обстоятельствами и могли быть заимствованы из позднейших сказаний, которые обозначали подробнее то, что разумелось вообще в коротких словах летописца.

[^^^]

Арх. описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, соч. архим. Макария, ч. II, стр. 337.

[^^^]

Временник Общ. Истор. и Др. кн. 24, ст. 40.

[^^^]

Арх. опис. Церк. Древн. Новгорода, Арх. Мака-
рия II, 324.

[^^^]

Сольвычегодская старина, рукопись В. Попова.

[^^^]

Сравн. в Описании г. Саввайтова стр. 290.

[^^^]

Город Гурмыз был центром южной азиатской торговли; о нем Мавры говаривали: «аще бы свет был перстнем, Ормузд был бы его камнем». Там торгуют купцы всякого народу.

[^^^]

История о Невин. заточ. боярина Матвеева,
изд. 2, стр. 388.

[^^^]

Впоследствии слобода Семеновская с урочищем Введенские горы. В расходной книге царицыной мастерской палаты 152 г. между прочим записано: сент. 14, как окладывали церковь Введения Пречистые Богородицы в новой хамовной слободе и по приказу государыни царицы Евдокии Лук., идучи с окладу, нищим и всяким бедным людем дано милостыни 15 алт. 23. Ноября 17, как г. царица пошла в Рубцовский объезд и с. Москвы дорогою идучи и на освящение церкви Введения Пр. Богородицы нищим и всяким бедным людем милостыни 42 алт.

[^^^]

Супруга царя Василья Шуйского, нареченная царским именем Марья, а невестою Екатерина, Петровна, дочь князя И. И. Буйносова-Ростовского, потом вместе с несчастным мужем насильно постриженная в инокини с именем Елены, оставалась в Смутное время в Москве и принуждена была отдавать боярам подробный отчет в царских расходах своего супруга и собственных своих. Она пережила свое несчастье, пользовалась при царе Михаиле достойным почетом и скончалась в 1624 году.

[^^^]

Перепись писана столбцом на листках, у коих по клейкам на обороте скрепа: дияк Иван Федоров. При каждой статье или при каждом предмете с боку на поле находятся отметки: нет, есть, справитца и т. п., из коих наиболее любопытные мы указали в своих местах.

[^^^]